

АЛЕКСЕЕВ А.Н.

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ**

Из неопубликованных глав

Том 1

Санкт-Петербург

2012

Содержание томов 1 - 3 ¹

ТОМ 1

= Эскиз предисловия: Из истории написания книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Краткое пояснение к новому проекту.

Часть 1

1. ОПЫТ ИЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
2. ЧЕЛОВЕК, ЕГО РАБОТА И ЖИЗНЬ НА БАМЕ
3. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
4. СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР
5. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ или НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНО «ОБОБЩЕНИЕ» ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
6. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ

Часть 2

7. УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ: А. ШВЕЙЦЕР, А.А. УХТОМСКИЙ, А.А. ЛЮБИЦЕВ (триптих)

Часть 3

= Вместо предисловия к части 3: СУДИ СЕБЯ САМ (ауторефлексия 1991 г.)

8. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957–1963)
9. ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965)
10. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Массовая коммуникация. 1966-1975)
11. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Контент-анализ. 1970-1975)

¹ Настоящее оглавление является укрупненным и не отражает разделов и подразделов внутри глав. Детализированное содержание тома 1 см. ниже, а также – по главам - в начале всякой главы. - А. А. Июль 2012.

12. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976»)

13. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999)

14. РАЗНОЕ

= Приложение к тому 1: План-проспект рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001)

= Послесловие: Из автопрезентации тома 1

ТОМ 2

Без №. Автопрезентация тома 1

15. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ

16. СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ

17. КОРНИ И ВЕТВИ (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век)

18. КОРНИ И ВЕТВИ (Семейная хроника Зинаиды Вахарловской)

= Приложение

ТОМ 3

19. «НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ» И ЕГО СИНОНИМЫ

20. ЗАЩИТА НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТНИКА (Дискуссия через океан)

21. «ПУСТЬ ДОКАЖЕТ, ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НАДО!...» (история одного судебного процесса)

22. НАШ ЗАУРЯДНЫЙ / НЕЗАУРЯДНЫЙ СЛУЧАЙ (Дело Егора Новиковского)

23. ОЛЬГА НОВИКОВСКАЯ. ДРАМАТИЧЕСКОЕ МАТЕРИНСТВО

24. «ВАС СНИМАЕТ СКРЫТАЯ КАМЕРА ИСТОРИИ...» (2011-2012)

25. «СЕЗАМ, ОТВОРИСЬ!»

= Вместо заключения: продолжение следует?!

(Тома 2 и 3 пока в проекте; возможны изменения)

Содержание тома 1

= Эскиз предисловия: Из истории написания книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Краткое пояснение к новому проекту (с. 13)

ЧАСТЬ 1

Глава 1. ОПЫТ ИЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ (с. 19)

1.1. "Скажи мне, чем ты увлечен?.." (Человек и время)

1.2. Социальный опыт, общая направленность и динамизирующие силы личности (С. Минакова и А. Алексеев)

1.2.1. Доминанта как мировосприятие и поведение

1.2.2. О поведенческой и ценностной направленностях личности

1.2.3. Как вам живется... (тест на выявление поведенческой направленности личности)

1.2.4. Общая направленность личности и жизненные самооценки

1.2.5. Ради чего мы живем (тест на выявление ценностной направленности личности)

1.2.6. "Ради чего мы живем?": опыт применения методики

1.3. Что такое счастье

1.3.1. «Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)»

1.3.2. Счастье – дар, который сумели принять

Ремарки:

- «...Человек - творец времени...» (раздел 1.1); «Проблема с острым сюжетом...» (1.1); ...и еще раз – Ухтомский (1.2); Открываем Ухтомского (1.2.1); Идея витает в воздухе (1.2.1); Методика работает! (1.2.2); «В тяжести возрастает пальма!» (1.3.1); Совпадение независимо полученных результатов (1.3.1); Не «стать», а «быть» (1.3.2); Интегральное представление о счастье (1.3.2)

Глава 2. КОМУ НА БАМЕ ЖИТЬ ХОРОШО (с. 58)

2.1. Человек, его работа и жизнь на БАМе

2.2. Кому на БАМе жить хорошо

2.3. Личность строителя и социальная политика

2.3. Социологический портрет бригады строителей БАМ

Глава 3. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ (с. 82)

- 3.1. Образ жизни личности: динамическая модель
- 3.2. На подступах к социологии жизни ("социографические этюды" и "размышление о жизни")
- 3.3. «Жизненный процесс и типические социальные свойства личности»
- 3.4. «Массовая коммуникация и целостная личность (социологическое размышление)»
- 3.5. Образ жизни и жизненный процесс (автоаннотация "Материалов к докладу")

Глава 4. СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР (с. 111)

- 4.1. «Лицо театра – лицо зрителя»
- 4.2. «Театральный репертуар в зеркале социолого-театроведческой экспертизы»
- 4.3. Театральный репертуар – в движении
 - 4.3.1. Новые явления в театральной жизни Ленинграда
 - 4.3.2. На пороге перемен? Перемен в театральном Ленинграде не произошло, но ожидание их остается...
 - 4.3.3. 40 театральных премьер 1982 г.
- 4.4. «Ваше мнение о спектакле»
- 4.5. «Жизнь спектакля»
- 4.6. Ленинградские театры и молодежь (1974-1976)
 - 4.6.1. Жизнь театра в обществе и жизнь общества в театре
 - 4.6.2. Смотрясь в аудиторию, театр может увидеть себя
- 4.7. Зритель в театре ("Куда пойти" или "что посмотреть") (1977-1978)
- 4.8. Искусство и образ жизни

Ремарки:

- «...Управление культурой?» (раздел 4.2); Теории разного уровня (4.8);

Глава 5. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ, ИЛИ НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНО «ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ» ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ (с. 165)

- 5.1. 49 писем как одно (минуты жизни)
 - Приложение
 - = Аспирант «Алеша»
- 5.2. Анкета для моих любезных корреспондентов

5.3. Суд любимых (обратная связь)

5.4. "Чужие письма как чужие окна..."

Приложение. «Письма Любимым женщинам»:
предуведомление; пояснение к оглавлению
= Театр жизни и эпистолярное хулиганство
= Закодированный архив

Ремарки:

- «Благими намерениями вымощен ад...» (раздел 5.1); «Господин Журдэн говорил «прозой»...» (5.1); конец «эпистолярного хулиганства» (5.3); Нестандартный протокол (Прилож.).

Глава 6. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ (с. 193)

6.1. Диалог с Романом. 2000

6.2. Диалог с Романом. 12 лет спустя

Ремарки:

- «Пилигримы» и «пере-идентификация нашего / не нашего» (раздел 6.1); «Великие китежане» (А.А. Ухтомский и В.Н. Муравьев) (6.1); Диалог - это работа... (6.1)

ЧАСТЬ 2

Глава 7. УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ: А. ШВЕЙЦЕР, А.А. УХТОМСКИЙ, А.А. ЛЮБИЩЕВ (ТРИПТИХ) (с. 200)

7.1. Подвиг жизни во имя человечности и этическое учение Альберта Швейцера

7.1.1. Конспект биографии

7.1.2. Три принципа этики А. Швейцера: "благоговение перед жизнью", "человек - человеку" и "человек и природа"

7.1.3. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью

7.1.4. "Из моей жизни и мыслей"

7.1.5. Феномен Швейцера: своеволие, индивидуализм, рационализм, подвижничество

7.1.6. Швейцер А. Гуманность

7.1.7. Из книги В. Леви «Одинокий друг одиноких»

7.2. Монах в миру и естествоиспытатель, академик и потаенный епископ (?) Алексей Алексеевич Ухтомский

7.2.1. Уникальное явление в русской культуре

7.2.2. Из писем, записных книжек, заметок на полях книг

7.2.3. Драма и загадка жизни академика Ухтомского

7.2.4. "Будь что будет, а делай что надобно"

7.3. Интермедия: А.А. Ухтомский. В.Н. Муравьев. Схождения идей и ортогональность судеб

7.3.1. "Загадки жизни" Ухтомского – нет! (письмо "адвоката дьявола")

7.3.2. Трагедия создателя "философии времени" (В.Н.Муравьев)

7.4. Овладение временем. В.Н. Муравьев

7.5. Наука – Жизнь – Лицо. Эпистемология А.А. Ухтомского

7.6. Наш современник и человек на все времена Александр Александрович Любищев

7.6.1. Человек, смотрящийся в часы

7.6.2. Основные даты жизни и деятельности

7.6.3. Эта странная жизнь... Этот удивительный человек...

7.6.4. А.А. Любищев: "Мысли о многом"

7.6.5. Собеседники и соавторы А.А. Любищева

7.6.6. А.А. Любищев: масштаб личности и духовное наследие

7.6.7. Критический плюрализм А.А. Любищева

7.6.8. Дополнительные факты и соображения

7.6.9. В коридорах власти

7.6.10. Уроки мысли, жизни и общения

7.6.11. «Как стать личностью более благоустроенной, хотя бы в смысле использования собственной головы для себя...»

7.7. О целостности диалога и о преодолении бинаризма в ситуациях морального выбора (Р.Г. Баранцев)

7.7.1. «К целостности диалога»

7.7.2. «Преодоление бинаризма в ситуациях морального выбора»

Ремарки:

- Открываем Швейцера (раздел 7.1); Биография А.А. Ухтомского - общность и конфликт интерпретаций (7.2.1); Автобиография – необходимая и достаточная (7.2.1); В.Н. Муравьев и В.И. Вернадский (7.3.2); В.И. Вернадский и А.А. Ухтомский (7.3.2); "...причастные ко злу..." (7.3.2); «...способность воскрешения...» (7.4); Человек и время - учение Муравьева и эксперимент Любищева (7.4); Кем был Любищев (7.6.1); Учет, самоотчет и планирование (7.6.1); Любищев о своей системе жизни (7.6.3); Кто же здесь автор? (7.6.5); Читатели, собеседники, соавторы (7.6.5); Начало любийцевяны (1970-90-е гг.) (7.6.8); Мысль изреченная всегда неполна... (7.6.8); "Любительство" Любищева (7.6.10); Стиль Любищева (7.6.10); «Секреты» системы Любищева (7.6.11); «Такая добровольная каторга...» (7.6.11); Возможно ли воспроизведение опыта Любищева? (7.6.11); «Душеприказчики» А.А. Любищева (7.6.11); «Эта счастливая жизнь» (7.6.11); О тринитарной методологии (7.7); Еще о тринитарной методологии 7.7.2).

ЧАСТЬ 3

Вместо предисловия к части 3: Суди себя сам (ауторефлексия 1991 г.)
(с. 334)

Ремарки:

- «...откуда вышел и к чему пришел...»

Глава 8. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957-1963) (с. 338)

- 8.1. «Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник»
- 8.2. На заре туманной юности
 - 8.2.1. «Плакали ли вы в день смерти Сталина?»
 - 8.2.2. Комсомольцы – «хорошие» и «плохие»
- 8.3. Хорошие люди... (От "журналистского лубка" к "высокому штилю")
 - 8.3.1. Комсомольская путевка (Людмила Денисова, электросварщица с "Куйбышевгидростроя")
 - 8.3.2. «Обыкновенный подвиг» (Павел Тюнев, бригадир электриков с Волховского алюминиевого)
 - 8.3.3. «Продолжение легенды» (Нина Черкесова, ткачиха с фабрики "Ленсукно")
- 8.4. В борьбе с "отдельными недостатками" (критический пафос)
 - 8.4.1. "Мертвые души" – живые души!
 - 8.4.2. "По-революционному!"
 - 8.4.3. «Человек в беде»
- 8.5. «Комсомольский поход за кукурузу»
- 8.6. "Странный парень" (Мой друг Гурий Забелкин)
- 8.7. Бригады коммунистического труда
 - 8.7.1. "Слава коммунистическому труду!"
 - 8.7.2. В борьбе за звание коммунистической бригады ("Ленполиграфмаш")
 - 8.7.3. Апофеоз коллективизма (Ленинградский металлический завод)
 - 8.7.4. Энтузиасты семилетки ("Русский дизель")
 - 8.7.5. Коммунистическая сознательность рабочих (Сталепрокатный завод)
 - 8.7.6. "А все-таки каким будет коммунизм?»
- 8.8. «Вкус собственной правоты» (английский дневник. 1961)
- 8.9. «А влюбленные сидели рядом и... читали проект программы партии
- 8.10. С открытым забралом – против "общественных пороков"
 - 8.10.1. "Не личная драма"
 - 8.10.2. "Приглашение на суд"
 - 8.10.3. "Слушается дело о бюрократизме"
 - 8.10.4. Размышление о критике и ее результатах

Ремарки:

- Документальное свидетельство (раздел 8.2.1); Первая попытка ауторефлексии (8.2.1); Быть комсомольцем не "на словах", а "на деле" (8.2.2); «...написал бы поэму...» (8.3); «Разрешенные» объекты критики (8.4); «На гребне волны...» (8.7.3); Продолжение следует (8.7.3); От бригад – к цехам и заводам коммунистического труда (8.7.6); «Это - ТЫ. Это - Я. Это - МЫ...» (8.8); Крутой жизненный поворот. Первое «хождение в рабочие» (8.9); «...формализм в движении за коммунистическое отношение к труду...» (8.10.1); В поисках «подсудимого» (8.10.2); «Сохраняя коммунистическую убежденность, не страшись клеймить коммунистического идола...» (8.10.4)

Глава 9. ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965) (с. 400)

9.1. В поисках выхода из "узаконенного тупика"

9.2. Прыжок из тигелька в печь

9.2.1. «Буря вокруг стеклянной колбы»

9.2.2. «Силикаты высвобождаются из пут (по следам выступлений газеты)»

9.3. «Экзамен на гражданственность (по поводу споров в биологической науке)»

9.4. «От людей не спрячешься...»

9.5. Неудобный член редколлегии

Глава 10. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Массовая коммуникация. 1966-1975) (с. 424)

10.1. «Социологическое крещение». Новосибирский академгородок

10.2. «Действенность критики в периодической печати (опыт социального исследования)»

10.3. Изучение прессы в целях изучения общества

10.4. «В.И. Ленин - исследователь рабочей печати (статьи о «Правде» 1912-1914 гг. и проблемы конкретно-социологического исследования прессы)»

10.5. «Метод Жака Кейзера»

10.6. Странное "седло" в графике неудовлетворенности массовой коммуникацией

10.7. «Язык народа, обращенный им к самому себе...»

10.7.1. «К вопросу о предмете социологии печати»

10.7.2. Некоторые требования к модели социального процесса

10.7.3. Массовая коммуникация: опыт построения социологической модели

10.7.4. Массовая коммуникация - язык общества, обращенный им к самому себе

10.7.5. «Все здание теории... оказывается без марксистского фундамента»

10.8. «Социология стучится в двери редакций»

10.8.1. «Социологические беседы»

10.8.2. «Социальный эксперимент в районной газете»

Ремарки:

- Пути социолога (раздел 10.1); Невыполнение партийного требования как социальная норма (раздел 10.2); Кого больше поддерживали рабочие в начале века - большевиков или меньшевиков? (10.4); Без идеологических заклинаний никак нельзя (10.6); Кто думает, а кто чувствует (10.6); Конфронтация с «журналистской наукой» (10.7.1); На что намекает? (10.7.3); Какова массовая коммуникация, таково и общество (10.7.4); В чем различие буржуазной и социалистической массовой коммуникации? (10.7.4); Социология под прессом идеологической цензуры (10.7.4); Что было потом (10.7.5); Редактор районной газеты – социальный экспериментатор (10.8.2)

**Глава 11. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Контент-анализ. 1966-1975)
(с. 468)**

11.1. Что такое контент-анализ?

11.2. «Контент-анализ: техника или методология?»

11.3. «Контент-анализ: его задачи, объекты и средства»

11.4. Советская общественная наука в зеркале наукометрического анализа

11.4.1. «Дерево» советской социологии (генезис и темпы роста, 1960-е гг.)

11.4.2. Частотный словарь языка названий советских диссертаций по философии (1955-1970)

Ремарки:

Оглавление сборника материалов первого советского семинара по проблемам контент-анализа (раздел 11.1); многотомное, продолжающееся издание как зеркало смены общественного климата (11.3); Информационный банк названий диссертаций – возможности использования (11.4.2); Идеологические ритуалы и социологические ереси (11.4.2)

Глава 12. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976») (с. 505)

12.1. «Человек и его работа. 1976»

12.2. «Официальная» общественная активность советских рабочих

12.3. «Жить и работать по-коммунистически». Двадцать лет спустя

12.3.1. Социалистическое соревнование: «нормативы» массовости и «нормативы» формализма

12.3.2. К 50-летию «Великого почина» (рецензия на текст «доклада, зачитанного членом политбюро»)

12.4. «Экспериментальная социология» в русле «Человека и его работы»

Ремарки:

- Возвращение на круги своя, по спирали (раздел 12.3); Интрига в коридорах Смольного (12.3.2); Наблюдающее участие как способ исследования и способ жизни (12.4)

Глава 13. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999) (с. 533)

13.1. «Общественное движение: субъект, деятельность, организация»

13.2. «Новая пресса как продукт и фактор общественных движений»

13.3. «Союз коня и трепетной лани» (газета "Рейтинг")

13.4. «Россия на изломе» (Срез времени на 45 квадратных метрах)

13.5. Информация о Санкт-петербургском архиве-коллекции

13.6. «Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии»

13.7. «Новая российская газетная пресса: типологическая структура и ее изменения (1988-1997 гг.)»

Ремарки:

- «Алексеевский архив» (раздел 13.5)

Глава 14. РАЗНОЕ (с. 571)

14.1. «Все мы родом из детства...»

14.2. Хюбнер представляет

14.3. «Из опыта исследования социальной ситуации урбанизированного села на Ровенщине (прогностический аспект)

14.4. «Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность»

14.5. Секретарь партийного бюро академического института

14.5.1. ИСЭП: научно-организационный эксперимент

14.5.2. Проект ЦК КПСС к партийному съезду и научная концепция нового института

14.5.3. «Историческое» заседание партийного бюро

14.5.4. «К этому письму обязывает партийный долг...»

14.6. «Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города»

14.7. Социальные проблемы в отражении массового сознания

14.8. «Работа в бригаде: плюсы, минусы, проблемы»

- 14.9. "Бригады без бригадиров" и "бригадиры без бригад"
- 14.10. Самоанализ "по Кэтеллу"
- 14.11. Неопубликованный фрагмент биографического интервью
- 14.12. 30 лет «в строю» (мое членство в КПСС)
- 14.13. Социолог-рабочий и КГБ
- 14.14. «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...» (вместо заключения к тому 1)

Ремарки:

- *Профессиональная биография – взгляд «снаружи» и «изнутри» (раздел 14.1); Самокритикой движутся вперед и Наука, и Личность (14.1); Образ жизни как способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности (14.3); В чем «провинился» Ядов? (14.4.3); По следам наших выступлений (14.4.3); Хотел подковать черта? (14.4.4); Структуризация общественных проблем (14.6); Период «акме» (14.8).*

Приложение. ПЛАН-ПРОСПЕКТ РУКОПИСИ «ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ» (1999-2001)
(с. 634)

А. Из предисловия к рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.)

Б. Укрупненное оглавление 3-х томов (6-книжия) рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.)

В. Детализированное оглавление тома 1 рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001)

Г. Укрупненное оглавление книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005

Послесловие. ИЗ АВТОПРЕЗЕНТАЦИИ ТОМА 1 (с. 661)

Эскиз предисловия

Из истории написания и издания книги «Драматическая социология и социологическая авторефлексия». Краткое пояснение к новому проекту

Самый первый опыт подготовки рукописи, посвященной «эксперименту социолога-рабочего» и смежным сюжетам, относится к 1989-1990 гг. Собственно, с этого начиналась работа автора этих строк в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР, образовавшегося в августе 1989 г. Автор тогда вернулся к штатной работе в академическом научном учреждении после почти 9-летнего пребывания на заводе в качестве слесаря механосборочных работ и т. п.²

Рукопись являла собой слабо упорядоченное собрание никак не откомментированных «полевых» документов case-study (дневников, писем, отчетов). Вошла в нее и статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)», являвшая собой сокращенный вариант работы еще 1983 г, опубликованной однако только в 1989-м (сборник «Новое политическое мышление в процессе демократизации». М.: Наука, 1989).

Та рукопись называлась «Познание через действие». Она не удовлетворяла автора настолько, что он не сумел написать предисловие и попросил об этом В.А. Ядова, Что тот и выполнил, впоследствии использовав этот текст в качестве рецензии на появившуюся несколько лет спустя книгу.

Рукопись довольно долго лежала в редакционно-издательском отделе Института социологии РАН. Ее издание откладывалось по разным причинам. Чем автор воспользовался для ее существенной переработки, а по существу для подготовки новой рукописи, хоть и воспроизводящей общий замысел и композицию первой, однако содержащей уже отчасти отрефлексированный свод «человеческих документов» и рабочих материалов проведенного изыскания.

Это произведение в конце концов увидело свет, под названием «Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» в 1997 г.³

Одновременно (чуть раньше, чуть позже) отдельные фрагменты этой книги. публиковались в виде брошюры «Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие)» (СПб: СПб филиал Института социологии РАН, 1997), а также в журналах «Мир России» (1998, № 1/2) и «Звезда» (1998, № 10).

Книга «Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» была посвящена в основном (хотя и не исключительно) производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» и лишь вскользь затрагивала тему политического «дела» в отношении «социолога-испытателя», развернувшегося в середине 1980-х гг., а также общественно-политический, социальный, научно-профессиональный контексты всех этих событий.

² Был еще между заводом и институтом годичный (июль 1988 – октябрь 1989) период работы автора в Ленинградской Высшей профсоюзной школы культуры.

³ Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» Кн. 1-2. М. СПбФ Института социологии РАН, 1997. - 658 с. Структура книги:

Предисловие. К вопросу о "нормальной" и "ненормальной" социологии. 1996; Часть 1-я. "Ожидаете ли Вы перемен?". 1978-1980; Часть 2-я. Театр жизни на заводских подмостках. 1980-1981; Часть 3-я. Социология, театр, политика. 1981-1983; Часть 4-я. Включенное наблюдение. Наблюдающее участие. 1982; Часть 5-я. Образ жизни и жизненный процесс. 1981-1983; Часть 6-я. Человек в системе реальных производственных отношений. 1983-1985. Часть 7-я. Хозяйственный механизм глазами рабочего. 1985-1986; Часть 8-я. Люди и социальные институты. 1983-1987; Часть 9-я. "Перемен не надо ждать. Их надо делать!". 1985-1988; Часть 10-я. Версии (Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения). 1982-1996; Вместо эпилога: Гражданская защита..

Практически сразу после выхода книги в свет автор приступил к подготовке второго, дополненного издания, что вскоре превратилось в совершенно новое произведение (впрочем, включавшее в себя первое).

Новая рукопись пополнилась широким кругом новых материалов и источников, а по размерам превысила «Драматическую социологию» 1997 г. в несколько раз.

В итоге возник объемный (примерно на 3,5 тыс. компьютерных страниц) труд под названием «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» с многосложной структурой: в 3-х томах, причем первый том – из 2-х частей, каждая из которых - из двух книжек, по объему равных любому из томов 2 и 3.

Приведу здесь эту структуру (версия 1999-2001 гг.):

А. Алексеев

Драматическая социология и социологическая ауторефлексия⁴

Том 1. Выход из мертвой зоны (главы 1-7)

Часть 1. Приключения социолога-наладчика

Книжка 1. В поисках жанра

Книжка 2. Контрапункты

Часть 2. Седьмая глава

Книжка 3. Контекст

Книжка 4. Нерепрезентативная выборка

Том 2. Полигон (главы 8-16)

Том 3. Суди себя сам (главы 17-24)⁵

Сейчас оставим в стороне и циклопичность этого «сооружения», и диспропорцию (несоразмерность) его частей, да и многие другие изъяны указанной рукописи, впрочем, относительно завершенной и являвшей собой развернутый черновик будущих изданий.⁶

Далее, была предпринята попытка пилотного издания одной, а именно - 6-й главы, входившей в книжку 1 тома 1 («Контрапункты»). Эта глава называлась: «Год Оруэлла». Именно под таким названием она была издана в 2001 году (СПб.: Ступени, 2001.), в виде отдельной книги.⁷

(Следует оговорить, что тиражи всех этих изданий – и 1997 г., и 2001 г. – были мизерные: несколько сотен экз.).

Что касается всех частей и разделов книги, то было ясно, что издание рукописи такого объема немислимо. Обратившись в Фонд фундаментальных исследований за финансовой поддержкой, автор эту поддержку получил, последовательно - в 2002 и в 2005

⁴ Вариантом названия, от которого автор впоследствии отказался, было: «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия».

⁵ Детализированное оглавление указанной рукописи см. в Приложении к тому 1.

⁶ Рукопись была набрана еще в формате старинного Лексикона. Впоследствии понадобилось конвертировать ее в Windows и Ворд.

⁷ Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб: Ступени, 2001. - 498 с. Из аннотации к этому изданию:

«Как известно, знаменитый роман-антиутопия английского писателя Дж. Оруэлла, назывался «1984». Именно к 1984-му году относятся ключевые события «дела» социолога-испытателя, описываемые здесь.

Автор — социолог, поставивший себя в положение рабочего одного из ленинградских заводов. Проведенное им экспериментальное исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» (1980-1988) получило освещение в ранее вышедшей книге: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Настоящая книга посвящена связанному с этим экспериментом политическому «делу». В качестве приложений в публикацию включены также некоторые работы автора последних лет...».

гг. Итогом двух издательских проектов РФФИ явился выход в свет 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (СПб.: Норма, 2003-2005). Однако все 4 тома вместили в себя едва ли половину материалов первоначальной рукописи 1999-2001 гг. (впрочем, вошло в них и многое, чего в этой ранней версии не было).⁸

Значительная часть материалов, поначалу предназначавшихся автором для включения в книгу, осталась «за бортом». В основном - по технологическим и финансовым соображениям. Да и о читателе стоило подумать: все это «многокнижие» было явно неподъемно для нормального читательского восприятия.

Разумеется, вынужденный отказ от некоторых сюжетов (или от поворотов единого сюжета) потребовал ряда структурных изменений (по сравнению с исходной рукописью), и это было тогда предпринято – ради обеспечения целостности опубликованного произведения.

Прошло еще 7 лет. Не вставившиеся в 4-томную «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» главы лежали втуне. Некоторые тексты удалось разместить в Интернете⁹, некоторые публиковались ранее, но в сборниках, ставших библиографической редкостью. А кое-что и вообще оставалось в «дальнем архиве». Пока автор не стал приводить в порядок этот свой, поначалу – только электронный, архив и не убедился, что многое из того, от чего тогда пришлось отказаться, и сегодня не устарело и, будучи поставлено в актуальный контекст, может представить интерес для современного профессионального или даже массового читателя.

Так возник новый проект. И название придумалось: **«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав».**

Лучшим способом упорядочения материала оказалось не механическое извлечение из первоначальной рукописи неопубликованных кусков, а их тематическая и хронологическая группировка и выстраивание в новой логике, результаты чего отражены в вышеприведенном укрупненном оглавлении.

Само по себе это оглавление достаточно компактно и прозрачно, так что воздержусь от комментирования порядка и содержания отдельных глав. Замечу лишь, что можно говорить о своего рода «продолжении» известного 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», наращивания его еще двумя томами (1 и 2), вобравшими в себя все не вошедшие туда главы и разделы рукописи 1999-2001 гг.¹⁰

При этом сохраняются: подача, «дизайн», вся стилистика «Драматической социологии...». Это по-прежнему документы - личные, деловые, научные, иногда первопубликации, иногда публиковавшиеся ранее, но в других контекстах, более или менее скупо комментируемые («От автора - сегодня», «вкратце», «справка», «ремарка»...). По-прежнему композиция (что после чего и в каком сочетании) несет максимальную смысловую нагрузку, приглашая читателя к собственным интерпретациям.

Том 1 настоящего 3-томника состоит из трех частей. Первая включает главы, являющие собой относительно автономные социологические сюжеты, извлеченные из рукописи 1999-2001 гг. (Личность; БАМ; Театр; Письма; и др.). Вторая часть объемлет одну главу – триптих, посвященный А. Швейцеру, А.А. Ухтомскому и А.А. Любичеву. Третья предъясвляет ретроспективу профессиональной биографии автора за 50 с лишним лет – сначала журналиста, а потом социолога.

⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. В дальнейшем будут использоваться сокращенные обозначения: ДСиСА – 1; ДСиСА – 2; ДСиСА – 3; ДСиСА – 4. Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

⁹ В частности, на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>)

¹⁰ О томе 3 скажем отдельно, ниже.

Том 2 включает тексты, так или иначе презентующие коллег и друзей автора - «заслуженных им» собеседников (если воспользоваться терминологией А. Ухтомского). В основном они извлечены из той части рукописи 1999-2001 гг., которая называлась «Седьмая глава» (мотивы и принципы формирования этой своеобразной антологии пояснены в специальном тексте, предвещающем эту главу). В этот же том вошли две семейных хроники – автора и его супруги – Зинаиды Вахарловской.

Сейчас в томах 1 и 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии, Из неопубликованных глав» представлены практически ВСЕ материалы первоначальной версии 1999-2001 гг., не вошедшие в издание 2003-2005 гг. Однако они по-новому скомпонованы и аранжированы. Кое-что добавлено, но не так уж много. И факт позднейшей «добавки» всюду оговорен.¹¹

Как правило, новое издание не содержит текстов, фигурировавших ранее в томах 1-4 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Однако иногда, в интересах целостности восприятия сюжета соответствующей главы, автор разрешал себе эпизодические повторы. (Во всех случаях это специально оговорено).

Особняком в этом ряду стоит том 3. В него включены материалы, попросту еще не существовавшие к началу 2000-х гг., т. е. тексты последнего десятилетия. Тем самым устанавливается своего рода «мост» - между вчера и сегодня. Между «драматической социологией» прошлого века и не менее драматичной современностью.

Все более подробные пояснения к структуре и содержанию «дополнительных» 3-х томов «Драматической социологии...» будут даны в своем месте, позже.

Теперь о перспективе издания настоящего 3-томника. В свое время автор не слишком задумывался, как он будет издавать свою гигантскую рукопись, но он ее готовил, «как Бог на душу положит», и вроде не ошибся. Пусть не полностью, и изрядно перекроенная, она увидела свет.

Тем более, автор, в 2003-2005 гг., не мог предполагать, что пять лет спустя окажется написан, на совершенно новом материале, и даже издан (я бы сказал: «методом народной стройки», при поддержке друзей и соавторов) наш с Романом Ленчовским 4-томник «Профессия – социолог...».¹² Тоже, кстати сказать, своего рода продолжение «Драматической социологии...». Ну, если угодно, ствол «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» раздвоился: одна крупная ветвь – «Профессия – социолог...», другая – нынешнее «Из неопубликованных глав...».

И все-таки, каковы шансы на издание этих трех томов? В «бумажном» виде – эти шансы крайне малы, разве что когда-нибудь, далеко потом... Но сегодня, в век Интернета и электронных изданий, так ли уж нужно бумажное издание?

Автор в свое время позаботился о том, чтобы электронные версии pdf как «Драматической социологии...» 2003-2005 гг., так и «Профессии – социолог...» 2010 г. в удобном для обозрения и копирования виде были размещены на достаточно широко известных и посещаемых сайтах (порталах).¹³ Так же и «Драматическая социология и

¹¹ И так, то, что «не вмещалось» в издание «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» 2003-2005 гг. (будь то по соображениям места, будь то по соображениям «уместности» в тогдашнем издании), как бы «вылежавшись» или «отстоявшись», пошло в дело. Получилось своего рода «безотходное производство».

¹² Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010. В дальнейшем будут использоваться сокращенные обозначения: П-С – 1; П-С – 2; П-С – 3; П-С – 4.

¹³ «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» - на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> . См. также на сайте Киевского международного института социологии: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>.

«Профессия – социолог...» - на сайте «Международная биографическая инициатива»: Том 1 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_1.pdf ; Том 2 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf; Том 3 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_3.pdf ; Том 4 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_4.pdf .

социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав» будет доступна заинтересованному читателю через интернет. Конечно, электронные версии тоже не вечны. Но если рукописи «не горят», то и сетевые публикации сохраняются, хотя бы за счет скачивания и мультимедиа.

Стало быть, надо лишь постараться, чтобы конечный продукт был качественным и хорошо упакован. Чем и занимался автор этих строк в последнее время, готовя к электронному изданию предлагаемые вниманию читателя тома.

Еще несколько слов – специально о томе 1 «...из неопубликованных глав». Уже сформировав его, автор понял, что это своего рода жизненный отчет, вмещающий в себя труды (извлечения из трудов) за целую жизнь.¹⁴ Что ж, когда тебе уже 78 лет, такой шаг со стороны автора естественен. Вопрос, по каким принципам (правилам) сложена эта композиция?

Один возможный принцип назовем: ИЗБРАННОЕ. Это значит – попытка отобрать наиболее ценное, лучшее, как сегодня это видится автору. Другой принцип назовем РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ. Это значит, что автор отбирает наиболее характерное, представляющее разные периоды его профессионального творчества, как бы он сегодня к этим периодам или произведениям ни относился.

Итак: лучшее или репрезентативное? Ауторефлексивным целям автора этих строк отвечает второй путь. При этом автор ставит себя как бы в «невыгодную» позицию: он предъявляет себя не только достижениями, но и ошибками, не только открытиями, но и банальностями. С другой стороны, он: а) получает возможность выявить и показать логику персонального развития («откуда вышел и куда пришел»); б) реалистично отобразить зависимость своего профессионального творчества (журналистика, затем социология) от «духа времени» и того, что К. Маркс выразительно называл «господствующими мыслями эпохи».

Спрашивается, насколько удачен такой авторский выбор с точки зрения читателя? Думаю, что общую логику этого самокритичного обзора читатель ухватит без труда. Но так ли уж ему нужны все доказательства и свидетельства авторской наивности и / или конъюнктурности в минувшие годы? Ну, что ему не неинтересно, читатель может и пропустить. Или, наоборот, выбрать то, что ему покажется интересным. (Это ведь не сюжетный роман, хоть и есть здесь интрига).

Младший читатель расширит свой исторический кругозор: таким оно было – профессиональное творчество его нынешних учителей (ну, может, не всех, но большинства), в советское время. Читатель постарше, не говоря уж о ровеснике, сможет сравнить – автора с собой, на разных этапах жизни, в то же советское время.

При всем при том, настоящий труд может рассматриваться и как САМОотчет, т. е. отчет перед самим собой: СУДИ СЕБЯ САМ. На глазах у читателя.

Автор признателен Б. Докторову, Р. Ленчовскому и З. Вахарловской, чьи советы при подготовке данной публикации ему оченьгодились.

А. Алексеев. Июль-август 2012.

Пользуюсь случаем высказать в этой связи слова благодарности: Е. Григорьевой, Б. Докторову, Р. Ленчовскому, В. Паниотто, В. Хмелько, Д. Шалину, Ф. Шереги.

¹⁴ За исключением материалов экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубежа 1970-х – 80-х гг.) и работ, относящихся к «эксперименту социолога-рабочего (1980-х гг.). То и другое составляет основное содержание 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

Дорогой <...>!

Я тут затеял ревизию жесткого диска своего компьютера. Чем немало развлекся, а также пополнил известную Тебе ВЕБ-пещеру.¹⁵ Кстати, далеко не понадобилось ходить.

Достаточно было приоткрыть версию «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» 1999–2001 гг. Она тогда была сработана «по максимуму». В 4-томник 2003–2005 гг. из нее вместились едва ли больше половины.

Остальное пошло «в отвал».

Вот из этих «терриконов» я и навывкапывал новую серию, для которой придумалось и название: «Из неопубликованных глав книги «Драматическая социология...»». В серии этой несколько выпусков. Твоему вниманию ненавязчиво предлагается выпуск 1.¹⁶ Сам(а) разберешься (не к спеху), что к чему. Там есть вещи Тебе знакомые и совсем не известные.

Разумеется, раскопки, инвентаризация и компоновка – тоже труд, и не без творчества. Сколько можно разбрасывать камни... Пора их, наконец, и собирать. Вот, делюсь коллекцией разноцветных камушков.

Это – пожалуй, самая узкая из моих рассылок. Кроме Тебя послано: <...>

Ограничений на пересылки и ознакомление с этими материалами других лиц, буде возникнет такое желание, не накладываю.

Андр. Ал. 5.06.2012.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

В отличие от «бумажных» книжных даров (для которых может и не найтись места на книжной полке одариваемого), и дарить, и получать в дар книги в электронном формате не так обременительно. А чтобы не возникло ситуации «демяновой ухи», отправитель предупреждает, что его послание претендует, разве что, на ознакомление адресата с сокращенным оглавлением и предисловием новой книги, которая под скрепкой.

Поняв из такого рода афиши, «от какой шубы этот рукав», какую цель ставил перед собой автор самодеятельного электронного издания «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1» (уж достиг ли цели – другой вопрос), адресат сам решит, как с этим поступить

Ваш – Андрей Алексеев. Август 2012

+++

¹⁵ Имеется в виду размещение файлов на «Яндекс.Народ.ру» держателем почтового ящика на Яндексе. Доступ к этим файлам обеспечивается через сетевые ссылки, однако они остаются вне досягаемости для поисковых систем. Для длительного сохранения этих файлов требуется периодическое продление срока хранения.

¹⁶ Указанный «выпуск 1» «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»» включал в себя материалы глав 1, 4 и 5 настоящего тома.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

ОПЫТ ИЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Содержание

- 1.1. "Скажи мне, чем ты увлечен?.." (Человек и время)
- 1.2. Социальный опыт, общая направленность и динамизирующие силы личности (С. Минакова и А. Алексеев)
 - 1.2.1. Доминанта как мировосприятие и поведение
 - 1.2.2. О поведенческой и ценностной направленностях личности
 - 1.2.3. Как вам живется... (тест на выявление поведенческой направленности личности)
 - 1.2.4. Общая направленность личности и жизненные самооценки
 - 1.2.5. Ради чего мы живем (тест на выявление ценностной направленности личности)
 - 1.2.6. "Ради чего мы живем?": опыт применения методики
- 1.3. Что такое счастье
 - 1.3.1. «Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)»
 - 1.3.2. Счастье – дар, который сумели принять

Ремарки:

«...Человек - творец времени...» (раздел 1.1); «Проблема с острым сюжетом...» (1.1); ...и еще раз – Ухтомский (1.2); Открываем Ухтомского (1.2.1); Идея витает в воздухе (1.2.1); Методика работает! (1.2.2); «В тяжести возрастает пальма!» (1.3.1); Совпадение независимо полученных результатов (1.3.1); Интегральное представление о счастье (1.3.2)

Предуведомление

В первоначальной рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.) был достаточно широко представлен опыт авторских изысканий в области социологии личности, являющийся плодом творческого сотрудничества со Светланой Федоровной Минаковой, особенно активного во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг.

С. Минакова – автор концепции общей (поведенческой) направленности личности и закономерностей перехода от одной направленности к другой в процессе жизни - и А. Алексеев, разрабатывавший в то время динамический подход к исследованию образа

жизни и концепцию жизненного пути как смены способов жизни, объединили свои усилия в данной предметной области. Наряду с теоретическими штудиями, ими был совместно разработан и опробован ряд методик – тестов на выявление поведенческой и ценностной направленностей личности.

В издание книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003-2005) все эти материалы не вошли, за исключением реферата доклада А. Алексеева «Структура жизнедеятельности, жизненный процесс, динамика жизнеощущения личности на Круглом столе «Жизненный путь личности» (Киев, сентябрь 1981 г.), выполненного Р. Ленчовским, а также текста статьи А. Алексеева и С. Минаковой «Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)», опубликованной ранее в журнале «Нева» (1982, № 3).¹⁷

Полагая эти материалы достаточно интересными и заслуживающими внимания современного читателя, автор собрал их вместе (собственно и «собирать» не понадобилось: они были достаточно «кучно» расположены в основном в главе 5 указанной первоначальной версии книги «Драматическая социология...»)¹⁸ и ныне предлагает их на суд коллег.

Андр. Алексеев. Июнь 2012

1.1. «СКАЖИ МНЕ, ЧЕМ ТЫ УВЛЕЧЕН?..» (ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ)

[Ниже - статья, написанная в соавторстве с С. Минаковой и опубликованная, под названием «Скажи мне, чем ты увлечен?..» (проблема с острым сюжетом)], в журнале: Литературное обозрение (1980, № 9). Здесь публикуется в сокращении. - А. А.]

Человек читающий и время - попытаемся уточнить некоторые конфликтные ситуации, скрытые за скромным соединительным словом «и».

Во-первых, многие озабочены тем, что не успевают читать столько, сколько бы им хотелось. Почему? На этот счет имеется богатая палитра оправданий-клише, мало отличающихся от заклинаний: «текучка», «постоянная спешка». Вспоминают при этом «информационный взрыв», ссылаются на «стремительно возросшие темпы жизни».

Удастся ли людям преодолеть эти перенапряжения или самим Временем они обречены читать все меньше, от случая к случаю, урывками, стоя в автобусе, на эскалаторе метро, в очереди в столовой самообслуживания?

Во-вторых, способствует ли наше нынешнее бытие совершенствованию читательского выбора или деловой ритм эпохи НТР так и не позволит большинству читателей вникнуть, углубиться, припасть к литературе как источнику духовного обогащения и вдохновения, а само чтение может окончательно превратиться в пассивный отдых - способ развлечения, который дает возможность без труда получить некую информацию?

Вызывает также беспокойство, что некоторые люди, ограничивая досуг телезрелищами, прослушиванием пленок и дисков, не читают вовсе. Выживет ли в этой ситуации Читатель как таковой или Молох времени сотрет этого страдальца жерновами «растущих скоростей» и «технологического отдыха»?

Обычно дальнейшее обсуждение проблемы чтения складывается следующим образом: все, кто пока еще читает, а заодно и те, кто уже почти не читает, не говоря уж о тех, кто не читает совсем (но, конечно, читал бы, если бы не «окаянное время!»), удобно располагаются на местах для пострадавших.

¹⁷ См. ДСиСА – 1, разделы 6.2 и 6.4.1.

¹⁸ См. Приложение к настоящему тому.

Источник всех бед?

Социологи и психологи, писатели и читатели, умудренные жизнью пенсионеры и юноши, обдумывающие житье, - все обращают указующий перст на Время.

Это оно утомляет, выматывает на работе, втискивает в автотранспорт, заставляет стоять в очереди, повышает потребность в разрядке. Это время ограничивает для нас возможности активного самопроявления, не давая соединиться с мудрой Книгой, усаживая на целый вечер перед телевизором, заставляя часами бездумно раскачиваться в такт «машинным мелодиям».

Довольно суровой оказывается критика. Например, одни социологи говорят: плохо, что времени мало, особенно свободного, - человек просто не в состоянии взяться на досуге за что-либо значительное.

Другие считают: плохо, что времени много, особенно свободного, - именно его избыток может стать даже «криминогенным фактором» - источником правонарушений. Скажем, печальный опыт молодых людей, отбывающих наказание в колониях, свидетельствует: до осуждения они располагали избытком свободного времени и не знали, как его убить.

Тот же фактор оказывает неблагоприятное влияние и на некоторых отцов семейств - тех, которые освобождены от домашних дел. По мнению некоторых социологов, эта степень их «раскрепощенности» может даже служить относительным показателем уровня пьянства.

Какая разноголосица мнений! «Раскритикованное» со всех сторон время уже просто не в состоянии угодить каждому. Но виновато ли оно? Правомерно ли видеть в нем такого многоликого злодея, если Время вовсе не субъект деятельности?

Кто в конце концов творит время? Не является ли время временной структурой нашей собственной повседневной деятельности? Не являются ли многие его «грехи» и «недостатки» нашими собственными грехами и недостатками? Не лучше ли обратиться к самокритике вместо того, чтобы пытаться вызвать сострадание и жалость, выступая лишь в качестве пострадавших от недостатка времени, от избытка времени, от диктата времени?

Этот изменчивый лик...

Что есть время? Десятки раз в различных аудиториях с помощью экспресс-анкет задавался нами этот вопрос.

Привычное, ставшее ныне обыденным понятие времени ежедневно, ежечасно, ежеминутно употребляемое всуе и в суете, казалось бы, стершееся в этом своем массовом употреблении, именно при массовом опросе неожиданно явило свои особенности - многоликость, многогранность, многозначность, а также головокружительную глубину.

Время, которое заставляет нас вздрагивать при виде быстро вращающихся стрелок на циферблате, и время, которое мы «прожигаем»; время, которое «пропускаем через себя», и время, которое творим; нас ограничивающее и торопящее, заставляющее «наверстывать упущенное» и мучиться в часы тоскливых ожиданий и бесполезных дел. Свободное или творческое время и время функциональной суеты - «текучка».

Время-эпоха, которое предписывает нам отношения, рисунок поведения, потребности, идеалы, цели, образ мыслей и способы выражения чувств. Время-деньги, то есть отчужденное время, и противоположное - время, которое и есть само Богатство.

Время как шкала для измерения скорости сменяющихся друг друга событий, как экономическая категория. Субстанциональное время и время релятивистское. Абсолютное и относительное. Объективное и субъективное. Социальное, идеологическое, психологическое (перцептивное) и индивидуальное время. Наконец, время Жизни и время Бытия. Вот далеко не полный перечень того, чем может быть, чем является эта сменяющаяся, неодолимая и приручаемая, беспощадная и благотворная стихия - этот

вихрь, это стоячее болото, шквал и тихая заводь, это мгновение и вечность, банальность и величайшая тайна - ВРЕМЯ.

Задумываясь о сущности времени, каждый «выбирает» для себя тот его аспект, который всего ближе к его мироощущению. А поскольку эпоха (время) предопределяет мироощущение, то сегодня среди ответов анкетированных обычно преобладают рационалистический и прагматический подходы к понятию времени.

Чаще всего люди рассматривают его как некоторое мерило. На втором месте по количеству ответов оказалось время как некий «ограничитель», будь то деятельности (в сутках 24 часа), жизни (короткий век!), свободы (не всегда делаем то, что хотим).

Считанные единицы вспоминают о философской сущности времени, о том, что время - форма бытия материи, и лишь два-три человека из тысячи интуитивно смогли схватить самое суть взаимоотношений Человека и Времени: человек не только пленник в руках слепого, вечного, беспощадного времени, он его творец. <...>

Ремарка: «...человек - творец времени...»

Если бы авторы этой статьи тогда были знакомы с трактатом русского философа Валериана Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924), они наверняка сослались бы здесь на него:

«...В частности, в вопросе о времени, мы должны внимательно отнестись к тому, что эта проблема, занимавшая умы людей с самого начала человеческой истории и служившая предметом размышлений величайших мыслителей всех веков, в настоящее время усиленно сосредотачивает на себе внимание философской и научной мысли, причем намечаются новые к ней подходы.

В самом деле, можно указать, помимо фантастических гипотез художников (выше упоминался рассказ Г. Уэллса «Машина времени». - А.) на постановку этого вопроса сейчас в главнейших областях человеческого знания.

*В области философии мы имеем в начале XX века **учение Бергсона** (здесь и далее выделено мною. - А.), остовом которого является идея времени, понимаемого французским мыслителем как *durée concrete*, или как конкретная длительность.*

*В области физики, механики и математики было создано трудами целого ряда мыслителей, а завершено **работами Эйнштейна** столь нашумевшее в последнее время учение об относительности времени...*

*Наконец, в области естествознания, главным образом, биологии, ставятся на очередь все в большей и большей степени вопросы искусственного изменения организмов. Опыты эти являются как бы преддверием к настоящему лабораторному творчеству жизни или, во всяком случае, приближением к нему... В особенно важные с этой точки зрения поразительные **опыты омоложения**...*

*Все эти искания, несмотря на их разнородность и различные их задачи, можно объединить в отношении их общего основного взгляда на время. В отличие от признания абстрактного времени, мы имеем в них стремление свести время к реальным фактам, **заменить самую проблему времени вопросом об отношении вещей**. Так, Бергсон приходит к идее тождественности времени и реальности. Эйнштейн, по существу, сводит время к отношениям вещей. Новая биология не ставит теоретического вопроса о времени, заменяя его вопросом о жизни...*

Таким образом, в учении Бергсона, в теории Эйнштейна и в опытах по созданию жизни мы имеем три различных подхода в единой проблеме - к проблеме познания времени и овладения им...» (В.Н. Муравьев. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998, с. 99-100).¹⁹

(Июнь 2000).

¹⁹ О «философии времени» Валериана Муравьева см. подробнее ниже: глава 7.

<...> Можно бесконечно рассматривать многообразие проявлений времени, но во всем этом многообразии есть главное, основное, схватываемое философским пониманием (да не убоится читатель этого пути - только по видимости далек он от жизненной конкретности). Это - фундаментальное представление о Времени как форме, структуре, способе отношений элементов всякой развивающейся системы, а Человек - именно такая система.

Если согласиться с поэтическим «Человек - это космос» и с философским «Человек - это социальное качество (сущность, структура)», то естественно предположить, что каждому человеку присуща его собственная структура деятельности, отражающаяся в индивидуальном бюджете времени.

Кто прогибает «жесткие конструкции»

Человек, борющийся со временем, подчиняющий себе время, человек, сломленный временем, и человек, победивший время, - это не просто метафоры.

Как и весь материальный мир, время было до человека. Вступая в жизнь, человек наталкивается на временные структурные ограничения. Да, неумолимое физическое время отпускает нам 24 часа в сутки. Биологическое время немного щедрее: «отпустив» человеку добрую сотню лет жизни, оно утробно требует жертвоприношений на сон, питание, гигиену, воспроизводство, лечение и прочее. Социальное время - тоже жесткий диктатор. Это время на работу и связанное с работой, это время на ритуалы, обычаи, моду.

С появлением классового общества социальное время (как и сама деятельность) отчуждается от индивида. Оно втискивает человека в свой ритм, навязывает темп, диссонирует с биологическим временем, порой рвет в клочья время психологическое. Структура социального времени укреплена законами и моралью.

Социальная временная структура накладывается на биологическую, все это втискивается в физические структуры. В результате человек предстает вечным пленником всей этой прочной, наперед заданной, не им построенной конструкции временного континуума, где, казалось бы, все регламентировано: сколько жить, когда и сколько работать, когда и сколько спать, сколько и что любить, читать, смотреть и так далее.

На первый взгляд кажется, что просто невозможно что-либо изменить в этой жесткой конструкции; приспособиться и функционировать в заданных природой и обществом узких рамках - вот извечный удел человека.

Однако специальные исследования показывают, что жизненная активность личности в том и состоит, что она, личность, частично преодолевает жесткий диктат временных структур.

Объективно заданные структурные временные ограничения буквально «прогибаются» под напором человеческой активности. Например, биологическое время. То мы «сжимаем» его, ограничивая время естественного воспроизводства (еще один ребенок!) в пользу свободного времени, то, наоборот, непомерно растягиваем, почти полностью посвящая себя приобретению продуктов, приготовлению пищи, созданию бытового комфорта как самоцели.

Даже объективно заданные и законодательно установленные границы рабочего времени претерпевают некоторую деформацию в зависимости от социально-психологической сущности личности. У лиц, ориентированных на профессиональную деятельность, рабочее время, как правило, больше нормативного, тогда как у ориентированного на учебу, общественную работу, быт и т. д. собственно рабочее время «сжимается», - общественники урывают от него время для организации мероприятий, спортсмены едут на сборы и соревнования, участники художественной самодеятельности отпрашиваются на очередной концерт, ориентированные в семейно-бытовую сферу женщины обсуждают покупки или обмениваются опытом кулинарного искусства, заочник ломает голову над задачей по теоретической механике.

Социально активный «человек, в котором его собственное осуществление выступает как собственная необходимость, как нужда» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 296), прогибает жесткие границы социальной временной регламентации. Происходит перераспределение, перестройка временных структур, раздвигаются временные рамки той сферы деятельности, в которую человек вовлечен, и соответственно сжимается пространство других сфер. Возникает индивидуальный рисунок жизнедеятельности, конкретный способ жизни.

Бюджет времени человека есть более или менее точное отражение его субъективной, социально-психологической сущности - общей направленности его личности.

«Хочу - не хочу!..»

Именно исследования бюджетов времени представителей различных групп населения показали, что сущность личности проявляется в системе предпочтений повседневной деятельности. Что делать и как долго это делать - два фундаментальных вопроса, которые мы решаем не только в экстремальных, жизненно значимых ситуациях, совершая Поступок, но и ежедневно, ежечасно, когда, не задумываясь, с поразительным упорством воспроизводим свой собственный индивидуальный рисунок жизнедеятельности. Особенно ярко проявляется эта закономерность в свободное время, когда наше сущностное «хочу - не хочу» звучит в полный голос.

Воспользуемся некоторыми данными из личного исследовательского опыта. На протяжении ряда лет велись обследования студентов вечернего факультета одного из ленинградских вузов и инженеров - выпускников этого вуза.²⁰

Оказывается, что многие инженеры, окончив институт, именно в пору, когда в их распоряжении больше свободного времени (позади 6-7 лет совмещения работы и учебы, уже подросли дети, получено благоустроенное жилье, вырос материальный достаток), заметно снижают свою культурную, в частности читательскую, активность. При этом из опросов явствовало, что инженеры как будто любят читать. В числе «любимых» занятий чтение занимало первое место. Но тут же выяснялось, что почитать «некогда», что большей частью до чтения просто «руки не доходят».

Бюджеты времени беспристрастно фиксировали, что студент-вечерник «выкраивает» (в основном за счет сокращения временных затрат на бытовые нужды) до 6 часов свободного времени в сутки. Из них 4 часа он тратит на учебу (включающую чтение общественно-политической и специальной литературы), а остальное свободное время у него посвящено в основном активным, развивающим личность занятиям, среди которых чтение (в частности, художественной литературы) тоже играет заметную роль.

После окончания вуза свободное время выпускников «сжимается» до четырех часов в сутки (в основном за счет увеличения временных затрат на бытовые нужды). Из этого свободного времени не так уж много посвящено чтению, и ничтожен удельный вес самообразования. Зато телесмотрение, которое инженеры поместили лишь на третье место среди любимых занятий на досуге, занимает час с четвертью ежедневно (студент-вечерник тратит на это не более 15 минут в сутки).

Удивительнее всего то, что в связи с увеличением свободного времени в выходные дни расход его на «самое любимое» занятие - чтение увеличивается у инженеров всего на несколько минут, а на просмотр телепередач - на три четверти часа.

Получалось, что инженер сидит перед телевизором... против своей воли: не хочет, не так уж любит, сокрушается, что ему некогда почитать, а все-таки сидит.

²⁰ Эти обследования проводились С. Минаковой в 1970-х гг. среди студентов и выпускников вечернего отделения Ленинградского горного института в гг. Кировске, Апатитах и Мончегорске, Мурманской обл.

Какая же сила удерживает инженера перед негасимым оком голубого экрана в ущерб тому же чтению? Эпоха НТР? Недостаток или, наоборот, избыток свободного времени? Темпы и ритмы? Стрессы? «Стремительно возросшие» перегрузки?

Да ни то, ни другое, ни третье! Дело в том, что ни один из вышеперечисленных факторов **непосредственно** поведение человека не детерминирует. Инженер проводит большую часть своего свободного времени перед телеэкраном в соответствии с присущей ему реальной системой предпочтений. Вместе с тем он рассматривает чтение как «самое любимое занятие» постольку, поскольку чтение в этой среде еще престижно.

«Верность себе» и автоматизм «несвободы»

Поведение индивида детерминируется, задается извне до тех пор, пока не сложилась структура его личности.

Поначалу главную заботу о регуляции поведения берут на себя родители, воспитатели, учителя и... писатели. В их лице Эпоха стоит у колыбели Личности. К сожалению, иные воспитатели (и в этом тоже влияние эпохи) склонны давать ребенку максимум знаний, не столь уж заботясь о самом главном - о формировании системы предпочтений будущего гражданина (он же - читатель). <...>

Общая направленность личности складывается тогда, когда человек, вступающий в самостоятельную жизнь, вовлекается в определенную сферу практической деятельности. Способности или первый успех, престижность или благоприятный психологический климат делают для него один из видов деятельности все более интересным, важным, необходимым. Это та деятельность, посредством которой человек реализует себя наиболее полно: в ней он получает удовлетворение, находит смысл своей жизни, раскрывает свои способности.

Наблюдения показывают, что можно выделить несколько характерных типов поведения людей, что эти типы повседневного поведения зависят от общей направленности личности (направленность на профессиональную деятельность, в сферу быта, на продолжение образования, в сферу любительской деятельности - хобби, на бессодержательный отдых и развлечения и т. д.).

Общая направленность личности в конечном счете определяет выбор того или иного варианта поведения. В ее подчинении находятся мотивы, интересы, стремления и так далее. Все они «держат равнение» на общую направленность, которая таким образом организует всю структуру личности, обеспечивая эффективную (с точки зрения данной направленности) деятельность и избавляя человека от мучительных раздумий и колебаний по поводу каждого шага.

Уже в этом проявляется коварная двойственная роль общей направленности личности: повышая эффективность деятельности, она способствует автоматизму поступков. В силу этого общая направленность оказывается вне самокритики.

Организованная таким образом структура личности лежит в основе также и механизма читательской избирательности: отбирается для чтения, ярче воспринимается, лучше запоминается то, что соответствует этой направленности личности; не вызывает интереса, отсекается все, что ей противоречит.

Было бы неправильно видеть в самоопределении только одну его сторону - свободу выбора. Чем более активной является жизненная позиция личности, тем более жестким становится самоограничение. Направленность личности не только обеспечивает predisposedness к определенным видам деятельности, но и принципиальное неприятие противоречащих ее содержанию занятий.

Так складывается фундамент для ежедневного, ежечасного выбора видов деятельности и их продолжительности, так складывается рисунок индивидуального поведения от сиюминутного, мгновенного выбора до всей жизненной истории индивида.

Так складывается, так формируется в конечном счете «время чтения», равно как и «круг чтения».

Роль общей направленности личности противоречива. Сформировавшаяся направленность означает зрелость личности. Она препятствует распаду, разложению личности в самых неблагоприятных условиях, обеспечивая стойкость, «верность себе», своим идеалам, целям и так далее. Но именно общая направленность личности может стать также внутренним фактором «несвободы» и препятствовать формированию самых высоких потребностей или использованию новых возможностей для культурного, духовного развития.

В своей автобиографии Чарльз Дарвин пишет, что со временем потерял всякий вкус к живописи и музыке. «Эта странная и достойная сожаления утрата высших эстетических вкусов тем более поразительна, что книги по истории, географии, путешествия... и статьи по-прежнему продолжают очень интересовать меня. Кажется, мой ум стал какой-то машиной».

Несамокритичность, вытекающая из самой структуры личности, по-видимому, одно из общечеловеческих свойств. Немногие, подобно Чарльзу Дарвину, способны хотя бы сожалеть о сужении круга интересов. Большинство либо находит объективные причины («некогда», «текучка» и т.п.), либо активно, даже агрессивно защищает свою (самую лучшую!) направленность.

Обретя собственную целостную структуру личности, человек отстаивает ее, не вдаваясь в критический обзор того, что, собственно, он так ревностно оберегает. Словами Экзюпери, «глина, из которой он сделан, затвердела, и теперь, подобно термиту, он заделывает все выходы к свету».

Ясно, сколь легко и непосредственно эти соображения применимы ко времени и кругу чтения.

Чтобы освободиться от «удава»

Можно ли сломать узкие рамки человеческой ограниченности, освободить людей от цепей собственного рабства, от этого «удава» собственной субъективности? Сделать структуру личности открытой для любых возможностей, позволяющих приумножить ее духовное богатство?

Бюджет времени индивида - как бы моментальный снимок, отражающий структуру его личности в данный момент, или, если воспользоваться современным языком системного анализа, ее «функциональную статику». Но у личности есть и своя динамика. В разные периоды жизни у одного и того же человека могут быть обнаружены разные направленности личности (преобладающие вовлеченности, сферы интересов, временные структуры жизнедеятельности). Переход от одного жизненного этапа к другому часто связан со сменой общей направленности.

Так произошло и в случае с нашими инженерами - выпускниками вечернего факультета ленинградского вуза. В течение 6-7 лет вся система их предпочтений была организована вокруг учебы, определяя собой одну из наиболее симпатичных структур личности. Но вот исчерпала себя эта сфера вовлеченности, круг интересов существенно изменился.

Не более трети инженеров после окончания вуза идентифицировались с профессиональной деятельностью, около половины погрузились в сферу быта или хобби, а пятая часть не обнаружила сколько-нибудь отчетливой направленности в ту или иную сферу жизнедеятельности.

Выпускники стали меньше заниматься самообразованием или читать не потому, что «устали» пока учились, а теперь вот уже много лет «отдыхают», а потому, что не нашли нового достойного объекта приложения жизненной энергии, стимулирующего соответствующий образ жизни.

Примечательно, что те немногие из обследованных инженеров, кто «загрузил» себя заочной аспирантурой или получил новую ответственную должность, не только сохранили, но и приумножили свою жизненную активность. Это люди, которые очень

много успевают (в том числе и читать), несмотря на трудности совмещения производственной работы и научной деятельности или адаптации к новому кругу обязанностей. <...>

Вкратце

Здесь, во избежание повторений²¹, опущена глава, под названием «Необходимо жизненное напряжение», где излагается концепция С. Минаковой о «трех фазах» развития личности: «овладение»; «плато»; «приспособление либо взрыв», - в «промежутках» между скачкообразными перестройками внутриличностной структуры, соответственно - сменами сферы вовлеченности и предмета общей направленности личности.

См. об этом подробно также ниже: раздел «Что такое счастье».

<...> Пусковым механизмом (поводом) такой перестройки [структуры личности. - А. А.] может быть радость от соприкосновения с новым видом деятельности, новым человеком, иногда - с «переворачивающей душу» книгой.

Как видим, проблема «человек читающий и время» многоплановая и даже остросюжетная.

Вглядываясь в самую ее глубину, мы обнаруживаем решающую зависимость масштабов, содержания и форм читательской активности от социально-психологической структуры личности Читателя, столь наглядно высвечиваемой временной структурой его жизнедеятельности. Иногда говорят: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты». С не меньшим, а может быть, и большим основанием можно заявить: «Скажи мне, чем ты увлечен, к чему стремишься, как строишь свою жизнь, и я скажу тебе, «остается ли» у тебя время на чтение и даже - с большей или меньшей степенью уверенности - что ты читаешь».

И последнее общее соображение: не время источник наших разнообразных, в том числе читательских бед. Всматриваясь в изменчивый лик Времени (времени-эпохи или времени-жизни) пора увидеть в нем свои собственные черты.

(Алексеев А, Минакова С. «Скажи мне, чем ты увлечен?..» (проблема с острым сюжетом) // Литературное обозрение? 1980, № 9).

Ремарка: «проблема с острым сюжетом...»

Статья, написанная для популярного журнала, разумеется, не претендовала на обзор философской, психологической и социологической литературы по проблеме «человек и время».

Здесь авторы сочли себя «вправе» ограничиться общей постановкой вопроса о человеке как «творце времени», об «использовании времени» как форме жизнепроявления и отношений, которые человек устанавливает между собой и миром. (Июнь 2000).

"...В целом бюджет времени индивида имеет рамки и ограничения, которые объективно заданы: физические границы суток и более длительных временных периодов, ограничения, накладываемые биологической природой человека (время, затрачиваемое на удовлетворение физиологических потребностей), структурные ограничения, задаваемые общественным способом производства (соотношение рабочего и

²¹ См. ДСиСА – 1, раздел 6.1.4.

внерабочего времени, социальные ритмы труда и отдыха и т.п.).

Однако в этих объективно заданных временных рамках активно действующий индивид относительно свободен.

Как объект воздействия природы и общества человек зависит от указанной структурно-временной регламентации, как субъект деятельности он стремится к ее преодолению, сообразно своим потребностям и интересам. Социально активный "человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда" (Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 596), **как бы "прогибает" жесткие рамки физического, биологического и социального времени** (выделено мною. А.]. Раздвигаются рамки именно тех статей бюджета времени, в которых реализуется общая направленность личности.

...Из наших исследований явствует, что большая часть дополнительного свободного времени затрачивается индивидом на основное, доминирующее занятие, с которым он идентифицирован.

Величина свободного времени, оставшегося на другие занятия, может рассматриваться как обратный показатель силы направленности личности. Таким образом, данные бюджета времени позволяют выявить объект идентификации личности, систему предпочтений, общую направленность личности, а также силу этой направленности..."

Минакова С.Ф. Бюджет времени и общая направленность личности (по материалам исследования отношения рабочих и инженеров к продолжению образования). Автореф. канд. дисс. Л., 1979, с. 12-14.

1.2. СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И ДИНАМИЗИРУЮЩИЕ СИЛЫ ЛИЧНОСТИ ²²

Ремарка: ...и еще раз - Ухтомский

Нижеследующие тексты продолжают цикл работ по социологии личности (подходы к «социологии жизненного пути»), выполненных мною самостоятельно либо в соавторстве с С. Минаковой, в конце 1970-х - начале 1980-х гг.

Однако предварим их некоторыми извлечениями из А.А. Ухтомского - как из его писем, так и из научных работ о доминанте. ²³

Напомню, что с теорией доминанты Ухтомского ни С. Минакова, ни автор этих строк в ту пору знакомы не были. (Сентябрь 1999).

1.2.1. Доминанта как мировосприятие и поведение

= Из писем А. Ухтомского к Е. Бронштейн-Шур (1920-е гг.)

[В скобках указаны страницы по изданию: Ухтомский А.А. Письма / Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М., 1973. - А. А.]

²² Настоящий раздел, под названием «Социальный опыт, общая направленность и ценностный профиль личности» опубликован в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 4.

²³ О значении философского наследия крупнейшего русского физиолога А. А. Ухтомского (1875-1942) см.: ДСиСА – 1, разделы 6.3.2 и П.6.2. См. также ниже: глава 7.

...

Поведение каждого таково, каково мировосприятие, а мировосприятие таково, какова воспитанная склонность поведения. Тут для каждого замкнутый круг, из которого вырваться чрезвычайно трудно... Человеку в его инерции, обыкновенно, все лишь подтверждает его излюбленное миропонимание, **действует он так, как мироощущает, а мироощущает так, как действует** [выделено мною. - А. А.]. "Chaque vilain trouve sa vilaine". Каковы доминанты человека, таков и его интегральный образ мира, а каков его интегральный образ мира, таково поведение, таковы счастье и несчастье, таково и лицо его для других людей. (421-422).

...Между нами и переживаемой реальностью стоят, прежде всего, наши доминанты, которые ведь преломляют для нас действительность, равно как наши реакции на действительность, в чрезвычайной степени. Доминанты создают «предрассудки», т.е. те предпосылки мысли, которые эта последняя вносит в работу сама от себя, не отдавая себе в том отчета. Значительная часть таких предрассудков совершенно неизбежна и имеет нормальное рабочее значение. (431-432).

= Из статьи А.А. Ухтомского «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923)

Ремарка: открываем Ухтомского

Этой статьей, впервые опубликованной в «Русском физиологическом журнале» (т. VI, в. 1-3, 1923) открывался цикл работ А.А. Ухтомского по теории доминанты.

Первые разделы этой статьи - сугубо «естественно-научный» текст, восприятие которого требует хотя бы минимальной профессиональной подготовки в области физиологии.

И вдруг... (а и не «вдруг» вовсе! - в свете всего изложенного выше). (Май 2000).

<...> Пока доминанта в душе ярка и жива, она держит в своей власти все поле душевной жизни. Все напоминает о ней и о связанных с нею образах и реальностях. Только что человек проснулся, луч солнца, щебетанье за окном уже напоминают о том, что владеет душой и воспроизводит любимую идею, задание, лицо или искание, занимающее главенствующий поток жизни. «Я сплю, а сердце мое бдит». Доминанта характеризуется своей инертностью, т.е. склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние поводы к реакции ушли. Доминанта оставляет за собой в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след. В душе могут жить одновременно множество потенциальных доминант - следов от прежней жизнедеятельности. Они поочередно выплывают в поле душевной работы и ясного внимания, живут здесь некоторое время, подводя свои итоги, и затем снова погружаются вглубь, уступая поле товаркам. Но и при погружении из поля ясной работы сознания они не замирают и не прекращают своей жизни. Научные искания и намечающиеся мысли продолжают обогащаться, преобразовываться, расти и там, так что, возвратившись потом в сознание, они оказываются более содержательными, созревшими и обоснованными. Несколько сложных научных проблем могут зреть в подсознательном ряду и одновременно, лишь изредка выплывая в поле внимания, чтобы от времени до времени подвести свои итоги.

(Ухтомский А.А.. Доминанта как рабочий принцип нервных центров / Ухтомский А.А. Доминанта. М.-Л.: Наука, 1966, с. 12-13)

Ремарка: идея витает в воздухе

Эти - или примерно эти - выдержки из Ухтомского я послал в 1982 г. (без указания авторства!) Светлане Минаковой, шутливо мистифицируя ее тем, что, мол, «украли у тебя твою идею поведенческой направленности личности!».

Если же - «кроме шуток», то и в самом деле: выдвинутая С. М. в 1970-х гг. концепция общей (поведенческой) направленности личности, равно как и мои собственные тогдашние рассуждения о детерминации всякого «ставшего» образа жизни личности следами «пройденного» жизненного пути, - во многом «повторяют» Ухтомского 1920-х гг.

Вообще, нередко наши «изобретения», вполне оригинальные субъективно, объективно оказываются предвосхищенными (если не в своей, то в смежной области знания).

Идеи, как говорится, « витают в воздухе». (Декабрь 1999 - май 2000).

1.2.2. О поведенческой и ценностной направленностях личности

[Ниже - фрагмент одной из наших с С. Минаковой совместных работ (1981). - А. А.]

<...> Социально-психологические типы личности могут быть выделены на пересечении трех ее интегральных определений:

а) накопленный социальный и культурный опыт, или «жизненный потенциал» личности;

б) общая, или поведенческая направленность личности в определенную сферу деятельности;

в) ценностная направленность, или «динамизирующие силы» личности.

Здесь кратко остановимся только на пунктах (б) и (в). **общая направленность** личности, в нашем понимании, не сводима к какому-либо из компонентов внутриличностной структуры. Это - системообразующее отношение, определенный способ связи элементов названной структуры. Общая направленность личности складывается на базе накопленного социального опыта, в процессе практической деятельности индивида, в итоге идентификации субъекта с тем или иным видом (сферой) деятельности.

Эмпирически представимая как доминирующая (у данного индивида) вовлеченность в определенную сферу деятельности (будь то профессиональная деятельность, быт и семья, продолжение образования, любительское увлечение, отдых и развлечения и т.д.), общая направленность личности оказывается способом внутриличностной субординации, координации и генерализации потребностей, мотивов, интересов и т.п. Она обеспечивает интеграцию самосознания и целостность личности. Именно этот социально-психологический механизм задает принцип селекции информации и определяет выбор варианта поведения в конкретной ситуации. На этом уровне принимаются решения, что, когда и как долго делать.²⁴

Наиболее надежным, однако трудоемким способом выявления общей направленности личности является анализ структуры практической деятельности субъекта, и особенно - структуры досуга (с использованием методик бюджета времени). Однако эффективными здесь могут оказаться и более «экономные» тестовые методики. Вариант такой методики разработан авторами и успешно прошел испытания в полевых условиях.

Если общая направленность личности описывается при помощи сферы доминирующей вовлеченности, то **ЦЕННОСТНУЮ НАПРАВЛЕННОСТЬ**, или

²⁴ Понятие общей (поведенческой) направленности личности было выдвинуто С.Ф. Минаковой в ее кандидатской диссертации (1979). Научным руководителем диссертации был В.А. Ядов.

«динамизирующие силы» можно описать через предмет доминирующей устремленности личности (не к чему приложить, куда направить жизненную энергию, а «ради чего»).

Эти динамизирующие силы могут трактоваться и как ведущие «жизненные мотивы», цели или «личностные смыслы» жизнедеятельности.

Разные жизненные стремления могут двигать людьми. Например, можно учиться на вечернем или заочном отделении вуза (как правило, студенты-вечерники высоко идентифицированы с этой сферой своей жизнедеятельности и подчиняют ей весь свой образ жизни) - ради удовлетворения «жажды знаний» и расширения культурного кругозора, в целях поднятия своего престижа в глазах окружающих, чтобы продвинуться по служебной лестнице, получать более высокую зарплату, в бескорыстном стремлении обрести возможность компетентно и эффективно участвовать в решении производственных задач, наконец, даже из конформистских побуждений (быть «как все»).

В свою очередь, одно и то же жизненное стремление может реализоваться у различных людей через разные общие направленности [личности. А. А.]. И так, на пересечении по крайней мере «общей направленности» и «динамизирующих сил» личности может возникнуть содержательная типология, позволяющая прогнозировать поведение человека в различных жизненных ситуациях. <...>

В настоящее время авторы заняты опробованием разработанной ими тестовой методики, позволяющей диагностировать ценностную направленность, или «динамизирующие силы» личности.²⁵ <...>

(Алексеев А.Н., Минакова С.Ф. Сфера вовлеченности и предмет устремленности личности как факторы селекции информации и восприятия пропагандистского воздействия / Проблемы эффективности средств массовой информации и пропаганды. Минск, 1981, ч. 2)

2.2.3. Как Вам живется... (тест на выявление поведенческой направленности личности)

[Ниже - фрагмент вопросника «КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ. ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ» (г. Апатиты, Мурманской обл.: Кабинет социально-психологических исследований вечернего факультета ЛГИ им. Г.В. Плеханова в г. Кировске, 1983), разработанного в соавторстве с С. Минаковой.

Этот тест был впервые использован авторами в вопроснике «Анкета выпускника. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее» (г. Кировск, Мурманской обл., 1979). А. А.]

Текст вопросника

КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ. ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

<...> Вопросы, предлагаемые в этой анкете, одновременно и просты, и сложны. В суете жизни люди не всегда умеют выделить основное. Иногда трудно определить свое собственное жизнеощущение. Как складывается жизнь? Оправдываются ли надежды? Надеемся, что, просмотрев анкету, Вы сами захотите ответить на эти вопросы, хотя бы «для себя».

²⁵ Автор относится к своим текстам 30-летней давности как к документам и даже те их них, которые не публиковались, нынче не корригировал. В частности, сохранена тогдашняя наша с С. Минаковой терминология, например: *ценностная направленность личности*. Между тем, особенно в контексте понятия *общая (поведенческая) направленность личности*, а также с учетом заведомого плюрализма и иерархичности ценностных ориентаций для всякого данного субъекта, я сегодня предпочел бы говорить не о ценностной направленности, а о *ценностном профиле личности*. - А. А. Июль 2012

Большинство вопросов сформулированы как утверждения, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться, в той или иной степени. А если вопрос покажется вам неуместным, - смело выбирайте ответ: «Нечто среднее (трудно сказать)». <...>

Наша методика позволяет, между прочим, выявить, с достаточной достоверностью, общую направленность личности отвечающего, и если Вы захотите узнать, совпадают ли наши выводы с Вашими собственными представлениями о себе, мы с удовольствием раскроем свои «ключи», в личной беседе.

Однако основные научные результаты, понятно, будут получены из статистической обработки данных опроса нескольких сотен «добровольцев», в число которых приглашаем вас.

Подписывать анкету не нужно.

НИЖЕ ПРЕДЛАГАЕТСЯ РЯД СУЖДЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ МОЖЕТЕ ОТНЕСТИ К СЕБЕ (ПРИНЯТЬ ИЛИ ОТВЕРГНУТЬ) К777АЖДОЕ ИЗ НИХ? (Определите место своего ответа на шкале из 7 позиций, имея в виду, что крайняя позиция слева означает абсолютную неприемлемость данного суждения для Вас, а крайняя позиция справа - полное согласие с суждением).

Суждения	Варианты ответа						
	это совсем не так			нечто среднее (трудно сказать)			это так и есть
(83) В конце дня мне обычно хочется просто отдохнуть (развлечься, расслабиться)	1	2	3	4	5	6	7
(84) * В отличие от иных людей, ведущих здоровый образ жизни, мне все недосуг заниматься собой	1	2	3	4	5	6	7
(85) Мне в общем нравится быть организатором, работать с людьми, руководить ими	1	2	3	4	5	6	7
(86) * Мне в общем хватает имеющихся знаний, в дальнейшем профессиональном образовании большой потребности не испытываю	1	2	3	4	5	6	7
(87) Я очень много времени отдаю семье (детям, внукам), в основном этому посвящен мой досуг	1	2	3	4	5	6	7
(88) * Я не большой любитель "трудных" фильмов и, пожалуй, предпочел бы им добротный кинодетектив	1	2	3	4	5	6	7
(89) Я чрезвычайно много времени и сил отдаю своим общественным обязанностям (общественной работе)	1	2	3	4	5	6	7
(90) * Мне мало приятна всякая домашняя работа, занимаюсь ею только по необходимости	1	2	3	4	5	6	7
(91) Я с наслаждением отдаю своему непрофессиональному любительскому увлечению на досуге	1	2	3	4	5	6	7
(92) * Моя работа в общем не вызывает у меня особого интереса	1	2	3	4	5	6	7
(93) Обычно я не уклоняюсь от приглашения провести время за рюмочкой, если нет других дел	1	2	3	4	5	6	7
(94) * Я не большой охотник до гостей, дружеских встреч, коллективных занятий	1	2	3	4	5	6	7
(175) Я всегда нахожу время для того, чтобы выполнить старинные обряды, сходить в церковь	1	2	3	4	5	6	7
(95) * Обычно мне не хватает времени на то, чтобы просто отдохнуть (посмотреть телевизор, сыграть партию и т.п.)	1	2	3	4	5	6	7
(96) Я с радостью занимаюсь всем тем, что способствует укреплению здоровья, хорошему физическому самочувствию	1	2	3	4	5	6	7
(97) * Я стараюсь избегать таких дел, где надо выступать в роли организатора	1	2	3	4	5	6	7
(98) Я и сейчас читаю много литературы по специальности, постоянно обновляю свои профессиональные знания	1	2	3	4	5	6	7
(99) * В отличие от иных людей, живущих главным образом для семьи и близких, у меня семья где-то на втором плане	1	2	3	4	5	6	7

(100) Я всегда нахожу время для чтения хорошей художественной литературы	1	2	3	4	5	6	7
(101) * Если бы было возможно, я предпочел бы обойтись без каких-либо общественных поручений	1	2	3	4	5	6	7
(102) Я немало времени и сил отдаю тому, чтобы в доме был порядок, уют, комфорт	1	2	3	4	5	6	7
(103) * Я обхожусь без такого любительского увлечения, которое забирало бы у меня много времени	1	2	3	4	5	6	7
(104) Я очень люблю свое дело, свою работу, это для меня главное в жизни	1	2	3	4	5	6	7
(105) * Пить вино (или более крепкие напитки), даже в хорошей компании, в общем не доставляет мне большого удовольствия	1	2	3	4	5	6	7
(106) У меня широкий круг общения, много друзей, всегда есть с кем провести время	1	2	3	4	5	6	7
(193) * Я не нахожу, что выполнение старинных обрядов, посещение церкви приносит радость и утешение ²⁶	1	2	3	4	5	6	7

ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСМОТРИТЕ СВОИ ОТВЕТЫ, СВЕРЯЯСЬ СО СМЫСЛОМ СУЖДЕНИЙ (ОСОБЕННО ТЕХ ИЗ НИХ, КОТОРЫЕ НЕСУТ В СЕБЕ ОТРИЦАНИЕ). ВСЕ ЛИ ВАШИ ОТВЕТЫ ПРАВИЛЬНЫ? МОЖНО ИСПРАВЛЯТЬ.

1.2.4. Общая направленность личности и жизненные самооценки

Справка

Ниже - композиция извлечений из научного отчета «Личность в процессе жизни» (1980). В нем обсуждаются результаты опроса инженеров-выпускников вечернего факультета Ленинградского горного института, работающих в объединении «Апатит» (1979).

Использовался вопросник «Анкета выпускника...», в основном совпадающий с приведенным выше - «Как Вам живется...» (см. выше).

Краткая социальная характеристика контингента опрошенных (N = 129):

Мужчины - 80 %; возраст - от 30 до 45 лет; место проживания - г. Кировск, Апатиты, Мончегорск, Мурманской обл.; средний уровень заработной платы - 350-400 руб. (1979); большинство - «командиры производства», от мастера до руководителя предприятия; почти все имеют семью; члены КПСС - около 40 %; имеют собственный автомобиль - 40 %.

ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ЖИЗНИ

<...> Напомним предложенное выше рабочее определение **общей (поведенческой) направленности личности**: это – доминирующая (господствующая) вовлеченность личности в ту или иную сферу жизнедеятельности. Поведенческая направленность выступает в качестве системообразующего отношения в структуре личности и способа внутриличностной субординации, координации, а также генерализации потребностей, мотивов, интересов и т.д. <...>

Представленные выше 24 [в позднейшей (1983 г.) версии методики - 26. А.А.] «тестовых» суждения сами по себе являются лишь первичными индикаторами для описания «способа жизни» опрошенных нами 129 инженеров-выпускников вечернего

²⁶ Эта позиция теста (193) и соответствующее ей позитивное суждение (175) поначалу в методике отсутствовали. Включение настоящего момента, в методику, разумеется, оправдано. К сожалению, следует признать, что формулировка позиции 193 неудачна. Отрицание («я не нахожу, что...») подавляется смыслом позитивного утверждения, так что респондент может легко спутать полюса шкалы при ответе. А. А. Июль 2012.

факультета ЛГИ им. Г.В. Плеханова, работающих в объединении «Апатит». Основная задача методики состояла в оценке **меры вовлеченности** в различные сферы деятельности и в выявлении иерархии «сфер вовлеченности» каждого опрошиваемого.

Эта иерархия есть не что иное, как эмпирическое представление **структуры жизнедеятельности** субъекта, а доминирующая (господствующая) вовлеченность в ту или сферу деятельности истолковывается нами как **общая (поведенческая) направленность** его личности.

Однако первым шагом на пути к решению этой задачи является просто описание сфер вовлеченности и рассмотрение общего распределения опрошенных по степени «ангажированности» в каждую отдельную сферу.

Для идентификации (установления) вовлеченности опрошиваемого в любую из сфер жизнедеятельности использовались по два суждения (12 сфер - 24 «тестовых» суждения). Одно из двух было «положительным», и тогда мера вовлеченности полагалась тем большей, чем более высока «степень согласия» индивида с данным суждением. Второе суждение содержало в себе прямое или косвенное отрицание вовлеченности в соответствующую сферу, и в таком случае «степень согласия» выступает **ОБРАТНЫМ** показателем меры вовлеченности. Суждения второго типа отмечены в анкете звездочкой (*).

Таким образом, опрошиваемый демонстрировал тем большую вовлеченность в данную сферу, чем больше он соглашался отнести к себе одно идентифицирующее эту вовлеченность суждение и чем меньше соглашался отнести к себе другое, противоположное ему (противоположное не формально-логически, а по общему смыслу).

Однако суждения отличались друг от друга, как правило, не только «знаком» (+ или --).

Одно из всякой пары суждений так или иначе претендовало на **поведенческую, временную** характеристику вовлеченности в соответствующую сферу деятельности. Разумеется, эта характеристика была довольно приблизительна и субъективна (типа: «много времени» - «мало времени»; «успеваю» - «не успеваю»; и т.п.), но такая самооценка временных затрат на соответствующий вид деятельности для наших целей была достаточной (а в рамках тестовой методики иная и невозможна).

Другое, «парное» суждение для той же сферы было направлено на **психологическую, эмоциональную** характеристику вовлеченности. Оно формулировалось в терминах: «приятно» - «не приятно»; «доставляет - не доставляет радость»; и т.п., - и являлось методическим средством выражения «непосредственной субъективности».

Конструируя методику, мы исходили из предположения, что человек **ВОВЛЕЧЕН** в данную сферу деятельности тем больше (погружен в нее «глубже», приобщен к ней - «теснее», ангажирован - «сильнее»), (а) чем больше времени он уделяет соответствующему занятию (особенно в рамках досуга, когда налицо определенная свобода выбора) и (б) чем с большим удовольствием он это делает.

Условно и лаконично это можно выразить формулой:

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ = ВРЕМЯ + УДОВОЛЬСТВИЕ

Величина временных затрат на данное занятие служит непосредственным измерителем объективной «включенности» в определенную сферу деятельности, но отчасти характеризует и субъективную «расположенность» (если человек может хоть сколько-нибудь выбирать).

Вербально (словесно) выраженное эмоциональное «приятие» (удовольствие от занятия, желание посвящать ему время) непосредственно характеризует субъективный аспект вовлеченности, но также - косвенно! - позволяет судить и о ее объективной поведенческой стороне (коль скоро занятие не является недоступным).

Объективная включенность и субъективная расположенность, таким образом, не автономны друг от друга. это - две стороны, две «ипостаси» интересующей нас

субъективно-объективной вовлеченности человека в ту или иную сферу деятельности.

Всем сказанным обосновывается правомерность объединения данных ответа на два тестовых суждения, относящихся к одной и той же стороне деятельности, в **единый производный показатель** вовлеченности (в определенную сферу). Здесь оно осуществлялось простым суммированием порядковых номеров позиций (градаций), отмеченных опрашиваемым на «шкале согласия» с соответствующими суждениями теста. (Одна из шкал при этом «переворачивалась», так что обе шкалы становились «прямыми»).

В итоге мера вовлеченности обрела собственную производную «шкалу»: от 2 (1+1) - минимум, до 14 (7 + 7) - максимум. <...>

[Здесь опущено обсуждение методических нюансов: оценка статистической «добротности» производной шкалы; обоснование способа «нормирования» этой шкалы; демонстрация меры условности «тестового» измерения вовлеченности. - А. А.]

<...> Представим картину вовлеченности в различные сферы деятельности, по данным проведенного опроса.

Таблица 1. **Сферы деятельности. Мера вовлеченности инженеров-выпускников (сферы вовлеченности) в различные сферы деятельности (N = 129)**²⁷

Сфера деятельности	Мера вовлеченности	Сильная	Умеренная	Слабая	Отсутствие вовлеченности
облегченный досуг (вопр. 83, 95)		10,9	34,1	44,2	10,9
укрепление здоровья (вопр. 84, 96)		15,6	39,6	41,2	3,9
организаторская деятельность (вопр.85, 97)		36,4	32,7	25,6	8,6
профессиональное развитие (вопр. 86, 98)		10,2	28,7	55,1	6,3
семья, дети (вопр. 87, 99)		27,9	41,2	24,8	6,2
культурное развитие (вопр. 88, 100)		13,3	37,2	41,9	7,8
общественная работа (вопр. 89, 101)		10,2	32,6	44,2	13,2
сфера быта (вопр. 90, 102)		23,4	32,6	38,8	13,2
любительское увлечение (вопр. 91, 103)		18,7	24,8	40,4	16,4
профессиональная деятельность (вопр. 92, 104)		48,1	27,1	21,1	3,9
потребление алкоголя (вопр. 93, 105)		4,7	14,0	39,5	41,9
общение, круг друзей (вопр. 94, 106)		16,3	33,3	43,5	7,0
В среднем для 12 сфер:		19,5	31,3	38,2	11,0

Примечание

В скобках после названия каждой сферы указаны №№ вопросов или «тестовых» суждений, относящихся к данной сфере вовлеченности. *[См. выше. - А. А.]*.

В понятии «сильная вовлеченность» объединены градации 14, 13 и 12 производной шкалы; «умеренная вовлеченность» - 11, 10 и 9; «слабая вовлеченность» - 8, 7 и 6; «отсутствие вовлеченности» соответствует градациям 5, 4, 3 и 2 шкалы производного показателя меры вовлеченности.

С учетом условности всякого производного измерения, а также невозможности полностью исключить фактор «престижности-непрестижности» отдельных сфер вовлеченности (например: престижность вовлеченности в профессиональную деятельность; непрестижность вовлеченности в сферу потребления алкоголя), представленные выше данные, пожалуй, мало пригодны для определения «надежных» пропорций, например, «сильно вовлеченных» в ту или иную деятельность.

²⁷ Данные в процентах по строке.

Но в пределах всякой данной сферы - мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что эти люди являются **наиболее или наименее вовлеченными** (в соответствующую сферу).

Стало быть, можно в дальнейшем анализировать **социальную специфику** субъектов вовлеченности во всякую данную сферу. Можно попытаться выяснить, какими социальными или социально-психологическими факторами обусловлена та или иная вовлеченность и как сама вовлеченность в определенную сферу влияет, скажем, на жизнеощущение личности.

Можно, далее, попытаться выявить достаточно распространенные **социально-психологические типы** личности, характеризующиеся доминированием определенной вовлеченности или некоторой их комбинации. <...>

[Здесь опущен анализ зависимости вовлеченностей в различные сферы деятельности от некоторых объективных социальных характеристик опрошенных: пол, возраст, социально-профессиональный статус и т. п. - А. А.]

<...> Мы попытались сгруппировать отдельные, отраженные в нашей методике объекты идентификации (сферы вовлеченности) в некие **ОБОБЩЕННЫЕ** жизненные сферы, в соответствии с которыми здесь выделяются:

- общественно-трудовая
 - семейно-бытовая
 - индивидуально-досуговая
- поведенческие направленности личности.

Примем в качестве свидетельства **общественно-трудовой** направленности личности наличие у субъекта достаточно высокой вовлеченности хотя бы в одну из трех конкретных жизненных сфер: профессиональная деятельность, профессиональное развитие, общественная работа.

Соответственно, для **семейно-бытовой** направленности - высокая вовлеченность в сферу семьи (детей) и/или в сферу быта.

индивидуально-досуговая направленность личности, в рамках нашей методики, может быть представлена высокой вовлеченностью в сферу культурного развития или/и в сферу укрепления здоровья или/и в сферу любительского увлечения или/и в сферу облегченного досуга или/и в сферу потребления алкоголя.

Следует оговорить, что если первые два типа общей направленности личности (общественно-трудовая и семейно-бытовая) являются достаточно однородными (по набору представляющих их вовлеченностей), то этого нельзя сказать о третьем (индивидуально-досуговая направленность личности), где «в одну кучу» свалены, скажем, «культурное развитие» и «потребление алкоголя».

Однако общим для всех этих разнородных вовлеченностей является то, что объект идентификации не связан непосредственно ни с «общественным» (в узком смысле этого слова), ни с «семейным» интересами. И для первого подхода к проблеме, особенно с учетом малого объема использованной выборки, удовлетворимся этим типологическим основанием. <...>

Следуя принятым «рабочим» правилам выделения общей (поведенческой) направленности личности, типологическая структура нашей малой выборки (N = 129) предстает следующей:

- 1) Общая направленность личности в общественно-трудовую сферу - 35 чел.
- 2) Общая направленность личности в семейно-бытовую сферу - 16 чел.
- 3) Общая направленность личности в индивидуально-досуговую сферу - 29 чел.
- 4) Равновысокая общественно-трудовая и семейно-бытовая вовлеченность («двуединая» направленность) - 12 чел.

5) Равновысокая семейно-бытовая и индивидуально-досуговая вовлеченность («двуединая» направленность) - 4 чел.

6) Равновысокая общественно-трудовая и индивидуально-досуговая вовлеченность («двуединая» направленность) - 7 чел.

7) Равновысокая вовлеченность во все три жизненные сферы («триединая», гармоничная направленность) - 3 чел.

8) Общая направленность личности отчетливо не выражена - 23 чел.

Итак, примерно 2/3 нашей выборки составляют носители **преимущественной** вовлеченности в одну из трех выделенных обобщенных жизненных сфер («моноподнаправленность» личности). Не столь уж малочисленными (с учетом миниатюрности нашей выборки) являются также группы «пар» равновысоких вовлеченностей в разные сферы деятельности («двуединые» направленности).

Таким образом, принятая нами методика типологизации характеризуется достаточной дифференцирующей силой. Здесь пока ограничимся этим методическим результатом, подтверждающим возможность эмпирического выявления типов общей направленности личности, через преимущественную (доминирующую) вовлеченность в ту или иную сферу деятельности.

Как показывает анализ, тип 1 (общественно-трудовая направленность) является скорее «мужским», чем «женским». Тип 2 (семейно-бытовая направленность), напротив, скорее «женский», чем мужской. Тип 3 (индивидуально-досуговая направленность) встречается среди мужчин несколько чаще, чем среди женщин. Равновысокая общественно-трудовая и семейно-бытовая вовлеченность (тип 4) равновероятна среди тех и других.

Не выраженная отчетливо общая направленность личности - скорее «мужская», чем «женская».

Распределение типов общей направленности в группах разных возрастов, по крайней мере в нашей, небольшой статистике, не обнаруживает какой-либо закономерности.

Более детализированное описание этих социально-психологических типов уместно производить на более массовой совокупности данных.

Поэтому ограничимся здесь лишь примерами содержательного использования нашей типологии. <...>

Посмотрим, зависит ли удовлетворенность жизнью (жизнеощущение) личности от того, в какую из обобщенных жизненных сфер эта личность направлена.

Вспомним, как низка была дифференцирующая способность социально-атрибутивных признаков (пол, возраст, доход) относительно характеристик удовлетворенности жизнью. *[Это было показано в опущенной здесь части отчета. - А. А.]*.

Совсем иную картину дает разбиение на **социально-психологические** типы, или типы общей (поведенческой) направленности личности.

Даже малой статистики достаточно, чтобы с уверенностью утверждать:

- Лица, характеризующиеся общей направленностью в общественно-трудовую сферу (тип 1) систематически дают более высокие итоговые жизненные самооценки, чем те, кто вовлечен преимущественно в иные жизненные сферы.

- Самыми низкими являются жизненные самооценки тех, общая направленность личности которых отчетливо не выражена (тип 7).

- Наиболее высокими (до 100 % удовлетворенных жизнью, в некоторых аспектах жизнеощущения) предстают жизненные самооценки лиц, характеризующихся «равновысокой» (гармоничной) вовлеченностью в общественно-трудовую и семейно-бытовую сферу (тип 4).

- Общая направленность в семейно-бытовую сферу (тип 2) предоставляет наименьшие социально-психологические предпосылки для удовлетворенности развитием и реализацией своих способностей.

- Общая направленность в общественно-трудовую сферу (тип 1) предоставляет для позитивной самооценки развития и реализации своих способностей наибольшие социально-психологические предпосылки.

- В отличие от самооценок развития и реализации способностей, по самооценкам удовлетворения потребностей (как материальных, так и духовных) социально-психологические типы общей направленности личности различаются между собой не столь сильно.

Преимущественно вовлеченные в общественно-трудовую или семейно-бытовую или индивидуально-досуговую сферы (типы 1, 2, 3) почти равно склонны к позитивной оценке своей жизненной ситуации в целом.

Однако полагают себя «счастливыми», скорее всего те, кто равно вовлечен в сферы труда и семьи (12 чел. из 12!); за ними следуют преимущественно вовлеченные в общественно-трудовую сферу (29 чел. из 35); затем - преимущественно вовлеченные в индивидуально-досуговую сферу (18 чел. из 29); затем - вовлеченные в семейно-бытовую сферу (9 чел. из 16); среди тех, кто «никуда не вовлечен», «счастливые» встречаются реже всего (11 чел. из 23.).²⁸

Не будем переоценивать статистическую надежность этого результата. (Во избежание недоразумений, нами нарочно указаны в скобках абсолютные количества, а не проценты). Однако не подлежит сомнению тот факт, что жизнеощущение (удовлетворенность жизнью) человека существенно обусловлена его доминирующей вовлеченностью в ту или иную сферу жизнедеятельности или общей (поведенческой) направленностью личности.

(С чем поздравляем С. Минакову, впервые обосновавшую трактовку поведенческой направленности личности как системообразующего отношения внутриличностной структуры!). <...>

(А.Алексеев. Личность в процессе жизни. Научный отчет. 1980)

Ремарка: методика работает!

В позднейших исследованиях, проводившихся нами совместно с С. Минаковой, а затем и ею одной, вышеупомянутая методика выявления общей (поведенческой) направленности личности прошла испытание на более массовых выборках. (Сентябрь 1999).

1.2.5. Ради чего мы живем (тест на выявление ценностной направленности личности)

[Ниже - краткое обоснование и описание методики, разработанной совместно с С. Минаковой (1981-1982).

²⁸ Используя формулировки вопросов:

"Считаете ли Вы, что...

...обстоятельства жизни ныне складываются для Вас благоприятно?

...Вам удастся удовлетворять свои материальные потребности?

...Вам удастся удовлетворять свои культурные потребности?

...Вам удастся развить свои способности?

...Вам удастся свои способности реализовать?

...Вы счастливы сегодня?"

Использовалась та же 7-пунктовая шкала: от «это совсем не так» до «это так и есть».

Подробнее см.ниже: раздел 1.3.

Текст вопросника опубликован в качестве приложения к анкете: Как Вам живется. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее. Апатиты, Мурманской обл., 1983. - А. А.]

<...> Методика «РАДИ ЧЕГО МЫ ЖИВЕМ, ИЛИ 100 НЕСКРОМНЫХ ВОПРОСОВ О ВАШЕЙ ЖИЗНИ» предназначена для эмпирического исследования **ценностной направленности** личности.

Идентификация ценностной направленности осуществляется путем выявления конкретного набора приоритетных для данной личности жизненных ценностей (или ведущих жизненных мотивов), а также набора заведомо отвергаемых ею ценностей («антиценностей») из списка предусмотренных.

Всего отобрано для предъявления опрашиваемому 25 ценностей (= жизненных мотивов).

Предусмотрено четыре модальности (= аспекта рассмотрения) каждой жизненной ценности.

Согласно процедуре, человек должен оценить по 7-бальной шкале свое отношение к каждому из 25 «жизненных стремлений» (эмпирические референты ценностей), отвечая на четыре разных вопроса (эмпирические референты модальностей). Ответив на первый вопрос по каждому из 25 «жизненных стремлений», опрашиваемый переходит ко второму вопросу и т.д.

Всего, таким образом, респондент дает $25 \times 4 = 100$ разных ответов.

Текст вопросника

РАДИ ЧЕГО МЫ ЖИВЕМ, ИЛИ 100 НЕСКРОМНЫХ ВОПРОСОВ О ТОМ, ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ НАДО...

Просим иметь в виду, что ни один из ответов, взятый сам по себе, не характеризует жизненной позиции отвечающего. Существенна - комбинация 100 ответов. Поэтому приглашаем отвечать не задумываясь, следуя естественному побуждению чувств.

А. Люди руководствуются в своей жизни разными целями и стремлениями. Скажите, пожалуйста, о каждом из нижеперечисленных жизненных стремлений, в какой мере Вы ОДОБРЯЕТЕ (цените, приемлете) ЕГО В ДРУГИХ ЛЮДЯХ?

(Определите место своего ответа на шкале из 7 позиций, где крайняя позиция слева - 1 - означает высшую степень неодобрения, неприятия, крайняя позиция справа - 7 - высшую степень одобрения, а центральная позиция - 4 - соответствует нейтральному, безразличному отношению либо затруднению с ответом. Свой ответ для каждой строки запишите в виде соответствующей цифры - от 1 до 7).

совершенно не одобряю			нечто среднее (трудно сказать)			всячески одобряю
1	2	3	4	5	6	7

Жизненные стремления:

- Идти на борьбу, рисковать, наслаждаться трудной победой _____
- Занимать достаточно высокое общественное положение, пользоваться влиянием, руководить другими людьми _____
- Как можно более разнообразить свою жизнь, обогащаться новыми впечатлениями, наслаждаться жизненными переменами _____
- Помогать конкретным людям, пусть в ущерб себе, не требуя от них ничего взамен _____
- Посвятить свою жизнь детям, потомству _____
- Всячески укреплять свое здоровье, поддерживать в себе состояние бодрости, хорошее физическое самочувствие _____

7. Как можно больше знать, понимать, неустанно расширять круг своих познаний, углублять их _____
8. По возможности, не отличаться от окружающих, не привлекать к себе внимания, быть не лучше и не хуже других _____
9. Находить красоту вокруг себя и самому создавать прекрасное _____
10. Любить и вызывать ответное чувство у лица (лиц) другого пола _____
11. Приобщиться к чему-нибудь необыкновенному, таинственному, чудесному _____
12. Подчинить всего себя служению идее, большому делу, общему благу _____
13. Всегда видеть перед собой перспективу, не успокаиваться на достигнутом _____
14. По возможности, избегать лишних хлопот, забот, не брать на себя слишком много _____
15. Находить сочувствие, понимание в других людях, наслаждаться общением _____
16. Усовершенствовать, упорядочить или переделать мир вокруг себя сообразно своему представлению о том, как должно быть _____
17. Пользоваться престижем, иметь успех, добиться признания _____
18. По возможности, не поступаться понапрасну личными интересами, блюсти свою разумную выгоду _____
19. Жить независимо, пусть в чем-то себе отказывая, зато следуя своей страсти или убеждению _____
20. Брать на себя ответственность, занимать активную позицию в жизни _____
21. Жить в достатке, иметь все необходимое, по возможности упрочить свое материальное положение _____
22. Всегда и во всем добиваться правды, отстаивать справедливость _____
23. Стараться во всякое дело внести свою выдумку, оригинальную идею, творческий подход _____
24. Просто напряженно трудиться, находить в работе радость и смысл _____
25. По возможности, не отказывать себе в житейских радостях, удовольствиях, развлечениях _____

Б. А теперь, положив руку на сердце, скажите, в какой мере каждое из этих жизненных стремлений СВОЙСТВЕННО ЛИЧНО ВАМ (Вы находите у себя)?

(Как и в предыдущем блоке вопросов, определите место своего ответа на шкале из 7 позиций, образованной по аналогичному принципу. Запишите свой ответ для каждой строки).

мне совершенно не свойственно	1	2	3	нечто среднее (трудно сказать)	4	5	свойственно мне в полной мере	6	7
----------------------------------	---	---	---	-----------------------------------	---	---	----------------------------------	---	---

Жизненные стремления:

<...> [Здесь повторяется список 25 "жизненных стремлений". - А. А.]

В. Еще раз просмотрите тот же список. В какой мере каждое из этих стремлений РЕАЛИЗУЕТСЯ (получает осуществление) В ВАШЕЙ ЖИЗНИ?

(Вновь определите место своего ответа на шкале из 7 позиций. Запишите свой ответ для каждой строки).

совсем не реализуется	1	2	3	нечто среднее (трудно сказать)	4	5	реализуется в полной мере	6	7
--------------------------	---	---	---	-----------------------------------	---	---	------------------------------	---	---

Жизненные стремления:

<...> [Здесь повторяется список 25 "жизненных стремлений". - А. А.]

Г. И последняя серия вопросов. В какой мере Вы СОЖАЛЕЕТЕ (досадуете, огорчаетесь), КОГДА ВАМ НЕ УДАЕТСЯ ВПОЛНЕ РЕАЛИЗОВАТЬ соответствующее жизненное стремление?

(Опять воспользуйтесь шкалой из 7 позиций. Будьте внимательны: цифре 1 соответствует полное отсутствие сожалений, а цифре 7 - наивысшая степень сожаления;

если какое-либо из указанных стремлений Вам совсем не свойственно, можете, отвечая на этот вопрос, его пропустить).

совсем не сожалею	нечто среднее (трудно сказать)	очень сожалею
1 2	3 4 5	6 7

Жизненные стремления:

<...> [Здесь повторяется список 25 "жизненных стремлений". - А. А.]

Если какое-нибудь важное жизненное стремление здесь не учтено, то назовите его сами и оцените по всем 4-м известным Вам шкалам.

Жизненное стремление	А	Б	В	Г
	Не одобряю – одобряю в других	Не свойственно - свойственно мне	Не удастся – удается реализовать	Не сожалею – сожалею о неудаче
26. ...	Оценка			

Пожалуйста, укажите: Ваш пол _____ возраст _____ образование

_____ род занятий _____

Ключ для расшифровки результатов довольно прост и, если Вы захотите, истолкование совокупности Ваших ответов может быть дано немедленно.

Впрочем, как говорил еще Достоевский, «человек есть тайна, ее надо разгадать, и если будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время».

= Интерпретация (что означает каждый вопрос; «ключи» для расшифровки)

Список ценностей (= жизненных мотивов), репрезентированных соответствующими «жизненными стремлениями». (Слово, обозначающее соответствующую ценность, выделено):

- 1) «Идти на борьбу, рисковать, наслаждаться трудной победой» - жажда **БОРЬБЫ** (Борьба - Напряжение; «Борец»).
- 2) «Занимать достаточно высокое общественное положение, пользоваться влиянием, руководить другими людьми» - жажда **ВЛАСТИ** (Статус - Власть; «Карьерист»).
- 3) «Как можно больше разнообразить свою жизнь, обогащаться новыми впечатлениями, наслаждаться жизненными переменами» - жажда **ВПЕЧАТЛЕНИЙ** (Мобильность - Разнообразие; «Неуемный»).
- 4) «Помогать конкретным людям, пусть в ущерб себе, не требуя от них ничего взамен» - жажда **ДОБРА** (Альтруизм - Добро; «Альтруист»).
- 5) «Посвятить всю свою жизнь детям, потомству» - забота о **ДЕТЯХ** (Самовоспроизводство - Потомство; «Чадолубивый»).
- 6) «Всячески укреплять свое здоровье, поддерживать в себе состояние бодрости, хорошее физическое самочувствие» - забота о **ЗДОРОВЬЕ** (Самосохранение - Организм; «Здравствующий»).
- 7) «Как можно больше знать, понимать, неустанно расширять круг своих познаний, углублять их» - жажда **ЗНАНИЙ** (Образование - Знание; «Знаток»).
- 8) «По возможности, не отличаться от окружающих, не привлекать к себе внимания, быть не лучше и не хуже других» - жажда **КОНФОРМНОСТИ** (Конформизм - Приспособление; «Конформист»).
- 9) «Находить красоту вокруг себя и самому создавать прекрасное» - жажда **КРАСОТЫ** (Эстетизм - Красота; «Эстет»).
- 10) «Любить и вызывать ответное чувство у лица (лиц) другого пола» - жажда **ЛЮБВИ** (Любовь - Другой пол; «Любвеобильный»).
- 11) «Приобщиться к чему-либо необыкновенному, таинственному, чудесному» - жажда **НЕОБЫКНОВЕННОГО** (Романтика - Необыкновенное; «Романтик»).
- 12) «Подчинение всего себя служению идее, большому делу, общему благу» - жажда **ПОДВИЖНИЧЕСТВА** (Служение - Идея; «Подвижник»).

- 13) «Всегда видеть перед собой перспективу, не успокаиваться на достигнутом» - жажда ПЕРСПЕКТИВЫ (Развитие - Перспектива; «Перспективный»).
- 14) «По возможности, избегать лишних хлопот, забот, не брать на себя слишком много» - жажда ПОКОЯ (Иждивенчество - Покой; «Иждивенец»).
- 15) «Находить сочувствие, понимание в других людях, наслаждаться общением» - жажда ПОНИМАНИЯ (Общение - Взаимопонимание; «Общительный»).
- 16) «Усовершенствовать, упорядочить или переделать мир вокруг себя, сообразно своему представлению о том, как должно быть» - жажда ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (Преобразование - Среда; «Мироустроитель»).
- 17) «Пользоваться престижем, иметь успех, добиться признания» - жажда ПРИЗНАНИЯ (Честолюбие - Признание; «Честолюбец»).
- 18) «По возможности, не поступаться понапрасну личными интересами, блюсти свою разумную выгоду» - любовь к САМОМУ СЕБЕ (Эгоизм - Выгода; «Эгоист»).
- 19) «Жить независимо, пусть в чем-то себе отказывая, зато следуя своей страсти или убеждению» - жажда СВОБОДЫ (Самоопределение - Свобода; «Свободолюбивый»).
- 20) «Наслаждаться собиранием ценной коллекции, ее постоянным пополнением, обогащением» - любовь к СОБИРАТЕЛЬСТВУ (Собирательство - Коллекция; «Коллекционер»).
- 21) «Жить в достатке, иметь все необходимое, по возможности упрочить свое материальное положение» - жажда СОБСТВЕННОСТИ (Накопление - Собственность; «Собственник»).
- 22) «Всегда и во всем добиваться правды, отстаивать справедливость» - жажда СПРАВЕДЛИВОСТИ (Правдоискательство - Справедливость; «Правдоискатель»).
- 23) «Стараться во всякое дело внести свою выдумку, оригинальную идею, творческий подход» - жажда ТВОРЧЕСТВА (Творчество - Новое; «Творец»).
- 24) «Просто напряженно трудиться, находить в работе радость и смысл» - любовь к ТРУДУ (Труд - Дело; «Труженик»).
- 25) «По возможности, не отказывать себе в житейских радостях, удовольствиях, развлечениях» - жажда УДОВОЛЬСТВИЙ (Гедонизм - Удовольствие; «Гедонист»).

Модальности (= аспекты рассмотрения ценности или жизненного мотива), репрезентированные в соответствующих вопросах:

А. «ОДОБРЯЮ В ДРУГИХ ЛЮДЯХ...» - ЦЕННОСТЬ-ОРИЕНТАЦИЯ (= заявленная или декларированная ценность; ценность-ИДЕАЛ)

Б. «СВОЙСТВЕННО ЛИЧНО МНЕ...» - ЦЕННОСТЬ-ИНТЕНЦИЯ (= присвоенная или адаптированная ценность; ценность-ЦЕЛЬ)

В. «РЕАЛИЗУЕТСЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ...» - ЦЕННОСТЬ-РЕАЛИЗАЦИЯ (= действенная или актуализированная ценность; ценность-РЕЗУЛЬТАТ)

Г. «СОЖАЛЕЮ, КОГДА НЕ УДАЕТСЯ ВПОЛНЕ РЕАЛИЗОВАТЬ...» - ЦЕННОСТЬ-ПЕРЕЖИВАНИЕ (= значимая или интериоризированная ценность; ценность-ОТНОШЕНИЕ)

Кодировальный лист

Личность - жизнь Человека. Ради чего мы живем. Карта расшифровки

Ценности (динамизирующие силы)	А Идеал	Б Цель	В Результат	Г Отношение	Сумма баллов	Ранг ценности
1. БОРЬБА						
2. ВЛАСТЬ						
3. ВПЕЧАТЛЕНИЯ						
4. ДОБРО						
5. ДЕТИ						
6. ЗДОРОВЬЕ						
7. ЗНАНИЯ						
8. КОНФОРМИЗМ						
9. КРАСОТА						
10. ЛЮБОВЬ						
11. НЕОБЫКНОВЕННОЕ						
12. ПОДВИЖНИЧЕСТВО						

13. ПЕРСПЕКТИВА						
14. ПОКОЙ						
15. ПОНИМАНИЕ						
16. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ						
17. ПРИЗНАНИЕ						
18. САМ ("Я")						
19. СВОБОДА						
20. СОБИРАТЕЛЬСТВО						
21. СОБСТВЕННОСТЬ						
22. СПРАВЕДЛИВОСТЬ						
23. ТВОРЧЕСТВО						
24. ТРУД						
25. УДОВОЛЬСТВИЕ						

Пол ____ Возраст ____ Образование ____ Род занятий ____ N (пароль)

Процедура первичной обработки результатов

Первичные результаты (все ответы опрошенного) сводятся на кодировальном листе, в матрицу 25 x 4 [см. выше. А.А.]. Баллы, набранные каждым из 25 «жизненных стремлений» для каждого вопроса, суммируются по строкам (А + Б + В + Г).

Ценность признается **приоритетной** (жизненный мотив - ВЕДУЩИМ) для данной личности, если сумма набранных баллов по четырем вопросам, для соответствующего «жизненного стремления», равна или больше некоего нормированного количества (например: 22, при $\max = 7 \times 4 = 28$).

Ценность признается **отвергаемой** данной личностью, если сумма набранных баллов, соответственно, ниже некоего нормированного количества (например: 10, при $\min = 1 \times 4 = 4$).

Таким образом, формируются наборы (комбинации, ансамбли) как приоритетных, так и отвергаемых ценностей (жизненных мотивов), что рассматривается как некая **интегральная** характеристика ценностной направленности данной личности.

Предметом отдельного анализа может стать структура модальностей для всякой данной ценности или для группы ценностей. Тогда рассматривается соотношение баллов, набранных соответствующими «жизненными стремлениями» при ответах на разные вопросы (А, Б, В, Г).

Установленная таким образом **ценностная направленность** личности может быть соотнесена с **поведенческой направленностью** (которая выявляется другой методикой).²⁹

Методика «Ради чего мы живем, или 100 нескромных вопросов о Вашей жизни...» подлежит опробованию на малых выборках. Она может быть использована для тестирования личности (построение индивидуализированных «ценностных портретов»), а также для разработки социальной типологии ценностной направленности личности.

Февраль 1983

1.2.6. «Ради чего мы живем?»: опыт применения методики

[Ниже - современное описание результатов испытания вышеприведенного теста. - А. А.]

²⁹ См. выше: «Как Вам живется...» (тест на выявление поведенческой направленности личности).

Опробование данной методики, предпринятое в очередном опросе инженеров объединения «Апатит» (N = 158) в 1983 г., показало ее принципиальную работоспособность. Тогда была произведена первичная обработка данных и построена матрица корреляционных связей (коэффициент парной корреляции Спирмена производных порядковых шкал - r) между ценностями (жизненными мотивами, или, как их еще называли авторы, «динамизирующими силами» личности).

Как и ожидалось, в статистической картине некоторые ценности «притягивались» друг к другу (сильная положительная связь), а некоторые «отталкивались» друг от друга (сильная отрицательная связь).

В частности, выявились несколько «плеяд» жизненных мотивов, в центре которых (плеяд) оказались:

- а) «подвижничество», «творчество»;
- б) «эгоизм» («я», как главная ценность), «признание» (со стороны других);
- в) «красота».

(Центральное положение этих ценностей выражалось в «богатстве», т.е. максимальном количестве **сильных** положительных связей с другими ценностями: $r > +0,3$).

В плеяду (а), кроме названных выше, вошли также: «добро», «справедливость», «перспектива»; в плеяду (б): «собственность» (материальный достаток), «власть», «иждивенчество» (покой); в плеяду (в): «любовь», «необыкновенное» (романтика).

Некоторые другие ценности заняли как бы промежуточное положение между указанными плеядами (на их «пересечении»). Так, ценность «преобразование» оказалась тесно связанной с основными ценностями плеяд (а) и (б); ценность «знание» - с основными ценностями плеяд (а) и (в).

Опираясь на полученную картину связей между различными жизненными мотивами, представляется возможным выдвинуть гипотезу по крайней мере о двух интегральных ценностных направленностях:

«НА СЕБЯ» и «НА ДРУГИХ».

(Понятно, что «творец» или «подвижник» может быть также и «честолюбцем» или «эгоистом», равно как и наоборот. Но это - в нашей выборке - менее вероятно, чем сочетание в одном лице, скажем, таких ценностей, как «творчество» и «подвижничество», или «эгоизм» и «признание»).

Вспоминая фундаментальное различие «доминанты на себя» и «доминанты на лицо другого», отметим, что концепции А.А. Ухтомского наша гипотеза не противоречит.

30

Тогдашнее опробование методики «Ради чего мы живем, или 100 вопросов о том, чего человеку надо» выявило необходимость внесения в нее и ряда корректив. Однако, как пишет мой соавтор, «обстановка в обществе становилась все более тяжелой, и очень скоро работу пришлось отложить до лучших времен» (Минакова С.Ф.. Ищу личность. Л., 1991, с. 90).

Глядя на эти методолого-методические попытки из сегодняшнего дня, отметим, что предложенный репертуар ценностей, равно, как и их методическая презентация (в формулах «жизненных стремлений»), куда более уязвимы для критики (априорный набор, не вполне адекватная операционализация!), чем наша концептуальная схема «модальностей» жизненных мотивов:

- «ценность-ориентация»; «ценность-интенция»; «ценность-реализация»;
- «ценность-переживание», и их эмпирических интерпретаций:
- «одобряю в других...»; «свойственно лично мне...»; «реализуется в моей жизни...»; «сожалею, когда не удается вполне реализовать...».

³⁰ См. об этом подробно ниже: глава 7 настоящего тома.

Именно через сопоставление ответов на эти 4 разных категории тестовых вопросов может, как нам кажется, исследоваться социально-психологический механизм «присвоения», «адаптации», «актуализации» и «интериоризации» социальных ценностей.

К сожалению, этот перспективный аспект методики дальнейшей разработки не получил.

А. А., декабрь 1999.

Справка

Адресую читателя также к позднейшим работам моей коллеги:

- Минакова С.Ф. *Нужен культ...* Л.: Лениздат, 1989.

- Минакова С. *Выгода от гуманизма / В человеческом измерении.* М.: Прогресс {?}, 1989.

- Минакова С.Ф. *Ищу личность.* Л.: Лениздат, 1991.

- Минакова С.Ф. *Экология личности (теоретические и методологические основы).* Кировск, 1999.

- Минакова С. *Целостная личность. Учебное пособие курса «Экология личности» (вып. 3).* Кировск, 1999.

- Минакова С. *Предотвращение экологической катастрофы (учебное пособие по экологии личности).* Кировск - Апатиты: изд. МУП «Полиграф», 2000.

Из наших совместных работ конца 1970-з – начала 1980-х годов укажу три:

- Алексеев А., Минакова С. "Скажи мне, чем ты увлечен?.." // *Литературное обозрение*, 1980, № 9.

- Алексеев А., Минакова С. *Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)* // *Нева*, 1982, № 3.

- Алексеев А., Минакова С. *Овладение специальностью и овладение собой* // *Молодой коммунист*, 1982, № 10.

1.3. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ³¹

- А на что счастье? - невольно совсем из меня вырвалось.

И вот я думаю: а верно - на кой оно? - пустота и безжизние, безмыслие блаженства. Фу! - жирно, сыто, тяжело счастье - статично.

Страдание - динамично; лучше жизнь как есть: с тем и тем и их энергетическими перепадами.

Счастье - заливное; бланманже блаженства. Кисель. Недаром оно как молочные реки в кисельных берегах представляется...

Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести). М., 1994, с. 32-33 (Текст датирован - 1969)

...Счастье не в том, чтобы делать всегда, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь...

³¹ Материалы настоящего раздела представлены также и в ДСиСА – 1 (раздел 6.4). Здесь они приводятся повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

Л. Толстой (цит. по: Энциклопедия мысли. Сборник мыслей, изречений, афоризмов, максимов, парадоксов, эпиграмм. Симферополь, 1996, с. 552)

Если хочешь быть счастливым, будь им.
Сочинения Козьмы Пруткова. «Плоды раздумья»

1.3.1. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)

[Ниже - одноименная статья, написанная в соавторстве с С. Минаковой и опубликованная в журнале «Нева» (1982, № 3). - А. А.]

- СЧАСТЛИВЫ ЛИ ВЫ СЕГОДНЯ?

Такой вопрос был задан в одной из социологических анкет выпускникам вечернего факультета Ленинградского горного института в заполярном городе Кировске. При этом нас интересовало не только то, стал ли каждый окончивший институт хоть чуточку счастливее. Хотелось углубить наши профессиональные представления о человеческом счастье, об истоках удовлетворенности жизнью.

Невозможно, изучая личность, обойти этот вечный вопрос. Вечный потому, что каждый человек по-своему решает его, и еще потому, что счастье всегда было в дефиците на нашей планете.

Обыденное сознание чаще всего связывает радость жизни с целями и достижениями. Мать скажет вам, что счастье в том, чтобы вырастить детей и она испытает удовлетворение только тогда, когда поставит их на ноги. Человек, увлеченный работой, возразит, что лишь тогда, когда он что-то там внедрит, улучшит, выполнит, он сможет вздохнуть свободно и почувствует себя удовлетворенным. Изобретатель будет уверять, что счастье в том, чтобы решить наконец-то головомную техническую проблему. Потребитель скажет, что он будет счастлив тогда, когда приобретет вещи, о которых давно и страстно мечтает. Влюбленный скажет, что счастье в любви. Студент-вечерник заметит, что сейчас о счастье некогда и задуматься, а по-настоящему все начнется только с получением диплома.

И каждому кажется, что лишь **достигнув** определенных целей, он, **владеющий** всем, о чем мечтал, к чему стремился, чего добивался, сможет зажить особой жизнью, наконец-то «заняться собой» и делать что-то такое, «до чего раньше руки не доходили».

Загадка халифа

Если бы счастье и впрямь состояло в обладании, то кто бы был счастливее халифа Абдурахмана III Победителя, которому в X веке удалось объединить мусульман в Испании и основать Кордовский халифат? Халиф был не только прекрасным организатором, но и самобытным социальным психологом: объектом исследования он сделал собственную жизнь и вечную проблему человеческого счастья. Перед смертью его волновали не столько блистательно разрешенные им политические проблемы, сколько проблема парадоксальной неуловимости счастья, которое невозможно «овеществить» и удержать в руках. А поскольку халиф не был склонен писать философские трактаты, он ограничился тем, что велел начертать на своей гробнице следующую надпись:

«Я наслаждался всем - почетом, богатством, высшей властью. Государи, мои современники, завидовали моему счастью и моей славе: они искали дружбы моей. Я отмечал в течение всей своей жизни все те дни, когда я испытывал чистое и настоящее удовольствие, и за 50 лет царствования я насчитал их только 14».

Халиф не справился с решением проблемы, но еще тысячу лет назад он поставил интересный эксперимент и получил убедительный результат: счастье и удовлетворенность

жизнью вовсе не обязательно сопутствуют достижению высокого социального статуса, влияния на ход дел, признания, материальной обеспеченности... Халиф, правда, не упоминает так называемого «счастья в личной жизни», но можно предположить, что в то время у восточных владык не возникало семейных осложнений.

А теперь представим на миг, что в одно прекрасное утро добрый волшебник разрешил все проблемы, стоящие перед людьми. Мать вдруг обнаружила, что ее дети выросли и в ее опеке больше не нуждаются, на производстве все улучшено, внедрено и выполнено, изобретение сделано, волновавшие воображение вещи приобретены, а новенький диплом вместе с нагрудным знаком лежит на письменном столе, на том самом месте, где только что громоздились чертежи к дипломному проекту. Мир и благополучие многих из этих людей разрушатся. С иными случится примерно то же, что происходит с железнодорожным составом, который вдруг попытались остановить вместо того, чтобы перевести на другой путь.

Человек окажется вырванным из привычной ему сферы вовлеченности, исчезнут напряжения и заботы, расшатаются внутренние скрепы личности, окажутся парализованными ее динамизирующие силы. Этого не будет, если только человек сумеет найти себя в новой сфере деятельности, забот и тревог. А это уже новая жизнь, новая история.

Ведь если сказка кончается словами: «И стали они жить-поживать и добра наживать», - то дальше уже рассказать нечего, да и самим героям сказки жить скучновато. Разве что вздохнет иногда Василиса Прекрасная: «А помнишь, Иван-Царевич, как ты Змея-Горыныча победил?». Теперь-то Иванушка и не совладал бы с окаянными при своей полноте... «Твоя правда, Василисушка! Блинов у нас много, а забот никаких!».

Есть ли у счастья слагаемые

Нам тоже многие секреты человеческого счастья стали известны не сразу. Один из авторов этой статьи был удивлен не меньше, чем халиф-психолог, когда в 1969 году опросил выпускников вечернего факультета, оправдались ли их надежды в связи с окончанием вуза, и получил следующее соотношение ответов: оправдались полностью - 45 процентов, частично - 40 процентов, совсем не оправдались - 5 процентов. (Не ответили - 10 процентов). Как! С таким трудом добытый диплом радует далеко не каждого? С тех пор проблема удовлетворенности людей собственными достижениями стала предметом специального исследования.

Одно за другим шли анкетирования, углубленные интервью, экспресс-интервью, фотографии бюджета времени... Сопоставлялись образы жизни, жизненные тонусы, мотивы деятельности студентов-вечерников и инженеров - выпускников того же вуза. Когда десять лет спустя авторы, объединившие свои усилия, не только получили очередное подтверждение устойчивости приведенного выше соотношения, но и обнаружили некоторое, пусть небольшое смещение в минус по шкале ответов, они готовы были именно к такому результату.

В 1979 году ответы на вопрос об удовлетворенности после окончания вуза распределились так: надежды оправдались полностью - 35 процентов, частично - 50 процентов, совсем не оправдались - 10 процентов. (Не ответили - 5 процентов).

Сейчас не будем останавливаться на том, о чем именно мечтали студенты, когда они самоотверженно, совмещая работу с учебой, сражались за диплом, и какие именно обстоятельства помешали их мечтам сбыться. Заметим только, что сам по себе факт достижения поставленной цели не сделал этих людей счастливее. Особенно трудно пришлось тем из наших героев, кто рассматривал диплом как счастливый конец к сказке своей жизни. Серьезных «поломок» при резком торможении избежали те, кто сумел сразу переключить высвободившуюся энергию в новую сферу деятельности.

В одной из анкет мы предложили нашим инженерам оценить степень их удовлетворенности восемнадцатью различными «сторонами жизни» и жизнью в целом - в

годы учебы и теперь, то есть после окончания вуза. Динамика жизнеощущения, по данным исследования, проведенного в небольшой группе из ста двадцати девяти выпускников вечернего факультета Ленинградского горного института, ныне работающих в производственном объединении «Апатит» (люди по преимуществу сорокапятилетнего возраста, из них двадцать девять женщин), дает повод для размышлений.

Нет такого аспекта, обстоятельства жизни (кроме, разве что, состояния здоровья, редко улучшающегося с годами), для которого не наблюдалось бы хотя бы небольшого роста удовлетворенности опрошенных, от периода обучения в вузе к настоящему времени. Для некоторых же сторон жизни этот рост просто разителен.³²

Например, своим нынешним материальным положением, обеспеченностью вещами, жилищными условиями довольны около 80 процентов опрошенных против 40 процентов довольных этим же раньше. Существенно возросли также удовлетворенность занимаемым общественным положением и возможностью участия в общественной жизни (тоже в 1,5-2 раза). Несколько более умеренным предстает прогресс удовлетворенности своей основной профессиональной деятельностью.

Эти субъективные самооценки вполне согласуются с наблюдаемым у наших героев ростом благосостояния, приобретенным социальным статусом - со всем тем, что принято относить к жизненным достижениям.

С другой стороны, более чем скромным оказывается нарастание удовлетворенности некоторыми иными сторонами жизни - такими, например, как возможности расширения культурного кругозора или содержание досуга. Мера удовлетворенности кругом повседневного общения для нынешнего момента не выше, чем для прошлого.

Исходя из расхожего представления о счастье, естественно было ожидать, что итоговые самооценки удовлетворенности жизнью и «ощущения счастья» в целом все же взлетят вверх. Но нет! Правда, наши инженеры несколько чаще, чем говоря о времени обучения в вузе (впрочем, ненамного чаще!), характеризуют обстоятельства своей жизни как благоприятные. Что же касается счастья... Выясняется, что признающих себя счастливыми ныне среди опрошенных не больше, чем счастливых тогда, когда они работали и учились.

Показательна следующая пропорция, выявленная специальным анализом. Свыше тридцати пяти процентов инженеров, судя по их ответам, теперь чувствуют себя «менее счастливыми» чем раньше. Около сорока процентов сегодня счастливы «не более», чем в годы учебы. И лишь у четверти опрошенных счастья как будто «прибавилось».

Вот лишнее подтверждение тому, что счастье - не в достижении и обладании. Его нельзя выводить как сумму нескольких благополучно изменяющихся социальных переменных. Все отмеченные признаки жизненного благоустройства - в лучшем случае более или менее важные условия для счастья, но не его слагаемые, ибо слагаемых у счастья нет, потому что счастье - это не сумма достижений, а состояние. Счастье - это... Но погодите, секрет счастья пока еще не раскрыт и до рецептов дело не дошло.

Не владеть, а овладевать

Говорят, что дети - прирожденные гедонисты, они умеют быть счастливыми, здоровый инстинкт им подсказывает, что счастье не в том, чтобы владеть, а в том, чтобы овладевать новым предметом, постигать его устройство, узнавать, что у него внутри, что он может и чего «не умеет» делать. В процессе познания и овладения эти маленькие счастливицы буквально снимают сливки удовольствия, ломая новую игрушку. Страсть к овладению настолько велика, что она преодолевает страх перед наказанием.

³² Стоит подчеркнуть, что речь идет не о росте удовлетворенности той или иной стороной жизни или жизнью в целом у отдельных людей, а о росте удовлетворенности **группы**, т. е. о более высоком проценте удовлетворенных лиц в составе группы. С этой точки зрения некоторые высказывания авторов статьи (о росте удовлетворенности и т. п.) являются не вполне точными. - А. А. Июль 2012.

Не эта ли страсть к овладению (не к обладанию!) выделила человека из мира животных? Не в том ли первое человеческое стремление, чтобы понять и подчинить себе силы природы вместо того, чтобы приспособиться к ним?

По-видимому, психология стремления к «достижению» и обладанию начала развиваться с появлением частной собственности. В капиталистическом обществе она стала господствующей. «Достижения», фиксированные в материальном достатке, богатстве, стали поистине всеобщим мерилем преуспевания. Однако теперь уже не надо долго доказывать, что преуспевание и успех не то же самое, что счастье и удовлетворенность жизнью. Иначе американские кинодивы никогда не кончали бы самоубийством, а миллионеры были бы самыми счастливыми жителями планеты (как и некоторые халифы).

Именно поэтому люди, ориентированные на «достижения», в итоге нередко оказываются разочарованными и чувствуют себя обманутыми.

Ошибочно думать, что личность взрослого человека есть нечто неизменное, не требующее развития, так что зрелому человеку ничего более уже не остается, как нести свою раз навсегда сформировавшуюся личность через изменяющиеся жизненные обстоятельства. Личность нельзя представлять также как сосуд, который можно непрестанно наполнять знаниями и опытом, обеспечивая тем самым ее (личности) «углубление» и «обогащение».

Наши наблюдения показывают, что на протяжении жизни человека личность нуждается в многократных структурных преобразованиях. По-видимому, в каждый этап или период жизни (характеризующиеся своими конкретными жизненными целями, кругом занятий, направленностью интересов) личность проходит три фазы развития.

Первая фаза - «ОВЛАДЕНИЕ». Это пора подчинения себе внешних обстоятельств. Сама новизна объекта (новая работа, учеба, хобби, семья, любовь и т.д.) требует постоянного принятия решений. Каждый шаг сопряжен с выбором, подлежит осмыслению, превращается в Поступок.

Вторая фаза - «ПЛАТО». Здесь наступает относительное равновесие и включаются инерционные механизмы. Навыки усвоены, знания получены, новая сфера деятельности обжита, взаимное узнавание закончилось, все меньше шероховатостей в отношениях, в мелочах достигнут удобный автоматизм. Все меньше элементов риска, эксперимента, усилий.

Третья фаза - «ПРИСПОСОБЛЕНИЕ» либо «ВЗРЫВ». Человек начинает ощущать психологический и именно поведенческий «недогруз» (творческий, познавательный и т.д.). Действия, ранее требовавшие решений, риска, выбора, становятся рутинными, поступки вытесняются «текучкой», собственно деятельность сменяется функционированием. Она утомляет, не принося радости.

Далеко не всегда человек рискует сменить сферу преимущественной вовлеченности. Зачастую он, увы, боится расстаться с миром внешнего благополучия, пренебрегая благополучием внутренним. А иные решаются на жизненную перемену, уходят на новую работу или поступают в вуз, аспирантуру, находят себе новую область творчества, отваживаются полюбить или перейти в отстающую бригаду. Тогда прежняя структура личности «взрывается», на ее месте возникает новая - личность как бы обновляется.

Не каждый может «бросить все» и уехать на целину, на БАМ, перейти в отстающую бригаду или заняться творчеством, это не так просто сделать. Но каждый может решить насущную проблему развития своей личности, например, продолжить образование. Учеба - один из наиболее благородных и престижных способов выхода из кризисного состояния личности.

Учеба дает ощущение перспективы, устремленности в будущее. Это как бы овладение будущим. Учеба тонизирует, навязывает напряженный ритм

жизнедеятельности, способствует росту самоуважения. Конечно, учиться и работать трудно, но кто сказал, что счастье - это легко?

Как самое радостное и светлое в памяти обследованных нами инженеров-выпускников, бывших заочников и вечерников, сохранилось именно то, что связано с напряжением, познавательными нагрузками, овладением. Дадим им слово:

«Прекрасная пора! В жизни есть цель! Стремишься ее достичь. Это делает тебя более организованным и собранным». «Постоянная загруженность, нехватка времени, увлеченность начатым делом»... «Состояние занятости, целеустремленности, широкий круг общения»... «Было трудно, но интересно познавать новые науки»... «Постоянное насыщение новым, цейтнот, бессонные ночи, желание знания свои применить на практике»... «Напряжение жизни»... «Постоянная нехватка времени, а вместе с тем всюду успевали»... «Самое интересное, что на все хватало времени».

Тут все психологические компоненты счастья: ощущение перспективы, увлеченность, интерес, целеустремленность, собранность, загруженность, нехватка времени и победа над временем - овладение ситуацией. Именно отсюда - «чувство молодости, энергии, дружбы, товарищества, стремительный бег времени, быстрый водоворот жизни».

Но счастье - это не вещь, которую можно всегда хранить при себе. Окончен институт, получен диплом, достигнута заветная цель, преодолен очередной рубеж, но впереди еще целая жизнь, и счастлив в ней тот, кто сумел найти новое увлечение, новую цель, новую перспективу, загруженность, собранность, новую нехватку времени и новые победы над временем...

«Не то» счастье

А если ничего этого найти не удалось? Прежняя работа перестала увлекать, никаких существенных жизненных перемен не предвидится, кажется, что и учиться уже больше «нечему», а главное «незачем». Структура личности стареет. Возникает психологическое напряжение, которое разные люди снимают по-разному. Чаще всего напряжение снимается, точнее - снижается - за счет снижения претензий. Происходят и другие социально-психологические метаморфозы.

Здесь уместно рассказать о результатах сопоставления «внутренних структур» жизнеощущения обследованных нами инженеров в разные периоды их жизни. Одни и те же вопросы задавались каждому в прошедшем, настоящем и будущем времени.

Вопросы такие (для минувшего периода обучения без отрыва от производства):

«Считаете ли Вы, что...

...обстоятельства жизни в этот период складывались для Вас благоприятно?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои материальные потребности?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои культурные потребности?

...в этот период жизни Вам удалось развить свои способности?

...в этот период жизни Вам удавалось свои способности реализовать?

...в это время Вы были счастливы?»

Аналогичный блок вопросов - применительно к современному периоду жизни, и почти такой же - по поводу жизненных ожиданий...³³

Справка

³³ Аналогичная «обойма» вопросов применялась авторами в биографической методике «Размышление о жизни» - для самооценки опрашиваемым **каждого** из выделенных им самостоятельно жизненных периодов. См. ниже: глава 3.

Использовалась стандартная 7-пунктовая шкала: 1 - «это совсем не так»... 4 - «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 - «это так и есть». Для будущего времени: 1 - «уверен, что будет не так»... 4 - «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 - «уверен, что так и будет».

(Эта методика, позволяющая получить комплексную характеристику жизнеощущения - ретроспективного, актуального и прожективного - является оригинальной и впервые применена авторами настоящей статьи).

Читателю уже известно, что сегодняшняя жизненная ситуация оценивается нашими инженерами позитивно («обстоятельства складываются благоприятно») несколько чаще, чем прежняя, а счастливых сегодня не больше, чем счастливых вчера. Добавим к этому: число считающих, что им сегодня удастся удовлетворять свои материальные потребности, вдвое больше, чем число удовлетворивших их раньше, а для культурных потребностей рост показателя удовлетворенности оказывается куда менее значительным. А как же развитие и реализация способностей? Тут просто удивительная стабильность массовой самооценки (разумеется, при том, что у кого-то эта самооценка от прошлого к настоящему возрастает, у кого-то снижается, и лишь у 35-40 процентов остается неизменной).

Итак, жизнь наших героев, бывших студентов-вечерников, а ныне инженеров, в целом «улучшилась», их потребности удовлетворяются все полнее; правда, их способности развиваются и реализуются как будто «не больше», чем прежде. А счастливых поубавилось... Судите сами, чего людям не хватает для счастья.

Но главный интерес представляют все же качественные, структурные изменения, происходящие в жизнеощущении личности. Эти качественные изменения видны со всей отчетливостью, если проанализировать, как сопрягаются друг с другом ответы наших героев на уже известные читателю вопросы.

(В математической статистике это называется корреляционным анализом. Вычисляемые при этом коэффициенты связи показывают, часто или редко, случайно или закономерно позитивные ответы на один вопрос сочетаются с позитивными же ответами на другой, соответственно, негативные ответы - с негативными).

Жизнеощущение человека в период учебы без отрыва от производства, как правило, отличается целостностью. Все компоненты этого жизнеощущения тесно связаны между собой. «Ощущение счастья» предстает производным из благоприятных жизненных перспектив, реализации способностей, их саморазвития, «на службе» у которого стоит удовлетворение материальных потребностей.

Немало людей, которые были счастливы вопреки тому, что их материальные потребности удовлетворялись не в полной мере. Развитие и реализация способностей - вот чем обусловлено «тогдашнее» счастье.

Жизнеощущение того же человека пять-десять лет спустя приобретает своеобразную «разорванную» структуру. В ее графическом изображении³⁴ усматриваются две автономные части. В одной - по-прежнему тесно связанные друг с другом реализация и развитие способностей. В другой - не менее тесно связанные друг с другом удовлетворенность жизненной ситуацией в целом и «мера счастья», с которой теснейшим образом связано удовлетворение материальных потребностей.

Счастливым здесь оказывается скорее тот, кто наиболее полно удовлетворяет свои материальные потребности. Развитие и реализация способностей отходят на второй план, они как бы на периферии интересов человека. Это уже в буквальном смысле «не то» счастье».

Из чисто методических соображений мы не рискнули спросить, ожидают ли наши герои счастья впереди. Но все остальные вопросы о будущем были заданы. И здесь

³⁴ Имеется в виду граф структуры корреляционных связей между переменными.

выяснилось принципиальное и, в известном смысле, обнадеживающая особенность «прожективного» жизнеощущения.

Для будущего благоприятность жизненной ситуации теснейшим образом связывается уже не с удовлетворенностью материальных и даже культурных потребностей, а - вновь - с развитием способностей и их реализацией. Вот, оказывается, какого счастья хотелось бы!

Сказанное, разумеется, не следует понимать буквально, в том смысле, что каждый ждет своего «звездного часа». Многие как раз уже и не ждуг, и их низкая самооценка перспектив развития и реализации способностей обеспечивает низкую же итоговую самооценку жизненных перспектив в целом. Но нас сейчас интересовало не то, ожидают ли для себя «лучшего» или «худшего», а то, с чем связывается очередное ожидание.

Подведем краткий итог. В воспоминаниях наших инженеров-выпускников удовлетворенность жизнью (равно как и связанное с нею «ощущение счастья») тем выше, чем больше развивались и реализовались способности; в их оценке настоящего она оказывается обусловленной главным образом удовлетворением личных потребностей (прежде всего - материальных); в их жизненных ожиданиях - удовлетворенность тем ниже, чем менее вероятна новая жизненная самоактуализация личности.

Но у иных она наверняка состоится.

Человек, решившийся на ту или иную жизненную перемену (и тем самым обеспечивший вступление своей личности в очередную фазу «овладения») становится в значительной мере хозяином своей судьбы. Человек, не сумевший быстро выйти на новый жизненный рубеж, становится целиком зависимым от внешних обстоятельств.

* * *

О людях, которые умеют «ловко устроиться», говорят, что они умеют жить. Это неверно. Умеет жить тот, кто умеет жить так, как живут, например, многие студенты - вечерники и заочники. Но можно ли так прожить всю жизнь?

Чтобы разобраться в этом, мы берем углубленные интервью у наших выпускников, совершенно счастливых и не очень счастливых. Кропотливо сравнивая разные периоды в жизни каждого, мы надеемся понять, почему одни счастливы, а другие нет. Итоги этого исследования подводить еще рано. Но уже ясно, что счастье - это всегда подъем в гору, это усилие, напряжение, победа над собой и над обстоятельствами, это преодоление и овладение.

Разумеется, продолжение образования - далеко не единственный «рецепт» счастья. Но сейчас, когда широко дискутируются проблемы так называемого «непрерывного образования» - образования на протяжении жизни, этот избранный нами пример («оселок» для оттачивания определенного взгляда!) приобретает особую актуальность.

Итак, БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ ИМЕННО СЕГОДНЯ!

Не откладывайте свое счастье до той поры, когда окончательно, бесповоротно добьетесь своего, достигнете цели, результата, успеха, финиша. Когда, наконец, получите диплом, защитите диссертацию, женитесь на любимой, изобретете новое устройство, купите заветный автомобиль. Будьте счастливы сегодня.

Не торопитесь наживать
Того, с чем жаль расстаться.
Не бойтесь вовремя бросать,
Не бойтесь заново начать,
Не бойтесь начинаться!³⁵

³⁵ Стихи С.Ф. Минаковой.

Потому что счастье - это даже не только овладение внешними обстоятельствами, это прежде всего преодоление пределов, которые нам ставит собственная стареющая структура личности. Потому что только ОВЛАДЕВАЯ действительностью, человек создает себя.

Ремарка 1: «В тяжести возрастает пальма!»

Если бы авторы этой статьи были знакомы с тогда еще не опубликованным эпистолярным наследием А.А. Ухтомского, они, пожалуй, процитировали бы в ней рассуждение Ухтомского из письма к В.А. Платоновой (1940):

«...Подчас именно среди... тяжкого труда находим мы впервые червонное золото, которым живем и питаемся всю жизнь. А еще чаще состояние так называемого «счастья» превращает человека в существо глухое и слепое, тупое сердцем и разумением ко всему, что вне его собственного существования...»

...Древнеримская поговорка говорила: in pondere crescit palma. Это значит: в тяжести возрастает пальма. Мысль та, что именно борьба с тяжестью, с отягощением дает пальме так прямо и высоко подниматься в своем росте все вверх!..» (Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996, с. 192-193).

(Ср.: счастье как «преодоление пределов», а не «достигнутый предел»...).

А вот фрагмент «заметок на полях книг» А.А. Ухтомского, который, даже если бы был известен, вряд ли решились бы полностью процитировать в 1982 г.:

«...Люди привыкли думать в терминах, выработавшихся для твердых тел. Когда социалисты говорят о «счастье», которое они будто бы вырабатывают для человечества, о «счастье, творцом которого должен быть сам человек» и т. под., они мыслят это счастье тоже как своего рода твердое состояние. «Превратить счастье в ТВЕРДОЕ СОСТОЯНИЕ», - вот так приходится формулировать задачу, поставленную перед человечеством у социалистов...»

...В наших глазах счастье и счастливый человек (поскольку дело идет не об абстракции, а о конкретной действительности) - вещи не чрезвычайно ценные! Справедливо говорили, что исключительно счастливым человеком, бесприммерно счастливым человеком был князь Платон Зубов. И не надо сбиваться в речах о счастье и счастливых на абстракции, - надо всякий раз вспомнить конкретный образ действительно счастливого человека. Ну, вот, - вспоминайте же всякий раз о князе Платоне Зубове! Тут ведь и счастье и всего ближе к устойчивости и «твердому состоянию».

Для нас же и князь Платон Зубов, и счастье его - это дрянь, пакость, которые хочется обойти как загаженное место!

Вот, пожалуй, и не удивительно, что находя общее и согласное для себя в социализме, пока дело идет о примате ОБЩЕСТВЕННОГО над ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИМ, мы - христиане - решительно уходим от социализма с того момента, как речь заходит о создании СЧАСТЛИВЫХ людей, о превращении всех в князей Платонов Зубовых!..» (Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997, с. 408).

(Ср.: счастье как «процесс», а не «состояние»...).

...Вышеприведенная статья «Способ быть счастливым» была одной из трех работ «тандема» С. Минакова - А. Алексеев на эти темы, опубликованных в массовой печати в начале 1980-х.³⁶ (Май 2000).

³⁶ См. выше: список литературы в разделе 1.2.

Ремарка 2: совпадение независимо полученных результатов

Как уже отмечалось, С.Ф. Минаковой принадлежит оригинальная (сложившаяся еще до нашего сотрудничества!) концепция «трех фаз» развития личности: «овладение»; «плато»; «приспособление либо взрыв» - в промежутках между «микрореволюциями личности».

Эта концепция сформировалась в итоге ее многолетних исследований отношения рабочих и инженеров к продолжению образования (студенты-вечерники, затем - выпускники вузов), с использованием методик самофотографии бюджета времени и опросных методов, и была защищена в качестве кандидатской диссертации в 1979 г.

Близкий к этому теоретико-прикладной результат, примерно в то же время, был независимо получен психологом (ныне - докт. культурологии) Ларисой Георгиевной Брылевой, на базе серии психодиагностических исследований динамики личности и корректирующих психолого-педагогических методик в сфере любительского и профессионального искусства.

В позднейшей работе Л.Г. Брылева так резюмирует свой анализ этой проблемы:

«...Многолетние лонгитюдные исследования выявили динамику жизни личности и творческого коллектива. Тенденции фазовости, сменяемости, цикличности их развития оказалась достаточно выраженной и устойчивой...»

Первым следует восходящий этап **«подъема»** (здесь и далее - выделено мною. - А.). Входя в новое для себя культурное объединение, в иную общность людей, человек получает возможность для удовлетворения потребностей, не удовлетворенных ранее, в других сферах деятельности (профессиональной, учебной, спортивной, дружеских компаниях и т. д.). «Включаясь» («встраиваясь») в мир общечеловеческих ценностей через овладение инструментальным и экспрессивным видами деятельности конкретного коллектива, человек приобщается к иному наполнению референтной для себя общности «Мы» и при этом ощущает самого себя («Я») тоже поднявшимся на новую ступеньку. Повышается «эмоционально-волевая стабильность», «самодостаточность», понижается вторичный фактор «общей тревожности». Налицо общее состояние удовлетворенности.

Это - стадия **«расцвета»** (плато результативных достижений). Она же - начало «застоя». Следующая, нисходящая стадия - **«падение»**, переходящая либо в кризис, уход участников, развал коллектива, либо в нахождение новых перспектив, целей, задач (инструментальных или экспрессивных) - и **новая стадия, аналогичная первой**. (Л.Г. Брылева. Онтология самореализации личности как предмет прикладной культурологии. Автореф. докт. дисс. СПб, 1998, с. 29).

(Ср. этот текст с описанием «трех фаз», например, в «Способе быть счастливым»).

Полагаем, что сходство (вплоть до терминологии!) результатов, полученных разными людьми, независимо друг от друга, на разном материале и разными методами, - является лишним аргументом в пользу их (этих результатов) соответствия действительности. (Март 2000).

1.3.2. Счастье — дар, который сумели принять

...Счастье нечто совсем-совсем иное, чем представляют себе те, кто его не знает... Я никогда не считал счастье чем-то веселым и легким, а всегда чем-то таким же серьезным, трудным и строгим, как сама жизнь, - и, может быть, я ПОДРАЗУМЕВАЮ ПОД НИМ саму жизнь. Я его не "выиграл", оно мне не "выпало" - я его ВЗЯЛ НА СЕБЯ, повинувшись некоему чувству долга, некоей морали, некоему врожденному императиву...

"Счастье" - это СЛУЖЕНИЕ... Я ничего себе не облегчил. Счастье, МОЕ счастье, МОЕ счастье - это слишком в высокой степени переживание, волнение, познание, мука, оно слишком чуждо покою и слишком родственно страданию...

Томас Манн. Из письма брату Генриху. 1904.

...Состояние счастья - самое глухое, глубокое состояние человека. Это состояние наибольшей глухоты ко всему, что делается в жизни кроме тебя...

...Непрестанно ищущему, непрестанно страждущему, непрестанно проступающему вперед человеку объясняют, что подлинный его смысл и удовлетворение в том, что он живет в трехмерном пространстве, что он должен быть здоров и экономически обеспечен, это поистине предлагать камень вместо яйца и абстракции вместо действительности в ее живой полноте. И смысл, и цель, и полнота, и живое содержание человеческой жизни - в обществе, в общем деле, с такими же другими, в способности раствориться в жизни других, то есть в любви...

А.А. Ухтомский. Из писем к Ф.Г. Гинзбург. 1927-1931 (цит. по: Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000, с. 400-401)

...Настоящее, подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье человек переживает лишь в эти напряженные и мучительные моменты подъема и труда, когда он хоть временно выходил из себя и видел то, что выше его!..

А.А. Ухтомский. Из письма к И.И.Каплан. 1923 (цит. по: Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996, с. 222)

Ремарка: не «стать», а «быть».

Как читатель уже мог заметить, наше толкование «счастья», в контексте всего изложенного, довольно далеко от обыденных и даже большинства философских трактовок.³⁷

Итак, счастье - не состояние, а процесс. Это жизненное напряжение, а не ублаженность. Это – преодоление пределов.

Вспоминается забавный эпизод из истории опубликования нашего со Светланой Минаковой очерка. Редакция ленинградского журнала «Нева» (1982), проявившая к нему безусловный интерес, вдруг, в последнюю минуту, вздумала «усовершенствовать» название и переименовала «Способ быть счастливым» - в «Способ стать счастливым». В

³⁷ Как отмечал Размик Месропович Айдинян (1940-2002), с которым автор имел радость дружить, «...среди общего разногласия мнений можно выделить две устойчивые ноты: 1) счастье – это покой и беззаботность; 2) счастье – удовлетворение от обладания благами в результате деятельной жизни» (Айдинян Р.М. Трактат о счастье. СПб.: Алетейя, 2008, с. 13). Р. А. обобщил свой обзор философской мысли на эту тему названием соответствующей главы своего «Трактата...»: «Счастье как цель человеческой жизни» (Там же).

Собственное определение Р.М. Айдиняна, «Счастье - это высшая мера удовлетворенности (сиюминутным состоянием, некоторой частью жизни или всей жизнью в целом) вследствие обладания внешними благами и добродетелями» (Там же, с. 32).

точности противоположно смыслу статьи. Понадобился авторский ультиматум отказа от публикации, чтобы такое переименование не состоялось.

...А и сказанным не исчерпывается содержание понятия «счастье». Ниже — одна из заметок моего коллеги и друга Романа Ленчовского, обнаруженных мною в своем архиве, вместе с его письмами первой половины 1980-х гг. (Август 2012).

= Р. Ленчовский. Из «Письма к дочери, когда она вырастет» (1984)

<...> Недоговариваем в себе, про себя, берем истины нравственные как бы займы, будто пущены они были «в оборот», а не сказаны опять-таки «про себя» — о себе, хотя бы и с надеждой быть услышанными. . .

Федор Михайлович Достоевский: «...Счастье личности есть вольное и желательное отрешение ее, лишь бы другим было лучше».

Почему бы не возникнуть «соблазну» стать безусловным «творцом своего счастья» (как это ни банально звучит), «осчастливив» или, по меньшей мере, «одарив» собою ближнего? Но не все так просто с этой максимой, положенной в основу тысячелетних идеалов... Решаешь суверенно: «сниму с себя рубашку». Это можно. А вот **чтобы отдать — нужно, чтобы приняли**. Что же — о душе говорить! Если же «отдавать» себя «всему человечеству», то и вовсе не понятно, как можно надеяться на «счастье»: совершенно очевидно, что такая самоотдача очень мало связана с понятием **тебя** как **Лица**.

Счастье — это НЕ ЦЕЛЬ³⁸ для лица, ибо не может оно быть [только. — А. А.] результатом личной деятельности. Счастье — дар, который сумели принять, **взаимодарение и взаимоприятие**.

На «самоотдаче» как принципе, «законе счастья» останавливаться в своем нравственном развитии нельзя. Это монизм, парадоксально игнорирующий «другого», хотя и хлопочет о нем. «Отдавать» себя, — но только без всякого самообнадеживания насчет собственного и всех «осчастливливаемых» лиц счастья. **Отдавать — как быть**.

Целью же может быть только достойная жизнь, выполнение долга как реализация собственного понятия о жизни, о своем «предназначении». <...>

Р. Л. [начало 1984 г. — А. А.]

Ремарка: интегральное представление о счастье.

...Глубоко и точно сказано Романом Ленчовским: **«Счастье — дар, который сумели принять»!**

Интересно, что в моих собственных рассуждениях тех лет на эту тему, включая вышеприведенный опыт социально-психологического рассмотрения «проблемы счастья», последнее трактуется довольно эгоцентрично. В полемике с «потребительской», «достижительной», «целевой» трактовкой («счастье — сумма достижений» и т. п.) выдвигалась «деятельностная», «экзистенциальная», «процессная» трактовка счастья как апофеоза духовно-практического овладения миром, «преодоления пределов», подчинения себе (опять же — себе!) как внешних, так и внутренних («внутри-себя»...) обстоятельств, и т. д.

Между тем, пожалуй, не менее значимо и перспективно представление о счастье как процессе **жизненной самоотдачи**, выходе за пределы эгоистического «я»; можно сказать — «альтруистическая трактовка» счастья, или «доминанта на Лицо другого», по А. А. Ухтомскому.

³⁸ В ДСиСА – 1 (раздел 6.4.3) случилась смысловая опечатка, к сожалению, воспроизведенная и в электронной версии книги, размещенной в интернете. А именно: потерялась частица НЕ (надо: «...не цель для лица»). Здесь эту опечатку исправляем. – А. А. Август 2012.

При таком переструктурировании «пространства» счастья оказывается, что: и «достижительная» стратегия — не так уж ущербна (возможно достижение, которого ждет от тебя другой...); и «деятельностная» — не бесспорна (тут ведь можно и другого «осчастливить», против его желания...); и даже самоотдача для другого (других) имеет смысл лишь тогда, когда... «дар принят» (как справедливо замечает мой друг).

Тогда приходим к интегральному представлению о счастье, которое, как нам кажется, близко к швейцеровскому «благоговению перед жизнью»:

«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить»³⁹ <...>. (Май-декабрь 2000).

Примечание

Темы «Человек и время» и «Что такое счастье», в других аспектах, рассматриваются также в ДСиСА – 1 (глава 6). См. также ниже: глава 7.

+++

³⁹ Об А.А. Ухтомском и об А. Швейцере см. ниже: глава 7.

Глава 2

КОМУ НА БАМЕ ЖИТЬ ХОРОШО

Содержание

- 2.1. Человек, его работа и жизнь на БАМе
- 2.2. Кому на БАМе жить хорошо
- 2.3. Личность строителя и социальная политика
- 2.3. Социологический портрет бригады строителей БАМ

2.1. ЧЕЛОВЕК, ЕГО РАБОТА И ЖИЗНЬ НА БАМЕ

Несколько вступительных слов

Ниже - композиция извлечений из научного отчета «Человек, его работа и жизнь на БАМе», подготовленного автором на материалах опроса, который проводился на Центральном участке БАМа, под руководством кандидата философских наук,, старшего научного сотрудника Института истории, филологии и философии СО АН СССР Владимира Николаевича Дьяченко, в сентябре-октябре 1977 г.

Краткая информация о социологическом исследовании «Строитель БАМа. 1977». Составитель исследовательской программы «Отношение к труду и социальная адаптация строителей БАМ» - В.Н. Дьяченко. Разработчики методики: А.Н. Алексеев и В.Н. Дьяченко, при участии А.В. Тихонова.

Обследованым были охвачены: один город («столица БАМа» - г. Тында) и 6 притрассовых поселков (поселки Хорогочи, Могот, Муртыгит и др.); 9 строительных организаций, в т. ч.: 4 строительно-монтажных поезда, 3 мехколонны и 2 мостоотряда.

Выборка (N = 1140 чел.) репрезентативна относительно Центрального участка БАМ (по состоянию на осень 1977 г.).

Среди опрошенных:

- 4/5 составляли мужчины; 2/3 - молодежь до 30 лет; около 2/3 - лица с полным средним образованием и выше; 60 % - выходцы из европейской части СССР; около 2/3 заявили, что считают себя горожанами (причем до 40 % приехали на стройку из крупных городов);

- работали раньше на стройках в районах пионерного освоения - 17 %; работают на БАМе менее 2-х лет - половина; свыше половины - приехали на БАМ с семьей; на момент обследования, семейных (включая успешных сформировать семью за время пребывания на БАМе) - 2/3; имеют в семье детей дошкольного возраста - 1/3;

- проживают в щитовых домах - 3/4, в полевых вагончиках - 1/5.

= Из научного отчета «Человек, его работа и жизнь на БАМе» (1979)

Да не робей за отчизну любезную...

Введение

<...> Строительство Байкало-Амурской магистрали является крупнейшей целевой государственной социально-экономической программой, потребовавшей изыскания не только громадных материальных средств, но и многочисленных людских ресурсов. Массу людей понадобилось: а) привлечь на «стройку века»; б) организовать для совместного эффективного труда; в) обустроить и «жизнеобеспечить» на период строительства. И все это - в предвидении необходимости решения более широких и дальних задач комплексного освоения зоны БАМ (программа, в рамках которой сама по себе прокладка железной дороги является лишь первоначальной и «стержневой» задачей).

<...> Каждому из названных направлений социальной политики отвечает свой «узел» социальных проблем, причем решение любой из них, очевидно, должно сообразоваться с решением остальных, и действительный успех реализации каждой «ближней» цели в конечном счете измеряется прочностью плацдарма, созданного для достижения более дальних целей. Этот критерий «перспективности» является довольно жестким и побуждает к критической оценке достигнутых социальных результатов, насколько о них позволяют судить материалы обследования, проведенного на Центральном участке БАМ в сентябре-октябре 1977 г.

(Опрос по методике «Строитель БАМа» проводился в 9 различных строительных подразделениях и в 8 населенных пунктах. Всего опрошено 1140 чел. Обследование репрезентативно относительно генеральной совокупности строителей, занятых на Центральном участке БАМ. Его общие выводы могут быть распространены также на строительство БАМ в целом, исключая Восточный участок, где работы ведутся преимущественно военными строителями). <...>

[Далее - текст резюмирующей части научного отчета. А.А.]

А. Кто и зачем едет на БАМ

К делу строительства «второго Транссиба» и начала комплексного освоения зоны БАМ оказались привлечены трудовые ресурсы из всех регионов Советского Союза. При этом одну треть (примерно) многотысячного коллектива строителей составили кадры сибиряков и дальневосточников (прежде всего - оттянутые с других строек Востока), и две трети приехали из европейских (главным образом) районов страны.

Строительство БАМ потребовало в основном мужского труда (на 80 % строительные подразделения укомплектованы мужчинами), а суровые природно-климатические условия ближнего Севера и Северо-Востока страны - крепких, здоровых молодых людей, так что до 2/3 строителей составила молодежь до 30 лет, а самой массовой на стройке возрастной группой явились 25-29-ти летние (около 30 %).

Это возраст, когда в большинстве случаев у человека уже образовалась (или должна была образоваться) своя семья; поэтому формирование нового гигантского строительного коллектива потребовало массовой «передвижки», миграции целых семей, по преимуществу - молодых, и с малолетними детьми. Свыше половины строителей приехали на БАМ с семьями, а с учетом вновь образовавшихся (уже на новом месте) семей, доля семейных среди всех опрошенных достигает уже 70 %.

На 2/3 коллектив строителей составлен из горожан, причем до 40 % приехали на стройку из крупных городов (типа областного центра). Работали ранее на стройке

⁴⁰ Опущенное в отчете продолжение эпитафия: «...Вынес достаточно русский народ. / Вынес и эту дорогу железную, / Вынесет все, что Господь ниспошлет».

немногим более половины нынешних строителей БАМ, до 29 % имеют опыт жизни и работы в условиях пионерного освоения.

Итак, соотношение «ветеранов» и «новичков», кадрового ядра строителей, для которых освоение новых северных территорий стало естественным «делом жизни», и приехавших сюда с Запада и Юга, из материальных, романтических или патриотических побуждений, составляет примерно 1 : 4.

Собственно «комсомольским набором» на ударную комсомольско-молодежную стройку, каковой является БАМ, сделан важный вклад в комплектацию контингента строителей БАМ, однако было бы неверно этот вклад переоценивать. Среди обследованных в конце 1977 г. строителей на Центральном участке БАМ доля приехавших по комсомольской путевке (общественному призыву) не превышает трети. Основную же массу строителей ныне составили поступившие в порядке индивидуального найма.

86 % опрошенных являются комсомольцами; членов и кандидатов в члены КПСС - 12 %.

В иерархии мотивов, привлечших людей на «стройку века», преобладают материальные соображения, на втором месте - мотив личного самоутверждения (так наз. «романтический» мотив), патриотический мотив, как таковой, формулируется опрошенными строителями заметно реже. Разумеется, в сознании всякого человека эти мотивы могут переплетаться, однако большинство способно четко определить для себя преобладающий, господствующий мотив.

«Романтические» побуждения отмечались чаще материальных стимулов лишь молодыми людьми в возрасте до 25 лет (а таких на стройке не более трети). По поводу основной части строителей (включая самую массовую возрастную группу 25-29-летних) можно с уверенностью сказать, что они приехали на БАМ скорее «за деньгами», чем «за запахом тайги» или из осознанных патриотических побуждений. Свыше трети опрошенных предполагают заработать на БАМе на личную автомашину (и сообщили об этом). Иные рассчитывают решить для себя насущные проблемы материального, жизненного благоустройства (например, заработать деньги на кооперативную квартиру по прежнему месту жительства).

Такая «материалистическая» установка стимулируется удвоенным (за счет «северного» и иных коэффициентов) уровнем заработной платы, по сравнению с соответствующей работой в районах, откуда приехало большинство строителей. Средний заработок строителя БАМ приближается к 400 руб., правда, при существенной дифференциации заработка для различных половозрастных и профессиональных категорий строителей. Так, около трети строителей зарабатывают свыше 400 руб., и около четверти - менее 300 руб. в месяц.

Приезд на строительство, для всех без исключения, связан с заключением трехлетнего трудового договора. Само по себе строительство БАМ - задача, рассчитанная как минимум на две пятилетки (X и XI-я). Однако не более четверти строителей ехали на БАМ с намерением проработать там до окончания строительства магистрали. Правда, большинство допускало для себя возможность возобновления трудового договора по истечении первого 3-летнего срока, если условия труда и жизни покажутся подходящими. (Немногим более 15 % опрошенных строителей ехали на БАМ заранее уверенные, что проведут там не больше трех лет).

Как явствует из уже сказанного, ожидания и требования большинства приехавших на БАМ могли состоять: а) в возможности хорошо поработать и заработать, для решения своих насущных жизненных проблем, не исключая мотива личного самоутверждения (для наиболее молодых); б) в возможности обеспечить себе, и особенно - своей семье, на этот период такие жизненные условия, чтобы ведущий мотив приезда не оказался «дискредитирован» (обесценен). Иначе говоря, человеку важно, чтобы «приобретения» (в

самом широком смысле) были не меньше «затрат», т.е. проезд на строительство БАМ оказался «эффективным» (с точки зрения решения той или иной жизненной задачи).

Уровень жизненных притязаний строителей стимулировался также их образовательным уровнем, который в среднем у бамовцев выше, чем на любой иной стройке. Достаточно сказать, что по крайней мере четверть всех опрошенных рабочих-строителей (а среди молодежи и еще больше) имеют среднее специальное или незаконченное высшее образование. Образование ниже полного среднего имеют не более 40 % опрошенных строителей, в основном из старших возрастных групп.

Как же отвечает «стройка века» жизненным ожиданиям молодых (по преимуществу) людей, с полным средним (по преимуществу) образованием, уже успевших (в большинстве случаев) создать свою семью и стоящих (как правило) перед проблемой дальнейшего жизненного самоопределения?

Строительство БАМ нуждается не просто в «рабочих руках», а в квалифицированных кадрах по самому широкому кругу профессий.

Строители-транспортники, в узком смысле слова (монтеры пути, мостостроители, монтажники, и т.п.) составляют среди опрошенных не более четверти, и даже если прибавить к ним экскаваторщиков, бульдозеристов и т.п. - наберется только треть всех строителей. Несколько больше трети приходится на долю строителей общего профиля (каменщики, плотники, штукатуры и т.п.), занятых в основном гражданским строительством. Одной из самых массовых профессий на строительстве являются шоферы (12 % всех опрошенных). Примечательно, что менее 10 % составляют рабочие, труд которых можно определить как малоквалифицированный или неквалифицированный.

Человек «без специальности» на БАМе не нужен. И тем не менее более чем для половины строителей проезд на БАМ оказался связан со сменой специальности. Большинство в этой категории приобрели свою нынешнюю профессию уже на БАМе (чаще - непосредственно в ходе работы, реже - на специальных курсах) либо непосредственно перед отъездом на БАМ (в порядке стажировки в комсомольско-молодежных отрядах, готовящихся к отправке на строительство). Около трети опрошенных успели поработать на БАМе уже более чем по одной специальности. Вообще же работают сейчас по профессии, которая была для них и раньше (до БАМа) основной, не более 45 % обследованных строителей. Все это - свидетельства далеко не «гладкого» процесса профессионального самоопределения приехавших на БАМ, особенно - молодых людей.

Весьма сильно дифференцированы и заработки. Как показывает анализ, главным фактором этой дифференциации является не продолжительность работы на строительстве, и даже не уровень квалификации, а сам характер профессиональной занятости. Наиболее «высокооплачиваемыми» являются профессии, связанные с управлением самоходными механизмами, а также монтажники и трубоукладчики. Большинство представителей этих профессий зарабатывают свыше 400 руб. в месяц. Относительно низки заработки у строителей общего профиля (штукатуры и маляры; по преимуществу - женщины). Менее 300 руб. в месяц зарабатывает большинство работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда (подсобники и т.п.).

Как видно, удовлетворение преобладающего среди строителей материального интереса (мотива приезда на стройку) во многом обусловлено характером труда, возможностью найти работу по своей профессии или приобрести соответствующую специальность. Отсюда, не случайно, что, по данным опроса, максимальным является «разочарование», неудовлетворенность своей работой на БАМе у тех, кого не удовлетворяет нынешняя профессия, в том смысле - что она не сулит особенно высоких заработков. Наиболее же удовлетворены своей профессией, да и работой на БАМе в целом, как раз представители упомянутых ранее высоко оплачиваемых и потому - особенно престижных профессий (монтажники, трубоукладчики, шоферы, экскаваторщики и т.д.).

В какой мере оправданными оказываются надежды людей, приехавших на строительство БАМ, в плане возможности «хорошо поработать»?

Наше обследование показало: а) относительно высокую массовую удовлетворенность строителей своей профессией (вполне удовлетворены ею свыше половины опрошенных); б) заметно более низкую удовлетворенность производительностью труда (вполне удовлетворены ею не более трети); в) еще более низкую удовлетворенность размерами заработка (вполне удовлетворены зарплатой менее четверти); г) наконец, минимальную удовлетворенность условиями и организацией труда на стройке (здесь доля вполне удовлетворенных не превышает 15 %).

Неудовлетворенность условиями и, особенно, организацией труда на стройке, выражаемая не только ответами на абстрактный вопрос - о мере удовлетворенности этой стороной работы, но и конкретными указаниями на простои (свыше половины опрошенных), и на сверхурочные (свыше 2/3) - эта неудовлетворенность является действительно массовой и всеобщей. Характерно, что она практически равновысока в различных социальных и профессиональных группах; несколько больше варьируют соответствующие показатели удовлетворенности (неудовлетворенности) по различным строительным подразделениям.

Отсюда явствует, что истоки указанной неудовлетворенности тем, как организован труд на стройке, являются общими для всех строителей

Вообще, проведенный анализ позволяет утверждать, что в иерархии факторов, определяющих отношение к труду, оценку своей работы в целом и организации труда, как «самого слабого звена», в частности, господствуют факторы, связанные с общим положением дел на строительстве БАМа, на втором - локальные особенности (уровень руководства, производственная ситуация во всяком данном строительном подразделении), и уже только потом идут факторы, связанные со спецификой той или иной профессии. Острее всего воспринимают недостатки в организации труда самая массовая и, в известном смысле, ключевая в контингенте строителей группа «среднемолодежных» возрастов (25-29 лет). Повышенной является также степень неудовлетворенности условиями и организации труда у женщин-строителей.

Примечательно, что мера удовлетворенности своей работой почти не зависит от размеров заработка (в интервале месячного заработка от 200 до 450 руб.). Из этого и ряда других социологических фактов (например, тесная связь удовлетворенности зарплатой и производительностью своего труда и др.) можно заключить, что недостаток удовлетворенности вызван в конечном счете не тем, что «мало платят», а тем, что нет условий для более эффективного (и с точки зрения производственной задачи, и с точки зрения заработка) трудового вклада. Не случайно, что главным предметом неудовлетворенности, при преобладающем материальном мотиве приезда на БАМ, является именно организация труда, а не величина заработка, как таковая.

Обобщая, можно сказать, что подавляющее большинство строителей ищут на БАМе не «длинного», а ЗАРАБОТАННОГО рубля. И в этом, принципиально важном моменте своих жизненных ожиданий значительную часть строителей постигает разочарование. (Именно «заработать», в смысле - сделать большой трудовой вклад и, соответственно, получить за него большее трудовое вознаграждение, здесь не удастся. А можно - только получить определенную денежную компенсацию за тяжелые условия труда и жизни в условиях пионерного освоения).

Высказанные соображения подкрепляются данными самооценки «общественного самочувствия» на стройке. При массовом распространении на всей трассе особой формы социалистического соревнования под девизом «Ты - хозяин стройки!», менее половины опрошенных дают позитивный ответ на вопрос «Чувствует ли Вы себя хозяином, активно влияющим на положение дел на своем участке?» и не более трети отвечают положительно на тот же вопрос, отнесенный к положению дел на своем предприятии.

В. Строители БАМ о своем быте и досуге

Люди едут на БАМ, готовые к трудовому напряжению и испытанию суровыми условиями ближнего Севера и Северо-Востока. Судя по данным нашего опроса, сами по себе природно-климатические условия вполне устраивают большинство строителей. Подавляющее большинство (особенно среди молодежи) заявляют, что чувствуют себя в местных условиях «хорошо», даже «отлично». Не более 5 % указывают на трудности физиологической адаптации. (Отсюда не следует, что эти трудности не существуют, даже для молодых людей). Однако чрезвычайно высока массовая неудовлетворенность строителей организацией социально-бытовой стороны жизни в зоне БАМ.

Наш опрос проводился не среди «таежных десантов», а в «столице БАМа» - г. Тында (600 опрошенных) и в 7 притрассовых поселках, с относительно стабилизированной социальной инфраструктурой. Здесь две трети строителей проживают с семьями. Из них подавляющее большинство - с детьми. По крайней мере в каждой второй семье есть дети дошкольного возраста.

Около $\frac{3}{4}$ обследованных проживают в так называемых щитовых домах. Это - основной тип жилища в зоне БАМ. Еще 20 % проживают в полевых вагончиках, более или менее приспособленных к полевым условиям. В вагончиках проживает как бессемейная молодежь, так и семьи с детьми (последние - несколько реже, чем бессемейные). Полевые вагончики являются постоянным жилищем для строителей в «столице БАМа» до сих пор - не реже, чем в притрассовых поселках. (Обитателей вновь построенных каменных домов в нашей выборке на 1140 чел. оказалось 24 чел., почти исключительно в г. Тында).

Своими жилищными условиями не удовлетворены от $\frac{2}{3}$ опрошенных строителей, проживающих с семьей в полевом вагончике, до четверти опрошенной семейной молодежи, проживающей в щитовых домах. (Интересно, что повышенной, по сравнению с другими населенными пунктами, является неудовлетворенность своими жилищными условиями у строителей, проживающих в «столице БАМа»).

Еще менее, чем жилищными условиями, удовлетворены строители состоянием торговли и снабжения в зоне БАМ. Если в первом случае доля удовлетворенных (хотя бы относительно) все же превышает 50 %, то во втором она ниже 40 % от общего числа опрошенных. Немногим чаще встречаются лица, удовлетворенные состоянием общественного питания. Среди прочих элементов социальной инфраструктуры особенные нарекания вызывает транспортное обслуживание. Практически ни один из видов обслуживания (кроме названных - также медицинское и культурное обслуживание) не получили позитивной оценки хотя бы у половины опрошенных строителей.

Отвечая на «открытый» (не имеющий подсказок) вопрос анкеты, около половины опрошенных указали на дефицит овощей и фруктов, свыше трети отметили нехватку мясных продуктов и около трети констатировали недостаток продуктов молочных. Свыше четверти указали на плохое снабжение меховыми изделиями и другими видами теплой одежды. Дефицит тех или иных детских товаров отмечен 13 % опрошенных (что для «открытого» вопроса также очень много!).

От 45 до 20 % опрошенных указали, что испытывают особенный недостаток в бане, учреждениях бытового обслуживания, детском саде, яслях, спортивных сооружениях.

Существенно важным социологическим фактом является социально-демографическая однородность отношения строителей БАМ к недостаткам социально-бытового и культурного обслуживания. Доли удовлетворенных (и зеркально - не удовлетворенных) условиями жизни в населенном пункте примерно одинаково велики среди мужчин и женщин, старых и молодых, семейных и бессемейных, выходцев из города и из села. А это значит, истоки указанной неудовлетворенности лежат в неких объективных обстоятельствах и факторах, равно действующих для различных социальных групп, а не в субъективных особенностях восприятия жизненных условий, которые можно было бы отнести за счет возраста, пола, семейного положения и т.д..

Из социально-демографических факторов степень удовлетворенности (неудовлетворенности) условиями жизни заметно обусловлена лишь уровнем образования (чем выше образовательный уровень - тем ниже степень удовлетворенности). Примечательно, что ветераны северныхстроек, которых уж никак не упрекнешь в «избалованности», несколько более строги в своих оценках, чем те, кто никогда раньше не работал на стройке.

Не более 40 % обследованных строителей БАМ выразили удовлетворенность тем, как им удается проводить свое свободное время. Здесь надо сказать, что до 15 % опрошенных учатся (в вечерней школе, техникуме, вузе). Но в качестве «интересных занятий на досуге» учеба называлась редко. Примечательно, что выше всего удовлетворенность досугом в группах с минимальным и максимальным образованием. (Природа этой удовлетворенности, очевидно, различна: люди с более низким образованием в массе своей менее требовательны к условиям проведения досуга; люди с более высоким образованием умеют содержательно наполнить свой досуг, даже в неблагоприятных условиях).

Итак, возможность обеспечить себе и - особенно - своей семье более или менее удовлетворительные условия существования на время пребывания в зоне БАМ большинством строителей ставится под сомнение. Это - второе крупное разочарование строителей (пусть на этот счет и не строилось таких иллюзий, как в отношении работы и заработка).

Г. Жизненные планы строителей БАМ

Сопоставление оценок, которые дают строители различным сторонам своего труда и жизни, как они складывались до отъезда на БАМ, и ныне, на БАМе, оказывается далеко не в пользу нынешнего периода жизни опрошенных.

Надо сказать, что менее всего снизилась удовлетворенность такими аспектами своей жизни, как заработок и материальное положение семьи. Однако и здесь доля вполне удовлетворенных тем и другим «в прошлом» почти в полтора раза больше соответствующей доли удовлетворенных «на сегодняшний день». Впрочем, 70 % опрошенных считают, что их материальное положение улучшилось. Таким образом, снижение удовлетворенности той или иной стороной жизни не обязательно вызвано абсолютным ухудшением, а скорее несоответствием результатов ожиданиям. Возросшая (по сравнению с добамовским периодом) неудовлетворенность части опрошенных, скажем, материальным положением семьи есть неудовлетворенность, так сказать, «темпами» его роста, с учетом преобладающей материальной мотивации поступления на строительство БАМ.

Вместе с тем, в отличие от оценки опрошенными жизненных перспектив, как они складывались на последнем месте жительства (где сравнительно немногие могли рассчитывать, по их собственному заявлению, на производственный рост, улучшение материального положения, жилищных условий), перспективная оценка нынешнего положения (возможность позитивных изменений в ближайшие год-два) предстает довольно оптимистичной. В основе этого оптимизма лежат формирующиеся у строителей новые жизненные планы, предусматривающие чаще всего обратную миграцию из зоны БАМ.

Отвечая на вопрос о своих нынешних жизненных планах, сообщили о своем намерении «осесть», остаться в зоне БАМ и после окончания строительства лишь 6 %. 23 % предпочитают уехать после окончания строительства. Еще 12 % уверенно заявляют, что собираются работать не дольше срока трудового договора». 8-9 % не стали скрывать своего намерения «уволиться и уехать со строительства БАМ до окончания срока трудового договора». И почти половина (47 %) занимают выжидательную позицию, собираясь работать «до окончания срока трудового договора, а там видно будет».

(Из проведенного анализа явствует, что для значительной части строителей работа и жизнь на БАМе выступают промежуточным звеном миграции из села в город или обратной миграции не адаптировавшихся в городах выходцев из села. В основном же приезд на БАМ и последующий отъезд оказывается своеобразной «маятниковой миграцией» с амплитудой колебания, растянутой во времени на несколько лет, а в пространстве - на несколько тысяч километров).

Планы жизненной стабилизации (включая намерение остаться до окончания строительства магистрали) более характерны для представителей старших возрастов. И чем моложе строитель, тем вероятнее его предстоящий отъезд с БАМа. Выходцы из городов предполагают стабилизироваться в зоне БАМ реже, чем выходцы из села. Чем более издалека приехал строитель, тем более вероятен у него обратный миграционный план.

Существенно отметить, что формирование планов жизненной стабилизации практически никак не связано с теми оценками, которые дают строители различным сторонам труда и жизни на БАМе. План жизненной стабилизации в зоне БАМ, судя по всему, диктуется совсем иными факторами, чем условия труда, размеры заработка, условия жизни в населенном пункте и т.д. Здесь решающую роль играет, по-видимому, совокупность жизненных обстоятельств, связанная с возрастом, предыдущим местом жительства (город - село), районом выезда (Восток - Запад), опытом жизни на Севере и работы на стройках такого типа, т.е. предшествующим опытом жизни, логикой жизненного пути.

Иное дело - миграционные планы. Их формирование, конечно, тоже существенно обусловлено предшествующими обстоятельствами и жизненным опытом человека, но они также существенно «управляются» конкретными, «сиюминутными» факторами, толкающими к отъезду.

Д. Кому на БАМе жить хорошо

Несмотря на массовую неудовлетворенность отдельными сторонами труда и жизни на стройке, итоговые, результирующие оценки, которые дают строители своей нынешней работе и жизни на БАМе, предстают довольно высокими. О своей безусловной («полной») удовлетворенности жизненной ситуацией, как она сложилась на сегодня, заявили около четверти опрошенных. 40 % «скорее удовлетворены, чем нет» (относительная удовлетворенность). Еще четверть опрошенных затруднились с ответом на соответствующий вопрос (можно назвать это «относительной неудовлетворенностью»). И, наконец, не более 10 % безусловно не удовлетворены.

Объяснение этому противоречию «неудовлетворенности» в отдельных, частных аспектах и «удовлетворенности» жизненной ситуацией в целом может быть осуществлено за счет введения в него координаты времени. Дело в том, что массовая неудовлетворенность здесь относится к данным условиям труда и жизни, как таковым, а состояние итоговой удовлетворенности складывается в свете представления о нынешней жизненной ситуации, как временной, т.е. в свете дальнейших перспектив. (Люди как бы смотрят на настоящее из ожидаемого ими для себя будущего).

Специальный анализ соотносительной роли различных факторов для формирования итоговой самооценки жизненной ситуации строителя БАМ (будь она позитивной или негативной) показывает, что решающее психологическое значение для этой самооценки имеют факторы, связанные именно с работой (профессия, условия и организация труда, размеры заработка и др.), а не с социально-бытовой стороной жизни. Фигурально говоря люди едут на БАМ РАБОТАТЬ, А НЕ ЖИТЬ (что вполне согласуется с ясно выраженными миграционными планами значительной части строителей).

Напомним, что преобладающим мотивом поступление на строительство БАМ является мотив материальный. Этому мотиву подчинена и мера удовлетворенности строителя БАМ своей нынешней работой и жизнью. В пользу такого утверждения

свидетельствует и тесная связь степени удовлетворенности своей жизненной ситуацией на БАМе с размерами заработка, и ряд других фактов.

Среди строителей БАМа удовлетворен своей жизненной ситуацией на данный момент скорее тот, кто больше зарабатывает. В значительной мере - это итог действительной (а не декларируемой) социальной политики, проводимой в деле освоения новых районов.

Примечательно, однако, что в жизнеощущении строителей БАМ очень сильна не только «узко-эгоистическая», материальная, но и гражданственная компонента, связанная прежде всего с участием в управлении производством. Еще более тесно, чем с мерой удовлетворенности размерами заработка, итоговая самооценка своей нынешней работой и жизнью связана с фактором ощущения себя «хозяином, активно влияющим на положение дел в своем коллективе».

Итак, доволен своей работой и жизнью на БАМе скорее тот, кто больше зарабатывает, но еще скорее - тот, кто при этом имеет основания заявить, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЗЯИН** - на своем рабочем месте, на своем участке, на своем производстве.

Разумеется, ощущение себя хозяином и удовлетворенность размерами заработка также довольно тесно связаны между собой.

2.2. КОМУ НА БАМе ЖИТЬ ХОРОШО

[Ввиду особой важности предлагаемого социологического сюжета ниже приводятся фрагменты не из резюмирующей части научного отчета (как это делалось до сих пор), а из его основного корпуса, где произведен детализованный анализ структуры жизнеощущения строителей БАМ, в связи с их жизненными планами. - А. А.]

<...> На вопрос «В какой мере Вы удовлетворены своей нынешней жизнью и работой (в целом)?» ответили, что вполне удовлетворены, 26 % опрошенных строителей Байкало-Амурской магистрали; скорее удовлетворены, чем нет, - 40 %; затруднились с ответом на данный вопрос - 24 %; дали тот или иной негативный ответ на этот вопрос - 10 %.

На первый взгляд, степень итоговой удовлетворенности своей жизненной ситуацией достаточно высока. Важно, однако, понять, ЧТО стоит за этим результатом. Каковы содержание, структура, факторы отмечаемой удовлетворенности (неудовлетворенности) работой и жизнью на БАМе? <...>

<...> Как уже указывалось в нашем отчете *[в опущенной здесь его части. - А. А.]*, позитивную оценку условиям и организации труда на «стройке века» дали менее четверти опрошенных. Свыше половины констатируют наличие простоев, не продуманных производственных заданий. Высока неудовлетворенность строителей производительностью своего труда. Менее половины согласны с утверждением, что они «чувствуют себя хозяином, активно влияющим на положение дел» на своем участке.

Особенно критичными являются оценки, которые опрошенные дают жизнеобеспечению, социально-бытовым условиям в районе строительства. Немногим более трети опрошенных удовлетворены снабжением. Вполне удовлетворены своими жилищными условиями не более трети проживающих в щитовых домах и лишь один из десяти обитателей «молодежных» и «семейных» вагончиков.

Отмечалось также, что из всего предложенного в анкете списка сторон труда и жизни нет такой, которая сегодня (на БАМе) оценивалась бы опрошенными выше, чем

соответствующая сторона труда и жизни на прежнем месте жительства. Особенно сильным является «падение удовлетворенности», по сравнению с прежним состоянием, в таких аспектах, как условия и организация труда, жилищные условия и условия жизни в населенном пункте. (В последнем случае доля вполне удовлетворенных уменьшается вдвое, а для некоторых категорий опрошенных даже втрое).

Что касается, близких перспектив, возможности каких-либо изменений в ближайшие год-два работы на строительстве, то оптимистичную позицию в отношении производственного роста занимает лишь треть опрошенных, то же - в отношении жилищных условий; правда, свыше половины ожидают улучшения своего материального положения.

Но все это - тоже только «внешняя» эмпирическая картина... Каков социально-психологический механизм соединения низкой удовлетворенности отдельными сторонами жизни и работы на БАМе с высокой, по видимости, удовлетворенностью работой и жизнью в целом? <...>

<...> Рассмотрим статистические связи между ответами на резюмирующий вопрос об удовлетворенности (неудовлетворенности) нынешней жизненной ситуацией и оценками отдельных сторон труда и жизни. Иначе говоря, проанализируем зависимость итоговой переменной (удовлетворенность - неудовлетворенность работой и жизнью в целом) от таких ее латентных составляющих (структурных переменных), как оценки отдельно взятых сторон жизни и работы.

Для измерения тесноты связи всякой данной структурной составляющей с итоговой переменной воспользуемся индексом, предложенным Л. Кесельманом (см. Кесельман Л.Е.. Метод уточнения факторов производственной эффективности. Рукопись. 1980).

Этот индекс вычисляется по формуле:

$$И = \frac{P / ij - P / i}{P / i} = \frac{P / ij}{P / i} - 1 ,$$

где: P / ij - доля i -той градации итоговой переменной в совокупности выделенной по j -той градации k -той структурной переменной, а P / i - доля всей совокупности, попавшей в каждую i -тую градацию итоговой переменной. В случае взаимного притягивания состояний i и j (что, по-видимому, должно иметь место, если переменная, рассматриваемая в качестве структурной, действительно является таковой) величина $И$ является положительной. Она тем больше, чем значительнее превышение величины P / ij над P / i и, стало быть, теснее связь между состояниями i и j .

(Все же, для удобства обозрения, приведем в таблице также и «сырые» данные).

Таблица 1

Факторы позитивной или нега- тивной оцен- ки работы и жизни на БАМе	Итоговая удовлетворен- ность нынешней работой и жизнью			Итоговая неудовлетво- ренность нынешней ра- ботой и жизнью		
	Доля лиц, удовлетво- ренных своей ны-	И/уд	Ранг	Доля лиц, не удов- летворен- ных своей	И/неуд	Ранг
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

	нешней ра- ботой и жизнью (*)			нынешней работой и жизнью (*)		
- Оценка своего физического са- мочувствия	73,9	0,12	6	51,1	0,51	4
- Отношение к профессии	73,7	0,11	7	59,8	0,76	1
- Оценка усло- вий и организа- ции труда	82,9	0,25	1-2	47,7	0,41	6
- Оценка разме- ров заработка	82,5	0,25	1-2	56,9	0,68	3
- Оценка рабо- ты в целом	80,8	0,22	3	58,6	0,73	2
- Оценка жилищ- ных условий	77,7	0,18	4-5	45,7	0,35	7
- Оценка усло- вий жизни в населенном пункте	77,7	0,18	4-5	49,3	0,45	5
- Средние доли по всей выборке:						
а) удовлетво- ренных	66,1					
б) не удовлет- воренных				33,1		
(своей нынеш- ней работой и жизнью на БАМе)						

Примечание

В обоих случаях речь о доле удовлетворенных (соответственно, не удовлетворенных) своей работой и жизнью в совокупности удовлетворенных (соответственно, не удовлетворенных) данной стороной жизни на БАМе.

Отметим, что рассматриваемые «стороны жизни», строго говоря, не являются рядоположенными. Так, оценка работы в целом сама по себе является интегральной переменной относительно таких структурных составляющих, как отношение к профессии, оценка условий и организации труда, оценка размеров заработка. Однако для удобства последующего анализа мы свели все интересующие нас переменные в единую таблицу.

Итак, какова соотносительная роль рассматриваемых факторов в формировании итогового (интегрального) отношения строителей БАМ к своей нынешней работе и жизни?

Прежде всего, обращает на себя внимание, что все указанные частные аспекты значимы для интегральной оценки жизненной ситуации. Далее, заметим, что ранжировки факторов итоговой удовлетворенности и итоговой неудовлетворенности (если рассматривать их как отдельные показатели) не совпадают. То есть зависимость здесь вовсе не линейная. Наконец, показатель интегральной удовлетворенности коррелирует с любой из структурных переменных слабее, чем показатель интегральной

неудовлетворенности. (Можно сказать, что последний более «чувствителен» к указанным факторам, чем первый).

Показатель итоговой неудовлетворенности нынешней работой и жизнью теснее всего связан с неудовлетворенностью своей бамовской профессией. (Анализ показывает, что наиболее удовлетворены работники высокооплачиваемых профессий - монтажники, экскаваторщики, бульдозеристы, отчасти - шоферы). За профессией в этой ранжировке следуют: «работа в целом» и размер заработка.

<...> Показатель же итоговой удовлетворенности теснее всего связан с удовлетворенностью условиями и организацией труда, размером заработка и, опять же, «работой в целом». <...>

Последние места в обеих ранжировках занимают: жилищные условия, условия жизни в населенном пункте и собственное физическое самочувствие.

Как видно, для итоговой самооценки жизненной ситуации строителя БАМа (будь она позитивной или негативной) решающее психологическое значение имеют факторы, связанные именно с работой, а не с социально-бытовой стороной жизни. Фигурально говоря, ЛЮДИ ЕДУТ НА БАМ РАБОТАТЬ, А НЕ ЖИТЬ...

Выше в нашем отчете отмечалось, что преобладающим мотивом приезда на БАМ является материальный: на него указали 53 % опрошенных; 45 % обозначили мотив личного самоутверждения и 23 % - общественно-патриотический мотив. (Сумма процентов больше 100, поскольку некоторые опрошенные отмечали более чем один мотив).

Теперь мы видим, что и мера удовлетворенности (неудовлетворенности) строителей БАМ нынешней работой и жизнью достаточно отчетливо подчинена именно материальному мотиву, т.е. реализуемой или не реализуемой возможностью хорошо зарабатывать.

Сказанное подтверждается и данными о прямой (почти линейной!) зависимости итоговой удовлетворенности (неудовлетворенности) нынешней работой и жизнью, уже не от субъективных оценок размера заработка, а от собственной величины этого заработка.

Таблица 2

Группа заработка	Доля лиц	
	безусловно или относительно не удовлетворенных (*)	безусловно или относительно удовлетворенных (*)
	своей работой и жизнью на БАМе	
до 200 руб.	52,8	47,2
200-250 руб.	44,4	55,7
250-300 руб.	30,1	70,0
300-350 руб.	37,8	62,3
350-400 руб.	35,8	64,2
400-450 руб.	26,2	73,8
450-500 руб.	20,5	79,4
свыше 500 руб.	17,1	82,8

Примечание

В обоих случаях речь идет о доле удовлетворенных (соответственно, не удовлетворенных) в составе соответствующей группы заработка.

Итак, среди строителей БАМ доволен работой и жизнью на данный момент скорее тот, кто больше зарабатывает (будь то мужчина или женщина, молодой или уже не молодой человек, сибиряк или москвич, нынешний обитатель «столицы БАМа» или небольшого притрассового поселка). Таков социальный итог реальной политики эксплуатации материальных стимулов привлечения кадров на стройку.

Из представленной картины данных явствует, что интегральная удовлетворенность строителей БАМ своей нынешней жизненной ситуацией («работой и жизнью в целом») тем выше, чем успешнее можно ПОРАБОТАТЬ и больше ЗАРАБОТАТЬ за три года. (А это зависит скорее от профессии или от условий и организации труда, чем, скажем, от развития социальной инфраструктуры, социально-бытового обслуживания, вообще - жизнеобеспечения). И, соответственно, интегральная неудовлетворенность тем выше, чем менее «эффективными» (с точки зрения условий труда и заработка) оказывается пребывание в зоне БАМ. <...>

Но главный ключ к объяснению парадоксально высокого показателя удовлетворенности строителей БАМ своей нынешней работой и жизнью на «стройке века» дает соотношение оценок нынешней жизненной ситуации с жизненными планами.

Отвечая на вопрос «Как долго Вы собираетесь работать на строительстве БАМ?» лишь 6 % указали на свое намерение «осесть» в этом районе, остаться в нем и после окончания строительства. Еще 23 % предполагают работать до окончания строительства магистрали. 47 % определенных планов не строят: «собираюсь работать до окончания срока договора, а там видно будет». Еще 12 % уверенно заявляют, что собираются работать «не дольше срока трудового договора». Наконец, 8-9 % не стали скрывать своего намерения «уволиться и уехать со строительства БАМ до окончания срока трудового договора».

Первые две группы можно объединить в понятие плана «жизненной стабилизации» (это - менее трети опрошенных). Среднюю - определим как занимающих «выжидательную позицию» (это - около половины). Наконец, последние две группы уже сегодня четко формулируют «миграционный план»: выезд обратно, откуда приехали, или в другое место.

(Здесь стоит заметить, что частота стабилизационных жизненных планов, фигурально говоря, обратно пропорциональна расстоянию «места выхода» от района строительства. Это наглядно видно, если расположить районы, откуда приехали строители, в порядке убывания доли планирующих остаться в зоне БАМ до завершения строительства магистрали: Восточная Сибирь, Дальний Восток, Западная Сибирь, Урал, Казахстан и другие среднеазиатские республики, европейская часть РСФСР - без Урала, Украина, Белоруссия. Планы жизненной стабилизации в зоне БАМ чаще формируют ветераны северных строек. Миграционный план чаще формируют те, кто не удовлетворен своей бамовской профессией и/или условиями и организацией труда).

Итак, отмеченная, по видимости высокая удовлетворенность строителей БАМ нынешней жизнью и работой - это есть, в массе своей, не что иное, как признание жизненной необходимости приехать сюда (по возможности, на короткий срок!), чтобы решить свои насущные (в основном материальные) проблемы, «ПЕРЕТЕРПЕТЬ» ТРИ ГОДА, и покинуть эти места, а вовсе не осесть во вновь осваиваемом районе (декларируемая цель социальной политики освоения и развития районов прокладки «второго Транссиба»).

Считают же себя не удовлетворенными своей нынешней работой и жизнью на БАМе прежде всего те, чьи расчеты на решение поставленной перед собой такого рода жизненной задачи НЕ ОПРАВДАЛИСЬ, и перспектив позитивных изменений в этом

отношении они не усматривают. Таких (разочарованных в своих ожиданиях) здесь не большинство, но и вовсе не мало: около трети всех опрошенных.

...Пожалуй, в факте заметно более высокого уровня итоговой самооценки нынешней жизненной ситуации, чем оценок ее частных сторон, находит отражение противоречивость жизнеощущения строителей БАМ. Эту логику рассуждения можно описать формулой: «ПО ОТДЕЛЬНОСТИ ВСЕ СКВЕРНО, А В ОБЩЕМ - ЖИТЬ ПОКА (НО И ТОЛЬКО ПОКА!) МОЖНО». <...>

2.3 ЛИЧНОСТЬ СТРОИТЕЛЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

[Продолжаем цитировать научный отчет «Человек, его работа и жизнь на БАМе». – А. А.]

1. Итоговая удовлетворенность строителей БАМ нынешней жизнью и работой и их жизненные планы

Рассмотрим связь между самооценками нынешней жизненной ситуации и жизненными планами строителей БАМ.

Таблица 1

Группы лиц, различающиеся мерой удовлетворенности своей нынешней работой и жизнью	Доля лиц, которые :				
	собираются уехать со стр-ва до окончания срока трудового договора	собираются работать не долгие сроки окончания трудового договора	собираются работать до окончания срока трудового договора, а там видно будет	предполагают работать до окончания стр-ва магистр-рали	думают после окончания срока стр-ва устроиться на работу в р-не БАМ
- Безусловно неудовлетворенные	13,0	27,0	32,0	19,0	9,0
- Относительно неудовлетворенные	10,3	13,5	53,1	19,3	3,7
- Относительно удовлетворенные	7,7	10,1	53,1	23,8	5,3
- Безусловно удовлетворенные	8,0	10,4	43,4	29,9	8,3

В отличие от таблиц, приводившихся нами ранее, жизненные планы здесь показаны детализованно: первые две колонки ранее объединялись нами в понятие «миграционный план», а последние две колонки - «план жизненной стабилизации». (Средняя колонка определялась как «выжидательная позиция»).

Данная таблица позволяет ответить на многие исследовательские вопросы. Она позволяет объяснить и такие «странные» факты, как, например, одинаковая степень удовлетворенности своей работой и жизнью на БАМе приезжих из европейской части РСФСР и коренных сибиряков и дальневосточников, при том, что эти группы

существенно различаются соотношением разных типов жизненного плана. Вообще, картина связей между этими двумя социологическими переменными раскрывает действительное содержание и глубинный личностный смысл жизненной ситуации строителей БАМ, их жизнеощущения и отношения к своему месту на «стройке века».

Сформулируем основные социологические наблюдения и выводы из этой картины.

Е.2. Удовлетворенность (неудовлетворенность) строителей БАМ своей нынешней жизненной ситуацией - «всесторонняя» и «односторонняя». Их роль в формировании планов жизненной стабилизации и миграционных планов

(1) Лица, безусловно удовлетворенные своей нынешней жизнью и работой, выражают готовность остаться в зоне БАМ после окончания строительства не чаще, чем безусловно не удовлетворенные. Иначе говоря, природа удовлетворенности этих людей - ситуационна, «сиюминутна». Это есть удовлетворенность с точки зрения достижения частных, «ближних» жизненных целей (например, заработать на автомашину, или удовлетворить потребность в «романтике», или какие-либо другие мотивы). Но это вовсе не удовлетворенность всей совокупностью жизненных обстоятельств, сложившихся с приездом на БАМ, не - «долгосрочная», тотальная удовлетворенность, побуждающая связать свою дальнейшую жизнь с новым краем, требующим многолетнего освоения.

Разумеется, среди безусловно удовлетворенных есть такие, которые намерены осесть в зоне БАМ (8 %), но столько же и таких, которые не собираются даже дожидаться окончания срока трудового договора (8 %). Отсюда ясна двойственная природа удовлетворенности: есть удовлетворенные ВСЕСТОРОННЕ (удовлетворены настолько, что намерены остаться «навсегда») и есть удовлетворенные ОДНОСТОРОННЕ (на сегодня удовлетворены, решили какую-то свою жизненную проблему и спешат уехать).

В принципе то же расслоение удовлетворенности демонстрируют и лица, лишь относительно удовлетворенные своей нынешней работой и жизнью, только там «всесторонне» удовлетворенных можно встретить реже (5 %). Зато не реже (как и в предыдущей группе) встречаются «созревшие» для скорейшего, т.е. до окончания срока трудового договора, отъезда (8 %).

(2) Доля спешащих уехать среди безусловно не удовлетворенных своей нынешней жизненной ситуацией несколько выше, чем среди безусловно удовлетворенных ею (13 % против 8 %). Эта категория строителей, очевидно, не сумела получить не только «всестороннего», но даже и «одностороннего» удовлетворения от своей жизни и работы на БАМе. Они - тотально не удовлетворены, им здесь больше «делать нечего» (так же, как и тем, кто удовлетворен «односторонне», в предвидении иного, не связанного с БАМом, будущего).

Интересно, что 9 % безусловно не удовлетворенных своей нынешней работой и жизнью все же намерены остаться в зоне БАМ и после окончания строительства магистрали. Эти либо рассчитывают на улучшение ситуации (так что она сможет их удовлетворить если не «всесторонне», то «односторонне»), либо - принимают такое решение ввиду отсутствия иных жизненных перспектив. В отличие от тех, кто собирается осесть на БАМе потому, что им тут хорошо, они принимают аналогичное решение вопреки тому, что им тут плохо (но нигде не предвидится лучшего). Можно предположить, что неудовлетворенность этих последних является, тем не менее, не «всесторонней» (как у спешащих уехать), а «односторонней» (что-то же их удерживает!).

(3) Итак, открывается возможность эмпирического представления «предельных» (в известном смысле - идеальных) ТИПОВ ЖИЗНЕОЩУЩЕНИЯ строителей БАМ: а) всесторонняя (тотальная) удовлетворенность нынешней работой и жизнью - собираются остаться навсегда; б) односторонняя (частичная, «сиюминутная») удовлетворенность своей нынешней работой и жизнью - оставаться не собираются; в) односторонняя неудовлетворенность своей нынешней работой и жизнью - уезжать не

собираются (за неимением лучших перспектив; в этом смысле, неудовлетворенность этих людей тоже «частична»); г) всесторонняя (тотальная) неудовлетворенность своей нынешней работой и жизнью - уедут в любом случае.

(4) Можно предположить, что к этим «чистым» (ярко выраженным) типам так или иначе тяготеют и те, кто удовлетворен (не удовлетворен) не безусловно, но относительно («всесторонне» или «односторонне» - другой вопрос). Тяготеют к этим «чистым» типам также и те, кто собирается работать не дольше срока трудового договора, с одной стороны, или, с другой стороны, предполагает работать до окончания строительства магистрали (более «мягкие» формулировки соответствующих жизненных планов - миграционного либо стабилизационного, какова бы ни была их мотивация).

В таком случае, мы можем расширить «зоны» выделенных нами типов жизнеощущения, включив в них эти категории людей (не столь категоричных в определении своих жизненных планов).

При этом следует заметить, что безусловная удовлетворенность стимулирует намерение остаться на БАМе (по крайней мере до окончания строительства магистрали) - несколько сильнее, нежели безусловная же неудовлетворенность «не препятствует» аналогичному решению: доля планов жизненной стабилизации на этот период (по крайней мере лет на 7-8) в первом случае составляет 30 % против 19 % во втором (см. таблицу). С другой стороны безусловная неудовлетворенность стимулирует к скорейшему отъезду заметно сильнее, чем безусловная же удовлетворенность этому «не мешает»: доля миграционных планов такого рода в первом случае - 27 %, а во втором - всего лишь 10 %).

Вообще таблица 1 удивительно «прозрачно» представляет картину противоречивой и далеко не линейной связи «удовлетворенности нынешней жизнью» и «планов на будущее», где как «односторонняя» (частичная), так и «всесторонняя» (тотальная) удовлетворенность и, соответственно, неудовлетворенность «ведут себя», в смысле формирования тех или иных жизненных планов, принципиально по-разному. Решающее значение здесь приобретает именно характер, природа удовлетворенности (неудовлетворенности), а не «интенсивность» той или другой.

(5) Остается рассмотреть, как обусловлена оценкой нынешней жизненной ситуации позиция, названная нами «выжидательной» («собираюсь работать до окончания срока трудового договора, а там видно будет»).

Прежде всего заметим, что такой промежуточной позиции (не определившемся пока жизненному плану) соответствуют по преимуществу промежуточные же между безусловной удовлетворенностью и безусловной неудовлетворенностью градации. Так, доля выжидательной позиции среди относительно удовлетворенных составляет 53 %, и среди относительно не удовлетворенных - тоже 53 % (против 32 и 43 %, соответственно, в «крайних» группах. В зависимости от того, является ли относительная удовлетворенность по своей природе «всесторонней» или «односторонней», выжидательная позиция должна, рано или поздно, смениться, соответственно, стабилизационным либо миграционным планом. Аналогично (только «с обратным знаком») - для относительной неудовлетворенности.

Что же касается обусловленности выжидательной позиции крайними градациями удовлетворенности либо неудовлетворенности, то первая все же скорее побуждает «подождать», отложить окончательное решение, чем вторая (соответствующие показатели - 43 и 32 %).

(6) Судя по данным таблицы 1, удовлетворенность своей нынешней работой и жизнью на БАМе, равно как и неудовлетворенность ими как бы тяготеют к полюсам ВСЕ-(много-, разно-) СТОРОННЕСТИ, а не к противоположному («односторонность»). Это видно хотя бы из того, что не удовлетворенные все же чаще собираются уехать (если не до окончания срока трудового договора, то сразу же по его истечении), чем остаться

(пусть хотя бы до окончания строительства магистрали). Напротив, удовлетворенные все же чаще готовы остаться, чем уехать.

С одной стороны, это естественный психологический феномен, поскольку недовольные одной стороной жизни чаще бывают недовольны и другой, и наоборот. Вообще, удовлетворенности (неудовлетворенности) отдельными аспектами целого обычно как бы «интерferируют» и усиливают друг друга. Мы имели возможность убедиться в этом и в данном случае, если не прямо - путем анализа статистических связей между оценками отдельных сторон жизненной ситуации, то косвенно - усмотрев довольно сильные связи между оценками всякой отдельной стороны и итоговой самооценкой жизненной ситуации.

Иначе говоря, **ЖИЗНЕОЩУЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ТЯГОТЕЕТ К ЦЕЛОСТНОСТИ**. Человек «с трудом» соглашается признать свое положение «хорошим», если «все плохо, за исключением разве что чего-то одного». При этом «односторонняя» удовлетворенность (равно как и неудовлетворенность) нынешней жизнью достигается за счет своего рода «насилия» личности над собой, это своего рода «травма» целостности жизнеощущения, вопреки естественному устремлению личности к гармоничности внутреннего мира. (Подобно тому как давление внешних обстоятельств вынуждает человека поступать вопреки своему естественному стремлению к свободе).

Такое «насилие» личности над собой совершается повседневно в социальных ситуациях, типа той, какую представляет собой «стройка века». Здесь - «питательный бульон» для формирования «односторонней», частичной, вынужденной удовлетворенности людей своей жизненной ситуацией (вопреки множеству неблагоприятных обстоятельств, рассматриваемых как необходимая «плата» за будущее благополучие). Здесь же - «плодородное поле» для произрастания и «односторонней» неудовлетворенности (когда человек приемлет эти неблагоприятные обстоятельства, просто не имея иных, лучших альтернатив).

Что же означает отмеченное выше преобладание «всесторонности» над «односторонностью» в структуре удовлетворенности (или неудовлетворенности) строителей БАМ своей нынешней работой и жизнью? Социальная ситуация толкает личность к «односторонности», к развитию компенсаторных механизмов, к дисгармонизации («раздраю» личности). Личность как будто уступает этому внешнему давлению, адаптируется к «односторонности» и... «мстит» обществу повышенной текучестью кадров и «маятниковой миграцией», на БАМ и обратно (чем, кстати, существенно дезорганизует и саму социальную ситуацию). Судя по нашим данным, для большинства строителей БАМ этого разрушения внутриличностной целостности, по-видимому, пока не произошло. «Односторонне» удовлетворенные (равно как и «односторонне» не удовлетворенные), т.е. те, чья личность существенно дисгармонизирована социальной ситуацией, составляют, насколько можно судить из таблицы 1, судя по нашим данным, пока меньшинство.

Эмпирически это явствует из того, что намеревающиеся, в силу своей неудовлетворенности, уехать все же преобладают над вынужденными, вопреки своей неудовлетворенности, остаться; а готовые, в силу своей удовлетворенности, остаться все же преобладают над спешащими, вопреки своей «удовлетворенности», уехать.

Е.3. Типология жизнеощущения строителей БАМ

На нижеследующей таблице 2 по каждой клетке высчитан процент ОТ ОБЩЕЙ СОВОКУПНОСТИ ответивших на оба вопроса - как об «удовлетворенности» нынешней работой и жизнью, так и о «жизненных планах» (таких в нашей выборке 1050 чел. из общего количества 1140 опрошенных). Строго говоря, это не статистическая таблица, а количественное представление развернутой выше социологической модели. (Такому представлению больше соответствовала бы графика диаграммы, однако тогда затушевались бы весьма информативные строки и колонки "ИТОГО").

Таблица 2

Отношение к нынешней жизненной ситуации на БАМе	Жизненные планы	Миграционный план	Выжидательная позиция	План жизненной стабилизации	ИТОГО
- Не удовлетворенные		9,3	15,3	8,0	32,6
- Удовлетворенные		12,1	33,1	22,1	67,3
ИТОГО:		21,4	48,4	30,1	99,9

Итак (повторим уже известное читателю), по тем или иным причинам не удовлетворены своей нынешней жизненной ситуацией около трети опрошенных строителей (32,6 %). Напротив, заявляют о своей удовлетворенности (какими бы мотивами при этом ни руководствовались) около двух третей (67,3 %) опрошенных. Планируют остаться в зоне БАМ до окончания строительства магистрали или даже дольше - около трети (30,1 %). Уверенно заявляют о своем миграционном намерении (во всяком случае - «не дольше срока трудового договора») около пятой части (21,4 %). Около половины (48,4 %) занимают на этот счет выжидательную позицию.

Теперь - ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ структура нашей совокупности опрошенных строителей БАМ:

- «Всесторонней» (тотальной) является удовлетворенность работой и жизнью на БАМе примерно каждого пятого опрошенного строителя (21,1 %). Вполне определенно «односторонней» (частичной) является она у каждого восьмого (12,1 %). Для каждого третьего (33,1 %) содержание (природа) жизненной удовлетворенности остается неопределенной (не сформировавшийся жизненный план не позволяет «расслоить» эту категорию по характеру их удовлетворенности на данный момент).

- Вполне определенно «всесторонней» (тотальной) является неудовлетворенность нынешней работой и жизнью на БАМе у каждого десятого опрошенного строителя (9,3 %). «Одностороннюю» неудовлетворенность демонстрирует также каждый десятый, примерно (8,0 %). (Это те, которые предполагают остаться вопреки своей неудовлетворенности). Наконец, примерно каждый шестой-седьмой строитель (15,3 %), поскольку его жизненный план еще не сформирован, не дает оснований уверенно судить о характере его неудовлетворенности.

Конечно, удовлетворенность (равно как и неудовлетворенность) тех, кто занимает пока выжидательную позицию, также имеет свою определенную природу. У одних она тяготеет к «всесторонности», у других - к «односторонности». Формирование жизненного плана (позволяющего четко определить содержание жизнеощущения, в свою очередь, становящегося, формирующегося) есть процесс, совершающийся в глубинах личности и существенно обусловленный наличной жизненной ситуацией, обстоятельствами работы и жизни.

Как пойдет этот процесс у 48 % строителей, пока откладывающих свое решение уехать или остаться (или же воздержавшихся от сообщения его социологам)? Это будет зависеть не только от личности (ее «внутреннего развития»), но и от хода социальных процессов, в которые она включена. А стало быть - от организующей и управляющей этими процессами политики освоения новых районов.

На кого «работает» социальная политика

Наш анализ показывает, что социальная ситуация на БАМе, как она сложилась к концу 1977 г. (а мы пишем этот отчет уже в 1979 г.) способствует формированию скорее односторонней удовлетворенности строителей (удовлетворенности частичной, ситуационной, рассчитанной на отъезд), а также их всесторонней неудовлетворенности (неудовлетворенности полной, решительной, тем более рассчитанной на отъезд), чем психологических состояний личности, обратных названным.

В первом случае, социальная политика «работает» и против личности (дисгармонизирует ее), и против себя самой (дестабилизирует кадры строителей, стимулирует текучесть и т.п.). Во втором - социальная политика, фактически направленная на привлечение кадров на стройку, но не закрепление их, также действует «против себя самой», правда, не мешая личности гармонизировать себя (не нравится - уехал).

В случае «односторонней», частичной неудовлетворенности (не нравится, но никуда не денешься!), социальная политика как бы работает «на себя» (в частности, на стабилизацию кадров), но ценой косвенного принуждения «дисгармонизации» личности.

И только в случае достижения состояния удовлетворенности «всесторонней» (долгосрочной, влекущей за собой жизненную стабилизацию в районе нового освоения) интересы личности и общественные интересы действительно совпадают, и социальная политика достигает своих декларируемых целей (среди которых как развитие экономического потенциала страны, так и гармонизация личности, в самом широком смысле).

Пока что этот КОМПЛЕКСНЫЙ социальный эффект находит отражение в жизнеощущении (и поведении) менее чем четверти опрошенных строителей БАМ. <...>

Заключение

Направив главные усилия на обеспечение стройки людьми, их привлечение на «стройку века», социальная политика формально говоря, справилась с этой задачей. (Заметим, что сейчас существенного дефицита кадров, несмотря на повышенную их текучесть, на строительстве БАМ не наблюдается, и многие приехавшие даже не могут найти отвечающую своей подготовке и квалификации работу).

Однако решение задачи мобилизации людских ресурсов не было сообразовано с перспективными задачами экономического и социального развития региона, для чего необходимо закрепление кадров и жизненная стабилизация тех, кто приехал в зону БАМ (за деньгами ли, за романтикой ли). Используя преимущественно (а по существу - и исключительно!) материальные стимулы привлечения и «удержания» людей на строительстве второго Транссиба, при недостатке действенного внимания к решению проблем как нормального жизнеобеспечения (социальная сфера), так и правильного трудоустройства (организация труда), социальная политика получила результаты, практически ОБРАТНЫЕ своим не только дальним, но даже - в значительной мере - и ближним целям.

Государственная социальная политика в данной области пока что не удовлетворяет критерию перспективности и на поверку оказывается не эффективной.

(А. Алексеев. Человек, его работа и жизнь на БАМе. Научный отчет, 1979-1980)

2.4. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ СТРОИТЕЛЕЙ БАМ

[Нижеследующий текст является опытом «социографического этюда», посвященного одному из первичных трудовых коллективов строителей. Изложение

выдержано строго в формулировках анкеты «Строитель БАМа». Номера соответствующих вопросов указаны в скобках в конце каждого абзаца. - А. А.]

<...> Бригада из 8 чел. - исключительно мужская. Старшему - 28, младшему - 18 лет, средний возраст членов бригады - 24,5 года. Большинство - 1952-53 г. рождения. Шестеро русских, один украинец, один киргиз. Шесть человек из восьми работают на строительстве БАМ около 3-х лет, двое - около 2-х лет, один приехал недавно (меньше года назад). (2; 1; 119; 4; 42).

Пятеро членов бригады - уроженцы Европейской части СССР, один - дальневосточник, один - с Украины, один - из Средней Азии. В местных природно-климатических условиях все чувствуют себя хорошо (четверо утверждают даже, что «отлично»). (5; 87).

Четверо из восьми выросли в большом городе и считают себя горожанами. Двое выросли в селе и считают себя сельскими жителями. Еще двое выросли в поселке городского типа и затрудняются ответить на вопрос, кем сами себя считают - горожанами или сельскими жителями. (6; 120).

Четверо опрошенных - из крестьян (у троих отцы работали в колхозе; у одного - в совхозе), трое - из рабочих (отцы - рабочие), только один - из служащих (отец - военнослужащий). (7).

К моменту поступления на строительство БАМ пятеро молодых людей имели полное среднее образование, двое - неполное среднее образование. Трое из указанных пяти заканчивали 10-11-й класс в вечерней школе. Кроме того, у одного - незаконченное высшее образование. (9; 10)

У подавляющего большинства - трудовой стаж свыше 5 лет. (3).

Четверо из членов бригады до БАМа работали на стройке.

Остальные и раньше имели строительную специальность, в т.ч. один (дальневосточник) в прошлом имел опыт работы на строительстве «во вновь осваиваемых районах». (11).

Четверо из восьми никогда прежде не бывали на ближнем Севере. (12)

Непосредственно перед поступлением на строительство БАМ все восемь молодых людей работали. Их прежние профессии: слесарь-сборщик, моторист-испытатель, каменщик, столяр, теплотехник. Кроме того, один монтер пути (железнодорожный строитель), один колхозник (без специальности) и один инженер. (13; 14).

Пятеро из восьми приехали на БАМ из большого города (в том числе четверо - из Москвы). Двое непосредственно перед отъездом на БАМ жили в поселке городского типа, один в - в селе. Районы страны, откуда приехали, совпадают с местом, где выросли. (15; 33).

До БАМа успели обзавестись своей семьей только двое. Из двоих женатых один к тому времени уже имел ребенка. (16; 17).

Жили: трое из восьми - в общежитии, трое в коммунальных квартирах, только один - в отдельной квартире. Один жил в деревенском доме, принадлежащем родителям. (18).

Большинство членов бригады до поступления на БАМ, по их утверждению, были удовлетворены своей профессией, а также условиями и организацией труда и отношениями на прежнем месте работы. Половина опрошенных были удовлетворены и заработком, однако большинство не могло удовлетвориться своим (или семьи) материальным положением. Только четверых из восьми вполне удовлетворяли жилищные условия (напротив, двое были ими совершенно не удовлетворены). Двоих не вполне удовлетворяли отношения в семье. (19-25).

Ни условия жизни в населенном пункте, ни природно-климатические условия, по прежнему месту жительства, ни у кого из восьмерых не вызывают нареканий. (27, 26).

За время своего трудового пути до приезда на БАМ большинство молодых людей успело хотя бы раз сменить профессию, однако основной из своих «добамовских»

профессий каждый считает последнюю, по которой работал до отъезда на строительство БАМ. (28; 29).

Четверо из восьми считают, что на последнем месте жительства (до БАМа) определенно могли рассчитывать на производственный рост, не столь уверенным является позитивный ответ большинства на соответствующий вопрос об улучшении своего материального положения. Из восьми только двое заявили, что на прежнем месте жительства могли рассчитывать на улучшение жилищных условий. (30-32).

Шестеро из восьми молодых людей приехали на БАМ по комсомольской путевке (общественному призыву). (Данная бригада принадлежит к числу немногих первичных трудовых коллективов, которые в основном состоят из «ветеранов» комсомольско-молодежного отряда «Московский комсомолец»; в этом отношении бригада не характерна для своего СМП (где из 450 чел., приехавших на БАМ в составе названного отряда в октябре 1974 г., к сентябрю 1977 г. сохранилось немногим более 100 чел.). Двое из восьми уже тогда были членами КПСС, остальные - комсомольцами, за исключением одного, который вступил в комсомол уже здесь. (34; 118).

Из восьми членов бригады только один приехал на БАМ с семьей (жена, ребенок). Большинство ехали «в компании», т.е. с друзьями и знакомыми по прежнему месту жительства. (35-37).

Жизненный план большинства молодых людей, при отъезде на БАМ, определялся формулой: «Собираюсь работать до окончания срока трудового договора (т.е. 3 года), а там решу, что делать дальше». Только один ехал на БАМ с достаточно твердым намерением проработать до окончания строительства магистрали. (38).

Первое впечатление о стройке (Центральный участок БАМа, пос. Тындинский) у большинства членов нынешней бригады было отрицательным: четверым на баме «скорее не понравилось», двоим - «стройка совершенно разочаровала». (Двое затруднились ответить на вопрос относительно первого впечатления о БАМе). (39).

Все молодые люди ныне работают по профессии монтажника железобетонных труб (за исключением одного - такелажник). Все получили эту профессию на БАМе, на специальных курсах. Для большинства нынешняя профессия - уже не первая на БАМе, а вторая или третья. Сейчас двое имеют по данной профессии высшие разряды (5-6-й). У остальных - 3-4-й разряды (кроме такелажника). (41; 43-46).

Работа монтажника железобетонных труб - «на открытом воздухе», в любое время года. Иногда требует выезда для работы в полевых условиях. Работа физически достаточно тяжелая: большинство членов бригады дали сдержанный ответ на вопрос: «Часто ли Вы испытываете большую усталость после работы?» (пятеро сказали - «время от времени», двое - «довольно часто», только один - «редко»). (47-49).

При этом свое здоровье все члены бригады оценивают либо как «в общем хорошее», либо как «вполне хорошее (абсолютно здоров)». (88).

В среднем, с учетом всех доплат, «северного коэффициента» и т.д. работающие по высшим разрядам зарабатывают порядка 400 руб. в месяц, а работающие по 3-4-му разряду - 350 руб. (Киргиз, поступивший в бригаду недавно и выполняющий в основном функции подсобника, зарабатывает 260 руб.). (53).

Своей профессией удовлетворены все опрошенные, кроме одного (шестеро из восьми даже «вполне удовлетворены»). Совсем иное отношение у членов бригад к условиям и организации труда на нынешнем месте работы, где на соответствующий вопрос анкеты не получено ни одного позитивного ответа (четверо заявили даже, что «совершенно не удовлетворены»). (91).

Все члены бригады указывают на наличие простоев на работе. Причем большинство считает их «довольно частыми». Аналогичная ситуация со сверхурочными работами, которые, по мнению большинства, также часты. (С указанными обстоятельствами, вероятно, связаны и отмечаемые почти всеми членами бригады существенные колебания заработка от месяца к месяцу). (50, 51).

Пятеро из восьми молодых людей солидаризируются со следующей характеристикой тех заданий (нарядов), которые они обычно выполняют: «Иногда задания не продуманы, плохо подготовлены и мой труд не приносит настоящей пользы для дела». Двое настроены еще более критично: «Значительная часть моего рабочего времени растрачивается впустую из-за не продуманных заданий». Только один отвечает: «Как правило, то, что мне поручают сделать, важно и полезно и мои усилия не пропадают зря». (57).

Члены бригады в общем низко оценивают состояние техники на своем рабочем месте (четверо считают его «плохим», двое - «удовлетворительным»). (55).

Все опрошенные вполне или в достаточной степени удовлетворены качеством своей работы, заметно меньше они удовлетворены производительностью своего труда (лишь четверо выразили удовлетворенность на этот счет). (59; 58).

В свете всего сказанного, понятна известная сдержанность молодых людей в оценке «привлекательности нынешней работы самой по себе, того, что приходится делать» (при общей высокой удовлетворенности профессией, считают свою нынешнюю работу саму по себе привлекательной только половина). Не очень удовлетворены члены бригады и своим заработком (лишь один из восьми заявил о своей удовлетворенности заработком, остальные дали на соответствующий вопрос анкеты либо негативный, либо неопределенный ответ. (По-видимому, опрошенные полагают, что заработок мог бы быть выше - при лучшей организации труда). (54; 92).

Все большинство членов бригады заявляет, что теперешняя работа их устраивает (пятеро ответили на соответствующий вопрос анкеты позитивно, и лишь трое - негативно). (60).

Выше отмечалось, что все члены бригады - члены КПСС либо комсомольцы. Трое из них находятся на выборной общественной работе, четверо выполняют общественные поручения (в основном - временные). Только двоим приходилось за последние год-два принимать участие в партийно-хозяйственном активе своего предприятия (СМП). (64; 65).

Если бы в газете появилась статья, где критикуется их строительно-монтажный поезд, одного это «сильно задело бы», двоих - не оставило бы равнодушным», трое заявили, что им это «безразлично», двое затруднились ответить. (67).

Вполне определенно заявили, что «чувствуют себя хозяином, активно влияющим на положение дел» в своей бригаде - четверо из восьми (еще двое ответили на соответствующий вопрос анкеты положительно, однако с меньшей степенью уверенности, и двое ответили отрицательно). (61).

Ни один из молодых людей не ответил положительно на те же вопросы применительно к своему участку и предприятию. Относительно «ощущения» себя хозяином на своем участке половина ответила отрицательно, половина затруднилась с ответом. В характеристике значимости своего влияния на положение дел в своем строительно-монтажном поезде преобладал категорически отрицательный ответ («определенно не чувствую себя хозяином»).

Менее чем за трехлетний срок пребывания на БАМе семейное положение ряда молодых людей изменилось. Четверо нашли себе подруг жизни и успели стать отцами. Теперь женатых из восьми не двое, а уже шестеро, и пятеро имеют детей. (68; 70).

Все шестеро женатых живут здесь с семьей. (69).

Пятеро членов бригады живут в щитовых домах, трое - в вагончиках (в том числе двое живут в вагончиках - с малолетними детьми). (Местом жительства молодых людей является поселок Молодежный, где в 1974 г. дислоцировался отряд «Московский комсомолец». В настоящее время этот поселок превратился в своего рода «микрорайон» г. Тынды). (73).

Своими нынешними жилищными условиями не удовлетворены четверо из восьми (причем трое выражают крайнюю степень неудовлетворенности), еще трое - «скорее удовлетворены, чем нет», один - затруднился ответить на этот вопрос анкеты. (95).

В оценке работы предприятий общественного питания у опрошенных преобладает неопределенный ответ, несколько критичнее их оценки состояния торговли и снабжения (заявили о своей неудовлетворенности только двое из восьми). (77; 78).

На просьбу сообщить, в каких продовольственных товарах испытывают недостаток, шестеро назвали молоко и молочные продукты, двое - винно-водочные изделия, четверо - мясные изделия, двое - овощи и фрукты. Отвечая на соответствующий вопрос о промышленных товарах, двое указали на недостаток детских товаров, двое - на недостаточное снабжение теплой одеждой и обувью. (Оба эти вопроса в анкете были «открытыми», т.е. не содержали подсказок). (79; 80).

Состояние медицинского обслуживания большинством было определено как «удовлетворительное», то же - для транспортного обслуживания. Что касается культурного обслуживания (работа клубов, кино, библиотек), то большинство признали его «плохим». (81-83).

Среди учреждений обслуживания, в которых испытывают по месту жительства особенный недостаток, были названы: стадион (4 чел.), мастерская по ремонту бытовых приборов (4 чел.), баня (2 чел.), больница (2 чел.). (Все эти учреждения имеются в г. Тында, однако либо удалены от места жительства опрошенных, либо не удовлетворяют их потребностей). (86).

Отвечая на обобщающий вопрос о том, в какой мере удовлетворены условиями жизни в населенном пункте, лишь трое из восьми ответили позитивно (двое дали негативный и трое - неопределенный ответ). (96).

Большинство опрошенных отметили, что, как правило, находят интересные для себя занятия в свободное время. На просьбу указать эти занятия, трое назвали «спорт», трое - «чтение» (упоминались также фотодело, радиолобительство, кино). Один занимается в кружке художественной самодеятельности («театр-студия»). (Этот вопрос в анкете был «открытым»). (85).

Трое из восьми учатся (один - в вечерней школе, двое - на заочном отделении института). Один из молодых людей уже на БАМе закончил вечернюю школу. Теперь у всех, кроме одного, полное среднее образование и выше. (117).

Шестеро из восьми молодых людей считают, что в ближайшие два-три года, работая на строительстве БАМ, они могут рассчитывать на продолжение своего образования. Столько же полагают, что могут рассчитывать на дальнейший производственный рост. Шесть человек находят, что могут рассчитывать на улучшение своего (или семьи) материального положения. (105; 101; 102).

Последнее сочтено улучшившимся за время работы на строительстве большинством опрошенных. Однако удовлетворенность нынешним материальным положением не столь ярко выражена: лишь четверо дали позитивный ответ на соответствующий вопрос анкеты, причем ни один не выразил полной удовлетворенности. (98; 94).

На улучшение своих жилищных условий на БАМе в ближайшие год-два уверенно рассчитывает только один человек, двое не рассчитывают, пятеро - затруднились ответить на соответствующий вопрос анкеты. (103).

Преобладает неопределенный ответ об ожидаемом улучшении культурно-бытовых условий по месту жительства в течение этого же периода. (104).

Из восьми молодых людей пятеро заявили о своем нынешнем намерении продлить трудовой договор на строительстве БАМ («предполагаю работать до окончания строительства магистрали») и трое - решат, что делать дальше, по истечении срока первого трудового договора. (У шестерых из восьми этот срок истекает в 1977 г.). Из всех членов бригады только один предполагает остаться жить в районе строительства БАМ после его окончания, (106).

Пятеро из восьми собираются сделать в ближайшие три-четыре года крупные материальные приобретения. Из них четверо назвали намеченные ими приобретения: автомашина (2 чел.), машина и квартира (1 чел.), собственный дом (1 чел.). (99; 100).

На вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены своей нынешней работой и жизнью?» все, за исключением одного, ответили положительно (двое «вполне удовлетворены», пятеро - «скорее удовлетворены, чем нет»). (123).

Ни один из членов бригады не согласился с мнением: «Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается». Трое считают, что «заработок главное, но надо думать и о смысле работы». Еще трое:

«Нельзя забывать о зарплате, но основное - смысл работы, ее общественная полезность». Наконец, двое солидаризировались с мнением: «Хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим». (97).

Анкета содержала такой вопрос: «Исходя из Вашего опыта, как Вы думаете, что побуждает людей приезжать на это строительство? Назовите три основных, на Ваш взгляд, причины: первая... вторая... третья...». (Вопрос «открытый», без подсказок). (121).

Семеро опрошенных указали на те или иные мотивы материального характера (деньги, машина, жилье), четверо - на мотивы, связанные с личным самоутверждением (испытать себя, познать новое и т.п.), один человек указал на общественно-патриотический мотив, как таковой (построить БАМ).

Затем каждому предлагалось отнести К СЕБЕ ту или иную из названных выше им самим побудительных причин. В этом случае четверо указали на мотив материально-бытового характера, и четверо - на мотив, связанный с личным самоутверждением. Один из восьми отнес к себе мотив общественно-патриотический. (122).

Все члены бригады так или иначе знакомы со статьями в газетах и журналах, с книгами о БАМе (четверо стараются не пропускать их, четверо - «читают, когда попадется», нет ни одного, кто «не обращает внимания на такие статьи»). (66).

На вопрос: «Каково Ваше мнение о том, что пишут о БАМе?» - ответили все, кроме одного. Вот эти ответы: Много украшенного);

«Много лишнего и напыщенного»; «Ерунда»; «Слишком много сладостей»; «Пишут, мало понимая его сами»; «Иногда слишком выпренне»; «Много неправды». (Вопрос «открытый»). (124).

Последним вопросом анкеты был: «Собираетесь ли Вы в будущем участвовать в каких-либо других крупных стройках?». Негативного ответа не дал ни один из молодых людей. Двое затруднились с ответом. Пятеро выбрали вариант ответа: «Возможно, поеду еще на какую-нибудь стройку». Уверенно ответил «да» один человек из восьми. (125).

А.Н. Алексеев
(Октябрь 1977 г.)

+++

Глава 3

ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Содержание

- 3.1. Образ жизни личности: динамическая модель
- 3.2. На подступах к социологии жизни ("социографические этюды" и "размышление о жизни")
- 3.3. «Жизненный процесс и типические социальные свойства личности»
- 3.4. «Массовая коммуникация и целостная личность (социологическое размышление)»
- 3.5. Образ жизни и жизненный процесс (автоаннотация "Материалов к докладу")

3.1. ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Несколько вступительных слов

Еще к началу 1970-х относятся первые работы автора, посвященные проблематике изучения образа жизни. Впоследствии все больше сосредотачивался на исследовании «жизненного процесса», т. е. динамического аспекта системы жизнедеятельности личности.⁴¹

Ниже - одна из статей на эту тему (1977). Эта работа выполнялась в рамках исследовательского проекта «Строитель БАМа. 1977». В статье предлагался подход к построению динамической модели образа жизни личности.

Здесь эта работа воспроизводится в сокращении.

Следует отметить, что все материалы, вошедшие в данную главу относятся ко второй половине 1970-х – началу 1980-х гг. (Июль 2012).

= Из сборника «Социальные проблемы строительства БАМ» (1977):

Методологические предпосылки исследования жизненных путей и образа жизни строителей БАМ

Жизненная ситуация строителя Байкало-Амурской магистрали - это в большинстве случаев принципиально **новая** ситуация, относительно прежнего образа жизни человека, прибывшего на строительство. Для одних она означает перемену места жительства и радикальное изменение условий труда и быта (приезжие), для других - также и смену

⁴¹ См. об этом подробно: ДСиСА – 1, глава 5.

профессии, для третьих - изменение социально-профессионального статуса при неизменных регионально-территориальных условиях жизни (местные жители). В любом случае, участие в строительстве БАМ - существенно новый этап в жизни человека, откуда бы он ни приехал, кем бы он ни был до поступления на строительство, каковы бы ни были мотивы и обстоятельства его приезда. <...>

Указанное обстоятельство заслуживает учета в анализе социальных проблем строительства, отношения к труду и перспектив закрепления рабочих кадров, специфики образа жизни в районе нового освоения.

Пожалуй, именно здесь с особой силой обнаруживается научно-практическая потребность в рассмотрении динамического аспекта человеческой жизнедеятельности, в подходе к ней как процессу изменения. Ибо полном осознании фундаментальной общности СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ строителей БАМа и, скажем, ленинградских машиностроителей, колхозников Сибири и работников строительного-монтажных поездов других районов страны, не подлежит сомнению: а) существенная дифференциация социально-групповых, семейных и индивидуальных жизненных условий в пределах этой общности и б) возможность и реальность существенных перемен в образе жизни человека на протяжении его жизненного пути.

Научное исследование путей социальной адаптации и способов самореализации личности в новых жизненных условиях, и в частности, в социальной ситуации типа строительства БАМ, по-видимому, просто невозможно вне подхода к системе индивидуальной жизнедеятельности как к развивающейся, ДИНАМИЧЕСКОЙ системе. Задачу настоящей статьи и составляет попытка такого подхода с извлечением ряда методологических выводов для дальнейших конкретных исследований.

1. Так что же такое «образ жизни»? ⁴²

При всем разнообразии имеющихся точек зрения, более или менее общепринятыми в советской социологии к настоящему времени являются следующие моменты в трактовке понятия образа жизни вообще и социалистического образа жизни, в частности:

1. Образ жизни - это социально-философская категория, выделяющая активно-деятельное начало социальной жизни, в отличие от «общественных отношений», «социально-экономического строя» и других фундаментальных объективных условий человеческой жизнедеятельности.

2. Образ жизни - категория, отражающая относительно устойчивое и социально-типическое в жизнедеятельности индивидов и групп, в отличие от индивидуально-психологических особенностей и проявлений этой жизнедеятельности.

3. Образ жизни - это способ деятельности людей, в отличие от смысла, цели и «концепции» их жизни.

4. Образ жизни - это целостность человеческой жизнедеятельности, в отличие от отдельных видов деятельности, будь то производство или потребление, восприятие или творчество, или же отдельные сферы человеческой активности (труд, быт, досуг, общественно-политическая деятельность и т. д.).

5. Образ жизни - «сквозная» социологическая категория, которая может быть отнесена как к индивиду, так и к группе и к обществу в целом, т. е. возможно рассмотрение образа жизни на разных уровнях, в зависимости от того, об образе жизни какого социального субъекта идет речь.

6. Образ жизни имеет объективную (социально-экономические условия) и субъективную (система ценностей и потребностей) детерминацию, составляющую основной механизм его формирования и развития.

⁴² Подзаголовки сделаны нами сегодня. – А. А. Июль 2001.

Главными пунктами научной полемики, на общей платформе марксистской социологии, по вопросу об определении понятия «образ жизни» (соответственно, «социалистический образ жизни») ныне являются следующие:

а) Правомерно ли включение непосредственных жизненных условий в объем понятия «образ жизни»? В качестве крайних точек зрения можно указать «широкую» трактовку понятия В.С. Марковым <...> [3, с. 19] и «суженную» А.П. Бутенко <...> [2, с. 79]. Компромиссной, при известном недостатке теоретической определенности, является, например, точка зрения М.Н. Руткевича <...> [6, с. 47].

б) Правомерно ли включение системы ценностей, «образа мыслей» и т. п. в объем понятия «образ жизни»? Здесь также можно указать крайние точки зрения. Например, трактующая образ жизни как «систему повседневного поведения» - С.Г. Струмилин, Э.Е. Писаренко <...> [7, с. 27], и объединяющая «склад мышления» и систему поведения в одном понятии - В.И. Толстых <...> [8, с. 27].

[Здесь опущены определения понятия «образ жизни», предлагаемые названными авторами. – А. А.]

В основе этих разногласий в конечном счете лежит объективная трудность отделения практической деятельности людей от внешних и внутренних механизмов ее регуляции (саморегуляции), проистекающая в значительной мере от недостаточной исследованности самих этих механизмов. Поэтому мы намерены вывести свою позицию из предпринимаемого анализа, а не предварять анализ определением.

Не столь явной (часто не осознаваемой самими участниками дискуссий) является дифференциация исследовательских подходов в зависимости от «гносеологического» либо «онтологического» статуса, придаваемого категории образа жизни. Одни авторы говорят о совокупности черт («существенных черт»), характеризующих жизнедеятельность того или иного социального субъекта, другие - о системе жизнедеятельности субъекта, как таковой. Очевидно, в первом случае имеется в виду лишь система описания некоторой реальности (которая в свою очередь заслуживает определения), во втором же подразумевается сама эта реальность, система, подлежащая научному описанию и, добавим, объяснения закономерностей ее функционирования и развития.⁴³

В качестве отправной точки для нашего собственного теоретического рассуждения возьмем положение о системной организации жизнедеятельности социального субъекта (общества, класса, группы, личности), что нашло отражение в большинстве имеющихся определений образа жизни. Попытаемся уточнить само понятие СИСТЕМА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ, сосредоточив свое внимание, в частности, на системе жизнедеятельности личности.

Специально оговорим, что эта последняя система лишь в самых общих своих чертах может быть сопоставлена с системой жизнедеятельности (деятельности) всякого иного социального субъекта (группа, общество).⁴⁴

Современная практика социологического исследования образа жизни, как правило, сводится к измерению более или менее широкого круга параметров, характеристик повседневной деятельности. Выдвигаются и проверяются гипотезы о зависимости этих характеристик от наличных жизненных условий (объективная детерминация образа жизни) и их связи с субъективными личностными характеристиками (субъективная

⁴³ Характерным примером смешения обоих подходов может служить определение, выработанное в итоге дискуссии на Всесоюзном рабочем совещании по методологическим проблемам анализа и прогноза образа жизни, в декабре 1974 г.: «Образ жизни - это совокупность существенных черт, форм жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества, форм, взятых в единстве с условиями жизнедеятельности» [5, с. 185].

⁴⁴ Вообще, принципиальное различие природы разных категорий социального субъекта требует особой осторожности при оперировании «сквозными» определениями образа жизни, объемлющими все уровни его анализа (личность, общество).

детерминация). На базе использования современной вычислительной техники осуществляются автоматические классификации по заданному списку параметров, иногда конструируются и теоретически обоснованные типологии образа жизни.

При этом система жизнедеятельности (образ жизни) рассматривается лишь как актуальная данность, как система **ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**.

Такой исследовательский подход, оправданный и необходимый на первых порах, все более обнаруживает свою ограниченность. Во-первых, он остается описательным подходом, с относительно слабыми возможностями как для объяснения, так и для прогноза. Во-вторых, данный подход чреват завышенными ожиданиями относительно скорого эффекта управленческих воздействий, ибо он опирается на неявное предположение, что образ жизни человека обусловлен преимущественно **ДАННЫМИ [наличными. - А. А.]** жизненными обстоятельствами и ценностными установками, а не всей историей своего становления.

Таким образом, выявляется как научная, так и практическая необходимость выдвижения аспекта развития по меньшей мере как равноправного, относительно аспекта функционирования, в исследовании образа жизни, необходимость органичного включения динамики в саму концептуальную схему анализа.⁴⁵

Система человеческой жизнедеятельности воспроизводится и изменяется во времени. С этой точки зрения она может и должна рассматриваться также как развивающаяся система, как изменяющийся способ деятельности, как некоторый **ПРОЦЕСС**. К. Маркс и Ф. Энгельс для этой цели использовали понятие «жизненный процесс».⁴⁶

В определенном смысле **ОБРАЗ ЖИЗНИ** и **ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС** (по крайней мере на уровне анализа системы жизнедеятельности личности) выступают как «категориальная пара», позволяющая отразить как статический, так и динамический аспекты системы человеческой жизнедеятельности.⁴⁷ В таком случае правомерна трактовка образа жизни как определенного состояния системы жизнедеятельности, как способа деятельности **НА ДАННОМ ЭТАПЕ** развития системы. В свою очередь, жизненный процесс есть не что иное как смена этих состояний, **САМО РАЗВИТИЕ** системы.

2. Система жизнедеятельности личности: генетический подход

Жизненный процесс индивида, система жизнедеятельности, взятая в ее динамическом аспекте, уже не может интерпретироваться как совокупность различных видов и форм деятельности, это - скорее некий «поток» практической деятельности, во всем многообразии ее форм. Эмпирически этот поток предстает в виде индивидуальной биографии, **ЖИЗНЕННОГО ПУТИ** человека.

⁴⁵ В осознании этого обстоятельства, равно как и в отдельных моментах разворачиваемой ниже концептуальной схемы автор считает себя в значительной мере обязанным научному общению с С.М. Розетом, а также с Р.В. Рывкиной, А.В. Тихоновым, О.Б. Божковым, Т.З. Протасенко и другими коллегами.

⁴⁶ «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса... Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов...» [4, с. 29-30]... Отчасти отсутствием единообразия в переводе на русский немецкого слова *Lebensprozess* - «жизненный процесс», «процесс жизни» - можно объяснить, что это понятие до сих пор не заняло подобающего места в категориальном аппарате нашей науки.

⁴⁷ Возможен, разумеется, и другой ход мысли: полагая понятие «образ жизни» охватывающим оба аспекта системы, искать специальное обозначение для статического аспекта. Но это уже чисто терминологический вопрос.

Объективную детерминацию этого процесса, очевидно, составляют сменяющиеся условия жизнедеятельности, выступающие в качестве **ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ**. Субъективно же жизненный процесс обусловлен «внутренним миром» личности, ее развивающимся самосознанием, системой потребностей и ценностей, что здесь назовем **ЖИЗНЕННЫМИ УСТАНОВКАМИ**.

В самом общем виде механизм связи между указанными элементами может быть очерчен следующим образом: жизненный путь человека есть практическая реализация жизненных установок в определенных жизненных обстоятельствах.

Всякий моментный «срез» обстоятельств жизненного пути, жизненных установок и практической деятельности будем называть **ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ**. Понятно, что последовательность жизненных ситуаций всякого данного жизненного пути соотносима с ходом исторического времени. Иллюстрируем сказанное условным графическим изображением (см. рис. 1):

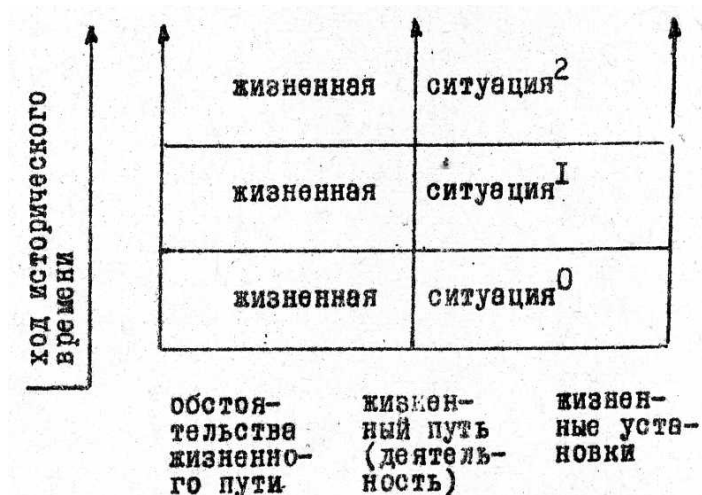


Рис. 1

Существенные различия в жизненных установках, целях и т. д. не могут не проявляться в различии практических действий при сходных жизненных условиях. Однако близость взглядов, жизненных позиций, субъективных устремлений может привести к сходству действий при существенно различающихся обстоятельствах. В том и другом случае имеют место различные, не сводимые друг к другу жизненные ситуации (хотя бы и совпадающие в отдельных своих элементах).

В потоке практической деятельности (жизненный процесс) будем различать собственно процесс и результаты деятельности. В первом случае имеется в виду так называемая «повседневная деятельность», во втором - «узловые точки» (события) индивидуальной биографии, оказывающиеся прямыми и побочными следствиями этой деятельности. Примерами таких событий могут служить: окончание школы, начало трудовой деятельности, женитьба, смена места жительства, переход на новое место работы и др. Всякое такое событие в большей или меньшей степени означает смену жизненной ситуации.

Поскольку процесс непрерывен, результаты накапливаются (что, разумеется, не означает их простого суммирования). Для каждого данного момента жизни индивида накопленный «результат» всей предшествующей деятельности может рассматриваться как некий совокупный **ЖИЗНЕННЫЙ ИТОГ**. Понятно, что этот совокупный итог складывается из множества частных жизненных итогов, относящихся к различным сферам жизнедеятельности человека.

В таком случае весь жизненный процесс можно представить в виде некоторой последовательности жизненных итогов, каждому из которых предшествует повседневная деятельность (см. рис. 2).

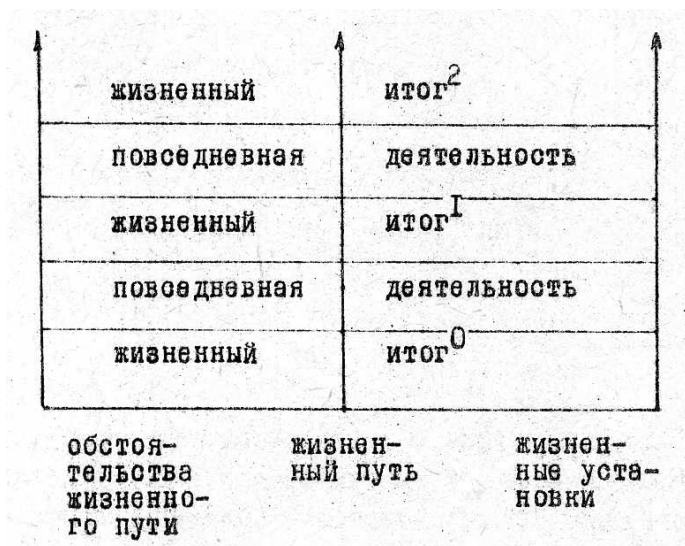


Рис. 2

Жизненный процесс индивида не обособлен, а разворачивается в массовом потоке жизненных процессов, где индивиды занимают определенные положения относительно друг друга. В конечном счете жизненным итогом индивида - на всякий данный момент жизни исторического времени - оказывается совокупность занимаемых им положений или СТАТУСОВ в соответствующих сферах (социально-профессиональный, семейно-ролевой, культурно-образовательный, денежно-доходный, социально-потребительский и др.) Будучи достигнутым в ходе практической деятельности в качестве частного жизненного итога, соответствующий статус становится объективной предпосылкой для последующей деятельности - новым, СОЗДАНЫМ САМИМ ЧЕЛОВЕКОМ, обстоятельством его жизни.

В этом смысле практическая деятельность «совпадает» с изменением обстоятельств, как это отмечалось еще К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе».

Сама же динамика обстоятельств жизненного пути, в свете сказанного, может быть представлена в виде последовательности сменяющихся статусов (положений) в различных сферах жизнедеятельности.

Всякий жизненный итог социально обусловлен. Являясь результатом повседневной практической деятельности, он возникает из взаимодействия данного индивида с другими в различных сферах социальной жизни (производственный коллектив, семья, круг дружеского общения, различные социальные институты и т.д.). Соответственно, всякая жизненная ситуация разворачивается в определенной СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ. Последняя представляет собой одномоментный срез множества индивидуальных обстоятельств, сознаний и деятельности, интегрирующихся в общественные обстоятельства, сознание и практику (см. рисунок 3).

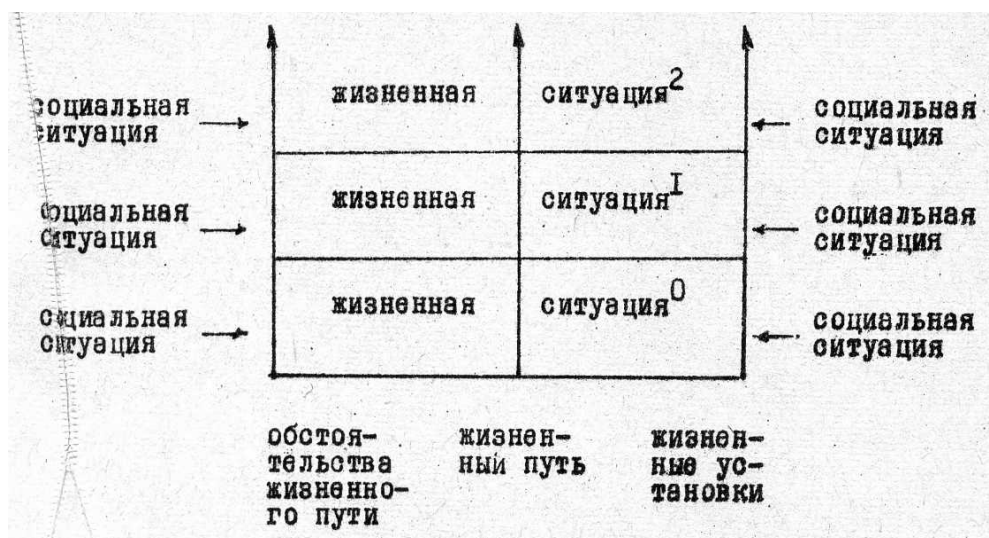


Рис. 3

Развитие «внутреннего мира» личности, предполагающее преемственность и смену жизненных установок, совершается в ходе жизненного процесса и не может быть вырвано из контекста жизненного пути и его обстоятельств. Сознание человека, однако, не сть простое отражение объективных компонентов жизненной ситуации. Состояние сознания в каждый данный момент жизни является особым рода продуктом всей предшествующей деятельности личности, ее накопленным субъективным итогом.

В этом смысле практическая деятельность «совпадает» также и с изменением сознания. Человек в процессе деятельности творит как объективные, так и субъективные предпосылки своей будущей деятельности.

Существенной чертой самосознания является способность опережающего отражения, моделирования будущего. Прежде чем достичь определенного жизненного результата, человек более или менее отчетливо определяет его как цель и выбирает средства для ее достижения. Он строит множество частных жизненных планов, в известном смысле он «проектирует» свой образ жизни. С этой точки зрения развивающийся «внутренний мир», отношение к жизни могут быть представлены как последовательность жизненных ПРОЕКТОВ, относящихся к различным сферам жизнедеятельности.⁴⁸

Подобно тому, как в статусах обобщается объективная детерминация системы жизнедеятельности, так в жизненных проектах резюмируется ее субъективная детерминация. Непосредственным предметом отражения в этих проектах выступают объективные компоненты данной жизненной ситуации, направлено же это отражение - в будущее.

Итак, развитие системы жизнедеятельности личности представляется нами как процесс, где текущая (повседневная) деятельность, будучи объективно и субъективно детерминирована, продуцирует жизненные итоги, в свою очередь выступающие отправными пунктами для объективной и субъективной детерминации новой деятельности.

⁴⁸ Понятно, что не всякая деятельность сознательно «проектируется» человеком, не всякий жизненный итог планируется. В известном смысле жизнь «сама» подводит те или иные итоги в жизненном процессе индивида. Однако нам представляется важным в данном рассуждении подчеркнуть именно эту сторону сознания, рассматривая «жизненный проект» как своего рода кристаллизацию жизненных установок.

Последовательность взаимных «переходов» между различными элементами жизненной ситуации, механизм воспроизводства и развития системы жизнедеятельности в конечном счете приобретают следующий вид:

ЖИЗНЕННЫЕ ИТОГИ (0) --- СТАТУСЫ (0); ПРОЕКТЫ (1) --- ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ --- ЖИЗНЕННЫЕ ИТОГИ (1) --- СТАТУСЫ (1); ПРОЕКТЫ (2) --- ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ --- ЖИЗНЕННЫЕ ИТОГИ (2) --- СТАТУСЫ (2); ПРОЕКТЫ (3).

Предложенная модель является своего рода «разверткой» системы жизнедеятельности личности во времени (см. рисунок 4).

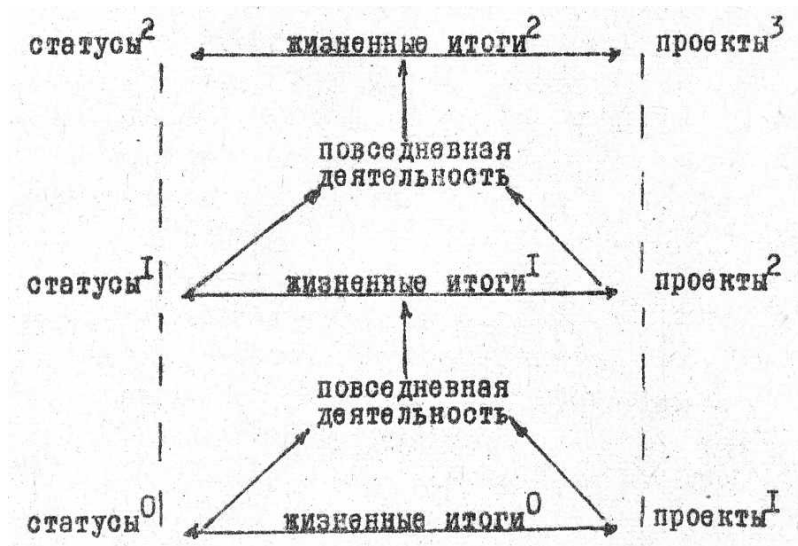


Рис. 4

От начала человеческой жизни к наступлению зрелости принципиально изменяется роль жизненных проектов в достижении человеческих итогов. Обстоятельства жизненного пути в начальной стадии жизни жестко заданы, развитие же самосознания личности начинается как бы «с нуля». По мере достижения относительной самостоятельности в выборе траектории жизненного пути происходит определенное «перераспределение сил» в детерминации жизнедеятельности. Иначе говоря, происходят изменения в ее системе в соответствии со сменой возрастных этапов или жизненных циклов.

Однако в рамках каждого данного (жизненного) этапа различны жизненные обстоятельства и статусы индивидов, различны их жизненные установки и проекты, различаются системы их деятельности (образы жизни). Все эти различия резюмируются в различиях жизненных ситуаций, которые так же разнообразны, как и индивидуальные биографии (что, однако, не исключает возможности типологизации как тех, так и других).

Из всего сказанного вытекает утверждение о НЕРАЗРЫВНОСТИ статического и динамического аспектов системы жизнедеятельности личности, что необходимо должно учитываться в анализе этой системы.

В каждом данном образе жизни в снятом виде присутствует весь жизненный процесс. Он фактически представлен в достигнутых индивидом статусах в различных сферах его жизнедеятельности (напомним, что эти статусы есть не что иное как объективированные жизненные итоги). Он представлен, далее во «внутреннем мире»

личности, хранящем эти следы, отпечатки пройденных жизненных (социальных) ситуаций.⁴⁹

Эмпирической же реальностью образа жизни, рассматриваемого в конкретной точке жизненного пути, в определенный момент исторического времени, является сама «материя» жизненной активности человека, совокупность его практических действий, в которых прямо или косвенно реализуется определенный жизненный проект в наличных жизненных обстоятельствах.

Изложенная трактовка образа жизни как *состояния* системы жизнедеятельности на определенном этапе ее развития в сочетании с раскрытием *динамической* взаимосвязи условий, сознания и деятельности, как нам представляется, снимает дискуссионную остроту в вопросе об объеме понятия «образ жизни». В конечном счете, границы понятия должны определяться его научно необходимым содержанием.

Следует ли относить условия жизнедеятельности и «образ мышления» к образу жизни? Как ФАКТОРЫ (объективная и субъективная детерминации), очевидно, нет, ибо тогда исчезает специфика объекта детерминации. Как собственные продукты, объективные и субъективные ИТОГИ предшествующей деятельности человека, они, однако не могут выводиться за пределы обсуждаемого понятия.

Социолог-практик, обращающийся к анализу реальных проблем образа жизни по необходимости приходит к тем же результатам, к которым нас здесь привело теоретическое рассуждение. Так, адекватное социологическое описание образа жизни личности оказывается невозможным без регистрации и соотнесения друг с другом существенных черт жизненной ситуации (включая как объективные, так и субъективные ее компоненты). Одна и та же «форма поведения», например, чтение художественной литературы или домашний труд, при определенной (замеренной тем или иным способом) степени включенности индивида в данную сферу жизнедеятельности, приобретает существенно различный *смысл* и функцию в зависимости от того, в каких условиях и при какой жизненной установке осуществляется это поведение.⁵⁰

В нашу задачу здесь не входит детальное рассмотрение вопроса о способах описания образа жизни. Важно подчеркнуть лишь, что это описание должно охватывать совокупность жизненных итогов, представленных объективно - в совокупности жизненных обстоятельств, и субъективно - в жизненных установках личности. <...>

Предложенный подход к рассмотрению системы жизнедеятельности как единства образа жизни и жизненного процесса позволяет сформулировать следующее методологическое положение: адекватная реальности общественных отношений, выходящая за рамки социологического описания и несущая в себе объяснительную силу типология индивидуальных образов жизни есть в конечном итоге типология жизненных процессов. Иначе говоря, это может быть ТИПОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ, приведших к определенным жизненным итогам в соответствующих сферах жизнедеятельности.

Активное включение жизненных биографий в исследование образа жизни является необходимым для объяснения различий повседневной деятельности в сходных жизненных обстоятельствах и общности повседневной деятельности при различающихся условиях жизнедеятельности.

3. Исследование образа жизни личности в контексте жизненного процесса

⁴⁹ В настоящем изложении мы акцентировали внимание на «жизненных проектах» как субъективированных жизненных итогах; само же это опережающее отражение обусловлено всей предшествующей духовной эволюцией личности.

⁵⁰ Еще более очевидно высказанное положение для такого компонента образа жизни, как производственная деятельность. Специалисту в области социологии труда вряд ли придет в голову интерпретировать производственные показатели работника безотносительно к условиям труда или субъективному отношению к труду.

Традиционными объектами эмпирической регистрации в конкретных социологических исследованиях являются:

а) так называемые атрибутивные характеристики индивидов (пол, возраст, образование, социально-профессиональная принадлежность, семейное положение и др.);

б) наличные условия жизнедеятельности (условия труда, культурно-бытовая обстановка, материальная обеспеченность, характеристики жилища и др.);

в) наличные формы жизненной активности и повседневные занятия (часто отождествляемые с «образом жизни»);

г) вербализованное субъективное отношение индивида к тем или иным социальным явлениям и процессам, в том числе - высказывания о «собственной жизни» (выражение удовлетворенности или неудовлетворенности, оценки, интересы, осознаваемые потребности, иногда - жизненные планы).

В ходе исследования выясняются взаимосвязи переменных, относящихся к этим четырем основным блокам.

В соответствии со сказанным выше, эта «привычная» схема может быть переструктурирована. В частности, в рабочей схеме эмпирического исследования образа жизни конкретной территориальной общности представляется целесообразной следующая группировка переменных:

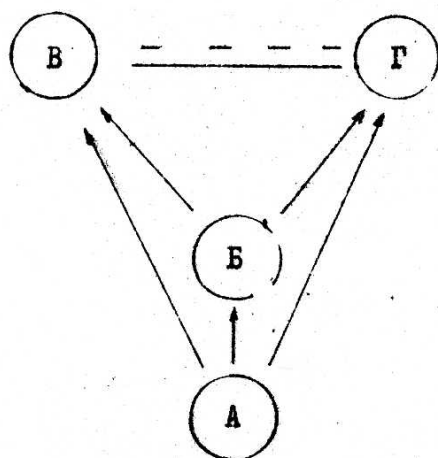
А. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНЕННОГО (И ТРУДОВОГО) ПУТИ, взятые - с большей или меньшей степенью детализации - диахронически, т. е. на протяжении всего жизненного пути, как узловые моменты индивидуальной биографии.

Б. ЖИЗНЕННЫЕ ИТОГИ (статусы в различных сферах жизнедеятельности), выступающие одновременно как накопленные результаты прошлой деятельности и как непосредственные условия нынешней деятельности индивида.

В. КРУГ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (сюда включаются характеристики практической деятельности «сегодняшнего дня» в их суточных, недельных, месячных, сезонных и годовых циклах).

Г. ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ (оценки жизненной ситуации, «жизненные проекты» и т.д.).⁵¹

Предлагается следующее графическое изображение, поясняющее логику анализа взаимосвязей между названными блоками переменных:



⁵¹ Настоящая группировка переменных на базе соответствующего концептуального построения впервые применена в поисковом исследовании образа жизни работающей части населения г. Ленинграда (обследование проводилось по методике интервью «100 вопросов о Вашей жизни» в 1973-1974 гг.) Изложение программы исследования см: [1].

Рис 5

Зависимость А --- Б выражает обусловленность нынешних жизненных итогов (= условий жизнедеятельности) прошедшими обстоятельствами жизненного пути.

Зависимость Б --- В - обусловленность круга повседневной деятельности нынешними жизненными обстоятельствами.

Зависимость В --- Г - обусловленность жизненных установок нынешними жизненными обстоятельствами и занимаемым положением.

Зависимость Г --- В - отображение нынешнего круга повседневной деятельности в актуальном состоянии сознания.

Особый интерес представляют зависимости А --- В и А --- Г, т.е. зависимость повседневной деятельности и жизненных установок от обстоятельств жизненного пути. Это позволяет объяснить вариативность нынешнего состояния сознания и деятельности людей при внешней общности жизненных итогов. Именно за счет этих зависимостей может быть прощупана «обратная» детерминация повседневного поведения «внутренним миром» личности в таких его аспектах, которые не поддаются эмпирической регистрации либо допускают множественность толкований.

Дело в том, что там, где статистическая связь между обстоятельствами жизненного пути и повседневной деятельностью (А --- В) оказывается сильнее, чем связь между этой последней и жизненными итогами, нынешними условиями жизнедеятельности (Б --- В), это не может быть объяснено иначе, как фактическая зависимость круга повседневной деятельности от жизненных установок личности (Г --- В). Ибо прошлые обстоятельства жизненного пути могут влиять на современную жизненную активность индивида лишь через посредство сознания, которое не есть продукт только нынешних условий, а накопленный итог отражения всех предшествующих жизненных обстоятельств.

Таким образом, предложенная модель позволяет выйти из замкнутого круга констатации статистических связей между Б, В и Г и перейти к раскрытию реального соотношения объективных условий и субъективного фактора в становлении того или иного типа жизнедеятельности.

Состояние самосознания может способствовать формированию прогрессивного жизненного уклада в достаточно затрудненных жизненных условиях и, наоборот, тормозить формирование такового уклада (круга повседневной деятельности) в условиях, казалось бы, для того оптимальных.

К числу важнейших исследовательских предположений, заслуживающих проверки в исследовании такого рода, относится утверждение об относительно высокой (а в определенных аспектах и преобладающей) роли прошлых жизненных обстоятельств жизненного пути (онтогенеза нынешних жизненных итогов) для формирования данного круга повседневной деятельности (структуры труда, быта и досуга, способов времяпрепровождения). Ясно, что такое влияние может осуществляться лишь через посредство «внутреннего мира» личности, ее жизненных установок.

Роль прошедших обстоятельств жизненного пути не следует абсолютизировать. Есть такие виды деятельности, которые претерпевают быстрое (и почти независимое от особенностей индивидуальной биографии и ставшего самосознания) изменение в новых условиях жизненной обстановки. Другие (прежде всего - формы досуга, для которого свобода индивидуального выбора больше) относительно стабильны и инвариантны к наличным жизненным условиям, поскольку находятся в решающей зависимости от субъективных интересов и устремлений (сформированных всей траекторией жизненного пути).

Особое место в предлагаемой концептуальной схеме занимает понятие **СТАБИЛЬНОСТИ** (иначе говоря - хронологической глубины) достигнутых жизненных итогов. Поскольку достижение всего разнообразия жизненных результатов в различных сферах деятельности индивида является **РАЗНОВРЕМЕННЫМ**, постольку всякая

статусная характеристика имеет как бы свой «возраст», определяющий меру и глубину ее относительного влияния на современную деятельность.

Тем самым диахронический аспект вводится уже в сам блок «жизненных итогов (статусов)», учитывающих не только данность, но и давность наличных жизненных условий.

Подводя итог всему сказанному, представляется возможным выдвинуть в качестве общеметодологического принципа требование ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОЦЕССА.

<...> Выяснение общих механизмов и закономерностей функционирования и развития систем индивидуальной жизнедеятельности представляется особенно важным, как ключ к последующему анализу соответствующих закономерностей МАССОВОГО поведения и деятельности людей (будь то труд, быт, досуг или иная сфера жизнедеятельности).

Жизненная ситуация индивида не может быть ни адекватно описана, ни объяснена вне общественного контекста, социальной ситуации, которая в значительной мере задает и конкретную систему описания. Однако научная картина общественной ситуации (в данном случае нас интересует ситуация строительства Байкало-Амурской магистрали) станет действительно реалистичной и полнокровной лишь в итоге выявления общих и специфических черт в индивидуальных жизненных ситуациях, взятых и как данность, и как этап конкретной жизненной биографии.

В частности, можно утверждать, что степень адаптации к новым жизненным условиям, отношение к труду и коллективу, жизненные самооценки и дальнейшие жизненные планы у представителей различных групп строителей БАМа получат социологическое объяснение и прогноз лишь на базе специального изучения прошлых жизненных обстоятельств, а также условий жизни, состояния сознания и характера деятельности в диахроническом аспекте.

Поэтому предложенные здесь концептуальная схема и подход к построению динамической модели системы жизнедеятельности личности рассматриваются нами как необходимые МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ к социологическому исследованию проблем труда и быта участников крупнейшей стройки десятой пятилетки.

Литература

1. Алексеев А.Н., Божков О.Б., Глухов В.Д., Павленко В.Н., Протасенко Т.З., Рябикова И.В. Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность / Планирование социального развития городов. Вып. 2. М., 1975.
2. Бутенко А.П. К вопросу о социалистическом образе жизни // Коммунист, 1976, № 1.
3. Марков В.С. Образ жизни и формирование человека // Вопросы философии, 1976, № 7.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966.
5. О методологии анализа и прогноза образа жизни // Социологические исследования, 1976, № 1.
6. Руткевич М.Н. Социалистический образ жизни и его развитие // Вопросы философии, 1975, № 11.
7. Струмилин С.Г., Писаренко Э.Е. Социалистический образ жизни: методология исследования // Вопросы философии, 1974, № 2.
8. Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М., 1975.

(Алексеев А.Н. Методологические предпосылки исследования жизненных путей и образа жизни строителей БАМ / Социальные проблемы строительства БАМ. Новосибирск, 1977)

3.2. НА ПОДСТУПАХ К СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ ("СОЦИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ" И "РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЖИЗНИ")

[Ниже – работа автора, называвшаяся в рукописи "Некоторые проблемы использования качественных методов в исследованиях образа жизни (постановка вопроса и два примера)". (1979-1980). Здесь публикуется впервые. – А. А.]

Некоторые проблемы использования качественных методов в исследованиях образа жизни...(1979-1980)

1. Жизненный процесс как объяснительная модель образа жизни (теоретические предпосылки)

Одним из важнейших требований к исследованию образа жизни на уровне личности является охват всей целостности жизнедеятельности личности, учет как внешней, так и внутренней регуляции ее повседневного поведения, чему может способствовать использование понятие ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ. Это понятие естественно относить к определенному моменту (периоду) жизни человека.

Хронологическая цепь сменяющихся друг друга индивидуальных жизненных ситуаций может быть осмыслена как ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС - понятие, схватывающее динамический аспект, саморазвитие системы человеческой жизнедеятельности, в отличие от статического аспекта, т.е. характеристик данного, «сиюминутного» состояния этой системы (что обычно превалирует в описаниях образа жизни).

Эмпирически жизненный процесс человеческого индивида предстает в виде индивидуальной биографии, жизненного пути человека. Объективную детерминацию этого процесса, очевидно, составляют меняющиеся условия жизнедеятельности, выступающие в качестве ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ. Субъективно же жизненный процесс обусловлен «внутренним миром» личности, ее «образом мыслей», системой потребностей и ценностных ориентаций, что в данном контексте удобно объединить в понятии ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ.

Существенные различия в жизненных установках у разных людей не могут не проявляться в различии практических действий при сходных обстоятельствах. С другой стороны, близость жизненных установок может привести к сходству действий при существенно различающихся обстоятельствах. В том и другом случае налицо различные, не сводимые друг к другу жизненные ситуации (хотя бы и совпадающие в отдельных своих элементах).

В потоке человеческой жизнедеятельности (жизненный процесс) уместно различать «собственно процесс» и «результаты» деятельности. В первом случае имеется в виду так называемая повседневная деятельность (чаще всего отождествляемая с образом жизни), в втором - «узловые точки» (события) индивидуальной биографии, оказывающиеся прямыми или побочными следствиями этой деятельности. Примерами таких событий могут служить: окончание школы, начало трудовой деятельности, женитьба, смена места жительства, переход на новое место работы и т.п. Всякое такое событие в большей или меньшей степени означает смену жизненной ситуации.

Поскольку процесс непрерывен, результаты накапливаются (что, разумеется, не означает их простого суммирования). Для каждого данного момента жизни индивида

накопленный «результат» всей предшествующей деятельности может рассматриваться как совокупный жизненный итог. Понятно, что этот общий итог складывается из множества частных **ЖИЗНЕННЫХ ИТОГОВ**, относящихся к различным сферам жизнедеятельности личности. В таком случае весь жизненный процесс можно представить в виде некоторой последовательности жизненных итогов (каждому из которых предшествует соответствующая повседневная деятельность).

Жизненный процесс не обособлен, а разворачивается в массовом потоке жизненных процессов, в социальной системе, где люди занимают определенные положения относительно друг друга. В конечном счете жизненным итогом индивида - на всякий данный момент жизни и исторического времени - оказывается совокупность занимаемых им положений или «статусов» в соответствующих сферах (например, социально-профессиональный, семейно-ролевой, культурно-образовательный, денежно-доходный, социально-потребительский и др. статусы). Будучи достигнут индивидом в ходе практической деятельности в качестве конкретного жизненного итога, соответствующий статус становится объективной предпосылкой для последующей деятельности, новым, созданным самим человеком обстоятельством жизненного пути.

Развитие «внутреннего мира» личности тоже совершается в ходе жизненного процесса и не может рассматриваться безотносительно к жизненному пути и его обстоятельством. Сознание человека, однако не есть просто отражение объективных компонент жизненной ситуации. Жизненные установки являются особого рода продуктом всей предшествующей деятельности личности, ее накопленным субъективным итогом.

Сказанное можно резюмировать следующим образом: **ВО ВСЯКОМ ДАННОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ В СНЯТОМ ВИДЕ ПРИСУТСТВУЕТ ВСЬ ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС**. Методологическими следствиями из изложенных теоретических представлений являются: а) требование комплексного рассмотрения жизненных условий, «внутреннего мира» и реального поведения личности в исследованиях образа жизни (в частности, для построения типологий образа жизни); б) требование приоритета динамического (исторического, генетического) подхода перед статическим (структурно-функциональным) в этом исследовании. (Подробнее см.: Алексеев А.Н. Методологические предпосылки исследования жизненных путей и образа жизни строителей БАМ / Социальные проблемы строительства БАМ. Новосибирск, 1977).⁵²

Общеметодологическое требование конкретно-исторического подхода в исследованиях образа жизни должно реализоваться путем соотнесения всякого данного состояния системы жизнедеятельности не только с индивидуально-личностными, но и с общеисторическими обстоятельствами жизненного пути человека. Исторический процесс всегда зримо или незримо включен в индивидуальную историческую судьбу. В этой связи представляется уместным говорить о типах образа жизни не вообще, а главным образом применительно к конкретным **ПОКОЛЕНИЯМ** (социальным когортам, группам ровесников).

Ряд важных теоретико-методологических положений, относящихся к исследованию развития личности на протяжении всего жизненного пути человека разработаны советскими психологами, и прежде всего - Б.Г.Ананьевым. Ему же принадлежит постановка вопроса о личности как «сверстнице поколения» и «современнице эпохи» (см.: Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977). Пожалуй, можно сказать, что марксистская психология опередила социологию в этом вопросе (см. также: Принцип развития в психологии. М., 1978).

2. Качественные методы - способ приближения исследователя к социальной реальности (методологическая потребность)

⁵² См. выше: раздел 3.1.

Современная методика и техника социологических (и социально-психологических) исследований пока слабо подготовлены к реализации выдвинутых выше требований. Блок биографических данных в социологических анкетах обычно ограничивается минимумом сведений о социальном происхождении и условиях социализации индивида. Распространенные таксономические и т.п. процедуры выявляют «типы» образа жизни, как правило, на базе недостаточно концептуализированного набора признаков повседневного поведения, зачастую вне связи с обстоятельствами жизненного пути и жизненными установками личности.

Между тем, адекватной реальности общественных отношений, выходящей за рамки социологического описания и несущей в себе объяснительную силу типологией образов жизни на уровне личности, по-видимому, может быть лишь типология индивидуальных жизненных процессов, рассмотренных в единстве условий и деятельности.

Для решения исследовательских задач, опирающихся на изложенную «динамическую» концепцию образа жизни необходимо определенное методическое «перевооружение» социолога, в частности, критический пересмотр сложившихся пропорций в использовании формализованных и не формализованных, количественных и качественных, анкетных и не анкетных методов. Важно подчеркнуть при этом, что выбор методов должен диктоваться научной задачей (а не наоборот).

Вообще, при относительном постоянстве «расстояния», отделяющего субъекта исследования о его эмпирического объекта и носителей информации (конкретных людей), ситуативно не постоянным является положение методического инструмента в «пространстве» между исследователем и обследуемыми. Методика может быть «ближе» к субъекту исследования, отвечая нормативам видения и понимания объекта в собственно-научной, управленческой или идеологической практике, либо «ближе» к объекту, с его житейскими проблемами и обыденными представлениями. При этом возникает опасность утраты содержательного контакта с объектом, ибо вопросы, которые задаются человеку, как бы «не имеют к нему отношения», не отвечают его представлениям о жизни. Использование «сильных» математических методов для обработки полученных таким образом данных не спасает положения, а лишь создает иллюзию глубины и тонкости при фундаментальной недостоверности исходных данных.

Приостановить это стихийное удаление социологических методов от реальных проблем конкретных людей, предотвратить наметившуюся угрозу потери связи с действительностью отчасти можно за счет активизации «не жестких», качественных методов, дающих живое представление о целостном объекте.

Из традиционных, широко известных, хотя и не часто используемых в современной социологической практике методов здесь могут быть названы глубокое неформализованное интервью и включенное (участвующее, «встроенное») наблюдение.

Обращает на себя внимание возрождение интереса к качественным методам, происшедшее в последнее десятилетие 90-е гг.) в зарубежной социологии. Методы прямого наблюдения, биографических описаний, исследование отдельных случаев широко используются сейчас скандинавскими, в частности, финскими социологами (см., например, *Acta Sociologica*, 1978, N 2), Другой пример - книга французского социолога, коммуниста Жака Фремонтье «Рено - рабочая крепость» (монографическое исследование рабочего пригорода, опирающееся на обобщение 120 неформализованных интервью; Fremontier J. *La forteresse ouvriere Renault*. Paris, 1971). К этому же жанру относится переведенная в СССР книга американского исследователя С. Теркела (Теркел С. *Работа*. Люди рассказывают о своей каждодневной работе и о том, как они к этой работе относятся. М., 1978). Из последних примеров социального исследования, опирающегося на материалы участвующего наблюдения, может быть указана также переведенная у нас работа французского социолога Р. Линара (Линар Р. *Итак, я работаю на заводе* // Иностранная литература. 1979, NN 8-9).

За этими примерами стоит наметившаяся тенденция консолидации гуманистической, «качественной» социологии (в большинстве случаев характеризующей радикалистской, прогрессивной направленностью).

В общеметодологическом плане вопрос о необходимости новых подходов к исследованию социальной реальности, отхода от традиционных норм «формализованной» и «количественной» (по преимуществу - позитивистской) социологии весьма остро поставлен в западной социологии известной «феноменологической школой» (см. Новые направления в социологической теории. М., 1978).

Наконец, богатый опыт в использовании качественных методов накоплен венгерскими, болгарскими, польскими социологами (особенно последними, у которых изучение личных документов, анализ биографических материалов и т.п. составляет своего рода национальную социологическую традицию).

(Довольно полное представление о круге качественных методов, используемых социологией европейских социалистических стран дает сборник: Неанкетные методы и их применение в научных исследованиях молодежи. Информационное приложение к журналу «Проблемы на младежта». Приморско, 1975).

В советской социологической литературе последних лет наиболее сильное выражение и убедительное обоснование ориентация на качественные методы анализа получила в статье В.Н. Шубкина «Пределы», опубликованной в «Новом мире» в 1978 г. Примечательно, что призыв к гуманизации социологии принадлежит автору, основные труды которого посвящены как раз исследованию жизненного процесса на определенных его этапах - пути жизненного самоопределения молодежи после окончания средней школы (см. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970; Его же. Начало пути. М., 1979).

Необходимость соединения формализованных и качественных методов особенно отчетливо видна в исследованиях образа жизни. Как явствует из сказанного ранее, основной вопрос здесь: описывать ли жизнедеятельность людей как СОСТОЯНИЕ или как ПРОЦЕСС. Исследование жизненных путей позволяет схватить объект в динамике, с учетом того обстоятельства, что биография человека - важный фактор объяснения его сегодняшних взглядов, ориентаций, действий. В таком случае образ жизни (структура повседневной деятельности) оказывается предметом не просто феноменологического (более или менее систематизированного) описания, а ставится в контекст всего жизненного процесса человека, принадлежащего к определенному поколению.

Способы реализации изложенных выше методологических требований динамического подхода к исследованию образа жизни, с вытекающей отсюда необходимостью привлечения качественных методов, могут быть различными. Предпочтительно предусматривать их уже на стадии разработки программы исследования. Но не исключено и «приспособление» уже имеющегося эмпирического материала к новой целевой установке.

Нижеследующие два примера иллюстрируют как ту, так и другую исследовательские ситуации.

3. Пример первый: методика «индивидуальных социальных портретов» (на базе интервью «100 вопросов о Вашей жизни»)

В 1974 г. автором совместно с группой сотрудников (О.Б. Божков, В.Д. Глухов, В.Н. Павленко, Т.З. Протасенко, И.В. Рябикова) были обследованы на дому 500 чел., проживающих в трех районах г. Ленинграда. Предметом исследования был образ жизни работающих членов семей, имеющих «собственную» жилплощадь в домах городского типа. К важнейшим задачам данного исследования относилась проверка социологической гипотезы о существенной роли обстоятельств жизненного пути (биографические переменные) для формирования круга повседневной деятельности (структуры труда, быта и досуга, способов времяпрепровождения).

Случайно районированной выборкой семей в данном обследовании была достигнута представительность относительно генеральной совокупности (работающее население н. Ленинграда, без проживающих в общежитиях и в домах не городского типа, а также снимающих жилплощадь) - по полу, возрасту, размеру семьи, типу застройки района, жилищным условиям. Опрос проводился по программе формализованного интервью, предусматривающего также фиксацию личных впечатлений интервьюера (см.: 100 вопросов о Вашей жизни. Социологическое интервью. Л.: ИСИ АН СССР, 1974).

В ходе опроса собиралась информация по широкому кругу социальных параметров (некоторые биографические данные, нынешние условия жизни, характеристики повседневного поведения), в форме, допускающей кодирование и последующую математическую обработку. Вместе с тем, интервью было спроектировано таким образом, что оказалось возможным производить на имеющемся материале не только обычную в социологической практике аналитическую процедуру (когда социальные признаки множества индивидов предстают в виде переменных), но и обратную названной процедуру «социографического синтеза», или реконструкции, по собранным данным, индивидуальных жизненных процессов. В итоге такой работы создаются «беллетризованные» описания, или «социографические этюды», составленные на базе первичных документов сбора социологической информации. (В выработке настоящей методики, равно как и в изложенном концептуальном подходе автор считает себя в значительной мере обязанным научному общению с С.М. Розетом).

Ниже приведем, в качестве иллюстрации, три таких социографических описания, построенных на данных формализованного интервью. Все данные приводятся на момент обследования (май 1974 г.). (Сбор первичной информации осуществлен: для этюда N 1 - М.А. Алесиной, для этюдов №№ 2 и 3 - Т.З. Протасенко. Составитель описания - А.Н. Алексеев, при участии Н.А. Сабурова).

Социографический этюд № 1 (опросный лист № 351).

Мужчина, 21 год, 10 классов, электросварщик, комсомолец, женат, имеет ребенка, в Ленинграде - 3 года.

Респондент родился в 1953 г. в сельской местности (Псковская область). Родители живут там и сейчас, а работают на заводе, отец - грузчиком, мать - газогенераторщицей. У отца - неполное среднее, у матери - начальное образование.

Был первенцем у родителей. Две младших сестры, обе с восьмилетним образованием, живут в г. Пскове (одна работает продавцом, другая учится в техникуме).

Сам респондент закончил 8-летку в 1968 г. Поступил учиться на тракториста-машиниста в СПТУ, окончил его. Меньше года проработал по этой специальности. Потом, после недолгого ученичества, стал работать наборщиком стекломассы на заводе. Все это время жил отдельно от родителей.

В армию не призывался (причина не ясна).

В 1971 г. приехал в Ленинград, где имел дальних родственников.

В ленинградском ПТУ получил специальность электросварщика и стал работать по этой специальности на Адмиралтейском заводе. Жил в общежитии. Учился в вечерней школе (9-1 класс).

В 1973 г. (20 лет) женился. Жена чуть постарше его, окончила радиотехнический техникум.

Родители жены приняли молодых к себе. Полтора года жили в чрезвычайной тесноте - в однокомнатной квартире 24 кв. м. шесть человек, а с рождением ребенка (в том же 1973 г.) стало семеро.

Наконец, молодой семье, с помощью завода, удалось получить 20-метровую комнату в малонаселенной квартире (кроме них еще одна семья только) в жактовском доме. Дом довоенной постройки (в квартире нет ванной). Молодой семье новые жилищные условия кажутся раем. Есть даже телефон.

Беседа проходила месяц спустя после их новоселья. Комнату только начали обставлять. Помогли родители жены: дали мебель (старую), подарили новый телевизор.

Жена респондента пока дома с ребенком, собирается устраиваться на работу (рассчитывают если не на ясли, то на бабушку).

Респондент сейчас зарабатывает до 150 руб. (на руки - 130). Работой своей как будто доволен, ожидает повышения разряда и заработка. Работа в одну смену. На дорогу до места работы тратит 10 мин. на автобусе.

Все это время респондент не бросал учебу. Сейчас он перешел в 11-й класс вечерней школы. Кроме того, ведет общественную работу на заводе - комсорг участка, председатель комсомольского прожектора.

Видно, что отношения в семье хорошие. Респондент работающий парень, очень заботлив, много времени уделяет ребенку. Жена относится к нему чуточку снисходительно и покровительственно. Она более развита (родилась и выросла в Ленинграде).

В доме больше сотни книг, по специальности жены и художественная литература. Из подписных изданий - Пушкин. Сам респондент книг не покупал. В месяц ему удается прочитать одну-две книги из художественной литературы. Предпочитает детективы и книги о войне, однако последняя прочитанная книга - «Белый Бим Черное ухо». Из журналов читает «Человек и закон», «Крокодил», «Здоровье», из газет - «Ленинградскую правду» и «Советский спорт».

Живя в Ленинграде, никогда не бывал ни в Петродворце, ни в Павловске. В Русском музей и в Эрмитаже был больше года назад. В этом году смотрел «Лебединое озеро» в Театре оперы и балета им. Кирова и «С любимыми не расставайтесь» в Театре им. Ленинского комсомола. В кино удается бывать раз в месяц. Предпочитает комедийные фильмы.

Культурные предпочтения вообще не отчетливы, в фактическом же «потреблении культура» им, по-видимому, руководит жена.

Почти все свободное время респондент проводит дома. Много смотрит телевизор. В отпуск раньше ездил к родителям и к сестрам (Псковская обл. и г. Псков). Нынче собирается провести отпуск на даче (с помощью родителей жены сняли дачу за 200 руб.).

Родители жены навещают молодую семью чуть не каждый день. С друзьями респондент тоже встречается довольно часто. Ближайшие друзья - из тех, с кем вместе учился в ленинградском ПТУ. Выпивает редко, только по праздникам; до женитьбы, когда жил в общежитии, бывало чаще.

Своим районом респондент доволен (начало проспекта Стаче):

«Рядом магазин, удобно и на работу ездить. Все хорошо». Насчет снабжения заметил только, что «вечером не бывает молока в магазинах». Пр бытовое обустройство: «В швейных ателье шьют долго».

В целом ориентирован на семью и на работу. За 3 с лишним года адаптировался в Ленинграде в бытовом отношении, в культурном же плане, как считает интервьюер, можно ожидать дальнейшего позитивного влияния супруги.

Социографический этюд № 2 (опросный лист № 413)

Мужчина, 24 года, 10 классов, бетонщик (разнорабочий)6 беспартийный, женат, имеет ребенка, живет в Ленинграде 3,5 года.

Респондент родился в 1950 г. в сельской местности (Ворошиловградская область). Был четвертым ребенком у родителей (после него родилось еще двое). Родители, братья и сестры живут на Украине. Отец - с 7-классным образованием, заведует складом, мать - малограмотная, домохозяйка. Старший брат (1940 г. рожд.) - бригадир в животноводстве, другой брат - шофер, сестры работают - одна поваром, другая - воспитателем в детском саду. Младшая сестра (1957 г. рожд.) еще учится.

Как и почти все дети в семье, респондент окончил десятилетку (1967 г.). Затем отец устроил его весовщиком. Респондент говорит:

«Работал как придется»; зарабатывал до 120 руб. Через полгода был призван в армию. Службу проходил с 1968 по 1970 г. в Москве. Демобилизовавшись, приехал в Ленинград, к дяде, и поступил на Кировский завод, где, окончив двухмесячные курсы на производстве стал работать сверловщиком.

У дяди прожил недолго, получил место в общежитии. На заводе проработал около 3-х лет. Стал квалифицированным рабочим, зарабатывал до 200 руб., последнее время даже работал наладчиком.

В 1972 г. (22 лет) женился. Жена- того же года рождения, работает оператором счетной машины (заработок - 90 руб.). Она из рабочих, отец - слесарь, мать - на пенсии, оба родителя - с начальным образованием.

Переехал к жене, стали жить вчетвером в отдельной 28-метровой квартире из 2-х изолированных комнат. Вскоре родилась дочь, которой в момент беседы было 7 месяцев. Молодые с ребенком занимают одну комнату. Никаких перемен в жилищных условиях не предвидится. Дом - застройки 60-х гг. В квартире есть телефон.

После женитьбы респондент уволился с завода (1973 г.) и вот уже год работает бетонщиком, а точнее - разнорабочим в строительной организации. Трудно сказать, почему сменил работу (может, в надежде получить комнату?). Нынешняя работа - малоквалифицированная («Работа как работа, то бетон примешь, то что-то разгрузишь, то воды девчатам принесешь, по-разному»); заработок - ниже, чем на заводе (170 руб., на руки - около 150)., однако ожидает повышения разряда и зарплаты.

Работа связана с местными командировками, бывает, что рядом, бывает, что и Роцино надо ехать.

Вся семья (оба поколения) живут в основном общим бюджетом. Жена респондента сейчас не работает, поэтому на пятерых получается меньше 300 руб. После рождения ребенка больших приобретений не делали. Тесть отдает в семью не все деньги, только 60 руб. 6 остальных, насколько можно понять, пропивает. И у тещи, и у молодых отношения с ним напряженные. Теща - этакая «чистенькая старушка» (выражение интервьюера), похоже - очень хорошо относится к зятю.

Квартира обставлена «по мещански» (статуэточки, салфеточки).

Есть и радиола, и стиральная машина. Книг - несколько десятков. Сам респондент читает мало, последнюю приобретенную книгу еле вспомнил, выиграл ее по лотерее.

Жена выглядит «поинтеллигентнее мужа, тот же - на вид грубоватый, «неотесанный» парень. По оценке интервьюера, самосознание и самооценка на самом низком уровне. В общем, живет как живется. Ориентирован главным образом на семью. К работе относится без интереса, малоинициативен, ничем особенно не увлекается, назвал всего одного близкого друга (из тех, с кем вместе жил в общежитии).

Никакой общественной работой не занимается. Не комсомолец.

В свободное время «посмотрю телевизор, газетку почитаю, дочку подержу на руках», в выходной - телевизор, «полежу - отдохну», летом выезжает по воскресеньям за город. Раньше, до женитьбы немного занимался спортом (легкая атлетика), сейчас - нет. В кино бывает реже раза в месяц (в театре был год назад). Приходилось бывать в Русском музее, в Эрмитаже, но давно, года три назад.

Говорит, что за последние полгода прочитал несколько книг, предпочитает на военную или историческую тему.

Семья выписывает «Смену» и «Вечерний Ленинград», респондент иногда покупает «Правду». По-видимому, по инициативе жены, выписывают журнал «Юность», кроме того - «Здоровье».

Свои отпуска респондент проводит в деревне, у родных. Последний раз ездил на Украину с женой. Если бы вдруг выиграл 500 руб. по лотерее, поехал бы с женой на юг, к морю.

Примерно раз в месяц бывает в гостях у дяди. Выпивает по-малу (рюмочку-другую), по выходным.

Районом, где живет (отдаленная часть пр. Стачек) доволен:

«Просторно, зелень, а в городе толкучка». Считает, что надо пруды очистить, недоволен транспортным обслуживанием («автобусы в часы пик без остановки прут»). Из вещей, которые хотели бы купить, да не могут найти подходящих в продаже, назвал женское демисезонное пальто, туфли, курточку детскую с капюшоном. Про снабжение заметил: «Сарделек нет».

Никаких перемен в своей жизни не предвидит, в Ленинграде адаптирован, но скорее в чисто бытовом отношении. Культурные интересы если и развиваются, то лишь под влиянием жены, всю жизнь пожившей в Ленинграде.

Социографический этюд № 3 (опросный лист № 134)

Мужчина, 24 года, незаконченное высшее, техник-технолог, комсомолец, женат, детей нет, всю жизнь прожил в Ленинграде.

Респондент родился в 1950 г. в Ленинграде, в рабочей семье. Оба родителя - еще молодцы (отцу - 48 лет, матери - 44), оба - с 7-классным образованием, оба работают «оптиками» (по определению респондента). Он их единственный сын).

В 1967 г., кончил десятилетку в ленинградской школе. Пытался поступить в ДИИЖТ, не прошел по конкурсу и стал работать электромонтером. По окончании недолгого ученичества зарабатывал 80 руб. Вскоре был призван в армию, служил в Горьковской области (1968-1970 гг.). Вернувшись поступил на Ленинградское объединение подъемно-транспортного оборудования им. Кирова, где стал работать земледелом (он же - «грузчик»). Одновременно поступил учиться в завод ВТУЗ ЛМЗ. Сейчас уже на 4-м курсе.

В 1973 г. (на третьем году учебы) был переведен в объединении на должность техника-технолога, каковым работает и сейчас.

Обучение в заводе-вузе предполагает периодический (довольно длительный) отрыв от производства. Фактически два года респондент учился днем. Сейчас занятия вечерние (4 раза в неделю). К своей нынешней работе относится сдержанно, считает ее не слишком интересной, вероятно, сразу сменит место работы, окончив вуз.

Зарабатывает порядка 90 руб. (на руки несколько меньше). Не исключает возможности повышения своей зарплаты.

До работы ему 25 мин. езды, после окончания рабочего дня никогда задерживаться не приходится.

В конце 60-х гг. родители приобрели 3-х комнатную кооперативную квартиру (41 кв. м., телефон), где стали жить втроем. В 1973 г. (23 лет) респондент женился. Жена на три года моложе его, судя по всему тоже коренная ленинградка, образование полное среднее, работает техником-конструктором (зарабатывает 80 руб.). У ее родителей - двухкомнатная квартира.

Последние полгода молодые живут «на два дома» (месяц поживут у родителей респондента, месяц - у родителей жены). Беседа происходила на первой квартире. Скоро собираются окончательно перебраться к родителям жены.

В какой бы семье ни жил, респондент вкладывает в общий бюджет 50-60 руб., остальные деньги тратит по своему усмотрению.

Заработок у родителей респондента, по его словам, относительно невысокий (отец - 110 руб., мать - 100 руб.). 40 руб. в месяц у семьи уходит на оплату кооператива («Платят родители», - говорит респондент).

По впечатлению интервьюера, обстановка в квартире родителей респондента - «наистандартнейшая», причем «чувствуется достаток»: дорогой мебельный гарнитур. Есть магнитофон и аккордеон. Несколько книжных полок в гарнитуре. Большая часть книг приобретена отцом, но и сын тоже покупает.

Среди книг - собрания сочинений Пушкина, Достоевского, Хемингуэя. Недавно респондент подписался на Чехова. Есть военные мемуары.

Ритм жизни у респондента довольно напряженный. Совмещая работу с учебой, активно «потребляет культуру». Судя по его словам, примерно два раза месяц бывает в театре (предпочитает Театр им. Ленсовета и Театр им. Комиссаржевской, в БДТ - не попасть, хоть театр и нравится). Раз в неделю - в кино (предпочитает итальянские и американские фильмы). В течение последнего года бывал в Русском музее, в Эрмитаже, даже на выставке в Академии художеств. Посещал филармонию.

Читает художественную литературу. Предпочитает «легкое», по его выражению, чтение (вроде недавно прочитанной «Анжелики», а также исторические романы и военные мемуары).

«Семья респондента выписывает «Известия», «Комсомольскую правду», «Ленинградскую правду», а из журналов - «Вокруг света», «Науку и жизнь», «Человек и закон». Все их он читает регулярно, и еще старается доставать журнал «Америка».

Телевизор смотрит очень редко (фигурное катание, хоккей).

Все же, по оценке интервьюера, культурные интересы являются скорее широкими, чем глубокими. Чувствуется определенная установка на «престижное» потребление культуры.

Респондент - человек, знающий, чего хочет от жизни. Ближайшая цель - закончить институт, что откроет дорогу к дальнейшему профессиональному продвижению.

Интервьюер усматривает у самоуверенность, некоторую рисовку и самовлюбленность. Даже в бытовом плане (что хотели бы приобрести для семьи) говорит исключительно о предметах мужского гардероба.

Если бы выиграл по лоторее 500 руб., положил бы на сберкнижку.

Довольно общителен, каждую неделю бывает в гостях. Ближайшими друзьями называет людей с высшим образованием, знает их с детства.

Комсомолец, однако сейчас заниматься общественной работой некогда (одно время во втузе был профоргом группы).

Свои отпуска проводит на юге, в Закарпатье, в Прибалтике (по туристской путевке или «дикарем»).

Своим районом (дом, где живут родители, на пр. Ветеранов) не очень доволен - много зелени, но плохо с транспортом и снабжением, по его мнению. Предпочитает Васильевский остров (где живут родители жены).

* * *

Отобранные нами для примера три индивидуальных социальных портрета принадлежат представителям одного и того же поколения (уроженцев первой половины

50-х гг.). Можно заметить, что при общности возраста, семейного положения, профессионального статуса, это разные социальные типы (условно их можно назвать: «активный мигрант», «пассивный мигрант» и «коренной горожанин»). «Схватить» эти типы было бы невозможно ни факторным анализом, ни таксономическими процедурами, ни другими, пусть сильными математическими средствами.

При накоплении достаточного количества таких «социографических синтезов» открывается естественная перспектива выявления черт сходства и различий жизненных путей и ситуаций, представленных в достаточно массовом и репрезентативном социологическом материале, однако сохраняющем достоинство индивидуальных портретов. Тем самым открывается возможность для СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ жизненных процессов и образов жизни.

Настоящая методика представляется довольно эффективным рабочим инструментом, позволяющим обогатить представления об исследуемой социальной реальности и точнее формулировать задачи обработки массовых социологических данных

4. Пример второй: методика «индивидуальной биографической ретроспекции» (в рамках социально-психологического интервью «Размышление о жизни»)

В 1979 г. автором совместно с С.Ф. Минаковой была разработана и опробована методика социально-психологического интервью «Размышление о жизни», предусматривающая, в частности, автобиографический рассказ респондента, описание им собственного жизненного пути в произвольной форме. При этом запись сообщенной информации ведется интервьюером по форме, заданной специальной «план-картой жизненного пути».

Названная план-карта имеет вид синхронистической таблицы, где основные факты биографии и жизненные перемены фиксируются сообразно обозначенным слева и справа хронологическим и возрастным координатам, так что каждый факт биографии может быть соотнесен с определенным моментом исторического и «жизненного» времени. При этом биографические факты дифференцированы по пяти категориям и записываются параллельно в пяти разных колонках: перемены места жительства; семейные события; изменения в образовании; трудовая и общественная карьера; иные важные события жизни.

Далее, респонденту предлагается установить, какие из сообщенных им фактов биографии и жизненных перемен можно с большей или меньшей степени условности назвать «вехами» его жизненного пути. «Иначе говоря, как бы Вы подразделили собственную жизнь на более или менее целостные ЭТАП (ПЕРИОДЫ), отличающиеся друг от друга конкретными жизненными целями, кругом занятий, направленностью интересов» (формулировка сценария интервью). Количество периодов, разумеется, произвольно и определяется самим респондентом, при участии интервьюера. Фиксируются эти периоды - горизонтальными разграничительными чертами на план-карте (в местах записи соответствующих «переломных» событий жизни).

При участии интервьюера респондент дает краткие и, по возможности, выразительные названия каждому из выделенных им периодов, которые тоже заносятся на план-карту. (Из нашего исследовательского опыта явствует, что таких периодов в жизни человека, если не считать «обязательных» для каждого человека периодов ранней социализации и подготовки к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь, обычно не больше 5-6).

После этого программой интервью предусмотрено ретроспективное обозрение респондентом КАЖДОГО из выделенных периодов жизни, в их хронологической последовательности, путем ответа на серию общих для каждого жизненного этапа вопросов;

«Как бы Вы сказали:

(1) Из чего в основном СКЛАДЫВАЛАСЬ (чем была наполнена) Ваша жизнь в этот период?

- (2) Что было ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ или составляло СМЫСЛ Вашей жизни в ту пору (как Вам казалось)?
- (3) Какие СПОСОБНОСТИ Вам удалось развить в этот период?
- (4) Ваши любимые занятия в то время?
- (5) На что Вам тогда обычно НЕ ХВАТАЛО ВРЕМЕНИ (как вам казалось)?
- (6) Как обычно протекал ВАШ ОТПУСК?
- (7) Чему Вы обычно старались посвятить ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ?
- (8) Чему Вы обычно старались посвятить СВОБОДНЫЙ ЧАС (или, как говорят, «свободную минуту»)?
- (9) Чего Вам в ту пору БОЛЬШЕ ВСЕГО НЕ ХВАТАЛО (как Вам казалось)?
- (10) Что Вам доставляло НАИБОЛЬШУЮ РАДОСТЬ (удовольствие) в жизни в то время?
- (11) Что Вас БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗАБОТИЛО (огорчало) в жизни в то время?
- (12) Приходилось ли Вам тогда переживать СИДБНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ (работа, учеба, общественная деятельность, любительские занятия, другой человек, семья, и т.д.)?
- (13) Если говорить об этом периоде, то в чем Вы видите свою ЖИЗНЕННУЮ ЗАСЛУГУ (полезный вклад, оставленный в жизни «добрый след», как бы скромно Вы их ни оценивали)?

Все приведенные вопросы являются открытыми (т.е. ответы формулируются в произвольной форме).

Здесь приведен лишь фрагмент методики социально-психологического интервью «Размышление о жизни», относящийся собственно к «индивидуальной биографической ретроспективе», пример методической реализации концепции жизненного процесса, как объяснительной модели образа жизни (см. п. I) средствами качественного социологического анализа (см. п. II настоящей статьи).

Первые опыты применения этой методики (С.Ф.Минакова - в г. Кировске, Мурманской обл., среди выпускников вечернего и заочного отделений Ленинградского горного института им. Г.В.Плеханова, работающих на ПО «Апатит») свидетельствуют о ее перспективности, с точки зрения объяснения сложившейся на данный момент системы индивидуальной жизнедеятельности. Интересно, что, кроме научно-познавательного эффекта, эта методика предусматривает и дает также определенный «ауторефлексивный» эффект (предоставляемая респонденту возможность самовыражения и самоанализа, выявления логики своего жизненного развития, уникальности и самоценности собственного «Я»).

(Следует оговорить, что методика социально-психологического интервью «Размышление о жизни» является экспериментальной и не рассчитана на массовое использование. Предполагается, что интервьююер давно знаком с человеком, который согласился на беседу).

По-видимому, человеческая жизнь в целом может и должна стать объектом социологического и социально-психологического исследования. По существу, это будет выявление типов жизненных процессов, каждый из которых характеризуется своей объективной и субъективной логикой развития личности.

В заключение, еще раз подчеркнем:

- а) возможность и необходимость активизации социологического внимания к «жизненному процессу» и истории становления всякого данного образа жизни (коль скоро стремимся к адекватному описанию, не говоря уж об объяснении этого последнего);
- б) целесообразность и перспективность широкого привлечения качественных методов анализа, как самостоятельного, так и в комплексе с формализованными методами (коль скоро хотим социологически изучить такую богатую тотальность, как человеческая жизнь).

(1979-1980 гг.)

3.3. ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И ТИПИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

[Ниже - тезисы одноименного доклада автора, опубликованные в материалах научно-практического семинара «Прогнозирование типических социальных свойств личности» (Пермь, 1979). А.А.]

= Из сборника «Прогнозирование типических социальных свойств личности» (1979)

1. Под типическими социальными свойствами личности мы понимаем такие черты и характеристики жизнедеятельности конкретно-исторических индивидов, которые: а) имеют массовое распространение (т.е. обнаруживаются у множества индивидов, являясь общими для целой их категории); б) обладают способностью самовоспроизведения (т.е. отличаются относительной устойчивостью, закрепляются при посредстве механизмов общения и социализации); в) являются существенными для определения социального типа личности (т.е. необходимы и достаточны для выделения систем социальных свойств личности, образующих ее конкретные социальные типы).

Последнее требование является достаточно сильным и очищает предмет исследования от множества «подробностей», которые, возможно, не безразличны для характеристики отдельной личности, но избыточны для определения социального типа.

2. Таким образом, типические социальные свойства личности являются также ее ТИПООБРАЗУЮЩИМИ свойствами (на социологическом уровне анализа). Только такие свойства личности в принципе и стоило бы делать объектом социального прогнозирования. Они выступают значимыми и существенными с точки зрения задач социального планирования и управления.

3. С методологической точки зрения представляется необходимым рассмотрение проблематики прогнозирования типических социальных свойств личности с опорой на следующие частно-социологические теории: а) теория социального прогнозирования; б) социологическая (социально-психологическая) теория личности; в) социологическая теория образа жизни.

Именно эти три «блока» марксистского социологического знания (сами по себе находящиеся в процессе становления) выступают непосредственными теоретико-методологическими предпосылками прогностических исследований такого рода.

4. Среди названных теоретических предпосылок здесь особо подчеркнем значение социологической теории или концепции образа жизни. В известном смысле система жизнедеятельности личности (ее образ жизни) «совпадает» с системой ее социальных свойств (социальным типом личности). Субъектом-носителем системы жизнедеятельности выступает конкретно-исторический индивид, личность определенного социального типа. Ее социальные свойства объективируются в различных формах поведения, эти свойства вообще не существуют вне конкретного способа деятельности.

По-видимому, основным эмпирическим путем исследования типических социальных свойств личности, включая их прогнозирование, является изучение образа жизни людей, в частности, выявление тенденций его изменения. В этом смысле прогнозирование указанных социальных свойств совпадает с прогнозированием образа жизни, рассматриваемого на уровне личности.

5. В современной социологической практике пока что превалирует исследовательский подход к образу жизни как к «функционирующей системе». В

эмпирических исследованиях это выражается в преимущественном соотнесении трех основных групп переменных: а) нынешние жизненные условия, б) состояние сознания и в) круг («система») повседневного поведения личности. На базе произведенных измерений более или менее широкого круга параметров - характеристик повседневной деятельности человека - проверяются гипотезы о зависимости этих характеристик от объективных условий жизни (объективная детерминация образа жизни) и об их связи с субъективными личностными характеристиками (субъективная детерминация).

Распространены также таксономические процедуры, направленные на выявление эмпирических «типов» образа жизни, как правило, безотносительно к генезису (становлению и развитию) соответствующих систем жизнедеятельности.

Такой исследовательский подход, оправданный и необходимый на первых порах, все более обнаруживает свою ограниченность. Во-первых он остается описательным подходом, с относительно слабыми возможностями как для объяснения, так и для прогноза. Во-вторых, данный подход чреват завышенными ожиданиями относительно скорого эффекта управленческих воздействий, поскольку он опирается на неявное предположение, что образ жизни человека обусловлен преимущественно данными жизненными обстоятельствами, нынешним социальным положением, а не всей историей становления личности.

6. Наша собственная точка зрения сводится к следующему.

Система жизнедеятельности личности изменяется и воспроизводится во времени. Поэтому она может и должна рассматриваться как развивающаяся система, как изменяющийся способ деятельности, как некоторый процесс. К.Маркс и Ф.Энгельс для этой цели использовали понятие «жизненный процесс» (Lebensprozess).

В определенном смысле, ОБРАЗ ЖИЗНИ и ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС выступают как «категориальная пара», позволяющая отразить как статический, так и динамический аспекты системы человеческой жизнедеятельности. В таком случае правомерна трактовка образа жизни как определенного состояния системы жизнедеятельности, как способа деятельности в данный момент, на данном этапе развития системы. В свою очередь жизненный процесс есть не что иное, как смена этих состояний, само развитие системы.

7. Важнейшим методологическим выводом из сказанного является требование комплексного рассмотрения системы жизнедеятельности в единстве обоих аспектов - функционирования и генезиса, при известном приоритете генетического (динамического) аспекта в этом комплексном анализе.

8. Каковы пути реализации настоящего методологического требования? По-видимому, в концептуальные схемы исследования образа жизни, наряду с перечисленными выше основными группами переменных в качестве равноправного блока группы действующих факторов, следует включать «обстоятельства жизненного пути» человека, существенные моменты его биографии. Именно последние в ряде случаев позволяют установить объективную детерминацию нынешнего образа жизни личности там, где такая детерминация как будто отсутствует, т.е. обнаруживается относительная независимость способа деятельности людей от наличных жизненных условий.

Понятно, что влияние «прошлого» на «настоящее» и «будущее» осуществляется через посредство внутреннего мира личности, хранящего в себе (иногда очень глубоко) отпечатки, «следы» пройденных личностью жизненных ситуаций. Таким образом вскрывается объективная основа более или менее явно усматриваемой субъективной детерминации образа жизни и, стало быть, расширяется поле как для объяснения сложившегося состояния системы жизнедеятельности, так и для прогноза дальнейших траекторий ее (этой системы) развития.

9. В свете сказанного, логика исследовательского подхода к прогнозированию типических социальных свойств личности предстает в следующем виде:

- исследование жизненного процесса, совокупности обстоятельств жизненного пути человека—характеристика современного состояния системы жизнедеятельности личности— оценка ожидаемых изменений в общих и индивидуализированных условиях жизнедеятельности, с учетом собственных перспектив саморазвития личности—прогноз относительно будущей жизнедеятельности и социальных свойств личности.

10. Общеметодологическое требование конкретно-исторического подхода должно реализоваться путем «выведения» всякого ставшего или становящегося свойства личности (системы этих свойств) из прошлых, нынешних или ожидаемых не только индивидуально-личностных, но и исторических обстоятельств ее жизненного пути.

Исторический процесс всегда зримо или незримо включен в индивидуальную человеческую судьбу. В этой связи представляется уместным говорить о типических социальных свойствах личности не вообще, а главным образом применительно к конкретным поколениям (социальным когортам, группам «ровесников»).

Первые шаги к выявлению соответствующих социальных свойств, на наш взгляд, должны осуществляться для группы индивидов, относящихся к одному и тому же поколению, характеризующихся известной общностью соотношения жизненного и «исторического» опыта (т.е. тех, которых одни и те же исторические события застали примерно на одной и той же фазе жизненного цикла). Лишь после этого представляется оправданным поиск общих социальных свойств у представителей различных поколений в рамках данного общества.

11. По-видимому, имеет право на существование гипотеза о НЕСОВПАДЕНИИ систем социальных свойств личности, сосуществующих хронологически, однако сформированных различными комплексами общественных условий (люди, прошедшие различные «школы» и «университеты» жизни). Альтернативной является гипотеза о ТРАНЗИТИВНОСТИ или принципиальной общности социальных типов личности из разных поколений, вопреки существенным различиям исторических условий достижения личностью социальной зрелости.

Прогностическое исследование типических социальных свойств личности может и должно опираться на социологическое изучение образа жизни людей при условии хронологического «углубления» анализа образа жизни за счет активного привлечения социально-биографических данных и соотнесения обстоятельств жизненного пути личности с их конкретно-историческим контекстом.

(Алексеев А. Жизненный процесс и типические социальные свойства личности (к методологии прогностического исследования) / Прогнозирование социальных типических свойств личности. Пермь, 1979)

...Наличное бытие – продукт предшествующего развития, внутренних предпосылок или условий, складывающихся в ходе предшествующего развития, которое в процессе взаимодействия с миром определяет будущее формирование человека, его внутренние условия. Такова собственная роль человека в дальнейшем самоопределении. Детерминированность человека, его свойств, его решений и ответственность человека не только за то, что он есть, поскольку то, что он сейчас есть, – это в какой-то предшествующий момент его жизни было тем, чем он будет, такова необходимая связь настоящего, прошлого и будущего в жизни человека. Возможность человека определять свое будущее есть возможность определения каждого из прошедших этапов своей жизни, поскольку и он был в свое время будущим...

3.4. «МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЦЕЛОСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ)»

[Ниже – извлечение из одноименного доклада А.Н. Алексеева и С.М. Минаковой на 3-м советско-венгерском симпозиуме «Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации» (Будапешт, сентябрь 1979 г.). – А. А.]

= Из «Материалов советско-венгерского симпозиума...» (1979)

<...> В широком смысле слова, образ жизни индивида может трактоваться как определенное состояние системы жизнедеятельности, как «способ жизни» на данный момент, на данном этапе жизненного пути. В свою очередь, жизненный процесс есть не что иное, как смена этих состояний, само развитие названной системы.⁵³

В узком же смысле слова образ жизни индивида совпадает с понятием структуры его повседневной, практической деятельности <...>. Стало быть, образ жизни (структура практической деятельности, способ «использования» времени) есть не что иное, как «превращенная форма» структуры личности, ее объективация в деятельности. Иначе говоря – «материализация» общей направленности личности.⁵⁴ «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами».⁵⁵

Является ли образ жизни человека на протяжении жизни неизменным? Очевидно, нет. Однако, если усматривать в нем именно структуру, способ организации повседневной деятельности, а не все разнообразие и богатство индивидуальной жизнедеятельности, то эти изменения не столь уж часты, в течение жизни. Некоторые из них связаны с естественными возрастными изменениями и фазами жизненного цикла. Такие «узловые» точки жизненного пути, как окончание учебы, начало трудовой деятельности, вступление в брак, рождение детей, существенные изменения социально-профессионального статуса, миграционные перемещения, выход на пенсию, могут сопровождаться «ломкой» существующего образа жизни и соответствующей внутриличностной перестройкой. Обычно так и происходит, особенно на ранних этапах жизни человека. Но не так уж мало людей, которые начиная с определенного момента жизненного развития, несмотря на возможные изменения внешних обстоятельств, сохраняют свой образ жизни и проносят сложившуюся общую направленность своей личности через всю жизнь.

Обычно каждый человек может сам подразделить прожитую жизнь на более или менее целостные этапы (периоды), отличающиеся друг от друга конкретными жизненными целями, кругом знаний, направленностью интересов. Из нашего исследовательского опыта явствует, что таких периодов в жизни человека (если не считать «обязательных» для всех периодов ранней социализации и подготовки к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь) обычно не более 5-6. Показательно здесь уже то, что именно выступает в качестве «рубежей», Для одних это смена профессиональных занятий, ступени трудовой карьеры, для других – изменения в сфере семьи, для третьих, может быть, новое любительское увлечение.

По-видимому, человеческая жизнь в целом может и должна стать объектом социологического и социально-психологического исследования. По существу, это будет

⁵³ Алексеев А.Н. Методологические предпосылки исследования жизненных путей и образа жизни строителей БАМ / Социальные проблемы строительства БАМ. Новосибирск, 1977.

⁵⁴ О понятии «общая направленность личности» см. выше: глава 1.

⁵⁵ См. Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19

выявление социологических типов жизненных процессов, каждый из которых характеризуется своей объективной и субъективной логикой развития личности.

Включение в круг анализа образа жизни людей «биографической» переменной принципиально важно для понимания сложившейся на данный момент массовой картины. Разумеется, охарактеризовать структуру повседневной деятельности человека, и на этой основе определить общую направленность его личности, на данном этапе, можно и не обращаясь к истории жизни (хотя основные биографические сведения полезны и в этом случае). Однако объяснить, почему разные люди направлены в диаметрально «противоположные» сферы деятельности при сходных жизненных обстоятельствах или откуда берется совпадение объектов идентификации при существенно различающихся жизненных условиях, можно лишь в итоге обзрения их жизненных путей, рассмотрения человеческой жизни во всей ее динамической целостности.

Общеметодологическое требование конкретно-исторического подхода к изучению образа жизни людей и социальной психологии личности, очевидно, должно развиваться путем соотнесения всякого данного состояния системы жизнедеятельности личности не только с индивидуальными-личностными, но и общеисторическими обстоятельствами жизненного пути человека. Исторический процесс всегда зримо или незримо включен в индивидуальную человеческую судьбу. Поэтому «время жизни» человека требует обязательной исследовательской взаимоувязки с «временем жизни» общества, или наложения на шкалу исторического времени.

Отсюда, полезно конкретизировать задачу построения социально-психологической типологии личности в условиях социалистического общества, выдвинутую ранее. Начинать эту работу, по-видимому, следует в рамках конкретных ПОКОЛЕНИЙ (социальных когорт, групп «ровесников»). Именно в пределах групп индивидов, относящихся к одному и тому же поколению, характеризующихся известной общностью соотношения жизненного и «исторического» опыта (то есть людей, которых одни и те же исторические события застали примерно на одной и той же фазе жизненного цикла). Плодотворен поиск «типических» жизненных путей, структур повседневной деятельности, общих направленностей личности (и связанных со всем этим систем информационных и культурных предпочтений). <... >

(Алексеев А..Н., Минакова С.Ф. Массовая коммуникация и целостная личность (социологическое размышление) / Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Материалы 3-го советско-венгерского симпозиума. Будапешт, 18-22 сентября 1979 г. Будапешт-Ленинград, 1980)

3.5. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС (АВТОАННОТАЦИЯ "МАТЕРИАЛОВ К ДОКЛАДУ")

[В июле 1981 г. в секторе социальных проблем личности и образа жизни Института социально-экономических проблем АН СССР (зав. сектором - проф. В.А. Ядов) состоялся доклад социолога-рабочего на тему «Образ жизни и жизненный процесс».

(О ситуации этого доклада см. ранее, в главе 2 (раздел ...) книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

В качестве «материалов к докладу» было представлено собрание научных отчетов и опубликованных работ автора рубежа 1970-х - 1980-х гг..

Ниже - сокращенный текст предисловия к этому собранию отчетов.⁵⁶ - А. А.]

⁵⁶ Настоящий текст был включен также в цикл "Письма Любимым женщинам (1980-1981)": письмо тринадцатое.

= Из Материалов к докладу «Образ жизни и жизненный процесс» (май 1981)

Вниманию коллег и всякого заинтересованного читателя предлагается собрание работ, которые, похоже, укладываются в цикл, хотя в процессе их написания автор такой цели и не ставил. Их объединяют: тема, жанр и исследовательский подход.

ОБЩАЯ ТЕМА (образ жизни и жизненный процесс) совпадает с темой научного доклада, запланированного на заседании сектора социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР в июне-июле 1981 г. Поэтому собранные здесь работы могут рассматриваться также как материалы к этому научному докладу.

ЖАНР - научные отчеты. Все они были выполнены в период 1978 - начало 1981 гг.

Справка

Названия упомянутых отчетов:

- «О тех, кто живет в Ленинграде (штрихи к социальному портрету, с элементами биографии)». 1978;
- «Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города». 1979;
- «Человек, его работа и жизнь на БАМе (социологическое повествование)». 1980;
- «Личность в процессе жизни (социально-психологическое изыскание)». 1981;
- «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности». 1980.

Извлечения из этих отчетов либо уже были, либо будут представлены на страницах этой книги.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД связан с реализацией методологических принципов изучения образа жизни, первая попытка формулирования которых была предпринята автором три с лишним года назад в докладе «К выработке содержательной концепции образа жизни» (ИСЭП АН СССР, январь 1978). Эти принципы следующие:

1. Принцип различения гносеологических и онтологических моделей.

Последовательное проведение этого принципа гарантирует от распространенных до сих пор смешений «образа жизни» как общественного представления о том, какой эта жизнь может или должна быть, и «образа жизни» как реального способа жизнедеятельности социального субъекта. Вошедшие ныне в научный обиход понятия идеальной и нормативной моделей образа жизни подразумевают ОБРАЗЫ - в прямом смысле этого слова. Противоположаемые им «реальные» модели образа жизни претендуют на статус научного отображения действительного БЫТИЯ людей.⁵⁷

2. Принцип дифференциации уровней социологического анализа.

Стало общепринятым соотносить «уровни» рассмотрения образа (способа) жизни с тем или иным социальным субъектом (от индивида, личности - до класса и общества в целом). Однако при этом не всегда учитывается принципиальное различие самой природы этих «клеточек» и образований общественного организма. Система жизнедеятельности личности и система «жизнедеятельности» социальной общности (группы) функционируют и развиваются каждая по своим законам. Отсюда возникает требование адекватных способов описания той и другой (от понятийного аппарата до конкретных показателей).

3. Принцип приоритета системных представлений перед «конгломератными».

Лишь по видимости является банальным утверждение, что «образ жизни» - это не «сама жизнь», т.е. не вся совокупность жизнепроявлений человеческих индивидов или

⁵⁷ Об «идеальных», «нормативных» и «реальных» моделях образа жизни см. ДСиСА – 1, раздел 2.4.

процессов, совершающихся в социальных общностях. Способ жизни - это жизнедеятельность, рассмотренная как целое, в ее СИСТЕМНЫХ проявлениях; это СПОСОБ СВЯЗИ между элементами, СТРУКТУРА жизнедеятельности, а не морфологический состав последней. Принятие такой точки зрения ставит перед необходимостью критического переосмысления распространенных сегодня социологических описаний повседневного поведения людей. У этих описаний - отличный от проблематики «способа жизни» предмет.

4. Принцип приоритета динамического (исторического, генетического) подхода перед структурно-функциональным.

Значение настоящего принципа подчеркнуто в названии доклада. ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС - понятие, вычленяющее динамический аспект человеческой жизнедеятельности. Последняя может быть описана и объяснена только как развивающаяся структура. В нынешнем образе жизни как личности, так и общества в снятом виде представлены жизненный и исторический процессы. Этот принцип имеет много методологических следствий. <...>

5. Принцип единства условий и деятельности.

Здесь мы следуем за многими советскими авторами, специально обосновывающими этот принцип. Со своей стороны подчеркнем, что фундаментальным механизмом развития системы жизнедеятельности (как общества, так и личности) является: диалектика превращения результатов деятельности субъекта в актуальные условия его нынешней активности. <...>.

6. Принцип единства сознания и деятельности.

Известный принцип материалистической психологии⁵⁸ конкретизируется нами как методологическое требование поиска системообразующих отношений в жизнедеятельности субъекта, рассматриваемой как ЦЕЛОЕ. Описание непосредственного бытия людей может быть более или менее ориентированным на внешне наблюдаемые черты социального поведения. Однако нельзя раскрыть или понять СПОСОБ ЖИЗНИ, не обратившись также к ценностно-мотивационной структуре личности, соответственно - к СУБЪЕКТИВНОМУ фактору развития общественного организма.

Таковы основные методологические «постулаты», которыми автор хотел бы руководствоваться и пытался делать это в предлагаемых здесь конкретных разработках. <...>

А.Алексеев, 31.05.1981

+++

⁵⁸ Имеется в виду принцип, сформулированный С.Л. Рубинштейном.

Глава 4

СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР

Содержание

- 4.1. «Лицо театра – лицо зрителя»
- 4.2. «Театральный репертуар в зеркале социолого-театроведческой экспертизы»
- 4.3. Театральный репертуар – в движении
 - 4.3.1. Новые явления в театральной жизни Ленинграда
 - 4.3.2. На пороге перемен? Перемен в театральном Ленинграде не произошло, но ожидание их остается...
 - 4.3.3. 40 театральных премьер 1982 г.
- 4.4. «Ваше мнение о спектакле»
- 4.5. «Жизнь спектакля»
- 4.6. Ленинградские театры и молодежь (1974-1976)
 - 4.6.1. Жизнь театра в обществе и жизнь общества в театре
 - 4.6.2. Смотрясь в аудиторию, театр может увидеть себя
- 4.7. Зритель в театре ("Куда пойти" или "что посмотреть") (1977-1978)
- 4.8. «Искусство и образ жизни»

Ремарки:

«...управление культурой?» (раздел 4.2); Теории разного уровня (4.8)

15 лет социологического изучения театральной жизни Ленинграда

...Группа «Социология и театр» (1970 - 80-е гг.) просуществовала более 15 лет и являла собой неординарное для того времени образование. По сути дела это была компания друзей-единомышленников, представителей разных научных дисциплин, которые, можно сказать, в свое удовольствие занимались исследовательской самодеятельностью. Но, по стечению обстоятельств, эта «творческая артель» обрела институциональную, как теперь сказали бы, «крышу» в лице Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества (ВТО).

За 15 лет группа провела ряд исследований театральной жизни Ленинграда. Тематика работы группы весьма разнообразна: это и изучение театральной аудитории (как реальной, так и

потенциальной), и социолого-театроведческая экспертиза репертуара, и социологический анализ процессов внутритеатральной жизни, включая социальное самочувствие театральных деятелей. (Речь во всех случаях идет только драматических театрах).

Из статьи О. Божкова «Социология и театр» (Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008, № 6) ⁵⁹

4.1. «ЛИЦО ТЕАТРА - ЛИЦО ЗРИТЕЛЯ»

[Ниже - работа, написанная в соавторстве с моим другом и коллегой, кандидатом (ныне - доктор) искусствоведения Виталием Николаевичем Дмитриевским.

В ней отражены основные результаты исследования театрального репертуара драматических театров СССР, проведенного нами вдвоем в начале 1970-х гг. (т. е. еще до образования исследовательской группы «Социология и театр» при ЛО ВТО).

Работа вошла в состав книги: В.Н. Дмитриевский. Театр уж полон... (Зритель и сцена глазами социолога и театрального критика). Л.: Искусство, 1982.

Здесь публикуется в сокращении. - А. А.]

= Из книги «Театр уж полон...» (1982)

<...> Творческое «лицо театра», его идейная и художественная позиция наиболее отчетливо и последовательно проявляются в репертуаре, в отборе драматической литературы, в характере ее сценической интерпретации. Именно в процессе текущей эксплуатации репертуара театр входит в непосредственный контакт с аудиторией. В этом взаимодействии и отражается многообразие социальных и идейно-эстетических связей театрального процесса в целом и конкретного театра, в частности. По сути дела, «лицо театра» раскрывает определенные закономерности психологии общественных групп и отражает систему социальных ориентаций и ценностей, свойственных этим группам.

Опыт проводимых ныне социологических исследований убедительно показывает, что достаточно строгое описание массовых процессов театральной жизни может быть достигнуто одновременным использованием по крайней мере трех методов. Это, во-первых, проведение высококвалифицированными театроведами экспертной процедуры, в основе которой лежит модель, основанная на осмыслении бытующих сегодня в критике и театроведении категорий, поддающихся формализации и позволяющих прийти к содержательным научным заключениям; во-вторых, это анализ статистических документов, характеризующих динамику и формирование репертуара; в-третьих - массовые анкетные опросы театральных зрителей и населения в целом.

В этих направлениях и предпринимался социологический анализ репертуара группами К. Каск и Л. Веллеранд в Таллине, Л.Н. Когана в Свердловске, Г.Г. Дадамяна в Москве, группой «Социология и театр» в Ленинграде.

Для оценки произведения сценического искусства театроведение обычно пользуется категориями, позволяющими охарактеризовать это произведение в плане его проблематики, взаимоотношений искусства с действительностью, его стилевых, композиционных особенностей и так далее. Но при социологическом подходе к художественному произведению недостаточно исходить только из искусствоведческих оценок. Они, как правило, не учитывают особенностей функционирования и восприятия произведения искусства в массовой аудитории и потому лишь частично и односторонне отражают характер этого функционирования.

⁵⁹ Полный текст этой статьи см. также: П-С – 2, раздел 6.7.

Разумеется, приступая к социологическому анализу «театрального потока» (именно с ним прежде всего имеет дело исследователь репертуара), необходимо иметь в виду, что художественное произведение может быть описано в строгих, однозначных терминах лишь в известных пределах, а точнее, до той степени, которая позволяет выявить и определить присущие ему общие социальные и художественно-содержательные характеристики. При таком подходе театральный спектакль должен рассматриваться и как некий феномен, сочетающий в себе уникальность художественного произведения, и как одно из явлений социального порядка, отражающее «температуру» и своеобразие окружающей жизни и становящееся предметом культурного потребления зрительских масс.

Другое дело, что в репертуарном потоке не каждая пьеса несет в себе черты художественности, уникальности, и это обстоятельство, естественно, делает ее более «удобным» для социологического описания объектом, выражающим наиболее распространенные, массовые тенденции театрального репертуара.

Итак, театральный спектакль может рассматриваться как носитель определенных эстетических ценностей и как явление социальное, отражающее, воспроизводящее, воплощающее определенную социальную ситуацию и ставшее фактом социального функционирования. Такая точка зрения на спектакль позволяет увидеть не только его эстетическую самоценность, но и его место и значение в системе социокультурных связей, как «узел», в котором непосредственно осуществляется взаимодействие театра и аудитории. Она позволяет, например, понять нередко наблюдаемую популярность в зрительской массе малохудожественных произведений, что нередко озадачивает профессиональную театральную критику.

В изучении театрального репертуара в принципе применимы и получают все большее распространение определенные модификации целевого анализа содержания текстов, или контент-анализа, понимаемого как анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях ([1], с. 135). Этот метод ранее особенно успешно использовался в целом ряде исследований периодической печати и телевидения.⁶⁰

Известные статистические данные о количестве театров, принявших к постановке ту или иную пьесу, и о количестве представлений каждой пьесы позволяют увидеть некоторые характерные тенденции развития театра как массового явления. В частности, они помогают выявить очевидное несоответствие целого ряда пьес, весьма средних по содержанию и по художественным достоинствам, тем первым местам, которые они занимают в афишах многих театров. Можно проследить динамику жанров и проблематики репертуара, также другие определенные структурные изменения, происходящие от сезона к сезону, отражающие движение эстетических вкусов, культурных ориентаций общества, а значит, и черты социальной атмосферы времени [2].

Если репертуар конкретного театра отражает идейно-художественную позицию коллектива, его творческое лицо, то РЕПЕРТУАР ТЕАТРОВ СТРАНЫ - ЭТО ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ КУЛЬТУРЫ, ИДЕОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ, ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ И ЖИТЕЙСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ, ВЗГЛЯДОВ И СУДЕБ СОВРЕМЕННОКОВ [здесь и далее выделено мною сегодня. А.А.].

В 1973 г. нами был предпринят опыт качественно-количественного анализа современного репертуара драматических театров СССР.

Был рассмотрен массив сценических представлений пьес, поставленных в разных театрах СССР на протяжении 1960-1969 годов. Каждое отдельное драматургическое произведение в нашем анализе выступало носителем ряда признаков, устанавливаемых путем экспертного опроса театроведов и критиков. Просуммировав все представления

⁶⁰ О методе контент-анализа и возможностях его применения см. подробнее в томе 3.

пьес - носителей определенного признака, можно высчитать удельный вес (долю) этого признака в общем массиве. Из сравнения удельных весов разных признаков за один и тот же период или одного и того же признака за разные периоды (годы, театральные сезоны) выявились интересующие нас тенденции.

Общее количество представлений всех пьес во всех театрах за определенный период мы назвали ОБЪЕМОМ ТЕКУЩЕГО РЕПЕРТУАРА. Это множество представлений, то есть репертуарный массив, характеризуется качественной разнородностью, которая обусловлена различиями авторства, жанров и содержания пьес, идущих в театрах (например: советские и зарубежные пьесы; современные пьесы и классика; комедии и драмы; разная «мера художественности»; «мера актуальности» и т. д.).

Подразделение текущего репертуара на «подмассивы» представлений или пьес разных авторов и содержательных особенностей составляет структуру репертуара.

Очевидно, что каждый из элементов этой структуры в свою очередь имеет объем. Например, можно говорить об объеме «советской части» текущего репертуара, об объемах его «классической», «комедийной», «высокохудожественной» и других частей.

Иначе говоря, принципиально допустимо рассмотрение структуры репертуара в ее качественно-количественной определенности [3]. Само собой разумеется, что все элементы структуры текущего репертуара взаимно проникают и накладываются друг на друга, поскольку одна и та же пьеса характеризуется множеством признаков. Например, пьеса В. Розова «Традиционный сбор» является современной советской психологической драмой на актуальную тему, отличающейся несомненными художественными достоинствами. Стало быть, представления этой пьесы одновременно принадлежат и к «современной» части текущего репертуара, и к его «советской» части, и к его «психологической» части, и к его «высокохудожественной» части.

До сих пор речь шла о структуре и объеме театрального репертуара за определенный период, отвлекаясь от протяженности этого периода. Между тем можно представить сам репертуар как процесс, как движение от одного состояния к другому. Тогда открывается возможность рассмотреть тенденции текущего репертуара, его ДИНАМИКУ, развитие во времени и увидеть качественно-количественную определенность уже не только структуры, но и процесса.

Для того, чтобы проводить такой анализ, необходимо «иметь перед глазами» весь репертуарный массив, то есть список пьес, шедших в театрах за исследуемый период времени и данные о количестве представлений каждой пьесы. Источником для нас послужили сводки Всесоюзного управления по охране авторских прав (ныне ВААП) о репертуаре профессиональных театров страны, ежегодно публиковавшиеся (до 1973 года) в журнале «Театр», в которых, как известно, учитывались пьесы, имевшие не менее ста представлений в году, и указывалось число театров, поставивших данную пьесу.

Разумеется, одни пьесы ставились чаще, другие реже. В нашем массиве были пьесы-«лидеры», шедшие в ста и более театрах и выдержавшие до пяти-семи тысяч представлений в году, и были пьесы-«аутсайдеры», замыкающие список «всего лишь» сотней представлений в двух-трех театрах страны.

Немногие «лидеры» подавляют многочисленных «аутсайдеров» своим «весом», а именно - множеством постановок и представлений. Достаточно сказать, что на первые пятьдесят пьес приходилась примерно половина, а на первые десять пьес - около четверти всех представлений афиши.

Легко заметить, что «ЛИДЕРОМ» ОБЫЧНО ВЫСТУПАЕТ СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ПЬЕСА, ПРИТОМ КОМЕДИЙНАЯ. Действие в пьесе-«лидере» происходит в наши дни. Среди главных героев преобладает молодежь.

Обычно, пьеса ставит проблемы нравственного характера. Однако наряду с подлинно художественными произведениями лидирующие места уверенно (а вернее, самоуверенно) занимают пьесы средних достоинств. Примеров тому немало.

Так, комедии Б. Рацера и В. Константинова «Десять суток за любовь», «Неравный брак», «Странная особа», «Проходной балл» заполнили сцены Ленинграда, Москвы и многих других городов страны, хотя сюжеты и характеры этих пьес достаточно однотипны и банальны (за что их авторы справедливо и многократно подвергались критике). То обстоятельство, что эти и подобные им постановки часто лидируют в репертуарной таблице по количеству представлений (цифра их годового показа подчас превышала шесть, а то и семь тысяч) есть безусловно факт социальный, требующий анализа.

Для того, чтобы судить об основных тенденциях репертуара, достаточно взять его «ВЕДУЩУЮ ЧАСТЬ» - первые пятьдесят пьес из каждой годовой сводки. В общей массе представлений первых пятидесяти пьес от 80 до 90 % приходится на современную (послевоенную) драматургию (советскую и зарубежную). Доля классики достигает 15-16 %.

В среднем около 75 % от числа представлений первых пятидесяти пьес составляют постановки пьес русских авторов. Остаток распределяется примерно поровну между пьесами, написанными на языках народов СССР и зарубежными.

Поскольку известно количество представлений пьесы в течение года и количество театров, ее поставивших, можно вычислить для каждой пьесы условные «индексы популярности» за год. Они позволят более наглядно понять взаимоотношения театра и зрителя.

ИНДЕКС ПОПУЛЯРНОСТИ ПЬЕСЫ У ЗРИТЕЛЯ - назовем его ИПЗ - высчитывается делением количества представлений данной пьесы в соответствующем году на общее количество всех представлений первых пятидесяти пьес годового списка.

ИНДЕКС ПОПУЛЯРНОСТИ ПЬЕСЫ У ТЕАТРОВ - назовем его ИПТ - высчитывается делением количества театров, поставивших данную пьесу в соответствующем году, на общее количество постановок первых пятидесяти пьес годового списка.

ИПЗ наиболее полно выражает тенденции текущего репертуара, так как в количестве представлений данной пьесы отражено и множество представлений, и количество театров, поставивших эту пьесу. Таким образом, доля пьесы в массиве представлений (ИПЗ) может рассматриваться как своеобразный ИНДИКАТОР АКТИВНОСТИ ЗРИТЕЛЕЙ, «спроса» публики на данную пьесу, зрительского интереса, реализуемого в посещаемости.

Зато доля пьесы в массиве постановок (ИПТ) выступает скорее ИНДИКАТОРОМ ТЕАТРАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ, «предложения» данной пьесы со стороны театров, их заинтересованности в ее сценическом воплощении. Первый показатель преимущественно характеризует популярность определенной пьесы у зрителей, второй - у театров.

Для иллюстрации этого положения приведем данные о пьесах, возглавлявших общесоюзный репертуар в течение десятилетия с 1960 по 1969 г.

Показатели приведены в процентах, полученных делением количества представлений (либо постановок) данной пьесы на суммарное количество представлений (либо постановок) первых пятидесяти пьес данного года.

Таблица 1 (3)

Год, когда пьеса лидировала в театрах	Автор и название пьесы-лидера"	Кол-во представлений в течение года	Кол-во театров, поставивших пьесу	Доля в массиве представлений (ИПЗ)	Доля в массиве постановок (ИПТ)
---------------------------------------	--------------------------------	-------------------------------------	-----------------------------------	------------------------------------	---------------------------------

соответствующий показатель театрального предложения. Иначе говоря, эти характеристики современного репертуара больше стимулируются зрителем, чем театром. Зритель, а не театр оказывается здесь ведущей стороной.

Мы попытались замерить «степень художественной ценности» и «степень социальной значимости» ведущей части современного репертуара. Для этого мы попросили экспертов-театроведов ответить на два вопроса по поводу каждой пьесы, вошедшей в число первых пятидесяти на протяжении десятилетия: «Считаете ли вы, что эта пьеса отличается художественными достоинствами?» и «Считаете ли вы, что эта пьеса отражает социально-значимую сегодня проблематику?». Что же показала обработка ответов?

Оказалось, что число пьес, обладающих несомненными художественными достоинствами, составило чуть меньше половины. Остальные произведения были оценены экспертами как малохудожественные или нехудожественные. Меньше половины ведущей части репертуара занимают представления пьес, отражающих социально значимую проблематику.

Но особенно интересно следующее: показатель предложения со стороны театров как высокохудожественных, так и социально значимых пьес несколько ВЫШЕ, чем показатель зрительского спроса. В этих случаях, к чести театров, они являются ведущей стороной.

Иными словами, ТЕАТР ВСЕ ЖЕ ОТДАЕТ БОЛЬШЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ И СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОМУ, ЧЕМ ЗРИТЕЛЬ.

Сказанное выше резюмируется в следующей таблице, характеризующей структуру театрального репертуара страны в среднем за 10 лет (1960-1969):

Таблица 2 (4)

Признак драматургического произведения	Зрительский спрос (ИПЗ)	Театральное предложение (ИПТ)	Ведущий член отношения "театр-зритель"
- Современная пьеса	84,9	85,0	-
- Классическая пьеса	9,9	9,7	-
- Русская пьеса	73,1	74,6	-
- Национальная пьеса	14,4	13,5	-
- Зарубежная пьеса	12,5	11,8	-
- Комедия по преимуществу	56,2	54,7	-
в том числе: "чистая комедия"	29,0	25,6	зритель
- Мелодрама по преимуществу	47,8	46,0	-
в том числе: "чистая мелодрама"	14,4	11,5	зритель
- Детектив по преимуществу	25,1	24,9	-
в том числе: "чистый детектив"	6,2	5,5	-
- Развлекательное произведение по преимуществу	49,9	47,9	зритель
в том числе: "чисто развлекательное произведение"	18,5	16,8	-
- Высокохудожественное			

произведение	49,1	53,2	театр
- Социально значимое произведение	46,5	52,2	театр

Примечание:

Показатели «зрительского спроса» и «театрального предложения» даны в процентах - доли пьес-носителей соответствующего признака в массиве, соответственно, представлений (ИПЗ) или театров (ИПТ), в среднем за 10 лет.

Следует иметь в виду, что одному проценту в показателе «зрительского спроса», например, соответствует около 500 сценических представлений и заключения о том, кто является «ведущим звеном» (зритель или театр), принимались лишь на основе статистически значимых расхождений показателей зрительской активности и театральной инициативы.

Зрительский интерес складывается довольно стихийно. В линии театра более или менее выражено плановое начало. Театр, конечно же, стремится к формированию полноценного в идейно-художественном отношении репертуара, исходя из своей творческой программы. К хорошим пьесам тянется и зритель. Однако театр и зритель еще часто идут по проторенному пути. Например, театру легче варьировать многократно освещенные в искусстве проблемы, чем художественно и новаторски раскрывать порожденные реальной действительностью конфликты и противоречия. Театру проще «подлаживаться» под невзыскательного зрителя, чем вести его за собой, поднимать его эстетическую культуру и вкус. Зрителю же подчас проще идти за этим «подлаживающимся» под него театром. Происходит снижение взаимной требовательности.

Театр обращается к пьесам не первого сорта, зритель поддается «обаянию» легковесности. **ЗРИТЕЛЬ И ТЕАТР ВМЕСТЕ ПРОКЛАДЫВАЮТ ДОРОГУ «КОММЕРЧЕСКОЙ» ДРАМАТУРГИИ.**

Итак, кто же ответствен за то, что театральный репертуар все еще в значительной мере засорен «ширпотребом», за то, что второсортная продукция (от бездумной комедии до дешевой мелодрамы) настойчиво пробивается в «лидеры»? Кто тут виноват - драматург, театр, зритель? Воздерживаясь от однозначного ответа на этот вопрос, мы с уверенностью оставляем инициативу совершенствования репертуара за театром. Ведь, следуя высокому художественному вкусу, театр неизбежно и прививал бы его зрителю...

В кратко описанном выше исследовании театрального репертуара страны вынужденно не учитывалась одна важная сторона - сценическая интерпретация драматургического произведения. По сути дела, речь шла о массиве драматургии, к которому обратились театры страны, о количественной и качественной оценке этого массива.

Конечно, перечень названий пьес, имеющих в репертуаре того или иного театра, говорит сам за себя; однако в повседневной театральной практике бывают, хотя и нечасто, случаи, когда посредственная пьеса, благодаря оригинальному режиссерскому решению, приобретает идейную целенаправленность и художественный смысл. Бывает и наоборот - вполне добротная пьеса теряет свою содержательность в безликой режиссуре и бледном актерском исполнении.

Вот почему, приступая к исследованию театрального репертуара уже не страны, а города (в данном случае это был Ленинград), исследователи предусмотрели необходимость высококвалифицированной экспертной оценки именно **СЦЕНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ** драматургического произведения. <...>.

Литература

1. Алексеев А.Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / Социология культуры. Вып. 1. М., 1974.

2. Алексеев А.Н., Дмитриевский В.Н. Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР / Театр и драматургия. Вып. 5. Л., 1975.

3. Алексеев А., Дмитриевский В. Театральный репертуар как объект социологического анализа / Театр и зритель (проблемы социологии театрального искусства). М., 1973.

А. Алексеев, В. Дмитриевский

(Цит. по: Дмитриевский В.Н. Театр уж полон... (Зритель и сцена глазами социолога и театрального критика). Л., 1982)

[Можно предположить, что происшедшее в середине 19 70-х гг. прекращение публикации ежегодных сводок Всесоюзного управления по охране авторских прав о репертуаре профессиональных театров страны в журнале «Театр» было отчасти стимулировано (спровоцировано?) первыми публикациями авторов на эту тему. - А. А.]

4.2. «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГО-ТЕАТРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»

[Ниже - сокращенный текст одноименной статьи, написанной в соавторстве с В. Дмитриевским и опубликованной в сборнике: Вопросы социологического изучения театра. Л.: ЛГИТМиК, 1979. - А. А.]

Настоящая статья совмещает в себе решение двух относительно самостоятельных задач.

Первая задача - МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ. Она состоит в обосновании и изложении одного не традиционного для науки о театре метода исследования театрального процесса, а именно – метода социолого-театроведческой экспертизы, впервые предложенного авторами настоящей статьи в начале 1970-х гг.⁶¹ и ныне систематически применяемого исследовательской группой «Социология и театр» при Ленинградском отделении ВТО.
<...>

Вторая задача - НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ. Вниманию читателя предлагается общая картина театральной жизни одного из крупнейших театральных и культурных центров страны (Ленинград) за определенный период. Для воссоздания этой картины использованы специфические исследовательские средства.

При полном равноправии названных задач, нами выбран способ изложения, непосредственно отвечающий научно-информационной цели.

Это сделано в интересах читателя - по преимуществу не социолога, но специалиста в области театра. Впрочем, объяснять новый метод удобнее всего путем демонстрации его «в работе». Итак, приглашаем читателя взглянуть на театральную афишу Ленинграда глазами наших экспертов – ведущих театральных критиков и театроведов - и сверить свои собственные впечатления с их обобщенным мнением.⁶²

⁶¹ См. выше: раздел 4.1.

⁶² Пользуемся случаем выразить нашу признательность Я.С. Билинкису, Н.В. Зайцеву, Д.И. Золотницкому, Е.С. Калмановскому, Л.П. Климовой, Г.А. Лапкиной, М.Н. Любомудрову, Н.А. Рабинянц, Ю.А. Смирнову-Несвицкому, В.П. Якобсону, В.В. Ивановой, Т.А. Марченко, Ю.М. Барбою, С.М. Осовцеву, М.В. Друзиной, В.М. Мироновой, И.И. Шнейдерману, С.К. Бушуевой, Т.В. Забозлаевой, К.К. Клоевской.

Обследование театрального репертуара с использованием экспертного метода проводится в Ленинграде не впервые. Несколько лет тому назад экспертная группа в составе десяти членов бюро Секции театральных критиков и театроведов ЛО ВТО дала разностороннюю оценку каждому из 189 спектаклей, входивших в сводную театральную афишу Ленинграда 1973 г. Вопросы предыдущей анкеты эксперта касались жанровых и стилевых особенностей спектакля, а также его качества, идейно-художественной ценности, меры творческого успеха театрального коллектива и т. д.⁶³

Приглашенные специалисты показали высокую степень осведомленности и знакомства с репертуаром ленинградских театров. Работая независимо друг от друга, эксперты обнаружили также высокую степень согласованности мнений, иначе говоря - относительного единодушия в ответах.⁶⁴

Это последнее обстоятельство сделало возможным усреднение индивидуальных экспертных оценок по каждому из двадцати пунктов анкеты для каждого спектакля и рассмотрение этих «усредненных» оценок в качестве показателя **ОБЩЕГО МНЕНИЯ** специалистов о театральной постановке.

Сохраняя известную долю субъективности и индивидуальных различий во взглядах, группа театральных критиков выступает как носитель сложившихся в теории и практике театра профессиональных представлений (если речь идет о жанровых или стилевых особенностях спектакля), или же как выразитель мнения театральной общественности (если речь идет об идейно-художественной ценности). Мнение такой экспертной группы является **ВЫСОКОАВТОРИТЕТНЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ МНЕНИЕМ**.⁶⁵

Обработка данных первого экспертного опроса позволила выявить структуру репертуаров отдельных ленинградских театров и сводной театральной афиши в целом, определить специфику творческого «лица» различных театров в соотнесении с некоторыми тенденциями их эксплуатационной политики.⁶⁶

Одним из итогов обследования репертуара 1973 г. являются полученные недавно, на основании дополнительной обработки экспертных данных и их осмысления «ПОРТРЕТЫ» **РАЗЛИЧНЫХ ТЕАТРОВ ЛЕНИНГРАДА** с точки зрения двух групп характеристик репертуара: а) характеристики, относящиеся к социальным целям и идейно-нравственной значимости спектакля и б) характеристики, относящиеся к средствам художественной выразительности и стилевому решению спектакля.

Указанные две группы характеристик резюмировались в двух обобщенных показателях, полученных в итоге использования специальных средств математической обработки на ЭВМ⁶⁷, благодаря чему стало возможным определить место каждого спектакля на двух производных шкалах, условно названных нами: а) шкала социальных целей (развлекательные спектакли - проблемные спектакли) и б) шкала художественных средств («традиционное» решение спектакля - «современное» решение спектакля).

Оказалось, что репертуар каждого из театров представляет собой более или менее **ЦЕЛОСТНОЕ** (в идейном и художественном смысле) образование и занимает определенное место в пространстве признаков, обобщаемых этими двумя производными шкалами.

⁶³ Исследование проводилось группой «Социология и театр» при ЛО ВТО.

⁶⁴ Расхождения в ответах на один и тот же вопрос по одному и тому же спектаклю у критиков, разумеется, были, но в большинстве случаев эксперты расходились только в степени уверенности, категоричности своего мнения, но не в содержании этого мнения.

⁶⁵ Разумеется, не следует абсолютизировать мнение театральных критиков о том или ином спектакле. Однако во всяком случае не подлежит сомнению компетентность данной категории экспертов; что является обязательным требованием для формирования всякой экспертной группы.

⁶⁶ Результаты этого обследования докладывались театральной общественности Ленинграда в 1974-1975 гг. См. также: Алексеев А.Н., Дмитриевский В.Н. Ленинградские театры и молодежь / Социологические исследования театральной жизни. М., 1978.

⁶⁷ Факторный анализ, метод главных компонент. осуществлен Б.З. Докторовым и О.Б. Божковым.

Так, репертуар Большого драматического театра в целом сильно тяготеет к полюсам «проблемности» и «современного» решения спектакля. Для репертуара Академического театра драмы им. Пушкина характерна ярко выраженная ориентация на «традиционно» сценическое решение, при известном тяготении к «проблемности». В репертуаре ТЮЗа преобладает ориентация на «современное» решение спектакля и на «развлекательность».

Репертуар Театра им. Ленинского Комсомола менее целостен: определенная его часть сильно тяготеет к «современному» сценическому решению, другая - к противоположному полюсу. При этом не обнаруживается отчетливого предпочтения проблемным либо развлекательным спектаклям.

Заметно тяготеет к «развлекательности» репертуар Театра им. В.Ф. Комиссаржевской (при отсутствии ярко выраженного предпочтения «современному» либо «традиционному» решению спектакля). Среднее положение на обеих рассматриваемых шкалах занимает Театр им. Ленсовета: в его репертуаре нет господствующей ориентации на какую-либо из названных крайних позиций.

Подчеркнем, что речь здесь идет именно о сводных афишах театров за соответствующий год. Тяготение репертуара всякого данного театра к тому или иному «полюсу» шкалы означает, что спектакли данного типа в нем преобладают (хотя вовсе не исключены и постановки иного рода).

Состоявшееся вслед за тем обследование репертуара ленинградских драматических театров 1974-1976 гг. характеризовалось рядом особенностей, по сравнению с предыдущим (относившимся к афише 1973 г.). Назовем эти особенности.

1. При составлении новой методики экспертного опроса особое внимание было обращено на максимальное приближение формулировок экспертной анкеты к ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ЯЗЫКУ театральных критиков и практиков театра. Окончательный вариант методики «Ваше мнение о спектакле» учитывал все высказанные в ходе предварительных проб пожелания и предложения потенциальных участников этого опроса.⁶⁸

2. В отличие от предшествующего обследования, когда экспертная группа была скомплектована исключительно из членов бюро Секции театральных критиков и театроведов ЛО ВТО, ныне был использован другой принцип. Группа специалистов для обследования репертуара 1974-1976 гг. формировалась с учетом заранее выработанных обязательных требований к кандидатуре эксперта и к составу экспертной группы, однако персональный отбор кандидатур был осуществлен бюро Правления ЛО ВТО - БЕЗ УЧАСТИЯ СОЦИОЛОГОВ.⁶⁹

3. И последнее по порядку, но не по важности обстоятельство. Нынешняя методика, по сравнению с предыдущей, является отчетливо КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННОЙ. Она рассчитана не только на последующее сопоставление репертуаров различных театров по ряду социальных и художественных критериев, не только на раскрытие специфики творческого «лица» каждого театра, но и на построение особого рода социологической типологии драматических спектаклей, на выявление объективных социально-эстетических функций различных театральных постановок.

Объектом нашего изучения была сводная театральная афиша десяти ленинградских драматических театров за 1974-1976 гг. В нее вошли в общей сложности 260 театральных

⁶⁸ Составителями анкеты эксперта «Ваше мнение о спектакле» являются: А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, В.Н. Дмитриевский, Б.З. Докторов; все - члены группы «Социология и театр» при ЛО ВТО.

⁶⁹ Среди названных выше театроведов-экспертов шесть докторов и семь кандидатов наук. Все эксперты имеют не менее чем 10-летний опыт научно-педагогической или художественно-критической деятельности, активно выступают в печати, участвуют в современной театральной жизни Ленинграда.

постановок - все шедшие на сцене в эти годы (включая премьеры последнего года и спектакли, снятые к концу рассматриваемого периода).

Понятно, что не каждый из тринадцати экспертов имел возможность побывать на каждом из этих спектаклей. Всего было заполнено 1550 экспертных анкет. В среднем на одну постановку приходится по шесть оценивших ее специалистов. Следует отметить, что знакомство театральных критиков с репертуарами различных театров далеко не равномерно. Так, из 30 различных спектаклей Академического Большого драматического театра им. М. Горького (в дальнейшем - БДТ) 25 оказались просмотрены не менее чем пятью экспертами (в том числе половина просмотрена почти всеми опрошенными критиками). В Академическом театре Комедии (в дальнейшем - АТК) соответствующий показатель - 24 из 31; в Театре им. Ленсовета (в дальнейшем - ТЛС) - 20 из 28; в Театре им. Ленинского Комсомола (в дальнейшем - ТЛК) - 20 из 28; в Академическом театре драмы им. А.С.Пушкина (в дальнейшем - АДП) - 20 из 29; в Театре Юных Зрителей (в дальнейшем - ТЮЗ) 21 из 30.

По крайней мере четыре драматических театра Ленинграда не пользуются достаточным вниманием специалистов. Это: Театр им. В.Ф. Комиссаржевской (в дальнейшем - Тик), Театр драмы и комедии (в дальнейшем - ТДК), Малый драматический театр (в дальнейшем - МДТ) и Молодежный театр, более половины спектаклей каждого из которых просмотрены менее чем пятью экспертами из 13-ти.⁷⁰

Мера знакомства специалистов с конкретными спектаклями или с репертуаром определенного театра - это своеобразный социологический показатель. Если постановку не видело подавляющее большинство театральных критиков города, уместно заключить, что она не вызвала активного профессионального интереса, во всяком случае - спектакль не стал «событием» в театральной жизни города.

Специально предпринятый анализ согласованности экспертных оценок (то есть степени единодушия театральных критиков в суждении о тех или иных постановках) показал, что, как и в прошлом экспертном опросе (афиша 1973 г.), степень согласованности является высокой.

Наш обзор статистических результатов социолого-театроведческой экспертизы будет опираться на экспертные данные, относящиеся к спектаклям, демонстрировавшимся ТОЛЬКО в 1974-1975 гг. (всего 1376 анкет).⁷¹ В сообщении же мнения критиков об отдельных постановках ограничимся теми спектаклями, которые было просмотрены и оценены НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ПЯТЬЮ СПЕЦИАЛИСТАМИ. Всего таких «достаточно известных» спектаклей оказалось 154.⁷²

Всякий сложившийся театральный коллектив имеет свои традиции и, в частности, свои нормативы и критерии выбора пьес для постановки. Эти критерии, реализуемые в репертуарной политике театра, так или иначе осознаются театральной общественностью, что позволяет ей судить, насколько выбор той или иной пьесы отвечает устоявшимся представлениям о репертуаре данного театра (или же, напротив, является «неожиданностью»).

Именно такой смысл вкладывали составители экспертной анкеты в опрос «Считаете ли Вы, что литературная основа этого спектакля (пьеса, инсценировка, композиция) характерна для репертуара данного театра?».⁷³

⁷⁰ Соответствующие показатели: Тик - 11 спектаклей из 25; МДТ - 7 из 24; ТДК - 8 из 34; Молодежный театр - 2 из 5.

⁷¹ То есть без премьер 1976 г., которые пока не включались в массовую статистическую обработку; математическая обработка данных экспертного опроса на ЭВМ выполнена под руководством Б.З. Докторова.

⁷² Подобное ограничение предпринято в интересах объективности рассмотрения: в групповой, усредненной экспертной оценке мнение отдельного критика не должно приобретать слишком большого статистического веса.

⁷³ Формулировка «Считаете ли вы, что...» была стереотипной для ряда вопросов экспертной анкеты. При этом предусматривались следующие варианты ответа: «это безусловно так» - безоговорочно

В 75 % заполненных экспертных анкет находим позитивный ответ на этот вопрос (в том числе, безоговорочно позитивная форма ответа - 23 %). Различия ленинградских театров по этой характеристике репертуара не столь существенны. Все же, наиболее часто специалисты позитивно отвечают на данный вопрос о спектаклях ТЮЗа (83 %). В известном смысле можно сказать, что этот театр более всякого другого отличается «верностью собственным традициям» в формировании репертуара. Наиболее же распространены, судя по данным экспертного опроса, отклонения от ожидаемого (т.е. от сложившихся представлений о «лице» данного театрального коллектива) у Театра им В.Ф. Комиссаржевской (частота позитивного ответа здесь минимальна - 60 %). <...>

Экспертов просили также оценить художественный уровень каждой из пьес, избираемых театром для постановки. Вопрос анкеты формулировался так: «Считаете ли Вы, что литературная основа этого спектакля... отличается художественными достоинствами?». Утвердительный ответ на этот вопрос получен в 63 % случаев, в том числе безоговорочно позитивная форма ответа - 22 %.

Чаще всего отмечают специалистами высокие художественные достоинства у «литературной основы» спектаклей Большого драматического театра (84 % всех ответов, относящихся к постановкам этого театра), ближе всего к БДТ в этом отношении стоит Театр им. Ленсовета (77 %). Наиболее низок соответствующий показатель у Театра драмы им. Пушкина (55 %). <...>

По поводу каждого из спектаклей театральной афиши Ленинграда у экспертов спрашивалось, «выиграла или проиграла пьеса в постановке данного театра». Вот общее распределение ответов театральных критиков: «эта пьеса выиграла в данной постановке» - 26,5 %; «эта пьеса не выиграла и не проиграла в данной постановке» - 52 %; «эта пьеса проиграла в данной постановке» - 21,5 %.

Как видим, специалисты достаточно требовательны к ленинградским театрам. При этом наиболее распространена (судя по данным экспертного опроса) ситуация соответствия уровня постановки уровню драматургии пьесы.

Успех театра в изложенном смысле («пьеса выиграла...») чаще всего отмечался театральными критиками в БДТ (37 % всех экспертных ответов, относящихся к спектаклям этого театра). Все остальные театральные коллективы, кроме Театра драмы им. Пушкина и Театра им. Ленинского Комсомола близки друг к другу (от 25 до 30 %).⁷⁴ Для названных двух театров частота экспертного утверждения о том, что пьеса «выиграла в данной постановке» находится в интервале 15-20 %). Поэтому интересно сравнить разные театры по частоте случаев, когда эксперт, напротив, констатировал неудачу постановщика («пьеса проиграла...»).

Минимальна доля этого последнего, негативного ответа для репертуара ТЮЗа (14 %). И относительно высокой она является для репертуаров Театра драмы им. Пушкина, Театра им. Ленинского Комсомола, Театра им. Ленсовета и Театра им. В.Ф. Комиссаржевской (28-23 %). <...>

Анкета эксперта включала также серию вопросов о том, в какой мере данную постановку можно считать творческой удачей, достижением театрального коллектива в целом, режиссера и актеров, в частности. «Считаете ли Вы, что этот спектакль содержит яркие актерские работы?». Театральные критики утвердительно ответили на этот вопрос в 59 % случаев (в том числе безоговорочная форма позитивного утверждения - 20 %).

Такое распределение свидетельствует о высокой в целом оценке экспертами исполнительского мастерства в драматических театрах Ленинграда. Особенно высока эта оценка для спектаклей БДТ (суммарная доля обоих вариантов позитивного ответа здесь

позитивный ответ; «с этим, пожалуй, можно согласиться» - более осторожная форма позитивного утверждения; «с этим, пожалуй, нельзя согласиться» и «это безусловно не так» - варианты негативного ответа, дифференцированные по степени категоричности/

⁷⁴ Для названных двух театров частота экспертного утверждения о том, что «пьеса выиграла в данной постановке» находится в интервале 15-20 %

составляет 80 %, при преобладании безоговорочно позитивного ответа над осторожной формулировкой). За Большим драматическим театром следует театр им. Ленсовета (соответствующий показатель - 70 %). Частота позитивного ответа для постановок большинства театров колеблется в интервале от 57 до 50 %. Замыкает список Театр драмы им. Пушкина (45 %). <...>

«Считаете ли Вы, что этот спектакль является удачей данного режиссера?». В отличие от предыдущего вопроса, где специалистам предлагалось исходить из некоего единого относительно всех театров (разумеется, субъективного для эксперта) критерия, здесь критерий дифференцированный. Это не оценка уровня режиссерской работы, а оценка удачи (неудачи) постановочного решения - с учетом сложившихся представлений о творческих возможностях данного режиссера.⁷⁵

Частота случаев, когда театральными критиками более или менее уверенно отмечалась творческая удача постановщика, составляет 55 % (в том числе безоговорочно позитивная форма ответа - 21 %).

Высокая оценка, которая, как можно было заметить, устойчиво давалась специалистами, по широкому кругу параметров, спектаклям БДТ, сочетается с повышенной требовательностью экспертов к этому театру. Удача режиссера (с учетом соответствующего уровня запросов для каждой новой постановки БДТ) отмечена в 64 % анкет, относящихся к спектаклям этого театра. По этому показателю Большой драматический театр отстает от ТЮЗа (где соответствующий показатель - 70 %).

Близкой к БДТ является частота позитивного ответа на этот вопрос для спектаклей Театра им Ленсовета (59 %). У остальных театров режиссерская удача отмечалась в 55-49 % экспертных анкет. Реже всего встречается позитивный ответ опрошенных специалистов в данном вопросе для постановок Театра драмы им. Пушкина (32 %).

«Считаете ли Вы, что этот спектакль является творческим достижением для данного театра?». Как и в предыдущем вопросе, здесь предполагается дифференцированный (для разных театров) критерий экспертной оценки. Приближается к предыдущему и распределение ответов по данному пункту анкеты: на долю позитивного ответа приходится 55 % всех случаев (в том числе безоговорочно позитивная форма утверждения - 22 %). Расстановка ленинградских театров по этому показателю в общем совпадает с их расстановкой по частоте отмеченных экспертами режиссерских удач. Здесь лидируют ТЮЗ и Большой драматический театр (частота позитивного ответа - 65-61 %). Замыкают список Театр им. Ленинского Комсомола (44 %) и Театр драмы им. Пушкина (38 %). <...>

Наконец, обратимся к результатам опроса по такому пункту экспертной анкеты, где был предусмотрен самый СТРОГИЙ И ЕДИНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ ТЕАТРОВ критерий художественно-критической оценки.

«СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ СОБЫТИЕМ В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДА?». ⁷⁶ Безоговорочно позитивный ответ на этот вопрос («это безусловно так») находим лишь в 12,5 % всех заполненных экспертных анкет. 22 % составляет частота более осторожной формы позитивного утверждения («с этим, пожалуй, можно согласиться»).

Итак, примерно в трети случаев эксперт (театральный критик или театровед) с большей или меньшей степенью уверенности признает оцениваемую им постановку «событием» в театральной жизни города.

⁷⁵ Использование дифференцированного критерия художественно-критической оценки в экспертной методике было подсказано нам одним из ведущих ленинградских режиссеров.

⁷⁶ Выражение «событие в театральной жизни города» трактовалось экспертами как понятие, охватывающее самые разнообразные приметы спектакля, от его идейно-художественной значимости до массового общественного резонанса). Безоговорочно позитивный ответ на этот вопрос («это безусловно так») находим лишь в 12 % всех заполненных экспертных анкет. 22 % составляет частота более осторожной формы позитивного утверждения («с этим, пожалуй, можно согласиться»).

Перечислим ленинградские театры в порядке убывания суммарной частоты обоих вариантов позитивного варианта на этот вопрос.⁷⁷

- Большой драматический театр - 53 % (232); Театр Комедии - 35,8 % (218); Театр им. Ленсовета - 35,8 % (162); ТЮЗ - 32,2 % (168); Малый драматический театр - 31,7 % (73); Театр им Ленинского Комсомола - 27 % (167); Театр им. В.Ф. Комиссаржевской - 27 % (104); Театр драмы и комедии - 22,9 % (92); Театр драмы им. Пушкина - 14,6 % (144).

Из этих данных особенно отчетливо видна дифференциация драматических театров Ленинграда по их творческому потенциалу и уровню идейно-художественных достижений - в глазах театральной общественности, представленной здесь группой известных ленинградских театроведов и театральных критиков.

Какие же именно постановки ленинградских театров получили наиболее высокую оценку театральных знатоков?

Среди 260 спектаклей театральной афиши 1974-1976 гг. шесть оказались победителями в своеобразном конкурсе с авторитетным жюри из ведущих театральных критиков города. Они признаны «событием» в театральной жизни Ленинграда - безоговорочно и единодушно (усредненная оценка по данному вопросу близка к варианту ответа «это безусловно так»). Это следующие театральные постановки разных лет:

- «МЕЩАНЕ» (БДТ, год выпуска спектакля - 1966); «ТРИ МЕШКА СОРНОЙ ПШЕНИЦЫ» (БДТ, 1974); «ИСТОРИЯ ЛОШАДИ» (БДТ, 1975); «ЖЕСТОКОСТЬ» (ТЛС, 1968; кап. возобновление - 1975); «ЧЕЛОВЕК СО СТОРОНЫ» (ТЛС, 1971); «С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ» (ТЛК, 1971).⁷⁸

Кроме того, еще двадцать три постановки квалифицировались специалистами как «событие» в театральной жизни города, однако не столь единодушно и не безоговорочно (усредненная экспертная оценка по тому же вопросу ближе к варианту ответа «с этим, пожалуй, можно согласиться»).

Уместно привести полный список 29 наиболее значительных спектаклей (спектакль-«событие»), сгруппировав их по годам выпуска. (Выделением отмечены названия спектаклей, признанных большинством экспертов «событием» театральной жизни города безоговорочно).

1922: «Конек-горбунок» (ТЮЗ, кап. возобн. - 1963).

1956: «На дне» (АТДП).

1962: «Сказки Пушкина» (ТЮЗ, кап. возобн. - 1974).

1963: «Дон Жуан» (АТК).

1964: «Я, бабушка, Илико и Илларион» (БДТ).

1966: «МЕЩАНЕ» (БДТ).

1967: «Варшавская мелодия» (ТЛС); «Зримая песня» (ТЛК); «После казни прошу...» (ТЮЗ).

1968: «Цена» (БДТ); «ЖЕСТОКОСТЬ» (ТЛС, кап. возобн. - 1975).

1970: «Беспокойная старость» (БДТ); «Село Степанчиково и его обитатели» (АТК).

1971: «ЧЕЛОВЕК СО СТОРОНЫ» (ТЛС); «С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ» (ТЛК).

1972: «Ревизор» (БДТ); «Этот милый, старый дом» (АТК); «Царь Федор Иоаннович» (Тик).

1973: «Мольер», «Бедная Лиза» (БДТ).

1974: «ТРИ МЕШКА СОРНОЙ ПШЕНИЦЫ» (БДТ); «Старый новый год» (АТК); «Люди и страсти» (ТЛС); «Инцидент» (МДТ).

⁷⁷ В скобках указано количество заполненных экспертных анкет, относящихся к спектаклям соответствующих театров из репертуара 1964-1975 гг.; Молодежный театр, ввиду относительно малой статистики, здесь из рассмотрения исключен.

⁷⁸ В скобках, вслед за названием театра, указан год театральной премьеры.

1975: «Протокол одного заседания», «ИСТОРИЯ ЛОШАДИ» (БДТ).

1976: «Дачники», «Фантазии Фарятьева» (БДТ); «Интервью в Буэнос-Айресе» (ТЛС).⁷⁹

Точно такой же вопрос («Считаете ли Вы, что этот спектакль является событием в театральной жизни Ленинграда?») в свое время задавался ДРУГОЙ группе критиков и театроведов относительно постановок, входивших в сводную театральную афишу 1973 г. Примечательно, что экспертная группа, работавшая за два-три года до этого, отнесла к событиям театральной жизни в основном ТЕ ЖЕ спектакли, что и нынешние эксперты. Такая устойчивость результатов является дополнительным свидетельством ВЫСОКОЙ НАДЕЖНОСТИ обсуждаемых здесь данных социолого-театроведческой экспертизы (как отражения сложившегося профессионального мнения).⁸⁰

К сказанному добавим, что опрошенные нами театральные критики, с большей или меньшей степенью уверенности и единодушия, отнесли к творческим достижениям данного театра примерно каждую вторую постановку в репертуарах Большого драматического театра, Театра Комедии, Театра им. Ленсовета и ТЮЗа. Из театров, репертуар которых столь же хорошо знаком театроведам, этот показатель заметно ниже у Театра им. Ленинского Комсомола (каждая четвертая постановка) и у Театра драмы им. Пушкина (каждая пятая).

Такова профессиональная художественно-критическая оценка репертуара драматических театров Ленинграда середины 70-х гг. в целом. С социологической точки зрения интересно сопоставить эти оценки художественного качества с картиной эксплуатационной политики театров. Посмотрим, как характеризовались, как оценивались специалистами спектакли, оказавшиеся в положении «лидеров эксплуатации» [*«лидеров проката»*]. - А. А.] на ленинградской сцене в этот период. <...>

[Здесь опущены табличные данные, представляющие ведущую часть репертуара драматических театров Ленинграда - по 5-6 театральных постановок, имевших наибольшее количество представлений в каждом данном театре в 1975 г. - А. А.]

Заметим, что представленные здесь 48 театральных постановок, составляющих менее четверти сводной театральной афиши года, занимают примерно половину всех представлений ленинградских театров (включая гастроли и выезды) в этом году. В известной степени, это - ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ «ЛИЦО» театрального Ленинграда, то, с чем ленинградские драматические театры преимущественно обращаются к зрителю. Каким же предстает оно [*это лицо*]. - А. А.] «в зеркале» социолого-театроведческой экспертизы? <...>

Не углубляясь сейчас в детали эксплуатационной политики отдельных театров, можно сказать, что ведущая, преимущественно эксплуатируемая часть сводной театральной афиши довольно разнородна. «Лицо» театра представляют как постановки, отнесенные театральными знатоками к числу творческих достижений соответствующих театров, и даже «событий» в театральной жизни города разных лет, таких как «Протокол

^{79/79} Как видим, экспертный критерий «события» в театральной жизни Ленинграда действительно строг: среди всех премьер каждого года к данному разряду относятся по два, максимум - по три спектакля. Поэтому назовем еще четырнадцать спектаклей, относительно принадлежности которых к «событиям» эксперты разошлись во мнениях, однако позитивный ответ на данный вопрос анкеты все же преобладал: - «Вишневы сад» (АТДП); «Ханума» (БДТ); «Пестрые рассказы» (АТК); «Если бы небо было зеркалом», «Насмешливое мое счастье», «Смерть Иоанна Грозного» (Тик); «Вестсайдская история», «Емелино счастье» (ТЛК); «Свои люди - сочтемся» (ТЮЗ); «Свидание в предместье», «Чудаки», «Фронт» (ГДК); «На смерть поэтов», «Нина» (МДТ).

⁸⁰ Экспертная группа, работавшая в 1974 г., была чуть менее строга в своих оценках. Так, по данным предыдущего опроса профессионалов, безусловными «событиями» театральной жизни города, с высокой степенью единодушия, были признаны не шесть, а десять постановок: кроме упомянутых выше, к ним относятся спектакль Театра драмы им. Пушкина «На дне» и спектакли БДТ «Ревизор», «Мольер» и «Бедная Лиза»/

одного заседания», «Три мешка сорной пшеницы» и «Бедная Лиза» (БДТ), «Старый новый год» и «Этот милый, старый дом» (АТК), «Люди и страсти» (ТЛС), «Царь Федор Иоаннович» (Тик), «Конек-горбунок» (ТЮЗ), «Инцидент» (МДТ), так и спектакли, которые, судя по данным экспертного опроса, заведомо не являются таковыми. Назовем эти последние.⁸¹

- «Час пик», «Ураган», «Жизнь Сент-Экзюпери», «Ночью без звезд» (АТДП); «Энергичные люди» (БДТ); «Романтики», «Волшебные истории Оле-Лукойе» (АТК), «Миссис Пайпер ведет следствие» (ТЛС), «Четыре капли», «Звезды для лейтенанта», «Где Чарли?» (ТЛК); «Открытый урок» (ТЮЗ); «Карлсон снова прилетел» (МДТ).

До сих пор речь шла только о спектаклях, просмотренных не менее чем пятью экспертами. Справедливости ради, отметим, что преимущественно (или даже исключительно!) негативными были также экспертные оценки следующих спектаклей - «лидеров эксплуатации» 1975 г. (постановки, знакомые всего трем-четырем экспертам):
- «Проходной балл», «Такси в течение получаса», «Чао!» (Тик); «Потешки» (ТЮЗ); «Мышеловка» (ТДК); «Странная особа» (МДТ).

Наконец, среди «лидеров эксплуатации» этого года находим сценические произведения, практически не знакомые театральным критикам, не вызвавшие их интереса (это - спектакли ТДК: «Самая счастливая», «Моя жена - лгунья», «РВС»), а также такие, относительно принадлежности которых к творческим достижениям данного театра эксперты разошлись во мнениях, в том числе:

- «Сказки старого Арбата», «Из жизни деловой женщины» (АТДП); «Валентин и Валентина», «Король Генрих IV» (БДТ); «Родственники» (АТК); «Левша», «Двери хлопают» (ТЛС); «Сирано де Бержерак», «Лошадь Пржевальского» (ТЛК); «Трамвай «Желание»» (ТДК).⁸²

Из обзора этих данных видно, что ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА СПЕКТАКЛЯ ПОКА НЕ СТАЛИ РЕШАЮЩИМ КРИТЕРИЕМ В ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ БОЛЬШИНСТВА ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЕАТРОВ, хотя лучшие театральные постановки обычно входят в число «ходовых». На указанной особенности репертуарной и эксплуатационной политики ленинградских театров мы еще остановимся в дальнейшем.

К важнейшим результатам настоящего обследования сводной театральной афиши Ленинграда 1974-1976 гг. относится предпринятая нами попытка выявления РЕАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ театральной постановки и построения социологической типологии драматических спектаклей.

Для решения этой научной задачи существенно важно определить, какого рода социальные ценности нашли специфическое, художественное выражение в произведении сценического искусства, чтобы затем стать предметом зрительского восприятия и достоянием массового социально-художественного опыта.⁸³ Используемая нами методика «Ваше мнение о спектакле» приоткрывает такую возможность.

Анкета эксперта заключала в себе шестнадцать «контрольных» [*«тестовых»*]. - А. А.] суждений, характеризующих различные стороны сценического произведения. Театральному критику предлагалось выбрать среди них те, которые, по его мнению, могут быть отнесены к данному спектаклю с той или иной степенью уверенности, в том или ином смысле.

⁸¹ Все перечисленные ниже спектакли имеют средневзвешенную экспертную оценку по вопросу о принадлежности к «творческим достижениям», соответствующую более или менее категоричному негативному ответу на данный вопрос.

⁸² Средневзвешенная экспертная оценка по указанному пункту анкеты для названных спектаклей находится в интервале 2,3-2,7, что соответствует ситуации «конфликт оценок».

⁸³ Мы исходим из предположения, что во всяком продукте «художественного производства» находит отражение и выражение богатая совокупность социальных и эстетических ценностей, без чего художественное произведение не может быть ни создано, ни воспринято, без чего невозможно его «социальное бытие».

Каждое из этих суждений можно интерпретировать как индикатор соответствующего комплекса (блока) социальных ценностей, носителем и проводником которых выступает конкретный спектакль.

Предложим следующую исходную классификацию социальных ценностей, которая отображена в экспертной анкете в виде четырех смысловых групп «контрольных» суждений о спектакле:

1) АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ (составляющие «идеологический потенциал» сценического произведения).

(Индикаторами данного блока ценностей в нашей методике выступают следующие суждения: «Про этот спектакль можно сказать: а) в нем раскрыта историческая правота коммунистических идеалов; б) в нем утверждаются нормы коммунистической морали; в) в нем показана победа нового, передового над старым, отживающим; г) в нем обличаются буржуазная мораль и частнособственническая психология»).

2) ОБЩЕЗНАЧИМЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ («нравственный потенциал» сценического произведения).

(«Про этот спектакль можно сказать: а) он несет в себе подлинно гуманистическое начало; б) в нем утверждается самоценность человеческой личности; в) он будит мысль, развивает гражданские чувства и самосознание; г) в нем поставлена серьезная и животрепещущая общественная проблема»).

3) ЦЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ («художественный потенциал» сценического произведения).

(«Про этот спектакль можно сказать: а) он обогащает, способствует развитию художественного вкуса; б) в нем есть глубина и правда раскрытия характеров; в) это – интересный эксперимент, смелый художественный поиск; г) это - настоящее, большое Искусство»).

4) ЦЕННОСТИ МАССОВОГО ВОСПРИЯТИЯ («потенциал массовости» сценического произведения).

(«Про этот спектакль можно сказать: а) это - популярный жанр, театральное ревью или концертная программа; б) он дает возможность отдохнуть, развлечься, получить эмоциональную разрядку; в) он рассчитан на успех у самой широкой зрительской массы; г) этот спектакль открывает зрителю возможность для мелодраматического сопереживания»).

Данная классификация опирается на определенную социологическую модель функционирования и развития художественной культуры и массовой коммуникации.⁸⁴

Проведенный нами анализ экспертных выборов тех или иных суждений для различных спектаклей обнаружил статистически значимые тенденции сопряжения разного рода социальных ценностей в конкретных театральных постановках. В частности, была обнаружена ТЕСНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАЛИЗАЦИИ В СПЕКТАКЛЕ ЦЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕЗНАЧИМЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ. Несколько слабее взаимосвязь между реализацией этих последних и актуальных общественных ценностей. Вместе с тем, налицо СВОЕОБРАЗНЫЙ «КОНФЛИКТ» МЕЖДУ ВСЕМИ НАЗВАННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ И ЦЕННОСТЯМИ МАССОВОГО ВОСПРИЯТИЯ.

⁸⁴ Настоящая социологическая модель включает в себя следующие элементы: общество как субъект управления; общество как объект управления; институт духовной культуры, например - театр; массовая аудитория, например - театральная. См. Алексеев А.Н. Опыт построения социологической модели массовой коммуникации / Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации, ч. 1. М., 1973. Названные комплексы социальных ценностей соотносимы с перечисленными элементами модели.

В чисто статистическом смысле можно сказать: спектакль высокого художественного потенциала скорее всего является также носителем высокого нравственного потенциала. В равной мере, без высокого нравственного потенциала мало вероятен высокий идеологический потенциал. Напротив, низкий нравственный потенциал спектакля скорее всего сочетается с низким же художественным потенциалом. Трудно ожидать в этом случае и высокого идеологического потенциала. Что касается спектаклей с высоким «потенциалом массовости», то они могут характеризоваться как высокими, так и низкими идеологическим, нравственным и художественным потенциалом (и даже чаще низкими, чем высокими!).

Проверим это наблюдение на конкретных спектаклях, которые теперь можно типологизировать, иначе говоря - группировать по фактически встречающимся сочетаниям «ценностных» признаков. При этом, как и в предыдущем изложении, ограничимся только теми спектаклями, которые были просмотрены не менее чем пятью экспертами (напомним, что таких спектаклей - 154 из 260).

В каких случаях уместно полагать, что соответствующий комплекс социальных ценностей в спектакле выражен достаточно ярко (иначе говоря, соответствующий потенциал является высоким)? Заранее оговорим принятые нами критерии.

Будем считать, что театральная постановка характеризуется достаточно высоким идеологическим потенциалом, если большинством просмотревших данный спектакль экспертов отмечено в соответствующих анкетах хотя бы одно из четырех «контрольных» суждений, относящихся к актуальными общественным ценностям (причем указано, что «театру это удалось»)⁸⁵.

Аналогично - для нравственного потенциала спектакля (суждения, относящиеся к общезначимым человеческим ценностям).

Будем считать, далее, что театральная постановка характеризуется достаточно высоким художественным потенциалом, если большинство просмотревших данный спектакль экспертов согласились (с большей или меньшей степенью уверенности) хотя бы с одним из четырех «контрольных» суждений, относящихся к ценностям художественной культуры. (Для каждого из суждений данной смысловой группы, в случае выбора его экспертом, предусматривались варианты экспертного ответа разной степени уверенности: «это безусловно так» и «с этим, пожалуй, можно согласиться»).

Аналогично - для «потенциала массовости» (суждения, относящиеся к ценностям массового восприятия).

Теоретически, на основании элементарной комбинаторики, можно допустить возможность существования шестнадцати категорий (типов) спектакля, образуемых различными сочетаниями выделенных блоков ценностей. Однако фактическое распределение спектаклей по этим категориям обнаруживает значительную неравномерность, что является отражением социальной природы отмеченных выше статистических связей между теми или иными характеристиками театральной постановки.

123 спектакля из 154 (т.е. почти 80 %) оказались распределены всего среди ШЕСТИ основных типов, которые сейчас опишем.

Специально оговорим, что полученная нами типология опирается на критерии, отличные от эстетических (будь то определенный театральный жанр или художественный уровень спектакля). Эта типология является СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ, использующей преимущественно социальные критерии оценки и направленной на выявление социально-эстетических функций сценического произведения.

В реализации этих функций театральными коллективами характерно чрезвычайное разнообразие творческих почерков и индивидуальных художественных манер, однако в

⁸⁵ Для каждого из суждений данной смысловой группы, в случае выбора его экспертом, предусматривались варианты экспертного мнения разного смысла: «театру это удалось» и «театр стремился к этому, но вряд ли достиг».

своей объективной роли очень разные театральные постановки могут стать близкими друг другу, и именно это неочевидное обстоятельство улавливается предлагаемой типологией.

ТИП I. Спектакли, соединяющие в себе эффективную реализацию актуальных общественных ценностей, общезначимых человеческих ценностей и ценностей художественной культуры, при относительно слабой выраженности ценностей массового восприятия в изложенном смысле. Иначе говоря - спектакли, воплощающие ТЕСНУЮ ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО, НРАВСТВЕННОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛОВ, причем каждый из этих потенциалов сам по себе достаточно высок.

К этому типу оказались принадлежащими 19 театральных постановок, среди которых семь спектаклей БДТ, три - Театра им. Ленсовета и по одной-две постановки других театров.

Характерные примеры спектаклей этого типа: «Протокол одного заседания» (БДТ); «Человек со стороны» (ТЛС); «Три мешка сорной пшеницы» (БДТ).

ТИП II. Спектакли, в которых получили преимущественное выражение и реализацию ценности массового восприятия, при относительно слабой выраженности всех остальных ценностей, т.е. спектакли, воплощающие в себе ПОТЕНЦИАЛ МАССОВОСТИ, КАК ТАКОВОЙ, ВНЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ С ОСТАЛЬНЫМИ.

К этому типу относятся 26 театральных постановок, среди которых семь спектаклей Театра им. Ленсовета, шесть - Театра драмы им. Пушкина, пять - Театра им. Ленинского Комсомола, четыре - Театра Комедии и по одной-две постановки других театров.

Примеры спектаклей данного типа: «Жизнь Сент-Экзюпери» (АТДП); «Двери хлопают» (ТЛК); «Где Чарли?» (ТЛК).

ТИП III. Спектакли, в которых ярко выражены и эффективно реализуются общезначимые человеческие ценности и ценности художественной культуры, при менее активной реализации актуальных общественных ценностей и ценностей массового восприятия. В них как бы в чистом виде воплощена особенно ТЕСНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ НРАВСТВЕННОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛОВ СПЕКТАКЛЯ, причем тот и другой сами по себе достаточно высоки.

К этому типу относятся 28 театральных постановок, среди которых восемь спектаклей БДТ, шесть - ТЮЗа, три - Театра им. Ленсовета, столько же - Малого драматического театра и по одной-две постановки других театров.

Примеры: «С любимыми не расставайтесь» (ТЛК); «Король Генрих IV» (БДТ); «Мольер» (БДТ).

ТИП IV. Спектакли, где эффективная реализация общезначимых человеческих ценностей и ценностей художественной культуры сочетается с ярко выраженными ценностями массового восприятия, при относительно слабой выраженности актуальных общественных ценностей. Этот тип спектаклей в прямом смысле является «полярным» типу I: ТАМ ВЫСОКИЙ НРАВСТВЕННЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕСНО СВЯЗАНЫ С ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ, ЗДЕСЬ - ОНИ СОПРЯЖЕНЫ С ПОТЕНЦИАЛОМ МАССОВОСТИ.

Указанный тип не столь многочислен: 12 театральных постановок, среди которых встречаются спектакли Театра Комедии, БДТ, ТЮЗа и других театров.

Примеры: «Я, бабушка, Илико и Илларион» (БДТ); «Этот милый, старый дом» (АТК); «Трамвай «Желание» (ТДК).

ТИП V. Спектакли, в которых совмещена реализация ценностей художественной культуры с ценностями массового восприятия, актуальные же общественные ценности, равно как общезначимые человеческие ценности, выражены относительно слабо. Иначе говоря - СВОЕОБРАЗНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ВЫСОКОГО ПОТЕНЦИАЛА МАССОВОСТИ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ.

К этому пока малочисленному типу принадлежат 6 постановок, среди которых половина - ТЮЗовские. Характерные примеры: «Наш цирк» и «Наш, только наш» (ТЮЗ).

Наконец, ТИП VI объединяет спектакли, в которых ПРИЗНАКИ ВСЕХ ЧЕТЫРЕХ ПОТЕНЦИАЛОВ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ДОСТАТОЧНО ВЫРАЖЕННЫМИ, т.е. спектакли, не получившие достаточного - свыше половины! - количества экспертных выборов «контрольных» суждений из соответствующих смысловых групп.

К этому типу относятся 32 театральные постановки, среди которых девять спектаклей Театра им. Ленинского Комсомола, восемь - Театра драмы им. Пушкина, семь - Театра им. Ленсовета, четыре - ТЮЗа и по одной-две постановки других театров.

Следует заметить, что сами эти основные типы не являются однородными. Наряду с характерными, ярко выраженными представителями каждого социологического типа (отдельные примеры приводились), имеются и сценические произведения, оказывающиеся как бы на периферии своего типа или на его «пересечении» с другими.⁸⁶

Например, относящиеся к типу II спектакли «Укрощение строптивой» (ТЛС) и «Три мушкетера» (ТЛК) тяготеют к типу IV. К этому же типу тяготеют спектакль Театра им. Ленсовета «Дульсинья Тобосская» (принадлежащий, согласно заданным критериям, к типу V) и спектакль Театра Комедии «Физики» (отнесенный к типу VI). И т. д., и т. п.

Таким образом, грани между типами подвижны и полученная типология вовсе не преследует цели жестко и однозначно классифицировать спектакли. Важно, что она выявляет тенденции дифференциации репертуара по характеру реализуемых в спектакле социальных ценностей и осуществляемых театром социально-эстетических функций.

В этой связи заслуживают быть отмеченными те сравнительно немногочисленные театральные постановки (в нашей выборке их оказалось всего пять), которые, тяготея к тому или иному из названных типов, формируют ОСОБЫЙ ТИП VII, в известном смысле «полярный» типу VI. Это спектакли, которые характеризуются РАВНОВЫСОКОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЫРАЖЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВСЕХ УКАЗАННЫХ ВИДОВ. Здесь обнаруживается сопряженность признаков потенциала массовости с признаками идеологического, нравственного и художественного потенциалов сценического произведения. Характерным примером этого типа является спектакль театра Комедии «Старый, новый год».⁸⁷

Теперь наша типология охватывает уже свыше 80 % всех рассмотренных постановок. Оставшиеся вне ее 26 спектаклей из 154 по характеру экспертных оценок так или иначе тяготеют к тому или иному из названных типов.

В заключение, уместно назвать те театральные постановки, в которых, судя по данным экспертного опроса, потенциал определенного рода особенно высок. В качестве критерия возьмем случай, когда эффективная реализация соответствующих ценностей так или иначе констатирована подавляющим большинством просмотревших данный спектакль экспертов.⁸⁸

ОБЩЕЗНАЧИМЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Мещане», «Цена», «Беспокойная старость», «Мольер», «Три мешка сорной пшеницы», «История лошади» (БДТ); «Этот милый, старый дом», «Старый новый год» (АТК); «Мой бедный Марат», «Жестокость», «Человек со стороны», «Люди и страсти» (ТЛС); «Насмешливое мое счастье» (Тик); «С любимыми не расставайтесь» (ТЛК);

⁸⁶ Говоря о принадлежности театральной постановки к числу характерных представителей типа, либо о ее положении на «периферии» типа, мы имеем в виду количество экспертных выборов «контрольных» суждений из соответствующих смысловых групп. Если это количество заметно больше половины оценивавших спектакль экспертов, значит имеем дело с характерным представителем типа. Если оно лишь чуть больше половины экспертной группы - значит соответствующий потенциал в спектакле выражен не так ярко и данное сценическое произведение тяготеет к «границе» типа.

⁸⁷ Отмеченная малочисленность этого типа вовсе не означает его малую перспективность.

⁸⁸ Под подавляющим большинством будем понимать всех экспертов за исключением двоих, если спектакль просмотрен 11-13 театральными критиками, и всех за исключением одного, если спектакль просмотрен 8-10 критиками. Спектакли оцененные менее чем восемью специалистами, здесь не учитываются.

«Трень-брень», «Радуга зимой» (ТЮЗ); «Свидание в предместье», «Чудаки» (ТДК); «На смерть поэтов», «Интеллигенты из Одессы» (МДТ).

ЦЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: «На дне» (АТДП); «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Мещане», «Традиционный сбор», «Цена», «Король Генрих IV», «Беспокойная старость», «Ревизор», «Мольер», «Бедная Лиза», «Три мешка сорной пшеницы», «История лошади», «Фантазии Фарятьева» (БДТ); «Дон Жуан», «Пестрые рассказы», «Село Степанчиково и его обитатели», «Тележка с яблоками», «Этот милый, старый дом» (АТК); «Мой бедный Марат», «Жестокость», «Люди и страсти» (ТЛС); «Насмешливое мое счастье» (Тик); «С любимыми не расставайтесь» (ТЛК); «Хозяин» (ТЮЗ); «На смерть поэтов», «Интеллигенты из Одессы» (МДТ).

ЦЕННОСТИ МАССОВОГО ВОСПРИЯТИЯ: «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Ханума» (БДТ); «Сослуживцы», «Родственники» (АТК); «Укрошение строптивой», «Двери хлопают», «Дульсинея Тобосская» (ТЛС); «Зримая песня», «Вестсайдская история», «Три мушкетера» (ТЛК); «Наш цирк», «Наш, только наш», «Наш Чуковский» (ТЮЗ).

Примерами спектаклей, в которых, как явствует из материалов опроса театральных критиков, особенно отчетливо выражены и эффективно реализуются **АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ**, являются: «Три мешка сорной пшеницы», «Протокол одного заседания» (БДТ); «Старый новый год» (АТК); «Человек со стороны» (ТЛС).

Как известно, Ленинград является одним из ведущих театральных центров страны. Десять драматических театров города представляют зрителю объемный и разнообразный репертуар, несущий в себе богатый спектр социальных и эстетических ценностей, служащий удовлетворению культурных запросов различных слоев населения.

Драматические театры Ленинграда в своих репертуарах, равно как и во всех иных аспектах своей деятельности, далеки от дублирования друг друга, каждый имеет свое «лицо», выражающееся в конкретном направлении и способах решения общих для советского театра идейно-художественных задач. Это «лицо» наиболее ярко выражается в репертуарной политике.

Каждый театр фактически выполняет свою социально-эстетическую функцию, причем именно взаимодополнение этих функций в рамках театральной жизни города делает совокупность театров **СИСТЕМОЙ**, где каждый элемент необходим. Своеобразное «разделение труда» между различными театральными коллективами складывается во многом стихийно. Оно зависит от художественных традиций всякого данного театра, от творческих возможностей актерской труппы, от творческих установок художественного руководителя и т.д.

К специфике ситуации ленинградских театров относится высокое зрительское доверие к ним. Большинство драматических театров не испытывает необходимости в «завоевании» своей аудитории, эта аудитория у них есть (причем не только ленинградская).

В этих условиях расширяются возможности театров в направленном формировании художественного сознания своей аудитории, в развитии ее художественных вкусов.

Привлечение ведущих театральных критиков и театроведов в качестве экспертов, компетентных судей всякой постановки, увидевшей свет на ленинградской сцене, и специальная обработка данных этой социолого-театроведческой экспертизы выявили значительную дифференциацию театральных коллективов в области репертуарной политики.

В частности, осуществленная нами типология драматических спектаклей, имеющая своим основанием **СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ**, носителем и проводником которых может выступать сценическое произведение, дает повод для особого рода типологической

характеристики театров, которые преимущественно создают и воспроизводят спектакли определенных типов.

Так, соединение эффективной реализации актуальных общественных ценностей, общезначимых человеческих ценностей и ценностей художественной культуры свойственно значительному количеству спектаклей Большого драматического театра. Для ряда других театров (например, для Театра драмы им. Пушкина) характерно повышенное культивирование ценностей массового восприятия, что в принципе не исключает возможности реализации и других социальных ценностей, однако, как показывает наш анализ, ограничивает их.

Своими типологическими особенностями характеризуются репертуары и других драматических театров Ленинграда.

Важным общим социологическим механизмом культурного производства вообще, и театрального, в частности, является тесная взаимосвязь того, что выше было названо идеологическим, нравственным и художественным потенциалом спектакля. При этом, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ В РЕАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ИДЕЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ДОСТИЖИМ ЛИШЬ ПУТЕМ ОРГАНИЧНОГО СПЛАВА В СЦЕНИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ОБЩЕЗНАЧИМЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ.** Нельзя сказать, чтобы этим механизмом в полной мере овладели все театральные коллективы.

Установка на донесение до широкого зрителя высоких нравственных ценностей путем действительно художественного воплощения их свойственна большинству ленинградских театров. Однако эта установка приходит в своеобразный «конфликт» с попытками удовлетворения менее развитых зрительских вкусов, с искусственным и, мы бы сказали, избыточным наращиванием «потенциала массовости», часто влекущим за собой снижение как эстетического, так и идейно-нравственного уровня спектакля.

В известной мере, это внутреннее противоречие репертуарной политики заостряется в эксплуатационной политике ряда театров. Отмечавшаяся многими обследованиями и еще не изжитая неравномерность в эксплуатации репертуара для многих театров выражается в интенсивном прокате спектаклей, отнюдь не являющихся творческим достижением данного театрального коллектива.

Результаты проведенных обследований дают основания полагать, что большинство ленинградских театров в силах взять на себя либо актуализировать свою **РОЛЬ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ «УЧИТЕЛЕЙ» МАССОВОГО ЗРИТЕЛЯ.** Такая установка отнюдь не требует радикальной перестройки имеющихся репертуаров, а лишь постепенной, хотя и направленной коррекции их.

Каковы пути и желательные организационные шаги театра на этом пути?

Прежде всего, это дальнейшее совершенствование эксплуатационной политики. По крайней мере в условиях Ленинграда возможно строить эту политику так, **ЧТОБЫ ЕЩЕ ИМЕЮЩИЕСЯ В РЕПЕРТУАРАХ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕАТРОВ ДИСПРОПОРЦИИ КАЧЕСТВА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО УРОВНЯ НЕ УСУГУБЛЯЛИСЬ, А СМЯГЧАЛИСЬ В «ПРОКАТЕ».** Чтобы именно лучшие в идейно-художественном отношении спектакли, действительные творческие достижения всякого данного театра стали приоритетными в эксплуатации.

Насколько позволяет судить театральная статистика последнего (не представленного в настоящей статье, 1976-го) года, рядом ленинградских театров, где указанные диспропорции качества в репертуаре имеются, уже предприняты в этом направлении определенные шаги. Хочется ожидать от руководителей театральных коллективов еще большей решительности.

Далее, поднятие общего идейно-художественного уровня репертуара драматических театров Ленинграда возможно за счет **БОЛЕЕ АКТИВНОГО И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ВВЕДЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КАЧЕСТВА В ОПРЕДЕЛЕНИЕ СРОКОВ СЦЕНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИМЕЮЩИХСЯ**

ПОСТАНОВОК. По-видимому, ни один театральный коллектив не застрахован от творческих неудач (часто предрешенных уже самим выбором пьесы для постановки). Но вряд ли стоит театру «настаивать» на этих неудачах, пользуясь тем, что иные из них, в силу известных, еще достаточно сильных тенденций массового зрительского спроса, дают аншлаги. (Как остроумно заметил Стендаль, «не ошибки нас губят, а то, как мы себя ведем, совершив их»).

В конечно счете, именно от руководителя театрального коллектива зависит предпочтительное сокращение сценической жизни наиболее слабых в идейно-художественном отношении постановок (коль скоро они сумели увидеть свет).⁸⁹

Третьим направлением коррекции репертуарной политики, понятно, оказывается **ВСЕМЕРНОЕ ПОВЫШЕНИЕ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НОВЫХ РЕПЕРТУАРНЫХ РЕШЕНИЯХ**. Эти решения всегда индивидуализированы, ситуационны, здесь не может быть общей мерки для разных театральных коллективов. Но тем важнее соотношение этих решений с общим контекстом как репертуарной политики данного театра, так и театральной жизни Ленинграда в целом. Существенно отдавать себе отчет также в социальном адресе всякого данного сценического произведения.

С учетом проведенного анализа возьмем на себя смелость предложить любому из ленинградских театров, который сочтет это необходимым и уместным, своеобразный **РЕПЕРТУАРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ**.

Смысл этого эксперимента состоит в сознательном и интенсивном (разумеется, не скачкообразном) осуществлении первого и второго из предложенных направлений коррекции репертуарной политики. То есть в принятии курса на сокращение в «прокате», а затем и на изъятие из репертуара постановок, сценическая жизнь которых обеспечивается по преимуществу реализацией ценностей массового восприятия, а не каких-либо иных социальных ценностей.

Как поведет себя зритель по отношению к театру в условиях такого эксперимента? Наш опыт изучения театральной жизни Ленинграда дает основания для оптимистических прогнозов на этот счет.

Разумеется, «лицо» театра во многом формируется его зрителем. Однако в конечном счете **ИМЕННО ТЕАТР ФОРМИРУЕТ СВОЕ ЗРИТЕЛЬСКОЕ «ЛИЦО»**.

Что касается критериев для отбора спектаклей, прокат которых заслуживает интенсификации, с одной стороны, и постановок, заслуживающих постепенного «вытеснения» из ленинградской театральной афиши, с другой, то здесь можно для начала принять (разумеется, не абсолютизируя) идейно-художественные оценки внешней относительно театров и, вместе с тем, достаточно включенной в театральную жизнь экспертной группы (той ли, что была привлечена нами, или какой-либо иной, этого типа).

Особая ценность такого рода компетентного группового мнения видится нам в отсутствии (или неизбежной нивелировке) личной заинтересованности, а стало быть - в объективности этого мнения, не зависящего от естественной (и порой плодотворной в творческой сфере) «игры самолюбий».

По существу, речь идет (не обязательно в плане эксперимента) о разработке силами отдельных театров и, возможно, в рамках Ленинградского отделения ВТО, **СПЕЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕР ПО ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ МАССОВОГО ЗРИТЕЛЯ НА ЛУЧШИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ В ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ**, по развитию его художественного вкуса и повышению идейно-эстетической требовательности.

⁸⁹ Напомним, что спектакль Театра драмы им. Пушкина «Жизнь Сент-Экзюпери» выдержал с 1966 по 1975 г. рекордное для ленинградского репертуара количество представлений - 675, причем подавляющее большинство знакомых с этим спектаклем театральных критиков признали его творческой неудачей театра.

(Алексеев А., Дмитриевский В.. Театральный репертуар в зеркале социолого-театроведческой экспертизы (на примере театральной афиши Ленинграда 1974-1976 гг.) / Вопросы социологического изучения театра». Л., 1979)

Справка

Анализ структуры и динамики репертуара драматических театров Ленинграда конца 70-х - начала 80-х гг. см. также в работах:

- Алексеев А. *Социальные ценности как основание для социологической типологии драматических спектаклей / Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни. Л.: ВТО, 1977 (для служебного пользования);*

- Алексеев А., Дмитриевский В. *Репертуар и зритель // Театр, 1981, N 5;*

- Алексеев А., Дмитриевский В. *Динамика репертуара драматических театров Ленинграда / Вопросы социологии театра. М., 1982.*

Текст методики «Ваше мнение о спектакле», применявшейся для сбора экспертных данных о театральных постановках в период 1976-1981 гг., см. ниже: раздел 4.4.

*Наиболее полную, хронологически упорядоченную библиографию отечественной социологии театра конца 1960-х - начала 1980-х гг., включая работы по исследованию структуры и динамики театрального репертуара, см. в: Дмитриевский В.Н. *Театр глазами социологов 1970-х гг. // Культурологические записки, вып. 6: Художественная жизнь России 1970-х. Исследования. Материалы. документы. М.: Гос. институт искусствознания, 2000.**

Ремарка: «...управление культурой?»

Стоит заметить, что в этих работах по социологии театра рубежа 1970-х - 1980-х гг. соединялась ярко выраженная установка авторов на высоко-художественный и социально значимый театральный репертуар с менее ярко выраженной установкой на регулирование процессов театральной жизни (своего рода управления ею, идейно-художественное воспитание зрителя, преодоление негативных тенденций «коммерческой» репертуарной и эксплуатационной политики театров и т. п.).

Последняя из названных установок, при всей ее благородной мотивации, как бы подлаживалась под господствовавшие тогда внекультурные нормы направленного, руководящего воздействия (планирования и т. п.) на культурные процессы. Вместе с тем, она выражалась в достаточно «мягкой» форме: апелляция к художественным и административным руководителям конкретных театров, а не к органам управления и идеологического контроля за художественной жизнью.

Интересно, согласится ли мой соавтор, друг и коллега Виталий Дмитриевский - с таким моим сегодняшним комментарием? (Май 2000).

4.3. ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР – В ДВИЖЕНИИ

[Ниже - композиция извлечений из одноименной авторской рукописи (1983), готовившейся к печати на базе серии научных отчетов на эту тему в исследовательской группе «Социология и театр» при ЛО ВТО (1981-1983).

*Работа над рукописью завершена не была и публикация тогда не состоялась. - А.
А.]*

4.4.1. Новые явления в театральной жизни Ленинграда

<...> Систематический анализ репертуарной и эксплуатационной политики драматических театров Ленинграда, проводимый исследовательской группой «Социология и театр» при ЛО ВТО начиная с 1974 г., ныне вступил в новую фазу. Накопленный опыт социолого-театроведческой экспертизы и банк данных этой экспертизы, охватывающий на сегодня уже около 400 названий спектаклей, позволили перейти от синхронических (структурных) к диахроническим сопоставлениям, выявлению трендов.

Нами исследованы:

а) динамика структуры сводной афиши (репертуара) десяти драматических театров Ленинграда, за 7 лет;

б) динамика структуры «переднего края» репертуара, каковым являются театральные премьеры всякого данного года, за 6 лет;

в) динамика структуры «ведущей части» репертуара драматических театров (образуемой так называемыми спектаклями-«лидерами эксплуатации»), за 6 лет;

г) динамика структуры «ядра» эксплуатационной афиши ленинградских театров (имея в виду совокупность представлений спектаклей-«лидеров»), за 6 лет.

Установлен, в частности, ряд существенных изменений в типологической структуре сводной театральной афиши, отражающих глубинное изменение ценностной направленности репертуара и идейно-творческих позиций большинства ленинградских театров.

Так, с середины 1970-х гг. происходит интенсивное нарастание, сначала среди театральных премьер, а вслед за тем также и в сводной афише, - доли таких сценических произведений, где ярко выражены и эффективно реализуются ценности массового восприятия. Переважив в 1977 г. за рубеж половины сводной годовой афиши, такие театральные постановки завоевывают ленинградскую сцену. Так или иначе (в разной степени) этот процесс сегодня захватил ныне все театры города. Таким образом, мы являемся свидетелями процесса прогрессирующего подчинения театра массовому зрителю, его приспособления ко вкусам и запросам последнего.

Адаптивная тенденция в деятельности ленинградских театров все более перевешивает адаптационную тенденцию.⁹⁰

Отмеченное приоритетное развитие адаптивной тенденции осуществляется двояким образом. Во-первых - за счет насыщения театральной афиши спектаклями типа II, воплощающими в себе потенциал массовости, как таковой, вне тесной связи с идеологическим, нравственным и художественным потенциалами. Этот процесс можно оценить однозначно негативно. Во-вторых, - за счет насыщения театральной афиши спектаклями типов IV и V, где высокий потенциал массовости сочетается с высокими же нравственным и художественным, либо только художественным потенциалом, а также спектаклями типа VII - с равновысокими потенциалами массовости, идеологическим, нравственным и художественным потенциалами.⁹¹

В последнем случае есть основания говорить о становлении нового, современного «эталона» театральной постановки - типа сценических произведений, которые соединяют в себе решение идейно- и художественно-значимых задач с удовлетворением массового спроса на развлечение, эмоциональную разрядку или с иными способами достижения «успеха у самой широкой зрительской массы». С учетом опережающих темпов

⁹⁰ Адаптивная тенденция – приспособительная, адаптационная – приспособляющая к себе. – А. А. Июль 2012.

⁹¹ Определения социологических типов спектакля см. выше: раздел 4.2.

воспроизводства такого типа-«кентавра», нами усматривается перспектива его гегемонии на ленинградской сцене - в первой половине 1980-х гг.

Указанный процесс «срачивания» потенциала массовости с нравственным и художественным потенциалами, совершающийся в театральной жизни нашего города в последнее время, достаточно противоречив и, во всяком случае, не может быть оценен однозначно. Можно предположить, что это есть попытка ленинградских театров творчески разрешить конфликт двух тенденций - адаптационной и адаптивной.

Проведенный нами анализ динамики сводной эксплуатационной афиши драматических театров Ленинграда за последние годы показывает, что, при общем «стратегическом» курсе на приспособление театрального проката к интересам широкой зрительской массы, возможны и практически реализуются отдельными театрами две альтернативные «тактики»:

а) предпочтительный (приоритетный) прокат спектаклей типа II, рассчитанных на массовый (кассовый) успех, и только;

б) приоритетный прокат спектаклей типов IV, V, VII, также рассчитанных на кассовый успех, но при этом решающих и определенные идейно- и художественно-значимые задачи.

В нынешней социокультурной ситуации, в условиях отмеченных структурных сдвигов в сводной театральной афише и «экспансии» потенциала массовости в репертуаре ленинградских театров, выбор всяким данным театром второго из двух отмеченных вариантов эксплуатационной политики, по-видимому, можно приветствовать. <...>

(Алексеев А.. Театральный репертуар - в движении. 1983)

4.3.2. На пороге перемен? Перемен в театральном Ленинграде не произошло, но ожидание их остается...

<...> Спектакли типа «ИСКУССТВО» (ранее обозначавшиеся нами как типы I и III) - это театральные постановки, в которых воплощена адаптирующая тенденция в деятельности театра (развитие художественного вкуса массового зрителя).

Спектакли типа «КУЛЬТУРА» (ранее обозначавшиеся нами как тип II) - это театральные постановки, в которых воплощена адаптивная тенденция в деятельности театра (следование, «потакание» массовому зрительскому вкусу).

Наконец, едва намечившийся в середине 1970-х гг., а ныне бурно развивающийся тип «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА», тип-кентавр (ранее обозначался нами, как типы IV, V, VII, с указанием на малочисленность каждого из них) соединяет в себе как адаптирующую, так и адаптивную тенденцию. В таких театральные постановках обе названные тенденции достаточно сильны и как бы сбалансированы.

Особую категорию составляют спектакли, в которых ни одна из групп социальных ценностей не является отчетливо выраженной (ранее обозначался как тип VI). Назовем этот тип - «БЕЗ ДОМИНАНТЫ».⁹²

Нашим анализом динамики репертуара драматических театров Ленинграда за последние годы выявлены следующие особенности «режима воспроизводства» театрального репертуара.

Во второй половине 1970-х гг. в репертуарной политике ленинградских драматических театров имели место:

а) устойчиво суженное воспроизводство спектаклей типа «Искусство»;

⁹² Термины «Искусство», «Культура», «Искусство-культура» и «Без доминанты» для обозначения укрупненных социологических типов сценического произведения вошли в обиход исследовательской группы «Социология и театр» в начале 1980-х гг. Причем термин «Культура» был в данном случае своего рода эвфемизмом: в смысле «массовая культура» - формулировки, которой, по конъюнктурным соображениям, автор старался избегать. – А. А. Июль 2012.

б) устойчиво расширенное воспроизводство спектаклей типа «Культура»;
в) наметившееся расширенное воспроизводство спектаклей типа «Искусство-Культура».

Такое усугубление адаптивной тенденции в деятельности театра и ее превалирование над тенденцией адаптирующей давали повод для тревоги: театр все более занимает подчиненное, по отношению к зрителю, положение (идет у него «на поводу»).

К концу 1970-х гг., на «переднем крае» репертуара этот процесс обозначился предельно рельефно: вовсе не баланс двух тенденций, а явное количественное преобладание спектаклей типа «Культура» (примерно каждый третий!) над спектаклями типа «Искусство» (примерно каждый пятый) - среди премьер 1979 г. Ценности массового восприятия в новом репертуаре окончательно оттеснили общезначимые человеческие ценности и ценности художественной культуры на второй план.

И вдруг 1980 год решительно переменяет картину и как бы перевернул это соотношение. По данным социолого-театроведческой экспертизы премьер этого года, лишь пятую часть новых постановок ленинградских театров составили спектакли типа «Культура», зато половину всех оценивавшихся достаточным количеством экспертов составили спектакли типа «Искусство»! При этом продолжалось и воспроизводство типа «Искусство-Культура»...

Это был несомненный сдвиг в сторону повышения идейно-художественной значимости репертуара. Возникли основания предполагать, что мы находимся на пороге позитивных перемен в театральной жизни нашего города.

Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что в 1980 году ленинградские театры предприняли решительное усилие к тому, чтобы повести за собой зрителя, выйти из положения «ведомых» публикой. Казалось, наступил желанный перелом...

Но вот перед нами данные последней экспертизы театральных премьер нынешнего, 1981 года.

Увы, приходится констатировать, что этот год ознаменовался обратным, «реверсивным» движением в соотношении потенциала массовости и всех остальных. Налицо вполне очевидный возврат к расширенному воспроизводу спектаклей типа «Культура», в которых ярко выражены и эффективно реализуются ценности массового восприятия - в полном отрыве от ценностей художественной культуры, общезначимых человеческих и актуальных общественных ценностей.

К типу «Культура» относится половина всех театральных премьер 1981 г. (такого высокого показателя этот тип не имел ни разу за 8 лет нашего наблюдения!). Так же резко (почти в три раза по сравнению с 1980 г.) уменьшилось количество новых спектаклей типа «Искусство». Наконец, произошла своего рода стабилизация доли спектаклей типа-кентавра «Искусство-Культура» (около трети всех новых постановок).

Итак, ожидавшихся перемен в театральной жизни не произошло! Налицо - отступление ленинградских театров, в плане соотношения адаптирующей и адаптивной тенденций, на исходные (конца 70-х гг.) рубежи, и даже на более отдаленные, «тыловые» позиции.

Факт огорчительный... Однако вовсе не отменяющий ожидания перемен. Ведь предвестьем таковых может быть не только «плавное», эволюционное движение, но и возрастающая амплитуда годовых колебаний в типологической структуре нового репертуара.

В нынешнем, 1981 г., как никогда, резко обозначилась дифференциация конкретных ленинградских театров по их приверженности к созданию сценических произведений того или иного типа. В известном смысле, почти каждый ленинградский театр (безотносительно к достигнутым творческим успехам) заявил премьерными этого года о своем идейно-творческом «кредо». Вот некоторые факты.

Спектакли типа «Искусство» находим среди премьер 1981 г. в четырех театрах: БДТ, Театр им. Ленинского Комсомола, Малый драматический и Молодежный театр. К типу «Культура» относятся практически все новые спектакли Театра драмы им. Пушкина, Театра Комедии и театра им. Комиссаржевской. К этому же типу спектаклей все более склоняется Театр им. Ленсовета (в середине 1970-х гг., как нами тогда отмечалось, выступивший пионером создания сценических произведений совмещающих потенциал массовости с нравственным и художественным).

Что касается типа-кентавра «Искусство-Культура», то он ныне особенно характерен для трех театров (Театр им. Ленинского Комсомола, ТЮЗ и Молодежный театр).

Итак, судя по данным социолого-театроведческой экспертизы нового репертуара 1981 г., «совокупный театр» Ленинграда вновь сделал главную ставку на «успех у самой широкой зрительской массы». Адаптивная тенденция вновь, как никогда сильно, потеснила адаптирующую.

Попытавшись в 1980 г. «выйти из повиновения» у зрителя, в 1981-м - ленинградские театры «выдохлись». Надолго ли? Увидим. <...>

(Алексеев А.. Театральный репертуар - в движении. 1983)

ПРИЛОЖЕНИЕ: Спектакли - события театральной жизни Ленинграда 1977-1981 гг.

[Сокращенные обозначения театров здесь те же, что и в разделе 4.2 (см. выше).

Выделены - названия спектаклей, которые отнесены экспертами к категории «событий» театральной жизни единодушно и безоговорочно.

Напомним, что спектакли-события театральной жизни предшествующих лет (1963-1976), по данным экспертного опроса середины 1970-х гг., были перечислены выше: раздел 4.2. - А. А.]

1977 г.: «Тихий Дон» (БДТ); «НЕДОРОСЛЬ» (ТДК).

1978 г.: «Телевизионные помехи» (БДТ); «Царь Борис» (Тик).

1979 г.: «Мы, нижеподписавшиеся» (БДТ); «Гнездо глухаря» (Тик); «Живи и помни» (МДТ).

1980 г.: «Перечитывая заново» (БДТ); «Синие кони на красной траве» (Тик); «Вся его жизнь» (ТЛК); «Последние» (ТЛК); «Полет над гнездом кукушки» (ТДК); «Господа офицеры» (МДТ); «ДОМ» (МДТ); «Сотников», «Отпуск по ранению», «100 братьев Бестужевых» (Молодежный театр).

1981 г.: «КРОТКАЯ», «Оптимистическая трагедия» (БДТ); «Закон вечности» (МДТ).

4.3.3. 40 театральных премьер 1982 г .

<...> С учетом 40 театральных новинок 1982 г. объем банка единообразно собранных и обработанных экспертных данных о репертуаре драматических театров Ленинграда 1970-х - начала 1980-х гг. приблизился к 500 наименованиям театральных постановок. <...>

Экспертиза 1982 г. (в ней участвовало 19 театроведов и театральных критиков) является своего рода переходной. Одновременно с прежней методикой («Ваше мнение о спектакле»), для всех премьер этого года был применен также новый вариант экспертной методики, разработанный исследовательской группой в 1983 г., с учетом пожеланий участвующих в экспертизе театроведов («Спектакль глазами театрального критика»).

Пока мы располагаем данными обработки экспертных ответов только по прежнему образцу методики. Поэтому здесь ограничимся краткой сводкой фактологической информации. Содержательное же обобщение целесообразно в комплексе с данными экспертизы по обновленной методике. <...>

По данным проведенного опроса ведущих театроведов и театральных критиков, установленные нами социологические типы сценического произведения в массиве 40 премьер 1982 г. находятся в следующем количественном соотношении:

«ИСКУССТВО» - 8 новых постановок;

«ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА» - 11;

«КУЛЬТУРА» и «БЕЗ ДОМИНАНТЫ» (вместе) - 17

Тип не определялся (спектакль просмотрен менее чем 3 экспертами) - 4.

Тип «ИСКУССТВО» - в чистом виде - идентифицирован только для 4-х театральных премьер: «Дядя Ваня» (БДТ); «Поэтические страницы» (БДТ); «Чайка» (БДТ); «И дольше века длится день» (Молодежный театр).

Кроме того, 4 новых постановки находятся как бы на периферии названной категории, т. е. тяготеют к смежному типу «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА». Это: «Рояль в открытом море» (ТЛС); «Дорогая Елена Сергеевна» (ТЛК); «Даровано солнцем и морем» (МДТ); «День рождения Смирновой» (МДТ).

(Факт «тяготения» к другому типу констатируем тогда, когда может оказаться достаточным одного «голоса», т. е. изменения ответа хотя бы одного из оценивавших спектакль экспертов, чтобы спектакль «перешел» из одной категории в другую. Для спектаклей, оценивавшихся десятью экспертами и более, указанный критерий смягчен: потенциальная возможность изменения ответа не одного, а двоих экспертов).

В рамках типа «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА» выделяются:

- 2 театральных премьеры, тяготеющих к типу «ИСКУССТВО»: «Стеклянный зверинец» (МДТ); «Беда» (Молодежный театр);

- 4 новых постановки, составляющих, по данным экспертизы, «чистый» тип «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА»: «Мать» (ТЛС); «Генерал Серпилин» (ТиК); «Где найти Алису?», «Кукарача» (ТЛК);

- 5 театральных премьер, тяготеющих к типу «КУЛЬТУРА»: «Амадеус» (БДТ); «Мачеха Саманишвили» (БДТ); «Наедине со всеми» (ТЛС); «Фиеста» (МДТ); <...> (ТЛК).

Названные спектакли составляют МЕНЬШЕ ПОЛОВИНЫ всего массива театральных премьер 1982 г.

Вторую половину новой театральной афиши занимают постановки, относящиеся к типу «КУЛЬТУРА», либо «БЕЗ ДОМИНАНТЫ», либо не вызвавшие интереса у экспертов (оставленные подавляющим большинством экспертной группы без просмотра).

Из них укажем те 9 премьер, которые, относясь к типу «КУЛЬТУРА», тяготеют к смежному типу «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА»:

«Грубач на площади» (АТДП); «Ужин на пятерых» (АТК); «Гарольд и Мод» (АТК); «Прошлым летом в Чулимске» (ТЛС); «Вниз по Миссисипи» (ТиК); «Бонжур, месье Перро» (ТЮЗ); «Вокруг площади» (ТЮЗ); «Дети» (ТЮЗ); «Кафедра» (ТДК). <...>

Как видим, социологический тип-кентавр «ИСКУССТВО-КУЛЬТУРА» становится все более популярным: он представлен теперь уже практически во всех театрах, занимает, как таковой, свыше четверти новой афиши, и около трети постановок, относящихся к другим типам, так или иначе тяготеют к нему.

Иначе говоря, происходит «сращивание» типов («размывание» их границ). <...>

[12 театральных премьер 1982 г. являющих собой «чистый» тип «КУЛЬТУРА» и проч., были тогда оставлены автором без упоминания. А.А.]

А. Алексеев, декабрь 1983⁹³

⁹³ См. также: Алексеев А. Динамика репертуара ленинградских драматических театров / Театр и город. М.: ВТО, НИИ искусствознания, 1986.

4.4. "ВАШЕ МНЕНИЕ О СПЕКТАКЛЕ"

[Ниже приводится текст экспертной методики (вопросника, адресованного театроведам и театральным критикам), разработанной автором с коллегами (В.Н. Дмитриевский, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, Б.З. Докторов) в середине 1970-х.

Эта методика систематически применялась в проводившемся исследовательской группой "Социология и театр" при ЛО ВТО мониторинге репертуара драматических театров Ленинграда (вторая половина 1970-х - начало 1980-х)⁹⁴].

Всероссийское театральное общество
Ленинградское отделение
Исследовательская группа "Социология и театр"

ВАШЕ МНЕНИЕ О СПЕКТАКЛЕ

спектакль _____
театр _____

Уважаемый товарищ!

Просим Вас ответить на несколько вопросов о данном спектакле. Для этого следует обвести кружочком номера подходящих ответов. Там, где список возможных ответов Вас не удовлетворит, пожалуйста, впишите свой оригинальный ответ или сделайте примечание к имеющемуся.

Ниже приведен ряд стандартных суждений. Отметьте в соответствующем столбце ТОЛЬКО ТЕ ИЗ НИХ, которые могут быть отнесены к данному спектаклю с той или иной степенью уверенности (группа "А"), в том или ином смысле (группа "Б")

Обращаем Ваше внимание, что как в первой, так и во второй группе можно выбрать любое количество суждений. Высказывания, КОТОРЫЕ НЕ ПОДХОДЯТ К ДАННОМУ СПЕКТАКЛЮ, отмечать не надо.

А

ПРО ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ МОЖНО СКАЗАТЬ:

	с этим, пожалуй, можно согласиться	это безус- ловно так
(8) это - популярный жанр, театральное ревю или концертная программа	1	2
(7) он обогащает, способствует развитию художественного вкуса	1	2
(6) он дает возможность отдохнуть, развлечься, получить эмоциональную разрядку	1	2
(5) в нем есть глубина и правда раскрытия характеров	1	2
(4) он рассчитан на успех у самой широкой зрительской массы	1	2

⁹⁴ См. выше: разделы 4.2 и 4.3.

(3) это - интересный эксперимент, смелый художественный поиск	1	2
(2) этот спектакль открывает зрителю возможность для мелодраматического переживания	1	2
(1) это - настоящее, большое Искусство	1	2

Б

ПРО ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ МОЖНО СКАЗАТЬ:	театр стремился к этому, но вряд ли достиг	театру это удалось
(16) в нем поставлена серьезная и животрепещущая общественная проблема	1	2
(15) в нем раскрыта историческая правота коммунистических идеалов	1	2
(14) он будит мысль, развивает гражданские чувства и самосознание	1	2
(13) в нем утверждаются нормы коммунистической морали	1	2
(12) в нем утверждается самоценность человеческой личности	1	2
(11) в нем показана победа нового, прогрессивного над старым, отживающим	1	2
(10) он несет в себе подлинно гуманистическое начало	1	2
(9) в нем обличаются буржуазная мораль и частнособственническая психология	1	2

Для примечаний _____

В дальнейшем каждый вопрос предполагает выбор только какого-то ОДНОГО из ответов

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ...

(17) СОДЕРЖИТ ЯРКИЕ АКТЕРСКИЕ РАБОТЫ?

это безусловно так	4
с этим, пожалуй, можно согласиться	3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться	2
это безусловно не так	1

(18) ЯВЛЯЕТСЯ УДАЧЕЙ ДАННОГО РЕЖИССЕРА?

это безусловно так	4
с этим, пожалуй, можно согласиться	3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться	2
это безусловно не так	1

(19) ЯВЛЯЕТСЯ ТВОРЧЕСКИМ ДОСТИЖЕНИЕМ ДЛЯ ДАННОГО ТЕАТРА?

это безусловно так	4
с этим, пожалуй, можно согласиться	3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться	2

- это безусловно не так 1
- (18) ЯВЛЯЕТСЯ СОБЫТИЕМ В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДА?
- это безусловно так 4
с этим, пожалуй, можно согласиться 3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться 2
это безусловно не так 1
- СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСНОВА ЭТОГО СПЕКТАКЛЯ...
(пьеса, инсценировка, композиция и т.п.)
- (21) ХАРАКТЕРНА ДЛЯ РЕПЕРТУАРА ДАННОГО ТЕАТРА?
- это безусловно так 4
с этим, пожалуй, можно согласиться 3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться 2
это безусловно не так 1
- (22) ОТЛИЧАЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ДОСТОИНСТВАМИ?
- это безусловно так 4
с этим, пожалуй, можно согласиться 3
с этим, пожалуй, нельзя согласиться 2
это безусловно не так 1
- (23) С КАКИМ ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СУЖДЕНИЙ ВЫ МОЖЕТЕ
СОГЛАСИТЬСЯ?
- эта пьеса выиграла в данной постановке 3
эта пьеса не выиграла и не проиграла в данной
постановке 2
эта пьеса проиграла в данной постановке 1

Для примечаний _____

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА РАБОТУ
(Ленинград. 1976)

4.5. "Жизнь спектакля"

[В середине 1980-х усилиями Л.Е. Кесельмана и Ю.М. Барбоя, при участии О.Б. Божкова, Б.З. Докторова, Б.М. Фирсова, а также автора этих строк, вышеприведенная экспертная методика была обновлена.

Мониторинг репертуара драматических театров Ленинграда стал уже не только регулярным, но и оперативным (опрос театроведов и критиков по поводу каждой очередной ленинградской премьеры).

Ниже - текст экспертной методики, применявшейся исследовательской группой "Социология и театр" при ЛО ВТО вплоть до 1987 г.]

Всероссийское театральное общество
Ленинградское отделение
Исследовательская группа "Социология и театр"

ЖИЗНЬ СПЕКТАКЛЯ

В КАКОЙ МЕРЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ НИЖЕ СВОЙСТВА ХАРАКТЕРИЗУЮТ ПРОСМОТРЕННЫЙ ВАМИ СПЕКТАКЛЬ?

(обведите соответствующие цифры на шкале)

СУТЬ ШКАЛЫ: отсутствие данного свойства - 1 балл; если оно выражено здесь в той же мере, что и в большинстве других спектаклей различных театров - 4 балла: если сильнее - 5 или более баллов; при этом 7 баллов соответствует лишь предельно возможной выраженности свойства)

- актуальность, современность содержания	1	2	3	4	5	6	7	(01)
- качество драматургического материала	1	2	3	4	5	6	7	(02)
- метафоричность театрального языка	1	2	3	4	5	6	7	(03)
- возможность сочувствия, сопереживания	1	2	3	4	5	6	7	(04)
- возможность отдохнуть, развлечься	1	2	3	4	5	6	7	(05)
- напряженность сюжета	1	2	3	4	5	6	7	(06)
- обращенность к проблемам внутренней жизни человека	1	2	3	4	5	6	7	(07)
- обращенность к нравственным проблемам	1	2	3	4	5	6	7	(08)
- обращенность к социальным проблемам	1	2	3	4	5	6	7	(09)
- правда сценических характеров	1	2	3	4	5	6	7	(10)
- достоверность, жизнеподобие ситуаций	1	2	3	4	5	6	7	(11)
- глубина прочтения драматургического материала	1	2	3	4	5	6	7	(12)
- эмоциональная насыщенность	1	2	3	4	5	6	7	(13)
- интеллектуальная насыщенность	1	2	3	4	5	6	7	(14)
- насыщенность элементами театральной игры	1	2	3	4	5	6	7	(15)
- активность постановочных средств	1	2	3	4	5	6	7	(16)
- выразительность музыкального ряда	1	2	3	4	5	6	7	(17)
- выразительность пластического ряда	1	2	3	4	5	6	7	(18)
- выразительность сценографии	1	2	3	4	5	6	7	(19)
- глубина режиссерского решения	1	2	3	4	5	6	7	(20)
- своеобразие, свежесть художественных приемов	1	2	3	4	5	6	7	(21)
- смысловая насыщенность сценического текста (содержательность сценического целого)	1	2	3	4	5	6	7	(22)
- художественная убедительность	1	2	3	4	5	6	7	(23)
- единство актерского ансамбля	1	2	3	4	5	6	7	(24)
- выразительность актерских работ	1	2	3	4	5	6	7	(25)
в том числе _____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
_____	1	2	3	4	5	6	7	
ОБЩАЯ ОЦЕНКА СПЕКТАКЛЯ	1	2	3	4	5	6	7	

В КАКОЙ МЕРЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ...

- будет иметь успех у массового зрителя	1	2	3	4	5	6	7
- будет иметь успех у искушенного зрителя	1	2	3	4	5	6	7
- является достижением данного театра	1	2	3	4	5	6	7
- является событием в театральной жизни Ленинграда	1	2	3	4	5	6	7

(Ленинград, 1986)

[Перечитав этот вопросник, автор: а нельзя ли применить настоящую анкету и для предложенного читателю настоящей книги спектакля - "драматической социологии"? - А. А.]

4.6. ЛЕНИНГРАДСКИЕ ТЕАТРЫ И МОЛОДЕЖЬ

4.6.1. Жизнь театра в обществе и жизнь общества в театре

[Ниже – извлечения из научно-практической записки «Ленинградские театры и молодежь». Февраль 1976 г. Автор – А.Н. Алексеев, при участии В.Н. Дмитриевского, О.Б. Божкова, В. Л. Владимирова, Б.З. Докторова. – А. А.]

1. В понятие «театральная жизнь» мы включаем совокупность явлений и процессов, относящихся как к «производству», так и к «потреблению» театрального искусства. Образно говоря, театральная жизнь - жизнь театра в обществе и жизнь общества в театре. Создание нового драматургического произведения и воплощенный режиссерский замысел, творческий успех актера и зрительские аплодисменты, критическая рецензия в газете и «молва» о спектакле, театральные билеты, продаваемые «с нагрузкой» и пустующий зал - все это факты и события театральной жизни. Комплексное исследование театральной жизни предполагает выработку такой теоретической схемы, которая включала бы в себя как театр, так и зрителя и систему связей между ними.

2. До недавнего времени в исследованиях театра и публики поддерживалось отчетливое разделение труда: социологи изучали зрителя, а театроведы - театр. Для первых - сцена, а для вторых - зрительный зал оставались как бы «фоном», предпосылкой существования и функционирования предмета своего исследования, но не самим «полем» этого исследования. Сейчас наблюдается стремление к интеграции, соединению социологических и театроведческих анализов. Однако действительный синтез предполагает переосмысление самого предмета социолого-театроведческого исследования, им является ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ (в изложенном выше смысле).

3. Комплексное исследование театральной жизни есть прежде всего исследование ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕАТРА И ПУБЛИКИ, т. е. системы воздействий театра на аудиторию и системы «обратных» воздействий аудитории на театр, во взаимосвязи этих двух систем. При этом существенно важен выбор элементарной единицы - «клеточки» такого комплексного анализа. Ею, по-видимому, может быть некий элемент, принадлежащий в равной мере к сфере деятельности театра и публики. Таким элементом - относительно автономным и целостным продуктом театрального «производства» (творчества) и объектом зрительского «потребления» (восприятия) - является отдельный СПЕКТАКЛЬ.

4. Функционирование театра в качестве массового социального процесса может быть описано как деятельность по созданию (и воспроизведению) некоторого множества спектаклей - ПОСТАНОВОК, или сценических воплощений определенных пьес. Каждая

постановка имеет множество сценических ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, или разовых воспроизведений (демонстраций, показов) данной постановки (это второй смысл слова «спектакль»). Совокупность постановок конкретного театра за определенный период мы называем его РЕПЕРТУАРОМ, совокупность представлений - ТЕКУЩИМ РЕПЕРТУАРОМ.

< . . . >

Функционирование публики на том же уровне рассмотрения предстает деятельностью, направленной на восприятие и потребление множества спектаклей. На базе этой деятельности складывается массовое ОТНОШЕНИЕ К ТЕАТРУ. Отношение к театру может быть эмпирически описано как совокупность зрительских «действий» (поступков, высказываний), имеющих театральные спектакли, репертуар своим объектом.

5. Выбор спектакля (театральной постановки) в качестве элементарной «клеточки» социолого-театроведческого анализа создает предпосылки: а) для выявления социальной картины деятельности конкретного театра (или совокупности конкретных театров) с привлечением средств не только качественного, но и количественного анализа (используя данные театральной статистики и и специальные экспертные процедуры); б) для выявления эмпирически достоверной картины отношения публики к театру (через регистрацию фактов посещения и оценочных суждений по поводу конкретных спектаклей средствами опроса); в) для соотнесения этих двух картин (за счет присутствия в той и другой «спектакля» как общей единицы наблюдения, «точки отсчета» для эмпирического исследования).

Таким образом, наш выбор клеточки приобретает не только теоретический, но и методологический смысл выработки ЕДИНОГО «ЯЗЫКА» ДЛЯ ОПИСАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕАТРА И ПУБЛИКИ.

6. При изложенном подходе методическим обеспечением исследования театральной жизни в целом оказывается комплексное использование: а) экспертных процедур (позволяющих достаточно уверенно «приписать» всякой конкретной постановке тот или иной признак); б) статистических процедур (позволяющих определить суммарные «веса» каждого признака в составе репертуара); в) анкетного опроса (выявляющего отношение публики к спектаклям, составляющим репертуар).

Такой комплекс методов впервые применен в исследовании «Театр в духовной жизни современного молодого человека», проводимого группой «Социология и театр» при ЛО ВТО.

7. Одним из методических новшеств названного исследования является включение в опросный лист «сводной афиши», или перечня всех постановок профессиональных театров, функционирующих в данном регионе (городе). Респонденту предлагается отметить в этом списке те спектакли, которые он смотрел; если смотрел, то насколько понравился данный спектакль. <...> Обработка собранных данных предполагает перевод характеристик зрительского отношения к отдельным спектаклям в индексы - характеристики отношения к тем или иным сторонам, аспектам театрального репертуара (с учетом имеющихся экспертных оценок каждого спектакля по совокупности параметров).

Нам представляется, что такой способ производного измерения отношения публики к театру сам по себе имеет ряд существенных преимуществ перед использовавшимися до сих пор в зрительских опросах методическими приемами.

8. В итоге проведения всего комплекса исследовательских процедур на изложенных выше основаниях, театральная жизнь конкретного региона (города) оказывается представленной в ЦЕЛОСТНОЙ картине как совокупность обобщенных характеристик театрального «производства» и зрительского «потребления», допускающих как дифференцированный анализ, так и последующие сопоставления друг с другом. Теоретически обоснованное требование КОМПЛЕКСНОСТИ реализуется в методическом замысле упомянутого социолого-театроведческого изыскания.

(Алексеев А.Н.. Методологические и методические проблемы комплексного исследования театральной жизни / Научно-практическая конференция «Театр и зритель». Опыт и перспективы социологического исследования театра. М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1974)

4.6.2. Смотрясь в аудиторию, театр может увидеть себя

<...> Настоящая научно-практическая записка подготовлена на основе материалов комплексного социологического исследования на тему «Театр в духовной жизни современного молодого человека». Исследование проводилось в 1974-1975 гг. научно-исследовательской группой «Социология и театр», созданной при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества в ноябре 1973 г.

Исследовательская группа работала в составе: В.Н. Дмитриевский (канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. ЛГИМик) - руководитель; А.Н. Алексеев (к.ф.н., ст. науч. сотр. ИСЭП АН СССР); Б.З. Докторов, к.п.н., ст. науч. сотр. ИСЭП АН СССР); О.Б. Божков (мл. науч. сотр. ИСЭП АН СССР); В.Л. Владимиров (аспирант ЛГИТМиК). Консультировал работу группы Б.М. Фирсов (к.ф.н., зав. сект., ИСЭП АН СССР).

Исследование осуществлялось по заказу ЛО ВТО в соответствии с задачами, поставленными заказчиком. В ряду этих задач были: а) социологический анализ состояния репертуара драматических театров Ленинграда и выявление основных тенденций его эксплуатации; б) выяснение отношения ленинградской молодежи к театру, и в частности - к драматическим театрам Ленинграда; в) анализ фактических взаимосвязей драматических театров Ленинграда с молодежной аудиторией; г) социологическая оценка ситуации театральной жизни города под углом зрения «Театр и молодежь».

Для решения этих задач были предприняты: 1) экспертный опрос группы театральных критиков и театроведов; б) сбор статистических данных о деятельности драматических театров г. Ленинграда за соответствующий период; 3) социологический опрос по месту работы и учебы (1.100 чел.) Данные, собранные всеми названными методами обрабатывались на ЭВМ.

Цель настоящей записки - информировать руководство ЛО ВТО, ведущих представителей театральной общественности города, об основных социологических наблюдениях и предварительных выводах, имеющих значение для практики. При этом составители записки ограничили себя в отборе и организации материала так, чтобы практический работник театра, не вникая в тонкости «исследовательской кухни», имел возможность: а) почерпнуть фактическую информацию о каждом драматическом театре города и его связях с молодежной аудиторией; б) оценить ситуацию каждого конкретного театра на фоне общих тенденций театральной жизни Ленинграда; в) с учетом этой информации - внести определенные коррективы в свою практическую деятельность.

По нашему глубокому убеждению, социологические выводы не должны выступать непосредственными стимулами для творческих решений. Но они могут дать научное основание для организационных шагов, направленных на совершенствование деятельности театров, в частности, на укрепление их связей с молодежной аудиторией и успешное осуществление задач идейно-художественного воспитания молодежи. <...>

В подготовке материалов для настоящей записки участвовали все члены группы «Социология и театр» при ЛО ВТО. Текст записки составлен А.Н.Алексеевым.

Объекты исследования. Театр и молодежь

В 1973 г. сводная афиша девяти драматических театров Ленинграда включала 189 постановок. Суммарное количество представлений в этих театрах - около 4.500 (включая гастроли). А без гастролей, т.е. представлений, адресованных ленинградскому зрителю, - свыше 3.000. Таковы масштабы деятельности ленинградских театров, обращенной к

ленинградцам. (Здесь рассматриваются только профессиональные драматические театры, имеющие свою постоянную сценическую площадку).

В 1973 г. в Ленинграде проживало свыше 4-х млн человек. Из них молодежи в возрасте от 14 до 28 лет (комсомольский возраст) - около 1 млн. Таковы масштабы возможной молодежной аудитории ленинградских драматических театров.

Ответить на вопрос, как складываются отношения между театрами и молодежью, можно выяснив: ЧТО ИМЕННО ПРЕДЛАГАЮТ ТЕАТРЫ ЛЕНИНГРАДЦАМ, в том числе и молодежи, и ЧТО ИМЕННО СМОТРИТ МОЛОДЕЖЬ В ТЕАТРАХ, в частности, ленинградских. Разумеется, очень важно выяснить также субъективное отношение молодежи к театру, складывающееся на основании ее театрального опыта и во многом определяющее ее последующее зрительское поведение.

Источником нашего знания о том, что именно предлагается ленинградскому зрителю театрами, был особого рода опрос театроведов и театральных критиков (экспертный опрос). Пользуемся случаем выразить нашу признательность членам бюро секции театральной критики ЛО ВТО (состав 1974 г.), оказавшими исследовательской группе неоценимую помощь в качестве экспертов.

Источником нашего знания о том, что именно просмотрено молодежью в ленинградских театрах, был социологический опрос молодых ленинградцев из различных слоев населения города. Основной массив опрошенных (1.000 чел.) удовлетворяет выдвинутым требованиям представительности относительно генеральной совокупности ленинградской молодежи. Эти требования состоят в попорциональном представительстве различных групп возрастов (от 14 до 28 лет) и в соблюдении реальных соотношений основных социальных групп. Так, в нашей выборке 35 % составляют рабочие, 20 % - служащие и 45 % учащиеся (15 % - студенты вуза, 15 % - учащиеся техникума и ПТУ, 15 % - школьники).

Вместе с тем, в рамках названных условий мы стремились обеспечить то, что можно назвать «социальной продвинутостью» опрашиваемого контингента, так чтобы в его современном поведении в сфере культуры можно было угадать перспективу для всей массы ленинградской молодежи. В частности, в выборке относительно велик удельный вес коренных ленинградцев (свыше 2/3), высока доля лиц с полным средним образованием (35 %) и выше (30 %). (Следует также иметь в виду, что в нашей выборке женщины преобладают над мужчинами: 60 % против 40 %).

Обследование проводилось по месту работы и учебы молодежи в двух районах города: Калининском и Петроградском. (В качестве базовых объектов для обследования были взяты: оптико-механическое объединение им. В.И. Ленина (с его ЦКБ, техникумом и ПТУ), Ленинградский институт точной механики и оптики, завод «Электрик», несколько предприятий и учреждений непромышленной сферы, одна транспортная и одна строительная организация, одна из школ Калининского района).

Основным предметом опроса, как экспертного (театроведы и критики), так и опроса молодежи, была уже упомянутая сводная афиша ленинградских театров 1973 г. (оба опроса проводились в 1974 г., когда итоговая репертуарная таблица могла быть составлена только за 1973 г.). В задачу молодого ленинградца входило отметить в полном списке спектаклей (189) те, которые им просмотрены, и высказать свое отношение к каждому из них в виде оценки типа: спектакль понравился - не понравился. (Шкала, использованная в Анкете для молодежи «Взгляните на афишу», была 5-пунктовой: «очень понравился», «пожалуй, понравился», «затрудняюсь ответить», «пожалуй, не понравился», «очень не понравился»). <...>

Кроме того, опрашиваемому предлагалось ответить на ряд вопросов общего характера, выясняющих его отношение уже не к отдельным спектаклям, а к различным театральным коллективам, к театру вообще, к другим видам искусства и формам использования свободного времени. Наконец, собиралась социологическая информация

об условиях жизненной обстановки и некоторых обстоятельствах жизненного пути опрошенных.

Таким образом, одной из важнейших целей опроса было выявление круга фактически просмотренных молодежью спектаклей.

В задачу эксперта входило охарактеризовать каждый из известных ему спектаклей с точки зрения его жанровых и стилевых особенностей, а также его качества, идейно-художественной ценности, меры творческого успеха театрального коллектива. <...> При этом относительно каждого виденного им спектакля из 189 театральных критик должен был ответить на ряд вопросов, поставленных в форме: «Считаете ли Вы, что это спектакль...» Далее приводилось высказывание, с которым эксперт мог более или менее уверенно согласиться, либо не согласиться. (Шкала, использовавшаяся в Анкете для эксперта «Взгляд на театральную афишу» была 4-пунктовой: «это безусловно так», «с этим, пожалуй, можно согласиться», «с этим, пожалуй, нельзя согласиться», «это безусловно не так»).

Приглашенные нами специалисты проявили высокую степень заинтересованности и знакомства с текущим репертуаром ленинградских театров. (В среднем на одного эксперта приходилось около 120 просмотренных спектаклей из 189; если не считать спектаклей Театра драмы и комедии на Литейном и Малого драматического театра, которые оказались слабо известными критикам, то 109 из 148 спектаклей видели по пять и более специалистов из экспертной группы 10 чел.). Работая независимо друг от друга, эксперты показали также высокую степень согласованности мнений, иначе говоря - относительного единодушия в оценках. <...>

Указанные обстоятельства дают право производить усреднение индивидуальных результатов экспертного опроса по каждому вопросу для каждого спектакля и рассматривать эти «усредненные» ответы как фиксацию достаточно объективного и компетентного группового мнения. <...>

Именно данные экспертного опроса позволят нам в дальнейшем говорить о ТИПАХ спектаклей, позволят обсуждать структуру репертуаров отдельных ленинградских театров и сводной театральной афиши в целом, позволят выявлять не очевидные тенденции эксплуатации театрального репертуара, наконец, позволят достаточно строго судить о том, ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ ТЕАТРЫ своему зрителю, что ищут и находят в ленинградских театрах различные категории молодежи.

АКТИВНОСТЬ ПРИОБЩЕНИЯ человека к театру обычно выясняется в социологических анкетах вопросами типа: «Как часто Вы бываете в театре?». Задали это опрос и мы, в частности, о драматическом театре. 15 % опрошенных ответили, что посещают театр 1-2 раза в месяц или чаще, 35 % - 2 раза в 2-3 месяца, 35 % 1 раз в полгода и реже и 15 % ответили, что не посещают драматический театр совсем. Однако как проверить, так ли это на самом деле?

Конечно, можно принять ответ на такой вопрос в качестве показателя той или иной меры фактической приобщенности человека к театру. Однако этот показатель достаточно груб и не очень надежен.

Нами использовался другой показатель - количество просмотренных спектаклей из предложенного «полного» списка постановок, которые опрашиваемый в принципе (в идеале) мог посмотреть. «Полнота» списка в данном случае разумно ограничена рамками сводной театральной афиши одного года (1973 г.), включающей 189 спектаклей.

Оказалось, что около 15 % опрошенных видели более, чем по 30 спектаклей, около 30 % - от 30 до 16 спектаклей, около 30 % - от 15 до 7, и около четверти всех опрошенных молодых людей видели менее, чем по 7 спектаклей из сводной театральной афиши. Такова мера фактического знакомства обследованного нами контингента ленинградской молодежи с ленинградскими драматическими театрами.

Всего в 1000 анкет зафиксировано 18.100 состоявшихся «молодежных» просмотров всевозможных спектаклей из театральной афиши Ленинграда 1973 г. Это значит, что на

одного опрошенного в среднем приходится по 18 просмотренных спектаклей ленинградских драматических театров из 189 представленных в этой афише.

(Разумеется, из принадлежности спектакля к афише 1973 г. вовсе не следует, что опрошиваемый смотрел эту постановку в данном году; в сводной афише ленинградских театров около четверти постановок имеют возраст сценической жизни свыше 5 лет). <...>

Приведенный выше средний показатель знакомства опрошенных с театральным репертуаром сам по себе еще не так интересен. Важно знать, как различаются по этому показателю различные категории молодежи. Важно, далее определить удельный вес каждого из ленинградских театров в театральном опыте молодых ленинградцев.

Степень охвата молодежной аудитории различными театрами может быть измерена показателем количества просмотренных спектаклей на одного опрошенного по каждому театру. Приведем эти данные для тех театров, которые имеют вместимость зрительного зала 1000 мест и выше: Театр им. Ленинского Комсомола - 3,0; Большой драматический театр - 2,9; Театр им. Ленсовета - 2,7; ТЮЗ - 2,6; Театр драмы им. Пушкина - 2,6. <...>

Но и такое сравнение театров еще мало содержательно, пока не раскрыта СПЕЦИФИКА их молодежных аудиторий. <...>

[Здесь опущено описание специфики зрительского поведения отдельных социальных групп: инженерно-технические работники; специалисты непромышленной сферы; студенты; рабочие - активные театралы; рабочие - умеренные театралы; рабочие и служащие - не театралы; школьники; учащиеся ПТУ; учащиеся техникума; работниц- текстильщицы. Опущены также: анализ меры приобщенности разных социальных групп к отдельным ленинградским театрам; детализированный анализ социальной структуры молодежных аудиторий каждого из драматических театров Ленинграда. - А. А.]

Театры и молодежь. Сводная картина

Подведем некоторые итоги.

Репертуар ленинградских театров избирательно осваивается различными слоями ленинградской молодежи. Всякий театр имеет свою молодежную аудиторию, специфическую по социальному составу и художественным запросам. В свою очередь, любая из категорий молодежи имеет свои театральные предпочтения, относящиеся как к конкретным театрам Ленинграда, так и к отдельным типам спектаклей, иногда - к конкретным постановкам конкретных театров. <...>

В конечном счете театр своей деятельностью формирует свою молодежную аудиторию, одни слои молодежи привлекает сильнее, другие слабее, третьи как бы «отталкивает». Однако и аудитория существенно обуславливает работу театра. <...>

Из предыдущего изложения читатель мог заметить, что категории молодежи, наиболее вовлеченные в театральную жизнь вообще, как правило, лучше знакомы с репертуаром любого театра (за исключением случаев, когда театр имеет своей особой типологической функцией обслуживание определенных категорий зрителей (например, ТЮЗ) или находится в специфических условиях функционирования (например, областные театры).

Так, группы инженерно-технических работников, специалистов непромышленной сферы, рабочих - активных театралов, студентов оказываются ведущими по степени знакомства с репертуарами подавляющего большинства театров. С другой стороны, наименее развитые в театральном отношении группы (здесь - рабочие и служащие - не театралы, и, особенно, группа работниц-текстильщиц), как правило, хуже других знакомы с репертуаром любого театра.

Таким образом, выявляется важная черта молодежной аудитории театров Ленинграда - ее относительная ЦЕЛОСТНОСТЬ, имея в виду общность тенденций в

освоении всякой данной категорией молодежи репертуаров различных театров. Вместе с тем, это косвенное свидетельство целостности драматического театра Ленинграда⁹⁵, где каждый отдельный творческий коллектив выполняет свою функцию в рамках общих идейно-художественных задач.

(Если бы, скажем, были театры, которые посещались бы только одними категориями молодежи, а иные театры - только другими, и «пути» разных молодежных групп в зрительных залах не пересекались, это было бы свидетельством либо разобщенности этих групп, либо радикальных различий в задачах театров, чего у нас нет, да и быть не может).

Однако в пределах указанной целостности есть и различия. И важно увидеть эти различия, чтобы осознать реальную социально-эстетическую функцию каждого из ленинградских театров в общей их системе. Различия познаются в сравнении. И теперь мы нашли возможность сравнить театры не только по их репертуарам и способам эксплуатации репертуара [см. выше: раздел 4.2. – А. А.], но и по характеру молодежной аудитории.

Вниманию практических работников театра предлагается сводная картина **ВЗАИМООТНОШЕНИЙ** различных групп опрошенной молодежи, с одной стороны, и конкретных театров, с другой. <...>

[Здесь опущены табличные данные ранжировки социальных групп по степени знакомства с репертуаром всякого данного театра и ранжировки театров по степени знакомства с его репертуаром всякой данной социальной группы. - А. А.]

Что такое место группы среди других по степени знакомства с репертуаром театра. Это по существу характеристика ее **АКТИВНОСТИ** в посещении данного театра (в сопоставлении с другими группами).

Что такое место театра среди других по степени знакомства группы с его репертуаром? Это по существу характеристика **ОРИЕНТИРОВАННОСТИ** группы на данный театр (в сопоставлении с другими театрами).

Попробуем выяснить для каждого театра, какие группы являются наиболее ориентированными на него. Это будет означать, что данный театр сумел привлечь к себе внимание соответствующих групп, категорий молодежи, чем-то отвечает их запросам, вкусам, интересам, во всяком случае этот театр является для них **ПРЕДПОЧИТАЕМЫМ**. Это важная социальная характеристика, очевидный результат его деятельности. Далее, полезно сопоставить этот результат со степенью театральной активности соответствующей категории молодежи вообще (насколько они знакомы с репертуаром всех ленинградских театров вместе взятых) и со степенью активности этих категорий в посещении данного театра (по сравнению с другими группами).

Группа молодежи, которая лучше других знакома с репертуаром данного театра, очевидно, является **ВЕДУЩЕЙ** в его молодежной аудитории (что не обязательно совпадает с ее предпочтениями - она может быть знакома с репертуарами других театров лучше).

Из такого анализа вырисовывается целостная характеристика деятельности театра с точки зрения интенсивности привлечения и масштабов охвата определенных групп молодежи, с учетом общей театральной активности этих групп. Возникает возможность сказать - **ЧЕЙ ЭТО ТЕАТР, КАКОВ ЕГО ФАКТИЧЕСКИЙ «СОЦИАЛЬНЫЙ АДРЕС» И ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЙ МОЛОДОЙ ЗРИТЕЛЬ**. Но это есть не что иное, как определение его **ОБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ**, его роли и места в системе идейно-художественного воспитания молодежи.

Большой драматический театр является наиболее предпочитаемым у трех молодежных групп (инженерно-технические работники, рабочие - активные театралы и специалисты непромышленной сферы), которые наиболее активны в посещении

⁹⁵ Имеется в виду совокупность всех драматических театров Ленинграда. – А. А. Июль 2012.

драматических театров вообще и, естественно, опережают другие группы в активности посещения данного театра. Причем самой активной среди ориентированных на БДТ является группа инженерно-технических работников. Ее общая театральная активность делает ее ведущей в аудитории еще ряда театров, на которые она, впрочем, ориентируется меньше. Группой, достаточно активной в посещении БДТ (4-е место после названных) оказываются также студенты, ориентированные на БДТ больше, чем на любые не специфически молодежные театры. Все остальные группы, будучи менее активны по отношению к театру вообще, не столь сильно ориентированы и на БДТ.

Наиболее ориентированными на Театр Юных Зрителей предстают студенты, школьники и учащиеся ПТУ. Эти группы приведены здесь в порядке убывания их театральной активности вообще и знакомства с репертуаром данного театра, в частности. Следует за ними, по степени активности знакомства с репертуаром ТЮЗа (4-е место после названных) группа инженерно-технических работников, впрочем, ориентированная на него слабее, чем на большинство других театров (6-е место).

«Расстановка сил» в молодежных аудиториях БДТ и ТЮЗа являет как бы обратную картину друг другу. Группа, наиболее активная в посещении ТЮЗа и ориентированная на него сильнее, чем на любой другой театр (студенты) достаточно активна и в БДТ и сильно на него ориентирована; с другой стороны, группа, наиболее активная в БДТ и преимущественно ориентированная на него (инженерно-технические работники), достаточно активна и в посещении ТЮЗа (хотя не столь сильно на него ориентирована).

Итак, социально-эстетические функции двух театров - БДТ и ТЮЗа вырисовываются в картине зрительского поведения различных категорий молодежи, с учетом общей театральной активности этих категорий, уже достаточно отчетливо.

БДТ - ТЕАТР НАИБОЛЕЕ АКТИВНОЙ ЧАСТИ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ ЛЕНИНГРАДА; БУДУЧИ ТЕАТРОМ ДЛЯ ВЗРОЛСЫХ, ОН ПРЕИМУЩЕСТВЕННО УДОВЛЕТВОРЯЕТ ЗАПРОСЫ СТАРШЕГО, РАБОТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ЭТОЙ АУДИТОРИИ И ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ НАИБОЛЕЕ АКТИВНОЙ ЧАСТИ ЕЕ МЛАДШЕГО, УЧАЩЕГОСЯ ПОКОЛЕНИЯ.

ТЮЗ в своей сфере (младшие возраста, учащиеся) занимает положение, сопоставимое с БДТ. ТЮЗ - ТЕАТР НАИБОЛЕЕ АКТИВНОЙ ЧАСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ ЛЕНИНГРАДА; БУДУЧИ ТЕАТРОМ ДЛЯ ЮНЫХ, ОН ПРЕИМУЩЕСТВЕННО УДОВЛЕТВОРЯЕТ ИХ ЗАПРОСЫ И СТРЕМИТСЯ ТАКЖЕ УДЕРЖАТЬ ВНИМАНИЕ СТАРШЕГО, РАБОТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ НАЗВАННОЙ АУДИТОРИИ.

На Театр им. Ленинского Комсомола оказываются высоко ориентированными группы как работающей, так и учащейся молодежи. Однако в театральных предпочтениях последней он уступает ТЮЗу, а в ориентациях наиболее развитой в театральном отношении работающей молодежи (инженерно-технические работники, рабочие - активные театралы, работники непромышленной сферы) - Большому драматическому театру.

Зато театр им. Ленинского Комсомола первенствует в ориентациях МЕНЕЕ РАЗВИТЫХ в театральном отношении категорий молодежи. Ни один театр не является столь хорошо знакомым рабочим - умеренным театралам, рабочим и служащим - не театралам. Группа работниц-текстильщиц, которая наименее активна в посещении театра вообще, также знакома с репертуаром данного театра лучше, чем с любым другим.

Молодежные группы, наиболее ориентированные на Театр им. Ленинского Комсомола, не являются ведущими в его аудитории, в силу своей относительно низкой общей театральной активности.

Итак, ТЕАТР ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА - ТЕАТР ВСЕХ СЛОЕВ МОЛОДЕЖИ, УДОВЛЕТВОРЯЮЩИЙ ЗАПРОСЫ КАК РАБОТАЮЩЕЙ, ТАК И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ; ОДНАКО ПРЕЖДЕ ВСЕГО - ЭТО ТЕАТР РАБОЧЕЙ

МОЛОДЕЖИ В ЕЕ «СРЕДНЕРАЗВИТЫХ» В СМЫСЛЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ОПЫТА И ИНТЕРЕСОВ СЛОЯХ. (Стоит обратить внимание, что и в ориентациях рабочих - активных театралов обсуждаемый театр уступает только Большому драматическому).

ТЮЗ и ТЕАТР им. Ленинского Комсомола, каждый по-своему и со своей стороны «втягивают» молодежь в театральную жизнь и приобщают к театральному искусству. ТЮЗ осуществляет эту функцию прежде всего по отношению к подрастающему поколению, учащейся молодежи, Театр им. Ленинского Комсомола - по отношению к более зрелой в плане жизненного опыта, но не столь развитой в театральном отношении массы рабочей молодежи. Оба молодежные театра как бы готовят «зрительские кадры» для других (не специализированных с точки зрения возраста аудитории) ленинградских театров.

Нами специально рассмотрены здесь три театра, являющие собой то, что иногда называется «чистым» типом, где определенное качество (здесь - социальный адрес, реальная социально-эстетическая функция) наиболее отчетливо выражено. Остальные театры в их взаимосвязи с молодежной аудиторией могут быть рассмотрены в аналогичном «ключе». Ранее отмечавшиеся для отдельных театров тенденции предстают в сводной картине достаточно выпукло.

Выводы и предложения

Если репертуар - лицо театра, то состав его аудитории и зрительские предпочтения – это своеобразное отражение его лица. Смотрясь в аудиторию, театр может увидеть себя (так же, как зритель в театре «находит» себя).

Наш анализ показывает целостность театральной жизни и определенную взаимодополнительность социально-эстетических функций конкретных театров Ленинграда. Однако мера соответствия этих реальных функций идейно-художественным и социальным задачам каждого театра и всей их совокупности здесь не обсуждались и требует отдельного компетентного рассмотрения.

Надо сказать, что вообще эти задачи чаще всего не формулируются. Явно формулируемыми являются ОБЩИЕ ЗАДАЧИ идейно-нравственного и эстетического воспитания молодежи, активного участия театра в формировании гармонично развитой и социально активной личности в социалистическом обществе.

Но есть и задачи СПЕЦИФИЧЕСКИЕ. Будучи порождены требованиями дня, они ставятся и реализуются в практике организации театрального дела и творческих театральных поисков. Эти задачи осуществляются независимо от того, насколько ясно они были сформулированы вначале. Сама деятельность театра, то, что и как он предлагает зрителям, и что смотрит, что выносит зритель от общения с театром, и есть объективный результат выполнения этой задачи.

Эффективность деятельности театра - это и кассовый сбор, и массовая аудитория, и общественный престиж, и зрительская любовь. Однако, в строгом смысле слова, эффективность - это мера соответствия результатов целям.

Чтобы понять, какими должны быть цели, полезно посмотреть на результаты. В частности специфические идейно-художественные задачи различных театров могут быть определены только: а) с учетом имеющихся объективных результатов их прошлой деятельности; б) с учетом их взаимодействия, ситуации театральной жизни в целом.

Коллектив исследовательской группы «Социология и театр» при ЛО ВТО считает основным практическим выводом из проведенного анализа постановку вопроса О СООТНОШЕНИИ ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ТЕАТРОВ ЛЕНИНГРАДА В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ. Этот вопрос может и должен рассматриваться исследователями только совместно с практиками театра в рамках ВТО, а также на более высоких уровнях, при более широком участии лиц, осуществляющих практическую, творческую и организационную деятельность в театральной сфере.

Но для этого ПЕРВЫМ НЕОБХОДИМЫМ ШАГОМ ЯВЛЯЕТСЯ ИНФОРМИРОВАНИЕ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ГЛАВНЫХ РЕЖИССЕРОВ И ДИРЕКТОРОВ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ ЛЕНИНГРАДА СО СДЕЛАННЫМИ НАМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ НАБЛЮДЕНИЯМИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯМИ.

Следующим шагом является совместное с практиками театра и органами, направляющими их деятельность, определение специфических задач, которые должны решаться каждым театром и всей их совокупностью в плане идейно-художественного развития молодежи.

Выработка более частных рекомендаций без указанных предварительных шагов является преждевременной и свелась бы к оторванному от практики прожектерству.

(Научно-практическая записка «Ленинградские театры и молодежь». Февраль 1976 г.)

[Подробнее об этом исследовании см.: Алексеев А.Н., Божсков О.Б., Владимиров В.Л., Дмитриевский В.Н., Докторов Б.З. Театр и молодежь (Опыт социологического исследования). М: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1979. - А. А.]

4.7. ЗРИТЕЛЬ В ТЕАТРЕ ("КУДА ПОЙТИ" ИЛИ "ЧТО СМОТРЕТЬ")

[Ниже - композиция извлечений из научно-практической записки «Зритель в театре», подготовленной исследовательской группой «Социология и театр» при ЛО ВТО (март 1979 г.). Извлечения произведены из раздела II названной записки, подготовленного автором, при использовании рабочих материалов и текстов, написанных О.Б. Божковым, В.Л. Владимировым, В.Н. Дмитриевским, Б.З. Докторовым и Л.Е. Кесельманом. – А. А.]

Общая характеристика массива социологических данных

Проведенное исследование по своему типу является НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫМ. В отличие от предыдущего исследования («Театр в духовной жизни современного молодого человека»), направленного, главным образом на изучение взаимосвязей ленинградских театров с молодежью и использовавшего в качестве основного метода выборочный опрос молодежи по месту работы [см. выше: раздел 4.6. – А. А.], здесь исследование адресовалось непосредственно к зрительской аудитории ленинградских театров путем проведения сплошного опроса зрителей на конкретных спектаклях.

Основной методический документ (анкета «Вы пришли в театр...») предусматривал сбор социологической информации, позволяющей с достаточной полнотой воссоздать социальный и культурный портрет аудитории спектакля, а также - информации, характеризующей собственно театральную активность опрошенных, их зрительские предпочтения и вкусы, ценностные ориентации, относящиеся к театральному искусству, меру знакомства с репертуаром и субъективное отношение к данному театру, субъективное отношение опрошенных к только что просмотренному спектаклю.

В обследовании оказались представленными по семь весьма различных по своим драматургическим, сценическим и эксплуатационным характеристикам спектаклей в каждом из трех избранных для исследования драматических театров. Опросы проводились:

- в Театре им. Комиссаржевской, на спектаклях: «Романтика для взрослых», «Забыть Герострата», «Притворщики», «Смерть Иоанна Грозного», «Святая святых», «Играем Стриндберга», «Иосиф Швейк против Франца Иосифа»;

- в Театре им. Ленсовета, на спектаклях: «Дульсиня Тобосская», «Миссис Пайпер ведет следствие», «Старомодная комедия», «Интервью в Буэнос-Айресе», «Преступление и наказание», «Человек со стороны», «Люди и страсти»;

- в Большом драматическом театре; «Мольер», «Ревизор», «История лошади», «Дачники», «Тихий Дон», «Энергичные люди», «Цена».

Следует напомнить, что выбор именно этих театров обусловлен их типологической спецификой: все три театральные коллектива в определенной мере «свободны» от изначально заданной функции в системе ленинградских театров, т. е. их творческое лицо не определяется специфичностью аудитории (детской, молодежной, областной) или традиционной ориентацией на какой-либо репертуарный массив (комедию, русскую классику и т.д.). Таким образом, открывалась возможность обоснованных сопоставлений зрительских аудиторий разных театров.

С другой стороны вышеперечисленные спектакли достаточно полно представляют как творческие позиции и идейно-художественные ориентации каждого театра в отдельности, так и общую, панорамную картину, характерную для театральной жизни Ленинграда осени 1977 г. Общее количество опрошенных - около 16 тыс. чел. (от 600 до 1000 чел. на каждом из спектаклей) обеспечило приобретение уникального по своим масштабам массива социологических данных о театральной зрительской аудитории. <...>

О соотношении «социальных» и «театральных» факторов формирования зрительской аудитории

Нами производилось специализированное сопоставление зрительских аудиторий 9 спектаклей трех драматических театров Ленинграда. В каждом театре были отобраны по 3 спектакля, относящихся к разным типам, определенным нами как «программный спектакль», «театральный фарс» и «серьезная комедия».

В качестве «ПРОГРАММНОГО СПЕКТАКЛЯ» были взяты: «История лошади» (БДТ), «Интервью в Буэнос-Айресе» (Театр им. Ленсовета), «Смерть Иоанна Грозного» (Театр им. Комиссаржевской). В качестве образцов «ТЕАТРАЛЬНОГО ФАРСА» были взяты: «Энергичные люди» (БДТ), «Миссис Пайпер ведет следствие» (Театр им. Ленсовета), «Иосиф Швейк против Франца-Иосифа» (Театр им. Комиссаржевской). В качестве «СЕРЬЕЗНОЙ КОМЕДИИ» были взяты: «Ревизор» (БДТ), «Дульсиня Тобосская» (Театр им. Ленсовета), «Забывать Герострата» (Театр им. Комиссаржевской).

Сопоставление производилось по широкому кругу социальных, культурных и относящихся к сфере театральной активности характеристик аудитории, в данном случае - зрительских составов конкретных спектаклей.

Естественно принять, что если какая-то черта зрительской аудитории является ОБЩЕЙ для множества различных театральных представлений, значит - имеем дело с некоторой общей социокультурной закономерностью, театр «не властен» над нею, хотя, возможно, и способен сделать эту черту более или менее «рельефной». То же, в чем аудитории различных спектаклей РАЗЛИЧАЮТСЯ, является очевидным действием собственно «театральных» факторов, это - социальный результат деятельности данного театра, особой направленности спектакля и т.п.

Анализ показал, что такие общие для самых разнообразных представлений черты, как ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ ЖЕНЩИН, МОЛОДЕЖИ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УРОЖЕНЦЕВ (ИЛИ ДАВНИХ ЖИТЕЛЕЙ) ДАННОГО ГОРОДА, является результатом действия некоторых общих социокультурных факторов. <...>

Вместе с тем, в рамках этого общего «качества» повседневные аудитории разных театров различаются. В таком случае, памятуя, что особенности структуры аудитории всякого данного театра - это всегда объективный социальный результат деятельности соответствующего театра, характеристика его реальной социально-эстетической функции, можно говорить о ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ театрального коллектива

на соответствующую черту зрительского «лица». Анализ показывает, что при общем доминировании молодежи в аудитории ленинградских (и не только ленинградских) театров, функциональная направленность на молодого зрителя в Театре им. Ленсовета является максимальной, а в БДТ - минимальной. То же наблюдается для направленности на женщин в зрительном зале.

Направленность на интеллигенцию максимальна у БДТ. Этот последний театр и Театр им. Комиссаржевской характеризуются примерно одинаково высокой направленностью на уроженцев (и давних жителей) Ленинграда (проживающих в этом городе свыше 10 лет).

Функциональные направленности театров на различные уровни общекультурной и театральной активности зрителей

Функциональная направленность на зрителя, вовлеченного в посещение кино и эстрадных представлений, максимальна у Театра им. Ленсовета и минимальна у БДТ (что отвечает и возрастной специфике зрительских составов в этих театрах). Обратная картина наблюдается для направленности на зрителя, вовлеченного в посещение филармонии. Функциональная направленность на зрителя, вовлеченного в просмотр телевизионных передач, является наивысшей у Театра им. Комиссаржевской, наименьшей - у БДТ.

Сопоставление театров по данной «минивыборке» спектаклей обнаруживает повышенную функциональную направленность Театра им. Ленсовета на зрителей, активно вовлеченных в театральную жизнь Ленинграда (имея в виду количество спектаклей, просмотренных в ленинградских драматических театрах за последние 5 лет). БДТ и Театр им. Комиссаржевской предстают по этому показателю на одном и том же уровне.

Максимальной является функциональная направленность на зрителя, знакомого с репертуаром данного театра, - у БДТ, минимальна она - у Театра им. Комиссаржевской. В сопоставлении аудиторий, рассматриваемых 9 спектаклей **ДЛЯ ВСЯКОГО ДАННОГО ТЕАТРА МАКСИМАЛЬНОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ НА ЗРИТЕЛЯ, КОТОРЫЙ ЛУЧШЕ ЗНАКОМ С СООТВЕТСТВУЮЩИМ ТЕАТРОМ.**

Функциональные направленности спектаклей разных типов на различные черты социального и культурного «лица» аудитории

Подобно тому, как определялись различные функциональные направленности конкретных театральных коллективов, могут быть выяснены соответствующие направленности определенных типов спектаклей, безотносительно к тому, какому типу принадлежит спектакль. (В известном смысле «функциональная направленность» типа спектакля есть характеристика его привлекательности для определенных категорий зрителей). В данном случае речь идет о специфике аудиторий таких типов спектакля, как «программный спектакль», «театральный фарс» и «серьезная комедия». Каждый из этих сценических жанров, при всем разнообразии сценических решений и творческих манер, свойственных разным театрам, характеризуется некоторой общностью зрительского «лица» в разных театрах.

Следует оговорить, что в понятие «типа спектакля» входит не только особенность сценического жанра, но и «возраст» спектакля. В частности, все рассматриваемые «программные спектакли» были поставлены в 1975-76 гг. и имели на момент опроса по 50-70 представлений; соответственно, «театральные фарсы» были поставлены в 1973-74 гг. и имели на момент опроса свыше 100 представлений; так же свыше 100 представлений имели «серьезные комедии», поставленные в соответствующих театрах в 1972-73 гг.

Как показывает проведенный анализ, функциональная направленность на женщин в зрительном зале статистически неразличима для различных типов спектаклей. «Средний возраст» театрального зрителя в аудиториях «программных спектаклей» систематически выше, чем на иных спектаклях. Это значит, что функциональная направленность

«программного спектакля» на молодого зрителя (по сравнению со спектаклями других типов) является минимальной. Функциональная направленность на интеллигенцию максимальна у «программного спектакля», минимальна - у «театрального фарса». У первого максимальна (по сравнению со спектаклями иных типов) функциональная направленность на уроженцев (и давних жителей) данного города.

«Театральный фарс» минимально привлекателен для зрителя, вовлеченного в посещение драматического театра, оперы и балета, филармонии, и максимально направлен на активных телезрителей.

Зрители «программных спектаклей», как правило, лучше других знакомы с репертуаром данного театра (того, в котором производился опрос). Слабее всего знакомы с репертуаром данного театра зрители, опрошенные на представлениях «серьезной комедии».

Как правило, функциональная направленность на зрителя, который больше других бывал в данном театре за последние 5 лет, выше всего для «программного спектакля» соответствующего театра, и ниже всего для «театрального фарса». (Исключение составляет Театр им. Комиссаржевской, где показатель зрительской приверженности к данному театру является минимальным как раз у «программного спектакля»).

Среди спектаклей всех рассматриваемых типов у «программного спектакля» наблюдается максимальная направленность на зрителя-«ветерана» (имеющего значительный стаж посещения данного театра).

Зрители «программных спектаклей» в среднем больше зрителей спектаклей иных типов ориентированы на «образное решение спектакля», и менее других - на «возможность сопереживания с героями спектакля» и на «возможность отдохнуть, получить эмоциональную разрядку». Зато на эту последнюю максимально ориентированы зрители «театрального фарса», в свою очередь, менее остальных зрителей ценящие в театральном представлении «образное решение спектакля».

Это - свидетельства соответствующих функциональных направленностей спектаклей разного типа.

Наконец, как правило, более высоки зрительские оценки «программных спектаклей» и ниже всего оцениваются «театральные фарсы».

Театр или спектакль: конкурирующие факторы формирования зрительской аудитории (постановка вопроса)

Выше обсуждалась соотносительная роль общих социокультурных и собственно «театральных» факторов в формировании зрительских аудиторий.

Однако «игра факторов» в формировании аудитории разворачивается не только между институтом театра и его социокультурной средой. Представляет особый интерес и практически никогда не исследовался социологическими средствами вопрос о складывающемся соотношении ВНУТРИ группы театральных факторов.

Можно указать на две важнейших точки зрительского притяжения: ТЕАТР и СПЕКТАКЛЬ.

Группа факторов, объединяемых нами в понятии «специфика театра», относится как к его типологической характеристике, так и, главным образом, к общей идейно-творческой позиции конкретного театрального коллектива. При всем разнообразии репертуарных выборов, режиссерских замыслов, сценических решений, творческих удач и неудач различных постановок во всяком данном театре, зрительское поведение может определяться прежде всего тем, ЧТО ЭТО ЗА ТЕАТР. Не меньшую роль здесь играют традиция, престиж, сложившаяся зрительская «репутация» театра, все то многообразие обстоятельств, которое в зрительском сознании кристаллизуется в формулу «КУДА ПОЙТИ?».

Другая группа факторов (объединяемых нами в понятии «специфика спектакля») относится прежде всего к типу сценического произведения. При всем «не общем

выражены» лица различных театров, существует определенный, накопленный театральным искусством арсенал сценических средств, жанров и т. д., более или менее привлекательных для зрителей. Зрительское поведение может существенно определяться тем, ЧТО ЭТО ЗА ПОСТАНОВКА; в таком случае эта мотивация кристаллизуется в формуле «ЧТО СМОТРЕТЬ?». (В понятие специфики спектакля приходится также включать «возраст» постановки, к которому структура зрительского состава наверняка не безразлична).

Анализ соотносительной роли СПЕЦИФИКИ ТЕАТРА и СПЕЦИФИКИ СПЕКТАКЛЯ в качестве факторов формирования зрительской аудитории осуществлялся нами путем систематического прослеживания того, является ли структурное различие аудиторий «разнотипных» спектаклей в одном и том же театре БОЛЬШИМ или меньшим, чем соответствующее различие аудиторий «однотипных» спектаклей в разных театрах. В первом случае можно утверждать, что ведущим фактором формирования соответствующей черты зрительского «лица» театральной аудитории является специфика спектакля (сценический жанр и, отчасти, «возраст» постановки), в втором - специфика театра (творческая позиция театрального коллектива и т. п.).

Нами было выдвинуто предположение о своего рода «конкуренции» двух названных групп факторов.

Театр или спектакль: конкурирующие факторы формирования зрительской аудитории (социологические наблюдения)

В итоге проведенного анализа были сделаны следующие социологические наблюдения:

1) Для возрастной специфики аудитории, равно как и для уровня ее образованности (измерявшихся показателями «среднего возраста» театрального зрителя, «среднего уровня» образования и некоторыми другими) действие обоих факторов является сбалансированным. Представительство женщин в зрительном зале варьирует больше от специфики театра, а представительство уроженцев (и давних жителей) данного города - больше в зависимости от специфики спектакля.

2) Главным регулятором зрительского состава, рассматриваемого с точки зрения общекультурной активности (вовлеченности в различные сферы культурной жизни города), почти по всем показателям названной активности оказывается тип спектакля.

3) В отличие от общих характеристик культурной (в том числе - театральной) активности, мера приобщенности аудитории к определенному театру (имея в виду степень знакомства зрителя с его репертуаром) определяется больше спецификой театра, чем спецификой спектакля. Вообще, решающее значение для формирования «своей» аудитории, знающей данный театр, приверженной к нему, имеет идейно-художественная программа, творческая позиция (и конечно, престиж) театра.

4) Тот или иной уровень зрительских ориентаций на игру актеров, на сопереживание с героями спектакля и на постановку актуальных проблем определяется скорее спецификой театрального коллектива; уровень же зрительских ориентаций на отдых, эмоциональную разрядку и на атмосферу сценического действия детерминруется скорее спецификой сценического произведения. Оба фактора равнозначимы в формировании определенного уровня зрительских ориентаций на образное решение спектакля.

5) В «конкуренции» факторов, обуславливающих тот или иной уровень зрительской оценки только что просмотренного спектакля фактор специфики спектакля «выигрывает» против фактора специфики театра.

Из проведенного анализа явствует, что тип спектакля может успешно конкурировать с позицией театра в таких важных определениях аудитории как возрастная специфика и уровень образованности; он оказывает более заметное влияние на «лицо» аудитории театрального представления в таких его чертах, как уровень общекультурной

активности, вовлеченности в театральную жизнь, ряд ценностных ориентаций в сфере сценического искусства.

Примечательно, что для такой характеристики аудитории, как степень знакомства с репертуаром определенного театра, влияние специфики театра хоть и превалирует над влиянием специфики спектакля, однако не столь сильно, как этого можно было ожидать.

(Если отнести эти наблюдения к области индивидуального зрительского сознания и выбора, то можно сказать, что для все большего количества людей оказывается важным не то, «куда пойти», а то, «что посмотреть»).

К вопросу о полифункциональности конкретного театра

В картине нашего исследования повседневная аудитория конкретного театра предстает как некая ЦЕЛОСТНОСТЬ: черты общего в зрительских составах отдельных спектаклей всякого данного театра превалируют над их особенностями. Однако, как видно из предшествующего изложения, зрительские составы в одном и том же театре могут существенно варьировать от спектакля к спектаклю. В этом смысле повседневная аудитория ДАЛЕКА ОТ ЕДИНООБРАЗИЯ.

Повседневная аудитория театра - многолика. Но это - косвенное свидетельство «многоликости» самого конкретного театра.

Различные спектакли в одном и том же театре характеризуются различными (иногда - «противоположными») функциональными направленностями, откуда правомерен вывод о ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ конкретного театра.

Мы попытались статистически оценить меру указанной «многоликости», как меру дифференциации зрительских составов трех различных спектаклей для каждого из рассматриваемых театров.

Эта дифференциация по большинству параметров оказывается максимальной для спектаклей театра им. Ленсовета. С точки зрения «разнообразия» зрительских аудиторий этот театр представляется наиболее многофункциональным. Можно также сказать, что повседневная аудитория Театра им. Ленсовета является самой «дезинтегрированной» (в смысле структурных различий зрительских составов отдельных спектаклей).

(В свое время, при исследовании молодежных аудиторий ленинградских драматических театров (1974 г.), нами констатировалась такая отличительная особенность Театра им. Ленсовета, как его равная притягательность для различных социальных категорий молодежи, имея в виду сближение различных молодежных групп по показателю знакомства с репертуаром данного театра. Понятно, что это может быть достигнуто главным образом за счет дифференциации функций или дифференцированной адресованности различных спектаклей разным зрительским кругам).

Напротив, меньше всего различаются чертами своего социального и культурного «лица» аудитории трех различных спектаклей Театра им. Комиссаржевской. Судя по этим данным, указанный театр ближе других к монофункциональности и удовлетворению запросов не менее массового, но однородного в социокультурном отношении круга зрителей. В этом смысле можно говорить об относительной «интегрированности» повседневной аудитории Театра им. Комиссаржевской.

Промежуточное положение между названными двумя театрами в этом отношении (степень полифункциональности репертуара; степень «интегрированности» повседневной аудитории) занимает Большой драматический театр. Зрительские составы трех его спектаклей разнятся между собой не так сильно, как в Театре им. Ленсовета, однако сильнее, чем в Театре им. Комиссаржевской.

К вопросу о монофункциональности типа спектакля

Аналогичный прием был применен для оценки степени разнообразия зрительских составов спектаклей одного типа в разных театрах.

Проведенный анализ показывает, что наиболее близки в своих структурных характеристиках аудитории спектаклей, определенных нами как «серьезная комедия». Напомним, что образцами этого сценического жанра в нашей выборке являются спектакли, шедшие на сцене к моменту обследования уже около 5 лет. Можно предположить, что сближение зрительских аудиторий нарастает с «возрастом» спектакля. Напротив, наиболее отличающимися друг от друга и отвечающими особенностям данного театра, по-видимому, должны быть аудитории театральных премьер.

Впрочем, по нашим наблюдениям, «театральные фарсы» в разных театрах различаются по своей функциональной направленности на те или иные черты социального и культурного «лица» аудитории не меньше, чем «программные спектакли». Так, зрительские составы «театральных фарсов», поставленных разными театрами, различаются по уровню образованности больше, чем аудитории спектаклей любого иного типа.

С другой стороны, зрительские составы «программных спектаклей» разных театров обнаруживают наибольшие различия в степени общей театральной активности и приверженности к данному театру.

Помня, что структурные различия зрительских составов «разнотипных» спектаклей в одном и том же театре могут быть в некоторых отношениях не меньше, а даже больше, чем различия зрительских составов «однотипных» спектаклей в разных театрах, правомерна постановка вопроса об относительной **МОНОФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ** типа спектакля. Из рассмотренных типов это качество наиболее ярко выражено для «серьезных комедий» (старых спектаклей?).

Театральная жизнь: пути интеграционных процессов

«Многоликость» конкретного театра, его полифункциональность (адресованность различных спектаклей одного театра разным зрительским кругам) и относительная близость функциональных направленностей спектаклей одного типа в разных театрах, по-видимому, являются двумя сторонами одного и того же **ИНТЕГРАЦИОННОГО** процесса, совершающегося в театральной жизни города.

В чисто статистическом смысле, чем больше театры «разнообразят» свои зрительские аудитории, тем больше эти аудитории «сближаются» между собой. Если сформулировать эту мысль в терминах функциональной направленности, то полифункциональность конкретных театров и полифункциональность сценических жанров находятся в обратной зависимости.

«Оборотной стороной» разнообразия репертуаров отдельных театров в таком случае оказывается относительное «единообразие» самих театров!

Можно предположить, что зафиксированная нами картина зрительских аудиторий 9 различных спектаклей в трех драматических театрах Ленинграда является моментным срезом тенденции, состоящей как раз в **ВОЗРАСТАНИИ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕАТРОВ В СОЧЕТАНИИ С ИХ «СБЛИЖЕНИЕМ» ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СПЕКТАКЛЕЙ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТИПОВ.**

(Теоретическую основу этой гипотезы, требующей дальнейшей, углубленной проверки, составляет более широкое представление о возрастающей социокультурной однородности общества и связанной с этим «унификации» деятельности социокультурных институтов).

Мы полагаем, что такая тенденция не может быть оценена однозначно. С одной стороны, это интеграционный процесс, способствующий повышению «целостности» театральной жизни. С другой, многоликость конкретного театра в условиях большого, «театрального» города имеет своим естественным пределом утрату своего собственного творческого лица.

Материалы настоящего исследования, разумеется, не дают оснований для утверждения о том, что указанный процесс в театральной жизни Ленинграда достиг высокой степени глубины и «зрелости». Но смысл исследования как раз и состоит в том, чтобы уловить «начало» процесса, «зародыш» тенденции, во избежание ее дальнейшего стихийного и не контролируемого развития.

(Научно-практическая записки «Зритель в театре». Март 1979 г.)

[Подробнее см.: Алексеев А.Н., Божков О. Б., Дмитриевский В. Н., Докторов Б.З., Кесельман Л.Е. Зритель в театре (Социологическое исследование театральной жизни). М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1981. - А. А.]

4.8. ИСКУССТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ (К ВОПРОСУ О СИСТЕМАХ ОПИСАНИЯ)

[Ниже - текст одноименного доклада автора, подготовленного для научно-теоретической конференции (апрель 1980), которая не состоялась.

Опубликован значительно позже, в сборнике: Проблемы социального познания и управления. Томск, 1988. - А. А.]

В современной социологической литературе до сих пор не получили отчетливого разграничения представления об образе жизни социальной группы, территориальной общности, общественного класса, целого народа (в дальнейшем будем говорить - «образ жизни общества») и - об образе жизни человека, индивида, личности. Вместе с тем, в зависимости от выбранного уровня рассмотрения принципиально меняется как научный контекст, так и само содержание понятия «образ жизни».

Образ жизни группы, общности, класса и т. д., строго говоря, есть способ не «жизни», а функционирования общественной структуры, определенное состояние в процессе ее воспроизводства (= развития). Ибо слово «жизнь» в применении к групповому субъекту столь же условно, метафорично, как «функционирование» применительно к личности (хотя последнее выражение может иметь и не только метафорический смысл).

Что касается образа жизни личности, то это есть действительно способ жизни человека, определенное состояние системы его жизнедеятельности в рамках разворачивающегося во времени жизненного процесса.

В соответствии с этим не столько терминологическим, сколько понятийным различием, совершенно разный смысл приобретает трактовка места искусства в «образе жизни» человеческого индивида или общества, да и трактовка самого искусства, как такового.

В образе жизни общества (в системе его «жизнедеятельности» в смысле способа функционирования и развития) выделяется подсистема, которую можно назвать «культурной жизнью» или как-либо иначе. При этом имеется в виду вся совокупность связей и отношений между социальными институтами культуры (в том числе - художественной культуры), этими субъектами художественного производства, и их «публикой», «аудиториями», или субъектами культурного потребления.

Декомпозиция понятия «культурная жизнь», выделение отдельных ее подсистем, сторон или аспектов подводит к понятиям типа «художественная жизнь» (применительно к социальному институту искусства) или - на следующем шаге - «театральная жизнь» и т. п. Но в любом случае речь идет об определенном «срезе» (аспекте функционирования и развития) некоторой социальной системы, общественного организма.

Пусть даже в реальное взаимодействие с иным из институтов художественной культуры вовлечена лишь довольно тонкая культурная прослойка населения (например, посетители филармонических концертов в крупном городе) - было бы неправомерно

пренебречь этим аспектом при всестороннем рассмотрении образа жизни общества в целом.

В отличие от общества, взаимодействующего с социальным институтом того или иного вида искусства (с системой таких институтов) отдельными своими частями («секторами», подразделениями), взаимодействие человека и искусства имеет принципиально иную природу. Здесь нужна и совсем другая система описания, другая терминология.

Человеческий индивид - действительный субъект жизни как таковой. Его взаимодействие с искусством целостно, как сама человеческая жизнь. Он не «потребляет», а воспринимает искусство (художественным или внехудожественным является это восприятие - другой вопрос). И предметами этого восприятия являются уже не продукты «художественного производства», а произведения художественного творчества (это творчество может быть и индивидуальным, и коллективным). Культурное восприятие, эстетическое переживание, общение с искусством есть неотъемлемая (развитая или не развитая или даже вырожденная - другой вопрос) часть его, человека, жизнедеятельности, его жизненного процесса, на всяком данном этапе.

В образе жизни индивида (будем говорить также - «образ жизни личности») искусство может занимать большее или меньшее, значимое или не значимое место. Но в любом случае это будет взаимодействие с целостной личностью, «живым человеком», да и само искусство предстает здесь скорее уже не как социальный институт, а в образе конкретных творцов и творческих коллективов и создаваемых ими произведений искусства. Такое взаимодействие осуществляется как за счет деятельности самих творцов, так и за счет тех или и иных видов деятельности воспринимающего человека. Эти два разных вида деятельности часто объединяются в понятие «культурная активность» (а возможны и иные названия!), подразумевая под этим совокупность реальных контактов человеческого индивида со сферой художественной культуры, его «включенность» (вовлеченность) в культурную жизнь общества, к которому он принадлежит.

Итак, нередко смешиваемые системы описания «социального бытия» искусства требуют четкой дифференциации в зависимости от того, идет ли речь об «образе жизни» общества или личности.

В первом случае правомерно использование понятий:

- искусство как социальный институт; художественное (или шире - культурное) производство; его (этого производства) продукты; художественное (соответственно - культурное) потребление; массовая аудитория; художественная публика; территориальная общность; население; образ жизни общества; социальное функционирование; социальное развитие; и т. д.

Во втором случае уместны следующие понятия:

- искусство как творческая деятельность; творцы («художники»), творческие коллективы); художественное творчество; художественное произведение; художественное (а также внехудожественное) восприятие (произведений искусства); читатель, слушатель, зритель; образ жизни личности; жизненный процесс; жизнь (в собственном смысле этого слова).

Может показаться, что выделенные два ряда понятий не соотносимы друг с другом (ведь даже те немногие термины, которые здесь являются общими, употребляются в разных смыслах). Однако видятся и способы соединения этих рядов.

«Мост» между двумя системами описания может быть проложен, как нам представляется, не через «образ жизни» (здесь скорее неосознаваемая омонимия терминов) и даже не через «искусство» (одно дело искусство как «живая материя» художественного деяния, а другое - как способ его общественной организации, чем в конечном счете является социальный институт искусства. Связующими звеньями здесь могут стать такие понятия, как КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА, с одной стороны, и КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, с другой.

В самом деле. Культурная жизнь, скажем, города, есть подсистема (элемент) системы функционирования и развития городского населения, его (населения) «образа жизни». В свою очередь, культурная активность горожанина есть элемент системы жизнедеятельности, или образа жизни этого горожанина. Но, спрашивается, из чего складывается сама культурная (художественная и т. п.) жизнь города? Со стороны публики, аудиторий, потребляющих искусство, и личностей его воспринимающих, ее можно представить как многосложную совокупность актов культурной активности людей, населяющих этот город, собственно, это и есть объективация культурной жизни города.

Итак, концептуальные «полоса» (образ жизни общества и образ жизни личности) соединились.

В свете сказанного, вырисовывается следующая цепочка взаимопереходов и связей между понятиями:

ОБРАЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА — КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ — КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ — ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Аналогичное рассуждение применимо для понятия «художественная жизнь». Только здесь пока нет устоявшегося термина для обозначения совокупности соответствующих видов активности личности.

Предложенные понятийные уточнения продиктованы отнюдь не только соображениями терминологического пуризма. Они создают определенные гарантии против вульгарных трактовок и смешения закономерностей взаимодействия искусства, личности и общества.

(Алексеев А. Искусство и образ жизни (к вопросу о системах описания / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1988; текст датирован 1980 г.)

Ремарка: теории разного уровня

Вышеприведенная работа была попыткой теоретико-методологического обобщения исследовательских подходов, практиковавшихся в опыте группы «Социология и театр» при ЛО ВТО (70-е гг.).

При этом оказалось, что такое обобщение (обоснование?) возможно лишь в рамках более широкой социологической концепции (теории?) "образа жизни и жизненного процесса". (Июль 2000).

Постскриптум

В последние время наблюдается оживление профессионального интереса к деятельности исследовательской группы «Социология и театр» при ЛО ВТО периода 1970-1980-х гг. Причем интерес этот – не только исторический, но и методологический.

О том вкладе, который был сделан коллективом ленинградских исследователей в отечественную социологию искусства, см. в монографии: Фохт-Бабушкин Ю. У. Искусство в жизни людей. Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб.: Алетейя, 2001).

В 2009 г. вышел в свет объемный сборник, воспроизводящий публикации из ротационных изданий, подготовленных Государственным институтом искусствознания (в те годы – Институт истории искусств) и Всероссийским театральным обществом (ныне – Союз театральных деятелей) в те годы. Книга называется: Театр как социологический феномен / Отв. ред. Н.А. Хренов. – СПб.: Алетейя, 2009. – 520 с.

В этой капитальной антологии представлены следующие работы членов группы «Социология и театр» при ЛО ВТО 1970-1980-х гг.:

- Алексеев А.Н., Дмитриевский В. Н. Театр, спектакль, зритель;*
- Дмитриевский В.Н. Формирование и эксплуатация театрального репертуара и публика;*

- Алексеев А.Н., Дмитриевский В.Н. Ленинградские театры и молодежь;
- Барбой Ю.М., Фирсов Б.М. Театральное сознание;
- Алексеев А.Н., Дмитриевский В.Н. Театральный репертуар как объект социологического исследования;
- Докторов Б.З. Математико-статистический анализ театрального репертуара;
- Алексеев А.Н. Некоторые современные тенденции функционирования театра в условиях крупнейшего культурного центра;
- Божков О.Б., Докторов Б.З. Театр в системе коллективных форм культурного досуга;
- Дмитриевский В.Н. Театр, телевидение, публика.
- Докторов Б.З., Цветаева Н.Н. Телевидение и театр: поведение аудитории;
- Кесельман Л.Е. Повседневная, реальная и потенциальная аудитория.

Насколько мне известно, в том же Государственном институте искусствознания ныне готовятся к переизданию две ключевые монографии ленинградских социологов театра:

Алексеев А.Н., Божков О.Б., Владимиров В.Л., Дмитриевский В.Н., Докторов Б.З. Театр и молодежь (Опыт социологического исследования). М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1979.

Алексеев А.Н., Божков О.Б., Дмитриевский В.Н., Докторов Б.З., Кесельман Л.Е. Зритель в театре (Социологическое исследование театральной жизни). М.: ВТО, ВНИИ искусствознания, 1981.

А. А. Июль 2012

+++

Глава 5

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ, ИЛИ НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНО «ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ» ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Содержание

5.1. 49 писем как одно (минуты жизни)

Приложение

= Аспирант «Алеша»

5.2. Анкета для моих любезных корреспондентов

5.3. Суд любимых (обратная связь)

5.4. "Чужие письма как чужие окна..."

Приложение. «Письма Любимым женщинам»:

предупреждение; пояснение к оглавлению

= Театр жизни и эпистолярное хулиганство

= Закодированный архив

Ремарки:

«Благими намерениями вымощен ад...» (раздел 5.1); «Господин Журдэн говорил «прозой»...» (5.1); Конец «эпистолярного хулиганства» (5.3); Нестандартный протокол (Прилож.).

Предупреждение

*Книга: Алексеев А.Н. **Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005**, - сейчас достаточно широко известна в профессиональном кругу. Вывешена она и в Интернете:*

<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> .⁹⁶

Первый том указанной книги включает в себя, в частности, главы 2-3, которые называются: «Театр жизни на заводских подмостках (начало)» и «Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)», и в которых представлены авторские письма-дневники-отчеты друзьям периода 1980 – начала 1981 г. В этих письмах автор подробно рассказывал коллегам о своих «приключениях» на начальной стадии «эксперимента социолога-рабочего», сопровождая это разнообразными социальными наблюдениями и рефлексиями..

⁹⁶ См. также: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>. - А. А. Май 2012.

Эти тексты имели форму личного письма тому или иному конкретному адресату, однако параллельно отправлялись и другим лицам (являвшимся непосредственными адресатами того или иного письма из этой серии). Автор шутливо назвал свой сериал: «**Письма Любимым женищинам**», - и, в меру сил, обосновал такое эксцентричное предприятие в специально написанных текстах: «Предупреждение: театр жизни и эпистолярное хулиганство» и «Пояснение к оглавлению: "Закодированный архив"». (См. Приложение).

Как известно из последующих глав «Драматической социологии...», сохранявшийся автором комплект этих «Писем...» был в 1983 г. изъят у него при обыске, стал объектом экспертизы Управления по охране государственных тайн в печати (Горлит), был квалифицирован как «статьи политически вредного содержания» и т. д., дал повод для официального предостережения органов госбезопасности (нашлись и другие поводы для указанной санкции), за чем последовали: исключение из КПСС, из Союза журналистов СССР, из Советской социологической ассоциации и т. д.

Лишь в 1988 г. комплект «Писем...» был возвращен автору, а 10 лет спустя (1997 г.) впервые опубликован в книге: Алексеев А.Н. *Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)*. М.: ИС РАН, 1997, - и в других изданиях.

Публикация была достаточно полной, однако, как мог заметить внимательный читатель позднейшего издания – Алексеев А.Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, - где в разделе «Пояснения к оглавлению: «Закодированный архив»» приводится полный перечень 18 писем, адресованных «Любимым женищинам», несколько из них в свод опубликованных тогда не вошли.

Автор включил их, было, **ВСЕ** в рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.), однако в окончательном издании «Драматической социологии...» (2003-2005) все же отказался от публикации абсолютно полного цикла – по соображениям как дефицита места, так и некоторой тематической маргинальности трех писем из 18.

Маргинальность состояла в том, что они, строго говоря, были посвящены не «театру жизни на заводских подмостках», а этическим проблемам самого по себе «обобществления» авторских личных писем, хоть, как правило, и с разрешения адресатов, однако, при некотором нарушении «порога интимности» и соблюдения «неприкосновенности личной жизни» (имея в виду адресатов).

Теперь, когда прошло уже много лет со времени описанных в этих письмах предметных и этических коллизий, пожалуй, стоит вернуться к ним: и к попытке презентовать одним своим друзьям других – **через посредство собственных личных писем к этим другим**, и к «**Анкетe для моих любезных корреспонденток**» 1981 г., и к «**Суду любимых**» (обозрению ответов на эту анкету), выполнявшему роль своего рода Эпилога к «Письмам Любимым женищинам».

(Кстати, на этом жанр подобных лично-экспрессивных писем оказался для автора исчерпанным и его сменили более строгие и безличные формы «полевых дневников», «записей для памяти», эссе, а также и писем, но уже более тематизированных и никак не способных вызвать чувства неловкости адресата от того что это адресованное ему письмо прочтет и кто-то другой).

Ниже – три из ранее «выбракovaných» автором 18 «Писем Любимым женищинам», а также авторская ремарка 2000 г. по этому поводу, под названием: «**Чужие письма как чужие окна...**».

А. Алексеев. 3 июня 2012 г.

5.1. 49 ПИСЕМ КАК ОДНО (МИНУТЫ ЖИЗНИ)⁹⁷

[Персональный адресат этого письма (май 1981) - Нина Семеновна Катерли, писатель. Живет в Санкт-Петербурге. - А. А.]

Здравствуйтесь, Нина!

<...> Подарок, преподнесенный мне Виталием Дмитриевским в виде знакомства и дружбы с Вами, требует ответа. Мне подарили Друга. Я хочу подарить ему... своих друзей. Но как? Добрая половина из них за тысячи километров. Конечно, есть их письма... Но они же писались только для меня. Стало быть, я не могу свободно распоряжаться ими.

Но своими-то письмами я распорядиться могу! <...>

Обычно люди не заботятся о чужих письмах. Недавно я сообразил, что являюсь своего рода коллекционером. Оказывается, я на протяжении 25 лет складывал полученные письма в мешок, и этот мешок пережил все мои жизненные перемены и жилищные перемещения. Как-то я вытряхнул конверты из мешка и разложил их по авторам и хронологически. Такое богатство...

Многого я в жизни не берег: вещей, даже книг... Поздно сообразил, ЧТО заслуживает, а ЧТО не заслуживает сбережения. Но к рукописным строчкам относился трепетно. К чужим.

А к своим? Несколько лет назад понял, что и это имеет смысл сохранять. Но не нагружать же друзей сбережением моих писем! (А может кто-то и бережет... Такой же чудак!). Тогда я стал писать письма... под копирку. Вначале это было всего лишь способом «самоконтроля»: чего сообщал, чего нет, когда писал в прошлый раз, чтобы не повторяться. Потом мотивы углубились.

Вот так человек в эпоху Возрождения осознавал себя Личностью...

Вы улыбнулись? Спасибо. Я тоже улыбаюсь. Человек в онтогенезе повторяет «в снятом виде» перипетии филогенетического развития Человечества. (Уже приходилось, по другому поводу, это писать).

Теперь, оказывается, благодаря своей «предусмотрительности» я могу подарить Вам своих друзей - В ЗЕРКАЛЕ СОБСТВЕННЫХ ПИСЕМ. Отличие этих посланий от известных Вам «Писем Любимым женщинам» - в том, что они уж и совсем не предполагались к переадресовке. Они не выстраивались в сериал, это - продукт «минуты» (минуты жизни, не правда ли?).

Но жизнь - целостна. И возможны разные способы отображения этой целостности. Выходит, вместе со своими друзьями, я дарю Вам... и СЕБЯ, каков есть, разве что не в худшую пору своей жизни. Личность - «ансамбль общественных отношений». Неплохо сказано! <...>.

Разумеется, это выборка. Но - не «выбранные места из переписки с друзьями», а выбранные ЦЕЛЫЕ письма.

Произведенный мною отбор отвечал следующим критериям:

- 1) Если переписка с корреспондентом была регулярной, она представлена БОльшим количеством текстов.
- 2) Корреспонденты, обмен информацией с которыми в течение этих полутора лет был разовым, не представлены.
- 3) Составитель заботился отобразить также собственную жизнь на протяжении данного периода, поэтому текстам, информативным с этой точки зрения, отдавалось некоторое предпочтение.
- 4) Выборка примерно 25-процентная; по крайней мере $\frac{3}{4}$ писем сюда не вошли.

⁹⁷ Из цикла «Письма Любимым женщинам (1980-1981)». Письмо десятое.

5) Составитель старался избегать повторов, естественных в сообщении фактов и передаче собственного жизнеощущения разным людям; вместе с тем, из сохранившихся в этом собрании повторов, иногда дословных, видно, что всем корреспондентам автор «врал» одинаково.

6) Это собрание, пожалуй, отвечает сверхзадаче реконструкции образа собственного «Я», и другой сверхзадаче - представления ДРУГИХ, насколько образ этого «другого» вырисовывается из адресованного ему письма.

7) Выборка направлена на обнаружение богатств, которыми каждый из нас располагает, но иногда не отдает себе в этом отчета.

...Мне кажется, это будет близко Вашему мироощущению, угадываемому мною из Вашего лица и Вашего творчества.

Будем дарить друг другу СЕБЯ И БЛИЗКИХ. Как умеем. Вы претворяете это в рассказы. Я - в письма друзьям. Рассказы - не мой жанр...

Ваш Андр. Ал., 1.05.1981

Ремарка: «Благими намерениями вымощен ад...»

Здесь у социолога-экспериментатора, похоже, получился «перебор»!..

Сколь бы благими ни были его намерения, обнародование (хотя бы и в узком кругу) личных посланий - без согласия адресата - является акцией сомнительной. «Эпистолярное хулиганство» (в смысле соединения персонального и коллективного адреса, «обобществления» личной переписки), как автор сообразил вскоре за тем (и полагает также и сегодня!), пожалуй, перешло какую-то этическую грань.

Размышление на эту тему стало впоследствии предметом специального обращения ко всем адресатам.⁹⁸

Так или иначе, ограничусь здесь лишь немногими извлечениями из сопровождавшей тогда послание к Нине Катерли подборки текстов, названной «49 писем как одно». (Сентябрь 1999).

Дорогая Лариса!

<...> Теперь о некоторых своих новостях. Мое участие в «спектакле» твоей кандидатской защиты, которого сам я очень хотел бы, к сожалению, сейчас невозможно.

В соответствии с вынашивавшимся с лета замыслом, я с 3 января уволился из ИСЭПа и с 4 января работаю наладчиком координатного пресса на Ленинградском заводе полиграфических машин. На социологическом языке это называется «включенным наблюдением». Осуществлена эта авантюра по договоренности с руководством института, Ядовым, партийными органами. Запланирована на 2 года. Продлится ли она меньше или больше 2-х лет - посмотрим. Будем надеяться, что на этом вираже машина не слетит в кювет. Я для этого достаточно самоуверен. А «трюки» иного рода - надоели.

Понятно, что мое оппонирование на защите в этом положении покажется одинаково неуместным как председателю Ученого совета, так и начальнику цеха, в котором я работаю. При встрече обсудим другие варианты. *[В то время социолог-рабочий предполагал, что его совместительство в академическом институте, после перехода на завод, не состоится. - А. А.]*

Из других новостей. Г. Ж. дописывает свою диссертацию. Не помню, писал ли я, что Саша защитился осенью.⁹⁹

Пока все. Все ждут Тебя в Ленинграде. Соскучились.

⁹⁸ См. ниже: раздел 5.2.

⁹⁹ «Саша» - Александр Васильевич Седов. См. о нем ниже: глава 14.

<...> (Из письма к Л. Солоницыной. 6.01.1980)

[Это письмо адресовано Ларисе Семеновне Солоницыной, искусствоведу и социологу, занимавшейся проблемами взаимодействия актера и публики и актерского «имиджа».

Закончив во второй половине 1970-х аспирантуру Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, Л. С. работала старшим научным сотрудником в Ленинградской высшей профсоюзной школе культуры, потом завлитом театра. Лариса Солоницына трагически погибла в 1989 г. - А. А.]

<...> Мотивы, выходящие за рамки исследования как такового («включенное наблюдение», переосмысленное как «наблюдающее участие»; здесь не только игра словами!), у меня действительно имеются. Наряду с «научно-гражданственным» (если угодно), есть «лично-экзистенциальный» мотив (этакое переустройство собственной жизни, не без авантюризма).

Но... смею утверждать, что за этим не стоит какого-либо еще (потаянного) намерения. Нет среди мотивов моего перехода на завод такого, который я не мог бы **ОБЪЯВИТЬ** - не только в личном письме, но и публично. Парадоксальность ситуации состоит, пожалуй, в том, что я говорю, что делаю, и делаю, что говорю. Сейчас к этому начинают привыкать на заводе, как когда-то привыкли в институте...

Про свою же нынешнюю жизнь ограничусь заявлением, что она «прекрасна и удивительна», о чем подробнее лучше при встрече, просто за недостатком времени на большое письмо.

«Контракт» между мною и различными социальными институтами (научным, идеологическим, производственным) заключен на 2 года, впрочем, не контракт, точнее - джентльменское соглашение. Не исключено, что я захочу его продлить...

Вероятно, с апреля будет оформлено совместительство в ИСЭПе (инициатива Ядова, вопрос согласован во всех инстанциях). Нежданно-негаданно, я «ловко устроился». Пока же, вопреки ожиданиям, интенсивность и продуктивность моей «традиционно-научной» деятельности, осуществляемой в свободное от «основной работы» время, не снизились, а увеличились.

В общем, имеет место явление, шутливо названное кем-то «феноменом А.». Только, в отличие от той женщины, которая видит пальцами, но не может объяснить, как это у нее получается, я, кажется, мог бы на досуге объяснить.

На днях успешно защитилась Инна.¹⁰⁰ Это - замечательно.

<...> (Из письма к Ю. Д. 3.03.1980)

[Кто же это - Ю. Д.? Текст данного письма (как и всех остальных, цитируемых здесь) сохранился у меня в перепечатке, где употреблялись только инициалы. И вот, 20 лет спустя, не удастся определить, кому именно это письмо адресовано... - А. А.]

<...> Я не склонен оспаривать любую из возможных интерпретаций моей авантюры, кроме, разве что, диссидентской. Живется и дышится нынче на удивление (впрочем, сам не удивляюсь!) славно.

Человек со сложившимся характером и жизненной позицией в принципе сохраняет и обнаруживает их в любой ситуации. Но даже мне самому трудно было предположить, что уже на второй месяц я буду вести себя на заводе примерно так же, как в институте.

¹⁰⁰ «Инна» - Розалина Владимировна Рывкина. См. о ней ниже.

Кстати, сам метод включенного наблюдения я позволил себе переосмыслить как «наблюдающее участие», при котором субъект строит свои отношения с системой активно и наблюдает не только ее естественный ход, но и последствия собственных действий с нею.

<...> (Из письма к Т. Дридзе. 5.03.1980)

[Тамара Моисеевна Дридзе (1930-2000) – доктор психологических наук, профессор, впоследствии - руководитель Центра социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий Института социологии РАН. Т. Д. - адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», а также автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. - А.А.]

<...> В новой жизненно-трудовой ситуации чувствую себя неплохо. «Народ» теперь не тот, что в XIX веке, но и «интеллигент» - не тот. А что касается «хождения в народ», то оно уже стало массовым.

Правда, каждый это делает по-своему. Я вот, как видишь, с социологическим уклоном. <...>

Пока остается время и для «внезаводских» сюжетов. Недавно закончил большой отчет «Человек, его работа и жизнь на БАМе» начатый еще в ИСЭПе.¹⁰¹

Кроме того, тружусь в известной Тебе группе «Социология и театр» при ЛО ВТО. После отъезда Виталия *[В.Н. Дмитриевский. - А. А.]* в Москву нашу театральную-социологическую группу возглавил Б.М. Фирсов.

До сих пор исследовали преимущественно структуру и динамику театрального репертуара, анализировали зрительское сознание и поведение. Теперь же готовим новую исследовательскую программу: анализ «театрального сознания».

Планируется опрос не зрителей, и не театральных критиков (как было до сих пор), а самих деятелей театра - режиссеров и актеров.

<...> (Адресат неизвестен. Март 1980)¹⁰²

<...> Рассматривать этот «экстравагантный» шаг *[переход на завод в качестве рабочего. А.А.]* следует не как экскурсию, а как новый способ жизни, планируемый мною в данном случае на несколько лет.

<...> (Из письма к В. Секерину. 6.04.1980).

[О Викторе Павловиче Секерине - см. ниже, в этом разделе. - А. А.]

<...> Б. Докторов хочет затребовать Тебя в Ленинград, по ВТО-шной линии. <...> Из новостей внешних: с 1 апреля я зачислен на полставки ст. н. сотр. в ИСЭП, так что – «ловко устроился». Впрочем, пока это не мешает мне разрабатывать методологические основы и научно-практические приложения той новой отрасли отечественной науки, которую я склонен назвать «драматическая социология»¹⁰³ (Ты не возражаешь?).

¹⁰¹ См. выше: глава 2.

¹⁰² Настоящий текст был добавлен в собрание писем позже. – А. А. Июль 2012.

¹⁰³ Кажется первое, спонтанное употребление выражения «драматическая социология», в контексте наших с В. Дмитриевским тогдашних занятий «социологией театра». Это словоупотребление (аж в апреле 1980 г.!) было впоследствии прочно забыто автором и случайно обнаружено в архиве В. Д. 30 лет спустя.

Чувствую себя по-прежнему отлично и волею управляемого Провидения начинаю полноправно входить в клан рабочей аристократии» (без шуток!). Но об этом обо всем - при встрече

<...> (Из письма В. Дмитриевскому. Апрель 1980) ¹⁰⁴

[Виталий Николаевич Дмитриевский – доктор искусствоведения, профессор. В 1970-х гг – руководитель исследовательской группы «Социология и театр» при ЛО ВТО. Живет в Москве. См. о нем также выше: раздел 4. – А. А.]

<...> Не от «жадности» люди пропадают, а от «жалости» потерять имеющееся. И еще - от «вписанности» в социальный механизм. Ты можешь эту вписанность минимизировать, постепенно ограничивая связи и обязательства. Цель - не только психологический комфорт, но и физическое здоровье.

Самые мудрые решения - решения ОТКАЗА. Возможен отказ от Ун-та в пользу Ин-та, возможно и наоборот. Возможен отказ от очередной брошюры, ради будущего исследования... Тут Тебе самой, на месте, виднее. Отказ от «частностей» равнозначен обретению целостности, часто с гармоничным развитием тех же частностей, но в новом качестве... (Переструктурирование жизни?).

Разумеется, «бросать» надо вещи и дела только законченные. Ну, скажем, не нынешних дипломантов оставлять, а НОВЫХ не брать... И т. п.

...Из «мнимого больного» я, кажется, превратился в большого психотерапевта (= гипнотизера). Но «гипнотизировать» лучше face-to-face, а не в письмах.

<...> (Из письма к Р. Рывкиной. 2.05.1980)

[Розалина Владимировна Рывкина - доктор экономических наук, профессор. Р. Р. – адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», публиковавшихся в томе I ДСиСА, а также автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. Живет в Москве. – А. А.]

<...> Что касается опасности «падения интереса» возлюбленных к моему эпистолярному творчеству, то это меня не тревожит. В человеке столько всякого намешано, что сколько ни «обнажайся», еще чего-нибудь всегда останется. Или возникнет.

<...> (Из письма к С. Минаковой. 22.09.1980)

[Светлана Федоровна Минакова - кандидат философских наук, доцент. С. М. - адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», а также автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. Живет в г. Кировске, Мурманской обл. См. о ней также выше: глава I. – А. А.]

<...> Мы все время занимаемся автоцензурой, с учетом внешних требований цензуры, которая часто сама не знает, чего хочет. Нехай «цензура» (в широком смысле) сама ПОРАБОТАЕТ, с учетом того, что МЫ... можем и фыркнуть. Глядишь - у нее пропадет охота уродовать (да и самой уродоваться!). И кончится дело десятком абзацев выкинутых, да парой цитат вставленных.

Вот и все наше «дистанционное управление» снизу...

¹⁰⁴ Настоящий текст был добавлен в собрание писем позже. – А. А. Июль 2012.

Смотри сам, конечно. Только, умоляю, не ввязывайся в обсуждение частных (да и важных вещей!), пока ОНИ сами не поработают над твоей рукописью и не убедятся, как же трудно ее «поправить».

«Вы работайте, а мы посмотрим...» - это НЕ ТЕБЕ ДОЛЖНЫ ГОВОРИТЬ, А ТЫ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ.

Что же касается моральной стороны дела, то Ты не в долгу, отредактировав «для них» целый том.

<...> (Из письма к В.Шейнису. 26.09.1980).

[Виктор Леонидович Шейнис - доктор экономических наук, профессор. Впоследствии – видный общественный деятель, депутат Государственной думы РФ нескольких созывов. Один из соавторов методики «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978).¹⁰⁵ Автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. Живет в Москве. - А. А.]

<...> Поскольку координатно-револьверный пресс, который я обслуживаю, на заводе единственный, оказался я, довольно скоро, «рабочим аристократом» - сам себе наладчик, технолог, ремонтник, механик. Чувствую себя в новой роли недурно... Никаких масок на себя не напяливаю, «происхождения» своего не скрываю, а просто делаю свое дело (производственное) и с интересом наблюдаю, что же будет, если стараться делать его ХОРОШО...

Это, кстати, самый страшный «тест» для Системы. Она его выдерживает со скрипом...

Так что перемены мои - все к лучшему. Еще года полтора я буду в своем нынешнем социальном качестве. Потом надо будет принимать дальнейшие решения. Предполагается, что вернусь в ИСЭП. Скорее всего, так и будет...

Шутя прозвал себя «социологом-наладчиком», а также - «членом-корреспондентом» института Академии наук. В последней формулировке не только шутка, но и точность.

В целом же, достигнутым соединением Жизни, Науки и Театра, я на сегодня удовлетворен. Соединение, пожалуй, не механическое, а интегративное. На заводе - «играю, исследую, живу».

Ну, а в науке нашей, точнее - в научных институтах, ничего хорошего, по-моему, не происходит. Душно, и всем тошно.

<...> (Из письма к Ю. Вооглайду. 23.10.1980).

[Юло Вооглайд – эстонский социолог, кандидат философских наук, доцент, в 1970-х гг. – руководитель социологической лаборатории Тартуского университета. Впоследствии – видный общественный деятель Эстонской республики. Живет в Таллинне. - А. А.]

Ремарка: «Господин Журдэн говорил «прозой»...»

Итак, «формула разгильдяйства»: «незаинтересованность, некомпетентность, безответственность».

Формула «драматической социологии»: «жизнь, наука, театр» («играю, исследую, живу»).

¹⁰⁵ См.: ДСиСА – 1, раздел 1.3.

В 1980-м автор этих строк еще не был знаком с Рэмом Георгиевичем Баранцевым (см. о нем в ДСуСА – 2, раздел 8.12 и др.), не успел стать адептом «тринитарной методологии», не слыхивал о «системных триадах»...

Вместе с тем, попытки авторских обобщений здесь - стихийно (неосознанно) тернарны («троичны»). Не так ли, Рэм?

...Вот так и господин Журдэн, у Мольера, говорил «прозой», сам того не подозревая... (Май 2000).

<...> Желая Вам конфликтовать эффективно. То есть - максимизируя отношение: РЕЗУЛЬТАТЫ / ЗАТРАТЫ. Впрочем, Вы, вероятно, так и делаете...

Я продолжаю пребывать в порядке, пытаюсь соединить в своей жизнедеятельности Науку, Производство и Театр.

<...> (Из письма к Н. Беловой. 10.11.1980).

[Нина Яковлевна Белова - социолог, кандидат философских наук. Живет в Новгороде. - А. А.]

<...> Практика (попытки) задания ОБРАЗЦОВ деятельности (научной, жизненной, любой!) как будто обнаруживает свою эффективность. Последняя оказывается тем выше, что восприятие и последующее использование этих образцов часто происходит у людей неосознанно... Улавливаешь мою «жизненную стратегию» переустройства мира («вокруг себя»)?

...Вот и станок, вопреки массовым ожиданиям, на днях был мною запущен, в соответствии со всеми требованиями технического паспорта. Видели бы вы, что творилось вокруг этого события в цехе!

<...> (Из письма к В. и Е. Дмитриевским. 16.11.1980).

[Екатерина Романовна Дмитриевская – театровед и театральный критик, супруга В.Н. Дмитриевского. Живет в Москве. - А. А.]

<...> Прощаю Тебе ехидные намеки насчет некоторых древнегреческих философов... Мне не грозит ни Казнь, ни Вошь, разве что помру как Хрисипп. *[Как сообщает автору его корреспондент, философ Хрисипп умер... от хохота. А.А.]*

Что же касается «больших» анкет и «больших» исследований, то они служат скорее для создания диссертаций и монографий, чем для постижения действительно интересующих исследователя вопросов. Для «большого» исследования - надо иметь лабораторию, иначе куча информации лежит потом мертвым грузом. Мы же с Тобой ею (лабораторией) обзаводиться пока не собираемся...

Вообще, «романы» - удел профессионалов и графоманов. Лучше быть хорошим новеллистом, чем плохим романистом.

<...> (Из письма к С. Минаковой. 28.11.1980)

<...> Вот прочитал я Ваш с Л. «Производственный потенциал» и подумал: «И не лень им было все это писать!..» А ведь статья-то добротная... Только - с-к-у-ч-н-о! Не мой это нынче жанр. Просто... каждый должен делать СВОЕ дело. Кесарю - кесарево, а

слесарю - слесарево. Без тени самоуничижения, я склонен относить себя к последней категории.

Может, я и огорчу авторов этим отзывом. Но мне «Потенциал...» показался аэростатом, которому балласт мешает взлететь. Но... убери «балласт», и статьи, пожалуй, не будет. Так что эти издержки следует относить за счет не авторов, а - жанра. Нельзя появляться в обществе без штанов. Но всякое время и место диктует свой их фасон.

<...> (Из письма к А. Назимовой. 18.01.1981)

*[Алла Константиновна **Назимова** - кандидат экономических наук, доцент. А. Н. – адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», опубликованных в томе I ДСиСА, а также автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. Живет в Москве. – А. А.]*

<...> Может, и стоит завязывать с журналистской «поденщиной».

Но Ваш дар публициста зарывать в себе было бы не по-хозяйски. Вот и остается искать наилучшую точку приложения сил, не обязательно давая «зарок молчания».

На мой «пример» ориентироваться вполне никак нельзя: слишком исключительно сложившееся у меня благоприятное стечение обстоятельств. Так что боюсь оказаться для Вас еще одним «стимулирующим фактором». Это было бы, пожалуй, бессовестно.

<...> (Из письма к В. Г. 27.02.1981)

[В. Г. – предположительно, Владимир М. Герчиков, воронежский журналист. См. о нем: ДСиСА -3, раздел 17.6. – А. А.]

<...> Твое последнее письмо... удивительно хорошо демонстрирует разнообразие способов ОСМЫСЛЕННОГО существования... Что касается не исчерпанных резервов прикладной социологии, то я вообще склонен думать, что общественно-значимый эффект социологической деятельности образуется произведением (в математическом смысле) отдаленности от академических сфер и Личности социолога. Поскольку у Тебя оба параметра благоприятствуют (значения «сомножителей» высоки), вот и эффект...

Итак, ДА ЗДРАВСТВУЮТ ТОМЫ СОЙЕРЫ, КОТОРЫЕ КРАСЯТ ЗАБОР! Очень про Тебя эта притча...

Тебе нравится писать письма... А мне нравится их читать. Может быть, письма - как раз самое ценное, что после нас останется.

<...> (Из письма к Л. Дудченко. 28.02.1981)

*[Людмила Кирилловна **Дудченко** – кандидат философских наук, доцент, в ту пору – промышленный социолог, впоследствии – специалист по управленческому консалтингу. Л. Д. – адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», опубликованных в томе I ДСиСА, а также автор ряда помещенных в ДСиСА текстов. Людмила Дудченко скончалась в 2009 г. – А. А.]*

Здравствуй!

<...> Мы продолжаем интервью с главными режиссерами ленинградских театров.

106

¹⁰⁶ Речь идет об исследовании «театрального сознания», предпринятого тогда исследовательской группой «Социология и театр» при ЛО ВТО. Об этой группе см. выше: глава 4.

Посылаю Тебе свободную копию записи одной из экспертных бесед. Ты без труда вычислишь кто это... Всего успели встретиться с троими главными режиссерами ленинградских театров. В О. я почувствовал «родную душу». Ф. и К., разумеется, очень яркие личности.

...Ты так щедр, когда вливаешь в меня разнообразную культурно-эстетическую информацию (как хотя бы в последнем письме). Я же, как обычно, воспринимаю из твоих рассказов о театральной жизни - больше Интонации, чем Содержание.

Но и содержание, похоже, тоже проникает в меня, как в гипнотическом сеансе.

<...> (Из письма к Г. Ж. 28.02.1981)

[Г. Ж. – кандидат искусствоведения, доцент. Адресат нескольких «Писем Любимым женщинам», опубликованных в томе 1 ДСиСА. Живет в крупном сибирском городе. - А. А.]

<...> Я пребываю в наилучшем порядке (научном, производственном, жизненном). Жизнь - разнообразная по формам деятельности и полифункциональная в каждой из отдельных форм. На подробные описания ее (жизни) сейчас нет времени, а свободных экземпляров научных отчетов и т.п. - сейчас нет под рукой...

Журналистско-социологическую братию (а какое же в русском языке есть соответствующее слово от корня «сестра»?) может развлечь сочинение, опубликованное в № 9 журнала «Литературное обозрение» за 1980 г.¹⁰⁷ Посмотри при случае.

Поздравлять Евгения Павловича¹⁰⁸ с недельным опозданием, уже поздно. Так что просто - при случае - мой ему привет и добрая память. Храню к нему тепло, признательность и Верность.

<...> (Из письма к Л. Свитич. 28.02.1981).

[Луиза Григорьевна Свитич - кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Московского университета, социолог. - А. А.]

<...> Подумайте о названии моего параграфа в вашей коллективной монографии. Строго говоря, Ленин исследовал не прессу как таковую, а соотношение политических сил в рабочем движении (в зеркале статистики рабочих сборов на поддержание различных социал-демократических изданий). Я бы предложил вместо «Анализа содержания газетных публикаций в работах В.И.Ленина 1912-1914 гг.» - «Качественно-количественный анализ газетной информации в работах В.И.Ленина...». Что отвечало бы сути дела.¹⁰⁹

...Сердечное спасибо за добрые слова и пожелания. Мой «главный эксперимент» представляется мне не «уникальным», а заурядным, нормальным, разве что в социально-исследовательских нормах не нынешней, а следующей половины этого десятилетия. Впрочем, только ли в исследовательских нормах.

<...> (Из письма к О. Масловой. 29.03.1981).

¹⁰⁷ См. выше: глава 1.

¹⁰⁸ Евгений Павлович Прохоров (1931-2011) – доктор филологических наук, профессор, создатель и многолетний руководитель лаборатории социологии журналистики Московского университета.

¹⁰⁹ См. об этом ниже: глава 10.

[Ольга Михайловна Маслова – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Живет в Москве. - А. А.]

Дорогой Толя!

<...> Пишу Тебе сейчас, за дефицитом времени, чисто функциональное, деловое письмо.

Ты, наверное, слышал от меня о Викторе Секерине, который сейчас живет в Красноярске. Ситуация примерно такая, как у Леонида Барденштейна: тот и другой собираются из Сибири перебраться куда-нибудь на Юг или на Запад.

В. С. - доцент по научному коммунизму, с десятилетним или около того стажем, к.ф.н., великолепный лектор-международник, имеет опыт заведования кафедрой и т. д., и т. п., прекрасные характеристики и послужной список.

Покидает Красноярск, вернее ищет способа покинуть, отчасти из-за конфликта с высоким местным тузом, хотя, строго говоря, и не конфликт, а начальственная неприязнь по поводу того, что В. С. не замял уголовное дело, возбужденное против одного из сотрудников своей кафедры, а сотрудник-то этот - дружок того туза.

Но ни в каких документах эта «неприязнь», понятно, не отражена, а В.С. имел неосторожность уволиться по собственному желанию, и сейчас вообще без работы (в этом, конечно, от Л. Б. отличие). В Красноярске у него - прекрасная квартира, которую можно менять, устроившись на новом месте сначала одному, без семьи.

В. С. - мой старый и близкий друг, очень хотелось бы ему помочь. В профессиональном плане для любой философской кафедры это было бы приобретением. Он еще и работающ как вол.

Вдруг - эта моя информация представит для Тебя интерес? Кроме всего прочего, В. С. - организатор уникального социального эксперимента в районной газете (описанного в его диссертации начала 1970-х гг.), он мог бы потянуть и конкретно-социологическую проблематику, при надобности.

Полагаясь на отсутствие необходимости в «дипломатии», поскольку мера дружеских связей между В. С. и мною и между нами с Тобой абсолютна, прошу Тебя: а) если никаких перспектив для В. С. в Алма-Ате нет, черкнуть об этом мне; б) если же есть предмет для разговора, - черкнуть одновременно и мне, и В. С., чтобы тот сообщил подробнее свою ситуацию: чего хотел бы, чего смог. Его адрес: <...>.

Прошу о таком непосредственном контакте, который Тебя не обяжет, ежели потом дело не сладится, зато ускорит дело, в чем сам В. С. очень заинтересован. Для обеспечения полной взаимной открытости отношений, я посылаю копию этого письма – Виктору Секерину.

Так как вы с ним лично не знакомы, прошу Тебя бросить ему короткое запрашивающее информацию письмо только в случае, если возможность вакансии в Алма-Ате для него НЕ ИСКЛЮЧЕНА. Если же ничего нет, он и сам поймет, ввиду отсутствия известий, или от меня узнает, когда Ты сообщишь мне об этом.

...Уж прости за такое «самоуправство» в установлении контактов между своими друзьями. Мне показалось так лучше, чем писать Тебе, получать от Тебя согласие, чтобы В. С. Тебе написал, затем - сообщать ему об этом, и т.д.

<...> (Из письма к А. Бородину. 29.03.1981)

[Анатолий Михайлович Бородин - социолог, кандидат философских наук, доцент. В ту пору - жил в Алма-Ате. Ныне живет в Екатеринбурге.]

Виктор Павлович Секерин - социолог, кандидат философских наук, доцент (ныне покойный). В ту пору - жил в Красноярске.]

Об эксперименте, организованном Виктором Секериным в районной газете, во время его работы редактором Заиграевской газеты «Вперед» в Бурятии (конец 1960-х - начало 1970-х гг.), т. е. по существу, в качестве «наблюдающего участника», см. ниже: глава 10. - А. А.]

Дорогой Леня!

<...> Спасибо Тебе за твою готовность написать Виктору Секерину. Даже если твои рекомендации ему не пригодятся, дружеское внимание, в нынешней его ситуации, будет ему очень приятно.

Еще: уж не знаю, не «предал» ли я Тебя, связав также и его с Анатолием Бородиновым (на тот же предмет!). Твоя ставка, главная, сейчас, как будто - на Томск. Но даже если Ты вернешься когда-нибудь к Алма-Атинскому варианту, то вряд ли возжаждешь преподавать научный коммунизм (что как раз отвечает интересу и опыту Виктора). Так что «конкуренции» друг другу вы - всяко - не составите.

...Обсуждение моего отчета в ИСЭП закончилось (опускаю подробности) «принятием к сведению» («одобрить» - у Ученого совета рука не поднялась!). После чего Президиум АН дал согласие на продолжение совместительства социолога-наладчика в академическом учреждении, на полставки старшего научного сотрудника. Так что, второй год совместительства мне теперь обеспечен.

Есть чему улыбнуться, равно как и пожать плечами. Вот уж неисповедимы пути отечественной науки!..

<...> (Из письма к Л. Барденштейну. Апрель 1981)

*[Леонид Абрамович **Барденштейн** – социолог, кандидат философских наук, доцент (ныне покойный). В ту пору Л. Б. жил в г. Юрга, Кемеровской обл. - А. А.]*

Дорогой Толя!

<...> Признаться, я растроган твоим письмом в два адреса - мне и моему «протезе» [В. Секерину. – А. А.], под копиру. СПАСИБО! Откликнулся ли Виктор Секерин на это письмо? Я пока никаких новостей от него не имею.

Мы - без перемен. Неля ¹¹⁰ скоро должна уйти в докторантуру. Я - продолжаю свои социолого-производственные игры...

Еще и еще раз - спасибо за тепло и отзывчивость к моему другу и нашему коллеге. Очень должно было согреть его твое письмо...

А если бы дело выгорело - для всех отлично было бы.

<...> (Из письма к А. Бородинову. 24. 04.1981)

Здравствуй!

<...> Ну что за прелесть - твой автореферат! Истинное соединение науки, искусства и гражданственности. По-божески, надо бы Тебе его вернуть. Но я сделаю это чуть позже... Мне хочется показать его нескольким Друзьям и Любимым. Не «дать» почитать, а прочитав вслух, и... раскрыть твое инкогнито, в качестве адресата писем социолога-наладчика.

¹¹⁰ Нелли Алексеевна Крюкова – в ту пору супруга автора.

Мои единственные на все 30 стр. пометки на полях относятся только к 2-м страницам. <...> Не дай бог, твой научный руководитель или кто-нибудь еще станет «улучшать»...

Ну, и Г. Ж.! Савина советского театроведения...
Гордый причастностью,
Андр. Ал.

(Из письма к Г. Ж. 6.04.1981)

[Вскоре за тем Г. Ж., бывшая аспирантка Ленинградского госуниверситетского института театра, музыки и кинематографии, приехала в Ленинград и защитила в Ученом совете этого института кандидатскую диссертацию о русском драматическом театре 1980-х гг. XIX века. После чего вернулась в сибирский город, где стала преподавать искусствоведение в вузе.

К сожалению, сведений о Г. Ж. за последние 10 лет у меня нет. Посланное ей несколько лет назад письмо, по-видимому, адресата не нашло. - А. А. 2000]

Приложение

Аспирант «Алеша»¹¹¹

Несколько вступительных слов

Адресат нижеследующих двух писем (1981) - Владимир Николаевич Дьяченко - социолог, кандидат философских наук, работал в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск), потом - в Дальневосточном научном центре СО АН СССР (г. Благовещенск).

К сожалению, последние лет 10-15 мы с В.Д. не виделись.

Во второй половине 1970-х В. Дьяченко руководил исследованием отношения к труду и социальной адаптации строителей Байкало-Амурской магистрали.¹¹² Это исследование осуществлялось совместно - ИИФиФ СО АН СССР и ИСЭП АН СССР.

Осенью 1977 г. мне довелось, вместе с В. Д. участвовать в социологической экспедиции на Центральный участок БАМа, в ходе которой был проведен массовый опрос по разработанной нами совместно методике «Строитель БАМа».

Среди участников экспедиции был и аспирант А. Г. («Алеша»). (Сентябрь 1999).

А. Алексеев - В. Дьяченко

Дорогой Володя!

Письма - лучший из твоих жанров. Ты, кажется, этого еще не осознал. <...>

Сейчас же - нам предстоит обсудить одну научно-этическую проблему. В конце марта я получил бандероль с диссертацией А. Г. На следующий день после того, как я сей труд освоил (первые числа апреля), и еще не успел отойти от приступа возмущения, мне сообщили, что А. Г. звонил в ИСЭП - узнать, получил ли я его том.

Я отреагировал телеграммой: «Отзвиз вышло на днях. Хочу выслать Вашу диссертацию Владимиру Д. Телеграфируйте свое согласие». В ответ получил телеграмму с благодарностью и сообщением, что на днях Тебе будет выслан усовершенствованный вариант, откуда следует: в моих посреднических услугах не нуждаются. Тогда я отбил

¹¹¹ Из личной переписки (весна 1981). Об аспиранте «Алеше» см.: ДСиСА – 1, раздел 3.4.

¹¹² См. выше: глава 2.

телеграмму Тебе с просьбой сообщить о получении от А. Г. текста диссертации (на что Ты, в свою очередь, оперативно отреагировал: мол, не получал).

Я вообще-то не люблю, когда мне предлагают читать текст, который одновременно переделывается для последующей демонстрации другим. Но это уже попугайный сюжет (такого Алеша в своих «университетах» мог и не проходить...). Важно то, что я пока не могу показать Тебе в оригинале свои заметки на полях диссертации. А они представляют интерес для Тебя, может быть, чуть меньший, чем для Алеши, но тоже жгучий.

Пришлось сесть за машинку и изготовить некое произведение по образцу заметок Ленина на полях книги Бухарина...

А теперь давай подумаем, как нам эту навозную кучу разгрести.

Разумеется, мой отзыв на работу А. Г. будет неофициальным, и в духе «заметок на полях», которые Тебе высылаю. Печально, что сам диссертационный сюжет («Самоопределение молодежи на БАМе...») подсказан ему не кем иным, как мною, в нашу встречу на Бамовской конференции 1979 г. И даже от плана диссертации, сочиненного нами в автобусе, по дороге из Могота в Тынду, Алеша не слишком уклонился.

(Есть основания почувствовать себя «Тарасом Бульбой»: «Я тебя породил...»).

Что же касается твоего воздействия на «научное созревание» Алеши, то оно было ограничено твоим отъездом из Новосибирска в Благовещенск. Остается не ясным, в каких отношениях состоите вы с ним (и с представляемым им новосибирским институтом) по поводу массива социологической информации. Кто - «собственник» этого массива? За кем последнее слово - за Тобой или за его (Алеши) официальным научным руководителем?

Так или иначе, мы на сегодня имеем следующее:

а) разработанную Тобой в Новосибирске еще 5 лет назад исследовательскую программу «Отношение к труду и социальная адаптация строителей БАМа»;

б) разработанную нами с Тобой, при участии А. Тихонова, и с благословения В. Ядова, оригинальную методику «Строитель БАМа» (своего рода «дочерний» проект относительно «Человека и его работы. 1976»);

в) организованный Тобой же, при моем участии, в 1977 г. полевой этап исследования на Центральном участке БАМа (где Алеша был одним из интервьюеров, с чисто техническими функциями);

г) организованную опять же Тобой, обработку массива социологической информации (1140 опрошенных);

д) нашу (твою) статью по мотивам этого исследования в БАМовском сборнике (1979);

е) мой (наш) отчет «Человек, его работа и жизнь на БАМе (1980); и...

ж) и вот теперь - кандидатскую диссертацию Алексея Г.!

При этом, (ж) диаметрально противоречит (е), да и (д), по смыслу и содержанию, при использовании ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ (!) первичной социологической информации.

Почувственная, почти «тестовая» ситуация...

Разные люди, на одном и том же материале, почти одновременно, породили более или менее исчерпывающее описание одной и той же реальности, с ПРОТИВОПОЛОЖНЫМИ выводами: А. Г. в своей диссертации и А. А. в своем отчете.¹¹³

А бедный Владимир Д., истинный зачинатель всего дела, в это время выпустил ситуацию из-под контроля и занимается... созданием нового дальневосточного научного института.

Промашка вышла, неувязочка...

¹¹³ См. выше: глава 4.

Мне ясно, что ДРУГОЙ диссертации Алеша не напишет (сам не сумеет и шеф не даст). Ясно, далее, что Алешина ссылка на наш с Тобой исследовательский проект этот последний компрометирует. Наконец, мне ясно, что опровержений в Ученый совет новосибирского института я писать НЕ СТАНУ.

Что я сделаю в любом случае:

а) отправлю Алеше его диссертацию и свой отзыв не раньше, чем удостоверюсь, что его сочинение получена также и Тобой, и Ты имел возможность лично ознакомиться с этой конъюнктурной и лакировочной поделкой;

б) потребую от него изъятия из диссертации и автореферата ссылки на сектор Ядова. Пусть А. Г. там напишет: исследование проводилось новосибирским институтом в сотрудничестве с другими организациями (без расшифровки);

в) наконец, я потребую от Алеши включения в автореферат следующей, дословно, формулировки:

«В эмпирической части работы диссертант использовал социологическую информацию, собранную в обследовании, проводившемся, при его участии, на Центральном участке БАМа, по методике «Строитель БАМа», разработанной В. Д. и А. А., при участии А. Т. Однако обработка и интерпретация данных проводились диссертантом самостоятельно и С СОСТАВИТЕЛЯМИ МЕТОДИКИ НЕ СОГЛАСОВЫВАЛИСЬ».

Последние (выделенные мною) слова, может быть, и поставят соискателя ученой степени под удар особо бдительных членов Ученого совета. Но те, кому надо, сумеют его прикрыть крылом. Иначе говоря, это не «топит» диссертанта, но и как-то спасает наше с Тобой реноме.

Пожалуйста, сообщи мне:

а) насколько Ты приемлешь такой план, в принципе;

б) насколько Ты считаешь его разумным в данной ситуации (последнее - когда самознакомись с диссертацией А. Г., а не только с моими заметками на ее полях).

К сожалению, Алеша - естественный продукт современного развития советской социологии.

(Я, пожалуй, даже не жалею, что когда-то подсказал ему диссертационную тему. Каждый аспирант должен иметь свой шанс написать честную работу. Этот шанс был предоставлен и ему).

С другой стороны, жаль, что наше исследование по БАМу не имело пока иных публичных выходов, кроме двух наших докладов на БАМовской конференции в Тынде. И вот теперь, этот Алешин опус. <...>

Твой Андр. Ал., 24.04.81

А. Алексеев - В. Дьяченко

Дружище!

Право, вся эта история достойна кинематографической ленты.

Новый кадр: официальная бандероль с авторефератом А. Г. под названием «Перспективная социальная ориентация и приживаемость молодежи в районах нового освоения (на примере строительства БАМ)». Специальность - теория научного коммунизма. Научный руководитель <...>. Оппоненты <...>. Ведущая организация <...>. Защита состоится 26 мая 1981 г., в Ученом совете при ИИФиФ СО АН СССР.

Автореферат разослан 24.04.1981. Интересно, получил ли ты хотя бы его?

Как видишь, изданием и рассылкой этого автореферата (чего я так скоро не ожидал!) Алеша мой замысел, изложенный в предыдущем письме Тебе, поломал.

Моя нынешняя позиция явствует из двух (по существу одного с продолжением) писем, адресуемых А. Г. одновременно с этим письмом Тебе, и моей телеграммы его научному руководителю.

Рекомендую Тебе присоединиться к моей телеграмме (т. е. послать в Новосибирск примерно такую же), и на этом успокоиться. Страху им теперь хватит на целый год. (По их понятиям - следует ожидать «доноса» в ВАК). А в дерьме ковыряться - мыла потом не хватит руки мыть.

Интересно, что кто-то вполне прилично, профессиональной рукой причесал первые 5 стр. Алешиного автореферата. Как говорится: «На пробор он испомадил банку целую до дна. / Ну, а зади - там не видно, хоть расти копной копна...».

На случай, если Тебя «обделили» этим авторефератом (не удивлюсь: уж больно Ты - «неудобный свидетель»!) перепишу из него пару абзацев. Вот как выглядят отсылы к «Строителю БАМа. 1977»:

«...Особенностью предпринятого исследования явилось сочетание теоретического изучения предмета с проверкой сформулированных в результате анализа предположений на материалах конкретно-социологического исследования, данных статистики. В методическом плане работа базируется на эмпирических данных конкретного обследования строителей БАМа, проведенного в 1977 году. Оно осуществлялось отделом социологии ИИФФ СО АН СССР совместно с сектором социальных проблем личности и социалистического образа жизни ИСЭП АН СССР при непосредственном участии автора.

Обследованием было охвачено 1140 рабочих-строителей центрального участка БАМ...» (стр. 5).

А вот на стр. 6:

«...Данные конкретно-социологического исследования, вошедшего (! - А. А.) в диссертацию, применялись при подготовке рекомендаций Всесоюзной научно-практической конференции «Человек на БАМе» (Тында, 21-24 марта 1979 г.)...».

Ну, последнее - уже по твоей части, т. е. Ты - анонимно! - имеешься в виду. Ибо, понятно, Алеша тут СОВСЕМ НЕ ПРИ ЧЕМ. А что данные «применялись», так это - святая правда.

Аппетит, как видишь, приходит во время еды... Кто куда «вошел» и кого «скушал», интересно. Красиво сработано, и, пожалуй, даже, не Алешей...

Но и мальчик хорош... Уж не его ли «вычислил» глумливый художник, к которому я водил Тебя в Ленинграде и рисовавший не понравившийся нам обоим твой портрет?

...Покидая Тебя в этих институционально-научных джунглях, я, разумеется, готов явиться по первому твоему зову. Если у Тебя плечо раззудится. Ну, Сам с Усам...

Отбей телеграмму, по получении этого письма. Обнимаю.

Твой Андр. Ал., 4.06.1981

А. Алексеев - А. Г.

<...> Бандероли для Вас и для В.Н. [В. Дьяченко. - А. А.] были уже подготовлены к отправке, когда я получил Ваш третий пакет с авторефератом, где указан срок защиты 26.05.1981. Остается только развести руками. Значит, диссертацию Вы мне посылали только «для вида» (когда серьезные замечания учесть уже невозможно, если не отменять защиту). А В.Н. Вы, если и собирались ее посылать, то похоже, уже ПОСЛЕ назначения срока защиты, вместе с изданным авторефератом...

Мои соображения по тексту Вашей работы теперь, разумеется, уже устарели - в деловом плане (хотя вряд ли устарели в моральном - СТЫДНО!). В этой ситуации возвращаю Вам ВСЕ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ, а отдельно перепечатанные заметки на полях переадресую В.Н.

Кроме того, вынужден отправить Вашему официальному научному руководителю <...> телеграмму, с содержанием которой он Вас, вероятно, ознакомит прежде, чем Вы получите этот пакет. <...>

А.Алексеев, 6.05.1981

= Телеграмма в Новосибирск, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, научному руководителю А. Г. <...>

К сожалению диссертационные результаты А. Г. несовместимы с отчетами Дьяченко и Алексеева, подготовленными на тех же материалах. В случае невозможности отложить защиту, прошу информировать ученый совет, что проведенные диссертантом обработка и интерпретация данных исследования «Строитель БАМа. 1977» с разработчиком программы к. ф. н. Дьяченко и составителями методики Алексеевым, Дьяченко, Тихоновым не согласовывались. О выполнении моей просьбы жду сообщения в Ленинград. С уважением Алексеев. (6.05.1981)

[После благополучной защиты диссертации, А.Г. сделал успешную партийную карьеру. - А. А.]

Вместо заключения («49 писем как одно»)

Здесь были приведены извлечения из личной переписки начала 1980-х, одновременной с «Письмами Любимым женщинам». Можно рассматривать их как ДОПОЛНЕНИЕ к этому авторскому циклу.

...По меткому выражению Леонида Кесельмана, в письмах того времени автор «сам себе нравится». Что, возможно, и неплохо, однако слишком уж заметно, как сегодня полагает автор этих строк. (Сентябрь 1999).

5.2. АНКЕТА ДЛЯ МОИХ ЛЮБЕЗНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОК ¹¹⁴

[Это письмо (июнь 1981) адресовалось всем корреспондентам одновременно. - А. А.]

Любимые!

Снимите грех с души либо, наоборот, велите душе уйти от греха подальше. «Эпистолярное творчество» вашего корреспондента, как вы успели заметить, расцвело буйным цветом. Но не горьки ли плоды?

Автор экспериментирует этими письмами над собой. И вольному воля! Но личность - ансамбль общественных отношений. Стало быть, эксперимент совершается и над... вами. Помните, как доктор Петруччио стал выращивать «человека в колбе», а потом из религиозных (= нравственных) побуждений прекратил эксперимент? Случайное замечание одного из друзей возбудило в авторе сходные переживания.

Но даже готовый покинуть сцену, лицедей не может обойтись без шутовской выходки, в данном случае - без «процедуры». Надеюсь, вы отнесетесь к ней с той же серьезностью, с какой я обращаюсь к вам сквозь маску «смеющегося человека».

¹¹⁴ Из цикла «Письма Любимым женщинам (1980-1981)». Письмо двенадцатое.

Я прошу вас, независимо от того, читали ли вы эти письма (а если на все - не хватило терпения, то сделайте вид, что все же читали) ответить - АНОНИМНО! - на следующие «деликатные вопросы»:

МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ СКАЗАТЬ О СЕБЕ, ЧТО...

1. ...Ты испытала чувство психологического дискомфорта (неудобства, неловкости) от того, что письмо, адресованное лично Тебе, было прочтено другими?

2. ...Ты испытала такое чувство от того, что Тебе самой пришлось читать письма, адресованные другим?

СКЛОННА ЛИ ТЫ ДУМАТЬ, ЧТО...

3. ...кто-либо из адресатов испытал чувство психологического дискомфорта (неудобства, неловкости) от того, что письмо, адресованное лично ему, было прочтено другими?

4. ...кто-либо из адресатов испытал такое чувство от того, что ему самому пришлось читать письма, адресованные другим?

Шкала ответов на каждый вопрос - стандартная: «определенно да»; «пожалуй, да»; «трудно сказать»; «пожалуй, нет»; «определенно нет». <...>

[Здесь опущены вопросы 5-8, аналогичные вопросам 1-4, однако относящиеся ТОЛЬКО к собранию писем, объединенных названием «49 писем как одно» (см. выше). - А. А.]

Ваш корреспондент озабочен сохранением анонимности - для самого себя! - этих ответов, причем, вероятно, гораздо больше вас самих. Поэтому прошу вернуть мне один экз. анкеты в специально подготовленном мною конверте, с уже надписанным адресом. Заклеив конверт, вложите его в свое очередное письмо или бандероль мне.

Поступившие ко мне конверты с заполненными анкетами будут храниться все вместе, отдельно от остальной корреспонденции (т. е. без возможности идентификации «опрошенного»). И подлежат одновременному вскрытию (аналог избирательной урны).

Порукой соблюдения этой процедуры является не только моя любовь к адресатам, но и самоуважение.

Нарочно не сообщаю предполагаемого «способа обработки» этой анкеты (а может, еще и не придумал, чтобы не дать милым корреспонденткам повода «сделать приятное» ее составителю).

...Это первый и последний случай, когда сочинитель писем рассчитывает на ОПЕРАТИВНУЮ реакцию своих адресатов.

Задержка с ответом, не вызванная чрезвычайными обстоятельствами или пропажей почты, подлежит истолкованию, как выбор варианта «трудно сказать», по всем позициям анкеты.

Ваш Андрей Ал., июнь 1981

[Анализ ответов на эту анкету см. ниже: раздел 5.3. – А. А.]

5.3. СУД ЛЮБИМЫХ (ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ)¹¹⁵

[Это послание (июль 1982) было отправлено всем адресатам «Писем...» одновременно. - А. А.]

...Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется.
И нам сочувствие дается,

¹¹⁵ Из цикла «Письма Любимым женщинам (1980-1981)». Эпилог.

Лучше бы обойтись без «эпилога»... Но - еще не выплачено по всем дружеским счетам. Вы не забыли «Анкету для моих любезных корреспонденток»? Забыли. А я - нет!

Из семи анкет вернулись пять. Из них три, согласно процедуре, в запечатанных конвертах, с безличными крестиками и птичками против подсказок, и записями - либо на машинке, либо печатными буквами (уважена моя просьба об анонимности).

Две анкеты не вернулись. Что отнюдь не означает «ссоры». Не вернулись, и все тут.

Сочинитель «Писем...» получал от своих корреспонденток и такие отклики, от «публикации» которых воздержусь. Я берегу их, но не стану делиться даже с друзьями. Это было сочувствие жизненной позиции, и жизненной игре, и даже иногда усмотрение «откровений». Спасибо!

Но анкета требовала итоговой МОРАЛЬНОЙ оценки авторскому предприятию (спектаклю). И здесь мои респонденты проявили максимум такта.

Нет, никто не испытал чувства психологического дискомфорта (неудобства, неловкости) от того, что письмо, лично адресованное ему (т. е. ей), было прочтено другими. Даже - «определенно нет», отвечая на соответствующий вопрос. (Из пяти ответивших есть одно «пожалуй, нет»).

И если бы не было и других вопросов в анкете, можно было бы не обременять себя размышлениями, все ли тут в порядке и как автору быть дальше.

Но вот такой же уверенности на этот счет насчет ДРУГИХ адресатов (не себя!) - у опрошенных нет. И, может быть, опасения за неловкость, испытанную кем-либо другим, лучше отражают истинное состояние этого другого, чем собственная (даже анонимная) самооценка... Ведь эта «самооценка» в конечном счете есть попытка выразить и свое отношение к субъекту (сочинителю писем), вызывающему у них симпатию, несмотря на все его «выкрутасы» (а может быть отчасти и «благодаря» им).

В одной из анкет (кстати, не анонимной, с приложением одной из самых одобрительных «рецензий») есть многозначительное «определенно да» в ответе на вопрос - «Можешь ли Ты сказать о себе, что испытала чувство неудобства, неловкости от того, что пришлось читать письма, адресованные другим?».

Такая милая непоследовательность, соединяющая «удовольствие» с «дискомфортом», позволяла бы определить итоговое отношение читателя как «радостную жуть»... Если бы не аутентичное разъяснение, снимающее предположение о непоследовательности:

«...Не содержание писем меня задевает, оставляя чувство неловкости. Дело в самом факте чтения «чужих» писем. Это во-первых. Второе, и, пожалуй, главное. Любой женщине лестно осознавать себя любимой. Но быть зафиксированной ПУБЛИЧНО в качестве одной из десятка «любимых», думаю, не очень приятно. Даже если речь идет... (комплимент корреспонденту). Такова уж женская суть.

Возможно, дело в слове... Если бы было другое, например: «Письма дорогим мне людям», - все эти нюансы были бы сняты. Ты меня понял?»

Понял, дорогой мне человек!

Другое (анонимное, на машинке, при не угаданном мною авторе) замечание:

«...Мои вроде бы нелогичные «пожалуй, да» в вопросах 6, 7 и 8 вызваны тем, что каждое письмо (и «49 как одно») САМО ПО СЕБЕ не рождает никаких сомнительных реакций. Но просмотрев ВСЮ коллекцию, я поняла, что все вместе они приоткрывают манипуляторский смысл содеянного «эпистолярного хулиганства». Вероятно, это преувеличение, но привкус такой у меня есть - не могу скрыть».

Признаться, и у меня есть. Манипуляторство, «эксперимент»?.. Спасибо, что не скрыла своего ощущения.

И еще одно мнение (не анонимное!):

«...боюсь, что этот экземпляр анкеты сильно тебя разочарует. И все же не теряй из-за этого самоуважения... Бог с ней, этой анкетой. Поступай, как считаешь нужным. Для меня ты всегда прав».

А Ты - для меня! И вот тут возникает соображение, которое мне наверняка приходилось уже высказывать.

Люди таковы, какова их жизнедеятельность. А их жизненные проявления таковы, каковы они сами. Однако здесь нет порочного круга. В частности, в развитии отношения человека к человеку прослеживается вот какая логика. Сначала мы судим человека по его поступкам, высказываниям (которые тоже могут быть поступками!). Формируем его образ. Потом, уже ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО ОБРАЗА, оцениваем его поступки. Судим поступки по человеку, а не наоборот.

Я могу быть всегда «правым» в твоих глазах до тех пор, пока накопившимися не адекватными Тебе поступками в конечном счете не разрушу свой в Тебе образ. Пока не обнаружится, что Я - уже не «Я» в твоих глазах.

Написав 18 писем - дорогим мне людям (которые почему-то женщины...), и не без шутливого манипуляторства (грешен и в этом!), образовав из личных писем разным людям «сериал», я был, возможно, «прав». Но не менее прав буду и в ОТКАЗЕ от своей «правоты».

Ну, не стану страдать из-за совершенных глупостей. А просто не буду их воспроизводить. Буду придумывать новые, другие (глупости). Тогда, может быть, и останусь «всегда правым»...

Все же, бывают поступки, которые надо бы и «исправлять», по возможности. К ним скорее всего относятся «49 писем как одно».

Вопрос 9: «Согласны ли Вы с тем, что по крайней мере эту подборку («49...») следует из собрания изъять?». Два ответа «пожалуй, да». Один «определенно нет». Одно «трудно сказать». И еще один ответ - вот такой: «Пожалуй, да, и все же, пожалуй, нет, т.к. потеря для общего собрания будет невозможной; не сердись за несерьезность, Любимым разрешается». Мда. «Трудно сказать...».

Решение вашего корреспондента - СОЛОМОНОВО.

Вы их (эти 49 писем) читали? Уже непоправимо. Станете кому попало показывать? Нет. Ну и ладно! Сама процедура изъятия означала бы слишком серьезное отношение ко всему этому «собранию сочинений».

Не будем терять чувства юмора. Или, наоборот, проявим серьезность. На Любимых - чуточку ответственности за то, чтобы их корреспондент не корил себя за разглашение чужих тайн.

Вы - ВСЕГДА ПРАВЫ (для меня, по крайней мере). Вот и все, что имею сказать по итогам этого «опроса».

А еще, каким бы ни был «приговор», низкий поклон Вам, Любимые!

Ибо сама постановка этой «эпистолярной драмы», при сочувственной терпимости адресатов, помогла любящему вас режиссеру «расковаться» не только в жизни, но и на бумаге. И способствовала осознанию (или «изобретению»?) того немудреного жизненного правила, что ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ТО, И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НИКТО ЗА НЕГО И КРОМЕ НЕГО НЕ СДЕЛАЕТ. Чего никто не сделает лучше него (или это будет уже другое «дело»).

Вот и эти письма... Кто бы их написал за меня! Дарю Вам эту приобретенную с вашей помощью житейскую мудрость. <...>

Торопясь опустить занавес, не зарекаюсь, что он не будет вновь поднят, может быть - для нового спектакля, но в каком-нибудь другом жанре.

Ваш Андр. Ал., 2.05-10.07.1982

Ремарка: конец «эпистолярного хулиганства»

Во избежание читательских недоумений, из-за чего собственно такие «терзания» социолога-экспериментатора и сопереживания его адресатов, оговорю, что для настоящей публикации «Письма...» все же подверглись автоцензуре. Правда, почти исключительно в том, что касается личных обращений, шуточных и серьезных «объяснений в любви» и т. п. То есть сделаны, как мне кажется, НЕОБХОДИМЫЕ купюры.

А подборка «49 писем как одно» (см. выше) - и вообще представлена лишь в немногих извлечениях...

Так или иначе, сериал «Писем Любимым женщинам» на этом был прерван (завершен).

Социолог-испытатель еще не раз использует личные письма в качестве «протоколов наблюдающего участия». Но, как правило, - при строгом самоконтроле и при автозапрете на - хотя бы нечаянное! - разглашение обстоятельств приватной жизни.

В тогдашнем же, самом первом и малотиражном (5-7 экз.!), «оглашении» - самоконтроль оказался несколько ослаблен. (Сентябрь 1999).

5.4. «ЧУЖИЕ ПИСЬМА КАК ЧУЖИЕ ОКНА...»¹¹⁶

Недавно моя жена и внутренний рецензент этой книги Зинаида Вахарловская обратила мое внимание на статью И.А. Гончарова «Нарушение воли» (1888). Там анализируются моральные проблемы публикации личной переписки.

Писатель указывает на некоторые «неудобства, происходящие от оглашения писем от одного лица к другому, писанные только для одного лица» (Гончаров И.А. Нарушение воли / Гончаров И.А.. Собр. соч. в 8 томах, т. 8. М.: ГИХЛ, с. 133).

Вот его постановка вопроса:

«...печатать не все сплошь да рядом, целиком, а с строгим, добросовестным выбором того, что ценно, веско, что имеет общий интерес, значение (речь идет о посмертных публикациях, но в равной мере может быть отнесено и к прижизненным эпистолярным публикациям. - А.)... БЕЗ ПРИМЕСИ МНОЖЕСТВА ИЛИ НЕНУЖНЫХ, ИЛИ ИНТИМНЫХ ПОДРОБНОСТЕЙ (здесь и далее, за исключением одного оговоренного случая, выделено мною. - А.). Я не говорю уж о письмах, писанных целиком на известную тему, как, например, недавно найденное в бумагах Жуковского письмо Гоголя, выражающее полный взгляд автора на искусство. Есть целая литература в форме писем двух лиц между собою, посвященная тем или другим вопросам. Эти письма прямо назначались авторами их для света и составляют чистый вклад в литературу.

Но то сочинения, назначенные для печати, а не частные, писанные к одному лицу и для одного лица. В одном черновом письме (к НЕИЗВЕСТНОЙ ДАМЕ) (выделено И. Г. - А.), найденном в бумагах Пушкина, он говорит: «НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ ЭТОГО ПИСЬМА НИКОМУ, КРОМЕ ТЕХ, КОГО Я ЛЮБЛЮ, И КТО ПРИНИМАЕТ ВО МНЕ УЧАСТИЕ НЕ ИЗ ЛЮБОПЫТСТВА, А ПО ДРУЖБЕ»...

Против гласности мудро восставать, как против Архимедова рычага, по-своему двигающего миром, но есть такие уголки в частной жизни, которых не должен касаться этот рычаг. Если в самой природе есть тайны, то В ЛЮДСКОЙ ЖИЗНИ ЕСТЬ СВОИ НАГОТЫ, ГДЕ НЕОБХОДИМО ПОКРЫВАЛО; этого требует простая пристойность. Я разумею индивидуальную, частную жизнь, которая должна быть защищена, respectee (говоря непереводаемым в этом смысле французским словом); это основной закон общезжития. Типично общественная жизнь доступна всякому наблюдателю, мыслителю, ученому,

¹¹⁶ Современная ремарка от автора. - А. А.. 2000.

писателю, художнику, которые изучают, разрабатывают и изображают со всех сторон и во всех деталях, никого лично и индивидуально не оскорбляя, не задевая и НЕ НАСИЛУЯ ЧУЖОЙ ВОЛИ И ПРАВ...» (Гончаров И.А. Указ. соч., с. 120-121).

И далее:

«...В Англии, если не ошибаюсь, есть закон, запрещающий касаться в печати подробностей домашней, семейной жизни частного лица, разумеется, без его согласия, хотя бы последние и НЕ ЗАКЛЮЧАЛИ В СЕБЕ НИЧЕГО ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОГО. Дом англичанина, его home - это святыня, недоступная для любопытства публики. Не худо бы перенять это хорошее правило и нам, таким охотникам перенимать все чужое...» (Там же, с. 122).

А вот, по видимости, другая точка зрения - А.И. Герцен (1859). В одном из приложений к «Былому и думам» Герцен пишет о своих ощущениях от обращения к письмам, как адресованным к нему самому (задолго до этого; иных корреспондентов уж нет в живых), так и опубликованным письмам его старших современников (Карамзин, Пушкин):

«...Как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают другое лето, его зной, его теплые ночи, и то, что оно ушло на веки веков; по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер, но он не шумит над головой и не давит всей своей силой, как давит в КНИГЕ. Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим.

Жаль, что не много писем уцелело у меня... Три полицейских нашествия - одно в Москве и два в Париже - отучили меня от хранения всякого рода писем...» (Герцен А.И. Былое и думы. М.: ОГИЗ, 1947, с. 843).

Еще несколько строк из размышления Герцена на эту тему:

«...С 1825 года СОБЫТИЯ несущейся истории начинают зацеплять больше и больше и, наконец, совсем увлекают в широкий поток общих интересов. С тем вместе прозелитизм, страстная дружба вызывает на переписку; она растет и делается какой-то движущейся исповедью; ВСЕ ЗАКРЕПЛЕНО, ВСЕ ПОМЕЧЕНО В ПИСЬМАХ, И ПРИТОМ НАСКОРО, БЕЗ РУМЯН И ПРИКРАС, И ВСЕ ОСТАЕТСЯ, ОСЕДАЕТ И СОХРАНЯЕТСЯ КАК МОЛЛЮСК, ЗАЛИТЫЙ КРЕМНЕМ (*выделено мною.* - А.), как бы для того, чтобы когда-нибудь свидетельствовать на страшном суде или упрекнуть своим несправедливым...» (Герцен А.И. Указ. соч., с. 844).

Как же «примирить» позиции А. Герцена и И. Гончарова?

Откроем «Разговоры с Гете» И.П.Эккермана (запись 1831 г.):

«...Я стою за то, - пишет Эккерман, - чтобы письма печатались ЦЕЛИКОМ (*выделено мною.* - А.), с начала и до конца, ведь особо значительные места нередко приобретает истинный блеск и убедительнейшее воздействие именно в связи с тем, что им предшествует или за ними следует.

Если же взглянуть попристальнее и противопоставить сии письма (*письма Гете.* - А.) великому разнообразию мира, кто дерзнет сказать, какое место в них значительно и, следовательно, достойно опубликования, а какое нет? Ведь у грамматика, биографа, философа, этика, естествоиспытателя, художника, профессора, актера и так далее до бесконечности интересы различны, и один пропускает то место, в которое другой будет внимательно вчитываться, стремясь его усвоить...» (Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван: Айастан, 1988, с. 378).

Но:

«...Если в разных письмах речь идет об одном и том же факте, то следует выбрать из них наиболее выразительные, а если один и тот же пункт повторяется во МНОГИХ письмах, то в некоторых желательнее его опустить, оставив лишь там, где он высказан всего ярче...». (Эккерман И.П. Указ. соч., С. 380).

Эккерман заключает:

«...Сегодня после обеда я, пункт за пунктом, обсудил с Гете вышеизложенное (*у Эккермана его точка зрения насчет публикации писем Гете была изложена в виде небольшого трактата из 10 параграфов.* - А.), и он охотно согласился на все мои предложения.

- В своем завещании, - сказал он, - я назову вас как издателя этих писем и упомяну о том, что мы с вами, в общих чертах договорились, как с ними следует поступать» (Эккерман И.П. Указ. соч., с. 380-381).

И, наконец, слово - поэту Борису Слуцкому:

ТОМ ПОСЛЕДНИЙ. ПИСЬМА

Чужие письма как чужие окна / Дотронусь и как будто камнем кокну. / Когда же начинаю их листать, / почувствую себя как робкий тать. / Читаю и влезаю в дом чужой. / В чужую душу прусь своей душой. / В чужие письма с улицы гляжу. / А что сквозь полумрак я полувижу, / об этом лучше я не расскажу / товарищам, не расскажу повыше. / Чужая книга - это для меня. / Письмо чужое - только для чужого, / но что-то больше самого большого, / но что-то больше самого огня / притягивает сызнова к письму / чужому, к сердцу, не для нас раскрытому, / к его интимному биению, ритму. / Том писем снова с полки я сниму. (Слуцкий Б. Из литературного наследия // Новый мир, 1986, N 7, с. 164).

Вообще, вопрос о правомерности публикации личной переписки далек от однозначного решения. Остается завершить наш свод цитат - банальной, но не стареющей истиной: ВСЕ ХОРОШО - В МЕРУ!

А.А., май 2000

Приложения

«ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ»: ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ И ПОЯСНЕНИЕ К ОГЛАВЛЕНИЮ ¹¹⁷

Несколько вступительных слов

Этот авторский цикл, датированный 1980-1981 гг., образовался из реальных писем конкретным людям. Письмо, адресованное одному корреспонденту, рассылалось (в копиях) и всем остальным.

В итоге возник «сериял», с первоначальной аудиторией 5-7 чел. Впоследствии аудитория существенно расширилась.

Собрание писем открывается авторским обращением ко всем корреспондентам (1980). (Апрель 1999).

Театр жизни и эпистолярное хулиганство ¹¹⁸

ЭПИСТОЛЯРНОЕ ХУЛИГАНСТВО - самое подходящее определение этому странному жанру!

Не дневник... Хотя есть и от дневника, с его соединением «зарубок памяти» для себя с кокетливой «исповедью для других».

Не личный архив... Хотя как иначе объяснить эти бесконечные вставки и приложения.

Уж, конечно, не литература... Хотя человек с литературным талантом на месте вашего корреспондента нашел бы, чем поживиться.

Не научные эссе... Хотя тут решусь утверждать, что, скажем, к социологии эти письма имеют гораздо большее отношение, чем многое из того, что ею называется.

¹¹⁷ Нижеследующие тексты представлены также и в ДСиСА – 1 (разделы 2.1 и 3.11). Здесь они приводятся повторно, в интересах восприятия материалов данной главы в контексте цикла.. – А. А. Июль 2012.

¹¹⁸ Из цикла «Письма Любимым женщинам (1980-1981)». Предисловие от июля 1980 г.

Не публицистика... Зачем залезать на трибуну за дружеским столом?

ЧТО-ТО ОТ ТЕАТРА ЕСТЬ...

А почему бы и нет? Эдакий вот «балаган», где зрителей не больше, чем актеров. А в пределе - единственный актер разыгрывает «сцены из общественной жизни» перед единственным зрителем. Сегодня - перед одним, завтра перед другим... А собери публику - пожалуй и не сумеет.

А играть-то есть чего. И есть перед кем. Вон, Любимых сколько!.. Только перед возлюбленными-то и играть.

Вот, кажется, и осмыслил. А то перечитал подряд пяток своих писем, и чуть машинку не отставил: что же это я делаю?

...И все-таки - ЭПИСТОЛЯРНОЕ ХУЛИГАНСТВО!

В каждом ^{писеме}, имеющем вполне определенного адресата, выражен свой «интим». Но, как будто, не такой, который следовало бы прятать от других Возлюбленных. Личное послание, если и компрометирует адресата, то разве лишь тем, что корреспондент может позволить себе - ТАК с ним разговаривать. Сама же «драматургическая фактура» и вовсе общезначима...

Посторонний в этих листках, пожалуй, ничего не увидит... Нужно лично знать корреспондента, чтобы понять, что же тут происходит.

Это только на первый взгляд кажется, что здесь происходит нечто странное с личностью и с обществом. А на самом деле - все так, как происходит ПОВСЕДНЕВНО С КАЖДЫМ.

(Вот только не каждый устраивает из своей жизни «театр» или формирует сериал из личных писем).

Нравственное лицо моих адресатов исключает возможность такого использования этих писем, которое могло бы поставить автора в затруднительное положение. Но хоть пять экземпляров, а - «тираж»! Поэтому внутренний цензор побудил при перепечатке перевернуть все фамилии (кроме своей собственной, разумеется).

Так что, все написанное - и правда, и вымысел... Кому - правда, а кому - вымысел.

...Так-таки - ни для кого, кроме как для Любимых? Ну, запрета корреспондент не накладывает. Если у возлюбленных есть свои Любимые, могут и те прочитать. Только не советую показывать тем, кому сам автор не написал бы подобного письма, не мог бы написать...

Эпистолярное хулиганство, театр жизни, социологический балаган - как ни назови - это одна из форм жизненного самовыражения. Самовыражения, осмелюсь заметить, осознанно и принципиально дилетантского.

Уж нанюхались «профессионального»!.. Науки и пропаганды, да и театра профессионального, пожалуй. Кому-то еще не надоело: и ходить в современный театр, с его репертуаром, и режиссировать, и играть в нем... И хорошо, что не надоело (или, по крайней мере, терпимо). Что бы было, если бы вдруг все профессиональные театры закрылись!

Ну, а дилетанту легче. Он играет не в чужие игрушки. Он свои строит. Гуляет как собака без намордника...

И последнее замечание. Есть у автора одна нескромная претензия. Как ни относиться к этим «заметкам из жизненной самодеятельности» сегодня, это - ДОКУМЕНТЫ.

Не «исторические», и даже не «документы времени» (масштаб не тот, да и Фигура не тех масштабов), а своего рода «рентгеновский» снимок сознания человека, принадлежащего к определенному социальному слою, к определенному поколению, к определенному социально-психологическому типу людей в обществе Развитого социализма.

Так что, помру - не выбрасывайте...

Даже если предположить, что потомки научатся докапываться до тайников нашего обыденного сознания лучше, чем мы сами это умеем (а ведь не умеем!), - не грех им помочь, не слишком себя утруждая). Пожалуй, такую претензию сочинитель все же имеет.

...Это последнее замечание можно было высказать, а может - лучше было и оставить и при себе.

Андрей Алексеев, июль 1980

Ремарка: нестандартный протокол

Как видно, попробовав себя в непривычном жанре, автор вскоре испытал потребность как-то объясниться (оправдаться?) перед своими корреспондентами (да и перед самим собой...).

Случайно найденный тогда способ игрового эпистолярно-дневникового самовыражения уязвим: и с научной, и с литературной, и даже, пожалуй, с этической точки зрения.

Но, хочется думать, что, прочитав эти «заметки из жизненной самодеятельности», читатель согласится, что - ситуационно! - задача протоколирования эксперимента социолога-рабочего была решена. (Сентябрь 1999).

«Закодированный архив»¹¹⁹

[Ниже - «заключение» к «Письмам...» (июль 1982). Разослано всем адресатам одновременно. А.А.]

Мои дорогие!

На протяжении двух лет вы получали, порциями, не регулярные, но продолжающиеся заметки - о «приключениях социолога-наладчика» и на иные темы. Поскольку получился своего рода сериал, я назвал его: «Письма Любимым женщинам».

Возможно, кто-то и сберег все, что я посылал. На этот случай - вот вам полное «оглавление». Я делал его по своему комплекту.

Номера страниц соответствуют тем, что у вас, поскольку была всего одна машинописная закладка. <...>

Как относиться к этому эксцентричному предприятию? В известном смысле, я просто мультиплицировал свой личный архив. Логика его составления импровизационна. Это - НЕОЧЕВИДНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОЧЕВИДНОГО ХАОСА (что, впрочем, можно сказать и о самой человеческой жизни).

Всего тут - 18 больших писем плюс многочисленные документальные приложения. Это - своеобразный жизненный и научный отчет перед друзьями.

¹¹⁹ Из цикла «Письма Любимым женщинам (1980-1981)». Второй эпилог и оглавление.

Вместе с тем, каждое отдельное письмо в свое время было также актом межличностного общения. Присутствовал и игровой момент. И в «стилистике» каждого отдельного письма, и в аранжировке всего собрания. (Об этом специально говорится в «предупреждении» 1980 г.).¹²⁰

Это - формула, которой автор пытался тогда оправдать «лично-публичный» характер «Писем...».

Игра продолжалась, пока себя не исчерпала (в письмах, но не в жизни).

Кое-где, похоже, «перехлестнул»... Эта дружеская эскапада уже стоила вашему корреспонденту (хорошо, если только ему!) нравственных терзаний. Но дело уже сделано. (Утешаюсь тем, что по отношению к самому себе я допускал куда большую нескромность, чем по отношению к своим адресатам). <...>

В отличие от писем, как таковых, не предназначенных для «посторонних», приложения к письмам сплошь составлены из документов, имеющих (или имевших) самостоятельное официальное бытие.

Приложения иногда превышают по объему сами письма. Они имеют свой смысл и безотносительно к письмам, хотя иногда в контексте приобретают «второй смысл».

Сами же письма без этих приложений (хотя бы то были «замечания к технологическим процессам») существенно теряют в своем содержании.¹²¹

Напомню, что ни одного действительного наименования места действия, не говоря уж о реальных фамилиях, в текстах нет.¹²² Может пару раз где и проскочило, но пойдите теперь определите, где правильно... (Зато цифры и даты все точны!).

Отделить правду от мистификации (и не только в фамилиях) нелегко, даже вам. В этом смысле, архив - «закодирован». <...>

К чему все эти оговорки? А к тому, что сейчас, похоже, круг читателей этих писем вышел за пределы первоначально избранного автором. Как «эпистолярному хулигану» стало известно, среди друзей некоторых из моих возлюбленных нашлись охотники читать сии отчеты - как некую «документальную прозу»...

Что ж, смирюсь с этой инициативой. Мои письма - принадлежат вам. Но все же прошу: не выпускайте их за пределы круга ваших ЛИЧНЫХ друзей. В остальном - можете делать с ними все, что хотите.¹²³

¹²⁰ Другой вариант этого фрагмента:

«...Архив этот состоит из 18 больших писем, адресованных (за редкими исключениями) конкретным людям и не предназначенных для действительно чужих глаз.

...Разумеется, не только архив. Каждое отдельное письмо... было также актом непосредственного общения, интимного настолько, насколько автор готов был повторить сказанное одному (одной) - также «во всеуслышание», в дружеском кругу, но и не только в таком кругу...».

¹²¹ В настоящей публикации многие приложения опущены. Некоторые же документы, прилагавшиеся к «Письмам...», вынесены в другие главы книги.

¹²² В настоящей публикации некоторые псевдонимы раскрыты, а некоторые сохранены.

¹²³ Другой вариант этого фрагмента:

«...Среди близких друзей некоторых моих адресатов (как, впрочем, и среди друзей автора) есть охотники читать это подряд, как некое «литературное» произведение.

Вполне искренне опровергая всякое иное истолкование этих страниц кроме как собрание человеческих и «нечеловеческих» документов, я готов согласиться с такой инициативой. Но с одной оговоркой. Мне кажется, я вправе наложить запрет на распространение этой инициативы за пределами круга ваших ЛИЧНЫХ друзей.

<...> Наконец, ни я сам, ни, тем более, вы - редактировать эти записки не станете. АРХИВ ОТРЕДАКТИРОВАННЫЙ - ВСЕ РАВНО, ЧТО ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЙ. Письма, переписанные после их получения, - уже не письма (это - запрет самому себе!). Теперь, как будто все точки над *i* поставлены. <...>

* * *

<...> Итак, вот мое ОГЛАВЛЕНИЕ.

[В скобках указаны инициалы персональных адресатов. А.А.].

ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ (заметки из жизненной самодеятельности):

- Предупреждение: театр жизни и эпистолярное хулиганство.

- Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив».

1. Кто сошел с ума? (И. П. и Р. В.).
2. Мастер и подмастерье. (Н. Ш.).
3. Новый человек со стороны. (А. Н.).
4. Инициативы вынужденные и не вынужденные. (А. Н.).
5. Эйфория овладения. (С. М.).
6. Совершенно секретно. (Г. Ж.).
7. Притча о Генеральной линейке. (Н. Ш.).
8. Единство в многообразии. (Р. В.).
9. Отчет социолога-наладчика.
10. 49 писем как одно (Н. К.).
11. Как переплывать реку. (Т. Д.).
12. Страдания доктора Петруччио (Анкета для моих любезных

корреспонденток).

13. Образ жизни и жизненный процесс. (Л. Д.).

14. Летопись ПКР (оживший памятник). (Г. Ж.).

15. Итак, я ловлю рыбу... (Г. Ж.).

16. Наладчик и бригада (партизанщина). (А. Н.).

17. Программа социолога-наладчика.

18. Записки с ума не сошедшего. (Н. Ш.)

- Письмо без номера (адресованное мужчинам). ¹²⁴

- Суд Любимых («эпилог»)

- Приложение: Где-то, когда-то, давным давно... (40 волховских приветов).

Андр. Алексеев, 20.07.82

[Некоторые письма при их публикации в составе данной книги - переозаглавлены.

Конкретными адресатами «Писем...» были:

- Тамара Моисеевна Дридзе (ныне покойная), Людмила Кирилловна Дудченко (ныне покойная), Г. Ж., Нина Семеновна Катерли, Нелли Алексеевна Крюкова, Светлана Федоровна Минакова, Алла Константиновна Назимова, Ирина Владимировна Прусс, Розалина Владимировна Рывкина, Нина Яковлевна Шустрова.

Спасибо им! - А. А. Июль 2012].

+++

(Друзья Ваших друзей, такие, которые к Вашим собственным личным друзьям не относятся, думаю, от этого запрета не слишком пострадают)...»

Похоже, собирая цикл «Писем...», автор стремился все же ограничить круг их распространения, «предчувствуя» некоторые последующие события.

¹²⁴ См.: ДСиСА – 1, раздел 5.1.

Глава 6

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ

Содержание

6.1. Диалог с Романом. 2000

6.2. Диалог с Романом. 12 лет спустя

Ремарки:

- «Пилигримы» и «пере-идентификация нашего / не нашего» (раздел 6.1); «Великие китежане» (А.А. Ухтомский и В.Н. Муравьев) (6.1); Диалог - это работа... (6.1)

6.1. ДИАЛОГ С РОМАНОМ. 2000

[Ниже - извлечения из переписки с Романом Ивановичем Ленчовским, моим коллегой и многолетним другом и соавтором.¹²⁵ - А. А.]

А. Алексеев - Р. Ленчовскому (январь 2000)

Дорогой Роман!

Пользуюсь оказией, чтобы переслать Тебе эту дискету.

...Как Ты знаешь, я было затеял переиздание своей «Драматической социологии».

Год трудился. И, как можно было ожидать, получилась совсем ДРУГАЯ книга!

Занимаясь подготовкой первого тома («Выход из мертвой зоны»), я наткнулся на материалы нашей с Тобой переписки 1981-1982 гг. (начало нашей дружбы). Твои письма и заметки тех лет мне показались концептуально важными - и вообще, и в контексте этой книги, в частности.

Я ПРОШУ ТВОЕГО РАЗРЕШЕНИЯ ВКЛЮЧИТЬ В КНИГУ ФРАГМЕНТЫ ЭТИХ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ.

Понимаю, писанное 20 лет назад может показаться автору несовершенно, а кое-что даже неприемлемым для себя сегодня. Но заверяю Тебя, что я этого - в ТВОИХ текстах - не усмотрел (как усмотрел - во многих собственных сочинениях тех лет; так что включал некоторые из них в книгу - не без «мучительных сомнений»).

Вообще же, в этой коллизии, я решил следовать логике, хорошо выраженной поэтом Леонидом Мартыновым, которого люблю:

Пусть уж будет все как будет.

¹²⁵ См.: ДСиСА – 1, раздел 6.3; ДСиСА – 2, разделы 8.9, 9.4, 9.5 и др. См. также: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

Коль себе ты веришь самому!
Пусть другие здраво и рассудят,
Что когда писал ты и к чему.

Дело в том, что то, КУДА мы пришли, можно понять лишь взглядевшись в то, ОТКУДА мы вышли, и как шли - «оттуда - сюда». Для Тебя - тут вряд ли нужны какие-либо дополнительные с моей стороны разъяснения.

Чтобы не слишком было «неловко» перед современным читателем, (для которого наши ранние «откровения» могут показаться наивностью или банальностью), я иногда кратко комментирую написанное ТОГДА («голос за кадром», взгляд на самого себя прежнего). Ты можешь судить об этом по кускам рукописи, которые Тебе посылаю (и для критики, и для ориентировки - в какой «контекст» я Тебя зову)

Это именно КОММЕНТАРИИ, а не современные изыскания на «ту же» тему (иначе книга потеряет свой жанр...).

Вот и Тебе пытаюсь облегчить решение: предлагаю сделать (если захочешь!) авторские «ремарки» на полях или в конце этой подборки твоих текстов начала 1980-х.¹²⁶

Спасибо Тебе, что научил меня тогда - ДИАЛОГУ!

...Сам по себе проект «романа в письмах» (каковым отчасти оказывается данная книга), разумеется, не является такой уж «инновацией». Прецедентов в истории культуры - полно; вот разве что - в истории социологии не знаю.

Но ведь и принадлежность книги к разряду СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ - не бесспорна...¹²⁷ (См. предисловие: «От автора сегодня. 2000»).

В общем, опять получается «эксперимент» (в книге, посвященной эксперименту...). Хотя я теперь к «экспериментам в жизни» - куда меньше склонен, чем прежде. И вовлекаю в него я опять же... Тебя: Друга, Со-автора и Со-беседника.

<...> Моя редактура твоих текстов тех лет - почти исключительно синтаксическая: иногда - точки вместо запятых, чтобы читать было легче; иногда - убираются «лишние» кавычки, или, наоборот, ставятся. Я прикладывал руку к твоим неопубликованным работам и письмам не меньше и не больше, чем к своим собственным, где не позволяя себе не то что модернизации, но даже и «автоцензуры»; а только - купюры или минимальную политехническую правку (в интересах читательского восприятия).

Отнесись и Ты к своим текстам как к «человеческим документам» времени.

Помнишь, когда-то, на смену «Писем Любимым женщинам», я замышлял композицию: «Диалог с Другом» (или - «Диалог с Романом»...). Сохранились заготовки этой композиции начала 1980-х. Вот теперь - ими воспользовался.

Кстати, поделюсь с тобой одним наблюдением (ощущением? соображением?), возникшим от прикосновения к этим «пожелтевшим листкам». Мне кажется, несмотря на пройденную «дистанцию», МЫ ИЗМЕНИЛИСЬ МЕНЬШЕ, ЧЕМ МОЖНО БЫЛО ОЖИДАТЬ.

И вот сейчас замечаю, что, в частности, в твоих личностно-философических письмах и эссе (ныне рассыпанных по страницам «моей», так сказать, книги) есть сквозная нравственная, ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ, пронесенная через всю жизнь.

Такая мелодия, которую никакие преходящие (идеологические, «партийные», конкретно-исторические) диссонансы и асонансы не способны заглушить или исказить. Ни тогда, ни теперь, ни впредь...

Обнимаю Тебя. По возможности, откликнись оперативно!

Твой Андр. Ал. - СПб. 11.01.2000

¹²⁶ Как читатель уже мог заметить, Р. Ленчовский воспользовался этим предложением. См. особенно ДСиСА – 2, раздел 9.5 и др.

¹²⁷ См.: ДСиСА – 1, Предисловие

Ремарка: «пилигримы» и «пере-идентификация нашего / не нашего»

Роман несколько раз звонил по телефону из Киева, озабоченный, что ему не удастся «откликнуться оперативно». Наконец, в мае пришла от него долгожданная посылка, с пометками на полях распечатки той части рукописи, которую я ему посылал.

Письмо Друга на этот раз оказалось предельно лаконичным:

«Сегодня - *ohne Worte* (без слов. - нем. - А.А.). И НУЖНЫХ, и лишних. Киев. 4.05.2000. 8-15».

И еще несколько листочков. На одном из них - отрывок из стихотворения И. Бродского (слово «мимо» подчеркнуто Романом):

ПИЛИГРИМЫ

МИМО ристалищ, капищ,
МИМО храмов и баров,
МИМО роскошных кладбищ,
МИМО больших базаров,
Мира и горя МИМО,
МИМО Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.

<...>

Мир останется вечным,
Может быть, постижимым,
Но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога,
И, значит, остались только
Иллюзия и Дорога. <...>

С припиской:

«Андрею Алексееву - от Иосифа и Романа (один - написал, другой имел счастье ПОСЛАТЬ). На Пасху и День солидарности. 2000 г.».

(Стихотворение Бродского «Пилигримы» датируется 1958 г. См.: Бродский И.А. Избранные стихотворения. 1957-1992. М.: Панорама, 1994, с. 7).

В позднейшем письме, уже от июля, мой друг заметил:

«...Темы последних месяцев: «вкус к НАСТОЯЩЕМУ»... В НАШЕМ с Тобой прошлом (нашем прежнем «со-бытии») – очевидная явленность НЕ «нашего». А что происходит (произошло)? - ПЕРЕ-ИДЕНТИФИКАЦИЯ нашего / не нашего, РАЗВАЛ старых мы-идентичностей (многих!), даже очень близких...»

...Да, разумеется, ПЕРЕ-идентификация, НОВЫЕ идентичности... Но не следует ли отсюда, что идентификация не должна слишком адресоваться «во-вне», но - в не меньшей мере! - и «внутри» (идентификация с «самим собой», вроде пушкинского: «Ты сам свой высший суд!»)? (Май-июль 2000).

А. Алексеев - Р. Ленчовскому (май 2000)

Дорогой Роман!

<...> Твоя корректура достигла меня вчера. Поработав с нею вчера же, в «День печати» (судя, по календарю), я, кажется, ни одной твоей пометки не пропустил, «все учел», и т. д.

Теперь, высылаю уже не дискету <...>, а РАСПЕЧАТАННЫЕ МНОЮ САМИМ куски «Выхода из мертвой зоны», которые имеют к Р. Ленчовскому, как действующему лицу этой социологической драмы (моему Со-беседнику и Со-автору), ПРЯМОЕ отношение.

Посмотри их в качестве уже последней корректуры.

<...> Как Ты уже почти догадался, это письмо, как и предыдущее, есть «лично-публичный» текст: я предполагаю вставить его в книгу.

(Кстати, среди вложенных в этот пакет некоторых моих сочинений последнего времени есть тезисы на тему «Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации», где я пытаюсь в этом «кентаврообразии» разобраться).¹²⁸

<...> Благодарю за присланную Тобой коллекцию украинской прессы.

К сожалению, наш Санкт-Петербургский архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе»¹²⁹ переживает сейчас не лучшие времена: с осени прошлого года архив фактически закрыт (законсервирован, а стало быть - временно недоступен пользователям) и ждет своего перемещения за пределы нашего института.

Впрочем, это - всего лишь «эпизод» из жизни нашего профессионального сообщества, об обстоятельствах которой Ты можешь судить еще из ряда вложений в этот конверт: фрагменты работы, которая посвящена... нашему собственному институту!

(Вот уж не гадал, что придется этим заниматься сегодня, да еще на таком «объекте»...).

После издания постановления Президиума РАН «О создании Социологического института РАН» от 11.01.2000 (нашему СПб филиалу Института социологии РАН предстоит отделиться от alma mater и преобразоваться в САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ академический институт), сложилась ситуация, достойная «кисти Айвазовского» (как говаривали в старину - в Одессе, кажется).

И вот, опять: наблюдающее участие, «театр жизни... в научном институте», драматическая социология (на новом «полигоне»)... Причем - с тем же синдромом НРАВСТВЕННОГО, ГРАЖДАНСКОГО и ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО мотивов (у субъекта, теперь, пожалуй, уже не индивидуального, а коллективного!), что и в «Драматической социологии -1».

<...> Я думаю, Ты «с интересом» ознакомишься и с аналитической запиской «О создании Социологического института на базе Санкт-Петербургского филиала института социологии РАН» (Телескоп, 2000, № 1), и с материалами мартовского опроса научных сотрудников СПбФ ИС РАН, и с дословным («без ретуши и без купюр»!) протоколом совсем недавнего (4 апреля) собрания уже (или еще?) «как бы не существующего» института (в котором я и мои коллеги трудимся вот уже 10 лет).¹³⁰

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ДРАМА АБСУРДА!

Эта драма отражена в «самодельном» 3-х томнике «Драматическая социология - 2 (Жизнь профессионального сообщества в зеркале экспериментального исследования: фрагменты и рабочие материалы)», изготовленном за последнюю пару месяцев и депонированном в библиотеку нашего института. (Оглавление его тоже Тебе посылаю).

Особенно протокол - тщательная расшифровка магнитной записи собрания «ученых мужей и жен» - представляется поистине ДРАМАТУРГИЧЕСКИМ произведением. Где каждый персонаж, сам того не подозревая, рисует свой адекватный образ - не всегда «адекватного» сознания и поведения.

¹²⁸ См.: ДСиСА – 1, раздел 4.5

¹²⁹ Сокращенно – СПб АК. См. ниже: глава 13.

¹³⁰ См.: П-С – 2, глава 4.

(Чем, вообще говоря, лишний раз подтверждается, что нет драматурга гениальнее Господа-бога; а Театр - не только метафора мира, но и сама его повседневная реальность).

Ну, как обычно, я и мои (твои) коллеги и друзья, будучи пессимистами «по наблюдениям», остаются оптимистами - «по убеждениям» (кто сказал? то ли Швейцер, то ли Грамши, то ли кто-то еще, раньше их...). <...>

Пора ставить точку. Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., 6.05.2000

Ремарка 1: «великие китежане» (А.А. Ухтомский и В.Н. Муравьев)

...Вместо «точки» получилась «точка с запятой».

Как раз тогда автор этих строк «набрел» на недавние (1996-1997) первоиздания эпистолярного и дневникового наследия А.А. Ухтомского и о нем. Они побудили вспомнить дары Романа 20-летней давности: письма Ухтомского 1920-30-х гг., опубликованные Е.И. Бронштейн-Шур в 1970-х, с выдвинутыми там императивом «доминанты на Лицо другого» и законом «заслуженного собеседника» и т. д.¹³¹

Другое мое недавнее «открытие» - тоже 70 лет лежавшее под спудом наследие репрессированного на рубеже 20-30-х гг. младшего современника Ухтомского - русского философа В.Н. Муравьева, опубликованное в 1998 г. (см. об этом ниже: раздел «Окна в временем...»)

И возник преемственный (с давним диалогом) предмет обсуждения: «драма и загадка жизни» академика Ухтомского - «монаха в миру и естествоиспытателя, академика и потаенного епископа (?)», «схождение идей и ортогональность судеб» Ухтомского и Муравьева.

В итоге, вместе с вышеприведенным письмом к Роману ушел пакет с материалами на эту тему: письмо (дневник? статья?) о «великих китежане» (искателях правды и истины), также рассчитанное на ответ.¹³²

(Май-июнь 2000).

Ремарка 2: Диалог - это работа...

Четыре месяца спустя я получил от Романа пакет на сотню с лишним машинописных и рукописных страниц. Как мой друг сообщал еще по телефону, это «письмо» он писал с весны, после первого моего к нему обращения.

Роман озаглавил этот пакет:

«Письма, извлечения из дневников и рабочих тетрадей, включая «читательские дневники», заметки, маргиналии и тому подобное, тексты опубликованные, когда такое случается, и еще не опубликованные или вовсе не публикуемые, - естественно, куда в большем объеме, а равно и все, что послано-передано-даровано Андрею Алексею Романом, - вместе с маргиналиями на Андреевых дарах, - с 1981 года, - все это в оригиналах или в подлинных копиях, - к Диалогу, который получается сам собой».

Подлинный ДИАЛОГ - это роскошь общения, но это еще и РАБОТА. И Роман, который 20 лет назад заметил: "...к письмам я отношусь особо...", - и здесь верен себе. (Сентябрь 2000).

6.2. ДИАЛОГ С РОМАНОМ. 12 ЛЕТ СПУСТЯ

Р. Ленчовский – А. Алексею (июль 2012)

¹³¹ См.: ДСиСА – 1, раздел 6.3.

¹³² См. ниже: разделы 6.2.2 и 6.3.

Добрый день, Андрей!

Вчера я не успевал уже сказать об общем впечатлении.

[Речь идет о пересланном мною Роману проекте оглавления и предисловия к настоящим трем томам «Драматической социологии... Из неопубликованных глав», которые первоначально имели нумерация: «Т. 5», Т. 6», «Т. 7». – А. А. Июль 2012].

Судя по тому, что я читал по предыдущей пересылке (от эпистолярной главы до социологии театра), твой новый проект – хорошая затея. Собрать «под одной крышей» редкие разбросанные публикации и ещё не опубликованное, материалы, так или иначе объединённые идеей драматической социологии и социологической ауторефлексии, твоего профессионального жизненного пути, вместе с «корнями и ветвями», – важно и необходимо.

При этом не стоит провоцировать читательское сомнение (во мне таковое готово было зародиться при чтении «Вместо предисловия...») в *целостности и законченности* – всегда, конечно, *относительных* – 4-х томов ДСиСА. Точнее, предположение, что автор сам ревизует в *этом* отношении давний свой новаторский проект, на который только в его «излагательной» части положено 15 (!) лет (1989 – 2004).

На подобное сомнение наталкивает, между прочим, не только формулирование и «панорама» замысла нового проекта в предисловии, но и предложенный способ нумерации томов – в продолжение и «наращивание» тех четырёх до 7.

Нумерация здесь – вещь не внешняя, а знак единой и целостной структуры и единого и целостного – по новому авторскому видению - старо-нового «мегапроизведения». В котором собственно проект ДСиСА (2002 – 2004), как мне представилось, может в итоге просто «утонуть».

Но коль скоро в название нового проекта вносится существенно специфицирующее подзаглавие, то я и предлагаю в виду высказанных предостережений дать самостоятельную, отдельную нумерацию томов: «Т. 1»; «Т. 2»; «Т. 3».

Для связи же с целостным и давно (в коммуникативном смысле) законченным проектом 2002 – 2004 вполне достаточно, как я уверен, того, что Ты уже сделал: *воспроизведения в качестве первой части* нового названия – названия прежнего. Этого очень сильно интегрирующего знака – вполне достаточно. И не только достаточно, но ничего более на уровне идентификационных маркеров литературного произведения и нельзя добавлять для обозначения чаемого единства. Иначе: одно строится, а прежнее – исходное и базовое! – разрушается.

Книжки – акты *коммуникации во времени*. Их тексты нельзя складывать, как если бы это были только *визуальные пространства*, вроде как кубики. Свершившееся – уже свершено и завершено. Одно дело – присоединение очередных томов в целостно воспринимаемом *едином темпо-ритме* (тт. 1-2 – 2002 / тт.3-4 – 2004), совсем другое – зияние почти десятилетнего временного интервала (2004 – 2012), причём, с заметным «ответвлением» П-С (2010) внутри этого интервала.

Итак, новому твоему предприятию я желаю естественного успеха.

А Тебе – осмотрительности в сооружении нового «здания», чтобы «надстройка» трёх новых массивных «этажей» не нарушила того впечатления, которое производили давно уже известные четыре, - можно сказать, *исторические*. (Так метафора времени реализуется в творчестве зодчего! В особенности – питерского :-) !)

<...>

Жму руку и обнимаю!

До связи, Роман
29.07.2012 / 19:19 /К

А. Алексеев – Р. Ленчовскому

Дорогой Роман!

Ну, Ты, может, не всегда оперативен, зато сверхдобросовестен. Предложения – как обычно – дельны и всесторонне аргументированы (обоснованы). Особенно радикально – последнее: про нумерацию томов и т. п. Я принимаю его с благодарностью.

Итак: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав». Тома 1, 2, 3

В нижеприведенном исправленном тексте Предисловия желтым помечены изменения, внесенные после твоего первого, утреннего, письма, голубым – те, что после второго, вечернего. Практически все твои соображения приняты мною во внимание, другое дело – насколько удачны исправления.

Концептуально: да, была громоздкая, неуклюжая, но ЦЕЛОСТНОСТЬ рукописи 1999-2001 гг. Вызванные внешними причинами сокращения ее потребовали создания новой целостности – издания 2003-2005 гг. Из того же, что не вошло туда, ныне сформирована новая целостность – «Из неопубликованных глав», которая и автономна относительно известного 4-томника, и является своего рода его «продолжением».

Преимственность должна обеспечиваться названием, а не нумерацией томов. В итоге же – получается некая «Человеческая комедия» (вспомним Бальзака), где каждый том есть самостоятельный роман.

Итак, спасибо! Вспоминается твое участие в выборе последовательности глав 4-томника «Драматическая социология...». Твой нынешний вклад в «Драматическую социологию... Из неопубликованных глав» не менее ценен.

Зина, которой я показал это письмо, присоединяется к этой моей благодарности.
<...>

Обнимаю! АА. 29.07.2012. 22:25

+++

ЧАСТЬ 2

Глава 7

УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ: А. ШВЕЙЦЕР, А.А. УХТОМСКИЙ, А.А. ЛЮБИЦЕВ (ТРИПТИХ)

Содержание

- 7.1. Подвиг жизни во имя человечности и этическое учение Альберта Швейцера
 - 7.1.1. Конспект биографии
 - 7.1.2. Три принципа этики А. Швейцера: "благоговение перед жизнью", "человек – человеку" и "человек и природа"
 - 7.1.3. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью
 - 7.1.4. "Из моей жизни и мыслей"
 - 7.1.5. Феномен Швейцера: своеволие, индивидуализм, рационализм, подвижничество
 - 7.1.6. Швейцер А. Гуманность
 - 7.1.7. Из книги В. Леви «Одинокий друг одиноких»
- 7.2. Монах в миру и естествоиспытатель, академик и потаенный епископ (?) Алексей Алексеевич Ухтомский
 - 7.2.1. Уникальное явление в русской культуре
 - 7.2.2. Из писем, записных книжек, заметок на полях книг
 - 7.2.3. Драма и загадка жизни академика Ухтомского
 - 7.2.4. "Будь что будет, а делай что надобно"
- 7.3. Интермедия: А.А. Ухтомский. В.Н. Муравьев. Схождения идей и ортогональность судеб
 - 7.3.1. "Загадки жизни" Ухтомского – нет! (письмо "адвоката дьявола")
 - 7.3.2. Трагедия создателя "философии времени" (В.Н.Муравьев)
- 7.4. Овладение временем. В.Н. Муравьев
- 7.5. Наука – Жизнь – Лицо. Эпистемология А.А. Ухтомского
- 7.6. Наш современник и человек на все времена Александр Александрович Любицев
 - 7.6.1. Человек, смотрящийся в часы

- 7.6.2. Основные даты жизни и деятельности
- 7.6.3. Эта странная жизнь... Этот удивительный человек...
- 7.6.4. А.А. Любичев: "Мысли о многом"
- 7.6.5. Собеседники и соавторы А.А. Любичева
- 7.6.6. А.А. Любичев: масштаб личности и духовное наследие
- 7.6.7. Критический плюрализм А.А. Любичева
- 7.6.8. Дополнительные факты и соображения
- 7.6.9. В коридорах власти
- 7.6.10. Уроки мысли, жизни и общения
- 7.6.11. «Как стать личностью более благоустроенной, хотя бы в смысле использования собственной головы для себя...»

7.7. О целостности диалога и о преодолении бинаризма в ситуациях морального выбора (Р.Г. Баранцев)

- 7.7.1. К целостности диалога
- 7.7.2. Преодоление бинаризма в ситуациях морального выбора

Ремарки:

Открываем Швейцера (раздел 7.1); Биография А.А. Ухтомского - общность и конфликт интерпретаций (7.2.1); Автобиография – необходимая и достаточная (7.2.1); В.Н. Муравьев и В.И. Вернадский (7.3.2); В.И. Вернадский и А.А. Ухтомский (7.3.2); "...причастные ко злу..." (7.3.2); «...способность воскрешения...» (7.4); Человек и время - учение Муравьева и эксперимент Любичева (7.4); Кем был Любичев (7.6.1); Учет, самоотчет и планирование (7.6.1); Любичев о своей системе жизни (7.6.3); Кто же здесь автор? (7.6.5); Читатели, собеседники, соавторы (7.6.5); Начало любичевяны (1970-90-е гг.) (7.6.8); Мысль изреченная всегда неполна... (7.6.8); "Любительство" Любичева (7.6.10); Стиль Любичева (7.6.10); «Секреты» системы Любичева (7.6.11); «Такая добровольная каторга...» (7.6.11); Возможно ли воспроизведение опыта Любичева? (7.6.11); «Душеприказчики» А.А. Любичева (7.6.11); «Эта счастливая жизнь» (7.6.11); О тринитарной методологии (7.7); Еще о тринитарной методологии 7.7.2).

Предисловие

Ранее, в томе I «Драматической социологии и социологической ауторефлексии»¹³³ рассказывалось о том, как автор на рубеже 1970-80-х гг. "искал теоретические и методолого-методические подходы к социологии жизненного пути, а нашел себе... новых учителей жизни".

Это были: Альберт Швейцер, Алексей Алексеевич Ухтомский и Александр Александрович Любичев.

Пожалуй, стоит напомнить, как, при чьем участии, случились для автора эти "встречи".

Об А.А. Любичеве я (как, думаю и многие!) впервые узнал из документальной повести Даниила Александровича Гранина – "Эта странная жизнь" в конце 1970-х. Несколько лет спустя судьба свела с Рэмом Георгиевичем Баранцевым – одним из

¹³³ См.: ДСиСА – 1, глава 6. Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> .

младших друзей и “душеприказчиков” А.А. Любичева, публикатором его духовного наследия. Дружба с Рэмом Баранцевым как бы озарена светом Любичевского гения.

Извлечения из личной переписки А.А. Ухтомского 20-30-х гг. были впервые обнаружены Еленой Исааковной Бронштейн-Шур, их адресатом, через 20 лет после смерти учителя. Мое приобщение к этой сокровищнице состоялось благодаря Роману Ивановичу Ленчовскому, обратившему на эту публикацию мое внимание на заре нашей дружбы, в начале 1980-х.

Наконец, Альберт Швейцер открылся для меня “сам”: в конце 1970-х я “наткнулся” на “Культуру и этику” и “Письма из Ламбарене” (изданные на русском с полувековым запозданием...). Хотя, строго говоря, и здесь не обошлось без “посредников”: переводчиков и издателей этих книг в СССР, исследователей жизни и творчества великого гуманиста. (Среди них назову одного – своего сокурсника по филологическому факультету Ленинградского университета в начале 1950-х, философа и публициста Вилли Александровича Петрицкого).

Итак, Любичев, Ухтомский, Швейцер...

Можно было бы порассуждать о том, что именно **роднит** этих подвижников и мыслителей XX века (кстати, все трое – “выходцы” из XIX-го: А. Швейцер родился в 1875 г., А.А. Ухтомский – тоже в 1875-м; А.А. Любичев – в 1890-м) и, вместе с тем, наших старших современников.

Есть, конечно же, и существенные **различия** между ними...

Однако пусть лучше и о различиях, и о сходстве судит сам читатель. (Июнь 2000).

7.1 ПОДВИГ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА ¹³⁴

Из энциклопедического словаря (1998):

<...> **Швейцер** (Schweitzer) Альберт (1875-1965), нем.-франц. мыслитель, близкий к **философии жизни**, протестантский теолог и миссионер, врач, музыковед и органист. В 1913 организовал госпиталь в Ламбарене (Габон). Исходный принцип мировоззрения Ш. – “преклонение перед жизнью”, основа нравств. обновления человечества. Иссл. об И.С. Бахе (рус. пер. 1934 и 1965). Ноб. пр. мира (1952). (Большой энциклопедический словарь. М., 1998, с. 1366).

[Этой справки, дословно воспроизводящей (в 1998 г.!) статью из более ранних изданий “Советского энциклопедического словаря”, разумеется, недостаточно.

Ниже – мой собственный конспект биографии А. Швейцера. – А.А.]

Ремарка: открываем Швейцера. ¹³⁵

С учением А. Швейцера о «благоговении перед жизнью» (*Ehrfurcht vor dem Leben*), в частности, с его книгой «Культура и этика» мне довелось познакомиться в конце 1970-х. Подвиг жизни Швейцера и названная книга тогда произвели на автора этих строк очень сильное впечатление. Уже в начале 1980-х, помню, в часы простоя читал — в инструментальной кладовой цеха № 3 завода «Ленполиграфмаш» — швейцеровские «Письма из Ламбарене».

Здесь заметим, что имя Альберта Швейцера (1875–1965), одного из величайших мыслителей XX века, философа-гуманиста и общественного деятеля, музыканта,

¹³⁴ См. также: ДСиСА – 1, разделы 6.3 и П.6.1.

¹³⁵ Текст настоящей ремарки см. также: ДСиСА – 1, раздел 6.3.2

богослова и естествоиспытателя, легендарного миссионера и «доктора из джунглей» в Ламбарене (Габон, Экваториальная Африка), у нас долгое время замалчивалось. (Например, его нет в многотомной Большой советской энциклопедии 1950-х гг.)

В середине 1960-х завеса молчания была прорвана (работы В. Петрицкого, Ю. Левады, перевод книги Г. Геттинга и др.). В начале 1970-х:

- вышел сборник статей: Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М.: Наука, 1970;

- была защищена первая диссертация о Швейцере: В. А. Петрицкий. Этическое учение А. Швейцера. Автореф. канд. дисс. Л.: ЛГУ, 1971;

- вышла книга в серии «Жизнь замечательных людей»: Носик Б. М. Альберт Швейцер. М.: Молодая гвардия, 1971.

- вышла книга: Петрицкий В. А. Свет в джунглях. Л.: Детская литература, 1972.

В 1973 г. (через полвека после первоиздания), появился первый русский перевод описания Швейцера — «Философия культуры» (часть 1: «Упадок и возрождение культуры»; часть 2: «Культура и этика»¹³⁶). В 1978 г. в издательстве «Наука» (серия «Литературные памятники») вышли труды Швейцера «Между водой и девственным лесом» и «Письма из Ламбарене» (впервые опубликованные на Западе в 1920-х гг.).

Характерна тогдашняя сдержанная официальная оценка этического учения А. Швейцера:

«...Внутренняя логика его убеждений (пусть не всегда совпадающая с логикой реальной действительности), страстность его веры в торжество добра и человечности, бескорыстное служение принятым идеалам, обаяние его незаурядной личности — все это внушает глубокое уважение к Альберту Швейцеру. Вместе с тем нельзя не признать, что автор книги не дает, и по вполне понятным причинам не может дать, точного диагноза недугов западной культуры, не ставит ее деградацию в прямую связь с кризисом устоев буржуазного общества, не видит реальных путей выхода из этого кризиса... Путь к жизнеутверждению через этическую мистику и религию уводит в сторону от столбовой дороги развития человечества...». (От издательства / Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973, с. 4).

...В те времена у нас это называлось «абстрактным гуманизмом» <...>

Только в 1990-х труды Швейцера стали широко публиковаться в России:

- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992;

- Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993.

(Оба названных издания включают также «Культуру и этику», впервые изданную у нас в 1973 г. «для научных библиотек»);

- Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996.

(Май 2000).

7.1.1. Конспект биографии

Альберт Швейцер родился в 1875 г., в бедной пасторской семье, в Эльзасе. Его предки, и по отцовской, и по материнской линии, были либо священниками, либо церковными органистами.

С 5 лет отец стал давать ему уроки музыки. В 9 лет мальчик в первый раз занял место органиста на церковной службе.

¹³⁶ Тогда, с ограничением на распространение — «для научных библиотек», была издана только 2-я часть «Философии культуры»: «Культура и этика».

В детстве – приобщенность к крестьянскому труду. Сельская школа, “реальная школа”, гимназия. С 1893 г. – студент теологического факультета Страсбургского университета.

В университете – изучение философии, богословия. Занятия музыкой. Юношеские идеалы Ш. – И.Кант и И.С.Бах. 1899 г. – выходит в свет докторская диссертация Ш. “Философия религии Канта”. После – работал викарием в Страсбурге. Продолжение философских и теологических штудий.

С 1902 г. Ш. становится приват-доцентом теологии в Страсбургском университете. Занимается историей изучения жизни Иисуса. Теологические работы Ш. неортодоксальны, часто противоречат канонической точке зрения (так называемое “либеральное богословие”).

1905 г. – выходит в свет первое издание монографии Ш. о творчестве Баха. Параллельно – совершенствование в органном искусстве. Исследования в области истории органостроения и работа по реконструкции (спасению) старинных органов.

Как органист-виртуоз и глубокий музыковед, Ш. приобретает европейскую известность. Знакомство и дружба с Р. Ролланом, с другими выдающимися современниками.

Еще студентом (1896) Ш. дал себе клятву – до 30 лет набираться знаний и опыта, стремиться преуспеть в науках и искусстве, а затем посвятить себя “непосредственному” служению людям. Как именно? Попытки заняться благотворительной деятельностью, еще в студенческие годы и позже, Ш. не удовлетворяют.

В 1905 г. Ш. объявляет родным и друзьям о своем решении посвятить свою дальнейшую жизнь врачебной деятельности в Экваториальной Африке. В возрасте 30 лет он поступает студентом на медицинский факультет Страсбургского университета.

8 лет длится обучение Ш. медицине, при том что продолжают его прежние занятия: исследовательская (теология, музыковедение), преподавательская (лекции), конфессиональная (проповеди), музыкально-исполнительская деятельность.

Выходят в свет труды Ш.: “История изучения жизни Иисуса” (1906), расширенное вдвое издание книги о Бахе (1908), “История толкований учения апостола Павла” (1911).

1913 г.: Ш. – доктор медицины, высококвалифицированный врач широкого профиля. (Диссертация по медицине: “Психиатрическая оценка Иисуса: характеристика и критика”).

В том же, 1913 г. Ш., вместе с женой Хелене, отплывает в Африку, где в селении Ламбарене на р. Огове (территория Габон) основывает первую в этих местах больницу для африканцев. Ш. – 38 лет.

Как писал позднее сам Ш., “...что касается отношения друзей к моему плану, то самым странным и совсем уж не поддающимся разумному объяснению им казалось то, что я собираюсь отправиться в Африку не миссионером, а врачом...”.

Но: “...я хотел стать врачом, чтобы иметь возможность работать, а не заниматься разговорами. Многие годы я выражал себя в словах. Работа преподавателем теологии и проповедником была моим призванием, и я следовал ему с радостью. Но, думая о новой форме деятельности, я не мог даже представить себя говорящим о религии любви; я мог думать только о том, как я буду претворять ее в жизнь. Медицинские знания давали мне возможность осуществить мои намерения самым лучшим и полным образом, куда бы ни привело меня мое служение. А в Экваториальной Африке эти знания были просто необходимы, поскольку район, в который я собирался ехать, судя по миссионерским отчетам, больше всего нуждался именно во враче...” (Швейцер А. Из моей жизни и мыслей. Цит. по: Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996, с. 59).

Подробно о первых годах своей жизни и работы врачом (начинать пришлось со строительства больницы своими руками, при помощи будущих пациентов) Ш.

рассказывает в книге “Между водой и девственным лесом (переживания и наблюдения врача в девственном лесу Экваториальной Африки)” (1921).

“Рассказывая обо всем, что мне там довелось испытать и увидеть... я пользуюсь теми отчетами, которые я, живя в Ламбарене, писал по два раза в год и которые, перепечатав, рассылал потом моим друзьям и всем тем, кто оказывал мне материальную помощь в моем деле” (Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л., 1978, с. 13).

Вот оглавление книги А. Швейцера “Между водой и девственным лесом”:

1. Как я пришел к тому, чтобы сделаться врачом в девственном лесу. Огове. Страна и люди. 2. Поездка. 3. Первые впечатления и переживания. 4. От июля 1913 до января 1914. 5. От января до июня 1914. 6. Лесоповал и лесосплав в девственном лесу. 7. Социальные проблемы девственного леса. 8. Рождество 1914. 9. Рождество 1915. 10. О миссионерах. 11. Заключение. (См.: Швейцер А. Письма из Ламбарене...).

А вот характерный фрагмент из этой книги, относящийся к началу врачебной деятельности Ш. в Ламбарене (июль 1913):

“...Теперь дело идет на лад. Моя жена ведает инструментами и делает все приготовления к хирургическому вмешательству; во время операций она бывает мне ассистентом. Вместе с тем она ведает перевязочными материалами и больничным бельем.

Прием начинается около половины девятого утра. Больные ожидают на скамейках в тени моего дома, перед курятником, в котором я работаю. Каждое утро один из помощников доктора объявляет правила поведения больных. Они гласят:

1. Вблизи дома доктора плевать воспрещается.
2. Ожидающим приема не разрешается громко между собой разговаривать.
3. Больные и сопровождающие их лица должны приносить с собой запас еды на целый день, потому что доктор не всех может принять утром.
4. Тот, кто без разрешения доктора проводит на пункте ночь, не будет получать лекарств. (Нередко случалось, что пришедшие издалека больные собирались в спальне школьников, выставляя мальчиков за дверь, а сами ложились на их кровати).
5. Флаконы и жестяные коробочки из-под лекарств надо возвращать обратно.
6. Когда в середине месяца пароход уходит вверх по течению, не следует беспокоить доктора, кроме как в неотложных случаях, до тех пор, пока пароход не вернется. В эти дни он пишет в Европу, чтобы получить оттуда хорошие лекарства. (Пароход в середине месяца, следуя вверх по течению, привозит почту из Европы, а на обратном пути увозит наши письма...)” (Швейцер А. Письма из Ламбарене..., с. 27).

Врачебная деятельность Ш. естественно соединяется с проповеднической. (Хотя – официально – он только врач. Более того, Парижское миссионерское общество первоначально потребовало от Ш. быть “немым как рыба”, опасаясь неортодоксальности его религиозных взглядов. Впрочем, потом это ограничение было снято...).

“...Общаясь с первобытными людьми, я, естественно, задавал себе вопрос, по которому велось в то время много споров: являются ли эти люди всего-навсего пленниками древних обычаев, или они способны к подлинно самостоятельному мышлению? В беседах с ними я, к своему удивлению, обнаружил, что они интересуются изначальными вопросами о смысле жизни и природе добра и зла гораздо больше, чем я предполагал...”

Проповедовать было для меня великой радостью. Особенно восхищала меня возможность передавать изречения Иисуса и Павла людям, для которых они были чем-то новым. Переводчиками были туземцы – учителя имевшейся при миссии школы...” (Швейцер А. Жизнь и мысли..., с. 86-87).

С началом Первой мировой войны Ш., как немецкий подданный, арестован французскими властями и вынужден приостановить врачебную деятельность. При этом он продолжает жить в Ламбарене.

“...Когда мне запретили работать в больнице, я думал вначале приняться за завершение книги об апостоле Павле. Но другая тема немедленно и полностью завладела мной – тема, над которой я размышлял долгие годы и которую война сделала по настоящему актуальной – проблема нашей культуры...” (Швейцер А. Жизнь и мысли..., с. 89).

Таковы обстоятельства приступа Ш. к его opus magnum (главному труду) – “Философия культуры”.

В 1917 г. удастся возобновить работу в больнице. Однако вскоре за тем Ш. с женой привозят в Европу и содержат в лагерях для интернированных. Ш. там работает врачом. После освобождения и операции (последствия дизентерии, перенесенной в лагере) Ш. живет в Страсбурге. Работает там врачом и викарием в церкви (с осени 1918 г.).

В 1920 г., оставив обе должности, Ш. посвящает себя преимущественно литературной работе. Книга Ш. “Между водой и девственным лесом” выходит в 1921 г. К тому же времени относятся продолжение занятий философией культуры.

Поездки по Европе с лекциями, докладами, органными концертами. Избран почетным доктором Цюрихского университета (1920).

С 1920 г. Ш. начинает подготовку к новой поездке в Африку. Собирает средства на нужды больницы. Изучает тропическую медицину в Гамбурге, совершенствуется в стоматологии и акушерстве.

В 1923 г. выходят в свет первые две части “Философии культуры” (“Упадок и возрождение культуры” и “Культура и этика”). В этой книге Ш. критически анализирует основные этические системы, сложившиеся и развивавшиеся от древности до конца XIX века и излагает начала своего учения о благоговении перед жизнью.

Сам же Ш. в начале 1924 г. снова уезжает в Экваториальную Африку. Ему уже 49. Жизнь и работа Ш. там в течение последующих трех лет освещены в книге “Письма из Ламбарене. 1925-1927”.

В дальнейшем Ш. живет и работает преимущественно в Ламбарене. Периодически он выезжает в Европу, где выступает с лекциями и концертами, дописывает и издает свои книги. В летописях жизни Ш. принято обозначать его поездки “из Европы в Африку” и периоды “пребывания в Ламбарене” (всего с 1913 по 1965 г. их насчитывается 14). Однако с равным правом можно говорить о поездках “из Африки в Европу” и периодах “пребывания вне Ламбарене”. Ибо именно в Ламбарене теперь основное место его жизни и работы.

Уже в 1920-х гг. Ш. приобретает всемирную известность. Его книги “Между водой и девственным лесом” и “Философия культуры” довольно скоро переведены на все основные европейские языки.

Личная самоотверженность и бытовой аскетизм Ш. проходят испытание мировыми рукоплесканиями. Ш. удается обратить сложившийся “культ” своей личности на пользу делу своей жизни – больнице в Ламбарене.

Материальными источниками существования больницы поначалу были пожертвования друзей и гонорары самого Ш. По мере роста славы “доктора из джунглей”, и пожертвования, и гонорары многократно растут.

Как заметил сам Ш. (начало 1920-х): “...за отказ от преподавания в Страсбургском университете я получил ту компенсацию, что отныне мне предлагали читать лекции во многих других университетах. После временной утраты материальной независимости мне удалось вновь завоевать ее с помощью оргАна и пера...” (цит. по: Фрайер П.. Альберт Швейцер. Картина жизни. М.: Наука, 1984, с. 127).

...С годами больница в Ламбарене расширяется, становится высоко оснащенным (по тем временам) медицинским центром. Уже многие европейцы хотят стать помощниками Ш. (Первые добровольцы – сиделка и врач из Европы присоединились к Швейцеру в 1924 г.).

Чрезвычайным является авторитет Ш. и среди местного (африканского) населения. Первоначальное недоверие “туземцев” к европейскому доктору, бесплатно спасающему жизни и облегчающему страдания, вскоре сменяется почитанием...

Всемирная слава Ш. делает очень весомыми его общественные выступления. Антимилитаристская позиция в период Первой мировой войны (в одном ряду – с Р.Ролланом и другими деятелями культуры). Уже в 20-30-х – антиколониальные выступления, в защиту прав коренного населения Африки... Антифашистские выступления...

...Геббельс надеялся использовать приезд знаменитого соотечественника в Германию в пропагандистских целях. Ш. отвечает на его приглашение категорическим отказом, язвительно подписавшись: “с центральноафриканским приветом” (письмо Геббельса было подписано: “с немецким приветом”...).

Основные опубликованные труды А.Швейцера 1930-х гг:

“Мистика апостола Павла” (1930), “Из моей жизни и мыслей” (1931), “Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика” (1935), “Африканские охотничьи истории” (1936), “Африканские истории” (1938).

Особенно тяжелыми для Швейцера и его добровольных помощников были годы Второй мировой войны, когда больница в Ламбарене оказалась без всякой материальной поддержки извне.

...После войны – новый взрыв мировой славы уже 70-летнего “доктора из Ламбарене”. Приглашения во все страны мира. Поток престижнейших премий и почетных дипломов. (Правда, была и хула...). Активные выступления Ш. против угрозы атомной войны.

В 1953 г. Швейцеру присуждена Нобелевская премия мира. (Впервые Ш. выдвигался на эту премию Р. Ролланом еще в 1931 г.).

Из последних 20 лет жизни (после второй мировой войны) Ш. в общей сложности около 10 лет проводит в Европе, а остальные – в Ламбарене, где продолжает руководить расширяющейся больницей.

“По данным отчета, составленного доктором Мюллером еще при жизни Швейцера, в больницу ежегодно обращалось около пяти тысяч человек. Треть из них госпитализировалась. Остальные лечились амбулаторно. Особенно хорошо была поставлена хирургия. В среднем в год делалось 500-700 операций. В 1962 году было произведено 950 операций. Ежегодно в больнице рождалось от 300 до 400 детей...” (Петрицкий В.А. Жизнь-аргумент / Фрайер П. Альберт Швейцер. Картина жизни. М.: Наука, 1984, с. 219).

Как отмечает автор послесловия к книге: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992, – “...медицинский городок в Ламбарене усилиями друзей и последователей Швейцера живет полной жизнью, сохраняет (и сегодня. – А.) достигнутый при великом докторе профессиональный уровень и нравственный дух”. Однако, “с горестью приходится констатировать, что он все еще остается единственным в своем роде”. (Гусейнов А.А. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера / А.Швейцер. Благоговение перед жизнью..., с. 545).

Основные послевоенные труды А. Швейцера:

“Африканский дневник. 1939-1945” (1946), “Госпиталь в джунглях” (1948), “О положении нашей культуры” (1947), “Гете. Четыре речи” (1950), “Философия и движение в защиту животных” (1950), “Проблема мира в современном мире” (1954; Нобелевская речь), “Проблема этического в развитии человеческой мысли” (1955), “Мир или атомная война?” (1958), “Учение о благоговении перед жизнью” (1962).

А. Швейцер скончался, в возрасте 90 лет, 4 сентября 1965 г. в Ламбарене (Республика Габон).

По выражению Мартина Лютера Кинга, “с кончиной Альберта Швейцера исчезла одна из самых ярких звезд на нашем небосводе. Его долгий и богатый трудами

жизненный путь ученого и подвижника во имя человечности стал героической поэмой XX века” (цит. по: Петрицкий В.А. Жизнь-аргумент..., с. 222).

А.А., апрель-май 2000

[Это – беглый и компилятивный очерк жизни и деятельности Альберта Швейцера, на базе разных источников (в которых теперь, на русском языке, нет недостатка).¹³⁷

Но для того, чтобы дать адекватное представление о существовании этического учения Швейцера, лучше все же отдать предпочтение текстам самого А. Швейцера и нескольким компетентным комментариям к ним. См. ниже. – А. А.]

...Я всегда считал, что идеалист обязан смотреть на вещи трезво, и понимал, что любое движение по нехоженому пути связано с риском и что только в редких случаях этот риск представляется оправданным, а вероятность успеха – достаточно высокой. Я считал, что мой случай относится к числу этих немногих, потому что я долго обдумывал свое решение со всех точек зрения, и еще потому, что у меня были здоровье, крепкие нервы, запас энергии, практический здравый смысл, упорство, осмотрительность, весьма скромные потребности – словом, все качества, необходимые для того, чтобы идти по выбранному пути. Наконец, я верил, что в случае провала моего плана уравновешенный характер позволит мне выдержать этот удар...

А. Швейцер. "Из моей жизни и мыслей" (Цит по: Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993, с. 113)

... "Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить". Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. В каждое мгновение сознания оно появляется передо мной. Как из непересыхающего родника, из него постоянно бьет живое, схватывающее все факты бытия миро- и жизневоззрение...

...С неутомимой жизненной энергией чувство благоговения перед жизнью вырабатывает в человеке определенное умиротворение, пронизывая его и привнося в него беспокойство постоянной ответственности. Подобно винту корабля, врезающемуся в воду, благоговение перед жизнью неудержимо толкает человека вперед...

А. Швейцер. Из "Культуры и этики". 1923

...Наша жизнь есть вечная полемика нашей воли жизни с миром, полемика, в которой мы постоянно отстаиваем тезис о том, что никогда не согласимся на принижении воли к жизни.

Никогда не кончится в нас борьба между оптимизмом и пессимизмом. Мы все время идем по краю пропасти пессимизма.

Если то, что мы переживаем в нашей собственной жизни или в истории человечества, угнетающе действует на нашу волю к жизни и лишает нас чувства бодрости, мы можем потерять опору и вместе с оторвавшимся камнем скатиться в пропасть. Но зная,

¹³⁷ См., например:

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B5%D1%80,%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82>.

что внизу нас ожидает смерть, мы вновь нащупываем надежную тропу.

...Сфере моего влияния принадлежит лишь бесконечно малая часть бесконечного бытия. Все остальное проходит мимо меня, как далекие корабли, которым я подаю непонятные для них сигналы. Ради же того, что принадлежит сфере моего влияния и что нуждается в моем участии, я осуществляю духовное, внутреннее самоотречение в бесконечном бытии и придаю тем самым моему бедному существованию смысл и богатство. Река нашла свое море...

Альберт Швейцер. Из "Культуры и этики". 1923

...Только тот, кто способен найти ценное в любой деятельности и посвятить себя ей с полным пониманием своего долга, - только такой человек имеет внутреннее право поставить своей целью экстраординарную деятельность вместо той, которая естественным образом выпала ему на долю. Только человек, предпочитающий делать само собой разумеющееся, а не из ряда вон выходящее... способен стать духовным искателем приключений, в которых нуждается мир...

Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993, с. 113

7.2. Три принципа этики А. Швейцера: “благоговение перед жизнью”, “человек – человеку” и “человек и природа”

[Ниже – извлечения из работы В.А. Петрицкого «Альберт Швейцер и его “Письма из Ламбарене”», опубликованной в качестве приложения в составе академического издания “Писем из Ламбарене” (1973). – А. А.]

<...> Веками мечтали лучшие умы человечества о достижении гармонии добра и красоты, слова и дела; о цельной человеческой личности, которая являла бы единство лучших черт человека-труженика, творца, доброго к людям и к природе, прекрасного в своих словах и поступках. В осуществление этой вековой мечты Альберт Швейцер стремился внести посильный вклад. Его этическое учение о благоговении перед жизнью нацелено, если так можно выразиться, на достижение единства слова и дела, добра и красоты. Перефразируя евангельское: “В начале было слово”, Швейцер вслед за Гете, высоко им ценившимся как идеал разносторонне развитой личности, утверждал: “В начале было дело! Этика начинается там, где кончаются разговоры”.

Не было бы подвига во имя человечности, длившегося более полувека, если бы еще в 90-х гг. Швейцер не осознал внутренне и бесповоротно: добро есть деяние, направленное на сохранение и совершенствование жизни.

Этому принципу он неизменно следовал сам – и в главном, и в мелочах. И призывал людей следовать ему своим примером высокого и бескорыстного служения делу, избавляя страждущих от боли, спасая от смерти тех, кто потерял последнюю надежду.

Важнейшим принципом швейцеровской этики является благоговение перед жизнью. К нему Альберт Швейцер пришел в Африке. 13 сентября 1915 г. доктор плыл на маленьком речном суденышке к тяжелобольной женщине. Во время многодневного пути по реке Огове он продолжал работать над своими заметками по философии культуры. Размышляя о сущности нравственности, Швейцер зашел в тупик. Понимание добра менялось в зависимости от обстоятельств, от условий жизни людей и их нравственной

практики. Но мыслителю хотелось бы найти в этой относительности модификаций добра какое-то абсолютное зерно.

“Рассеянно сидел я на палубе, – вспоминал позже Швейцер, отыскивая простое и универсальное понятие этического, которого я не находил ни в какой философии. Страницу за страницей исписывал я бессвязными заметками для только затем, чтобы сосредоточиться на этой проблеме. Вечером третьего дня, когда мы на закате солнца проплывали прямо через стадо бегемотов, встали вдруг передо мной слова “благоговение перед жизнью”... Отныне я был проникнут идеей, в которой миро- и жизнеутверждение соотносились с нравственностью. Отныне я знал, что мировоззрение этического миро- и жизнеутверждения вместе с их культурными идеалами основывается на разуме” ([1], S. 152-153).

Суть швейцеровского принципа – признание и утверждение высочайшего смысла жизни. Жизнь, согласно Швейцеру, как самое сокровенное из того, что создала природа, требует к себе великого уважения. Это требование охватывает любую жизнь, независимо от уровня ее развития. “Этика благоговения перед жизнью, – подчеркивает Швейцер, – не делает различия между жизнью высшей или низшей, более ценной или менее ценной”. ([2], S. 55).

Первичность факта жизни, ее уникальность в любых формах проявления – вот что, по мнению Швейцера, следует принимать во внимание при разработке норм нравственных отношений. Споря с известным высказыванием Декарта “Мыслю, следовательно, существую”, Швейцер противопоставляет декартовской свою формулу: **“Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить”** ([3], S. 377). *[Выделено мною. – А. А.]*

Из этой формулы Альберт Швейцер пытается вывести универсальные понятия добра и зла: “Добро – это сохранять жизнь, содействовать жизни, зло – это уничтожать жизнь, вредить жизни” ([3], S. 378). Так понимая добро и зло, люди, полагал Швейцер, смогут достичь единения со Вселенной.

(Ср. у К.Э. Циолковского: “Этика космоса, т. е. его сознательных существ, состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других, незрелых или начинающих свое развитие животных”. Циолковский К.Э. Научная этика. Калуга, 1930, с. 44).

Взаимосвязь и взаимообусловленность различных форм жизни в окружающем нас мире должна определять такие отношения между ними, которые будут направлены на сохранение и совершенствование жизни вообще, иначе прогрессивное развитие ее невозможно. Поэтому, по мысли Швейцера, нравственность является не только законом жизни, но и коренным условием ее существования и развития.

При своеобразии подхода Швейцера к созданию абсолютных формул добра и зла следует заметить, что философ не учитывает главного – классового, исторически меняющегося содержания моральных норм и идеалов.¹³⁸ Поиск абсолюта в морали неизбежно приобретает абстрактный характер. О подобного рода поисках Ф. Энгельс, критикуя Л. Фейербаха, замечал, что мораль, скроенная для всех времен и народов, для всех состояний, неприменима нигде и никогда. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 44).

Два других принципа этического учения Альберта Швейцера – “человек – человеку” и “человек и природа” естественно вытекают из главного принципа его этики. И не только вытекают, но и дополняют, конкретизируют его.

Этический принцип “человек – человеку” основывается на двух положениях: на признании того, что мораль отражает, формирует и культивирует отношения сотрудничества, солидарности людей и что она сама развивается и совершенствуется по

¹³⁸ Напомним, что здесь цитируется работа, опубликованная в составе советского издания книги А. Швейцера (1978).

мере расширения этого сотрудничества, вовлечения в него все более широкого круга людей.

Не менее важно признание и того, что мораль есть система нравственных требований и поэтому может и должна быть действенной. Ее требования могут и должны становиться эффективно действующими нормами взаимоотношений и поведения людей.

Человек – не изолированный от других людей элемент общества. Его соединяют с другими людьми многообразные связи. Человек приходит в мир, который был создан до него трудом его предков. Приходящий в мир как бы принимает эстафету дел и традиций людей, живших до него. Он сам несет эту эстафету и передает ее потомкам. Вот почему этика благоговения перед жизнью требует от каждого человека “думать о других людях, всякий раз взвешивать”, есть ли у него “право срывать все плоды, до которых может дотянуться” рука ([3], S. 392).

Но философ призывает не только пассивно думать о других. Действенный характер этического принципа “человек человеку” сказывается прежде всего в том, что он побуждает индивида ощутить себя активной частью целого, побуждает переживать не только свою собственную боль и радость, но и боль других людей, как свою собственную.

И наконец, последний этап – нравственный поступок, действие. Только тот, кто каким-либо образом нашел возможность стать полезным людям, помогать им, только тот может сказать, что он действовал согласно принципу “человек человеку”.

Таким образом, принцип “человек человеку” включает в себя не только нравственную ответственность, но и требование взаимопомощи, взаимослужения. Требование это основывается на признании того, что нравственные отношения суть отношения солидарности, общности людей.

Альберт Швейцер подчеркивает, что и в исполнении требования взаимопомощи и взаимослужения заключен не только смысл человеческой жизни, но и главное условие ее продолжения и совершенствования.

“В пределах той меры ответственности, которую я на себя принимаю, – пишет Швейцер, – должен я решить, чем из моей жизни, моего имущества, из моих прав, из моего счастья, из моего времени и моего покоя – чем я должен жертвовать и что из этого я могу удерживать” ([3], S. 391).

Служение людям Швейцер представляет не только как труд во имя общества, как постоянную заботу о других людях или самопожертвование ради блага других людей. Понимание философом формулы служения людям гораздо глубже. Швейцер связывает служение людям с достижением не только практических целей, но прежде всего с совершенствованием жизни, с развитием нравственности, с прогрессом общества. <...>

Говоря о служении людям, о взаимопомощи, Швейцер касается еще одной важной стороны этого вопроса: всегда ли самопожертвование и отречение неизбежно связаны со страданием, как утверждают некоторые буржуазные этики? Является ли страдание присущим бытию? Или его следует рассматривать как порождение несовершенства бытия?

“Страдание враждебно бытию”, – подчеркивает Швейцер в “Культуре и этике”. Самопожертвование и самоотречение не обязательно должны сопровождаться страданием. Наоборот, этим высоким человеческим чувствам и порывам должны сопутствовать удовлетворение и удовольствие. <...> Швейцер делом своей жизни доказал, что для него самоотверженное служение людям было источником радости, счастья и глубокого внутреннего удовлетворения.

Швейцер склонен рассматривать страдание как спутника несовершенной морали, как порождение несовершенной организации общества. Страдания исчезнут, когда люди осознают всю важность сохранения жизни и человеческого достоинства, когда общество будет органично сочетать все три вида прогресса – материальный, духовный и социальный. <...>

Но и этому, в целом прогрессивному принципу этики Швейцера присущи слабости, обусловленные субъективно-идеалистическим характером мировоззрения мыслителя. Прогресс нравственности понимался Швейцером метафизически – как процесс увеличения числа людей, достигших высокого уровня нравственного развития. Мыслитель так и не преодолел до конца противопоставления личности обществу, что сказалось в разделении им нравственной ответственности на личную, в которой властен сам индивид, и надличную, в которой индивид якобы не властен.

Наконец, третий нравственный принцип этического учения Швейцера – принцип “человек и природа” – призван регулировать отношение людей к природе во всех ее проявлениях. Выдвигая и обосновывая его в качестве одного из основных принципов этики, Швейцер тем самым новаторски расширил сферу действия морали, включая в нее, помимо установления отношений между людьми, установление норм отношения людей к природе.

Основной предпосылкой, на которой строится все здание нравственного принципа “человек и природа” является следующее глубоко гуманистическое положение:

“Этика благоговения перед жизнью не делает различия между жизнью высшей и низшей, более ценной и менее ценной. Попытка установить общепринятые различия между живыми существами сводится к тому, чтобы понять, стоят ли они выше или ниже нас, людей, а это критерий явно субъективный” ([2], S. 55).

К чему же ведет подобное субъективно установленное различие между жизнью более или менее ценной? По мысли Швейцера, – к возникновению и упрочению отнюдь не гуманного убеждения в том, что существует будто бы жизнь ничтожная, ничего не стоящая, нанести вред которой или уничтожить которую непредосудительно. Так, казалось бы, общая проблема перерастает в проблему специфически моральную.

Но Швейцер не останавливается на этом. Для него важно довести нить рассуждений до логического конца. Одно дело спорить о том, предосудительно или непредосудительно убить паука или бабочку, но другое – и вовсе не простое – рассудить, морально или аморально лишить жизни пресловутого “снежного человека”. На подобной коллизии французский писатель Ж. Веркор строит свой философско-публицистический роман “Люди или животные?”. И Швейцер, начав с факта констатации совершенной субъективности различия между жизнью высшей и низшей, подводит нас к страшному, ужасающему выводу: “Смотря по обстоятельствам, под ничтожной, ничего не стоящей жизнью понимают жизнь некоторых видов насекомых или жизнь первобытных народностей” ([3], S. 55).

Итак, принцип “человек и природа” основывается на следующих положениях: субъективным является утверждение, что одна жизнь ценнее другой; мы не знаем доподлинно, какое значение имеет то или иное живое существо в круговороте жизни на Земле и во Вселенной; поэтому этика благоговения перед жизнью требует уважения к любому живому существу. <...>

Литература

1. Schweitzer A. Aus meinem Leben und Denken. Leipzig, 1960, S. 152-143.
2. Schweitzer A. Die Lehre der Ehrfurcht vor dem Leben. Berlin, 1962, S. 55.
3. Schweitzer A. Kultur und Ethik. In: Ausgewählte Werke, Bd 2. Berlin, 1971, S. 377.
4. Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л.: Наука, 1978.

(Петрицкий В.А. А.Швейцер и его “Письма из Ламбарене” / А.Швейцер, Письма из Ламбарене. Л.: Наука, 1978, с. 313-320).

7.1.3. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью ¹³⁹

[Ниже — композиция извлечений из «Философии культуры» Швейцера (выписки, сделанные еще в конце 70-х). В скобках указаны страницы по изданию: А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. — А. А.]

= Из «Культуры и этики» А. Швейцера (1923)

<...> Углубленное миро- и жизнеутверждение состоит в том, что мы обладаем волей сохранять жизнь и все существующее, если оно каким-то образом подвластно нам, и рассматривать жизнь как высшую ценность. Оно требует от нас признания идеалов материального и духовного совершенствования людей, общества и человечества и постоянного руковод-ствования ими в своей деятельности и стремлениях. Оно не разрешает нам ограничиваться в своих действиях только самим собой, но требует от нас, чтобы мы проявляли живой и деятельный интерес ко всему, что совершается вокруг нас. Всегда и везде проявлять беспокойный интерес к миру и не искать покоя в самоуглублении — вот к чему обязывает нас глубочайшее миро- и жизнеутверждение. (278).

<...> Мое знание о мире есть знание внешнее, а потому всегда несовершенное. Знание же, полученное моей волей к жизни, непосредственно определяется сокровенными стимулами жизни, такой, какова она есть.

Высшим знанием, следовательно, является знание о том, что я должен доверять моей воле к жизни. Это дает мне в руки компас для плавания, которое я должен совершить ночью и без карты. Поэтому стремление прожить жизнь правильно, возвышенно и благородно является естественным. Всякое принижение воли к жизни — это заблуждение или явление патологическое. (281).

<...> Мы не знаем, каким образом возникло в нас это стремление. Но оно дано нам вместе с жизнью. Мы должны следовать этому стремлению, если хотим оставаться верными таинственной воле к жизни, заложенной в нас. (282).

<...> Воля к жизни, ставшая сознательной и пришедшая к глубокому миро- и жизнеутверждению, также стремится к счастью и добивается успеха, ибо воля к жизни есть воля к осуществлению идеалов. Однако она не живет только этим счастьем и успехами. Если ей выпадает счастье, она рада этому и благодарно принимает его. Но она полна решимости действовать и тогда, когда ей отказывают в счастье и успехе. В этом случае она **подобна тому пахарю, который сеет, не рассчитывая собрать урожай** *[здесь и далее выделено мною. — А. А.]*. Воля к жизни — не пламя, которое постоянно нуждается в топливе благоприятных событий. Она горит чистым светом и тогда, когда использует лишь свои внутренние ресурсы. Даже когда события обрекают ее на страдания, она не перестает быть деятельной волей. В глубоком благоговении перед жизнью воля к жизни придает ценность нашему существованию даже тогда, когда, согласно обычным представлениям, оно утратило уже всякий смысл, ибо и в этом существовании она переживает свою свободу от мира. (283).

<...> В самоотречении ради абсолютного возникает только мертвая духовность. Это чисто интеллектуальный акт. В нем не даны мотивы действия. Даже этика смирения могла влачить на этой почве интеллектуализма лишь жалкое существование. В мистике же действительности это самоотречение перестает быть чисто интеллектуальным актом и становится таким актом, в котором участвует все живое человека. В нем господствует,

¹³⁹ Настоящий раздел был представлен в ДСиСА – 1 (Приложения к главе 6.). Здесь он приводится повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

таким образом, духовность, которая в элементарной форме заключает в себе стремление к деятельности. (303).

<...> Субъективная ответственность, и вглубь и вдаль уходящая в бесконечность ответственность за всю жизнь, принадлежащую сфере влияния человека, ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, — это и есть этика. Она рождается из миро- и жизнеутверждения, а осуществляется в жизнеотречении. Внутренне она связана с оптимистическим желанием. Теперь вера в прогресс уже не может быть отделена от этики, подобно плоху прикрепленному колесу у повозки. Обе они прочно посажены на одну ось.

Единственно возможный, содержательный, постоянно и конкретно полемизирующий с действительностью принцип этики гласит: самоотречение ради жизни из-за благоговения перед жизнью. (304).

<...> Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, **знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной силой жизни, проявляющейся во всем.** Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью. Здесь оно отпускает мою руку. Дальше оно может уже меня не сопровождать. Отныне моя воля к жизни сама должна найти свою дорогу в мире. (306).

<...> Философия Декарта исходит из положения: «Я мыслю, следовательно, я существую». Это убогое, произвольно выбранное начало уводит ее безвозвратно на путь абстракции. Его философия не находит контакта с этикой и задерживается в мертвом миро- и жизнеощущении. Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: **«Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить».** Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. (306).

<...> Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь как таковая. (307).

<...> Этика есть безграничная ответственность за все, что живет. (308).

<...> Этика есть благоговение перед волей к жизни **во мне и вне меня.** (311).

<...> Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда других, а с помощью собственного суда над собой. Борьба с самим собой и собственная правдивость — вот средства, которыми мы воздействуем на других. Мы их незаметно вовлекаем в борьбу за глубокое духовное самоутверждение, проистекающее из благоговения перед собственной жизнью. **Сила не вызывает шума. Она просто действует. Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами.** (312).

<...> Не из чувства доброты по отношению к другому я кроток, миролюбив, терпелив и приветлив — я таков потому, что в этом поведении обеспечиваю себе глубочайшее самоутверждение. Благоговение перед жизнью, которое я испытываю по отношению к моей собственной жизни, и благоговение перед жизнью, в котором я готов отдавать свои силы ради другой жизни, тесно переплетаются между собой. (313).

<...> Этика благоговения перед жизнью заставляет нас почувствовать безгранично великую ответственность и в наших взаимоотношениях с людьми. Она не дает готового

рецепта для объема дозволенного самосохранения, она приказывает нам в каждом отдельном случае полемизировать с абсолютной этикой самоотречения. В согласии с ответственностью, которую я чувствую, я должен решить, что я должен пожертвовать от моей жизни, моей собственности, моего права, моего счастья, моего времени, моего покоя и что я должен оставить себе. (317).

<...> Этика благоговения перед жизнью не считает, что людей надо осуждать или хвалить за то, что они чувствуют себя свободными от долга самоотречения ради других людей. Она требует, чтобы мы в какой угодно форме и в любых обстоятельствах были людьми по отношению к другим людям. Тех, кто на работе не может применить свои добрые человеческие качества на пользу другим людям и не имеет никакой другой возможности сделать это, она просит пожертвовать частью своего времени и досуга, как бы мало его ни было. Подыщи для себя любое побочное дело, говорит она, пусть даже незаметное. Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного **в твоём участии, в твоём времени, в твоём дружеском расположении, в твоём обществе, в твоём труде.** (319–320).

<...> Кто в силах перечислить все возможности использования этого ценного капитала, называемого человеком! В нем нуждаются во всех уголках мира. Поэтому поищи, не найдешь ли ты применения своему человеческому капиталу. Не пугайся, если вынужден будешь ждать или экспериментировать. Будь готов и к разочарованиям. Но не отказывайся от этой дополнительной работы, которая позволяет себя чувствовать **человеком среди людей.** Такова твоя судьба, если только ты действительно этого хочешь. (320).

(Цит. по: Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973)

7.1.4. “Из моей жизни и мыслей”

[Ниже – два фрагмента из книги А. Швейцера “Из моей жизни и мыслей. Автобиография (1931)”.

В скобках указаны страницы по изданию: Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993.

Фрагменты озаглавлены мною. – А. А.]

= Человеческий идеализм, видимый и невидимый

<...> Большинство из тех, кто чувствует в себе стремление к независимой личной деятельности и хотел бы доказать на деле свою способность к ней, стечением обстоятельств лишены этой возможности. Как правило, это связано с тем, что их семьи не могут просуществовать без поддержки, или с тем, что они вынуждены держаться за свою специальность, чтобы заработать на жизнь. Только тот, кто, благодаря своим способностям или преданности друзей является в буквальном смысле слова свободным человеком, может в наши дни рискнуть встать на путь независимой деятельности. Это было не так сложно в прежние времена, когда каждый, даже в случае отказа от хорошо оплачиваемой работы, мог еще надеяться прожить так или иначе. Любой, кто вздумал бы сделать то же самое в трудных экономических условиях нынешнего дня, рискует попасть в серьезную беду и навлечь на себя несчастья не только материальные, но и духовные.

Итак, не только наблюдения, но и опыт заставляют меня признать тот факт, что достойные и способные люди вынуждены отказываться идти по пути независимой деятельности, которая была бы великим благом для мира, – по той причине, что сложившиеся обстоятельства делают такой путь невозможным.

Те, кому посчастливилось вступить на путь свободной индивидуальной деятельности, должны воспринимать эту удачу в духе скромности и смирения. Они

должны почаще думать о тех, кто при всем своем желании и способностях никогда не сможет сделать того же. Свою решимость эти люди вынуждены умерять смирением. Они почти всегда обречены искать и ждать, пока не откроется путь для деятельности, которой они жаждут. Счастливы те, кому годы труда отпущены в большей мере, чем годы поисков и ожидания! Счастливы те, кто в конечном итоге смогут отдать себя по-настоящему и без остатка! Эти счастливицы не должны также поддаваться гневу, наталкиваясь на сопротивление: правильное отношение к нему выражается словами: “Ну да, так и должно быть!”. Тот, кто намеревается делать добро, не должен ожидать, что люди уберут все камни с его пути; он обязан спокойно принять свой жребий и в том случае, если ему навалит новых. Преодолеть эти трудности может лишь такая сила, которая при столкновении с ними духовно просветляется и укрепляется. Противодействие – это пустая трата сил.

В человечестве всегда живет стремление к идеалу. Но лишь малая часть этого стремления может проявиться в действии. Всему остальному предназначено воплотиться в невидимых проявлениях, ценность которых, тем не менее, тысячекратно превышает ценность той деятельности, которая привлекает внимание мира. Невидимое соотносится с видимым, как глубокое море – с волнами, бороздящими его поверхность. Скрытые силы добра воплощены в тех людях, для которых непосредственное личное служение стало дополнительной работой, поскольку они не могут сделать его основным делом своей жизни. Удел многих – это более или менее бездушный труд, которым они зарабатывают себе на жизнь и удовлетворяют потребности общества, но в котором они не могут или почти не могут проявить своих человеческих качеств, ибо этот труд требует от них немногим более, чем быть хорошими человеческими машинами. Но нет человека, которому бы не представился случай отдать себя другим людям и проявить тем самым свою человеческую сущность. Труд человека сегодня до предела организован, специализирован и сведен к механической работе. Это – серьезная проблема. Чтобы решить ее, общество должно не просто устранять эти нежелательные явления, но делать все, что в его силах, для охраны прав человеческой личности. Однако и этого недостаточно. Еще важнее, чтобы сами страдающие не мирились безропотно со своей участью, но изо всех сил старались, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, отстоять свою человеческую личность деятельностью, имеющей духовное содержание. Спасти свою человеческую жизнь – вопреки условиям профессиональной жизни – может всякий, кто использует любую возможность быть человеком, делая что-нибудь лично для своих братьев, которые нуждаются в помощи – какой бы скромной ни была эта его деятельность. Такой человек добровольно поступает на службу духовности и добру. Никакая судьба не может помешать человеку напрямую служить другим людям параллельно со своей основной работой. Если такое служение большей частью не осуществляется, то только из-за того, что имеющиеся возможности остаются неиспользованными.

Будет ли каждый из нас, ведя тот образ жизни, который он вынужден вести, стараться в то же время всеми силами проявлять истинную доброту по отношению к своим братьям – людям, – от этого зависит будущее человечества. Каждую минуту огромные ценности благодаря упущенным возможностям обращаются в ничто. Но и та часть, которая все же превращается в намерения и поступки, – это богатство, которое нельзя недооценивать. Человечество вовсе не так материалистично, как это постоянно утверждает глупая молва. Насколько я знаю людей, я убежден, что скрытые в них идеалистические стремления и силы намного превосходят все то, что когда-нибудь выходило на поверхность. Подобно тому, как бьющий из-под земли ключ представляет собой лишь малую часть невидимого потока, идеализм, который мы наблюдаем, – это лишь малая толика того идеализма, который мужчины и женщины держат взаперти в своих сердцах и который едва проявляется или не проявляется совсем. Развязать то, что связано, вывести подземные воды на поверхность!

Человечество ждет и жаждет видеть тех, кто может сделать эту работу. <...> (114-116).

= Кто же я: пессимист или оптимист?

<...> Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны.

Я пессимист в том, что в полной мере испытываю на себе всю тяжесть того, что выражается словами “отсутствие целенаправленности в ходе мировых событий”. Лишь в редкие моменты я бываю по-настоящему рад, что живу. Я не могу не ощущать, сочувствуя и сожалея, что те страдания, которые я вижу вокруг себя, страдания не только людей, но и всего сотворенного. Я никогда не пытался выйти из этой общины страдания. Мне казалось само собой разумеющимся, что каждый из нас должен взять на себя часть той тяжести страдания, которая гнетет мир. Еще школьником я ясно сознавал, что никакое объяснение существования зла в этом мире никогда не сможет удовлетворить меня; я чувствовал, что все такие объяснения являются софистикой и, по сути дела не имеют другой цели, кроме той, чтобы дать человеку возможность не так остро переживать окружающее его несчастье. Каким образом такой мыслитель, как Лейбниц мог прийти к такому жалкому выводу, что хотя мир действительно нехорош, он является лучшим из возможных миров, – этого я никогда не мог понять.

Но как бы ни занимала меня проблема несчастья в мире, я никогда не позволял себе целиком погрузиться в размышления о ней; я всегда твердо держался той мысли, что каждый из нас может что-то сделать для того, чтобы какая-то часть этого несчастья прекратилась. Так мало-помалу я пришел к необходимости удовлетвориться знанием того, что есть только одна вещь во всей этой проблеме, которую мы в состоянии понять, и заключается она в том, что каждый из нас должен идти своим собственным путем, но это должен быть путь человека, намеревающегося помогать в деле избавления от несчастья.

В оценке ситуации, в которой находится в настоящее время человечество, я также являюсь пессимистом. Я не могу заставить себя поверить, что ситуация не так плоха, как кажется. Напротив, я внутренне убежден, что мы находимся на пути, который, если мы будем продолжать идти по нему, приведет нас в новое средневековье. Духовные и материальные несчастья, которым современное человечество подвергает себя своим отказом от мышления и от идеалов, порожденных мышлением, я рисую себе в самых мрачных красках. И все-таки я остаюсь оптимистом. Одна вера сохранилась у меня с детства, и я уверен, что никогда не потеряю ее: это вера в истину. Я уверен, что дух истины сильнее, чем сила обстоятельств. На мой взгляд, человечеству не предуготована никакая иная судьба, кроме той, которую оно, посредством своего умственного и духовного состояния, готовит себе само. Поэтому я не верю, что оно неизбежно должно идти до конца по пути, ведущему к гибели.

Если найдутся люди, которые восстанут против духа бездумия и, благодаря своим личным качествам, сумеют сделать исходящие от них идеалы этического прогресса действенной силой – тогда начнется духовная деятельность, которая будет достаточно сильной, чтобы изменить умственное и духовное состояние человечества.

Так как я убежден в могуществе истины и духа, я верю в будущее человечества. Этическое миро- и жизнеутверждение содержит в себе оптимистические волю и надежду, которые никогда не могут быть утрачены. Поэтому оно не боится повернуться лицом к мрачной реальности и увидеть ее такой, какова она на самом деле. <...> (227-228).

(Цит. по: А.Швейцер. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993; см. также: А.Швейцер. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1992)¹⁴⁰

¹⁴⁰ См. также композицию извлечений из «Философии культуры» А. Швейцера: ДСиСА - 1, раздел П.6.1.

...Кто не против вас, тот за вас...
Лк. 9-50 (цит. по: А.Швейцер. Жизнь и
мысли. М., 1996, с. 508)

7.1.5. Феномен Швейцера: своеволие, индивидуализм, рационализм, подвижничество

[Ниже – композиция извлечений из работы доктора философских наук А.А. Гусейнова “Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера”, являющейся послесловием к книге: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. В скобках указаны страницы по названному изданию. – А. А.]

<...> Альберт Швейцер – явление в культуре XX века уникальное, почти диковинное. Он был старомоден на манер древних мудрецов, не отделявших мыслей от поступков. Будучи одаренным мыслителем, он сторонился интеллектуального поиска как профессионального занятия. Обладая мощной витальной силой, он не удовлетворялся непосредственными радостями жизненного процесса. Он понимал мышление как руководство к жизни и был убежден, что человеческая жизнь может быть осмысленной, разумно устроенной. Философское исследование и жизненный поиск, мыслитель и человек слились в его личности воедино. Он воспринимал мысль в ее вещественной наполненности и нравственно обязующей силе. Слово было для него делом, а дело словом. Швейцер искал высшую философскую истину, но не для того только, чтобы просто явить ее миру, а для того прежде всего, чтобы самому воплотить ее в жизнь. Этой истиной явился принцип благоговения перед жизнью. Ее теоретическое и практическое обоснование стало жизненным делом Швейцера, его призванием и сознательным выбором.

Феномен Швейцера состоит не в том, что он в одну эпоху жил по законам другой. Его старомодность не равнозначна чудачеству, она оказалась поразительно современной. Он прорвал исторически заданные и все более отягощающие людей границы общественного разделения труда, опытом своей жизни преодолел отчуждение личности от родовой, нравственной сущности человека. Безумию и сложности века он противопоставил ясность и простоту этически осмысленного существования. Он показал, что человек может жить ответственной и достойной жизнью. Надо лишь восстановить утраченную связь культуры с этикой, осознать, что только элементарная нравственность задает вектор, противостоящий хаосу бытия. (522).

<...> Великие люди бывают двух “родов” Одни – велики величиим дела; это знаменитые философы, поэты, ученые, изобретатели, полководцы, все те, кто достиг выдающихся результатов в той или иной, иногда нескольких областях человеческой деятельности. Других нельзя подвести под какую-то рубрику, родовое понятие, их достаточно назвать только по имени: Сократ, Иисус Христос, Ганди... Первые явили миру свой гений, вторые – новые образцы жизни. Первые создавали условия человеческого счастья, вторые показывали, как можно быть счастливым при существующих условиях. Первых нельзя повторить, они подобны угасшим звездам, свет от которых продолжает блуждать в космосе. Вторые продолжают жить в потомках, словно родители в детях, негасимыми звездами горят на небосклонах истории. От первых нити тянутся к избранным, “посвященным”, знающим, от вторых – к каждому нравственно мыслящему и чувствующему человеку.

Альберт Швейцер, без сомнения, принадлежит к великим людям второго рода. Он – гений, но такой, которого может повторить каждый. Его называют гением человечности. Он стремился на опыте собственной жизни показать, как можно оставаться человеческим в

нашу бесчеловечную эпоху. Швейцер предложил человечеству новый образ личности, проверив его собственной жизнью, притом с таким превышающими, предельными нагрузками, которые придают эксперименту безусловную доказательность. И слово “эксперимент” можно употреблять здесь в его прямом смысле. Швейцер принадлежал к тем редким людям, ареной творчества которых является форма жизни. Подобно селекционеру, пытающемуся вывести морозостойкую пшеницу, он формировал себя как человека, способного противостоять хаосу бытия. Каковы же наиболее характерные и существенные особенности образа человеческой личности, представленного биографией Швейцера? Их можно обозначить четырьмя словами: своеволие, индивидуализм, рационализм подвижничество. (522-523).

<...> Понятие **своеволие** имеет негативный ценностный оттенок. Но в данном случае оно употребляется в значении, совпадающем с этимологией слова, как способность воли быть достаточной причиной своих действий – то, что среди философов принято называть свободой воли, ее автономией, а в повседневности именовать самостоятельностью, независимостью личности. Альберту Швейцеру на протяжении всей его жизни была в высшей степени свойственна эта черта. Он часто принимал решения (притом достаточно важные, касающиеся морального выбора, определения жизненной позиции), которые необъяснимы в рамках причинно-следственных представлений о мотивации человеческого поведения и уходят своими корнями в таинственные глубины его индивидуальной воли. (523).

<...> Исследователи подчеркивают обычно **индивидуализм** Швейцера. Об этом же говорит и он сам. Это верно, если иметь в виду самостоятельность суждений и действий, отрицание любой иной власти над собой, кроме власти собственного решения. Швейцер слушался только себя, шел своим путем как в жизни, так и в теории, он был самобытен, ни на кого не похож, слыл оригиналом и чудачком.

Но было бы поверхностно сводить индивидуализм Швейцера просто к тому, что он сам задавал себе закон, не признавал над собой чужой воли, не следовал чужим командам. Более глубокий взгляд на вещи потребует признать, что индивидуализм здесь – проявление особой меры ответственности. На вопрос о пределах ответственности индивида философы отвечают по-разному: для одних он в ответе за все в мире, для других – только за свои собственные поступки, для третьих – границы его ответственности совпадают с теми возможностями, которые в принципе были ему доступны. Все эти ответы исходят из общепринятого, но далеко не бесспорного убеждения, что ответственность – это продолжение и проявление свободы выбора. Швейцер задает своей жизнью парадигму, суть которой можно сформулировать так: индивид должен делать только то, за что он может взять на себя всю полноту ответственности. (525-526).

<...> По мнению Швейцера, личную самостоятельность и независимость, полноту индивидуальной ответственности может гарантировать только **рационализм**, только опора на ясное рациональное знание, несомненное доверие индивида к собственному мышлению. Альтернативой рационализму является потеря самостоятельности, подлинности, подчинение внешним силам. Он пишет:

“Итак, современный человек всю жизнь испытывает воздействие сил, стремящихся отнять у него доверие к собственному мышлению. Сковывающая его духовная несамостоятельность царит во всем, что он слышит и читает; она – в людях, которые его окружают; она – в партиях и союзах, к которым он принадлежит; она – в тех отношениях, в раках которых протекает его жизнь. Со всех сторон и разнообразнейшими способами его побуждают брать истины и убеждения, необходимые для жизни, у организаций, которые предъявляют на него права. Дух времени не разрешает ему прийти к себе самому. Он подобен световой рекламе, вспыхивающей на улицах больших городов и помогающей компании, достаточно самостоятельной для того, чтобы пробиться, оказывать на него давление на каждом шагу, принуждая покупать именно ее гуталин или бульонные кубики” (Из моей жизни и мыслей. Эпилог).

Швейцер ревниво и тщательно оберегал свое право жить с открытыми глазами. (527).

<...> Самой характерной и объединяющей все прочие черты особенностью личности и образа жизни Швейцера является его **подвижничество**, понимаемое как служение людям, служение непосредственное и деятельное.

Непосредственность выражается здесь в том, что служение это предстает как отношение человека к человеку, которое не опосредовано никакими организациями, институтами, иными промежуточными звеньями, а направлено на тех, кто, несомненно, нуждается в помощи. Так, на поприще философии или музыки Швейцер также в каком-то широком и переносном смысле служил людям. Но именно в широком и переносном. А при таком понимании служение, которое, заметим, также часто протекает в форме самоотверженного труда, может стать изощренной формой эгоизма и самоутверждения. От него отличается прямое служение, когда индивид приносит на службу другим себя, не часть денег, имущества, а именно себя, когда он становится рядом с обездоленными, несчастными, ради облегчения их страданий. Играть Баха парижским любителям музыки и лечить прокаженных в Экваториальной Африке – вещи разные. Швейцер прекрасно понимал это. Готовность быть рядом с человеком, который нуждается в помощи, ничем не заменима. Она реализуется помимо или наряду с профессиональным трудом. И только такое непосредственное служение людям, как считал Швейцер, гарантирует человечеству будущее. (529).

<...> Те особенности житнетворчества Швейцера, о которых шла речь выше – своеволие, индивидуализм, рационализм – теснейшим образом связаны с подвижничеством как непосредственным и деятельным служением человеку. Они обнаруживают себя наиболее адекватно именно в подвижническом образе жизни, и они же придают этому образу жизни необходимую форму и устойчивость.

Подвижничество является наиболее благодатной почвой своеволия: эгоистическая замкнутость индивида на себе крайне сужает диапазон жизненного выбора, в то время как обращенность к другим людям делает его практически бесконечным. В то же время присущая человеку свобода выбора, его “своеволие” являются гарантией того, что он в своих подвижнических устремлениях никогда не останется без дела. Эгоизм человека безбрежен и поэтому плохо согласуется с индивидуализмом; в том, что касается жажды денег, власти и других эгоистических страстей, поскольку они не имеют разумных пределов, трудно установить границу индивидуально ответственных действий, а подвижничество, свободное от ненасытной власти страстей, дает такую возможность. Наряду с этим индивидуализм является условием подвижничества, ибо ограничивая его областью индивидуально-ответственного поведения, не дает ему деградировать до ложных форм имитации служения человеку. Наконец, подвижничество с его очевидным бескорыстием является наиболее благодатным полем рационализма с его любовью к истине. В свою очередь без рационализма служение людям теряет действенность, эффективность, может переродиться в простую сердобольность, которая больше тешит сочувствующего, чем страдающего. (530).

(Гусейнов А.А.. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера / Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992)

7.1.6. Швейцер А. Гуманность ¹⁴¹

[Это эссе было написано А. Швейцером в 1961 г. Опубликовано – посмертно, в 1966-м. – А. А.]

¹⁴¹ Этот и последующий разделы отсутствовали в авторской рукописи 1999-2001 гг.

Под гуманностью, человечностью, мы понимаем подлинно доброе отношение человека к своему ближнему. В этом слове нашло свое выражение наше стремление быть добрыми не только потому, что это предписывается этической заповедью, но и потому, что такое поведение соответствует нашей сущности.

Гуманность побуждает нас в малых и больших делах прислушиваться к голосу сердца и следовать его велениям. Мы охотно делали бы лишь то, что видится хорошим и исполнимым нашему здравому смыслу. Но веления сердца выше советов рассудка. Оно требует от нас следовать глубочайшим движениям нашей духовной сущности.

Человечество не обладает идеалом гуманности извечно. Оно пришло к нему лишь с течением времени.

Понятие гуманности как отвечающего нашей сущности отношения к ближнему впервые выдвинул живший сначала в Риме, а затем в Афинах философ-стоик Панеций (180—110 г. до Р.Х.).

Творцом и провозвестником глубокой и жизненной этики в Китае были Лао-цзы (род. ок. 604 г. до Р. Х.), Конфуций (551—479 гг. до Р. Х.), Мо-цзы (V в. до Р. Х.), Мэн-цзы (род. 372 г. до Р. Х.).

В Индии ее представлял Будда (550—477 гг. до Р. Х.), в Иране — Заратустра (VII в. до Р. Х.).

В греко-римском мире ее развивали философ Эпикур (341—270 гг. до Р. Х.) и представители позднего стоицизма: Сенека (4 г. до Р. Х. — 65 г. по Р. Х.), Эпиктет (род. 138 г. н.э.) и император Марк Аврелий (121—180).

Эпиктет был рабом, которому его господин в Риме даровал свободу. Император Марк Аврелий стал его учеником.

Гуманность этих стоических философов нашла свое выражение в требовании братского отношения также и к рабам. Их этика родственна этике христианства, как и их религиозные убеждения, провозглашающие веру в единого Бога. Сенека первый высказался против бесчеловечности гладиаторских боев.

Основателями этики человечности в иудаизме были пророки VII столетия до Р. Х. Амос и Осия.

Проникновеннейшие слова о доброте обращены к нам в поучениях Иисуса и посланиях апостола Павла

Нагорная проповедь, первая, с которой выступил Иисус в Галилее, начинается восславлением тех, кому даровано блаженство, и среди них — кротких, милостивых и миротворцев (Матф. 5:5; 5:7; 5:9).

В последней речи в Иерусалимском храме Иисус возвещает, что на Страшном суде, который будет вершить Сын Человеческий, в Царство Божие будут введены прежде всего те, кто были милосердны к людям, терпящим нужду (Матф. 25: 31-40).

Истинную любовь восславляет апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13).

Царством любви провозглашают религию последние слова его гимна: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

И сколько же любви столетиями несли в мир слова этого гимна! Для скольких они стали увещанием и поддержкой в их упованиях!

Глубокая религиозность и всепроницающее мышление сообща создали и провозгласили идеал гуманности. Этот дар мы получили от них. Мы исповедуем его с полной убежденностью в том, что он является этической первоосновой всякой подлинной культуры.

В новое время этот провозглашенный мыслителями идеал был углублен и обогащен восходящим новым знанием. Перед нами встал вопрос, предназначено ли наше сочувствие одним лишь людям или оно должно быть обращено ко всем живым

существам. Ведь их существование подобно нашему. Они страшатся, как и мы, они страдают, как и мы. Они смертны, как и мы.

Как случилось, что люди отказали им в соучастии и помощи? Даже признавая идеал гуманности, люди продолжали придерживаться старого наивного убеждения, что человек — властелин сотворенного мира и может относиться к другим живым существам без жалости и сочувствия.

Однако в средние века жил человек, который отнесся к ним иначе. Это был Франциск Ассизский (1182—1226), основатель ордена францисканцев. Для него все звери были такими же Божьими творениями, с которыми он общался без слов, которых он любил.

Но люди его времени, как, впрочем, и последующие поколения, не дали себе труда задуматься о его отношении ко всему живому. А известный философ Декарт (1596—1650) постарался даже утвердить их в этой безжалостности. Он учил, что животные не имеют души, а потому не обладают чувствами, и нам только кажется, что они испытывают боль.

Но та истина, что человек должен считать себя не властелином, а братом всех творений, не была забыта. В XVIII столетии в ее защиту выступили те, кому она вновь открылась. Вначале их было немного. Их убеждения вызывали удивление и насмешку. Их сочувствие животным рассматривалось как неуместная сентиментальность. Но постепенно эти непривычные воззрения обрели сторонников. Сегодня они наконец получили признание.

Благоговение перед любой жизнью признается само собой разумеющимся и полностью отвечающим сущности человека. В школах детям прививается доброе отношение ко всем живым существам. И этот переход от избирательной к полной гуманности, отказ от наивной бесчеловечности, в плену которой мы пребывали, знаменателен. Мы ощутили счастье обретения полного этического знания.

Отныне задача каждого из нас достичь совершенной доброты, прийти к согласию со своей сущностью. Доброта должна стать действенной силой истории и провозгласить начало века гуманности.

Сегодня история человечества решает вопрос о возобладании гуманного или негуманного мировосприятия. И если решение это будет в пользу антигуманности, не способствующей безоговорочному отказу от применения чудовищного ядерного оружия, имеющегося в нашем распоряжении, — человечество погибнет. Только победа гуманистического мировосприятия (а значит, отказ от подобного оружия) над антигуманизмом позволит нам с надеждой смотреть в будущее.

Гуманность мировосприятия имеет сегодня всемирно-историческое значение.

(Цит. по: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/Gumann.php)

7.1.7. Из книги В. Леви "Одинокий друг одиноких"

Вечность плюс человечность

(о докторе Альберте Швейцере)

Мое знание пессимистично,
моя вера оптимистична.
Альберт Швейцер

Что может означать такой поворот жизни?.. Человеку за тридцать, эльзасец, живет в сытой Европе, известный миру ученый, профессор теологии и философии, к тому же прекрасный музыкант-органист и музыковед-баховед; преуспевает и процветает, вполне обеспечен, здоров, жизнерадостен, счастлив...

И вдруг идет учиться на врача. С самых азов. Анатомия, физиология. Клиника, хирургия...

А дальше сам себя отправляет работать доктором в Центральную Африку, в Ламбарене, в жарко-сырую джунглевую глухомань, к чернокожим аборигенам, которых косили тропические болезни, нищета и невежество. Они не знали иной помощи, кроме как от своих колдунов, и Швейцера почитали за колдуна приезжего, белого, сильного и доброго.

С нуля строит госпиталь. Оборудует, оснащает, расширяет масштаб, улучшает качество помощи. Врачует и оперирует, лечит людей и зверей. Привлекает и обучает сотрудников. Беспеременно учится сам. Рабочий день – двадцать часов. Ночами пишет. Не забывает о музыке: играет на завезенном пианино, вчитывается в любимые баховские партитуры...

Средства на госпитальное строительство и лекарства собирает концертными гастролями по Европе: играет на органе, играет чудесно...

Нравственный гений. Немного их: доктор Гааз, мать Тереза, Ганди, Экзюпери, Корчак, Сахаров... Швейцера в этом ряду: мыслитель-практик, соединитель Вечности и Человечности.

Особое счастье, Друг мой, прикоснуться к его жизни – в толк взять, что Всечеловек на земле возможен, Всечеловек – да, это Он!

Читая Швейцера и о Швейцере, словно дышишь озоном, расправляется грудь. Вот чье одиночество я назвал бы Белым с большой буквы. Одиночество благодатное, одаривающее светом больные одинокие жизни. Одиночество богатыря духа, атлета, неподъемную ношу несущего...

Все ладно в нем было, все целесообразно. Конституция стайера жизненной дистанции: крепко сколоченный крупноносый усатый дядька, с годами превратившийся в кряжистого, загорелого, сурово-веселого деда. Густая всклоченная шевелюра, долго седевшая. По шевелюре этой одна девушка спутала его с Эйнштейном, тоже Альбертом, попросила вместо Эйнштейна автограф дать, и Швейцера не отказал, воспользовался случаем пошутить.

Два великих Альберта дружили; виделись редко, зато метко, вместе музицировали, один на скрипке, другой на клавишах.

Один дал миру формулу физической относительности, другой – формулу этического абсолюта: уважение к жизни.

(Точный перевод немецкого Ehrfurcht должен быть словом, переходным между благоговейным поклонением святыне и уважением, скажем, к учителю или родителю...) Мощные нежные руки музыканта, рабочего и врача. Под кустистыми бровями глубокие светлые пронзительные глаза, похожие на глаза Льва Толстого, но покрупней. (Толстого любил и чтит, считал своим жизнеучителем.)

Удивительно сознавать, что я младший его коллега и современник: в 1961 году доктор Швейцера еще работал, а я уже начинал...

(Цит. по: http://levi.ru/article.php?id_catalog=33&id_position=73)

...Можно сказать, что именно на таких праведниках и стояло наше злополучное столетие...

Мень А. Парадоксы Альберта Швейцера / Швейцера А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993, с. 507)

7.2. МОНАХ В МИРУ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ,

СОВЕТСКИЙ АКАДЕМИК И ПОТАЕННЫЙ ЕПИСКОП (?) АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УХТОМСКИЙ

*Несколько вступительных слов*¹⁴²

Об Алексее Алексеевиче Ухтомском (1875–1942) мне в начале 1980-х гг. было известно едва ли больше того, что академик Ухтомский сделал «какие-то» открытия в области нейрофизиологии...

Помнится, я тогда (февраль 1982), сразу по получении письма от Романа Ленчовского с его выписками из писем А.А. Ухтомского к Е.И. Бронштейн-Шур (1920-1930-е гг.), отправился в Публичную библиотеку. Обратился к 5-томному собранию сочинений (1940–50-е гг.)¹⁴³ и к первым, опубликованным к тому времени, очеркам жизни и творчества Ухтомского.

Оказалось, что профессионально-научные труды академика Ухтомского удивительно гуманитарны, а сам он, также и в этих трудах, вовсе не только естествоиспытатель. В частности, его учение о доминанте (см. ниже) несет в себе глубокий социально-философский смысл...

Лишь теперь тот факт, что Ухтомский является не только физиологом с мировым именем, но и ярким гуманистом, одним из пронзительнейших русских мыслителей XX века, становится, пожалуй, общепризнанным. Этому способствовали новые (последнего пятилетия) публикации, приоткрывшие ранее неизвестные страницы его творческого наследия:

- Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. - 528 с.;

- Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. - 576 с.;

- Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. - 608 с.¹⁴⁴

См. также:

- А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб.: Издательство СПб университета, 1992;

- Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М.-Воронеж, 1996; Хализев В. Нравственная философия Ухтомского // Новый мир, 1998, 2;

- "Ну, так о странниках и об Эйштейне..." Письма А.А. Ухтомского к Ф.Г. Гинзбург // Звезда, 1998, № 2;

- Кузьмичев И; А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника. СПб.: журнал «Звезда», 2000.¹⁴⁵

¹⁴² Нижеследующий авторский текст см. также: ДСиСА – 1, раздел 6.3.2

¹⁴³ Ухтомский А.А. Собрание сочинений. Тт. 1-5. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945-1954. Иногда это собрание сочинений называют 6-томным, имея в виду вышедший позже том без номера: А.А. Доминанта. М.-Л.: Наука, 1966.

¹⁴⁴ К настоящему времени добавились еще два тома:

- Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939: Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002.- 448 с., - включающий как некоторые естественнонаучные статьи, так и выдержки из дневников, записных книжек и писем разных лет. Электронная версия - <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000873/st000.shtml>.

- Ухтомский А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

А. А. Июль 2012.

¹⁴⁵ Добавим еще один современный текст, посвященный А. А. Ухтомскому: Зуев К.Б. Биография А.А. Ухтомского, опубликованную в интернете (http://pstgu.ru/pic/dcontent/25830.sl_description.zuev_kb_biografija_uhtomskogo_2.htm).

См. также:

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D3%F5%F2%EE%EC%F1%EA%E8%E9,%C0%EB%E5%EA%F1%E5%E9_%C0%EB%E5%EA%F1%E5%E5%E2%E8%F7.

...Но в ту пору (80-е гг.) ничего из гуманитарно-философского наследия Ухтомского, кроме упомянутой публикации Е. Бронштейн-Шур (сначала в «Новом мире», а потом в «Путь в неизвестное»), нам известно не было. (Май-декабрь 2000).

*...Внутреннее существо человека не может быть названо этическим в противоположность религиозному или религиозным в противоположность этическому. Это единение этики и религии, т.е. **почитание, уважение к жизни...***

А. Ухтомский. Из "Записных книжек". 1901 (Цит. по: Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб: 1996, с. 337)

...Мы не наблюдатели, а участники бытия. Наше поведение – труд...

А. Ухтомский ("Доминанта как фактор поведения")

7.2.1. Уникальное явление в русской культуре

Ремарка: биография А.А. Ухтомского - общность и конфликт интерпретаций

В настоящем разделе приведены композиции извлечений из трех разных публикаций о гуманитарном наследии А.А. Ухтомского: 1973, 1996 и 2002 гг., а также «Автобиография А. А. Ухтомского, датированная 1938 годом.

В этих публикациях разных авторов разного времени, естественно, повторяются некоторые факты биографии (что, пожалуй, бесполезно для лучшего освоения нового для читателя материала). Но и, что более важно и интересно, различаются: отбор фактов, интерпретация, авторские акценты и умолчания, существенные для более полного освещения как многосложной и целостной личности великого ученого и мыслителя (к чему только сегодня мы начинаем приближаться), так и для понимания эволюции общественного восприятия этой личности.

Наше собственное представление о «драме и загадке жизни академика Ухтомского» см. ниже: раздел 7.2.3.

...Итак, первая публикация из гуманитарного наследия академика Ухтомского была предпринята одной из его учениц 1920-х гг., кандидатом биологических наук Е.И. Бронштейн-Шур в журнале «Новый мир» (1973, № 1). В сборнике «Пути в неизвестное» 1973 г. эти же письма были представлены несколько полнее. Позднее - перепечатаны в: Ухтомский А.А.. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, 1996. (Июль 2012).

= Из вводной статьи Е.И. Бронштейн-Шур к публикации писем академика Ухтомского (1973)

[В скобках указаны номера страниц по изданию: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке, сб. 10. М., 1973. - А. А.]

<...> Алексей Алексеевич переписывался со своими учениками, и у меня хранятся его письма, адресованные мне с 1927 по 1941 год.

Круг интересов Алексея Алексеевича был очень широк. В письмах он высказывал свои мысли о науке, философии, морали, литературе, искусстве, он писал о жизни людей и их отношениях друг к другу. Поскольку в письмах отразились многие личные черты

Алексея Алексеевича, связанные с его биографией, считаю необходимым хотя бы кратко рассказать о его жизненном пути. (371).

Вкратце

О жизненном пути А.А.Ухтомского см. подробнее ниже.

Здесь пока ограничимся той информацией, что Ухтомский в молодости не однажды круто менял свою судьбу, и, еще до того как стать студентом Петербургского университета, окончил Московскую духовную академию (1899).

Магистерская диссертация по физиологии, под руководством проф. Н.Е. Введенского, была защищена А.А.Ухтомским в 1911 г. После этого он всю жизнь преподавал в Петербургском-Петроградском-Ленинградском университете.

<...> В 1923 г., после многих лет проверки и обдумывания, Ухтомский впервые выступил с докладом о доминанте в Петроградском обществе естествоиспытателей и опубликовал статью «Доминанта как рабочий принцип нервных центров».

Термин «доминанта» Ухтомский производил от латинского слова *dominare* - господствовать. По Ухтомскому, доминанта - это временно господствующий рефлекс, который в текущий момент трансформирует и направляет другие рефлексы и работу рефлекторного аппарата в целом. При этом раздражения из самых различных источников уже не вызывают обычных для них реакций, а лишь усиливают деятельность главенствующего, доминирующего в данный момент центра. (373).

<...> По Ухтомскому, на принципе доминанты основаны процессы, протекающие у высокоорганизованных животных и человека в высших этажах центральной нервной системы и в коре больших полушарий головного мозга. Доминанты лежат в основе всей психической жизни человека, они определяются социальными условиями и этическими мотивами; доминанты могут толкать человека на героические подвиги; в случае патологии они служат источником болезненных состояний. (373-374).

<...> Ухтомский считал, что у человека доминанта является физиологической основой внимания и предметного мышления. Он различал три фазы развития доминантного процесса в предметном мышлении человека и иллюстрировал их примерами из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». (374).

<...> С теорией доминанты тесно связано представление Алексея Алексеевича об интегральном образе мира. По Ухтомскому, для каждого человека реальностью опыта обладают не отдельные ощущения, как это считалось раньше, а сложные интегральные образы, а всякий интегральный образ является продуктом прожитых доминант.

Исходя из принципа доминанты, Ухтомский подошел к изучению вопроса о значении времени как самостоятельного фактора. Он объединил два греческих слова: *хронос* - время - и *топос* - место - в понятии ХРОНОТОП [*выделено мною. - А. А.*], то есть временно-пространственный комплекс, и считал, что этот комплекс нами воспринимается как единое целое: только путем абстракции мы выделяем пространство с тремя измерениями и одномерное время.

Доминанте Алексей Алексеевич придавал и социальное значение.

«Доминанта как фактор поведения» - так озаглавил он доклад, который прочитал 2 апреля 1927 года на заседании научного студенческого кружка. В этом докладе после характеристики доминантных процессов, разыгрывающихся в различных этажах центральной нервной системы, он перешел к объяснению с точки зрения теории доминанты психической жизни человека. (374-375).

<...> А.А.Ухтомский отмечал связь между созданной им теорией доминанты и учением И.П. Павлова об условных рефлексах. Он образно сравнивал исследования школы Павлова и школы Введенского, к которой сам принадлежал, с работою

проходчиков во встречных шахтах, когда через разделяющую породу в одной шахте становится слышно, что делается в другой.

По Ухтомскому, доминанта играет роль ключа для объяснения механизма временных связей, открытых Павловым. При этом доминанта сначала способствует возникновению условного рефлекса, а потом сама становится результатом достаточно укрепившихся условных связей. (375).

Вкратце

Е.И. Бронштейн-Шур рассказывает, далее, об Ухтомском как педагоге, о том, как его собственная доминанта «на Лицо другого» реализовалась в его повседневном поведении, в частности, в общении с сотрудниками, студентами: «...тяга к другому человеку, «собеседнику», красной нитью проходит через всю жизнь Ухтомского...» (378).

<...> В 1932 г. А.А.Ухтомский организовал и возглавил Физиологический научно-исследовательский институт при Ленинградском университете, который после смерти Алексея Алексеевича стал носить его имя.

За работы по физиологии нервной системы он получил премию имени В.И.Ленина.

В 1933 году А.А.Ухтомский был избран членом-корреспондентом, а с 1935 года он становится действительным членом Академии наук СССР. (376-377).

<...> А.А.Ухтомский остался в осажденном Ленинграде. Он упорно отказывался покинуть город. <...> Он был неизлечимо болен раком пищевода и спонтанной гангреной ноги. Но несмотря на тяжесть блокады и физические страдания, Алексей Алексеевич жил интенсивной умственной жизнью, много работал, заканчивал обработку своих лекций по физиологии нервной системы. (380)

<...> В июле 1942 года он написал 15 тезисов к докладу, который должен был делать в сентябре на сессии, посвященной 93-й годовщине со дня рождения И.П. Павлова. Доклад он озаглавил «Система рефлексов в восходящем ряду». В тезисах он по-новому раскрыл понятия условного и безусловного рефлексов, их эволюцию и значение. <...>

Сделать доклад он не смог. 31 августа 1942 года А.А. Ухтомский умер.

В феврале 1944 года Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление о публикации научных трудов Алексея Алексеевича..

Собрание сочинений А.А.Ухтомского в шести томах вышло в свет в 1945-1965 годах. (380).

<...> Сложными и противоречивыми путями шла жизнь Алексея Алексеевича. Отсюда богатство его духовного мира, широта его умственных интересов. Отсюда же и противоречивость его мировоззрения: с одной стороны, строгий, точный и глубокий анализ научных фактов и данных, полученных в эксперименте, с другой - «убежденность, что жизнь общества можно изменить, если люди перестроят свои доминанты, направив их не на себя, а на своих «собеседников» и на любые «человеческие лица».

Мысли о «собеседнике» и «человеческом лице» исходили как из научных взглядов, так и из этических и моральных установок Алексея Алексеевича. Возможно, что их питали и воспринятые им с детских лет религиозные традиции. (380-381)

(Ухтомский А.А. Письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973)

= Из предисловия Г.М. Цуриковой и И.С. Кузьмичева к книге: Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. (СПб: Петербургский писатель, 1996) ¹⁴⁶

¹⁴⁶ См. также: ДСиСА – 1, раздел П.6.2.

[В скобках указаны страницы по названному изданию. – А. А.]

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский – явление в русской культуре уникальное.

Физиолог с мировым именем, он отличался удивительным разнообразием гуманитарных интересов, энциклопедической начитанностью в области философии и литературы, свободным творческим взглядом на многосложность социальных, нравственных, эстетических и религиозных проблем. Его эпистолярное и мемуарное наследие – настоящее откровение. Оно долго было спрятано от глаз, сохранилось далеко не полностью, да и то, что лежит в архивах, по сей день не все разобрано.

“Странное писательство” Ухтомского началось рано, с юношеских записных книжек, и продолжалось до последних дней жизни. Он поистине не мог не писать, к тому побуждал напряженный процесс духовного самопознания, причем тяга к самовыражению воплощалась у него в нетрадиционных формах. В литературном наследии Ухтомского нет законченных канонических произведений, но его письма, например, можно рассматривать как страницы эпистолярного романа, и как фрагменты философских трактатов, и как лирическую исповедь. В его наследии – отрывки из дневников; вроде бы случайные записи в рабочих тетрадях рядом с набросками научных статей – регулярные в двадцатых годах и все более редкие к середине тридцатых; совсем миниатюрный жанр – пометки на полях прочитанных книг.

В сущности, оставленное Ухтомским писательское наследие – это самобытная интеллектуальная проза: ей присущи мощь и ясность авторской мысли, талант живописания, искренность чувства, народный ум, психологическая проницательность и плюс ко всему живое ощущение грозной поступи истории. (3).

<...> Биография Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942) внешне незамысловата, хотя внутренне трагична, при видимом благополучии. В глазах учеников, учениц особенно, он выглядел чужаковатым профессором – носил вызывающее для университетских аудиторий одеяние наподобие толстовки, студенты болтали, что под суконной рубахой он прячет вериги. (3-4).

<...> Он тяготился “отдельностью” в профессорской среде, но попросту не в силах был жить “прилично”. Признавался, что смолоду “бежал от обстановки и комфорта”, инстинктивно пугаясь мирских благ и удовольствий. Людей он любил вне “обстановки”, подозревая в ней “цепи и кандалы для этих самых людей”. И в житейском обиходе он повиновался не обстоятельствам, а внятному внутреннему голосу, навсегда отдавая предпочтение никому не подвластной духовной свободе. (4).

<...> По характеру Ухтомский был человек замкнутый, с детства приученный к душевной сосредоточенности – рано ощутив прямую и потаенную связь с Богом ли, с Космосом или Вечностью, как это ни назови, и еще – силу Разума, его неудержимый зов и невозможность этому зову противиться. (4).

<...> Родился Ухтомский в пошехонской глубинке, детство провел в славном городе Рыбинске, хранившем корни допетровской, старообрядческой культуры, а происхождения был княжеского, от Рюриковичей. (4).

<...> Жития святых, древние благочестивые книги были его первым чтением. Таинство молитвы, эстетика церковного песнопения изначально творили восприимчивую и чуткую душу. (5).

<...> По окончании [кадетского. – А. А.] корпуса Ухтомский поступил на словесное отделение Московской духовной академии, где его прежде всего заинтересовала философия, знаменем которой в то время в России был Владимир Соловьев, – русская идеалистическая философия, неотделимая от религиозного сознания.

Обращение к философии, к науке и вместе с тем – к Богу для Ухтомского показательно. В Духовную академию он пришел “уже искушенный, уже вкусивший прелести мысли” и, обозначая свои цели, записывал в дневнике в 1897 году: “...мое истинное место – монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью – с математикой, с свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня”. (5).¹⁴⁷

<...> Лицам с духовным образованием сфера наук естественных была официально заказана, поэтому Ухтомский в 1899 году поступает сперва на восточный факультет по еврейско-арабскому разряду – с тем, чтобы год спустя перевестись на естественное отделение.¹⁴⁸

В двадцать пять лет он снова попал в студенты и через два года уже работал лаборантом на кафедре физиологии животных у профессора Николая Евгеньевича Введенского, бесконечно почитаемого им учителя. Университету, кафедре Ухтомский отдал сорок лет жизни. Здесь, студентом, опубликовал первую научную статью, позже вел занятия и читал лекции, а в 1922 году, со смертью Н.Е.Введенского, принял заведование его кафедрой. (6).

<...> Он жил одиноко, затворником, не создавая семьи, решив раз и навсегда, что “подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье” человек испытывает лишь в вершинные моменты “подъема и труда”, когда он, пусть мимолетно прозревает “то, что выше его”.

И словно поощряя такую целеустремленность и аскетизм, судьба временами по-царски одаривала Ухтомского эпизодами “удавшегося человеческого общежития”. Среди них, пожалуй, самый яркий – лето 1922 года, проведенное им со студентами и помощниками в Университетской физиологической лаборатории возле Петергофа, в “прекрасной нашей Александрии” – так они ее называли.

Тем летом Ухтомский приступил вплотную к итоговому формулированию своего главного открытия – закона **доминанты**, несказанно радуясь, что вокруг него сплотился маленький дружный коллектив, объединенный чрезвычайным единодушием и взаимной любовью. (7).

<...> В 1922 году он наконец обнаружил закон **ДОМИНАНТЫ** – развивая идею, подсказанную нечаянным наблюдением при опыте над животным почти два десятилетия назад.

¹⁴⁷ Характерна тема кандидатского сочинения Ухтомского при окончании Духовной академии: “Космологическое доказательство Бытия Божьего”. Опубликовано в: А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.

Автор предисловия к книге: Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939' : Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002., Л. Соколова пишет:

«...В самом подходе к раскрытию этой фундаментальной для богословия темы (*«Космологическое доказательство Бытия Божия»*). – А. А.) отразилось все своеобразие мировоззрения Ухтомского: его постоянное стремление найти общий, единый язык между наукой и религией, одухотворить науку, с одной стороны, внести в нее необходимые для ее жизни нравственные коррективы, а с другой – попытаться научно проанализировать тончайшие высоты человеческого духа. Именно там, в академии, у юноши возникает мысль выявить естественнонаучные основы нравственного поведения людей, найти те физиологические механизмы, с помощью которых складывается и развивается все разнообразие человеческой личности. А. А. Ухтомского интересуют вопросы познаваемости психических явлений, соотношения психологии и естественных наук, основы познания человеком окружающего мира». (См. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000873/st000.shtml>). А. А. Июль 2012.

¹⁴⁸ Стоит еще заметить, что в А.А. Ухтомском соединились чрезвычайная целеустремленность и глубина профессиональных и духовных интересов с высочайшей эрудицией и богатым спектром любительских талантов. Он владел семью языками, был живописцем и иконописцем, играл на скрипке. (См. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D3%F5%F2%EE%EC%F1%EA%E8%E9,%C0%EB%E5%EA%F1%E5%E9,%C0%EB%E5%EA%F1%E5%E5%E2%E8%F7>). – А. А. Июль 2012.

Недаром еще в молодости интересовался он психологией религиозного подвижничества и задавался вопросом: откуда черпают люди решимость и силу, ступая, казалось бы, за барьер отпущенных им возможностей? Почему они, подчас забывая о страхе, в состоянии, похожем на восторг, восходят на плаху? Попытки найти физиологические мотивации явлениям такого рода – и множеству им подобных – привели ученого к закону о доминанте. (7-8).

<...> Доминанта, утверждает Ухтомский, “есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения, который, может быть, сам по себе и не интересен, но который достаточно назойлив, чтобы было возможно с ним не считаться”. (8).

<...> Доминанта – это принципиально нарушенное равновесие в нервной системе, когда господствующий очаг возбуждения разгорается, привлекая к себе волны возбуждения из самых различных источников. Одновременно доминанта тормозит все прочие, в том числе и постоянные раздражители. (8)

<...> Доминанта и устойчива, и подвижна. Угасая, она не исчезает, а погружается в глубину сознания. Наши понятия и представления – все индивидуальное психическое содержание, каким мы располагаем, – есть следы пережитых нами доминант. (8).¹⁴⁹

<...> “Суровая истина о нашей природе, что в ней ничего не проходит бесследно и что **природа наша делаема**, как выразился один древний мудрый человек. Из следов прошлого вырастают доминанты и побуждения настоящего для того, чтобы предопределить будущее. Если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами. Поэтому, если нужно выработать в человеке продуктивное поведение с определенной направленностью действий, это достигается ежеминутным, неусыпным культивированием требующихся доминант. Если у отдельного человека не хватает для этого сил, это достигается строго построенным бытом”. (9).

<...> Какую же из доминант, организующих наше сознание, выделяет Ухтомский как важнейшую?

Он ее называет “доминантой на лицо другого”. И суть ее в том, чтобы “уметь конкретно подойти к каждому конкретному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажечь его жизнью”, рассмотреть в другом не просто равноценное тебе, но и ценить другого выше собственных интересов, отвлекаясь от предвзятостей, предубеждений и теорий... (9)

<...> Изучая природное “устройство” душевной жизни, Ухтомский не оставлял в стороне личный опыт. Тем ценнее его дневниковые заметки и письма, где он зачастую “обкатывал” научные формулировки и старался привить своим адресатам убеждения, которые вынашивал годами”. (12-13)

<...> Круг проблем, обозначенный в этих письмах, содержит и проблему “двойника”, и концепцию “заслуженного собеседника”. (13).¹⁵⁰

¹⁴⁹ Л. Соколова пишет:

«...По сути, учение о доминанте стало основой формирования А. А. Ухтомским единой философско-мировоззренческой концепции человека, разработанной им на стыке различных наук - философии, психологии, физиологии, социологии и этики, концепции, в которой человек предстает во всей целостности, в неразрывной совокупности его телесных, душевных и духовных качеств, его внутренней свободы. В учении о доминанте биологическое понимание законов поведения человека и его бытия в целом неразрывно связано с религиозно-нравственным, которое не только не входит в противоречие с первым, но оба эти подхода органически увязываются в его представление о человеке как о существе биосоциальном по своей природе...» (Там же). - А. А. Июль 2012.

¹⁵⁰ Подробно об этом см. ниже: раздел 7.2.2.

Л. Соколова пишет о сформулированных А. Ухтомским **законах общения**: «...Закон Двойника и закон Заслуженного собеседника. Двойник - это психофизиологически оправданное состояние человека

<...> Не умаляя значения разума, Ухтомский отдавал приоритет в познании чувству, эмоции, возникающей в подсознании. “Интуиция, – писал он, – раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква”. Если чувство не затронуто, знание – мертвый груз. И там, где нет собеседования с Бытием, сочувствия и сопереживания, нет и ответственности человека – и человечества! – перед Бытием”. (15).

<...> “Сердце, интуиция и совесть – самое дальнзоркое, что есть у нас, – писал Ухтомский, – это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века, как копящийся опыт жизни, искусства и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем”. (15-16).

<...> Никаких иллюзий по поводу новой власти Ухтомский не ведал и в январе 1918 года предостерегал свою адресатку [В.А. Платонову. – А.А.] : “...Вы очевидно не отдаете себе отчета в том, что такое большевики! Они именно вполне последовательны, уничтожая христианское богослужение; логическая последовательность приведет их к прямому, принципиальному и, стало быть, жесточайшим гонениям на христианство и христиан! Вы это имейте в виду, чтобы представить себе вещи, как они есть в действительности!”.

Наблюдая события 1917-1918 гг., Ухтомский ставил их в ряд всемирно-исторический, рассматривал как “узел мировой истории”, отсюда его поразительная зоркость и способность дать этим событиям объективную оценку.

“То, что кажется таким **новым и небывалым** для самих “творцов” всех этих новейших дел, оказывается для нас, – писал он В.А. Платоновой в январе 1918 года, – древнейшим, **давно предсказанным типом событий**, свойственным всем тем эпохам, в которые особенно ярко сказывается нравственное падение и растление общества, но, вместе с тем, подымается гордыня древней злобы, все пытающейся быть “ако бози”...”. (20).

<...> Слепая стихия революции цинично обесценивала человеческую жизнь, и Ухтомский быстро испытал это на себе. Вспоминая в письме к Платоновой, как впервые попал в ЧК – в 1920 году в Рыбинске, он рассказывал, что только счастливое стечение обстоятельств, “маленькая бумажка от Петроградского совета, бывшая в кармане”, спасло его от смерти, когда “какой-то весь серый человек голосом привычного бойца со скотобойни уже спрашивал, все ли готово для расправы”. (21).

<...> С той поры злоещий “серый человек”, в разных обстоятельствах и в разном облики, не однажды напоминал Ухтомскому о себе – и в 1922-м, и в 1934-м, и в 1937-м, и в другие приснопамятные годы.

Унизительный гнет этих лет не мог, конечно, не влиять на моральное состояние Ухтомского и не отражаться на его переписке. Неспроста в 1934 году он писал Платоновой, что “нужно оградить себя молчанием”, по крайней мере, быть осторожным в словах и, подобно египетским пустынноикам, “бывать друг у друга самым главным – сознанием общности делания”, а в 1937-м жаловался ей: мол, все чаще, чего раньше с ним не случалось, обнаруживает в себе “подозрительность, нездоровую мнительность в

(суждение о мире с точки зрения своих доминант, видение мира сквозь призму индивидуальных потребностей и мотивов поведения), это ситуативное состояние, сопровождающее человека каждую минуту. Но чтобы не стать статичным, консервативным состоянием души, оно должно иметь корректив - идеал, который в самом себе несет идею развития, динамики. Духовная жизнь человека - это всегда «жизнь на острие ножа», и только в движении возможно сохранить равновесие этих начал. Заслуженный собеседник и является тем идеалом нравственного совершенства - недостижимым, но искомым...» (Там же). - А. А. Июль 2012.

отношении людей”, и настаивал, что “трагедии в человеческой жизни преобладают”, что излагать истину о мире следует “языком трагедии”.

“Через кровь и дым событий”, – так подвигалась История в той своей фазе, и Ухтомский, не переставая чувствовать себя “всплеском волны” во всемирном океане, не терял высочайшего, можно сказать, библейского критерия во взгляде на происходящее вокруг.

В сентябре 1940 года, сокрушаясь, как “трудно идут теперь наши дни”, придется ли еще увидаться, он писал Платоновой: “Да и все человечество в целом вошло в какую-то новую, очень тяжелую полосу своего бытия, когда мир вступает в новые муки рождения своего будущего”. (21).

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский скончался 31 августа 1942 года в блокадном Ленинграде. Ему неоднократно предлагали выехать из осажденного города, но он догадывался, что болен безнадежно, и считал неразумным тратить остатки сил на далекое переселение. Насколько позволяло здоровье, он продолжал привычную работу, вел переписку с учениками, с эвакуированными коллегами по Физиологическому институту (который теперь носит его имя), посещал Университет, участвовал в семинарах и диспутах, в защите диссертаций, – он и умер, готовясь к очередному докладу на традиционной сентябрьской конференции, посвященной памяти И.П. Павлова, с которым у него было достаточно поводов для споров.

Вклад академика Ухтомского в физиологическую науку всемирно известен и неоспорим. И почти неизвестно его гуманитарное, иначе – литературное наследие. Познавая как ученый тайны дарованной человеку жизни, он сполна изведal “странную” потребность писательства. Завещанное им слово учителя и проповедника, подобно великим книгам, зовет людей к духовному братству. (21-22).

(Цурикова Г., Кузьмичев И. Странная профессия – писательство / А.Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, 1996)

= Из предисловия Л. Соколовой к книге: Ухтомский А.А. Доминанта (СПб.: Питер, 2002) ¹⁵¹

<...> В творчестве А. А. Ухтомского произошло плодотворное слияние традиций русской религиозной философской мысли, которую по праву можно было бы назвать этикой жизни, поскольку проблемы нравственной освященности жизни, наполненности ее духовным смыслом всегда составляли основной лейтмотив исканий многих русских ученых, и традиций русской физиологической школы, впервые во всей полноте поставившей проблему единства организма и среды и поиска основных факторов организации поведения и психики человека. Этот удивительный сплав, отражающий уникальность и неповторимость жизненного и научного пути самого А. А. Ухтомского, позволил ему органически связать естественнонаучные представления о поведении и психике человека с выработанными им законами нравственного поведения человека в мире, выводящими содержание и смысл жизни человека за ее чисто физиологические, природные пределы.

В учении Ухтомского о природе человека прослеживается яркая этическая направленность. Человек мыслится им в постоянном процессе становления, и прежде всего становления духовного. Нравственность, как считал ученый, является одним из естественнейших, биологически оправданных законов жизни человека. По его мысли, исходная система элементов нравственности, по которым живет человеческое общество, неписанные законы его морального общежития - это «предание отцов», освященное

¹⁵¹ Этот текст отсутствовал в авторской рукописи 1999-2001 гг.

традицией духовное наследие прошлого. Но эти моральные регулятивы отношений возрождаются к жизни лишь через индивидуальное осознание каждым конкретным человеком смысла собственного существования, лишь будучи пропущены, преломлены через его собственные доминанты жизни и поведения. Значение подобных невидимых и неделимых нравственных «эталонов жизни», в которых сконцентрированы искомые человечеством высшие идеалы «должного, жданного, предвидимого», огромно - они являются двигателями его духовной эволюции.

А.А. Ухтомский делает поистине новаторский скачок в рассмотрении природы человека: он органически примиряет вещи, долгое время казавшиеся непримиримыми, - знание и веру, науку и религию. Концепция Ухтомского впервые раскрывает роль идей и идеалов как естественных законов бытия человека, как высших социальных и духовных ориентиров человеческого общежития, обеспечивающих его духовное здоровье. Идеалы - это ведущие образы «предвкушаемой, предвидимой» человеком реальности. Строительство идеалов всегда связано с верой человека в возможность существования или осуществления чего-либо. Но чтобы не быть авторитарной и монологичной, чтобы нести истинно продуцирующий импульс для жизни человека, вера всегда должна быть построена на творческом начале, должна служить не консерватизму человека, а его духовному прогрессу. В этой связи А.А. Ухтомский говорил о необходимости «творческой идеализации», связанной с постоянным поиском и позитивным прогнозом развития всего лучшего, что есть в мире и в людях.

<...> Сегодня наступает новое время - многие теоретические предвидения А. А. Ухтомского находят свое экспериментальное подтверждение как в области физиологии и психологии, так и в биологии, медицине, социологии, педагогике, теории управления..

Раздумывая о путях и перспективах развития современного знания о природе человека, известный ученый-психолог В.П. Зинченко отметил: «Общепризнанно, что учение И.П. Павлова определяло развитие психологии в первой половине XX века. Оно определило ее естественнонаучную, материалистическую и детерминистическую парадигму... Мне кажется, что психологию XXI века в большей степени будет определять учение А.А. Ухтомского, на основе которого уже создается подлинная психологическая физиология».

Отношение к истории - один из показателей нашей культуры. История науки, изучение корней, на которых произрастает листва нашего сегодняшнего знания, - это неотъемлемая часть нашей общей культуры. Хочется отметить, что тема исторической духовной преемственности - одна из главных в творческом наследии А.А. Ухтомского. Человек во всех своих конкретных проявлениях участвует в непрекращающемся процессе «живого предания от отцов к детям», связывающем все поколения в живую цепь Истории. Пути истории проходят через каждого из нас, и история развивается и обогащается через индивидуальный опыт каждого человека, через глубинное, личностное переживание и познание им Истины, Добра и Красоты. Отсюда и среда для человека - это не просто объективная реальность; будучи пронизанной субъективным видением, она всегда предстает в контексте культуры, объединяющей как индивидуальный, внутренний мир человека - это «Зазеркалье», так и коллективное бессознательное, которое А. А. Ухтомский называл «опытом отцов». Другими словами, каждый конкретный момент несет на себе отпечаток многовекового опыта взаимоотношений человека с миром. И в этом глубокий историзм Бытия: сегодня данное - это лишь плод, результат тех или иных событий и преобразований, причины которых формировались задолго до настоящего проявления.

(Соколова Л.. Предисловие / Ухтомский А.А. 'Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939' : Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002) ¹⁵²

¹⁵² Электронная версия - <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000873/st000.shtml>.

Алексей Алексеевич Ухтомский родился 13 июня 1875 г. в сельце Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье землевладельца Алексея Николаевича Ухтомского и его жены Антонины Федоровны, урожденной Анфимовой.

В сентябре 1876 г. взят на воспитание теткою (сестрою отца) Анною Николаевною Ухтомскою, которая и была главною воспитательницею и спутницею вплоть до ее кончины в 1898 г.

Среднее образование окончил в Нижнем Новгороде, в кадетском корпусе, который закончил в 1894 г. Очень глубокое воспитывающее влияние испытал здесь со стороны превосходного преподавателя и даровитого математика Ивана Петровича Долбни, впоследствии известного профессора Горного института.

В 1894 г. поступил в Московскую дух [овную] академию, в которой занимался теорией познания и историческими дисциплинами.

Кандидатская диссертация поставила настоятельно на очередь ближайшее изучение физиологии головного мозга, нервной деятельности вообще, а также физиологии поведения.

В 1899 г. поступил в Ленинградский университет (*так!* – А. А.) на физико-математический факультет для изучения физиологии и подготовительных к ней дисциплин. Ленинград избрал потому, что в это время туда переехал И.П. Долбня, избранный в профессора. В течение года не удавалось зачислиться нормальным студентом, был вольнослушателем, затем с 1900 г. вошел в число студентов.

В 1902 г. начало специализации при профессоре Н.Е. Введенском.

В 1903 г. первая печатная работа по физиологии (Труды IX Пироговского съезда врачей). В том же году напечатал по-немецки «Ueber den Einfluss der Anämie auf den Nerven-Muskel Apparat» (Pflüger's Archiv, Bd. 100).

В 1909 г. совместная работа с проф. Н. Е. Введенским над рефлексами антагонистов (Работы Физиол [огической] лаборатории университета, III, 1909).

С 1906 г. зачислен на службу в Физиологической лаборатории Ленинградского университета в качестве сверхштатного лаборанта, потом ассистента при кафедре физиологии.

В 1910 г. главная работа «О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных реакций» (диссертация 1911 г.). Изучались кортикальные реакции в четырех мышцах одновременно — в двух парах антагонистических мышц (сгибателях и разгибателях) коленных сочленений. Затем те же кортикальные реакции при наличии рефлекторных возбуждений в действующих мышечных парах. Наконец, те же кортикальные реакции при условии возникновения вегетативных возбуждений в организме.

В этой работе изучалось явление, остановившее на себе внимание автора еще в 1904 г., а именно — торможение кортикальных эффектов локомоции в моменты подготовки к развертыванию вегетативных актов, например дефекации.

Плодом изучения этих явлений в свете учения Шеррингтона, об общем пути и теории торможения по Н. Е. Введенскому были первые зачатки учения о доминанте, развитого потом в 1921 г. и в последующие годы. Эту концепцию стал излагать на лекциях и в практических занятиях приблизительно с 1920-1921 гг., выступил с официальным докладом о доминанте впервые в Ленинградском обществе естествоиспытателей весной 1923 г. по поводу работ, выполненных со студентами летом 1922 г.

¹⁵³ Этот текст отсутствовал в авторской рукописи 1999-2001 гг.

На переломе 1923-1924 гг. доклад на II Всесоюзном съезде психоневрологов и физиологов нервной системы, поддержанный В.М. Бехтеревым и его учениками, выдвинул принцип доминанты как один из основных факторов центральной иннервации. В 1927 г. написана монография «Парабиоз и доминанта» (издание Комакадемии). Все более стала выясняться органическая связь доминанты с основными установками Н.Е. Введенского в его учении о парабиозе.

С 1922 г. стал заведующим Физиологической лабораторией Ленинградского университета, приняв ее по кончине Введенского.

В последующие годы разработка механизма доминанты привела к пониманию того, какую роль играет в ней фактор переменной лабильности физиологического субстрата. Это привело к тому порядку понимания, который вылился в докладе 1934 г. «Возбуждение, торможение, утомление» (Физиологический] журнал СССР, т. XVIII, 1934).

С тех пор и до сих пор выяснение факторов лабильности и значения физиологического интервала составляет главный предмет работы.

С 1933 г. избран членом-корреспондентом, с 1935 г. — действительным членом Академии наук СССР.

Был заведующим Биологическим отделением Ленинградского гос. университета. Состою Президентом Ленинградского общества естествоиспытателей.

Кроме Университета, преподавал физиологию в Институте Лесгафта, в Психоневрологическом институте и на Рабфаке Ленинградского] университета.

В свое время состоял членом Петросовета VI созыва от рабочих и служащих Ленинградского университета.

23 января 1938 г. Профессор А. Ухтомский.

(Цит. по: Академик Алексей Алексеевич Ухтомский. Доминанта. М.-Л. АН СССР, 1966. Электронная версия - http://anastasiya-shulgina.narod.ru/ID_010_91_09_01_444_444.htm).

Ремарка: автобиография – необходимая и достаточная.

Существенно, кем, когда и для кого писалась эта автобиография. Кто – академик Ухтомский. Когда – январь 1938 г. Для кого – ну, скажем, для отдела кадров Академии наук СССР. Эти три обстоятельства определяют не только жанр, но и его исполнение: смысл, стиль, отбор информации.

В настоящем тексте нет ничего «лишнего» - ни с психологической, ни с профессиональной, ни с политической точки зрения. Читатель, ознакомившийся хотя бы с тем конспектом биографии, который был приведен ранее (фрагменты предисловия к «Интуиции совести»; 1996) сам заметит, чего тут НЕТ.

Вместе с тем, есть такие «подробности», как любимая тетка Анна Николаевна Ухтомская, «главная воспитательница и спутница»¹⁵⁴, и «превосходный преподаватель и даровитый математик» И.П. Долбня, со стороны которого автобиограф испытал «очень глубокое воспитывающее влияние». И еще одно имя названо – покойный научный учитель Н.Е. Введенский.

¹⁵⁴ «... И под влиянием того, что я знал мою тетю, я совсем особенным образом воспринял "Душечку" Чехова. Помните, как она расцветала на глазах у всех, если было о ком мучиться и о ком заботиться, и увядала, если в заботах ее более не нуждались?

Такая она простая и смиренная, с такой застенчивой полуусмешкой говорит о о ней Чехов! А она ведь, серьезно-то говоря, СОВСЕМ НЕ СМЕШНАЯ, КАК ПОКАЗАЛОСЬ ПРЕОБЛАДАЮЩЕМУ БОЛЬШИНСТВУ ЧЕХОВСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ! Она - человеческое лицо, которому открыты другие человеческие души, - т. е. то, что для "премудрых" закрыто и не имеет к себе ключа! А таких бриллиантиков в действительности много множество среди нас, СРЕДИ "бедных людей" Достоевского. (Из письма к Е.И. Бронштейн-Шур. Цит. по: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973, с. 386-387).

Ну, есть и «изъяны» в биографии, которые подлежат быть отраженными: социальное происхождение (отец – землевладелец, т. е. помещик); первое образование (Московская духовная академия), за которым последовало второе (естественно-научное в Санкт-Петербургском университете¹⁵⁵). И еще масса примет как эпохи, так и личности, эпохи – зловещей, личности – достойной.

Сдержанность (лаконизм и строгость) автобиографического документа, можно сказать, акцентуированная. Профессиональная карьера за 35 лет отражена скупо, но не формально (А. У. вполне осознавал значение своего учения о доминанте для физиологии и наук о человеке). В описании этой карьеры – ничего лишнего. Даже Ленинская премия (1932) не упомянута. Только ключевые публикации и «обязательные» статусные моменты (заведующий лабораторией, президент общества естествоиспытателей, академик...)

Но и не забыто: «В свое время состоял членом Петросвета VI созыва от рабочих и служащих Ленинградского университета».

Скажем так: автобиография – необходимая и достаточная

Ниже – в разделе, который называется «Драма и загадка жизни академика Ухтомского», - будет подробно рассмотрен весь неявный драматизм 15 лет жизни «при» советской власти одного из величайших ученых XX века. (Июль 2012).

7.2.2. Из писем, записных книжек, заметок на полях книг

[Ниже — некоторые извлечения из гуманитарного наследия А.А. Ухтомского. Фрагменты цитируемых текстов озаглавлены мною. — А. А.]

= А.А. Ухтомский: Что есть жизнь? Что есть мир? Что есть «теория мира»? Что есть мир психический?

<...> На индивидуальную человеческую жизнь применим взгляд как на временное соединение воедино бесконечно разнообразной сущности природы; это случайно явившееся единство крутится в общем вихре природы, во имя инерции пытается сопротивляться внешнему разнообразию сил, горит собственной своею минутною жизнью и именно в силу своей самозамкнутости, наконец, сгорает и самопожирается. Индивидуальная жизнь есть пожар кусочка кальция в океане мировой жизни, есть какое-то туманное пятно в необъятном небесном пространстве.

Вместе с жизнью человек создает себе так называемое «мировоззрение», т. е. «теорию мира». Но он должен быть всегда готовым, на какой бы ступени развития ни стоял, - отнестись к своему ближнему, отбросив всякую теорию. «Человек прежде всего практик», - говорит Гёфдинг, и потому его теоретические воззрения должны всегда дать дорогу нравственным.

<...> Во всяком случае, как пространственный мир реальности есть нечто неопределенное, куда порывается погружаться пытливым ум человека, так и мир психический, разлитый в этом мире пространства, остается для нас навсегда не миром устойчивой определенной жизни, но миром, постоянно требующим познания, следовательно, движения вперед, борьбы... В тумане этого мира где-то затерялись начала, где мы поклоняемся реализации наших идеалов; но эти воплощения наших идеалов уже потому не могут служить нам концом пути, что у нас не может быть с ними идеального общения, - что они «утрачены в тумане».

¹⁵⁵ Характерная – не оговорка, а уступка формату и «духу» времени! – переехал в «Ленинград» и поступил в «Ленинградский» университет (в 1899 году!).

(Из дневника. 1896 (А. Ухтомскому – 21 год). (Ухтомский А.А. 'Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939' : Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002.- 448с. с. 266-267)¹⁵⁶

= А.А. Ухтомский: Что есть Бог?

<...> Бог – это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история – ряды человеческих попыток ОСУЩЕСТВИТЬ БОГА. Это стимулирующая, творящая идея истории. Если бегло пройти мыслью через историю Древнего Востока, Египта, Иудеи, Греции и Рима, развитие движения человечества будет сказываться в том, как там и тут осуществлял себе Бога человек, как понимал его, как “открывался” Он ему. “Каков Бог данного человека или данного момента, таков сам человек в момент истории”. В истории человек постепенно открывает Бога, и, по словам ап. Павла, “вся тварь с нетерпением ожидает откровения сынов Божьих.

Итак, Бог есть то, что пока, в ближайшей действительности, ЕЩЕ НЕТ, то, во что, однако, постоянно ВЕРУЕТ человек, чего ищет, за всемирную историю свою, и что **осуществляется** в меру веры и разумения его.

<...> Бог и истина не есть только греза или “сон души человеческой”, созданный для того, чтобы как-нибудь удовлетворить, как-нибудь забыться от действительности. О нет! В определение истины входит гораздо более то, что она судит, ограничивает, требует, чем то, что она удовлетворяет. Человек творит новое в мире, благовествуя на свой страх Бога миру; но это же новое и судит его. Это и значит, что человек не ограничивается возвращением лишь того, что получил (что было бы простым, пассивным и ленивым “применением к действительности”); но он, на основании того, что получил, “творит другие пять талантов”, вносит их, свои плоды – в мир, и отныне они уже делаются **фактом**, судящим его и мир, хотят они того или нет. Одним словом, БОГ – НЕ СУБЪЕКТИВНАЯ ГРЕЗА ДУШИ, НО – ПО МЕРЕ ТОГО КАК ЧЕЛОВЕК ОТКРЫВАЕТ И ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ЕГО – ЕСТЬ СТОЯЩЕЕ ПЕРЕД НИМ И СУДЯЩАЯ ЕГО СИЛА.

Такова, по-моему, природа человеческой веры, истины и знания, такова природа жизни и развития. Это с Духовной академии и есть моя философская вера, и развить ее – моя надежда. <...>

Из писем к В.А. Платоновой. 1910 (Цит. по: Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, 1996, с. 26-27).

= А.А. Ухтомский: «Собеседник, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил...»

[Из писем к Е.И. Бронштейн-Шур. 1927-1928.

В скобках указаны страницы по изданию: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973. - А. А.]

3.04.1927

...Хочется сказать об одной из важнейших перспектив, которые открываются в связи с доминантою. Это проблема ДВОЙНИКА и, тесно связанная с нею, проблема ЗАСЛУЖЕННОГО СОБЕСЕДНИКА. И та, и другая служат естественным продолжением того, что доминанта является формирователем "интегрального образа" действительности, о чем я пока очень кратко упомянул в статье 1924 г. во Врачебной газете. А что для нас является более важным и решающим, чем "интегральный образ", который мы составляем друг о друге, О ЛИЦЕ ВСТРЕЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА? По тому, как мы разрешаем эту ежедневную задачу, предопределяется в высшем смысле слова наше поведение, наша

¹⁵⁶ См. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000873/st000.shtml>.

жизнь, наша ценность для жизни; в зависимости от того, как разрешим мы эту великую проблему <...>

Проблема "Двойника" поставлена Достоевским, а мостом к ее пониманию послужила для меня доминанта. В одном собрании посмертных бумаг Достоевского я в свое время с удивлением прочел, что, по собственному убеждению этого писателя, его раннее и столь, казалось бы, незначительное произведение "Двойник" было попыткой разработать и высказать самое важное, что когда-либо его мучило. Неоднократно и потом, после ссылки, он возвращался к этой теме, и все без удовлетворения. Для читателей "Двойник" остается до сих пор каким-то загадочным, маловнятным литературным явлением! Для меня из доминанты стало раскрываться вот что.

Человек подходит к миру и к людям всегда через посредство своих доминант, своей деятельности. СТАРИННАЯ МЫСЛЬ, ЧТО МЫ ПАССИВНО ОТПЕЧАТЛЕВАЕМ НА СЕБЕ РЕАЛЬНОСТЬ, КАКОВА ОНА ЕСТЬ, СОВЕРШЕННО НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. НАШИ ДОМИНАНТЫ, НАШЕ ПОВЕДЕНИЕ СТОЯТ МЕЖДУ НАМИ И МИРОМ, МЕЖДУ НАШИМИ МЫСЛЯМИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ. <...> Целые неисчерпаемые области прекрасной или ужасной реальности данного момента не учитываются нами, если наши доминанты не направлены на них или направлены в другую сторону. И тут возникает, очевидно, ежеминутно в нашей жизни следующее критическое обстоятельство: мы принимаем решения и действуем на основании того, как представляем действительное положение вещей, но действительное положение вещей представляется нами в прямой зависимости от того, как мы действуем! Очевидно - типическое и постоянное место нашей природы в том, что мы оправдываем наши поступки тем, что они соответствуют реальному положению; но для того, чтоб поступок вообще мог совершиться, мы неизбежно абстрагируемся от целостной реальности, преломляем ее через наши доминанты.

<...> Итак, человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и в людях предопределенное своею деятельностью, т.е. так или иначе самого себя. И в этом может быть величайшее его наказание! <...>

...Так вот, герой Достоевского Господин Голядкин (он же в более позднем произведении - "человек из подполья") и является представителем аутистов, которые НЕ МОГУТ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ СВОЕГО ДВОЙНИКА, КУДА БЫ ОНИ НИ ПОШЛИ, ЧТО БЫ НИ УВИДЕЛИ, С КЕМ БЫ НИ ГОВОРИЛИ.

Господин Голядкин не "урод", не "drole" [*смешной. забавный. - фр. А.А.*]. Он может быть даже очень грандиозен, но, во всяком случае, чрезвычайно распространен. Это СОЛИПСИСТ, который мог даже дойти до принципиального философского самооправдания в германском идеализме Фихте или который приходит в ужас над жизнью и самим собой в гениальных "Les solitudes" Мопассана, где указывается, что люди проживают целую жизнь вместе, как муж и жена, до конца оставаясь совершенно отдельными, чуждыми, замкнутыми, загадочными друг для друга существами. Голядкин пошел только дальше, чем Фихте и Мопассан: он не только усматривает во всех своего Двойника, но и доходит до святой ненависти к своему Двойнику, т. е. к СВОЕМУ САМОЗАМКНУТОМУ, САМОУТВЕРЖДАЮЩЕМУСЯ, САМООПРАВДЫВАЮЩЕМУСЯ "Я". А уже это - начало выхода! Один шаг еще, и цыпленок пробил бы свою скорлупу к новой правде! ¹⁵⁷

¹⁵⁷ К образу господина Голядкина ("двойника") у Достоевского А.А. Ухтомский обращался многожды. Прочитируем здесь одно из опубликованных лишь недавно писем Ухтомского к другой своей ученице - Ф.Г. Гинзбург (от 25 декабря 1931 г.):

"В упоре на себя, в наклонности понимать и оценивать жизнь из своей персоны, в уверенности, что все критерии правды и ценности заданы в собственной персоне, - вот где начало всех прочих болезней так называемого "культурного человека", мнящего себя, впрочем, не человеком, но человеком по преимуществу..."

<...> ...в порядке нарочитого труда следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение «по Копернику» — поставить «центр тяготения» вне себя, НА ДРУГОМ; это значит устроить и воспитывать свое поведение и деятельность так, ЧТОБЫ БЫТЬ ГОТОВЫМ В КАЖДЫЙ ДАННЫЙ МОМЕНТ ПРЕДПОЧЕСТЬ НОВООТКРЫВАЮЩИЕСЯ ЗАКОНЫ МИРА И САМОБЫТНЫЕ ЧЕРТЫ И ИНТЕРЕСЫ ДРУГОГО «ЛИЦА» ВСЯКИМ СВОИМ ИНТЕРЕСАМ И ТЕОРИЯМ КАСАТЕЛЬНО НИХ.

...В этом переломе внутри себя человек впервые открывает «лица» помимо себя и вносит в свою деятельность и понимание совершенно новую КАТЕГОРИЮ ЛИЦА, которое «никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моею целью. С этого момента И САМ ЧЕЛОВЕК, ВСТАВ НА ПУТЬ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ ЭТОЙ ДОМИНАНТЫ, ВПЕРВЫЕ ПРИОБРЕТАЕТ ТО, ЧТО МОЖНО В НЕМ НАЗВАТЬ ЛИЦОМ.

Вот, если хотите, подлинная «диалектика»: только переключивши себя и свою деятельность на других, человек впервые находит самого себя, как лицо.

6.04.1927

Вот видите, — тут ужасно спаяны между собой темы о Двойнике и о Собеседнике: пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения **на лице другого**, он получает впервые Собеседника. ДВОЙНИК УМИРАЕТ, ЧТОБ ДАТЬ МЕСТО СОБЕСЕДНИКУ. СОБЕСЕДНИК ЖЕ, Т. Е. ЛИЦО ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА, ОТКРЫВАЕТСЯ ТАКИМ, КАКИМ Я ЕГО ЗАСЛУЖИЛ ВСЕМ МОИМ ПРОШЛЫМ И ТЕМ, ЧТО Я ЕСТЬ СЕЙЧАС. <...> (384–385).¹⁵⁸

10.04.1927

<...> И это опять все та же неизбежная тема о СОБЕСЕДНИКЕ! Человек ведь ищет более всего "ты", своего alter ego, а ему, вместо того, подвертывается все свое же "я", "я", "я" - все не удастся выскочить из заколдованного круга с собственным Двойником к подлинному "ты", т.е. к Собеседнику. Если это не делается само собою, то здоровый вывод может быть только один: все силы и все напряжение, вся целевая установка должна быть направлена на то, чтобы прорвать свои границы и добиться выхода В ОТКРЫТОЕ МОРЕ - К "ТЫ". (388).

<...> Только тогда, когда будут раскрыты уши для всех, нищета афинского чудака не помешает узнать в нем Сократа, из последнего оборванца будешь черпать крупички

Достоевский, кажется, нарочито избирает в качестве грандиозной проблемы самоутверждения маленького, ничтожного чиновника. Автор хочет подчеркнуть, что дело тут не в каких-нибудь "грандиозных" натуральных задатках человека, которые доводят его до наполеонизма, до лермонтовского "демонизма", до ницшеанского "великолепного зверя". Достоевский хочет подчеркнуть, что самый ничтожный по натуральным задаткам европейский человек несет в себе зародыш "мания грандиоза", поскольку он захвачен ЭПИДЕМИЕЙ самоутверждения с роковой неспособностью видеть равноценное с собой самостоятельное бытие в мире и в своем соседе, ключ к пониманию которых дается лишь с того момента, как решится человек не заставлять их тяготеть к нему, как к отправному центру, но пробует сам потяготеть, чем они живут в своей самобытности, независимо от его желаний и искательств...

Итак, господин Голядкин, это самоутверждение в своем обособлении от мира других вещей, - в своем принципиальном одиночестве, в своей подозрительности и претензиях, фантастичности и болениях. Других людей для него нет, во всяком случае, их существование НЕ ДОКАЗАНО. С ручательством и намерением для господина Голядкина существует лишь он сам – господин Голядкин, исследующий окружающую его среду ради все того же своего самоутверждения. Но за то на всех шагах своих господин Голядкин преследуется своим двойником же (производным или младшим), который и доводит его до ада-безумия..." (Цит. по: Звезда, 1998, № 2, с. 133).

¹⁵⁸ Настоящее извлечение из писем А. Ухтомского (частично) см. также: ДСиСА – 1, раздел 6.3.2.

любви и правды, и для того, кого нарочито любишь, будешь действительно надежным верным другом, открытым ему до прозрачности. Пока этого выхода от убийственного Двойника к живому собеседнику нет, нет возможности УЗНАТЬ И ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, КАКОВ ОН ЕСТЬ. А без этого выпадает все самое ценное в жизни. (389).

<...> ...С того момента, как человек решится однажды вынести свою установку (свою доминанту) на Собеседника вне и помимо себя, приходит что угодно, но не "покой": начинается все растущий труд над собой и ради другого, т. е. все больший и больший уход от себя в жизнь для ближайшего встречного человека. Награда, и притом ничем не заменимая, в том, что избыток жизни и дела конца уже нет, о конце уже и не думается, а если он придет, о нем некогда будет думать. (391)

30 апреля 1927.

<...> Лишь бы была эта тяга к лицу, - она преодолеет и победит все преграды, предрассудки, предубеждения, теории, ПОНАВЫДУМАННЫЕ РАЗЪЕДИНЕННЫМИ ЛЮДЬМИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ РАЗЪЕДИНЕНИЕ!

...Пока не сделано решающего шага, чтобы перешагнуть через границы к другим людям, как самодовлеющим и ничем не заменимым ЛИЦАМ, которые появляются В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ОДНАЖДЫ, ЧТОБЫ НИКОГДА, НИКОГДА НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ, не сделано еще ничего! (394-395).

27.05.1927

<...> Всякое соприкосновение людей между собой страшно ответственно. Тут нет "мелочей" или "неважных деталей". Малейший неправильный оттенок, допущенный при первой встрече, налагает неизгладимые последствия на дальнейшее общение тех же людей. Потом уже и не учесть, когда и в чем началось то, что портит и искажает дальнейшее! Может быть, уже в первый момент встречи предрешается то, откроются ли друг другу когда-нибудь эти встретившиеся люди и достигнут ли самого важного и драгоценного - ОБЩЕЙ ЖИЗНИ КАЖДОГО В ЛИЦЕ ДРУГОГО [здесь - выделено мною. - А.А.], или даже при самой тесной жизни вместе будут все более замыкаться каждый в своем солипсизме и глухоте к другому. (409).

15.03.1928

<...> Ничто другое, как жизнь для других, выправляет, уясняет и делает простою и осмысленною собственную личную жизнь. Все остальное - подпорки для этого главного, и все теряет смысл, если нет главного. (410).

<...> Если у меня в жизни было и есть что-то хорошее для встречаемых людей, то это хорошее, по-видимому в том, что я глубоко и до конца верю в великий смысл жизни и в людей; и в том, что я соблюл в себе БЛАГОГОВЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ЛИЦУ [здесь - выделено мною. А.А.], которое выше всего и неповторимо, а обязательства перед ним вечны. (411).

15.08.1928

<...> Впрочем, были и есть счастливые люди, у которых всегда были и есть собеседники и, соответственно, нет ни малейшего побуждения к писательству! Это, во-первых, очень простые люди вроде наших деревенских стариков, которые рады-радешеньки всякому встречному человеку, умея удовлетвориться им, как своим искреннейшим собеседником. И, во-вторых, это гениальнейшие из людей, которые вспоминаются человечеством, как почти недостижимые исключения: это уже НЕ ИСКАТЕЛИ СОБЕСЕДНИКА, а, можно сказать, ВЕЧНЫЕ СОБЕСЕДНИКИ ДЛЯ ВСЕХ, кто потом о них слышал или узнавал. Таковы - Сократ из греков и Христос из евреев. Замечательно, что ни тот, ни другой не оставили после себя ни строки. У них не было

поползновения обращаться к далекому собеседнику. О Сократе мы ровно ничего не знали бы, если бы за ним не записывали слов и мыслей его собеседники - Платон и Ксенофонт.

О Христе мы ровно ничего не знали бы, если бы народное предание, возникшее от поколения его личных собеседников, не вылилось потом в писанные книги Евангелий, которых было много!

Отчего же они не писали, эти всемирно гениальные люди?

Отчего мы знаем о них исключительно через их собеседников?

Мне кажется, что оттого, что они никогда и не имели неутоленной жажды в собеседнике, ибо **ИМЕЛИ ВСЕГДА НАИИСКРЕННЕЙШЕГО** собеседника в ближайшем встреченном человеке! Вот в чем секрет! И вот отчего люди толпами шли к ним! Уметь видеть и находить в каждом ближайшем встреченном человеке своего искомого собеседника! Тогда, конечно, обращаться к мысленному дальнему собеседнику и не придется. Зачем к дальнему, когда все нужное перед тобою. И в то же время, как писатели всех времен, малые и великие, обращались к "дальнему", пронося подчас свои гордые носы мимо неочтенно дорогого близ себя, эти великие мужи умели находить и распознавать искреннейшего собеседника в "ближнем". Вот секрет! "Дальние" узнавали о них через "ближних".

ОТТОГО И НЕ БЫЛО У НИХ ПИСАТЕЛЬСТВА, НИКАКИХ АБСТРАКЦИЙ, НИКАКОГО ГЕРБАРИЯ, А БЫЛА ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ДЛЯ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ, ОЖИВЛЯЮЩАЯ ВСЕ НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ, ЧЕРЕЗ ВЕКА И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. (418-419).

30.08.1928

<...> Итак, - **ПО ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕ ВИДЕТЬ, ВСЕ ЗНАТЬ, НИ НА ЧТО НЕ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА И УДЕРЖИВАТЬ ПРИ ЭТОМ РАДОСТЬ БЫТИЯ ДЛЯ ДРУЗЕЙ И ПРИХОДЯЩЕГО СОБЕСЕДНИКА...** Это настоящие счастье, к которому стоит стремиться и ради которого стоит понести всякий труд! (425).

<...> Пришвин продолжает ряд русских писателей-классиков. Здесь он идет непосредственно за **ДОСТОЕВСКИМ И Л.ТОЛСТЫМ**. Он - тонкий распознаватель нового для писателей, но старого, как мир, метода, заключающегося в одновременном растворении всего своего для себя и сосредоточении всего на живом-другом (на встреченной реальности, на встреченном человеке). Для Зосимы, для доктора Гааза этот метод исходный с самого начала. По-видимому, можно сказать, что Зосиме, Гаазу и им подобным свойственна методика проникновения в ближайшее предстоящее, как в свое ближайшее родственное, о которой говорит писатель, но только в необычно подчеркнутой и вошедшей в обыкновение форме, притом, не для "писательства", а для самого приближающегося к ним человека. Им свойственна **ДОМИНАНТА НА ЛИЦО ДРУГОГО**. Метод этот и для самого привычного в нем человека не может быть прост, - он является делом постоянного напряжения и труда целой жизни изо дня в день.

Оборачивающийся вспять не управлен в нем! Он есть постоянное восхождение от труда к труду, из силы в силу, все выше и вперед... (426).

18.06.1941

<...> Старинно-русское слово о только что отошедшем человеке говорили: "Приказал(а) долго жить". Я помню, как меня поразило это слово, когда я услышал его в первый раз по поводу кончины моего старого дядьки, когда мне было лет шесть. Я тогда очень расспрашивал покойную тетю, - что это слово значит, что им хотят сказать. Я понял тогда только одно - что это высказывают уверенность в том, что покойный доброжелательно прощается с тем, кому предстоит еще жить, и желает долгой и доброй жизни, хоть и без него, ушедшего своей дорогой. (435)

= А.А. Ухтомский: «Не может Рахиль утешиться...»

2.05.1927

<...> Слово «факт» в сущности двусмысленно. С одной стороны, мы отмечаем им то, что не зависит от наших теоретических ожиданий и предположений, и в этом смысле хорошо говорим, что «факты упрямы». С другой стороны, сама этимология слова «факт» взята из латинского языка: «factum est», т. е. «сделано».

В свое время Менделеев предупреждал, что не следует относиться к так наз. «фактам науки» с суеверной слепотой, - дескать, это что-то непреложное и неоспоримое, не подлежащее спору. Множество фактов науки просто «сделано» теми предубеждениями и теоретическими предвзятостями, с которыми люди подходили к действительности. Многие принималось за неоспоримый факт просто потому, что люди сейчас так склонны верить, или так настроены, или, наконец, больны.

Теоретический химик Гельм дает, по-моему, хорошее определение факта в его точном значении для науки: «ФАКТ - ЭТО ТО, ЧТО Я НЕ МОГУ УНИЧТОЖИТЬ НИКАКИМИ КОМБИНАЦИЯМИ МОИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ». Факт, что атом натрия одновалентен, и я не могу этого переделать - сделать его, например, дву- и трехвалентным. В этом смысле факты опыта - это то, что ставит незыблемые преграды моим вожделениям, - вожделение моей теоретизирующей мысли вообще.

Последний и самый неизбывный факт человеческой жизни в том, что «РАХИЛЬ ПЛАЧЕТ О ДЕТЯХ СВОИХ И НЕ МОЖЕТ УТЕШИТЬСЯ, ИБО ИХ НЕТ».

Теоретизирующий химик может утешиться, успокоиться, что натрий одновалентен и не может стать двувалентным, ибо, в конце концов, это можно воплести довольно просто в общую теоретическую канву учения о веществе.

Физиолог, которому непременно хочется подчинить идее парабиоза все случаи торможения, поболует, но и утешится, когда ему представят факты торможения, не укладывающиеся в привычные схему парабиоза, он может сказать себе, что привычные схемы парабиоза не обобщают его теории до конца, и новые факты могут быть согласованы с будущей обобщенной теорией, которая охватит и парабиоз и эти особые факты, как свои частности. Но вот, никак не переделать и не изменить того, что детей у Рахили больше нет, и никак не утешить нам Рахили, ибо ведь детей ее не вернуть никакими силами!

У Рахили детей больше нет, и как же Вы утешите ее, пока неизменен этот факт?! Трагическое значение факта в том, что он незыблем, как каменная скала, и останется незыблемым, когда самого себя, который его ощутил, уже не будет!

НЕ МОЖЕТ РАХИЛЬ УТЕШИТЬСЯ О ДЕТЯХ НИКАКИМИ КОМБИНАЦИЯМИ СВОИХ СЛОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, ПОТОМУ ЧТО ВСЕ РАВНО ДЕТЕЙ ЕЕ БОЛЬШЕ НЕТ!

Тут-то и начинается для человека совершенно новая оценка всего своего, впервые открывается ему оценка приходящего к нему человека, как неповторимого и неоценимого ЛИЦА. В ЭТОМ СМЫСЛЕ ДРЕВНИЙ СОКРАТ ГОВОРИЛ, ЧТО «СМЕРТЬ ЕСТЬ НАЧАЛО МЫСЛИ».

Смерть, однако, ничего не говорила бы человеку, если бы заранее не было в нем связи с ЛЮБИМЫМ ДРУГИМ, скрытого устремления подтвердить, подкрепить, поддержать ЛЮБИМОГО ДРУГОГО, от меня отдельного, от меня независимого, но для меня более дорогого и необходимого, чем все мое и чем сам я. Ведь Рахиль сама умерла бы незаметно для себя и с радостным чувством, если бы дети-то ее оставались и пребывали живыми и радостными! Итак, вот он, «социальный инстинкт» (если хотите - назовите так!), в его изначальном, ни на что другое не сводимом значении! Вот она, оценка жизни и бытия с точки зрения категории «лица» - скажу я!

Нужно быть чрезмерно замкнутым в себе или в своем лабораторном кабинетике, чрезмерно самоудовлетворенным в своих теориях, чтобы так оглохнуть для живого

человека и человеческого лица, что уже и вопль Рахили более не долетает до твоего омертвелого мышления! Слишком застарелый эгоистический образ жизни нужен для того, чтобы стать более невосприимчивым к тем «басовым тонам жизни», которые впервые делают человека человеком!

Индивидуалистическая культура, индивидуалистическая тренировка жизни и мысли именно таковы, что заглушают голос Рахили. Оттого наши спокойные теоретики и не могут найти в человеке даже и «социального инстинкта», не говоря уж об исключительном значении человеческого лица. <...> (402-403).

Из писем к Е.И. Бронштейн-Шур. (Цит. по: Пути в незнание. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973, с. 402-403)

= А.А. Ухтомский: “Не сужу и не осуждаю...”

<...> Конечно, не агностицизм, а лишь то уважение к лицу другого, которое побуждает говорить: я не понимаю его и, зная это, что не понимаю его, все-таки люблю его и считаю за брата и друга, как уважаемое и любимое мною самостоятельное бытие! От того и не сужу, и не осуждаю, что не понимаю! Ведь лишь тогда сужу и осуждаю, когда мне кажется, что понимаю! А я вот знаю, что не понимаю, и все-таки люблю и считаю другом, которому готов во всем помочь. Это и есть начало уважения, когда, не понимая, признают и готовы любить. <...>

Из “заметок на полях”. Год – ? (Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997, с. 443)

= А.А. Ухтомский: “Спайка действия и познания”

<...> В доминанте мы имеем непрерывную спайку ДЕЙСТВИЯ и ПОЗНАНИЯ: это две стороны одной и той же активности, – лицевая сторона и изнанка, форсирующиеся одновременно и в одних и тех же условиях, таким образом, и расстройство одной и другой стороны идет одновременно бок о бок. <...>

Из “заметок на полях”. Год – ? (Там же, с. 439).¹⁵⁹

= А.А. Ухтомский: “Мир – не предмет, а процесс...”

<...> Мир в полноте своей должен быть представлен вообще не как предмет, а как процесс. И христианское представление о Боге уже не предметное, а процессуальное, – он есть желаний край, последняя цель жизни, любовь, отец будущего века, изобретательный направитель жизни мира к Благу и Истине!. <...>

Из “заметок на полях”. Год – ? (Там же, с. 447)

7.2.3. Драма и загадка жизни академика Ухтомского

А. Алексеев – Р. Ленчевскому (июнь 2000)

Дорогой Роман!

Еще не отправлено давно ожидаемое Тобой письмо с теми фрагментами моей рукописи, которые подлежат твоей обязательной соавторской корректуре. А уже – новый сюжет накатывается для нашего с Тобой разговора.

¹⁵⁹ Настоящее извлечение из «Заметок на полях книг» А. Ухтомского см. также: ДСиСА – 3, Глава без номера.

Помнишь, 20 лет назад Ты приобщил меня к Ухтомскому (его письма к Е.И. Бронштейн-Шур, опубликованные в “Путьх в незнаемое” 1973 г.)? То был драгоценный дар...

Пришла, кажется, мне пора “платить” по этому дружескому счету.

Вот, Ты, небось, “там, в Украине”, и не знаешь, что в 1996-1997 гг. “у нас, в России” вышли целых два больших тома, свыше 500 стр. каждый, – составленные из писем Ухтомского, его дневниковых записей, заметок на полях книг и т. п.

Эти два тома лишь в малой степени дублируют друг друга. То есть в общей сложности что-то около 50 печ. листов **ранее неизвестных** текстов – гуманитарных, философских, теологических...

Признаться, я сам не сразу узнал об этих публикациях, предпринятых, по материалам архива Ухтомского (хранящегося в Санкт-Петербургском архиве РАН; фонд № 749) И.С. Кузьмичевым, Г.И. Цуриковой, Л.В. Соколовой и др.

– Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Дневники. Заметки на полях. СПб: Петербургский писатель, 1996;

– Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.

По счастью, документальная повесть И. Кузьмичева “А.А. Ухтомский и В.А. Платонова. Эпистолярная хроника” (СПб: Звезда, 2000) меня не миновала. Ну, а дальше – мои “библиографические разыскания” труда уже не составили.

Последнюю из названных книг я Тебе посылаю. С остальными пришлось знакомиться пока по библиотечным экземплярам.

Итак, эпистолярное наследие: прежде всего – письма к В.А. Платоновой (за 1906-1942 гг.); письма к И.И. Каплан (1922-1924); наконец, известные Тебе письма к Е.И. Бронштейн-Шур (1927-1941). Вкупе с дневниковыми записями и заметками (почти за полвека!), все это образует некую целостность, вполне сопоставимую с классикой мировой философской мысли.

Из книги И. Кузьмичева Ты составишь первое впечатление о Ухтомском, “которого мы не знали”. Я же сейчас – не рецензию пишу, а просто хочу поделиться с тобой некоторыми наблюдениями и размышлениями.

Справка

Уже после написания этого письма автору довелось ознакомиться еще с рядом публикаций из гуманитарного наследия А.А. Ухтомского. В частности, с предпринятой Л.В. Соколовой и И.А. Кузьмичевым публикацией в журнале “Звезда” (1998, № 2) писем Ухтомского к Фаине Григорьевне Гинзбург, своей ученице 1926-1927 гг., подруге Е.И. Бронштейн-Шур. Кроме того, совсем недавно вышел третий (после “Интуиции совести” и “Заслуженного собеседника”) сборник: Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.

С учетом этих новых для меня материалов можно было бы внести некоторые коррективы в нижеследующий текст. Однако письмо к Р. Л. датировано, так что ограничусь этой библиографической справкой, да несколькими дополнительными подстрочными примечаниями. (Февраль 2001).

Интересно, что 20 лет назад я (да, думаю, и Ты) воспринимал те же самые письма к Бронштейн-Шур – вне связи с тем религиозным “субстратом” мировоззрения Ухтомского, который в той публикации упрятывался за многоточиями (хоть, пожалуй, и мог угадываться...).

Между тем, и нравственная философия, и эпистемология Ухтомского вряд ли могут быть поняты адекватно вне его религиозного мышительства. Но и сводить все к последнему тоже было бы, думаю, неправильно.

Так или иначе, наиболее близким в Ухтомском мне (моему не атеистическому, но и не религиозному сознанию) и сегодня остается именно то, что было почерпнуто из него, благодаря Тебе, в то время: “доминанта на Лицо другого” и “закон Заслуженного собеседника”.¹⁶⁰

Сопоставление внешнего рисунка жизни Ухтомского с ее внутренним содержанием, после революции 1917 г., дает все основания для усмотрения глубокого и драматического противоречия между тем и другим.

В “Советском энциклопедическом словаре” 1990 г. сообщается, что Алексей Алексеевич Ухтомский (1875-1942) – “советский физиолог, академик АН СССР (1935). Исследовал процессы возбуждения, торможения и механизм лабильности. Создал учение о доминанте, об усвоении ритмов внешних раздражений органами и др. Депутат Петроградского совета в 1919. Премия им. В.И. Ленина (1932)”.

Что же – за этим “академическим фасадом”?

Первые годы советской власти. Ухтомский – не только инакомыслящий, но и весьма неординарно действующий, в соответствии со своими религиозными убеждениями, гражданин страны Советов.

Приват-доцент, с 1919 г. – профессор Петроградского университета.¹⁶¹ И – **монах в миру**¹⁶², не только в переносном, а и в прямом смысле: принял иночество, под именем Алимпий, в 1921 г. (как узнаем теперь из книги И. Кузьмичева). Участник Поместного собора Православной церкви (1917) от петроградских единоверцев (старообрядцев). В начале 1920-х – церковный староста в Никольской единоверческой церкви.¹⁶³

(Кстати, второй арест Ухтомского, в 1923 г., был связан с изъятием церковных ценностей в этой церкви).

¹⁶⁰ «...Что касается меня, отсюда именно (из «Двойника» Ф.М. Достоевского. – А. А.) приоткрылся мне в свое время закон заслуженного собеседника как <один> из самых постоянных и самых неизбежных сопроводителей человека на всех путях его. Солипситу заслуженный собеседник - это он сам, от которого некуда скрыться. Простому и открытому человеку заслуженный собеседник – всякий встречаемый человек и всякое встречаемое бытие, которое открывается по содержанию именно таким, каким их человек себе заслужил: доброму – добрые, злему – злые, любящему – любящие, благорасположенному – благорасположенные. Именно здесь человек оказывается, сам по себе, мощной воспитывающей силой и для других, и для самого себя» (А.А. Ухтомский. Из письма к Ф.Г. Гинзбург от 25 февраля 1931 г.; цит. по: Звезда, 1998, № 2, с. 133).

¹⁶¹ Интересно, что научный авторитет Ухтомского складывался без всяких личных усилий к его подкреплению какими-либо внешними атрибутами профессионального самоутверждения. По свидетельству ученика Ухтомского Эрванда Шамировича Айрапетянца, тот после защиты кандидатской диссертации (1911) за 10 лет не опубликовал ни одной статьи. Вся его “библиография” к 1921 г. исчерпывалась 7 работами. И при этом – высочайшие отзывы о научном вкладе Ухтомского, принадлежащие И.П. Павлову, А.Ф. Самойлову и другим знаменитым физиологам (рубеж 1910-20-х гг.). (См.: Ухтомский А. Доминанта души..., с. 509-510).

¹⁶² Таким был стиль его поведения (см. выше). Выражение “монах в миру” применял к себе и сам Ухтомский. Его ученица начала 1920-х гг. Анна Владимировна Казанская (Коперина) в своих воспоминаниях приводит такое высказывание Ухтомского: “...Но ты пойми меня: ведь я монах в миру! А монахом в миру быть, ой, как трудно! Это не то, что спасать свою душу за монастырскими стенами. Монах в миру не о себе, а о людях думать должен!” (см. Ухтомский А. Доминанта души..., с. 480).

¹⁶³ Эта церковь размещалась на Никольской ул. (ул. Марата), в здании, позднее занятом Музеем арктики и антарктики.

Но и не оппозиционер вовсе (в отличие от своего старшего брата Александра Алексеевича Ухтомского – епископа Андрея, свыше 10 лет проведенного в тюрьмах и ссылках и расстрелянного в 1937-м).¹⁶⁴

Общественная позиция Ухтомского после Октября примерно та же, что были выражена его старшим современником В.И. Вернадским (1918):

“...Надо употребить все силы, чтобы не прерывалась и усилилась научная (и всякая культурная) работа в России... Надо употребить все силы, чтобы новое поколение отошло от отцов равно прекрасным и в народной толще, и в интеллигенции. И тут главная сила в научной работе...” (цит. по: Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки / Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с. 12).

В 1919 г. Ухтомский выступает организатором первого в Петрограде рабочего факультета. Его (как, кстати, и В.М. Бехтерева) избирают депутатом Петроградского совета рабочих депутатов.

Из речи Ухтомского на том избрании:

“...Вам всем известно, что я не коммунист. А я еще должен прибавить, что я и вообще не социалист, ибо по совести не могу подписаться ни под одной социалистической программой. Я вполне убежденный беспартийный, и не потому, что не нашел партии, которая бы меня удовлетворила, а потому что партий и перегородок никогда не искал и не могу искать, будучи противником всех этих человеческих подразделений...”.

И далее:

“...Это не индивидуальное мое согласие, а согласие профессоров пойти навстречу вашему избранию в Совет. Отныне вы должны убедиться, что со стороны профессуры нет “саботажа” или предубеждения против работы с рабоче-крестьянской властью...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 122).

Ухтомский видит смысл своей жизни в служении: Богу, Науке и Людям (“доминанта на лицо другого”!). С новой властью он готов сотрудничать¹⁶⁵, но не служить ей. И никаких иллюзий на ее счет у него нет.

Запись в дневнике (около 1920 г.):

“...Коммунистическая партия, по мере своих политических успехов, начинает пользоваться все большей популярностью в среде русской интеллигенции. Понемногу к ней начинают приглядываться презрительные доселе терситы, господа профессора, писатели, литераторы и т.п.. Это и понятно, ибо против нее, как организованной лжи (! – А.), никто не вооружен, за исключением христиан...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 130).

Еще в ноябре 1917 г. Ухтомский писал самому близкому ему человеку – В.А. Платоновой:

“...А дальше видится приближение Вавилонского пленения для безумного народа, ослепленного ложными пророками и преступными учителями, приводящими к историческому позору! Удивительная аналогия того, что сейчас совершается с русским народом, и того, что было с древним Израилем во времена пророков и Вавилонского плена...” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 121).

Еще одна цитата (из дневника, март 1921), проясняющая мироотношение Ухтомского в ту пору:

“...Что может быть ужасней событий, в которые вовлечена Россия после 1917 года? И однако достаточно внимательное всматривание научает понимать, что тут все обусловлено тончайшими нитями, все имеет слишком глубокий и полный смысл, чтобы начать легкомысленный суд и принимать еще более легкомысленные решения, указывать с определенностью, кто тут “виноват” и кто “не виноват”, а “жертвочка невинная”... “Виноватого” приходится искать глубже и раньше! ...Но более глубокое историческое

¹⁶⁴ Об Александре Алексеевиче Ухтомском см.: Зеленогорский М.. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991; Нежный А. Князь Ухтомский. Епископ Андрей // Звезда, 1997, N 10.

¹⁶⁵ “Сотрудничество с коммунистами” – собственное выражение Ухтомского применительно к себе (из письма к Ф.Г. Гинзбург 1930 г.; см. Ухтомский А. Доминанта души..., с. 390).

проникновение и там не дает нам найти какого-нибудь “несомненного и первичного, окончательного виновника”! Постепенно мы добираемся до ясного понимания, что виноваты **мы все, все до единого**, подобно тому, как в заболевшем организме нет небольших клеток, и болезнь коренится так или иначе в жизнедеятельности каждой из них!” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 129).

Считая революцию “судом праведным” за “общий во всех нас и в каждом конкретно живущий грех” (там же), Ухтомский все же был склонен винить в происшедшем больше всего интеллигенцию.

Из письма к В.А. Платоновой (декабрь 1918):

“...Давно, давно господа интеллигенты задались у нас несчастною мечтою – обратить русский народ “в свою веру”, сделать его таким же, каковы они сами, полагая, что они-то сами хороши, и благородны, и просвещенны, и умны и пр. и пр. ... Но долго-долго внутреннее чутье русского народа, здоровое чутье простых и немудрящих, но верных отеческому благочестию людей, ограждало и остерегало от барских затей...”.

(Здесь Ухтомский напоминает своему корреспонденту, как Серафим Саровский “...прогнал от себя одного из декабристских “деятели” вздумавшего прийти к нему в лес саровский за благословением”).

“...Не удалось тогда поднять эту мусть поганцам декабристам! Но что не удалось тогда, исполнилось наконец теперь. Старые затеи “мутных душ” получили в наше время свое осуществление: более испоганить нашу Русь уже нельзя. – Русь перестала быть святою, она покрыта нечистотою с головы до ног, она стала блудницей, вся бесновата, опозорена, искажена... Народ стал таким, какова его интеллигенция!.. Цель достигнута... И звучит вещей правдой то, что было сказано Львом Толстым в его дневнике: “В тот день, когда русская интеллигенция добьется своего, т.е. сделает народ таким, какова она сама, народ погибнет!”

... Ровно через 93 года после тогдашних событий, прогремевших здесь *[на Сенатской площади. – А.А.]* бесы действительно возобладали над несчастной страной и народом...” (А.Ухтомский. Интуиция совести..., с. 158-159).¹⁶⁶

Ухтомский считает при этом, что “общее делание с братьями” возможно и после “Судного Дня Господня”, предшествующего “Великому Судному Дню”. (В кавычках – используемые Ухтомским в его дневниках и письмах того времени выражения).

В чем состоит его “делание” (1920-е гг):

- наиполнейшая (и благодарная!) самоотдача в педагогической деятельности, в общении со студентами-сотрудниками (“...наша прекрасная Александрия!” и т.д.);¹⁶⁷
- высокопродуктивная исследовательская работа – экспериментальная и теоретическая (особенно последнее!) – в области невро- и психофизиологии;
- издание сочинений своего покойного учителя (Н.Е. Введенского), консолидация научной школы Введенского (позднее ее стали называть школой Введенского-Ухтомского);¹⁶⁸

¹⁶⁶ По воспоминаниям одного из близких друзей Ухтомского, рыбинского краеведа, писателя, религиозного философа Алексея Алексеевича Золотарева, А.А. Ухтомский, приехав в Рыбинск на Рождество 1917-18 г., объявил друзьям и единоверцам, что “он знает теперь – большевики сели надолго; это самая наша национальная народная власть, это мы сами, достоинства наши и недостатки наши же великоросские, самая, что ни на есть наша народная власть” (Ухтомский А.. Доминанта души..., с. 451).

Как видно, тогда (да и позже) Ухтомский воспринимал большевистский переворот (Октябрьскую революцию) как нечто естественное, неизбежное и “заслуженное” русским народом, как неисполненное ему свыше “испытание”.

¹⁶⁷ Авторы всех воспоминаний об Ухтомском делают особый акцент на этой стороне его жизни. Например, его ученик середины 1920-х гг. Марк Викторович Кирзон: “Почетного и уважаемого титула учителя в науке заслуживают далеко не многие ученые. Помимо глубокой эрудиции, широты взглядов, неопенимого опыта, учитель в науке – это личность, своим обаянием, любовью к ученикам, ненавязчивым стремлением передавать знания и идеи привлекающая к себе и объединяющая своих последователей вокруг себя или в орбите научной школы. Именно таким учителем был Алексей Алексеевич Ухтомский” (Ухтомский А. Доминанта души..., с. 572).

– собственные научные открытия, получившие широкое признание, и главное – разработка **учения о доминанте**, имеющего фундаментальное и универсальное значение для наук о живом и наук о человеке.

И еще – напряженнейшая внутренняя, интеллектуально-духовная работа: философские искания, религиозное мышление. Этот труд ума и сердца “объективируется” в общении (непосредственном и эпистолярном) с теми, кого Ухтомский называет “**заслуженными собеседниками**”, а также – в дневниковых заметках (“странное писательство”...).

Несмотря на все происходящее с ним самим (аресты 1920 и 1923 гг.; угроза изгнания из университета “по политическим причинам”), а также вокруг и рядом с ним, жизнеощущение Ухтомского в этот период, судя по его дневникам и письмам, является, тем не менее, оптимистическим.

Вот дневниковая запись, по-видимому, 1923 г. (поводом для нее послужило воспоминание о втором аресте и пребывании в тюрьме ДПЗ в Петрограде):

“...Если в твоих впечатлениях от жизни получается не сумятица, а драма, то это уже не бессмыслица, как казалось перед этим, но какое-то имеющее высказаться слово. И если та драма оказывается затем трагедией, притом очень значительной и подчас несравненной, то предстоит, очевидно, лишь усилиться прочесть ее содержание! Если будет открываться, что это необычайная трагедия любви в мире, то мировая история открывается в своей перспективе как дело любви божественной. Если допущен смысл в малом и в зерне, то он приведет к великому смыслу целого и плода его, **лишь бы не сбиваться с дороги и раньше времени не опускать рук, не изменять своему делу** (выделено мною. – А.А.!)” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 153).

Не следует думать, однако, что не было в мировоззрении Ухтомского никаких созвучий с социалистическими идеями. Здесь – тонкая грань:

“...Мы, церковники и христиане, можем понимать и признавать себе близкими идеи социалистов, пока дело идет у них об акценте над общественным превыше личного и индивидуалистического: тут речь и язык у нас с ними общий...”. Но: “...Мы – христиане – решительно уходим от социализма с того момента, как речь заходит о создании **счастливых** людей, о превращении всех в князей Платонов Зубовых...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 408).

Характерна амбивалентная оценка Ухтомским “пролетарского социализма” (дата не указана):

“...Пролетарский социализм в своей **разрушающей энергии** и есть праведный суд над европейской (*индивидуалистической*. – А.) культурой с ее биржей, комфортом и бессердечием. Но в **созидательной энергии** он, к сожалению, есть лишь продолжение все той же культуры и духа ее!...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 390).

И еще, из “заметок на полях книг” (к сожалению, опять без дат):

“...В социалистических попытках строительства общественности все разваливается именно потому, что начинается с самоутверждения, зависти, искания своего...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 399).

“...Современные лжепророки-социалисты, обещающие, что из зла выйдет добро; и христиане, знающие, что без добра в сердце ничего, кроме преступления не выйдет...” (Там же, с. 431).

“...Наша революция не прекратила пороков богатящегося и гордокомандующего положения, а напротив – всех толкает в порок этой установки...” (Там же, с.432).¹⁶⁹

¹⁶⁸ Можно сказать, что именно усилиями Ухтомского имя Н.Е. Введенского, значение идей которого при его жизни в общем недооценивалось, стало в истории физиологии в один ряд с всемирно известными именами И.М. Сеченова и И.П. Павлова.

¹⁶⁹ А вот весьма выразительное и характерное **датированное** высказывание Ухтомского (из письма к Ф.Г. Гинзбург, от 2 ноября 1927 г.):

“Пусть беременеет мир, чтобы пришла ему радость, **открытая для всех и для каждого всякого человека, приходящего в мир!**”

Рубеж 1920-30-х гг.

Среди всех прочих известных событий и процессов в жизни страны того времени:
– разрастание идеологической борьбы и “охота на ведьм” в советской науке, в частности – в науках о живом и науках о человеке (генетика, психология и т.д.);
– усугубляющиеся гонения на религию, уничтожение храмов...

Как ко всему этому относится Ухтомский? Информация крайне скудна.

Ухтомский практически не затрагивает тем текущей общественной (и научной) жизни в личной переписке.¹⁷⁰ Однако довольно резко меняется тональность его писем.

В посланиях близким друзьям, равно как и в дневниковых записях, все чаще можно встретить признания в душевной (и физической!) усталости, во внутреннем разладе (надрые). А с середины 1930-х в письмах отчетливо звучат трагические ноты.

И. Кузьмичев приводит запись 1930 г., которую я не нашел ни в одном из двух упомянутых томов Ухтомского (может, плохо искал?):

“...Я очень повинен в недобрых чувствах к московско-петербургской Содоме, узурпаторнице власти над нашим народом (! – А.). В этом отношении на меня имели, без сомнения, воспитывающее влияние наши заволжские староверцы, всегда очень серьезные и строгие к себе, предпочитающие просто устраниваться, но не унижаться до борьбы с тем, в чем не хочешь участвовать и что презираешь. Но если дело доходит до презрения и ненависти, это – говорит внутренний голос, – уже не добро! Нянька Арина Родионовна говорит мне через века: “Это, батюшка, уже и нехорошо и грех; ты лучше просто отойди, коли сил у тебя нет взглянуть на людскую бедную жизнь из Древа Жизни!..” (Цит. по: Кузьмичев И. А.А.Ухтомский и В.А.Платонова..., с. 139).

Высказывание необычно (для этого периода его жизни) рискованное и, вместе с тем, темное...¹⁷¹ Что значит: “просто отойди, коли сил у тебя нет”? Может, имеется в виду следующее:

“...Моя мечта была бы в том, чтобы выйти на пенсию, как только закончится мой 25-летний срок в сентябре следующего года, – пишет Ухтомский В.А. Платоновой в августе 1930 г. (ему только что исполнилось 55). – Только, конечно, все это мечты, а как будет в действительности, “услышу, что речет о мне Господь Бог”...” (А.Ухтомский. Интуиция совести..., с. 167).

Однако Ухтомский – уже! – общепризнанный лидер научной школы Введенского-Ухтомского (которая могла бы конкурировать даже со школой И.П. Павлова, если бы не отсутствие у Алексея Алексеевича личных амбиций и не его принципиальная установка на сотрудничество, а не соперничество школ). За Ухтомским – десятки дорогих ему учеников и сотрудников...

Как можно отказаться от дела жизни, где:

– дальнейшие исследования фундаментальных проблем науки о живом;

Пророки зачали, христианство рождает, социализм поднимает великую опору (! А.А.). И мы имеем счастье жить в этой грозе и буре! Она не даром собралась над головой человека, пусть не уклоняется от нее и стоит прямо голова человека: мне кажется, что само слово “человек” говорит о том, что **это вечное чело** – вечно поставленное прямо, вверх. И пусть человек из страха перед несчастьем не припадает на землю, как четвероногое!” (Ухтомский А. Доминанта души..., с. 370).

Как видно, Ухтомский и отвергает, и приемлет большевистскую революцию, в разных отношениях.¹⁷⁰ Это так – в отношении писем к В.А. Платоновой. Письма же к Е.И. Бронштейн-Шур опубликованы в 1970-х гг. с купюрами, сделанными, по-видимому, самой корреспонденткой. Наиболее информативны в этом плане, пожалуй, письма к Ф.Г. Гинзбург, впервые опубликованные в 1998 г.

¹⁷¹ Действительно, “плохо искал”! “Рискованным” и “темным” это замечание Ухтомского вовсе не является.

Цитированные строки – из письма Ухтомского к Ф.Г. Гинзбург. (См.: Звезда 1998, № 2. См. также Ухтомский А. Доминанта души..., с. 387). В этом письме речь идет только о “грибоедовской Москве” и “старо-московской барской жизни”, описанной Л. Толстым в “Войне и мире” и т. д. Усматривать политические аллюзии в данном письме неправомерно. — А. А. Февраль 2001.

– биологическое отделение университета, которое он возглавлял в 1920-х;
– другое его детище – сеть лабораторий физиологии труда на ленинградских заводах;
– на очереди – организация Физиологического института Ленинградского университета.

В августе 1930 г., после смерти руководителя кафедры физиологии Московского университета проф. А.Ф. Самойлова, Ухтомскому предлагают занять его место.

“...Совсем не представляю, как бы я стал жить в Вашей (московской. – А.) сутолоке, – пишет он в личном письме, – если я начинаю тяготиться и здесь, в относительной тишине. Послал отказ с сожалением...” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 167).

Но и в Ленинградском университете, разумеется, не уйти от “сутолоки”, и не только от нее...

В начале 1930-х научные идеи Ухтомского о связи психического и физиологического в целостном поведении (отчетливо выраженные в трудах о доминанте и т. д.), в отрыве от его “крамольных” мировоззренческих идей (остающихся в письмах и записных книжках, хотя и “выплескивающихся” иногда, не без “автоцензуры”, в естественнонаучные сочинения) оказываются парадоксальным образом востребованными сверху.

(Тут, конечно, нужен профессиональный анализ связей естественнонаучного и философско-теологического содержания наследия Ухтомского, на что я, понятно, не претендую).

В 1932 г. Ухтомскому, за открытия в области нейрофизиологии, присуждается премия им. В.И. Ленина. В том же году он избирается членом-корреспондентом, а в 1935-м – действительным членом Академии наук. Имеют место всякие другие знаки признания его научных заслуг.

Серия программных докладов на всесоюзных съездах физиологии, на Международном физиологическом конгрессе (1935) в Москве. (За границу Ухтомского все же не пустили, хоть командировка такая и предполагалась).

После смерти И.П. Павлова (1936) нет более авторитетных физиологов в стране, чем Ухтомский и ближайший сотрудник и научный преемник Павлова академик Л.А. Орбели.

Складывается впечатление (может, я и ошибаюсь!), что с начала 1930-х гг. Ухтомского, разумеется, без всякого с его стороны “искательства”, а в силу стечения общественных и личных, явных и неявных обстоятельств, вдруг подхватывает крутая волна, природа которой ему чужда (противна его естеству!), но он, похоже, не в силах ей противостоять. И она, эта волна, выносит его на тогдашний академический Олимп.

Тут невольно вспоминается одна из заметок Ухтомского на полях книг (интересно, к какому году относится?):

“...Нужно быть чрезвычайным, слепым, на все согласным оптимистом, чтобы желать “участвовать в истории” и “оставить свое имя в истории”! Блажен тот, кто успел пройти незамеченным и не оставил участия в той куче зла и преступления, какова история! Или кто прошел совсем **иным** образом жизни, ища не славы, а бесславия и унижения от хозяев истории!” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 396).

Пройти “совсем иным образом жизни” Ухтомскому, несмотря на всю его “особость” его мировоззрения и стиля поведения, не удастся, будучи таким вот образом востребованным “хозяевами истории”...

Личные письма Ухтомского конца 1930-х оставляют впечатление титана в цепях или человека “с кляпом во рту”, который, впрочем, и сам очень озабочен не высказать лишнего, чтобы не навредить общему делу и особенно – близким, милым ему людям.

Из письма Ухтомского (апрель 1937 г.) в Калугу, где живет В.А. Платонова (адресат не назван, подпись отсутствует, автор пишет о себе в третьем лице):

“...Все-таки **трагедии в человеческой жизни преобладают!** А отчего же? Мудрые люди сказали и продолжают говорить: от греха! Испорчена, болезненна жизнь, и в особенности человеческая жизнь, в ней есть внутренний порок, и порок этот есть грех. Лишь радикальной и нарочито направленной борьбой с самим собой и со своим внутренним врагом – грехом – достигает человек относительно твердого и благонадежного камня под ногами...” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 171).

Это – рефлексия. А в письме примерно того же времени к Ф.Г. Гинзбург – скупая фактура:

“...Под влиянием “активов”, проходивших у нас в апреле, я так устал нравственно и нервно, что уже от небольшого добавочного дела сбиваюсь в состояние острого утомления... мне пришлось просидеть в непрестанном напряжении три дня актива в нашей лаборатории и два дня “актива” же в Институте Орбели. Это очень тяжело и расточительно для нервной системы старого человека (*Ухтомскому – 62 года. – А.*). Между тем предстоят еще “активы”! Пока мы их проводим, граница ведет подлинные научные работы, так неизменно перестраивающие нашу науку!...” (цит. по: Кузьмичев И. А.А.Ухтомский и В.А.Платонова..., с. 132).¹⁷²

В письме к К.М. Сержпинской (подруге В.А.Платоновой, в сущности – к самой В.А. Платоновой), от апреля 1938 г., – глухие намеки:

“...Приходится проходить через большие трения, и много сил уходит совсем непроизводительно на преодоление этого внутреннего трения сложной человеческой каши, через которую лежит путь. Одна из несомненных больных линий в нашей жизни – подозрительность. Я ее терпеть не могу и всегда был рад тому, что мог себя считать свободным от нее. В людях, с которыми приходилось встречаться, я видел в особенности их добрые черты, а отрицательные отводил в сторону. И это помогало завязывать добрые отношения. Теперь я начинаю все чаще видеть в себе именно подозрительность, нездоровую мнительность в отношении людей...” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 180-181).

В переписке возникает настойчивый мотив: “огради себя молчанием!”. Из того же письма к подруге В.А.Платоновой:

“...Надо в самом деле учиться мудрому совету: радость моя, огради себя молчанием. Как много, много раз приходится жалеть в своем прошлом о сказанном! Правда ведь? Самое прекрасное достояние человека – слово. Но и доброе молчание, о котором мы говорим, ведь есть переживание слова в сердце, внутри, из вящего уважения к нему, дабы то, что будет, наконец, сказано, было добро в самом деле для всех...” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 181-182).

Тут многое можно прочесть... между строк!

К тому же (не столь иносказательно!) призывал Ухтомский своего заслуженного собеседника еще раньше (сентябрь 1934):

“Дорогой друг, Варвара Александровна!

<...> Пожалуйста, не сетуйте, на то, что я не пишу писем. Мне хочется обратить Ваше внимание на следующее. Если бы я был особенно заинтересован узнать интимное настроение и мысли какого-нибудь лица А, и мне было бы известно при этом, что это лицо А. осторожно и замкнуто, умеет сохранять свои мысли внутри себя, то как бы я поступил? Всего правильнее бы я поступил вот так: я уединил бы дорогое для А лицо В так, чтобы можно было контролировать всю переписку этого второго лица В, и тут мне без труда и околичностей далось бы все мне интересное касательно А, поскольку стали бы известны его беседы с В. Не правда ли? Так вот отдавая в этом отчет, следует в таких случаях быть сугубо бдительными, чтобы не разыгрывать пьес по тем нотам, которые тебе подставляются сторонними наблюдателями.

Очутившись в положении В, я, со своей стороны, стараюсь предупредить поскорее А, чтобы он оградил себя молчанием. Это прием, к которому прибегнул бы я в отношении А и В, практикуется гораздо чаще, чем думается. И вот тем более нужно оградить себя молчанием, пока речь приходится вести не иначе, как письменно.! Бог даст, встретимся

¹⁷² Письмо от 30 мая 1938 г. См.: Ухтомский А. Доминанта души..., с. 426.

лицом к лицу, чтобы сообщить словом, как хочется и как надо...” (А.Ухтомский. Интуиция совести..., с. 167-168).¹⁷³

Известный психолог и историк науки М.Ярошевский в своей статье, открывающей сборник “Репрессированная наука” (1991), пишет:

«...Сохранилась серия павловских писем, адресованных в Совнарком, свидетельствующих, что он был не только великим ученым, но и великим гражданином. В них он не только ходатайствовал за несправедливо репрессированных, но и давал резкую критическую оценку общей ситуации в стране. (Кто еще в те годы на это решился?). Так, через три недели после убийства Кирова он писал:

“...Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Тем, кто злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовольствием приводит это в исполнение, как и тем насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно оставаться существами чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны, тем, которые превращены в забитых животных, едва ли можно остаться сделаться существами с чувством собственного достоинства. Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нее. Не один же я так чувствую и думаю. Пощадите же родину и нас...”» (Сов. культура, 1989. 14 янв. Публикация В. Самойлова и Ю. Виноградова)” Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки” / Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с. 32).

Свидетельств о каких-либо неординарных общественных шагах “молодого” (недавно избранного) академика Ухтомского в 30-х гг. или нет, или я их не нашел. (Или не сумел разглядеть?).

В другой работе М. Ярошевского приводится запись из дневника Ухтомского того времени (1936):

“Покамест есть этот живой условный “раздражитель” в виде фигуры Ивана Петровича Павлова... он задерживает многое, что без него давно бы вырвалось и завладело событиями. Он был для современников носителем и символом некоторой моральной грани, за которую он не переступил бы никогда, ни в коем случае и не давал переступить другим”. (Цит. по: Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М.- Воронеж, 1996, с. 366-367)

(В обсуждаемых томах писем и заметок Ухтомского я этой записи не нашел... Но есть другие; см. ниже).

...В феврале 1936 г. И.П. Павлова не стало. Современная версия, что он умер “не своей смертью”, имеет под собой достаточные основания (судя по свидетельствам, упоминаемым М. Ярошевским в цитированной выше работе).

Здесь стоит заметить, что Ухтомский был далек от апологетического отношения к павловскому учению об условных рефлексах. Расходился он со своим старшим современником и в некоторых мировоззренческих вопросах.

Из “записных книжек” Ухтомского (30-е гг.):

“...И.П.Павлов говорит, что диалектическое мышление есть удел сумасшедших или жуликов! Всемирная история убеждает в том, что оно является еще особенностью исключительных умов среди человечества. Нет ничего удивительного в том, что не принадлежащий ни к одной (! – А.) из трех названных категорий, академик Павлов оказывается совершенно некомпетентным в вопросе о диалектике и склонен всецело ее отрицать...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 205).

Однако после смерти И.П.Павлова не кто иной как Ухтомский становится, пожалуй, главным пропагандистом учения и школы Павлова. Факты на этот счет широко известны (его публичные выступления; наиболее известна статья Ухтомского памяти И.В. Павлова в журнале “Природа”, 1936).

¹⁷³ Еще раньше, после второго ареста (1923) Ухтомский в целях конспирации часто подписывал свои письма псевдонимами: А. Сугорский и А. Карголомский, по фамилии княжеских родов одного с ним фамильного древа. (См. Ухтомский А. Доминанта души..., с. 432).

А вот внутренняя мотивация этих его общественных шагов (из “записных книжек”, вторая половина 30-х):

“...Традиция И.П. Павлова сложилась явочным порядком. Персональное влияние этого прекрасного труженика собирала около него людей и завязывало в коллектив лиц, подчас очень различных между собой.

И это давало многим счастье чувствовать себя не одинокими и иметь возможность говорить от лица “мы”.

И не столько открытия И.П. Павлова, вносящиеся им в науку новые понятия, новые пути анализа – создали ему его положение, сколько **моральное значение его лица, как работника и собирателя работников.**

Мы знали, что покамест И.П. Павлов жив, сложившаяся около него группа корректируется в своем поведении его лицом, и из морального страха перед И.П. **невозможны для участников этой группы те подлости, которые доступны** этим людям, как индивидуальностям, каждому в отдельности.

Мощная **коллективность** работы около И.П. Павлова заставила считаться с собою Европу. Баркрофт в 1935 г. сознавался, что для его сознания “русская физиология” и “Павлов” – это синонимы. Это, конечно, **преувеличение**. Но это было полезно! (! – А.).

Со своей стороны я считал бы нужным поддерживать и сейчас коллективность работы около имени И.П. Павлова, ибо оно и по сейчас заставляет **совеститься** его учеников, **обуздывает** и сейчас их поведение, а затем **сохраняет очень много намеченных задач**, ожидающих нового таланта.

Мне кажется, что и перед лицом европейской науки, и перед своими политика момента такова, что следует поддерживать авторитет Павлова, – и моральный и научный...” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 214-215).

“Политика момента” здесь поверяется у Ухтомского: (а) моральным критерием; (б) интересами общего (научного) дела; (в) патриотическим мотивом.

... Чем дальше, тем, по-видимому, острее переживает Ухтомский противоречие между своим высоким общественным положением и своим внутренним состоянием. Тем больше ему становится – **“невмоготу”** (его выражение!).

И, однако, не ослабевающая – несмотря ни на что! – научная, организационная, педагогическая активность.

Я читал несколько обзорно-программных работ Ухтомского 1930-х гг., посвященных итогам и перспективам отечественной науки, в частности – его брошюру “К 15-летию советской физиологии” (1933), и позднейшие (вторая половина 1930-х). Конечно, мне недоступны специально-научные вопросы... Но обращают на себя внимание “лица не общее выражение” этих трудов:

(1) полная дезидеологизированность; выламывающееся из тогдашнего “канона” отсутствие ссылок на К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, в порядке “научной” аргументации;

(2) заботливое “собирательство” школ и направлений – подчеркивание ценного вклада всех без исключения исследовательских подходов в физиологии и родственных ей научных отраслях;

(3) изображение движения этой науки как исключительно “поступательного”: от фундаментальных открытий Сеченова, Введенского, Павлова, Шеррингтона – к самым последним достижениям именитых и рядовых тружеников отечественной науки.

(А что если такое вот – “бесконфликтное” – представление картины развития конкретной области советской науки – в **тех** условиях и при **тогдашнем** положении Ухтомского – и было как раз адекватной формой ее, науки, и ее работников **сбережения?**).
174

¹⁷⁴ Ученик и сотрудник Ухтомского В.В. Ефимов отмечает в своих воспоминаниях, в частности в связи с работой “К пятнадцатилетию...”:

“Ни одна даже мелкая работа не миновала его зоркого глаза и, что очень важно, излагалась подробно в этом большом обзоре, причем каждой был дан критический, но благоприятный отзыв... Обычно

Что касается своего собственного научного вклада (в частности, теория доминанты), то о нем Ухтомский говорит сдержанно, но и без ложной скромности:

“...Прошу обратить внимание, что я имел случай заявить в печати, что не пытаюсь объяснить доминантою происхождение условных рефлексов, но говорю с уверенностью, что доминанта есть ПРИНЦИП РАБОТЫ ЦЕНТРОВ, которому подчиняются одинаково и условные рефлексы, и ассоциации психологов, и интегральные образы, в которых воспринимается среда, но также и рефлексы мозгового ствола спинного мозга. Что принципу доминанты подчинены спинальные и вообще ствольные рефлексы, об этом писано много и мною, и моими сотрудниками; что тому же принципу доминанты подчинена высшая нервная деятельность, это совершенно явствует из обыденного наблюдения, что в ответ на один и тот же сложный раздражитель (например, научный доклад) оппоненты, прежде чем разберутся, разряжаются сначала каждый своим, что в нем накопилось, так что реплика определяется сплошь и рядом не столько тем, что выслушано и не ближайшим содержанием выслушанного, а давними событиями.

Человек является настоящей жертвою своих доминант везде, где отдельные предубеждения, предвзятости; и еще хуже, когда он сам этого не замечает. Чтобы не быть жертвою доминанты, надо быть ее командиром. По возможности полная подотчетность своих доминант и стратегическое умение управлять ими – вот практически что нужно.

Предопределено давнюю историю человека, а сейчас совершенно по ничтожному поводу {?} – одна из трагических тем Ф.М.Достоевского...” (А.А.Ухтомский. К 15-летию советской физиологии. Цит. по: Ухтомский А.А. Доминанта. М.-Л.: Наука, 1966, с. 126-127).

Я привел этот последний отрывок еще и как иллюстрацию СТИЛЯ Ухтомского (в собственно-научных трудах). Как сказано давно, “человек – это стиль...” (или наоборот?).
175

В этой зловещей обстановке, однако, не ослабевает у Ухтомского и “внепрофессиональная”, внутренняя, духовная работа, о чем можно судить из ныне опубликованных дневниковых записей тех лет.

Вот несколько выдержек из “записных книжек” периода 1930-1940 гг. (В скобках страницы по изданию: А.Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997):

- <...> 1. Реальность всегда хлопотлива. Свои мысли хороши уже тем, что они – свои!
2. Итак, понятно, что хочется заменить реальность своими мыслями и абстракциями, чтобы считаться отныне лишь с ними, своими мыслями и абстракциями, – но не с реальностью.
3. Но наука движется от абстрактного к конкретному хотя бы часто и против воли своих “жрецов”. Как бы далеко ни заносилась научная мысль в своем увлечении абстракциями, как таковыми, наука принудительно движется от теории к реальности! От теории к человеку!
4. И самое трудное дело для каждого из нас – належащая [мак! – – А.А.] и неизбежная реальность Собеседника, ближайшего человека, к которому направлена всякая наша мысль и слово.
5. Итак, – от теории к человеку, к реальному, ближайшему, осязаемому, живому человеку во всей его неожиданности поверх всех наших ожиданий и теоретических предвидений. От двойника к собеседнику!

в подобных обзорах автор выделяет на первое место свои и работы своей школы, успехи направления, которое он возглавляет, бегло упоминая других исследователей. Ухтомский же подробнее излагал исследования чужих школ, а не своего института, подчеркивая все удачные находки в них. Во всяком случае, я больше не видел таких научных обзоров, столь важных для подготовки кадров в биологии” (Ухтомский А. Доминанта души..., с. 551).

¹⁷⁵ В личном письме (к Ф.Г. Гинзбург, от 1.06.1933) Ухтомский отмечает, по поводу реакций на его “статью о пятнадцатилетии”: “Приходится слышать, что многие за эту статью обиделись. Это меня огорчает очень. Но не предпочитать же, в самом деле, оцепенелое молчание!” (Ухтомский А. Доминанта души..., с. 407) .

6. Этот принцип: от теории к человеку и от своего двойника к самостоятельному собеседнику – как раз противоположен пресловутому принципу: “De l’homme a la science” [от человека к науке. – фр. – А.А.] .

Настоящий путь, которым, хочет или не хочет, ведется наука, – это “de la science a l’homme” [от науки к человеку. – фр. – А.А.] . (205-206).¹⁷⁶

<...> Искони видим попытки человека отдаться “слепой” жизни в своей среде. Однако человеку не освободиться от однажды пройденного рубежа и не вернуться ему к животному, к чисто инстинктивному и чисто безотчетному прозябанию в среде. Когда это как будто начинает удаваться, получается дисгармония, аномалия, патология! Слиться со средой, т. е. возобновить жизнь в принципиальной нераздельности с нею человек может лишь СОЗНАТЕЛЬНО, РАЗУМНО, ПОДОТЧЕТНО. И это бывает тогда и на тех, доступных человеку вершинах, когда человек начинает проникать в разум закона, в разумный закон Бытия. Замечательно, что именно тут разрешается в тесном и внутренне связанном ансамбле и проблема уразумения **жизни и смерти** по их существу, и проблема **подлинного собеседования** с другим человеком без предрассудочного превращения его в своего двойника и проблема **собеседования с разумом бытия**, истории и идущих человеческих поколений.

В этом повторении смерти принадлежит совершенно закономерное место как и “борьбе”, конфликтам, противоречиям и смене поколений. (215-216).

<...> Что значит: бытие определяет сознание, а не наоборот? Это значит, что не закономерности, удовлетворяющие мой ум и его последовательность в себе, но закономерности, существующие независимо от меня и довлеющие надо мною определяют и то, что есть, и то, как есть, и то, что отвечает правде бытия. Все вновь и вновь приходится мне отказываться от того, на чем я думал самоутвердиться, как на последней истине, еще и еще раз выглянуть за границы моего самоудовлетворения на свой лад и по своему разуму, чтобы увидеть более содержательную истину, более содержательные законы бытия и детерминации его! Оказывается, что детерминируется бытие несравненно более остро и мощно, чем это предполагается в геометрии, в механике, в физике, в биологии, в социологии! Закон добра и зла, закон возмездия, а еще выше его – закон милосердия! Гораздо плотнее, безвыходнее, ответственнее и вместе страшнее детерминируется человек бытием, чем это хочется его самоутверждению. (222).

<...> Кто-то сказал: мы предпочитаем поступать так, а не иначе не потому, конечно, что в этом “честь” или “благочестие”, а потому, что это “выгодно”! Это старый сенсо-эпикурейский мотив до наших дней. Между тем надо понять, что поступать именно **из чести** самое выгодное **“для будущего и для дальновидного”**. Надо понять, что честь – самое выгодное, любовь – самое выгодное, все эти дальновидные мотивы действия самые выгодные, хотя им сплошь и рядом предстоит болезненно столкнуться с ближайшим и близоруким. (223).

<...> Именно в эмоциональном мышлении человек и **творец и участник бытия**. Здесь краешком ему приоткрыто быть одновременно (move together...) [*двигаться совместно*. – англ. – А.А.] и **волевым, и интимно-чувствующим, и напряженно проникающим мыслью участником того участка бытия, с которым сейчас соприкасается его жизнь**. Ведь ВОЛЯ, ЭМОЦИЯ И МЫСЛЬ в их отдельности это только абстракции!

Дело идет обыкновенно лишь о преобладании той или иной из этих сторон жизнедеятельности. Дон-Кихот, Петрарка и Кант берутся за крайние типы. Но ни у одного из них нет исключительного действия только одного элемента пресловутой триады. В действительности они неразрывны! (224).¹⁷⁷

<...> Что есть “сущность”? То, что пребывает в бытии, несмотря на все перемены в нем. Но что пребывает и что постоянно в бытии? По Златоусту, это не “твердое тело”, не “атом”, не “материя”, не “равновесие”, а БУДУЩЕЕ, т. е. последний судящий голос истории, ему же принадлежит и последнее судящее слово о том, что было и есть.

“Не изучать, но изменять то, что дано”. Что это значит, в чем ядро этой мысли? Не в консерватизме данного, но в энтелехии и в перспективах этого данного в его движении к лучшему и имеющему быть постигать бытие, – это и значит узнавать его сущность и его пребывающее. И опять: “Что же пребывающее (постоянное)? Будущее!” (Златоуст). Каким

¹⁷⁶ Настоящее извлечение из «Записных книжек» А. Ухтомского см. также: ДСиСА – 3, Глава без номера.

¹⁷⁷ Настоящее извлечение из «Записных книжек» А. Ухтомского см. также: ДСиСА – 3, Глава без номера.

способом можно было бы так войти в вещь, в событие, в мир, чтобы прочувствовать и понять его энтелехию и его нормальное осуществление во всех его ценностях, возможностях и заданиях? Нет у нас другого, более верного пути, кроме подлинной любви к бытию вообще и к бытию данного предмета, процесса или лица! (Ср. с “*благоговением перед жизнью*” А. Швейцера. – А.). Это она помогает **одновременно и проектировать и делать** будущее всех частей бытия. (251).

<...> Одна крайность говорит: доверять тому, что делается в природе само собой, без насилия и специального труда, доверять инстинктам и себе; не критиковать жизни, но у нее же и учиться, ибо она по-своему всегда права и для всякого своего образа действия имеет все основания (Аристотель, Гегель).

Противоположный голос говорит: надлежит переделывать себя, отвергнуть доверие к тому, что совершается “само собой”; необходимо обузывать инстинкты и природу, надлежит переделывать текущую действительность, изучать природу, дабы владеть ею и переделывать ее. Только весь вопрос в том: для чего и во имя чего переделывать? Одни говорят: на анархо-идеалистический лад: переделывать вещи, дабы из “вещей в себе” получить себе “вещи для нас”! А другие говорят: переделывать вещи дабы восходить из силы в силу выше себя и преодолевая себя ради сущей истины. Любовь как **методос** и **одос** находит и удерживает здесь здоровый и нужный путь. (260).

И еще одно, довольно темное и, пожалуй, даже “страшноватое” замечание, из тех же “записных книжек” 1930-х гг., которое побуждает (меня, по крайней мере!) задуматься над тем, что и “негэгоцентрическая” доминанта Ухтомского может обернуться своей противоположностью:

“Закон сохранения себя” опирается конкретно на самозамкнутое стремление **сохранить свою жизнь**, – инстинкт всего живущего, выражающийся впоследствии в законе “ассимиляции”. Но самый инстинкт-то еще не обязателен и носит в себе случайные, злые, консервативные черты и начала!

Инстинкт самосохранения – другая сторона инстинкта самоутверждения; а он подлежит уничтожению (?! – А.), а отнюдь не построению на нем, как “на камне краеугольном” – философии, правды и общества!

Совсем напротив! Более чем когда-либо открывается именно перед лицом новейших попыток “построения общества”, что оно (? – А.) требует от лица человеческого умения “самоликвидации” (?! – А.)” (Ухтомский А. Заслуженный собеседник..., с. 225).

Вообще же, это надо, конечно, читать целиком (подряд!), а не в моей или в чьей-либо еще выборке.

Кстати сказать, выборка тут – “многоступенчатая”: и в обсуждаемые тома не все вошло из сохранившегося, и сохранилось далеко не все...

(Попробуй-ка, например, реконструировать священную книгу, по нескольким страницам!).

Интересна характеристика, которую дает философии Ухтомского В. Хализев.

В своей рецензии на первый из двух вышедших томов (“Интуиция совести”) этот автор рассматривает Ухтомского в русле (в ключе, в контексте...) российского “потаенного мыслительства” 1920-30-х гг.:

“...Оно [*потаенное мыслительство*. – А.] явилось живым, ярким, поистине творческим откликом на трагически-горестный для России (и не только для России) XX век. Философские опыты Ухтомского и других близких ему современников (этих людей правомерно вслед за В. Турбиным назвать “китежанами”) основывались не на идее отчуждения от мира, столь характерной для интеллектуальной среды нашего столетия (и для всего европейского Нового времени), а, напротив, на переживании и осознании живой ему ПРИЧАСТНОСТИ...” (Хализев В. Нравственная философия Ухтомского / Новый мир, 1998, № 2, с. 229)

В. Хализев устанавливает параллели между Ухтомским и П. Флоренским, между Ухтомским и М. Бахтиным (последний, кстати, присутствовал на одном из докладов

Ухтомского в 1925 г. – о хронотопе; возможно, они и общались); усматривает переключки с Н. Лосским, Г. Федотовым и другими мыслителями русского Зарубежья.

“...”Китежане” XX века были не пророками и вероучителями, которые провозглашают нечто новое, а хранителями предания и поборниками элементарно простых, но в то же время великих истин, которые грубо попирались и преследовались в их время. И не только из-за мучительно тяжелых внешних обстоятельств, но по своей органической природе их голос не мог быть громким (в противоположность голосам Ницше, а в России, к примеру, того же Бердяева). Высказывались “китежане” безэффектно и нериторично.

И здесь возникают ассоциации с воплощениями русской святости времен весьма от нас далеких. Преподобный Сергей Радонежский, по словам Ключевского, влиял на людей “тихой и кроткой речью”, “неуловимыми, бесшумными средствами, про которых не знаешь, что рассказать”, а вместе с тем оставлял “ощущение нравственного мужества”.

“Китежане” XX века были (если уместна здесь столь современная лексика) своего рода идеологами христиански одухотворенного, жертвенного труженичества... (Хализев В. Указ. соч., с. 229-231).

Да, конечно. Но как все же разнятся “жизненные траектории” академика Ухтомского и, скажем, Флоренского, да и Бахтина! (Как-то никто на это не обращает внимания...).

Ухтомский, конечно же, все видел и понимал – в общественной ситуации “победившего социализма”. Об Ухтомском не скажешь, как о многих его именитых и рядовых современниках, что на глазах у него были “шоры”.

Но и тут не все однозначно...

Хоть и единичны у Ухтомского, но есть в его наследии и такие тексты, как статья, посвященная 50-летию со дня смерти Маркса (опубликованная в журнале “Природа” в 1933 г.). Или – конспект речи, посвященной 50-летию сдачи Лениным государственных экзаменов в Петербургском университете (последнее его публичное выступление, в блокадном Ленинграде; декабрь 1941 г.).

Оба эти текста в свое время принято было цитировать...

В первом из названных Ухтомский заявляет:

“...Исторические прогнозы Маркса и Ленина оказались до сих пор правильными для европейской культуры на ее востоке. Надо думать, [что] они будут тем более правильными для ее запада.

Социальное и философское дело Маркса и Ленина устремлено на обеспечение выхода к благам культуры широким кругам трудового народа – того трудового народа, на себе тяготу истории в наиболее непосредственной и открытой форме...” (Ухтомский А.А. Собр. соч., т. 6. Л: Ленинградский университет, 1962, с. 11).

Во втором – он характеризует В.И. Ленина как “Великого Волгаря, пронесшего далеко и славно русское имя среди народов мира” и как “человека, который умел вносить всевозможное смягчение и гуманность в самые острые моменты рождающейся исторической стихии” (Там же, с. 12).

С содержанием эпистолярного и дневникового наследия Ухтомского (не только 1920-х, но и 1930-х гг.) здесь может быть усмотрено некоторое противоречие...

Хотя, как отмечалось выше, “мосты” между мировоззрением Ухтомского и идеями переустройства мира на социалистических началах были изначально: революция – “праведный суд” за “общий во всех нас и в каждом конкретно живущий грех”; приоритет общественного перед личным; решительное неприятие индивидуалистической, буржуазной, новоевропейской культуры; и т.д. (См. выше).

В контексте всего сказанного выше, думаю, здесь следует искать все же не притворство (лицемерие...), а скорее соединение в некую целостность (цельность...) противоречащих друг другу (или не противоречащих?!) элементов.

(Вообще, разве целостность обязательно гармонична, разве она – не синтез многообразного? Кстати, и “расщепленная мораль” может быть, в определенном смысле, целостной!).

...Так или иначе, как справедливо пишут об Ухтомском его современные интерпретаторы, он в своем духовном наследии воплощал культурное (сам говорил: “церковное”...) “предание”. И – вместе с тем – выступал носителем того, что сам называл “дальним зрением” (можно сказать – про-вИдение...)

Последнее (в сущности, предсмертное) письмо Ухтомского к В.А.Платоновой, от 22.07.42, заканчивалось словами:

“...Всего, всего, всего Вам доброго, прежде всего – дальнего зрения, которое не давало бы ближайшим и близоруким впечатлениям застилать глаза... Простите и помните Вашего преданного А.У.” (Ухтомский А. Интуиция совести..., с. 204).

“...ИТАК, – ПО ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕ ВИДЕТЬ, ВСЕ ЗНАТЬ, НИ НА ЧТО НЕ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА И УДЕРЖИВАТЬ ПРИ ЭТОМ РАДОСТЬ БЫТИЯ ДЛЯ ДРУЗЕЙ И ПРИХОДЯЩЕГО СОБЕСЕДНИКА...”. (Выделено самим Ухтомским; это – еще из письма 1928 г., к Е.И. Бронштейн-Шур; см.: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М, 1973, с. 425. А.).

Радость бытия – для других, как бы ни складывались личные и общественные обстоятельства, – Ухтомский удерживал до последних дней.

И вдруг еще один “штрих”... Читаю (у И.Кузьмичева):

“...В ту пору, в конце 20-х годов, за академическим фасадом его официально лояльной деятельности таились такие **секреты** (выделено мною. – А.), в которые нельзя было посвящать даже самых близких людей, тем более в письмах.

Как помним, в 1921 году Ухтомский принял иночество, а в 1929-м (по другим источникам – в 1931-м) он с тем же именем Алимгий (Охтенский) был рукоположен в епископы Русской Истинно-Православной Катакомбной церкви. Он не был действующим архиереем, а лишь получил епископский сан – дабы в случае надобности выйти из подполья для открытого служения. Доступные сведения об этом крайне скудны, что вполне естественно, но хотя собственных свидетельств Ухтомского на этот счет не обнаружено, – такое предположение само по себе нельзя недооценивать...” (Кузьмичев И. А.А. Ухтомский и В.А. Платонова..., с. 121).

Документальные (архивные) свидетельства тайного рукоположения Ухтомского в епископы тайной, Катакомбной церкви на рубеже 1920-30-х гг., вообще-то, неоднозначны (см. примечание на стр. 186 названной книги).

Принимая это обстоятельство как историко-биографическую гипотезу, И. Кузьмичев замечает:

“...Ухтомского никак не заподозришь в том, что он вел сомнительную двойную жизнь, лукавил перед самим собой и окружающими, – нет, он во всем был последователен, верен своим убеждениям и непоколебимо целен, однако тайников в его душе, как выясняется, было гораздо больше, чем могли предположить его современники...” (Кузьмичев И. А.А. Ухтомский и В.А. Платонова..., с. 121).

...Но допустим даже, что епископ Катакомбной Православной церкви Алимгий (Охтенский) и действительный член Академии наук СССР Ухтомский – это не одно и то же лицо (просто – совпадение имен монаха Алимпия, начала 1920-х, и епископа Алимпия Охтенского, начала 30-х!).

Все равно возникает (остается?) для меня... загадка жизни великого “китежанина”! Как же совмещались в этом подвижнике, провидце, учителе:

– беспредельная искренность, открытость души “всякому человеческому лицу, которое встречается на пути”, и – столь жесткий самоконтроль, искусство “автоцензуры” в письмах и даже адресовавшихся самому себе записях;

– беспримерная интуиция Совести, самоотверженное служение Добру, бескомпромиссное соискание Истины, и – своеобразная гибкость, “социальная лабильность”, приспособление к “организованной лжи”;

– столь ясное и пронзительное понимание всего происходящего вокруг, рядом, да и с ним самим, и – как можно предположить – усмотрение “разума Бытия” в современной ему советской действительности;

– исповедание и проповедь Милосердия, как высшего (относительно закона Добра и Зла, или закона Возмездия) закона Бытия, и – принятие лаврового (не тернового!) венка от “хозяев истории” в условиях “вавилонского плена”?

И еще: была все-таки или нет – эволюция в общественных взглядах Ухтомского от начала 1920-х к концу 1930-х? Из новых, ныне опубликованных материалов его наследия усмотреть это не удастся (с учетом того, что Ухтомский с рубежа 1920-30-х “оградил себя молчанием”...).

Понятно, что о ком-либо другом (не такого масштаба личности: глубины – мысли, силы – веры, чистоты – любви!) не стал бы я задавать таких вопросов... Впрочем, мы и сейчас наверняка многого не знаем.

Но даже будь в руках свидетельств побольше... Чтобы до конца разобраться, никакой “драматической социологии и социологии жизни” не хватит!

Во всяком случае, подвиг жизни и творчества Рыцаря науки и религиозного мыслителя, потомка Рюриковичей и советского академика (да еще –?! – потаенного епископа) Алексея Алексеевича Ухтомского есть... **драма.**

“...И если та драма оказывается затем трагедией, притом очень значительной и подчас несравненной, то предстоит, очевидно, лишь **усилиться прочесть ее содержание!**” (А.А. Ухтомский; выделено мною. – А.А.).

Я, как видишь, “усиливался прочесть”... Однако, пожалуй, не очень преуспел в этой попытке.

Дорогой Роман!

Вот такое у меня получилось “тематическое” письмо...

Кроме “эпистолярной хроники” И.Кузьмичева, посылаю также ксерокопию новомировской рецензии на “Интуицию совести”.

Твой Андр. Ал., 11-18.06.2000¹⁷⁸

7.2.4. “Будь что будет, а делай что надобно”

[Ниже – тезисы выступления А.А. Ухтомского перед студенческой аудиторией (конец 1930-х гг.). – А. А.]

1. Наука – общее дело по преимуществу. Найти язык общедоступный, открытый, по возможности общепонятный.
2. Кастовость, “престиж”, аристократия прежней науки. Претензии на привилегию.

¹⁷⁸ “Постскриптум” к этому письму см. ниже: раздел 6.3.2.

3. Чем более в касте копились действительно ценные вещи, тем более разъедались границы клетки. Ибо плоды становились достоянием многих, и всех. И тем самым аристократия касты прекращалась. Такова диалектика истории.

4. Индивидуалистические каррикатуры. “Как бы не утонуть мне в общем деле!”. “Как бы не забыли обо мне – Землянике, Добчинском, Бобчинском!”. Мало ли теорий понавыдумано было только затем, чтобы оставить память об авторе. “Ученые слова”. Начинается работа на себя, перестает быть работа на науку. Неприметно для себя глупеет.

5. Молодежь. Первые огоньки будущей деятельности. Дарование – его завязи как у молодого растения. формирование впечатления юности. Наибольшая впечатлительность и пластичность. Наиболее яркое восприятие окружающего.

6. Первые симпатии и антипатии. Первые вопросы. Складывающиеся безотчетно мотивы деятельности.

7. Творчество до 30 лет. Далее осуществление зародившегося в юности. Раскрытие юношеского замысла в зрелом возрасте. “Детское в старости становится понятным”.

8. Разные возрасты созревания.

Математики: Галуа, Абель, Клеста, Золотарев, Соболев, Александров, Портнягин, Риман – общее во всех.

Философы: Кант, Гегель, К. Маркс.

Творчество в старости: “Выдержка” – Дарвин, Пирогов, Павлов, Фаворский, Курнаков, Пфлюгер.

9. “К старости надо принести или капитал, или знамя. Мы с вами не капиталисты и капитала припасать не будем. Ну, так у нас должно быть знамя.

10. Я не чувствую себя призванным давать вам “заветы”.

11. Я хотел бы высказать только добрые пожелания на вашем пути. Хотел бы подумать вместе с вами. Легко давать советы. Трудно воспитать и поставить на ноги мысль. У меня на родине, за Вологдой, в моем детстве было принято приветствовать путников “путем-дорогой”.

12. Мы с вами встречные путники. Вы – приходящие к науке, я – уже близкий к уходу.

13. Так и я говорю вам на встречном пути: “путем-дорогой”. Путь добрый на службу родному народу в Советской стране.

14. Вам, нынешней молодежи, предстоят несомненно великие труды. Мир потрясается в муках рождения. Надо закалиться для того, чтобы встретить предстоящие задачи истории. В наши дни дано многое.

15. “Облегчение” в преддверии к науке по сравнению с прежним. “Трудности” на пути к научному плодоношению. “Гений – это труд” (Ньютон).

16. Как ему ни облегчай, настоящий работник найдет себе новые трудности. Для того и облегчение, чтобы приступить к новым трудностям. Не бояться трудностей. Быть всегда готовым к труду. Всегда идти вперед.

17. Воспитание: чтобы вошло в привычку, в быт то, что кажется трудным. И оно пойдет само собой!

18. Строгая дисциплина себя в своей обыденности. Высокая производительность и высокое качество работы. И живое сознание общности нашего дела на путях к предстоящим задачам истории. “Будь что будет, а делай что надобно”.

(Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997, с. 203-204)

...Быть свободолюбивым **значит вообще жить**. Вся жизнь, ее прогресс, ее натуральная основа – есть свободолюбие. Свяжите свободу и вы нарушите жизнь. А

если жизнь достаточно сильна, она все равно выбьется
из преград, которые вы ей поставите...

А.А. Ухтомский (цит. по: И.Кузьмичев.
А.А.Ухтомский и В.А.Платонова. Эпистолярная хроника.
СПб, 2000, с. 23)

...Ясно, что мы очень давно и глубоко заражены
антропоцентризмом, иначе говоря – гуманизмом.
Убедением, что человек выше всего. Нет, есть высшие
ценности. С ними надо соотноситься и по ним идти как
по звездам. Где же реализовать себя и где совершают
подвиги? Там, куда вас поставила жизнь. Вот там. И
никакого другого ответа не найдешь. Можно, конечно,
попытаться найти более вернее место. Но даже там, где
вы просто стоите, у вас есть возможность и подвиги
совершить, и реализовать себя. Можно переменить
место...

Солженицын А. Духовное падение гораздо страшнее
физического // Литературная газета, 24-30.05.2000

СТИХИ ОБ ИСПАНЦЕ МИГУЭЛЕ СЕРВЕТЕ, ЕРЕТИКЕ, СОЖЖЕННОМ КАЛЬВИНИСТАМИ

Истинные случаи иногда становятся притчами.
Ты счел бы все это, вероятно, лишним.
Вероятно, сейчас
ты испытываешь безразличие.

*

Впрочем, он
не испытывает безразличия,
Ибо от него осталась лишь горсть пепла,
смешавшегося с миром, с пыльной дорогой,
Смешавшегося с ветром,
с большим небом,
в котором он не находил Бога.
Ибо не обращал свой взор к небу.
Земля – она была для него ближе.
И он изучал
в Сарагосе право человека
и кровообращение Человека -
в Париже.
Да. Он никогда не созерцал
Бога
ни в себе,
ни в небе,
ни на иконе,
потому что не отрывал взгляда
от человека и от дороги.
Потому что всю жизнь уходил
от погони.
Сын века – он уходил от своего
века,

заворачиваясь в плащ
от соглядатаев,
голода
и снега.
Он, изучавший потребность
и возможность
человека,
Человек, изучавший Человека
для Человека.
Он так и не обратил свой взор
к небу,
потому что в тысяча шестьсот пятьдесят третьем году,
в Женеве
он сторел между двумя полюсами века:
между ненавистью человека
и невежеством человека.

И. Бродский. 1959 (Цит. по: И.А.Бродский. Избранные стихотворения. 1957-1992.
М.: Панорама, 1994, с. 10-11)

7.3. ИНТЕРМЕДИЯ: А.А. УХТОМСКИЙ. В.Н. МУРАВЬЕВ. СХОЖДЕНИЯ ИДЕЙ И ОРТОГОНАЛЬНОСТЬ СУДЕБ

[Как и прежде, как и всегда, круги дружеского общения, ранее автономные, тяготеют к сближению и “пересечению”.

Ниже – письмо одного моего друга другому. Я сам – как бы связующее звено... – А. А.]

7.3.1. “Загадки жизни” Ухтомского – нет! (письмо “адвоката дьявола”)

В. Дудченко – Р. Ленчовскому (июнь 2000)

Привет Роману Ивановичу!

Чтобы было понятно, мне надо представиться. Волею судеб получилось так, что на мне Андрей проверяет, так сказать, “внешнюю” устойчивость своих текстов. Для проверки “внутренней” (относительно “вживляемости” в научное сообщество) читают другие (например, Леня Кесельман), а я “отрываюсь” по полной программе, поскольку меньше связан с этой средой. Одним словом – адвокат дьявола.

Последним объектом моих нападок был почтенный академик кн. Ухтомский. Поначалу в моей интерпретации (на основании того, что я вычитал из представленных у А. текстов Ухтомского), он выглядел просто природным лицемером – лицемером не из притворства, а по несчастию собственной судьбы.

Стоп. Николаевич *[в дальнейшем будет применяться сокращение: А. — А. А.]* порекомендовал мне избежать конкретизации формы обращения – “вы” или “ты”. Но, кроме того, что помнить все время об этом неудобно, почему я должен свои проблемы с выбором перекладывать на тебя? Мы примерно одного возраста, тексты твои я читал многожды в разных редакциях, они заставляют меня думать, что тебе еще предстоит в этой истории некая немаловажная роль (почему и пишу к тебе!). Тем более, что непонятно, что обиднее – “ты” или “вы”?

Так продолжаю. Знаешь, есть такие, когда-то вконец замордованные (совсем для них не омерзительной) зависимостью люди, способные говорить и думать хорошо только об очень больших, неохватных для восприятия вещах, таких, как “церковь”, “революция”, “царствующая династия”, “ум, честь и совесть”, “благодать” и так далее. При этом к любому из окружающих (и к себе самому тоже) такие люди относятся с уверенностью в их изначальной порочности и с нескрываемым ожиданием покаяния во всевозможных подлостях. Поступки их могут быть любые. После того, как А., раздосадованный моей руганью, выдал мне последний вариант “триптиха об учителях жизни”, мне пришлось от своей пошловатой версии (о природном лицемерии) отказаться. Зато появился другой вопрос, значительно более существенный.

А. отвечать на него не хочет (это его право). Но, вися в воздухе слишком долго, этот вопрос становится неадекватен – непонятно, имело ли смысл его задавать. Вот тут я, набравшись наглости, тебе, как его, Ухтомского, открывателю-“разносчику”, этот вопрос и предлагаю. Тем более, что, как мне кажется, среди всех персонажей этого андреева сочинения тебя отмечает счастливая способность по делу появляться на сцене в наиболее решающие моменты.

Вопрос заключается в предположении, что некоторые странности Ухтомского объясняются не личными проблемами, и не противоречием между “внешним рисунком жизни” и ее “внутренним содержанием”, а наоборот – очень хорошим соответствием, пригнанностью его сознания и предложенной ему “хозяевами истории” исторической роли. Это не означает счастливой жизни. Заслуженные столпы-основатели многих деспотий кончали свои дни на плахе – это уж роль такая! Здесь обошлось мягче: Ухтомский жалуется на тяжелые и расточительные для нервной системы старого человека “активы” – но ведь это же в чистом виде процедура изгнания бесов (“лечения” одержимых дьяволом), ежечасно призываемая самим Ухтомским на голову свою и окружающих, “радикально и нарочито направленная борьба с самим собой и со своим внутренним врагом – грехом”! А. правильно ставит эти две цитаты рядом. А разве смог бы режим укрепиться без распространения такой потребности в очищении – без таких призывов?

Режим многим ему обязан, причем это не значит, что Ухтомский сам очень радел о его (режима) укреплении. Ведь и Победоносцев начинал с того, что писал статьи Герцену в “Колокол” (по свидетельству Половцева), и неизвестно, почему он потом оказался оберпрокурором. В своих записках (видимо, и на практике), Ухтомский, “борясь с содомой”, на самом деле выполняет многие тайные желания новой власти, которые сама она удовлетворить не может, по ряду обстоятельств, например, из-за существования в 20-х годах еще живых (и даже не посаженных) борцов с царизмом дореволюционных времен. Он ругает интеллигенцию не за буржуазность (как тогда полагалось), нехорошими словами клеймит декабристов, а помнишь, уже в наше время, самый простой способ (еще в школе!) попасть куда надо на заметку – это не к месту процитировать Некрасова, а уж на декабристах всегда лежал налет “антисоветчинки”.

Если присмотреться, у А. много похожих примеров. Но дело даже и не в них. Я думаю, Ухтомский (не один, конечно!) заложил, вернее воссоздавал порушенные кончиною царизма основы нашей будущей государственной идеологии. Во время борьбы с “живым” царизмом, суждение о “бытии, определяющем сознание” использовалось для подтверждения права сознания, определенного “хорошим” бытием, без колебания карать сознание, определенное бытием “с ошибками”. В данном случае буржуазное [сознание. — А. А.], но ведь дело могло повернуться и по-другому! Еще был велик заряд индивидуальной ценности, помнишь: “мы кузнецы своего счастья”, и у Маяковского: “Социализм – свободный труд свободно собравшихся людей!”

Ухтомский поворачивает практически наоборот, угадывая будущее: “детерминируется бытие несравненно более остро и мощно, чем это предполагается” и “гораздо плотнее, безвыходнее, ответственнее и вместе страшнее детерминируется человек бытием”. Не напоминает ли это тебе смысл известного выражения брежневских

времен: “нам солнца не надо, нам партия светит!”. Фактически это база пропаганды всех развитых, как когда-то говорили, эксплуататорских формаций. Начиная от московских царей: осененная чем-то там верховная власть есть податель народного счастья. Не вульгарное сталинское “палкой в рай”, “не можешь – поможем, не хочешь – заставим”, но безапелляционное брежневское “нас партия **всех** к коммунизму ведет!”. В цитатах из малодоступного сейчас, “позднего” Победоносцева мне тоже встречалась такая же искренняя вера в благодетельность основанного на естественном праве самодержавия для христианского и “верного благочестию” народа.

Сейчас я не могу вводить термины, чтобы задать вопрос корректно. Я рассчитываю только на понимание. Мне кажется, что социальные свойства Ухтомского (весь комплекс качеств и возможностей его связи с людьми) привязывают его к культуре иерархически разделенного общества, к “макросубъекту”, изрекающему необсуждаемую истину, которая есть “последнее слово последнего, пожирающего все плоды мысли и опытов, подсчитывающего все итоги макросубъекта!”. К обществу, которое уже сожрало всех своих членов. Детали тут неважны – все общества рабов и хозяев устроены одинаково.

Такая привязка ничего не говорит о его (Ухтомского) дурных или хороших намерениях, его роль лишь характеризует “иерархическую” культуру. Можно обсуждать свойства такой культуры, но я думаю, что дело в особенностях использования первой и фундаментальной мыслительной способности человека. В одном случае, начиная рассуждать, мы будем рассматривать некое сознание (человека), которое так или иначе, вот сейчас, конструирует для себя этот новый мыслительный инструмент (человек знает, что он делает). В другом случае мы сначала решим, что вот есть общество, социум, уже обладающий некоторыми свойствами, воздействующими на нашу мысль, и свойства эти отдельный человек лишь надеется в будущем понять. Если угодно, появляется вопрос: мысль является принадлежностью племени, рода, государства, или же и там, и там думает все-таки отдельный человек?

Если сначала без определения вводится термин “социум”, то в мысль каждого человека попадает нечто содержательное и непознаваемое, вроде личного бога религий “нашей” эры (который есть “желаний край”), “разума бытия” и уж во всяком случае внешние для человека моральные принципы. Ухтомский и сам это говорит: сотрудники Павлова воздерживаются от “доступных им подлостей” не своим разумением, а из “морального страха перед Иваном Петровичем”, перед “мощной коллективностью”.

Естественно, эти привнесенные штуки выстраиваются в некую иерархию, для которой само вмещающее их сознание оказывается весьма незначительным. Тогда получается, что противоречий, загадочных несоответствий, эволюции взглядов тут нет. Была эволюция системы, которая вновь (с помощью, в частности, Ухтомского) осваивала древнюю науку приведения людей к покорности.

Кстати, насчет замечательного принципа “доминанты на Лицо другого” со стороны человека, у которого “нет сил взглянуть”. Я, честно говоря, не позавидовал бы этому “другому”, если бы вдруг обнаружилось, что он чувствует и действует в связи с чем-то, на что тот, первый, сил взглянуть не имеет. Как бы сплошная “коллективность” не получилась!

Ну вот, я выставил перед тобой этот гнусный вопрос в его самой неудобоваримой форме. Близкие иногда говорят мне, что я ругаюсь слишком с удовольствием, не оказываю предварительного доверия обругиваемой точке зрения. В коммерческих переговорах это важно, там на самом деле доверие важнее сути договора. Если же дело касается рассуждения, то резкость лишь избавляет собеседника от моральных обязательств, возникающих из самого факта обращения, и тем самым облегчает движение мысли (если есть, что сказать, то оно будет сказано).

Спасибо за труд чтения. Остаюсь в совершенном почтении.

Виктор Дудченко, 27.06.2000

Р. С. Связаться со мной можно через Андрея, или: 198097, Санкт-Петербург, а/я 30.
В. Д.

7.3.2. Трагедия создателя “философии времени” (В.Н. Муравьев) ¹⁷⁹

А. Алексеев – Р. Ленчовскому (июнь 2000)

ПОСТСКРИПТУМ (к письму от 11-18.06.2000) [см. выше: раздел 7.2.4. – А.А.]

Дорогой Роман!

Вот, вкладываю в этот же конверт письмо к Тебе от моего внутреннего рецензента – Виктора Дудченко. С ним у меня последнее время – непрерывный диалог (живя в одном городе, это проще!). Некоторые его “заметки на полях” включены в мою книгу. ¹⁸⁰

Это письмо В. Д. написал отчасти “с моей подачи” (чтобы мне не пересказывать его соображения; да и связать напрямую двух заслуженных мною со-беседников – отрадно).

Мой (а потенциально – и твой) друг высказал гипотезу которая, пожалуй, кое-что и проясняет в “загадке жизни” Ухтомского. Думаю все же, что В.Д. слишком категоричен...

С другой стороны, не исключено, что и Ты, ознакомившись (если не из первоисточника, то хотя бы из моего письма) с более полным, чем мы имели 20 лет назад, сводом взглядов и событий жизни Ухтомского, найдешь в них противоречия: будь то внутренние несоответствия, будь то расхождение с твоим собственным жизнепониманием.

Я, как видишь, предпочитаю усматривать тут “загадку”, чем предлагать “разгадку”...

Одно мне очевидно: читая в свое время письма Ухтомского к Бронштейн-Шур (которые для меня и сейчас не “померкли”!), мы абстрагировались от исторического контекста их написания. А он, контекст, настоятельно требует к себе внимания.

Вообще же, идейно-духовные “пересечения” и “сопряжения” российской либеральной интеллигенции с большевистской идеологией и практикой – чрезвычайно важная и богатая тема. (Раньше это называлось: “путь в Революцию”...). Применительно к писателям, художникам и т. д. – эта тема достаточно разработана. А для ученых и философов – меньше.

В этой связи, мне кажется, было бы очень поучительно провести сравнительный анализ как жизненных траекторий, так и эволюции взглядов, например, участников знаменитых сборников – “манифестов” русской интеллигенции первой четверти XX века: “Вехи” (1909) и “Из глубины” (1918).

Среди авторов названных сборников были не только будущие широко известные эмигранты (например: покинувшие страну вскоре после прихода большевиков к власти П. Струве, Новгородцев; или высланные из России в 1922 г. Бердяев, С. Булгаков, Франк, Изгоев), но и – куда менее известные ныне! – те, кто **остался** в России: религиозный философ Аскольдов, историк и правовед Котляревский, публицист и философ Муравьев.

Особенно фигура последнего (автора статьи “Рев племени” в запрещенном, а затем конфискованном сборнике “Из глубины”) показательна, в связи с поставленным моим другом вопросом.

¹⁷⁹ О В.Н. Муравьеве см. также выше: раздел 1.1.

¹⁸⁰ См.: ДСиСА -1, разделы П.1.3, 6.11.

Не буду пересказывать здесь всего того, что теперь стало известным о **Валериане Николаевиче Муравьеве** (1885-1932). Извлечения из его свыше полувека гнившего в спецхране архива были впервые представлены в “Вопросах философии” (1992), в сопровождении аналитической статьи Г.П. Аксенова.

Особенно после недавнего выхода в свет (в серии “Философы России XX века”) тома избранных сочинений В. Муравьева “Овладение временем” (Сост. – Г.П.Аксенов. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998) становится ясным, что имеем дело с одним из выдающихся мыслителей минувшего столетия.

Итак, о Муравьеве.

Его философскими предшественниками были создатель философии “общего дела” (“проективная философия”, учение о всеобщем воскрешении) Н.Ф. Федоров, с одной стороны, и философ-интуитивист Анри Бергсон (“философия жизни”), с другой. Вместе с тем, “философия времени” Муравьева (или: “философия действия”; или: философия “времядействия”; все эти обозначения правомерны!) близка к возникшим как раз в то время (середина 20-х) научно-философским представлениям о ноосфере (Вернадский; Леруа; Тейяр де Шарден). В.Н. Муравьев – один из ярчайших представителей русского космизма.

(Кстати, когда читаешь Муравьева, невольно вспоминается и “система времяпользования” А.А. Любищева. Уверен, что Даниил Гранин, когда писал “Эту странную жизнь”, не знал об изданном в 1924 г. и прочно забытом с тех пор муравьевском трактате “Овладение временем как основная задача организации труда”; иначе наверняка упомянул бы его).¹⁸¹

“...Судьба Валериана Муравьева глубоко трагична, – пишет публикатор и исследователь творчества Муравьева Г. Аксенов. – Во-первых, тем, что в ней индивидуализировалась судьба всей русской интеллигенции, не сумевшей совладать с безразумным временем и сгинувшей в историческом провале. И, во-вторых, тем, что в дошедших до нас “из глубины”, из-под обломков рухнувшей жизни, созданных силой творчества формулах, прозрениях и произведениях мы его не узнаем и не знаем. Мы и не подозреваем, как много в духовном климате целого исторического периода содержалось его идейных построений...” (Г.П. Аксенов. Времявластие (О Валериане Муравьеве и его философии) // Вопросы философии, 1992, № 1, с. 89).

Действительно, так и есть!

В.Н. Муравьев – представитель славного рода Муравьевых (в котором – и Муравьевы-Апостолы, и Муравьев-Амурский, и Муравьев-Карский...), внук сенатора В.Н. Муравьева, сын министра юстиции в правительстве Витте – Н.В. Муравьева. Получил блестящее образование в России и за рубежом.

Дипломат: глава Балканского отдела Министерства иностранных дел в годы первой мировой войны; начальник политического кабинета этого Министерства после Февральской революции.

Публицист, сотрудничающий в либеральных изданиях 1910-х гг. Автор труда по государственному праву – “Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве” (1912).

Общественный идеал Муравьева в ту пору – непосредственная демократия, **народоправство**. Его особенно интересуют исторические корни народоправства в России, восходящие к древнему Новгороду, проросшие позднее в земском движении XIX века.

Отношение Муравьева к революции и большевизму в 1918 г. можно проиллюстрировать следующими фрагментами из его публицистики:

“...В самых страшных предположениях прошлых дней, в предсказаниях самого черного пессимизма не было доли приближения к тому, что переживается нами, что предстоит пережить. Если есть национальное мученичество, мы его сейчас испытываем,

¹⁸¹ Пожалуй, определенные сходства можно заметить также и между идеями В.Н. Муравьева и А.А. Ухтомского, имея в виду, в частности, выдвинутое последним понятие **хронотопа**. (См., например, письма Ухтомского к Е.И. Бронштейн-Шур и к Ф.Г. Гинзбург).

мы знаем, что оно есть. Куда деться от внутренней боли, от жгучего стыда, от смертельной тоски по умирающей России?..” (“Собрание России” / Заря России, 13 апреля 1918 г. Цит. по: Муравьев В Указ соч., с. 73).

“...Сейчас большевизм, стремясь к распространению во всем мире, исполнен истинно империалистического пафоса. После Вильгельма несомненно самым большим империалистом современности является Ленин. Идея большевизма приближается и к крайней форме империализма – к теократии...” (“Национализм и интернационализм” / Заря России, 15 апреля 1918 г. Цит. по: В.Муравьев. Указ. соч., с. 78).

В статье “Рев племени” из сборника “Из глубины” (1918) находим рассуждения, очень близкие к размышлениям Ухтомского того же времени (см. выше) и вообще, по-видимому, отражающие умонастроение значительной части русской интеллигенции (последняя “судит самое себя”):

“...Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. Конечно, народ по совершенно не зависящим от последней причинам должен был куда-то идти. Великое народное движение, во всяком случае, должно было произойти в результате кризиса русской жизни, усугубленного войной. Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией. И в том, что революция приняла такой вид, виновны не одни большевики, но вся интеллигенция, их подготовившая и вдохновившая...”

У народа “...была вера в чудо, то самое чудо, которое отвергла презрительная интеллигенция и тут же народу преподнесла в другом виде – в проповеди наступления мировой всемирной революции, уравнивания всех людей и т. п. Социалистический рай был для простых людей тем же, чем были для него сказочные царства и обетованные земли религиозных легенд...”

И тем более виновны те, кто сугубо обманул народ, дав как пищу его великолепному порыву, ложные и бессмысленные идеи. Виновна революция, виновно интеллигентское мирозерцание, создавшее революцию, виновна западная современная культура, создавшая интеллигентское мирозерцание...” (Цит. по: Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991, с. 414-415).

Сходен с Ухтомским взгляд Муравьева и на “ложное марево европейской культуры”:

“...Нельзя, конечно, оспаривать достоинств европейской культуры, в особенности той части ее, которая примыкает к действительной средневековой христианской цивилизации – к науке. Опытная наука выросла из опытной магии и есть не что иное, как осуществленная белая магия. Но к самой европейской культуре следует отнестись с самой серьезной критикой ко всей умозрительной ее части, к философии, на место конкретного выставившей отвлеченное, на место творческого действия мертвящую теорию, на место единичности и качества пустую общность и количество.

И вот интеллигенция вернулась к своему народу, но не с живою, а с мертвою водою. Она вспыснула ею народ и народ разрушил Россию. Но тем самым народ уничтожил и интеллигенцию. Он, подобно Самсону, обманутому Далилой, повалил своды храма на всех присутствующих, в том числе и на Далилу...” (Цит. по: Вехи. Из глубины..., с. 415-416).

(Ср. с Ухтомским, выше; почти дословные совпадения!).

После того, как советская власть позакрывала все органы свободной печати, в которых Муравьев сотрудничал (1918), он, как специалист, служит в Наркоминделе (некоторое время даже заведовал там отделом печати).

“...Валериан Муравьев не был бы русским интеллигентом, если бы не принял вину за происшедшее на самого себя, не взвалил бы на себя ответственность, – пишет Г. Аксенов. – Во время гражданской войны в нем постепенно вызревает сплетенное из высших идейных соображений и логики решение остаться в стране и, мало того, активно работать на государственном поприще. Он стал самым первым сменовеховцем, еще до известной кампании Устрялова...” (Аксенов Г.П. Времявластие..., с. 89).

1920-й год. Муравьев арестован по сфабрикованному делу так называемого “Тактического центра”. Ему вынесен расстрельный приговор, с последующим помилованием и освобождением, как и всех 28 осужденных по этому делу, – пропагандистская акция советской власти).

(Напомню, что именно в 1920-м был впервые арестован и Ухтомский. Вообще, здесь не только близость взглядов, но и синхронность некоторых жизненных событий...).

Однако еще до этих жизненных испытаний началась (а дальше – углублялась) эволюция взглядов будущего автора “Овладения временем...”.

“...Он начинает примиряться если не с политикой, не с тактикой, то со стратегией большевиков, с их отдаленными целями. Они начинают казаться ему “изживанием старой, разъединявшей людей культуры”. Следствием этой эволюции становится его знакомство с Троцким...” (Аксенов Г.П.. Искатель последней правды / Муравьев В. Овладение временем. М., 1998, с. 7).

В архиве Муравьева сохранились копия его письма к Л.Д. Троцкому от начала 1920 г. (еще до ареста), в котором он пытается объяснить советскому вождю необходимость перехода от узко-политической трактовки социалистической революции к более широкому “масштабу мысли” – взгляду на революцию, как на соборное, вселенское, космическое деяние, имеющее своей дальней целью тотальное преобразование Человека и Мира. (Ср. с позднейшей идеологемой: “всемирно-историческое значение Октября”).

Из этого письма:

“...Необходимость освобождения и поднятия трудящихся... не есть только вопрос социальной справедливости, – пишет Муравьев Троцкому, – но есть прежде всего вопрос жизни и смерти самой культуры, которая иначе отсохнет и выродится, как это происходит на наших глазах. Выход из кризиса – в перемене метода культурного творчества, в слитии мысли и дела, в принятии на себя ответственности не только за содеянное, но и помысленное. В большевизме я нахожу многие из искомых черт. Он несомненно нечто большее, чем идея государственная. Она идея, приближающаяся к теократической. Философия должна стать делом. Мыслители должны стать деятелями, а деятели должны стать пророками-строителями по образцу вождей древности, полагавших основы древних культур и царств...” (Из архива Валериана Муравьева // Вопросы философии, 1992, N 1, с. 98).

Муравьев пишет далее:

“...Я нахожу глубокое внутреннее противоречие в материалистической основе Вашего миропонимания. Вы приглашаете людей ставить себе исключительно цели личного материального благополучия, ибо всякие другие исключаются. Вместе с тем и в полном противоречии с этим Вы зовете их ради идеала жертвовать собой, отдать ради него свою жизнь. Вам могут ответить то, что ответил солдат Керенскому в знаменитом диалоге. Керенский побуждал солдата идти в наступление, обещая ему землю и волю. “На что мне земля и воля, если я буду убит”, – ответил солдат и рассуждал глубоко логично. Жертву нельзя обосновать материалистически, исходя из личного интереса. А других побуждений у Вас быть не может. Правда, Вас спасает то, что коммунисты поступают против логики и идут в огонь в религиозном энтузиазме, оправдываящем мои, а не Ваши теории.

Подобного противоречия нет в более совершенном идеале общечеловеческой организации, в идеале теократическом. Он имеет над Вашим то преимущество, что захватывает всего человека, не только телесного, но и духовного, и всю конкретную историю, а не взятую искусственно одну только экономическую схему. Такой вселенский всеобъемлющий идеал мелькнул в Русской истории, когда инок Филофей в послании Великому князю Московскому хотел сделать из него наследника Всемирной империи Рима. Это был не грубый захватный империализм политического завоевателя, но попытка обосновать завоевание духовное – объединить человечество в единой Церкви – Царстве Правды... (Там же, с. 99).

И далее:

“...Ведь не случайно же, что в большевизме соединились русская национальная и европейская социалистическая стихия... Русский народ искал Новый Иерусалим, сказочное царство истины, где господствует вечная справедливость, и предвестники Ваших идейных коммунистов были бы могли паломники наших средних веков, схимники и святители, над которыми в Вашей печати и в Ваших кругах принято теперь так грубо издеваться. Русская интеллигенция вследствие реформы Петра отошла от народа и его религиозности и, сохраняя национальные черты, пошла искать Царство правды в науке о социализме. Там она проявила ту же твердость и подвижничество, что схимники в своих скитах. И в конце

концов она вернула нам идеал Третьего Рима в виде идеала Третьего Интернационала. Ленин оказался преемником старца Филофея...” (Там же, с. 99-100).

И наконец, “дерзкая”, но и не “очернительская” (уважительная, независимая и заинтересованная!) критика:

“...Сочувствие широкому и отделенному идеалу не должно мешать трезво оценивать окружающую действительность и мерить ее мерилom возможного для завтрашнего дня. Здесь, когда я так ставлю вопрос, я коренным образом расхожусь с Вами и буду скептиком, пока мне не докажут на практике, что я ошибаюсь. Я далек от мысли отрицать успехи Советской власти, их значение и размеры. Но если поставить вопрос о глубине содеянного, я вынужден буду высказать большие сомнения. Да, политическая победа Советской власти полная. Но ведь не это нужно, чтобы можно было говорить о строительстве в том, большом масштабе. Для этого нужно, чтобы изменилась вся подпочва жизни, чтобы произошел в самом деле глубинный переворот всех отношений, всех представлений, всех способов жизни. Что достигнуто в этом смысле? Думаю, очень мало. Ведь важно не изменение принадлежности тех или иных предприятий, не перераспределение благ, не новые данные права и новые наложенные обязанности. Все это важно как точки отправления, как та экономическая и социальная статика, которая явится основой новой динамики. Важна не новая форма отношений, а ЖИЗНЬ этих отношений в этих новых формах. Пока я вижу вокруг себя как бы войско, готовое к бою, но стоящее на месте. Надо видеть его в бою. Пока я вижу искусно созданный механизм. Надо, чтобы он зажил собственной жизнью, превратился в организм. Тогда можно будет сказать, родился ли он в самом деле или нет, действительность ли он или только видимость...” (Там же, с. 100-101).

Кстати, одним из поводов для письма было такое начинание Советской власти как “трудовые армии”:

“...Если Вам удастся найти органические формы трудовой повинности, при которой она не будет наложено искусственно на население, как это безобразно практикуется сейчас в нарушение всех экономических законов, но, наоборот, будет естественно вытекать из процессов новых отношений, если организм, так построенный, задвигается и заживет, – тогда Ваша победа обеспечена, и в самом деле мы вступим в новую эру...” (Там же, с. 101).

(Письмо Муравьева к Троцкому от 6 января 1920 г. включено и в упомянутый выше том: Муравьев В. Овладение временем...).

По свидетельству одного из идеологов “смены вех” Н.В. Устрялова (встречавшегося с Муравьевым в Москве в 1924-м) тот “...упорно настаивал на необходимости раскрыть перед нашей революцией еще более грандиозные творческие перспективы” (цит. по: Аксенов Г.П.. Искатель последней правды..., с. 8).

Устрялов вспоминает восклицание Муравьева: “Nous sommes plus bolchevistes que les bolcheviques memes!” (по аналогии: “...больше роялисты, чем сам король...”; только вместо “короля” – “большевики”).

Сам Муравьев отмечает в письме к Н.А. Сетницкому (приверженцу “проективной философии” Н.Ф. Федорова) в начале 1920-х:

“...Вы помните наши разговоры и тот парадоксальный вывод, к которому мы пришли, что революция для нас недостаточно революционна, что она слишком замыкается в общественных задачах, тогда как мы хотели бы мировой космической Революции...” (Там же).

Мне не хочется, однако, чтобы Ты судил о мыслительстве Муравьева лишь по этим эпистолярным фрагментам и замечаниям – все же периферийным для его миропонимания и наследия. “Философия времени” Муравьева, наиболее систематично изложенная в опубликованном им (на собственные средства...) трактате (по размерам – брошюра...) “Овладение временем как основная задача организации труда” (1924) – это целый идейно-духовный материк.

В какой-то мере Ты можешь представить его себе по фрагментам, включенным в мою книгу (в связи с моими собственными сочинениями начала 1980-х, ну... более или менее на ту же тему).¹⁸² Я эти отрывки распечатал для Тебя.¹⁸³

Заодно и ксерокопию публикации в “Вопросах философии” посылаю.

Что касается “избранного” 1998 г. (см. выше), то со временем и его для Тебя добуду. Прочитав целиком, Ты и сам увидишь, какой необыкновенный плод вырос из скрещения русского космизма с марксизмом (а ведь скрестилось! значит – не так уж и несовместимы...). Причем самобытность и цельность удивительные!

А даже и моих извлечений из Муравьева хватит для того, чтобы заметить, что из этого могучего и прекрасного “кентавра” (не химеры!) оказалось впоследствии парадоксальным (гм!) образом востребованным и приспособленным для нужд советской идеологической системы. Тут нетрудно усмотреть прямые выходы из Муравьева: и к “научной организации труда”, и к “стахановскому движению”. Но есть и другие виртуальные мосты: и к “перековке людей” (“созидание человека”...), и к “покорению природы” (ее, природы, “слепых сил”...), и к превращению науки в “производительную силу”, и даже, пожалуй, к “движению разведчиков будущего”.

(Кстати, к последнему – бригады коммунистического труда – уже и сам я успел приложить руку, в качестве журналиста, на рубеже 50-60-х гг.). [См. ниже: глава 7. – А. А.]

Было бы, однако, как я считаю, ошибочным возлагать моральную (какую же еще?) ответственность за эти “экстраполяции” духовных прозрений и “реализации” идейных проектов – на искателей “последней правды”, взыскующих Истины, Добра и осмысленной связи между Прошлым, Настоящим и Будущим (“жизнетворчество”, “времядействие”, “воскрешение”...), к каковым принадлежит русский мыслитель первой трети века (дольше-то и не прожил!) Валериан Муравьев.

...Перепишу здесь для Тебя хотя бы оглавление opus magnum В.Н.Муравьева “**Овладение временем как основная задача организации труда**”, ныне, спустя 75 лет, переизданного:

“Введение

1) Проблема времени. 2) Проблема множественности. 3) Социологический подход к проблеме множественности. 4) Социологический подход к проблеме времени

Глава первая: **Культура как овладение временем**

1) Творческий труд, время и культура. 2) Культура и овладение временем. 3) Разобщенность символической и реальной культуры. 4) Критика чистого знания. 5) Критика чистого искусства. 6) Следствие разобщенности символики и действия и вытекающие отсюда проблемы.

Глава вторая: **Время и множественность**

1) Время как отношение вещей. 2) Практическое преодоление времени. 3) Время как функция множественности. 4) Проблема действия и взаимодействия. 5) Противоречивость обычного построения множественности. 6) Математическая точка зрения. 7) Диалектическое построение множественности. 8) Диалектическое решение проблемы действия. 9) Диалектическое решение проблемы взаимодействия.

Глава третья: **Овладение временем в действующих системах**

1) Возобновление бывшей комбинации. 2) Расширение власти над временем. 3) Расширение действующей системы. 4) Множественность в субъекте и объекте действия. 5) Установление равнодействующей в системе.

Глава четвертая: **Овладение временем в сознательных системах**

1) Роль сознания в образовании времени. 2) Обособляющая роль сознания. 3) Интегрирующая роль сознания. 4) Два вида времени. 5) Несознательные элементы. 6)

¹⁸² Некоторые из этих фрагментов вошли в ДСиСА – 1, глава 6.

¹⁸³ См. ниже: раздел ...

Сознательные системы. 7) Смешанные системы. 8) Случаи восстановления без участия сознания. 9) Свершение времен. 10) Цепь систем.

Глава пятая: **Времяобразующая деятельность социально-исторических групп**

1) Социально-исторический характер времяобразующего действия. 2) Расширение акта в сторону прошлого. 3) Расширение акта в сторону будущего. 4) Исторически-культурный основополагающий акт. 5) Субъективность и универсальность. 6) Посредствующие коллективы между личностью и космосом. 7) Преобразование мира. 8) Система исторических актов. 9) Оценка актов.

Глава шестая: **Организация символической культуры**

1) Организация культуры. 2) Мысль и действие. 3) Философия действия. 4) Организация философии. 5) Организация науки. 6) Организация искусства.

Глава седьмая: **Организация реальной культуры**

1) Организация генетики. 2) Возобновление личности. 3) Организация политики и морали. 4) Организация производства. 5) Организация хозяйствования. 6) Диалектический тип организации.

Заключение. Борьба за жизнь против слепых сил природы". (Муравьев В. Овладение временем... 93-94).

(Какая, кстати сказать, прозрачная и чеканная структура!).

Из "Заключения":

"...То, что ощущается как слепая, безумная, убивающая сила времени, увлекающая мир на путь уничтожения в объятия бесформенного единого ничто, есть по существу дурное внешнее время, тлен и смерть. Гераклит, говоря об изменениях, говорил именно об изменениях, порождаемых этой силой. Другого рода изменения, воскресительные, не теряют ничего ценного и существенного. Сила, противоборствующая силе тлена есть сила, овладевающая временем, т. е. изменения обогащающего, творящего. Здесь обнаруживается связь понятий последнего высшего блага и свершения времени. Очевидно, благо, чтобы быть совершенным, должно длиться. И только совершенное, с другой стороны, может длиться. Этим объясняется самое глубокое внутреннее стремление личности – стремление утверждать свою жизнь..." (Муравьев В. Овладение временем..., с. 229)

А вот из главы 5:

"...Только связь с коллективным исторически-культурным актом, остающемуся без такой санкции эгоистическим и часто противообщественным. Только выполнение в индивидуальном действии высшей общечеловеческой или мировой цели, обнаруживаемой основополагающим культурным актом, оправдывает существование и деятельность отдельных людей и их заботы о самосохранении, самоопределении и развитии. Простое самоопределение личности или даже целой группы людей (так, например, нации) как самодовлеющих единиц, носящих в себе верховный закон, не может быть оправдано и только осуществление их руками общего дела преобразования мира и преодоления времени делает их цели полезными и нужными достойными выполнения. Отдельный человек всегда должен быть рассматриваем как элемент некоей множественной стихии, и смысл его жизни в развитии и завершении действия, рождающегося в результате этого общего течения..."

(Ну как тут не вспомнить Маяковского: "Ленин" или "Хорошо!". "...Я счастлив, что я этой силы частица..." и т. д.)

"...С этой точки зрения оказывается, что есть три возможных типа отношений частного акта к основополагающему. 1) Мой акт участвует в подготовке грядущего более общего акта. Таково было, например, положение какого-нибудь узко-экономического требования рабочих до Революции. 2) Мой акт есть развитие ранее совершенного основополагающего акта. В примере Революции настоящая деятельность марксистов есть развитие основополагающего акта Маркса. 3) Наконец, мой акт может быть вершиной данного культурно-исторического действия. Я – мессия, я – вождь этого движения.

Для каждого из этих случаев возникают выводы из сравнения большого и малого актов.

Не забудем, что с точки зрения времени все эти сопоставления и сравнения будут сравнениями различных степеней его преодоления. Каждый акт есть равнодействующая системы, преодолевающей время и вступающей в отношения с другими подобными же системами. Различию актов и соответствующих сознаний соответствует и реальное

значение времен, создаваемых этими актами...” (Муравьев В. Овладение временем..., с. 187).

...В отличие от Ухтомского, Муравьеву не надо было “ограждать себя молчанием”. Он тогда **так думал!** Он в это **верил**. Еще и вождей пытался научить...

Из эссе Муравьева “Видение первое: человек в жизни”, где он описывает посетившее его откровение (около 1925 г.):

“...Когда я вышел сегодня на улицу, я почувствовал себя охваченным совершенно новым и небывалым ощущением. Все казалось мне другим – и улицы, и дома, и встречные люди. В себе я чувствовал какую-то необычайную легкость, какая бывает в снах, когда летаешь. И себя я чувствовал в каком-то смысле совершенно иным. Тогда я начал вдумываться в сущность этого изменения и вдруг опытно и явственно почувствовал, что во МНЕ ДЕЙСТВУЕТ И ЖИВЕТ КАКАЯ-ТО ОГРОМНАЯ СИЛА, которая как бы в меня вошла, а вернее меня к себе присоединила. Я видел себя не так, как раньше, оторванным и отделенным от целого, наоборот, связанным с чем-то большим, живущим в веках, независимо от окружающего меня пространства и условий. Мне мыслилась некая рать, рядами идущая от земли вверх, и я видел себя отныне как член ее и участник. И мне страстно, всеми силами моего существа захотелось всего себя отдать великому служению, не иметь ничего больше для себя, но всем пожертвовать ради цели спасения и преобразования и преобразования мира, ради выведения его в светлые просторы, куда тянулись представившиеся мне сверкающие ряды...” (Муравьев В. Овладение временем..., с. 306-307).

“...Все это я пишу от полноты сердца, от радости увиденного и постигнутого. И если бы кто-нибудь усомнился бы в реальности того, что я ощутил, для меня здесь сомнений быть не может, ибо это было не мысль и не воображение, а **опыт, пережитая действительность**. И если у меня самого могли быть какие-нибудь сомнения в истинности и подлинности того, к чему я в эти дни подошел и во что был принят и вошел – этот **опыт силы, которая неожиданно меня затем посетила и осенила**, эти двери, для меня внезапно раскрывшиеся, – свидетельства, с которыми не могут сравниться никакие другие доказательства или доводы.

И мне только досадно и нестерпимо больно, что я не могу всего выразить и так несовершенно изображаю эти переживания, для которых малы известные мне слова...” (Там же, с. 309-310).

В заключение, краткая биографическая справка.

На протяжении 10 лет Муравьев служил в различных советских учреждениях, на скромных постах – “не по принуждению, а по убеждению” (по его собственному выражению; 1921). В 1926 г. он был приглашен в ЦИТ (Центральный институт труда, организованный А. Гастевым), где три года работал ученым секретарем.

(Напомню, что Ухтомский в это же время занимался исследованиями в области физиологии труда – в связи с проблемами “научной организации труда”; создавал, под эгидой Ленинградского университета, соответствующие лаборатории на промышленных предприятиях).

В 1929 г. Муравьев был “вычищен” из ЦИТа (волна чисток прокатилась тогда по всем советским научным учреждениям), лишен гражданских прав. Последовал арест. Погиб: по одним сведениям – на Соловках в 1931 г., по другим – в 1932 г., в Нарымском крае, куда был сослан.

(Напомню: 1932-й – год присуждения Ухтомскому премии им. В.И. Ленина).

Вот такой “параллелизм” и ортогональность судеб...

Казалось бы, так **нужен** был системе – “новообращенный” в большевистскую веру философ такого масштаба, полета мысли, остроты “дальнего зрения” (пользуясь выражением Ухтомского), как Муравьев! Но нет, другие пошли “в гору”, устроились на академическом Олимпе, стали править “философский бал”: Митин, Юдин, Федосеев и прочие.

Кто бы из них сумел так обосновать необходимость “соборного” и “истинного” миростроительства, как это делал последовательный “до конца” в своей апологии космической революции мыслитель Муравьев! Но нет, не в логических обоснованиях нуждалась система, а в идеологических заклинаниях, под видом философии.

И постольку – не только “не нужен” был Муравьев, а и **опасен**: опасен именно мощью своего разума, строящего действительно вселенский проект общечеловеческого времядействия, а не изобретающего мошеннические способы оправдания новой социальной иерархии и формы подчинения людей.

Но и... еще раз процитирую муравьевский трактат об овладении временем:

“...Из сказанного можно заключить, что **единая и общая истина** (здесь и далее выделено мною. – А.), имеющая действенный и деловой смысл, должна быть организована как **господствующее мирозерцание эпохи в проекте, внутренне обязательно для тех, кто принимает участие в данном историческом движении**. Должна быть установлена общая программа действий или **проект общего дела исторической эпохи**. (Ср. с программой “развернутого строительства коммунизма”, уже из брежневских времен. – А.). Это приводит, в отношении практических мер, к возобновлению старого плана Огюста Конта и в особенности Сен-Симона (*вот что берется теперь Муравьевым за образец – извлеченное из “ложного марева европейской культуры”!* – А.), устанавливающего необходимость учреждения **верховного решающего органа знания...**”.

И далее:

“...Орган этот должен формулировать положение дел или **догматы знания для целой эпохи** в связи с потребностями общего культурного дела человечества. Практически орган этот должен развиваться из международных научных конгрессов и представить собой объединение всех усилий людей, направленных в сторону познания. Вопросы, конечно, в этом верховном Научном Совете должны решаться не голосованием, а **по внутреннему убеждению** его участников.

Критерием же истинности принимаемых догматов должно служить в конечном итоге признание общественным мнением человечества этого Совета как **органа выражения и организации истины...**” (Муравьев В. Указ. соч., с. 201-202).

Дальше, пожалуй, читай уже антиутопии Замятина, Хаксли, Оруэлла...

Я понимаю, что некоторыми цитатами я скорее “компрометирую” Муравьева, чем “возвеличиваю” его – в глазах моих потенциальных читателей.

Но... если на то пошло, не осудить ли нам: Платона – за тоталитаризм, Макиавелли – за “макиавеллизм”, Ницше – за фашизм, Маркса – за сталинизм, да и Христа, пожалуй, – за костры инквизиции... Вот где парадокс “обращения времени”!

Сохраним “презумпцию невиновности” для мыслителей! Что касается ложных (с нашей точки зрения) идей, то они, конечно же, подлежат оспариванию, но так же и... пониманию: на какой именно почве они произросли, каким солнцем согревались и какими ветрами обдувались...

Нашим старшим современникам-соотечественникам (дедам и отцам) пришлось пережить исторические “пере-ломы” и “пере-стройки” (да и “пере-идентификации” – вспоминаю Твое последнее письмо!) покруче наших. И каждый “преодолевал время” по-своему. Вот и титаны мысли: Ухтомский – так, Муравьев – иначе... Хотя и общего, как видишь, хватает.

Бог им судья. Но не я! (Это я – в адрес моего внутреннего рецензента В. Д.)¹⁸⁴

¹⁸⁴ Интересна постановка этого вопроса А. Ухтомским в письме к Ф.Г. Гинзбург (1930): “С точки же зрения закона Милосердия открывается опять и опять, что если хочешь приблизиться к постижению тайн жизни, не прикасайся к испытанию добра и зла. Как искони, так и теперь херувим преграждает дорогу к Древу Жизни, как только возьмет на себя судить с точки зрения испытания Добра и Зла! Всего хуже, – и хуже легкомыслия, если людям представляется, будто они поняли Добро и Зло, то, что могут судить жизнь и людей со стороны их добра и зла!” (Цит. по: Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000, с. 388). Это высказывание отражает одну из стержневых мироотношенческих идей Ухтомского. — А.А. Февраль 2001.

...Ну вот: сгубила система Философа, а затем (или даже раньше...) обокрала... (Это – про Муравьева). “Нормальное дело”!

“**Время не властно над именем**” – так назвал одну из своих работ о Муравьеве его открыватель (для меня, для нас...) Г.П.Аксенов (Библиография, 1993, № 1). А на наших глазах произошло еще одно частичное (не в тотальном федоровском или муравьевском смысле) – **воскрешение!**

Из заметок моего неутомимого критика В. Д.:

“...Есть разница между словами и делами, некоторым действующим системам присуща ложь суждений. Те, кто, перехватив эстафету Романовых, тогда назвал себя вождями, уничтожали логическую мысль, способную формулировать свои выводы без внешних, навязываемых верой, страхом или силою, содержательных понуканий. Сначала силой и понуканиями была восстановлена мертвая (без времени) иерархия, где одни – очевидно! – хозяева, а другие – так же очевидно – быдло.

И только потом, когда загнанный человек у подножия сообразил, как “безвыходно и страшно” пытаются сверху детерминировать его поведение..., когда все уже поняли, что “Генеральная линия” неподвластна логическому анализу вследствие иной своей природы, и, стало быть, все публичные слова не стоят ничего и придуманы лишь для спецпроцедур в университетах марксизма-ленинизма (и в других тоже), – только тогда, чтобы окончательно дискредитировать мысль, как таковую, ее нашинкованные обрезки в виде “всемирно-исторической роли”, “разведчиков будущего” и так далее, были предъявлены населению как доказательство неисповедимой мудрости предъявителей. Поскольку это воспринималось как явная ложь, предлагалось ограничиться “благоговением” и подальше закинуть опасные рассуждения.

Но, правда, мысль потому и опасна, что, возникнув “ниоткуда”, она раскачивает (“приводит в движение”, ускоряет) вселенную. Куда уж там почитаемой Линейке...”¹⁸⁵

Роман!

А что Ты скажешь – по поводу всего того, что я и Виктор, каждый по-своему, на эти умо-не-постигаемые темы “по-на-размышляли”?

Твой Андр. Ал., 30.06.2000

...От себя к миру, от мира к себе – вот процессы, объединенные в понятии грандиозной раскачки, необходимой для приведения вселенной в движение. Маятник отходит в одну сторону, чтобы лучше захватить другую. Мое могущество пропорционально моим корням, моей внутренней укрепленности. Последняя же есть моя внедренность в мир, степень моего участия в жизни вселенной.

...Если не будет действия, а одна только разумность, получится очень ясное, может быть, представление должного, но на самом деле на практике останется слепое подчинение потоку необходимости и принудительного времени.

Если, с другой стороны, будет одно только действие, без разумности, оно опять-таки не будет иметь особого отделяющегося от природы субъекта и сольется с слепым течением последней.

¹⁸⁵ Намек на «Притчу о Генеральной линейке». См.: ДСиСА – 1, раздел 2.8.

Следовательно, для преодоления времени и для утверждения своего творчества, живое существо должно проявлять и разумность, и действие...

Муравьев В. Овладение временем. М., 1998, с. 283, 292-293

Ремарка 1: В.Н. Муравьев и В.И. Вернадский.

Следует отдавать себе отчет в том, что предпринятое нами обращение к трагической фигуре В.Н. Муравьева и к его учению об "овладении временем" само по себе является частичным, в какой-то мере "утилитарным" (в связи с темой нашей собственной работы).

Опыт комплексного подхода и целостного взгляда на учение Муравьева, в историко-культурном, научном и общественно-политическом контексте 1920-х гг., можно найти в работах Г.П. Аксенова, которые цитировались выше.

Дальнейшее развитие этой темы потребовало бы обратиться к научно-философскому наследию В.И. Вернадского – как к современным Муравьеву (1920-е гг. и ранее), так и к позднейшим (1930-е гг.) его трудам: "О жизненном (биологическом) времени", "Проблема времени в современной науке". (См. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988). Здесь наблюдается существенные "схождения идей" между великим натуралистом и забытым философом.

Философские взгляды Вернадского, в частности, его работы, посвященные проблеме времени, вызвали в начале 1930-х гг. яростные нападки со стороны "диаматов", как их называл Вернадский. (См., например, Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000; Аксенов Г. Вернадский. М.: Соратник, 1994).

Доклад Вернадского "Проблема времени в современной науке", прочитанный им на Общем собрании АН СССР в декабре 1931 г., был опубликован в "Известиях АН СССР" (1932) в сопровождении "критических замечаний" акад. А.М. Деборина, на что последовал ответ Вернадского, опубликованный в тех же "Известиях...", в сопровождении деборинских же "критических замечаний на критические замечания акад. В.И. Вернадского" (1933).

Валериан Муравьев этих драматических событий уже не застал. (Октябрь 2000).

Ремарка 2: В.И. Вернадский и А.А. Ухтомский

Ухтомский в одном из своих писем 1932 г. настоятельно рекомендует своей ученице Ф.Г. Гинзбург прочесть доклад Вернадского о времени в "Известиях Академии наук". "Это близко к тому, что Вы слышали от меня о "хронотопе" и во всяком случае поучительно".¹⁸⁶ Ухтомский вспоминает о своем докладе середины 1920-х гг. на эти темы (среди слушателей которого был и Вернадский). Ухтомский усматривает "крупные промахи" во взглядах Вернадского, однако: "Я, во всяком случае, приветствую его выступление..."

Интересно следующее замечание Ухтомского в этом письме:

"Но вот что удивительно: ни Вернадский, ни его критик Деборин, да и никто в Европе не догадывается вспомнить, что историческая концепция бытия, столь чуждая и древнегреческой науке, и европейской науке с Декарта и Ньютона до XIX века, задана

¹⁸⁶ Еще в 1920-х годах А.А. Ухтомский, отправляясь от своей психофизиологической теории доминанты пришел к важнейшим обобщениям, связанным с понятием "хронотопа" и др., позволяющим научно поставить проблему взаимоотношений человека со временем. По определению Ухтомского, хронотоп - это "закономерная связь пространственно-временных координат". "Всякий сплошной поток событий может быть представлен как траектория в ХРОНОТОПЕ... или как мировая линия" (Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, с. 378).

давным давно библейским еврейством! Ведь идея эволюции и мира как **процесса** дана никем иным, как пророками Израиля!

И если кое-как простительно не знать об этом европейцу Вернадскому, то как объяснить это у Деборина? Говорят, что он "образованный еврей", изучавший то, что подобает знать таковому? И так, что же это: замалчивание? отсутствие самостоятельной мысли? боязнь моды? или просто непонимание?" (Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000, с. 406).

(Февраль 2001).

= Из письма Р. Ленчовского А. Алексею (сентябрь 2000)

[Ответ Романа Ленчовского на мое и Виктора Дудченко обращение – в полном объеме - тогда не состоялся, хоть моим другом и было заготовлено много рабочих материалов к этому.¹⁸⁷ Но Р. Ленчовским было сделано нечто более значимое: вопросы, поставленные в отношении Ухтомского, Муравьева и других из поколения наших дедов, опрокинуты... НА НАС САМИХ! Именно тогда были написаны Романом важные для нашего поколения и круга заметки «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм», вошедшие в «Драматическую социологию...» 2003 г.¹⁸⁸

Вот что писал мой «заслуженный собеседник» - в связи с поставленными мною и В. Д. историко-этическими вопросами. – А. А.]

<...> Думаю, что обостряет мое зрение, не в последнюю очередь, достаточно резкая - но "заслуженная"! - постановка вопросов о том, "как ОНИ, те, кто "ВСЕ ВИДЕЛ И ВСЕ ПОНИМАЛ" (тот же Ухтомский), - МОГЛИ?.."

А как - напрашивается само собой! - могли МЫ?

Я - с твоей и Виктора [В.П. Дудченко. - А. А.] "подачи" - как раз и хочу сформулировать главный для меня вопрос в том разговоре, к которому Ты меня пригласил.

Ведь мы сами были и СВИДЕТЕЛЯМИ, и прямыми УЧАСТНИКАМИ в такого рода истории и "историях", нравственный смысл которых мы, при наших профессиональных ЗНАНИЯХ (какими бы "урезанными" они ни были!) и в силу "интуиции нашей совести", квалифицировали таким образом, который ПОЗВОЛИЛ нам в них участвовать: и НЕСМОТРЯ НА что-то, чего мы НЕ принимали, и БЛАГОДАРЯ, все же, чему-то...

Чему же? Не НАШЕ ли собственное (мое, твое, нашего круга...) "китежанство", а иначе - ПРЕКРАСНОДУШИЕ и УТОПИЗМ, тому причиной? Насколько релевантным и

¹⁸⁷ <...> Передо мной сейчас - десятки исписанных "скорописью" (а часто и просто "НАСКОРО"...) листочков с пометкой: "Андрею", датируемые чуть ли не с апреля, правда, более всего - за последние две-три недели... И еще передо мною на столе, подоконнике, стульях – несколько "стройных рядов" книг (не менее чем по десятку переплетов в каждом). Перечитать, прочитать, заложить закладками.

<...> Позавчера дочитывались: "Об общественном идеале" П.И. Новгородцева (500 (!) страниц одного из САМЫХ ТЩАТЕЛЬНЫХ в известной мне литературе разборов "Марксовой утопии "ЗЕМНОГО РАЯ"; 1917 г. (!); и "Марксизм и скачок в царство свободы. История коммунистической утопии" Анджея Валицкого (тоже 500 стр.!), стэнфордское издание, на английском, вышло в 1995 г., а в 1999 - киевское, на украинском языке).

Вчера, 21.09, за несколько часов до твоего телефонного звонка <...>, я не мог не свериться с КЛАССИЧЕСКОЙ дискуссией о том, "имеет ли история какой-нибудь смысл", между Карлом Поппером ("Открытое общество и его враги"; том 2: "Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы", включая таких "оракулов", как Хайдеггер и Ясперс; 1-е изд. - 1945 (!); русское: М., 1992) и - Карлом Ясперсом (сборник "Смысл и назначение истории". М., 1991; прежде всего, работа Ясперса "Истоки истории и ее цель"; 1-е изд. - 1949 (!); здесь 3-я часть прямо contra Поппер: "О смысле истории"). <...> Р. Л.

¹⁸⁸ См.: ДСиСА – 2, раздел 9.3.

адекватным был масштаб нашего мышления (помнишь, о "масштабе мысли" в споре Троцкий - Муравьев)?

Я и не сомневаюсь, что это "обращение на себя" - и нашими "великими китежанами", и нашим кругом чтения, и прежними нашими жизненными путями - опытом, включая писание, и даже непосредственным твоим последним текстом (о "суде поступков" и т. д.) инициировано.

А вот после обдумывания - с включением в нашу рациональную мысль также и "интуиции совести" (по Ухтомскому) - вопроса о нашей СОБСТВЕННОЙ причастности ко злу (хотя бы в виде ЛЕГИТИМАЦИИ ЗЛА) можно переходить к другим очень важным проблемам, поднятым Тобой.

<...> Твой Роман, 22.09.2000.

Ремарка: "...причастные ко злу..."

Здесь ограничусь цитированием только этого "предварительного" письма (первой "реакции"). Но из него уже ясен точно сформулированный моим другом мироотношенческий и смысложизненный предмет продолжающегося диалога.

Действительно, не обратившись "на себя", не понять и "великих"; а не всмотревшись в них, не понять и себя, нас... ". (Октябрь 2000).

7.4. ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ. В.Н. МУРАВЬЕВ

[Ниже - свод извлечений из главного труда В. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924), который ныне переиздан в составе книги, вышедшей в серии «Философы России XX века»: Муравьев В. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998.

В скобках указаны страницы по названному изданию].

...Время есть другое название для жизни...
...Сознательное существо есть существо,
овладевающее временем...

В.Н. Муравьев

<...> Согласно нашей постановке вопроса, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДИТ В ОВЛАДЕНИЕ ИМ [здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, выделено мною. А.А.].

Цель организации культуры в результате осознания проблемы времени есть преобразование мира в смысле победы людей над слепыми и косными его силами. (98; предисловие).

<...> Несомненно, что одною из главных среди разумных целей человека является овладение временем. <...> Человек творит явления и, вследствие этого он, в известной степени, ВЛАСТЕЛИН ИХ ВРЕМЕНИ. Мы должны изучить законы такой времяобразующей деятельности отдельных людей и в особенности человеческих групп и рассмотреть, какие реальные изменения такое действие вносит в мир. (107; глава 1).

<...> Власть наша над временем весьма реальна и постоянно нами применяется. Если вдуматься, мы поймем, что мы имеем пример такого овладения временем и возобновления его в каждом свободно и сознательно проведенном человеческом опыте. КАЖДЫЙ ДЕНЬ В ОГРАНИЧЕННЫХ ОБЛАСТЯХ МЫ ОВЛАДЕВАЕМ ВРЕМЕНЕМ И ОСУЩЕСТВЛЯЕМ ЕГО ОБРАЩЕНИЕ. (125; глава 2).

<...> Мы называем ОВЛАДЕНИЕМ ВРЕМЕНЕМ всякое вообще сознательно и целесообразно произведенное изменение в природе, поскольку оно создает или воссоздает реальность, согласно имеющемуся образцу. (126).

<...> Где же искать ключ к сознательному преодолению времени действием? Какие явления в мире можно считать времяобразующими?

Мы видели, что все содержание времени сводится к меняющимся отношениям вещей. Время есть показатель этой смены: оно есть как бы выразитель изменения и движения.

Но движение само по себе как всякое действие, множественно. Еще Аристотель определил действие как «отношение к другому».

Движение есть переход от одного к другому и тем самым непременно является результатом какой-то суммы или множества. Для доказательства этого достаточно перевести движение на статический язык или повторить рассуждение Зенона. Стрела не двигается, пока она одна. Но если взять множество, составленное из самоумножений этой стрелы в пространстве, мы получим движение. Заметим, что на этом принципе построен кинематограф, в котором из множества неподвижных снимков, через их сложение, создается движение и изменение, а, следовательно, и время. (127-128).

<...> Раз время есть не что иное как отношение вещей – его изменения также зависят от состояния множества. Или – ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕНИ ЕСТЬ ФУНКЦИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ [выделено В.Н. Муравьевым. - А. А.]. Весь вопрос сводится, следовательно к возможности, исходя из данных временных комбинаций элементов, произвести перемены в дальнейших их группировках.

Таким образом, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СОЗДАЕТ ДЕЙСТВИЕ, ДЕЙСТВИЕ ЖЕ СОЗДАЕТ ВРЕМЯ. (128).

<...> Каждое перемещение элементов и соответствующее ему изменение системы их есть вместе с тем изменение времени, возникающего в результате отношений этих элементов. Поэтому знание системы и способность ее видоизменить есть способность воздействовать на ее время. В самом времени мы имеем, таким образом, рычаг, надавливая на который, мы управляем течением времени.

Допустим, что мы в ограниченных случаях имеем власть над временем. Значит ли это, что власть эта может быть расширена? Во всяком случае, механизм такого расширения и перехода к власти над более широким кругом времени требует объяснения. (141; глава 3).

<...> Общая способность элементов быть носителями и творцами временного действия системы вытекает из того, что время есть изменение отношения вещей. Следовательно, ОТ ДВИЖЕНИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ МЕНЯЕТСЯ ВРЕМЯ СИСТЕМЫ. (148; глава 4).

Вкратце

В главе 3 автор рассматривает общие закономерности овладения временем в «действующих» системах. Далее (глава 4) переходит к специальному рассмотрению овладения временем в «сознательных» системах.

В. Муравьев определяет сознательное существо как «систему элементов, обладающих общим сознанием» (149). Подчеркиваются «...два свойства сознательного существа в отличие от несознательного, причем в обоих проявляется природа сознания как особого синтеза единства и множественности» (149).

Имеется в виду способность сознательной системы к изменению отношения вещей в смысле обособления либо объединения их («роль сознательности в обособлении действия» и «собирательная роль сознания»).

<...> Объяснение механизма преодоления времени требует выяснения роли в этом процессе сознательности как свойства автономных элементов. Мы должны рассмотреть, что означает сознательное действие элемента в отличие от несознательного, а также каким образом, ПУТЕМ СОЗНАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, происходит в системе овладение временем. (148; глава 4).

<...> Создав себя как деятеля, путем собрания воедино действия своих элементов, система действует вне себя, т. е. стремится собрать окружающее, т. е. **ВОБРАТЬ В СЕБЯ ДОСТУПНЫЕ ЕЙ ОБЪЕКТЫ И ПРЕТВОРИТЬ ТЕМ САМЫМ ЭТИ ОБЪЕКТЫ В СУБЪЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ** [выделено В.Н. Муравьевым. - А. А.]. Деятель охватывает то, что стоит вне его и, превращая эти чуждые вещи в свой придаток, делает их частью самого себя. Разум служит орудием этого превращения, рисуя заранее проект такого синтеза и предуказывая его пути. (152).

[Ниже полностью воспроизведен параграф 4 главы 4 трактата В. Муравьева об овладении временем.¹⁸⁹]

<...> Но изменение отношений вещей в смысле обособления их или объединения есть всегда **ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕНИ**. Утверждение себя и укрепление своей длительности как существования объединяющего центра и есть **СОЗДАВАЕМОЕ СОЗНАНИЕМ ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ**. На место порождаемых объективным процессом отношений вещей создаются новые, диктуемые разумом. Посредством разума мы постоянно воздействуем на время и на его видоизменение. Так называемые несознательные элементы или вещи принудительно участвуют во времени, увлекаются безудержно его слепым потоком. Сознательные же существа, хотя они в известной мере подвластны времени, но вместе с тем обладают **СПОСОБНОСТЬЮ ЕГО ДЕЛАТЬ**.

Это надо понимать отнюдь не в кантовском смысле, т.е. не так, что времени нет вне субъективного восприятия и что, следовательно, время есть форма сознания. Мы говорим, что время создается сознательными существами в том смысле, что только там, где есть обособленное индивидуализированное действие, можно говорить о длительности существования чего-либо. Где нет обособленного действия, нет индивида и длится только общий процесс. Но отдельное обособленное действие существует только там, где есть только выделяющее его из всеобщего действия сознание. В этом случае имеется обособленный этим сознанием субъект действия и, соответственно, **СОЗДАВАЕМОЕ ИМ ВРЕМЯ**. В случае же отсутствия сознания нет вообще частного действия, а есть лишь единое, недифференцированное действие всего мира; нет отдельных временных существований отдельных существ, а есть равнодействующая всех сил мира, выражающаяся в **СЛЕПОМ ТЕЧЕНИИ ВРЕМЕНИ МИРОВОГО ЦЕЛОГО**.

То же деление находим мы в каждой действующей системе.

Поскольку некоторые члены ее являются сознательными субъектами и создают потому свое время, часть времени им подвластна [*подвластна?* - А. А.] в виде зависящих от них последовательности явлений. Остальная же часть времени остается принудительной для членов системы, ибо внешнее им навязывается, или же представляет результат внешней для каждого механической равнодействующей несогласованной их работы. Соответственно мы имеем для каждого члена системы **ВНУТРЕННЕЕ ИЛИ ПОДВЛАСТНОЕ ЕМУ И ВНЕШНЕЕ ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ**.

Можно проследить различие их для человека как живого элемента.

Для меня есть время, которое увлекает меня неудержимо и является мне как равнодействующая всех сил мира, действующая на земле и в солнечной системе. В

¹⁸⁹ Ср. нашу собственную постановку вопроса в разделе 1.1 настоящего тома, а также в ДСиСА – 1, разделы 6.5 и 6.6.

качестве такой равнодействующей время есть следствие независимых от меня сил и постольку оказывается для меня и других существ, находящихся в таких же условиях, ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ. Оно воспринимается мною и другими участниками этого взаимодействия как непреоборимая сила именно потому, что оно зависит не только от одной моей мощи, но от совокупности действующих в мире сил. В этом основание ОБЩНОСТИ ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СИСТЕМЫ, характерное его СВЕРХИНДИВИДУАЛЬНОЕ свойство.

Но рядом с этим есть ДРУГОЕ, ПОДВЛАСТНОЕ НАМ ВРЕМЯ. В сфере моего собственного действия я обладаю способностью выбора, Я МОГУ СОЗДАВАТЬ, СОГЛАСНО МОЕЙ ВОЛЕ, В ОГРАНИЧЕННОЙ ОБЛАСТИ, ИЗВЕСТНУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СОБЫТИЙ. Такая ВЛАСТЬ ИЗМЕНЯТЬ ОТНОШЕНИЯ ВЕЩЕЙ ДАЕТ МНЕ ГОСПОДСТВО И НАД ВРЕМЕНЕМ, ибо, согласно нашему определению, оно есть не что иное, как порядок этих отношений.

Время, отсюда возникающее, уже не извне мне навязывается, но является МОИМ СОБСТВЕННЫМ ВРЕМЕНЕМ, и, соответственно, находится в моих руках. Власть над временем дает мне также способность ВОСКРЕШЕНИЯ, повторяя какую-нибудь бывшую последовательность событий, я воскрешаю и бывшие явления. Расширение сферы этого подвластного мне явления и есть завладения БОЛЬШИМ КРУГОМ временности...

Ремарка: «...способность воскрешения...»

В своей «философии времени» В.Н. Муравьев во многом опирался на идеи русского философа Н.Ф. Федорова (создателя философии «общего дела», или учения о всеобщем воскрешении) и развивал эти идеи. (Июнь 2000).

...Различие двух времен можно лучше всего понять на следующем примере: поток внешнего, объективного, принудительного времени обозначается для меня движением стрелки часов на циферблате и отрывом каждый день листка на календаре. Эти условные движения обозначают движение Земли вокруг Солнца и суточное его [е? - А.А.] движение, процессы, протекающие объективно, вне моей власти. Такой характер этих процессов, вечное, как мне кажется, движение в одну сторону, выражается в необратимости календарных сроков и связанных с ними часов каждого дня. Календарь и часы служат поэтому символами определенной последовательности событий, мне неподвластных.

Но если я представляю себе другого рода последовательность событий, а именно, ОТ МЕНЯ ЗАВИСЯЩИХ, например, ряд моих собственных движений, которые я могу совершать и затем снова повторять, ЭТА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ БУДЕТ МНЕ ПОДВЛАСТНА В СМЫСЛЕ ВОЗНИКАЮЩЕГО В НЕЙ ВРЕМЕНИ. Если изобразить ее на календаре в часах, которые были бы так построены, что выражали каждое мое движение, - движение этого календаря и часов, очевидно, было бы НЕ ПРОСТО ПОСТУПАТЕЛЬНЫМ, но заключало бы в себе отходы назад, повторения, возобновления движений. Другими словами, они показывали бы СЛУЧАИ ОБРАЩЕНИЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ.

Также, ЕСЛИ Я ВЫПОЛНЯЮ РАБОТУ ВДВОЕ СКОРЕЕ, ЧЕМ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК, ЭТО МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ТАК, ЧТО Я СОЗДАЛ ИНОЕ ВРЕМЯ, ЧЕМ ОН.

При этом надо помнить, что действие мое встречает сопротивление, что оно ограничено условиями опыта, а также свойствами материалов, над которыми я провожу опыт. Это как раз то, что имеется в виду, когда мы говорим, что способность создавать время проявляется реально всегда в ограниченной сфере. Такая власть есть ВЛАСТЬ НАД НЕКОТОРЫМИ ГРУППАМИ ОТНОШЕНИЙ, ИЗОЛИРОВАННЫМИ ОТ ДРУГИХ. Я могу написать слово или не написать, - в этих рамках я властен, но властен я только относительно, поскольку я изолирую это движение от мирового детерминизма, его обуславливающего. (154-155; конец параграфа 4 главы 4).

Вкратце

Мы постарались здесь показать (путем композиции извлечений) общую логику рассмотрения В.Н. Муравьевым проблемы овладения временем, как более или менее сознательного изменения отношения вещей, а стало быть - преобразования мира.

В главе 5 автор переходит к анализу этой проблемы применительно уже не к отдельным (отдельно взятым) человеческим индивидам, а к их объединениям, в частности - «социально-историческим группам». «...Только через эти группы мы можем воздействовать на окружающее: преобразовывать мир и преодолевать его слепое время...» (168).

Обсуждается, «каким образом действие отдельной личности раскрывается как коллективный акт и каким образом эта личность приобретает то расширенное сознание, которое необходимо для перехода к большим системам в деле завоевания все БОльших и БОльших кругов времени» (169).

«...Обращение ряда индивидуальных актов к обуславливающему их общему основополагающему акту и осознанию ими такого общего их корня приводит к согласованию их и объединению в едином действии, - пишет В.Н.Муравьев. - Действия, творившие культуру индивидуально и разрозненно, каждое в своей замкнутой сфере и ради собственной цели, вливаются в русло общего дела, совершаемого объединенными деятелями...» (188; глава 6).

Последние две главы (6 и 7) посвящены проблемам организации культуры: «символической» (философия, наука, искусство) и «реальной» (генетика, возобновление личности, политика и мораль, производство и хозяйствование), в свете изложенной концепции овладения временем.

Заключение называется: «Борьба за жизнь против слепых сил природы». Это - апология ЖИЗНИ (противостоящей «слепым силам»), РАЗУМА («с его особым свойством побеждать время») и ДЕЛАНИЯ времени (ради утверждения «последнего высшего блага»).

«...Надо перестать надеяться на готовую вечность и начать ДЕЛАТЬ ВРЕМЯ. По всем признакам пора такой человеческой победы приближается. Слепое неразумное время корчится и трепещет в судорогах своих предсмертных убийств. А за ним грядет новое, исполненное совершенства разумное время - произведение будущей общемировой культуры» (230) - так завершается этот трактат, писанный в 1924 году.

<...> Для нас важно отметить единство мирового процесса времяобразования везде, где есть признаки жизни и постоянное, по мере роста сознания, преодоление случайного и слепого времени и замена его временем намеренным, разумным. Максимум такого преодоления должно дать и максимум жизни. (161).

(Муравьев В. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998)

Ремарка: человек и время - учение Муравьева и эксперимент Любищева

Разумеется, нашей композицией далеко не исчерпывается содержание цитированного труда. Здесь отметим лишь, что своим трактатом об овладении временем Муравьев во многом предвосхитил позднейшие анализы проблемы «человек и время».

Правда, обсуждавшегося выше ¹⁹⁰ жизненного эксперимента Любищева (о котором автор трактата, разумеется, не знал) Муравьев не «предвосхитил»: начало Любищевской системы «времяпользования» восходит еще к 1910-м годам.

¹⁹⁰ См.: ДСиСА – 1, раздел 6.5. См. также ниже: раздел 7.6.

Таким образом, теория (учение об «овладении временем») и опыт (ярчайший жизненный эксперимент такого рода) состоялись независимо друг от друга (хотя и примерно в одно и то же время и на одной историко-культурной «почве»).

Опыт сплошь и рядом опережает теорию. Теория же дает ключ к осмыслению опыта и стимул к дальнейшему его (опыта) развитию и воспроизведению («воскрешению»).

Но и не следует усматривать в системе жизнеорганизации Любищева простое подтверждение теоретическим построениям Муравьева. Последний, в середине 1920-х ставил вопрос о преодолении времени, как некоей «слепой» природной силы, о господстве над этой силой, о созидании или сотворении времени («времяобразующая деятельность» и т.п.). Любищев на эту тему, насколько мне известно, теоретически не высказывался - он «просто» подчинял свою жизнь велению своего разума и использовал отпущенное ему жизненное время максимально продуктивно.

В независимой от Муравьева постановке этого вопроса Граниным 50 лет спустя («Эта странная жизнь»), речь идет скорее об ответственности перед Временем, как некоей трансцендентной сущности (высшей силе?), о бережном, «благоговейном» к нему отношении (ср. с «благоговением перед жизнью» А. Швейцера). Овладение временем здесь осмысляется, пожалуй, как властвование человека над самим собой, или «самообладание» в потоке жизни - времени.

Другое дело, что такое жизнестроительство (жизнетворчество?) фактически оказывается также и овладением временем.

«Время есть другое название для жизни...» (В. Муравьев).

Наконец, в наших собственных подходах к этой проблеме (начало 1980-х)¹⁹¹ можно усмотреть переключки как с той, так и с другой трактовкой.¹⁹² (Июнь 2000).

7.5. НАУКА – ЖИЗНЬ – ЛИЦО. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ А.А. УХТОМСКОГО

[Ниже - еще одна композиция извлечений из писем и записных книжек А.А. Ухтомского. Отобранные здесь тексты посвящены в основном проблемам теории познания.

Фрагменты этой композиции озаглавлены мною. – А. А.]

= Из писем к Е.И. Бронштейн-Шур (1920-30-е гг.)

[В скобках указаны страницы по изданию: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973. - А. А.]

...Написав и отправив Вам письмо, я потом перебрал опять свои мысли и нашел, что написались они в письме отрывочно, эскизно, очерками, но все-таки довольно счастливо, ибо **сам для себя я их никогда не собрал бы** (выделено мною. – А.)...

...Отдыхаю за спешным чтением необходимого да вот за письмами, вроде настоящего, где собираю свои основные, руководящие мысли и итоги для друга...

¹⁹¹ См.: ДСиСА – 1, разделы 6.5 и 6.6, а также выше: раздел 1.1.

¹⁹² Современную постановку вопроса «человек и время» в работах психолога К. Абульхановой-Славской см.: ДСиСА – 6, глава 15.

Приключения «рассуждающего разума»

6.04.1927

<...> Новая натуралистическая наука, как она стала складываться в эпоху Леонардо да Винчи, Галилея и Коперника, начинала с того, что решила выйти из застывших в самодовольстве школьных теорий средневековья с тем, чтобы прислушаться к жизни и бытию независимо от интересов человека.

Дело шло или об иллюзии - создать «бездоминантную» науку, или об установке и культивировании новой трудной доминанты с решительной установкой центра внимания и тяготения на том, чем живет сама возлюбленная реальность, независимо от человеческих мыслей о ней.

И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...

Открылись уши, чтобы слышать, и только от того, что решились вынести из себя центр главенствующего интереса и перестать вращать мир вокруг себя. За эту решимость натуралист был вознагражден тем, что ИЗУЧАЯ САМОДОВЛЕЮЩИЕ ФАКТЫ МИРА, ОН НЕБЫВАЛО ОБОГАТИЛ СВОЮ МЫСЛЬ!

Теперь предстоит сделать и еще новый сдвиг. Нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности, поставить доминанту на живое ЛИЦО, В КАЖДОМ ОТДЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ ДАННОЕ НАМ В ЖИЗНИ ТОЛЬКО РАЗ, И НИКОГДА НЕ ПОВТОРИМОЕ, НИКЕМ НЕ ЗАМЕНИМОЕ. <...>

Иногда мне кажется, что сама ученая профессия порядочно искажает людей! В то время как натуралистическая наука сама по себе исполнена этим настроением широко открытых дверей к принятию возлюбленной реальности, как она есть, «профессионалы науки» обыкновенно люди гордые, самолюбивые, завистливые, претенциозные, - стало быть, по существу маленькие и индивидуалистически настроенные, - так легко впадают в солипсизм бедного Господина Голядкина, носящегося со своим Двойником.¹⁹³

Я УЖАСНО БОЮСЬ ДОКТРИН И ТЕОРИЙ И ТАК ХОТЕЛ БЫ ОБЕРЕЧЬ МОИХ ЛЮБИМЫХ ДРУЗЕЙ ОТ УВЛЕЧЕНИЯ ИМИ, ЧТОБЫ ПРЕКРАСНЫЕ ДУШИ НЕ ЗАМЫКАЛИ СЛУХА И СЕРДЦА К КОНКРЕТНОЙ ЖИЗНИ, И КОНКРЕТНЫМ ЛЮДЯМ, КАК ОНИ ЕСТЬ!

...Да и каждый из нас в отдельности может наблюдать на себе самом, что «рассуждающий разум» долго еще плетет свои силлогизмы и сети, не подмечая того, что в глубине нашего существа уже зародилась и назрела неожиданная новая сила, которая совсем по-новому предreshает события ближайшего будущего, и только ждет случайного толчка, чтобы всплыть и властно заявить о себе; «рассуждающий разум», застигнутый врасплох, сначала ужасно растеряется от неожиданного заявления властной доминанты, а потом постарается убедить себя, что в сущности он все это по-своему понимает и может предусмотреть! Такова уж его самомнительная профессия! Профессия замкнутого в себе теоретизирования! В действительности же слишком похоже на то, что эта властная доминантная жизнь имеет свой смысл и исторические резоны, так что интуиция сердца, предчувствие и т. п. могут замечать и предвидеть гораздо ранее и дальше, чем «рассуждение»! Так совесть предвидит и начинает предупреждать гораздо ранее, чем так

¹⁹³ О поставленной А.А. Ухтомским философской проблеме «Двойника» и «Заслуженного собеседника», соответственно - «доминанты на себя» и «доминанты на Лицо» см.: ДСиСА – 1, раздел 6.3.2.

называемое «здоровое рассуждение». Интуиция совести и «здоровое рассуждение» находятся между собой в таких же отношениях, как художник, пророк и поэт, с одной стороны, и спокойный, рассудительный мещанин, с другой!

К счастью для науки, она переполнена интуициями, как ей не хочется утверждать о себе, что она привилегированная сфера «исключительно рассуждающего разума». Вот ведь, даже в алгебре обнаружены теперь вкравшиеся туда интуиции, не говоря уж о геометрии и о прочей натуралистической науке. И это все к счастью, ибо вначале замкнутый на себя «рассуждающий разум» давно бы задохся, а наука перестала бы жить. Поле науки оплодотворяется интуициями, властно вторгающимися в сети «чистой доктрины», и они оказываются мудрее и прозорливее «чистой доктрины», ибо они складываются самую реальную жизнь, **А ЖИЗНЬ И ИСТОРИЯ МУДРЕЕ НАШИХ НАИЛУЧШИХ РАССУЖДЕНИЙ О НИХ.** <...> (387-388).¹⁹⁴

Дилемма общего и индивидуального в науке

30.04.1927

<...> Пока не сделано решающего шага, чтобы перешагнуть через границы к другим людям, как самодовлеющим и ничем не заменимым ЛИЦАМ, которые появляются В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ОДНАЖДЫ, ЧТОБЫ НИКОГДА, НИКОГДА НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ, не сделано еще ничего!

Это исключительно трудно, тут труднейшая из задач человечества. Но все равно, это необходимо. И тем лучше, что трудно, - значит, в особенности достойно человека, бесконечно прекрасного и удивительного существа!..

Когда-то на досуге, в 1919 или 1920 году, это ясно сформулировалось для меня при чтении Огюста Конта: он помог мне тем, что доводил и обострял мысли и понятия до последней четкости. Тогда в Университете не было почти никакой работы, я подолгу мог думать и читать, перемежая чтение и писание варкой пищи и мытьем посуды, во время которых продолжал думать. По плите ползли жалкие и истощенные тараканы и по-своему подкрепляли текущие размышления... Так вот, Огюст Конт с совершенной четкостью высказывает и защищает следующий тезис: **ИСТИННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ ДЛЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ ОБЛАДАЮТ ТОЛЬКО РОД, ИЛИ ВИД, НО НЕ ИНДИВИДУУМ.** В самом деле, кому интересна всерьез вот эта индивидуальная бабочка, эта индивидуальная кошка, этот индивидуальный, такой жалкий и истощенный, сейчас ползущий по плите таракан? Интересен и важен «таракан» как вид, «кошка» и «бабочка» как животные роды и виды! Мы берем индивидуального таракана, индивидуальную кошку или бабочку для того, чтобы рассекая их тело, раздражая их нервы, постичь *modus vivendi* всего существующего вида, рода и класса бытия.

Бытием в собственном смысле обладает для нас вид, род и класс, но не ЭТОТ, никому сам по себе не интересный таракан, кот или кокон!¹⁹⁵

...Вот отсюда всего один шаг, и мы приходим с логической последовательностью к признанию: бытием в истинном смысле слова обладает не этот человек, который вот сейчас сидит на концерте, или умирает в больнице, или едет из лесу с дровами, или влюблен, или трудится над научной проблемой, или торопится со службы домой, или задумывает дипломатический шаг, или обманывает своего приятеля, - истинным бытием обладает лишь **ЧЕЛОВЕК ВООБЩЕ, homo sapiens**, или, в лучшем случае, **КЛАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, homo aeconomicus!** И отсюда также понятно и правомерно, что мы берем вот этого человека, который сейчас перед нами, для того, чтобы на нем изучать единственно

¹⁹⁴ Настоящее извлечение из писем А. Ухтомского см. также (частично): ДСиСА - 4, раздел П.23.1.

¹⁹⁵ Ср. с воспоминанием Альберта Швейцера о дне 13 сентября 1915 г.: «... когда мы на закате солнца (на реке Огове. - А.А.) проплывали прямо через стадо бегемотов, встали вдруг передо мной слова «благоговение перед жизнью»...».

заслуживающее интереса: «человека вообще», или «классового, экономического человека» или «национального человека», т. е. то, что сколько-нибудь заслуживает на себе наклейки научного ярлыка! И, вместе с тем, с тем же хладнокровием и чувством своего права, с которыми мы приступаем к экспериментам на бабочке и кошке, мы будем теперь третировать ЭТОГО человека, который сейчас перед нами (например, Анну Николаевну Ухтомскую), чтобы постигнуть и, по нашему убеждению, улучшить жизнь «человека вообще», или «классового человека», или «национального человека».

...Тут повторение и отрывок старого схоластического спора средних веков, между так называемыми «реалистами» и «номиналистами») две главенствующие школы логиков в конце средневековья). Спор был о том, принимать ли общие категории и понятия за РЕАЛЬНОСТИ или только за ИМЕНА. Для одних общие понятия, вроде «причина», «цель», «число», «время», «felix leo», «homo sapiens» - были подлинными реальностями, тогда как для других это были не более как слова (имена - «nomina»), а подлинная реальность принадлежала конкретным причинам смерти конкретного человека N, или конкретной цели поступка NN,, или конкретному дню 16 марта 1593 года, или вот ЭТОМУ льву, который сейчас спрячется за кактусами в совершенно определенном пункте Африки, или вот ЭТОМУ человеку, что сейчас ложится спать, снимая башмак, и думает, что ему завтра делать. Для школы «реалистов» и день 16 марта 1593 года, и конкретный лев, и конкретное человеческое лицо - все ЭФЕМЕРНОСТИ, в сущности почти не существующие по сравнению незыблемыми понятиями «причина», «время», «лев», «человек вообще». Для школы номиналистов действительно существуют только конкретные, текущие вещи, события и люди, а отвлеченные понятия - одни слова и эфемериды!

Говорить нечего, что реалисты должны были восторжествовать в средние века: их взгляды слишком соответствовали духу, царившему в холодных каменных стенах католических ученых аббатств. Клод из «Собора Парижской богородицы» именно в реализме черпал оправдание тому, чтобы пожертвовать эфемеридой - цыганской девушкой - ради торжества своего мировоззрения. Великий инквизитор своими иссохшими старческими руками давал благословение на кровавые казни над живыми, дышащими жизнерадостными людьми тоже во имя «реализма».

Но вот и интимный друг Сен-Симона, тонкий мыслитель, основатель «позитивной философии», Огюст Конт даст «научно обоснованное» благословение на то, чтобы считать конкретное, живое существо (все равно - человеческое, или львиное, или бабочкино) за эфемерности, которым всегда можно пожертвовать ради «le Grand Etre», за которым мыслится ЧЕЛОВЕЧЕСТВО! Да ведь совершенно ясно, что это тот же Клод, тот же Инквизитор, тот же распинатель живого конкретного праведника, во имя и во славу своей излюбленной теории, которая его ослепила и оглушила, так что он не может уже узнать Сократа, Спинозу, исключительно ценное человеческое лицо, когда оно реально придет!

Совершенно очевидно, что если человек не будет открыт к КАЖДОМУ встречному человеческому лицу с готовностью УВИДЕТЬ И ОЦЕНИТЬ ЕГО ЛИЧНОЕ ПРЕКРАСНОЕ, С ЧЕМ ОН ПРИШЕЛ В МИР, ЧТОБЫ ПОБЫТЬ В МИРЕ И ВНЕСТИ В МИР НЕЧТО, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЕМУ ПРИСУЩЕЕ, - такой человек не сможет УЗНАТЬ И СОКРАТА, И СПИНОЗУ, КОГДА ОНИ РЕАЛЬНО К НЕМУ ПРИБЛИЗИТСЯ. Такой человек-«реалист», приписывающий реальность и значимость только своим мыслям, будет наказан тем, что пропустит мимо себя, как «эфемерность и Сократа, и Спинозу, и самое прекрасное, что может вместить мир!

...Своя теория, свое понимание, своя абстракция ему дороже, чем встречные люди в их конкретной реальности. Циркуль все по-прежнему продолжает опираться на СВОЕ персональное понимание, а мир и люди продолжают представляться вращающимися около МОЕГО понимания!

На самом деле и «номиналисты», признававшие реальным только конкретное, и «реалисты», признававшие и признающие реальным и значимым только общее и родовое, - были односторонни и неправы в своих спорах. Им не выбраться было из затеянного спора, потому что они, в своих крайностях, ПРЕДПОЛАГАЛИ ДРУГ ДРУГА. Ведь «общее» предполагает «конкретное» как свою частность, а «конкретное» предполагает тотчас и «общее». Типическая картина: два смертельных врага, антипода, не могущие, однако, жить друг без друга! Один утверждает с яростью свое только потому, что не в силах освободиться от тайной органической связи с антиподом.

...Я понял то, что понятно было уже древним: В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РЕАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И БЫТИЕМ ОБЛАДАЕТ И ОБЩЕЕ, НАСКОЛЬКО НАМ УДАЕТСЯ ЕГО ОТКРЫТЬ, И ЧАСТНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ, НАСКОЛЬКО ОНО ДАЕТСЯ НАМ В НАГЛЯДНОСТИ ЕЖЕДНЕВНО И ЕЖЕМИНУТНО. Реально и то, что ежедневно солнце освещает нам новый день, так же, как вчера и сто лет тому назад: реально и то, что 24 апреля 1927 г. было, чтобы никогда не повториться в мировой истории!.. Живою, неизгладимой реальностью обладает и общая категория, и род, и вид, и человеческое общество, но также и индивидуальное, частное, мгновенное. Но для того, чтобы признать это со всей отчетливостью, необходимо, чтобы индивидуальное перестало быть только соотносительным и уравнивающим понятием в отношении общего и родового, — необходимо заменить отвлеченное понятие «индивидуальности», как чего-то расплывчато-теряющегося в общем, живым понятием ЛИЦА.. <...> (394-397).¹⁹⁶

Категория «лица»

30.04.1927

<...> Тем самым вносится в наше мышление совершенно новая категория – «категория лица», которая обыкновенно игнорируется в системах логики в теориях познания и в философских системах, - потому что громадное большинство этих систем написано индивидуалистически мыслящими людьми с самоупором на себя! А Вы понимаете, что мысль и жизнь с самоупором на лицо другого это уже не философия, не самоуспокоенная кабинетная система, а сама волнующаяся, живая жизнь, «радующаяся радостями другого и болеющая болезнями другого»!

НИ ОБЩЕЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСТАВЛЕНО ВЫШЕ ЛИЦА, ИБО ТОЛЬКО ИЗ ЛИЦ И РАДИ ЛИЦ СУЩЕСТВУЕТ; НИ ЛИЦО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНО ОБЩЕМУ И СОЦИАЛЬНОМУ, ИБО ЛИЦОМ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ ПОИСТИНЕ ПОСТОЛЬКУ, ПОСКОЛЬКУ ОТДАЕТСЯ ДРУГИМ ЛИЦАМ И ИХ ОБЩЕСТВУ.

«Общее» и «частно-индивидуальное» старинной логики превращается в живые и переполненные конкретным содержанием «общество» и «лицо». И если там, у старых

¹⁹⁶ Последний абзац см. также: ДСиСА – 1, в начале книги - «Три эпитафия».

логиков, возможен бесконечный спор, кому приписать истинную реальность (общему или индивидуальному), то здесь ясно, что и вопроса такого быть не может: одинаково бьет жизнью и содержательностью и общество, и лицо. <...> (397-398).¹⁹⁷

24.05.1927

<...> Категория лица должна быть принята в качестве вполне самостоятельного и исключительного фактора опыта и жизни наравне с такими категориями: как "причина", "бытие", "единство", "множество", "цель" и т.д. И мое убеждение в том, что человеческая деятельность, культура, исторический подвиг являются поистине "звенящей медью и бряцающим кимвалом", пока человек не внес в свой обиход категорию лица, пока доминанта его не поставлена решительно на лицо вне его <...>

Рационализм должен уступить свое хорошо насиженное место диалектике

15.08.1928

<...> Наука, как ее стали потом понимать все профессионалы (что может быть скучнее профессионалов?), это уже не только учет возможных противоречий, как было в платоновских «Диалогах», но попытка выявить, что, - после всех возражений, - может быть признано за однозначно-определенную истину.

Однозначно-определенная истина - это то, ЧТО МЫСЛИТСЯ БЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ. Сравнительно легко было признать без противоречий, что существуют собаки, кошки, львы, сосны, пальмы и проч. Возникла аристотелевская «естественная наука», соответствующая нашим «систематикам» в ботанике и зоологии. Но уже бесконечно труднее было сговориться о силах и законах, владеющих событиями. Возникли попытки построить «геометрию без противоречий», «физику без противоречий», наконец, «метафизику без противоречий». Схоласты стали рисовать себе науку как совершенно безличную, однозначную, категорическую в своих утверждениях, чудесную и исключительную систему мыслей, которая настолько СВЕРХЧЕЛОВЕЧНА, что уже и не нуждается более в собеседнике и не заинтересована в том, слушает ли ее кто-нибудь. ЭТО ПРИШЕЛ ПРЕСЛОВУТЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ! Рационализм обожествил науку, сделал из нее фантом сверхчеловеческого знания.

Профессиональная толпа профессоров, доцентов, академиков, адъюнктов и т. п. «жрецов науки» и по сей час живут этим фантомом и тем более, чем более они «учены» и потеряли способность самостоятельно мыслить! Засушенные старые понятия они предпочитают живой, подвижной мысли именно потому, что там, где вместо живой и подвижной мысли взяты раз навсегда засушенные препараты мыслей, их легче расположить раз навсегда в определенные ящички. Вместо живого поля - гербарий! Оно спокойней и привычней для рационалиста и рационализма! «De l'homme a la Science» [*«от человека к науке» - фр. - А. А.*] – характерно озаглавил свою книгу по теории естествознания один из правоверных представителей современного рационализма Ле Дантек. «La Science» это, видите ли, уже не «l'homme» - это что-то неприкосновенное для человека! Для этих самодовольных людей, которыми переполнены наши кафедры, было чрезвычайным скандалом, когда оказывалось, что систем геометрии без противоречия может быть многое множество, кроме общепринятой евклидовой; и систем физики может быть множество, кроме ньютоновской. А это значило, что «однажды навсегда построенная система истин» есть не более, как претенциозное суеверие; а рационализм снова должен уступить свое, так хорошо насиженное место ДИАЛЕКТИКЕ. Великое приобретение нового мышления в том понимании, что «СИСТЕМ ЗНАНИЯ» может быть МНОГОЕ МНОЖЕСТВО, развиваются они, как и все на земле, исторически и в истории

¹⁹⁷ Настоящее извлечение из писем А. Ухтомского см. также: ДСиСА – 1, в начале книги - «Три эпиграфа».

имеют свое условное оправдание, но ЛОГИЧЕСКИ РАВНОПРАВНЫ. ПО-ПРЕЖНЕМУ. ЗА НИМИ СТОИТ ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК, СО СВОИМИ РЕАЛЬНЫМИ ГОРЯМИ И ЖАЖДОЙ СОБЕСЕДНИКА. <...> (417-418).

О времени как факторе событий

10.07.1935

<...> На этих днях мне минуло 60 лет. Вот уже на один год пережил я своего отца. По этому поводу скажу нечто о времени и его значении как фактора событий, как маленьких, так и больших, в организме и в жизни человека в целом.

Весь секрет торможения в строго физиологическом значении этого понятия в том, что за ним кроется МГНОВЕННЫЙ механизм (не пребывающий, а лишь повторяющийся в последующие новые и новые мгновения), складывающийся в тканях вновь и вновь в МОМЕНТЫ ВСТРЕЧИ ИМПУЛЬСОВ с тем, чтобы тотчас прекратиться до новой точно такой же встречной комбинации. А люди путают себя тем, что стараются понять его из постоянного механизма стационарной невозможности возбуждения, например, вследствие чрезмерных сопротивлений, растраты потенциалов, декремента или даже поломки прибора и т. п. Так мало привыкла наша мысль оперировать со временем, как с фактором вполне самостоятельного значения в мире реальных событий.

Исподняя сторона господствующей путаницы в трактовке торможения, на Западе И У НАС, кроется именно в этой вкоренившейся непривычке считаться с фактором времени сколько-нибудь более конкретно и значительно, чем с простою порядковой координатой t.

Много проблем философского содержания возникло оттого только, что люди пытались характеризовать вещи и самих себя в постоянных чертах, независимо от времени.

Вот, например, проблема: может ли человек все знать и понимать, или для этого есть некоторые обязательные границы? Как известно, тут есть, с одной стороны, «агностики», столь уверенные в своей правоте, что готовы драться со своими противниками. С другой стороны, есть уверенные в принципиальной безграничности своего понимания и знаний «фротные фельдшера» и «волостные писари», которые служили предметом довольно скорбных размышлений для умных людей от Сократа до Салтыкова-Щедрина.

Фактически наблюдаем и знаем мы из вседневного опыта вот что: «Лишь под старость начинает быть понятным для нас наше детское». Лишь после того, как долго поживешь на свете, начинаешь несколько понимать свои собственные мотивы и поступки прошлого. Так вот что тут особенно замечательно: принципиально все можем знать, и понимание может расти безгранично; но как раз в тот момент, когда нужно вполне срочно внести в жизнь свое очередное разумное действие, тут-то и не оказывается достаточного проникновения и восприимчивости для того, чтобы адекватно вникнуть в ответственное значение момента и в последствия того, что сейчас совершается. Начинаем понимать более или менее серьезно лишь *post factum* то, что прошло, и в то самое время, когда самоудовлетворяемся в мысли, что прошлое-то, наконец, поняли, незаметно для себя переживаем новое настоящее, которое и сейчас, как недавно, переживается нами в своей наибольшей части бессознательно с тем, чтобы по своему смыслу открыться лишь в будущем! Постоянно учась понимать заново, человек постоянно вновь и вновь входит в новое настоящее мгновение, роковые последствия которого откроются опять-таки лишь в более или менее отдаленном будущем. Вот это замечательное и постоянное ЗАПОЗДАНИЕ ПОНИМАНИЯ относительно момента, когда оно НУЖНО В ОСОБЕННОСТИ, и есть один из типичных ежедневных факторов нашего аппарата знания. Время, как вполне самостоятельный фактор, сказывается здесь в особенности. А вместе с тем открывается вся острота того, как и в какую сторону должно воспитывать свое внимание и чуткость наряду со знаниями отвлеченно-научного характера. Только

постоянным самовоспитанием и упражнением внимания и внимательности к людям, и к среде вообще, можно достигнуть той **ВЫСОКОЙ ПОДВИЖНОСТИ И ЧУТКОСТИ РЕЦЕПЦИИ**, которая необходима для бдительного понимания каждого текущего момента, каждого вновь встречаемого человека и момента жизни. Очень мало, вообще говоря, людей, достигших такого понимания и вытекающих из такого живого понимания момента, - так же и того, что из него и затем должно быть впереди. **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ КОНКРЕТНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЕСТЬ ВСЕГДА И ПРЕДВИДЕНИЕ ТОГО, ЧТО ИЗ ЭТОЙ КОНКРЕТНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНО БЫТЬ В БУДУЩЕМ.** [Выделено мною. - А. А.]. Вот такое конкретное предвидение столь же редкий дар и достижение, как и подлинное и проникающее понимание текущего момента. Нам не так трудно даются отвлеченные предвидения вроде того, что за апрелем должен последовать май, за вечером - солнечный закат и ночь, при определенных сочетаниях луны и земли относительно солнца - солнечное затемнение и т. д. Но ведь это совсем не то, что требуется для конкретного понимания, что нужно сейчас сделать в воспитании Вашего мальчика для того, чтобы было хорошо для него и для всех в будущем. Совсем точное чувство текущего момента, действительное использование того, что он мог бы Вам дать, и помощь осуществить в нем то, что действительно хорошо и ценно для будущего, - это очень редкий дар, или очень трудное достижение. <...> (433-435)

(Ухтомский А.А. Письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973)¹⁹⁸

= Из записных книжек (1920-30-е гг.)

Субъект и объект

<...> Безобразная абстракция - это та, которая безудержно замещает собою всю действительность, обедняя последнюю до пределов. Такою безобразною абстракцией является допущение, будто вся действительность состоит в конце концов из двух лишь предметов: СУБЪЕКТА и ОБЪЕКТА! Вот этою безобразною абстракцией путает себя вся европейская «философия». Если исходить из нее, то возможны лишь две установки: или объект перестраивается по субъекту, или субъект перестраивается по объекту. Такая установка является наиболее **ВЫРАЖЕННЫМ СУБЪЕКТИВИЗМОМ**, какой только мыслим в мире!

(Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000, с. 191-192; запись относится к началу 1920-х гг.)

Собеседование Теории с Реальностью

<...> Обаяние логически законченных теорий без внутреннего противоречия в сущности давно миновало. <...>

Та реальная сила новой истории, которую мы называем наукой в современном нашем смысле, чужда рационализму и рационалистическим вождениям с самых первых своих истоков в эпоху Возрождения, чужда так же, как Леонардо да Винчи чужд схоластам средневековой Сорбонны. По сравнению с древним и средневековым

¹⁹⁸ Цитированные здесь письма А.А.Ухтомского см. также в: Ухтомский. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб: Петербургский писатель, 1996.

См. на эти темы также письма Ухтомского к Ф.Г.Гинзбург того же времени. Первая публикация: в журнале «Звезда» (1998, N 2). Более полная публикация в: Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.

рационалистическим «ведением» <...> сдвинулся сам искомый идеал познания. Акцент ставится не на тонко разработанное «учение без противоречий» <...>, а на самоотверженное распознавание конкретной, повседневной реальности, как она есть. Не так, как мне хочется, чтобы она была, а так, как она есть сама для себя. Отныне не реальность вращается и тяготеет около моего законодательствующего «рацио», но мой «рацио», если он хочет быть в самом деле разумным, вращается и тяготеет около реальности и ее законов, каковы они есть, независимо от моих пожеланий. На место того древнего спорщика, с которым препирался Платон в своих «Диалогах», становится сама реальность, поскольку она непрестанно ограничивает вожделения моей теории. Теория постоянно силится расползтись в универсальное учение, а факты реальности всегда вновь и вновь встают передо ней, как новые границы и новые поучения. Теория утверждает: «Вот как оно по-моему должно быть». А реальность возражает: «А вот, как оно есть!»

И вот что замечательно. Для новой науки этот беспрестанный и нигде не избегаемый спорщик уже не слепой и ненавистный, <...> всего лишь портящий ту форму, которую тщетно пытается накинуть на него художественный замысел писателя и мыслителя, - беззаконная и темная материя, непрестанно вырывающаяся из тех прекрасных законов, которым ищет подчинить ее творческий «рацио»! Нет, для Леонардо да Винчи и Галилея это любимая реальность, к которой их «рацио» относится как влюбленный жених, считая за счастье различить и понять ее собственные самобытные черты, и у нее же почерпнуть те законы, которыми она живет. Ибо новый «рацио» знает, что ее законы - это законы и для него, и без ее законов он сам для себя со всеми своими вожделениями расплывается в неопределенность и пустоту! И отныне «рацио» уже не навязывает реальности свою логику, но хочет постигнуть логику реальности, т. е. у реальности научиться ее логике!

Отсюда совсем другой критерий истины, другой и критерий для ценности самой науки: для нас это уже не самодовлеющее академическое учение, самоудовлетворенное в своем Олимпе, а СПОСОБНОСТЬ ПРЕДВИДЕТЬ то, что даст нам реальность, правда то, что совпадает с действительностью. Истинна для нас лишь та научная теория, которая в своих предвидениях и ожиданиях соответствует действительности. Если этого совпадения с действительностью нет, мы отбрасываем свою теорию, как бы красива и заманчива она нам ни казалась.

Новый ученый всегда отступает, если действительность возражает против его предвидений конкретными фактами. Он говорит себе смиренно: «Значит, я ошибался, и теория, как ни разумна, была не верна!». И он учится у фактов строить новую теорию, более близкую к фактам. Из этого прекрасного Собеседования, с одной стороны неизбежно теоретизирующего ученого и, с другой, - всегда обновляющейся реальности родится в своем изобилии новая наука, полная неожиданностей и все новой содержательности... <...>

(Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997, с. 194-196; запись относится к 1930-м гг.).¹⁹⁹

Рационализм без «Лица»

<...> Систематический рационализм неизбежно превращает среду в которой он оперирует, в МЕРТВУЮ МАТЕРИЮ (чтобы оперировать в ней принципиально без ограничений), а себя самого в **автократическое самоудовлетворение солипсизма** (чтобы принципиально ничем внешним себя не ограничивать). Рационализм принципиально убивает среду, чтобы расчистить себе дорогу. А сам превращается в чистый солипсизм, ибо его «дальний», с которым он беседует на бесконечном расстоянии, растаял как облачко, а его случайный «ближний», заявляющий о себе в конце концов

¹⁹⁹ Настоящее извлечение из «записных книжек» А. Ухтомского см. также: ДСиСА - 4, раздел П.23.1.

только досадным непониманием, тем самым превращается в элемент среды, т. е. принципиально в кусок все той же мертвой материи, с которой надо оперировать sans gkne.

Само собою, в мышлении рационалиста совершенно нет категории «лица», ибо у него, собственно, нет и собеседника. Если по старой памяти он употребляет это слово «лицо», то лишь как «нерациональное», «житейское» понятие, в виде уступки нерациональной повседневности. Учитывание человеческого лица в практике жизни ничем для его понимания не отличается от «лицемерия». В сущности, он всегда его осуждает и должен осуждать, будучи последовательным. В чем дело? Конец «лица», когда все — сплошная материя, подлежащая обработке? Затем рационалист вполне естественно всегда более или менее доволен своим умом и никогда не доволен своим положением. Как не быть довольным своим умом, если зацепиться более не за что? И естественно думать, что все было бы прекрасно, если бы не слепое сопротивление среды с ее инертностью и с теми нерациональными существами, которых приходится принимать, по аналогии, тоже «за людей». Этим последним приходится принимать так или иначе в расчет, потому что это, пожалуй, самые досадные, наиболее увертливые в своем сопротивлении рациональной обработке элементы среды! Великий и достойный труд, который сознает для себя рационализм, — всю эту среду и копошащихся в ней людей завоевать, подчинить себе, рационализировать! Великий труд, великое задание! Хватит ли для этого истории?

Подавленный множеством неожиданностей, которые преподносит среда и которые все вновь и вновь надо рационализировать по аналогии «тоже за людей», рационалист страждет в своем солипсизме. Но он непреклонен как рок, как логика, и его поддерживает благородная гордость самосознания, что страждет он от неуклонности на своем ясном пути.

«Ни кривизна улиц, ни великое множество закоулков, ни разбросанность обывательских хижин — ничто не остановило его. Ему было ясно одно: что перед глазами его дремучий лес и что следует с этим лесом распорядиться. Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюм-Бурчеев на минуту вперял в нее недоумевающий взор, но тотчас же выходил из оцепенения и молча делал жест вперед, как бы проектируя прямую линию» (Салтыков-Щедрин. История одного города). <...>

Но положение рационалиста остается все же бесконечно трагичным! «Дальний», к которому обращены его речи, всегда выдуман. Потому и обращение к нему, в писательстве ли, в рационалистически настроенной науке, или в рационалистической философии, — всегда переполнено выдумками. Рационалистические мысли не прорывают границ человеческого **одиочества** и не приобретают выхода к реальному живому собеседнику; они солипсичны на самой точке своего отправления. Порочный круг, в котором стоят с самого начала люди без ближнего, делает невозможным объективное признание лица в другом. Признают объективное существование за геометрической точкой, за атомами, за вещами, — за чем угодно, только не за объективными лицами приходящих близких. Дальний выдуманный допускается потому, что он легко предвидим, ибо это ты сам, объективированный в кого-то вдаль. Ближние отклоняются потому, что мешают тебе, как писателю и ученому, заниматься этим объективированием себя, как в зеркальном изображении, в далеком дальнем. И реальнейший ближний, с которым сталкивает жизнь, теряет значение самодовлеющего, отчетливого лица, ибо ведь, если признать его, то пришлось бы отложить свои благородные выдумки и заняться всецело им, объективным лицом! Чтобы такого пассажи не происходило, бедный человек убеждает сам себя и доказывает ex cathedra, что может понять других только как вещи и механизмы, но не как лица. И все для того и от того, что с ближним чрезмерно трудно, с дальним — легче, ибо, естественно, легче быть с самим собою и своими абстракциями. <...>

(А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, с. 198-200).²⁰⁰

= Из «Заметок на полях книг»

[В скобках указаны страницы по изданию: Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. Датировка текстов там отсутствует. – А. А.]

Еще о рационализме

<...> Рационализм несет в себе порок индивидуалистического самоупора: cogito ergo sum [Я мыслю, следовательно, я существую. - лат. - А. А.]. Все прочее для него «среда» для упражнений sans gene [без стеснения, бесцеремонно. - фр. - А. А.]. В эту СРЕДУ ДЛЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ входит и народ, и природа, и вообще все бытие за исключением самого оперирующего. Рационалистический социализм силится создать сверхиндивидуальную общую жизнь имманентными силами того же рационалистического индивидуума, т. е. заранее ловя свою тень и всевозможную задачу: прекратить СИМПТОМЫ ПОРОКА, не посягая на основной КОРЕНЬ ПОРОКА внутри деятеля. <...> (396)

<...> Зараза «рациональной» теории! Она начинается там, где подумали, что исчерпали своею схемою действительность и интуицию. Получается ужас: пробуют «рационализировать» непонятное и ранее всякой попытки, что берут за объект своих операций. <...> (397)

О цельном человеческом знании

<...> Разумеется, «нищета философии» обнаруживается для всякого ЦЕЛЬНОГО, ПРАКТИЧЕСКОГО духа, - для <...> того, кто прежде всего любит жизнь, для всякого человеколюбца.

Теоретически, с точки зрения «чистого разума», философия так же нища, как и все теоретическое знание. Если «methode foi» {...} [метод веры. - фр. А.А.] - нечто злое, то «methode rationaliste» [рационалистический метод. - фр. А.А.] - нечто нищее. ЦЕЛЬНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ, - ТО, КОТОРОЕ ДАЕТ СМЫСЛ И СЧАСТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, БУДЕТ ВСЕГДА И НРАВСТВЕННО, И ЭМОЦИОНАЛЬНО, И ВПОЛНЕ ДЕМОКРАТИЧНО. Оно было охарактеризовано тем, что оно «открыто младенцам», хотя оно часто закрыто для «премудрых и разумных». Идол «теоретического знания» был все тем же идиолом, закрывающим жизнь от людей, от которого предостерегали уже древние человеколюбцы: «Дети, хранитесь от идолов!»

И если философия Сократа, Платона, Аристотеля не была нища, а принесла истории «плод многи», тогда как наш автор с недоумением обходит ее в своем позитивистическом образце, то именно от того, что та философия подошла к жизни и к любви к ней в целом; АВТОР ЖЕ НАШ, ТАК БОРЮЩИЙСЯ ПРОТИВ ИДОЛОВ, САМ ОКАЗАЛСЯ В ДАННОМ СЛУЧАЕ ЖЕРТВОЙ ИДОЛА «ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ». <...> (410).

О субъекте, даре слова и Истине

²⁰⁰ Настоящее извлечение из «записных книжек» А. Ухтомского см. также: ДСиСА - 4, раздел П.23.1.

<...> В человеке его сложнейшая нервная система привела к наибольшему развитию «субъекта», т.е. к замкнутой индивидуальности. Но она же привела к развитию «дара слова», т.е. к средству наиболее универсального соединения и единения в жизни и действии! Отсюда дается возможность коллективным умом многих, или всех! Впервые является идея об Истине, как о том, как выскажется о действительности макросубъект. «Истина это слово макросубъекта!» Последнее слово последнего, пожинающего все плоды мысли и опытов, подсчитывающего все итоги макросубъекта!

И Истина в последнем своем выражении рисуется уже выше всякого слова, выше возможности дальнейшего обсуждения, она уже не принадлежит никакому субъекту, который бы стал передавать ее другому для нового взвешивания. И, в то же время, она должна жить не иначе, как в Слове! <...> (417).

(Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997)

= Из «Заметок на полях книг»

[В скобках указаны страницы по изданию: Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000.

Датировка текстов там отсутствует. - А. А.]

<...> Первичность динамического над статистически предметным. Так и сокол еще замечает вещь в движении, но не видит ее, стоящую на месте. <...> (202).

<...> Непосредственно дан нам ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ, но не ощущение. Ощущение же - ИСКУССТВЕННЫЙ ПРОДУКТ АНАЛИТИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ. (203).

<...> Вот это ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ВОПРОС ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: МОЖНО ЛИ ИСКЛЮЧИТЬ ВРЕМЯ КАК ТАКОВОЕ ИЗ ОПИСАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ? (204).

<...> Принцип «материалистической диалектики» приводит к неременной мысли, что материализм и идеализм представляют собой единство и до такой степени, что один без другого и быть не может. Это значит, что они переходят непосредственно и обязательно друг в друга. Заговорив об одном, вызывают тем самым к жизни и другого! (204).

<...> Точка зрения идеализма может быть немедленно исправлена, если вместо предложения «мир (среда) есть МОЕ представление», мы скажем: «мир есть МОЯ среда, т. е. та, на которую я реагирую». Очевидно, что оба предложения по содержанию являются почти тождественными. Общий же смысл во втором предложении становится не таким претенциозным, как в первом: мир не есть уже пассивная функция моего ума и воображения, но СОДЕРЖАНИЕ ВСЯКОЙ МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Мир существует для организма, конечно лишь настолько, насколько этот последний на него реагирует. (204).

<...> Действительное познание есть ПОЗНАНИЕ ВСЯКОГО ОПЫТА, независимо от того, душевный или телесный, «сверхчувственный» или «чувственный»... (205).

<...> Что такое «научная истина»? ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ОЖИДАНИЕ, ОПРАВДАВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ. Чисто теоретическая работа есть развитие предположение до его последних следствий без вопроса о том, «истинно ли само предположение или нет». Такова математика. (208).

<...> Жизнь - асимметрия, постоянное движение на острие меча. (231)

<...> Мир создан самим воспринимающим его! Мир воспринимается так, как мы его заслужили! (233)

<...> Истина сначала созерцается как факт, а уж потом препарируется в аргументы и доказательства - ради возможности передачи ее другу! Препарирование же в аргументы и доказательства есть лишь выяснение СВЯЗИ данной истины - как оказавшегося возможным факта восприятия - с прочим полем и данными сознания! Поскольку эти прочие данные общеизвестны и представляются ясными для слушателя и поскольку связь с ними нового, обосновываемого восприятия истины оказывается простою и естественною, новая истина является «доказанной», прочно обоснованной и словесно переданной другу!

В общем же все это «доказательство» сводится на выявление в слове уже данной органической связи между отдельными частями поля сознания! (234)

<...> ...Не среда есть аргумент развития и жизни человеческого духа! А если среда, то не физиологическая, а общественная! И не хозяйственно-общественная, а духовно-общественная! (245)

<...> Надо преодолеть себя, стать выше себя! Иначе и саму истину будешь низводить до себя, строить ее по себе, и тогда уже не будет выхода из порочного круга самоутверждения. (253).

<...> Люди не столько велики тем, что «переделывают мир», сколько тем, что открывают новые области истины, в мире до сих пор не известные. (254)

<...> Человек - ответственный культиватор природы, возделыватель мира и своей собственной природы. (254)

<...> Всякий «интегральный образ» есть ожидание. И это, конечно, в особенности для таких образов, как человеческое лицо и сообщество. (256).

<...> Одинаково правильных и логически равноправных систем опыта может быть столько же, сколько установок опыта! На самом деле реальным законам бытия нужно учиться у самого бытия. Войдя в опыт каждого отдельного существа, можно раскрыть его рациональную закономерность и правильность с точки зрения его установки. Каждый для себя и для своего опыта имеет основания считать свою систему правильной: физиолог - для себя, богослов - для себя, палеонтолог - для себя и т. д. Действительно многоликое «цельное знание» должно принять в расчет и понять их всех, передумать всех, войти во всех имманентно, чтобы иметь действительный синтез единого знания - единого существа «человек». (260).

<...> «Закон связи» таков, что если истина ФОРМАЛЬНА, она категорична и аподиктична. Но если она СОДЕРЖАТЕЛЬНА, то она всегда имеет в себе предвидение, предварение, деятельное предвосхищение, творчество... Содержательная истина - ПРЕДВИДЕНИЕ ПРЕДСТОЯЩЕГО ОПЫТА, ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ИМЕЮЩЕЙ БЫТЬ РЕАЛЬНОСТИ. (284).

<...> Становиться выше себя, творить новую природу, преодолевать пределы существующего - вырастать из себя. (290).

<...> Что идеал осуществляется только частично, тут никакого противоречия ему нет, ибо он остается ведь, как таковой, пределом стремления! Важно то, чтобы им было определено направление деятельности! Скорее, напротив, именно «осуществленный идеал» есть понятие, противоречивое самому себе, ибо это то же, что «недеятельная деятельность»! Ибо деятельность - до тех пор, пока идеал не осуществлен! (310).

(Ухтомский А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000)

7.6. НАШ СОВРЕМЕННОК И ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА – АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЮБИЩЕВ

[Об А.А. Любичеве см. ранее в томе 1 (раздел 6.5) и в томе 4 (раздел В3.2) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» и в некоторых других разделах этой книги. – А. А.]

7.6.1. Человек, смотрящийся в часы

[Ниже - извлечение из статьи автора этих строк, написанной в 1983 г. и тогда же, в сокращенном виде, опубликованной. Впоследствии была включена в том 1 (раздел 6.5.1) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». – А. А.]

= Из работы А. Алексеева «Система «времяпользования» А.А. Любичева и возможности ее применения и развития» (1983)

...Самое дорогое, что есть у человека, это жизнь. Но если всмотреться в эту самую жизнь поподробнее, то можно сказать, что самое дорогое – это Время, потому что жизнь состоит из Времени, складывается из часов и минут...

Д. Гранин ("Эта странная жизнь")

После опубликования документальной повести Даниила Гранина "Эта странная жизнь" в 1974 году [1; 2] стал широко известен эксперимент, поставленный на самом себе нашим выдающимся современником, ученым-энциклопедистом, биологом, философом Александром Александровичем Любичевым [3].

Ремарка: кем был Любичев.

Вклад А. А. Любичева (1890–1972) в науку далеко выходит за пределы собственно биологических дисциплин, в которых он специализировался (энтомология, сельскохозяйственная наука, генетика, биометрия, морфология и систематика живого, эволюционная теория), — и является также крупнейшим общенаучным и общекультурным вкладом: философия природы, история и методология науки, гносеология, история и философия культуры, эстетика, этика, экономическая и политическая история, литературоведение... Список — не исчерпывающий! (Декабрь 1999).

...Это пример человека, отважившегося собственной жизнью если не решить, то поставить фундаментальную проблему ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА СО ВРЕМЕНЕМ.

На протяжении десятилетий, изо дня в день, А.А.Любичев вел кропотливый и неуклонный учет своего "времяпользования" в соответствии с выработанной им для себя СИСТЕМОЙ. Эта система предполагала не только особым образом организованный хронометраж собственной жизни, но и регулярный самоотчет и оценку жизненной продуктивности...

Ремарка: учет, самоотчет и планирование

Система "времяпользования" А.А. Любичева включала в себя:

а) УЧЕТ, с точностью до 5 минут, затрат времени на всякое конкретное занятие;

б) САМООТЧЕТ - ежемесячная и ежегодная статистика времени, посвященного основной научной работе: научному творчеству, чтению специальной литературы, научной переписке, - а также временных затрат на другие виды занятий: лекции, доклады, чтение художественной литературы, чтение газет, личная переписка и т.д., (что не относилось Любичевым к основной работе);

в) ПЛАНИРОВАНИЕ "времяпользования" - на месяц, на год. Результаты: в среднем за день - из года в год - порядка 5 часов только "основной" научной работы. Точность выполнения планов на год - до 1 процента. (Декабрь 1999).

...Вот как об этом пишет Д.А.Гранин:

«...Для Системы нужно было знать ВСЕ ДЕЯТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ, со всеми его закоулками и проблемами. Система не признавала времени, негодного к употреблению. Время ценилось одинаково дорого. Для человека не должно быть времени плохого, пустого, излишнего. И нет времени отдыха. Отдых - это смена занятий, это как правильный севооборот на поле... В этом была своя нравственность, поскольку любой час засчитывается в срок жизни, они все равноправны, и за каждый надо отчитаться...» ([4], с. 35).

«...Любичев вглядывался в отчет как в зеркало. Амальгама этого зеркала отличалась тем, что отражала не того, кто есть, а того, кто был, только что минувшее. В обычных зеркалах человек под собственным взглядом принимает некое выражение, не важно какое - главное, что принимает. Он - тот, каким хочет казаться...

У Любичева отчет беспристрастно отражал историю прожитого года.

Его Система в свои мелкие ячеи улавливала текучую, всегда ускользающую повседневность, то Время, которого мы не замечаем, недосчитываемся, которое пропадает неведь куда... ([4], с. 41-42).

«...Меня поражала у Любичева смелость, с какой он обращался с плотью времени. Он умел ее осязать. Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим «теперь». Он не боялся измерить тающий остаток жизни в днях и часах. Осторожно он растягивал Время, сжимал его, стараясь не уронить, не потерять ни крошки. Он обращался с ним почтительно, как с хлебом насущным, ему и в голову не могло прийти - «убивать время». Любое время для него было благом. Оно было временем творения, временем познания, временем наслаждения жизнью. ОН ИСПЫТЫВАЛ БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ (выделено мною. - А.). Оказалось, что жизнь вовсе не так коротка, как это считается. Дело тут не в возрасте и не в насыщенности трудом. Урок Любичева состоял в том, что можно жить каждой минутой часа и каждым часом дня, с постоянным напором отдачи...» ([4], с. 88).

«...Через свою Систему он изучал себя, испытывал: сколько он может писать, читать, слушать, работать, размышлять? Сколько и как? Не перегружая себя, не взваливая не по силам, он шел по кромке своих способностей, оценивая их все более точно. Это был безостановочный путь самопознания...» ([4], с. 105).

В итоге своего анализа «этой странной жизни» Д.А. Гранин делает следующий важный, обобщающий вывод:

«...Автор убежден, что проблема разумного, человеческого обращения со временем становится все настоятельнее. Это не просто техника экономии, проблема эта помогает понять человеку смысл его деятельности. Время - это народное богатство, такое же, как недра, лес, озера. Им можно пользоваться разумно, и можно его губить. Так легко его проболтать, проспать, истратить на бесплодные ожидания, на погоню за модой, на выпивки, да мало ли.

Рано или поздно в наших школах начнут учить детей «времяпользованию». Автор убежден, что с детства надо воспитывать любовь к природе и любовь ко времени. И учить, как беречь время, как его находить, как его добывать...» ([4], с. 112).

К сожалению, нам неизвестны ни (кроме Д.А. Гранина) попытки осмысления замечательного опыта А.А. Любичева [здесь автор проявил неосведомленность; см., например, [5]. - А. А.], ни попытки практического воспроизведения - хотя бы использования основных идей его Системы [а вот об этом - и по сей день автор никакой

информацией не располагает. - А. А.]. Возможно, отпугивает как раз максимализм, уникальность, недостижимость этого жизненного примера.

<...> Опыт А.А. Любищева выступает примером "предельного" овладения человеком структурой жизнедеятельности (и тем самым - структурой собственной личности). Это - осознанное использование "времени жизни" С МАКСИМАЛЬНЫМ КОЭФФИЦИЕНТОМ ПОЛЕЗНОГО ДЕЙСТВИЯ в рамках определенного, наиболее отвечающего интересам и способностям, вектора деятельности субъекта. <...>

Литература

1. Гранин Д.А. Эта странная жизнь // Аврора, 1974, №№ 1, 2.
2. Гранин Д. Эта странная жизнь. М., 1974.
3. Александр Александрович Любищев. 1890-1972. Под ред. П.Г. Светлова. Л.: Наука, 1982.
4. Гранин Д. Эта странная жизнь / Гранин Д. Выбор цели. М., 1975.
5. Время - союзник или враг? Диалоги о повести Д.Гранина "Эта странная жизнь" ведет критик Виктор Дмитриев - с учеными Н. Амосовым, Р. Баранцевым, С. Мейеном, Р. Хохловым, Ю. Шрейдером, а также с автором // Вопросы литературы, 1975, № 1.

<...>

А. Алексеев

7.6.2. Основные даты жизни и деятельности

[Ниже – извлечение из книги: Александр Александрович Любищев. 1890-1972. Под ред. П.Г. Светлова. Л.: Наука, 1982. – А. А.]

<...> Родился 5 апреля 1890 г. в Санкт-Петербурге.

1906 – Окончил с золотой медалью 3-е Реальное училище и поступил в С.-Петербургский университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета.

1909 – Практика на биостанции в Неаполе.

1910 – Практика на биостанции в Виллафранке.

1911 – Окончил университет с дипломом 1-й степени и стал работать в особой зоологической лаборатории Академии наук.

1911 – Женился на В.Н. Дроздовой и свадебное путешествие по Греции, Италии, Египту.

1914 – Ассистент высших женских (Бестужевских) курсов.

1916 – Начал дневник, который не прекращал вести до конца жизни.

1918 – Приглашение в Таврический университет и переезд в Симферополь.

1921 – Переезд в Пермь на работу в должности доцента университета по кафедре зоологии.

1927 – Профессор кафедры зоологии Самарского сельскохозяйственного института.

1930 – Переезд в Ленинград на работу в ВИЗР.

1936 – Присуждение ученой степени доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации.

1939 – Присвоение ученого звания профессора по специальности “энтомология”.

1941 – Эвакуация в Пржевальск; профессор кафедры зоологии Педагогического института.

1943 – Заведующий эколого-энтомологическим отделом Киргизского филиала Академии наук СССР.

1948 – Женился на О.П. Орлицкой.

1950 – Заведующий кафедрой зоологии Ульяновского Педагогического института.
1955 – Выход на пенсию.
1961 – Начало работы над рукописью “Линии Демокрита и Платона в истории культуры”
Скончался 31 августа 1972 г. в г. Тольятти. <...> (Александр Александрович Любичев..., с. 140).

[В известных мне энциклопедических словарях имя А.А. Любичева пока отсутствует. – А. А.]

7.6.3. Эта странная жизнь... Этот удивительный человек...

[Ниже – две композиции извлечений из работ разных авторов, посвященных А.А. Любичеву.]

*Первая – из книги писателя Даниила Александровича **Гранина** “Эта странная жизнь” – была составлена мною в начале 1980-х, по изданию: Гранин Д. Эта странная жизнь. М.: Советская Россия, 1982.*

*Вторая – из “Заметок об Александре Александровиче Любичеве” математика и философа Юлия Анатольевича **Шрейдера** – составлена по изданию: Любичевские чтения. 1999. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1999.*

В скобках указаны страницы по соответствующим изданиям. Части композиций озаглавлены мною. – А. А.]

= Д.А. Гранин об А.А. Любичеве (1974)

Система жизни. Благоговение перед временем

<...> То, что он [Любичев. – А. А.] разработал²⁰¹ представляло открытие, оно существовало независимо от других его работ и исследований. По виду это была чисто технологическая методика, ни на что не претендующая, так она возникла, но в течение десятков лет она обрела нравственную силу. Она стала как бы каркасом жизни Любичева. Не только наивысшая производительность, но и **НАИВЫСШАЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** [здесь и далее выделено мною. – А.А.] . (91-92).

<...> У большинства людей так или иначе складываются собственные отношения со временем, но у Александра Александровича Любичева они были совершенно особыми. Его время не было временем достижения. Он был свободен от желания обогнать, стать первым, превзойти, получить... Он любил и ценил время не как средство, а как **ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЕНИЯ**. Относился он ко времени благоговейно и при этом заботливо, считая, что времени не безразлично, на что его употреблять. Оно выступало не циферблатным верчением, а понятием, пожалуй, нравственным. (180).

<...> Обращение со временем было для него **ВОПРОСОМ ЭТИКИ**. На что имеет человек право потратить время своей жизни, а на что не имеет. Вот эти нравственные запреты, нравственную границу времяупотребления Любичев для себя выработал. (180).

<...> Любичев не только сам жил нравственно, но чувствовалось, что у него существуют какие-то точные критерии этой нравственности, выработанные им и связанные как-то с его Системой жизни. (92).

<...> Не ожидая похвал, он научился сам воздавать себе должное. Система учета давала ему объективные показатели своего состояния. С гордостью он отмечал 1963 год,

²⁰¹ Речь идет о системе “времяпользования”, или учета “жизненного времени”.

как рекордный по числу рабочих часов – 2006 часов 30 минут! В среднем в день 5 часов 29 минут. А до войны получалось примерно 4 часа 40 минут! Он отчетливо понимал цену этим цифрам, он сам устанавливал нормы, сам следил за собой с секундомером в руке, сам награждал и сам наказывал себя. (173-174)

<...> Скромная система учета времени стала СИСТЕМОЙ ЖИЗНИ.

Согласно этой системе получалось, что у Любищева имелось вдвое больше времени. Откуда же он его брал? Вот в чем состояла загадка. (179).

<...> Кроме системы у него имелось несколько правил:

- “1. Я не имею обязательных поручений;
2. Не беру срочных поручений;
3. В случае утомления сейчас же прекращаю работу и отдыхаю;
4. Сплю много, часов десять;
5. Комбинирую утомительные занятия с приятными”.

Правила эти невозможно рекомендовать, они его личные, выработанные под особенности своей жизни и своего организма: он изучил как бы психологию своей работоспособности, наилучший ее режим. (160).

<...> Вникая в Систему Любищева, автор увидел Время словно через лупу. Минута приблизилась: она текла не монотонным безразличным ко всему потоком – она отзывалась на внимание, растягивалась, выявлялись сгустки, каверны, структура что-то означала, как будто перед глазами автора проявилось течение мысли, время стало осмысленным. (182).

<...> Если сравнивать время с потоком, как это принято было еще у древних греков, то Любищев в этом потоке – гидростанция, гидроагрегат. Где-то в глубине крутится турбина, стараясь захватить лопастями поток, идущий через нее. Вот в этом – и, пожалуй, только в этом – свойственна была Любищеву машинность. (182).

<...> Что все это означало? Спросить было некого. Любищев в механику своего учета никого не посвящал. Не засекречивал, отнюдь, видимо, считал подробности делом подсобным. Было известно, что годовые отчеты он рассылал друзьям. Но там были итоги, результаты... (96).

<...> Думаю <...>, что возникли отчеты из необходимости анализа: с каждым годом у Александра Александровича нарастало ощущение ценности времени, какое появляется в зрелости у каждого человека, у него же особенно. Система вырабатывала уважение к каждой частице времени, БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ. (144).

Ремарка: Любищев о своей системе жизни

“...Любищев в механику своего учета никого не посвящал...”.

Это не совсем так. Д.А. Гранину в 1970-х, вероятно, еще не были знакомы тексты А.А. Любищева, специально посвященные как цели, так и процедуре своего учета “времени жизни”.

См., в частности, ниже: раздел 7.6. (Декабрь 1999).

Талант научного еретика

<...> Размышления о жизни, о себе, о науке не уменьшали его активности. Жажда действия возрастала, мысль подстегивала его. Он не боялся вопроса о том, каков смысл в его неутомимых писаниях, в его энергичной деятельности. Одно он знал твердо и повторял другим: тот, кто мирится с действительностью, то не верит в будущее. (154).

<...> У него был особый талант научного еретика, умеющего подвергать сомнению самые, казалось бы, прочные догмы. Он опровергал, оспаривал иногда вещи, которые для меня были очевидны, и это заставляло думать. Вот, что, пожалуй, существенно: он

возбуждал мысль, он пробуждал к мысли людей, давно отвыкших от этого. Как ни странно, многие ученые страдают болезнью бездумья. (158).

<...> Систематика, которой он [Любищев. – А. А.] занимался, способствовала его критическому отношению к дарвинизму, особенно к теории естественного отбора как ведущего фактора эволюции. Он не боялся обвинения в витализме, идеализме, но это требовало изучения философии. (108).

<...> Среди биологов А.А. Любищев известен как решительный противник эволюционных взглядов, совмещающих учение о ведущей роли естественного отбора эволюции с достижениями популяционной генетики. Поскольку с эволюционным учением прямо или косвенно связаны чуть ли не все другие общие проблемы биологии, то не удивительно, что и в подходе к этим проблемам А.А. Любищев очень часто не разделял господствующих взглядов. В этой постоянной “оппозиции” – особая ценность. (157-158).

<...> В 1937 году произошло памятное заседание Ученого совета ВИЗРа. Пять часов длилось обсуждение работ Любищева. К сожалению, как это часто бывает, обсуждали не столько проблему, сколько самого Любищева. Его обвиняли в том, что он систематически чуть ли не умышленно снижает опасность вредителей²⁰² с целью демобилизации борьбы с ними... да и, кроме того, он вообще виталист. В те годы подобные формулировки звучали угрожающе. Слово “вредитель” играло вторым смыслом. Адвокат вредителей, пособник... Правда, в заключительном слове он признал, что последние годы ему приходилось менять свои взгляды, но, видите ли, он никогда не делал этого по приказу. Ему, видите ли, нужны доказательства. Оказывается, это единственное, что может на него подействовать.

Совет признал научные взгляды Любищева ошибочными и ходатайствовал перед ВАКом лишить его степени доктора наук. Постановление было принято единогласно, но и это не смутило Любищева: он полагал, что в науке голосование ничего не решает: Наука не парламент и большинство оказывается чаще всего неправым.

Нельзя сказать, что он не учитывал реальности. После такого решения Ученого совета он вполне мог, как он сказал, “перейти на казенные харчи”.

И все же иначе поступить он не мог... Тупо и упрямо он стоял на своем. Вопреки своему хваленому рационализму. Это всегда удивительно – ощутить вдруг предел, неподвластный логике, разуму, непонятный, необъяснимый духовный упор, воздвигнутый совестью или еще чем-то: “На этом я стою и не могу иначе”.

<...> Пока дело тянулось в ВАКе, прихотливая судьба перетасовала все обстоятельства: директора института арестовали, и среди прочих обвинений было – разгон кадров. Тем самым Любищев политически был как бы реабилитирован, и ВАК (еще и по ходатайству академика Ивана Ивановича Шмальгаузена) оставил Любищеву степень доктора наук.

Похожая история повторилась с ним спустя десять лет, после известной сессии ВАСХНИЛа, в 1948 году.

Выручала его, как ни странно, откровенность, с какой он излагал свои взгляды. (141-142).

<...> Он обладал высокой “инцидентоспособностью”. Он не умел уклоняться от неприятностей, от опасных споров, от скользких мест, и если падал, то развивался. (143).

Научная переписка. Естественная жизнь Разума

<...> Возьмем первый попавшийся год, чтобы представить масштабы его переписки:

²⁰² Имеются в виду сельскохозяйственные вредители-насекомые.

“1969 год. Получено 410 писем (из них 98 из-за границы). Написано 283 письма. Отправлены 69 бандеролей”.

Адресаты его писем – институты, научные общества, академики, журналисты, инженеры, агрономы... Некоторые его письма перерастают в трактаты, в научные статьи. Некоторые письма, например, переписка с Павлом Григорьевичем Светловым, Игорем Евгеньевичем Таммом, с Алексеем Владимировичем Яблоковым, с Юлием Анатольевичем Шрейдером, с Рэмом Баранцевым и с Олегом Калининным, составляют как бы научные обзоры, диалоги, научные диспуты, которые могут быть изданы сборниками.

Если взять только научную переписку Любищева, эти большие переплетенные тома, то они сами по себе энциклопедия современного естествознания, философии, истории, права, науковедения, этики и еще невесть чего.

Я никогда не мог понять, каким образом ухитрялись в прежние времена люди поддерживать такую обильную переписку. Тем более умирающее это искусство изумляло у Любищева, человека нашего века. (162).

<...> Читать его письма – удовольствие особое. В них проявляется широта его таланта, позволяющая ему видеть мир целостно. Вещи далекие, экзотические, какие-то частности, осколки всегда становятся у него частью целого, соединяются в единую картину. Он умел находить место любой вещи и учил восстанавливать эту утраченную целостность восприятия. (163).

<...> Письма имели адрес, их ждали, они были нужны не вообще людям, как нужны статьи и книги, – а нужны человеку имярек, и это было Любищеву дороже времени. Так же, как истинный врач творит для одного человека, одного больного, так и Любищев не скупился, он мог жертвовать и им [*временем*. – А. А.] . В нем не было всепоглощающей, нетерпимой научной одержимости. Наука, научные занятия не могут и не должны быть высшей целью. Должно быть нечто дороже и Науки, и Времени... (164).²⁰³

<...> Не стоит считать его таким уж альтруистом. Он тратил много времени на письма, но они же и сберегали ему время. Копии писем в переплетенных томах стояли на полках вместе с томами конспектов прочитанных книг - оттуда Любищев часто черпал заготовки для своих работ. Иногда письма почти целиком входили в рукопись..." (170).

<...> Письма, рукописи перепечатывались, копии подшивались – не из тщеславия и не в расчете на потомков, нисколько. Большой частью архива Любищев сам активно пользовался, в том числе и копиями собственных писем. (92).

<...> Архив как бы фиксировал, регистрировал со всех сторон и семейную, и деловую жизнь Любищева. Сохранять все бумажки, все работы, переписку, дневники, которые велись с 1916 года (!), – такого мне не встречалось. Биографу нечего было бы и мечтать о большем. Жизнь Любищева можно было бы воссоздать во всех ее извивах, год за годом, более того – день за днем, буквально по часам. (92).

<...> Так вот, в федоровском смысле воссоздать Любищева, или “воскресить”, можно, вероятно, легче и точнее, чем кого-либо другого, поскольку имеется множество материалов, иначе говоря – параметров. Можно как бы восстановить все его координаты в пространстве и времени – где он был в такой-то день, что делал, что читал, кого видел. (93).

<...> Подвига не было, но было БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОДВИГ – была хорошо прожитая жизнь. Странность ее, загадка, тайна в том, что всю ее необычайность он считал для себя естественной. МОЖЕТ, ЭТО И БЫЛА ЕСТЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РАЗУМА? Может, самое трудное – достигнуть этой естественности, когда живешь каждой секундой и каждая секунда имеет смысл. (185).

²⁰³ Вспоминается императив “доминанты на лицо другого” А.А. Ухтомского. См. выше: раздел 7.2.

<...> Пользуясь библейской мифологией, его можно сравнить с Иоанном Предтечей: он один из тех, кто готовил новое понимание биологии. Он сеял – зная, что не увидит всходов. В нем жила уверенность, что то, что он делает, – пригодится. Он был нужен тем, кто останется жить после него. Это было утешение, привычное скорее художнику, чем ученому. Но и современники нуждались в нем, каждый по-своему. (157)

(Гранин Д. Эта странная жизнь. М.: Советская Россия, 1982)

= Ю.А. Шрейдер об А.А. Любищеве (1973):

Человек, творящий климат эпохи

<...> Александр Александрович не был в узком смысле человеком своего времени, человеком, которого творила его эпоха. Он был “человеком на все времена”, одним из тех, кто творил климат эпохи. Он мог трезво относиться к пониманию смысла науки потому, что он не был жестко связан сегодняшним сиюминутным пониманием этого смысла. Сегодняшняя наука была для него одним из многих этапов диалектического развития человеческой мысли, явно отвергающей те корни, из которых она неявно выросла. Для него наука шла к сегодняшнему состоянию из многих истоков, и он пытался осмыслить ее, не ограничиваясь представлением современной науки о самой себе. Тем самым он избежал порочного круга, в который попали, например, Н. Винер и С. Лем, когда пытались осмыслить развитие науки, оставаясь в рамках созданных этой же наукой методических постулатов и позитивных воззрений.

Благодаря ощущению прошлого, он лучше многих других видел ростки будущего, едва различимые в настоящем. Свое отношение к науке он выразил прекрасными словами о том, что ее здание никогда не строится на пустом месте и никогда не достраивается до конца. Новая эпоха склонна порой считать предрассудком то, что накоплено предыдущими. Но не бывает чистых предрассудков, как не бывает окончательных истин в последней инстанции. Нельзя удержаться от пересказа одного из примеров Любищева. В свое время отрицательное отношение к астрологии помешало Галилею построить правильную теорию приливов, поскольку он не мог допустить влияния луны на земные события. Такую теорию построил Кеплер, серьезно относившийся к астрологическим концепциям. Значит ли это, что астрология права? Нет, разумеется, не значит. Это значит только, что отвергая астрологические предрассудки, связанные с предсказанием судьбы (это полагала суеверием христианская церковь и сурово относилась к деятельности астрологов), нельзя отвергать мысль о влиянии небесных тел на земные процессы. <...> (12-13).

Связь с прошлым, понимание будущего

<...> Мы часто понимаем науку как прогрессивное накопление новых фактов. Действительно, стремление к добыче новых фактов, новых конкретных и полезных знаний о мире, – это лейтмотив сегодняшней науки. Но кроме индустрии знаний наука имеет и другой аспект, определяемый стремлением понять сущность мира. Этот аспект науки был наиболее дорог и важен для А.А. Любищева. И тут бывает важнее наблюдение и осмысление известного, чем ворох новых фактов... Но в осмыслении фактов Любищев видел не столько прогрессивное накопление новых идей, сколько трансформацию некоторых “вечных” идей, идущих еще от древних греков. Отсюда его пристальный интерес к истории воплощения идей, к диалектической смене, борьбе и сосуществованию идей, находящихся в каждый исторический период свое конкретное воплощение. Под его пером внезапно раскрывалось, как аристотелевская идея энтелехии, жизненной силы неожиданно возникает в новом обличье в трудах современного биофизика Рашевского,

как высмеянная Вольтером телеологическая идея преадаптации заново появляется в современной биологии.

<...> Именно умение А.А. Любищева критически осмысливать очевидные вещи, понимая, что очевидность целей – понятие историческое, а не абсолютное, делает его человеком не только прочно связанным с прошлым, но и ясно понимающим будущее. Не случайно его соображения о редукционизме и эмергентных факторах в теории систем, о нетривиальности понятия существования и многие другие, тесно связанные с идеями классиков науки, столь важны для будущего науки. Словами “человек на все времена” названа пьеса О. Болта о Томасе Море, чье имя в 1918 году помещено на обелиске в саду у Кремля, а в 1935 включено в святцы Римско-Католической церкви. Эти слова как нельзя лучше подходят к Александру Александровичу Любищеву, хотя мы сегодня еще и не знаем, в каких почетных списках его имя будет помещено через 400 лет после кончины. <...> (13-15).

“За честь природы фехтовальщик...”

<...> По-видимому, многим приходит в голову, что наша эпоха сумела как-то особенно подчеркнуть быстротечность времени. Сменяют друг друга научные теории, моды и нравы, растут города и пустеют деревни, меняется картина мира... Категория вечности кажется предрассудком далеких эпох, когда люди ощущали ее дыхание, передавая по наследству платье и дом, участок земли и ремесло, сословие и место на кладбище. Нет уже вечного и неизменного пространства, какими его рисовали себе Ньютон и Кант, нет вечных и неизменных атомов, которые оказались сложными системами, изопренно поддерживающими динамическое равновесие, сама Вселенная оказалась то ли пульсирующей, то ли взрывающейся. Простые житейские ценности девальвируются на наших глазах вместе с долларом, недавно еще служившим символом экономической устойчивости.

И в этом сложном, динамическом, раскручивающемся с бешеной скоростью мире раздается спокойный голос Александра Александровича, который говорит, что вечная “особенность человеческого духа – совесть и ничем не удовлетворенность”.

Он говорит о добре и гармонии, воплощенных в этом мире, об отсутствии имманентной необходимости борьбы за существование, о вечных ценностях. Его трезвые коллеги полагают, что тому причиной наивный идеализм старого ламаркизма: “Был старик застенчивый как мальчик, неуклюжий, робкий патриарх... Кто за честь природы, фехтовальщик? Ну, конечно, пламенный Ламарк. Если все живое лишь помарка, за короткий выморочный день, на подвижной лестнице Ламарка я займу последнюю ступень” (О.Мандельштам).

Идеализм? Да. Но наивный ли? Так ли уж безразличен мир к тому, как мы о нем думаем?

По совету Вивекананды, “не говорите о порочности мира и его грехах. Плачьте, что вы сами все еще принуждены видеть порочность. Плачьте, что вы не можете не видеть везде грехи, и, если хотите помочь миру, не осуждайте его. Не ослабляйте его еще больше”.

Не будем сейчас спорить о том, насколько наше отношение к миру влияет на мир. Одно бесспорно, мы видим в мире то, что мы настроены в нем увидеть, т.е. проекцию нашей души. Мы видим во встреченной женщине шлюху или королеву, и она оказывается именно тем, кого мы в ней увидели. **НАША СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ МИР, ЗАВИСИТ ОТ ТОЙ ПОЗИЦИИ, КОТОРУЮ МЫ ВЫБИРАЕМ В ЭТОМ МИРЕ.** [*Здесь и далее – выделено мною. – А.А.*] Дело, конечно, не в том, чтобы не замечать зла. От этого оно не исчезнет. Дело в том, чтобы уметь видеть добро. Александр Александрович умел и учил других видеть в Природе начала гармонии, принципы красоты и добра. Для этого не нужно никакой предвзятой точки зрения, **НУЖНО ТОЛЬКО НЕ ЗАГОРАЖИВАТЬ НАМЕРЕННО СВОЙ ВЗОР, ОТМЕТАЯ С ПОРОГА НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ ПО**

ВУЛЬГАРНО-ФИЛОСОФСКИМ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯМ. В поисках мировой гармонии нельзя быть предвзятым. Иначе мы будем искать не реальность, но наше представление о ней и не найдем ничего. Основное зло Любищев видел в вульгарном монизме, в попытках навязать природе свои убогие представления о ней. Он был воистину “за честь Природы фехтовальщик” и это свидетельствует о его мудрости. <...> (22-23)

(Шрейдер Ю.А. Заметки об Александре Александровиче Любищеве / Любищевские чтения. Ульяновск, 1999)

7.6.4. А.А. Любищев: “Мысли о многом”

[В 1997 г. в издании Ульяновского государственного педагогического университета, по решению IX Любищевских чтений, вышла (тиражом 500 экз.) книга, составленная еще в 1951 г. женой А.А. Любищева Ольгой Петровной Орлицкой (ныне покойной), под названием “Мысли о многом”.

Ниже – композиция извлечений из указанной книги. Фрагменты озаглавлены О.П. Орлицкой.

В скобках указаны страницы по изданию: А.А.Любищев. Мысли о многом. Ульяновск, 1997. – А. А.]

= О.П. Орлицкая об истории создания книги “Мысли о многом”

<...> Пересматривая архив Александра Александровича, я поразились многогранности его интересов, отраженных в его научной и личной переписке с родными и друзьями. Однажды, когда А.А. был в командировке, я сделала для себя выписки из ряда писем по разным, на мой взгляд, интересным темам.

Делая выписки из его писем, я невольно стала просматривать и письма друзей, родных. Меня поразили полемический характер переписки и я стала подбирать материал, отражающий полемику друзей с А.А., сына и дочери с отцом. Так возникли “Мысли о многом”. При проведении этой работы я руководствовалась желанием сделать “Мысли о многом” достоянием детей и внуков Александра Александровича. Как-то жаль было оставлять эти яркие, порой вызывающие возражения со стороны его друзей мысли в груды писем, большей частью трудно читабельных...

Александр Александрович одобрил мою работу и решил послать ее кроме детей и своим друзьям, отталкиваясь от мыслей которых он излагал свои мысли.

“Мысли о многом” были преподнесены друзьям и, по выражению друга А.А. профессора П.Г. Светлова, они явились “редкостным ферментом для умственной деятельности”...

О. Орлицкая. Октябрь, 1951 год. (Цит. по: Любищев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1997, с. 4-5)

= Из переписки А.А. Любищева (1940-50-е гг.)

О смысле переписки лиц, резко расходящихся по своим взглядам

Из письма Б.С. Кузину. 16.01.1949

<...> А РАЗВЕ ТАК УЖ ХОРОШО БЕЗУСЛОВНО ВЕРИТЬ В СВОЮ ПРАВОТУ И СМОТРЕТЬ НА ВСЕХ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ С ЧУВСТВОМ ГОРДЕЛИВОГО ПРЕВОСХОДСТВА? [Здесь и далее выделено мною. – А. А.] . По-моему, это и есть источник подлинного фанатизма: человек остается вполне приличным человеком, пока его воздействие на инакомыслящих ограничивается возможностью взирать на них с

чувством горделивого превосходства, но как только у него появляются иные методы ведения спора, то он редко воздерживается от соблазна заткнуть противный рот, и он это действие оправдывает тем, что твердо уверен в своей правоте.

Моя точка зрения иная: **ИСТИННЫЙ УЧЕНЫЙ И ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ НИКОГДА АБСОЛЮТНОЙ УВЕРЕННОСТИ НЕ ИМЕЕТ** (конечно, дело касается тех областей знания, где существуют споры): он пытается все новыми и новыми аргументами добиться согласия своего противника не потому, что он чувствует горделивое превосходство перед ним и не из тщеславия, а прежде всего для того, чтобы проверить собственные убеждения и не прекращает спора до тех пор, пока не убедился, что точно понял всю аргументацию противника, что противник держится своих взглядов не на основании строго объективных данных, а по причине тех или иных предрассудков и что, следовательно, **ДАЛЬНЕЙШИЙ СПОР МОЖЕТ БЫТЬ ОКОНЧЕН ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА АВТОР МОЖЕТ ИЗЛОЖИТЬ МНЕНИЕ ПРОТИВНИКА С ТАКОЙ ЖЕ СТЕПЕНЬЮ УБЕДИТЕЛЬНОСТИ, С КАКОЙ ЕГО ИЗЛАГАЕТ ПРОТИВНИК, НО ПОТОМ ПРИБАВИТЬ РАССУЖДЕНИЕ, ПОКАЗЫВАЮЩЕЕ ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ КОРНИ ПРЕДРАССУДКОВ ПРОТИВНИКА.** Учителем в искусстве такого спора, по-моему, является величайший философ всех времен и народов Платон. <...> (11-12).

О принципиальности

Из письма к дочери – Евгении Александровне Равдель. 16.12.1949

<...> Истинной принципиальностью можно назвать такое поведение, которое в своем наиболее полном виде удовлетворяет трем требованиям:

- 1) **ПРИНЦИП НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАПРАВЛЕН ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЧИСТО ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ, А ПОДЧИНЕН НЕКОТОРЫМ НАДЛИЧНЫМ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ИНТЕРЕСАМ,**
- 2) **ОН ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ИЗВЕСТНУЮ УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТИВНОГО ХАРАКТЕРА и**
- 3) **СЛЕДОВАНИЕ ЕМУ ДОЛЖНО БЫТЬ ИСКРЕННИМ, А НЕ МАСКОЙ ДЛЯ ПРИКРЫТИЯ БОЛЕЕ НИЗМЕННЫХ МОТИВОВ.**

Последнее требование является обязательным так как нельзя назвать принципиальным человека, который делает вид, что поступает согласно некоторым высоким принципам, а на самом деле только прикрывается ими для достижения более низменных целей. Что касается первых двух, то непосредственно неясно, обязательно присутствие обоих признаков.

Разберем какие существуют принципы. Они основаны на верности:

- 1) **ОПРЕДЕЛЕННОМУ ДОГМАТИЧЕСКОМУ УЧЕНИЮ – РЕЛИГИОЗНОМУ, НАУЧНОМУ, ЭТИЧЕСКОМУ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОМУ;**
- 2) **ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЛИЧНОСТИ (МОНАРХУ, ВОЖДЮ, СЮЗЕРЕНУ);**
- 3) **ОПРЕДЕЛЕННОЙ СОВОКУПНОСТИ ЛЮДЕЙ: ПАРТИИ, КЛАССУ, НАЦИИ, ПЛЕМЕНИ, ОТЕЧЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ;**
- 4) **РАЗУМУ.**

Последовательный рационализм и заключается в признании единственного принципа – следования разуму с отрицанием самостоятельного значения за всеми другими принципами. Я себя причисляю к таким рационалистам. <...> (15-16).

О разуме

Б.С. Кузин – А.А. Любищеву. 1.02.1951

... Неужели Вы серьезно считаете, что истинно-человеческая добродетель только одна – РАЗУМ? [*здесь и далее – выделено мною. – А.А.*]. А куда же Вы денете все моральные достоинства и чувства прекрасного? Меня прямо пугает Ваше преклонение

перед разумом. Хорошо, что я Вас знаю так давно лично и поэтому мне известно, что всякие другие добродетели, кроме разума присущи Вам в высокой степени. Я думаю, что разум, конечно, очень важное и очень высокое качество. Но он ужасен в человеке, если составляет единственную его добродетель. Всякие попытки утвердить культ разума неизбежно влекли за собой жестокость и фальшь, губительную для искусства. ГОЛЫЙ РАЗУМ – ЧУДОВИЩЕ, ЕЩЕ БОЛЕЕ УЖАСНОЕ, ЧЕМ ЧИСТОЕ БЕЗУМИЕ. Величие человека состоит не в том, что он разумен, но что он РАЗУМЕН, МОРАЛЕН И СПОСОБЕН ВОСПРИНИМАТЬ ПРЕКРАСНОЕ. <...> (181)

А.А. Любищев – Б.С. Кузину. 19.09.1951

<...> Вы пишете: “МЕНЯ ПРОСТО ПУГАЕТ ВАШЕ ПРЕКЛОНЕНИЕ ПЕРЕД РАЗУМОМ... <...>

Я думаю, что Ваше негодование проистекает только из неправильного понимания разума и морали. Можно ли построить мораль независимо от разума. Здесь мое учение вовсе не оригинально. Это просто повторение старого сократовского и платоновского учения. <...> Какое положение морали Вы можете выдвинуть, чтобы оно приводило к хорошим результатам независимо от критики разума? Любая добродетель, не контролируемая разумом, приводит к смешным или преступным поступкам. <...>

И, конечно, гораздо больше жестокости внесено в мир вследствие неограниченного проведения моральных доктрин, чем вследствие неограниченного господства разума. Торквемада, вероятно, был убежденным сторонником определенных, и притом неплохих, моральных доктрин, и, возможно, как это в некоторых поэмах изображено, он даже считал, что, сжигая еретиков, он тем самым спасает их от вечного мучения в аду. Что же тут разум виноват? ЖЕСТОКОСТИ МНОГИХ УБЕЖДЕННЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ ЧАСТО ВОЗНИКАЮТ ОТТОГО, ЧТО ОНИ НЕ ДОПУСКАЮТ ПРОТИВОРЕЧИЙ ИСКРЕННЕ СЧИТАЯ, ЧТО ПРОТИВНИКИ ИХ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДИАВОЛА В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ФОРМЕ. ИНСТИННЬИЙ РАЗУМ ВСЕГДА ПРИВОДИТ К ПОЛОЖЕНИЯМ ПОДОБНЫМ НЬЮТОНОВСКОМУ, ЧТО ТО, ЧТО МЫ ЗНАЕМ, ЕСТЬ НИЧТОЖНАЯ ДОЛЯ ТОГО, ЧТО ВООБЩЕ МОЖНО ЗНАТЬ, А ОТСЮДА ПОДЛИННО РАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА СКЛОНЕН К ТЕРПИМОСТИ. [Выделено А.А. Любищевым. – А.А.]. Крайняя степень убежденности и отрицание “с порога” всякого инакомыслия есть признак несовершенного разума. Здесь всегда мораль приводит к жестокости, а не разум. <...> (33-35).

Об иррационализме

Из письма сыну. 19.12.1949

<...> Может показаться, что с точки зрения самого принципа, который является руководящим в моей деятельности, все иррациональное должно быть отвергнуто. Это неверно. Слово “иррациональное” имеет очень много смыслов.

1) ПОСТИГАЕМОЕ НЕ РАЗУМОМ, А ЧУВСТВАМИ. От этой формы иррационального не свободен, конечно, ни один человек. <...>

2) Иррациональное как АБСОЛЮТНО НЕДОСТУПНОЕ РАЗУМУ, иначе говоря, утверждение, что существуют области бытия, которые разумом достигнуты быть не могут. Если это утверждение носит окончательный характер, то оно явно противно науке. <...>

3) Иррациональное как НОВАЯ ФОРМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ. Тут мы можем пронести полную аналогию из математики. Когда Пифагор открыл иррациональные числа, для него они показались сначала нарушением разумного порядка Вселенной, то есть сначала он их понял как нечто недоступное разуму. Но иррациональные числа оказались полностью подчинены разуму и нашли свое место во вполне рациональной математике. То же случилось и с трансцендентными числами, мнимыми числами и т. д. Сами названия показывают, что авторы, установившие эти понятия, считали их противоречащими или выходящими за пределы разума или, наконец, неспособными к

реальному существованию: как могут мнимые числа существовать! Тут как будто противоречие в определении. И, однако, сейчас со всеми этими числами рациональная математика справилась и включила их в свой аппарат и они служат для отображения вполне реального мира, являясь мощными орудиями познания действительности. Вот я и считаю, что очень многие направления, как, например, интуитивизм Бергсона, которые как будто порывают с рационализмом, на самом деле являются только новыми формами рационализма. Но догматизм сторонников механистического материализма эту мысль никак не может принять. <...>

Вот я и считаю, что в биологии и в других науках наряду с рациональными в узком смысле слова должны быть иррациональные, трансцендентные, мнимые, и т.д. понятия, с которыми будущая наука будет оперировать так же свободно, как современная физика оперирует с разнообразнейшими понятиями математики. <...> (36-38).

О равноправии разных наук

Из письма сыну. 6.01.1947

<...> А для чего нужна теория сама по себе? Прежде всего это есть наивысшая форма наслаждения, что так ценилось эллинами, почему Эллада, несмотря на ужасы и хаос в политическом устройстве, дала несравненно более гармоническую культуру, чем Римская империя практиков, где практика была на первом месте. А отсюда и отношение к так называемой “чистой” науке, которую вовсе не следует смешивать с теоретической. **ЕСТЬ ДВЕ СОВЕРШЕННО ОТЛИЧНЫЕ ДРУГ ОТ ДРУГА АНТИТЕЗЫ: ЧИСТАЯ И ПРИКЛАДНАЯ НАУКА, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ.** [*Здесь и далее выделено мною. – А.А.*].

Теоретической может быть и прикладная наука (напр. теория корабля в волнуемом море нашего академика Крылова или вся баллистика) и чисто эмпирической может быть и “чистая” наука, например история в понимании историков буржуазного толка, считающих, что дело истории просто объективное изложение событий почему-либо для нас интересных. Как будто и дошли до того, какая наука является наименее ценной – это ЧИСТАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ НАУКА, но и она не оставалась без защитников: а где вы проведете грань между той отраслью науки, которая навсегда останется неиспользованной, и той, которая используется сегодня или завтра. Такой областью, которая в широких массах является совершенно бесполезной, является, например, систематическая энтомология, и сбор и определение насекомых для многих кажется совершенно никчемным занятием и в первый период моего пребывания в ВИЗРе (начало тридцатых годов) чистая систематика в глазах многих коммунистов казалась чуть ли не контрреволюцией, но потом они убедились, что это совсем не так. Можно привести ряд примеров, где пользу принесли такие отрасли энтомологии, которые развивались вне всякой связи с практикой. <...>

Если прибавить к этому, что филоксеру [*вид тли, обитающей на корнях винограда. Примеч. ред.*] “прозевали” потому, что она не была известна до ее обнаружения в Европе, что теперь всевозможные заносы вредителей все учащаются благодаря усилению авиации, то станет ясно, сколь даже объективно полезен тот смешной тип энтомолога, который, например, выведен Жюль-Верном в образе кузена Бенедикта в “Пятнадцатилетнем капитане”. А если мы примем в соображение то удовольствие, которое доставляет занятие энтомологией и вообще “чистой” наукой, даже коллекционерством, насколько оно заполняет досуг, делает жизнь интересной в самых глухих уголках, то польза ее станет очевидной даже там, где никакого практического использования от нее не получается. Люди, занимающиеся такой наукой не в качестве профессии, и чисто из интереса, и составляют тот “КУЛЬТУРНЫЙ ФОН”, которого нам еще очень недостает. <...> (45-47).

О применении математики и биометрии в биологии

Из письма А.А. Передельскому. 20.08.1950

<...> Вся моя работа пропитана биометрией, без этого я работать и думать не могу и не желаю (будучи убежден, что недостаточное введение биометрии в биологию приносит ежегодно многомиллионный убыток), а Вы сами знаете, что на биофак, как и на гуманитарные факультеты, идут преимущественно по признаку совершенной невинности в математике. Этот биологический обскурантизм поддерживается очень многими биологами, и очень умными к тому же, и эта нелепая доктрина сейчас проводится в жизнь в смысле полного изгнания математики и биометрии из биологических вузов стараниями уважаемого Т. Д. (*т. е. Трофим Денисович Лысенко – от ред.*). Жду не дожусь, когда эту доктрину постигнет судьба доктрины Марра и мой несокрушимый оптимизм заставляет меня думать, что ждать остается недолго. <...> (59).²⁰⁴

Об искусстве и науке

Из письма Б.С. Кузину. 19.09.1951

<...> Не могу не привести одно из выражений математика Мордухай-Болтовского о математике: “Ведь это единственная наука, ставящая условием красоту, изящество и т. д. Она стоит на грани науки и искусства. Ее следует оценивать не только как полезную науку, но также как расцениваются прелюдии Шопена или симфонии Бетховена”.

Я считаю, что Мордухай-Болтовский неправ в том отношении, что считает математику единственной наукой, ставящей условием красоту. Это свойственно всем подлинным наукам и систематик, конечно, в своей работе получает прежде всего удовлетворение своему эстетическому чувству. Но так как большинство людей противопоставляет стремление к истине стремлению к красоте, то большинство ученых стыдится в этом признаться, а псевдоученые, нахлынувшие в массу в область науки, конечно, не стремятся ни к истине, ни к красоте, а только тому, чтобы получше поесть, получше одеться и помягче поспать. Чем выше стоит наука, тем больше в ней играет роль интуиция, догадка, воображение и все прочие способности, присущие только искусству в обычном понимании. Догадка в математике и физике играет огромнейшую роль.

Один математик, академик Н.М. Крылов мне даже цитировал выражение одного французского математика: “ГЕНИАЛЬНЫЕ МАТЕМАТИКИ ВЫСКАЗЫВАЮТ ТЕОРЕМЫ, А ТАЛАНТЛИВЫЕ ИХ ДОКАЗЫВАЮТ”. Хваленое воображение поэтов, художников и т. д. не идет ни в какое сравнение с воображением современных математиков, строящих неэвклидовы геометрии, геометрии многомерного пространства, формулирующих абстрактные положения теории групп множеств и т. д. Поэтому когда говорят, что искусство выше науки, то к этому можно присоединиться в таком понимании: те способности, которые считаются особенно необходимыми для искусства, характеризуют в своем лучшем развитии наиболее гениальных людей. <...> (79-90)

Двух станов не боец...

Из письма К.В. Беклемишеву. 7.03.1953

<...> Позиция “двух станов не боец” вызывает решительное осуждение, как отсутствие твердых убеждений. Я склонен думать наоборот: ИМЕННО СОЗНАТЕЛЬНОЕ ИЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ НАДЕВАНИЕ НА СЕБЯ ШОР ОЗНАЧАЕТ НЕТВЕРДОСТЬ СОБСТВЕННЫХ УБЕЖДЕНИЙ О БЕЗУСЛОВНОЙ СПАСИТЕЛЬНОСТИ

²⁰⁴ “Ждать” и **действовать** ради этого, в том числе самому А.А. Любищеву, автору работы “О монополии Т.Д. Лысенко в биологии” посланной в ЦК КПСС в 1953 г. и других выступлений в защиту науки оставалось еще 15 лет. (См.: Любищев А.А. В защиту науки. Л.: Наука, 1991; Любищев А.А. Этика ученого. Подбор писем и статей А.А. Любищева против лысенковщины. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1999.

РАЦИОНАЛИЗМА, БОЯЗНЬ УСТУПКИ “ЛУКАВОМУ РАЗУМУ” [выделено мною. – А. А.] .

Но даже принимая как первое приближение, что в период решительных переворотов позиция “двух станов не боец” недопустима, мы должны вспомнить старую поговорку: “всякому овощу свое время”. Убежденность с отрицанием “с порога” всякого инакомыслия, нетерпимость, даже фанатизм могут быть полезны в период крупных переворотов, но превращаются в безусловный вред в период эволюционного прогресса после завершения переворота, так как тогда они стремятся остановить развитие мысли. <...> (258-259).

Двух станов не боец, а только гость случайный.
За правду я б и рад поднять свой добрый меч,
Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь.
Союза полного не будет между нами,
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я б знамени врага отстаивал бы честь!

А.К. Толстой

[Приведа эти строки поэта, А.А. Любичев в письме к сыну (4.12.1953) замечает: “...Когда я говорю с коммунистами, я многим из них (конечно, не очень умным) кажусь страшной контрой, и, наоборот, в разговоре с людьми, критикующими современность, я часто наталкиваюсь на вопрос: “Вы – коммунист?”

Я унаследовал это свойство от моего покойного бати, я считаю это объективностью, отсутствием фанатизма и не вижу в этом ничего дурного...” (Любичев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1997, с. 223-224). – А.А.]

Будьте независимы!²⁰⁵

<...> И вот я думаю, что я все-таки имею право дать совет молодым людям на их жизнь. Мой совет: **будьте независимы** [здесь и далее выделено мною – А.А.] , и этот совет можно понимать в разных смыслах:

1. Независимость от окружающих. “Ты сам свой высший суд”. Это вовсе не означает презрения к людям или культа собственной личности. Это просто означает, что высшим арбитром в решении спорных вопросов должны быть собственные разум и совесть.

2. Независимость от условий среды. Очень часто в оправдание обывательского загнивания приводят слова: “среда заела”, говорят о скуке и однообразии тех или иных условий существования. Но мы знаем множество примеров, когда человек, усиленно работая над собой, преодолевая самые неблагоприятные условия, не только достигал хорошего среднего уровня, но подымался по своим результатам и по своему умственному развитию высоко над окружающим уровнем.

3. Независимость от узкой специализации. Специализация необходима и неизбежна, но это не влечет за собой разделения всего человечества на узких специалистов. Есть хорошее изречение: надо знать все о кое-чем и кое-что обо всем. Умственная культура человека должна строиться не в одном направлении и не в одной плоскости, а про крайней мере в двух-трех, взаимоперпендикулярных направлениях;

²⁰⁵ Настоящий текст приводился ранее в: ДСиСА - 1, раздел 6.5.3.

такой принцип осуществляет связь разных специальностей и обуславливает целостность и прочность всего мировоззрения человека.

4. Независимость от догматов любого сорта: если можно говорить о бесспорном выводе из истории человеческой культуры, то любое, самое прогрессивное учение, переходя в неподлежащий критике догмат, из стимула развития превращается в тормоз развития. <...>

Любищев А.А. Каким быть. 25.01.1956. (Цит. по: Марасова Л.И. Классные часы в школах № 34 и 38 г. Ульяновска о жизни и творчестве А.А. Любищева / XII Любищевские чтения. Ульяновск, 2000, с. 85)

7.6.5. Собеседники и соавторы А.А.Любищева

Ремарка: кто же здесь автор?

Интересно замечание редакторов сборника: А.А.Любищев. Мысли о многом. Ульяновск, 1997 (Р.В. Наумов, А.Н. Марасов, В.А. Гуркин):

“...У данной книги фактически несколько авторов, прежде всего это, конечно, Александр Александрович Любищев, мысли которого составляют главное содержание. Но с полным правом авторами данной книги можно считать и тех корреспондентов, в переписке с которыми А.А. эти свои мысли развивал. Также и составитель, Ольга Петровна Орлицкая – жена А.А. – имеет право на авторство, во-первых, потому, что подборку материала из огромного эпистолярного наследия А.А. она осуществляла согласно своей точке зрения, а, во-вторых, в некоторых дискуссиях... она сама принимала активное участие...” (Любищев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1997, с. 270). -#

Ниже – извлечения из откликов корреспондентов А.А. Любищева на “Мысли о многом” (начало 50-х). В скобках указаны страницы по названному изданию. (Апрель 2000).

Н.М. Воскресенский – А.А. Любищеву (6.03.1952; Курган)

Дорогой А.А.!

<...> Я готов с радостью поддерживать эпистолярный обмен мыслей, раз Вы уже включили меня в свою философскую интереснейшую конференцию (не обижайтесь за это сравнение).

Я хотел бы подчеркнуть одну черту Вашей манеры изложения своих взглядов, которая мне чрезвычайно нравится – это “растекание по дереву”, как Вы ее обозвали, хоть это и не совсем так: при растекании основная нить (“сквозное действие” по Станиславскому) теряется и может вовсе исчезнуть, а у Вас лишь так окружается экскурсиями в смежные области, что само изложение основного в результате делается выпуклее и яснее; иногда, впрочем, надо, чтобы временно не потерять нить, перечитать написанное Вами, каковое от этого становится интереснее; а эта эмоция стимулирует внимание к собственной мысли; в чтении видишь Вас быстро говорящим, нагромождающим мысли. <...> (260-261).

Б.С. Кузин – О.П. Орлицкой (31.01.52; Алма-Ата)

Дорогая Ольга Петровна!

<...> По-настоящему мне теперь следовало бы года на два удалиться на необитаемый остров, захвативши с собой “Мысли” и несколько стоп чистой бумаги. Там писать свои соображения по поводу каждого прочитанного отрывка. И мне очень грустно, что я заведомо не “проработаю” таким образом и десятой доли собранного Вами материала. – Даже на живые и актуальные письма, смотришь, сколько времени не могу собраться ответить... Не ответить Вам на письмо тотчас же я не мог. Уже хотя бы потому,

что было бы величайшим свинством не поблагодарить Вас за присылку такой необычайно вкусной мозговой пищи. А ответ отнял еще время от ее поглощения. Все равно эту вещь быстро глотать не годится <...> (262).

Б.С. Кузин – О.П. Орлицкой (14.09.1952)

<...> За это время я несколько раз перечитывал отдельные места “Мыслей о многом”. И мне стало виднее, что они очень неравноценны. В них представлены очень блестящие рассуждения А.А., и довольно слабые. Не знаю, хорошо это или плохо. Если Ваша цель была запечатлеть наиболее ценные плоды деятельности ума А.А., то, конечно, примесь менее ценного досадна. Но с точки зрения создания портрета А.А., это получилось удачно, т. к. для него как раз характерно это сочетание большой разрешающей силы ума с не всегда правильным определением области приложения этой силы. И в этом отношении выбранные Вами образцы очень показательны. <...> (263-264).

О.П. Орлицкая – Б.С. Кузину (3.10.1952)

<...> По поводу “Мыслей о многом”. Вы пишете, что эти мысли неравноценны. Все дело в том, что эти “Мысли о многом” выбрала из груды писем А.А. и разных лиц я, а не он подбирал, что ценно или, напротив, не заслуживает отбора. Следовательно, я и виновата в том, что не сумела отобрать то, что отражало бы наиболее ценные плоды деятельности ума А.А. Но я как раз, кстати, и не задавалась целью взвешивать на весах, что более, а что менее ценно. Я подбирала зачастую то, что как раз больше всего вызвало возражения со стороны корреспондентов А.А., а, следовательно, как мне казалось, и положения, которые отстаивал А.А., были спорны.

Вы написали: **“Но с точки зрения создания портрета А.А. это получилось удачно, т. к. для него как раз характерно это сочетание большой разрешающей силы ума с не всегда правильным определением области приложения этой силы”**.

А раз так, то выходит, что я действительно всесторонне (в силу возможностей) и достаточно объективно подошла к подборке “Мыслей о многом”. <...> (264)

(Цит. по: Любищев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1997)

Ремарка: читатели, собеседники, соавторы

Приведенная выше, наша собственная композиция извлечений из книги “Мысли о многом” (той, где со-авторами А.А. Любищева выступают его жена, дети, друзья) являет собой, по-видимому, “вторичное” (“третичное”?) СО-авторство.

...Всякий читатель – потенциальный СО-БЕСЕДНИК, а всякий со-беседник – потенциальный СО-АВТОР!

Вот и автор этих строк со-беседует с героями и действующими лицами настоящей книги. А они – со-авторствуют с ним... (Апрель 1999).

7.6.6. А.А. Любищев: масштаб личности и духовное наследие

[Ниже – статья Рэма Георгиевича Баранцева, опубликованная, под названием “О духовном наследии А.А. Любищева”, в журнале “Реальность и субъект” (1999).²⁰⁶

Р. Б. был одним из тех, кому Любищев завещал заботу о своем архиве.

²⁰⁶ О моем друге, математике и философе, профессоре Санкт-Петербургского университета Рэме Георгиевиче Баранцеве см.: ДСиСА – 2, раздел 8.12. См также: <http://narod.ru/disk/11941452001/AA%20%26%20RB%20Letters.doc.html>

Рэм Баранцев сегодня – один из главных публикаторов любищевского наследия. – А. А.]

С 1890 по 1972 год в России жил человек, который, будучи виталистом, открыто критиковал материалистическое мировоззрение и в качестве основного постулата этики призывал способствовать победе духа над материей. Не имея академических званий и широкой прессы, Александр Александрович Любищев был известен сравнительно небольшому кругу людей. Но он оставил гигантское рукописное наследие, по мере освоения которого постепенно вырисовывается подлинный масштаб ученого-гуманиста.

Архив Любищева превышает 2000 печатных листов. Наряду с научными трудами он включает переписку (600 л.) и дневники (200 л.), о которых писал Д.А. Гранин в повести “Эта странная жизнь”. В последние годы опубликованы книги Любищева: “Проблемы формы, систематики и эволюции организмов”; “В защиту науки”; “Расцвет и упадок цивилизаций”; “Линии Демокрита и Платона в истории культуры”; “Мысли о многом”; готовится к публикации книга “Наука и религия”. В г. Ульяновске, где он провел последние годы жизни, ежегодно проводятся Любищевские чтения. Имя А. Любищева стало упоминаться рядом с именами К. Линнея, Д. Менделеева, Н. Вавилова, В. Вернадского.

Чем же интересно, актуально, значительно наследие Любищева?

Лет 15 назад один из молодых людей после недельного погружения в его архив сказал: “Я нашел ответы на вопросы, которые еще не успел себе поставить”. Наше крутое время успело поставить множество горячих вопросов. И если выделить те фундаментальные вопросы, которые связаны со сменой парадигмы, то ответы на них скорее можно найти в трудах Любищева, чем в море публикаций современных социологов. Переживаемый ныне кризис мировоззрения заботил Любищева задолго до того, как его осознано общественное мнение. Корни ошибок он правильно связывал с одномерной структурой мышления, указывая, что диалектика не сводится к антитезам “или-или”. И во всех своих работах он демонстрировал диалектику многомерную. Так, в книге “Наука и религия” упоминаются 5 форм суеверий и 6 степеней защиты религии, а 4 вида жертв инквизиции сопоставляются с аналогичными категориями в современных преследованиях. Системы мировоззрений он обычно рассматривал в 5-мерном пространстве: онтология, гносеология, биология, этика, социология.

Одновременно Любищев разрабатывал такие проблемы многомерной диалектики как ортогонализация осей семантического пространства, комплексирование признаков по критериям реальности, синтезирование целостных сущностей. Еще в 40-е годы он ставил вопрос о “преодолении всех форм плюрализма в едином высшем синтезе”, в 70-е годы писал: “Проблема целостности сопряжена с глубочайшими философскими вопросами”.

Открытая методология, которую с трудом постигает сегодняшняя синергетика, была доступна Любищеву во все годы господства идеологии закрытого общества. В письме к Д.А.Никольскому от 20.12.60 он утверждал:

“Детерминизм является не только антинаучным, но ответственным за многие выводы, которыми многие ученые и неученые пытаются оправдать все мерзости истории”.

В статье, посвященной принципу дополнительности, он отмечал, что согласно Бору высшая мудрость должна обязательно быть выражена путем использования таких слов, смысл которых нельзя определить однозначно, и между прочим само понятие дополнительности трактовал в 4-х вариантах. В письме к В.Н.Беклемишеву от 05.11.58 читаем:

“Я думаю, что среди открытий XX века следует различать три группы: 1) те, которые поддерживают сделанные выводы, но не ставят никаких новых проблем, 2) те, которые ставят по новому казалось бы разрешенные проблемы, 3) те, которые оказываются совершенно непредвиденными. Первую категорию следует признать приятными открытиями, вторую – полезными, третью – интересными”.

Прогресс в обществе Любищев признавал в смысле гуманизации, оговаривая однако, что он идет не прямолинейно, а зигзагообразно. Откликаясь на речь В.А. Энгельгардта “Творчество ученого” по радио 19.12.64, Любищев писал 21.12.64:

“В.И. Вернадский и Тейяр де Шарден, отошедшие уже в вечность, все время настаивали, что с появлением разумного человека народилась новая сфера бытия, ноосфера, область действия сознательного разума. Не этот ли инстинкт, стремление к чистому знанию, к рационализации всего бытия, является основным принципом развития ноосферы, подобно эктропизму в биосфере. Может быть, для биосферы можно согласиться в первом приближении, что природу к жизни побуждают голод и любовь, но следование этому положению в ноосфере, как ведущему принципу, есть предательство человека по отношению к своему высшему назначению... Порыв ученого к познанию, сходный с “жизненным порывом”, есть нечто первичное, в подлинном смысле слова ведущее”.

По поводу слов о рационализации всего бытия развернулась острая дискуссия Любищева с П.Г.Светловым, который писал:

“Познание не обязательно результат рационализации. Знание имеет множество источников и рефлектирующий разум – лишь один из них... Часто знание противоплагают вере. Антитеза: “чистое” знание и “слепая” вера. Однако, как знание может быть слепым и нечистым, так и вера может быть не слепой и чистой... За пределами применимости разума залегает огромная область, океан своего рода, о котором нам дают понятие внеразумные источники знания, каковые служат и фундаментом разумного”.

Любищев отвечает:

“Я... чувствую себя в одной компании с Эйнштейном, Эддингтоном, Гейзенбергом, Шредингером, Вейлем...”

Все они – рационалисты, как и Кант: религия в пределах чистого разума; а глубоко религиозные люди, как наш покойный друг В.Н. Беклемишев и ты, интуитивисты. Вот этого у меня нет и потому я совершенно бессилён в размышлениях на темы религии в духе, например, П.А. Флоренского... Но я высоко ценю все разумное, что дала в частности христианская религия. Проповедь любви и учение о Логосе, данное апостолом Иоанном, интернационализм апостола Павла и то критическое отношение, которое дано в поведении апостола Фомы”.

Свой рационализм Любищев видел в том, чтобы не ставить априорных пределов возможностям познающего разума. Такое понимание рационализма далеко выходит за рамки классического идеала и представляет интереснейший объект для современных охотников расширенного толкования этого термина. Склоняясь к пантеистическому мировоззрению, Любищев стремится к высшему синтезу Истины, Красоты и Добра на пифагорейском пути в развитии Культуры. Не случайно в своей работе он приводит слова А. Эйнштейна: “Все религии, искусства и науки являются ветвями одного дерева”.

Дополняя голод и любовь жаждой познания, а полезное и приятное – интересным, Любищев фактически образует системные триады.

Отталкиваясь от традиционной постановки вопроса о двух линиях в философии, он неминуемо приходит к мысли, что “надо говорить не о двух линиях – Платона и Демокрита, а по крайней мере о трех. Третья линия – линия Аристотеля, которую строго говоря, нельзя отнести ни к чистому идеализму, ни к чистому материализму”.

Потрясающая эрудиция, удивительная работоспособность, гражданское мужество Любищева получили широкое признание. Покоряет самостоятельный, независимый, свободный стиль его жизни и работы, предельная честность и щедрость в науке, уважение к инакомыслящим. Находит понимание его многомерная диалектика, ценится рационализм, оптимизм, гуманизм. И в масштабе уходящего века можно видеть его как гигантский мост разума над бездной упадка, ведущий от нравственных традиций российской интеллигенции к грядущему подъёму духовности.

(Баранцев Р.Г. О духовном наследии А.А.Любищева // Реальность и субъект, 1999, N 1/2, с. 154-155).

7.6.7. Критический плюрализм А. А. Любищева²⁰⁷

[Ниже — тезисы одноименного доклада Ю.В. Линника²⁰⁸, подготовленного к XIX Любищевским чтениям в Ульяновске, состоявшимся в апреле 2005 г. — А. А.]

1. Заимствуя понятие «критический плюрализм» у К. Поппера, я хочу подчеркнуть, что между ним и А.А. Любищевым немало созвучий (*Поппер К. Все люди — философы. М., 2002, с. 26*). Сопоставление двух мыслителей укрепляет мое убеждение, что критический рационализм эволюционирует в направлении критического плюрализма — находит в нем оптимальную для себя форму.

Трудно представить критическую форму монизма — естественное для него тяготение к унификации оборачивается догматизмом; внутри монизма затруднена полемика.

Замечательно, что декартовский дуализм зарождается в лоне радикального сомнения, — однако существует опасность, что он будет бесконечно осциллировать между своими полюсами, не получая положительного разрешения. Тем не менее самоочевидно, что дуализм и критицизм совместимы — в рамках этого мировоззрения разум обретает почву для спора, диалога, дискуссии. Напомним, что главное назначение разума К. Поппер видел как раз в инициации «критической дискуссии» — и дуализм, изоморфный бинарному коду бытия, тут является отличным ферментом (*Там же*). Но еще более этой задаче соответствует плюрализм.

2. «Критическая дискуссия» у К. Поппера — это не только внешняя арена для разума, но и выражение его сущностной природы. Разум призван дискутировать с самим собой! И дискутировать критически. Разум есть нескончаемая самодискуссия. Это прекрасно показал родоначальник рационализма Сократ. Вспомним, что провоцированные им споры внутренне плюралистичны — в них сталкиваются не два, а чаще несколько подходов. Для Сократа «критическая дискуссия» была не просто методом, а скорее образом жизни, который хотелось бы спроецировать на весь социум. К. Поппер приходит к схожим мыслям. Состояние перманентной «критической дискуссии» — это норма для открытого демократического общества. Повторим еще раз: рационалистический монизм быстро исчерпывает себя, закостенева в своих претензиях на исключительность и бесспорность; критический дуализм, содействуя зарождению столь важных для познания антиномий, грозит навечно оставить их неразрешенными; нельзя исключить, что духу истины — и духу свободы — максимально соответствует именно критический плюрализм.

3. Диалоги Платона могут вести к вполне монистическому выводу. Но это движение осуществляется в атмосфере толерантности. Все высказываются в полную меру — нет ни прерогатив, ни дискриминаций. Цензура отсутствует начисто. Вот здоровый пример! Характерно, что ранние диалоги Платона — их называют «сократическими» — часто оставляют обсуждаемую тему открытой; нет вывода — нет результирующей — нет окончательной дефиниции! Очень возможно, что в этой незавершенности своеобразно проявилась разомкнутость истины — ее внутреннее родство с бесконечностью. Диалоги Платона оказали весьма нетривиальное влияние и на стиль мышления А. А. Любищева, и на поэтику его статей. Часто они как бы изоморфны диалогам Платона. Это неявный изоморфизм. Тем не менее именно в нем находит свое самое тонкое и сокровенное выражение глубокая привязанность А.А. Любищева к Платону. Вот вторая часть статьи «Уроки истории науки».

²⁰⁷ Настоящий текст представлен также и в ДСиСА – 4 (раздел В3.2.2). Здесь он приводится повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

²⁰⁸ Юрий Владимирович Линник — философ, культуролог, поэт (живет в г. Петрозаводске).

Здесь поочередно обсуждается гегемония авторитетов, большинства, практики, традиции, математики, точных наук, эксперимента. По сути каждый «гегемон» — как участник диалога, или полиалога: все они не просто последовательно «выступают», но и спорят между собой. Если редуцировать диалоги Платона к их смысловой составляющей, убрав персоналии и драматургию, то мы получим схожую канву. Можно представить и обратную операцию — своего рода инсценировку статей А. А. Любищева. Тогда они станут похожими на диалоги Платона. Такая транскрипция может иметь разве лишь игровое или педагогическое оправдание. Но главное, что она принципиально возможна: диалогизм — и именно платоновский диалогизм! — как бы имманентен стилистике А. А. Любищева.

4. Не элиминация оппонентов, а скорее их культивирование: вот установка «критического плюрализма». Разум зиждется на изначальной бифуркации Единого, запускающей ветвящуюся цепь тез и антитез. Единое само по себе мета-разумно. А потому и несказуемо. Тогда как раздвоение Единого ведет к бинарному коду, который является структурной основой и сократического диалога, и кантовских антиномий. «Критический плюрализм» имеет глубочайшее онтологическое обоснование. Дискуссии — это жизненное; там, где дискуссия невозможна, верх берет унификация, замещающая ничтожное Единое на социальном уровне; за псевдо-согласием и псевдо-еди-нодушием может скрываться танатофилия — влечение к небытию. Таков коммунистический социум — дискуссия там табуирована! Дискуссия витальна. В ней находит свое выражение антиэнтропийное начало бытия.

5. В сократических диалогах Платона звучит полифония критического разума. Монофония разуму противопоказана. Она опять-таки заканчивается обрывом в Единое, не знающее никаких различий и противоположений — разум в такой ситуации не только не может мыслить самого себя: его попросту нет. Разноголосица мнений нужна разуму как питающая среда. П.А. Флоренский называл диалоги Платона «драматизированными антиномиями». Тут возможно не только классическое двухголосие, но и многоголосие: когда структура спора, перерастая диаду, уводит к триаде, тетрактиде и более сложным сочетаниям. Такое многоголосие характерно для А.А. Любищева. Например, он сравнивает семь гипотез происхождения позвоночных — и каждая из них представлена своими лучшими аргументами. Как бы воссоздается атмосфера платоновского симпозиона! Состязательность способствует оптимальному выбору. Когда делается отбраковка, то она мотивируется всесторонне; отброшенное помогает укрепиться апробированному — оказавшиеся неверными или избыточными движения мысли не пропадают втуне.

6. В кантовских антиномиях спорят два голоса. Г.В.Ф. Гегель введением синтеза добавляет к ним третий. Но этот процесс может быть продолжен! Исходная диада если не снимается здесь вовсе, то все же теряет жесткий характер, открывая путь к новым, подчас весьма нетривиальным возможностям. Очень вероятно, что плюрализация коррелирует с уровнем организованности: в фундаменте бытия — где раздвоение Единого обнаруживается со всей непосредственностью — мы находим четко бинарные структуры типа корпускулярно-волнового дуализма, но с подъемом на более высокие ступени происходит размывание оппозиций и замещение их более сложными, не двух-, а многочленными схемами. Эта тенденция созвучна «критическому плюрализму», собственно, она и делает его возможным. Утвердившись в исходной дихотомии, критический разум не исключает возможности ее расшатывания, ослабления — исподволь он переходит к политомии, преодолевая привычный алгоритм альтернативного мышления.

7. У А.А. Любищева мы видим явную тягу к вовлечению в критический анализ как можно большего числа гипотез и теорий. Чем богаче такое множество, тем труднее оно накладывается на дихотомический развил — внутри него действуют весьма гетерогенные,

не укладывающиеся в привычную матрицу отношения. Мы поняли, что фундаментальная истина не унитарна, а по крайней мере комплементарна. А если дополнительность тут не является последним рубежом? Она очень удобна для описания дуалистического космоса. Но как ее применить в плюралистическом Универсуме? Быть может фигура Лейбница выдвинется на первый план в методологических исканиях XXI века — плюрализм все больше привлекает нас и онтологически, и ценностно. Мы все острее чувствуем, что критический разум уже не довольствуется мышлением по схеме «pro» и «contra» — ощущается потребность перейти на более гибкий язык, адекватный многомерной истине.

8. Сократ — Кант — А.А. Любищев: эти фигуры видятся в одной перспективе, ибо ярко воплощают дух рационализма с его трезвой оценкой возможностей человеческого познания. Все три мыслителя сохраняли верность идеалу единой истины. Но каждый по-своему ощутил ее недостижимость:

а) Сократ смирился с тем, что предельно общие понятия лежат за порогом однозначных дефиниций — и апеллировал к вне-рациональным аргументам типа анамнезиса;

б) И. Кант открыл, что разум, пытаясь выйти за пределы опыта, неизбежно порождает антиномии;

в) А.А. Любищев показал, что ПРОЦЕССНАЯ ИСТИНА МОЖЕТ БЫТЬ МНОГОЗНАЧНОЙ. МЫ ДВИЖЕМСЯ К НЕЙ С РАЗНЫХ — ПОДЧАС ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ — СТОРОН, ВСУЕ ПЫТАЯСЬ ИСЧЕРПАТЬ ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ. МЫ ДИСКУТИРУЕМ ОБ ИСТИНЕ. А ЕСЛИ ИСТИНА И ЕСТЬ ДИСКУССИЯ? [*Выделено мною. — А. А.*]. Создается ощущение, что именно такую форму она обретает в исследованиях А.А. Любищева — причем не в тех выводах, к которым они приводят, а в самом характере движения к ним. Выводы могут быть спорными в своей однозначности. Но импульс любийцевской мысли не дает нам остановиться на них! Самое ценное — именно дискуссия, дух которой А. А. Любищев умеет воспроизводить и сохранять как никто другой.

(Линник Ю.В. Критический плюрализм А.А. Любищева / XIX Любищевские чтения. Т. 2. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2005, с. 181-184)

7.6.8. Дополнительные факты и соображения

= Две ремарки от автора

Ремарка 1: Начало любийцевяны (70-90-е гг.)

Как уже отмечалось ранее в томе 1 (раздел 6.5) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», ныне, усилиями друзей и учеников Александра Александровича один за другим выходят все новые и новые – извлекаемые из архива – биологические, исторические, культурологические, философские труды Любищева, его эссе и письма.

Суммарный объем этих посмертных публикаций уже далеко превысил объем прижизненных.

Здесь ограничимся краткой библиографией – перечислением только монографических публикаций А.А. Любищева, появившихся за последние 20 лет:

- Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М.: Наука, 1982;*
- Дисперсионный анализ в биологии. М.: МГУ, 1986;*
- Каким быть (мое пожелание молодежи). Основной постулат этики. Двух станов не боец. Партийность культуры. О морали, браке, любви. Ульяновск, 1990;*
- В защиту науки. Л.: Наука, 1991;*

– *Материалы в помощь начинающим научным работникам*. Ульяновск: УГПИ, 1991;

– *Расцвет и упадок цивилизаций*. Ульяновск-Самара: Русский лицей, 1993;

– *Мысли о многом*. Ульяновск: УГПУ, 1997;

– *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. М.: Электрика, 1997;

– А.А. Любичев – А.Г. Гурвич. *Диалог о биополе*. Ульяновск: УГПУ, 1998;

– *Этика ученого*. Ульяновск: УГПУ, 1999.

(Во всех перечисленных изданиях имя А.А.Любичева – на титуле).

Еще в 1982 г. в научно-биографической серии АН СССР вышла книга:

– Александр Александрович Любичев. 1890-1972. Л.: Наука, 1982.

(Среди авторов этой книги: П.Г. Светлов, ныне покойный; дочь А.А. Любичева Е.А.Равдель, ныне покойная; С.В. Мейен, ныне покойный; Ю.А. Шрейдер, ныне покойный; Р.Г. Баранцев; М.Д. Голубовский; В.А. Дмитриев; А.Ф. Зубков; О.М. Калинин; В.Г. Ковалев. Все это люди, очень много сделавшие для освоения и распространения идей А.А.Любичева).

Пожалуй, наиболее полный обзор теперь уже четвертьвековой любичевяны содержится в статье Б.С. Шорникова “К 25-летию Любичевских (биометрических) чтений (историография и хроника)”, опубликованной в сборнике “Теория эволюции: наука или идеология?” (М.-Абакан, 1998).

Б.Ш. выделяет четыре этапа в освоении наследия Любичева:

1) Осознание горечи утраты (1972-1976);

2) Осмысление феномена А.А.Любичева как гуманиста-энциклопедиста (1977-1982);

3) Издательско-публицистический период реализации наследия А.А.Любичева (1983-1990);

4) Расширяющееся понимание (с 1991).

До 1990 г. Любичевские чтения, посвященные теоретико-биологическим, биометрическим, классическим, общенаучным и философским проблемам, происходили в основном в Ленинграде и в Москве. Ныне центр этих чтений переместился в г. Ульяновск.

В 1990 г. (год столетия со дня рождения Любичева) на стене старого корпуса Ульяновского педагогического института (ныне Ульяновский государственный педагогический университет), был открыт мемориальный горельеф.

В апреле 2000 г. в Ульяновске состоялись очередные, уже двенадцатые Любичевские чтения.

Оргкомитет Любичевских чтений в УГПИ, в составе: проф. Р.В. Наумов, доц. А.Н. Марасов и доц. В.А. Гуркин, – является постоянно действующим.

...И вот только что (июнь 2000) произошло важнейшее событие: в серии “Философы России XX века” вышли два тома избранных сочинений А.А. Любичева (ответственный редактор и составитель – Р.Г. Баранцев):

– Любичев А.А.. *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*”. СПб: Алетейя, 2000, 256 с.;

– Любичев А.А. *Наука и религия*. СПб: Алетейя, 2000, 358 с.

Все, для кого значимо и дорого имя Любичева, поздравляют и благодарят Тебя, Рэм! (Сентябрь 1999 – июнь 2000).

Ремарка 2: мысль изреченная всегда неполна...

Несколько слов относительно любичевской “апологии рационализма”.

Читатель, вероятно, помнит “антирационалистические филиппики”

Ухтомского, цитировавшиеся выше. Ухтомский, вероятно, солидаризировался бы с П.Г. Светловым или Б.С. Кузиным (см. выше) в их с Любичевым споре о рационализме.

Наша собственная позиция в данном вопросе сегодня, пожалуй, все же ближе к Ухтомскому – в морально-этическом аспекте, а в гносеологическом – к М. Полани или Питириму Сорокину (см. том 4 (разделы П.23.2 и П.23.3) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии»), чем к Любичеву.

Однако не стоит так уж абсолютизировать мировоззренческие ЗАЯВЛЕНИЯ мыслителей!

...И Любичев был вовсе “не только” рационалистом, иначе мы бы не наблюдали “феномен Любичева”, во всем богатстве и величии его умственных, душевных и духовных жизнепроявлений.

...И Ухтомский, разумеется, делал свои выдающиеся открытия в области физиологии нервной системы и т. д. – вовсе не на “одной только” иррациональной основе.

И так далее...

Отмеченные “рассогласования” (противоречия) лишь подтверждают ту всеобщую, как нам кажется, закономерность, что целостная личность, “лицо”, человек, во всем многообразии своей жизнедеятельности, – “шире” ЛЮБОЙ декларации или “символа веры”.

Интересен обмен репликами на эту тему П.Г. Светлова и А.А. Любичева в их переписке.

“Интуитивист” Светлов пишет “рационалисту” Любичеву по поводу только что прочитанной рукописи последнего “Наука и религия” (письмо от 21.11.1969):

“...Я далек от мысли упрекать тебя за то, что ты ограничил план своей работы взаимоотношениями науки и религии как общественных явлений, сделав центром внимания пользу и вред, приносимый ими друг другу. Вышло здорово: бесчисленные нападки на религию, как на врага науки, оказались разбитыми вдребезги. Замечательно, что это сделано безбожником! (Только во имя справедливости)...” (21.11.1969). (Любичев А.А. Наука и религия. СПб, 2000, с. 315).

А.А. Любичев отвечает своему корреспонденту (22.12.1969):

“...Ты пишешь, что с поставленной мной задачей я справился хорошо, и за это большое тебе спасибо. Напрасно ты только называешь меня безбожником, ведь в одном из предыдущих писем ты меня причислял к религиозным людям...”

Далее А.А. Любичев вспоминает апостола Фому:

“...Фома - наиболее критически мыслящий из всех апостолов. По поразительному совпадению имя Фомы носят три выдающихся мыслителя: Фома Аквинат, Кампанелла и Мор. Если угодно, моя работа “Наука и религия” проникнута духом апостола Фомы...” (Там же, с. 316).

Заметим еще, что всякого мыслителя следует воспринимать не изолированно, а в комплексе (единстве) с его “заслуженными собеседниками”.

Как справедливо пишет Рэм Баранцев в своем предисловии к избранным трудам А.А. Любичева, “...рациональность Любичева, эстетичность Кузина и духовность Светлова в своем единстве образуют ту ноосферную целостность, которая достойным образом завершают эту книгу” (Баранцев Р.Г. На пути к единому знанию / Любичев А.А. Наука и религия. СПб, 2000, с. 10). (Июнь 2000).

7.6.9. В коридорах власти

= Из архива А. А. Любичева (1950-е гг.)²⁰⁹

²⁰⁹ Настоящий текст представлен также и в ДСиСА – 2 (раздел 8.12.2). Здесь он приводится повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

Разговор с Василием Васильевичем Ивановым.
Отдел пропаганды и агитации [ЦК КПСС. — А. А.]

[Беседе Любичева с В.В. Ивановым непосредственно предшествовала его беседа с В.П. Орловым в сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС. — А. А.]

Разговор продолжался короче, чем предполагалось (45 мин.), так как по телефону я договорился сначала с Орловым на 12 час. и Иванов тоже меня просил сначала на 12 часов, когда же я сказал, что я занят, он перенес на 13 час., но и тут меня задержал Орлов, а потом бегодня (это в другом здании и требуется новый пропуск), привело меня к тому, что я попал к Иванову в 13 ч. 45 м., а в 14 ч. 30 мин. у него начиналось совещание работников кафедр общественных наук. Секретарша Иванова меня спросила, не на совещание ли я прибыл. Когда я узнал, на какое совещание, то заявил: «Что вы — кафедры общественных наук мне только мешали в работе».

Иванов — довольно пожилой солидный мужчина — сначала заявил о своем уважении к представителям старой интеллигенции, а потом стал разъяснять разницу между «Крыльями» и «Гостями». Он сам заявил, что истинная сущность обвинения Зорина в клевете была сформулирована не четко и что дело в том, что Зорин указал, что власть разрешает и что у нас закладывается новая буржуазия и высший свет. Что объективным законом советского строя является то, что такие разложившиеся люди выявляются и подвергаются наказанию, между тем как по Зорину выходит, что советская власть закономерно такие явления, как Кирпичева и Дремлюгу, порождает. Поэтому за «Гостей» чрезвычайно ухватились наши враги в Бибиси, «Голосе Америки» и даже английском журнале «Экономист», обычно не касающемся вопросов литературы. Он привел пример Александрова, которого разоблачили и устранили с поста. Я ответил, что появление новой буржуазии и высшего света — несомненный факт. Они не являются закономерным порождением советской власти, но вполне закономерным порождением того культа личности, который у нас господствовал последние годы до 1953 г., когда без личного участия Сталина и солнце не всходило и земля не родила, что такое рождение нового высшего света представляет собой огромную опасность для всего дела социализма.

Когда он спросил, как же могут закономерно вырождаться избранники народа, я ответил, что будем откровенны: хорошо известно, что список выставляемых кандидатов составляется обкомами и горкомами, в большинстве случаев настоящие лица кандидатов нам неизвестны, а когда они хорошо известны, то часто кандидат уклоняется от встречи с хорошо знающими его избирателями: наш первый секретарь Скулков не баллотируется в Ульяновске. Избиратель, голосуя за кандидата, обычно голосует за советскую власть, а вовсе не за ему неизвестного кандидата (большой частью). Поэтому большей частью наши депутаты не имеют права считать себя персонально избранниками народа.

Что касается Александрова, сказал я, то, во-первых, он не был разоблачен, так как истинная причина его снятия с поста министра не была опубликована, а кроме того, с моей точки зрения, вина Александрова ничтожна по сравнению с виной такой фигуры, как Лысенко, а Лысенко продолжает оставаться президентом ВАСХНИЛ и проч. и тормозит развитие науки. Вот тут, кажется (а может быть я сказал это обоим), я сказал, что пока у власти Лысенко умные люди имеют право бояться рецидивов ежовщины. «Это невозможно» — ответил Иванов. «Я тоже думаю, что это невозможно, — ответил я, — но это мое убеждение я не в силах передать моим товарищам».

Поэтому я сказал, что в обвинении Зорина в клевете смешиваются две вещи: 1) возможность закономерного порождения разложившихся бюрократов советской властью и 2) такая же возможность, как следствие культа личности; и забывают, что время действия «Гостей» относится к началу пятидесятых годов. Вот если бы Зорин отнес это действие к настоящему времени, то тут обвинение в клевете имело бы основание, так как

сейчас о подобных злоупотреблениях в судебном ведомстве не слышно. Иванов ответил: «Но она была напечатана в 1954 году».

Я спросил о судьбе Зорина. «Он уже написал какую-то комедию, которая идет на сцене, — ответил В.В. Иванов. — Никаких репрессий он не претерпел».

Я спросил еще, что, значит, Бибиси и «Голос Америки» оказали Зорину плохую услугу, создав ему такую «паблисити»? Он ответил, что мы не настолько наивны, чтобы не заметить того политического вреда, который имела [нанесла? — А. А.] эта пьеса. «Однако многие товарищи не заметили, так как пьеса шла беспрепятственно в ряде театров».

В конце я заявил, что очень удовлетворен беседой, так как для меня сейчас вполне ясны психологические основания кампании, поднятой против Зорина, но я все-таки сохраняю свое старое мнение, что эта кампания была не нужна. Подробно обосновывать свою точку зрения по вопросу партийности культуры я не считаю возможным, так как думаю это сделать осенью в пятой главе «О монополии», которую я надеюсь, В. В. Иванов сможет прочесть.²¹⁰ Вкратце же могу сказать, что хотя в политике никакого участия не принимал, но давно интересуюсь как политикой, так и общефилософскими вопросами, и давно известен, в частности, как виталист (этот термин В.В. Иванову оказался неизвестен и он спросил: «А что это такое?») — пришлось вкратце разъяснить), и что понятием диалектического материализма сейчас пользуются вкривь и вкось. Необходимо творческое отношение к марксизму, а не догматическое, противное всякому духу марксизма, которое господствует в настоящее время.

На этом мы расстались.

26.VIII.55 г.

Москва. А. А. Любищев

(Цит. по: Любищев А. А. Этика ученого. Подбор писем и статей А.А. Любищева против лысенковщины. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1999, с. 61–63).

7.6.10. Уроки мысли, жизни и общения

...- Я - кто? Я - дилетант, универсальный дилетант. Слово-то это происходит от итальянского "дилетто", что значит удовольствие. То есть человек, которому процесс всякой работы доставляет удовольствие... (А.А.Любищев - о себе. - А.)

Д. Гранин ("Эта странная жизнь")

Ремарка: “любительство” Любищева

...И еще одна сторона “феномена Любищева”, оставшаяся до сих пор мало затронутой в нашем мозаичном портрете. Это его постоянное “любительское” обращение к истории, культуре, искусству, т. е. к сугубо гуманитарным областям, где он тоже был энциклопедистом (а не только в естествознании!).

Причем в данной сфере – не меньшая глубина, новаторство, независимость и даже “рискованность” суждений: “суд разума” над официальной или общепринятой точкой зрения.

Фактическое подтверждение сказанному можно найти хотя бы в серии любищевских публикаций в петербургском журнале “Звезда” последнего времени:

– “Идеология де Сент-Экзюпери” (Звезда, 1993, № 10);

²¹⁰ Речь идет о работе А.А. Любищева «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии».

– “Понятие великого государя” (Звезда, 1995, № 8);
– наконец, фрагменты 80-страничного письма Любичева – Д.А.Никольскому:
“Если бы противостояние с Москвой завершилось в пользу Новгорода...” (Звезда, 1999, № 10).

В последнем Любичев выражает убеждение в том, что “разгром Новгорода (Москвой, в XV веке) – “несчастье не только для Новгорода, но и для всего русского народа и даже отчасти для всего человечества”. Он показывает, что возникшее в период “собирания Руси” верховенство московской “программы и идеологии” было победой **регрессивной** тенденции над исторически прогрессивной, что существенно определило весь дальнейший ход российской истории.

(Этой же теме посвящена любичевская “Апология Марфы Борецкой”, опубликованная в цитирувавшемся выше сборнике “Мысли о многом”).

Иллюстрируя тезис об “энциклопедизме, рационализме и независимости” Любичева, приведем здесь фрагмент из еще одного его личного письма – Надежде Яковлевне Мандельштам, опубликованного недавно в журнале “Звезда”. См. ниже. (Июнь 2000).

А. Любичев – Н. Мандельштам (1955)

<...> В отношении того – составляют ли систему мои высказывания, ответ дан в длинном письме к Жеке²¹¹, копию которого Вам пересылаю. Я думаю, что сейчас все мои работы связаны друг с другом и обусловлены логической цепью обоснования и защиты новой БИОЛОГИИ. Это вместе с тем отчасти и объясняет то, что я не стремлюсь расширить многих своих эстетических запросов. По-видимому, Вы были очень довольны, что некоторые стихотворения Вашего покойного мужа [О.Э. Мандельштам. – А.А.] мне нравились. Верно, что одно или два я почувствовал. За это время у меня было еще и другое новое эстетическое переживание. Будучи в “Борке”, я первый раз с чрезвычайным удовольствием прослушал действительно высокую музыку. Там я слышал на долгоиграющих пластинках “Крейцерову сонату” Бетховена. Весьма возможно, что если бы я стал посвящать больше времени чтению стихов и слушанию хорошей музыки, я, может быть, и понял бы самые высокие произведения, но это не входит в мою систему, и потому я удовлетворяюсь теми стихами (скажем А.К. Толстого, Лермонтова, Жуковского, Некрасова и др.), которые мне приятны, не делая попытки подняться в более высокие сферы, которые я вполне уважаю, но считаю, что необъятное объять невозможно. Я резервирую за собой право считать, что необязательно непонятные для меня стихи и музыкальные произведения выше того, что я понимаю. Наряду с действительно очень высокими непонятными для меня произведениями, вероятно, непонятно для меня и многое такое, которое просто относится К ИНОМУ КАНОНУ [выделено мною. – А.А.], вовсе не более высокому, чем тот канон, который мне нравится. И вот для обоснования этого могу использовать опять то же слушание “Крейцеровой сонаты”. Что существует такая соната, я в свое время узнал только прочтя повесть Льва Толстого под тем же заглавием. Это было очень давно. Так как тогда я был полным нигилистом, музыкой не интересовался, то и полагал, что “Крейцера соната” написана Крейцером. Из самого чтения повести я сделал два вывода: 1. что написавший “Крейцерову сонату” Лев Толстой никак не мог быть счастливым в семейной жизни, и в этом я был, оказывается прав; 2. что эта самая “Крейцера соната” есть какое-то исключительно развратное, возбуждающее чувственность, произведение, если Лев Толстой, который большинством людей признается великим художником и великим знатоком разных видов искусства, избрал это произведения как символ господства животного начала над человеческим. Когда я узнал потом, что “Крейцерову сонату” написал Бетховен, вообще более, чем другой крупный композитор, для меня доступный, я прослушал эту сонату в хорошем исполнении, то

²¹¹ “Жека” – Евгения Александровна Равдель, дочь А.А. Любичева.

убедился, что, очевидно, Лев Толстой в настоящей музыке ни хрена не понимает. Более нелепого толкования, чем дал Лев Толстой, дать невозможно. Совершенно для меня ясно, что сам Лев Толстой был крайне обуреваем чисто животными стремлениями, это он сознавал и с этим старался бороться, но почему Бетховену попало – это уже дело чистой физиологии. Из воспоминаний Софьи Андреевны видно, что она когда-то увлекалась Танеевым. Л. Толстой, очевидно, сильно ревновал, и так как, возможно, С.А. с Танеевым исполняла “Крейцерову сонату”, то у Л. Толстого и образовался условный рефлекс, установивший связь между его ревностью и таким величайшим произведением, каким является “Крейцера соната”. Вы знаете, что наш общий друг Б.С. Кузин, у которого я гостил десять дней, резко отрицательно относится к Л. Толстому (между прочим, это не столь редкое явление). Я не являюсь восторженным поклонником Л. Толстого, считаю, что большинство его философствований (кроме суждения о Шекспире) чрезвычайно невысокого уровня, и ставлю его гораздо ниже А.К. Толстого или, например, Лескова, но все же я считаю его крупным писателем и не мог понять такого резко отрицательного отношения Б.С. Теперь я понимаю, и хотя своего отношения к Толстому не изменил, но этот случай с “Крейцеровой сонатой” прибавил мне еще один резкий аргумент для моего критического отношения к нему.

Ваше замечание о сравнении Энгельса и Ленина, по-моему, очень метко. Для Ленина философия была целиком подчинена его политической деятельности, и это было причиной написания его книги “Материализм и эмпириокритицизм” со всеми вредными последствиями. По ряду последующих замечаний Ленина в конспектах на “Историю философии” можно догадаться, что если бы у него было больше времени, он мог бы исправить сделанные им ошибки, которые сейчас книжниками и фарисеями, используются во вред культуре. Об этом у меня намечено написать в “Философских письмах”, но до них я доберусь, вероятно, не скоро, вернее, до соответствующей части “Философских писем”.

Теперь очень трогательны Ваши сомнения о своевременности (! -А. А.) моих писаний. Выражаясь Вашим языком, “позвольте, сказал Ал.Ал. и полез разговаривать...”. Эта фраза мне очень понравилась, и согласно с ней я сейчас и живу.

Вам кажется осложнением, что я, будучи рационалистом, в значительной части своих боковых высказываний – **моралист** [выделено мною. – А.А.], и потому я могу попасть на крючок. Хотя тут же Вы возражаете себе. Что я рационалист, это, конечно, верно. И мой рационализм распространяется целиком и на область морали. Поэтому я моралист не вопреки тому, что я рационалист, а именно потому, что я рационалист. Тут я вовсе не оригинален, тут я следую великой традиции Сократа, Платона, Аристотеля, Спинозы, Канта. Начиная с Сократа, развивается положение, что разум есть не только высшая, а единственная подлинная добродетель человека и что неразумный человек быть подлинно добродетельным не может.

Ваше рассуждение о моменте и времени вполне справедливо, и я вполне понимаю разницу между пеной и течением. Вы пишете, что течение других изученных областей мне не поможет. Эту область я очень внимательно и давно изучал. Я никогда не принимал участия в политике, но всегда ею интересовался, и поэтому я, пожалуй, лучше разбираюсь в ходе событий, чем многие лица, обвиняющие меня в наивности и оторванности от жизни. Поэтому я полагаю, что никакой крючок мне не угрожает. <...>

А.Любищев

Ульяновск. 15 октября 1955 г.

(Цит. по: Звезда, 1999, № 10, с. 124-125)

Ремарка: стиль Любищева

Для полноты картины, можно было бы процитировать еще какую-нибудь из работ А.А. Любищева, из области его “узко-профессиональных” научных интересов:

будь-то сельскохозяйственная энтомология или биометрия, генетика или эволюционная теория, и т.д., которые, кроме всего прочего, оказываются удивительно эвристичными для непрофессионального читателя (сужу по себе).

Например, его “Загадки биологии” (1970), недавно опубликованные в материалах XII Любичевских чтений (Ульяновск, 2000).

Но – не стану!

Пожалуй, наиболее репрезентативным в этом отношении до сих пор остается обзор, содержащийся в коллективной монографии об А.А. Любичеве, вышедшей 20 лет назад, под редакцией П.Г. Светлова, в серии “Научно-биографическая литература”: Александр Александрович Любичев. 1890-1972. Л.: Наука, 1982.

...В заключение, обратим внимание на “стилистику” письма А.А.Любичева к Н.Я. Мандельштам. Воспроизводя его выше, я опустил лишь несколько вступительных строк и заключение, где Любичев сообщает, что “...живем мы сейчас прекрасно. Дел у нас обоих (Любичев и Ольга Петровна Орлицкая. – А.) столько, что не до скуки...” (следует перечисление “дел” – на несколько строк).

“...Материальное положение у нас улучшилось... так что, очевидно, на пенсию мы сможем жить, не нуждаясь в дополнительно заработке... Будем заниматься только тем, что для нас представляет интерес...”

Основная же часть письма – как бы комментарий к собственному письму Н. Мандельштам; развернутые реплики, перерастающие в самоценное обсуждение (впрочем, в данном случае, заведомо не рассчитанное на переработку в статью, как в некоторых других, многостраничных “письмах-трактатах”).

Уроки Любичева, извлекаемые нами сегодня, это уроки мысли, жизни и ОБЩЕНИЯ (диалога). (Июнь 2000).

7.6.11. «Как стать личностью более благоустроенной, хотя бы в смысле использования собственной головы для себя...»

Ремарка: «секреты» системы Любичева

Вернемся к теме системы «времяпользования» А.А. Любичева.

Среди недавних публикаций эпистолярного наследия А. Л. - большое письмо, адресованное Никите Кривошеину (1959), в котором Любичев «делится секретами» организации времени, а точнее - рассказывает «откуда взялась» его система учета жизненного времени и т.д.

Примечательно, что отвечая на узко поставленный вопрос (о способе рационального использования времени), Любичев ставит свою «технология» организации времени и т.п. - в контекст всего своего жизненного пути и, по существу, дает - под этим углом зрения - краткий очерк собственной жизни, эволюции жизненных и научных интересов, своего рода ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ БИОГРАФИЮ.

Отсылаем читателя к журналу «Звезда» (1999, № 10).

Здесь же ограничимся непосредственно относящимися к проблеме «времяпользования» выдержками из этого письма-самоанализа и жизненной ретроспекции. (Март 2000).

А. Любичев - А. Кривошеину (1959)

Дорогой Никита!

<...> В этом письме ты затрагиваешь вопрос и просишь ответа по поводу организации времени. Ты жалуешься на размагниченность и полагаешь, что такое состояние мне всегда было чуждо. Ты пишешь:

«Вам ведь всю жизнь удавалось планомерно, сжато и продуманно использовать время, и любое интеллектуальное бездействие вам немислимо». Поэтому ты просишь сообщить секреты организации времени, и на каких фундаментах можно стать личностью более благоустроенной, хотя бы в смысле использования собственной головы для себя. Постараюсь ответить на твой вопрос.

Мы с тобой познакомились, когда я был уже стариком (больше 60 лет), и странно потому думать, что я всегда был таков как в старости. Но некоторая повышенная серьезность (унаследованная моим покойным сыном) у меня действительно была. Я очень рано научился читать (как будто четырех лет) и чтение с ранних лет было моим любимым занятием. <...>

...Ознакомление с менделизмом заставило меня заинтересоваться больше вопросом приложения математики к биологии, и я стал знакомиться с высшей математикой. Кто-то из знакомых мне посоветовал великолепную для самообразования книгу Лоренца (в двух томах) «Элементы высшей математики». Я ее проработал основательно и проделал все приложенные задачи. И вот, в процессе изучения этой книги, я и натолкнулся на необходимость учета времени. В каком году это было - сказать не могу, может быть в 1910 году, вернее в 1913. На лето я наметил себе план, как всегда неясно сформулированный, в него входили и собирание насекомых, и чтение биологической литературы, и занятие математикой. Намерен был месяца за два-три продвинуться достаточно далеко. Но в конце первого месяца убедился, что математика очень мало продвинулась, хотя, по неточному плану, я должен был часа по два-три заниматься этим ежедневно. «Неужели я так туп, что не могу осилить математику? - подумал я. - А ну-ка проверю, сколько я фактически трачу на это времени». После этого, занимаясь математикой, я стал записывать начало занятий и конец и точно учитывал все перерывы (разговоры, минуты отдыха, посещение уборной и проч.), и оказалось, что при недисциплинированных занятиях я фактически затрачивал очень мало времени на математику. Это заставило меня пересмотреть план, быть более дисциплинированным, и тогда дело пошло гораздо лучше. Постепенно я распространил учет и на другие виды работы, и С 1 ЯНВАРЯ 1916 ГОДА СТАЛ ВЕСТИ ДНЕВНИК УЧЕТА, КОТОРЫЙ ПОСТЕПЕННО УСОВЕРШЕНСТВОВАЛСЯ [выделено мною. А.А.]. За первые 21 год (1916-1937) дневник утерян, а С 1 ЯНВАРЯ 1937 ГОДА ОН ПОЛНОСТЬЮ СОХРАНИЛСЯ, СОСТАВЛЯЯ ЧЕТЫРЕ ТОЛСТЫХ ТОМА.

<...> Когда я вступил на этот путь ²¹² то уже состояние размагничности, отсутствие *Arbeitslust* (удовольствия в работе) наступали у меня лишь тогда, когда я был нездоров, что и случилось в 1925 году, когда у меня оказалось расстройство сердечной и нервной системы, вероятно, в значительной степени как результат перенесенного в 1922 году сыпного тифа. Но перемена режима по советам врачей поправила дело, и сейчас, несмотря на преклонный возраст, моя работоспособность удовлетворительна. Вот вкратце мое изложение того, как я дошел до современного состояния. Я, конечно, не считаю свою систему единственно возможной или даже наилучшей. огромное большинство ученых достигают часто гораздо больших результатов при отсутствии моей системы, но для людей, подобных мне, она оказывается полезной.

Какие же эти мои личные свойства? Я читаю своими достоинствами:

1) глубоко сидящую нелюбовь к безделью; 2) сильно развитую склонность к теоретизированию и критическому размышлению. <...> А.Г.Гурвич в свое время сказал, что мой характер более подходит не к тому, чтобы открывать пути к новым областям фактов, а к тому, чтобы осмысливать достигнутое (конечно, точно не помню). Меня тогда это огорчило, хотя Гурвич свои высказывания сопровождал весьма лестными цитатами, кажется, Шопенгауэра, что наибольшая заслуга не в том, чтобы открыть то, чего раньше

²¹² Речь в данном случае идет не о ведении дневника, а о формировании у А.А. Любищева определенной системы научных убеждений - витализма, о чем тот подробно в этом письме рассказывает.

никто не видел, а в том, чтобы о том, что все видят, думать так, как никто не думал (вспомним яблоко Ньютона).

С этими моими свойствами гармонируют и мои недостатки: 1) совершенная техническая бездарность, несмотря на любовь к разнообразному ручному труду. Если бы я захотел заниматься экспериментальной работой, то, вероятно, ничего бы не вышло или вышло что-либо совсем жалкое; 2) неспособность к длительному непродуктивному наблюдению: я очень увлекался работами Фабра и других по биологии насекомых, и сейчас восхищаюсь этими достижениями, но следовать им совершенно не в состоянии; 3) чрезмерная обстоятельность: я способен тратить массу времени на деталь, забывая иногда общее, от этого и сейчас я трачу очень много времени на проработку заинтересовавших меня работ; 4) очень скромные математические способности. Времени на занятия математикой я затратил уйму, занимался этим с величайшим удовольствием, но к сколько-нибудь оригинальному мышлению в этой области совершенно не способен. Решил сотни дифференциальных уравнений и совершенно не способен сам составить хотя бы одно.
<...>

Я поэтому считаю, что МОЯ СИСТЕМА РАБОТЫ ПРИГОДНА И ЦЕЛЕСООБРАЗНА ДЛЯ ЛЮДЕЙ МОЕГО СКЛАДА И СОВЕРШЕННО ЧУЖДА ДЛЯ ЛИЦ ИНОЙ УМСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ И ИНЫХ НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ. Следовательно, если ты хочешь в той или иной степени мне следовать, подумай, в какой мере ты на меня похож.

На этом пока кончаю, как говорил Аристотель, «необходимо остановиться», и думаю, что на первый раз достаточно. Если тебя эта тема интересует, пиши, буду рад ответить. <...>

Твой А. Любищев
Ульяновск. 26 октября 1959 г.
(Цит. по: Звезда, 1999, N 10, с. 130-134)

Ремарка 1: «Такая добровольная каторга...»

Вот еще одна рефлексия самого А.А. Любищева по поводу его системы «времяпользования»

"...Моя система способствует повышению продуктивности работы и вместе с тем является эквивалентом санатория... Путем постоянной тренировки я значительно увеличил свою работоспособность и потому я рекомендую попытаться применить эту систему в порядке опыта. Каковы достоинства этой системы? 1) Повышение эффективности. Это иллюстрация к словам поэта: "Ты сам свой высший суд". Она приучает к точному учету всего того, что проделано, и к самоконтролю. 2) Полезно отражается на здоровье, избавляет от скуки, от возможности говорить, что "делать нечего". 3) Самокритика, самопонимание увеличивается тогда, когда вы видите, насколько вы правильно используете любое время..." (Любищев А.А. Такая добровольная каторга // Химия и жизнь, 1976, № 12. с.14).

По утверждению самого А.А. Любищева, его система "...пригодна для тех, кто в известном смысле сходен со мной по следующим признакам: главный интерес в жизни - научная работа, не профессия, а основное содержание; большие поставленные перед собой задачи, требующие разносторонних знаний; с возрастом не сужение интересов, а наоборот все продолжающееся расширение..." (Там же, с. 9).

(Июль 2012)

Ремарка 2: возможно ли воспроизведение опыта Любищева?

Как уже говорилось, «система Любичева», при всей ее уникальности, в принципе воспроизводима, хотя бы частично:

«...Около 20 лет назад, автор, находясь под сильным впечатлением опыта А.А. Любичева, описанного Д. Граниным, разработал методiku «концептуализированной самофотографии бюджета времени», которую назвал - «ВРЕМЯ ЖИЗНИ». Эта методика создавалась для личного пользования и опробовалась в течение нескольких лет. (На повторение подвига человека, «смотрящегося в часы» на протяжении всей своей жизни, у автора не хватило внутренней собранности и «ответственности перед Временем»)...)» (Алексеев А.Н. Система «времяпользования» А.А. Любичева и возможности ее применения и развития» / Любичевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999).

Подчеркнем, что наша методика учета и контроля использования жизненного времени во многом ОТЛИЧАЕТСЯ от Любичевского прототипа, хотя и исходит из главной идеи последнего.²¹³ (Март 2000).

...Жил человек, его дух породил множество форм, не вещественных, но существующих отдельно от вещей. Это его тексты, его поступки и фразы, оставшиеся в памяти современников. Жизнь Любичева продолжается в эти виртуальных формах. Читайте его тексты, спрашивайте, пытайте о нем тех, кто его знал. Он безусловно в них переселился. Даст Бог, переселится и в вашу память, чтобы возжечь в ней костер познания истины...

Александр Зинин. Искатель Истины // Мономах, 2000, № 1, с. 63

Ремарка 1: «Душеприказчики» А.А. Любичева

«...Тот, кто однажды столкнулся с Любичевым, будет снова возвращаться к нему, - писал Д. Гранин в своей повести «Эта странная жизнь». - Автор заметил это не только по себе, но и по многим людям, число которых растет» (Д. Гранин. Эта странная жизнь. М.: Советская Россия, 1974, с. 184).

Из письма А.А. Любичева к Р.Г. Баранцеву:

«...Я давно думал, а сейчас укрепился в своем мнении, что Вас я считаю в случае смерти (возможно недалеко) моим душеприказчиком, стоящим в самом первом ряду претендентов на получение моего архива (довольно значительного). К таким идейно мне особенно близким людям я отношу (исключая лиц, мне близких по возрасту, так как в силу своего возраста они не являются надежными душеприказчиками) Юлия Анатольевича Шрейдера в Москве и Михаила Давидовича Голубовского в Новосибирске...». (29.11.1970). (Цит. по: Любичев А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб: Алетейя, 2000, с. 5).

Из воспоминаний Ю.А. Шрейдера (одного из тех, кого Любичев назначил своими «душеприказчиками»):

«...В октябре 1972 г. мне довелось участвовать в разборе архива скончавшегося за полтора месяца до этого в возрасте 82-х лет Александра Александра Любичева... И вот мы втроем (Р.Г. Баранцев - профессор Ленинградского университета - и двое москвичей С.В. Мейен и я) едем в Ульяновск, чтобы вместе с учениками А.А. Любичева В.С. Шустовым и Р.В. Наумовым решить судьбу оставшегося архива и библиотеки...»

²¹³ Подробное описание указанной методики и обсуждение результатов ее опробования автором в течение 3-х лет (1979-1982) см.: ДСиСА – 1, раздел 6.6.

(Шрейдер Ю. Три жизни профессора Любищева / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978, с. 393-394).

Архив Любищева: 2000 печ. листов, включая 600 л. переписки (4500 писем) и 200 л. дневников, - был впоследствии депонирован его дочерью Еленой Александровной Равдель (ныне покойной) и его «душеприказчиками» в Санкт-Петербургское отделение Архива РАН (фонд № 1033).

...Ныне, благодаря усилиям Р. Баранцева и других младших друзей и учеников Любищева, творческое наследие замечательного ученого-энциклопедиста и мыслителя стало активно осваиваться. (Май 2000).

Ремарка 2: «Эта счастливая жизнь»

«ТРИ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА ЛЮБИЩЕВА» - так называется одна из работ Ю. А. Шрейдера. По мысли Ю. Ш., первая жизнь профессора Любищева - это «жизнь квалифицированного творческого специалиста в сравнительно узкой области, биологии»; вторая жизнь (после выхода на пенсию в 1955 г.) - «потрачена на осмысление и разработку методологических проблем науки, далеко выходящих за пределы собственно биологии».

«...То, что произошло потом [после смерти Любищева. - А. А.] не назовешь иначе как третьей жизнью, - пишет Ю. Шрейдер, - внезапно открылся масштаб творческой личности, возник массовый интерес к наработанному Любищевым запасу идей и к его личности.

Все это не похоже ни на ритуальное почитание памяти, ни на иллюзорное бессмертие застывших идей. Мысли Любищева не стали каноном. Пишущие о нем и работающие в его направлении продолжают диалог. То, во что трансформируются в дальнейшем идеи Любищева, может оказаться неожиданным для самого Александра Александровича.

«...То, что произошло потом [после смерти Любищева. - А. А.] не назовешь иначе как третьей жизнью, - пишет Ю. Шрейдер, - внезапно открылся масштаб творческой личности, возник массовый интерес к наработанному Любищевым запасу идей и к его личности.

И еще - значимое в контексте настоящей книги – замечание Ю.Шрейдера:

«...Почти ровесник А.А. Любищева М.М. Бахтин (живший по странной случайности в Саранске - совсем близко от последнего места обитания Любищева) создал теорию диалога как способа познания человека. Любищев фактически осуществлял диалог в естествознании и в познании природы науки как человеческой деятельности...» (Ю.А. Шрейдер. Указ. соч., с. 396).

Это писано (точнее сказано - напечатано) пять лет спустя после смерти Любищева.

А вот из «Заметок» Ю. Шрейдера об Александре Александровиче Любищеве, датированных январем 1973 г., т. е. лишь полгода после того, как Любищева не стало:

«...Александр Александрович Любищев прожил долгую, светлую и преисполненную радости жизнь.

С первым аспектом, вероятно, согласится любой человек средних лет, когда срок 82 года кажется еще достаточно большим.

Второй естественно приходит в голову всем, хоть немного знавшим покойного.

С третьим не согласятся очень многие. Этим многим Александр Александрович представляется человеком, незаслуженно обиженным судьбой, не оцененным по достоинству, обойденным почестями, известностью.

И все-таки я готов настаивать на том, что, жизнь Александра Александровича была преисполнена радости, что в ней не было ничего пустого, ненужного, мелкого. Он не был наивным человеком, создающим себе иллюзию счастья. Вряд ли последнее понятие

имело для него смысл. Но он жил поиском и отстаиванием истины и пребывал в радостном состоянии духа, которым заражал своих собеседников и корреспондентов...» (цит. по: Любичевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999, с. 8).

(Июнь 2000).

7.7. О ЦЕЛОСТНОСТИ ДИАЛОГА И О ПРЕОДОЛЕНИИ БИНАРИЗМА В СИТУАЦИЯХ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

[Выше была представлена одна из работ Рэма Георгиевича Баранцева, посвященных осмыслению “феномена Любичева”.

Ниже – еще два его текста на эту тему. – А. А.]

Ремарка: о тринитарной методологии

Здесь следует напомнить читателю, что Р. Баранцев – уже 20 с лишним лет – разрабатывает идеи тринитарной методологии, или триадного синтеза (на стыке теории познания и синергетики, или теории самоорганизации). Р. Б. является лидером этого исследовательского направления в нашей стране. (В 1980-х гг. оно обозначалось им как “семиодинамика”).

Одной из ключевых идей упомянутой методологии является преодоление стереотипов одномерного, бинарного мышления (строящегося на оппозициях “или – или”) и выход в “третье измерение” смыслового пространства, обычно – при эвристическом соотношении образующейся триады с семантическим триадным архетипом: РАЦИО – ЭМОЦИО – ИНТУИЦИО.

Если триада системна, то возможен синтез ее компонент. (Январь 2000)

7.7.1. К целостности диалога

Целостность – основная категория всего живого.
Г.Дриш

Согласие, сотрудничество, сознание благотворно сопровождают человечество на пути к единению через культуру. Слово “диалог” все явственнее звучит в названиях международных конференций. Однако обычно, в силу привычки, утрамбованной веками господства бинарной парадигмы, имеется в виду диалог двусторонний: физики – лирики, правые – левые, Запад – Восток и т. п. [1]. При этом всегда угрожает опасность превращения диалога в неразрешимый спор, если не привлекать со стороны дополнительные соображения, третейского судью, меру компромисса. В бинарном представлении целостность недостижима.

Переходя к троичной структуре, нет необходимости искать другой термин, так как в широком смысле диалог – это разговор нескольких лиц, не обязательно двух, ибо приставка здесь не “ди-“ (два), а “диа-“ (сквозь, через), как в словах: диагноз, диаскоп, диаграмма. Точно так же суть диалектики не сводится к “раздвоению единого...”, как с некоторых пор привыкли считать многие наши философы. И потому введение термина “триалектика” [2] в его противопоставлении диалектике нельзя признать удачным. Понятия диалектики, диалога, диахронии этимологически вполне способны выйти в многомерное смысловое пространство на пути к обретению целостности.

Любопытно проследить за стремлением осмыслить пространство диалога таких незаурядных людей как А.А. Любичев и Б.С. Кузин [3]. В письме от 02.10.49, т. е. ровно 50 лет назад, Борис Сергеевич формулировал следующие три условия продуктивного и интересного диалога: 1) твердая уверенность, что твой противник может тебя понять; 2)

такая же уверенность, что он хочет тебя понять; 3) признание за противником полного и законного права иметь отличное от твоих мнения. Раскритиковав каждое из этих условий, Александр Александрович 09.11.49 предложил свои: 1) наличие общих интересов; 2) наличие в сфере этих общих интересов важных спорных проблем; 3) разнообразие подходов у диспутантов к этим проблемам; 4) наличие “искательства” в области данных проблем, иначе говоря, отсутствие твердой уверенности в окончательности намечаемых решений. В ответном письме от 24.11.49 Б.С. признал: “Мы вовсе и не спорим, а просто излагаем каждый друг другу свою ересь, цепляясь только за те положения, которые дают повод к обоснованию или развитию того или иного пункта этих ересей... Конечно, во всем нужно знать меру. Но эта мера, как такт, вкус и тому подобные почти синонимы, абсолютно иррациональны. И я боюсь, что Ваши попытки подвести рациональный базис под них окажутся мало обоснованными”.

Возвращаясь к этому вопросу через 22 года в переписке с А.А. Гурвичем [4], Б.С. отмечает: “Самое главное при всяком разговоре точно знать сферу взаимного понимания, чтобы не выходить за ее пределы и не превращать беседу в спор... Вероятно, в основе споров заложено стремление к подавлению чужой индивидуальности. Не потому ли так несносны спорщики-профессионалы?... Борьба с чужой индивидуальностью приводит только к взаимному отчуждению, к утрате собеседника”. И далее: “Я не могу представить никакого порядка, никакого космоса, возникшего без участия творческого начала... Мне кажется, что без полного единства разных сторон индивидуальности (интеллектуальной, эстетической и моральной) абсолютное начало не может быть воспринято так органично, как воспринимал его Бах”.

Рассматривая приведенные соображения с позиций тринитарной методологии [5], оснащенной семантической структурой

интуицию
/ \
рацио --- эмоцио,

можно различить следующие аспекты полезного, живого, целесообразного диалога:

взаимный интерес
/ \
общая основа --- различие мнений.

Согласно принципу неопределенности-дополнительности-совместности, каждая пара этой системной триады находится в соотношении дополнительной, а третий элемент задает меру совместности. Чрезмерное усиление и ослабление любой компоненты нарушает действенность, жизнеспособность, целостность диалога как саморазвивающегося организма. Ту целостность, которая так нужна для гармоничного самоощущения человека среди людей, а в глобальном масштабе – для достойного поведения человечества в этом усложняющемся мире.

Литература

1. Фейнберг Е.Л. Две культуры. М. 1992, 251 с.
2. Сергиенко П.Я. Триалектика. Новое понимание мира. Пушино, 1995, 76 с.
3. Наука – искусство – мораль (Из переписки А.А.Любищева и Б.Кузина, 1944-1979) // Философская и социологическая мысль, Киев, 1989, с. 94-108, № 10, с. 112-123.
4. Кузин Б.С. Из писем к А.А. Гурвичу // Вопросы философии, 1992, N 5, с. 164-189.
5. Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия, СПб, 1998, с. 51-61.

7.7.2. Преодоление бинаризма в ситуациях морального выбора

Поиски стратегии выхода из “обвала” часто сводятся к обсуждению альтернативы: что важнее – экономика или политика? Но почти все попытки экономических реформ и политических перестроек фактически вязнут и тонут в нашей безнравственной реальности. Надежды поневоле направляются к духовной сфере общественной жизни.

Для оздоровления общества необходимо повысить меру нравственных оценок, возрождая смысл таких понятий как честь, достоинство, совесть. Способ действий, ведущих к достижению этой цели – личные поступки, совершаемые в согласии, прежде всего, со своими убеждениями, с собственным представлением о справедливости и моральном достоинстве. Однако эти личные предпочтения могут вступать в противоречие с абсолютным благом, в результате чего возникает ситуация морального выбора, как об этом пишет Ю.А. Шрейдер в своей “Этике” [1]. Перед выбором человек оказывается очень часто, но не всякая ситуация имеет моральную окраску. Моральный выбор связан с отказом от собственных притязаний ради высшего блага. Приятное приносится в жертву правильному.

Однако этот бинарный императив слишком огрубляет ситуацию, приводя тем самым к ошибкам, заблуждениям, парадоксам. Как, например, оценивать поступки человека, все устремления которого направлены как раз на достижение высшего блага? Находится ли он в ситуации морального выбора, обуславливающего нравственное поведение? Чем он поступает? Что теряет?

Можно, конечно, заметить, что с ростом морального уровня затрудняется положительная самооценка (никакой святой не способен почувствовать себя святым) и более строгим становится суд совести ([1], с. 32 и 196). Но чтобы убедительно разрешить этот парадокс, нужно найти и осмыслить меру ограничений, обращаясь к другим измерениям критериального пространства. Подобные затруднения появляются при стремлении понять, объяснить, оправдать нестандартное поведение таких образцов высокой нравственности, как, скажем, А.Д. Сахаров, Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын. Они не укладываются в расхожие одномерные схемы, и даже честные попытки бинарного анализа нередко приводят к ошибкам и заблуждениям. А уж злонамеренным авторам антигетическая логика дает сколь угодно много зацепок для всяческих обвинений.

Не миновал примитивных осуждений и феномен А.А. Любищева. Показательна в этом отношении статья Л. Богданова [2], вызвавшая чувство горечи и протеста у дочери Любищева Е.А. Равдель [3]. Следуя схеме “либо-либо”, Л. Богданов рассуждает так: Любищев не дарвинист – значит ламаркист, среди приличных (ламаркистов) не упоминается – значит таковым (приличным) не является, выступил против Т.Д. Лысенко только в 1953 году – значит до того полностью его принимал. И так далее. “Он не защищал генетику... Не вступился за вариационную статистику... После августовской сессии не пострадал... Свою лояльность строю, властям предержавшим он подчеркивал постоянно...”

В рамках одномерной логики невозможно понять, почему критикуя Лысенко, Любищев не умалчивает о его ранних успехах, высоко ставя Н.И. Вавилова, он говорит о его досадных ошибках, отвергая в 1948 году многие нелепые обвинения, в то же время соглашается с тем, что его тематика недостаточно актуальна. Скорее всего, Л. Богданов и не пытался добраться до истины, а сознательно занимался злопыхательством. Бинарная схема оказалась для этой цели очень подходящей. Прав был М.А. Собуцкий, когда писал, что бинарное мышление “начинает действовать во зло, как только превращается из средства анализа в способ действия в реальном мире” [4].

Метод, являясь способом воспроизведения в мышлении изучаемого предмета, должен соответствовать ему в достаточной мере, чтобы не допускать существенных огрублений, искажений, заблуждений. Так в синергетике для изучения открытых систем потребовалась открытая методология [5].

В современной научной парадигме исследование любого объекта, обладающего свойством целостности, нуждается в структурной методологии целостного подхода. Понять человека полностью – невозможно, выдающегося – тем более. Но чтобы максимально приблизиться к адекватному пониманию, лучше всего – следовать принципу признания-сочувствия-доверия. Обратимся на этом пути к первоисточнику, предпочитая эпистолярную часть архива Любищева, где истина раскрывается с наибольшей откровенностью.

Возьмем, например, переписку с московским биологом Анатолием Александровичем Передельским, в которой встречаются яркие страницы, заметно дополняющие материал, включенный в книги [6-8].

Любищев – Передельскому, 20.08.50: “С Вашим определением Т.Д. [Лысенко. Р.Б.] я вполне согласен. Позволю себе его привести: “Нет, это действительно человек крупного склада, очень цельный и как раз умеющий держать линию”. Характеристика эта правильна, но совершенно недостаточна для того, чтобы назвать человека, обладающего этими свойствами, подлинно прогрессивным деятелем. Его линия пока что была твердая: полное отрицание настоящей научной методики и клевета на лиц, ею владеющих. С людьми такого крупного склада мне не по пути”.

29.04.63: “мое сильное свойство, что я в полемике никогда не преследую личных целей. Моя критика неоднократно вызывала слезы у критикуемых, а после этого многие становились моими друзьями... В чем я считаю себя сильнее В.Н. [Беклемишева. — Р. Б.] и что он тоже признавал, это, как он выражался, большая метафизическая смелость, истинный нигилизм в определении Базарова, т. е. непризнание ничего, что не подлежало бы критике разума... Мы так отвыкли от истинного понимания терпимости, что часто всякую критику (т. е. отстаивание права иметь собственное мнение) уже рассматриваем как попытку “навязать” свое мнение, т. е. нетерпимость. Но единственная сила, которую можно применять, это сила разума, и сила разума не есть насилие. Я потому считаю, что самые отвратительные учения не должны просто запрещаться, а должны опровергаться. Для меня совершенно неприемлем расизм, но если мы его просто запретим, то часто вызовем его увеличение, а не уменьшение (что случилось у нас с антисемитизмом), но неприемлем для меня расизм не только племенной, но и классовый (объявление мифических “кулаков” нелюдьми).

Общая характеристика всякого расизма: признание неравноценности лиц по их происхождению, независимо от их поведения. Вместе с тем я признаю борьбу прежде всего против определенных отсталых учений, но не против их носителей. Я хорошо помню великолепные слова Кропоткина: “Люди лучше учреждений”. Это он сказал относительно деятелей русской охранки. Парадоксально, но факт: хорошие люди встречаются среди бандитов, палачей, инквизиторов, чекистов и даже нацистов. В Риме с удовольствием смотрели на гладиаторские игры многие хорошие люди.

Вы сравниваете меня с Торквемадой, вот уж неудачное сравнение.

Конечно, если бы сравнили меня со Сталиным, было бы гораздо хуже, но уж если сравнивать меня с деятелями католической церкви, то гораздо уместнее с Игнатием Лойолой и иезуитом фон Спе. А если мне удастся выполнить более или менее план моей жизни, то я буду очень доволен, если меня сравнят с Николаем Кузанским или недавно умершим Тейяром де Шарденом”.

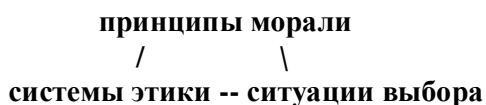
В одном из поздравлений Любищева с 75-летием были такие строки: “Искал во всем ты только правды, за правду иногда терпел, на удивленье всему свету ты все ж за правду не сидел”.

Любищев, 30.06.65: “Я отношусь к категории придурковатых чудаков, тех классических старых профессоров, которые раньше фигурировали в пьесах и которых в конце концов просвещали и наставляли на путь истинный их внуки (хорошо марксистски подкованные) или пожилые рабочие и классово сознательные домработницы. Внутри опасности они не представляют, потому что откровенно на все брюзжат и не имеют никакой связи с массами, но давать им ход, печатать их словоблудия или пускать за границу не стоит, там могут и наболтать лишнего. К категории таких чудаков относят, например, всех виталистов. Официально их зарегистрировано шесть: Беклемишев, Гурвич, Берг, Соболев, Карпов и Ваш покорный слуга. Ни один из них ни разу не был арестован и, за исключением Вашего покорного слуги, все попали в БСЭ, хотя только Берг был академиком АН СССР, а Беклемишев – академиком АМН”.

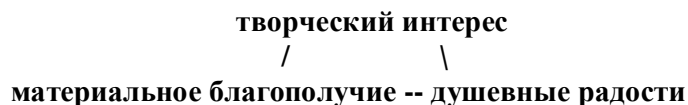
22.09.65: “Когда я получал высокое вознаграждение за чтение лекций и прочую трепотню студентам, я искренне чувствовал себя паразитом и иногда мне было немного стыдно взглянуть не только на почтенных мужиков или рабочих, но даже на бухгалтеров, получавших мизерную плату за свой неблагодарный, но необходимый труд. Сейчас я получаю гораздо меньше и думаю, что такую пенсию получал бы при любом режиме. Но что я делал раньше профессором? Читал лекции по изуродованной программе студентам, как правило, изуродованным школой и последующей идеологической обработкой. Какую я пользу принес? Не знаю. Единственный полезный результат – помог стать двум полноценным доцентам: Н.Н. Благовещенской и Р.В. Наумову. А вот сейчас коэффициент полезного действия у меня выше... Сейчас совесть у меня совершенно спокойна”.

Р.П. Караваева в “Воспоминаниях об учителе” пишет: “Александр Александрович был очень честным, справедливым и трудолюбивым человеком”.

Возвращаясь к книге Ю.А. Шрейдера, можно с удовлетворением отметить, что она построена на системной триаде:



где этические системы представляют аналитический аспект (рацио), ситуации выбора – качественный (эмоцио), моральные принципы – субстанциональный (интуицио) [9]. Каждая компонента задает меру совмещения двух других и тем самым обеспечивает целостность самого подхода. Редукция к диадам уничтожает эту целостность. Без систем нет способов претворения принципов в жизнь, без ситуаций остается безжизненная схоластика, без принципов – моральный релятивизм. Применяя тринитарную методологию к ситуациям морального выбора, можно различать следующие ценности, которыми приходится поступать ради высшего блага:



И А.А. Любищеву, при всем его устремлении к абсолютному благу, очевидно было чем жертвовать. Бремя морального выбора его не миновало.

Литература

1. Шрейдер Ю.А. Этика. Введение в предмет. М., 1998.
2. Богданов Л. Феномен Любищева // Химия и жизнь. 1994, № 11, с. 37-40.
3. Равдель Е.А. В конце эпохи – всматриваться в личность // Химия и жизнь. 1995, № 9, с. 11-14.

4. Собуцкий М.А. Несколько заметок о бинарном мышлении в гуманитарном знании и в повседневной жизни / Философская и социологическая мысль. 1993, № 10, с. 30-47.
 5. Баранцев Р.Г. Открытым системам – открытые методы / Синергетика и методы науки. СПб, 1998, с. 28-40.
 6. Любищев А.А. В защиту науки. Л., 1991.
 7. Любищев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1998.
 8. Любищев А.А. – Гурвич А.Г. Диалог о биополе. Ульяновск, 1998.
 9. Баранцев Р.Г. О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб, 1998, с. 51-61.
- (Баранцев Р.Г. Преодоление бинаризма в ситуациях морального выбора / Любищевские чтения. 1999. Ульяновск: УГПИ, 1999)

Ремарка: еще о тринитарной методологии

В меру своего разума и сил, тринитарную методологию использует и автор настоящей книги (что читатель мог уже заметить и чему подтверждения найдет также в дальнейшем). (Январь 2000).

...В чем смысл жизни?

Ответ на этот вопрос для меня звучит просто: смысл существования Вселенной – в раскрытии заложенной в ней потенциальности. Смысл нашей жизни – в активном участии в этом процессе, в расширении горизонта нашего существования...

Налимов В. Канатоходец. М.: Прогресс, 1994, с. 365.

Вместо заключения

(к разделу «Учителя жизни. А. Швейцер, А.А. Ухтомский. А.А. Любищев»).

Я показал свой “триптих” своему другу из Ульяновска, биологу и философу, одному из организаторов Любищевских чтений – Анатолию Николаевичу Марасову. Сегодня получил от А. М. письмо, где, в частности, он пишет:

*“...Несомненно, что уже есть круг имен, который **должен** быть изучаем в учебных заведениях подрастающими поколениями, и в кругу том – имена А. Швейцера, А. Любищева, А. Ухтомского, В. Муравьева.*

*Вот интересно: имена, оказывается, должно **приобщить**, а это – работа особая...”.*

Да, именно приобщением этих имен к нашему культурному обиходу и занимался я здесь – не первый, и, думаю, не последний. 15.11.2000.

+++

ЧАСТЬ 3

Вместо предисловия к части 3:

Суди себя сам (ауторефлексия 1991 г.)

Линия жизни

Я эту линию веду
Почти впотьмах, напропалую, -
Связуя землю и звезду,
Ищу кратчайшую прямую.
Но почему же вьется нить,
Узлы и петли завивая? -
Ее вовек не распрямить:
Такая сложная кривая.
Здесь все - и срывы на пути,
И неожиданность открытий!
Да можно ль логику внести
В живую музыку событий?
Далекий от привычных схем,
Наш путь идет глубинным лесом, -
Его не выровнять ничем:
Ни ватерпасом, ни отвесом.
Но в том и прелесть бытия,
Что нету просеки на плане,
Что радость новая твоя
Не предсказуема заране.
Все рассчитав, все расчертив,
Ты позабыл в запале рвенья,
Что может жизненный порыв
Снести любые построенья.

Ю. Линник

*[Здесь воспроизводится авторское предисловие к собранию личных и общественных документов 1955-1975 гг., под общим названием «Дурной шестидесятник», составленному в июне 1991 г. - А. А.]*²¹⁴

<...> Настоящее собрание (материалов), по-видимому, призвано занять свое место в сложившейся серии документальных композиций, ставших в последнее время излюбленным жанром социолога Алексева. <...> Тридцать лет назад автор такими композициями еще не «баловался». Однако сохранил многие документы того времени, позволяющие сегодня выстроить эту «человеческую комедию», без всяких прикрас.

²¹⁴ Некоторые из этих документов впоследствии вошли в книгу «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». А. А. Июнь 2012.

«Дурной шестидесятник» - это композиция из дневников, а также журналистских и социологических публикаций с 1955 по 1975 гг. В 1955 г. автору было двадцать один год. Сегодня, в 1991 г., - пятьдесят семь. Итак, историческая и биографическая дистанция - изрядная. Спрашивается, зачем понадобилось браться за столь неблагодарный (и чуть ли не мазохистский!) труд? Сначала скажу о непосредственных поводах.

1. Весной 1989 г. история «социолога-экспериментатора» привлекла внимание редакции журнала «Нева». К тому времени еще не спала волна всесоюзной (и даже с экспортом на зарубеж) популярности героя публикаций в «Литературной газете», «Огоньке», документального фильма, телевизионных передач.²¹⁵ Редакция предложила ленинградскому литератору Осипу Спасову воспользоваться моим сюжетом для написания документальной повести.

Именно тогда я раскопал некоторые из ранних материалов и снабдил ими своего «биографа», так сказать, для полноты картины. Ознакомившись с ними, О. Спасов отважился круто поломать успешную сложиться на мой счет традицию героизированной биографии («борец с системой» и т. п.) и, с благословения прототипа, нарисовать близкий к реальности образ человека, чья биография вполне укладывается в жанр «драматического анекдота» (именно таков был подзаголовок повести, а называлась она - «Фактасмагория»; все фамилии там изменены).

К сожалению, рукопись О. Спасова не устроила тогда редакцию. Эта рукопись представляла собой лишь первую часть его книги, где события доведены до середины 70-х. Надеюсь, что автор еще закончит свою повесть и опубликует ее (не обязательно в этом журнале). Настоящее же собрание «избранного» из собственных сочинений А. Алексеева 1950-х - 70-х гг. является своего рода «автоверсией» и, полагаю, документальным свидетельством справедливости трактовок Осипа Спасова, совпадающих с моими собственными.

2. Осенью 1990 г. автору посчастливилось познакомиться и подружиться с английским историком и политологом Мэри Маколи (Оксфорд). Специалист в области советской политической истории, знающая нашу страну много лет и не только по документам, М.Маколи загорелась тогда идеей подготовки собрания интеллектуальных биографий «шестидесятников». По ряду признаков подхожу под эту категорию и я.

Замысел Мэри пока не близок к осуществлению. Она попыталась воодушевить возможных авторов, ознакомив их со своим собственным сочинением - «Письма американской подруге» (кажется, толчком послужило знакомство с моими «Письмами Любимым женщинам»), где она сопоставляет свои впечатления от поездок в Россию сегодня и 20 лет назад.

Пока что я не смог ответить М. Маколи ничем другим, как вручением ей копии своих «английских дневников» 1961 г.²¹⁶ Сумею ли я оправдать ее надежды - Бог весть. Но составление настоящей композиции в значительной мере стимулировано «долгом» перед Мэри.

Но это пока о поводах. Причина же, стержневой мотив настоящей работы - в естественной потребности человека оглянуться на свою жизнь, понять, откуда вышел и к чему пришел. Итог анализа - не утешителен. Не впадая в истерику, уместно покаяться. Говоря о «покаянии», я утверждаю лишь, что человек должен судить себя сам, не дожидаясь суда ни современников, ни потомков, ни Божеского. Вот для чего это сделано.

Итак, шестидесятник? Так называют поколение, глотнувшее воздуха «оттепели» второй половины 1950-х гг., а потом помнившее этот глоток все десятилетия «развитого социализма». Принято считать, что это поколение подготовило «перестройку» 1980-х гг.

²¹⁵ См. ДСиСА – 3, главы 16-17.

²¹⁶ См. ниже: раздел 8.8.

Однако очень разнообразны его типажи. <...> В поисках самоопределения, перечитав вложенное сюда, я колебался между названиями «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. (При том, что позиция автора за десятилетия не могла не претерпеть изменений, трудно, читая эти тексты, не обратить внимание на замедленность духовной эволюции). Потом остановился на названии «дурной шестидесятник». ²¹⁷ <...>

Критерии смещаются - не только в общественном, но и в индивидуальном сознании. И уж если судить, то по «гамбургскому счету»!

Логика построения настоящей композиции достаточно прозрачна. При желании, можно было снабдить старые тексты комментариями, хотя бы биографическими справками. Но желания такого сейчас нет. Поэтому ограничусь по возможности точным выбором названий частей:

1. Мы к коммунизму на пути.
2. Хождение в рабочие.
3. Не личная драма.

Остальное можно угадать, додумать. <...>

Когда-то любимым изречением автора было: «Все, что случается с человеком, похоже на него самого». Потом: «Мир погибнет, если я остановлюсь!». Сегодня воспользуюсь собственным: СУДИ СЕБЯ САМ!

(Июнь 1991 г.)

Ремарка: «...откуда вышел и к чему пришел...»

Нижеследующие главы 8-14 представляют собой хронологически выстроенный очерк интеллектуальной биографии и, если угодно, профессиональной карьеры автора. Напомню оглавление части 3 настоящего тома:

8. *Дурной шестидесятник* (Комсомольская журналистика. 1957–1963)
9. *Экзамен на гражданственность* (Партийная журналистика. 1964-1965)
10. *Профессия: социолог* (Массовая коммуникация. 1966-1975)
11. *Профессия: социолог* (Контент-анализ. 1970-1975)
12. *Профессия: социолог* (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976»)
13. *Профессия: социолог* (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999)
14. *Разное*

Из этого обзора, составленного почти исключительно из собственных текстов автора разных лет, откуда, впрочем, исключены отдельные, автономно развернутые сюжеты («эксперимент социолога-рабочего» 1980-х гг. и др.), видна определенная эволюция круга интересов и системы взглядов автора (от узко-профессиональных до мировоззренческих).

В известном смысле, ауторефлексивную задачу можно считать выполненной, притом что «человеческий документ» (каковым являются продукты и журналистского, и научного творчества) оказывается приоритетным жанром данного хрономатематического обзора.

И еще один приоритет может быть указан в этой авторской саморефлексии: ни один из результатов, представленных ниже, не является само-ценным. Здесь важен ПРОЦЕСС, а не результат, ПУТЬ, а не пункт назначения (который, впрочем, у всех людей одинаков).

²¹⁷ Это определение подсказано моим другом – поэтом, историком и публицистом А.Ю. Черновым.

В основном эта часть тома I «...из неопубликованных глав» составлена из материалов, первоначально входивших в третий том рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» 1999-2001 гг. (кстати, в рукописи том так и назывался «Суди себя сам»).²¹⁸ (Июль 2012).

+++

²¹⁸ См. ниже: Приложение к настоящему тому.

Глава 8

ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957-1963)

Содержание

- 8.1. «Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник»
- 8.2. На заре туманной юности
 - 8.2.1. «Плакали ли вы в день смерти Сталина?»
 - 8.2.2. Комсомольцы – «хорошие» и «плохие»
- 8.3. Хорошие люди... (От "журналистского лубка" к "высокому штилю")
 - 8.3.1. Комсомольская путевка (Людмила Денисова, электросварщица с "Куйбышевгидростроя")
 - 8.3.2. «Обыкновенный подвиг» (Павел Тюнев, бригадир электриков с Волжовского алюминиевого)
 - 8.3.3. «Продолжение легенды» (Нина Черкесова, ткачиха с фабрики "Ленсукно")
- 8.4. В борьбе с "отдельными недостатками" (критический пафос)
 - 8.4.1. "Мертвые души" – живые души!
 - 8.4.2. "По-революционному!"
 - 8.4.3. «Человек в беде»
- 8.5. «Комсомольский поход за кукурузу»
- 8.6. "Странный парень" (Мой друг Гурий Забелкин)
- 8.7. Бригады коммунистического труда
 - 8.7.1. "Слава коммунистическому труду!"
 - 8.7.2. В борьбе за звание коммунистической бригады ("Ленполиграфмаш")
 - 8.7.3. Апофеоз коллективизма (Ленинградский металлический завод)
 - 8.7.4. Энтузиасты семилетки ("Русский дизель")
 - 8.7.5. Коммунистическая сознательность рабочих (Сталепрокатный завод)
 - 8.7.6. "А все-таки каким будет коммунизм?"
- 8.8. «Вкус собственной правоты» (английский дневник. 1961)
- 8.9. «А влюбленные сидели рядом и... читали проект программы партии
- 8.10. С открытым забралом – против "общественных пороков"

- 8.10.1. "Не личная драма"
- 8.10.2. "Приглашение на суд"
- 8.10.3. "Слушается дело о бюрократизме"
- 8.10.4. Размышление о критике и ее результатах

:

Ремарки:

- Документальное свидетельство (раздел 8.2.1); Первая попытка ауторефлексии (8.2.1); Быть комсомольцем не "на словах", а "на деле"(8.2.2); «...написал бы поэму...» (8.3); «Разрешенные» объекты критики (8.4); «На гребне волны...» (8.7.3); Продолжение следует (8.7.3); От бригад – к цехам и заводам коммунистического труда (8.7.6); «Это - ТЫ. Это - Я. Это - МЫ...» (8.8); Крутой жизненный поворот. Первое «хождение в рабочие» (8.9); «...формализм в движении за коммунистическое отношение к труду...» (8.10.1); в поисках «подсудимого» (8.10.2); «Сохраняя коммунистическую убежденность, не страшись клеймить коммунистического идола...» (8.10.4)

8.1. «СЛИШКОМ ПРАВОВЕРНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ, ИЛИ ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК»

[Ниже - одноименное интервью, опубликованное в журнале «Пчела» (1998, № 11).
Брал интервью Тимур Чагулава. Здесь публикуется в сокращении. – А. А.]

= Из журнала «Пчела» (1998)

КОРРЕСПОНДЕНТ. В воспоминаниях о своих родителях, написанных для Вашей дочери²¹⁹, Вы замечаете, что не любите свою молодость. Почему?

А. АЛЕКСЕЕВ. В самом деле, я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда. Кстати, после вашего знакомства с моей только что вышедшей книгой [Алексеев А.Н. *Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)*. М., 1997. 658 с. – Ред.], с одной стороны, и с моими журналистскими опусами 35-40 летней давности, с другой, у вас должна была сложиться какая-то концепция нашей беседы. О чем мы будем разговаривать?

- Концепция? Откровенно говоря, не знаю... Меня интересуют больше всего 50-е годы.

- Хорошо, давайте о 50-х. Для меня это были годы учебы на филологическом факультете Ленинградского университета и начала журналистской карьеры, в молодежной прессе.

- А что Вас побудило стать журналистом? Считали ли Вы себя тогда субъектом производства общественного мнения?

- В ту пору (в середине 50-х годов) я и в самом деле полагал, что таким образом могу влиять на общественное мнение, так сказать, формировать его в нужном (вопрос - для кого? я считал - для общества) направлении. Ограниченные возможности пропагандистского влияния на сознание людей вообще мне стали ясны уже позднее. <...>

- Мне довелось познакомиться с опубликованными в газете «Смена» (1961 г.) Вашими путевыми заметками, под названием «Вкус собственной правоты», - о поездке в

²¹⁹ См. <http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/alekseev.html>.

Англию. Вы там отвечаете на вопрос молодого преподавателя социологии из британского университета, не является ли ваша коммунистическая убежденность неким аналогом веры, когда человек как бы выстраивает себе идеал...

- Наверное, я тогда рассказывал своему собеседнику о бригадах коммунистического труда, «певцом» и в какой-то мере «изобретателем» которых я был на рубеже 50-60-х годов. Было такое «движение за коммунистическое отношение к труду»... Сомневаюсь, что оно упоминается в современных школьных учебниках истории. Вы о нем когда-нибудь слышали?

- Нет.

- Ну вот. А ведь еще и в 1985 году, когда я работал на «Ленполиграфмаше» слесарем, мне (кстати, исключенному тогда из партии) присваивали звание «ударника коммунистического труда»...

Ладно, вернемся к вопросу, поставленному английским профессором. Я сказал ему тогда, вполне искренне, что «коммунизм - это в моем сердце...» - «Но в таком случае это что-то вроде веры, - заметил мой оппонент. - Может быть, русские выдумали себе идола - коммунистический идеал, и молятся на него?». Судя по тому, что написано в моем тогдашнем дневнике (а в газете был опубликован, без каких-либо исправлений, личный дневник) я ответил: «Религия учит – верь, не стараясь понять. Мы же верим в то, что хорошо понимаем. <...> Мы верим в себя, в собственные силы, в дело рук своих. Чтобы по-настоящему верить, надо понимать. А чтобы хорошо понять, надо также поверить...». «Нельзя понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества» - комментировал я эту беседу в своем дневнике 1961 года.

Ну как Вам, современному молодому человеку, нравлюсь я, в мои молодые годы?

- Мне трудно это себе представить.

- Правда, ортодоксом я оказался «слишком последовательным». В том же 1961 году я вступил в партию и тут же ушел из газеты на завод, рабочим (тогда это вызвало удивление комсомольского начальства, но диссидентства усмотрено не было; еще и слова такого не знали). А ушел на завод для того, чтобы познать «вкус собственной правоты» не снаружи, а изнутри этих бригад коммунистического труда. А еще год спустя, в той же «Смене» (оставаясь рабочим) опубликовал гневную статью о формализме в организации «движения за коммунистическое отношение к труду».

- Сколько лет Вам было тогда?

- В 1961-м - двадцать семь.

- Насколько я знаю из записи вашего радиointервью 1995 года, Вы подразделяете свое поколение - на «подвижников», «циников» и «слепых». Как Вы это можете прокомментировать?

- Я тогда отвечал на вопросы своего бывшего сокурсника по университету Валентина Горшкова, ныне - ведущего радиопередачи «Исповедь шестидесятника». «Подвижник» - это человек, который понял, в каком обществе он живет, достаточно рано, и отважился на противостояние ему. Примеров циничного общественного поведения приводить не буду, их более чем достаточно. А еще больше было «слепых»... Литературным примером «слепого» (кстати, прозревшего на краю смерти) может служить Шулубин из «Ракового корпуса» Солженицына. Читали?

- Признаться, нет.

- Похоже, что в современные школьные программы этот роман еще не успел войти. Прочтите обязательно! Там еще у Солженицына Шулубин цитирует Пушкина: «На всех стихиях человек - тиран, предатель или узник...». Вроде, для «дурака» и места у Пушкина не нашлось, с горечью замечает Шулубин.

- Извините, а что такое «циник» в Вашей триаде?

- Это когда «ведают что творят». Человек думает одно, говорит другое, а делает третье... Этот социальный тип, кстати, распространен в любом обществе. Мои же собственные, иногда и нонконформные, но по большей части - очень «правовверные» действия в то далекое время (да и позже!) диктовались простой формулой: не стану делать того, что мне противно. Вот только порог «неприемлемого» для меня, как и для большинства людей моего поколения, был невысок... Это было своего рода спасением от пучины цинизма.

- А чем для Вас определялся этот порог тогда?

- Тут причудливо соединялись общечеловеческие ценности (нормы человеческой порядочности, чувство собственного достоинства, «золотое» правило этики, хоть тогда этого выражения не знал), впитанные из семьи, особенно от моей матери [*Варвара Петровна Пузанова (1899-1963)*]. - А. А., с одной стороны, и тогдашние идеологические догмы, воспринятые из школьных и университетских курсов, с другой. Добавьте к этому увлечение комсомольской работой, причащение к партийной журналистике... Вытеснить «базовые» моральные и духовные ценности из моего тогдашнего мировоззрения идеологическим догмам было не под силу, равно как и наоборот. Те и другие как-то уживались, «притирались» друг к другу. Срабатывал инстинкт самосохранения целостной личности.

- Интересно, а плакали ли вы, когда умер Сталин?

- В тот момент мне казалось, что каждый должен быть как никогда собранным. Я не одобрял тех моих товарищей, которые устремились в Москву, чтобы участвовать в демонстрации всенародного горя (там, кстати, тогда получилось что-то вроде «Ходынки»). Насколько помню, я несколько суток не спал после известия о смерти Сталина, доказывая самому себе, как надо «держаться в руках», когда все мы «осиротели». <...> До рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике...

- А что представляла из себя жизнь студента филологического факультета в начале 50-х?

- Ну, для меня это были прежде всего учеба, комсомольский активизм (один год был даже «освобожденным» секретарем комитета комсомола), на первых курсах - занятия спортивной гимнастикой, и памятное всего - летние студенческие стройки (возводили сначала «колхозные электростанции», потом - коровники в Ленинградской области). Кстати, участие в таких стройках (безо всякой оплаты труда) считалось почетным комсомольским поручением. Тут было даже что-то вроде конкурса поначалу... Таким, как я, «отличникам-активистам», присуждалась сталинская стипендия.

- Когда вы вступали в комсомол, какие перспективы жизни и работы вам представлялись?

- Я вступал в комсомол в школе, еще в 8-9-м классе. И гордился тем, что вступил рано. А вот некоторые мои одноклассники стали комсомольцами лишь накануне экзаменов на аттестат зрелости... И мне казалось, что я - «честнее» их, потому что вступал в комсомол <...> по убеждению, а не для того, чтобы «улучшить свою анкету».

- Какие исторические события повлияли на развитие Ваших политических взглядов?

- «Политические взгляды» - это уже из сегодняшнего лексикона. Какие могут быть «политические взгляды» у гребцов на галере, где «партия - наш рулевой»? Тогда говорили - «идейная убежденность»... Действительно, аналог веры! XX съезд развенчал для меня культ одного «бога», чтобы возвысить культ другого (Ленина). Конечно, можно было бы

поговорить о моих реакциях на советском вторжении в Чехословакию в 1968 г., но давайте не будем выходить за рамки избранной темы.

- Как проводил свое свободное время лояльный молодой человек в 50-е годы?

- Дискотек и «Сайгонов» тогда еще не было. Даже «стиляги» появились позже. Жили бедновато. Ну, каток... Какие-то комсомольские вечера... Чтение не по программе... <...>

- Какие фильмы вы смотрели, какую музыку слушали?

- Лакировочные советские фильмы (вроде «Кубанских казаков») уже тогда вызывали раздражение. Я предпочитал довоенные ленты. Скажем, «Семеро смелых» (этакий социалистический романтизм). Нравилась старые западные фильмы, вроде «Графа Монте-Кристо», прокатывавшиеся иногда в окраинных Домах культуры. А музыка... Дома были пластинки с классикой. Но не помню, чтобы я когда-нибудь сам включал проигрыватель. Любил слушать «магнитофонного» Окуджаву. Но это уже в 60-х...

- Что вы можете сказать о своем поколении в целом?

- Его принято называть «шестидесятниками». Весьма неоднородно это поколение, различны и траектории жизни его представителей. Общим для всех было разве что военное детство и послевоенная школа. Кстати, моя типология («подвижники», «циники», «слепые»), неполна. Т. е. она относится только к тонкому слою более или менее идеологически активной интеллигенции. Другая часть интеллигенции, в поисках самосохранения, просто старалась держаться подальше от «идеологической надстройки» (правда, не всегда это удавалось, и тогда возникала необходимость более жесткого нравственного выбора). И в «народной гуще» было иначе: «жить, чтобы жить»: работать, примитивно отдыхать, кормить семью, не задаваясь «смыслоразительными» вопросами. Особенностью тех и других было чувство страха, которого, в силу разных обстоятельств, не ведали ни «подвижники», ни «слепые». Интересно, что на рубеже 50-60-х гг., мне, молодому журналисту, казалось, что нужно «разбудить» массу «простых людей», приобщить ее к ценностям высокой культуры и... «правильной» идеологии.

В семьях, которых в свое время непосредственно коснулись репрессии, дети выросли (можно сказать - «прозревали») раньше. Что касается меня, то мое идейное созревание было каким-то замедленным. Сейчас не любят об этом вспоминать, а ведь мне еще в середине 80-х годов казалось, что партия и общество должны обновляться вместе.

- Что еще Вы можете сказать о себе?

- Несколько лет назад я собрал в три папки свои сочинения 50-70-х гг. (дневники, журналистские публикации, научные статьи, включая некоторые ранние свидетельства того, что позднее кто-то из писавших обо мне журналистов назвал «борьбой с системой ее же средствами»; а можно было бы сказать и иначе: «бунт на коленях»).

Перечитав все это, я, в поисках самоопределения, колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. Емкую формулу подсказал мне мой друг - поэт Андрей Чернов: «дурной шестидесятник». Я бы отнес ее к себе. Понадобилась почти целая жизнь, чтобы кое-что понять - о мире и о себе. <...>

- Не слишком ли Вы самокритичны?

- Нет. Вот сейчас Вам столько же лет, сколько мне было в 1953-м (год смерти Сталина). И Вы задаете мне, казалось бы, простенькие, даже наивные вопросы. А можете Вы себе представить меня, в Вашем возрасте, задающим такие вопросы (пусть даже не для журнала) своему старшему собеседнику? <...>

(Алексеев А. Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник // Пчела, 1998, № 11)

= Из биографического интервью А. Алексева (2006)²²⁰

...Мать [Варвара Петровна Пузанова. – А. А.] уделяла единственному сыну очень много внимания до тинейджерского возраста. И фактически заложила культурный багаж, который действовал и во время школьного обучения, и в вузе, и дальше, но со временем оказался мною не то, чтобы растрочен, но явно недостаточно приумножен. Так или иначе, но и школьная золотая медаль, и очень нестандартный в ту пору аттестат зрелости, куда были вписаны три иностранных языка: английский, французский, немецкий, да и “академическая компонента” Сталинской стипендии в Университете (другая компонента — общественная, комсомольская активность) — все это в основном последствия (инерция?..) раннего домашнего образования и материнского влияния.

Примерно после 7-го класса мать полностью прекратила всякую надо мной “опеку”: приготовление уроков, занятия спортом, круг общения, круг чтения — никак ею не контролировались. И тем не менее, в конце школьного периода у меня стал назревать какой-то протест против “мамино” воспитания. Под влиянием школы, пионерского лагеря, других внешних воздействий, оно стало казаться мне слишком “камерным”.

Так случилось, что окончил школу я, когда мне еще не исполнилось 16, и поступал в университет, не успев получить паспорт... Возможно, мать прочила мне “академическую” карьеру. Хотя я и окончил славянское отделение филологического факультета, но полиглотом не стал, а лингвистика вскоре показалась слишком скучной и сухой наукой... То ли дело комсомольская жизнь, общественная работа, студенческие стройки! Стоит напомнить, что гуманитарное образование тогда (первая половина 50-х) было крайне идеологизированным. Стремясь “приблизиться к реальной жизни”, я воспользовался возможностью закончить также и отделение журналистики. И распределение получил по этой второй, тоже записанной в мой диплом специальности.

Думаю, что став журналистом, я последовал скорее не по материнским, а по отцовским стопам, только что не в инженерно-технической, а в общественно-гуманитарной сфере. Лишь много позже (когда матери уже не стало), я понял, сколь глубинным и долгосрочным было ее влияние на всю мою последующую жизнь.

...Вообще, воспитательная установка матери была, я бы сказал, “культурно-нравственной”. Все идеологические ценности черпались мною извне семьи (школа, университет, комсомольская работа). Общечеловеческие же ценности имели своими первыми и главными истоками семейное общение и “необязательное” чтение. Вот этот противоречивый симбиоз общечеловеческих и идеологических ценностей, думаю, способствовал возникновению такого жизненного “аттрактора”, как социологическое знание и действие...

(Цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... Том 2, Приложение 2 к главе 6)

8.2. НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

8.2.1. «Плакали ли Вы в день смерти Сталина?»

²²⁰ Это интервью было взято у автора Б.З. Докторовым, в 2006 г.

См.: П-с – 2, Приложение 2 к главе 6. См. также: Докторов Б.З. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ. 2012. Том 2. Электронная версия - http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/tom_2_full.pdf; Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание М.: ЦСПиМ, 2012. Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>

= Из дневника (1953)

<...> [Без даты. - А. А.] Скончался Иосиф Виссарионович Сталин. Не стало лучшего и величайшего человека на земле. В этих непривычных словах заключен настолько страшный смысл, что мне очень трудно прибавить к ним что-либо. Впервые сейчас я увидел их написанными, впервые, потому что я все еще не хочу, боюсь посмотреть на то, что напечатано внутри черной рамки в газете, - снова, еще раз острой болью режет по сердцу.

Когда стало известно о болезни товарища Сталина, это была тревога, нарастающая, но подчас заглушаемая мимолетной мыслью, улыбкой, разговором, наконец, работой. Теперь - только такая непрерывная боль и - пустота. Точно кусок жизни, часть души вырвана с кровью, внезапно, разом. И так у всех. Правда, сегодня мне встретились люди, которые способны шутить, смеяться, может быть даже развлекаться - их много, но я их не понимаю. Зато я видел и понял, что такое общее горе, горе всего народа. Особенно ясно почувствовал я это, когда пришел на факультет. Я не выдержал долго. Хорошо, что я поехал за елками, хотя до сих пор содрогаюсь от ужаса при мысли о том, для чего эти елки. Но... бездействие - это самое страшное.

Горе всего народа. Но если это не только твое горе, то тем более надо быть сильным. Надо быть сильным и в горе. Можно еще дать себе какую-нибудь поблажку в личной неприятности, о которой знаешь лишь ты, да несколько близких друзей. Да и то нельзя позволять себе опускаться. Сейчас же - ни за что! Напротив, именно сейчас быть лучше, чище, сильнее, чем всегда. Быть на месте, в строю, в своем строю. Сейчас это важнее, чем когда-либо. Сейчас мы не имеем права на слабость.

И главное - работать. Как можно больше. Только работой можно заглушить горе. Но дело даже не в этом. Главное сейчас - не сломать общий строй. Это строй - 200 миллионов. И у каждого в нем свое, пусть маленькое и скромное, место. И у меня тоже. Так вот, это место ни на минуту не должно оставаться пустым.

Пусть это будет моей клятвой над гробом Сталина!

Ремарка: документальное свидетельство.

Стало уже расхожим журналистским приемом, в общении с «шестидесятниками», спрашивать: «Плакали ли Вы в день смерти Сталина?». Кто говорит «да», кто-то - «нет», как ему помнится, так и отвечает. Или - как ему хочется теперь вспомнить. Но почти не приходилось встречать документированных личных свидетельств на этот счет - таких, как личный дневник.

Вот, нашел, делюсь с читателем - не воспоминанием, а документом. Авторский документ дает свободу интерпретации, а не навязывает читателю сегодняшнюю авторскую трактовку. (Июль 2001).

12.03.53. Почти целая неделя прошла с того страшного дня. Что ж! Жизнь не остановилась, все идет своим чередом. И учеба, и работа [имеется в виду работа в комсомольском бюро факультета. А.А.] - вообще вся жизнь. Конечно, так и должно быть. И все-таки кажется, что все теперь должно быть каким-то другим, новым, хотя и тем же, стать как-то значительней. Человек, прошедший сквозь тяжелое испытание, перенесший большое горе, остается тем же, и только какая-то неуловимая перемена происходит в нем. <...>

Этих дней мне уже никогда не забыть. Сталина больше нет. Похороны на Красной площади... Пять минут прощания всего народа, всего человечества со своим вождем. Я видел Дворцовую площадь. Тесно-тесно, плечом к плечу стояли люди. Там не было ни трибун, ни ораторов. Люди просто пришли и стояли там, в сердце города, на площади. Они вместе с теми, кто шел за гробом, вместе с москвичами, вместе со всей страной провожали Сталина в последний путь. Вот так...

...И все-таки БУДЕТ! Будет коммунизм и будут светить миру сталинские стройки коммунизма, будет учиться сталинская молодежь, будет расти и крепнуть сталинская наука, будет... будет, свершится все то, к чему вел людей Сталин. <...>

13.03.53. Все-таки жизнь - это очень трудная штука. Может быть, это не звучит, но это именно так. Да, трудная, если предъявляешь к ней большие требования и много хочешь от нее. Часто люди сознательно и бессознательно сужают свою жизнь, сосредотачивают ее на чем-то определенном, остальное существует для них как нечто менее важное, второстепенное. Один целиком отдает себя общественной работе, другой - учебе, третий - усиленно занимается спортом, четвертый живет какой-то особенно, повышенно напряженной личной жизнью, пятый поглощен каким-нибудь увлечением, будь то музыка, театры, автомобиль или художественная литература. Да много еще чего можно назвать, некоторые совмещают в себе кое-что из всего этого. Охватить все удается очень и очень немногим. И тех, кто пытается охватить все, ожидают самые большие разочарования. Кажется, я принадлежу именно к таким людям. Хорошо ли это, плохо ли - не знаю, но во всяком случае это очень трудно.

Хочется сделать в жизни многое если не все. Хочется, чтобы жизнь была как можно полнее, богаче. Это какая-то жадность ко всему. Но чем больше хочешь охватить, тем больше неудач. Может быть, если бы не пробовать и не начинать, так и не было бы неудач. Но, видно, так уж глупо я устроен. Где же выход? В сутках 24 часа, но дело даже и не в этом.

Вот в том-то и трудность жизни. Вот потому-то слишком многое приходится делать сжав зубы, одним усилием воли. А ее тоже слишком часто не хватает. <...> Здесь, конечно, очень мудро помочь. И особенно странно слышать, когда люди говорят совершенно противоположное и еще удивляются, как это я все успеваю и т. п. Это особенно неприятно, когда люди думают, что ты не такой, каков ты на самом деле. Разубеждать их словами - не хочется, слишком для этого нужно изливать душу. Разубеждать делом. Не так уж громки и заметны эти дела, чтобы их все видели.

Так вот, вряд ли кому следует знать обо всей этой буре сомнений. Да и, как я уже говорил, помощи ждать здесь неоткуда, да и незачем. Может быть, только <...> рассказал бы я все это, да, видно, не суждено.

И еще одно. Это очень хорошо, но случается очень редко, что людям все удается, за что они ни возьмутся... Плохо, когда им это кажется, но этого нет на самом деле. Я отнюдь не принадлежу к числу людей талантливых или хотя бы «расположенных» к чему-либо. Кроме некоторой способности к языкам, природа, что говорится, меня «ничем не наделила», начиная с физических данных и кончая умением работать. Очень многое приходится брать трудом и силой воли, несмотря на кажущуюся легкость. Ну, и, естественно, получается, удается - слишком немногое, из того, что хочется. Выхода из этого я так и не вижу. Сдаваться нельзя ни в чем.

Особенно после этих страшных дней. И не забывать клятвы.

...Да, надолго мне запомнится этот третий [студенческий. А.А.] курс, этот год. Надолго, на всю жизнь. Самый трудный, самый тяжелый, и весь какой-то резкий, угловатый, полный резких, прямых и неожиданных переходов. Видно мне летом обязательно нужна будет стройка - простой, здоровый отдых, лучший. Новая зарядка на следующий год. Или, во всяком случае, что-то похожее. <...> Вот и все, о чем думается.

19.03.53. «Скорбь превращается в силу». Так сказал Мао-цзэ-дун. Это замечательно. Лучше и проще никто не выразил.

Только так. Скорбь превращается в силу. А сил нужно много. <...>

Ремарка: первая попытка ауторефлексии

Как видно, автор "не плакал" в день смерти Сталина. Однако это событие было для "правоверного комсомольца" действительным потрясением, толкнувшим к первым

ауторефлексивным поискам - попытке осмысления своего места в жизни и т. п. (Июль 2001).

8.2.2. Комсомольцы – «хорошие» и «плохие»

[Ниже – извлечение из заметки, опубликованной в 1955 г. в газете «Ленинградский университет». Автор тогда учился на 6-м курсе.²²¹ До этого он был секретарем комсомольского бюро филологического факультета ЛГУ. – А. А.]

= Из газеты «Ленинградский университет (1955)

Комсомольское поручение

<...> Мы критикуем и сурово осуждаем наших товарищей, нарушающих комсомольский Устав. Мы говорим им: «Если вы не хотите трудиться, если вы совершаете поступки, несовместимые с коммунистической моралью», - вам не место в комсомоле. Отчего же исчезают наши гнев и страсть, когда на наших глазах систематически нарушается первый параграф Устава, где говорится, что комсомольцем может считаться лишь тот человек, который работает в одной из организаций ВЛКСМ? Ведь чаще всего не выполняется у нас именно это требование комсомольского Устава. А мы сплошь и рядом о нем забываем. Не оттого ли среди комсомольцев так часто встречаются пассивные, безынициативные люди, что мы ослабили борьбу с такого рода «бездеятельностью», не умея там, где это нужно, применить резкую и решительную постановку вопроса: «Комсомол - организация работающая, действующая. Если же ты не участвуешь в ее работе и не хочешь выполнять ее поручений, а только числишься в ней, то для чего же ты в комсомоле? Имеешь ли ты право называть себя членом ВЛКСМ?»

Сейчас в первичных организациях ведется большая работа по подготовке к обмену партийных документов [?! Очевидно, опечатка: имелся в виду обмен комсомольских документов. - А. А.]. Как известно, это мероприятие направлено на организационно-политическое укрепление комсомола. Так называемая бездеятельность многих комсомольцев свидетельствует о том, что на филологическом факультете еще очень многое предстоит сделать в этом отношении. Вопрос о привлечении каждого комсомольца к активной работе в комсомоле становится важным моментом подготовки к обмену комсомольских документов.

Отчетно-выборная комсомольская конференция факультета написала в своем постановлении: «Добиться, чтобы каждый комсомолец выполнял общественное поручение». Конечно, мало постановить: нужно провести решение в жизнь. Но думается, что путь намечен правильный. Именно в этом - одно из главных звеньев нашей работы сейчас.

(Алексеев А. Комсомольское поручение // Ленинградский университет, 14.10.1955)

Ремарка: быть комсомольцем не "на словах", а "на деле".

Как видно, автор занимал максималистскую (экстремистскую?) позицию в вопросе о комсомольских обязанностях, статусе члена Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ): не только "числиться", но и "работать" в комсомоле! Не выполняющий какого-либо общественного поручения (или, как тогда было принято еще говорить, не имеющий общественной нагрузки) является комсомольцем лишь "на словах"; надо быть комсомольцем "на деле".

²²¹ Срок обучения на славянском (оно же – переводческое) отделении филологического факультета ЛГУ тогда был не 5 а 6 лет.

Не произнесено, но в контексте предстоящей кампании обмена комсомольских документов угадывается намек: "Не вычистить ли плохих комсомольцев из комсомола?". (Июль 2001).

От автора - сегодня

Окончив в 1956 г. филологический факультет ЛГУ по двум отделениям - славянское и отделение журналистики, автор получил распределение в молодежную газету г. Куйбышева (Самары), где до этого ему довелось проходить учебную практику. Проработав там полтора года, вернулся в Ленинград.

Из трудовой книжки:

«Редакция газеты «Волжский комсомолец» (г. Куйбышев), литературный сотрудник, заведующий отделом комсомольской жизни, член редколлегии - 08.1956-12.1957;

Редакция газеты «Вперед» (г. Ломоносов) - ответственный секретарь. - 03.1958-07.1958;

Редакция газеты «Смена» (г. Ленинград), литературный сотрудник, и.о. заведующего отделом комсомольской жизни, литературный сотрудник - 07.1958-08.1961».

Ниже - некоторые образчики журналистского творчества автора того времени. (Июль 2001).

8.3. ХОРОШИЕ ЛЮДИ...

(ОТ "ЖУРНАЛИСТСКОГО ЛУБКА" К "ВЫСОКОМУ ШТИЛЮ")

8.3.1. Комсомольская путевка (Люда Денисова, электросварщица с «Куйбышевгидростроя»)

= Из газеты «Волжский комсомолец» (январь 1957)

Упорство

Трудно сказать, чем именно так привлекала Люду электросварка. Может быть, тем, что работа эта считается не девичьей? Каждый раз, когда в цех приходил заводской электросварщик, а у молодого нормировщика Людмилы Денисовой выпадал свободная минутка, девушка бежала к нему: «Дядя Ваня, ты сегодня меня поучишь?».

И вот Людмила по комсомольской путевке на Куйбышевгидрострое. Девушка мечтала о новой профессии, о нелегком, но увлекательном труде на строительстве гигантской ГЭС. В действительности все оказалось не так, как она предполагала.

«На плотину?» Ишь чего захотели! Рано вам туда. Нужны разнорабочие в промрайон. Что такое промрайон? Сейчас, например, на очереди строительство бани». Баня? Причем тут баня, когда девушке страстно хотелось работать в котловане! И потом, нельзя ли поставить учеником, если уж не к электросварщику, то к любому другому квалифицированному рабочему? Оказалось, что пока нельзя.

Одна за другой на голову посыпались неприятности. Началось с подъемных. Перед отъездом выдали 180 рублей. А вторую половину выплатили не полностью. И к кому ни пойдешь, каждый говорит, что это не от него зависит. Люда убедилась, что бюрократическая стенка пробивается прежде всего собственной настойчивостью. Главное - не сдаваться и не идти на компромиссы.

Около месяца она заменяла нормировщика, ушедшего в отпуск. Когда тот вернулся, начальник отдела кадров вызвал Людмилу к себе. «Вот что, милая девушка, нормировщиков у нас не хватает. Но штаты, штаты! Хотите, мы вас определим, как тут говорится, на «низовку», автослесарем, скажем, а работать будете нормировщиком. Зарплату, правда, придется уж по «низовке» начислять... Ну как, согласны?»

Нет, Людмила не согласна. Она хочет получить строительную специальность. «Несговорчивая вы, я погляжу... Ну, а если мы вас устроим секретарем-машинисткой? Пока машинисткой... А там видно будет...». Девушка не согласилась и на это.

Что и говорить, порядка в промрайоне тогда было мало. Кем только ни пришлось поработать Людмиле Денисовой. Сначала землекопом, потом ученицей штукатура. Учитель у нее оказался никудышный. Всю их работу мастер забраковал. Казалось бы, не виновата подсобница, но высчитывают не только со «старшего», но и с нее.

Домой «Люда писала: «Мама, все у меня в порядке. Беспокоиться не надо. Привыкаю. Скоро даже вам помогать смогу». А сама, возвращаясь к себе в общежитие, подсчитывала: в наличии 20 рублей и неделя до получки. Но сдаваться она не собиралась,

Как-то Людмила и ее подруга Нина Лепешкина, с которой вместе приехали из Молотова [Перми. - А. А.], разговорились с молодым электросварщиком Валентином Бурухиным из шлюзового района. «Идите на нижние шлюзы, ко мне учениками», - предложил он. Электросварщиками! Ведь Люда только об этом и мечтала. Уговорить подругу не составило труда.

Работа, как говорится, кипела у Людмилы в руках. Не прошло и месяца, как она уже самостоятельно сваривала тяжи опалубки. Но до полного удовлетворения было далеко.

К начальнику 5-го участка Кочерженко пришли молодые электросварщицы. Возмущенные, злые. «Опять недовольны, опять работу вам не дают? А газету сегодняшнюю вы читали? Почитайте. Вот, Денисова и Лепешкина - 180 процентов нормы. Действительно, 180. Чего же вам еще?» - «Да не о том речь. 180 процентов! Красивая цифра! А что за ней стоит? Вы лучше скажите, почему нам не доверяют? Почему ребята арматурные клетки варят, а мы для них проволоку режем?».

«До чего же беспокойные девчата!». Пришлось начальнику участка вмешаться, дали им ту же работу, что и парням. И девчата не подвели. Людмила писала матери: «Теперь я настоящая электросварщица».

А немного времени спустя о Людмиле Денисовой заговорил весь Гидрострой. Дело было на пороге зимы. В шахты так называемых межсекционных осадочных швов на верхних шлюзах закладывались обогревательные трубы. По середине шахты вертикально проходит труба, которую необходимо приварить к основанию. Приварить, это значит спуститься на самое дно и «в обнимку» с трубой, по колено в воде наложить на металл «огненный шов».

Все от этой работы отказывались. Не говоря уж о том, что не всякий в такую щель пролезет. Десять шахт по одну сторону шлюза, десять по другую. Люда Денисова обвязалась веревкой. Дни, проведенные в черной, озаряемой лишь ослепительными вспышками электросварки глубине, были мучительно длинными.

При спусках и подъемах помогали торчащие в стенках шахты штыри. Последняя шахта оказалась без штырей. Рабочий, стоявший наверху и державший в руках сигнальную веревку, ушел на обед, забыв предупредить Людмилу. Между тем, девушка закончила сварку. Надо подниматься. А веревка провисает. Как ни старайся, без посторонней помощи отсюда не выкарабкаешься.

Через час «помощничек» вернулся. Хотела Люда скрыть свои слезы, да кое-кто все же заметил у нее под глазами светлые полоски на чумазах щеках.

В общежитии над кроватью у Люды висит алый вымпел: «Лучшему молодому электросварщику Куйбышевгидростроя». Конечно, есть здесь рабочие и поопытнее, и с

разрядом повыше. Может быть, кто-нибудь даже норму не на 200, а на 220 процентов выполняет. Но ведь человеческое упорство не измеришь процентами.

(Алексеев А. Упорство // Волжский комсомолец, 11.01.1957)

8.3.2. «Обыкновенный подвиг» (Павел Тюнев, бригадир электриков с Волховского алюминиевого)

= Из газеты «Смена» (октябрь 1958)

Судьба Павла Тюнева - это судьба очень многих. Исполнилось мальчишке двенадцать лет, когда грянула война. Как раз четвертый класс окончил. Семью пораскидало кого куда. Старший брат погиб на фронте.

Мальчик жил возле аэродрома, помогал электромонтерам. Тогда, в войну и получил специальность. С 1945 года поселился в Волхове и работал электромонтером. Рано женился. Дети. За заботами так и недоучился Павел. Четыре класса средней школы... Да много ли осталось и от них.

Десять лет не сидел комсомолец Павел Тюнев за партой. Не писал диктантов и письма к родным сочинял без единой запятой. Натужно морщился, когда на работе надо было помножить десятичную дробь на простую. Стыдливо умолкал, когда среди товарищей заходил разговор о прочитанных книгах, или, скажем, о Китае. Ну, много ли он читал? Или что он знает про Китай?

Его ценили на работе. Год проработал Тюнев даже мастером. Потом назначили нового, с образованием. И во всяком случае не это толкнуло его снова стать школьником. А главным образом мучительное, в мелочах обостренное сознание, что в свои двадцать с лишним лет он все же неуч, неуч, неуч...

Когда Павел сказал о своем намерении учиться жене Вере, Вера только вздохнула, посмотрев на девочек. Потом она сказала: «Я понимаю, Павел». Павел знал, что поступает правильно, и все же ему было немного совестно. Ждали тогда они третьего ребенка.

Собрал Павел новенькие учебники и пошел в четвертый класс вечерней школы. Снова в четвертый. Пришел - тридцать мальчишек шумят, двое портфелями дерутся, а остальные обсуждают, чья возьмет. Самому старшему, наверное, пятнадцать лет. Кто на производстве в учениках ходит, а кто и не работает совсем. В средней школе хулиганил, да на третий год остался, его и определили в вечернюю. Лет восемь назад было еще такое.

Павел свои учебники стопкой на парту положил, сел. И не мала парта, сам-то Павел невысокого роста, да все никак коленки под партой не умещаются.

Вошла учительница, тоненькая, голова в кудряшках. Молоденькая, моложе Павла, только что, видать, из училища. Мальчишки портфели сбросали, расселись. Начался этот первый для Павла урок.

Забыл, все забыл. Учительница с трудом разбирала каракули своего самого прилежного, но, увы, самого отсталого ученика. Павел упорно не ставил мягкого знака после шипящих, зато хулиганящего парня, если учительницы уж совсем срывался голос, решительно выставлял за дверь.

Редко пропускал Павел занятия, а однажды задержался на работе, даже домой не успел зайти. Примчался в школу. В классе пусто. Учительница слезы кулаком вытирает, совсем как девочка. Убежали. Убежали смотреть «Бродягу», вторую серию. «Ну что, Тюнев, нового материала брать не будем, повторим употребление мягкого знака после шипящих...»

В пятом, шестом классах появился в школе народ постарше. Геннадий Шустов занимался в пятом, бросил в шестом, походили в школу Зоя Федотова и Ольга Леонтьева. Были и такие, что не отступали.

Павел возвращался домой в одиннадцатом часу вечера. Иногда позже, когда устраивали дополнительные занятия или провожал учителей (в вечерней школе ученики обычно до дома провожают учителей: темь, в компании не страшно). Тихо открыл дверь. Дети спят. Жена что-то шьет. Ей-то какво достается... Комнатка девять квадратных метров, заниматься негде. Пошел на кухню, голову под кран и до трех часов готовить уроки. Это сегодня так, а завтра нужно все-таки сделать кое-что по дому. И так каждый день.

До седьмого класса держался Павел. Однажды весной привезли на участок новое оборудование, неделями не вылезал Павел из болота, где добывают торф для завода. Монтировали высоковольтную линию, краны. Полтора месяца не ходил в школу. И все же сдал экзамены. Перешел в следующий класс. А седьмой кончил даже почти на круглые пятерки. Особенно радовался физик. Никто лучше Павла в класса не мог объяснить закон Ома или устройство конденсатора.

В восьмом, девятом начал сдавать Павел, устал. Классный руководитель, преподаватель математики, строгая Александра Ивановна огорченно перечеркивала контрольную: «Что с Вами, молодой человек? Я вас не узнаю. Придется еще раз порешать задачки». Ходит Павел мрачнее тучи. Директор школы Вера Кузьминична Бурова встречает его в коридоре: «Опять контрольная плохая, Тюнев?» - «Да, контрольная. И сочинение тоже. Уйду я, Вера Кузьминична». - «Ну, пойдем, поговорим».

...Учатся, все учатся. Люди приходят в школу после пятнадцати - даже двадцатилетнего перерыва. И товарищи по работе к Павлу присоединились в старших классах. У них такого провала в знаниях не было. Успели кончить кто семь, а кто и восемь классов. И семьи у них нет. А вот не учились. Павел раньше их понял, что нужно учиться. Они, может быть, вместе получают аттестат зрелости. Теперь он их догнал. Так неужели же сейчас, когда столько уже сделано, он отступит?

Учится Павел. Трет виски. В глазах словно песок. Все о нем беспокоятся. Коммунисты спрашивают, как учится молодой коммунист Тюнев. Комсомольцы - друзья... Все готовы ему помочь. И больше всех - жена Вера. Замечательный человек Вера. Если бы не она, все-таки не хватило бы сил у Павла. Ей бы тоже образование!.. Но когда дома трое детей, муж и жена могут учиться только по очереди.

Дали им две комнаты в другом доме. Пошла в школу старшая дочка Таня. Больше Павел не занимался на кухне. В среду и субботу, когда Павлу не надо было в школу и он приходил домой прямо с работы, рано, Таня хлопала в ладоши: «Папа, мы будем готовить уроки вместе, да, папа?»

Они сядились за один стол, сероглазая девочка с косичками мышинным хвостиком и с дрогнувшим от радости сердцем, усталый, но упрямый человек.

Вот, собственно, и все. В этом году Павел окончил десятый класс. Таня перешла в третий, а Наташа пошла в первый. Павел Тюнев по-прежнему работает бригадиром электриков в торфоцехе Волховского алюминиевого завода. Этот год он отдохнет, а в будущем году поступит в институт. Готовится. Обязательно поступит.

(Алексеев А. Обыкновенный подвиг // Смена, 22.10.1958)

8.3.3. «Продолжение легенды» (Нина Черкесова, ткачиха с фабрики «Ленсукно»)

= Из газеты «Смена» (июль 1961)

Какая она легенда? Человек с сердцем, зажженным стремлением к правде и любовью к людям, вырвал это сердце из груди и высоко поднял над головой, освещая им путь своим товарищам. Это легенда... А в жизни? Человек самый обыкновенный и вместе

с тем прекрасный, как Данко, первым делает шаг туда, где труднее всего и горящим сердцем своим светит людям.

Ведь легенды берутся из жизни...

Два года назад я познакомился с Ниной Черкесовой, ткачихой с фабрики «Ленсукно». После беседы с нею у меня было удивительное чувство. Пришел в редакцию и улыбаюсь. Меня спрашивают: Чего это ты?» - «Да вот хорошего человека встретил...».

Нина Черкесова, собственно, не совершила ничего особенного. Может быть даже, если бы не почин Валентины Гагановой²²², ее поступок остался бы не замеченным. Она работала на трех станках-автоматах, а попросила перевести на четыре. По четыре станка тогда обслуживала уже не одна опытная ткачиха. И желание Нины было естественным.

Но она попросила перевести ее на четыре станка в соседнюю, самую отстающую бригаду (комплект, как говорят в ткацком цехе), к неопытному помощнику мастера, на разлаженные станки. По собственному желанию она покинула лучший в цехе комплект, где работа ей давалась легко, станки не проставивали, заработок выше.

Вот тут-то начинала жизнь походить на легенду, а легенда на жизнь.

Я знаю, что в первое время на некоторых предприятиях вели подсчет, сколько имеется последователей Валентины Гагановой. А потом отказались от этого подсчета. И правильно! Вот Нина Черкесова. Она не бригадир, как Валентина, а рядовая ткачиха. И кто знает, может, в отчетах ее поступок отражен в другой графе. Но разве ее самоотверженный личный пример не менее прекрасен?

Да, она не бригадир (не помощник мастера) и тем труднее ей будет. Ведь что ни говори, а от ее перехода разлаженные станки не наладятся вдруг... Это от бригадира зависит. Но она комсомолка, член комитета комсомола фабрики, а значит и она в ответе за все, что совершается рядом с ней. И если у товарища не ладится, не пройдет мимо, а сделает все, что в ее силах. Даже если этих сил хватит лишь на то, чтобы разделить их беду!

Нина Черкесова, сама того не подозревая, указала путь тысячам людей. Ведь почин Гагановой - это не только почин бригадиров. Последователем замечательной вышневолоцкой прядильщицы может стать любой, будь он бригадиром, директором фабрики или рядовой работницей. Ты можешь сам перейти в отстающую бригаду, ты можешь, наконец, оставаясь в своей, взять шефство над отстающим, - важно, чтобы у тебя сердце болело за товарищей, важно, чтобы их победа была твоей победой, а собственный успех ты не мыслил без их успеха.

Это, если хотите, новая заповедь участников соревнования за коммунистический труд, родившаяся и выкристаллизовавшаяся за эти два года, в период между XXI и XXII съездами КПСС.

Вот какие раздумья заронила во мне два года назад встреча с прекрасным человеком, комсомолкой Ниной Черкесовой. Впрочем, тогда эти мысли были не так отчетливы, ведь жизни было суждено вписать в легенду еще новые страницы.

...И вот я снова на фабрике. <...>

Жизнь порой изобилует парадоксами, исключениями, но очень точно сказано, что исключения подтверждают правило. Вот и здесь. Бригада, которую оставила Нина, добилась звания коммунистической. Добилась без нее? Нет, дело не только в мастерстве ткачих и опыте бригадира Н.И. Кузнецова. Дело еще в том подлинно коммунистическом духе, которым зажег подруг комсомольский вожак, покидая их, идя туда, где труднее.

²²² Первая публикация автора о Н. Черкесовой («Сила убежденности. Комсомольский вожак идет помогать отстающим») появилась в «Смене» 15 июля 1959 г.

²²³ Почин вышневолоцкой прядильщицы Валентины Гагановой, бригадира передовой бригады, покинувшей ее, чтобы возглавить отстающую, стал предметом всесоюзной пропагандистской кампании в 1959 г.

Очень дружная сейчас бригада, в которой трудится Нина. Недавно ее членом стала Тамара Красильникова, прежде работавшая в коллективе коммунистического труда (этот переход связан с перераспределением работниц по комплектам так, чтобы каждая могла обслуживать «четверку»). И вот на новом месте у Тамары порой не ладится. И члены «просто хорошей» бригады заботливо помогают члену бригады коммунистического труда, чтобы она и на этих станках могла работать вровень с ними. Исключение? Нет, подтверждение правила.

Так, в тысячах маленьких, иногда почти незаметных примет (такова жизнь) продолжается замечательная легенда. И примечательно, что творцы ее порой сами не сознают, насколько она прекрасна, они поступают так, а не иначе, потому что просто не могут иначе.

Еще я узнал, что Нина Черкесова стала коммунисткой. Я поздравил ее с этим, а про себя подумал, что так оно и должно быть.

И последнее. Нинина фамилия теперь не Черкесова, а Деева. Ее муж - рабочий, трудится на одном из заводов. Кроме того, он пишет стихи, занимается в литературном объединении «Нарвская застава». Жаль, я не читал его стихов. Но на его месте я лучшее свое стихотворение посвятил бы Нине. Я бы написал поэму о ней.

(Алексеев А. Легенда продолжает жить // Смена, 29.07.1961)

Ремарка: «...написал бы поэму...»

Молодому журналисту очень нравятся его герои. Он и впрямь, писал бы о них поэмы, кабы умел... (Июль 2001).

8.4. В БОРЬБЕ С "ОТДЕЛЬНЫМИ НЕДОСТАТКАМИ" (КРИТИЧЕСКИЙ ПАФОС)

[Ниже - другие образчики журналистского творчества автора в газетах «Волжский комсомолец» и «Смена» (1956-1959).

В отличие от предыдущих («лубочных» или «апологетических»), эти предстают «проблемными» или «обличительными». - А. А.]

8.4.1. «Мертвые души» - живые души!

= Из газеты «Волжский комсомолец» (декабрь 1956):

«Мертвые души» - это выражение, к сожалению, прочно укоренилось в комсомольском лексиконе. Так называют людей, оторвавшихся от своей организации, или, говоря языком протоколов, тех, кто «выбыл, не снявшись с учета».

В комсомольской организации «Куйбышевгидростроя» таких «неизвестных» - сотни. Сейчас, в связи с завершением обмена комсомольских документов, их разыскивают, отправляются запросы в милицию, просматриваются всевозможные архивы... На одних составляются справки: «не работает», «не проживает», кое-кого все-таки удается найти.

У каждого человека своя судьба. Немало среди «мертвых душ» дезертиров. Бесспорно, не место таким в комсомольских рядах. Но чаще все же дело обстоит иначе.

1. Справка, которой недостает

Когда Валя Ивакина увольнялась из правобережного промрайона, все знали о том, что она ждет ребенка. Знала, разумеется, и комсорг участка Тамара Шаронова. Сейчас она уверяет, что Ивакина была недисциплинированной комсомолкой, нерегулярно платила

взносы, прогуливала... Каких еще только грехов не пытается припомнить за «выбывшей» Тамара Шаронова, чтобы оправдать свое равнодушие к человеку!

Комсомольские «деятели» не побеспокоились навестить Валю в больнице («Она же теперь не наша!»), не поинтересовались даже, где она живет, устроилась ли на работу. Случайно Шаронова встретила Валю на остановке автобуса. «Ты где сейчас состоишь на учете?» - спросила. Валя ответила, что не знает.

Обстоятельства сложились так, что молодой матери не приходится рассчитывать на помощь мужа в воспитании ребенка... Как вспомнит об этом Валя, так слезы невольно навертываются на глаза. Хорошо хоть, что поставили, наконец, к токарному станку. Ведь до недавнего времени Валя, имея диплом токаря, была разнорабочей. А легко ли при низком заработке с малышом, да еще одной?

Валентина Ивакина не обменяла комсомольский билет. С июня не уплачены комсомольские взносы. В комитете комсомола промрайона на нее, вероятно, уже заготовлена справка, мол, «уволена», «переменила место жительства». Не мешало бы к этим справкам присовокупить еще одну, что комсомолка Ивакина живет в городе Жигулевске, на улице Жданова, через дом от комсорга 2-го участка и члена комитета комсомола промрайона т. Шароновой.

2. Комсомольский билет N 33777455

Что и говорить, не берегла его Клава Шестакова! Вот он, старого образца, выдан 9 февраля 1950 года одним из райкомов Брянской области. Несколько листков изнутри потеряно, запачкана обложка. Когда в июле прошлого года Клава приехала на «Куйбышевгидрострой», она отдала свою учетную карточку группкомсоргу, какой-то Саше...

И вот с тех пор учетная карточка пылится в комитете строительства, а в шлюзовом районе ищут «пропавшую» комсомолку. Полтора года ищут, а Клава Шестакова как работала на шлюзах штукатуром, так и работает, никуда не уезжала, только взносов не платит. Слов нет, велика вина Клавы перед комсомолом. Вероятно, товарищи отчитают и накажут ее. Ну, а каким же будет наказание комсомольским вожакам шлюзового района?

...Ивану Радаеву сейчас стыдно вспоминать об этой лжи. В жигулевском автохозяйстве он сказал, что членом ВЛКСМ не является. Дело в том, что за время неоднократных переводов с одного места работы на другое Иван потерял связь с комсомольской организацией и посчитал себя «механически» выбывшим. Сейчас он горько жалеет об этом. Так же, как и Клава Шестакова, полтора года числился Радаев на учете в комитете комсомола «Куйбышевгидростроя». Из месяца в месяц из авторайона в комитет поступали ведомости по уплате членских взносов, где против фамилии Радаева и сотен таких, как он, стояла отметка «выбыл». Секретарь комитета Анатолий Токарев подписывал эти ведомости. Ставропольский горком²²⁴ принимал у него отчет.

3. «Обиженные»

После сокращения штатов в правобережном авторайоне Аня Зайцева обращалась к горком комсомола с просьбой помочь ей найти работу по специальности. Не встретила там поддержки. Аня ушла из горкома с большой обидой на комсомольских вожаков. Мало того, в отместку им решила отречься от комсомола.

За два с лишним года, прошедшие с тех пор, целых два, если можно так выразиться, поколения комсомольских работников разводили руками: «Не знаем, где такая». Это вместо того, чтобы в обеденный перерыв подойти к мужу Зайцевой, Александру Тушеву, шоферу из того же самого авторайона, и спросить его: «Когда Аню застать дома можно? Есть один серьезный разговор».

²²⁴ Город Ставрополь. Современное название – Тольятти.

А обида Ани Зайцевой, между тем, росла. Одни от нее отмахнулись, другие забыли... Аня относится к разряду людей, которые верят в хорошее лишь постольку, поскольку испытывают это хорошее на самих себе. До всего остального мира им дела нет. Нужно лишний раз говорить, кто виноват в том, что эти люди стали такими?

4. Не для отчета ли?

И вот наступают последние дни обмена комсомольских документов.

Работники Ставропольского горкома и комитета ВЛКСМ строительства получили в обкоме последнее предупреждение. Начинает горячка. Активисты приезжают к Ане Зайцевой, к Ивану Радаеву, к Валентине Ивакиной домой: «Уплатите взносы, явитесь для обмена туда-то». Член комитета левобережного района умудряется даже взять с комсомолки Гурской расписку, что она обменяет комсомольский билет не позднее 24 декабря 1956 года.

Ну, а дальше? Как все это напоминает ставшие уже привычными рейды по общежитиям, когда за один вечер комсомольские работники успевают побывать в десятке комнат и перебраться двумя-тремя фразами с доброй сотней людей! Ты лучше в одной комнате посиди, да целый вечер, так чтобы действительно увидеть, чем живут люди, каковы их нужды, каковы думы. А то спросишь потом «активиста», как зовут сынишку у комсомольца, который уже третий раз собрание пропускает, и побежит тот в отдел кадров наводить справки.

В этой связи несколько слов о тех, кого нет в списке «неизвестных».

5. Она у нас не числится...

Два года работает на «Куйбышевгидрострое» член ВЛКСМ Лидия Кудрилева. Из них вот уже 10 месяцев на левобережном авторемзаводе. Кудрилева приехала из города Горького без учетной карточки. Посылала туда несколько запросов. Ответа до сих пор нет. Тем не менее, ни комсомольские активисты завода, ни инструктор комитета строительства Т. Якимов, который в курсе дела, не предложили Кудрилевой встать на временный учет, погасить задолженность, почувствовать себя полноценным членом коллектива. Как же, «она у нас не числится!»

Павел Колодкин не состоит на учете в комсомольской организации правобережного авторемзавода, на котором работает. Не состоит - значит и на собрания не ходит, значит и поручений ему никаких не дают. Ждут, когда из комитета позвонят и скажут: «Учетная карточка переложена в вашу картотеку». Вот тогда засуетятся на ремонтном заводе: «А почему у тебя, Павел, взносы с мая не уплачены?»

На «Куйбышевгидрострое» превратили в очередную кампанию обмен комсомольских документов. Но нельзя превратить в кампанию знание людей и заботу о людях. Этого здесь не хватает прежде всего. Таков главный урок печальной истории с «мертвыми душами».

(Алексеев А. Мертвые души // Волжский комсомолец, 29.12.1956)

8.4.2. «По-революционному!»

= Из газеты «Волжский комсомолец» (октябрь 1957)

С XVI Богатовской отчетно-выборной комсомольской конференции

Много доводилось Ивану Сергеевичу бывать на конференциях.

Правду сказать, привык уже к ним. А вот сегодня волнуется. Со вчерашнего утра несколько раз забежали к нему в правление парни и девчата, спрашивали:

- Иван Сергеевич, так вы с нами поедете?

Он улыбался в ответ:

- Ну конечно же поеду, обязательно.

И вот сейчас Иван Сергеевич Самсонов, председатель «Советской России», крупнейшего, передового в районе колхоза, и первый комсомолец района, как его тут окрестили, сидит в президиуме под кумачовым знаменем районной комсомольской организации. Задумчиво чертит что-то в своем блокноте. Слушает отчетный доклад секретаря райкома комсомола Мстислава Озявы («Самокритики маловато!»), а сам сообщает, о чем же расскажет он делегатам, которые так просили его выступить.

...В конце 1919 года организовалась у них в Павловке комсомольская ячейка. Вначале в ней было 7 комсомольцев, а потом стало 107... О чем рассказать? Как воевали в кулаками за хлеб для Москвы и Питера? Как, имея на вооружении лишь собственный революционный пыл и обрывки знаний, ратовали за культуру против религиозного дурмана? У первых комсомольцев не было клубов и библиотек, тогда они собирались вечерами на поляне и, помогая друг другу, штудировали «Азбуку коммунизма»... Есть, что вспомнить, есть чему поучиться у поколения, которому в год Октябрьской революции исполнилось семнадцать лет.

А может все-таки лучше рассказать притихшему залу о комсомольцах нынешних, вот об этих самых, что сейчас смотрят на него и ждут его речи?.. О сидящей с ним рядом в президиуме «доярочке» Марусе Семеновой, как она, совсем еще подросток, обогнала на ферме куда более опытных подруг? Или о том, как ночи не спала в заботах о колхозных яблонях Нюся Якутина? Или о Викторе Баклыкове, молодом трактористе, укротившем С-80? Пройдет еще 40 лет, и у них будут учиться, о них будут с гордостью вспоминать молодые покорители межпланетных пространств...

Так ничего и не решив, Иван Сергеевич поднялся на трибуну.

Ему потом долго и благодарно аплодировали.

Конференция продолжается.

Вместе со всеми радуется Иван Сергеевич успехам. До чего же, оказывается, много в районе таких замечательных ребят, как полюбившиеся старому председателю Маруся Семенова, Нюся Якутина и Виктор Баклыков! Лучшая в районе комсомольско-молодежная тракторная бригада Мясникова полностью укомплектована девушками-прицепщицами... В кутулукской школе растет достойная смена, хорошо колхозу помогают!.. Около ста комсомольцев района пришли на фермы и сейчас догоняют Америку...

Но многое и не нравится ему.

...В Тростянке - возмутительный случай хулиганства. То же и в «Объединенном». Комсомольский секретарь из «Памяти Ленина» выпивает. Молодой рабочий со станции Богатое отсидел 15 суток...

Свинарка Клава Кобзева из «Пути к коммунизму» рассказывает, как безобразно относится к нуждам молодежи руководство артели. Придут к ним девушки за помощью, а слышат в ответ: «Не трещи, молода учить».

Видя все это, молчат комсомольцы, молчат вожаки комсомольские, молчит райком. Почему?

...Выступает член райкома комсомола Воронков. Плачется: на ферме, где он, Воронков, заведующим, шесть молодых доярок, и ни одной комсомолки. Не ведется никакой воспитательной работы... Иван Сергеевич хмурится: бездельник, вот с тебя и бы и спросить за это. Жаль, что я уже выступил, я бы тебе ответил. Впрочем, ответят и без меня, дадут отпор...

Но Воронкову не дали отпора.

И Ивана Сергеевича одолевала досада: «Почему они молчат?»

Энергии у молодежи хоть отбавляй. В труде чудеса показывают. Но вот зубастости этой, непримиримости побольше бы! Каждому, всем: от рядового комсомольца до секретаря райкома.

В эту минуту какая-то незнакомая Ивану Сергеевичу девушка говорила с трибуны:

- Замечательно сказал в своем выступлении наш почетный делегат товарищ Самсонов. Мы с вами живем на 40-м году революции. Революция, небывалая, величественная, продолжается! Мы построили первое в мире социалистическое общество и строим общество коммунистическое. Живем и работаем по-революционному. Так давайте же, товарищи, в эти, проникнутые революционным духом дни с недостатками бороться по-революционному!

Иван Сергеевич не говорил именно этих слов, но ему было приятно, что его именно так поняли.

Девушка рассказывала уже о своих колхозных делах и неполадках, а он, наклонившись к соседу в президиуме, шептал, улыбаясь:

- В наше время был у комсомольцев такой «загиб»: танцевать запрещалось. Кто танцевать станет или надушится - того на собрании прорабатывают. А вот наш колхозный комсомолец Неретин выпить любит не в меру. С учетчиков правление его сняло, а комсомол смотрит... Будто так и надо. Это уж, пожалуй, в другую сторону загиб, а?

Потом в перерывах он оживленно беседовал с делегатами, терпеливо отвечал на вопросы о прошлом, а про себя думал все о том же: на пленуме райкома он обязательно пожелает товарищам быть смелее и решительнее.

Смелее, решительнее. О недостатках своих и чужих говорить резко и прямо. Бороться с ними до конца, настойчиво.

Кстати, это относится не только к райкому комсомола. На совете делегаций разгорелся спор: выдвигать или не выдвигать в члены райкома бывшего второго секретаря райкома Малыгина. Представитель обкома комсомола Слостенин высказался против. Обком не рекомендует. Почему? Каких только общих слов не говорили на совете представитель обкома и другие, вместо того чтобы толком объяснить свои соображения, назвать недостатки товарища. Малыгин обиделся. Хлопнув дверью, он покинул заседание. Мальчишка! - возмущался Иван Сергеевич. Слов нет, рекомендовать такого не следовало. Но неужели нельзя было тут же сказать о его недостатках открыто? Разве так помогают человеку исправиться?

Делегаты разъезжались. Переполненный впечатлениями, уехал к себе в Беловку Иван Сергеевич Самсонов.

Утром он узнал, что первым секретарем районного комитета комсомола избран Николай Ахмисев, зоотехник колхоза «Сталинский путь», с которым соревнуется «Советская Россия» по животноводству и пока никак не может нагнать.

«Этот - молодец! - подумал Иван Сергеевич. - Справится!»

(Алексеев А. «По-революционному!» // Волжский комсомолец, 27.10.1957)

8.4.3. «Человек в беде»

= Из газеты «Смена» (март 1959)

...Нина упала с качелей, ушибла голову. Несколько дней она испытывала легкое недомогание, а потом вдруг стала немать рука. Нина глубоко укололась иголкой и не

почувствовала боли. А еще через день она потеряла речь и способность двигаться. Врачи констатировали левосторонний гепарез - паралич.

Охваченные мучительной тревогой, родные - мать и сестра - не отходили от постели больной.

В эти страшные для Нины Ларионовой дни она узнала настоящую цену дружбе. Ее милая веселая подруга Людмила Старовойтова, с которой они раньше вместе учились в профтехшколе, вместе ходили на танцы и в кино, узнав, что с Ниной беда, добилась отпуска и примчалась из другого города. Она была неутомима, эта Людмила: ухаживала за подругой, бегала в магазин за хлебом, стирала, утешала тетю Шуру, мать Нины, а когда девушку положили в больницу, она, чтобы свободно проходить в палату, назвалась близкой родственницей, и все без колебаний поверили в эту ложь.

Нина нашла друзей в совсем мало знакомых ей людях. На фабрике «Красное знамя», в том же чулочном цехе, где и Нинина сестра Алла, работала помощником мастера Нина Казенкина.

В первый же день, когда заплаканная Алла явилась на фабрику, Нина Казенкина отослала ее домой и сама работала на ее машинах. А все последующие дни они после ночной смены вместе ехали утром на Белевское поле, в небольшую комнату с приспущенными занавесками. Раньше Нина редко бывала у Ларионовых: она жила в противоположном конце города, на Васильевском острове.

Как же отнеслись к Нине Ларионовой другие ее товарищи, те, с кем вместе она работала в ателье фабрики пошива и ремонта одежды № 13?

<...> Вначале комсомольский группорг Нина Савкова и другие хоть изредка навещали больную. Но вот однажды сестра приехала получать за Нину расчет. И стало ясно, что Нина к ним уже не вернется. Они повздыхали и постарались вычеркнуть ее из своего сердца.

<...> Болезнь цепко держала Нину. После операции Ларионову выписали из больницы. С трудом девушка перемещалась по комнате, восстановилась речь. Нина была признана инвалидом второй группы.

Нина боролась. Она знала почти наизусть многие места из книги Николая Островского, понимала, что только человек, не опустивший руки, может рассчитывать на уважение друзей и, кто знает, может быть, и на выздоровление.

Она находила себе дело: много читала, научилась вышивать одной рукой и требовала, чтобы ее не освобождали от некоторых несложных работ по дому. С увлечением она занималась воспитанием соседской дочки - четырехлетней Ляли. <...>

Но временами на Нину, еще ужасней головных болей, наваливалось тяжелое, мрачное безразличие ко всему. Страшно в 21 год оказаться заточенной в четырех стенах.

Ее старались рассеять родные, Людмила. Кстати, Людмила вскоре совсем переехала в Ленинград и поступила на комбинат тонких и технических сукон имени Тельмана ученицей. Раз-два в неделю Людмила заезжала к подруге, приносила книги. Она рассказывала жадной до новостей Нине о своей новой профессии прядильщицы, о новых товарищах и комсомольских делах на комбинате.

<...> Нину очень беспокоило, что она может оторваться от комсомольской организации. Она просила мать и сестру снять ее с комсомольского учета на фабрике и во Фрунзенском райкоме комсомола и поставить по месту жительства. Те выполнили ее просьбу.

Теперь Нина стала членом комсомольской организации РЖУ в Невском районе.

Через несколько дней Нина принимала у себя гостей: комсомольского секретаря РЖУ Нину Котову с подругой. Они принесли ей коробку конфет. Не дороги конфеты, а дорого внимание.

Но потом Котова не то уволилась, не то избрали нового секретаря.

Нина говорила сестре:

- Если бы получить хоть какое-нибудь, хоть маленькое комсомольское поручение! я могу переписывать повестки или протоколы. Небось, другим не хочется этим заниматься. Послушай, Алла, а как ты думаешь, я могла бы кончить десятилетку?

Шло время. А к ней никто не приходил даже принять членские взносы. <...>
Наконец, мать не выдержала:

- Я сама пойду в райком, я им скажу: стыдно, молодые люди, стыдно!

Нине было тяжело. Но она старалась быть справедливой:

- Ах, мама, у райкома тысячи комсомольцев. Но почему из РЖУ никто не заглянет? А в райком ты, мамочка, сходи, надо же мне как-то уплатить взносы.

Александра Николаевна Ларионова бережно завернула в платочек комсомольский билет дочери.

В Невском районе комсомола сразу нашли учетную карточку Ларионовой. Но принять взносы девушка из сектора учета отказалась. Порядок есть порядок. Ведомости у нынешнего секретаря комсомольской организации РЖУ Поносовой. Придется сходить к ней на Ольгинскую улицу.

Тогда Александра Николаевна обратилась к самому секретарю райкома Соколову. Он выслушал ее и распорядился, чтобы взносы приняли тут же. На отрывном листке календаря секретарь записал адрес больной комсомолки.

<...> Прошло еще несколько месяцев. Александра Николаевна была вынуждена опять напомнить о своей дочери. И снова Александр Соколов записал ее адрес. К Ларионовой отправился инструктор райкома комсомола Владимир Лукашевич. Надо же было случиться, что именно тогда родные отвезли Нину на Украину к знакомым! Лукашевича скоро перевели на другую работу. А Соколов не проверил, забыл...

<...> С января прошлого года Нину никто не навещил ни из ателье, ни из РЖУ, ни из Невского райкома комсомола! С октября, с тех пор, как в последний раз была в райкоме мать Нины, оставались неуплаченными членские взносы!

Нужно ли говорить, что переживала в это время сама Нина. Даже никогда не унывающая Людмила не могла утешить ее. Все чаще и чаще Нину охватывала апатия. Она уже забросила мысль об учебе. <...>

Мне довелось побеседовать о судьбе Нины Ларионовой с ее бывшими товарищами по ателье, с секретарем комсомольской организации РЖУ Галиной Поносовой и секретарем Невского райкома ВЛКСМ Александром Соколовым.

Девушки из ателье, вы помните Нину? Ту самую Нину, вашу лучшую подружку, с которой случилась беда? Вы знаете, как живет она сейчас? Девушки молчат. Одна принимается было объяснять, что далеко живет, что сейчас очень занята, но вдруг, взглянув на пунцовые лица подруг, растерянно умолкает. Ну разве можно оправдываться в том, что у тебя черствая душа?

Галя Поносова, комсомольский секретарь РЖУ, а вы знаете о комсомолке Ларионовой? Ну что ответить Гале? Где взять сил, мужества, чтобы рассказать о своем поступке. А поступок, Галя это понимает, некрасивый.

Галя знала, что Нина Ларионова тяжело больна. Но она никак не могла собраться навестить ее. Между тем, каждый месяц секретарю полагается отчитываться перед райкомом по членским взносам. Комсомолка Ларионова не работает, и взнос ее должен быть не велик - всего-то 20 копеек... И вот однажды Галя Поносова совершила свой первый, казалось бы, ничтожный подлог: она вложила свои 20 копеек! На следующий месяц она снова не выбрала времени сходить к Ларионовой и сделала то же самое. В райкоме доверчиво принимали ведомости с маловразумительными пометками «уплачено» вместо подписи. Из месяца в месяц Галя платила взносы за комсомолку Ларионову вместо того, чтобы навестить ее или хотя бы попросить кого-нибудь навестить!

<...> С Александром Соколовым, секретарем райкома ВЛКСМ, мы беседовали на разные темы. И прежде всего о его личной роли в печальной истории Нины Ларионовой. Вначале Александр Соколов просто не понял, удивился, о какой моральной

ответственности его, секретаря райкома, может идти речь. Он, мол, возглавляет многотысячную комсомольскую организацию, неужели вы хотите, чтобы секретарь райкома о каждом помнил и заботился?

Александр Соколов, казалось, не замечал дяляческого тона собственных рассуждений. Забудем даже на минуту, что всякий комсомольский секретарь несет ответственность за дела и людей своей организации. Ведь Соколов знал о Нине Ларионовой. А если секретарь райкома знает, что один из тысяч комсомольцев нуждается в помощи, то одного этого должно быть достаточно.

А помощь очень нужна. Врачи не обещают Нине скорого выздоровления. Но выздоровление возможно. Очень полезны ей были бы физиотерапевтические процедуры. А их можно организовать только в больнице или в санатории. Хлопотать о путевке девушка сама не в силах. В этом, как и во многом другом, мог и обязан был помочь райком комсомола.

К сожалению, случай с Ниной Ларионовой не единичен. В том же Невском районе состоит на комсомольском учете Ольга Виноградова. Эта девушка также перенесла тяжелую болезнь. Долгие месяцы она находилась без движения. И о ней забыли. Даже отметки об уплате членских взносов в комсомольском билете Ольги кончаются мартом прошлого года.

Очень дорого обходятся подобные ошибки. И чтобы не повторялись они, нужно, чтобы каждый очень внимательно оглянулся вокруг: а среди его товарищей нет попавших в беду? Нужно, чтобы внимание к человеку и забота о нем стала непреложным законом комсомольской организации. Вот, например, комсомольцы, выбывшие без снятия с учета. Нет ли среди них таких, как Нина Ларионова?

Можно бы на этом поставить точку. Но рука сама тянется написать о Нининой подруге Людмиле Старовойтовой. Я разговаривал с нею о Нине, о дружбе. Людмила не видит в своих поступках ничего особенного. На мой вопрос она удивленно вскидывает брови и смотрит прямо хорошим взглядом чистых серых глаз: а как же можно иначе?

В самом деле, как можно иначе?

(Алексеев А. Человек в беде // Смена, 25.03.59)

Ремарка: «разрешенные» объекты критики

Стоит обратить внимание на очень узкий диапазон критики в молодежных газетах того времени.

Какие уж там «журналистские расследования»!.. Наивысший уровень для объекта критики - секретарь райкома комсомола. Можно критиковать не слишком крупного хозяйственного или профсоюзного руководителя (скажем, за безразличие к нуждам молодежи). Вне критики - партийный руководитель любого ранга (критиковать парторга цеха, к примеру, допускается только партийной газете).

Эти ограничения воспринимались тогда как естественные. (Июль 2001).

8.5. «КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОХОД ЗА КУКУРУЗУ»

[Весной 1958 г. автор, в ту пору работавший в районной газете «Вперед», подготовил для областной газеты полосу, посвященную «жизни и делам» молодежи Ломоносовского района.

Полоса открывалась статьей о «комсомольском походе за кукурузу». - А. А.]

= Из газеты «Смена (апрель 1958)

Комсомольцы вышли в поход за кукурузу. Они решили взять кукурузу под свое комсомольское шефство. Они принялись за это дело, со всем своим молодым задором, энтузиазмом, настойчивостью.

В прошлом году кукурузой занимались не все комсомольцы района, а главным образом те, кто входил в специальные кукурузоводческие звенья. Выращивали урожай, кое-где хорошие, кое-где неважные, но лучше всех удалась кукуруза в совхозе «Большевик» [Ломоносовского р-на, Ленинградской области. - А. А.]. Комсомольцы здесь взяли шефство над участком в 8 гектаров. Они ухаживали за посевами кукурузы шефским звеном, в нерабочее время. И вырастили «королеву полей» выше человеческого роста. Кукуруза, оставленная на силос, дала урожай в среднем по 500 центнеров зеленой массы с гектара.

Специально посвященный этому вопросу пленум райкома комсомола решил: комсомольская организация любого колхоза и совхоза вырастит кукурузу не менее чем на 3 гектарах каждая и добьется по крайней мере 300 центнеров зеленой массы с гектара. По 2 гектара берет на себя каждая средняя школа, по одному - каждая неполная средняя. Не останутся в стороне и молодые рабочие промышленности. Комсомольцы райпромкомбината решили помочь молодежи подшефного колхоза «Путь к коммунизму» вырастить хорошую кукурузу, вместе с комсомольцами колхоза они взяли на себя конкретные обязательства.

В совхозах «Вильповицы», «Петродворцовый» комсомольцы попросили выделить под кукурузу не 2 и не 3, а 7-8 гектаров. Как думают организовать труд? Да так же, как это сделали в «Большевике» в прошлом году: разбить поле на участки по 20-25 соток и поручить каждый заботам одного из комсомольцев. Рассказывают, что там на поле даже бирочки с фамилиями стояли, чтобы было видно, кто за какой участок отвечает.

Иначе организовать труд мудрено, ведь за кукурузой ухаживать надо будет помимо основной работы, а основная работа у всех, как правило, в разное время. так что всем вместе на поле никак не собраться. Да и не к чему.

Кое-где инициатива молодежи, как это ни странно, не встретила сочувствия у хозяйственных руководителей. Их немного таких, но есть. К ним относятся директор совхоза «Копорье» тов. Садовников, председатель колхоза «Трудовик» Шабунев, которые считают, что затея эта пустая, дело - дрянное... Но вот в совхозе «Вильповицы» комсомольцы отстаивали свою инициативу. Что ж, поход так поход. Порой повоевать нужно не только с природой, но и с косностью отдельных хозяйственников.

...Весна стучится в двери. Скоро сев. А к севу нужна хорошая подготовка. Комсомольский поход за кукуруза - это уже дела.

Сейчас комсомольцы устраивают воскресники - вывозят удобрения. Около 120 тонн вывезла на участок в 3 гектара молодежь совхоза «Восход». Вывезены удобрения на кукурузные поля в колхозах «Победа», имени Ломоносова, в совхозе «Большевик». Завершается эта работа во многих других хозяйствах.

Скоро сев. Следуя совету Н.С. Хрущева, молодежь на шефских участках будет сеять кукурузу вручную. А сеять нужно уметь. И ухаживать тоже нужно уметь. В колхозах и совхозах идут сейчас занятия общих и специальных - по кукурузе - весенних «агрокурсов». Их проводят специалисты - агрономы.

Скоро сев. Комсомольский поход за кукурузу приобретает все больший размах.

(Алексеев А. Комсомольский поход за кукурузу // Смена, 12.04.1958).

[Без комментариев! - А. А.]

8.6. «СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ» (МОЙ ДРУГ ГУРИЙ ЗАБЕЛКИН)

[Еще один пример журналистского творчества рубежа 1950-х - 60-х гг. Этот очерк по тем временам можно назвать «проблемным».

Его главным героем был Гурий Иванович Забелкин, в ту пору - рабочий-литейщик Волховского алюминиевого завода, впоследствии - преподаватель философии Пушкинского сельскохозяйственного института, а затем, после того, как его в 60-х гг. исключили из партии, водитель большегрузных автомобилей.

Гурий Забелкин, один из стариннейших моих друзей, о котором уже шла речь на страницах этой книги ²²⁵, скончался в 1998 г. - А. А.]

= Из газеты «Смена» (1959)

Странный парень

Да простит мне Гурий. Я выдам его небольшую тайну. Гурий Забелкин поступал в Университет отнюдь не на химический факультет, как думают.

Когда его спрашивали, он отвечал: «На химическое...». В электролизном цехе Волховского алюминиевого завода, где химическую формулу глинозема или криолита напишет самый неквалифицированный рабочий, это никого не удивляло. А Гурию казалось почему-то неудобным объяснять, что речь идет о химико-естественном отделении философского факультета.

Гурий работал на заводе выливщиком, а вечерами учился. В вечернюю школу он пошел с восьмого класса, сразу как приехал из армии. У него был большой перерыв в учебе, и занятия в школе давно начались. Тогда Гурий сел и за несколько дней перечитал все учебники. Догнал класс и стал учиться в восьмом, а не в седьмом, как на его месте поступили бы многие.

Он увлекался литературой и историей, интересовался химией. На уроках он обычно отвечал хорошо. Учителя ставили ему пятерки. Для Гурия это было таким же делом чести, как уметь выполнять все операции у себя в литейке.

В классе у них часто возникали литературные и иные споры, спорили Гурий и лучший ученик класса Женя Степанов, тоже рабочий завода. К диспуту присоединялись остальные ребята. Гурий охотно углублялся в теорию. Мыслил широкими категориями, пересыпал речь незнакомыми названиями... Обычно замкнутый, он загорался в споре.

Случалось, Гурий замечал, что книгу, о которой говорят, не все читали. Тогда он досадливо морщился. Его приятное умное лицо принимало чуточку насмешливое выражение.

Как староста класса, Гурий проверял посещаемость, беседовал с теми, кто пропускает занятия. Очень разный народ учится в вечерней школе! Семейные, у которых свои дети в школу ходят... И только что окончившие ремесленное девчонки. Гурия выводило из себя, когда плачутся, что учиться трудно. А ему легко было догонять свой класс? Почему же он тогда не ныл? Да и сейчас... Говорят о его способностях, но ведь никакими способностями не заменить упорного труда. И он трудится и не ноет. Сдерживаемое раздражение Гурия иногда прорывалось наружу и отталкивало ребят.

Но никогда Гурий не отказывал в помощи товарищам. Если просят помочь, - это не нытье, это в порядке вещей. Люсю, которая одна растила ребенка и которой учиться было, может быть, труднее всех, он буквально вытянул, заставил кончить пятый класс, специально занимаясь с нею чуть не каждый день. Это для него вначале тоже было делом

²²⁵ См. ДСиСА – 1, раздел П.1-6.1. Там рассказывается, в частности, о том, как по окончании философского факультета Ленинградского университета, Г. И. Забелкин преподавал философию в Пушкинском сельскохозяйственном институте, затем был исключен из партии за инакомыслие, после чего работал шофером на большегрузных автомобилях, потом – заведовал гаражом на заводе в г. Пушкине. – А. А. Июль 2012.

чести. Но потом уже безотносительно к самому себе, очень захотелось, чтобы Люся училась, чтобы работала и училась, несмотря ни на что.

Если же у самого Гурия не ладилась задачка, то он часами кусал карандаш, а решение находил один.

Одни считали его гордецом, высокомерным и не любили Гурия. Другие, напротив, ценили в нем настойчивость, товарищеское чувство и даже этот его самолюбивый нрав.

Голя Гравес, лучший друг Гурия, говорил так:

- Что бы ни делал Гурий, он хочет делать хорошо и, может быть, лучше других.

От души радовался Гурий за Женю Степанова, когда тот поступил в Политехнический институт. А сам все-таки подал заявление в Университет, на философский факультет. Прав Гурий. У него к этому способности и интерес. И хорошо, что перед тем он своими руками разливал расплавленный алюминий в изложницы. Это очень хорошо.

Гурий думал, что товарищи его не поймут, чего доброго станут смеяться. Поэтому он молчал о своих намерениях. К приемным экзаменам он почти не готовился. Он был слишком уверен в себе.

...Из Ленинграда Гурий вернулся через месяц отчаянно злой. Он плохо написал сочинение. Гурий не спросил, в чем его ошибки. Вероятно, подвела грамматика, как бывало и раньше.

Ему сказали в приемной комиссии:

- Молодой человек! Может быть, в день экзамена вы были больны? Тогда можете написать сочинение еще раз.

Но Гурий так никому и не показал медицинскую справку, лежавшую у него в кармане. Болел или не болел, не все ли равно! Нет ничего унижительнее снисхождения.

Он уже издевался над собой: «Философ!..» Однажды его действительно назвали так. Когда-то давно он выступал на городской комсомольской конференции и опять ударился в теорию. Видимо, эта теория была довольно спорной, так как на следующий день Гурий прочитал в районной газете, что «делегат с алюминиевого завода забрался в дебри туманной философии».

В цехе, в литейке, Гурия встретил рыжеватый, с впалой грудью выливщик:

- Приехал, грамотей. Твоя очередь лить.

- А вы как?

Тот нехорошо выругался.

Гурий ненавидел эту породу людей. Ведь вот, недоволен! А что он сделал, чтобы было иначе?

Дело, собственно, в чушках. Серебристый металл, вылитый из ковша, застывает в изложницах. Цепь из изложниц непрерывно движется. В определенный момент каждая изложница опрокидывается, и еще горячая, но твердая чушка падает на пол к ногам рабочего.

В литейке, как и повсюду в электролизном цехе, все в валенках. Жаром пышет от расплавленного алюминия. Обычно Гурий, надев защитные очки, наклоняет ковш над изложницами. Или укладывает готовые чушки на тележку в штабели.

Алюминий активно окисляется. Сверху окисную пленку снимают с жидкого металла подобием ложки. Остывая, алюминий «садится», поэтому поверхности чушки, обращенные внутрь изложницы, также соприкасаются с воздухом, и на них образуется чуть заметный сероватый налет. Иногда в него вкраплены мельчайшие частички примесей. Все это вместе в обиходе (не совсем точно) называют шлаком. Он не успевает всплыть, так как металл в неглубокой изложнице стынет быстро.

Налет ничтожен. Но женщина с молотком, контролер ОТК, строго следит, чтобы его совсем не было. Тогда рабочие берут скребки и вручную чистят поверхность чушки...

Высок уровень механизации в электролизном цехе, А все-таки вот он, допотопный, трудоемкий, непроизводительный ручной труд. Спину не разогнув, скребком - раз-два, раз два... Жив курилка!

Очень это мучает людей, в том числе и Гурия. И даже не потому, что труд тяжел. Всякий труд оправдывается целью. Мучительно сомнение, а нужен ли вообще этот труд.

Чем вызвано такое сомнение?

А вот давайте разберемся. Что такое чушка? Не деталь. Чушка - это даже и не заготовка. Это... чушка. Ее отправят на завод-потребитель и там кинут в печь. И уже тогда отольют нужные заготовки, в зависимости от потребностей производства, а из них изготовят детали.

Что уж говорить, при перевозке чушку не заворачивают в бумагу, не обмахивают с нее пыль щеточкой. Чушка идет в переплавку, такая ее судьба. Пыль сгорит. А шлак - легкий. Не сдерживаемый ничем, шлак всплывет, и его легко снять.

Шлак всплывет... Так зачем же тогда чистить чушки?

Гурий рассуждал логически. О ненужности скрупулезной зачистки чушек говорили также приезжавшие в Волхов представители с заводов-потребителей. Иные заявляли, что это даже вредно: в местах неизбежных царапин от чистки может развиваться коррозия.

Согласны с Гурием начальник отделения и начальник цеха. Но сами они решить этого вопроса не могут и не ставят его выше. А рабочие-литейщики недовольны, но молчат.

«Грусы!» - подумал Гурий.

Он самый молодой в литейке. Единственный комсомолец. Гурий решил действовать на свой страх и риск. Долго сочинял письмо в «Ленинградскую правду». Отправился к директору И.Л. Талмуду. Директор, выдающийся инженер, лауреат Ленинской премии, встретил его приветливо, но не обнадежил:

- В общем вы правы, - сказал он. - Но все не так просто. ОТК руководствуется ГОСТом. Согласно Госту 3549 поверхность чушки должна быть чистой, без неслитин и шлаковых включений. Толковать это можно так, можно иначе. ОТК у нас порой переусердствует. Боремся за качество, да не так и не там, где следовало бы... Чушки же действительно идут в переплавку! Ну, мы посмотрим, что можно сделать.

Может быть, директор забыл: в конце концов из всех забот не эта у него главная. Но все в литейке оставалось по-прежнему.

Гурий уехал сдавать экзамены.

Теперь он вернулся. Что ж, он поспорит. Взятся - так уж добьется толку.

Гурий снова поднимается по лестнице заводууправления. Приемная. Директор в отъезде. Пойду к главному инженеру, решает Гурий.

- Товарищ Почивалов у себя? Занят? Можно его подождать?

Гурий опускается на стул и думает, думает все о том же. И о себе, конечно, тоже.

Однако и курьезное же получается положение! Ведь он, Гурий, некоторым образом новатор. Предлагает упростить технологию. Если только можно отнести к технологии операцию, которая ни в одном учебнике, ни в одном руководстве не записана...

Скрести чушки - традиция. Двадцать лет скребли, и сейчас скребут. Откуда повелась традиция? Может быть, оттого, что раньше (а советской алюминиевой промышленности и всего-то двадцать пять лет) алюминий получали засоренный. Еще бы: черпали его с электролизных ванн почитай что вручную, ложками, сам процесс электролиза был плохо отработан... А разливали металл в стоящие на полу изложницы без всякой машины.

Устарела традиция. А как-то страшновато от нее отказываться. Но трудность не только в этом. Ну хорошо - директор понял тогда правильно, что за принцип Гурий воюет. А другой скажет:

- Это у Забелкина спина заболела, вот он и пошел правды искать.

Самое страшное, когда такое услышишь. Руки опускаются. Зло появляется на всех и на все.

Тем более, что подобный взгляд по отношению к иным имел бы обоснованную почву. Вон рыжеватый. Да ему на технологию наплевать, была бы своя тысяча в кармане. Он технологию, правда, не нарушит, но и то потому, что тогда ему брак засчитают, заплатят меньше. И не понять рыжеватому поступков Гурия: сейчас чего-то добывается, а когда его из третьего корпуса в литейку переводили и при этом разряд снизили, смолчал...

Странный, мол, парень.

Новатор!.. Вот если бы он, Гурий, придумал новую машину... для зачистки чушек. Да только не просто сконструировать такую машину, ему бы, пожалуй, и не суметь. А главное - ни к чему она. Для кого, как не для Гурия, это ясно, раз он предлагает отменить саму операцию.

Или вот еще хлорирование. Расплавленный металл очищают в специальных камерах, пропуская через него газ - хлор. Пузырьки газа уносят с собой примеси. Когда-то этот метод, предложенный в 30-х годах на заводе инженером Варшавским, буквально выручил алюминиевую промышленность и вошел во все учебники. А сейчас, когда алюминий из ванн получают намного чище, так ли уж нужно хлорирование? Но об этом Гурий пока не заикается. В конце концов, он только рабочий, литейщик, и пусть в этом вопросе разбираются специалисты.²²⁶

Секретарша выводит Гурия из задумчивости:

- Владимир Петрович ждет вас.

Главный инженер тоже в общем поддержал Гурия. А дело опять ни с места.

И вдруг приказ директора: зачистку чушек отменить!

В литейке это был праздник. Все скребки собрали, торжественно отнесли в кладовую и только, кажется, не произносили над ними надгробных речей.

Даже рыжеватый сказал Гурию:

²²⁶ Вопрос этот действительно рассматривается. ВАМИ (Всесоюзным алюминиево-магниевым институтом) совместно с Центральной лабораторией завода осуществлены анализы, проводятся контрольные испытания, которые должны подтвердить ненужность очистки металла хлорированием для ряда литейных операций. (Примечание в газетном тексте. 1959).

- А ты, грамотей, все-таки молодец.

Гурий радовался, что добился своего. И сейчас ему стало даже приятно, что этого добился он, один. Но радость оказалась преждевременной. Работники ОТК сказали:

- Мы, конечно, очень уважаем директора тов. Талмуда, но его приказ нам представляется нарушающим установления Комитета стандартов при Совете Министров СССР. В общем, на вашу ответственность, товарищи.

Подумал-подумал начальник литейного отделения: и на его ведь ответственность тоже. А директор, как нарочно, опять в отъезде...

- Давайте, ребята, чистить.

- Так ведь приказ же!

- Ну и что, что приказ. Не вышло бы хуже.

Выливщики хмуро поплелись в кладовую за скребками.

А Гурий... Гурий презрительно усмехнулся им вслед и наотрез отказался чистить чушки. Начальник отделения доложил заместителю начальника цеха. Тот вызвал Гурия к себе:

- А еще комсорг! (Секретарь комсомольского бюро цеха Пальчиков уехал в командировку, и Гурий как раз его замещал). Получишь выговор.

Гурий дерзко посмотрел в глаза начальнику:

- Делайте, что хотите, а чушки чистить я больше не буду.

Назавтра у Гурия был выходной. Он решил: если послезавтра будет выговор, уйду с завода.

В общежитии ребята тормозили Гурия, звали в кино. Никто не знал о его столкновении с начальником, даже Гравес не знал. А Гурий и раньше никому о своих затруднениях в литейке не рассказывал.

Конечно, он понимал: Толя Гравес, Юра Шелешнев, Толя Алексеев - это все народ такой, за товарища ничего не пожалеют. Ну, да чем они могут ему помочь? Гурий привык во всем полагаться только на самого себя. В этом была его самостоятельность, в этом, если хотите, и его ограниченность.

<...> Весь следующий день - выходной - Гурий заставлял себя не думать о чушках. К концу смены он пришел в цех проводить комсомольское собрание. На собрании присутствовали парторг и заместитель начальника цеха.

<...> За три года на заводе Гурию довелось заниматься общественной работой. Некоторая замкнутость характера не мешала ему участвовать в подготовке веселых вечеров, устраивать коллективные читки новых книг в общежитии и не только самому играть в футбол, но и всеми силами бороться за создание цеховой футбольной команды.

Но вот Гурия избрали в бюро. Бывший комсорг цеха Стариков изрядно запустил дела, а новый - Пальчиков - уехал в командировку, так и не успев приступить к выполнению своих обязанностей. И на Гурия, заместителя секретаря, свалилась сразу куча забот.

Гурий усердно готовился к собранию. Он обошел всех мастеров, начальников смен и каждого спрашивал, как работает молодежь, советовался и с комсомольскими группорами, кого от цеха послать на общезаводской слет молодых передовиков. После, как водится, всем комсомольским бюро обсудили кандидатуры. В заключение Гурий внимательно посмотрел на каждого из членов бюро и сказал: «А предлагают пусть сами ребята, чтобы никому не навязывать нашего мнения!».

<...> Итак, собрание. Гурию предоставлено слово. Список у Гурия перед глазами, но он говорит:

- Мы не будем нарушать комсомольскую демократию. Кто хочет выступить?

Мнутя ребята. Конечно, все знают друг друга... Но надо же кому-нибудь выступить для затравки. А главное, что бы они друг о друге ни думали, решающее слово сейчас за руководителями производства, как они оценивают труд молодежи. Неужели с

ними никто не беседовал! Сам комсорг или члены бюро? Почему же они не расскажут?

<...>

- Мы не хотим нарушать комсомольскую демократию, - упрямо повторил Гурий.

...Так и не получилось собрание. Среди немногих выступавших был заместитель начальника цеха. Он говорил, что комсомольское бюро не подготовило вопроса. <...>

Гурий комкал в руках проклятый список, который он все-таки зачитал и ругал себя за неумную выходку. Опять ты, Гурий, хотел сделать лучше всех, а вышло хуже. Не слишком ли часто, Гурий?

А вот давай припомним. Давно ли ты поступал в Университет и постыдился просить товарища подиктовать тебе из сборника диктантов, чтобы одолеть непослушные знаки препинания... Тебе казалось недопустимым пойти к товарищу, кем бы он ни был, «на поклон».

Ну хорошо, здесь ты пострадал один. А в истории с чушками? Рыжеватый не захотел тебе помочь, и ты разобиделся на всех, даже на своих же ребят из комсомольского бюро, которые святым духом не могли знать, что происходит у тебя в литейке. И стал воевать один с ОТК, с начальством, может быть даже с ГОСТом, партизанить... А отвоевал что-нибудь? Нет. Ну вот видишь...

Кстати, о рыжеватом. Конечно, за правду, как ты, он воевать не станет, нет, не станет. Но он неплохой литейщик. Ради своей тысячи ли, не ради своей тысячи, он трудится и приносит пользу. Так ли уж он достоин презрения? А, Гурий?

Мы стоим на пороге коммунистического общества. В нем жизнь станет богаче, люди красивее. Каждый из нас работает для этого.

Действительность, каждый день которой наполнен свершениями, тем не менее напоминает нам, что сделать еще нужно много.

Люди еще крепче, еще теснее берутся за руки, чтобы завоевать долгожданное будущее. Пусть же в прекрасной этой борьбе не будет одиночек.

(Алексеев А. Странный парень // Смена, 17.01.1959)

Ремарка: конфликт «индивидуализма» и «коллективизма»

Насколько помню, концовка очерка в оригинале была не столь «выспрненной» и декларативной. Но редактор велел «добавить пафосу». И подчеркнуть «индивидуализм» героя, на фоне движения «бригад коммунистического труда» и т. п. (см. ниже). Вот автор и «подчеркнул»...

Впрочем, весь очерк в сущности посвящен конфликту «индивидуализма» и «коллективизма», в духе того времени. Автор симпатизирует своевольно и нонконформизму героя. И в то же время упрекает его за эти черты характера и поведения. Пожалуй, это собственный - автора - внутренний конфликт. (Сентябрь 2001).

8.7. «БРИГАДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»

Несколько вступительных слов

На рубеже 1950-х - 1960-х гг., в пору работы в газете «Смена», автору этих строк довелось быть участником масштабной пропагандистской кампании - «движение за коммунистическое отношение к труду».

Об идеологическом замысле этой новой формы «социалистического соревнования», формально сохранившейся до середины 1980-х, лучше всего судить из

передовой статьи газеты «Правда» от 25 ноября 1958 г., которую здесь воспроизведем полностью. (Сентябрь 2001).

8.7.1. «Слава коммунистическому труду!»

= Из газеты «Правда» (ноябрь 1958)

Тезисы доклада товарища Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы и тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования - эти важнейшие документы, одобренные ноябрьским Пленумом Центрального Комитета КПСС, повсюду, во всех городах и селах нашей родины, вызвали новый могучий политический и трудовой подъем народных масс.

Чувство патриотической гордости, огромный прилив творческих сил рождает у каждого рабочего, колхозника, интеллигента, у каждого советского человека сознание того, что наш народ, сплоченный вокруг своей Коммунистической партии, достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития - период развернутого строительства коммунистического общества.

Советский народ идет навстречу XXI съезду партии, окрыленный величественной программой гигантских работ предстоящего семилетия. В этой программе советские люди видят живое воплощение бессмертных ленинских заветов, воспринимают ее как свое кровное, родное дело. На партийных собраниях и конференциях, на собраниях рабочих, колхозников, интеллигенции, а также в печати идет широкое, всестороннее обсуждение важнейших партийных документов, одобренных ноябрьским Пленумом ЦК КПСС. Всенародное обсуждение сопровождается все более широким развертыванием социалистического соревнования в честь XXI съезда КПСС.

В ходе соревнования рождаются новые и новые ценные начинания. Творческая инициатива миллионных масс неустанно вскрывает новые резервы роста и совершенствования производства, находит все более действенные формы борьбы за коммунистическое отношение к труду, за дальнейшее повышение его производительности, за увеличение выпуска продукции, улучшение ее качества и снижение себестоимости.

Всего несколько дней прошло с тех пор, как в печати появились сообщения о создании на ряде предприятий по инициативе комсомольцев и молодежи бригад коммунистического труда. За короткий срок весть об этих бригадах облетела всю страну, всколыхнула миллионы людей. В бригадах коммунистического труда советские рабочие и работницы увидели ту новую, высшую форму соревнования, которая подсказана самой жизнью и в наибольшей степени соответствует современному периоду развития нашей страны. Сейчас бригады коммунистического труда появились и множатся во всех советских республиках, в разных индустриальных центрах, в промышленности, на транспорте, на строительстве, в сельском хозяйстве.

Зачинателями нового замечательного движения выступили рабочие - коммунисты и комсомольцы депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги, того самого депо, где в 1920 году зародились знаменитые коммунистические субботники, названные В.И. Лениным «великим почином».

«КОММУНИЗМ, - писал тогда Ленин, - ЕСТЬ ВЫСШАЯ, ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА ДОБРОВОЛЬНЫХ, СОЗНАТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ, ИСПОЛЗУЮЩИХ ПЕРЕДОВУЮ ТЕХНИКУ, РАБОЧИХ».

Передовые бригады и рабочие, коллективы цехов, решившие работать по-коммунистически, направляют свои усилия прежде всего на всемерное повышение

производительности труда. Добиться значительного роста производительности труда они намечают путем автоматизации и комплексной механизации производственных процессов, овладения современной техникой и технологией, путем непрерывного повышения своего культурного и технического уровня. Участники бригад коммунистического труда обязуются учиться, овладевать современными знаниями, высотами социалистической культуры, непримиримо бороться с пережитками прошлого, подчинять свои интересы интересам общества.

Всенародное соревнование в честь XXI съезда КПСС рождает и другие ценные творческие начинания трудящихся. На всю страну стал известен и находит широкое распространение почин бригады знатного донецкого шахтера Героя Социалистического Труда Николая Мамаю. Обсудив тезисы доклада товарища Н.С. Хрущева, горняки решили до конца нынешнего года и в течение всего 1959 года ежемесячно добывать сверх нормы на каждого члена бригады по две с половиной тонны угля, снизить плановую себестоимость каждой тонны топлива на полтора рубля.

Как уже сообщалось в печати, инициатива комсомольцев, положивших начало созданию бригад коммунистического труда, была одобрена и поддержана ЦК ВЛКСМ. Сегодня в «Правда» публикуется постановление Президиума ВЦСПС, горячо поддерживающее инициативу рабочих депо Москва-Сортировочная и других предприятий, решивших работать по-коммунистически, почин бригады Николаю Мамаю и другие патриотические начинания трудящихся нашей страны, родившиеся в ходе соревнования в честь XXI съезда КПСС.

Поддержать и возглавить творческую инициативу участников всенародного соревнования в честь XXI съезда КПСС призваны все местные партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации и хозяйственные руководители. Задача состоит сейчас в том, чтобы создать всем участникам соревнования условия для успешного выполнения принятых обязательств, для всемерного повышения производительности труда. Печать, радио, телевидение, все многообразные формы агитации и пропаганды необходимо использовать для широкого и яркого показа достижений и опыта бригад коммунистического труда, передовиков и новаторов производства, лучших коллективов с тем, чтобы на их примерах развивать у всех рабочих и служащих горячее стремление трудиться по-коммунистически.

Пусть ширится и растет всенародное соревнование за успешное выполнение новых великих задач коммунистического строительства, за дальнейший мощный подъем промышленности и сельского хозяйства, неуклонное повышение производительности труда, выявление и использование дополнительных резервов, заложенных во всех отраслях нашего народного хозяйства!

Пусть множатся бригады коммунистического труда – активные строители светлого будущего всего человечества - коммунизма!

Слава коммунистическому труду!

(Бригады коммунистического труда // Правда, 25.11.58. Цит. по: Жить и работать по коммунистически. Сборник документов и материалов о бригадах коммунистического труда на предприятиях Ленинграда. Л.: Лениздат, 1960, с. 21-23)

Вкратце

Из хронографии первой недели пропагандистской кампании (18-25.11.1958):

18.11.1958. Сообщение газеты «Комсомольская правда» о новом развитии «великого почина» - возникновения бригад коммунистического труда.

19.11.1958. В газете «Ленинградская правда» опубликовано обязательство комсомольско-молодежной бригады токарей 20-го цеха Металлического завода Михаила Ромашова, соревнующейся за звание бригады коммунистического труда.

20.11.1958. В газете «Ленинградская правда» опубликованы обязательства комсомольско-молодежной бригады трубопрессового цеха завода «Красный выборжеец» Николая Воронина и бригады слесарей завода «Электросила» Владимира Смирнова, соревнующихся за звание бригады коммунистического труда.

21.11.1958. В ленинградской газете «Смена» опубликовано сообщение Николая Смирнова, бригадира токарей цеха № 19 завода полиграфических машин, о вступлении их коллектива в соревнование за звание бригады коммунистического труда. (Его текст - см. ниже).

21.11.1958. Постановление Центрального Комитета ВЛКСМ «О новом патриотическом движении комсомольцев и молодежи по созданию и развертыванию соревнования бригад коммунистического труда».

25.11.1958. В Ленинграде состоялся городской слет бригад коммунистического труда.

25.11.1958. Передовая статья газеты «Правда» - «Бригады коммунистического труда». (Ее текст - см. выше).

[Ниже - две публикации из газеты «Смена» (1958-1959).

Эти тексты, кстати, являются примерами так называемых «организованных» материалов, когда журналист (в данном случае - я) беседует с намеченным «автором» статьи, а затем пишет за него, тот подписывает, и материал появляется в газете].²²⁷

8.7.2. В борьбе за звание коммунистической бригады («Ленполиграфмаш»)

= Из газеты «Смена» (ноябрь 1958)

Хотим учиться жить в коммунизме!..

²²⁷ Существовал (не помню - негласный или официальный) норматив: 2/3 «строкажа», выдаваемого журналистом в газету, должны были составлять «организованные» (подписанные не им самим) материалы.

Все комсомольцы нашей группы понимают: коммунистическое общество - общество уже самого близкого, осязаемого будущего. В этом нас наполняют уверенностью сама жизнь и планы партии, рожденные жизнью. Огромная ответственность - жить в коммунизме.

Поэтому мы хотим учиться жить в коммунизме. А как учиться этому?

У нас на участке дружный, веселый, почти исключительно молодежный коллектив. Незадолго до юбилея ВЛКСМ приняли в комсомол Юрия Рядько, Валентина Коновалова, Олега Гаврилова, Бориса Хусаинова, и о нашем участке токарей стали говорить: здесь вся молодежь - комсомольцы.

Все борются за высокую производительность труда. Внедрение комплексных планов позволило добиться средней выработки 250 процентов и уже к 1 сентября трем комсомольско-молодежным бригадам справиться с готовым заданием. Когда-то наш механический цех задерживал сборочные цехи, а сейчас имеет задел на несколько месяцев. Из 26 комсомольцев - половина рационализаторы. Все учатся: <...> в институте, техникуме, школе, а остальные занимаются в политпросвете.

Мы привыкли все делать сообща. На коммунистическом воскреснике в дни празднования 40-летия комсомола были все комсомольцы, как один. И так каждый раз. В театр, в кино мы устраиваем коллективные походы. Впрочем, дружбу не измеришь одними ими. У нас, например, есть обычай: ко дню рождения каждому члену комсомольской группы делать подарки. А если у кого-нибудь случится беда, обязательно поможем товарищу.

На участке есть люди, по летам уже вышедшие из комсомольского возраста: Алексей Кудрявцев, Борис Узоров, Геннадий Домоведов, Павел Егоров и другие. Все они выросли здесь на заводе. Вместе с нами они трудятся, учатся, отдыхают, все участвуют в общественной жизни. Мы по-прежнему считаем их не только воспитанниками, но и полноправными членами нашей комсомольской семьи.

Давно мы думали: достаточно ли всего этого? И вот мы узнали о замечательном почине комсомольцев, вспыхнувшем вдруг в разных концах страны. Коммунистическое соревнование, движение за создание ударных коммунистических бригад! Оно, это движение, родилось в канун замечательных свершений в жизни нашей страны, на пороге семилетки. Нам кажется, что это и есть то самое, о чем мы думали давно, но чему не могли найти нужной формы, нужного названия.

Мы решили организовать у себя на участке бригаду, которая бы боролась за звание ударной коммунистической. Как мы мыслим себе наш труд в дальнейшем?

Вчера мы еще раз взвесили свои возможности и решили, что повысим производительность труда еще на 3 процента. Это при старой оснастке. Если же администрация цеха даст нам на станки новую оснастку, мы сможем еще поднять производительность труда. Мы предлагаем составить коллективный комплексный план. Каждый член бригады должен за два месяца, оставшиеся до XXI съезда партии, подать не менее чем по одному рационализаторскому предложению.

Брак у нас на участке ничтожен. Несколько месяцев назад, когда он достиг 0,21 процента, у нас это считали чрезвычайным происшествием. Но члены бригады, борющиеся за звание ударной коммунистической, обязуются совсем не иметь брака. Будем держать самую тесную связь с Домом научно-технической пропаганды и стараться не только самим находить новые, более совершенные приемы труда, но и перенимать все лучшее, достигнутое на других заводах. Ежемесячно проводить День новатора. Обязуемся также сделать наши рабочие места образцом культуры труда.

В отличие от прежних наших обязательств, мы внесли пункт об учебе. Учатся у нас все. И каждый обязуется закончить учебное заведение: Борис Максимов - институт, Виктор Маляров - техникум, Борис Арефьев, Николай Смирнов, Анатолий Кувязев - школу. Каждый из нас будет еще более активно участвовать в общественной жизни завода.

А еще у нас возникла такая мысль. Девиз ударных коммунистических бригад: один за всех, все - за одного. На такую бригаду равняются, по ней судят, какими же станут отношения людей в коммунистическом обществе. Мы хотим разработать устав своей бригады. В нем мы выразим наши представления о человеке будущего.

Пусть это будет высокая мерка, мы постараемся подняться до нее. Вступая в бригаду, борющуюся за звание коммунистической, мы решили высокосоциально относиться к труду, решительно покончить с пережитками прошлого. Будет считаться недостойным звания члена ударной коммунистической бригады тот, кто хоть раз откажется помочь товарищу, кто неправильно поведет себя в быту.

Вчера принимали мы свое обязательство и договаривались о некоторых основных положениях своего устава. И уже вчера еще и еще ребята подходили, желая присоединиться к нам. Мы им говорим:

- А вы знаете наши условия?

- Знаем, - отвечают, - но мы тоже решили учиться жить в коммунизме.

Николай Смирнов, бригадир токарей цеха № 19 Ленинградского завода полиграфических машин

(Смирнов Н. Хотим учиться жить в коммунизме!.. // Смена, 21.11.1958. Цит. по: Жить и работать по-коммунистически. Л.: 1960, с. 35-37)

8.7.2. Апофеоз коллективизма (Ленинградский металлический завод)

= Из газеты «Смена» (февраль 1959)

Новое прокладывает путь

Идет XXI внеочередной партийный съезд. Его делегаты собрались в Москве, чтобы обсудить программу развернутого строительства коммунизма в нашей стране. В эти дни каждому советскому человеку хочется сделать что-то особенно хорошее.

Вот таким обыкновенным стремлением делать хорошее для общего блага, для скорой победы коммунизма, было вызвано наше решение, пришедшее незадолго до съезда, в дни всенародной подготовки к нему. Наша бригада токарей с Металлического завода взяла обязательство: «Отлично работать, отлично учиться и отлично вести себя в быту». Уточнив его еще рядом конкретных пунктов, мы стали выполнять его. И каково же было наше изумление, когда вдруг мы почувствовали себя на гребне гигантской волны, именуемой движением за звание бригад коммунистического труда. Наш небольшой коллектив стали называть одним из зачинателей нового движения, вскоре нам присвоили почетное звание бригады коммунистического труда.

Потом мы поняли, что изумляться некогда, а надо работать, работать и работать, чтобы не уронить доверия, оказанного нам. Мы выполнили свое обязательство к XXI съезду партии. В осуществлении комплексных планов повышения производительности труда мы увеличили производительность на 7 процентов, как обещали. Еще трое членов нашей бригады предоставлены на утверждение личного клейма. Подали 14 рационализаторских предложений. Шефствуем над детским домом. И с учебой дела у членов бригады идут хорошо. Мне хотелось бы поделиться тем новым, что появилось в бригаде за последнее время. На это новое нас натолкнула сама жизнь.

Каким мы представляем себе человека будущего коммунистического общества? <...> Это должен быть всесторонне развитый, культурный Человек. Мало того, что он отлично разбирается в своей специальности, а также смежных областях, он должен иметь широкий кругозор в политике, искусстве.

<...> Вот беседуем мы с членом нашей бригады Петром Мазия, а он и говорит:

- Да, Миша, ты читал в газете напечатано, как группа коммунистического труда Николая Ерофеева с Кировского завода свой досуг проводит? Интересно, нам бы кое-что перенять не мешало.

<...> На следующее утро собрались мы перед работой, как всегда, и решили: давайте распределим обязанности. Петр Мазия из всех нас парень самый образованный. Остальные еще только заканчивают школу, готовятся поступать в техникум, а он с Торбаевым уже учатся в институте. Петр сейчас на третьем курсе. Изучает там политэкономиию и марксистско-ленинскую философию. А в прошлом он - демобилизованный офицер. Быть тебе, Петр, нашим «комиссаром», сказали мы ему. Теперь Петр Мазия следит за политическим ростом членов бригады и их учебой. Иногда он устраивает короткие политбеседы, или политинформации, мы не придумали им названия.

Николай Мартыненко - токарь 7-го разряда. Из всех нас он самый квалифицированный рабочий, это все охотно признают. Интересуется Николай технической литературой, бывал и в Доме научно-технической пропаганды. И Николаю мы поручили держать нас всех в курсе последних достижений науки и новаторов по токарному делу. Из технической библиотеки Николай приносит брошюры по современному инструменту и приспособлениям, журналы «Наука и техника», «Техника - молодежи» и другие, читает товарищам самое интересное или советует прочитать. Недавно он рассказывал нам о приспособлениях, применяемых на токарных станках за рубежом.

Бывает, отправишься в культпоход в театр, а пьеса окажется неважная. Или надумают в бригаде или комсомольской группе обсуждать книгу, а никто ее еще не читал - вызовет ли она спор? И становится потом жаль потраченного времени - ведь не каждый день ты ходишь в театр, да и книг всех за целую жизнь не перечитаешь... Вот чтобы не получалось так, избрали мы в бригаде своего культуполномоченного. Им, конечно, стал Владимир Крестьяников, завзятый театрал, чаще всех они с женой в кино и театры ходят. Были мы все вместе с тех пор в Русском музее, на вечере и в Доме актера, несколько раз в кино.

И так во всем. Георгий Торбаев теперь раз в неделю выпускает бюллетень о жизни бригады. Анатолий Скобелев занят оформлением доски показателей. Наша бригада соревнуется с бригадой токарей Анатолия Ишина, и Александр Лукьянов, например, отвечает за проверку взаимных обязательств.

Закон бригад коммунистического труда - крепко дружить, помогать товарищу. Иногда под этим подразумевают каждое дело делать вместе. Вот об этом хотелось бы поговорить. Что значит ВМЕСТЕ? В бригаде восемь человек. Задумали вместе сходить ну хотя бы в кино. А у троих семьи. Что ж, сами в кино пойдут, а жены сидеть дома будут, это по-коммунистически? Нет, конечно. Но у иного некому за детьми присмотреть, если мать с отцом в кино уйдут. Как же быть? Может быть, не обязательно тогда всем вместе фильм смотреть? Пусть лучше товарищ с женой сходит, а кто-нибудь из членов бригады в это время дома у него с детьми посидит. Вот это будет действительно по-коммунистически.

<...> Конечно, не следует отказываться от возможности и работать, и жить вместе, если она есть. Мы добились, чтобы трое из членов нашей бригады жили в общежитии в одной комнате. Кстати, почему бы и на других предприятиях не пойти в этом отношении навстречу участникам бригад коммунистического труда и тем, кто соревнуется за это звание?

И другой пример. В вопросе о труде и, в частности, в распределении заработной платы. Работа токаря сама по себе работа индивидуальная. Но мы желаем сделать ее коллективной тем, что обсуждаем вместе каждое новое задание, подменяем друг друга на некоторых операциях, опыт одного сразу становится достоянием всех. <...> В некоторых бригадах, соревнующихся за звание коллектива коммунистического труда, даже и там, где

работа осталась индивидуальной, решили работать на один, общий наряд. Кое-где пошли еще дальше - попробовали складывать деньги в общий котел и делить в зависимости от семейного положения, иначе говоря, от потребностей каждого. Конечно, предпринимаются такие попытки с самыми хорошими намерениями, но у нас ребята относятся к такого рода затеям скептически. Не говоря уж о разнице в квалификации (а у нас в бригаде, например, есть как седьмой, так и четвертый разряд), даже люди с одинаковыми разрядами по-разному порой, не в смысле качества, а в смысле производительности, справляются с одной и той же работой. Не считается с этим нельзя. Думается, что распределение заработной платы по потребностям должно основываться на возможности в равной мере удовлетворить потребности ВСЕХ, а не на ущемлении интересов одного за счет другого.

Пока что потребности, материальные и культурные, каждого члена общества удовлетворить не удастся. К этому мы уверенно идем. Тогда и будем распределять по потребностям. <...>

Вкратце

Далее в статье говорится о «ширяющемся распространении» движения за коммунистическое отношение к труду на предприятиях Ленинграда. От имени своей бригады М. Ромашов предлагает на страницах газеты «Смена» провести ПЕРЕКЛИЧКУ участников нового соревнования.

...Каждый день, каждый час мы ощущаем на себе пыливый, внимательный взгляд товарищей. На бригады коммунистического труда хотят равняться, и им ничего не прощают. Вспомню один случай. Член нашей бригады оказался свидетелем пьяной драки. Он поступил так, как должен был поступить комсомолец: вмешался и разнял дерущихся. Он действовал решительно, и, может быть, чуть грубее, чем следовало. Трудно упрекнуть человека в таких условиях, ведь если бы не он, могло произойти увечье, и все-таки его упрекнули. Упрекнули потому, что он член бригады коммунистического труда и всегда, при любых обстоятельствах, должен быть образцом поведения. Ни сам он, ни мы все не спорили.

Возвращаясь к нашему отчету на комсомольском собрании, я хочу подчеркнуть, что это очень хорошо, когда действует такой авторитетный и беспристрастный контроль. У нас в цехе и на заводе такие отчеты решено проводить СИСТЕМАТИЧЕСКИ. Только коллектив может решить, выполнила ли бригада свое коммунистическое обязательство.

Право, каждый может хоть немного, хоть чуть-чуть приблизить наступление прекрасного будущего, которое зовется коммунизмом. Нужно только очень захотеть этого.

М. Ромашов, бригадир бригады коммунистического труда Металлического завода
(Ромашов М. Новое прокладывает путь // Смена, 3.02.1959)

Ремарка 1: «на гребне волны...»

Михаил Ромашов - бригадир одной из первых в Ленинграде бригад коммунистического труда (это звание было ей присвоено буквально на следующий день после начала кампании - 25.11.1958).

Судьба пионера движения за коммунистическое отношение к труду была драматичной. Оказавшись на гребне всесоюзной популярности (сейчас сказали бы - «знаковая фигура»), молодой рабочий, по-видимому, не выдержал нервных перегрузок - заболел, потерял зрение.

Впоследствии М. Ромашов работал директором музея Ленинградского металлического завода. (Июль 2001).

Ремарка 2: продолжение следует

Минул год с момента начала почина «разведчиков будущего».

Газета «Смена», в частности, усилиями автора этих строк, выступает рупором и организатором «движения за коммунистическое отношение к труду», отвечающем общей идеологической установке: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Постоянные рубрики газеты: «Гори и разгорайся ярче, пламя великого почина!»; «Продолжаем разговор о новом в движении за коммунистический труд».

Иногда в своих усилиях предьявить читателю «ростки нового, коммунистического» журналист, сам того не замечая, достигает пародийного эффекта (см. выше, а также ниже).

Приведем, в сокращении, еще две публикации тех лет на эти темы. (Июль 2001).

8.7.4. Энтузиасты семилетки («Русский дизель»)

= Из газеты «Смена» (ноябрь 1959)

Разлился ручеек в широкую реку

<...> День памяти В.И. Ленина, 22 апреля 1959 года, был для бригады токарей Юрия Титова с завода «Русский дизель» днем величайшей радости и заслуженной победы: их небольшому молодежному коллективу присвоили звание бригады коммунистического труда. Тогда еще немного было таких коллективов в Ленинграде.

Бригада победила своей дружбой и сплоченностью. Юрий Титов, один из лучших токарей участка, добился производительности, удивившей даже бывалых рабочих. Его товарищи Костя Лебедев, Вера Фролова, Валя Алексеева и Петр Кондратьев проявили себя людьми творческими и самоотверженными. Товарищи крепко жали им руки, обнимали, поздравляли.

Минул праздник бригады. За ним к ее членам пришло раздумье: что нового внесут они в последующие будни? Звание добыто в борьбе. И она ни за что не должна ослабнуть. Ведь что греха таить, бывает, люди, достигнув успеха, движутся дальше по инерции, хоть и быстро, но все же по инерции.

Не заводах, фабриках, стройках Ленинграда десятки тысяч энтузиастов семилетки. Наверняка где-нибудь родились бы планы технического прогресса, подобные тому, какой составил Юрий Титов.

Но этот план, продолжение почина новаторов Кировского завода Логинова и Зайченко, возник именно здесь, в молодежной бригаде токарей. <...>

Инициатива Юрия Титова и его товарищей скоро облетела весь Ленинград. Рабочие разных профессий взвешивали и подсчитывали, какие усовершенствования нужно ввести для того, чтобы выполнить семилетку по росту производительности труда за пять лет. А иные подумывали, не удастся ли им так же, как задумали это в бригаде Титова достичь уровня производительности труда, запланированного на конец семилетки, еще раньше, через четыре года.

<...> «Смена» уже писала подробно о плане Юрия Титова, и нет нужды подробно перечислять все его пункты. <...>

Прошло еще несколько месяцев.

В цехе стало уже правилом: бригада коммунистического труда периодически отчитывается перед коллективом о результатах своей работы. К 42-й годовщине Октябрьской революции Титов и члены его бригады могли заявить: их планы технического прогресса успешно выполняются в те сроки, какие намечены; оснащены пневматическими приспособлениями три станка из пяти; Юрий Титов работает с увеличенным числом оборотов шпинделя с 1200 до 1600 в минуту; внесено восемь

рационализаторских предложений; систематически проводится техническая учеба; Юрий Титов и Константин Лебедев успешно занимаются в школе рабочей молодежи.

Но победа не только в этом. <...>

[Далее подробно рассказывается об инициативной помощи, оказываемой членами бригады Ю. Титова выпускникам ремесленного училища, молодым рабочим, недавно пришедшим в цех, не входящими в состав бригады. Примеры «выхода активности коллектива коммунистического труда за пределы своего коллектива». - А. А.]

<...> Борьба продолжается! Она продолжается внутри коллективов коммунистического труда - за новую технику, за всесторонние знания, за коммунистическую нравственность. Но борьба все больше выходит и должна выходить за рамки этих коллективов. Членам бригад коммунистического труда следует помочь отстающим подняться до уровня передовых. Десяткам своих товарищей они помогут освободиться от пережитков прошлого. Им, разведчикам будущего, суждено не только быть впереди, но и вести за собой. Не случайно теперь вслед за бригадами в соревнование за звание коллектива коммунистического труда вступают участки и целые цехи.

Принцип бригад коммунистического труда: «Один за всех, все за одного». Иные понимают это так: «Все - это только моя бригада». Неправда, мы в ответе за всех, кто рядом и вместе с нами строит коммунизм.

Вот о чем думается в первую годовщину движения бригад коммунистического труда.

(Алексеев А. Разлился ручеек в широкую реку // Смена, 18.11.1959)

8.7.5. Коммунистическая сознательность рабочих (Сталепрокатный завод)

= Из газеты «Смена» (июль 1960):

Решили парни по-государственному

<...> Событие, как будто обыкновенное и одновременно замечательное, не удивительное для наших коммунистических буден и вместе с тем пока еще редкое, произошло на сталепрокатном заводе. Двое рабочих - операторы холоднопрокатного стана Борис Алексеев и Дмитрий Пестерев попросили пересмотреть им нормы выработки на их стане в сторону увеличения. Вот как это было.

Вот он, красавец-стан, гордость металлургии. Этот мощнейший реверсивный четырехвалковый стан для холодной прокатки стальной ленты не имеет себе равных в Союзе. <...> Рядом с остальными агрегатами этот стан высится настоящим великаном. Но главная его особенность - в небывалой скорости прокатки. До 600 метров минуту! Стальная лента не плывет, а мчится, обжимаемая мощными валками. Тут уж не измеришь ее толщину обычным микрометром - его заменил бесконтактный, действующий на принципе изотопов.

<...> Честь освоения первого в Союзе агрегата 4/100-150 выпала на долю молодых рабочих, передовиков производства, друзей Дмитрия Пестерова и Бориса Алексеева.

Борис и Дмитрий оба по 8-10 лет трудятся в цехе, в совершенстве изучили существующие типы станков, но тут все новое! Первые месяцы стан работал по несколько часов в смену. Пестеров и Алексеев поворачивали рукоятки пульта и, чуть прибавляя скорость, сразу останавливали стан, придирчиво осматривали валки, все оборудование. Они должны были изучить все возможности стана, работать очень осторожно, чтобы не вывести его из строя.

В целом агрегат был великолепен. Но ролики направляющих линий оказались слабы (часто раскалывались) и требовали усовершенствования. Был обнаружен и ряд других конструктивных недочетов. Их устраняли на месте слесари под руководством опытного бригадира Е.И.Владимирова.

Борису и Дмитрию помогали мастер А.И. Шарый, заведующий технологическим бюро Г.И. Данц и другие, но за ними двоими оставалась счастливая доля испытателей. Почти каждый день им приносил открытия. Друзья заметили, что с увеличением скорости прокатки валки начинают пробуксовывать, а значит, резко снижается качество прокатанной ленты. Неужели близок лимит скорости? Выход нашли: нужно уменьшить, сделать минимальным натяжение ленты!

<...> Самим рабочим была доверена разработка технологии прокатки, они делали записи в ходе работы, потом анализировали их с технологом, искали оптимальные варианты.

Агрегат 4/100-150 набирал силу. Он впервые родился в конструкторском бюро, вторым рождением стал его монтаж в заводском цехе, сейчас он переживал свое третье, окончательное рождение. Как сообщает заводская многотиражная газета, в январе среднечасовая выработка бригады составляла 2,35 тонны ленты, в феврале 2,44, в марте 3,06, в апреле 3,30. В начале мая агрегат достиг запланированной производительности.

<...> Отныне реверсивный четырехвалковый стан стал работать с полной нагрузкой, в три смены, а для обслуживания стана была укомплектована бригада из 9 человек: по три в каждой смене.

Бригадирство поручили комсомольцу Дмитрию Пестерову.

Дмитрий и Борис теперь приходили в разные смены. Они обучали своих товарищей работе на мощном стане. Потом учеников прибавилось - это были специалисты из Чехословакии. <...> Уехали провожаемые добрыми напутствиями чехи, приехали друзья-венгры. Ведь такой стан будет установлен на одном из чепельских заводов...

Июнь и начало июля, дни, непосредственно предшествовавшие июльскому Пленуму ЦК КПСС, прокатчики-новаторы ознаменовали новыми успехами. <...> Дмитрий, Борис, вся их бригада теперь уверенно перекрывали установленные нормы. Они выполняли их на 120-150 процентов.

Тогда и возник у друзей разговор, определивший очень важное в их жизни.

Норма... Что такое норма? Это то количество продукции, которое человек может произвести и дать обществу, стране при нормальном напряжении сил, знаниях и умении. А если он может больше? Если спокойно, не напрягаясь, каждый день он может делать значительно больше, чем ему задано, то что же тогда НОРМА? <...>

Жизнь идет вперед. Совершенствуется производство, и по мере роста производительности труда пересматриваются и нормы, приводимые в соответствие с жизнью. Это естественный, закономерный процесс.

Но до сих пор пересмотром устаревших норм занимались нормировщики, бюро труда и зарплаты, то была работа администрации, представлявшей в данном случае интересы общества в целом. А разве в пору развернутого строительства коммунизма интересы личные не сливаются все больше с интересами общественными?

Всего этого не говорили друг другу Дмитрий Пестеров и Борис Алексеев. Просто однажды, сдавая смену, Борис задержал руку друга в своей руке:

- Дима, скажи, тебе не становилось совестно работать по нормам, которые настолько ниже наших возможностей?

- Я тоже об этом думал, ответил Дмитрий.

<...> Да, для Дмитрия и Бориса это был решенный вопрос. Они готовы хоть сегодня пойти и сказать: «Пересмотрите нам нормы!». Но поддержат ли их члены их новой бригады, как они отнесутся к перспективе временного снижения зарплаты, необходимости новых поисков?

На следующий день собралась бригада. Друзья, волнуясь, изложили им свои соображения. Производительность растет и будет еще расти. Уже сейчас они прокатывают ленту с постоянной скоростью 7 метров в секунду, а ведь теоретическая скорость стана 10 метров...

Друзья не без страха смотрели на товарищей. <...> Николай Кокорев, Константин Остапович, Лев Коган спокойно говорили: «Одобряем!». Лишь один из девяти высказал сомнение: «Не рано ли?», но, подумав и взвесив, согласился с остальными.

Таким образом, мнение бригады было единодушным.

К начальнику участка И.Р. Вакуленко Пестеров и Алексеев пришли с конкретными предложениями, для каких видов проката и насколько повысить нормы. ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЫЛИ ПРИНЯТЫ, И С ПОНЕДЕЛЬНИКА, 1 ИЮЛЯ, ПРОКАТЧИКИ НА СТАНЕ 4/100-150 РАБОТАТ УЖЕ ПО НОВЫМ НОРМАМ. Это даст значительную экономию производству.

Остается добавить, что в те же дни состоялось цеховое собрание, где весь коллектив холоднопрокатного цеха включился в борьбу за звание цеха коммунистического труда. Бюро Свердловского районного комитета ВЛКСМ, а на следующий день и бюро районного комитета КПСС одобрили и поддержали начин рабочих Б. Алексеева и Д. Пестерова.

А еще Дима Пестеров на этом заседании бюро райкома партии был принят кандидатом в члены КПСС.

Двое прокатчиков, поддержанные бригадой, сами предложили новые, более высокие нормы выработки, основанные на росте производительности труда. Они поступили по-государственному, как хозяева своего производства, своей социалистической Родины. Это одно из многих проявлений коммунистической сознательности трудящихся в эти дни всенародного подъема.

(Алексеев А. Решили парни по-государственному // Смена, 20.07.60) ²²⁸

8.7.6. «А все-таки каким будет коммунизм?»

[Ниже - еще несколько характерных извлечений («идеологических деклараций») из журналистского творчества автора рубежа 1950-60-х гг. ²²⁹ - А. А.]

= Из газеты «Смена» (1959):

<...> Товарищество древне как мир. И тысячу лет назад люди помогали друг другу, передавали свое умение, знания, опыт. Этому не могли помешать даже звериные законы эксплуататорского общества. Потому что это неотъемлемо от человеческой природы, человеческого общежития. Но только в нашем социалистическом коллективе отношения

²²⁸ В сущности, здесь представлена конкретная история освоения нового оборудования. Интересно сравнить этот текст с соответствующим описанием того, как социолог-рабочий запускал новый пресс на Ленинградском заводе полиграфических машин, а также с описанием практики «пересмотра норм по инициативе рабочих» в 1980-х гг. См. ДСиСА – 1, главы 2, 3, 5.

²²⁹ Тексты этого раздела представлены также и в ДСиСА – 4 (раздел П.22.4.1). Здесь они приводятся повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

дружбы и взаимопомощи легли в основу общественного уклада. Само слово «товарищ» стало обиходным: так теперь мы называем друг друга. А нынче, на пороге коммунизма, в нашем обществе совершаются процессы, в результате которых понятие товарищества приобретает новый, еще более глубокий смысл. <...>

Молодые производственники комбината на Пороховых, старейшины и правофлангового отечественной химии [Охтинский химический комбинат. - А. А.], предложили развернуть массовую помощь, своего рода шефство передовиков над менее опытными и отстающими товарищами. «Устроим ряды передовиков! - так сформулировали они свой призыв. - Пусть каждый, кто идет впереди, поможет двум своим товарищам». <...>

Это было достойное продолжение почина Валентины Гагановой. В несколько дней оно также облетело страну. <...>

(Алексеев А. Все, чем богат ты сам... // Смена, 30.08.1959)

<...> Порой мы спрашиваем себя: а все-таки каким будет коммунизм? Не надо искать каких-то необычайных черт. Коммунизм в нас самих и вокруг нас, в свершеньях и характерах современников. Он в наших буднях. Только пока он существует в виде отдельных радостных примет, а в будущем станет цельной и прекрасной системой. Так из эскизов слагается картина.

А теперь познакомимся с жизнью одного коллектива – цеха коммунистического труда на Охтинском химическом комбинате. <...>

Хотелось бы, чтобы в борьбе за досрочное выполнение семилетки опыт первого цеха коммунистического труда открыл путь десяткам и сотням других. Пусть в ряды соревнующихся смелее встанут участки, цехи, предприятия! <...>

(Алексеев А. Уголок коммунизма // Смена, 3.09.1959)

Ремарка: от бригад – к цехам и заводам коммунистического труда

Как видно из вышеприведенных цитат, в субъекты соревнования за коммунистическое отношение к труду его организаторы стали записывать уже не только бригады, но и более крупные производственные подразделения: участки, цеха и даже целые предприятия.

Пропагандистская кампания разворачивалась поначалу в сфере промышленности, но потом перекинулась и на другие сферы народного хозяйства (транспорт, сельское хозяйство, сфера обслуживания...).

*Одним из общественных изобретений стала попытка устранения «обезлички»: не только за звание коллектива коммунистического труда, но и за персональное звание **ударника коммунистического труда** (как в составе бригады, так и в случае отсутствия бригады и т. п.) можно «бороться».*

(Кажется, именно автор этих строк впервые употребил этот термин, по крайней мере – в ленинградской прессе. (Июль 2012).

= Из сборника «Жить и работать по-коммунистически» (1960):

<...> Воодушевленные великой целью, миллионы советских людей успешно выполняют задания семилетнего плана, уверенно строят самое справедливое, самое совершенное общество на земле.

КОММУНИЗМ БЛИЗКО, ЕГО ЖИВОТВОРНОЕ ДЫХАНИЕ УЖЕ СЕЙЧАС В НАШИХ БУДНЯХ, В ДЕЛАХ И ХАРАКТЕРАХ СОВРЕМЕННИКОВ [выделено мною

сегодня. - А. А.] Так сбывается ленинское пророчество: «Мы придем к победе коммунистического труда!» <...>

(Жить и работать по-коммунистически. Сборник документов и материалов о бригадах коммунистического труда на предприятиях Ленинграда. Л.: Лениздат, 1960. Лениздат, 1960. Предисловие)²³⁰

8.8. «ВКУС СОБСТВЕННОЙ ПРАВОТЫ» (АНГЛИЙСКИЙ ДНЕВНИК. 1961)

[В марте-апреле 1961 г. автору довелось впервые побывать за границей. Это был так называемый «комсомольский туризм», группа, составленная из комсомольских активистов Ленинграда и Москвы, способных «достойно представить» за рубежом советскую молодежь.

Поездке предшествовал детальный инструктаж в обкоме комсомола - как себя вести, как «не поддаваться на провокации» (которых обязательно следует ожидать!) и т. д. Но «коммунистически-патриотический» настрой подавляющего большинства участников этой туристской группы, пожалуй, не нуждался в административном подкреплении.

Ниже - извлечения из авторского дневника, вскоре затем практически дословно опубликованного в газете «Смена». - А. А.]

= Из дневника (март 1961)

24.03.1961 <...> Честное слово, советский человек, хоть наша собственная пропаганда порой и оглушает его («...воодушевленные решениями очередного пленума...»), действительно на голову выше человека буржуазного общества. Вот что надо сравнивать в первую очередь, а не метро или нищих на тротуаре. В конце концов нищих можно найти и там, и там. <...>

= Из газеты «Смена» (июнь 1961)

Вкус собственной правоты

<...> Мы ехали и волновались. Конечно, тысячи юношей и девушек ныне ездят с делегациями и туристскими группами за рубеж, встречаются на фестивалях, но для нас-то все было внове...

²³⁰ Персональное авторство «Предисловия» в книге не обозначено. Фактический автор – А.Н. Алексеев.

И вот мы вернулись. Недели три мы проявляли пленки и «переваривали» впечатления... А потом не выдержали и собрались вместе у Милы Славиной. Мы сидели и спорили, что главное из увиденного нами... И пришли к выводу, что за две недели увидели очень мало. Что именно? Ну зачем я буду перечислять достопримечательности, о которых написаны сотни книг.

Но зато мы многое поняли. Точнее многое из того, что прежде понимали умом, теперь почувствовали. Мы сравнивали себя и их, английских студентов, наших «хозяев».

Мы благодарны им за гостеприимство. Но пусть не поставят мне в укор прямоту, если я скажу от имени всех нас: глядя на них, мы невольно проникались большим уважением... к себе. Мы думали: как же духовно богат и велик советский человек!

Может быть, это покажется парадоксальным, но, пожалуй, это главное наше впечатление от поездки в Англию.

Сегодня - День советской молодежи. В этот день юноши и девушки пройдут по улицам нашего города, заполнят площади и скверы...

Там, в Англии, мы тоже видели праздник. Расскажу хотя бы о нем.

Среди множества университетских традиций есть и такая - ежегодное празднество «рэг». Рэг - в буквальном переводе означает тряпье. Студенты наряжаются... Впрочем, я не с того начал.

Празднество «рэг» имеет целью сбор средств на дома старикам, на школы для незрячих и т. п. Одним словом - «чарити», благотворительность. Идея «чарити» - один из атрибутов капитализма. «Чарити» - утешение для бедных, успокоение для богатых.

В прошлом году студенты Лестера собрали около 3 тыс. фунтов, нынче намечали собрать 4 тысячи и, кажется, преуспели.

Но в общем-то «рэг» - это лишь еще один повод для того, чтобы с громом и гиканьем в фантастической одежде пройти по городу, повеселиться, испытать чувство, что «все можно» (заметим, что это чувство причудливо переплетается у английского студента с популярными в его среде понятиями «свобода» и «демократия»).

Представьте себе процессию из 40-50 разукрашенных автомашин. Забавно, что открывает ее полицейская машина.

На первом грузовике королева «рэга» под балдахином, а затем избирают новую... Каждая «резиденция», каждое студенческое общежитие готовит свою выдумку. Общая идея - инсценировка страданий человеческих.

...Полуобнаженные невольницы, палач колет каким-то трезубцем. Рабы, тянущие за собой фыркающий грузовик на канате... Детская коляска, в которой уютно устроилась молоденькая девушка... К грузовику прицеплена кровать, в ней «больной» умирает» (а в толпе зрителей человек в настоящей коляске, инвалид без ног)...

Клоуны, бутафория, улюлюканье. Каждый паясничает... «Смерть» в тоге. «Труп» в гробу... Всего не перечтешь.

Среди макетов - модель спутника. Ее изготовили студенты одной из «резиденций» в нашу честь. Внутри сидел человек и шевелил усами антенн... Эта модель получила первый приз.

Каждый участник процессии держал в руках жестяную баночку, похожую на китайский фонарик, с прорезью для монет. Они трясли этими баночками, и монеты брэнчали. Их звон был фоном всего гиканья и воя, который несся над процессией.

Из толпы кидали монеты. Некоторые попадали в решета, в раскрытые зонтики, шлейфы и подолы красавиц, в простыни, специально растянутые для этой цели. Некоторые падали на мостовую. На одном из грузовиков сидел юноша с подзорной трубой и выискивал монеты.

Те, что шли пешком, подбирали мелочь и складывали в баночки. Надо сказать, монеты небольшого достоинства - пенсы, шиллинги (видимо, основной пай вносят местные богачи, не выходя для этой цели на улицу).

Процессия растянулась на добрый километр.

Это редкостное, поистине фантастическое зрелище. Карнавал - хорошо. Весело - хорошо. Людям нужен праздник. Но нам чужда и неприемлема цель. В сущности, что может быть оскорбительнее «чарити», облепленного мишурой маскарада!

...К нам подбегает один из наших «хозяев». Он улыбается, из живописной, нарочито разорванной штанины выглядывает голое тело...

- Вы такого никогда не видели! Правда, красиво?

Ну как сказать, не обидев его, что при всей красивости это величайшая бестактность, граничащая с душевной слепотой?!

- У нас это делают иначе, - отвечает Мила. Если молодежи нужны средства - устраивают десяток воскресников...

Мы рассчитываем на собственные руки. Здесь перемазанные лица и голые ноги. Это лишь одно из тысяч столкновений нашей психологии и их.

Но все же «рэг» бывает раз в год. Мы наблюдали и «нормальный», как нам объяснили, обычный отдых студентов Лестерского университета. Меня могут упрекнуть, что я рассказываю все о праздниках да развлечениях, но, во-первых, у нас сегодня тоже праздник... А во-вторых, так уж была составлена программа, чтобы познакомить нас в основном с этой стороной жизни университета.

...Первая вечеринка, танцевальный вечер, на который мы попали, был словно удар обухом по голове. Дикая, беснующаяся, испуганная толпа. Мы имели представление о таком по кино, книгам, рассказам... Но мы представляли себе отдельную пару, группу, компанию. Мы не представляли себе массы.

Тут это масса.

Вообще, сплошь и рядом мы убеждались: то, что для нас в вопросах нравственности, в поведении является исключением, для них пока норма. И наоборот.

...Наряды - от нормальных костюмов до ночных рубашек. Все части женского туалета наружу. Пары обнимающиеся, целующиеся враскоряку, позднее мы видели пары, лежащие на полу... Бессмысленные, вымученные, чувственные лица.

Полутьма, световые эффекты, немного алкоголя...

На балконе - зрители. Собственно, это участники оргии, но сюда они приходят время от времени отдыхать. На барьере ряд голых женских ног выше головы - отдыхают, шевелят пальцами...

Каждый ведет себя так, словно не обращает внимания на окружающих, а в сущности, выкобенивается перед другими: «Я еще и не то могу!».

...Когда кончился последний танец, одна из пар застыла в вульгарном поцелуе. Остальные расходились, а они стояли. Зал почти пуст, а они стоят... Ушли в себя? Как же! Это на публику.

Позднее весьма дружественно настроенный к нам преподаватель по имени Жан-Пьер дал нам какой-то ключ, объяснение:

- О, не удивляйтесь! Вы же попали в один из самых буржуазных университетов. У нас нет общественной жизни. Вся энергия уходит в рок-н-ролл.

Но вскоре мы убедились, что английского студента интересуют не только танцы. Во-первых, он учится. В полночь он придет с такой вечеринки, сунет голову под кран с холодной водой, а на утро отправится в лабораторию или в библиотеку. Лекций у него сравнительно немного. Студент, в особенности технического профиля, занимается главным образом самостоятельно.

Он учится три года, а не пять, как у нас. За эти три года он получает сравнительно меньший объем знаний. Хватает ли ему их? В каком-то смысле, да.

Дело в том, что в пределах профессии - узкая специализация. У наших студентов в конечном счете неизмеримо больший технический и культурный кругозор.

Студент, разумеется, интересуется общественной жизнью. Но его воспитатели всячески стараются уложить этот интерес в прокрустово ложе буржуазной идеологии.

...На балконе танцевального зала мы разговаривали с веселым первокурсником. Он любит рок-н-ролл и не любит американцев, как и большинство его товарищей, не одобряет правительство в том, что касается американских и немецких [? - А. А.] военных баз на территории Англии. Мы заговорили о демократии.

- У нас демократия, - объясняет студент, - мы критикуем свое правительство.

- Что ж тогда правительство вас не слушается?

Студенты Лестера впервые принимают у себя в гостях «русских». Мы для них в диковинку. Они знают о нас ничтожно мало... Но хотят что-то знать. И они задают вопросы, которые в других устах можно было бы расценить как провокацию, Эти вопросы общие у разных людей. И это особенно показательно.

Вопросы, касающиеся принципиальных моментов, по которым ведется идеологическая обработка.

Парень-геолог, будущий геолог. Его родители - артисты. Он спрашивает у грузинки Наны:

- А разве у вас в Грузии на родном языке разговаривают?

У других:

- Правда ли, что у вас угоняют молодежь в Сибирь?

- Разрешают ли у вас верить в бога?

- Есть ли у вас кампания за разоружение и против атомной бомбы?

Нет, они не спрашивают, ходят ли у нас по улицам медведи. Просто насчет медведей им последнее время, после спутников и космических ракет, не рассказывают. Зато уж насчет освоения целины и грандиозных сибирских строек, как видите, «исчерпывающая» информация.

Что касается кампании против атомной бомбы... Как же, у них демократия: хочешь - выступай за бомбу, хочешь - против. Иные даже гордятся этим.

Ну, а мы гордимся тем, что в нашей стране принят Закон об уголовной ответственности за призывы к развязыванию войны. <...>

(Алексеев А. Вкус собственной правоты // Смена, 25.06.1961)

= Из газеты «Смена» (июнь 1961)

Вкус собственной правоты (продолжение)

<...> На одной из встреч студентка, изучающая русский язык, призналась, что их предупреждали: «Не разговаривайте с русскими на политические темы».

Мы сказали: «Коли так, давайте не будем».

Нет, что вы, что вы, меня это очень интересует!..

Мы спорили много и дружественно. Как правило, мы одолевали наших оппонентов. Одолевали не только потому, что на нашей стороне правда. В конце концов можно быть правым и не найти нужного довода.

Мы оказались куда осведомленнее наших английских коллег. Мы оказались и куда убежденнее в своей правоте.

...В день накануне отъезда наша компания - Борис, Леня, Дима и я - легли спать в пять часов утра. На английско-нижегородском мы прочли в общежитии целую импровизированную лекцию. Мы попросили английских парней спросить нас обо всем, что им, вернее - их наставникам, не нравится в нашем строе, в нашей жизни.

Неутомимый Борис Куценко на каждый вопрос отвечал до тех пор, пока они не заявляли, что согласны.

- Согласны, но...

Отвечаем на «но».

И с этим согласны.

В конце концов по частям они согласны со всем. Мы не стали требовать от них признания, что во всем согласны с нами.

Этого и так много для одной ночи!

А в то самое время, когда мужская компания приоткрывала перед английскими студентами наше мировоззрение, девушки преподали урок более скромный, но не менее важный - урок коллективизма. У Горты Романенковой был день рождения. Наши девчата устроили свою, «домашнюю» вечеринку.

Пригласили вице-президента студенческого союза Вивьен. Вместе с ней и двух подруг. Потом еще - как не позвать остальных? В общем, в комнату для одного набилось 8 наших и 11 английских девчат.

Чай, сухари да печенье... Плавленный сыр. Вивьен почему-то очень понравился наш плавленный сыр. Англичанки принесли коробку конфет в красивой обертке. Расселись на кровати, на стульях, чуть ли не под столом...

Никакой политики, «девичий» разговор. Зато наш дух, наше настроение, когда неважно, на чем ты сидишь и что жуешь. Важно, что вместе! Чувство локтя.

Для них это так же необычно, как для нас толпа, беснующаяся в «роке».

Социальный состав студенчества в общем-то буржуазный. Убедиться в этом для нас было не так просто. Дело в том, что в Англии очень распространена формула: «в высшее учебное заведение поступают наиболее одаренные».

Мол, независимо от классов независимо от достатка. Кстати, здесь происходит любопытное смещение классовых понятий. Либо считается, что классов вообще нет: все

население Англии якобы поднялось до уровня так называемого «среднего класса», либо делят общество на много (скажем, пять) классов, но по принципу дохода, достатка.

Это очень характерно. Во-первых, «исключаются» классовые противоречия. Во-вторых, это очень удобная подделка.

Эти замечания я хочу предпослать рассказу о нашей беседе с Элизабет Вотчорн. Эта красивая, скромно одетая девушка сопровождала нас в поездке за город.

...Она родилась в деревне неподалеку от города, где мы обедали, крестилась «вон в той церкви». Окончила университет по курсу социологии. Это интересно!

Вместе с Леней Андреевым мы попробовали разговаривать с Элизабет на социальные темы. Разговаривать не так, как с английскими студентами-первокурсниками. В частности, о классовом составе общества.

Это было бесполезно. Мы говорили на разных языках!

Тогда мы обратились к пиву местного производства. Пиву, которое делается на заводе, где работает ее отец. Когда-то отец владел землей, потом продал ее.

Имеет и сейчас свою ферму ее дядя. На ферме у дяди - старик, женщина и мальчик - работники. Эксплуатация? Нет, с ней, изучавшей социологию, мы не договоримся.

- Передайте своему отцу, что здесь чудесное пиво.

- Ах, он будет очень рад...

Конечно, не всегда бывало так. Запомнилась беседа с молодым преподавателем французского языка Жан-Пьером. Его вторая специальность - социология.

По собственной рекомендации, он не коммунист, но довольно левых взглядов. В отличие от Элизабет, он критически подходит к тому, что слышал от своих профессоров.

Мы тоже кое в чем не согласны, но во всяком случае понимаем друг друга. И, разумеется, мы уважаем мнение друг друга.

Жан-Пьер спросил о наиболее значимых, преобладающих тенденциях советской молодежи. Я стал рассказывать о бригадах коммунистического труда, о строительстве коммунизма.

Мне не хватало французских слов, и я сказал, дополняя фразу жестом:

- Коммунизм - это в моем сердце...

Жан-Пьер подхватил:

- Не становится ли коммунизм своего рода религией?

Последняя мысль в разных вариантах, в более грубой, а порой и провокационной форме, звучала во многих беседах. Грубо так:

«Русские выдумали себе идола - коммунистический идеал, и молятся на него».

Я ответил:

- Религия учит: верь не стараясь понять. Мы верим в то, что хорошо понимаем. Мы верим в себя, в собственные силы, в дело рук своих.

Чтобы по-настоящему верить, надо понимать. Но чтобы понять, надо также поверить! Не знаю, сумел ли я выразить эту мысль достаточно точно, но она понравилась Жан-Пьеру.

Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества.

Верь, дружище Жан-Пьер, - скорее поймешь!

Я перелистываю странички дневника, который по поручению своих товарищей вел во время путешествия.²³¹ Нижеследующие строки я переписываю из дневника дословно:

«Кейт Миллер и Жанет Томпсон - наши спутники на приемах и прогулках. Миллер - социолог или политик. После окончания университета он готовится заниматься политикой. Что значит заниматься политикой? «Ну, скажем, как ваш мистер Хрущев, или как мистер Макмиллан...».

Смех, улыбки... Сам он, однако, сохраняет серьезность.

Он изучал, писал даже реферат по работам Ленина. Кроме того, он любит Чехова. Миллеру представляется, что Чехов, живший 50 лет назад, очень верно отразил современную жизнь.

- Чью жизнь, какого народа?

...Мы говорили через переводчика, и вопрос застрял где-то в ходе перевода.

Но с Миллером мы познакомились через Жанет. Я наслаждался профессиональным разговором с этой студенткой, изучающей филологию.

Она позвала его на помощь, чтобы вспомнить, кто написал «Анну Каренину». С горем пополам вспомнила, а потом заговорили о Чехове. По мнению Миллера (который любит Чехова), Чехов написал «Дядю Ваню», «Вишневый сад» и... «Поединок».

Говорю, что автор «Поединка» - Куприн. Смущение. Стараюсь проявить и перевожу разговор на английских писателей.

Жанет - шотландка, читала каких-нибудь два романа В.Скотта! Другого великого шотландца - Бернса, как она говорит, в Англии мало знают.

Ей странно, что у нас в театрах ставят Шекспира, что у меня дома 30-томный Диккенс и 20-томный Вальтер Скотт.

Все это грустно и показательно. Я не слышал сам, но это же факт, что одна из наших английских коллег высказалась в том смысле, что «Войну и мир» написал Чайковский!

И вот через год Миллер будет «делать политику». Через два года Жанет станет преподавать литературу...

Мы со всей ответственностью заявляем, что в Лестерском университете нет человека, который бы читал хоть одного советского писателя! Единственный известный им современный русский писатель - Пастернак.

Бедняги, своей начитанностью Пастернаком и девственной неосведомленностью относительно всей остальной нашей литературы они давали в наши руки сильнейшее оружие против самих себя. Попробовал бы кто-нибудь после этого заговорить о демократии!

Один из оппонентов ядовито заметил, что русским нравятся преимущественно одни и те же английские писатели. Его сразили тирадой о «сердитых молодых людях». Какая неожиданность для Жанет и Миллера, что у нас переведены «Счастливчик Джим» и «Спеши вниз», что в чемодане у Миши Халезова «Путь наверх» Брэйна.

...Будь то литература или политика, наука или даже быт, мы знаем о них по крайней мере в десять раз больше, чем они о нас. В этом наша сила. Запомним это раз и навсегда».

В заключение нельзя не сказать еще об одной встрече, последней перед отъездом. Это та, где президент студенческого союза Мальком, молодой консерватор, очень

²³¹ Здесь - некоторая натяжка. Автор вел дневник по своей инициативе. Другое дело, что товарищам было об этом известно, порой интересовались: что же я там записал? Уже по возвращении из Англии состоялась «коллективная читка» дневника. Его содержание (о котором читатель может судить по вышеприведенным публикациям в молодежной газете) получило дружное одобрение участников поездки.

интересный собеседник и обаятельный человек, высказался о студенческом союзе удивительно свежо:

- Наша работа строится на трех принципах: пиво, песни и хорошее настроение.

Встреча была по-настоящему дружеской. Песни. Это как соревнование: одну песню - мы, другую - они. Мы пели и английские песни, и это было им приятно.

Их запевала играл на гитаре и постукивал ногой по футляру.

Под конец мы встали и запели «Гимн демократической молодежи». Наши хозяева поняли, что надо встать. Но я искал хоть одного, кто бы подпевал, кто бы шевелил шубами... Нет, не знают.

Жан-Пьер недаром говорил, что это один из самых буржуазных университетов.

...Они не остались в долгу. При прощании английские парни и девушки берутся за руки, крест-накрест, раскачиваются и напевают мотив из «Моста Ватерлоо».

Это было тепло и дружественно.

Мы смотрели на этих не похожих на нас, но вполне нормальных молодых людей и думали: «Неужели те самые, что на вечере рок-н-ролла?». Те самые! С ними пока мудрено во всем договориться.

Но договориться, пожалуй, можно.

Вот об этом вспоминали мы, собравшись вместе через несколько недель после возвращения из Англии. Мы отдаем себе отчет в том, что увидели очень мало.

Мы встречались со студентами одного университета – членам Национального студенческого союза, молодыми консерваторами и теми, что называют себя нейтральными... Но мы не видели, не разговаривали ни с одним из наших братьев по убеждениям, братьев по духу.

Мы смотрели на «рэгг»-процессию, а ведь английская молодежь – и непременно, активнейший участник олдермастонских походов за мир. Да, многое осталось где-то в стороне от нас.

Мы лишь заглянули главным образом в быт и духовный мир рядового английского студента.

И все же эти встречи были обоюдно полезными. Скажу хотя бы о той пользе, которую они принесли нам. Если говорить коротко, каждый из нас вернулся еще более закаленным интернационалистом, коммунистом.

...Люди, приезжающие к нам, уезжают обуреваемые сомнениями. Мы - наоборот. Это счастливое чувство - почувствовать на губах вкус собственной правоты.

Мы, широко раскрыв глаза, смотрим на мир и сравниваем. Себя и их. Как же мы можем не сравнивать! <...>

(Алексеев А. Вкус собственной правоты // Смена, 27.06.1961)

= Из дневника (сентябрь 1961)

2.09.1961 <...> Своего рода открытием для меня явился «английский дневник». Вдруг оказалось, что этот глубоко личный «документ» интересен для двадцати человек, чьи личные переживания близки моим. Он стал интересен и для тех, кто не был с нами. И даже на «ура» прорвался в газету. Но я-то писал ДЛЯ СЕБЯ [выделено мною сегодня. - А. А.], я лишь пытался осмыслить виденное. <...>

Ремарка: «Это - ТЫ. Это - Я. Это - МЫ...»

Перечитав в начале 1990-х свои дневники и журналистские сочинения рубежа 50-60-х (а те и другие по своему идейному настрою и даже стилистике почти не различались), автор этих строк поначалу был изрядно удручен и растерян: ну и набекрень

же были тогда мозги! Характерна моя тогдашняя письменно зафиксированная реакция на вышеприведенный дневник-очерк о поездке в Англию:

«...Случай этого дневника дает уникальную для автора возможность заглянуть в себя тогдашнего. Грустно? Смешно? Страшно? Не отворачивай лица. Смотришь в потускневшее зеркало. Да, это - ТЫ. Это - Я. Это... "МЫ". Старт духовного марафона, дистанция которого - без малого 30 лет.

Неопровержимая улика в "досье на самого себя". Нелицеприятный материал к биографии "поколения шестидесятых". Уже на пороге финиша, не следует забывать о старте. 25.04.1991".

Сейчас автор относится к этим текстам "хладнокровно", с профессиональным, социологическим интересом. (Июль 2001).

8.9. А ВЛЮБЛЕННЫЕ СИДЕЛИ РЯДОМ И... ЧИТАЛИ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

...Приведу один пример явной набоковской мистификации. Он приводит цитату из романа советского писателя Антонова "Большое сердце", напечатанного, по его словам, в 1957 году. Цитата такова:

"Ольга молчала. "О, - сказал Владимир, почему ты не можешь любить меня так же, как я люблю тебя?" -

"Я люблю мою Родину!" - ответила она. - "Я тоже!" - воскликнул он. "Но если что-то, что я люблю еще больше", - продолжала Ольга, высвобождаясь из его объятий. - "И это?.." - поинтересовался он. Ольга взглянула на него ясными голубыми глазами и быстро ответила: "Партия".

Я бьюсь об заклад, что Набоков все это выдумал.

Он говорит о журнальной, то есть первой публикации романа. Но в 57-м году такие вещи уже не печатали. Я сомневаюсь, печатали ли подобное и в сорок седьмом...

77В. Парамонов. "Египтянин Набоков" (Звезда, 1999, № 4)

[А вот нижеследующий текст - вовсе НЕ ПАРОДИЯ и НЕ МИСТИФИКАЦИЯ! - А. А.]

= Из газеты «Смена» (август 1961) ²³²

Здравствуй, будущее!

Все как обычно на стапелях Адмиралтейского. И в то же время необыкновенно. Может быть, это необыкновенное в лицах, озабоченных последним днем месячной программы и каких-то светлых. А может в экземпляре «Правды», который то и дело кочует из рук в руки, пока Георгий Юношев решительно не забирает его, сказав: «В перерыве будем читать».

Бригадир проверяльщиков [название одной из профессий на судостроительном заводе. - А. А.] Алексей Тинькин читал газету в электричке, едучи на работу. А судосборщик Юрий Чернов купил газету в воскресенье утром по дороге на Московский

²³² Настоящий текст представлен также и в ДСиСА – 4 (раздел П.22.4.1). Здесь он приводится повторно, в интересах целостности восприятия сюжетов данной главы. – А. А. Июль 2012.

вокзал. Он шел провожать своего товарища, уезжавшего в отпуск и поэтому попросил дать ему два экземпляра. Уже в вагоне он сунул другу газету:

«Почитаешь в поезде...». Вернулся домой к себе в общежитие на Севастопольскую. Уселись читать втроем: он, сосед по комнате Бронин и его двоюродный брат, приехавший в гости.

Потом пришла Люба... Когда приходит Люба, в комнате для Юрия становится светлее. В понедельник Юрий Чернов и Люба Смирнова, технолог того же корпусного цеха, идут во Дворец бракосочетаний подавать заявление. Сосед знает это, поэтому он вскоре ушел и братишку позвал.

А влюбленные сидели рядом и... тоже читали газету, нет, не просто читали, а думали, говорили о будущем. Ведь эти строки о них написаны, о них и для них, для их счастья, которое они, комсомольцы, не мыслят без счастья народа. Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Как это прекрасно и величественно, что они, Любовь и Юрий Черновы, будут жить при коммунизме.

...Я разговариваю с Юрием и спрашиваю его о впечатлении, произведенном на него проектом программы Коммунистической партии. Он пытается ответить четко и ясно, но ему не побороть потока охвативших его чувств.

Как-то все переплелось, личное и общественное... Сегодня он собирает секции для очередного танкера, изготавливаемого по заказу Германской Демократической республики - еще одно свидетельство дружбы между миролюбивыми народами. Сегодня он идет во Дворец бракосочетаний... а в октябре, в дни, когда начнет свою работу XXII съезд, истекает кандидатский стаж Юрия, вступающего в партию... В будущем году Юрий кончит техникум... И он уверен, что, что если не в этом, то в будущем году бригада, в которой он трудится, добьется звания коллектива коммунистического труда.

И это ли не ответ Юрия на мой вопрос! «Это настолько все дельно и правильно, - находит он, наконец, слова, которые ему самому кажутся неудачными, - это настолько окрыляет...». «Этой программы хватит мне изучать на месяцы, этой программы хватит мне выполнять на годы, - продолжает Юрий. - Но если выразить главное, то это моя программа, понимаете, моя!»

Моя программа... Да, это, пожалуй, прекрасно сказано.

Действительно, завтра Юрий с карандашом в руках подчеркнет каждую пятую или десятую строчку. Он будет конкретно примерять каждую строчку к себе и прикидывать, что может лично он сделать для ее выполнения. Он, может быть, найдет и что добавить или поправить в программе - ведь она представлена на всенародное обсуждение...

Моя программа! Теми или иными словами так говорили разные люди, кого ни встречал я в тот день в цехах Адмиралтейского завода. Так сказали коммунист, мастер проверяльщик Виктор Павлович Жуков и, и беспартийный Алексей Тинькин, и комсомолец, бригадир бригады коммунистического труда, кстати, первой на заводе завоевавшей это звание, Евгений Ефимов, и комсомольский вожак слесарь-монтажник Игорь Бреверн, и студентка Кораблестроительного института, как все студентки работающая на заводе Лида Дедук.

К этому большинство прибавляло еще два тезиса. Оба тезиса представляются мне важными, и по порядку их излагаю.

Первый. Эта программа - для блага людей, для блага народа. В ней каждое слово проникнуто заботой о человеке, о его нуждах, о его счастье, о его будущем. Этот документ - высочайший образец гуманизма.

Второе. Это программа, выполнение которой потребует большого упорства и напряжения. Это программа, за которую мы будем бороться. Борьба - и в цехах завода, недавно вступившего в соревнование за звание завода коммунистического труда. Представляете, такой гигант выступил в славный поход! «Будем же соревноваться так, чтобы в недалеком будущем по праву завоевать звание «Адмиралтейский завод

коммунистического труда», - писали в своем обращении ко всем труженикам завода коммунисты.

Ко дню съезда Адмиралтейский завод должен спустить со стапелей еще один танкер, портовый ледокол и рыбоконсервный завод, отойдут от достроечной стенки и отправятся в плавание танкер «Белен» и подшефный комсомолу плавучий завод «Павел Чеботнягин». Борьба продолжается - и в быту, и за то, чтобы каждый учился, и за то, чтобы искоренить остатки хулиганства на улицах нашего города (комсомольцы Адмиралтейского каждый день выходят в рейды).

Нет, не просто восхищение вызывает Программа, а и рабочее настроение, «Сколько еще дела впереди!» - мелькнула мысль.

Этот репортаж - первое впечатление, торопливое и взволнованное, как все, что я услышал от рабочих Адмиралтейского, замечательных тружеников, строящих корабли, которым ходить при коммунизме.

...В обеденный перерыв, согласно плану, разработанному партийной и комсомольской организациями, в красных уголках и на свежем воздухе начались коллективные читки проекта Программы Коммунистической Партии Советского Союза. На стапеле газету развернул молодой коммунист Георгий Юношев. Вокруг расположились сборщики.

Читали и на участке предварительной сборки, где трудится Юрий Чернов. Только самого Чернова не было: он уехал с Любой во Дворец бракосочетаний.

(Алексеев А. Здравствуй, будущее! // Смена, 1.08.1961)

Ремарка: крутой жизненный поворот. Первое «хождение в рабочие»

Пожалуй, читатель уже пресыщен этими перлами комсомольской журналистики рубежа 1950-х - 60-х гг. (кстати, годы «оттепели»!) и пожелтевшими страницами «творческой биографии» автора.

Остановимся.

В июле 1961 г. автор стал членом КПСС. Как можно понять из всего сказанного выше, этот шаг вполне отвечал его тогдашнему мироотношению и жизнеощущению.

А в сентябре 1961 г. 27-летний журналист «вдруг» расстался с редакцией газеты «Смена», где успел проработать три года, и поступил на Ленинградский завод по обработке цветных металлов, вальцовщиком.

Кто-то из коллег «не понял», кто-то, напротив, высоко оценил этот романтический порыв, стремление быть «ближе к жизни»...

Выбор именно этого завода в качестве места работы был вызван отчасти тем, что данному производственному коллективу предполагалось тогда (в партийных органах) первым в городе присвоить звание «завода коммунистического труда»...

Так как же оно там - в гущи движения «разведчиков будущего» - на самом деле?!

В томе 4 (раздел П.22.4.2) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» приводились фрагменты дневника автора, посвященные первым дням и неделям работы на заводе. Здесь их не воспроизводим. Это – отдельная тема.

После двух лет работы вальцовщиком (1961-1963) автор расстался с Ленинградским заводом по обработке цветных металлов и около года работал электролизником (1963-1964) на Волховском алюминиевом заводе. Что также отражено в названной книге (см. том 1, раздел П.5.1).

Интересно, что несмотря на 3-сменную работу на том и другом заводе (а может, как раз благодаря этому) автору удалось нештатно сотрудничать в газете «Смена» - той самой, из которой уволился в 1961 г.

Правда, это было уже несколько отличающееся от прежнего журналистское творчество. (Июль 2001 – июль 2012).

8.10. С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ – ПРОТИВ «ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОРОКОВ»

[Ниже - извлечения из газетных публикаций автора периода его работы на заводе (1962-1963). А. А.]

8.10.1. «Не личная драма»

= Из газеты «Смена» (ноябрь 1962)

<...> Вот разительный парадокс *формализма [в движении за коммунистическое отношение к труду. А.А.]*: работа без брака, перевыполнение норм, явившиеся для многих исходным рубежом борьбы, по прошествии определенного времени объявляются некоторыми ретивыми деятелями ПЛОДАМИ нового соревнования и служат для них единственным (!) основанием для присвоения почетного звания. Во первых, при этом искажается главная идея движения - всесторонняя закалка человека в коммунистическом духе.

А во вторых... Еще 43 года назад В.И. Ленин в своей исторической работе «Великий почин» предупреждал, что столь почетное звание, как «коммуна» надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом. Это ленинское указание, особенно актуальное сейчас, также оказывается основательно забытым.

Таково принципиальное объяснение «странному» случаю с Виктором Т.

Вкратце

В данной статье подробно рассматривается случай присвоения звания ударника коммунистического труда рабочему «с неплохими производственными показателями и узким миром интересов, с его безволием, жалкими увлечениями и постоянными семейными неурядицами», о чем «всем в цехе хорошо известно».

Короче - в полном противоречии со всеми декларациями движения «разведчиков будущего», представленными выше (см. раздел 8.7).

<...> Речь идет о мериле нашей коммунистической требовательности к человеку. Виктор Т. - не двоедушный человек, скрывший от коллектива свое настоящее лицо, и даже не оступившийся герой, уронивший былую честь. Таким, каков он сейчас, он был и оставался на протяжении ряда лет, задолго до формального вступления в ряды разведчиков будущего, и вот уже год пребывает на положении ударника. В этом, как говорится, гвоздь проблемы. <...>

Этот случай произошел в центрально-инструментальном цехе Кировского завода. Меньше всего мне хотелось бы бросить тень на прославленный коллектив, признанную цитадель движения разведчиков будущего. Можно было бы, говоря об этом предприятии рассказать о И. Леонове, И. Рудакове, П. Зайченко, Л. Колосовой и сотнях других замечательных новаторов-кировцев <...>. Но то обстоятельство, что подобное случилось именно на Кировском заводе, заставляет лишь серьезнее отнестись к рассказанному

Этот случай произошел на слесарно-лекальном участке – участке коммунистического труда. Я далек от ханжеской мысли, что такой коллектив обязан сплошь состоять из идеальных людей, а жизнь должна идти без сучка, без задоринки. Коммунизм начинается там, где есть борьба за коммунизм. Но как раз борьбы-то и не чувствуется в коллективе, носящем такое почетное название, как «коммуна». <...>

В сущности, элементы формализма в движении за коммунистический труд в некоторых наших коллективах есть явление временное, болезнь роста. Но нельзя давать этой болезни затянуться. Чем страшен формализм? Да прежде всего тем, что принижает, опошляет прекрасное соревнование, а в глазах иных и дискредитирует его. Рожденный равнодушием, формализм в свою очередь плодит равнодушие и скепсис <...>.

Да, такие, как Виктор Т., своим трудом также приближают коммунизм. Но им еще и жить при коммунизме. Нам не все равно, какими они войдут в него! <...>.

(Алексеев А. Не личная драма (против формализма в движении за коммунистический труд) // Смена, 29.11.1962)

Ремарка: «...формализм в движении за коммунистическое отношение к труду...»

Эта статья в областной молодежной газете получила общественный резонанс. По ее следам состоялась передача на Ленинградском телевидении, с участием автора и группы рабочих Кировского завода, выступивших с резкой критикой формализма в соревновании. Одним из главных объектов критики был Ленинградский областной совет профсоюзов. «Рыба гниет с головы», как, к ужасу телевизионного режиссера, выразился в прямом эфире (а ведь был и тогда «прямой эфир»!) один из рабочих.

Тем не менее, готовилась вторая телевизионная передача, где предполагалась встреча членов бригад и ударников коммунистического труда с руководителями Облсовпрофа. Однако она не состоялась.

15 лет спустя, автору, социологу, довелось исследовать проблему формализма в социалистическом соревновании уже совсем другими, профессионально-научными средствами. (См. ниже: раздел...). (Июль 2001)

8.10.2. «Приглашение на суд»

= Из газеты «Смена» (октябрь 1963)

Предлагаю еще раз рассмотреть вопрос и организовать борьбу с волокитой деловито, по все правилам военного искусства.

Председатель Совета Народных Комиссаров В.Ульянов
(Ленин)

<...> О бюрократах и волокитчиках принято писать письма в редакцию. Был момент, когда и автор этих заметок чуть не сочинил такое письмо. Без всяких там профессиональных красот: так, мол, и так, тянут из человека жилы.

Но человек во-время удержался. Скрепил сердце и попробовал взглянуть на самого себя со стороны. Разложить все по полочкам, проанализировать происходящее. Если хотите, даже поставить своеобразный эксперимент.

Эксперимент состоял в том, чтобы проследить от зарождения до конечного исхода заурядный случай волокиты. Сколько времени потребуется для решения интересующего его вопроса, сколько хождений по инстанциям и т. п. Честное слово, под конец я наблюдал и участвовал в перипетиях волокиты с профессиональным интересом!

Теперь эти перипетии позади. И я с чистым сердцем берусь за перо. Во-первых, потому что автора уже никто не упрекнет в личной заинтересованности. А во-вторых, у меня в руках добротный выстраданный повод для разговора на тему, давно волнующую.

Итак, начнем с примера.

...Я живу в доме в одном из переулков в центре города (это в Куйбышевском районе). Наш дом, подобно множеству таких домов, в позапрошлом году оделся лесами - капитальный ремонт. Несколько месяцев, и здание еще петербургской кладки приобрело современный вид, как снаружи, так и изнутри: с заново отделанного фасада исчезли полуразвалившиеся украшения, перепланированы квартиры, уничтожены печи.

Старый дом справлял новоселье; жильцы радовались свежeweыбеленным потолкам, переклеивали не понравившиеся обои... Кое-кого, правда, смутило отсутствие водогрейных колонок в ваннах. Поинтересовались у строителей, те объяснили: колонок не поставили, так как не хватило документации. Но это на два дня работы, пусть только райжилуправление даст им «привязку» и проект. Недолго думая, жильцы сходили в жилконтору и райжилуправление, сообщили кому следует о своей нужде, представили какие положено акты.

Дальше началась типичная бюрократическая карусель. Ведь дом сдан, и комиссия приняла его без каких-то там водогрейных колонок... Ни у кого о нашем доме голова не болит, кроме нас, конечно.

Чаще всего дело стопорит не тот, кто составляет ту или иную бумагу, а тот, кто должен ее подписать или, скажем, передать из одного ведомства в другое... Вот и тут. Проектировщики мигом составили проект, но в райжилуправлении его куда-то задевали. Через пару месяцев нашелся один из экземпляров, но для производства работ нужны два или три... Уж коли случилась такая незадача, взять бы да снять копии... Подумав, в райжилуправлении поступили иначе - заказали делать новый проект. Проектировщики хладнокровно выполнили ту же работу заново.

Наконец, необходимые документы попали в строительную организацию, но к тому времени райжилуправление успело потерять представленный жильцами акт, а без акта нельзя ставить колонки.

Тут наступил новый год, и кончились сметные ассигнования. Лишь в феврале была выделена смета, когда же к весне, наконец, установили колонки, оказалось, что «Ленгаз» не может их подключить, так как туда забыли представить... копию акта.

Опуская ряд подробностей, подведем итог: со времени окончания ремонта до пуска ваннах комнат прошел срок... 1 год и 4 месяца! Запомним эту цифру.

Разумеется, жильцы не остались бесстрастными зрителями разыгранного чиновниками водевиля. Они ходили, напоминали, стучали по столу кулаками, а женщины, говорят, даже плакали. И вот еще одна фантастическая цифра: каждый из 7 совершеннолетних жильцов нашей квартиры обращался по одному этому вопросу в различные инстанции... в среднем по 10 раз!

Следует добавить, что хлопотала не только наша коммунальная квартира. В таком же положении находилось еще несколько квартир. Все-таки удивительное существо бюрократ! Адское терпение нужно, чтобы в течение года выслушивать одну и ту же просьбу.

Повторяю, наш рассказ представляет сейчас исключительно исторический интерес. Водогрейная колонка поставлена и работает.

Со стороны вся эта история может показаться мелкой. Не спору.

В жизни нашего района, да что района - одного переулка, «битва за ванны» занимает до смешного незначительное место. А с другой стороны, и не мелочь вовсе. Литейщику Ивану Козыреву из известного стихотворения Маяковского больше всего в новой квартире понравилась, кстати, именно ванная. И он даже сказал по этому поводу: «Очень правильная эта наша советская власть».

Но пускай даже мелочь. Чем мельче цель, тем разительнее контраст с громоздкостью средств для ее достижения! И вот сейчас, намыливаясь, подобно литейщику Козыреву, в белоснежной ванне, я считаю себя вправе задать вопрос: не слишком ли дорогой ценой плачено за это удовольствие? **ПОЧЕМУ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СТОЛЬ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ЦЕЛИ И ПОЛОЖЕННОГО МНЕ БЛАГА ПОНАДОБИЛОСЬ ПОЛТОРА ГОДА ОБИВАТЬ ПОРОГИ УЧРЕЖДЕНИЙ, СТУЧАТЬ В ДЕСЯТОК ДВЕРЕЙ, НАКОНЕЦ, ОБРАЩАТЬСЯ В РАЙКОМ ПАРТИИ?**

Неужто нельзя было обойтись без всего этого? Давайте, товарищи, оттолкнувшись от этого примера, попробуем оценить общественный и политический вред бюрократизма.

Ущерб, причиненный одним только чиновником на посту советского служащего, не исчерпывается тем, что несколько человек терпели мелкое бытовое неудобство. Бюрократ встает обществу в копейку, так как за свою лень расхлябанность и административное упрямство расплачивается, как правило, из государственного кармана. А кто возместит трудящемуся свободное время, потраченное в бесплодных хождениях по канцеляриям и стоянии в очередях! В жертву бюрократизму, как правило, приносятся человеческое здоровье, силы, нервы.

В глубине души бюрократ презирает людей, которым призван служить, и порой даже не пытается этого скрыть. Унижая достоинство окружающих, он тешится иллюзией собственной значительности. Пожалуй, ничто так не плодит неврозов, не способствует инфарктам, как бюрократизм. Бюрократ общественно опасен еще и тем, что он бросает тень на дело, которое ему вверено, и власть, которую он представляет.

...У пенсионерки из квартиры над нами целую зиму протекал потолок. Старушка сбилась с ног, обивая пороги учреждений. Спасибо, соседи помогли. Помнится, нам стоило немалых трудов ее убедить, что нерадивый управдом еще не советская власть.

Поистине страшный враг нашего общества - бюрократизм. Бюрократизм, как гиря на ногах, остановить движения общества вперед он не может, а тормозит. Он реальное и грозное зло, помеха коммунистическому строительству.

Но я не берусь давать исчерпывающий портрет чинуши или характеристику бюрократизма как явления. Цель этих заметок: возбудить внимание к вопросу **О МЕРЕ ВРЕДА, НАНОСИМОГО БЮРОКРАТИЗМОМ, И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЮРОКРАТА ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ.**

<...> К чему сплошь и рядом сводится борьба с бюрократизмом? **ПРОБИТЬ** данное дело, **РЕШИТЬ** данный вопрос. Пробили и радуемся. перевели дух, и дальше - новое дело пробивать. Причем считается даже само собой разумеющимся, что надо «пробивать». Тем самым бюрократизма как бы узаконивается. Но давайте поставим вопрос с головы на ноги. Бюрократизм есть нечто ненормальное. Это вопиющее отступление от устоев нашей жизни, от принципов морального кодекса строителя коммунизма. Это ненормально, как ненормально пьянство, хулиганство и т.п. И подобно всякому другому нарушению норм социалистического общежития это не должно оставаться безнаказанным. <...>

«Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, чего ни одно государство в мире не сделало», - говорил В.И. Ленин. Ныне уже не только уничтожена социальная почва для бюрократизма, но и закладываются основы общества, в котором не останется места каким бы то ни было бюрократическим извращениям.

Но наивно было бы думать, что остатки бюрократизма отомрут сами собой. Бюрократы не уйдут со сцены добровольно. Придется заставить!

Вспомним, какой представлял себе эту борьбу глава первого в мире социалистического государства. «Машина советской администрации должна работать аккуратно, честно, быстро, - писал В.И. Ленин. - От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный». Владимир Ильич видел в бюрократизме и волоките «страшную бациллу» и настаивал по отношению к ним на особой «жестокости кар».

«А к суду за волокиту привлекали? - спрашивал Ильич. - Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по существу издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту?».

Мысль вождя о судах над волокитой не осталась благим пожеланием. По поводу одного из конкретных случаев бюрократизма Ильич даже сам составил примерный «приговор». А в 1922 году Наркомюст организовал массовый поход против волокиты.

В Москве тогда состоялся ряд показательных судебных процессов над волокитчиками и бюрократами. Секретарь Ленина В.А. Смольянинов вспоминает, в частности, что судили некоего Артюхова, работника Наркомпрода. К нему в руки попала заявка крестьян ряда волостей Московской губернии, с просьбой освободить их от продналога, так как их поля побил градом. Это ходатайство пролежало в столе у Артюхова два с половиной месяца.

Сохранилась записка Ленина в Мосревтрибунал по поводу этого процесса: «Крайне важно - с точки зрения партийной и политической... чтобы суд по делу о волоките был наиболее торжественный, воспитательный и приговор достаточно внушительный».

Такова ленинская постановка вопроса о борьбе с бюрократизмом, волокитой и безответственностью <...>.

«Большой вред нашему делу до сих пор наносит бюрократизм и волокита, - говорил Н.С. Хрущев на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС. - Если органы партийно-государственного контроля помогут партии организовать настойчивую борьбу с бюрократизмом, поднять общественность против бюрократов, волокитчиков, лиц, злоупотребляющих служебным положением, то они тем самым выполняют одну из своих важных задач».

К решительному искоренению бюрократизма призывает нас партия. И думается, что в эту работу, строящуюся на ленинских принципах, УМЕСТНО НЫНЕ ВНЕСТИ И ЛЕНИНСКИЙ СТИЛЬ И НЕКОТОРЫЕ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ЛЕНИНЫМ ФОРМЫ.

Ленин не стеснялся слова «травля» в применении к бюрократам. Он предлагал травить волокитчиков силой общественного воздействия и государственными мерами.

Пускай нет закона, устанавливающего уголовную ответственность за бюрократизм. Разве нельзя организовать сейчас серию ОБЩЕСТВЕННЫХ, ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ СУДОВ НАД КОНКРЕТНЫМИ ВИНОВНИКАМИ БЮРОКРАТИЗМА И ВОЛОКИТЫ? Поставить эти суды по всем правилам, со свидетельскими показаниями и общественным обвинителем... С вынесением приговора и опубликованием в печати, как это предусматривал Ленин! Разумеется, это не единственный путь, но изобрести, да и вспомнить действенных средств можно множество.

<...> Бюрократизм, волокита, разгильдяйство на ответственном посту отвратительны всегда, но особо недопустимы на пороге коммунистического общества. И нужно, чтобы каждый чинуша, где он еще уцелел, чувствовал неприятное жжение в пятках. Чтобы он знал, что за бумажку, без толку пролежавшую в его столе два с половиной месяца, его могут травить, и боялся этой травли.

И я уверен, наступит день, когда его введут в зал общественного суда и объявят: «Слушается дело о бюрократизме...»

(Алексеев А. Приглашение на суд (заметки журналиста) // Смена, 16.10.63)

Ремарка: в поисках «подсудимого»

Эта газетная статья, как и «Не личная драма», имела общественный резонанс. 24.11.1963 в «Смене» появилась редакционная статья «Бюрократизм перед судом читателей». Идея общественных судов над бюрократами и волокитчиками, по образцу практики 1920-х гг., получила активную читательскую поддержку.

Среди откликов было и письмо слесаря-механика А.Г. Солипатрова, с его предложением о создании своего рода общественно-административного механизма борьбы с бюрократизмом, позднее развернутое в выступлении по ленинградскому телевидению и в публикациях в «Литературной газете».²³³

Областной штаб «Комсомольского прожектора» предложил комитетам ВЛКСМ, штабам «КП» проводить рейды по проверке соблюдения часов приема посетителей должностными лицами, соблюдения сроков расследования писем и заявлений трудящихся и т. п., далее - организовывать общественные суды, «трибуналы комсомольской чести» - над конкретными виновниками волокиты и т.д. (Смена, 2.11.1963).

Ленинградская студия телевидения организовала специальную передачу, с участием автора, в развитие этой темы. Предполагалось, вслед за тем, организовать «телевизионный общественный суд» над каким-нибудь волокитчиком. Однако вторая передача не состоялась, ввиду затруднений в выборе «подсудимого».

Между тем, автор и редакция «Смены» продолжали «гнуть свою линию». (Июль 2001).

²³³ См.: ДСиСА – 1, раздел П.5.3.

8.10.3. «Слушается дело о бюрократизме»

= Из газеты «Смена» (март 1964)

<...> В наше время чинуше и волокитчику трудно найти себе адвокатов. И все же, когда дело доходит до решительной, по-ленински беспощадной борьбы с бюрократизмом, нет-нет да и услышишь такие голоса.

Осторожно-вкрадчивый: но ведь речь идет в основном о пустяках. Вы же сами пишете: полтора года не ставили водогрейную колонку. Ну, пускай нехорошо, трата времени, нервов, но стоит ли подымать такой шум?

Исполненный благородного негодования: а жалобщики? Разве их мало? Не они ли своими кляузми толкают честных служащих на бюрократизм?

И наконец: участливый: бюрократ тоже человек, и по натуре своей, может быть, скорее добрый, чем злой. Но он один, а дел много, и у него не хватает чуткости на всех. На некоторые из этих вопросов я постараюсь ответить своим репортажем. <...>

Вкратце

Далее анализировалась история 17-летней Тани Максимовой из поселка Свирьстрой (Подпорожского района, Ленинградской области), инвалида 3-й группы, слабовидящей, которая, отчаявшись трудоустроиться у себя в поселке, обратилась в собес и в комсомольскую организацию за помощью в направлении на обучение в какое-либо из среднетехнических учебных заведений-интернатов для инвалидов (для чего нужно специальное медицинское обследование и рекомендация).

Как пишется в статье, участие чиновников в судьбе девушки свелось в «активной переписке» между собой, причем ей самой посылались бесчисленные «копии». («...Формально правильно, а по существу издевательство над правом человека на труд и желанием трудиться!..»).

В статье как бы два плана: решение конкретного вопроса (ситуация Т. Максимовой) и проблема «борьбы с бюрократизмом, как общественным злом».

...Одно обстоятельство особенно поражает в поведении лиц, ответственных за волокиту. Как ни парадоксально - это деловая беспомощность. Помнится, заведующая Областным собесом тов. Касьянова, вздохнув, пожаловалась: «Как трудно с этими инвалидами, у которых плохое зрение. Ведь не первую уже приходится устраивать...» Пожалуй, действительно нелегко. Но слыша это признание, я не мог отделаться от чувства неловкости за руководителя, который предпочитает КУСТАРНО хлопотать за каждого, причем делает это, как видим, не всегда успешно.

Не разумнее ли предупредить само возникновение подобных конфликтов? Кому как не главе социального обеспечения нашей области настаивать перед соответствующими организациями на государственном решении вопроса о трудоустройстве слабовидящих. <...>

Таков круг проблем, вырастающих из случая с Таней Максимовой.

А теперь я отвечу своим воображаемым оппонентам. Нет, поле деятельности бюрократа не ограничивается бытовыми мелочами и «пустяками». Не так уж редко дело идет о жизни, о самом главном в жизни человека. А жалобщики? Да ведь сам бюрократ плодит их своей близорукостью, неспособностью отличить спекулянта гуманностью от человека, действительно попавшего в беду. Жалобщики пользуются этим.

И последнее. Давайте не будем искать оправданий бюрократизму в занятости, озабоченности важными делами и т.п. Нельзя оправдывать безрукость, неумение организовать свой труд и решать вопросы по-государственному. <...>

(Алексеев А. Слушается дело о бюрократизме. Письмо матери и 14 копий // Смена, 14.03.1964)

8.10.4. Размышление о критике и ее результатах

= Из газеты «Смена» (июнь 1964)

Плакать или радоваться?

<...> Из письма секретаря Ленинградского (промышленного) облисполкома тов. Чекановой и другого (более развернутого) заведующей ленинградским облсобесом тов. Касьяновой мы узнаем, что Таня Максимова (героиня статьи) работает няней в детском саду № 1 г. Подпорожье. Сотрудник собеса выезжал на место... Статья обсуждалась на производственном совещании коллектива областного отдела социального обеспечения.

Но еще более убедительно письмо, которое сама Таня прислала в редакцию: ей не только сразу нашлось место в общежитии... В порядке исключения Т. Максимова будет принята в Тихвинское медучилище с обязательным трудоустройством по его окончании в системе социального обеспечения. Возникает уверенность, что не только настоящее, но и будущее девушки обеспечено.

Можно приветствовать оперативность Облсобеса? Пожалуй. Можно порадоваться за Таню? Безусловно. И все же именно эта реакция, эти ответы дают повод для серьезного отпора.

Подумайте, сколько внимания и заботы свалилось вдруг на Таню!

Что ж, здесь все «исключения» более чем оправданы. Если можно так выразиться девушка заслужила их годом мытарств и разочарований. Но разве, КРОМЕ ТАНИ, нет подростков со слабым здоровьем (в данном случае мы говорим о зрении).

Передо мной письмо учителей и воспитателей Лезьенской школы для слабовидящих детей (той самой, которую кончала и Таня Максимова). Двенадцать подписей... Вот выдержки из этого письма:

«...Вопрос о трудоустройстве наших выпускников волнует выпускников, волнует наш коллектив, как, очевидно, и коллективы других школ слабовидящих. По сути дела этим никто не занимается.

Для слепых существуют организации ВОС (Всероссийского общества слепых) с широкой сетью учебно-производственных комбинатов. Наши же дети имеют зрение более высокое, чем то, при котором вступают в ВОС. Но это зрение недостаточно, чтобы быть беспрепятственно принятым на обычные предприятия или в среднетехнические учебные заведения. И по окончании школы наши ребята испытывают огромные трудности, чтобы устроиться хоть куда-нибудь, не говоря уж о работе по душе. <...>

Хорошо бы довести это дело до конца, чтобы вопрос был решен в органах социального обеспечения и Министерстве просвещения и трудовых ресурсов. <...>»

Налицо документальное подтверждение, что в положении Тани Максимовой находятся десятки и сотни подростков. <...>

Итак, газета затронула две проблемы: бюрократизм и волокита в решении отдельной человеческой судьбы, с одной стороны, и определенное несовершенство, неупорядоченность системы, создающей почву, своего рода объективные предпосылки для волокиты. Вторая проблема поставлена прямо, не запрятана между строк, и чтобы разглядеть ее, пожалуй, не надо быть особо внимательным и догадливым читателем.

И вот на сей счет в ответах авторитетных читателей ни слова, будто проблемы не существует. В частности, в порядке исключения - завидная оперативность, в главном - статус кво, ПРЕЖНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. Тут-то, как говорится, собака и зарыта.

Это далеко не единственный случай, когда организация, попавшая под обстрел критики, обращает внимание лишь на ПОВОД, а не на ее ПРИЧИНЫ. Печать в постановке любого вопроса опирается на конкретный пример, и уполномоченные лица реагируют лишь на этот пример, скажем, устраняют несправедливость в отношении данного человека. И считается - «меры приняты».

Иными словами предлагается ждать, пока под воздействием тех же причин возникнет новый, аналогичный конфликт, и тогда... что ж, опять писать статьи и делать «исключения»?

<...> Редакционная почта богата письмами, на которых проставлен исходящий номер. Как правило, это наглядные свидетельства того, что печатное слово не вылетело на ветер, что оно нашло своего адресата, заинтересованного в продвижении важного начинания, исправлении замеченных ошибок. Эти письма - главный критерий нашей журналистской работы и своеобразный барометр общественной совести.

Но слишком много еще среди этих документов таких, над которыми, честное слово, не знаешь, радоваться или плакать, а вернее всего - продолжать борьбу. А то попадаются и такие экземпляры:

«В редакцию газеты «Смена». Опубликованная вами статья «Ребята хотят учиться» обсуждалась на собрании Ленинградского (сельского) облоно, наметившем конкретные меры по улучшению заочного обучения молодежи в области.

И.о. зав. Леноблоно (сельского) Л. Петрова».

Но это, кажется, уже из другой оперы. Потому что ответить так равносильно тому, что вообще не ответить. А мы уговорились «молчальников» здесь не трогать. О них стоит поговорить отдельно и, может быть, еще более резко.

<...> Что сказать в заключение этих заметок? Безвозвратно прошли времена, когда отношения прессы и общества сводились к тому, что «писатель пописывает, а читатель почитывает». Теперь у тех и других общие заботы и цель. Пусть же каждый делает свое дело добросовестно: «Писатель» пишет, а «читатель» читает. Так, как этого требовал и делал это Ленин.

(Алексеев А. Плакать или радоваться? Размышление о критике и ее результатах // Смена, 24.06.1964).

Ремарка: «Сохраняя коммунистическую убежденность, не страшись клеймить коммунистического идола...»

В 1964 г. автор, на пике журналистского успеха статей против бюрократизма и т. п., вернулся к штатной работе в периодической печати.

Из трудовой книжки:

«Редакция газеты «Ленинградская правда», литературный сотрудник, заведующий отделом промышленности и транспорта, литературный сотрудник - 08.1964-10.1965».

Авторское мироотношение и жизнеощущение, после трехлетнего «хождения в рабочие», после «самодельных» (не «по заказу») выступлений в прессе на «острые» темы, так резюмировалось в дневнике (4.03.1964):

«...Если хочешь, чтобы люди хоть что-то восприняли из твоей, утерянной ими, коммунистической убежденности, не страшись клеймить коммунистического идола, опошленного и истерзанного...». - А. А.]

+++

Глава 9

ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965)

Содержание

- 9.1. В поисках выхода из "узаконенного тупика"
- 9.2. Прыжок из тигелька в печь
 - 9.2.1. «Буря вокруг стеклянной колбы»
 - 9.2.2. «Силикаты высвобождаются из пут (по следам выступлений газеты)»
- 9.3. «Экзамен на гражданственность (по поводу споров в биологической науке)»
- 9.4. «От людей не спрячешься...»
- 9.5. Неудобный член редколлегии
- 9.6. «Из журналистов в социологию»

9.1. В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ "УЗАКОНЕННОГО ТУПИКА"

[Ниже - извлечения из газетных публикаций, посвященных народно-хозяйственному освоению научно-технических разработок ленинградских вузов (1964). - А. А.]

= Из «Ленинградской правды» (сентябрь 1964)

Узаконенный тупик?

<...> Волокиту можно рассматривать по-разному. Иногда в ней усматривают казус, происшествие. У происшествия всегда есть зачинщик. Устроить виновному нагоняй - и казусов не будет. Но волокита может выступать и как явление... С виновников вина не снимается. Только тут одним нагоняем не обойдешься. Надо разобраться.

Так вот, проволочка с организацией серийного выпуска архинужных народному хозяйству калориметров, разработанных в проблемной лаборатории Ленинградского института точной механики и оптики, - не происшествие. Она, если хотите, обусловлена, узаконена, санкционирована... какие еще есть подходящие слова?

Попробуем доказать это.

<...> Чтобы начать серийное производство, необходима проверка. А для проверки нужно много приборов, точнее, меленькая серия. Возникает заколдованный круг, выхода из которого каждый ищет как умеет. <...>

Ну вот мы и прокомментировали все аргументы Ленинградского совнархоза и других организаций, отказывающих в серийном выпуске калориметрам ЛИТМО и еще

десяткам, если не сотням родившимся в вузовских лабораториях приборам. Каждый из доводов в отдельности справедлив, а взятые вместе они, подобно бумерангу, возвращаются к тем, кто их запустил. Ибо они обнажают узаконенную нелепость с внедрением.

Между опытным образцом и серией должно быть промежуточное звено, назовем его МАЛОЙ СЕРИЕЙ. Вычеркнуть его нельзя, а вписать некуда. Дальше начинается «самодеятельность». Выход, найденный проблемной лабораторией ЛИТМО, уже описан [договоренность об изготовлении малой серии нового прибора в экспериментальной мастерской одного из промышленных предприятий. - А. А.]. Чаше бывает так, что вузы на базе собственных лабораторий и мастерских налаживают мелкосерийный выпуск, делая это в ущерб исследовательским экспериментальным работам. <...>

Так ученые ленинградских вузов находят способы все же как-то, пусть не полностью, удовлетворять широкие запросы промышленности. Но, скажем прямо, сплошь и рядом это удается не благодаря существующему порядку, а вопреки ему. Иные опускают руки и успокаиваются на опубликовании научной статьи и изготовлении опытного образца. Эти как раз плывут по течению. <...>

Тут возможны несколько выходов. Один из них - создание единой опытно-производственной базы, которая бы обеспечила реализацию научно-конструкторских разработок вузов мелкими сериями. (Чтобы судьба тех же калориметров ЛИТМО, о которых шла речь, не зависела от случая и добрых отношений профессора Г.Н. Дульнева с сотрудниками Лесотехнической академии...)

Но это не единственный путь. Не меньше сторонников среди вузовской общественности находит предложение о реорганизации существующих учебно-экспериментальных мастерских. Пусть они дополняются небольшим ОПЫТНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ, где бы под непосредственным наблюдением авторов изготавливались первые 50-100 экземпляров для их всесторонних испытаний в промышленности.

В сущности, это то же самое, что явочным порядком уже возникло в ряде ленинградских вузов: в ЛЭТИ, в Институте связи им. Бонч-Бруевича, Политехнической и ряде других. Но это начинание разворачивается, так сказать, полулегально, часто в обход существующих планов и штатов, «через не могу», потому что вузовцы чувствуют свою ответственность перед теми, кто шлет им бесчисленные запросы. Так не пора ли эту инициативу поддержать и в конце концов узаконить!

Могут спросить, а как это оправдывается экономически? Тут исключено всякое иждивенчество. Опытное производство будет строить свою работу на хоздоговорных началах, исходя из тех же заявок, с той лишь разницей, что будет их все удовлетворять.

Конечно, стоит сначала эту новую форму испробовать в одном или двух вузах, наиболее к тому подготовленных. <...>

(Алексеев А. Узаконенный тупик?... // Ленинградская правда, 1.09.64)

= Из «Ленинградской правды» (декабрь 1964):

Возвращаясь к напечатанному

Напомним нашим читателям, что 1 сентября 1964 г. на страницах «Ленинградской правды» была напечатана статья «Узаконенный тупик?...», в которой говорилось о том, что большинство научно-конструкторских разработок высших учебных заведений Ленинграда не находят широкого выхода в промышленность.

Вслед за тем газета опубликовала еще 7 статей на ту же тему. В развернувшейся дискуссии приняли участие заслуженные деятели науки и техники РСФСР, профессора П.В. Шмаков, А.В. Фатеев, С.И. Зилитинкевич, руководители и сотрудники Электротехнического института имени В.И. Ульянова (Ленина), ЛИТМО, Университета,

Политехнического института, Института связи имени Бонч-Брунвича, ЛИИЖТа (см. «Ленинградскую правду» от 17, 12, 25 сентября, 3 и 25 октября). Ученые предложили ряд мер для устранения существующих трудностей с внедрением.

Как же сейчас обстоит дело с «узаконенным тупиком»? Что делается для его устранения?

* * *

На днях наш корреспондент [*А. Алексеев. - А. А.*] был принят министром высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. СТОЛЕТОВЫМ. Вот краткая запись их беседы.

НАШ КОРР.: Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к факту обсуждения этих вопросов на страницах «Ленинградской правды»?

МИНИСТР: Отвечая вам, я выражу не только свое мнение, но и мнение всей редколлегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. В текущем году проблема внедрения обсуждалась на коллегии министерства дважды. На последнем заседании, в частности, шала речь о материалах, опубликованных в «Ленинградской правде». Важнейший вопрос поднят своевременно, особенно если учесть известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях».

Мы считаем, что, улучшив дело внедрения, удастся не только усилить помощь вузов производству, но и стимулировать дальнейшие научные исследования ученых высшей школы и тем самым активно влиять на повышение качества подготовки молодых специалистов.

НАШ КОРР.: В чем причина существующих трудностей?

МИНИСТР: За недостатки внедрения, с одной стороны, отвечает высшая школа, начиная с министерства и кончая каждым отдельным вузом. Я бы сказал так: если не стучать, то дверь не откроется. А мы, пожалуй, стучимся еще недостаточно энергично, и иногда не в ту дверь, в которую следует стучать.

С другой стороны, промышленность часто проходит мимо разработок высшей школы, некоторые хозяйственники проявляют непонятное равнодушие. Есть факты, когда работа, выполненная по хоздоговору, используется лишь заказчиком, на одном, двух предприятиях, а не повсеместно, как это должно было бы быть.

НАШ КОРР.: Возможно, предполагаются общегосударственные меры на этот счет?

МИНИСТР: Да. Вопрос, интересующий газету, сейчас разрабатывается в министерстве, и проект предложений будет внесен в директивные органы. Разрабатывая свои предложения, министерство принимает во внимание и соображения ленинградских ученых, участников дискуссии.

НАШ КОРР.: В статьях «Ленинградской правды» речь шла в основном о трудностях опытно-промышленной проверки и выпуска малых серий новых устройств. Одни авторы предлагают усилить собственную экспериментальную базу, другие настаивают на создании опытных заводов. Какой путь, на ваш взгляд, лучше?

МИНИСТР: Оба эти пути правомерны, и один не исключает другого. Было время, когда производственные мастерские вузов рассматривались только как учебные и выполняли чисто подсобную роль. Изредка, чтобы упрочить свое хозяйственное положение, они брали совсем не отвечающие их назначению заказы со стороны. Сейчас мы требуем от высших учебных заведений, чтобы они воплощали свои идеи в металле, в виде макетов и опытных образцов. Для этого надо повышать производственную культуру вузовских мастерских. Министерство намерено в начале будущего года провести специальное совещание по вопросам дальнейшего улучшения деятельности производственных мастерских вузов.

Но одного этого пути недостаточно. Для выпуска малых серий большинства новых устройств действительно нужны опытные заводы. И кое-где они уже начинают возникать в системе высшей школы.

Новой и перспективной представляется мысль об организации межвузовских экспериментальных производств, как это предлагают некоторые участники дискуссии.

НАШ КОРР.: Как вы относитесь к предложению ленинградских ученых о том, чтобы проверить эту организационную форму на высших учебных заведениях какого-либо одного профиля? Например, в порядке эксперимента выделить один из существующих небольших радиотехнических заводов для выпуска мелких серий приборов и устройств, созданных в ряде вузов и на факультетах соответствующего профиля.

МИНИСТР: Если ленинградцы проявят такую инициативу, ее следует всячески приветствовать. Это предложение, несомненно, заслуживает внимания и могло бы быть включено в общую программу намечаемых мер как один из путей улучшения всего дела внедрения достижений науки в производство.

НАШ КОРР.: Вузовская общественность Ленинграда интересуется, не разрабатывается ли «Положение о порядке внедрения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ вузов».

МИНИСТР: Пока нет. Но условия для этого также назрели. Если у ленинградцев есть соображения на этот счет, мы готовы их изучить и общими усилиями найти пути решения и этого вопроса.

В заключение министр подчеркнул большую ответственность ученого, рекомендующего плоды своей работы для массового внедрения. Здесь всегда нужны тщательная проверка и здоровая доза постоянной самокритики, сказал он.

(Алексеев А. Так как же - «узаконенный тупик»? // Ленинградская правда, 19.12.1964)

9.2. ПРЫЖОК ИЗ ТИГЕЛЬКА В ПЕЧЬ

[Ниже - извлечения из газетных публикаций, посвященных внедрению в народное хозяйство новых, химически стойких материалов, разработанных в академическом институте (1964-1965). - А. А.]

9.2.1. "Буря вокруг стеклянной колбы"

Из «Ленинградской правды» (ноябрь 1964)

В химии открытия начинаются с колбы. Маленькие пробирки являются вместилищем веществ, из сочетаний которых суждено родиться новым удивительным материалам. В стеклянных стенках моделируются технологические процессы будущих

производств. Разумеется, эти колбы, пробирки, трубки не совсем из обычного стекла. Можно сказать, что без специальных термически и химически устойчивых стекол невозможна химия как наука преимущественно экспериментальная. И наука сама заботится об обеспечении себе «средств к существованию»: особые стекла рождаются в лабораториях и выпускаются промышленностью.

Эти общие замечания хочется предпослать нашему репортажу.

Начнем издалека:

«Стеклозаводчику г. Ритингу в С.-Петербурге. В 50-х годах [XIX века. А.А.], будучи студентом, я производил первые свои химические работы в стекле Вашего завода. Прошло более 35 лет и другого стекла не приходится брать, Ваше должно рекомендовать каждому, кто трудится у нас в физических, химических и т. п. лабораториях, потому что достоинства Ваших изделий не оставляют желаний чего-либо лучшего. Качества стекла, формы и цены Ваших изделий совершенствовались все время и во многих отношениях превосходили изделия известных заграничных заводов... Когда требовалось устраивать стеклянные приборы особых форм, Вы всегда выполняли желаемое в таком виде, что Ваша работа помогала нашей.

Заслуженный профессор Д. МЕНДЕЛЕЕВ»

Речь идет о предприятии, известном ныне под поэтическим названием «Дружная горка». Полуторавековая история этого завода еще ждет своего летописца. Не удержусь от искушения хоть два слова сказать о его основателе, энтузиасте и организаторе стеклянного дела И.Е. Ритинге. «Сожалею, что для удовлетворения других наших требований не явились в России еще другие Ритинги», - писал Менделеев.

В отзыве великого русского ученого, вряд ли требующем комментариев, отметим следующее: изделия «стеклянного завода» не оставляли желать лучшего химикам того времени.

Теперь о наших днях. «Дружная горка», как и прежде, является поставщиком для химии. Колбы, выдутые заводскими умельцами, можно встретить сейчас в любой лаборатории.

Завод вырос. «Дружная горка» далеко не та, что была при Ритинге. Но вот несколько документов, датированных не 1885, а 1964 годом:

«Институту атомной энергии имени И.В. Курчатова требуются для проведения научно-исследовательской работы цилиндры из химико-лабораторного стекла...»

«Для оснащения лаборатории пускового цеха двойного суперфосфата на Волховском алюминиевом заводе убедительно просим изготовить 200 калориметрических цилиндров...»

«Филиал Ленинградского научно-исследовательского института переливания крови просит вас в порядке технической помощи отгрузить 190 стеклянных фильтров и ионообменные колонки...»

Отсутствие фильтров не позволяет наладить выпуск препаратов-кровозаменителей...»

На заявках, важность которых вряд ли нужно разъяснять, пометка: «Отказано в связи с загруженностью производства и отсутствием дополнительных площадей».

Еще один (из многих аналогичных) отзыв:

«В настоящее время ощущается недостаток в изделиях из химико-лабораторного стекла как уже освоенных, так и особенно в аппаратуре, удовлетворяющей более жестким требованиям.

В. САМСОНОВ, зам. директора Института общей и неорганической химии АН СССР».

Вот тут уже нужны комментарии. И мы предоставим сделать это самим работникам «Дружной горки».

Наступление без разведки

Беспокойство потребителей нашей продукции вполне разделяем и мы, производственники. Отказы на ответственные заявки подписываются нами не без сожаления. Но еще большую тревогу вызывает будущее.

На выпуске изделий из химико-лабораторного стекла специализируются три завода: «Лаборприбор» в г. Клину, «Победа труда» под Казанью и наш. Они едва наполовину удовлетворяют отечественную потребность. А некоторые специальные виды изделий приходится ввозить из-за границы. Сейчас принимаются все меры, чтобы уменьшить этот дефицит. Планируется в дальнейшем расширение нашего производства...

Проходя по заводскому двору, мы балансируем над траншеями и радуемся: идет реконструкция. Она связана как с необходимостью модернизировать производство, так и с тем, что за последние годы освоен широкий круг новой номенклатуры. Назовем хотя бы стекло ДГ-2 («Дружная горка-2»), разработанное Институтом химии силикатов в тесном содружестве с работниками нашего завода. Это стекло не уступает знаменитому «шотттовскому» лабораторному стеклу, причем содержит значительно меньше дефицитных компонентов.

Но поучительна его дальнейшая история. Новое стекло прочно утвердилось не только в лабораториях, но и в изделиях широкого потребления. Наверняка вы видели современные металлические кофейники со стеклянной крышечкой... Крышечки - из нашего ДГ-2.

Итак, новое стекло внедрено. Для варки ДГ-2 построена специальная печь. Хорошо? Лишь отчасти. Дело в том, что новая печь выросла на месте прежних, горшковых, где можно было проводить опыты. Кстати, сам выпуск изделий из ДГ-2 стал промышленным, не успев, по существу, пройти до конца опытную стадию. А печи для экспериментов? Других на «Дружной горке» нет.

Пусть нас поймут правильно. Мы не против массовой продукции. Тем более, что заводу она экономически выгодна. Но ведь нам предстоит удовлетворять растущие запросы химии. Вот недавно учеными совместно с дружногорцами созданы новые составы целочеустойчивых стекол. Для варки их также сооружается печь, которая даст первую продукцию к началу 1965 года. Опять, по существу, промышленная печь!.. А где испытывать другие, новейшие стекла?

Таким образом, становится чем-то вроде системы ПРЫЖОК ИЗ ТИГЕЛЬКА ПРЯМО В ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, без соответствующей подготовки, без широкой серии полупромышленных экспериментов, в ходе которых не только отработывалась бы технология, но и уточнялся, совершенствовался сам состав стекла.

Ведь на освоение выпуска новых марок мы тратим сплошь и рядом неоправданно много времени, нерационально используем производственные мощности. Опытных печей нет. И в проекте реконструкции они не предусмотрены! Не имеют соответствующих установок и Институт химии силикатов, Ленинградский технологический институт, передающие нам свои разработки.

Давайте смотреть на вещи трезво. Радость от реконструкции - с привкусом горечи. Это можно сравнить с наступлением без разведки.

Т. МАСЛАКОВ, начальник технического отдела; В. МОЖЕЙКО, начальник центральной лаборатории завода; А. ШНЫПИКОВ, старший инженер научно-исследовательской группы.

Такую же тревогу высказывают и ученые. Вот мнение сотрудников института, где родились те самые стекла, что выпускаются и намечены к выпуску на «Дружной горке»:

Выход есть!

Нам хочется начать с доброго слова в адрес заводского коллектива. «Дружная горка» не только продолжает славные традиции, но и приумножает их. Их трудности в равной, если не в большей степени, и наши трудности; речь идет о слабости, а вернее, об отсутствии базы для научной продукции института.

Сотрудники академического учреждения не претендуют, чтобы экспериментальные печи строились на дворе института. Лучшей опытно-промышленной базой для ученого является завод. Такой базой могла бы стать «Дружная горка», с которой у нас давние и самые творческие связи.

В план расширения завода, разработанный Гипроприбором, не заложен опытный цех. Но здесь надо иметь в виду одно обстоятельство. Проект составлялся несколько лет назад. А в ноябре 1962 года было принято авторитетное постановление, где, в частности, указывается, что при реконструкции заводов химико-лабораторного стекла следует предусматривать строительство помещений для конструкторского бюро и

экспериментальной базы. На это постановление ссылается и Ленинградский совнархоз в одном из своих распоряжений.

Распространенный в юриспруденции тезис «закон обратной силы не имеет» в данном случае неприменим. Дело касается насущной государственной необходимости. Постановление должно приобрести «обратную силу»!

Задача состоит в том, чтобы с учетом принятых решений пересмотреть проект и внести соответствующие коррективы.

О. МАЗУРИН, заведующий лабораторией химии стекла Института химии силикатов АН СССР; ДУБРОВО, старший научный сотрудник.

Разумеется, сказанным не исчерпываются проблемы, связанные с будущим стеклянной колбы. В Институте химии силикатов, на основе изучения многочисленных запросов, выявлена общесоюзная потребность и определены перспективные направления развития промышленности химико-лабораторных стекол.

Среди предлагаемых мероприятий строительство опытного цеха на «Дружной горке» является «проблемой N 1». Путь к этому теперь открыт. Дело за реализацией существующего постановления, и здесь не последняя роль принадлежит совнархозу.

(Алексеев А. Буря вокруг стеклянной колбы. Репортаж в письмах // Ленинградская правда, 15.11.1964)

9.2.2. "Силикаты высвобождаются из пут" (по следам выступлений газеты)

= Из «Ленинградской правды» (февраль 1965)

В октябре-ноябре 1964 г. на страницах нашей газеты были опубликованы три корреспонденции, посвященные внедрению новых материалов, созданных учеными Института химии силикатов АН СССР. Речь шла о жаростойких неорганических покрытиях, об органосиликатах, а также о новых видах лабораторного стекла. На пути внедрения их в промышленность встал ряд проблем, связанных со слабостью, а то и отсутствием опытной и производственной базы.

По поводу материала «Тесно силикатам в пробирке» (Ленинградская правда, 9.10.1964) в редакцию пришел ответ из Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР. И.о. начальника отдела химизации народного хозяйства тов. Алехин сообщил, что специальной комиссией, занимающейся подготовкой материалов по изысканиям, производству и испытаниям новых видов температуроустойчивых покрытий, защищающих конструкционные материалы от разрушений в агрессивных средах, в настоящее время разрабатывается проект постановления ВСНХ СССР по этому вопросу. Кроме того, как сообщили нам из Ленинградского совнархоза, предполагается создание проблемной лаборатории при втузе Металлического завода имени XXII съезда партии, которая буде заниматься изысканием и применением жаростойких антикоррозийных покрытий в энергомашиностроении.

В репортаже «Материалы, которые не боятся ничего кроме волокиты» (Ленинградская правда, 24.10.1964) был подвергнут критике Ленинградский филиал Гипропласта за проволочку с проектированием цеха по производству органосиликатов. В своем письме в редакцию заместитель председателя Государственного комитета химической промышленности тов. Егоров поддержал выступление газеты и сообщил о мерах, которые предприняты Госкомитетом для ускорения проектирования. В настоящее время, как показала организованная редакцией проверка, Ленинградский филиал Гипропласта подготовил технико-экономический доклад и выдал проектное задание. Однако размах проектных работ еще нельзя признать вполне удовлетворительным, налицо

отставание от намеченных сроков. Проектировщики отказываются считаться с рядом справедливых требований и пожеланий будущих эксплуатационников. Об этом свидетельствует и ответ руководителей Ленинградского филиала «Гипропласта», полученный редакцией.

Что касается третьего выступления газеты - «Буря вокруг стеклянной колбы» (Ленинградская правда, 15.11.1964), то официального ответа до сих пор нет. На заводе «Дружная горка» заканчивается строительство небольшой опытной печи. Но этим никак не могут быть исчерпаны потребности ученых и производственников. Редакция **ВТОРИЧНО ЗАПРАШИВАЕТ МНЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВНАРХОЗА** насчет включения в план происходящей сейчас реконструкции завода «Дружная горка» конструкторского бюро и опытной базы, предусмотренных авторитетным постановлением, на которое ссылается Совнархоз в одном из своих распоряжений.

(Алексеев А. Силикаты высвобождаются от пут // Ленинградская правда, 10.02.1965)

9.3. «ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (ПО ПОВОДУ СПОРОВ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ)»

[Ниже - одноименная статья, написанная по заданию «Комсомольской правды» (1964). Публикация не состоялась. - А. А.]

Говорят, истина познается в споре. Но в споре познается и человек. Иногда достаточно увидеть, как он отстаивает свою правоту или свои заблуждения, как он торжествует победу или терпит поражение, как борется с противником и завоевывает себе союзников, - чтобы узнать все об этом человеке.

В научном споре это тоже так, тысячу раз так!

Здесь я должен объяснить, что побудило меня взяться за перо.

Не сомневаюсь, что настоящая статья вызовет очередной взрыв «благородного» негодования за «мичуринскую биологию». Мои товарищи и я наблюдали одну такую бурю. Это происходило на собрании во Всесоюзном институте растениеводства, где обсуждали очерк В.Дудинцева «Нет, истина неприкосновенна!», напечатанный в «Комсомолке».

Я обещал сказать о себе... И решаюсь на это отступление лишь потому, что моя фигура, моя позиция, а точнее, эволюция к ней, - представляются типичными. Мне тридцать лет, примерно столько же, сколько спору, который недавно вновь вышел на страницы печати. Говорю - «вновь», потому что дискуссия в биологической науке за последние годы несколько раз открывалась и «закрывалась».

Так, в конце 40-х годов, когда я изучал в школе предмет, именовавшийся тогда основами дарвинизма, спора как такового уже не было. Подобно тысячам сверстников я гордился тем, что моими соотечественниками был Тимирязев и Мичурин, знал имена Вильямса и Лысенко и, например, никогда не слышал о Н. Вавилове. Такое было время...

В августе 1948 года впервые узнал о существовании «реакционной группы» «формальных генетиков» - лжеученых, низкопоклонствующих перед заграницей, пытающихся протащить в науке «чуждые, схоластические взгляды менделизма-морганизма»... (детская память цепка: сейчас, перечитывая материалы августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, я убеждаюсь, что неплохо запомнил формулировки).

Мое поколение взрослело и воспринимало общественные уроки. Не скажу, чтобы я был очень близок к биологии. Спешу вручить этот козырь тем, кому угодно будет обвинить меня в некомпетентности. Прием в полемике не новый... Но здесь он, пожалуй, не пригодится. Эта статья - не по существу разногласий в биологической науке, а по поводу их, о том, как раскрывается человек в борьбе за свои убеждения.

Мне довелось присутствовать на недавнем собрании в ВИРе в качестве, скажем, заинтересованного свидетеля. На нем... совсем как пятнадцать лет назад «судили» академика Жуковского и всех, кто позволил себе высказать обеспокоенность судьбами науки.

Судили так, что всякий порядочный человек должен был бы почувствовать внутреннюю необходимость пересест на скамью «подсудимых», хоть на самый крохотный крюшек этой скамьи...

Итак, что же произошло?

За последние три месяца в прессе появилось более десятка статей, посвященных биологической науке. «Комсомолка» напечатала очерк «Нет, истина неприкосновенна!». Вслед за ней выступили «Сельская жизнь», «Литературная газета», «Советская Россия», «Огонек», «Известия». Авторами статей были писатели, журналисты, ученые, преимущественно последние.

О чем писалось в этих статьях?

Если обобщить, речь шла о прогрессе ряда отраслей биологии, в частности, генетики, дающей ключ к пониманию механизма наследственности и вооружающей практиков новыми перспективными методами перделки природы. Прозвучал призыв к свободной дискуссии, открытому спору между учеными. Осуждалось всяческое администрирование в науке, а также догматизм некоторых ее деятелей, претендующих на монопольное владение истиной.

В очерке Дудинцева и ряде других материалов затрагивался, в частности, наш, ленинградский Всесоюзный институт растениеводства.

Эти-то статьи и вызвали «бурю»... На собрании в ВИРе они были расценены как «злобные», «клеветнические» и «антисоветские».

Обвинения, что и говорить, тяжкие. Но коль скоро они высказаны, их нельзя оставить без ответа. И кому же не ответить, как специалистам! Мне кажется, так же на моем месте поступил бы каждый газетчик... Я оставил в стороне свои симпатии, эмоциональную настроенность и попросил ряд ленинградских ученых прокомментировать те же самые выступления прессы. Разумеется, мои возможности ограничены. Но я надеюсь этим дать представление о позиции научной общественности Ленинграда.

В «анкете» приняли участие биологи и не биологи, люди, стоящие, так сказать, на огневом рубеже, и те, кого меньше всего можно заподозрит в пристрастности... Здесь ученые из четырех академических учреждений - Ботанического и Зоологического институтов, а также Института цитологии и Института высокомолекулярных соединений, Всесоюзного института экспериментальной медицины, Рентгено-радиологического института и Института озерного и речного рыбного хозяйства. Вот строки, которые продиктовал мне академик А.Д. АЛЕКСАНДРОВ:

«Хотя я не специалист в области биологии, но у меня давно сложилось убеждение, что эта наука находится на пороге революционных преобразований, на каком была физика перед раскрытием тайн атомного ядра. Детальное исследование физико-химических основ жизни, явления наследственности и пр. - одна из самых увлекательных и вместе с тем одна из важнейших проблем не только в познавательном, но и в практическом смысле?»

Поскольку мне в течение долгого времени пришлось быть ректором Ленинградского университета, я в меру своих сил и возможностей старался всячески поддерживать в ЛГУ именно эти направления биологии. Однако именно генетика, биофизика и биохимия пробивали себе дорогу не без существенных трудностей. Главной трудностью было то, что влиятельная группа людей активно боролась особенно против генетики, мешала не только развитию этой науки, но и внедрению ее результатов в практику, а также подготовке специалистов, владеющих этими областями на современном уровне. Все это делалось, к сожалению, под претенциозные заявления о материалистической биологии, под обвинения инакомыслящих в метафизике, идеализме, а иногда кое в чем и похуже.

Вместе с тем, было бы заблуждением думать, что в науке не имеет особого значения идеологическая борьба. Опыт проходивших дискуссий по математике и физике, в

которых мне довелось принять участие уже в качестве специалиста, научил меня тому, что здесь нужна борьба на два фронта, как против тех, кто не видит философских ошибок западных ученых и затушевывает идеологические противоречия, так и против «леваков», которые под видом борьбы за чистоту нашей идеологии готовы перечеркнуть квантовую механику, теорию относительности, генетику и т. д.

Ученые Ленинградского университета занимали в этой борьбе в целом правильные позиции, отстаивая диалектический материализм от всяческих извращений справа и слева. Так было, в частности, и в биологии, хотя отстаивать эти позиции в описанной выше обстановке бывало трудно.

Но жизнь идет вперед. Под руководством Коммунистической партии трудности и препятствия, встающие на пути развития, преодолеваются, старые методы административного нажима, наклеивания идеологических, а порой и политических ярлыков уходят в прошлое. Об этом свидетельствуют, в частности, уже довольно многочисленные статьи, появившиеся в печати, где проблемы биологии, и особенно генетики, освещаются в объективном духе и где даже прямые указания на ошибки и неправильное поведение некоторых деятелей науки делаются без крайних обвинений, в достойном тоне».

С любезного разрешения авторов остальных интервью, я привожу их высказывания в кратком переложении. Профессор, доктор биологических наук Ю.И. ПОЛЯНСКИЙ и доцент, кандидат биологических наук В.С. КИРПИЧНИКОВ с горечью говорили о вынужденном отставании советской генетики, которая в тридцатые годы занимала общепризнанно ведущее место в мировой науке. Это отставание было обусловлено грубым административным вмешательством в научное творчество.

Член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института цитологии АН СССР А.С. ТРОШИН подчеркивал, что вместе с генетикой оказались заторможены и целый ряд отраслей, тесно связанных с ней, в частности, наука о клетке. Их успехи часто шли вразрез с теорией, занимавшей в нашей науке монопольное положение.

Все участники «анкеты» решительно восставали против монополизма какой бы то ни было теории.

«В биологии, как ни в какой области знаний, необходим длительный срок для проверки тех или иных теоретических положений, сказал профессор, доктор биологических наук Ю.М. ОЛЕНОВ. - Но рано или поздно любая теория демонстрирует свою ложность или свою перспективность. И этому невозможно воспрепятствовать».

«...Но препятствовать пытаются. Определенная группа работников науки на протяжении многих лет стремилась оградить себя от контроля и критики», - это замечание члена-корреспондента Академии медицинских наук П.Г. СВЕТЛОВА.

«Создание запрета критики отдельного ученого или его школы неизбежно становится бедой науки и позором для ученого», - заявил доктор биологических наук, Лауреат Государственной премии В.Я. АЛЕКСАНДРОВ.

Член-корреспондент АН СССР, Президент Всесоюзного ботанического общества Е.М. ЛАВРЕНКО и кандидат биологических наук О.В. ЗАЛЕНСКИЙ утверждали необходимость гармоничного, не стесненного бюрократическими рамками развития биологии. К этому направлены и указанные выступления печати, которые, по их мнению, весьма корректны и тактичны.

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР С.А. НЕЙФАХ подчеркнул важность и плодотворность поднятого разговора для дальнейших успехов развития народного хозяйства, здравоохранения, образования, а также для престижа нашей советской науки. Он, как и все, к кому я обратился, видит в открытом споре залог оздоровления научной атмосферы.

«Я хотел бы обратить ваше внимание на сам ФАКТ опубликования этих статей, - сказал профессор, доктор сельскохозяйственных наук Ф.Х. БАХТЕЕВ. - Это примета нового, признак растущей демократизации всей нашей общественной и научной жизни, начало ликвидации одного из самых запоздалых последствий культа личности Сталина».

О своей недавней поездке в Москву рассказал профессор, заведующий кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета М.Е. ЛОБАШОВ:

«Впервые нам, руководителям кафедр генетики, не навязывалась программа, противоречащая нашим научным убеждениям. «Вы специалисты, вы и составляйте программу», - сказали в союзном министерстве. И это явление одного порядка с тем, которое наблюдается в печати».

Доктор физико-математических наук, Лауреат Государственной премии М.В. ВОЛЬКЕНШТЕЙН и профессор, доктор биологических наук С.Н. АЛЕКСАНДРОВ высоко оценили последние выступления прессы, хотя и отмечали нерешительность некоторых авторов.

И, наконец, мнение академика-секретаря Отделения общей биологии, директора Зоологического института АН СССР Б.Е. БЫХОВСКОГО:

«Следует сразу заметить, что выступления печати, посвященные вопросам биологии и положению в биологической науке, не являются чем-то случайным, неожиданным, по крайней мере, для нас, специалистов. В сущности, внимание прессы к этим проблемам обусловлено двумя обстоятельствами. Первый - реальный прогресс мировой биологии, особенно ряда ее отраслей, связанных с изучением природы наследственности и проблем развития организмов. Второе - это сравнительно неравноправное положение разных направлений современной биологии, одно из которых у нас долгое время находилось, если можно так выразиться, в тени.

Тем не менее, работа в этом втором направлении - я имею в виду прежде всего проблемы современной генетики - велись и, особенно в последние годы, получили некоторый простор.

Естественно, они начинают громко заявлять о себе, а теперь и в популярной печати, устами как специалистов, так и неспециалистов. Выступления эти неравноценны. Статьи ученых квалифицированнее, очерки журналистов эмоциональнее, тут удивляться нечему.

Науке нужны спор, борьба мнений, здоровое соревнование, и не только на газетных страницах, но прежде всего на полях, в лаборатории. Сейчас предпринимаются меры для того, чтобы обеспечить именно такое соревнование, нормальную, спокойную обстановку для работы, усиленное развитие наиболее перспективных направлений науки. Я хочу подчеркнуть важность обработки позитивной программы дальнейшей работы биологов, и этим сейчас заняты, в частности, Отделение общей биологии, Отделение биофизики и химии физиологически активных соединений и Отделение физиологии Академии наук СССР.

Ряд мер, направленных к нормализации научной жизни и к широкому развертыванию генетических исследований уже предпринят Президиумом Академии наук».

15 интервью... Как видим, сколь широким и разнообразным ни был круг ученых, привлеченных к нашей «анкете», все они дают один ответ. ВСЕ признают открытую научную дискуссию ЛУЧШИМ СПОСОБОМ ВЫЯСНЕНИЯ ИСТИНЫ И МЕРИЛОМ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ. Последние выступления прессы, по их мнению, ЯВЛЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ ОЗДОРОВЛЕНИЮ НАУЧНОЙ АТМОСФЕРЫ.

Я здесь намеренно не углубляюсь в существо научного спора. Не ссылаюсь на конкретные достижения мировой и отечественной биофизики, биохимии, генетики, методы которой с некоторым опозданием все же пробивают себе дорогу в сельское хозяйство. Не привожу аргументов против теории Т.Д. Лысенко, не перечисляю провалов необдуманных, субъективно навязанных этой теорией мероприятий и фактов научной фальсификации... Все это уже было в прессе и, вероятно, еще будет.

Предмет данной статьи - ПРАВСТВЕННАЯ сторона, а именно - озабоченность ученого в истине, его взгляд на положение в науке, его гражданственность, наконец.

Вот когда пора вернуться к ВИРу. Коллективу большого научного учреждения, в конечном счете, предстояло ответить на вопрос: полезен или вреден разговор в открытую? В этом смысле собрание во Всесоюзном институте растениеводства также явилось экзаменом на гражданственность. Что же ответил ВИР?

Прочитируем некоторые выступления, чтобы читатель мог по достоинству оценить тон, выражения и аргументацию и «другой стороны». Повторяю, нас интересует, КАК люди спорят, и их позиция относительно споров в науке вообще.

Начать с того, что с докладом на собрании, где обсуждалась статья, содержащая серьезную критику в адрес директора ВИРа И.А. СИЗОВА, выступил сам... И.А. Сизов. Но цитировать из этого подробного и вряд ли относящегося к нашей теме доклада мне нечего, так как тов. Сизов счел возможным на критику не отвечать и ограничился замечанием, что авторы статьи с ним «не советовались».

Не будем доискиваться, советовались ли с директором те, кто выступил вслед за ним, но говорили они дословно следующее:

Заведующая отделом, доктор биологических наук Е.Н. СИНСКАЯ:

«Разве что-нибудь особенноестряслось в нашем институте, в биологической науке? Создается впечатление, что авторам понадобился фельетончик, захотелось скандальчика... Этими статьями вы, журналисты, плюнули в лицо нашему учреждению!»

(Первая перчатка брошена. Прием № 1: «Понадобился фельетончик... Не могли выбрать другую тему. Почему обязательно про нас? Написали бы лучше о ком-нибудь другом».)

Это говорит известный ученый, одна из учениц Николая Ивановича Вавилова. Можно было бы понять боль Е.Н. Синской за то, что в учреждении, выпестованном академиком Вавиловым, так мало осталось от вавиловских традиций, но нельзя понять раздражения против попытки напомнить об этих традициях.

Но послушайте другого ученика Н.И. Вавилова, заведующего отделом, доктора биологических наук Н.Р. ИВАНОВА: «Академик Вавилов говорил, что за свои убеждения готов пойти на костер... Что ж, в 1940 году «закатилась звездочка» (речь идет об аресте и трагической гибели Н.И. Вавилова! А.А.). С тех пор в нашем институте было три директора... Министр сельского хозяйства, наверное, забыл, что наш нынешний директор - всего лишь член-корреспондент. Не мог скомандовать (!), чтобы его избрали академиком!».

(Это высказывание, в его буквальном понимании, настолько кощунственно, что я переспросил многих, правильно ли расслышал. Да, все так. Люди, знающие Н.Р. Иванова, уважающие его, как ученого-исследователя, говорят: ему иногда свойственно выражаться двусмысленно. Вот уж не в пору!)

И еще один образчик речи тов. Иванова: «Бумагомаракам, шелкоперам (!) не привыкать писать статьи... После них приезжают комиссии. Вот и теперь из Москвы явились тюфяки, набитые гнилой соломой...».

Тяга к «образам» заразна. Выступает заведующий отделом, доктор сельскохозяйственных наук А.П. ИВАНОВ: «Наука шагает вперед по столбовой дороге и многими тропами. Нас пытаются столкнуть со столбовой дороги на окольные тропки... Выступлениям в печати свойственен нездоровый, не советский тон (!)».

(Ну, вот и «не советские»... Начинается логика Победоносикова из «Бани»: «Вы меня критикуете? Нет, вы Карла Маркса критикуете!». Насчет «окольных тропок»... Имеются в виду, например, исследования в области полиплоидии, о которых писалось в очерке «Нет, истина неприкосновенна!» и других материалах. Уместно напомнить, сколько таких «троп» проходило через ВИР в тридцатые годы, когда этот институт действительно был правофланговым мирового растениеводства).

Но дальше, дальше... Старший научный сотрудник Н.Н. ПАНЧЕНКО:

«Клеят ярлыки на нас, на Т.Д. Лысенко. Мы, истинные ученые (!) поддерживаем направление, которое он возглавляет. А оно записано (!) в Программе партии».

(Победоносиков не сказал бы лучше... «Вы против меня? Значит, против нашего института? Значит, против мичуринской биологии? Значит - против марксистско-ленинской науки!» Это прием № 2, когда хотят оградить себя от критики. Что касается ярлыков, то давайте не будем. Это уж с больной головы на здоровую. Сколько лет

«истинные ученые» сами использовали имена двух замечательных естествоиспытателей - Мичурина и Менделя - в качестве ярлыков, одного для себя, другого для своих оппонентов). Кстати, генетики с не меньшим, а, думается, с большим правом могли бы присвоить себе имя дарвинистов, мичуринцев, вавиловцев, если бы так же, как некоторые, эксплуатировали авторитеты).

И заключительный аккорд. Заведующий отделом, доктор сельскохозяйственных наук Ф.К. ТЕТЕРЕВ, а за ним почти то же самое повторил старший научный сотрудник М.М. КИСЛЮК: «За последнее время против мичуринской биологии написано около десятка злобных (!) статей. Хотят нам подрезать крылья... Мичуринцы еще ответят на эти бесчестные (!) выпады».

(Это прием № 3: все, кто с нами не согласен, - «злобствующие». Писатели, журналисты, ученые - вали всех в одну кучу. Ату их, к позорному стообу!).

Академик П.М. Жуковский едва ли не единственный выступил на собрании «против течения». Каким только оскорблением не подвергли его за это. От этого собрания вдруг так пахло недоброй памятью научными судилищами, что хотелось встать и протереть глаза: да полно, который сейчас год?

НО П.М. ЖУКОВСКИЙ ГОВОРИЛ, В СУЩНОСТИ, ТО САМОЕ, ЧТО И 15 УЧЕНЫХ, К КОТОРЫМ Я ОБРАТИЛСЯ ЗА ИНТЕРВЬЮ. Пытаясь уничтожить его, тт. Панченко, Теререв, Кислюк и другие ополчились против самой возможности спокойно и деловито разобраться в сложившейся обстановке, в свободном столкновении мнений и сопоставлении фактов выявить истину, определить пути дальнейшего движения вперед.

Отчет об этом собрании невозможно писать с холодным сердцем. Свое собственное настроение и субъективные оценки я старался заключать в скобки. Но есть вещи, на которые не может не обратить внимание не только объективный, но даже и предубежденный читатель. Представим на минуту, что эти товарищи правы. Что они, а не их критики ближе к научной истине. Надо же понимать, что подобными афронтами вы лишь еще больше дискредитируете себя и свою науку?

Но... Еще одно допущение. Собрание не конгресс, где каждое слово заранее обдуманно и взвешено. Может быть, кое-что сказано в запальчивости? Но нет. Многие из приведенных выше выражений вошли и в **ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ** - резолюцию этого собрания.

...Недавно мне рассказывали об одном поучительном эпизоде. Туру Хейердалу, выдающемуся норвежскому исследователю, предпринявшему героический рейс на плоту через океан для доказательства своей гипотезы об американском происхождении полинезийцев, на одном из его публичных выступлений прислали записку: «Не думайте, что среди нас так уж много противников вашей теории». Имелись в виду возражения, которые высказывают против гипотезы Хейердала ряд ученых, в том числе и наших. Тур Хейердал ответил: «Если профессор Толстов и его коллеги меня критикуют, так это мои лучшие друзья. Значит, они лучше видят слабые стороны моей теории. Это меня мобилизует, я им благодарен». Вот ответ ученого.

До чего же все это (как и позиция всякого принципиального человека) далеко от того, что приходится еще слышать на иных авторитетных собраниях!

Сейчас среди широкой и, особенно, научной общественности идет процесс осмысления высказанного в прессе, изучаются факты, вырабатывается широкая позитивная программа, о которой говорил в своем интервью академик Б.Е. Быховский. И, может быть, не стоило бы уделять столько внимания собранию в ВИРе, если бы оно не явилось опасным симптомом, признаком настойчивого стремления отменить **КАКУЮ БЫ ТО НИ БЫЛО** критику, опорочить **КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО** иные взгляды, задержать **КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО** перемены в научной жизни.

Те, кто привык стоять вне критики, ныне пустили в ход хлесткое словечко - «реваншизм». Мол, генетики решили взять «реванш» за прежние поражения... Но приведенные здесь интервью, среди которых действительно есть люди, немало

претерпевшие за свои убеждения, - наглядно свидетельствуют против этого очередного ярлыка.

Не мнимый реваншизм генетиков, а реальное, махровое комчванство (не поберу пока другого слова) их оппонентов, несовременная попытка оградить себя от контроля и заткнуть рот инакомыслящим - настораживают. И об этом следует сказать во всеуслышание, во избежание новых рецидивов.

Поистине, гражданский облик проявляется в споре, в пору борьбы, перед лицом испытаний. Говоря о реакции ВИРа на публичное обсуждение положения в биологической науке, разумеется, не стоит ставить знак равенства между выступавшими (среди которых тоже очень разные люди!) и теми, кто только аплодировал им, а если и не аплодировал, то молчал... Но в этом тоже лицо человека.

Во всяком случае хочется верить, что ТАК настроен не весь Всесоюзный институт растениеводства. Кстати, для таких надежд есть основания. На днях в Ленинградский университет явилась группа молодых сотрудников ВИРа с отношением, снабженным всеми полагающимися печатями и подписями. Просят, чтобы заведующий кафедрой генетики и селекции, профессор Лобашов прочитал в ВИРе на общественных началах... несколько лекций по актуальным проблемам современной генетики.

Что ж, все нормально. Молодежи хочется самой сравнить, разобраться... Сколько же можно принимать постулаты на веру!

...Ну вот я и на скамье подсудимых, в лагере «злостствующих антимичуриnceв». Это потому, что не удержался от комментариев. Но я мог бы обойтись и без них. Читатель сам может сравнить интервью ученых и выступления на собрании ВИРа.

А.Алексеев
(Сентябрь 1964)

Ремарка: реабилитация генетики

Эта статья была бы немислима на страницах «Ленинградской правды», где автор тогда работал, поэтому предназначалась для центральной газеты; однако публикация и там застопорилась.

В «Ленинградской правде», из крупных материалов на тему о меняющемся положении в советской биологической науке, удалось опубликовать только интервью с академиком-секретарем Отделения общей биологии АН СССР Б.Е. Быховским - «На пороге важных перемен».

Из интервью академика Быховского (Ленинградская правда, 10.01.1965):

«...Ненормальности в научной жизни, и в частности, в развитии биологической науки, восходят к периоду культа личности Сталина. Характерной в этом отношении была известная сессия ВАСХНИЛ 1948 года, где на генетиков было навешано много ярлыков и возведен ряд необоснованных обвинений. Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года подтвердил незыблемость ленинских принципов, провозглашенных XX, XXI и XXII съездами партии. И поэтому не случайно, что именно сейчас предпринимаются меры для окончательного преодоления всех последствий культа личности».

Два месяца спустя в газете «Смена» были опубликованы фрагменты из «Экзамена на гражданственность», без упоминания имен: «Урок ровеснику» (9.03.1965); лишь еще полгода спустя - интервью с академиком ВАСХНИЛ, главным редактором новорожденного журнала «Генетика» П.М. Жуковским - «Наука побеждает догму» (18.09.1965).

Реабилитация генетики в середине 1960-х гг. шла трудно. (Июль 2001).

9.4. «ОТ ЛЮДЕЙ НЕ СПРЯЧЕШЬСЯ»...

[Ниже - одноименная газетная статья на тему о коллективных обращениях в редакцию (1965). А.А.]

= Из газеты «Ленинградская правда» (июль 1965)

Нужно ли советоваться с коллективом? Пожалуй, тут не может быть двух мнений. Кто же скажет, что нет? И все же дело обстоит далеко не так просто. Иногда этот невинный вопрос вызывает смущение и замешательство. Потому что за первым вопросом напрашивается другой: «Нужно ли считаться с коллективом?» Очевидно, тоже нужно. А вдруг требования коллектива не совпадают с вашими намерениями? Вот тут и задумаешься.

Не советоваться нельзя. А посоветуешься - так надо и считаться... Очень щепетильный, оказывается, вопрос.

Он-то и поставил в тупик руководителей двух цехов завода резиновой обуви объединения «Красный треугольник» - 3-го и 9-го. Им бы не дожидаться, пока их станут спрашивать о столь элементарных вещах. Но что поедает, сами нарвались на неприятности.

В силу совпадения два письма, одно от рабочих 3-го цеха, другое - из 9-го цеха, пришли в редакцию в один день. Содержание писем различно, ситуации там обрисованы, на первый взгляд, прямо противоположные. Но все же есть в этих письмах общее.

ПИСЬМО ИЗ 9-ГО ЦЕХА. Есть там такой участок-лаковарка. Участок небольшой, немногим больше 10 человек. Возглавляет его инженер Трофимов. Рабочие зовут его «удельным князем». Он и впрямь оправдывает свое прозвище. Грубость с подчиненными, самоуправство, пренебрежение своими служебными обязанностями - вот далеко не полная производственная и общественная характеристика Трофимова. Характеристика дополняется фельетоном, опубликованным в многотиражной газете «Красный треугольник».

Роль Трофимова в этом фельетоне, мягко говоря, неприглядна. Рабочий-печник придумал, как усовершенствовать печь, чтобы зола не набивалась в дымоход. Сам нарисовал эскиз, сам и осуществил свою идею. Переделал печь, и зола больше не набивается.

А Трофимов взял и внес рационализаторское предложение, от своего имени. Попросту говоря, украл. И получил вознаграждение.

И вот такой Трофимов, будучи изобличен публично, продолжает пребывать на посту начальника. И мер к нему почему-то никаких не принимают. Об этом написали в «Ленинградскую правду» рабочие лаковарки - участка коммунистического труда - Федулов, Андреев, Пустоваров, Дмитриев и Лайдинен. Да еще приписали в конце: «Мы готовы понести любое наказание, если мы окажемся неправы и если факты эти не подтвердятся».

ПИСЬМО ИЗ 3-ГО ЦЕХА. Точнее, с 301-го конвейера этого цеха. А еще точнее, от целой бригады этого конвейера. 34 подписи Год назад сюда пришла Валентина Макарова, опытный бригадир, возглавлявшая до этого бригаду коммунистического труда. Макарова болеет за дело. Внимательна к людям и требовательна, порой даже горяча в своей требовательности. Умеет спрашивать с подчиненных, а у начальства добивается нормальных условий для работы.

Требует она справедливо. И не боится сказать начальнику цеха, например, о не порядке в снабжении конвейера каблуками.

Каблуки эти в 3-м цехе - притча во языцех. Не хватает каблуков. А без каблука нет и сапога. И конвейер простаивает когда по часу, когда по два, а то и больше.

Из-за каблуков у мазильной мастерской возникают очереди, перебранки между бригадами. Говорят, случаются даже драки. Правда, руководители цеха этот отрицают. Мы не занимались выяснением, сколь часто это происходит. Во всяком случае один такой факт зафиксирован. Пострадала сам Макарова. 23 мая в очную смену у Макаровой произошел конфликт с распредом Козыревой. Первая настаивала, что очередь ее бригады получать каблуки, а вторая несла лоток с каблуками на другой конвейер. Последствиями этого столкновения были разбитое лицо Макаровой, с одной стороны, и заявление Козыревой, что Макарова нанесла ей травму, с другой. Здесь много неясных мест. Козырева не отрицает, что ударила Макарову, а та объясняет что только хотела взять лоток у Козыревой.

Так или иначе, Козырева написала заявление да еще представила справку, что у нее болит рука. Позиция, которую заняло руководство цеха в связи с данным конкретным случаем, как бы это поделикатнее выразиться, небеспристрастна. Как, Макарова? Та самая, что у нерасторопных хозяйственников как бельмо на глазу? Ну вот и допрыгалась, голубушка! Так-то трудно придраться к Макаровой: и дело знает, и бригаду в передовые вывела... А тут такой повод.

Немедленно снять Макарову! Ну, конечно, обсудили на цеховом комитете, клеймили, чуть даже от работы не отстранили, потом одумались: надо же дожидаться приказа. И уже лег приказ на стол директора завода резиновой обуви...

В общем, все по правилам, согласно параграфам трудового законодательства и даже с соблюдением некоторых норм демократии. И только одну малость упустили - поинтересоваться мнением бригады.

Вот тут-то и вышла осечка. Коллектив возмутился. Возмутился за Макарову. Возмутился за себя, за такое к себе отношение. Возмутился, наконец, неразберихой с каблуками, от которой страдает дело. И написали письмо, под которым подписалась вся бригада.

Здесь смыкаются эти две, казалось бы, столь непохожие истории.

Смыкаются в позициях руководителей 3-го и 9-го цехов, поставленных перед лицом энергичного протеста рабочих против скомпрометировавшего себя начальника участка, в одном случае, и против откровенных попыток скомпрометировать «неугодного» бригадира, в другом.

Надо ли советоваться с коллективом? «В принципе, конечно, да, - отвечают руководители 9-го цеха (начальник цеха тов. Хохлов). - Но...» - «Оно, конечно, так, - отвечают руководители 3-го цеха (начальник цеха тов. Дроздов). - Однако...». А дальше в один голос: «А что вы имеете в виду?» - «Ну, пойти на участок или в бригаду и спросить, что думают люди. Или, наоборот, пригласить их на заседание цехкома, где обсуждается этот вопрос». - «Нет, так не пойдет, возражают в 9-м цехе, этак у нас не одного Трифонова снимают. Письмо, конечно, правильное, руководитель он никудышный, но снимать его потому, что этого требуют рабочие...».

Тут начальник 9-го цеха вспоминает, как однажды в прошлом году Трофимов ушел в кино в рабочее время. Вот тогда бы и приказ на него оформить. Ах, жаль, не сообразили... А сейчас не знают, как и снимать, положительно не нают.

А в 3-м цехе? Ну, тут на полтона выше. Тут дело ясное: Макарова замешана в драке. А коллектив... Так это Макарова всех настроила. И еще там несколько «строптивых». Выходит, не надо советоваться?

Понадобилось вмешательство секретаря парткома объединения Е.К.Алимпиева. Он так прямо и сказал парторгу 3-го цеха: «Почему не собрали смену, не поговорили с народом? Нечего ссылаться на приказы, а будьте любезны проводить воспитательную

работу с трудящимися. Если бригада не понимает, за что сняли Макарову, объясните им. Это ваша обязанность».

Вот когда, наконец, собрали бригаду, чтобы выслушать ее мнение. Я не буду описывать это собрание. Оно наглядно показало, что коллектив все прекрасно понимает, а вот руководителям цеха есть над чем призадуматься... Приказ так и остался неподписанным. Макарова работает по-прежнему бригадиром. И даже с каблуками на конвейерах дело как будто наладилось.

Что касается 9-го цеха, то с Трофимовым еще повозились. Руководители цеха предложили было дождаться решения суда о незаконно полученном вознаграждении. Тогда, может быть, и освободим Трофимова от занимаемой должности. На сей раз понадобилось вмешательство завкома, его председателя Г.В. Митько, который объяснил: «Дело суда взыскать или не взыскать с Трофимова деньги, а наше дело дать оценку его деловым и моральным качествам. И нечего увिलивать от этого».

Удивительное дело, как иным людям надо все подсказывать! Обсудили, наконец, Трофимова, с привлечением общественности. Партбюро и цехком высказались за освобождение его от занимаемой должности. Приказом по объединению от 15 июля Трофимов с работы снят.

Такова история двух неопубликованных писем. И можно бы на этом поставить точку. Но ведь в жизни все не так просто. Устранишь зло, а оно, глядь, дает рецидивы.

Авторам письма из 9-го цеха сейчас приходится нелегко. Одному из них в связи с намечавшимися на лаковарке сокращением штатов было предложено сменить профессию аппаратчика на транспортировщика. К сожалению, он погорячился и, вначале согласившись, потом отказался, не вышел на работу. Сейчас он уволен. Вокруг Трофимова ходили несколько месяцев, а тут все решилось молниеносно. Примечательно, что деятельное участие в этой истории принимал... сам Трофимов. За несколько дней до собственного освобождения он еще вызывал тех, кто его изобличал и предлагал им уволиться ввиду сокращения.

Членам бригады с 301-го конвейера третьего цеха также до сих пор не могут простить, что они написали в редакцию. Нет-нет, то одной, то другой работнице, особенно тем, в ком усматривают «зачинщиков», приходится слышать: «Привыкли ходить и кляузничать». «Поди опять побежите жаловаться...» Самых активных то и дело перебрасывают в другую бригаду, объясняя это производственной необходимостью. Но странная какая-то необходимость. Представьте, на один из конвейеров с устаревшей технологией, который вот-вот демонтируют, все время посылают «обучаться» кадровых работников 301-го. Те привыкли к своему и там не успевают. А на 301-м в свою очередь дают брак другие, которых прислали на их место.

В общем, кончилась лихорадка с каблуками, начало лихорадить из-за неразумных перестановок. Работниц очень беспокоит, что на конвейере из-за этого резко возросло количество брака.

Кстати, о качестве. На днях в редакцию пришло еще одно письмо из того же 3-го цеха «Красного треугольника». Пожалуй, его стоит опубликовать сразу:

«В течение многих лет цех имеет большие потери от брака, особенно по 45-й и 51-й категориям. Брак по 45-й категории (отрыв подошвы) не зависит от рабочего, а вызван неправильностью составленного рецепта на резину. Что касается пасты для заделки каблука, из-за которой идет брак по 51-й категории, то мы не имеем никакого рецепта, и рабочие пасту делают сами, на глазок.

Вот некоторые цифры. Только за июнь три конвейера - 301-й, 302-й и 305-й - имели некондиции по 45-1 категории в количестве 2.700 пар. Продукция снимается с выработки, идет в низшие сорта - ущерб для государства и для рабочих, которые теряют в зарплате.

Создавались многочисленные комиссии по ликвидации брака, а толку нет.

Бригадиры 3-го цеха Красильникова, Кузьмина, Билдина, Ганцовская, Колина, Афанасьева».

Видимо, придется руководителям 3-го цеха всерьез заняться и этой проблемой. Хочется надеяться, что на сей раз не забудут посоветоваться с людьми. Даже если такая перспектива на очень улыбается тов. Дроздову.

Впрочем, есть основания встревожиться и профсоюзному и партийному комитетам объединения. Что-то много жалоб стало приходиться с «Красного треугольника».

(Алексеев А. От людей не спрячешься... // Ленинградская правда, 22.07.1965)

Ремарка: конец журналистской карьеры

Это была, кажется, последняя публикация автора на страницах «Ленинградской правды». Почему пришлось расстаться с газетой, станет ясным из нижеследующего раздела. (Июль 2001).

9.5. НЕУДОБНЫЙ ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ

А.Алексеев - редактору газеты «Ленинградская правда» Куртынину М.С. ²³⁴

Заявление

<...> 15 мая с. г. состоялось заседание редколлегии, где обсуждалась возможность опубликования в газете письма группы коммунистов Ленинградского завода по обработке цветных металлов. Коммунисты сообщали о нетерпимом положении, сложившемся на заводе в результате порочной практики руководства и несовместимого со званием члена партии поведения директора завода тов. Маленка.

Их письмо, с настоятельной просьбой о его опубликовании, было актом гражданского мужества, поскольку все предыдущие попытки критики заканчивались расправой со стороны директора. Работники завода убедились в бесполезности обращений и в партбюро завода, и в Октябрьский РК КПСС. Эти люди сознавали, что доказать свою правоту им будет очень нелегко, и единственное, на что они могли рассчитывать - это на гласность своей критики, на то, что выступление в газете поможет их товарищам преодолеть страх и так же откровенно высказаться по существу поднятого вопроса. <...> Редакция проверила факты, приведенные в письме, убедилась в бескорыстности его авторов.

<...> Наглядным подтверждением того, что на заводе сложилась обстановка зажима критики, что руководители завода стараются предотвратить гласное обсуждение, явились «меры», предпринятые тов. Маленком и приближенными к нему лицами. Еще не зная, кто писал и что писали, директор завода и секретарь партбюро тов. Куражев принялись допрашивать всех «подозрительных», зачем они обращались в редакцию и что там говорилось. <...>

Были предприняты меры, в частности, со стороны Октябрьского райкома партии (звонок в редакцию первого секретаря райкома тов. Волкова), чтобы предотвратить публикацию письма.

В такой обстановке самоустранение редакции от выступления означало окончательно подорвать надежду людей добиться справедливости. <...> К сожалению, именно такую позицию заняла редколлегия газеты. <...> Мало того, письмо, вопреки желанию авторов, было передано в Октябрьский райком КПСС, уже продемонстрировавший свое стремление оградить тов. Маленка от публичной критики.

²³⁴ Копия этого заявления адресовалась секретарю Ленинградского ОК КПСС Богданову Г.А. Здесь публикуется в сокращении.

<...> Вот первые «плоды» такого поведения редакции. Уже на следующий день после отправки в райком - и текст письма, и фамилии авторов стали известны руководителям завода. <...> Один из авторов письма уже уволился «по собственному желанию».

Считаю, что подобной позицией газета не только подрывает свой авторитет, но и демонстрирует обратившимся к ней коммунистам бесполезность такого обращения.

Единственный способ теперь исправить допущенную ошибку состоит в том, чтобы все-таки опубликовать это письмо и организовать проверку силами Комитета госпартконтроля областного комитета КПСС с привлечением Контрольно-ревизионного управления, как того требуют коммунисты.

<...> Я присоединяюсь к этому требованию коммунистов. Если оно не будет выполнено, я считаю невозможным свое дальнейшее пребывание в редколлегии и редакции газеты, и тогда прошу рассматривать мое заявление, как заявление об уходе по собственному желанию.

Зав. отделом промышленности, член редколлегии газеты «Ленинградская правда»
Алексеев А.Н., 18.05.1965

От автора - сегодня

Конечно же, в Ленинградском обкоме партии автору тогда разъяснили недопустимость «политики ультиматумов». Он был освобожден от номенклатурной должности зав. отделом и члена редколлегии «Ленинградской правды» (на которую получил назначение за несколько месяцев до этого), и переведен на должность спецкорра (литературного сотрудника).

Что же касается предмета спора, то те же самые работники завода (помнится, их было 5-6, инженеры и рабочие) обратились сначала в Ленинградский обком, потом в ЦК КПСС (с письмом на имя Л.И. Брежнева).

К их письму в ЦК присоединился и автор:

«...Обстановка злоупотреблений, зажима критики, замазывания недостатков, насаждаемая директором завода тов. Маленком, хорошо знакома и мне, как человеку, работавшему на этом заводе в течение двух лет [см. выше: раздел «Хождение в рабочие». А.А.]. Вероятно, поэтому я и оказался тем сотрудником редакции, к которому в первую очередь обратились коммунисты завода... Вообще, надо что-то делать, создавать какие-то гарантии объективного разбора жалоб, пересылаемых по инстанциям. Человек идет в редакцию за помощью, а мы, разглашая его фамилию, порой лишь осложняем его судьбу...».

Проверка из Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС подтвердила все приведенные в письме факты. Само письмо коммунистов было зачитано вслух на общем партийном собрании Ленинградского завода по обработке цветных металлов. В итоге состоявшегося обсуждения директору завода Маленку было вынесено... замечание. Насколько помню, он не был представлен к очередной правительственной награде.

Работники завода, подписавшие письмо, один за другим постепенно уволились с завода.

К сожалению, автору не удалось обнаружить в своем архиве текста самого коллективного письма коммунистов Ленинградского завода по обработке цветных металлов, едва не опубликованного тогда в «Ленинградской правде». Письмо было составлено им самим, но, разумеется, по действительной просьбе тех, кто его подписал («организованный» материал!). В нем шла речь об административно-хозяйственных

злоупотреблениях и преследовании «неудобных». Назывался материал броско: «Мы обвиняем директора завода!».²³⁵

Проработав еще несколько месяцев в газете, «неудобный журналист» поступил в аспирантуру университета, где занялся социологией средств массовой информации.

Из трудовой книжки:

«Ленинградский университет, очная аспирантура факультета журналистики - 10.1965-10.1968».

...Аспирантура была «целевой», т. е. предполагалось, что по ее окончании автор останется на факультете журналистики ЛГУ, в качестве преподавателя. Однако обнаружившееся уже на втором году аспирантуры отступление соискателя ученой степени от устоявшихся канонов «журналистской науки» в Ленинградском университете сделало защиту диссертации там невозможной.

Диссертация, на соискание ученой степени кандидата уже не филологических (как полагалось на факультете журналистики), а философских наук, посвященная «некоторым проблемам социологического изучения массовой коммуникации» была защищена лишь два года спустя после окончания аспирантуры в ЛГУ - уже в пору работы и жизни в Новосибирском академгородке (1970). (Июль-сентябрь 2001).

9.6. «ИЗ ЖУРНАЛИСТОВ В СОЦИОЛОГИЮ»

[Ниже – извлечение из биографического интервью, взятого у автора его коллегой и другом Борисом Зусмановичем **Докторовым** в 2006 г.²³⁶ - А. А.]

= Из биографического интервью (2006)

- Что тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию?

Было это в 1965 г. Позади лет восемь работы после окончания университета, в основном в молодежных газетах, правда, с трехлетним перерывом (1961-1964) на первое «хождение в рабочие». Считать меня «успешным» журналистом, в карьерном смысле, пожалуй, можно было. Во всякой редакции (тут и «Волжский комсомолец», и «Смена», и «Ленинградская правда»...) я довольно быстро вырастал до «бригадирской» должности (сам пишущий, а не только «руководящий» зав. отделом в газете — что-то вроде бригадира в цехе). Но качество журналистского творчества, скажем, заведующего отделом комсомольской жизни было на уровне самой этой жизни.

Помнится, немногие более-менее приличные публикации в газете «Смена» состоялись уже в период работы на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, затем — на Волховском алюминиевом заводе. Причем материал для этих публикаций собирался не на своем предприятии, а в других местах, — днем, после ночной смены. Предметом моих журналистских филиппик в конце 50-х — начале 60-х гг. были «формализм в комсомольской работе», «бюрократизм и волокита», «бездушное отношение к людям», «самодурство начальника», «преследования за критику»... В «Ленинградской правде» (уже 1964-1965 гг.) довелось написать и опубликовать несколько действительно проблемных материалов, посвященных начавшейся реабилитации генетики,

²³⁵ Стоит заметить, что незадолго до этого автор имел случай познакомиться с текстом ходившего тогда в «самиздате» известного письма Ф. Раскольникова И. Сталину - «Я обвиняю!».

²³⁶ Это интервью уже цитировалось в главе 8.

административным препонам внедрению научно-технических разработок, конфликтам в производственных коллективах.

Вообще, “партийно-советская пресса” влачила тогда довольно жалкое существование — “на коротком поводке” у партийных властей, со строго отмеренными объектами похвалы и критики. Эта “связанность рук” (притом что иначе, в общем-то и не умел...) тяготила. Профессиональная идентификация распалась. Разочарование усугублялось тем, что эффективность проблемных выступлений (когда таковые все же случались) была минимальной, а зачастую и обратной.

Помнится, еще работая в “Ленинградской правде”, я догадался подсчитать, во сколько раз количество газетных сообщений “по следам наших выступлений” (за определенный период) меньше, чем соответствующее количество самих критических выступлений. Оказалось, почти в пять раз! Пару лет спустя, уже будучи аспирантом, получил “научно оснащенное” подтверждение этого первоначального, грубого наблюдения, включив в обследование несколько ленинградских газет.

Интересна тогдашняя авторская интерпретация этих результатов исследования “гласной действительности”: мол, со всей очевидностью нарушается принцип, впервые провозглашенный в одной из резолюций Восьмого съезда РКП(б) (1919): “Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках”. И в последующих партийных документах это требование извещать о результатах критики неоднократно подтверждалось (вот, например, в постановлении ЦК КПСС “О повышении действенности выступлений советской печати”, 1962 г.)... Стало быть, налицо разрыв между партийной нормой и ее осуществлением!

Разрыв между декларациями и жизнью - в этой ли, в других ли областях - стал предметом моего преимущественного интереса журналиста, нацелившегося в социологию.

- Ты упомянул твое первое трехлетнее «хождение в рабочие», не мог бы ты рассказать о нем чуть подробнее?

Оно состоялось после пяти лет работы в молодежных газетах и было своеобразной попыткой преодолеть издержки то ли “камерности семейного воспитания”, то ли “абстрактности идеологических догм”. Вот “не хлебнул лиха” в детстве — дай-ка хлебну... Вот “воспевал” бригады коммунистического труда — а каково там в самих этих бригадах?..

Кто едет “за туманом и за запахом тайги...”, а кто ищет “ту заводскую проходную, что в люди выведет меня...”. Я предпочел второе.

Интересно, что в это же самое время Вадим Ольшанский предпринял первый в советской социологии опыт включенного наблюдения в качестве рабочего на одном из московских заводов. Из его воспоминаний видно, что молодой социолог В. О. был движим в общем-то теми же романтическими побуждениями, что и молодой журналист А. А. “В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это главный итог “включенного наблюдения”, социологической аспирантуры”, — пишет мой старший коллега.²³⁷

Работа вальцовщиком на одном заводе, потом электролизником на другом продолжалась около 3-х лет, пока не вернулся (правда, ненадолго) к штатной журналистской работе. Эти мои “рабочие университеты” к 30 годам как бы закончили период “первоначальной” социализации,

²³⁷ Ольшанский В. Б. Были мы ранними... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999, с. 184.

- Вернемся к твоему движению в социологию. Только внутренние причины к тому были или существовали и внешние обстоятельства, конфликты?

Да, по времени это примерно совпало с моим первым крупным конфликтом в редакции “Ленинградской правды”, точнее с отделом агитации и пропаганды Обкома КПСС. Меня, подающего надежды литсотрудника Обком партии утвердил на номенклатурную должность заведующего отделом промышленности главной ленинградской газеты, а я, несколько месяцев спустя, “пригрозил” уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы так и не опубликованного письма в редакцию, где обсуждался “порочный стиль руководства” тогдашнего директора того самого завода, на котором я прежде трудился в качестве рабочего.

Из заведующих — за такую “политику отставок” — меня быстренько разжаловали, но и в спецкоррах я после этого продержался недолго. А мой бывший сокурсник по Университету, к тому времени — доцент факультета журналистики ЛГУ Валентин Соколов “сосватал” меня в аспирантуру для занятий “социологией журналистики”.

Из социологов я был тогда лично знаком только с Овсеем Шкаратаном, который, помнится, еще в конце 50-х, в качестве историка, предложил газете “Смена” опубликовать письма ленинградцев, уехавших на целину, а я приложил все усилия, чтобы публикация состоялась без какого-либо журналистского “причесывания”. Обратился к нему за советом, после чего был приглашен домой к Андрею Здравомыслову (был там и Овсей), где получил от обоих своего рода благословение на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения и т. п. Как это обычно бывает, жизненная (в данном случае — профессиональная) перемена имела как внутренние импульсы, так и внешние стимулы. От прежнего многое отталкивало, к новому — привлекало. Личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе дали эффект “перехода”.

- Не мог бы ты вспомнить твои аспирантские годы?

Миграция из журналистики в социологию оказалась не прямой, а опосредованной трехлетним пребыванием в аспирантуре факультета журналистики. Тогда это было явно не лучшее место для занятий социологией. Чуть ли не азбучным полагалось там утверждение, что журналистика сама по себе есть “наука”, а не род деятельности, являющийся предметом научного изучения, с чем я упорно не соглашался. “Массовая коммуникация” считалась в этих стенах идеологически подозрительным термином. Особенно я “прокололся”, когда в докладе на какой-то научно-практической конференции неосторожно поделился результатами своих библиотечных разысканий в области советской социологии печати 20-х гг., ведущие фигуры которой М. Гус и В. Кузьмичев (первый — автор книги “Газетоведение”, второй — автор книги “Организация общественного мнения”) были, оказывается, на факультете журналистики под идеологическим запретом, ну вроде Бухарина с его “Азбукой коммунизма”. Интересно, что позднее мне довелось встретиться с тем и с другим. Первый - жил в Москве, другой — в Томске; идеологическим мракобесием обоих старичков, успевших “перестроиться” за протекшие 40 лет, я был глубоко разочарован.

В общем, между будущим “социологом печати” и деканом факультета (историк и теоретик партийно-советской печати проф. А. Бережной) возникло что-то вроде конфликта (научно-идеологического!). К концу аспирантуры стало окончательно ясным, что ни о какой защите диссертации на факультете журналистики ЛГУ для меня и речи быть не может, равно как и о работе там по завершении “целевой” аспирантуры. И слава Богу!

При своем базовом филологическом образовании я старался как-то восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал не только лекции Ядова или Кона (на последнего сбегался чуть не весь университет), но и историю философии, диалектическую логику, статистику, даже

линейную алгебру (похоже, что и на матмех забирался). Этаким “ликбез” себе устроил, только что без сдачи экзаменов...

По счастью, Ядов согласился разделить руководство (впрочем, весьма условное) моей диссертационной работой на тему о социологическом изучении массовой коммуникации (на примере прессы) с доцентом факультета журналистики, “чистым” филологом С. Смирновым. Впрочем, “болтаясь” между факультетами журналистики и философским, я был тогда, наверное, равно “не своим” и там, и тут. Причем очень хотел числить себя по “классу социологии”.

Еще одна удача: возникшие связи с социологической лабораторией (не помню, как точно она называлась; во главе с Евгением Прохоровым) на факультете журналистики Московского университета. Моя первая относительно значимая публикация (“К вопросу о предмете социологии печати”) появилась в “Вестнике Московского университета” (серия “Журналистика”) в 1967 г. Тем самым я мог себя чувствовать как бы не совсем “чужеродным телом” и в науке о журналистике.

Исключительно значимыми для вхождения в социологический круг были контакты, возникшие на межрегиональных, хотя тогда так и не назывались, встречах исследователей массовой коммуникации в Кяэрику, организуемых Юло Вооглайдом и его коллегами из лаборатории социологии Тартуского университета (1966, 1967, 1968). Кяэрику воспринимался и как “заграница”, и как социологическая “родина”, и как “островок Свободы”. Оттуда пошла моя дружба с эстонскими, московскими, уральскими, сибирскими социологами.

Думаю, мое приобщение к социологии было бы куда более скорым и эффективным, попади я сразу в коллектив, занимающийся крупным исследованием (вроде ядовского или грушинского). Но это состоялось позднее — в новосибирском академгородке, в межведомственной исследовательской группе социологии печати при Новосибирском университете, созданной В. Шляпентохом.

- Спасибо, пути и мотивы твоего перехода из журналистики в социологию проявились...

... Говорят, рыба ищет “где глубже”, в шутку скажу: человек ищет, где “не так мелко”... Перемещение в социологию состоялось тогда, когда в журналистике стало вроде бы “невмоготу”. Занятия социологией показались тогда более осмысленными — и в плане познания реальности, и в плане возможностей “влиять на ход вещей”. Впрочем, тоже — до поры до времени (см. ниже – рассказ об уходе из института на завод — “в поисках свободы”).

Замечу, что грань между социальной журналистикой и социологией вообще достаточно подвижна. “Родственной нам наукой” когда-то назвал социологию замечательный публицист В. Канторович. В одном из моих “Писем Любимым женщинам” (1981) выдвигается что-то вроде гипотезы “о динамическом взаимодействии и взаимокompенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития”:

“...50-е гг. — “прорыв” журналистики (после XX съезда), отсутствие социологии. 60-е гг. — “прорыв” социологии, “стабилизация” журналистики (особенно — во второй половине десятилетия). 70-е гг. “стабилизация” социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся “прорыв” журналистики. “Прорыв” — существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм, “Стабилизация” — экстенсивное развитие». (Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 222).²³⁸

Если же говорить о мотивации собственных жизненных движений, то получается, что эта мотивация скорее негативная, чем позитивная. Я понимаю, бывают жизненные цели, и даже жизненные планы, вроде окончания вуза, защиты диссертации или приобретения квартиры. Но *сверхзадача* лишь ретроспективно может быть осознана как

²³⁸ Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_210-275.pdf.

таковая. А эмпирически, если “без затей”, то просто видим — “человека убегающего”. Откуда убегающего — более ясно, чем куда. “Убегающего” — в поисках свободы ли, максимального самовыражения ли, общественной ли пользы... <...>

+++

Глава 10

ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Массовая коммуникация. 1966-1975)

Содержание

- 10.1. «Социологическое крещение». Новосибирский академгородок
- 10.2. «Действенность критики в периодической печати (опыт социального исследования)»
- 10.3. Изучение прессы в целях изучения общества
- 10.4. «В.И. Ленин - исследователь рабочей печати (статьи о «Правде» 1912-1914 гг. и проблемы конкретно-социологического исследования прессы)»
- 10.5. «Метод Жака Кейзера»
- 10.6. Странное "седло" в графике неудовлетворенности массовой коммуникацией
- 10.7. «Язык народа, обращенный им к самому себе...»
 - 10.7.1. «К вопросу о предмете социологии печати»
 - 10.7.2. Некоторые требования к модели социального процесса
 - 10.7.3. Массовая коммуникация: опыт построения социологической модели
 - 10.7.4. Массовая коммуникация - язык общества, обращенный им к самому себе
 - 10.7.5. «Все здание теории... оказывается без марксистского фундамента»
- 10.8. «Социология стучится в двери редакций»
 - 10.8.1. «Социологические беседы»
 - 10.8.2. «Социальный эксперимент в районной газете»

Ремарки:

- Пути социолога (раздел 10.1); Невыполнение партийного требования как социальная норма (раздел 10.2); Кого больше поддерживали рабочие в начале века - большевиков или меньшевиков? (10.4); Без идеологических заклинаний никак нельзя (10.6); Кто думает, а кто чувствует (10.6); Конфронтация с «журналистской наукой» (10.7.1); На что намекает? (10.7.3); Какова массовая коммуникация, таково и общество (10.7.4); В чем различие буржуазной и социалистической массовой коммуникации? (10.7.4); Социология под прессом идеологической цензуры (10.7.4); Что было потом (10.7.5); Редактор районной газеты – социальный экспериментатор (10.8.2)

От автора - сегодня

Основное содержание этой и двух последующих глав (10-12) составляют извлечения из работ автора - от начала занятий социологией (вторая половина 1960-х гг.) до момента начала эксперимента социолога-рабочего (1980).

Ведущими темами (областями научных интересов) тогда были:

- социология средств массовой информации; контент-анализ; социология молодежи; социология села; социология города; социология культуры (в частности, социология театра); образ жизни и жизненный процесс; социология труда и трудовых коллективов.

Теоретико-методологическая база: марксистская.

Векторы "научного движения": от формализованных методов – к качественным; от абстрактного - к конкретному; от анализа... к синтезу?

Из трудовой книжки:

Ленинградский гос. университет имени А.А. Жданова, очная аспирантура факультета журналистики - 10.1965-10.1968.

Ленинградская кафедра философии АН СССР, младший научный сотрудник – 10.1968-12.1968.

Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, младший научный сотрудник, 12.1968-09.1970

Институт философии АН СССР (Ленинградские сектора), младший научный сотрудник – 09.1970-01.1973.

Институт социологических исследований АН СССР (Ленинградские сектора), старший научный сотрудник – 04.1973-04.1975.

Институт социально-экономических проблем АН СССР, старший научный сотрудник – 04.1975-01.1980.

Начало профессиональной социологической деятельности автора достаточно подробно освещено в его биографическом интервью «Рыба ищет где глубже, а человек, где не так мелко...»

Приведу здесь соответствующий фрагмент этого интервью. (Июль 2001 – июль 2012).

10.1. «СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ КРЕЩЕНИЕ». НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК

= Из биографического интервью (2006)²³⁹

- В 1968 г. ты закончил аспирантуру. Что дальше?

Дальше — несколько везений подряд. Харчев, слушавший мой доклад в Кяэрику про “массовую коммуникацию, журналистику, прессу” (попытка навести какие-то мосты между социологией и “наукой о журналистике”), соглашается взять к себе на Ленинградскую кафедру философии (впоследствии преобразовалась в Ленинградские сектора Института философии). Уже принятый туда, пишу какой-то трактат о подходах к социологическому изучению искусства. Вроде Харчеву нравится. И тут вдруг мне звонит из Новосибирска Шубкин и энергичным голосом приглашает в Академгородок, заниматься... социологией печати!

Позднее где-то Шубкин вспоминал, что сначала безрезультатно приглашал на это место Леонида Гордона. Что для меня, думаю, честь, а не предмет обиды.

²³⁹ Это биографическое интервью уже цитировалось в главах 8 и 9.

До этого мы с Владимиром Николаевичем знакомы не были. Скорее всего глаз на меня положил Шляпентох, приехавший из Новосибирска в Кяэрику в том же году. Как известно, он был организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет “Труд”, “Известия”, “Литературная” и “Правда”. До чего ж заманчиво для бывшего аспиранта факультета журналистики!

Неловко перед Харчевым, но “отпрашиваюсь” у него. Тот говорит: “Если надумаете вернуться, учтите, что два года я Вас жду”. (Так и вышло)...».

В Новосибирский академгородок приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной (так!) кандидатской диссертации. Шубкин смеется: “Если хотите, чтобы ее кто-то стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц” (теперь, говорят, и 150 много).

Состою в штате Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. Работаю же фактически в дислоцирующейся в этом институте группе социологии печати, при Новосибирском университете, у Шляпентоха. Там у меня появляется своя подгруппа контент-анализа (мое тогдашнее определение этого метода: анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях). В этой подгруппе еще трое энтузиастов поиска “очевидных свидетельств неочевидного”, в частности, путем качественно-количественного изучения содержания советской прессы. Первый всесоюзный семинар по контент-анализу состоялся именно в Новосибирске... (Второй — четыре года спустя в Ленинграде).

Живу в комнате аспирантского общежития Академгородка. Переписываю свою диссертацию, уже без оглядки на журналистику, ведь защищать-то придется в ученом совете по философии.

Только я приехал в Новосибирский академгородок, Шубкин покидает его — возвращается в Москву. А через некоторое время уезжает в Москву и Шляпентох. Кажется, уже без него сдавали отчет по хоздоговору с “Правдой”. Для меня эта работа с социологической эмпирией была хорошей школой.

И еще повезло... Пригрела меня компания новосибирских философов. Михаил Розов, Наль Хохлов, Владимир Конев... Сказали: “Если прочитаешь вместо Володи курс научного коммунизма в университете, засчитаем тебе кандидатский минимум по философии”.

1969 год. Академгородошная вольница уже на излете. Но я успел-таки прочитать довольно не тривиальный курс: что-то вроде “социологии развитого социализма”. В социально-философском аспекте очень помогли конспекты В. Конева. Ни с какими официальными программами ни он, ни я тогда не считались, даже не заглядывали в них... Лекции у студентов пользовались успехом. Как уж это у меня тогда так лихо получалось, сам удивляюсь.

В 1970 г. благополучно защитил в Новосибирском университете свою переписанную диссертацию. Вскоре за тем вернулся в Ленинград к Харчеву. Вроде теперь уже вполне социолог.

Ремарка: пути социолога

Итак: Ленинград - Новосибирск - Ленинград.

С 1968 по 1980 г. автор работал в академических научных учреждениях, последовательно - в коллективах, возглавлявшихся Анатолием Георгиевичем Харчевым (ныне покойным), Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом, Овсеом Ирмовичем Шкаратаном, Владимиром Александровичем Ядовым.

Профессия - СОЦИОЛОГ. Карьерный рост: от младшего до старшего научного сотрудника

Напомним, что некоторые из социологических исследований, проводившихся автором в 1970-х гг. (в частности, по социологии личности, социологии театра,

исследование на БАМе и др.) уже получили отражение в предыдущих главах этого тома (главы 1-4). Здесь к ним возвращаться не будем.

Начались же социологические изыскания бывшего журналиста - еще в аспирантуре - с достаточно знакомой ему практически предметной области: периодическая печать. (Июль 2001- июль 2012).

...Автору этой книги, по мере познания жизни, довелось пройти три стадии контактов с массовой коммуникацией. Первый контакт - в роли читателя газеты, слушателя радио, телезрителя. Второй - в роли профессионального журналиста. Третий - в роли социолога, исследователя массовой коммуникации. В книге нашла непосредственное выражение третья, последняя роль автора. Но, по-видимому, и первая, и вторая роли так или иначе присутствуют в ней "в снятом виде"...

(Из предисловия к монографии А. Алексеева "Средства массовой информации". Рукопись. 1973)

10.2. «ДЕЙСТВЕННОСТЬ КРИТИКИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (опыт социального исследования)»

[Ниже - извлечения из работ, посвященных проведенному автором во второй половине 1960-х исследованию результативности критики в печатных СМИ. - А. А.]

= Из «Вестника Московского университета» (1967)

<...> Предмет изучения составляла «действенность». Под действенностью в данном случае понимается не весь эффект, достигнутый газетой (или определенными ее выступлениями), не весь агитационный, пропагандистский и организаторский вклад печатного органа в дело коммунистического строительства.²⁴⁰ Речь идет о тех достижениях в практике хозяйственной и идеологической работы, которые непосредственно и прямо связаны с выступлениями газеты по определенному вопросу, будь то пропаганда передового опыта или критика недостатков. Это - действенность в узком смысле, когда читатель, да и сами журналисты обычно говорят: газета помогла, газета добилась результата.

Как изучать эту действенность (будем называть ее также результативностью)? Очевидно, путем конкретного рассмотрения конкретных ситуаций и их совокупности в ее качественной и количественной определенности. Первым приступом к такому рассмотрению может быть «обзор» результативности в том виде, в каком она предстает глазам читателей на самих газетных страницах. Ведь всякая газета из номера в номер публикует сообщения «По следам наших выступлений», «Меры приняты», «Возвращаясь к напечатанному» и т. п.

Информация о результатах критики получает довольно широкий выход на газетную полосу в соответствии с существующей партийной нормой, принципом, сформулированным еще при жизни В.И. Ленина, в резолюции VIII съезда партии «О партийной и советской печати»:

²⁴⁰ В ту пору одним из краеугольных камней науки о журналистике была ленинская формула: «газета - не только коллективный агитатор и пропагандист, но и коллективный организатор».

«Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках».

Этот принцип многократно подтверждался позднейшими партийными документами (укажем, в частности, на постановление ЦК КПСС «О повышении действенности выступлений советской печати». 1962 г.). Важно отметить, что в соответствии с духом и буквой партийных постановлений информация о результатах каждого критического выступления должна (в том или ином виде) публиковаться на страницах той же газеты.

Очевидно, что между нормой и ее осуществлением может быть известный разрыв. Этот «разрыв», эта дистанция между принципом и жизнью, будучи определенным образом зарегистрирована и оценена, и может рассматриваться как одно из первых приближений к выяснению «степени» действенности или результативности критики в газете. <...>

[Здесь опущено описание программы и результатов проведенного исследования; см. ниже. – А. А.]

(Алексеев А.Н. Действенность критики в периодической печати (Опыт социального исследования) // Вестник Московского университета. Журналистика. 1968, № 6)

= Из автореферата кандидатской диссертации (1970) ²⁴¹

<...> Тринадцатый параграф (*диссертации*. – А.А.) обсуждает проблему согласования теоретических понятий и эмпирических данных на конкретном примере пилотажного социологического исследования действенности критики в периодической печати, предпринятого диссертантом в 1967 г на материале ленинградских газет «Газетная критика» рассматривается как определенный аспект массовой коммуникации. «Действенность» - как аспект эффективности, связанный с теми изменениями, которые происходят на местах в связи с конкретными критическими выступлениями газеты. Условно эти изменения отождествляются с теми «мерами», которые принимаются соответствующими (заинтересованными) хозяйственными и общественными органами «по следам» газетного выступления. В этом смысле указанные учреждения суть носители «эффекта», который мы хотим специально исследовать.

В качестве эмпирических свидетельств были взяты: сообщения о принятых мерах, публикуемые в газете после соответствующей критики (исследование действенности путем формализованного наблюдения по поводу имеющейся критики и отражения ее действенности на страницах газеты) ²⁴²; суждения о результативности критики самих ее авторов, в частности, нештатных корреспондентов газеты (исследование действенности путем опроса рабселькоров, выступавших авторами заметок и статей). Таким образом, использовался взаимоконтроль и сравнение результатов разных способов «замера» действенности.

Оба метода исследования были проведены на эмпирическом материале деятельности газеты «Строительный рабочий» (сплошное наблюдение газеты за вторую половину 1966 г. и «Контрольные листки действенности», разработанные в виде анкеты, для всех авторов опубликованных за этот период критических материалов). Только

²⁴¹ Здесь все подстрочные примечания воспроизведены из оригинала. - А. А. Июль 2012.

²⁴² Согласно соответствующей партийной норме, «...лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках» (О партийной и советской печати. Сб. документов. М.: «Правда», 1954, с. 212).

первый метод использовался для «Ленинградской правды» и «Вечернего Ленинграда» (сплошное наблюдение за тот же период и выборочное за три года).

Исследование позволило подтвердить гипотезы: а) об относительном отставании «гласной действенности» (отраженной на страницах газеты) от проектируемой нормы (В СРЕДНЕМ В ОДНОМ СЛУЧАЕ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ГАЗЕТА СООБЩАЕТ О РЕЗУЛЬТАТАХ КРИТИКИ) (*здесь и далее выделено мною сегодня. – А. А.*) ; б) о еще большем отставании от этой нормы - «гласной действенности» по поводу рабселькоровской критики (В ОДНОМ СЛУЧАЕ ИЗ ВОСЬМИ СООБЩАЕТСЯ О РЕЗУЛЬТАТАХ²⁴³); в) об относительно более высокой критичности авторских суждений о результативности по сравнению с официальными сообщениями (утверждения авторов об изменении положения к лучшему, хотя бы частичном исправлении отмеченных недостатков, составляют чуть больше половины случаев); г) об относительно слабой зависимости действенности от факторов, непосредственно связанных с деятельностью газеты (для случаев, когда бы автор отметил задержку с публикацией его заметки, искажения, вызванные неудачной редакторской правкой и т. д., степень действенности заметно не снижается; для повторных, настойчивых выступлений газеты с критикой на ту же тему, оно заметно не повышается); и ряд др.²⁴⁴

(Алексеев А.Н. Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970)

Ремарка: невыполнение партийного требования как социальная норма

Как видно, первое эмпирическое исследование начинающего социолога касалось проблемы «безрезультатности» газетной критики, волновавшей его еще в период работы журналистом. (См. выше: раздел ...).

Интересно, что автор пишет о «норме» («партийной норме»), которая «далека от осуществления». Точнее было бы говорить о НОРМАТИВЕ оповещения о результатах критических выступлений газеты (заданном партийными постановлениями и т. п.), который (норматив) ЗАВЕДОМО не выполняется. И это невыполнение норматива (в данном случае даже количественно замерянное) и есть действительная СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА. - А. А.]

10.3. ИЗУЧЕНИЕ ПРЕССЫ В ЦЕЛЯХ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА

= Из выступления на встрече социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации» в Кяряику (октябрь 1966)

...Юрий Александрович Левада в своем докладе высказал массу интересных мыслей, с некоторыми из которых хочется поспорить, а другие всячески поддержать. Одну из них докладчик сформулировал заведомо полемично, так сказать, выдал на съеденье оппонентам. Насколько я понял Юрия Александровича, получается, что средства массовой коммуникации суть в первую очередь и главным образом «тонизаторы» общественной жизни, без которых вроде общество может и обойтись... Это сомнительно. Разумеется, отдельный индивид, скажем, я, находясь здесь в Кяряику, могу сегодня, завтра и, пожалуй,, целую неделю не читать газет, не включать радио, чтобы оно не

²⁴³ Настоящие соотношения представляют собой устойчивую статистическую закономерность, будучи зафиксированы во всех исследованных газетах, за все периоды.

²⁴⁴ Результаты настоящего обследования были использованы в качестве одного из материалов при обсуждении вопроса «О недостатках в работе партийных и хозяйственных органов по принятию мер в связи с критическими выступлениями печати» в Ленинградском обкоме КПСС (1967 г) с последующим постановлением по этому вопросу.

отвлекало меня от наших научных дебатов. Я великолепно проживу эти дни без всяких средств массовой коммуникации. Но если я продолжу этот эксперимент на месяц, год и дальше, то где-то произойдет «скачок» от десятка, сотни, тысячи потерянных волос к лысине! Будучи начисто выключен из массовой коммуникации, я в конце концов перестану быть современным человеком. (Впрочем, мне вряд ли удастся полностью выключиться, т. к. все-таки придется общаться с другими. «нормальными» людьми, которые слушают радио и иногда читают газеты, а значит, хочу я или не хочу, пусть опосредованно, но останусь в орбите массовой коммуникации). Я бы сказал так: на определенном уровне развития социального, технического и т. д. прогресса даже отдельный индивид, а общество в целом тем более не может обойтись без средств массовой коммуникации. . Хочется подчеркнуть также, что пресса, радио, телевидение являются не только распространителями общественно полезных сведений, но равным образом, и в особенности, инструментами распространения идей. Без них невозможно функционирование современного общества, ни развитие его и тем более, переход от одной исторической формы общества к другой (сошлюсь на общеизвестные примеры места и роли прессы в подготовке и осуществлении всех революций).

Очень интересны соображения Ю.А. Левады о существующей тенденции (вырастающей в опасность) деперсонализации, обезличивания в деятельности средств массовой коммуникации. Указывая на важность и ценность так называемых «личностных моментов» в массовой коммуникации, Юрий Александрович, однако, делает упор лишь на личности профессионального журналиста, популярности политического комментатора и т. п. Конечно, надо изучать этот механизм: как влияет популярность того или иного журналиста на эффективность и т. д. Но если, скажем, Анатолию Аграновскому или Мэлору Стурюа еще не грозит обезличиться в «Известиях», то вот рядовому читателю, приславшему письмо в редакцию той или иной газеты и напечатавшемуся в ней, это очень и очень грозит. Пройдя сквозь множество редакционных инстанций, его письмо, как правило, выхолащивается в такой шаблон или казенный стереотип, что не только читатель не узнает в нем своего брата – читателя, но и сам автор самого себя. Если вспомнить известное изречение К. Маркса о том, что свободная печать становится голосом народа, обращенным им к самому себе, то получается, что этот голос проходит столько опосредований, что сам говорящий не узнает своего голоса. И это вызывает, мне кажется, куда больший «обратный эффект», чем недостаток в нашей прессе Аграновских или Стурюа или «деперсонализация» иных профессиональных журналистов. Разрабатывая анкету, предназначенную к распространению среди рабселькоров, мы у себя в Ленинграде специально заложили в нее вопрос об отношении нештатных авторов к редакционному вмешательству в их текст. Пробы показали, что не так уж мало и таких, которые считают, что «с такими поправками лучше бы совсем не печатали».

И, наконец, хочется безоговорочно поддержать докладчика в проводимом им содержательном разграничении исследования средств массовой коммуникации в целях повышения их эффективности и т. д. и, с другой стороны, изучения самого общества как бы «сквозь призму» массовой коммуникации Ю.А. Левада очень прав, подчеркивая значимость 2-го аспекта, который у нас пока недооценивается. В самом деле, пресса, радио и телевидение, будучи специфическими инструментами идеологического воздействия на общество, вместе с тем являются и весьма своеобразной, многогранной и емкой формой отражения. По газете можно изучать, во-первых, ее издателя (кто говорит?), а во-вторых (с обязательным учетом первого обстоятельства) те реальные процессы и явления, которые получают в прессе характерное идеологическое освещение. Массовая коммуникация - достаточно существенная сфера общественной жизни, чтобы по ней, т. е. по ее, массовой коммуникации, определенным признакам судить об этой жизни в целом. Причем это такая сфера, которая дает в этом плане особенно ценный материал. Поясню это упрощенным до крайности примером. Предположим, вы крутите ручку настройки приемника и поймали какую-то станцию, говорящую по-русски.

Отвлечемся, разумеется, от особенностей произношения диктора. Все равно, нам не надо дожидаться позывных, чтобы определить, какая это станция: советская, Би-би-си или Китай. Буквально с двух-трех фраз вы догадаетесь, кто говорит (по тому, что говорят и как говорят). Если же вы зададитесь научной целью, то из содержания вы можете почерпнуть богатейшую информацию о «говорящем» (в широком смысле этого слова). И о том обществе, в котором этот говорящий, располагая средствами массовой коммуникации, освещает события так, а не иначе. Если же вы не ограничитесь содержанием передачи, а попытаете проанализировать под определенным углом реакции на это содержание, взаимодействие между органом массовой коммуникации и читателем, слушателем, зрителем, то отсюда можно сделать еще более глубокие заключения о «социальном фоне», на котором разворачивается это взаимодействие.

Здесь уместно вспомнить, что в исследовательской практике классиков марксизма есть очень интересный опыт изучения условий и тенденций общественного движения и даже определенной количественной интерпретации коренных социальных процессов на материалах прессы и, так сказать, «сквозь ее призму». Я имею в виду предпринято В. И. Лениным исследование социал-демократической легальной прессы и ее связей с рабочим классом в период революционного подъема 1912-1914 гг. В ту пору большевикам было очень важно оценить реальное соотношение политических сил в рабочем движении, установить, какая часть рабочих идет за партией (большевиками), а какая за меньшевиками (ликвидаторами). То и другое направление имели свои печатные органы, которые конкурировали. Непосредственным объектом ленинского исследования были именно эти печатные органы и поддержка большевистской «Правды», с одной стороны, и ликвидаторской газеты, с другой, рабочими.

На основании отчетов о денежных сборах, публиковавшихся в обеих газетах, Ленин установил, что «Правда» содержится почти исключительно на средства рабочих, а ликвидаторская газета существует преимущественно за счет помощи «богатых друзей из буржуазии»; судя по соотношению числа групповых рабочих сборов в обе газеты . 4/5 рабочих групп на стороне «Правды», . и лишь 1/5 сочувствует ликвидаторам.

Что здесь особенно интересно для нас, специалистов в области прессы и массовой коммуникации? Изучая рабочую печать и эффективность ее воздействия на пролетарского читателя (а добровольный денежный взнос на ту или иную газету в условиях конкуренции газет – это весьма яркое и убедительное проявление такой эффективности), Ленин по существу исследовал рабочее движение и важнейшие процессы общественной жизни России в период революционного подъема.

К работам классиков у нас нередко наблюдается, я бы сказал, своего рода религиозное отношение: их много почитают, но иногда мало читают. На результаты этого исследования, повторяю, можно найти ссылки в любом учебнике истории, но полезно вникнуть в механизм исследования и попытаться извлечь некоторые методологические уроки.

В конечном счете Ленин изучает отношение между партией и рабочим классом, этими важнейшими элементами общественной структуры. Способ исследования – то, что мы сегодня называем конкретно-социологическим, с применением характерной эмпирической процедуры. <...>

[Здесь опущено описание указанной эмпирической процедуры, с ее обоснованием, предпринятым В.И. Лениным. См. об этом, специально, ниже: раздел 10.3. – А. А.]

Я привел только один пример того, как Ленин, изучая прессу и ее связи с читателями, социологически изучал общество. Конечно, различная конкретно-историческая обстановка предоставляет для таких исследований различные возможности. Например, тогда это был один эмпирический референт, в других условиях может быть что-то другое и т. д. Здесь масса теоретических и иных трудностей. Но принципиальная возможность адекватно исследовать общество «через» средства массовой коммуникации, и в особенности путем рассмотрения их различных зависимостей, влияний, связей и

опосредований, существует, и использование этой возможности имеет великолепные прецеденты в истории. Это важно иметь в виду.

(Алексеев А. Без названия / Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяярику - 1966. Тарту: Тартуский гос. университет, 1967)

10.4. «В.И. ЛЕНИН - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ (статьи о «Правде» 1912-1914 гг. и проблемы конкретно- социологического исследования прессы)»

[Так называлась большая статья автора этих строк, опубликованная в сборнике «Журналист, пресса, читатель» в 1969 г.

Ниже воспроизводится наиболее краткое из изложений авторского историко-методологического анализа опыта, предпринятого В.И. Лениным в 1910-х гг. исследования связей российской социал-демократической печати с различными классовыми силами, а также влияния этой печати на рабочее движение в России. - А. А.]

= Из автореферата кандидатской диссертации (1970)²⁴⁵

<...> Классическим образцом единства теоретического и эмпирического анализа в интересующей нас области исследований может служить ленинский анализ связей социал-демократической легальной печати с пролетарскими массами (1912-1914 гг.).

Непосредственным объектом исследования В.И. Ленина в тот период была рабочая печать, а именно петербургские газеты, представляющие два основных течения российской социал-демократии: ее революционное (большевистское) и оппортунистическое («ликвидаторы») крыло. Конечной целью было уточнение социальной базы того и другого направлений и выяснение степени влияния каждого из них среди рабочей массы. Исследование предполагало эмпирическую интерпретацию и определенное количественное выражение силы разных течений в рабочем движении.²⁴⁶

Поскольку материалы этого исследовательского комплекса В.И. Ленина представлены в его публицистических статьях и политических документах, подчиняющихся отличным от исследовательской программы нормам внутренней организации и изложения, целесообразна попытка реконструкции этой программы, как она вырисовывается из ее практической реализации.

Особый интерес представляет строгое операциональное выражение В.И. Лениным таких ключевых для всего исследования понятий, как «течение» (течением считается лишь такое направление, которое имеет свою массовую политическую общероссийскую газету - орган легальный и, следовательно, массовый, способный - в пределах легальности - проводить влияние «течения» на широкие массы) и «сила» (сила течения в рабочем движении интерпретируется как активность организованной поддержки течения рабочими группами, в виде «групповых рабочих взносов» на ведение соответствующей газеты, а также некоторыми другими актами пролетарской поддержки, поддающимися эмпирической регистрации).

Методологически важно использование В.И. Лениным целой системы эмпирических индикаторов, измерителей «силы», их сравнение и оценка, с точки зрения

²⁴⁵ Здесь все подстрочные примечания воспроизведены из оригинала. - А. А. Июль 2012.

²⁴⁶ См. ленинские работы: «Итоги полугодовой работы», «Рабочие и «Правда»», «Годовщина «Правды» (рабочая поддержка рабочей газеты)», «Рабочий класс и рабочая печать», «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении», «К итогам дня рабочей печати. Из отчета газеты «Путь Правды»», и др.

адекватности выражения силы ²⁴⁷, а также теоретическое обоснование выбора определенных показателей (в данном случае - количества рабочих сборов) в качестве основных, а других - в качестве второстепенных (измеряющих «силу» с меньшей степенью точности, однако подтверждающих тенденцию, выявленную базовой процедурой, и тем самым - контролирующую ее).

Ленинское исследование, предпринятое по материалам открытых данных о «денежных пожертвованиях», публиковавшихся на страницах конкурирующих газет («Правда» и меньшевистская печать) ²⁴⁸, в условиях ожесточенной политической борьбы партии и ликвидаторов, имело большое теоретическое и практически-политическое значение, ибо дало возможность неопровержимо доказать: а) действительно пролетарский характер «Правды» и решительное преобладание правдизма в рабочем движении 1912-1914 гг. ²⁴⁹; б) буржуазный источник ликвидаторского течения и его прессы, выдающей себя за «пролетарскую».

Данный исследовательский комплекс являет собой пример МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО (исследование связей рабочей прессы и рабочего класса всей России), «ПАНЕЛЬНОГО» (социологическое наблюдение по единой программе на одном и том же «массиве» на протяжении ряда лет), СРАВНИТЕЛЬНОГО исследования. ²⁵⁰

Конкретно-социологическая практика классиков марксизма <...>, до сих пор недостаточно изученная, открывает широкие возможности для извлечения методологических уроков. <...>

(Алексеев А.Н. Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970)

Ремарка: кого больше поддерживали рабочие в начале века - большевиков или меньшевиков?

Как уже отмечалось, методология и методика конкретного политико-социологического анализа, предпринятого В.И. Лениным в 1910-х гг., подробно рассмотрена в работе: Алексеев А.Н. В.И. Ленин - исследователь рабочей печати (статьи о «Правде» 1912-1914 гг. и проблемы конкретно-социологического исследования прессы) / Журналист, пресса, читатель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

Из другой работы автора (Алексеев А.Н. Контент-анализ: очевидные свидетельства неочевидного // Знание-сила, 1971, № 9):

«...Сопоставляя результаты наблюдения по большевистским и меньшевистским газетам за длительные промежутки времени, Ленин обнаружил, что большевики по указанному критерию по крайней мере В 4 РАЗА СИЛЬНЕЕ МЕНЬШЕВИКОВ! Способом глубоко обоснованным, строгим и изящным была решена задача исключительной научной и политической важности...».

²⁴⁷ См. сводную таблицу эмпирических показателей, приводимую в статье «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении» (Ленин В.И. Полн. СОБР. Соч., т. 25, с 245-247).

²⁴⁸ В возможности «всякого грамотного человека» проверить эти данные и, в случае искажения или ошибки, опровергнуть имеющиеся в каждой газете указания на принадлежность определенного взноса определенной рабочей группе и т. д. на страницах другой газеты, В.И. Ленин находил гарантию достоверности этих данных, их объективности. (См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 410).

²⁴⁹ «...Ликвидаторам сочувствует ВСЕГО 1/5 (одна пятая) общего числа рабочих групп. «Правдизм», правдистские решения, правдистская тактика ОБЪЕДИНИЛИ за 2 ½ года 4/5 сознательных рабочих России», - заключал В.И. Ленин из своего анализа (Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т. 25, с. 228). Отсюда практический (нормативно-императивный) вывод: «...4/5 имеют самое безусловное право выступать, действовать и говорить от имени «целого» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 329).

²⁵⁰ «Мы привели ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ данные, т. е. за один и тот же срок по обеим газетам, и сведения обеих газет были обработаны ПО ОДИНАКОВОМУ СПОСОБУ», - писал В.И. Ленин в июле 1914 г. (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 432).

Возвращаясь сегодня к этой давней полемике вождя большевиков с меньшевиками (ликвидаторами), нельзя не согласиться с его выбором, в качестве адекватного измерителя «силы» (представительности и влиятельности) «течения» в рабочем движении, - не денежной суммы взносов, а именно КОЛИЧЕСТВА РАБОЧИХ ГРУПП, материально поддерживающих ту или иную газету.

«Каждый рабочий сбор означает не просто сумму пятаков и гривенников, а нечто гораздо более важное: сумму совместной массовой энергии, решимость ГРУПП рабочую газету поддерживать, распространять, направлять, создавать своим собственным участием», - писал В.И. Ленин (ПСС, т. 21, с. 430).

Но при этом сам по себе факт ГРУППОВОГО РАБОЧЕГО СБОРА, или материального взноса, в пользу конкретной газеты трактовался В.И. Лениным как свидетельство не только «организованной» (что несомненно!), но и «сознательной» поддержки рабочими того или иного «течения». Последнее обстоятельство в цитированных выше работах рубежа 1970 - 1980-х гг. принималось автором «на веру».²⁵¹ (Декабрь 1999).

10.5. «МЕТОД ЖАКА КЕЙЗЕРА»

[Ниже - фрагменты одноименной статьи, посвященной методологии изучения периодической печати, разработанной известным французским публицистом и исследователем прессы. - А. А.]

= Из сборника «Проблемы современной зарубежной печати» (1969):

<...> О Жакке Кейзере, видном французском публицисте, ученом, общественном деятеле у нас известно мало. За исключением небольшого отрывка из книги «Смерть одной свободы» (Kaysers J. Mort d'une liberte. Paris, Plon, 1953), удостоенной Золотой медали Международной организации журналистов за 1958 г., Кейзер на русский язык не переводился. Его творчество пока обойдено вниманием советских специалистов. Между тем, научное и литературное наследие Кейзера заслуживает изучения.

Особенно интересен для нас Кейзер как исследователь прессы. Последние полтора десятилетия своей жизни (Кейзер скончался в 1963 г.) он, в прошлом профессиональный журналист и политик (главный редактор «Републик» и вице-президент партии радикал-социалистов в предвоенные годы) посвятил главным образом научным занятиям. Кейзер был одним из организаторов и руководителей Французского института прессы, ему принадлежит ряд капитальных теоретических и исторических трудов о периодической печати. <...>

Кейзер положил начало оригинальному исследовательскому направлению, разработал целую систему научных приемов и средств, ныне широко используемых специалистами не только во Франции (в частности, некоторые способы статистического описания прессы, предложенные Ж. Кейзером, стандартизированы ЮНЕСКО). <...>

«Если Жак Кейзер обратился к исследованиям прессы, то несомненно потому, что увидел в этом способ защищать принципы, которым был безраздельно предан», - справедливо замечает Пьер Ренувен, автор предисловия к последней из книг Кейзера.

<...> «Смерть одной свободы» - явление, пожалуй, уникальное в мировой публицистике. Кейзер-ученый здесь анализирует прессу, пытается выяснить ее социальную природу и функции, опираясь на колоссальный эмпирический материал,

²⁵¹ Здесь у Ленина интересная подмена понятий: «организованная (не стихийная) поддержка» = «организованная и сознательная поддержка» (со стороны рабочих в отношении определенного политического течения. - А. А. Июль 2012.

используя строгий статистический аппарат. Кейзер-публицист придает своему произведению форму страстного памфлета, где обличает социальный строй, узурпирующий у общества и личности свободу слова и право быть информированным.

«Это насмешка - заявлять, что люди наших дней свободны выражать свои мысли, в то время как способы донести эти мысли до других ограничены более, чем когда бы то ни было, по крайней мере неконформистские мысли», с горечью замечает Кейзер (Kaysers J. *Mort d'une liberte...*, p. 8).

В своей книге он убедительно показывает, что так называемая «свобода информации» в обществе «демократических свобод» есть не что иное, как одна из привилегий богатства и власти. Кейзер развенчивает миф о «независимости» буржуазной прессы.

<...> Самобытная и незаурядная фигура Кейзера еще ждет своего биографа. Мы же рассмотрим лишь одну сторону его наследия - то, что принято называть «методом Кейзера», - его научный инструментарий.

Сам Кейзер оставил несколько специально методологических работ, опубликованных на страницах «Этюда де пресс» (ежеквартальный научный журнал, издание Французского института прессы), а также монографию «Французская ежедневная пресса» (Kaysers J. *Le quotidien francais*. Paris, A. Colin, 1963). <...> В предисловии Кейзер так определяет свою задачу:

«Цель настоящего сочинения - предложить способ изучения ежедневной прессы и, применив его, попробовать описать французскую ежедневную газету как она есть, т. е. как готовый продукт, поступающий к потреблению. При этом я не позволю докучать над собой ни интересам тех, кто газету создает, ни впечатлениям тех, кто газету читает» (Kaysers J. *Le quotidien francais...*, p. 3).

<...> Газетный лист представляется Кейзеру неким слепком, пойманным на лету изображением всего сложнейшего клубка взаимоотношений, складывающихся вокруг газеты и формирующих этот специфический общественный продукт. Противоречивые связи прессы, читателей, власти, капитала - все это более или менее ярко отпечаталось на газетных страницах. Учитесь же читать своеобразный «код» и восстанавливать целостную картину по отдельным следам и намекам! Последняя мысль прямо не высказана Кейзером. Но в том, что такова сверхзадача, убеждает вся его научная и публицистическая практика.

<...> Французский исследователь указывает на «недостаток данных, точных, поддающихся верификации или хотя бы приблизительных, отсутствие порой даже самых элементарных сведений» (Ibid., p. 15). Это привело Кейзера к мысли о необходимости учета текущей французской периодики и научной постановки этого дела. Сам Кейзер так формулирует свое предложение:

«Чтобы изучать ежедневную газету за достаточно продолжительный период или хотя бы несколько номеров, чтобы изучать прессу в целом или отдельные ее компоненты, необходимо первым делом установить основные характеристики. Причем ряд данных подлежат обязательной регистрации, а другие полезно собрать... Первые регистрируются в «сигнальной карточке», вторые собираются в «досье» (Ibid., p. 38).

«Сигнальная карточка», по Кейзеру, предполагает следующие пункты:

1. а) Название газеты; б) надписи, сопутствующие названию.
2. а) Месторасположение администрации; б) и редакции (если оно иное).
3. Периодичность.
4. Время выхода: утро, вечер.
5. Дата выхода первого номера.
6. Основная зона распространения.
7. Тираж (с указанием источника сведений).
8. Цена.
9. Формат.
10. а) Обычное количество полос: обычный максимум, обычный минимум; б) количество колонок на полосе.
11. Название и адрес типографии.

12. а) Количество изданий; б) зона распространения каждого из изданий.
13. Специфические особенности газеты.
14. Место хранения комплектов газеты.
15. Каталоги и картотеки». (Ibid., p.38-39).

<...> Что касается исследовательского «досье», то его, по мысли Кейзера, должны составить:

- 1) юридическая и финансовая структура;
- 2) условия выпуска;
- 3) условия распространения;
- 4) организация редакции;
- 5) политическая линия газеты.

Нетрудно заметить, что «досье» выходит за рамки подхода к газете только как к готовому продукту. Кейзера интересует и редакция, как учреждение, непосредственно «вырабатывающее» данный продукт.

<...> При активном участии Кейзера во Французском институте прессы была поставлена и развивается ныне статистика периодической печати, в известных отношениях образцовая.

<...> Допустим, заполнена «сигнальная карточка» и «досье» газеты. Но как подойти к изучению ее самой, какой она предстает перед читателем? Кейзер вводит понятие «газетная площадь» (*surface imprime*) и вычленяет элементы ее структуры. Первая межа прокладывается Кейзером между площадью, «купленной рекламой» и той, которая принадлежит собственно редакции (последняя называется «редакционной площадью» - *surface redactionelle*). Соотношение той и другой Кейзер рассматривает как важнейшую характеристику печатного органа, начало «морфологического анализа».

Собственно «редакционная площадь» подразделяется на тексты, иллюстрации и заголовки. <...> Анализируя пропорции, в которых встречаются названные элементы в текущей периодике, Кейзер делает интересные наблюдения насчет способов и методов подачи материала газетами разных типов. Элементарной клеточкой «редакционной площади» является, по Кейзеру, «редакционная единица» (*unite redactionelle*), включающая (в разных сочетаниях) как текст, так и иллюстрацию и заголовок. Дальнейший «морфологический» разбор предполагает классификацию «редакционных единиц» (газетных материалов).

Одним из оснований для группировки является «жанр». При этом Кейзер избегает массы дробных подразделений, которыми нередко грешат классификации жанров и создает экономную схему. <...> «Информации» (*information*), как преимущественно фактологическому сообщению, Кейзер противопоставляет «статью» (*article*), как материал в основном концептуального характера, а между ними ставит «жанр-кентавр» - «информацию-статью» (*information-article*). Тем самым учитывается весь диапазон переходов от изложения факта, как такового, к оценке, комментарию, изложению мнения, как такового. В особые жанровые группы заносятся перепечатки, «романы-фельетоны» и другие материалы, выполняющие функцию эмоциональной разрядки, корреспонденции читателей и так называемые подсобные рубрики.

Наряду с «жанром» Кейзер выдвигает и ряд других оснований для классификации «редакционных единиц». Сюда относится «источник», т. е. принадлежит ли материал перу сотрудника редакции или частного лица, или это материал официального характера и т. д. По «географическому» признаку «редакционные единицы» подразделяются на местные, региональные, национальные, международные - с точки зрения их «происхождения» (откуда поступил материал) и аналогично с точки зрения «отнесенности» (т. е. где произошло описываемое событие). Особое внимание Кейзер уделяет классификации материалов по тематическому признаку.

<...> «Морфология» у Кейзера не самоцель:

«Расчленяя газету на многочисленные клеточки и категории, мы получаем возможность соединить затем эти клеточки в «большие массы»... В этих последних обнаруживаются неоспоримые свидетельства живой реальности».

«Морфология» Кейзера вооружает исследователя средствами научного описания газетного номера, совокупности номеров, комплекса периодических изданий. <...>

«Разумеется, морфологическое описание газеты становится объемным и значимым лишь в сравнении с результатами аналогичного изучения других газет или того же издания за другой период, - подчеркивает Кейзер. - Морфологические анализы должны обязательно сопровождаться таким сопоставлением. Последнее оживляет их, придает им смысл и реальное значение» (Ibid., p. 132).

<...> Особый интерес представляет предпринятая французским исследователем попытка шкалирования значимости, точнее значения, придаваемого данной «редакционной единице» (речь идет о многообразии способов и средств, используемых редакциями, «чтобы привлечь или отвлечь, усугубить или ослабить, нейтрализовать читательское внимание») (Ibid., p.152). Кейзер предлагает такую формулу:

- придаваемое значение (mise en valeur) = место (emplacement) + заголовок (titrage) + подача (presentation).

<...> Каждое из слагаемых оценивается определенным количеством баллов, так что максимальная сумма равна 100. Отсюда появляется возможность ранжировать «редакционные единицы» (в зависимости от тех или иных способов выделения их на газетной полосе) по единой стопунктовой шкале). Применяв такую методику для оценки «престижа» определенного события (точнее - сообщения о данном событии) в разных газетах, Кейзер получает объективные доказательства стремления печатного органа подчеркнуть или «смазать» значение этого события своей публикацией. <...>

«Исследование придаваемого значения может быть углублено и дополнено изучением того, что «не имеет никакого значения», т. е. того, что газета не опубликовала» (Ibid., p. 15).

<...> Общий взгляд на то новое, что внес Кейзер в исследование периодической печати, позволяет уверенно утверждать следующее:

1. Кейзером выдвинут ряд плодотворных идей, группирующихся вокруг понятия «газеты, как она есть» (т. е. объективированного готового продукта). В этой связи сам газетный лист предстает как своеобразная социологическая автохарактеристика печатного органа, в принципе поддающегося научному прочтению и расшифровке.

2. Во осуществление этих идей французский исследователь разработал комплекс эмпирических процедур, позволяющих достаточно полно описать номер газеты, совокупность номеров одной газеты, совокупность однотипных изданий и дающих надежный и ценный материал для последующих сравнительных анализов и обобщений.

3. Будучи применен самим Кейзером, этот инструментарий помог ему рассмотреть механизм функционирования буржуазной прессы в условиях государственно-монополистической системы и поставить ряд острейших проблем, связанных с циркуляцией и распространением общественной информации. <...>

(Алексеев А.Н.. Метод Жака Кейзера (из опыта исследования французской ежедневной прессы) / Проблемы современной зарубежной печати. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969)

[В настоящем разделе опущены многочисленные примеры использования Ж. Кейзером своего метода для описания и анализа французской и мировой прессы. - А. А.]

10.6. СТРАННОЕ «СЕДЛО» В ГРАФИКЕ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

[В нижеследующей работе (здесь публикуется лишь ее фрагмент) автор пытается дать теоретическое объяснение эмпирической закономерности, констатированной многими отечественными исследователями массовой коммуникации 1960-х - 70-х гг.: наименее удовлетворены содержанием средств массовой информации, дают ему негативные оценки (в этом смысле - наиболее «требовательны» к нему) - люди с наивысшим и наинизшим уровнем образования. - А. А.]

= Из сборника «Проблемы социологии печати» (1970):

Опыт сопоставительного анализа результатов разных исследований массовой коммуникации

<...> До сих пор *[в предыдущей части статьи. – А. А.]* мы обсуждали предпочтения и «согласия» для аудитории в целом, не дифференцируя ее состава, временно абстрагируясь от ее социально-демографической неоднородности, фиксируя «неоднородность» лишь в плане самих предпочтений и «согласия» («несогласий»). Но самое интересное и важное для социолога – установление связей этих и всех других субъективных характеристик с такими объективными, какими являются, например, социальное положение, образование, возраст и т. д. То есть мало знать, что такая-то доля читателей предпочитает то, а такая-то не согласна с этим. Действительно, конкретное объяснение и конкретный вывод для практики могут быть извлечены из знания того, какие именно группы в аудитории являются носителями каждого из этих (порой столь противоречивых) предпочтений, интересов, запросов, общей солидарности с газетой и частичных «недовольств».

Иначе говоря, необходимо выявление субъектов все этих интеллектуально-эмоциональных позиций на объективной основе общественной (и в конечном счете – социально-классовой) структуры.

Ремарка: без идеологических заклинаний никак нельзя

Итак, «предпочтения, интересы, запросы» у аудитории советских СМИ могут быть «противоречивыми», а «частичные недовольства» - на фоне «общей солидарности» (с газетой). И выявлять эти «интеллектуально-эмоциональные позиции» надо не иначе как «на объективной основе общественной (и в конечном счете – социально-классовой) структуры»...

Этакие идеологические поклоны и заверения в «благодравии» пестрят на страницах еще начинающего социолога, впрочем, может и пореже, чем у иных преподавателей научно коммунизма, которые, как профессор Полупортянцев из фольклора Института философии²⁵² других слов и не знают и мыслей не коммуницируют. (Июль 2012)

Попробуем сделать это для группы вопросов, характеризующих отношение читателей к содержанию массовой коммуникации (на примере отдельных ее «каналов» или отдельных разделов коммуникации по этим «каналам»). В частности, какие именно группы наименее «восторженны» в этом отношении, выражают так или иначе свою (большую или меньшую) неудовлетворенность, требовательность, относительное несогласие («неполное» или безоговорочное согласие) и т. д. К сожалению, здесь невозможно дифференцировать степень «критичности»; к «бочке» здоровой требовательности примешивается и «ложка» необоснованных претензий. Но поскольку

²⁵² См., например, Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кярику – 1966. Тарту: Тартуский государственный университетЮ 1967, с.208-211.

доля высказываний такого характера невелика, мы можем этой «ложкой» пренебречь, а принять относительную неудовлетворенность как вовсе не отрицательное явление, а стимул усовершенствования (ради какого усовершенствования и ведутся конкретно-социологические исследования аудитории)²⁵³ <...>

Сузим проблему до такой постановки: кто критикует газету (соответственно, другие средства информации и пропаганды; соответственно, отдельные рубрики и разделы в «массовокоммуникативных» средствах; и т. д.).

Уже проведенные (обсуждавшиеся выше) обследования дают на этот счет довольно богатый и в общих, грубых тенденциях замечательно сходящийся материал, который и обсудим.²⁵⁴

Сначала несколько слов о корреляции между интересом и требовательностью. Из грубо примитивного (псевдотеоретического) рассуждения можно было бы предположить, что люди читают (смотрят и т. д.) то, что им больше нравится, а отсюда то, что их не удовлетворяет, не читают и не смотрят, вообще критика и предпочтение находятся в обратной зависимости. Оказывается, однако, что это далеко не так в наших условиях. Исследователи «Известий» подметили:

«Чем регулярнее читатель обращается к тому или иному разделу газеты, тем больше он высказывает критических замечаний. Растет мера взыскательности, растет сам читатель».²⁵⁵ Но регулярность обращения – свидетельство интереса, в известном смысле и предпочтения. Негативные же оценки как будто свидетельство обратного. Но в том-то и дело, что ни «внешнее» предпочтение не является абсолютно тождественным предпочтению «внутреннему» (скажем, меня может интересовать предмет коммуникации, хотя я и предпочел бы эту коммуникацию другой [*точнее: предпочел бы другую коммуникацию этой.* – А. А.]? но предмет – то, о чем идет речь, – «заставляет» меня к ней обратиться, ибо, не «поинтересовавшись» коммуникацией, я не смогу удовлетворить свой интерес к предмету), ни критика сама по себе еще не означает отрицательного отношения (что уже обсуждалось в связи с вопросами «о доверии и согласии»)²⁵⁶

С другой стороны, регулярность обращения предполагает: а) известный интерес к проблеме, значит, и известную осведомленность, возрастающую по мере удовлетворения интереса к проблеме; б) более близкое знакомство с характером освещения проблемы в данном разделе коммуникации.

В свете сказанного увеличение неудовлетворенности теми или иными разделами или аспектами коммуникации оказывается функцией возрастания компетентности (в предмете коммуникации и в самой коммуникации) способности читателя самому разобраться в вопросе, осмысленно соотносить предмет с его изложением.

Какова же социально-демографическая база негативных суждений и замечаний читателей? Возьмем вопрос о «согласии» (с газетой по тому или иному вопросу) по данным уральского обследования.²⁵⁷ Напомним, что в среднем порядка 25 % ответивших на этот вопрос ответили на него негативно (т. е. указали случаи несовпадения своего мнения с точкой зрения газеты).

Нас будут интересовать прежде всего группы, которые дали этот процент выше «среднего» (для всей обследованной совокупности).

²⁵³ Трудно сегодня не умилиться усердию и ловкости, с которыми автор «подстиляет соломку» для обсуждения достаточно взрывоопасной темы. – А. А. Июль 2012.

²⁵⁴ Схождения в данных разных исследований, обнаруживаемые в предпочтениях и неудовлетворенности отдельных слоев аудитории (а не только в общих «процентовках», по аудитории в целом), являются подтверждением, во-первых, неслучайности совпадений в общих распределениях, а во-вторых, относительной достоверности результатов.

²⁵⁵ Давыдченков В., Шляпентох В. Цит. по: Журналист, 1968, № 2, с. 24.

²⁵⁶ Здесь уместно вспомнить поговорку: «Свое дитя – больше бранишь».

²⁵⁷ Имеется в виду опрос читателей городской газеты г. Камышлова, Пирамидин В. Читатель и газета. Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1967. – А. А. Июль 2012.

«Наиболее критично подходят к оценке газетных утверждений читатели (мужчины), имеющие высшее и среднее образование, - пишет В. Пирамидин, Много отрицательных ответов получено от специалистов (38,6 %), от товарищей со средним специальным образованием (37 %), высокообразованных рабочих (36,4 %), учащихся (31,3 %) и т. д.»²⁵⁸

У женщин показатели примерно такие же, хотя средний «женский» процент требовательности чуть ниже «мужского» (у мужчин – 27 %, у женщин – 25,5 %), по-видимому, за счет домохозяек (среди которых негативные ответы дали всего 6,5 5).²⁵⁹

«...32 % коммунистов дают отрицательный ответ, тогда как подобные ответы беспартийных составляют 23 %. Показатели комсомольцев отражают и молодую горячность их суждений, и относительно высокую образованность. 60 % написали «да» и 40 % «нет»».²⁶⁰

Если учесть, что из всех социально-демографических групп самыми удовлетворенными заявили себя читатели с начальным и пяти-семиклассным образованием (8,5 и 14 %) [*эти проценты обозначают доли критически настроенных. – А. А.*], то становится ясным, что одним из решающих факторов «неполного согласия» (выражение В. Пирамидина) является не пол, и, по-видимому, даже не возраст, а именно образование²⁶¹, что не противоречит и тенденции увеличения неудовлетворенности с возрастанием активности чтения (и т. д.) определенных рубрик и газеты в целом (ясно, что наиболее активный читатель газет – читатель с более высоким образованием).

В общем уральский опрос высвечивает сосредоточение негативных суждений и «неполное согласие» с массовой коммуникацией в ГРУППАХ С БОЛЕЕ ВЫСОКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ и намекает на закономерность: чем выше образование, тем больше неудовлетворенность (требовательность, критика).

Опрос ленинградских телезрителей подтверждает эту тенденцию. Б. Фирсов сформулировал ее в виде краткой «парадигмы»: образование растет, оценки снижаются.²⁶² Интересно, что такая правильность обнаружена не только в оценках телевидения «вообще, но и для каждого отдельного цикла, программы, передачи. С ростом образования возрастает оценка только «серьезной музыке и операм» (что нас здесь не очень интересует); падает же оценка (с ростом образования) особенно заметно для «телеспектаклей», «новостей и текущих событий», «телерепортажей с мест событий», «передач об истории государства», «передач на общественно-политические темы».²⁶³

«Самое критическое отношение к телевидению у зрителей с образованием выше среднего, - пишет исследователь.²⁶⁴ Среди возрастных групп сосредоточение требовательности дают 26-30 лет.²⁶⁵ Но и здесь, по-видимому, дело не столько в возрасте, сколько в образовании.

Вместе с тем, опрос ленинградских телезрителей обнаружил особенность, не замеченную уральскими исследователями, а может быть и отсутствовавшую в условиях обследованного ими «массива» - небольшого города. Б. Фирсов отмечает, казалось бы, парадокс относительно «новостей и текущих событий»:

«Оценка падает с ростом образования, но наименьшее (! – А.А.) удовлетворение отмечается в группе с образованием до 4 классов».²⁶⁶

²⁵⁸ Пирамидин В. Читатель и газета. Свердловск, 1967, с. 66.

²⁵⁹ См. там же, с. 67.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ «Молодость» способствует требовательности не столько как самостоятельный фактор (хотя мы и не хотим отрицать известное влияние «молодой горячности суждений»), сколько просто коррелирует в данном случае с образованием, которое и играет решающую роль.

²⁶² Фирсов Б. Среднего зрителя нет // Журналист, 1967, № 12, с. 45.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же.

Автор констатирует «особую позицию» лиц с низшим образованием: «Они склонны «жестче» оценивать общественно-политическое вещание, телеинформацию». ²⁶⁷

Эта же группа компенсирует свое «неудовольствие» общественно-политическим вещанием удовлетворенностью так называемыми образовательными передачами (например, передачами о литературе и искусстве). «Превыше всего ценит кино» ²⁶⁸ [имеется в виду группа с начальным образованием. - А. А.]

Поскольку нас интересует прежде всего общественно-политическая информация, отвлекемся сейчас от художественных кинофильмов (хотя и они, разумеется, выполняют определенные пропагандистские функции). Казалось бы, требовательность групп с низшим образованием противоречит отмеченной выше тенденции «снижения оценок» с «ростом образования».

Тезис о росте требовательности с ростом образования (или снижения требовательности в группах с менее высоким образованием, что то же самое) как будто бы начинает шататься. Но не будем спешить с выводами.

Исследователи «Известий» на основе самого массового из обсуждаемых и наименее локального (всесоюзного!) опроса констатируют ту же закономерность:

«Наибольшее число отрицательных оценок (в относительном выражении) дали две группы читателей: с начальным и с высшим образованием». ²⁶⁹

Значит: а) данные Б. Фирсова о пике неудовлетворенности у лиц с начальным образованием) не случайны и не локальны (хоть это и всего только Ленинград); б) как раз уральское обследование скорее показало в этом смысле некоторую локальность. В массе же, по Союзу, имеют место два «сосредоточения» неудовлетворенности теми или иными аспектами общественно-политической информации: группы с высшим образованием и группы с низшим образованием.

Оценки снижаются с ростом образования. Соответственно, с «понижением» образования они повышаются. Но где-то наступает «перелом», и кривая относительной неудовлетворенности снова взмывает вверх, но уже по мере уменьшения образования ниже какого-то предела.

Этот предел довольно точно и однозначно указан и ленинградским опросом телезрителей, и всесоюзным «известинским» обследованием: 4 класса. Вместе с тем:

«Наиболее благожелательное отношение телевидение (в целом, и специально для общественно-политического вещания. – А. А.) вызывает у групп зрителей с образованием 5-6, 7-9 классов». ²⁷⁰

Аналогичный пик удовлетворенности или минимум «неудовлетворенности» проглядывается в данных опроса читателей «Известий»: наиболее «благодушными» выглядят лица с образованием 5-10 классов.

Понятно, сколь приблизительно наше «конденсированное» из множества эмпирических показателей (вообще - всякие негативные оценки) понятие требовательности (неудовлетворенности), сколь грубы границы очерченных групп (по уровню образования). Но мы предупреждали, что будем работать здесь «в грубых измерениях». И не можем иначе, коль скоро хотим обобщать данные разных исследований <...> С учетом этой оговорки, можно построить типовой график относительной неудовлетворенности различными разделами и аспектами массовой коммуникации, в зависимости от уровня образования.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Давыденков В, Шляпентох В. «Известия» изучают читателя // Журналист, 1968, № 2, с. 24.

²⁷⁰ Фирсов Б. Указ. соч., 45.

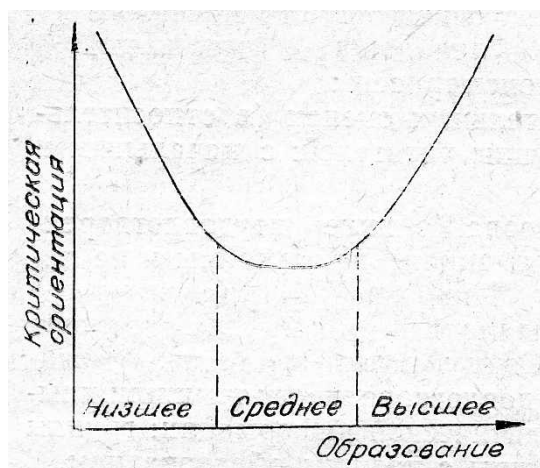


Рис. 1

Подчеркнем, что этот график - лишь общая схема, крутизна «ветвей» здесь показана произвольно, важно, что обе эти восходящие «ветви» существуют. Заметим также, что то же явление можно представить и графиком, имеющим вид «горки» (если откладывать по оси ординат не степень требовательности, а в известном смысле обратную ей величину - «степень удовлетворенности»).

Так или иначе, подобный график дает повод призадуматься, в частности над его интерпретацией, объяснением.

Наличный эмпирический материал не позволяет дать объяснение, которое можно было бы считать исчерпывающим и окончательным. Соображения, которые выскажем ниже, суть гипотезы, требующие дальнейшей специальной проверки. По-видимому, возможны и другие, «конкурирующие», гипотезы. Мера же надежности всякой гипотезы определяется ее логической непротиворечивостью и согласием с установленными фактами.

Нам представляется, что попытка объяснить явление такого «двустороннего» снижения удовлетворенности (или повышения неудовлетворенности) только из уровня образования обречена на неудачу. Если высокое образование (а отсюда и большая компетентность и т. д.) стимулирует требовательность, то в группах низшего образования относительно критичный взгляд должен быть связан с какими-то иными обстоятельствами. Малая образованность (4 класса и ниже) САМА ПО СЕБЕ не может быть стимулом требовательности. «Интеллектуальные» предпосылки для читательской (и т. п.) взыскательности здесь, очевидно, минимальны.

Однако предпосылки, по-видимому, могут быть и не только «интеллектуальными». Здесь уместно вспомнить о «материальных» факторах и условиях восприятия массовой информации и пропаганды.

В самом деле. Отношение к коммуникации зависит не только от духовно-интеллектуальных факторов (связанных с уровнем образования, который условно может полагаться их эмпирическим индикатором), но и от условий существования формирующего свое отношение индивида (соответственно, группы). Массовая коммуникация воспринимается людьми не безотносительно к влияниям «самой жизни», непосредственных соприкосновений с действительностью, а в контексте эмпирического («житейского») опыта. А этот опыт, разумеется, в значительной степени «материален» (имея в виду объективные условия существования).²⁷¹

²⁷¹ Мы употребляем слово «материальный» здесь в кавычках, чтобы не возникло искушение смешать с материальным положением индивида, которое, конечно, принадлежит к социальным условиям существования, причем является существенным их моментом, однако не исчерпывает собой этих «условий». Можно также говорить: РЕАЛЬНЫЕ условия, ОБЪЕКТИВНЫЕ условия.

Попробуем провести два мысленных эксперимента.

Первый. Абстрагируемся от уровня образования, или - что то же самое - предположим совокупность индивидов с одинаковым уровнем образования.²⁷² Поскольку дифференцирующее влияние степени образованности в такой ситуации исключено, восприятие коммуникации внутри этой совокупности должно различаться в зависимости именно от «материальных» условий (если не исключительно, то главным образом). Коммуникация будет тем эффективнее, в смысле «согласия» с ней реципиента, чем больше он будет совпадать с эффектами воздействия на него реальных условий его жизни. И наоборот, чем меньше это совпадение (чем больше расхождение между впечатлениями жизненного опыта и коммуникацией), тем больше будет неудовлетворенность последней. В таком эксперименте (очищенном от «мешающих случайностей» различия в образовании) кривая относительной неудовлетворенности соответствующими разделами и аспектами массовой коммуникации, без всяких «перегибов», опускалась бы вниз с улучшением условий реальных условий жизни.

Другой эксперимент, напротив, будет состоять в отвлечении от объективных условий существования, или - что то же самое - в предположительном «выравнивании» группы индивидов по этим условиям. Тогда график относительной неудовлетворенности теми или иными разделами и аспектами массовой коммуникации без всяких «перегибов» пополз бы вверх с ростом образовательного уровня (сказалось бы дифференцирующее влияние духовно-интеллектуальных факторов).

Эта последняя тенденция, как уже говорилось [*в опущенном здесь обзоре конкретных эмпирических исследований. - А. А.*] наблюдается в данных уральского опроса. Не исключено, что его «локальность» (г. Камышлов, тип небольшого города) случайно приблизила его к ситуации нашего мысленного эксперимента (хотя идеально «чистой» с точки зрения элиминации или «выравнивания» какого-либо фактора или группы факторов никакая реальная совокупность индивидов быть не может).

Ленинградский опрос телезрителей и тем более всесоюзный опрос читателей «Известий» были далеки от экспериментальной ситуации. В жизни большого, достаточно гетерогенного человеческого массива (будь то ленинградский телезритель или всесоюзный читатель «Известий») все факторы «включены»; аудитория дифференцирована, причем достаточно сильно, и по уровню образования, и по социальным условиям жизни. Разные факторы взаимодействуют и порой противоборствуют.

Задачей исследователя является не только проследить, как та или иная переменная (в данном случае - требовательность к массовой коммуникации) коррелирует с той или иной социально-демографической характеристикой, но и выяснить, где причина, а где «спутник» (сопутствующие, но не определяющий фактор данного явления).

Известно, что материальные условия существования и образованность в социалистическом обществе взаимообуславливают друг друга, причем их взаимозависимость в общем прямая (не обратная). Во всяком случае, для низшего образования можно уверенно сказать, что в основном, это лица неквалифицированного (или малоквалифицированного) труда, ниже оплачиваемого, а если выше - то в компенсацию за физическую тяжесть, условия труда и т.д. Для лиц с высшим образованием объективные, «материальные» (в изложенном смысле) условия, естественно, отличаются от групп неквалифицированного труда.

Выше отмечалось, что с ростом образования требовательность растет, а с улучшением социальных условий неудовлетворенность падает. Естественно предположить, что в группах ВЫСШЕГО образования неудовлетворенность теми или иными разделами и аспектами массовой коммуникации имеет своей причиной духовно-интеллектуальные факторы (их индикатор - уровень образования), а материальные

²⁷² Уровень образования берется как наиболее удобный, пусть весьма грубый показатель «интеллекта», а значит - потенциальных возможностей включения духовно-интеллектуальных факторов.

условия - «спутником», в известном случае тормозящим действие этой причины. В группах же НИЗШЕГО (начального) образования дело обстоит наоборот: как раз социальные условия - причина, а низкая образованность и т. д. - «спутник», в известном смысле «ослабляющий» причину). Духовно-интеллектуальные и объективно-материальные факторы, действующие как в том, так и в другом случае, но по-разному (причина либо «спутник»), как бы «возмущают» друг друга. Своеобразным итогом этого «взаимовозмущения» и оказывается позиция групп СРЕДНЕГО образования. Эти последние обнаруживают относительный (относительно рассмотренных ранее групп) минимум неудовлетворенности (или максимум удовлетворенности) в силу своего рода «уравновешивания», «сбалансированности» объективно-материальных и духовно-интеллектуальных факторов (или, что то же самое, их «взаимопогашения»).

Таким образом, эмпирически зафиксированное «седло» в графике относительной неудовлетворенности различными разделами и аспектами массовой коммуникации получает объяснение из взаимодействия и противоборства двух групп факторов, каждая из которых может выступать как причиной, так и «спутником», как стимулом, так и тормозом (смотря о какой социальной группе идет речь).

Из возможных объяснений сложного и противоречивого явления, каковым является известное совпадение в итоговых позициях двух «полярных» образовательных групп (пусть различны «происхождение» и мотивация этих сближающихся итоговых позиций), мы здесь предложили одно. Можно предположить правомерность и других гипотез. Дальнейшее исследование этого интересного вопроса позволит прийти к решающим заключениям. <...>

(Алексеев А.Н. Опыт сопоставительного анализа результатов разных исследований массовой коммуникации / Проблемы социологии печати. Вып. 2. Новосибирск, Наука, 1970)

Ремарка: кто думает, а кто чувствует

Я предложил своей жене – Зинаиде Вахарловской, как человеку «не искушенному», попробовать объяснить это странное «седло» в графике неудовлетворенности массовой коммуникацией. Ее ответ оказался куда короче моих объяснений: «Те, у кого образование высшее, ДУМАЮТ, а у кого начальное – те ЧУВСТВУЮТ». Действительно, так. (Июль 2012).

...До сих пор мы рассматривали главным образом только одну сторону человеческой деятельности – ОБРАБОТКУ ПРИРОДЫ людьми. Другая сторона, ОБРАБОТКА ЛЮДЕЙ ЛЮДЬМИ...

Маркс К. и Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М.: ИПЛ, 1966, с. 47

10.7. «ЯЗЫК НАРОДА, ОБРАЩЕННЫЙ ИМ К САМОМУ СЕБЕ...»

[Ниже - фрагменты работ, посвященных проблемам теории массовой коммуникации (1967-1973). - А. А.]

10.7.1. «К вопросу о предмете социологии печати»

= Из «Вестника Московского университета» (1967):

<...> При изучении всякого сложного и целостного образования, входящего в состав еще более сложного, можно выделить два подхода: а) рассмотрение этого образования в его относительной самостоятельности (как оно само организовано, из чего состоит, взаимодействие его частей между собой и т. д.); б) рассмотрение этого образования (или отдельных его частей) во взаимодействии с частями более широкого целого или самим этим целым.

Можно изучать общественное учреждение (прессу, радио, телевидение) как внутренне организованную структуру (в относительной самостоятельности), а можно - во взаимодействии с окружающей средой (т. е. со всем тем, что в эту структуру непосредственно не входит). Вот тут и пролегает грань между социологическим и всеми иными способами изучения. Социология печати оказывается ничем иным, как исследованием прессы (радио, телевидения) в ее общественных связях.

Обращаясь к социологическим проблемам, мы сосредотачиваем внимание не на внутренних закономерностях журналистики и прессы, а на всем многообразии контактов этих явлений с общественной средой, ее подсистемами и элементами подсистем. Тем самым приобретает знание о реальном месте прессы (радио, телевидения) в данных социальных условиях (а отсюда и о действительной природе этих явлений).

Полезно проследить соотношение объекта и предмета социологии печати. Объектом является, очевидно, не только пресса (радио, телевидение), а вся социальная действительность, поскольку не найдется такого участка (элемента) современной жизни, который так или иначе не взаимодействовал бы с прессой. Из этого объекта формируется предмет - угол рассмотрения: общество с точки зрения его соотносительности с прессой (радио, телевидением), или особых функций этих учреждений в нем.

Можно указать основные направления связей и их, так сказать, суммарный вектор. В конечном счете этих направлений два: от общества к прессе и от прессы к обществу. Речь идет, таким образом, о социальной обусловленности прессы, с одной стороны, и о ее социальной роли, с другой. Пресса, подобно всякому общественному явлению, выступает одновременно и как продукт и как фактор общественного развития.

Эта, казалось бы, тривиальная мысль требует подчеркивания, поскольку в практике конкретных исследований не только в буржуазной науке, но и у нас, наблюдается некоторый перекокс в сторону изучения прессы (радио, телевидения) как фактора, между тем, как фактор этот является порождением определенной социальной обстановки. <...>

<...> Для первого приступа к предмету нам пришлось подняться на определенную ступень абстракции и представить себе прессу (радио, телевидение) как идеологическое учреждение, вписывающееся в данную социальную систему. Специфика социологического подхода была найдена в изучении внешних связей этого учреждения, а не его внутренней структуры. Были указаны основные направления этих связей и в общих чертах прослежена их субординация. Такой подход, по-видимому, помогает в дальнейшем искать объективно выделяющиеся связи и правильно соотносить их друг с другом. Вместе с тем предложенная схема не лишена недостатков. Вопрос в том, что принимать за относительную самостоятельность. <...>

Вкратце

Далее автор выдвигает понятие АУДИТОРИИ как социального образования, которое не может рассматриваться отдельно от прессы (радио, телевидения):

«Читатель так же немыслим без прессы, как пресса - без читателя. Их взаимодействие составляет определенную целостность...».

«Пресса, радио и телевидение выступают средством осуществления и одновременно организатором некоторого процесса, но, конечно же, не суть он сам...».

«Данный процесс (взаимодействия прессы и аудитории. - А. А.) тесно переплетается со всеми другими (общественными процессами. - А. А.), обусловлен ими и вместе с тем относительно самостоятелен, в силу чего сам обуславливает их...».

«Характер течения этого процесса... в конечном счете детерминирован социальной структурой и экономическими отношениями...».

<...> По-видимому, взаимодействие между определенной системой учреждений (пресса, радио, телевидение) и их аудиторией (аудиториями. – А. А.) и есть тот процесс (или аспект системы общественных отношений, который объективно дан в системе конкретной действительности.

Еще не так давно было распространено представление о надстройке лишь как совокупности «взглядов общества» и «соответствующих им учреждений». Ныне оно успешно вытесняется собственно марксистским толкованием надстройки как процесса и системы отношений. Определенным срезом целостной системы оказываются и право, и политика, и мораль (что, разумеется, не исключает изучения также взглядов, или учреждений, соответствующих реальным отношениям).

В каждом отдельно взятом надстроечном явлении эти моменты по-разному представлены и соотносятся. Особенность прессы, в частности, состоит в том, что она сама не вырабатывает взглядов, а черпает их из классового и в конечном счете общественного сознания. Зато как инструменты распространения взглядов, подчиненные другим институтам и вместе с тем самостоятельные учреждения, пресса, радио, телевидение достигают чрезвычайной эффективности. В рамках различных общественных устройств газета может быть либо капиталистическим предприятием, орудием наживы для богачей, информации и забавы для них, орудием обмана массы трудящихся, либо - орудием просвещения и сплочения, коммунистического воспитания масс.²⁷³

Ясно, что данный процесс (аспект общественных отношений) <...> являющийся продуктом и фактором всемирно-исторического процесса и на сегодняшний день неотъемлемой принадлежностью социального существования, - этот процесс должен быть как-то назван.

Буржуазная наука называет его МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ. Причем, разумеется, интерпретирует этот процесс по-своему, признавая его социальную обусловленность, но игнорируя действительные пружины общественного развития, и, следовательно, данного процесса как его составляющей. <...>

[Здесь опущены ссылки на американские антологии трудов в области “mass communication research”. - А. А.]

Мы же либо никак *[этот процесс. - А. А.]* не называем, либо придумываем не слишком удачные эквиваленты, либо, применяя тот же термин, недостаточно четко оговариваем смысл, чем иногда даем повод думать о нашей мнимой солидарности с буржуазной наукой.

Очевидно, идеологической уступки в использовании «буржуазного» термина нет. Стыдливые кальки ничуть не лучше. Общий термин лишь облегчит нашу полемику с буржуазными исследователями массовой коммуникации.

Что касается употребления одного названия для двух качественно разнородных типов процесса (характерных для буржуазного и социалистического общества), то оно естественно, ввиду наличия определенной «сквозной» характеристики (без которой,

²⁷³ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 329/

между прочим, невозможно было бы и противопоставление). Кстати, в отношении понятия «пресса» ни у кого сомнений здесь не возникает. <...>

(Алексеев А.Н. К вопросу о предмете социологии печати // Вестник Московского университета, серия «Журналистика», 1967, № 4)

Ремарка: конфронтация с «журналистской наукой»

Перечитывая эту работу более чем 40-летней давности, у автора возникает ощущение заведомой тривиальности либо вульгарности большинства высказываемых в ней положений. (Не сомневаюсь, что это ощущение разделит со мной и современный исследователь СМИ).

Стоит, однако, заметить, что эти ОРТОДОКСАЛЬНО МАРКСИСТСКИЕ положения в ту пору конфронтировали с «журналистской наукой» (или «наукой о журналистике»), а само использование термина МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ признавалось адептами «марксистско-ленинского учения о печати» (в частности, на факультете журналистики Ленинградского университета) идеологически неприемлемой «смычкой» с «буржуазной лженаукой».

Первая авторская попытка построения марксистской теории массовой коммуникации (в изложенном выше смысле)²⁷⁴ была представлена в работе: Алексеев А.Н.. О массовой коммуникации и ее социальных средствах / Журналист, пресса, читатель. Л. Изд-во Лен. ун-в., 1969. Эту работу цитировать не буду, поскольку ее основные тезисы представлены в автореферате канд. диссертации, защищенной годом спустя, уже не в Ленинградском, а Новосибирском университете. (См. ниже).

Но сначала - общая постановка вопроса о моделировании социального процесса. См. следующий раздел. (Июль 2001).

10.7.2. Некоторые требования к модели социального процесса

= Из сборника «Семиотика средств массовой коммуникации» (1973)

Опыт построения социологической модели массовой коммуникации

<...> Перед моделью социального процесса мы выдвигаем следующие требования:
а) модель должна словесными (либо символическими, графическими и т. д.) средствами выражать специфику данного процесса, т. е. не может «в готовом виде» быть применена к какому-либо другому общественному явлению;

б) модель данного процесса должна соотноситься с моделями других общественных явлений, «вписываться» в систему социологических моделей или быть пригодной к «вписыванию» в более общую систему;

в) модель должна «схватывать» не только внешние особенности процесса, в этом смысле - служить не только описанию его, но и раскрытию его внутреннего «механизма», должна заключать в себе «правило», закон функционирования (для генетических моделей - развития) соответствующей сферы действительности;

г) модель должна быть способной к осуществлению эвристических, поисковых функций, открывать возможность к дальнейшему развертыванию и объяснению новых фактов соответствующей сферы действительности.

Сюда добавим специфическое требование «социологичности» модели, т. е. несводимости ее к системе психологических, социопсихологических, семиотических и т.

²⁷⁴ В ту пору автор предпочитал обозначать свои теоретические построения не как «теорию», а как «социологическую модель» массовой коммуникации.

д. концептов, требование использования понятий (соответственно, терминов) именно социологической теории.

Обозревая имеющуюся литературу, мы не можем указать примера моделирования массовой коммуникации, удовлетворяющего полностью всем этим требованиям. <...>

(Алексеев А.Н. Опыт построения социологической модели массовой коммуникации / Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации», ч. I. М.: Изд-во Моск. унив., 1973)

10.7.3. Массовая коммуникация: опыт построения социологической модели²⁷⁵

= Из автореферата кандидатской диссертации (1970)

<...> Коммуникация в широком смысле может истолковываться как всякая «транспортировка социального» (не исключая физических перемещений людей и материальных предметов). В таком случае передача социальной (внегенетической, семантической, фиксируемой в знаках) информации в обществе предстает коммуникацией в узком смысле, или собственно коммуникацией.

Общение в широком смысле есть всякое социальное взаимодействие, обмен деятельностью (что наиболее точно отвечает смыслу, в котором К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли слово *Verkehr*). Общение в узком смысле - это обмен вполне определенной деятельностью, а именно коммуникациями.

В такой понятийной схеме КОММУНИКАЦИЯ (собственно коммуникация, коммуникация в узком смысле) фигурирует: а) как компонент общения в узком смысле (обмена коммуникациями); б) как частный, особый случай коммуникации в широком смысле (всякой транспортировки, «трансляции»); в) как ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Последнее обстоятельство является особенно важным для дальнейшего анализа.²⁷⁶

Далее рассматривается структура коммуникативной деятельности, выявляется, что есть в ней общего со всякой деятельностью и что свойственно лишь определенным типам деятельности, а также - коммуникации.

Общей оказывается фундаментальная структура, предполагающая наличие субъекта деятельности с его целью, средств деятельности, самих осуществляемых действий, объекта (на который деятельность направлена) и результата (или продукта). Как всякая деятельность, коммуникация есть ЦЕЛЕПОЛАГАЮЩАЯ, ОПОСРЕДОВАННАЯ и ПРОДУКТИВНАЯ деятельность.

Конкретно развернутая и детализованная в трудах классиков марксизма для материального труда, применявшаяся К. Марксом и для некоторых других видов общественного производства²⁷⁷, эта деятельностная модель для коммуникации работает в специфизированном, нетривиальном варианте.

Прежде всего, специфичен объект коммуникативной деятельности, каковым, в отличие от материальной деятельности, здесь выступает сам человек. <...> Эту

²⁷⁵ В настоящем и следующем за ним разделах все подстрочные примечания воспроизведены из оригинала. - А. А. Июль 2012.

²⁷⁶ Подход к коммуникации как к деятельности представляется принципиально правильным в социологическом анализе, в отличие от анализа с позиций кибернетики или какого-либо еще. Довольно распространенная в литературе о социальной коммуникации, особенно за рубежом) трактовка последней в терминах технической теории связи («отправитель», «получатель», «канал связи» и т.д.) отнюдь не является социологической. Вообще, применение кибернетических понятий и моделей оказывается плодотворным для изучения человеческой коммуникации, но лишь в рамках определенных задач, с определенными допущениями, причем никак не для раскрытия собственно социологических механизмов этого процесса. Для решения последней задачи они могут играть лишь подсобную, подчиненную роль.

²⁷⁷ См. Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 396-423.

особенность целесообразно зафиксировать и терминологически, приняв обозначения: СУБЪЕКТ 1 - для субъекта коммуникативной деятельности, и СУБЪЕКТ 2 - для ее объекта.

Далее, специфичны средства этой деятельности. В первом приближении ими могут полагаться ЗНАКИ (человеческая коммуникация всегда опосредована знаками). С углублением анализа находим, что средством выступает объективированное в знаках СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАЦИИ, вырабатываемое субъектом 1. Внешне выраженное, отчужденное от субъекта 1, содержание коммуникации может быть воспринято субъектом 2 и постольку выступает средством воздействия на него (его сознание, а затем поведение).

Замечаем, далее, что воздействуя на сознание субъекта 2 содержанием коммуникации, субъект 1 должен сначала это содержание выработать, «произвести». Деятельность производства содержания и воздействия этим содержанием оказываются в коммуникации слитыми, поэтому можно условно рассматривать коммуникацию как деятельность, где средства воздействия производятся в самом его процессе. (Такая постановка вопроса представляется возможным разрешением нелегкой антиномии: человеческая коммуникация есть «передача» и в то же время «творчество»).

Наконец, коммуникация может состояться как хоть сколько-нибудь результативная деятельность (и, следовательно, удовлетворять определению деятельности) лишь при условии определенной активности субъекта 2, или «встречной» деятельности восприятия и потребления содержания. (Словосочетание «восприятие и потребление» употребляется здесь как термин и не должно истолковываться в психологическом или экономическом смысле одного из его компонентов). Тогда и только тогда коммуникация приобретает ЭФФЕКТ (понятие, замещающее место «продукта» в деятельностной схеме).

Мы видим, что процесс коммуникации, о котором а priori мы могли сказать только, что он: а) есть взаимодействие, б) есть передача информации (что в принципе верно, однако составляет довольно-таки тощую абстракцию), приобретает определенную СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ структуру. Процесс коммуникации складывается по крайней мере из двух различных деятельностей с разными носителями: собственно коммуникативной деятельности (субъект 1) и деятельности восприятия и потребления содержания коммуникации (субъект 2).

Графически это может быть изображено следующим образом:

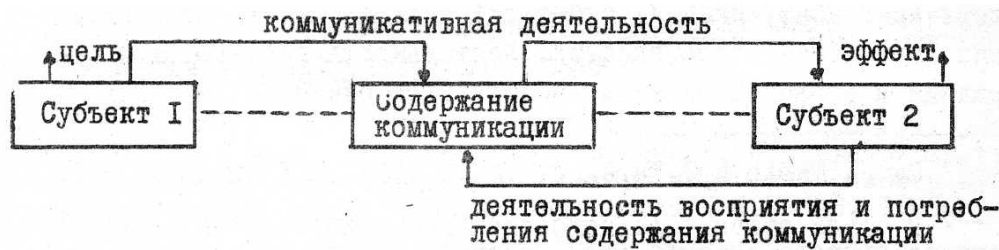


Рис 1

Далее в диссертации исследуются возможности применения данной схемы к различным видам коммуникативного процесса, отличным от так называемой «прямой» коммуникации (т. е. когда субъекты 1 и 2 суть индивиды и не разделены ни пространством, ни временем). Рассматриваются более сложные случаи коммуникации между субъектами-группами и модификации структуры процесса в такой коммуникации.

Эвристически ценным здесь оказывается существующее в теории информации различие АКСИАЛЬНЫХ и РЕТИАЛЬНЫХ коммуникативных процессов²⁷⁸, опыты

²⁷⁸ «Аксиальный (от латинского axis - ось) коммуникативный процесс осуществляется путем передачи сигналов по строго заданным единичным адресам. Ретиальный (от латинского rete - сеть)

интерпретации которого для человеческого общения уже имеются в литературе. Представляются удобными термины, предложенные А. Модем: коммуникация-разговор и коммуникация-распространение²⁷⁹, которыми и мы иногда будем пользоваться

В диссертации обсуждается соотношение аксиальных и ретиальных коммуникативных процессов в обществе, уточняется структура коммуникации «многим людям» в терминах деятельностной схемы.

Кроме изменения социальной природы субъекта 2, которым в коммуникации-распространении становится уже некоторая группа людей, происходит прогрессирующее усложнение системы опосредствования, особенно для ретиальных процессов. С возникновением письменности, позднее - книгопечатания, других достижений человеческой культуры, происходит включение в систему коммуникативных средств - продуктов иных деятельностей (отличных от коммуникации). Опосредствование коммуникативной деятельности становится многоуровневым, или «многослойным», где каждый последующий уровень вырастает на базе предыдущих и вместе с тем как бы подчиняет их себе, обуславливая их дальнейшее изменение.

Нами выдвигается различие и исследуется взаимодействие ЗНАКОВОГО, ПРЕДМЕТНО-ВЕЩНОГО и ТЕХНИЧЕСКОГО уровней опосредствования.

Принципиальную важность представляет факт включения - на определенном этапе общественного развития - нового уровня опосредствования, который назовем ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ. Соответствующая социальная потребность порождает и включает в структуру коммуникации-распространения особые учреждения, социальные институты, социально-активные средства коммуникации, историческим первенцем среди которых является ПРЕССА.²⁸⁰

Однако исследование системы опосредствования и последовательной надстройки ее уровней само по себе еще не вскрывает социальных пружин становления данного процесса. Центральным пунктом данного раздела диссертации является рассмотрение социальной природы и типа субъектов 1 и 2 институционально опосредствованной коммуникации.

В диссертации показывается, что не только субъект 2, но и субъект 1 такой коммуникации имеет групповую природу. Ретиальность является внешней, чувственно данной структурой этого процесса. Социологический же механизм состоит не в коммуникации «одного - многим», а в коммуникации группового социального субъекта 1 - групповому же социальному субъекту 2, каждый из которых выступает носителем соответствующей деятельности.²⁸¹

Ответ на вопрос о действительной природе социального «источника» и социального «адреса» коммуникации посредством прессы и т. п., т. е. ее субъектов 1 и 2 (в терминах нашей схемы), был впервые со всей определенностью дан марксизмом. Научным основанием для определения субъектов, в конечном счете взаимодействующих в институционализированной коммуникации, является СОЦИАЛЬНАЯ, а точнее - СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ структура исторически-определенного субъекта.

коммуникативный процесс предполагает передачу сигналов, адресованных некоторому множеству ВЕРОЯТНЫХ приемников информации» (Брудный А.А. О некоторых приложениях теории информации / Кибернетика, общество, жизнь. М.: Мысль, 1964)..

²⁷⁹ См. Moles A.A.. Les bas de la theorie de l'information et leur application aux langages / Communications et langages. Paris, 1963, p. 16.

²⁸⁰ Выражением «социально-активные» подчеркивается, что пресса, как и всякий социальный институт, с одной стороны есть организационная форма, орудие, орган определенного социального субъекта, а с другой стороны (в отличие от «социально-нейтральных» относительно способа их дальнейшего употребления омертвленных продуктов деятельности) - сама есть «живая деятельность» людей, «наполняющих» данную организационную форму (профессионально принадлежащих к данному институту или «относящихся» к нему, со своими субъектными характеристиками (в частности, ЖУРНАЛИСТИКА).

²⁸¹ Анализ понятия группового субъекта (правда, без этого термина) применительно к «субъекту общественного мнения» см.: Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: ИПЛ, 1967.

В качестве субъектов 1 и 2 процесса, который мы будем называть массовой коммуникацией, могут выступать и объективно выступают социальные субъекты типа: социальный слой, класс, в пределе - общество в целом. Отсюда - неизбежно политический (в условиях классового общества или антагонистического окружения) характер этого процесса, пропагандистская направленность коммуникации. Социальным содержанием самой массово-коммуникативной деятельности оказывается институционализированное, организованное ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ воздействие на широчайшие слои населения.

Подобно тому, как термин КОММУНИКАЦИЯ употреблялся нами для деятельности и процесса (см. выше), так и для МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ действительны оба смысла. Предложим определение ее как деятельности.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ - это осуществляемая социальным субъектом (в классовом обществе - классом) коммуникативная деятельность, которая имеет своим содержанием идеологическое воздействие на социального же субъекта (класс, совокупность классов, общество в целом), использует для этого ряд специфических институциональных (социально-активных) средств и имеет внешнюю структуру ретинальной коммуникации, или «распространения».²⁸²

Кратко представленная здесь последовательность рассуждения поверяется в диссертации историческими фактами генезиса массовой коммуникации. Далее излагается подход к теоретико-социологическому представлению массовой коммуникации и строится принципиальная схема процесса.

Использование деятельностной модели помогает систематизировать основные детерминанты массовой коммуникации, складывающиеся в следующие группы: а) цели и задачи коммуникации социального субъекта 1; б) средства коммуникации этого субъекта; в) цели и задачи восприятия и потребления содержания коммуникации социальным субъектом 2; г) средства восприятия и потребления содержания коммуникации этим субъектом.

В диссертации предлагается подход к АУДИТОРИИ, как к особому социально-активному средству восприятия и потребления содержания коммуникации социальным субъектом 2.²⁸³

Исследуется роль каждого из названных элементов (групп элементов) в становлении, развитии и функционировании процесса.

Однако для выяснения закона взаимосвязи указанных детерминант массовой коммуникации, формирующих ее в каждом данном исторически определенном обществе, приходится выйти «за пределы» процесса массовой коммуникации, как такового. Решающее значение имеют те отношения, в которых состоят между собой социальные субъекты 1 и 2 массовой коммуникации. Эта система отношений, с общественно-экономическими отношениями в ее основе, представляет собой объективный итог всего предшествующего обмена деятельностью (общения в широком смысле) и существует и безотносительно к массовой коммуникации, дана в ее предпосылке.

Массовая коммуникация и восприятие и потребление массовой коммуникации суть лишь особые деятельности социальных субъектов, «пара» взаимобуславливающих

²⁸² Настоящее определение несколько отлично от принятых в современной литературе. Это определение не только «через средства»: массовая коммуникация - процесс, осуществляемый при участии прессы, радио и т. д. Это и не определение только через внешнюю структуру процесса: массовая коммуникация - распространение социальной информации на анонимную, численно большую и т. д. аудиторию. Мы постарались определить массовую коммуникацию ЧЕРЕЗ ПРИРОДУ СУБЪЕКТОВ, в ней взаимодействующих.

²⁸³ Аудитория отнюдь не тождественная социальному субъекту 2. Это есть своеобразный «орган», институт этого субъекта, подобно тому, как пресса и т. д. суть органы и институты социального субъекта 1. «Наполнением» этой социальной формы являются люди, которые непосредственно воспринимают и потребляют содержание массовой коммуникации, адресованной классу или обществу в целом. Лишь через посредство аудитории - читателей, зрителей, слушателей - массовая коммуникация «достигает» своего субъекта.

деятельностей в ряду множества других, которые не могут быть элиминированы из концептуальной схемы. Изложенный подход можно проиллюстрировать следующим изображением:

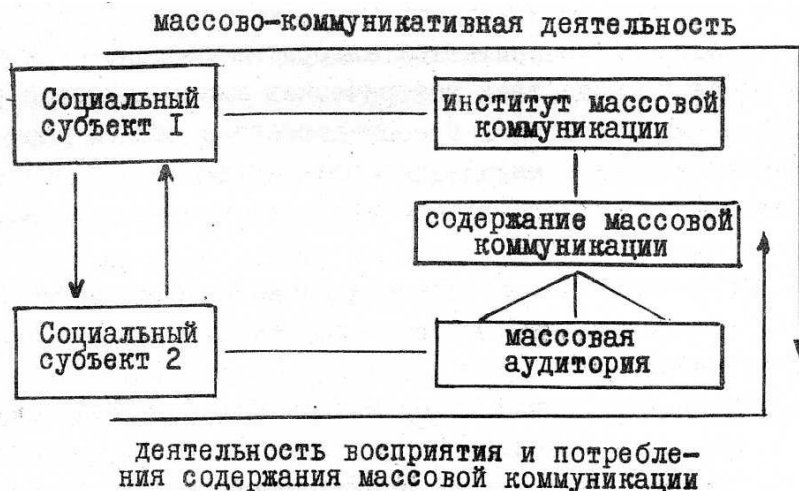


Рис. 2

В такой схеме массовая коммуникация с ее институтами предстает не как нечто лежащее «вне» системы общественных отношений (пусть обусловленное ею и в свою очередь влияющее на нее), а как специфическое проявление этой системы, ее аспект (система отношений, или целостность взаимодействия социальных субъектов 1 и 2 условно показана в левой части схемы, правая же представляет собой конкретизирующее развертывание определенного аспекта их взаимодействия).

Исходя из всего изложенного, первыми и основными вопросами, которые встают при анализе любого конкретно-исторического случая массовой коммуникации являются следующие:

- а) Что представляет собой социально-классовый субъект 1 массовой коммуникации?
- б) Что представляет собой социально-классовый субъект 2 массовой коммуникации?
- в) В какой системе отношений между собой состоят указанные субъекты 1 и 2 массовой коммуникации?

Подобные вопросы всегда ставились К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным при изучении прессы конкретного общества, конкретных направлений, при анализе отдельных периодических изданий, их социальной природы и роли в формировании общественного сознания.

В диссертации рассматриваются алгоритмы формирования преобладающих в разных обществах исторических типов массовой коммуникации. Социальным субъектом 1 преобладающего в каждом данном обществе типа массовой коммуникации оказывается класс, который представляет собой «господствующую МАТЕРИАЛЬНУЮ СИЛУ общества».²⁸⁴

В диссертации демонстрируются объяснительные и эвристические возможности данной концептуальной схемы для конкретных общественно-исторических условий.

Для буржуазной массовой коммуникации эта схема особенно «прозрачна», поскольку социальные субъекты 1 и 2 суть не только разные, но и антагонистически

²⁸⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М.: ИПЛ, 1966, с. 59.

противоположные классовые силы. Из антагонистического отношения социально-классовых субъектов 1 и 2 могут быть объяснены (реконструированы) основные характеристические черты буржуазного типа массовой коммуникации.

Социалистическая массовая коммуникация представляет собой кардинально иной общественно-исторический тип процесса. В нем обнаруживается своеобразное «тождество» социальных субъектов 1 и 2, оказывающихся «одним и тем же субъектом», только взятым в разных отношениях: как субъект коммуникативной деятельности и как субъект восприятия и потребления содержания коммуникации. В качестве первого выступает передовой класс или общество в целом в лице этой организованной части, коммунистического авангарда. В качестве второго - общество в целом, широчайшие народные массы.

Такое тождество и прогрессирующее «слияние» социальных субъектов 1 и 2 массовой коммуникации по мере продвижения к развитому коммунистическому обществу не исключает, а предполагает сознательное направление, «программирование» массовой коммуникации, осуществляемое управляющими центрами субъекта-общества. Вместе с тем, оно предполагает реализацию идеальной модели, в словесной форме представленной еще молодым Марксом, который рассматривал свободную прессу, как «...язык народа, обращенный им к самому себе».²⁸⁵

Дальнейшая конкретизация настоящего исходного теоретического представления в параграфе девятом производится в связи с исследованием проблемы эффективности массовой коммуникации, составляющей наибольшую актуальность для конкретно-социологической практики.

Под ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ понимается характеристика массовой коммуникации с точки зрения соответствия ее эффектов (изменений в сознании и поведении субъекта 2 целям и задачам субъекта 1. В конечном счете эффективность массовой коммуникации (как и все другие ее характеристики) определяется отношением (системой отношений) между социальными субъектами 1 и 2. Но поскольку речь идет о субъектах 1 и 2, выделенных на уровне социально-классовой структуры, такая итоговая эффективность (неэффективность) может складываться лишь как историческая «равнодействующая», при значительных «отклонениях» ее составляющих.

Исследование эффективности конкретных коммуникаций, в конкретных исторических условиях, требует вычленения конкретных эффектов в конкретных их носителях, входящих в структуру социального субъекта 2, причем рассмотрения этих эффектов не «вообще», а в связи с конкретными целями конкретных носителей коммуникативной деятельности в рамках структуры социального субъекта 1.

Задается ряд правил рассмотрения социального субъекта 1 массовой коммуникации в целом, как иерархизированной системы субъектов 1 (групповых и индивидуальных) каждого со своими целями (гаммой целей), которые реализуются средствами коммуникативной деятельности. Аналогичное структурирование предусматривается для субъекта 2 массовой коммуникации в целом. Такой подход позволяет строить для каждого конкретного массово-коммуникативного воздействия (совокупности воздействий гипотетическую СИСТЕМУ ЭФФЕКТОВ, с последующим поиском эмпирических индикаторов для отдельных эффектов и их совокупностей.

Показывается необходимость изучения этих эффектов в связи с эффектами коммуникативных воздействий отличных от массовой коммуникации (межиндивидуальное общение и т. д.), а также «непосредственных воздействий» социальной действительности, отличных от коммуникации вообще.

Средствами теоретического анализа и рядом конкретно-социологических данных аргументируется мысль о решающей зависимости как итоговой эффективности (ее исторической «равнодействующей»), так и – в значительной степени – конкретной

²⁸⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 44. Нетрудно увидеть в этой формулировке К. Маркса гениальное предвосхищение тождества субъектов 1 и 2 массовой коммуникации будущего.

эффективности определенных коммуникаций – от меры адекватности отражения действительности в содержании массовой коммуникации.²⁸⁶ <...>

(Алексеев А.Н. Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970)

Ремарка: на что намекает?

Вышеприведенное утверждение, в сущности, тривиальное, обычно настораживало идеологических оппонентов. Утверждение об итоговой (в конечном счете...) эффективности только ПРАВДИВОЙ массовой коммуникации (хотя бы и с ссылкой на В.И. Ленина) создавало поводы для усмотрения некой «фиги в кармане». (Июль 2012).

10.7.4. Массовая коммуникация - язык общества, обращенный им к самому себе

= Из монографии «Средства массовой информации» (рукопись, 1973)²⁸⁷

<...> Разумеется, массовая коммуникация такова, каково общество, которое ее породило и в котором она разворачивается. Но теперь этой абстрактной фразе можно противопоставить научную формулировку конкретной исторической закономерности, которую мы и будем считать основным законом данного явления: В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОЙ ПРИРОДОЙ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ В НЕЙ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ СУБЪЕКТОВ И СИСТЕМОЙ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НИМИ (С МАТЕРИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ОСНОВЕ ЭТОЙ СИСТЕМЫ).

Нелишне напомнить, что средства массовой информации и массовая аудитория лишь в определенном смысле суть «орудия», а в другом - это особые «живые деятельности». Реальным «наполнением» институтов являются люди, поэтому сами эти социальные образования могут рассматриваться также и как групповые субъекты. Естественно признать и определенную автономию этих институтов от социальных субъектов 1 и 2, их использующих (по крайней мере - в рамках определения институтов как социально активных средств).

Но поскольку средства массовой информации и массовая аудитория тоже «субъекты» (в изложенном смысле), следует допустить: а) особые отношения между социальным субъектом 1 и его органом массовой информации (как субъектом); б) особые отношения между социальным субъектом 2 и массовой аудиторией (как субъектом); в) особые отношения между органом массовой информации и массовой аудиторией (как субъектами).

Основное содержание отношения (а) может быть кратко определено понятием СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ. Этот вопрос особенно детально рассмотрен в марксистской литературе, в частности, работах классиков марксизма-ленинизма.

Отношения (б) в конкретно-социологических анализах обычно рассматриваются в плане СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ аудитории (социально-демографических

²⁸⁶ Тезис о прагматическом значении правды, или «эффективности правды» неоднократно формулировался в марксистской литературе. Например, Ж.Ф. Лени: «...Слова действительны только тогда, когда они находятся в согласии с действительностью, с которой люди встречаются в своем опыте» (Лени Ж.Ф. К вопросу о материалистической социальной психологии // Вопросы психологии, 1963, № 1, с. 150). См. о том же многочисленные высказывания В.И. Ленина (Полн. собр. соч., т. 38, с. 246; т. 40, с. 69; т. 44, с. 205 и др.).

²⁸⁷ Названная монография была написана по мотивам кандидатской диссертации, защищенной в 1970 г. в Ученом совете Новосибирского университета.

характеристик и т. д.), однако теоретически эта проблема разработана слабо. (Отчасти это связано с распространенным смешением аудитории и социального субъекта 2, которому в конечном счете адресовано информационно-пропагандистское воздействие.

Нетождественность того и другого обычно «не замечается» обыденным сознанием (в отличие от нетождественности органа массовой информации и социального субъекта 1. Все понимают, что, скажем, пресса и класс - разные вещи, хотя пресса и классовая. Гораздо менее очевидно различие аудитории и класса (совокупности классов), «институтом» которого (которой) она является.

Относительную самостоятельность отношений (в) принято обсуждать в терминах **ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АУДИТОРИИ**. Нередко указанное взаимодействие отождествляется с информационно-пропагандистским процессом. Но, как было показано выше, массовая коммуникация к этому не сводится. Пользуясь предложенной моделью, можно сформулировать закон этого относительно автономного взаимодействия: **В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И МАССОВОЙ АУДИТОРИЕЙ НАХОДИТ АДЕКВАТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ СУБЪЕКТАМИ 1 И 2 МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.**²⁸⁸

Ремарка: какова массовая коммуникация, таково и общество

Обратим внимание на фразу из рукописи монографии 1973 г., загнанную в подстрочное примечание (аналогично и в других тогдашних текстах):

«Изучение отношений между средством массовой информации и аудиторией оказывается существенным, в частности, для познания отношений между соответствующими социальными субъектами, даже когда они четко не определены, или для идентификации этих субъектов».

Собственно, здесь, да еще в контексте ссылки на ленинский авторитет, заключена «заветная» (и отчасти крамольная...) идея автора: отношения между прессой и ее аудиторией являются отображением отношений между социально-классовыми субъектами, а стало быть – по характеру отношений между названными социальными институтами можно заключать о действительных отношениях между указанными субъектами.

Интересно, что тогда многими читателями (как дружественными, так и недоброжелательными) эта мысль прочитывалась как попытка указать на противоречия между социально-классовыми субъектами 1 и 2 в социалистическом обществе.

Ср. выше: раздел 1.2. (Июль 2012)

Вместе с тем, относительная самостоятельность средства массовой информации, массовой аудитории и отношений между ними позволяет говорить о своеобразном обособлении, локализации соответствующих деятельностей субъектов 1 и 2 в пределах этих институтов. Так социальный субъект 1 задает органам массовой информации общее направление, цель (социальный заказ). Та же в достаточно широких (более или менее широких - в разных обществах) рамках своей автономии реализует эту цель, этот заказ. Социальный субъект 1, таким образом, выступает «субъектом, задающим цель», орган же массовой информации «собственно действующим субъектом» (имея в виду, разумеется, только информационно-пропагандистскую деятельность).

²⁸⁸ Отсюда, изучение отношений между средством массовой информации и аудиторией оказывается существенным, в частности, для познания отношений между соответствующими социальными субъектами, даже когда они четко не определены, или для идентификации этих субъектов. Такой метод неоднократно использовался В.И. Лениным, например, в его анализе взаимосвязей между российской социал-демократической прессой и рабочим классом.

(Аналогичный ход рассуждений применим - с учетом специфики - и для анализа соотношения социального субъекта 2 и его социально-активного средства - массовой аудитории).

Какова же основная закономерность исторической реализации предложенной модели? Абстрактно рассуждая, можно «вообразить» себе любого субъекта (из выделенных на уровне социально-классовой структуры) в роли социального субъекта 1 или социального субъекта 2 массовой коммуникации. Но историческое развитие дает не произвольное, а вполне закономерное «наполнение» схеме, равно как и магистральный путь смены «наполнений». Для всякого общества в зависимости от его социально-экономического устройства преобладающим оказывается определенный тип массовой коммуникации. Выяснить закономерность такого преобладания помогает известное рассуждение К.Маркса и Ф.Энгельса из первой главы «Немецкой идеологии».

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую МАТЕРИАЛЬНУЮ силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила».²⁸⁹

Это господство относится и к производству и распространению массовой информации, т. е. к массовой коммуникации.

«Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства».²⁹⁰

В частности, журналистика, как духовное производство оказывается под преимущественным контролем того класса, которому принадлежат материально-технические средства тиражирования информации.

Наконец, «индивиды, составляющие господствующий класс... регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи».²⁹¹

В свете сказанного ясно, что функция социального субъекта 1 массовой коммуникации классового общества сосредотачивается у правящего класса. Этот класс имеет необходимые материальные предпосылки для осуществления институционализированной коммуникации, идеологического и психологического воздействия на остальные классы, на все общество. В капиталистическом обществе буржуазия в качестве субъекта 1 задает основную цель и программу деятельности средствам массовой информации.

Вместе с тем, уже в недрах этого общества, вопреки господству буржуазии, происходит зарождение информационно-пропагандистского процесса принципиально иного типа, где в качестве субъекта 1 выступает пролетариат и его партия. Господство буржуазии, абсолютное в сфере экономической, становится относительным в сфере идеологической и духовной. Массовая коммуникация, осуществляемая коммунистическими и рабочими партиями в условиях буржуазного общества, конечно, ограничена в своих средствах.

²⁸⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М.: ИПЛ, 1966, с. 59.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

Интересно употребление К. Марксом и Ф. Энгельсом термина РАСПРЕДЕЛЕНИЕ применительно к «мыслям», т. е. в более широком смысле, чем это обычно имеет место в социологической и экономической литературе. Этот термин как нельзя более точно характеризует институционально опосредованную «коммуникацию классов», ибо всякое распространение в конкретно-исторических условиях неизбежно оказывается также и распределением (другое дело - равномерным или неравномерным, справедливым или несправедливым и т. д.). Распределение знаний, ценностей и норм имеет место уже в самом факте их отбора для распространения.

Однако вес и влияние прогрессивной, особенно пролетарской прессы возрастает по мере успехов коммунистического движения и социалистической системы. <...>

Специфика этого процесса в социалистическом обществе может быть объяснена природой взаимодействующих в нем социальных субъектов 1 и 2 и характером отношений между ними. Здесь теоретический анализ подводит к интересному и важному вопросу о своеобразном тождестве социально-классовых субъектов 1 и 2 или о принципиальной возможности рассматривать одного и того же реального субъекта в разных аспектах: как субъекта 1 и субъекта 2.

В идеальной модели коммуникации субъекты 1 и 2 (безразлично - индивидуальные или групповые) предстают как будто обязательно РАЗНЫМИ субъектами. Для идеологического и психологического воздействия, которое буржуазия адресует массам в эксплуататорском обществе, это, конечно, так и есть. Однако разграничение субъектов 1 и 2 является методологическим и вовсе не обязательно должно находить подтверждение в «здравом смысле». Как замечено специалистом в области семиотики, двусторонняя коммуникация - лишь частный случай коммуникации в человеческом обществе. Другим случаем является рефлексивная, или самокоммуникация, которая есть не что иное, как «внутренняя речь, мысленное пользование знаками». Представляется разумным распространить понятие САМОКОММУНИКАЦИИ и на более широкую область явлений, допустить возможность его специфического применения и для групповых социальных субъектов, наряду с индивидуальными. Такая экстраполяция вполне правомерна, поскольку между индивидуальными и групповыми субъектами нет разницы в самых общих их определениях (существующее различие не касается принципиальной структуры деятельности того и другого). Итак, можно допустить существование такой коммуникации социального субъекта, которая была бы своеобразным аналогом рефлексивной коммуникации индивида, его воздействия знаками «внутри» самого себя. Подтверждается ли это реальной исторической действительностью?

Едва ли не первая в науке словесная (не графическая) модель прессы как социального института принадлежит молодому Марксу. «Неделикатным, нескромным языком народа, обращенным им к самому себе» («...die undelikate, indiskrete, an sich selbst gerichtete Sprache des Volkes...») называл свободную печать К. Маркс в «Дебатах шестого Рейнского ландтага» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 44). К. Маркс противопоставляет «худосочной», подцензурной прусской прессе, в которой «правительство слышит только свой собственный голос» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 69) идею свободной, бесцензурной печати, которая бы отвечала своему истинному призванию и назначению.

Такая печать, по мысли Маркса - это:

«...зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром... Свободная печать - это откровенная исповедь народа перед самим собой... Она - духовное зеркало, в котором народ видит самого себя... Она - идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа вливается в нее животворным потоком».²⁹²

<...> Эта очень содержательная модель-метафора получила дальнейшее развитие не только в более поздних высказываниях Маркса, но и в самой практике созданной им коммунистической пролетарской прессы. В 1848 г. К.Марксом и Ф.Энгельсом был основан первый коммунистический орган печати - «Новая Рейнская газета» - ставший в центре революционных событий Западной Европы тех лет.

Знаменем газеты, как писал Ф.Энгельс, было «знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфически пролетарский характер» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 16). Рейнская провинция «...дала

²⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65-66.

германскому пролетариату единственный орган, представлявший его не только на словах или одним благими намерениями, но выразивший его действительные интересы».²⁹³

<...> Именно пролетариат был социальным субъектом 1 «Новой Рейнской газеты». Вместе с тем, именно пролетариат имела эта газета и своим социальным субъектом 2. Она обращалась к пролетарским массам, которые «электризовала», которые поднимала на сознательную и организованную борьбу, коммунистически воспитывала и развивала, готова к «самостоятельной организации в классовую партию».²⁹⁴ Можно сказать, что газета, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, была ЯЗЫКОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ОБРАЩЕННЫМ ИМ К САМОМУ СЕБЕ.

<...> Вся последующая история коммунистической прессы (от печатных органов, направившихся Марксом и Энгельсом до ленинской «Искры», «Правды» и др.) являет собой пример своеобразной «рефлексивной коммуникации», где пресса выступает органом «самопропаганды» и «самоорганизации» передового класса. Но это происходит не само собой, а лишь при опосредствовании коммуникации класса деятельностью его организованного авангарда, коммунистической партии. Субъектом 1 выступает пролетариат, проводящий свои научно осознанные интересы как революционная партия.

Этот краткий экскурс в историю пролетарской печати понадобился для понимания специфического тождества социальных субъектов 1 и 2 в коммуникации класса, обращающегося в лице своего авангарда, партии, к широчайшим слоям того же класса, иначе говоря - к самому себе.

<...> Итак, в массовой коммуникации правомерно усматривать самокоммуникацию постольку, поскольку налицо преимущественное или частичное обращение социального субъекта «к самому себе». Как и коммуникация групповых субъектов вообще, «самокоммуникация» на уровне социальных субъектов не усматривается наглядно, а выявляется лишь средствами теоретического анализа. Наглядно, чувственно данной в массовой коммуникации всегда является лишь внешняя структура, а именно - РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Тем интереснее, что в случае самокоммуникации социального субъекта в этом процессе удается теоретически выделить и элементы того, что можно назвать «разговором», т. е. структуры, казалось бы несовместимой с распространением.

Оговорим, что термин РАЗГОВОР, предложенный А. Модем, также экстраполируется нами на групповых субъектов. (А. Мошь применяет его только для индивидов).

Если социальные субъекты 1 и 2 суть один и тот же субъект, только рассматриваемые в разных аспектах (а точнее - между выделенными в рамках одного субъекта его сторонами), то происходит именно РАЗГОВОР, в котором «отправитель» и «адресат» совмещены либо же периодически меняются местами.

<...> С возникновением коммунистической печати возникает принципиально новый тип и стиль связей между органом массовой информации и его аудиторией. В частности, газета перестает быть только «говорящей» стороной, аудитория - только «слушающей». Аудитория также «говорит», поскольку газета начинает делаться руками не только журналистов-профессионалов, но и самой читательской массы (в лице ее наиболее активного «пишущего слоя»).

<...> Но что такое «разговор»? По существу, это обмен коммуникацией, или общение. Отсюда правомерно говорить об ОБЩЕНИИ далеко не для всякой массовой коммуникации. Общение в последней подлинно лишь в той мере, в какой ослабляется жесткое закрепление ролей субъектов 1 и 2. Но в массовой коммуникации это мыслимо лишь в условиях действительного социально-классового тождества этих субъектов. Следовательно, «общение» в массовой коммуникации предполагает «самокоммуникацию», и наоборот.

²⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 120.

²⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 16.

В свете сказанного, новый смысл приобретает и выражение «массовое общение», которое в современной литературе нередко употребляется в качестве синонима массовой коммуникации. В нашу концептуальную схему термин МАССОВОЕ ОБЩЕНИЕ может быть введен как обозначение высшей ступени развития информационно-пропагандистского процесса, когда «коммуникация массам» становится также «коммуникацией масс», т. е. возникает действительное общение масс, при помощи прессы и других средств массовой информации.

Итак, предложенная модель институционализированной массовой коммуникации оказывается «работающей» для разнообразных типов и форм этого процесса. Но для каждого типа они конкретизируются по-своему. <...>

Ремарка: в чем различие буржуазной и социалистической массовой коммуникации?

Здесь опущен пассаж, совпадающий с ранее приведенным рассуждением из автореферата диссертации 1970 г. (см. раздел ...) о принципиальных различиях общественно-исторических типов массовой коммуникации буржуазного общества и социалистической массовой коммуникации.

В последней, напомним, предполагалось «...прогрессирующее «слияние» обоих социальных субъектов по мере продвижения к развитому коммунистическому обществу...», в каковом (продвижении) в рамках советской общественной науки нельзя было сомневаться. (Июль 2012)..

Подводя итог, можно выразить суть изложенного краткой формулой: МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ ЕСТЬ ЯЗЫК ОБЩЕСТВА, ОБРАЩЕННЫЙ ИМ К САМОМУ СЕБЕ. Общество становится действительным хозяином своего «языка», поскольку сбрасывает с себя путы социального порабощения и неравенства и обретает способность контролировать условия собственной жизнедеятельности. <...>

(Алексеев А.Н. Средства массовой информации. Рукопись. 1973)

Ремарка: социология под прессом идеологической цензуры

В 1971 г. на редакционно-издательском совете АН СССР обсуждалась заявка Ленинградских секторов Института философии АН СССР на издание книги тогдашнего сотрудника этого института А.Н. Алексеева под названием «Язык общества, обращенный им к самому себе». Ввиду возникших у некоторых участников высокого академического совета недоуменных вопросов к несколько экстравагантному названию монографии («Язык общества, обращенный им к самому себе»), заявка была отклонена. Год спустя, после переименования рукописи (новое, скромное название - «Средства массовой информации»), повторную заявку благополучно утвердили и монография была включена в тематический план ЛО издательства «Наука» на 1973 год.

Но тут разразился скандал вокруг вышедшей в этом издательстве «идеологически не выдержанной» книги Э.В. Соколова «Культура и личность» и еще нескольких социологических трудов. Все рукописи Ленинградских секторов Института философии прошли через экстренное дополнительное рецензирование.

Ниже приводится текст письма, поступившего по месту работы автора из Ленинградского отделения издательства «Наука». (Июль 2001).

10.7.5. «Все здание теории... оказывается без марксистского фундамента»

= Из заключения Ленинградского отделения издательства «Наука» (1973)

Книга А.Н. Алексеева «Средства массовой информации (проблемы теории и методологии исследования)» представляет собой фактически первую попытку разработки теоретических и методологических проблем исследования массовых коммуникаций. Роль средств массовой информации в условиях острой идеологической борьбы на современном этапе очевидна. Поэтому теоретический анализ массовой коммуникации как социального явления представляется чрезвычайно важным.

Автор ставил своей целью не только анализ массовой коммуникации как особого социального феномена, но и построение теоретической модели массовой коммуникации, которая могла бы служить основой для исследования эффективности средств массовой информации. В этом направлении автором проделана большая, во многом новая работа.

Однако, весь этот огромный труд оказался с самого начала обреченным на неудачу из-за ошибочной методологической концепции автора. Увлечшись конструированием «специальной социологической теории массовой коммуникации», он уже на исходных позициях выпустил из вида значение общей социологической теории - исторического материализма.

Это закономерно привело к тому, что автор, помимо своей воли, уже на исходном рубеже оказался на позициях совсем другой методологии: вместо марксистского учения о базисе и надстройке он начинает конструирование своей теории по западной социологической структурной схеме общества: «индивид-группа-институт». В соответствии с этой схемой автор пытается вывести «модель» коммуникации на институциональном уровне, исходя из некой абстрактной общей структуры деятельности. Превращая коммуникацию из вида общественных отношений в вид деятельности, он строит свою теорию «субъект-1» и «субъект-2», где сама целесообразная деятельность как особый момент исчезает, а под субъект-1 и субъект-2 можно подставить или отдельные индивиды [так! - А.А.], или классы - схема работает в любом случае.

Как хорошо показал в своей рецензии на рукопись проф. В.Я. ЕЛЬМЕЕВ²⁹⁵, это соответствует попыткам западных социологов растворить общественные отношения в деятельности, и все последующие совершенно верные рассуждения автора о классовой сущности массовой коммуникации, коренных различиях между социалистической и буржуазной прессой и т. д. изменить ничего не могут: все здание теории А.Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций.

По вышеизложенным причинам мы считаем, что работа А.Н. Алексеева издана быть не может, а поскольку речь идет не о частных недостатках рукописи, а о ее ОШИБОЧНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ, это не позволяет говорить и о какой-либо доработке.

Редактор Г.А. Щербакова, ст. редактор Е.П. Сидоренко, зав. редакцией исторической и философской литературы С.В. Солтанов (Сентябрь 1973 г.)

Ремарка: что было потом

Одновременно, с похожими редакционными заключениями, из ЛО издательства «Наука» в Ленинградские сектора Института философии АН СССР были возвращены (также уже подготовленные к изданию) рукописи книги С.И. Голода «Мораль, личность и семья» и коллективной монографии «Молодежь в социальной структуре советского общества» (под редакцией И.И. Леймана, ныне покойного).

Что касается «теории, лишенной марксистского фундамента», то 6 лет спустя термин «массовая коммуникация» так или иначе легализовался. И в том же

²⁹⁵ К сожалению, текст рецензии В.Я. Ельмеева, впоследствии – профессора факультета социологии Санкт-Петербургского университета, ныне покойного, у меня не сохранился. Приходится пользоваться пересказом этой рецензии издательскими работниками. – А. А. Июль 2012.

издательстве «Наука» данная теория в виде статьи автора этих строк «Массовая коммуникация как объект социологического исследования. Вопросы развития теории» нашла свое место на страницах сборника: *Массовая коммуникация в социалистическом обществе*. Л.: Наука, 1979.

Как полагает сам автор, предложенная им социологическая модель, или теория массовой коммуникации была **ОРТОДОКСАЛЬНО МАРКСИСТСКОЙ**, что, вероятно, заметил и читатель. Однако для «дремучего марксизма-ленинизма» рецензента именно такая ортодоксальность, да еще «в не наших терминах» (массовая коммуникация) была неприемлема.

Вместе с тем, стоит отметить изрядную **СПЕКУЛЯТИВНОСТЬ** вышеприведенного теоретического построения автора. Спекулятивность – как в смысле его (этого построения) умозрительности, метафизичности, так и в смысле не лишенной лукавства интерпретации коммунистической пропаганды в качестве «самокоммуникации» и «языка общества, обращенного им к самому себе». (Июль 2001 – июль 2012).

К середине 70-х гг. произошло конституирование «социологии массовой коммуникации» как особого раздела марксистской прикладной социологии, с достаточно развитым теоретико-методологическим обоснованием, своим методическим инструментарием и ценными научно-практическими результатами. Это вселяет уверенность в успехе коллективных усилий по дальнейшему развитию марксистской социологической теории информационно-пропагандистского процесса.

Алексеев А. Н. Массовая коммуникация как объект социологического исследования. Вопросы развития теории / Массовая коммуникация в социалистическом обществе. Л.: Наука, 1979, с. 57.

10.8. «СОЦИОЛОГИЯ СТУЧИТСЯ В ДВЕРИ РЕДАКЦИЙ»

[Ниже – извлечения из цикла работ А. Алексеева, посвященных прикладным социологическим исследованиям газеты и ее аудитории (конец 1960 – начало 1970-х гг. - А. А.)]

10.8.1. «Социологические беседы»

= Из журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» (1970)

Беседа девятая: Комплексное исследование газеты

Читатели, интересующиеся проблемами социологии, вероятно, следят за циклом «Социологические беседы», публиковавшимся в нашем журнале на протяжении 1968-1970 годов. В них обсуждались различные проблемы социологического изучения газеты и ее аудитории, был высказан ряд конкретных советов и методических рекомендаций по проведению обследований читательского мнения, степени связи газеты и читателя, содержанию самой газеты. Сегодня мы публикуем заключительную беседу этого цикла.

Три года назад «Рабоче-крестьянский корреспондент» писал:

«Социология стучится в двери редакций...». С тех пор социология успела прочно сдружиться с редакциями. За эти годы были проведены обследования читательских аудиторий крупнейших советских газет («Правды», «Известий», «Труда», «Литературной газеты»). *)²⁹⁶

Опросы читателей и другие формы конкретно-социологической работы становятся необходимым средством совершенствования журналистской практики и партийно-государственного руководства печатью.

У районной и многотиражной печати есть свои трудности, но есть и преимущества перед «большими» газетами. Верно, что небольшим газетам не приходится рассчитывать на использование ЭВМ для обработки собранной информации. Не хватает социологов-профессионалов, которые могли бы разработать программу исследования. Вообще серьезное обследование не проведешь на одном энтузиазме.

Однако, в отличие от центральной печати, у районной газеты аудитория исчисляется не миллионами, а тысячами человек. Здесь легче смоделировать выборку, меньше сил и средств требует сам опрос, можно широко использовать помощь рабсельскоров и т. д. В местных условиях, когда исследование проводится «своими силами», возможно обращение к разнообразным социологическим методам, а там, где методика поневоле оказывается «грубой», можно уточнить картину сравнением данных об «одном и том же», но полученных разными способами.

Наиболее эффективным является КОМПЛЕКСНОЕ исследование. Под этим мы понимаем изучение не какого-то одного элемента процесса массовой коммуникации, а обоих «полюсов» системы «газета-читатель» и взаимодействия между ними. Комплексность, далее, предполагает использование не какого-либо одного метода (например, опрос), а многих.

Попробуем обрисовать круг исследовательских процедур (не стоит бояться этого слова), которые могли бы составить комплекс для всестороннего изучения местной газеты и ее читателя. Подчеркнем, что все они рассчитаны на возможности небольшой редакции (Мы будем опираться на опыт заиграевской газеты «Вперед» Бурятской АССР. О некоторых шагах этой редакции в области социологических исследований уже рассказывалось в № 9 «Рабоче-крестьянского корреспондента» за 1970 год).

1. ПЕРЕПИСЬ ПОДПИСЧИКОВ. Для этого достаточно связаться со всеми почтовыми отделениями, которых в районе около двух-трех десятков. Полный список подписчиков даст информацию не только об активности подписки на данную газету, но и о том, как «конкурирует» районная газета с областными и центральными изданиями. По списку подписчиков потом легко делать случайную выборку для опроса (например, взять всех, чья фамилия начинается на определенную букву).

2. ВЫБОРОЧНЫЙ ОПРОС ЧИТАТЕЛЕЙ-ПОДПИСЧИКОВ. Опыт показывает, что оптимальным, с точки зрения представительности и массовости, является опрос примерно каждого десятого подписчика способом случайной выборки (по имеющемуся полному списку подписчиков районной газеты). Для обычных районных газет, таким образом, количество опрошенных редко должно превышать 500 человек. Желательно проведение опроса способом «анкеты-интервью», когда анкетер беседует с опрашиваемым и при надобности сам заполняет анкету с его слов. (Рекомендации по составлению вопросника приводились в предыдущих беседах).

3. СПЛОШНОЙ ОПРОС ПОДПИСЧИКОВ ПО ПОЧТЕ. Опросный лист рассылается с одним из номеров газеты всем подписчикам. Эту анкету желательно делать

²⁹⁶ Упомянутые обследования проводились группой социологии печати Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Новосибирского университета, возглавлявшейся проф. В.Э. Шляпентохом, а после переезда последнего из Новосибирска в Москву (начало 1970 г.), - автором этих строк, пока он сам жил и работал в Новосибирском академгородке, т. е. до конца 1970 г.

меньшего объема, чем «анкета-интервью», это как бы ее сокращенный вариант. Поскольку опросный лист обращается лишь внутри района, нетрудно договориться с почтовыми работниками о том, чтобы при возврате анкеты читатель мог не запечатывать ее в конверт и не нести почтовых расходов.

4. **ВЫБОРОЧНЫЙ ОПРОС СРЕДИ ТЕХ, КТО НЕ ПОДПИСЫВАЕТСЯ НА ДАННУЮ ГАЗЕТУ.** В райстатуправлении есть данные о структуре населения района по сфере занятости в различных отраслях народного хозяйства. С учетом доли каждой данной отрасли среди работающего населения района следует наметить число лиц, которых надо опросить в населенных пунктах, где та или иная отрасль является преобладающей. В заиграевской газете такой способ выборки дал удовлетворительную представительность.

Данные, собранные любой из этих процедур, сразу «вырастают в цене», если берутся в сопоставлении с данными другой процедуры. Действительно, оценить распространенность газеты в той или иной группе населения можно, лишь сопоставив, например, долю рабочих в структуре подписки с долей рабочих в массе тех, кто не подписывается на эту газету, или же во всей массе населения района (обычно более активными подписчиками оказываются все же служащие). Результаты почтового опроса позволят в известной мере оценить степень искренности ответов на анкету-интервью (ибо в последнем случае у опрашиваемого все же нет полной уверенности в своей анонимности). Подчеркнем, что анкеты, распространявшиеся разными способами, при обработке ни в коем случае нельзя валить «в одну кучу». Надо именно сравнивать результаты, делая выводы из сопоставления.

5. **СПЛОШНОЙ ОПРОС РАБСЕЛЬКОРОВ.** Здесь возможны как метод анкеты-интервью, так и почтовый опрос.

Все названные виды анкет, которые рекомендуется использовать параллельно, вместе составляют СИСТЕМУ АНКЕТ. Некоторые блоки (некоторые вопросы) в них должны повторяться (в интересах последующего сравнения результатов), другие, естественно, будут различаться (ясно, например, что неподписчику нельзя задавать все те же вопросы, что и подписчику).

6. **АНАЛИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ.** Эта процедура подробно обсуждалась в одной из предыдущих бесед. Сейчас обратим внимание на важность рассмотрения ДИНАМИКИ почты. Очень полезно сравнивать почту разных лет (насколько позволяет архив) и отсюда судить об изменениях в характере связи газеты со всей аудиторией через посредство наиболее активного слоя «пишущих читателей».

7. **АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ГАЗЕТЫ.** Сбор читательских мнений во многом утрачивает свою эффективность, если одновременно не исследуется само содержание газеты. Социологическое исследование системы «газета-читатель» не должно сводиться только к анкетированию. Допустим, газета стала пользоваться большим спросом, выросла подписка, увеличился поток писем. Если хотим выяснить, какие обстоятельства сыграли тут решающую роль, вовсе не обязательно спрашивать об этом читателя (равно как и в противоположном случае - упал тираж, понизился интерес к газете). Читатель может и не заметить или заметить, да не сказать истинной причины.

А вот попробуйте сравнить: прибавилось или убавилось по сравнению с предыдущим периодом количество оперативной информации; шире или Уже представлена в газете география района; отвечает или нет удельный вес освещения отдельных отраслей хозяйства на страницах газеты реальному соотношению этих отраслей в районе; чаще или нет газета поднимает проблемы быта; насколько интенсивно публикуются письма читателей и насколько структура раздела «Редакционная почта» отвечает структуре самой поступающей почты; какая доля критических заметок сопровождается затем сообщениями о принятых мерах, и т. д. И многое станет ясно без опроса.

Так, анализ содержания (контент-анализ), проведенный редакцией газеты «Вперед» в Бурятии, убедительно показал, что рост тиража вдвое и читательской почты - вчетверо за двухлетний срок имел своими основными причинами изменение соотношения не местной и местной тематики (в пользу последней), активизацию критической деятельности газеты, перераспределение площади между сельскохозяйственным и промышленными отделами (в пользу последнего), в соответствии с преимущественно промышленным характером района, и ряд других обстоятельств.

Социология вошла в двери уже многих редакций, больших и маленьких. Пожелаем же журналистам и социологам укрепления их дружбы!

(Алексеев А.Н. Комплексное исследование газеты // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1970, № 12).

10.8.2. «Социальный эксперимент в районной газете»

= Из сборника «Газета, автор, читатель» (1975)

<...> Как известно, районные газеты не могут конкурировать с «большой прессой» ни в оперативности, ни в широте и масштабности освещения действительности. Зато никакая другая газета не стоит так близко к своему читателю, не может претендовать на обстоятельное и глубокое освещение жизни каждого производственного коллектива или населенного пункта. Районная печать незаменима как источник местной информации. И в этом преимущество «малой прессы». С учетом этого и следует решать вопрос о специфике районной печати в системе средств массовой информации и пропаганды. <...>

Между тем, до сих пор многие районные газеты половину своей площади и даже больше занимают материалами прессы ТАСС, перепечатками из других газет, то есть информацией не местного содержания, которую более оперативно и в гораздо большем объеме доставляют человеку «большая пресса», радио, телевидение.

<...> Обратимся к материалам социологического исследования - проведенный в 1968-1970 гг. социальный эксперимент в заиграевской районной газете «Вперед», Бурятской АССР. <...> Под экспериментом вообще понимается исследование каких-либо явлений путем активного воздействия на них при помощи создания новых условий или же через изменение течения процесса в заданном направлении. В данном случае замысел состоял в том, чтобы, перестроив районную газету путем последовательного насыщения ее материалами на местную тему, и, соответственно, сокращения доли не местных материалов, вплоть до почти полного изъятия последних со страниц газеты, определить эффект от этого мероприятия.²⁹⁷

Объективными предпосылками для эксперимента именно в данной газете были: достаточно высокий уровень хозяйственного и культурного развития района, пригородного по отношению к столице республики, городу Улан-Удэ; высокий уровень насыщенности населения района всеми другими средствами массовой информации (центральная и республиканская печать, радио, телевидение); достаточная подготовленность редакционного коллектива к проведению эксперимента.

Экспериментальная перестройка газеты «Вперед» была начата в январе 1968 г. Количество материалов, не относящихся к жизни района, сокращалось в газете постепенно. Вначале это коснулось текстовых материалов, потом фотохроники ТАСС. «Переходный период» занял несколько месяцев. К середине 1968 г. печатание материалов, не отражающих жизнь данного района, было фактически прекращено. Газета стала помещать почти исключительно местный материал.

²⁹⁷ Эксперимент, таким образом, выступал одновременно и как практический шаг в ведении определенной газеты, направленный на поиск путей повышения ее эффективности, и как особый метод исследования.

Известно, что отношение читателя к газете прежде всего зависит от ее содержания. В 1967 г. доля не местных материалов составляла 46 % газетной площади, а в 1969 г. - около 3 %, и в 1970 г. - менее 1 %. Однако это был весьма грубый подсчет, к тому же не дающий представления о характере разнообразных сопутствующих этому изменений «лица» газеты.

Усилия редакции по переводу газеты почти исключительно на местную тематику можно было точно измерить специальными средствами контент-анализа. В данном случае выборочному обследованию подлежали комплекты газеты «Вперед» за два года: 1967 и 1969 гг. (В выборку вошли каждый десятый номер газеты за соответствующие годы, что составило по 15 номеров за каждый из двух подлежащих обследованию периодов).

В качестве основной регистрационной единицы и категории анализа была взята ТЕМА (предмет освещения или обсуждения в текстовой публикации). Различались «главная» и «второстепенная» темы. В классификационную схему контент-анализа входили также следующие признаки: масштаб описания (районный, республиканский, союзный, международный), сфера (промышленность, сельское хозяйство, идеология, культура, быт, мораль), подсферы (подразделения в рамках каждой сферы), способ решения темы (подразделения по «степени критичности») и некоторые другие.

Анализ содержания показал, что в итоге эксперимента газета «Вперед» стала действительно местным изданием: удельный вес материалов районного масштаба вырос до 93 %, а союзного - уменьшился с 21 до 3 %, международного, соответственно, - с 10 до долей процента. Переориентация районной газеты на освещение местной жизни, однако, не привела к отрыву от тематики республиканской и центральной прессы. <...> Газета теперь больше внимания уделяла промышленности, что отвечало специфике Заиграевского, промышленного по преимуществу, района. <...> Увеличилось количество критических материалов. Возросла доля небольших по объему материалов (информации) и крупных материалов (обычно аналитические корреспонденции) за счет уменьшения доли «промежуточных» по размерам, преимущественно описательных корреспонденций. Больше печатались нештатные авторы.

Как же отнеслись к описанной перестройке газеты ее читатели? Основные тенденции изменения читательского отношения могут быть усмотрены уже в таком показателе, как тираж. Тираж газеты к маю 1971 г. достиг 5,8 тыс. экз. против 2,4 тыс. перед началом эксперимента: газету выписывала уже каждая вторая семья в районе. С 1965 по 1967 г. тираж газеты «Вперед» вырос менее, чем на 600 экз., а с 1968 по 1970-й прирост тиража составил около тысячи экз. в год. В 1971 г. тираж увеличился более чем на тысячу экз. всего за 5 мес.²⁹⁸

Другим, не менее ярким свидетельством изменившегося отношения читателей к газете является рост читательской почты с 660 писем в 1967 г. до 2980 - в 1970 г. В самой почте произошли значительные структурные изменения: доля писем от рабочих и колхозников возросла почти втрое, доля писем на темы промышленности - вдвое (что отвечало действительной структуре хозяйства района). Повысилась степень критичности почты. <...> Повысилась и действенность критических выступлений самой газеты: в 1968 г. получены ответы о принятых мерах на три четверти критических сигналов и выступлений, в 1969 г. - на 83 %, в 1970 г. - на 92 % выступлений и запросов газеты.

Редакция стала получать письма из всех населенных пунктов района. При значительном (более чем в 4 раза) увеличении количества поступающих писем, доля опубликованных стала составлять свыше 80 % общего объема почты.

Характерны изменения в распространенности районной газеты в сравнении с другими периодическими изданиями. В 1965-1967 гг. центральные массовые газеты, равно как и республиканские, опережали местную газету по количеству экземпляров,

²⁹⁸ В 1971 г. в Бурятской АССР издавалось 18 районных газет общим тиражом 53 тыс. экз., то есть средний тираж газеты составлял 2,9 тыс. экз. Тираж газеты «Вперед» был выше, чем у любой из районных газет Бурятии, хотя численность населения в Заиграевском районе не самая высокая в республике.

распространяемых в районе. Удельный вес газеты «Вперед» в общем объеме подписки на газетную периодику в Заиграевском районе составил в 1971 г. 23 %. Насыщенность районной газетой на тысячу человек достигла 116 экз. (против 48 экз. в 1967 г.).

Для изучения аудитории и выяснения ее отношения к происшедшим в газете изменениям были применены разнообразные методы. Исследовалась как потенциальная, так и реальная аудитория. В частности, были проведены: всеобщая «перепись» подписчиков районной газеты; выборочные опросы подписчиков (каждый десятый подписчик - 500 чел.) и «не подписчиков» (400 чел.); сплошной опрос рабселькоров. Кроме того, был предпринят сплошной опрос подписчиков и по почте, и путем публикации анкеты в газете. Все опросы проводились одновременно, в течение двух недель, весной 1970 г.

Данные обследования таковы: в 1970 г. газету «Вперед» выписывали 4,4 тыс. семей. По материалам опроса, каждый экземпляр газеты в семье подписчика читают в среднем три человека. Следовательно, только в семьях подписчиков районная газета имеет реальную аудиторию по крайней мере 13,2 тыс. чел. Если же прибавить к этому «не подписчиков», а из опроса выяснилось, что около 60 % лиц, не выписывающих районную газету, читают ее «как правило», «довольно часто» или «иногда», то реальная аудитория оказывается в 1,6 раза больше. Для газеты «Вперед» это примерно 75 % потенциальной аудитории, то есть всего взрослого населения района.²⁹⁹

По данным опроса, 69 % подписчиков имеют образование выше 7 классов, в том числе 21 % - от полного среднего до высшего образования. <...> «Не подписчики» в массе своей имеют более низкий уровень образования. <...> Каждый подписчик «Вперед» получал кроме районной газеты в среднем по 5 периодических изданий, в том числе по 2 газеты и по 3 журнала. При этом лишь 26 чел. из почти пятитысячной массы подписчиков выписывали только одну районную газету, правда, при наличии дома радио или телевизора. Таким образом, реальная аудитория местной газеты практически совпадает с аудиторией республиканских и центральных средств массовой информации, что еще раз показывает нецелесообразность дублирования в местной газете информации, поступающей по другим каналам.

Именно то обстоятельство, что газета «Вперед» в своем содержании не стала повторяться, способствовало существенному росту читательского внимания к ней. 52 % опрошенных подписчиков «читают в каждом номере все или почти все заметки и статьи», 18 % «читают больше половины заметок и статей в каждом номере». Опрос показал, что нет отдела редакции, который бы «работал» менее, чем на три четверти аудитории. По активности внимания читателей на первом месте стоят темы культуры, быта и морали, интересные для всех, независимо от отраслевой принадлежности работающих; затем идут темы промышленности, сельского хозяйства и партийной жизни.

95 % подписчиков, отвечая на вопрос о цели чтения районной газеты, заявляют: «Хочу знать, что нового произошло в районе». Свыше 50 % хотят «получить практические советы по интересующим вопросам» и около 45 % хотят «сверить свою точку зрения с мнением, высказанным в газете». Читатели высоко оценили разнообразие, оперативность, критичность, действенность газеты. Так, 71 % опрошенных подписчиков «не помнят случая, когда бы газета «Вперед» сообщала о важных новостях районной жизни после того, как они уже и без газеты известны» (оценка оперативности). 75 % опрошенных «не помнят случая, когда бы газета «Вперед» рассказывала о событиях из жизни района не так, как это было на самом деле» (оценка объективности); 27 % опрошенных приходилось иметь контакт с редакцией до проведения данного опроса, из них почти три четверти «были удовлетворены результатами своего обращения в газету». Каждому пятому опрошенному подписчику приходилось самому печататься в газете, а

²⁹⁹ Таковы данные по состоянию на 1 марта 1970 г. За два года тираж вырос еще на 2 тыс. экз. Произошло дальнейшее увеличение размеров реальной аудитории.

половине из них - не однажды. <...> 90 % подписчиков считают, что убавлять публикацию местного материала в газете не следует, 5 % - что надо сократить количество материалов на местные темы, затрудняются ответить также 5 %.

Социологический эксперимент, предпринятый в газете «Вперед», полностью подтвердил: эффективность и действенность ее выступлений в первую очередь зависит от умения журналистов работать с местной тематикой, обобщать местный опыт, сосредотачивать внимание на решении жизненно важных, близких читателю проблем. Работа заиграевской газеты показала огромные возможности самого коллектива редакции в поиске новых журналистских решений, в новых методах самого ведения газетного дела. Сама целеустремленная подача местного материала вызвала к жизни не использованные ранее в районной газете жанры, формы, привела к успешному воплощению многие творческие задумки и поиски.

Следует отметить, что реализация научной программы описанного комплекса исследования газеты и ее аудитории оказалась по силам редакции районной газеты при помощи соответствующего научного руководства. Это обстоятельство представляется немаловажным и само по себе составляет существенный научно-методический результат.

(Алексеев А., Секерин В. Социальный эксперимент в районной газете / Газета, автор, читатель. М.: ИПЛ, 1975)

Ремарка: редактор районной газеты– социальный экспериментатор

Виктор Павлович Секерин был, в период описанного здесь эксперимента, редактором газеты «Вперед», Заиграевского района, Бурятской АССР. Мы с ним тогда близко сотрудничали.

Позднее В.П. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Содержание и эффективность районной газеты (Опыт конкретно-социологического анализа)». До своей кончины в 1997 г. В. Секерин жил и работал в г. Красноярске. (Июль 2001)

+++

Глава 11

ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Контент-анализ. 1966-1975)

Содержание

- 11.1. Что такое контент-анализ?
- 11.2. «Контент-анализ: техника или методология?»
- 11.3. «Контент-анализ: его задачи, объекты и средства»
- 11.4. Советская общественная наука в зеркале наукометрического анализа
 - 11.4.1. «Дерево» советской социологии (генезис и темпы роста, 1960-е гг.)
 - 11.4.2. Частотный словарь языка названий советских диссертаций по философии (1955-1970)

Ремарки:

- Оглавление сборника материалов первого советского семинара по проблемам контент-анализа (раздел 11.1); многотомное, продолжающееся издание как зеркало смены общественного климата (11.3); Информационный банк названий диссертаций – возможности использования (11.4.2); идеологические ритуалы и социологические ереси (11.4.2)

11.1. ЧТО ТАКОЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ?

[Автору этих строк довелось быть инициатором и организатором двух первых (и, кажется, единственных!) всесоюзных семинаров по контент-анализу, в начале 1970-х гг. См. сборники материалов этих семинаров:

- Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы сибирского социологического семинара. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, СО ССА, 1970;
- Методологические и методические проблемы контент-анализа. Тезисы докладов рабочего совещания социологов. Вып. 1 и 2. М.-Л.: ИСИ АН СССР, 1973.

Ниже – извлечения из доклада автора на первом из указанных семинаров. – А. А.]

= Из сборника «Проблемы контент-анализа в социологии (1970)»³⁰⁰

Контент-анализ в социологии и точки соприкосновения с другими отраслями знания

³⁰⁰ Здесь и далее, в разделах 11.1-11.3, все подстрочные примечания, за исключением специально оговоренных случаев, воспроизведены из оригинала. А. А. Июль 2012.

<...> В состав понятия «контент-анализ» (КА) входит ряд ингредиентов, из которых укажем главнейшие.

1) КА – МЕТОД СОЦИОЛОГИИ и как таковой служит описанию, объяснению и прогнозу общественных явлений.

2) КА имеет своим объектом внешне выраженное, объективированное в знаках содержание коммуникации, или знаковую объективацию содержания. Будем называть это ТЕКСТАМИ в широком смысле слова (имея в виду не только письменный текст, но и изображение, устную речь, всякий продукт человеческой культуры, приобретающий знаковую функцию).

3) КА имеет дело с МАССОВЫМИ СОВОКУПНОСТЯМИ текстов (в изложенном смысле) используя при этом типичные социологические процедуры сплошного или выборочного обследования, с соблюдением требований репрезентативности.

4) КА предполагает СТРУКТУРИРОВАНИЕ, СЕГМЕНТАЦИЮ, РАСЧЛЕНЕНИЕ текстов или ВЫЧЛЕНЕНИЕ из них определенных смысловых инвариантов, которые повторяются во всех или в ряде текстов, принадлежащих к исследуемой массовой совокупности.

5) Расчленение и вычленение должно быть ЕДИНООБРАЗНЫМ для каждого из входящих в исследуемую совокупность текстов.

6) Для обеспечения такого единообразия сегментации и вычленения инвариантов КА предполагает высокую степень ФОРМАЛИЗАЦИИ, применение строгих операциональных правил и формальных алгоритмов в осуществлении процедур КА.³⁰¹

7) КА – АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ процедура, поскольку предполагается формализованное «разъятие» целостных текстов или вычленение отдельных элементов их для последующего «собираания» этих инвариантных элементов в большие «однородные массы», объем и тип которых характеризуют как некую целостность уже ВСЮ СОВОКУПНОСТЬ текстов.

8) КА предполагает использование КОЛИЧЕСТВЕННЫХ, СТАТИСТИЧЕСКИХ методов, причем указанные инвариантные элементы с их признаками выступают единицами наблюдения и счета.

9) По существу, в КА имеет место ПЕРЕКОДИРОВКА социальной информации, заключенной в массовой совокупности текстов; это делается в исследовательских целях выявления и эмпирической верификации социальных тенденций, при иных способах работы с текстами «не замечаемых» и в лучшем случае лишь интуитивно угадываемых.

10) КА есть СПОСОБ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ через изучение условий производства и потребления соответствующих текстов, путем указания процедур анализа самих этих текстов (их совокупностей). <...>

Изложенное может быть представлено следующим условным изображением:

³⁰¹ Когда говорят об ОБЪЕКТИВНОСТИ КА, то имеют в виду прежде всего требование задания таких правил оперирования, которые бы однозначно понимались и применялись разными людьми, так, чтобы, пользуясь этими правилами, разные операторы (кодировщики) получали на одних и тех же совокупностях текстов одинаковые результаты. Иначе говоря, чтобы исключалась неконтролируемая субъективность.

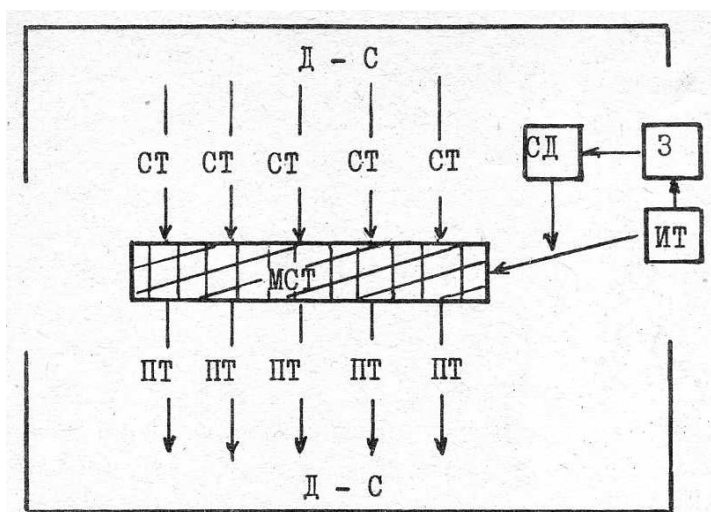


Рис. 1

Где МСТ – массовая совокупность текстов, отражающая Д-С (действительность – социум) и продуцированная ею, в частности, СТ (создателями текстов), которые опосредствуют своей деятельностью это отражение; МСТ воздействует на Д-С, также опосредствованно, через восприятие и потребление этих текстов ПТ (потребителями текстов); вертикальные линейки в МСТ обозначают «естественное» подразделение ее на целостные тексты; косые линейки – «искусственную» перекодировку, переструктурирование МСТ, Сообразно З (задаче) и вытекающему из нее СД (способу действия) ИТ (исследователя текстов), который как бы «остраивается» от целей как создателей, так и потребителей текстов, тем самым становится в некоторую объективную позицию (впрочем, также обусловленную Д-С, только по иным нормам и законам.

<...> Место КА в ряду других методов исследования текстов (их массовых совокупностей) а также некоторые внутренние подразделения и классификации КА могут быть уяснены введением этой сферы исследований в «трехмерное пространство» координат, которыми оказываются ЦЕЛИ, ОБЪЕКТЫ и СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ.

Представим ЦЕЛИ КА в виде континуума: от социологического описания, через объяснение, к прогнозу (описания, объяснения и т. д. не социологического свойства, например, лингвистические и др., оказываются «за пределами» этого континуума; так же и цели, вообще отличные от исследовательских, например, цели информационного поиска и обслуживания и др. _.

ОБЪЕКТЫ КА будем дифференцировать не по способу закрепления информации (естественный язык или изображение, скажем), не по способу непосредственного восприятия информации (например, зрительное, слуховое и т. д.), не по физическому носителю информации (то, НА ЧЕМ закреплено). Все эти подразделения не безразличны для КА (одно дело – анализировать письменные тексты, другое дело – изображения, третье – человеческую мимику и т. д.). Однако в любом случае при КА необходимым этапом перекодировки является перевод исследуемых текстов на естественный язык (разумеется, если они уже не даны в знаках естественного языка).³⁰² Существенным для нас является подразделение по сферам деятельности, в рамках которых порождены соответствующие тексты, и по тесно коррелирующим со сферами порождения сферам обращения и потребления текстов.

Каждой такой сфере соответствует свой «язык», в смысле особых норм организации и «сверхорганизации», какова бы ни была природа и материал используемых

³⁰² Так, фиксируя те или иные элементы изображения, мы НАЗЫВАЕМ их – тем самым уже перекодируем на естественный язык.

знаковых средств. В этом смысле можно говорить о «языке науки», «языке политики», «языке повседневного общения», «языке искусства», «языке деловой сферы» и т. д. (перечисление нестрогое, лишь иллюстрирующее идею).³⁰³

Можно представить объекты КА в виде континуума типов текстов («языков», в изложенном толковании), ранжированных по степени их «формализованности» [здесь следовало сказать: «неформализованности» или «неформализуемости», поскольку речь идет о нарастании сложности применения к объекту контент-аналитических процедур. – А. А. Июль 2012] - структурной организации, которая облегчает или затрудняет выделение инвариантов, удобных для однозначной регистрации и осмысленной статистики. Понятно, что «деловой язык» легче поддается структурированию и, следовательно, «удобнее» для КА, чем, скажем, «язык повседневного общения. В таком же преимущественном положении оказывается «язык науки» относительно, скажем, «языка искусства». И т. д.³⁰⁴

Наконец, представим СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ в виде континуума от «субъективного», импрессионистского описания совокупности текстов к жестко регламентированной, предварительно запрограммированной регистрации однозначно выделяемых признаков для последующей обработки и интерпретации. На современном уровне развития КА редко достигает «идеала» соответствия своей собственной сущности. Как правило, программа КА допускает определенные уступки «субъективности», разрешая кодировщику в определенных (не поддающихся формализации) случаях принимать «суверенные» решения в рамках заданного регламента.³⁰⁵ Полный же отказ от формальных алгоритмов ведет к выводу исследования за пределы КА.

Изложенное можно пояснить условным изображением трехмерной «системы координат».

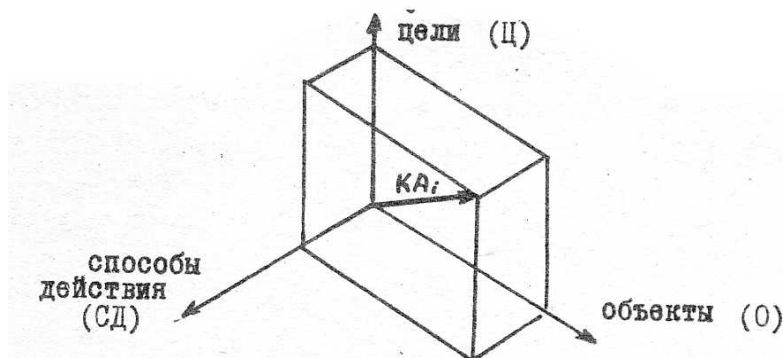


Рис. 2

Всякое конкретное исследование КА характеризуется определенными координатами Ц (целей), О (объектов) и СД (способов действия), откладываемых на соответствующих осях: Ц – стремится от описания к прогнозу, О – различается по степени <...> «формализуемости» (наиболее далеко отстоит от начала координат, по видимому, художественный текст, наименее «приспособленный» к формальному

³⁰³ В каждом таком «языке», точнее – в его рамках может быть выделено множество «подязыков» (что связано как с содержанием, так и с формами его выражения). Каждый «язык» многослоен и иерархически организован и переплетается с другими. В каждом отдельном т он выступает не «в чистом виде», а скорее как преобладающая, господствующая тенденция.

³⁰⁴ Массово-коммуникативные тексты со свойственной им определенной степенью стереотипизованности, по-видимому, займут некоторую промежуточную позицию на этой импровизированной шкале

³⁰⁵ Контроль объективности в таких случаях обычно осуществляется сопоставлением результатов разных наблюдателей по поводу одной и той же совокупности текстов.

переструктурированию), СД – стремится к полному переводу в формализованные алгоритмы. Три необходимые координаты позволяют определить «вектор» каждого конкретного исследования (с его Ц, О и СД). Этот «вектор» может служить интегральной характеристикой соответствующего конкретного исследования, указывающей его место среди других КА.

Заметим, что реальное «заполнение» этого пространства конкретными исследованиями пока довольно редкое, причем по мере удаления от «нуля» (точки пересечения осей координат) оно «разрезается». В основном «векторы» на сегодняшний день мало удаляются от точки пересечения осей. <...>

[Здесь опущен раздел доклада, посвященный «междисциплинарным» связям контент-анализа, т. е. его методико-техническим аналогам в других отраслях знания (помимо социологии). Подробно об этом см. ниже: раздел 11.3. – А. А.Июль 2012].

(Алексеев А. Н. Контент-анализ в социологии и точки соприкосновения с другими отраслями знания / Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск, 1970)

= Из сборника «Проблемы контент-анализа в социологии (1970)

Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации ³⁰⁶

Содержание массовой коммуникации может рассматриваться в трех планах: а) как отображение реально происходящих событий и процессов; б) как выражение задач отображающего эти события субъекта; в) как предмет восприятия субъекта, которому коммуникация адресована. Анализ содержания массовой коммуникации служит познанию социального источника массовой коммуникации (коммуницирующего субъекта), ее социального адреса (воспринимающего субъекта) и системы отношений между ними.

Для целей такого познания на основе принципов исторического материализма служит СИСТЕМНЫЙ анализ содержания, при котором категории анализа составляют иерархическую систему, где: а) каждая категория (единица) анализа представляет собой элемент другой и взаимосвязана с остальными; б) система элементов анализируемого содержания соответствует системе элементов самой отображаемой действительности.

Этим требованиям отвечает система единиц, среди которых базовыми (исходными) являются: а) целостное массово-коммуникативное СООБЩЕНИЕ (в газете – публикация); б) АВТОР (индивидуальный или групповой субъект, которому сообщение приписывается); в) «герой» (индивидуальный или групповой субъект, фигурирующий в тексте сообщения). Каждый из этих элементов рассматривается с точки зрения как его внеконтекстуальных характеристик, так и контекстуальных взаимосвязей.

Качественно-количественный анализ массовой коммуникации предполагает обращение к формальной структуре текста, несущей в себе индикаторы соответствующих элементов содержания. Та, субъекты (авторы и «герои») выделяются по правилам постановки определенных вопросов к тем или иным словам и словосочетаниям, их обозначающим. Для определения типов деятельности «героев» применяется правило «семантических доминант». Построение всех классификаций единиц наблюдения обусловлено: а) содержательными задачами социологического анализа; б) возможностью применить соответствующие формальные алгоритмы

Август 1969 г.

³⁰⁶ Настоящий текст является кратким изложением доклада А. Алексеева, В. Дудченко и В. Владыкина для VII Всемирного социологического конгресса (Исследовательский комитет: социология массовых коммуникаций). – Примечание редакторов сборника.

(Алексеев А.Н., Владыкин В. А., Дудченко В.С. Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации / Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск, 1970)

Ремарка: оглавление сборника материалов первого советского семинара по проблемам контент-анализа

При мизерном тираже, по прошествии более 40 лет этот сборник материалов Сибирского социологического семинара стал библиографической редкостью. Это побуждает автора воспроизвести здесь его оглавление:

Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск, 1970

От редакции

Проф. Л.Н. Коган. Предисловие

А.Н. Алексеев (Новосибирск). Контент-анализ в социологии и точки соприкосновения с другими отраслями знания.

Л.Н. Федотова (Москва) Общесметодологические проблемы анализа содержания.

М. Лауристин (Тарту). О возможностях контент-анализа в социологическом исследовании массовой коммуникации.

А.Н. Алексеев, В.А. Владыкин, В.С. Дудченко (Новосибирск). Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации.

В.В. Бойко. (Владивосток). О применении контент-анализа в комплексном исследовании.

В.А. Владыкин (Новосибирск). Некоторые итоги пробного обследования содержания «Литературной газеты».

А.Н. Алексеев (Новосибирск). Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты.

Р.В. Рывкина (Новосибирск). О возможности и перспективах использования контент-анализа для изучения социальной мобильности.

„П. Воронов (Новосибирск). О контент-анализе с помощью ЭВМ.

В.С. Дудченко (Новосибирск). Из опыта применения в контент-анализе некоторых формализационных приемов.

В.П. Секерин (Улан-Удэ). Контент-анализ в системе социального эксперимента.

В.В. Бойко, В.С. Семенов (Владивосток, Ленинград). К вопросу об интерпретации статистических результатов контент-анализа.

Г.М. Кочетов (Новосибирск). Словарь качеств человека – основа прогнозирования его поведения.

В.А. Владыкин (Новосибирск). О программе изучения «дискуссионной» почты в «Литературной газете».

В.М. Чистяков (Новосибирск). Об аналогах контент-анализа в информатике.

Л.М. Самков (Новосибирск). Проблема контекста в теоретической информатике.

Л.М. Исачкова (Новосибирск). Опыт построения отраслевого дескрипторного словаря на базе общей методики.

О.Б. Божков (Ленинград) Возможности применения контент-анализа при изучении некоторых аспектов производственной деятельности.

Л.А. Чернецкий (Томск). Контент-анализ и системное исследование СМК.

В.С. Дудченко (Новосибирск). К программе описания изобразительных публикаций.

А.Н. Алексеев (Новосибирск) Из опыта исследования «свободных высказываний читателей центральных газет.

В.А. Конев (Новосибирск). Онтологическая модель социального отношения.

Е.Д. Гражданников, М.М. Траскунова (Новосибирск). Классификация ответов на открытые ответы «Анкеты выпускника».

В.С. Дудченко (Новосибирск). Применение «метода выборов» для описания человеческой деятельности при анализе текстов СМК.

С.В. Чесноков (Москва) Способ ручной обработки небольших массивов документов.

Советская библиография по применению формализованного наблюдения и статистических процедур анализа текстов в социологических целях.

Из литературы по пограничным с контент-анализом проблемам.

(Июль 2012)

11.2. «КОНТЕНТ-АНАЛИЗ: ТЕХНИКА ИЛИ МЕТОДОЛОГИЯ?»

[Ниже – текст доклада автора на рабочем совещании социологов «Методологические и методические проблемы контент-анализа» в г. Ленинграде в 1973 г. – А. А.].

= Из сборника «Методологические и методические проблемы контент-анализа» (1973)

1. Существуют различные трактовки природы контент-анализа. Его рассматривают как: а) технику (совокупность технических приемов описания множества текстов); б) комплекс процедур; в) особый метод социологического (или вообще социального) исследования; г) специфическую методологию (принцип подхода к изучению социальных явлений). Что же представляет собой контент-анализ на самом деле? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, важно учесть концептуальную эволюцию метода и происходящую (в известном смысле у нас на глазах) смену представлений о нем.

2. В развитии контент-анализа за рубежом исследовательская практика опередила теорию. Научное осознание специфики метода пришло вслед за такими опытами его применения, которые стали хрестоматийными (например, работы Г. Лассуэлла, Б. Берельсона и П. Солтера, Л. Лоуэнталя 40-х гг.). По-видимому началом этого осознания является выдвинутое Б. Берельсоном представление о контент-анализе как об **ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТЕХНИКЕ** для объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации.³⁰⁷ До середины 60-х гг. такая трактовка оставалась господствующей на Западе, хотя в работах Дж. Гербнера, О. Холста и ряда других авторов уже содержались предпосылки отхода от нее.

Решительный отказ от подобного «инструменталистского» представления произошел в конце 60-х гг. в работах К. Криппендорфа. Выдвинутый им в довольно абстрактной форме принцип восхождения от текстов к источнику позволил представить контент-анализ как использование воспроизводимых и обоснованных процедур для особого рода реконструкции источника на базе текстов. При этом «текст» и «источник» понимаются в их наиболее общем смысле. Источник – это система, порождающая тексты.³⁰⁸ В целом можно охарактеризовать эту эволюцию взглядов как движение от трактовки контент-анализа в качестве техники к его трактовке как своеобразной методологии.

3. Советские социологи, опираясь на принципы марксистской методологии изучения общественных явлений, с самого начала критически относились к дефиниции Б. Берельсона. Об этом наглядно свидетельствуют работы последних лет.³⁰⁹ В частности,

³⁰⁷ См. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, 1952.

³⁰⁸ См. The Analysis of Communication Content. Ed. by G. Gerbner, O.R. Holsti, K. Krippendorff, W.J. , Ph.J. Stone et al. N.-Y, 1969.

³⁰⁹ См.: Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.

было предложено следующее рабочее определение: контент-анализ – это анализ содержания массовой совокупности текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях.³¹⁰ Введением указаний на объект, средства и цель в характеристику контент-анализа утверждалась позиция, принципиально отличная от технологической (или инструменталистской) принятой в буржуазной социологии.

4. В имеющихся опытах классификации социологических методов можно заметить несколько насильственное отнесение контент-анализа лишь к сфере сбора первичной информации.³¹¹ Контент-анализ есть комплекс исследовательских действий, включающий в себя этапы от формирования объекта исследования и формулирования задачи до интерпретации результатов формализационных и измерительных процедур. Осознание этого обстоятельства составляет один из моментов обсуждаемой концептуальной эволюции.

5. К существенным стимулам движения от инструменталистской к методологической трактовке контент-анализа может быть отнесено первоначально стихийное, а затем и сознательное расширение круга его эмпирических объектов. Таковыми ныне (как в советской, так и в зарубежной социологии) выступают не только тексты массовой коммуникации, составляющие традиционный объект контент-анализа. Всякая массовая совокупность текстов³¹² может исследоваться в целях: а) выявления определенных социальных характеристик источника, его явных или скрытых намерений; б) раскрытия некоторых тенденций социальной действительности, отображенной в текстах; в) для выявления отдельных социальных черт адресата. Поскольку массив текстов есть всегда продукт социальной среды (в широком смысле) он несет в себе следы влияния разнообразных социальных факторов. Отсюда – возможность обнаружения и замера этих факторов путем регистрации в тексте соответствующих эмпирических референтов.

6. Концептуальная эволюция контент-анализа на определенном этапе приводит к осознанию его принадлежности к числу так называемых СТРОГИХ методов. Строгое исследование всегда включает в себя некоторую процедуру, т. е. определенную сознательно контролируруемую и четко фиксированную последовательность действий с эмпирическими объектами или их заместителями – знаками. Формулирование задачи и выработка плана исследовательских действий может не иметь и, как правило, не имеет процедурного характера. Но само оперирование с объектом есть процедура, исключаящая интуитивный произвол. Это, разумеется, не означает, что в строгом исследовании отсутствует субъективный момент. Но он как бы «оттянут» в подготовительный этап, сосредоточен в выборе исходных посылок, в постановке задачи, в разработке самой процедуры. Дальше исследователь уже не властен над результатом, за исключением самого последнего этапа – интерпретации. Строгое исследование предполагает четкое разграничение самой процедуры, пред- и постпроцедурных этапов.

7. Методологическую сущность строгости, на наш взгляд, можно определить, выдвинув два основных критерия (или требования). Первый критерий предполагает соответствие процедуры определенной задаче, а рабочей схемы исследования – некоторой системе теоретических посылок. Назовем его КРИТЕРИЕМ СООТВЕТСТВИЯ ЦЕЛИ. В частности, в эмпирической социологии этот критерий принято формулировать как требование обоснованности операциональных определений, процедур, шкал и т. п.

³¹⁰ См.: Алексеев А., Дудченко В. К определению контент-анализа как социологического метода / Точные методы в исследованиях культуры и искусства. М., 1971.

³¹¹ См. например, Ядов В.А. Социологическое исследование (методология, программа, методы). М., 1972.

³¹² В дальнейшем в качестве синонимов этого термина будем употреблять также: «массив текстов» и «текстовый массив».

Второй критерий предполагает выработку такой процедуры, которая будучи применена повторно другими исследователями в тех же условиях дает те же результаты. Это – КРИТЕРИЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТА (в эмпирической социологии ему соответствует понятие надежности).³¹³

К названным двум основным можно добавить еще одно требование (правда, не входящее в содержание самого понятия строгости). Это КРИТЕРИЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРОСТОТЫ. В нем своеобразно сочетаются принципы экономичности и изящества. Слишком сложная процедура подчас оказывается слишком дорогой платой за реализацию цели. Как правило, чрезмерная сложность процедуры затрудняет и возможность воспроизведения результатов. Вместе с тем, чем проще способ получения важного результата, тем исследование красивее.

8. Обзор эволюции контент-анализа и научных представлений о нем позволяет разместить все существующие (или мыслимые) точки зрения на условной шкале, полюсами которой являются: а) контент-анализ – исследовательская техника, нейтральная относительно задач ее применения (Б. Берельсон) и б) контент-анализ – особая методология социального познания (К. Криппендорф). При этом отказ от позитивистской крайности (а) вовсе не должен приводить к утверждению противоположной крайности, гипертрофирующей познавательное значение и возможности данного метода (б).

9. С учетом результатов как теоретико-методологической работы социологов-марксистов, так и исследовательской практики в указанной области, мы предлагаем рассматривать контент-анализ как СТРОГОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВЫХ МАССИВОВ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ИЛИ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫХ ЭТИМИ МАССИВАМИ. Настоящим определением утверждаются следующие основные принципы контент-анализа:

а) восхождение от текста к внетекстовой реальности (т. е. к социальной действительности во всем ее многообразии, а не только к источнику);

б) строгость исследования (в изложенном выше смысле сочетания обоснованности и воспроизводимости процедур).

10. Итак, контент-анализ не является ни совокупностью технических приемов, ни особой методологией. Наиболее правомерна его трактовка как специфического вида научно-познавательной деятельности и как метода социального (преимущественно – социологического) исследования. При таком подходе оказывается возможным и целесообразным различать в контент-анализе свои методологические, методические и технические аспекты.

(Алексеев А.Н. Контент-анализ: техника или методология? (к постановке проблемы) / Методологические и методические проблемы контент-анализа. Тезисы докладов рабочего совещания социологов. Вып. 1. М.-Л.: ИСИ АН СССР, 1973)

11.3. «КОНТЕНТ-АНАЛИЗ: ЕГО ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТЫ И СРЕДСТВА»

[В нижеприводимой одноименной статье отражены основные результаты цикла работ автора, посвященных методологическим и методическим проблемам контент-анализа.

Настоящая работа воспроизводится здесь с небольшими сокращениями. - А. А.]

³¹³ Указанные два критерия могут быть сформулированы афористически, применительно к измерительным процедурам (характерным и для контент-анализа): «Измеряй то, что, действительно, хочешь измерить» (первый критерий) и «Измеряй так, чтобы тебя можно было проверить» (второй критерий).

= Из сборника «Социология культуры» (1974):

Предварительные замечания

Термин «контент-анализ» мало известен непрофессионалам, поэтому для популярности, казалось бы, удобнее использовать русскую кальку - анализ содержания. Но такая замена чревата утратой специфики, ибо выражение «анализ содержания» безмерно широко. Оно в равной мере применимо к тому, о чем пойдет речь ниже, и к тому, что вовсе не имеет отношения к делу.

Согласимся, что контент-анализ есть всегда анализ содержания. Но такое утверждение является таким же справедливым и, вместе с тем, тощим, как банальная истина, что человек живое существо.

В зарубежной, в частности американской, социологической литературе термин content-analysis употребляется в довольно узком смысле, оторвавшись от общего значения слова content. <...> Приведем ряд типичных определений контент-анализа. Все они так или иначе варьируют определение, первоначально предложенное Б. Берельсоном, автором одной из первых монографий на эту тему:

«Контент-анализ - это исследовательская техника для объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации». ³¹⁴

А вот определения последних лет:

«Контент-анализ есть исследовательская техника для получения выводов посредством систематического и объективного отождествления точно установленных характеристик в пределах текста»³¹⁵

«Контент-анализ - исследовательская техника, используемая для объективного, систематического, количественного описания и анализа письменной, устной или изобразительной коммуникации (например, рассказов, газетных статей, фильмов, комиксов, публичных речей). Применяя систематическую классификацию аналитически выделенных компонентов изучаемого текста, исследователь идентифицирует специфические или общие темы, не очевидные для поверхностного взгляда, и оказывается способен судить, к примеру, о характере влияния (намеренного или ненамеренно), которое этот текст оказывает на воспринимающих коммуникацию».

Весьма приближается к этим формулировкам американской социологии определение западногерманских авторов:

«Контент-анализ можно определить как исследовательскую технику, с помощью которой объективно устанавливаются и описываются характеристики текста и отсюда делаются заключения о внеязыковых характеристиках лиц и социальных агрегаций (объединений)». ³¹⁷

Как это часто бывает в науке, дефиниция метода, его «теория» вырастают на базе состоявшихся практических приложений, которым «нет дела» ни до того, как это потом назовут, ни до того, в какую систему представлений это впишется. Все приведенные определения в большей или меньшей степени отражают специфику контент-анализа, оказывающегося полезным инструментом социального исследования, в частности исследований политики и культуры. Однако все они как бы «привязаны» к тому, что за последние десятилетия практически делалось эмпирической социологией.

Контент-анализ в этой ретроспективе предстает некоторым набором «технических приемов». Однако из всех определений остается неясным, в каком соотношении этот

³¹⁴ Berelson B.. Content-Analysis in Communication Research. Glencoe, 1952, p. 18.

³¹⁵ Stone P.S., Dunphy D.C., Smith M.S., Ogilvie D.M. with ass. The General Inquirer. A Computer Approach to Content-Analysis. Cambridge, L., 1966, p. 4.

³¹⁶ Theodorsen G.A. and Theodorsen A.G. A modern Dictionary of Sociology. N.-Y., 1969, p. 75.

³¹⁷ Mayntz R., Holm K., Hubner P.. Einfuhrung in die Methoden der empirischen Sociologie. Opladen, 1971, S. 151.

метод находится с другими социологическими методами. Далее, возникает вопрос: есть ли это в самом деле только «техника» количественного описания так называемого явного содержания коммуникаций, или это - метод в собственном смысле слова, т.е. определенный способ подхода к определенному классу объектов со специфическими задачами и средствами.

Предъявим к определению контент-анализа два требования: 1) соответствие практике, как она сложилась: методологу не разрешен «свободный полет» фантазии без риска сконструировать новый метод, не имеющий отношения к объективно оформившемуся; 2) соответствие определенной системе теоретико-методологических представлений о принципах и нормах эмпирического исследования, в частности, социальных явлений.

Последнее требование нетривиально - по крайней мере, оно не всегда соблюдается. Фигурально говоря, если бы стихийное «самозарождение» контент-анализа как исследовательской практики не состоялось раньше, его можно было бы «выдумать», путем детального рассмотрения системы социологических методов и обнаружения в этой системе некоторой лакуны, которую данный, «искомый» метод как раз и должен был бы занять.

Такой путь моделирования приводит к заключениям о контент-анализе, несколько отличным от цитированных определений.

Традиционно принято связывать методiku и технику контент-анализа с исследованиями массовой коммуникации. Стал едва ли не хрестоматийным исторический пример, как в период второй мировой войны материалы контент-анализа послужили решающим аргументом для решения Верховного суда США. Социологи Лейтес и Лассуэлл обследовали по специальной программе содержание газеты «Истинный американец» за 1943 год. В этом массиве текстов фиксировались случаи использования газетой стереотипных утверждений гитлеровской пропаганды и случаи наличия противоположных утверждений. Оказалось, что частота прогерманских высказываний (вроде: «Госаппарат США пропитан коррупцией», «Президент Рузвельт - нежелательное лицо», «Германия - справедливая и мужественная», «Япония - могущественная держава», «Германия - могущественная», «Америка - слаба», «США и их союзники находятся под контролем коммунистов» и др.) в этой американской газете в среднем более, чем 11 раз превышает частоту обратных утверждений (или опровержений этих тезисов). Результаты этого исследования были приняты судом как главное основание для запрещения профашистской газеты.³¹⁸

Другим классическим примером является исследование Л. Лоуэнthalя. Предприняв формализованное наблюдение над двумя крупнейшими массовыми журналами США, автор показал, как от начала к середине века в этих журналах изменяется характер биографий популярных лиц.

От преобладания биографий политических деятелей в публикациях журналов в начале 1900-х гг. пропагандистская практика пришла к отчетливому преобладанию, выдвигению на первый план деятелей «индустрии развлечений» и спорта - в период экономического кризиса 30-х гг., при этом на протяжении всего обследованного периода (1901-1941 гг.) меньше всего писалось об ученых, а также о бизнесменах (истинных воротилах общественной жизни). В этом факте нашла выражение характерная тенденция, заинтересованность господствующего класса в насаждении «идолов потребления» в сознании масс.³¹⁹

³¹⁸ Lasswell H.D., Leites N. Language of Politics. N.-Y., 1949. Подробный разбор этого эпизода в истории американской социологии см.: В.А.Ядов. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968, с. 180.

³¹⁹ Loventhal L. Biographies in Popular Magazines / Radio Research, 1942-1943. ed. by P.F. Lazarsfeld and F.N. Stanton, N.-Y., 1943. Этот пример разбирается В.С. Коробейниковым в статье «Анализ содержания массовой коммуникации (по материалам американской социологии)» - Вопросы философии, 1969, № 4.

Из работ 40-х гг. широко известно также исследование Берельсона и Солтера, относительно способов изображения различных этнических групп в массовой американской беллетристике. Оказалось, что в коротких рассказах, публиковавшихся в журналах конца 30-х - начала 40-х гг., негры и пуэрториканцы в подавляющем большинстве фигурируют в качестве отрицательных персонажей, в отличие от белых американцев, наделяемых, как правило, функцией положительного героя.³²⁰

Опуская многочисленные примеры контент-анализа 50-60-х гг. укажем на одно из последних (недавно завершенных) международных исследований, организованное под эгидой ЮНЕСКО. Ученые 6 стран - Польши, Чехословакии, Югославии, Италии, США и Франции - предприняли сравнительный анализ кинопродукции этих стран (был взят 341 фильм, вышедший за определенный период времени. Посылка исследования была такова: мир экрана и живущие в этом мире люди - часть социальной действительности. Мы берем на себя задачу изучить людей, живущих в экранном мире, как социальных индивидов».³²¹ 667 действующих в этих фильмах вымышленных персонажей, киногероев, описывались каждый по 134 социологическим и социально-психологическим параметрам (ответы на вопросы анкеты «за героев» давались экспертами на основании знакомства с фильмом). Некоторые результаты этого оригинального исследования, раскрывшего многие специфические стороны не только «киномира», но и реального социального мира разных стран, были доложены К. Жигульским (Польша) на Международном симпозиуме социологов и киноведа в 1969 г. в Берлине.

Ограничимся этими предварительными общими соображениями и примерами, приведенными с целью ввести читателя «в курс дела». Теперь предложим собственный опыт теоретико- методологического построения, стремящегося раскрыть специфику контент-анализа как социологического метода.

К определению контент-анализа как социологического метода³²²

Всякий исследовательский метод предполагает определенную специфику объекта, средств, целей, а также их взаимосвязей в системе научно-познавательной деятельности. Выяснение специфики метода, таким образом, включает рассмотрение особенностей указанных компонентов и соотношение их с аналогичными составляющими других методов. Рассмотрим контент-анализ с этих общих исходных позиций.

Контент-анализом будем называть анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях. Настоящее определение можно считать отвечающим современной практике, поскольку оно объемлет круг исследовательских работ, которые принято относить к контент-анализу. О том, насколько это определение выражает сущность и специфику особого метода, можно будет судить, лишь проверив его некоторыми теоретическими рассуждениями.

Наше определение включает известные указания на объект, средства и цели.

Представляется, в частности, очевидным, что в контент-анализе имеем дело с текстами. В этом его отличие от многих других методов эмпирического исследования в социологии, где исследователь вступает в непосредственный контакт с людьми - например, опрашивает их, - стало быть, люди оказываются эмпирическим объектом исследования. В контент-анализе эмпирическим объектом, на который непосредственно направлены действия исследователя, являются тексты. Различение людей и текстов как

³²⁰ Berelson B. and Salter P. The Majority and Minority Americans // Public Opinion Quarterly, 1946, vol. 10. Обсуждается также в статье Л.Н. Федотовой «Анализ содержания - социологический способ изучения печати, радио, телевидения // Вестник Московского университета, серия XI, 1969, № 4.

³²¹ Подробнее об этом см.: Левшина И.С.. Проблемы социологии кино и телевидения // Вопросы философии 1971, № 2, с. 153.

³²² Этот раздел статьи написан в соавторстве с В.С. Дудченко.

объектов можно считать первым подступом к выяснению специфики контент-анализа как социологического метода.

Однако такое различие требует уточнений. Тексты сами по себе суть продукты деятельности людей. Отсюда, обращаясь к текстам, изучают, в конечном счете, людей. С другой стороны, процедура, скажем, опроса при всей кажущейся «непосредственности» общения исследователя со своим объектом обычно предполагает получение от людей некоторых текстов (например, ответы на вопросы анкеты). «Исследование текстов», таким образом, оказывается включенным в «исследование людей», даже когда люди - эмпирические объекты исследования.

Следовательно, различие контент-анализа и других социологических методов в плане объектов не сводится к альтернативе: тексты или люди. Оно скорее в характере используемых в том и другом случае текстов и в способах включения людей и текстов как объектов в систему исследования.

В случае опроса и т. п. люди входят в «сферу эмпирических действий» исследователя. Воздействуя непосредственно на людей (опрашивая их и т. п.), исследователь получает интересующую его информацию в виде текстов, которые будем называть **целевыми**, или программными целью исследования. Итак, люди включены в исследование как эмпирические объекты, а порождаемые ими и используемые в исследовании тексты являются целевыми.

В случае контент-анализа исследователь не простирает своих эмпирических действий дальше текстов. Они суть эмпирические объекты исследования, а люди (создатели текстов) входят лишь в «сферу теоретического рассмотрения». Исследуемые тексты обычно являются **нецелевыми** (не программными целью исследователя). О контент-анализе целевых текстов правомерно говорить лишь в том случае, если эти тексты порождены респондентом самостоятельно, их содержание регламентировано, но не задано исследователем заранее (например, ответы на так называемые открытые вопросы анкет).

Сказанное поясним графически:

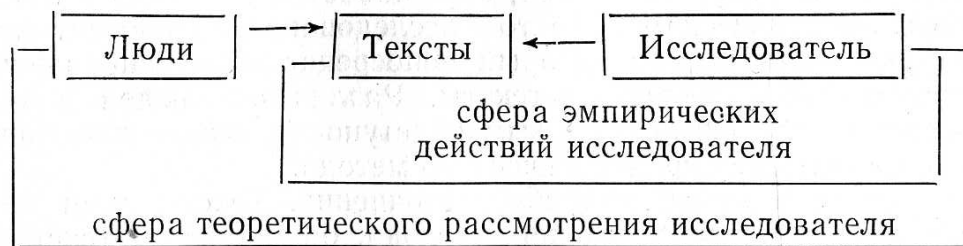


Рис. 1

Термин «текст» здесь употребляется в смысле, отличном от обыденного понимания. В обиходе под «текстом» имеют в виду только письменное сообщение. Однако как целевые, так и нецелевые тексты - вовсе не обязательно письменные, и даже не обязательно словесные. В анализе могут быть и изображения, и звучащая речь, и т.д. Ответы опрашиваемого тоже имеют весьма разнообразную форму, не только письменную.

ПОД ТЕКСТОМ БУДЕМ ПОНИМАТЬ ВСЯКУЮ СОВОКУПНОСТЬ ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРИОБРЕТАЮЩУЮ СИСТЕМУ ЗНАКОВЫХ ФУНКЦИЙ. В тексте всегда выражено некоторое содержание (отнюдь не исчерпывающееся замыслом создателя текста). Анализ текстов необходимо предполагает анализ этого содержания. Поскольку всякий исследователь так или иначе имеет дело с текстами (в изложенном наиширочайшем смысле), он всегда в большей или меньшей степени занимается анализом содержания. Отсюда, нецелесообразно использовать термины «анализ содержания» и «контент-анализ» как синонимы. Контент-анализ есть

лишь частный случай анализа содержания текстов, характеризующихся рядом особенностей.

Эмпирическим объектом собственно контент-анализа выступают не вообще тексты, а то, что будем называть **массовой совокупностью текстов**. Последняя формируется исследователем в соответствии с его задачами. При этом должен соблюдаться ряд требований метода.

Правила выделения совокупности текстов в принципе близки правилам выделения совокупности лиц для обследования методом опроса и т. п. Во-первых, совокупность должна быть достаточно велика, чтобы ее исследование давало определенные статистически значимые результаты. Объем выборки здесь определяется в основном аналогично процедурам выборки для опроса с учетом специфики программы исследования. Во-вторых, совокупность должна быть в известном смысле однородна, точнее говоря - тексты должны характеризоваться некоторой общностью по определенному параметру или параметрам. Именно эта общность в известном отношении (например, по «происхождению», по собственной цели создания и т.д.) позволяет рассматривать указанные тексты как совокупность, как целое. К этому следует добавить общность по некоторым временным и пространственным характеристикам (локализация совокупности).

В самой природе такого эмпирического объекта как массовая совокупность текстов, заключены возможности применения особых исследовательских процедур.

Определенная общность исследуемых текстов, их относительная «однородность», то, что позволяет рассматривать их «вместе», предполагает наличие в этих текстах некоторых инвариантных (для данной совокупности) элементов содержания. Эти элементы повторяются во всех текстах или в значительной части их. Они суть как бы стандартные «кирпичики» содержания, из великого многообразия сочетаний которых строится каждый текст. Такие повторяющиеся элементы обычно берутся в качестве категорий анализа массовой совокупности текстов.

Набор возможных инвариантов содержания (соответственно - возможных категорий анализа) необозрим. Их выбор для каждого конкретного исследования диктуется спецификой объекта и исследовательскими задачами.

Среди категорий анализа будем различать **ОСНОВНЫЕ**, или **ИСХОДНЫЕ КАТЕГОРИИ** («клеточки анализа») и все остальные, которые, будем называть **ПРОСТО КАТЕГОРИЯМИ** анализа. В качестве первых правомерно брать элементы содержания, которые встречаются в каждом из текстов, составляющих массовую совокупность. Исходные категории разнообразно сочетаются в текстах с «просто категориями, которые встречаются не во всех, но в ряде текстов.

Избранная система категорий анализа составляет то, что будем называть **ПОНЯТИЙНОЙ СХЕМОЙ** конкретного исследования содержания массовой совокупности текстов.

Чтобы быть примененной к конкретному объекту, понятийная схема должна быть операционализована. В этом контент-анализ не отличается от других социологических методов. Понятийной схеме ставится в соответствие определенная **ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ СХЕМА**, как бы переводящая понятийную на язык эмпирических фактов.

Главной особенностью операционализации здесь является использование разнообразных признаков формы текстов для однозначного выделения некоторых элементов их содержания. Можно сказать, что операциональная схема - это систематизированный набор правил и алгоритмов фиксации повторяющихся инвариантов содержания в составе исследуемой совокупности текстов. При этом исходные категории, будучи операционализованы, становятся **единицами**

наблюдения, а «просто категории» - возможными признаками (и значениями признаков) этих единиц.³²³

Рассмотрим простейший случай, когда за исходную категорию (соответственно - единицу наблюдения) берется сам текст. Это, разумеется, предполагает задание формальных правил выделения отдельных текстов в составе их совокупности. Тогда разнообразные характеристики содержания фиксируются как признаки (и значения признаков) отдельного текста.

Допустим, за «клеточку» взят более дробный элемент содержания, например - тема (у одного текста может быть несколько тем). Тогда другие элементы содержания рассматриваются как признаки (значения признаков) уже этой единицы.

Существующая практика контент-анализа, в частности, словесных текстов, выработала определенный «типовой» набор употребительных исходных категорий и соответствующих им единиц наблюдения, куда относятся: отдельное слово или символ; законченное суждение; тема («предмет»), персонаж («герой»); целостное сообщение; некоторые другие единицы.³²⁴ Разумеется, этим не исчерпываются возможности выбора «клеточек», к которым привязываются все остальные признаки. Что касается «просто категорий», то их список бесконечен уже в современной исследовательской практике, ввиду чрезвычайного многообразия конкретных задач, которые могут ставиться в социологическом анализе.

Важнейшими требованиями к операциональной схеме являются: а) ее соответствие понятийной схеме; б) однозначность предлагаемых правил фиксации единиц наблюдения и ее признаков. Последнее условие гарантирует устойчивость и воспроизводимость результатов наблюдения, или то, что принято называть объективностью контент-анализа (анализ считается объективным, когда разные наблюдатели, пользуясь одной схемой, на одном и том же объекте получают одинаковые результаты). Требование однозначности является особенно жестким для единицы наблюдения, ибо неконтролируемая ошибка «в основании» анализа неизбежно накапливается и усугубляется в ходе фиксирования признаков единицы, если сама единица выделена нестрого.

Таким образом, мы видим, что процедурой сбора информации в контент-анализе является **ФОРМАЛИЗОВАННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ**, создающее предпосылку последующего применения процедур статистической обработки данных регистрации единиц наблюдения и их признаков. Формализованное наблюдение есть необходимое средство контент-анализа. Причем использование этого средства обусловлено самой природой объекта, где определенные инварианты содержания повторяются.

Возникает вопрос, является ли формализованное наблюдение особенностью только контент-анализа? Далее, всегда ли имеем в контент-анализе эту процедуру?

Формализованное наблюдение в той или иной степени принадлежит едва ли не любому социологическому методу.³²⁵ Например, кодировка ответов на закрытые вопросы анкет есть классический случай формализованного наблюдения, хотя регламентация и жесткая заданность содержания ответов не позволяют здесь говорить о контент-анализе.³²⁶

С другой стороны, безупречные, с точки зрения однозначности, алгоритмы удается найти далеко не всегда, в ряде случаев приходится полагаться на интуицию наблюдателя,

³²³ Говоря еще строже, исходным категориям ставятся в однозначное соответствие некоторые единицы наблюдения, а «просто категориям» - в такое же соответствие ставятся признаки этих единиц.

³²⁴ См. Holsti O.R. Content-analysis / The Handbook of Social Psychology, ed. by G. Lindzey and E. Aronson. Univ. of Texas, vol 2, pp. 647-648.

³²⁵ Утверждение слишком сильное, фактически исключающее так называемые качественные, «мягкие» методы из круга социологических методов. - А. А. Июль 2001].

³²⁶ Вообще говоря, формализованное наблюдение в контент-анализе и процедуры типа кодировки не отделены друг от друга глухой перегородкой. В известном смысле, в случае кодировки и обработки ответов на закрытые вопросы анкеты имеем «вырожденный» контент-анализ, поскольку фиксируемые инварианты содержания однозначно заданы исследователем еще до анализа.

добываясь лишь «приемлемой» объективности путем последовательного повторения проб. Если контент-анализ в идеале предполагает «чисто» формализованное наблюдение, то реальная исследовательская практика обычно включает элементы того, что можно назвать экспертизой. Наблюдатель принимает решение о наличии или отсутствии определенного признака на основании: а) применения набора заданных формальных алгоритмов; б) собственной компетенции.

При известном превышении доли «суверенных» (опирающихся на опыт и компетенцию наблюдателя) решений над долей решений, «диктуемых» операциональной схемой, анализ содержания не может квалифицироваться как «контент-анализ», правильнее говорить об экспертном исследовании текстов (хотя бы и с включением элементов формализованного наблюдения и статистических процедур).

Следующим после формализованного наблюдения процедурным шагом является **статистическая обработка** результатов регистрации единиц наблюдения и их признаков. Здесь контент-анализ также во многом близок другим методам.³²⁷ Обычно исходный статистический материал имеет вид таблиц с «частотами встречаемости» категорий, как самих по себе, так и в различных сочетаниях. Эти данные характеризуют уже не отдельные тексты, а их совокупность как целое. Можно сказать, что получена некоторая комплексная характеристика объекта (массовой совокупности текстов).

Иногда контент-анализ рассматривается просто как «количественный анализ содержания коммуникации». Но из всего изложенного явствует, что использование количественных методов есть лишь один из необходимых аспектов. Фактически контент-анализ есть **КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ**, или качественный анализ с использованием количественных методов. Важно подчеркнуть, что количественные методы, равно как и формализованное наблюдение, включены в контент-анализ как средство.

Проблема интерпретации эмпирических данных в контент-анализе есть часть проблемы интерпретации данных социологических обследований вообще. Здесь имеется ряд особенностей, связанных со спецификой целей и задач контент-анализа, на которой теперь остановимся подробнее.

Всякий текст несет в себе определенную информацию о его создателе, о действительности, которую он отображает, и отчасти о его предполагаемом или реальном потребителе. То же можно сказать о массовой совокупности текстов, имея в виду совокупность ее создателей (социальный источник), совокупность потребителей (социальный адрес) и совокупности отображаемых явлений. Приобретение знаний о том или ином из названных трех социальных ингредиентов или о системе их взаимосвязей - так, в самом общем виде, может быть определен круг социологических задач, решаемых контент-анализом.³²⁸

В «частотах встречаемости» тех или иных инвариантов содержания эмпирически выражается действие разнообразных факторов (условий и обстоятельств порождения и потребления текстов данного типа). Большая или меньшая частота, «интенсивность присутствия» определенной категории в текстах может быть интерпретирована как проявление некоторых социальных тенденций, относящихся к источнику, адресу, отображаемому или их взаимодействию. Таким образом, имеем опосредованное, косвенное **измерение** социальных тенденций методом контент-анализа. <...>

В ряде случаев исследователь не идет дальше констатации определенных характеристик содержания массовой совокупности текстов, не стремясь установить причин, не интерпретируя эти характеристики как проявления некоторых общих

³²⁷ Некоторые типовые математические процедуры, обычно применяемые в контент-анализ, описаны в книге В.А. Ядова «Методология и процедуры социологических исследований» (ТартуЮ й968Ю сЮ 178-179).

³²⁸ См. Алексеев А.Н., Владыкин В.А., Дудченко В.С. Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации / Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.

социальных тенденций. Тем самым решаются лишь **описательные** задачи, что, естественно, имеет ограниченную познавательную ценность.

Задачи **ОБЪЯСНЕНИЯ** состоят, по-видимому, в том, чтобы выявленные в совокупности текстов массовые особенности «приписать» преимущественному влиянию одного из трех основных блоков, групп факторов (источник, адрес, отображаемое) или специфическому их взаимодействию. Поясним это следующей графической схемой:

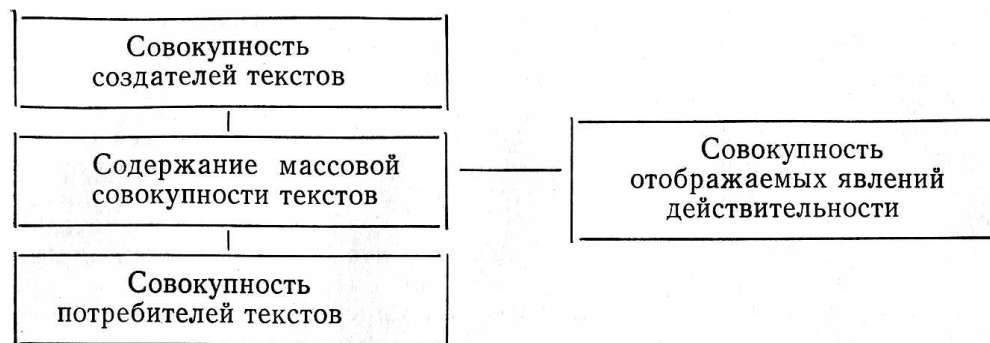


Рис. 2

Как правило, ни один из трех обуславливающих содержание блоков не является единственно ответственным за ту или иную характеристику содержания. Всякая характеристика есть результат «пересечения», переплетения факторов из разных блоков. Например, большая «насыщенность» множества текстов некоторой темой может быть: а) свидетельством «давления» самой отображаемой реальности (густо насыщенной соответствующим явлением); б) выражением специфических интересов создателей текстов; в) ответом на активный запрос потребителей. Здесь единственным выходом оказывается сопоставление результатов контент-анализа, как анализа массовой совокупности текстов, с результатами исследований других объектов (создателей, потребителей, отображаемой действительности).

Для того, чтобы отнести некоторую характеристику содержания текстов если не исключительно, то главным образом за счет влияния одного из трех указанных блоков, необходимо: либо найти другими методами соответствующую тенденцию в одном из этих блоков; либо, напротив, не найти соответствующей тенденции по крайней мере в двух из этих блоков, и тогда придется признать ответственным за эту характеристику остающийся третий блок.

Контент-анализ может быть эффективным средством познания социального источника коммуникации, если уже имеется определенное знание о социальном адресе и отображаемых явлениях. Аналогично, зная достаточно об источнике и адресе, можно, исследуя содержание коммуникации, делать определенные заключения о реально совершившихся событиях (мысленно элиминировав влияние источника, тенденции которого известны). Наконец, по тому, каково отображение известных событий известным источником, можно отчасти судить о том, кому коммуникация адресована.

Исходное знание о каких-либо двух блоках, необходимое для получения, с помощью контент-анализа, нового знания о третьем, никогда не является полным. Да это и не обязательно. Обычно оказывается достаточным сравнить массовые совокупности текстов, имеющих, например, один и тот же адрес и единый предмет отображения (отображаемые события). Тогда в различиях содержания этих совокупностей эмпирически выразится специфика их источников. Фактически здесь имеет место искусственное «выравнивание» влияния определенных факторов для обнажения влияния других.

Заметим, что контент-анализ является наиболее перспективным (да он и чаще всего используется) для исследования социальных тенденций источника (то есть явных или скрытых намерений и «линии поведения» создателей текстов определенных типов).

Изложенные соображения существенно характеризуют специфику контент-анализа в плане его целей. Как видим, эта специфика не выходит за пределы круга социологических и отчасти социально-психологических задач, что позволяет нам уверенно говорить о данном методе как **социологическом**.

Следует сказать, что способы действия, весьма близкие к описанным процедурам формализованного наблюдения и статистической обработки, применяются к массовым совокупностям текстов также в несоциологических дисциплинах. Однако, поскольку там ставятся отличные от социологических задачи, представляется правильным усматривать в инструментарии этих дисциплин не контент-анализ, а его аналоги (например, в истории, в лингвистике, в литературоведении и т. д. наконец, в научной библиографии и информатике, где формализованное наблюдение служит уже не столько познавательным задачам, сколько специфическим целям оптимизации информационного поиска.

В представленной концептуальной схеме контент-анализ рассматривается не только как метод сбора информации (сравни с анкетированием, интервью), равно как и не только метод обработки информации. Мы склонны рассматривать его как КОМПЛЕКС ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ДЕЙСТВИЙ, включающий в себя цепочку от формирования объекта и формулировки задач до интерпретации результатов формализованного наблюдения и статистических операций. Это **ОСОБЫЙ МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**, использующий определенные способы сбора и обработки информации, обсуждавшиеся выше.

Приведенные рассуждения позволяют квалифицировать определение контент-анализа, предложенное в начале настоящего раздела, как не противоречащее «теории» данного метода, то есть указывающее на существенные элементы его специфики. Разумеется, вся специфика данным определением не исчерпана, что ясно уже из предпринятых нами попыток его развертывания.

Важно подчеркнуть, что специфичными для контент-анализа являются не объекты, средства или цели, взятые в отдельности. Массовая совокупность текстов, как эмпирический объект, формализованное наблюдение, как средство, и т. д., не «принадлежат» исключительно контент-анализу. Специфичной является определенная «взаимовязка», взаимодействие этих элементов в системе научно-познавательной деятельности.

Контент-анализ в системе исследовательских методов

Первый вопрос, естественно возникающий при сопоставлении нашей модели контент-анализа с традиционными определениями и представлениями о нем: расширили или сузили мы объем этого понятия?

С одной стороны, расширили. Возможными объектами контент-анализа признаются любые тексты, причем в самом всеобщем значении слова «текст». Предложенное нами определение текста более широко, чем распространенные в лингвистике или даже семиотике. Практически текстом оказывается все, что может иметь систему значений. Бесконечно разнообразен «мир текстов», порожденный человеком и окружающий его. К значительной части сторон и аспектов этого «мира» исследователи уже применяли контент-аналитические процедуры. Если до сих пор объектами контент-анализа оказывались такие разные продукты человеческой культуры, как газетные статьи, личные письма и художественные фильмы, то не разумнее ли оставить список открытым?

Эмпирическим объектом контент-анализа может стать и последовательность человеческих поступков, собственно поведение, рассмотренное как «текст»; и совокупность квартирных интерьеров, рассмотренных как «тексты»; и, наконец,

множество первобытных рубил, обнаруженных в раскопках, поскольку тот или иной их признак «значим» для современного исследователя.

Однако такое толкование нашего метода отнюдь не оказывается безбрежно широким и объемлющим едва ли не любую познавательную деятельность, где используются формализованные процедуры. Ибо границы метода мы строго определили задачей, целью. Контент-анализ есть исследование «мира» текстов в целях познания «мира» социальных отношений, а не чего-либо другого. С этой точки зрения, далеко не всякое обращение к текстам (даже в узком смысле этого слова), не всякое «объективное, систематическое и количественное описание явного содержания коммуникации» является контент-анализом.³²⁹

Другим принципиальным ограничением сферы контент-анализа в нашей модели выступает требование наличия множества текстов, их совокупности, массива. Здесь можно провести грубую аналогию с опросом. Ведь данные социологического анкетирования - это всегда некоторое усреднение позиций и характеристик множества людей. Вообще, социальные закономерности проявляются лишь стохастически. С отдельным ответом одного индивида на отдельный вопрос анкеты социологу попросту «нечего делать».

Контент-анализ отдельно взятого текста исключен. Когда подвергают формализованному наблюдению и статистической обработке лишь один большой «сплошной» текст, то фактически все равно разбивают его и тем самым представляют как некое множество текстов (например, совокупность отрезков «сплошного» текста).

Но что значит исследовать содержание совокупности текстов? Мы позволим себе употребить метафорическое выражение, схватывающее, как нам кажется, суть дела. Назовем осмысленное восприятие любого текста «чтением» текста.³³⁰ Можно «читать» каждый текст по отдельности, и из этого «чтения», разумеется, складывается некоторое общее впечатление о всей массе текстов. Однако это общее впечатление приблизительно и интуитивно; человек «прочитал» каждый текст в отдельности, но не все их «вместе». А можно представить себе совсем иное «чтение» - «чтение» совокупности текстов, как некоего целого. О каждом отдельном тексте человек может тогда судить уже только приблизительно. Зато он приобрел более или менее точное знание об интересующей его общей тенденции, он «прочитал» все тексты «вместе». В этом специфика контент-анализа.³³¹

Контент-анализ принадлежит к так называемым строгим методам.³³² Можно предложить два основных критерия, два требования к строгому или точному методу (естествоиспытатель выполняет эти требования, даже не задумываясь над ними, поскольку они заложены в самой природе опытного знания; гуманитарии же, и в частности социологи, приходится все время контролировать себя на этот счет).

Во-первых, **критерий смысла**, или целесообразности любой процедуры, предполагающей формализацию и счет. Для контент-анализа это означает, что фиксируемые признаки должны действительно соответствовать категориям понятийной

³²⁹ Это обстоятельство не учитывается большинством «классических» определений контент-анализа. Американские исследователи, как правило, исключают цель из определения метода, трактуя контент-анализ скорее как универсальную «технику» исследования. Для нас же это скорее специфическая «методология» изучения закономерностей социальной жизни путем исследования ее текстов.

³³⁰ Ср. у Д. Сегала: «Объект говорит с человеком на определенном языке (или языках), а человек в зависимости от ситуации может либо владеть этим языком (или некоторым, или всеми языками) и понимать его, либо «читать» не все, что ему сообщается, либо вовсе не понимать «языка» предмета или понимать его ложным образом» (Сегал Д. Мир вещей и семиотика (субъективные заметки) // Декоративное искусство СССР, 1968, № 4, с. 38). Строго говоря, речь идет об объекте, выступающем в роли «текста».

³³¹ О контент-анализе как способе «необыкновенного чтения» см. также: Алексеев А.Н. Контент-анализ: очевидные свидетельства неочевидного // Знание-сила, 1971, № 9. - А. А. Июль 2001.

³³² Нижеследующие три абзаца почти дословно повторяют соответствующий пассаж из раздела 11.2. Однако, имея принципиальное значение, они сохранены здесь для обеспечения целостности восприятия данной работы.

схемы, которая задается конкретными задачами исследования («измеряй то, что действительно хочешь измерить!»).³³³ Во-вторых, **критерий воспроизводимости результатов** («измеряй так, чтобы тебя можно было проверить!»).

К этим двум основным можно добавить еще одно требование, Впрочем, не относящееся уже к самому существу строгого метода. Это - **критерий относительной простоты**. В этом последнем своеобразно сочетаются принципы экономичности и изящества. Слишком сложная процедура не стоит той цели, ради которой она предпринимается. И чем проще способ получения важного результата, тем исследование «красивее».³³⁴

Предложенный [выше. – А. А.] способ теоретико-методологического рассмотрения и определения контент-анализа через специфику его целей, объектов и средств и взаимодействия между ними помогает лучше уяснить и место контент-анализа в ряду других исследовательских методов. Контент-анализ не отделен от других методов глухой стеной и «внутри себя» допускает много разновидностей.

Удобно показать это наглядной картинкой, помещающей наш метод в импровизированное «трехмерное пространство» координат, каковыми будем считать ЦЕЛИ, ОБЪЕКТЫ И СРЕДСТВА (способы действия). При этом попытаемся условно ранжировать те, и другие, и третьи - по «степени сложности».³³⁵

На оси целей за точку отсчета примем цели описания, далее пойдут цели объяснительные и, наконец, прогностические (подчеркнем, что речь все время идет о социологических целях, или целях познания «мира» социальных отношений, поскольку тот объективирован в «мире» текстов).

Объекты (типы текстов и их совокупностей) будем дифференцировать <...> по сферам порождения и обращения текстов, каждой из которых соответствует свой «язык», в смысле особых норм организации и «сверхорганизации», какова бы ни была природа и материал используемых знаковых средств. <...>

Можно ранжировать эти «языки» по степени их изначальной «неформализованности», т. е. такой структурной организации, которая затрудняет выделение инвариантов, удобных для однозначной регистрации и осмысленной статистики. За начало здесь примем «язык статистики» (текст уже предельно формализован).

Нетрудно представить себе, что «деловой язык» окажется ближе к «точке отсчета», чем, скажем, «язык повседневного общения». В таком же преимущественном положении оказывается «язык науки» относительно, скажем, «языка искусства».

Наконец, ранжируем способы действия [средства. - А. А.] - от «субъективного», импрессионистского описания (точка отсчета) к жестко регламентированной, заданной программой процедуре регистрации однозначно выделяемых признаков («идеал» контент-анализа).

Всякое конкретное исследование содержания текстов может быть представлено некоторой точкой в «трехмерном пространстве» или вектором, идущим к этой точке от пересечения осей. Всякое исследование характеризуется какими-то своими координатами ЦЕЛИ, ОБЪЕКТА и СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ.

Будем полагать, что вектор, лежащий на любой из плоскостей (т. е. имеющий нулевое значение какой-либо из трех координат), обозначает исследование, не являющееся контент-анализом, - это «вырожденный» контент-анализ. Тем самым из

³³³ Как хорошо замечает Ж. Кейзер, вообще «всякое обращение к подсчетам требует большой осторожности и, если угодно, научной бдительности, коль скоро вы не хотите оторваться от живой реальности и благополучно соединить математическую точность с бессмыслицей». – Kayser J. Le quotidien francais. Paris, 1963, p. 142

³³⁴ Подробнее о критериях строгого метода см.: Алексеев А., Беликов Б. О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках (к постановке вопроса) / Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 1. Л., 1975. Эту работу см. также: ДСиСА – 4, раздел 23.2.

³³⁵ См. об этом также выше: раздел 11.1.

контент-анализа исключаются: а) анализы, где формализация и счет полностью отсутствуют; б) анализы статистического материала, где содержание уже выражено в числовых обозначениях; в) исключительно описательные обследования.³³⁶ Вместе с тем, устанавливается определенная «степень родства» контент-анализа с другими способами познавательной деятельности по поводу текстов; определяются не только его границы, но и точки соприкосновения с другими исследовательскими методами.

Нетрудно заметить, что современная исследовательская практика дает далеко не равномерное «заполнение» указанного пространства точками. По мере удаления от пересечения осей это пространство, если можно так выразиться, «разрезается». «Гуще» всего облако точек вблизи пересечения осей координат. Вдоль осей облако вытягивается в «нитки» и т.п. Например, чем больше изначальная «неформализованность» объекта, тем меньше шансов применения к нему сугубо формальных процедур с целями, выходящими за рамки описания.

«Степени сложности» объектов, целей и способов действия оказываются во взаимозависимости друг от друга. Поэтому всякий раз исследователь при выработке конкретной программы контент-анализа должен соразмерять желаемое (цели), возможное (средства) и наличное (объекты) и находить некоторую оптимальную для данного случая их комбинацию.

Контент-анализ оказывается мощным инструментом социального познания, когда он осуществляется <...> в комплексе с другими методами. Наиболее плодотворным может оказаться соединение контент-анализа с методом экспертных оценок, когда это соединение осуществляется корректно. Это значит, что некоторые трудно формализуемые характеристики текста или определенной единицы наблюдения в его рамках устанавливаются группой экспертов, с последующим «усреднением» их решения или иной процедурой экспертного метода. Такой путь принципиально отличается от интуитивного решения отдельного наблюдателя, когда исключена всякая устойчивость и воспроизводимость (объективность) результатов.

Нам представляется, что по крайней мере сама процедура выделения предмета оценки должна быть строго формализована. Вообще, «сращивание» методов должно осуществляться сознательно, должно быть управляемо составителем контент-аналитической программы.³³⁷

Отличие контент-анализа от своих аналогов в других гуманитарных дисциплинах состоит прежде всего в характере целей. Ведь к «миру текстов» можно обращаться не только ради познания «мира» социальных отношений. В объектах же и способах действия, как они представлены здесь (в самом общем виде), разница куда менее значительна, а иногда и исчезающе мала.

Связи контент-анализа с такими отраслями знания, как семиотика, лингвистика, теория информации, математическая статистика и некоторые другие (точнее - с методами этих дисциплин) - очевидны, поскольку эти области дают контент-анализу методико-техническую (не методологическую!) основу. Представляют несомненный интерес и перспективу разработка «стыков» контент-анализа как социологического метода и следующих дисциплин (точнее - соответствующих методов этих дисциплин):

а) контент-анализ и **история** (здесь укажем прежде всего на ряд методов источниковедения, где приемы формализованного наблюдения и статистических процедур, структурное расчленение текстов и т. д. получили развитие применительно к

³³⁶ Последнее заявление в известном смысле парадоксально. Но это вполне согласуется с нашей позицией, взглядом на контент-анализ не только как на «технику описания», безразличную к интерпретации, но и как на специфическую методологию, способ познания социальной действительности за пределами «мира» текстов, как таковых.

³³⁷ Примером соединения контент-аналитических процедур с экспертными может служить уже упоминавшееся международное исследование киногоероя; см. выше.

таким объектам, которые для этого особенно приспособлены - «деловые акты», например, в дипломатике или «формуляроведении»);

б) контент-анализ и **документоведение** (в последнем некоторые аналоги контент-анализа применяются для целей, отличных от исследовательских, в частности, для упорядоченной организации делопроизводства; однако способы выделения единиц наблюдения, формальных признаков описания документов и т. д. близки к иным из процедур контент-анализа);

в) контент-анализ и **архивное дело** (здесь разработаны детализированные системы описания документов в целях их упорядоченного хранения и т. д.);

г) контент-анализ и **библиография** (аналогично - для типов единиц печатной продукции в целях библиографического обслуживания);

д) контент-анализ и **информатика** (последняя изучает закономерности сбора, обработки, хранения и распространения документальной информации; здесь наблюдается особое богатство и разнообразие аналогов контент-анализа, правда, с принципиально отличными от него задачами - оптимизацией информационного поиска и т. д.);

е) контент-анализ и **искусствоведение** (имеется в виду прежде всего структурное литературоведение, накопившее опыт изучения художественных текстов через выявление их «морфологии», закономерностей структурной организации, в том числе - инвариантов художественной структуры, иногда с применением статистических методов).

Этот беглый перечень далеко не исчерпывает «пограничную» с нашей сферой проблематику, однако указывает некоторые точки соприкосновения с другими отраслями знания. По-видимому, в расширении междисциплинарных контактов, в методическом взаимообогащении и т. д. заинтересованы как социологи и социальные психологи, так и представители этих (*вышеназванных*. – А. А.) отраслей.

Из опыта применения контент-аналитических процедур в социальных исследованиях

Ниже приведем некоторые примеры использования контент-анализа и смежных методов в социальных исследованиях. Будем обсуждать примеры только из отечественной практики последних лет. Небольшие исследовательские группы и отдельные энтузиасты этого метода работают в Москве, Тарту, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске. Большинство имеющихся групп было представлено на первом социологическом семинаре «Проблемы контент-анализа в социологии», состоявшемся в Новосибирске в январе 1970 г.³³⁸

Результаты значительной части исследований пока не публиковались. Имеющаяся библиография на русском языке исчисляется всего несколькими десятками названий.³³⁹

Сравнительно нередки случаи, когда контент-анализом у нас называют то, что им по-видимому, не является (по крайней мере, не отвечает требованиям, выдвинутым в предыдущих разделах). Но с не меньшим основанием можно сказать, что многие исследователи применяют элементы контент-анализа, сами того не подозревая и, естественно, не пользуясь этим термином.

Будем опираться здесь в основном на собственную исследовательскую практику, а также на опыт наших коллег. Нам важно показать принципиальные возможности, а также перспективы метода. Главное внимание в дальнейшем изложении примеров будет

³³⁸ См. выше: раздел 11.1.

³³⁹ Кроме упоминавшихся работ В.С. Коробейникова, Л.Н. Федотовой, В.А. Ядова, укажем работы А.В. Баранова, В.В. Бойко, В.А. Владыкина, Б.А. Грушина, В.С. Дудченко, А.Г. Здравомыслова, М. Лауристин, Е.И. Пронина, В.В. Сазонова, В.П. Секерина и некоторых других авторов. См. «Советскую библиографию по применению формализованных методов и статистических процедур анализа текстов в социологических целях» - в сборнике: «Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского Социологического семинара» (Новосибирск, 1970).

уделяться методическим моментам. Мы не ставим перед собой задачи подробного освещения результатов и их интерпретации.

Начнем с примеров социологического анализа содержания периодической печати и других средств массовой информации. Нами исследовалась результативность критики в периодической печати. При этом было использовано то обстоятельство, что газеты систематически сообщают о последствиях своих критических выступлений под специальной рубрикой «Меры приняты» и т. п. Согласно официально закрепленной норме, информация о принятых мерах должна по прошествии определенного времени сопровождать каждое критическое выступление.

Страницы трех ленинградских газет («Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Строительный рабочий») были охвачены сплошным наблюдением за период второй половины 1966 г. (кроме того, проводилось контрольное выборочное обследование за три года). При этом за единицы наблюдения были взяты: СЛУЧАЙ ПЕЧАТНОЙ КРИТИКИ (заметка или статья, предполагающая последующую информацию о принятых мерах) и СЛУЧАЙ СООБЩЕНИЯ О РЕЗУЛЬТАТЕ. Фиксировался характер критики («проблемная статья», «критическая корреспонденция», «критический сигнал» и т. п.) и ее источник (штатный журналист или рабселькор), с одной стороны, и характер сообщения о результате («меры приняты», «меры недостаточны», «меры не приняты») - с другой.

Оказалось, что во всех газетах на протяжении трех лет стойко удерживалось соотношение: одно сообщение о принятых мерах на четыре случая печатной критики!³⁴⁰

Еще более разительное отставание количества сообщений от числа случаев критики для рабселькорской критики.³⁴¹ Так, с относительно небольшими колебаниями для разных газет, из каждых восьми критических выступлений нештатных авторов всего одно сопровождается потом информацией о мерах. С этим коррелирует относительно меньшая частота сообщений о мерах по следам «критических сигналов», по сравнению с «критическими корреспонденциями».

Относительно тривиальным является факт решительного преобладания сообщений о позитивных результатах, по сравнению с информацией о «не принятых мерах» (газета обычно публикует сообщения «по следам» своих выступлений по мере поступления ответов на критику из соответствующих организаций, информация же об отсутствии результатов возникает либо в случае бюрократической отписки, либо в случае специально предпринятой редакцией проверки).

Данное обследование позволило определенным образом измерить разрыв между нормой «гласной действенности» и ее реализацией и являлось первым приближением к выяснению «степени результативности» критики в газете в комплексном исследовании на эту тему.³⁴²

Примером прикладного использования контент-анализа может служить пробное обследование содержания «Литературной газеты», проводившееся группой новосибирских социологов в 1970 г. Задачи были в основном прикладными - редакцию интересовало количественное соотношение разных тем, категорий авторов, способов подачи материала и т. п. на страницах газеты. За исходные категории были взяты: **тема** (предмет освещения или обсуждения в текстовой публикации), **автор**, **географический**

³⁴⁰ Например, в «Ленинградской правде» за вторую половину 1966 г. имеем 99 сообщений о результатах критики, включая сообщения о мерах «по следам» проблемных статей, на 315 случаев критики, куда проблемные статьи из осторожности не включены (поскольку разрешение вопроса, поднимаемого в проблемной статье, ввиду его сложности, может и не быть обязательно скорым, и, как правило, не находится в компетенции какого-то одного органа). Другие ленинградские газеты за обследованный период отличаются только абсолютными показателями, соотношение же сохраняется.

³⁴¹ Обычно это - опубликованные письма в редакцию. - А. А. Июль 2012 г.

³⁴² Подробнее об этом см. нашу статью «Действенность критики в периодической печати (опыт социального исследования) // Вестник Московского университета, серия XI, 1968, № 6.

район и произведение искусства (последние два фиксировались по упоминаниям конкретных названий в газетном тексте).

В ряду выявленных фактов заслуживает внимания весьма отчетливое преобладание исключительно позитивного рассмотрения проблем литературы и искусства, в отличие от значительно более критичного, «не парадного» обсуждения проблем экономики, быта, морали. Так, из 289 художественных произведений, так или иначе рассматривавшихся в «ЛГ» на протяжении декабря 1969 г., лишь 9 % обсуждались критически. Была зафиксирована, далее, преимущественно «московская» ориентация газеты. Например, на освещение регионов РСФСР восточнее Урала пришлось менее 10 % случаев всего освещения РСФСР. Вообще, чем удаленнее район от Москвы, тем реже он обсуждался на страницах газеты. Определенные диспропорции наблюдались и в освещении зарубежной жизни (например, резкий дефицит материалов о развивающихся странах, особенно о литературе этих стран).³⁴³

В данном исследовании были опробованы различные способы измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты. При этом различались «главная» и «второстепенная» категории в каждой отдельной публикации (главная - та, которой посвящено больше строк в данной публикации), «подробно анализируемая», «просто освещаемая» и «попутно упоминаемая» категории (первая - та, которой посвящено более абзаца, вторая - в пределах абзаца, третья - не более двух предложений) и, наконец, традиционный способ подсчета количества строк в публикации, где соответствующая категория является главной. При каждом способе использовались средневзвешенные показатели с применением балльных коэффициентов. Усреднение этих показателей позволило получить наиболее адекватную характеристику соотношения указанных элементов структуры содержания газеты.³⁴⁴

Другим интересным методическим результатом данного исследования явилось эмпирическое подтверждение того, что для еженедельника, вроде «ЛГ», даже 4-х номеров (декабрь 1969 г.) достаточно для репрезентации ряда важнейших параметров содержания за продолжительный (несколько лет) период (разумеется, при отсутствии кардинальных изменений «лица» газеты за этот период). В этом убедило контрольное наблюдение над картотекой «персоналий», которая велась в этой газете в 1967 г.³⁴⁵ Удельный вес внутрисоюзной тематики в декабрьских номерах 1969 г., как было исчислено нами (после усреднения разных способов замера), равен 72,9 %, зарубежной - 27,1 %. А соотношение упоминаний отечественных и зарубежных персоналий в 1967 г. - 73 и 27 % (выборка из общего массива персоналий составила 3,5 тыс. с количеством упоминаний 1,5 тыс. раз) Представляет интерес распределение упоминаний зарубежных персоналий по принадлежности к странам разных лагерей: страны капиталистического лагеря - 74 %, страны социалистического лагеря - 19 %, развивающиеся страны - 7 %. (приняв все упоминания зарубежных персоналий в 1967 г. за 100 %). В 1969 г. имеем в общем аналогичное распределение интенсивности освещения газетой различных районов мира.

Близкие к описанным методические принципы, хотя и с другими задачами, использовались при обследовании содержания районной газеты «Вперед» (Бурятская АССР). В этой газете был осуществлен интересный эксперимент, состоявший в решительной перестройке ее «лица» (в частности, почти полный отказ от публикации материалов ТАСС и всей не местной тематики во избежание дублирования центральных и республиканских газет). Эксперимент встретил очень активную поддержку читателей

³⁴³ См. Владыкин В.А.. Некоторые итоги пробного обследования содержания «Литературной газеты» / Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.

³⁴⁴ См. Алексеев А.Н.. Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты / Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.

³⁴⁵ Под «персоналией» здесь понимается конкретное поименованное лицо, так или иначе фигурирующее на страницах газеты.

Наблюдение над картотекой «ЛГ» 1967 г. проводилось Л.В. Новохатской по нашей программе.

газеты (что подтверждается такими объективными показателями, как повышение тиража газеты более, чем вдвое, а редакционной почты более, чем в четыре раза, за срок в два года, а также данными читательского опроса в 1970 г.). Сравнительный контент-анализ газеты «Вперед» до эксперимента (1967 г.) и в ходе его имел целью замерить факторы, обуславливающие изменения отношения читателей к газете и самого положения печатного издания в своей аудитории.

Зафиксированы следующие основные изменения от 1967 к 1979 году:

а) повышение удельного веса местной тематики на страницах районной газеты от 65 % до 82,5 % при резком сокращении неместной тематики;

б) повышение удельного веса непроизводственной тематики (культура, быт, мораль) от 14 % до 21,5 % (чем преодолевается известный недостаток районной печати – ее чрезмерно производственный характер);

в) перераспределение удельного веса сельскохозяйственной и промышленной тематики в пользу последней (что отвечает специфике района, где большая часть населения занята в промышленности);

г) повышение удельного веса решения тема в критическом плане или с использованием элементов критики от 15 % до 35,5 %;

д) повышение доли участия нештатных авторов (рабселькоров) в районной газете более, чем вдвое.³⁴⁶

Так контент-анализ может служить текущей практике руководства периодической печатью и оптимизации информационно-пропагандистской деятельности. Аналогичные иллюстрации можно было бы привести из опыта исследования содержания телевизионных программ.

Круг возможных объектов контент-анализа чрезвычайно широк и, разумеется, не ограничивается продукцией органов массовой информации. В соответствии с разнообразием целей исследования такими объектами могут стать школьные сочинения и деловые документы, личные автобиографии и доска объявлений, библиографические справочники и энциклопедия, произведения искусства³⁴⁷ и неформальные высказывания респондентов в ответ на открытые вопросы социологических анкет

Приведем пример из специфической области, строго говоря, относящийся к наукометрии, но имеющий большое социальное значение и смысл. Науковедами у нас и за рубежом неоднократно показан экспоненциальный рост количества публикаций по естественным и техническим наукам. Принято говорить, что наука развивается «по экспоненте», но базируются при этом лишь на материалах так называемых точных наук. А как обстоит дело в гуманитарных науках?

Проведенное нами изучение советского библиографического бюллетеня «Новая советская литература по философии» за 1960-1969 гг. дало нетривиальные результаты. Оказалось, что рост общественно-научной литературы (в частности, литературы, включенной в раздел «Исторический материализм» этого бюллетеня) аппроксимируется скорее всего линейной функцией. Между тем, внутри этого раздела обнаруживается экспоненциальный рост числа конкретно-социологических публикаций. Последние от «нуля» в 1960 г. достигли в 1969 г. почти половины всего количества публикаций по историческому материализму. В состав этого раздела они зачислялись библиографами. С этим обстоятельством, по-видимому, связано то, что, начиная с 1971 г. библиографическая рубрика «Отдельные социологические проблемы» была

³⁴⁶ Подробно об этом см.: Секерин В.П. О месте районной газеты в системе средств массовой пропаганды и информации (к постановке проблемы) // Вестник Московского университета, серия XI, 1970, № 1.

См. также выше: раздел 10.8.2. - А. А. Июль 2012.

³⁴⁷ Вспомним интересную идею писателя Вл. Канторовича о «литературной переписи» героев советской художественной литературы, развитую в статьях на страницах журналов «Новый ми» (1967, № 12) и «Вопросы литературы» (1969, № 11), а также в его книге «Глазами литератора (социологические очерки)» (М., 1970).

преобразована в бюллетене в самостоятельный раздел, наряду с «Историческим материализмом», подобно тому, как это произошло с рубриками «Этика», «Эстетика», «Научный атеизм, отпочковавшимися от раздела «Исторический материализм» в середине 60-х гг.

Нами был высчитан период удвоения для экспоненциального роста социологической литературы в СССР за последнее десятилетие. Он составил порядка двух лет! Такой темп роста – в несколько раз выше, чем у самых передовых отраслей естествознания.³⁴⁸

Задаче исследования определенных социальных тенденций в «зеркале» научного издания был посвящен предпринятый нами опыт формализованного наблюдения над советской «Философской энциклопедией», выходящей на протяжении 1960-1970 гг.³⁴⁹ За единицу наблюдения была взята персоналия – конкретное лицо, которому в энциклопедии посвящена отдельная статья. Учитывались только «современные персоналии», формальным критерием для которых было принято: дожил по крайней мере до 1922 г. Персоналии подразделялись на «советские» и «зарубежные». Те и другие подразделялись на лиц, скончавшихся в период с 1922-го по 1960 г. и на ныне живущих (к последним условно были отнесены также скончавшиеся после 1960 г., то есть заставшие выход в свет 1-го тома энциклопедии. Предполагалось, что вопреки известному требованию преемственности томов и единства энциклопедии, как целостного издания, будут обнаружены существенные изменения от тома к тому, в том числе – в частотах распределения персоналий разного типа.

Распределение персоналий в энциклопедии по томам, естественно, зависит от стандартного распределения фамилий, начинающихся на ту или иную букву в русском и иностранных языках. Чтобы учесть этот «лингвистический» фактор, были произведены контрольные наблюдения по советской телефонной книге и по комплекту «Applied Physics» за 1968-1969 гг., переизданному на русском языке (где иностранные фамилии давались в официально принятой русской транскрипции) и высчитано теоретически ожидаемое распределение персоналий (советских и зарубежных отдельно) по томам энциклопедии. Затем это ожидаемое распределение было сопоставлено с реально зафиксированными частотами персоналий соответствующего типа в разных томах.

Отклонения фактических частот от ожидаемых для советских персоналий оказались весьма значительными, однако легко объяснимыми тем обстоятельством, что в энциклопедии учитываются все доктора философских наук. Поскольку «корпус» докторов философских наук за истекшее десятилетие очень вырос, то не удивительно, что последний том, например, включает 76 ныне живущих советских ученых, причем почти исключительно д.ф.н., в то время как первый том – 40 (из них философов всего 30).³⁵⁰

Фактические частоты зарубежных персоналий также очень сильно отличаются от теоретически ожидаемых, однако характер отклонений принципиально иной. [См. выше. – А. А.]

[Здесь опущена таблица, показывающая величины теоретически ожидаемых и фактических частот современных зарубежных персоналий в советской «Философской энциклопедии» (1960-1970) по томам:

Том I (буквы А-Д) (год выхода тома – 1960) (год составления словника (предположительно) – 1958): Теор. ожидаем. частота – 27 %, или 156 абс. Ед.; фактич. частота – 22 %, или 127 абс. ед.

³⁴⁸ Подробнее см. нашу работу «О некоторых тенденциях в развитии общественных наук (библиографические и наукометрические наблюдения / Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 4. Л., 1971.

См. также ниже: раздел 10.4.1. – А. А. Июль 2012.

³⁴⁹ Эта работа была осуществлена совместно с Б.Д. Беликовым и А.Н. Козыревым,

³⁵⁰ Теоретически ожидаемые частоты в этом случае, согласно произведенному расчету, для первого и последнего томов равновелики.

Том 2 (буквы Д-К) (год выхода тома – 1962) (год составления словника (предположительно) – 1960): Теор. ожидаем. частота – 11 %, или 64 абс. ед.; фактич. частота – 16 %, или 95 абс. ед.

Том 3 (буквы К-Н) (год выхода тома – 1964) (год составления словника (предположительно) – 1962): Теор. ожидаем. частота – 18 %, или 104 абс. ед.; фактич. частота – 25 %, или 143 абс. ед.

Том 4 (буквы Н-С) (год выхода тома – 1967) (год составления словника (предположительно) – 1965): Теор. ожидаем. частота – 18 %, или 104 абс. ед.; фактич. частота – 15 %, или 85 абс. ед.

Том 5 (буквы С-Я) (год выхода тома – 1970) (год составления словника (предположительно) – 1968): Теор. ожидаем. частота – 26 %, или 150 абс. ед.; фактич. частота – 22 %, или 128 абс. ед.

При этом суммарное количество современных зарубежных персоналий по всем 5 томам – 578. Именно для этой суммарной величины рассчитывались теоретически ожидаемые частоты по томам и от этой величины высчитывались проценты фактически частот.

Как видно, для второго и третьего томов наблюдается существенное превышение фактических частот над ожидаемыми, а для первого, четвертого и пятого – наоборот. – А. А.]

Значение Х-квадрат оказалось равным 38,7. Для утверждения неслучайности отклонения фактических частот от ожидаемых при уровне существенности 0,01 достаточно иметь Х-квадрат равным 13,3. Таким образом, существенная зависимость частоты зарубежных персоналий, в частности, от времени выхода тома не подлежит никакому сомнению.³⁵¹

[Выше сравнивались... – А. А.] фактические частоты с теми, которые следовало бы ожидать, если бы с самого начала было задано суммарное количество зарубежных персоналий во всех пяти томах, соответствующее их реальному количеству в рассматриваемой «Философской энциклопедии» (578). [Однако. – А. А.] можно уверенно предположить, что такого норматива ни до выхода первого тома (1960 г.), ни после никто сознательно не задавал, и каждый том планировался по отдельности (либо корректировался первоначально составленный словник или список статей). Поэтому высчитаем ожидаемое общее количество зарубежных персоналий и их ожидаемое количество в каждом томе, если принять за базу первый том, где было 127 зарубежных персоналий. Тогда таблица ожидаемых и фактических частот выглядела бы так:

Таблица

Начальные буквы и год издания тома	Предполагаемая дата составления словника	Ожидаемая частота зарубежной персоналии (абс. кол-во)	Фактическая частота
1 (А-Д) . 1960	1958	127	127
2 (Д-К) . 1962	1960	52	95 (!)
3 (К-Н) . 1964	1962	85	143 (!)
4 (Н-С) . 1967	1965	85	85
5 (С-Я) . 1970	1968	122	128
Итого:		471	578

Нетрудно заметить, что интенсивность включения современных зарубежных персоналий в «Философскую энциклопедию» резко увеличивается во втором и третьем томах (готовившихся в начале 60-х гг.) по сравнению с «нормативом» первого тома

³⁵¹ «Если значение Х-квадрат слишком велико, то расхождения между ожидаемыми и действительными значениями не могут объясняться случайными факторами» (Рейхман У. Дж. Применение статистики. М. 1969, с. 294.

(соответственно больше в 1,8 и 1,7 раза), затем так же резко опускается на уровень первого тома - в четвертом и пятом томах (готовившихся во второй половине 60-х гг.).

Интерпретация этих фактов выходит за пределы задач настоящего раздела статьи, где излагаются только методики и некоторые эмпирически результаты. Однако можно сказать в самом общем виде, что гипотеза существенной зависимости ряда параметров отдельных частей многотомного издания от конкретно-исторических обстоятельств подготовки и выхода в свет этих частей - подтверждена.

Ремарка: многотомное, продолжающееся издание как зеркало смены общественного климата

В данной публикации середины 1970-х гг. сработал эффект «автоцензуры», и автор воздержался от дальнейшей интерпретации упомянутых «конкретно-исторических обстоятельств», как смены хрущевской «оттепели», началом брежневского «застоя», с соответствующим изменением степени жесткости идеологического «зажима», после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС. Пример «эзопового языка» отечественной социологии! (Июль 2001).

Контент-анализ вообще является особенно эффективным, а в некоторых случаях и незаменимым средством для исследования динамики господствующих социальных ориентаций. Следует сказать, однако, что диахронических, или, как их иногда называют «лонгитюдных» исследований, у нас пока немного.³⁵²

Но нередко и так называемые «поперечные» срезы, особенно при наличии внетекстовых сопоставлений, дают представление о социальной динамике. Ленинградский социальный психолог В.Е. Семенов исследовал отражение взаимоотношения полов, брака и любви в литературе для молодежи.³⁵³ Обследовались годовые комплекты журналов «Юность» и «Сельская молодежь» (1968-1969 гг.), в качестве единицы наблюдения было взято **сообщение-ситуация** (под ситуацией понималось отношение брака и любви между людьми разного пола, история их взаимоотношений и все сопутствующие обстоятельства). Фиксировались тип сообщения, пол автора, хронологическая отнесенность описываемых событий, социально-демографические характеристики персонажей, тип ситуации в зависимости от степени интегрированности взаимоотношений (шкала от ситуации полного согласия и общности партнеров до ситуации полного разногласия и разобщенности, как-то: некоммуникабельность, измена, уход из семьи, развод и т.п.), авторская оценка персонажей, некоторые другие признаки. Массив ситуаций в обоих журналах составил порядка 200 единиц.

Исследователю удалось показать, что молодежные журналы в основном адекватно отражают реальные отношения брака и любви в нашей стране. Эмпирически это выражается в росте числа дезинтегрированных ситуаций по мере приближения к нашему времени, что коррелирует с ростом реального числа разводов и дезинтеграций, а также в совпадении основных показателей и тенденций современных брачно-любвных отношений в журнальных ситуациях и в реальности (данные социологических исследований и статистики).³⁵⁴

³⁵² В качестве примера сошлемся на работу А.В. Баранова, исследовавшего динамику общественных оценок мотивов человеческого поведения при помощи контент-анализа газеты «Известия» за 1919-1967 гг. (см. Баранов А.В.. Опыт текстового анализа газеты / Количественные методы в социальных исследованиях. Инф. бюлл. ССА и отдела конкретных социологических исследований ИФ АН СССР, вып. 9, М., 1968).

³⁵³ Некоторые материалы этого исследования излагаются здесь с любезного согласия В.Е. Семенова.

³⁵⁴ Имеются в виду такие показатели и тенденции, как возраст вступления в брак, место и сроки знакомства, повсеместный нуклеарный тип семьи, сроки разводов, распространенность добрых сексуальных отношений в городе по сравнению с деревней и другие.

Выявлена социально-психологическая тенденция авторов наделять мужчину прежде всего профессиональной ролью (фактически отождествлять его с ней) и, наоборот, лишать женщину такой роли (наделяя ее прежде всего ролью хозяйки и матери). Иначе говоря, в молодежных журналах продолжает стойко удерживаться стереотип психологии здравого смысла: муж - это прежде всего профессия, дело, а жена - хранительница семейного очага.

Обнаружен интересный феномен солидарности (идентификации) авторов с героями своего пола, что выражается у авторов-мужчин прежде всего в преобладании информации о мужчинах, а у авторов-женщин - в более активном наделении персонажей-женщин положительными качествами по сравнению с персонажами-мужчинами.

Авторы-женщины, кроме того, склонны изображать отношения брака и любви 60-х гг. более дезинтегрированными, по сравнению с авторами-мужчинами. Они же являются выразителями тенденции «женской эмансипации». Если авторы-мужчины чаще поощряют традиционное поведение полов и соотношение их ролей, то авторы-женщины чаще приветствуют поведение полов, основанное на принципе полного равноправия, от сферы быта до сферы творчества.

Заслуживает внимания редакция журнала «Юность» обнаруженный исследователем факт преимущественного показа в журнале брачно-любвых отношений в среде городской интеллигенции, и значительно реже - в среде рабочих, колхозников, вообще работников физического труда. Наблюдается также тенденция, в свое время обнаруженная Лоуэнталем (США) в массовых журналах – повышенное внимание к представителям сферы искусства и спорта. Эта и все остальные тенденции зафиксированы на уровне статистически значимых, не случайных показателей.

Известную «универсальность» метода и его применимость к самым разнообразным типам совокупностей текстов для самых разных социально-познавательных целей можно пояснить следующим полушутливым примером. В ходе профсоюзного *[на самом деле, если автору не изменяет память, партийного. - А. А.]* собрания в одном из учреждений *[академический институт в Новосибирске. А. А.]* наблюдатель регистрировал в живом потоке речи выступающих все упоминания конкретных лиц и оценки, которыми сопровождалась эти упоминания («нейтральные» или безоценочные упоминания всякого лица при последующем подсчете приплюсовывались к положительным или негативным упоминаниям - смотря каких по поводу данного лица больше).

Результаты этой процедуры, имевшей в данном случае значение лишь «пробы методики», позволили считать, по крайней мере не опровергнутыми ряд шутливых «гипотез», среди которых, например, «высокая концентрация (сосредоточение) эксплицитного (явного) общественного мнения». Действительно, удельный вес суждения о минимуме лиц превышал удельный вес суждений о всех остальных лицах (за 3,5 часа на собрании было упомянуто 93 лица; максимальное число упоминаний одного и того же лица - руководителя учреждения - 45 раз, а лиц, получивших только одно упоминание - 45). Другая гипотеза - «высокая монолитность (единодушие) эксплицитного (явного) общественного мнения»: подавляющее большинство лиц (83) упоминались лишь с одной определенной оценкой (63 - только положительно, 20 - только негативно); но даже и те 10 лиц, о которых высказывались различные (как положительные, так и негативные) суждения, имели отчетливое преобладание какой-либо одной определенной оценки. Лишь по поводу одного лица мнения на собрании разделились.³⁵⁵

В идеале контент-анализ, как и всякое исследование, предполагает сначала четкую формулировку целей, затем поиск средств для их осуществления. Но в действительности бывает так, что исследователь «нащупывает» формализационные приемы и алгоритмы,

³⁵⁵ Еще один пример «эзопова языка» отечественной социологии; автор неявно трактует ситуацию собрания как «тестовую» относительно характерных социальных тенденций времен «застоя». - А. А. Июль 2012.

насчет которых лишь позднее догадывается, для чего их можно применить и какой они имеют социологический смысл.

В этой связи приведем последний пример - из опыта новосибирской группы, занимавшейся разработкой программы контент-анализа массовой периодической печати. Автор этих строк и его коллеги - В.С. Дудченко и В.А. Владыкин³⁵⁶ избрали в качестве одной из исходных категорий понятие «героя», или «субъекта», как носителя сознания и деятельности, фигурирующего в тексте газетного сообщения. При этом исходили из довольно расплывчатой вначале идеи последующего соотнесения состава «героев» со структурой массива «субъектов» в самой отображаемой действительности. После ряда поисков удалось найти осмысленный и надежный алгоритм фиксации этого элемента содержания в текстовом материале: в операциональной схеме «субъектом» считается всякое упоминание лица или множества лиц, которое выражено словом или словосочетанием, выполняющим в предложении роль подлежащего или дополнения (к нему можно поставить вопрос КТО? в прямом или косвенном падеже).

Дальше стали искать способы экономичной классификации субъектов, понимая, что для субъектов-лиц целесообразно фиксировать одни признаки, а для субъектов-групп (к ним тоже, в предложении, можно поставить вопрос КТО?) - совсем другие.

Показалось удобным различать субъектов по следующему правилу. Следует извлечь обозначение субъекта (отвечающее на вопрос КТО? КОГО? КОМУ? и т. д.) из контекста и посмотреть, какой же вопрос можно к нему поставить тогда. К одним, и вне контекста, естественно поставить вопрос: КТО ЭТО ТАКОЙ (КТО ЭТО ТАКИЕ?). Но другие, вне контекста, допускают постановку уже совсем другого вопроса: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Первых мы назвали «субъектами-лицами» и «субъектами-группами» (например: «Иванов обтачивает деталь». Иванов - субъект-лицо. «Я сказал Иванову, Петрову и Сидорову...». Иванов, Петров и Сидоров - субъект-группа). Для других было предложено условное название «субъект-организм», или «субъект-структура» (например: «Завком решил» или «Завод выполнил план». Завком и завод - субъекты, поскольку к ним можно в предложении поставить вопрос КТО? Но вне контекста - тот и другой как бы утрачивают свои субъектные характеристики; тут можно спросить лишь: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?).³⁵⁷

Простое правило, опирающееся на общезначимую лингвистическую интуицию, алгоритм, доступный для школьника четвертого класса!.. Воспроизводимость результатов - почти идеальная. Но для чего? Что с этим делать? Интуитивно мы чувствовали, однако, что за этим лингвистическим различием стоит глубокое социальное содержание.

Первые пробы показали чрезвычайно высокий удельный вес субъектов-организмов [институты. - А. А.] в публицистических текстах и информационных сообщениях газет. Субъекты-лица оказывались в явном меньшинстве (читатель легко может нас проверить, обследовав номер какой-нибудь газеты от корки до корки). Другие пробы показали разную степень преобладания субъектов-организмов в текстах разного типа и, что особенно интересно, в текстах одного типа, но в разные периоды времени.

И лишь тогда изобретатели этого алгоритма стали понимать, какой социальный смысл имеет соотношение субъектов первого и второго рода. Оказывается возможным эмпирически исследовать и даже подобраться к «измерению» [в особенности, в случае применения диахронических и кросскультурных сопоставлений. - А. А.] очень интересной

³⁵⁶ Владимир Александрович Владыкин - новосибирский социолог, ныне покойный. В 1969-1970 гг. мы трое: Владимир Владыкин, Вячеслав Дудченко и я составляли коллектив, специализировавшийся на контент-аналитических исследованиях в группе социологии печати при Новосибирском университете. - А. А. Июль 200.

³⁵⁷ Термины «субъект-организм» и «субъект-структура» представляются сегодня неудачными. Точнее говорить: «субъект-институт» (в смысле - социальный институт).

тенденции - социального процесса своего рода ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЯ или ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ! *[выделено мною сегодня. – А. А.]*

Ограничимся этим списком примеров из практики контент-аналитических исследований. Наши примеры не претендовали на большее, чем показать некоторые возможности метода, уместного в исследованиях самых разнообразных сфер социальной жизни, и прежде всего – духовной культуры.

Сила строгого метода, к каковым относится контент-анализ, видится нам прежде всего в способности представить очевидные свидетельства неочевидного, того, что при обычном чтении может быть схвачено лишь интуитивно, может рассматриваться лишь как гипотеза.

В.И. Ленину принадлежит замечательный образец конкретно-социологического исследования силы разных течений в российском рабочем движении 1912-1914 гг. При этом В.И. Ленин обратился к систематически публиковавшимся на страницах большевистской и меньшевистской легальной печати информациям о групповых рабочих сборах на газету. Сообщение о денежном взносе, сделанном рабочей группой в пользу газеты того или иного направления, было взято В.И. Лениным за единицу наблюдения. Фиксировались разнообразные признаки э

Той единицы. В понятийной же схеме групповому рабочему сбору соответствовала категория сознательной и организованной поддержки рабочими того или иного политического течения. Групповой денежный взнос – свидетельство рабочей поддержки и, следовательно, силы связей определенной газеты (представляемого ею течения) с рабочим классом. Такая процедура позволила Ленину не только эмпирически показать преобладание большевизма в российском рабочем движении, но и определенным образом измерить это преобладание.³⁵⁸

Сопоставляя результаты наблюдения по большевистским и меньшевистским газетам за длительные промежутки времени, В.И. Ленин обнаружил, что большевики по указанному критерию, по крайней мере, в 4 раза сильнее меньшевиков! Способом глубоко обоснованным и изящным была решена задача исключительной научной и политической важности.

(Алексеев А.Н. Контент анализ: его объекты, цели и средства / Социология культуры. Вып. 1. М.: НИИ культуры, 1974)

11.4. СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА В ЗЕРКАЛЕ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

[Ниже - фрагменты работ, посвященных тенденциям развития общественной науки (первая половина 1970-х гг.). Не будучи контент-аналитическими, в строгом смысле слова, эти изыскания включают в себя элементы процедур контент-анализа. - А. А.]

11.4.1. «Дерево» советской социологии (генезис и темпы роста, 1960-е гг.)

³⁵⁸ Подробно о методологических и методико-технических аспектах этого ленинского исследования см. нашу работу «В.И. Ленин – исследователь рабочей печати (статьи о «Правде» 1912-1914 гг. и проблемы конкретно-социологического исследования прессы)» (Сб. Журналист, пресса, читатель. Л., 1969). См. также: Ядов В.А. Ленинский подход к социологическому исследованию / Ленин и социология. Инф. бюлл. ССА и ИКСИ АН СССР, № 42. М., 1970.

= Из сборника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов»
(1971)

О некоторых тенденциях в развитии общественных наук. Библиографические и наукометрические наблюдения

<...> В качестве объекта наблюдения нами был избран библиографический бюллетень «Новая советская литература по философии», издаваемый Фундаментальной библиотекой общественных наук (с августа 1969 г. - Институтом научной информации и Фундаментальной библиотекой по общественным наукам АН СССР). Этот бюллетень является по существу единственным специализированным советским библиографическим изданием в области философско-социологической мысли. Был обследован десятилетний период с 1960 по 1969 г. Приступая к обследованию, мы исходили из следующих общих предпосылок.

1) Структура и динамика публикаций бюллетеня в общем адекватно отражают структуру и динамику советской общественной науки в ее основных тенденциях.

2) Изменение реальной структуры науки отражаются в рубрикации бюллетеня с некоторым запаздыванием, поскольку библиограф вводит новую рубрику или раздел лишь под «давлением» самого классифицируемого материала, когда не может без натяжки отнести массу публикаций в какую-либо из имеющихся рубрик; в то же время эта масса публикаций, не укладывающихся в старую схему, обнаруживает общее качество, стало быть, тяготеет к выделению в самостоятельную рубрику.

3) Внося изменение в рубрикации, библиограф всегда стремится к сохранению преемственности; поэтому существенные перемены в структуре библиографического издания, как правило, оказываются результатом накопления мелких, «частных» изменений, что в общем отвечает преемственности и постепенности эволюции самой отображаемой реальной структуры науки.

4) Осуществленное однажды нововведение в структуре рубрикации бюллетеня обычно сохраняется, «закрепляется» в последующем, поскольку это нововведение оказалось «удачным», т. е. соответствующим реальной тенденции развития науки.

5) Основными средствами изменения структуры библиографического издания являются: а) постепенное изменение названий рубрик и разделов в соответствии с изменением их реального «наполнения» (характера публикаций); б) дифференциация, «дробление» имеющихся рубрик и разделов, выделение новых подразбук и подразделов в их рамках, связанное с достижением ими некоторого «критического» объема (большого количества публикаций), их переход на положение самостоятельных рубрик или разделов.

Наряду с этим имеет место изменение «наполнения» отдельных рубрик и без существенных модификаций их названия, если это название допускает переосмысление, в соответствии с изменениями «наполнения».

С учетом сказанного, «генеалогия» всякой рубрики может быть представлена в виде цепочки преемственных названий, причем цепочка разворачивается в «дерево», если возникает дифференциация в рамках этой рубрики. В частности, генезис и эволюция «социологической рубрики» на страницах библиографического бюллетеня ФБОН, обследованного нами, выглядит следующим образом:

с марта 1961 г. - «Социальные проблемы труда, быта и культуры» в рамках раздела «Исторический материализм»;

с мая 1963 г. - «Социологические проблемы труда»;

с сентября 1963 г. - «Социологические проблемы труда и быта»;

с апреля 1964 г. - «Социологические проблемы труда, быта и культуры»

с июня 1966 г. - «Отдельные социологические проблемы», с выделением в рамках этой рубрики подразбук: «Методика и техника социологических исследований», «Труд»,

«Свободное время», «Культура», «Семья и быт», «Город и деревня», «Интересы и потребности», «Другие социологические проблемы».

В последующие месяцы 1966 г. эта дифференциация «Отдельных социологических проблем» дополняется подрубриками: «Управление общественными процессами» и «Общественное мнение»; в этом же году впервые эпизодически появляется подрубрика «Молодежь», которая становится постоянной с 1967 г. С декабря 1968 г. появляется подрубрика «Массовая коммуникация. Пропаганда», в 1969 г. - «Социальное прогнозирование». Все это - подразделения рубрики «Отдельные социологические проблемы», сохраняющейся в разделе «Исторический материализм». На эту рубрику приходится большая часть социологических публикаций, зарегистрированных в бюллетене. К этому можно добавить подрубрику «Общие вопросы» раздела «Исторический материализм» (она присутствовала во второй половине 1965.). В значительной мере «социологическое наполнение» получают также рубрики «Личность и общество» (иногда называется «Проблемы личности. Общество, коллектив, личность»), существующая с 1967 г., и «Социальная структура общества. Классы и классовая борьба» (последняя сменила рубрику «Классы и классовая борьба» в середине 1977 г.). С начала 1967 г. в рамках раздела «Исторический материализм» возникает также рубрика «Общественная психология».

Оговорим, что под «социологическим наполнением» (социологической литературой) мы в данном случае понимаем не любые работы, посвященные анализу социальных явлений (в этом смысле все содержимое раздела «Исторический материализм» принадлежит «социологии»), и лишь те, что лежат в русле конкретно-социологических исследований или по крайней мере, связаны с ними, т. е. такие публикации, которые квалифицируются как социологические в современном научном и обыденном сознании.

Даже поверхностное ознакомление с бюллетенем «Новая советская литература по философии» за истекшее десятилетие позволяет обнаружить лавинообразно нарастающий поток социологической литературы. Попробуем выразить этот рост в количественных показателях, приняв за единицу счета библиографическое наименование, имеющее в бюллетене самостоятельный регистрационный номер. <...>

[Здесь опущены диаграммы и комментарий к ним. - А.А.]

Нетрудно заметить, что рост раздела «Исторический материализм» в бюллетене «Новая советская литература по философии» за последние годы осуществляется преимущественно за счет публикаций по социологии. Рост же самой социологической литературы оказывается весьма близким к экспоненциальному, с периодом удвоения порядка двух лет. Этот темп в несколько раз выше темпов роста любой из отраслей естественно-научного знания, где период удвоения, как показывают соответствующие исследования, лишь для некоторых особо актуальных и молодых частных областей оказывается меньше 10 лет.³⁵⁹

С учетом известных несовершенств в рубрикации библиографического бюллетеня «Новая советская литература по философии» и относительной грубости нашей методики, мы склонны рассматривать утверждение об экспоненциальном развитии советской социологии с беспрецедентным темпом роста, как некоторую гипотезу, требующую дальнейших углубленных проверок. Однако и произведенный анализ позволяет усматривать в параметрах роста потока научной информации в области социологии известные аналогии росту естественно-научного знания при сохранении всей специфики общественно-научного знания.

Настоящие наблюдения также способствуют прояснению процессов, совершающихся в марксистской общественной науке. В частности, библиографический

³⁵⁹ См.: Добров Г.М.. Наука о науке. Киев: Наукова думка, 1966; Налимов В.В., Мульченко З.М.. Наукометрия. М.: Наука, 1969.

бюллетень ФБОН наглядно демонстрирует растущую дифференциацию общественно-научного знания, и особенно социологической литературы (см. множасьщиеся подразделения рубрики «Отдельные социологические проблемы»). Некоторые разряды социологических публикаций (например, «Управление общественными процессами», «Молодежь», «Массовая коммуникация. Пропаганда») обнаруживают за 5 лет темп роста еще более высокий, чем социологическая литература в среднем.

(Алексеев А.Н.. О некоторых тенденциях в развитии общественных наук. Библиографические и наукометрические наблюдения / Проблемы деятельности ученых и научных коллективов, вып. 4. Л., 1971)

11.4.2. Частотный словарь языка названий советских диссертаций по философии (1955-1970)

= Из сборника «Опыт сбора, обработки и анализа социальной информации и некоторые вопросы координации социологических исследований» (1975)

Одним из прогрессивных методов научно-информационной работы является создание так называемых пермутационных и иных указателей, в которых публикации кодируются по знаменательным словам из ее заглавия. «Опыт показывает, что заглавия большинства научных документов, в достаточной степени выражают их основное содержание». ³⁶⁰ Поэтому указатели такого рода соединяют в себе достоинства формализованности и простоты составления, с одной стороны, и релевантности (эффективности) информационного поиска, с другой.

В нашей работе «Об одном способе исследования тенденций развития общественных наук» (в сб.: Наука и техника. Вопросы истории и теории), вып. 7, ч. 1. Л., 1972) изложены общие принципы создания подобного указателя (и соответствующего ему языка заглавий) на материале регулярно и компактно публикуемых в «Книжной летописи» сведений об авторефератах диссертаций, в частности, диссертаций по философии. Будучи предназначен в основном для нужд наукометрического исследования (анализа тенденций развития советской общественной науки), данный указатель проектировался в виде алфавитной картотеки всех полнзначных, знаменательных слов, встретившихся хотя бы однажды в массиве заглавий диссертаций. На каждое слово заводится карточка с отсылкой к конкретным библиографическим наименованиям, где данное слово встретилось (отсылка имеет вид номера - библиографического индекса по «Книжной летописи»).

Таким образом, информационный поиск сводится к составлению списка «ключевых» слов (характеризующих цель поиска, к отысканию их в алфавитной картотеке и к отбору зафиксированных на карточках соответствующих библиографических наименований. Поиск облегчен тем, что полный список слов, составляющих массив заглавий диссертаций, представлен также в виде частотного словаря, с указанием частоты встречаемости каждого слова в целом массиве (а также в отдельных его частях, выделенных по хронологическому принципу).

В настоящее время работа по созданию такой картотеки с частотным словарем языка заглавий советских диссертаций по философии осуществлена, и мы располагаем своего рода информационным банком, пригодным к повседневному практическому использованию.

Картотека и частотный словарь охватывает массив всех заглавий авторефератов диссертаций по философии за 1955-1970 гг. Общее количество обработанных библиографических наименований - 4719 (в том числе 490 докторских диссертаций).

³⁶⁰ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С.. Основы информатики. М., 1968, с. 128.

Представляет интерес выясненное попутно распределение философских диссертаций по годам (первая цифра - количество диссертаций за соответствующий год, кандидатские и докторские вместе; вторая цифра - количество только докторских диссертаций):

1955 г. - 254 (6); 1956 г. - 133 (12); 1957 г. - 62 (2); 1957 г. - 135 (5); 1959 г. - 89 (4); 1960 г. - 77 (2); 1961 г. - 141 (14); 1962 г. - 181 (17); 1963 г. - 243 (38); 1964 г. - 343 (42); 1965 г. - 375 (44); 1966 г. - 379 (48); 1967 г. - 474 (56); 1968 г. - 561 (66); 1969 г. - 623 (63); 1970 г. - 659 (71).

Приведем краткое количественное описание полученной картотеки и частотного словаря. Объем выборки (количественно зарегистрированных словоупотреблений, исключая служебные слова) - 29.893. В том числе: лексем (существительных, прилагательных и других частей речи) - 28.052; персоналий (имен исторических личностей) - 759; географических наименований - 739; обозначений хронологических периодов и дат - 300; названий произведений исторических личностей - 43. Объем словника (количество *разных* слов в частотном словаре) - 2.934. В том числе: лексем - 2129; персоналий - 306; географических наименований - 174; обозначений хронологических периодов и дат - 300, названий произведений - 23. Нетрудно подсчитать, что средняя «длина» названия философской диссертации составляет 6,33 слова.

Обзор полученного частотного словаря показывает, что он подчиняется статистической закономерности, известной под названием закона Ципфа. (Закон Ципфа в простейшей формулировке характеризуется как приблизительное постоянство величины произведения частоты слова и его номера в списке, составленном в порядке убывания частот; данная зависимость в нашем словаре действительна в интервале номеров списка от 50 до 200).

Необходимо отметить, что на первые (наиболее часто встречающиеся) 50 слов-лексем приходится 40,5 % всех словоупотреблений; на первые 100 слов - 55,8 %; на первые 150 слов - 65,5 %; на первые 200 слов - 71,9 %. Доля слов, встретившихся в массиве названий за 16 лет лишь однажды, составляет 3,1 % всех словоупотреблений, или 868 слов.

Оговорим, что в данном случае обозревается только та часть картотеки и словаря, которая образована из слов-лексем (без персоналий, географических наименований и т. п.). В грубом приближении можно сказать, что более 70 % массива заглавий занимают 200 наиболее часто встречающихся знаменательных слов, которые составляют примерно 1/10 словника.

Приведем список самых употребительных слов-лексем нашей картотеки в порядке убывания частоты (в скобках указана абсолютная частота для массива из 4.719 названий диссертаций по философии):

ПРОБЛЕМА (626), РАЗВИТИЕ (609), СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ (443), РОЛЬ (377), СОВРЕМЕННЫЙ (369), КОММУНИЗМ (359), МАТЕРИАЛ (357), СТРОИТЕЛЬСТВО (328), ФИЛОСОФСКИЙ (322), КРИТИКА (312), СОЦИАЛЬНЫЙ (274), ВОПРОС (271), СОВЕТСКИЙ (271), ОБЩЕСТВО (264), НЕКОТОРЫЙ (260), ОБЩЕСТВЕННЫЙ (257), СОЦИАЛИЗМ (254), ПЕРИОД (246), КОММУНИСТИЧЕСКИЙ (245), ТЕОРИЯ (240), ФОРМИРОВАНИЕ (224), ТРУД (в смысле: трудовая деятельность) (217), ФИЛОСОФИЯ (200), ПОЗНАНИЕ (190), ИССЛЕДОВАНИЕ (185), БОРЬБА (184), ОТНОШЕНИЕ (184), ЛИЧНОСТЬ (181), КАТЕГОРИЯ (177), ДИАЛЕКТИКА (176), ПРОЦЕСС (176), УСЛОВИЕ (159), ФОРМА (157), ЭСТЕТИЧЕСКИЙ (153), АНАЛИЗ (150), СООТНОШЕНИЕ (146), ВОСПИТАНИЕ (142), НАУЧНЫЙ (140), ЗНАЧЕНИЕ (137), СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ (136), ИСКУССТВО (135), ЗАКОНОМЕРНОСТЬ (134), ПРЕОДОЛЕНИЕ (132), ВЗГЛЯД (129), ОСНОВА (125), ОСОБЕННОСТЬ (123), СУЩНОСТЬ (122), БУРЖУАЗНЫЙ (120), МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИЙ (119), ИДЕОЛОГИЯ (117).

Поскольку полученная картотека и частотный словарь позволяли вычислить абсолютные и относительные частоты (частости) как отдельных слов, так и множества

слов (путем суммирования частот), а также отдельных словосочетаний (путем отыскания случаев совместного употребления определенных слов в пределах отдельного заголовка) и их множеств, данный информационный банк может быть использован для анализа тенденций развития общественных наук за соответствующий период. Для этих целей он собственно и создавался. <...>

Ремарка: Информационный банк названий диссертаций – возможности использования

Здесь опущен конкретный пример использования рассматриваемого информационного банка для составления исчерпывающе полной библиографии авторефератов диссертаций на определенную тему - «Социальные проблемы современной деревни».

В другой, оставшейся не изданной работе показывалось, как данная картотека может быть применена для прослеживания динамики «интенсивности внимания» к определенным темам (терминологически репрезентированным) в рамках «информационного потока» советской философии и социологии. (Июль 2001 – июль 2012).

Научно-информационные возможности картотеки и частотного словаря заглавий советских диссертаций по философии, разумеется, ограничены «жанром» отраженных в ней источников (диссертаций). Следует, однако, иметь в виду, что авторефераты диссертаций, в свою очередь, являются «вместилищем» библиографической информации, по крайней мере они включают в себя достаточно полный список публикаций диссертанта, а также (в большинстве случаев) ссылки на важнейшую литературу по проблеме. Возможность быстро и надежно разыскать все авторефераты диссертаций на определенную тему может оказаться важным подспорьем для ориентации в избранной проблематике, помогает избежать дублирования в темах диссертационных работ. <...>

(Алексеев А.Н. Картотека частотного словаря по философии и ее научно-информационные возможности / Опыт сбора, обработки и анализа социальной информации и некоторые вопросы координации социологических исследований. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1975)

Ремарка: идеологические ритуалы и социологические ереси

Обозревая материалы глав 10 и 11, хочется заметить, что автор исследований в области социологии массовой коммуникации, а также контент-аналитических изысканий вполне определенно держит марксизм (исторический материализм) за свою теоретическую базу. И в самом наследии классиков марксизма находит не только теоретические аргументы, но и конкретно-социологические прецеденты.

Иногда к месту, иногда не к месту он подчеркивает свою идеологическую правоверность. (Например, полемика с американскими контент-аналитиками явно того не требовала). Думаю, что подобных «заклинаний» не избежал почти никто из советских социологов.

Правда, четкое следование отдельным догмам марксизма времен «развитого социализма» (вроде «классовой противоположности двух систем» и т. п.), с одной стороны, приобретало ритуальный характер, а с другой - толкало к «ересям». И выбор конкретных предметов исследования оказывался общественно «неудобным»: то идеальная модель «языка общества, обращенного им к самому себе», с опорой на молодого Маркса, входила в слишком уж явное противоречие с реальностью информационно-пропагандистского процесса в СССР, то «невинное» сопоставление количества «случаев критики» и «случаев сообщения о результатах критики» обнажало

массовое игнорирования советской печатью соответствующих партийных постановлений.

В итоге, происходило причудливое переплетение конформизма и нонконформизма в профессиональной деятельности социолога, где автор уже и сам не мог отличить, где он действительный марксист, а где демонстрирует свою лояльность. (Июль 2012).

+++

Глава 12

ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Участие в проекте «Человек и его работа. 1976»)

Содержание

- 12.1. «Человек и его работа. 1976»
- 12.2. «Официальная» общественная активность советских рабочих
- 12.3. «Жить и работать по-коммунистически». Двадцать лет спустя
 - 12.3.1. Социалистическое соревнование: «нормативы» массовости и «нормативы» формализма
 - 12.3.2. К 50-летию «Великого почина» (рецензия на текст «доклада, зачитанного членом политбюро»)
- 12.4. «Экспериментальная социология» в русле «Человека и его работы»
- 12.5. Так зачем же опять ушел в рабочие?

Ремарки:

- Возвращение на круги своя, по спирали (раздел 12.3); Интрига в коридорах Смольного (12.3.2); Наблюдающее участие как способ исследования и способ жизни (12.4)

12.1. «ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА. 1976»

[В 1983 г. в журнале «ЭКО» была опубликована беседа московского журналиста Михаила Левина с ленинградскими социологами - В.А. Ядовым, А.Н. Алексеевым, Н.Ю. Щербаковым.

В этой беседе обсуждались некоторые результаты социологического исследования «Человек и его работа. 1976» - повторного (относительно классического в советской социологии исследования «Человек и его работа. 1962») изыскания, проводившегося научным коллективом под руководством проф. В.А. Ядова во второй половине 1970-х гг.

Ниже - фрагмент указанной публикации. - А. А.]

= Из журнала «ЭКО» (1983)

Молодежь и труд. Размышления социологов и журналиста

Труд - всего лишь средство?

ЖУРНАЛИСТ: <...> Мы знаем, что результаты детального обследования рабочей молодежи Ленинграда, проведенного в 1962 г., отражены в книге «Человек и его работа» (М., «Мысль», 1967). В 1976 г. было проведено повторное обследование. Видимо, накопленные факты и результаты позволяют судить о динамике этого процесса?

<...> В.А.ЯДОВ: Один из главных выводов мы видим в том, что у некоторой части молодежи происходит так называемая инструментализация отношения к труду, то есть основные ценности труда смещаются из сферы его содержания в область условий и вознаграждения. Людей волнует, какую работу они выполняют, но еще больше - в каких условиях работают и что за это получают. В начале 60-х годов содержание работы, возможность продвижения, интерес к самому процессу работы имели большее значение, чем условия труда и заработок. Сегодня они, если можно так сказать, сравнялись по мотивационной значимости. Все возможные варианты отношения к труду можно условно свести к двум: он воспринимается как самостоятельная ценность, удовлетворяющая глубинные запросы человека, - как писал К. Маркс, самоценная деятельность, - или же как средство достижения других жизненных целей, внешних по отношению к процессу труда.

ЖУРНАЛИСТ: Не отражает ли этот сдвиг, пусть хотя бы отчасти, перемены не в самом отношении к труду, а в том, как люди о нем говорят? Возможно, одни и те же установки стали отчетливее осознаваться, откровеннее формулироваться?

В.А.ЯДОВ: Такое объяснение не исключено. Но вы напрасно противопоставляете тесно взаимодействующие части единого целого. К тому же объективная сторона дела фиксируется независимо от того, что говорит и думает о себе работник. Если, скажем, он не выполняет нормы, допускает брак, это уже показывает его отношение к труду, независимо от того, в каких словах он это отношение выражает. Вообще, те или иные заключения социологи не выводят напрямую из высказываний опрошенных. Существуют проверенные и постоянно совершенствующиеся методы, позволяющие очищать результаты от влияния факторов, искажающих истинное положение вещей.

Скажем, вопрос в анкете: «Как вы относитесь к труду?» - мягко говоря, некорректен. Каждый волен понимать его по-своему и соответственно отвечать. Социологов, разумеется, это не устраивает. Кроме того, даже если предположить, что в силу какой-то счастливой случайности, все поймут вопрос одинаково, ответ на него истинного отношения к труду все равно не покажет. Слишком сложно устроен человек, чтобы даже самые искренние оценки и высказывания о себе можно было принять за точное отражение того, что есть на самом деле. <...> Как правило, ответ на вопрос общего характера, например, об отношении к труду, складывается из многих составляющих. Смею вас заверить, что и вывод об инструментализации отношения к труду - отнюдь не недоразумение, хотя мы не настаиваем на отнесении его ко всем категориям советской молодежи.

ЖУРНАЛИСТ: Но этот вывод кажется, по крайней мере на первый взгляд, неожиданным: молодежь становится все более образованной, культурной, профессионально подготовленной, следовательно, должна все больше ориентироваться на содержание труда, на творческое, духовное, моральное удовлетворение, а не на деньги или иные блага.

В.А.ЯДОВ: Не надо пугать то, что должно быть по логике вещей, с тем, что есть. Об этом, к несчастью, часто забывают пишущие об общественных проблемах. Даже самые логичные предположения иной раз практически не подтверждаются. Тем и ценны социологические исследования, что позволяют установить, в каких случаях закономерные, казалось бы, процессы имеют место, а в каких проявляются искаженно.

Данные нашего повторно проведенного в 1976 г. исследования говорят о том, что либо связь между ростом общеобразовательного, культурного и технического уровня населения и его отношение к труду мы до сих пор представляли чересчур прямолинейно, либо здесь действуют другие факторы, перебивающие влияние этого роста. <...>

12.2. «ОФИЦИАЛЬНАЯ» ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ

[Ниже - композиция извлечений из статьи, написанной в соавторстве с Аллой Константиновной Назимовой, опубликованной, под названием «Общественная активность советских рабочих (социологические аспекты проблемы)», в сборнике «Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов (социальные проблемы развития рабочего класса в социалистическом обществе)» (М., 1981).

Эмпирической базой для этой работы послужили материалы исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976», осуществленного сектором социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР, под руководством проф. В.А. Ядова. - А. А.]

= Из сборника «Рабочий класс на рубеже 80-х годов...» (1981)

Общественная активность советских рабочих (социологические аспекты проблемы)

<...> Повышение общественной активности на производстве имеет два аспекта. Это, во-первых, дальнейшая демократизация управления на всех уровнях, начиная от высших органов власти до первичных трудовых коллективов. Сюда относятся совершенствование имеющихся и разработка новых форм привлечения трудящихся к выработке и принятию решений по техническим, экономическим и социальным вопросам и к контролю за выполнением этих решений; расширение прав и полномочий различных общественных институтов; уточнение и оформление процедур привлечения трудящихся к процессу обсуждения и принятия решений; делегирование рабочему самоуправлению все более широкого круга прав и обязанностей, и т. д. Второй аспект - это формирование у рабочих ценностных ориентаций и социальных установок, связанных с усилением творческой инициативы и ответственности, как органичных элементов общественной жизни и духовной культуры.

В первом случае речь идет о совершенствовании организационных условий <...>, во втором - о создании и развитии социально-психологических предпосылок. Обе группы условий не просто связаны между собой, как две стороны одного явления>, но обладают известным эффектом взаимной дополнительности. Так, очевидно, что совершенствование процедур участия рабочих в решении вопросов, касающихся условий и организации труда, не только делает более результативным их участие в управлении, но и усиливает социально-психологическую установку на него. С другой стороны, преобладание коллективистских ценностей, идентификация с общесоциальными целями способствует осуществлению реального самоуправления.

Кроме того, качественные сдвиги в составе и структуре рабочего класса актуализируют проблему удовлетворения потребностей, связанных с осуществлением работником его роли субъекта управления. Поскольку потребности являются исходным звеном в механизме формирования ценностных ориентаций и устойчивых мотивов поведения, *[постольку. - А. А.]* условия, способы и мера удовлетворения названных

³⁶¹ Об истории этой публикации и о некоторых связанных с нею обстоятельствах см.: ДСиСА – 2, раздел П.7.2.

потребностей представляют собой контекст развития творческой активности рабочих в сфере правления.

В силу всего сказанного, вычленение общественной активности на производстве, ее относительно самостоятельное рассмотрение необходимо для понимания социальных механизмов производственной активности работника в целом, взаимосвязи общественной и трудовой активности. Заранее предупредим, что в данной статье речь пойдет лишь о социально-одобряемых и институционально организованных формах общественной активности на производстве, т. е. об ОФИЦИАЛЬНЫХ [здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, выделено мною сегодня. – А. А.] формах такой активности. Уместно предположить, что механизмы формирования «неофициальной» активности, механизмы ее формирования - иные, нежели у обсуждаемых здесь общественных форм, а это означает, что наши выводы будут иметь ограничения и содержательного характера

<...>.

В целом общественная активность советских рабочих характеризуется высокими показателями: например, по данным нашего и ряда других исследований, более половины их так или иначе участвуют в общественной работе. Однако сегодня стоит задача не простого количественного роста имеющих «общественную нагрузку», а увеличение доли таких рабочих, для кого участие в управлении - регулярная повседневная деятельность.

Включенность рабочих в общественную жизнь трудового коллектива может быть дифференцирована по видам общественной деятельности. См. таблицу 1.³⁶²

Таблица 1

Включенность рабочих в общественную жизнь трудового коллектива (в %% к численности группы по столбцу)

Виды и формы общественной активности	Рабочие машино-строители	Рабочие легкой промышленности
Участие в общественной работе (*)		
- не участвуют	40,7	48,8
- выполняют временные общественные поручения	21,8	15,3
- имеют постоянное общественное поручение	14,7	19,1
- находятся на выборной общественной работе	22,8	15,8
Участие в собраниях партхозактива (*)		
- за последние три года не участвовал	77,0	82,3

³⁶² Эта и следующие таблицы составлены на основании анализа данных по двум подмассивам большой выборки рабочих Ленинграда. Первая подвыборка - рабочие профессий, профилирующих для машиностроения - станочники, слесари-сборщики и др. (всего 1468 чел., 90 % составляют мужчины). Вторая подвыборка - рабочие профессий, профилирующих для легкой и пищевой промышленности - рабочие на конвейере и на полуавтоматическом оборудовании (всего 1324 чел., 90 % составляют женщины). Возрастной состав обеих подвыборок примерно одинаков. Обе подвыборки выделены из общего массива социологических данных исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976», осуществленного сектором социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН ССР под руководством проф. В.А. Ядова.

- за последние три года участвовал	23,0	17,7
Участие в движении за коммунистическое отношение к труду (*)		
- не участвуют	21,2	19,2
- борются за присвоение звания ударника или коллектива коммунистического труда	28,9	32,1
- ударники и члены бригад коммунистического труда	49,9	48,7
Активность в предложениях, направленных на улучшение организации труда (**)		
- таких предложений не выдвигали	48,1	82,1
- выдвигали такие предложения	52,0	17,9

Примечания

(*) - по свидетельству самого рабочего

(**) - по свидетельству мастера о рабочем

Из таблицы видно, что хотя в целом уровень общественной активности в группах рабочих-машиностроителей и рабочих легкой промышленности = различается не принципиально, в особенности для наиболее массовых форм общественной активности (таких как движение за коммунистическое отношение к труду), тем не менее у первой обследованной группы более высокие показатели. Это особенно заметно по предложениям, направленным на совершенствование организации труда, где группа машиностроителей почти втрое активнее, нежели группа рабочих легкой промышленности

<...> Некоторые аспекты ценностного отношения рабочих к участию в общественной жизни производственного коллектива отражены в таблице 2.

Таблица 2

Ценностные ориентации и обобщенные социальные установки рабочих относительно общественной активности на производстве (в %% к численности группы по столбцу)

Ориентации и установки	Рабочие машиностроители	Рабочие легкой промышленности
Ценностная ориентация на общественную работу (*)		
- негативная	15,7	13,5
- позитивная	23,4	27,3
Обобщенная социальная установка на участие в управлении производством (**)		
- негативная	6,1	6,4
- умеренная	35,1	35,4
- сильная	40,4	30,0
- "максималистская"	18,3	28,2

Примечания

(*) Ценностная ориентация на общественную работу выяснялась посредством вопроса: «Если бы сейчас сократился рабочий день и Ваше свободное время увеличилось, то как бы Вы предпочли использовать это время?». В предложенном списке занятий, среди которых была и общественная работа, опрошенный должен был отметить те, которые он «отвергает» (негативная ориентация) и те, которые его «привлекают больше всего» (позитивная ориентация).

(**) Названная социальная установка выявлялась посредством вопроса: «Какое из приведенных ниже суждений выражает Ваше мнение?». 1) «рабочие не должны вмешиваться в управление производством, это дело администрации» - негативная установка; 2) «участие рабочих в управлении необходимо, но окончательные решения должна принимать администрация» - умеренная установка; 3) «участие рабочих в управлении необходимо, причем в некоторых случаях за ними должно оставаться последнее слово» - сильная установка; 4) «рабочие должны самостоятельно решать большинство вопросов производственной жизни» - максималистская установка.

Как видно, УСТАНОВКА РАБОЧИХ НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВОМ ВООБЩЕ ВЫРАЖЕНА ДОСТАТОЧНО СИЛЬНО. Лишь 6 % опрошенных рабочих считают, что управление - «это дело администрации», остальные полагают необходимым привлечение рабочих к решению важнейших вопросов производственной жизни, причем около 60 % из них имеют на этот счет сильную и даже максималистскую установку. Носителями такой ориентации на общественную работу как самоценную сферу деятельности, однако, выступают лишь около четверти опрошенных.

Уже этой картины общих распределений достаточно, чтобы констатировать внутри «высшего» уровня ценностно-мотивационной компоненты общественной активности определенную рассогласованность. По-видимому, ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК НЕЧТО ИНОЕ, НЕЖЕЛИ «УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ». Рассчитанные для этих двух переменных коэффициенты парной корреляции (r) оказались равны +0,2 для подмассива рабочих легкой промышленности и -0,2 для машиностроителей (т. е. налицо статистическая независимость признаков). Ясно, что говорить о целостности в рамках данного уровня ценностно-мотивационной компоненты общественной активности не приходится.

Как уже указывалось, система ценностных ориентаций складывается на основе всего социального опыта, накопленного индивидом. Этот опыт, формирующий направленность в восприятии социальной среды и реагировании на ее воздействие, обуславливает «признаки СОЦИАЛЬНО-ТИПИЧЕСКОГО (выделено в оригинале. – А. А.), т. е. определенного однообразия в доминирующей направленности восприятия внешних социальных воздействий и доминирующей направленности в практической деятельности». ³⁶³ При этом первичной выступает ситуативная установка, т. е. настроенность на поведение в конкретной ситуации. Ситуативная установка закрепляется по мере повторения ситуации, превращаясь в установку базовую, или общую направленность интересов личности. Эта система установок в контексте общих социальных условий, представляющих возможности для реализации определенных индивидуальных ценностей, в конечном счете формирует систему ценностных ориентаций личности. ³⁶⁴

Теперь мы можем объяснить тот факт, что в социально менее продвинутых слоях рабочих легкой промышленности «максималистская» установка на участие в управлении производством встречается в полтора раза чаще, чем у машиностроителей, в сочетании с более низкой включенностью в общественную деятельность (см. таблицу 1). Для этого необходимо проанализировать меру удовлетворенности рабочих своим реальным участием в управлении, их «общественное самочувствие», оценку ими своего влияния на

³⁶³ См.: Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 90.

³⁶⁴ См.: Там же.

весь ход производственной жизни. Иначе говоря - рассмотреть восприятие тех актуальных производственных ситуаций, которые порождают эту первичную ситуативную установку, т. е. обратиться в «нижнему» уровню ценностно-мотивационной компоненты общественной активности.

Для выявления характера и содержания этой ситуативной установки нами использованы данные оценки рабочими эффективности общественной работы, удовлетворенности возможностями участвовать в управлении производством, «ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОЧУВСТВИЕ» РАБОЧИХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ. См. таблицу 3.

Таблица 3

Степень удовлетворенности рабочих участием в общественной жизни предприятия (в % к численности группы по столбцу)

Степень удовлетворенности рабочих участием в общественной жизни	Рабочие машиностроители	Рабочие легкой промышленности
Оценка эффективности общественной работы (*)		
- низкая	16,3	15,6
- умеренная	56,0	49,7
- высокая	27,7	34,7
Ситуативная установка на участие рабочих в управлении производством (**)		
- негативная	28,5	11,1
- позитивная	16,5	26,2
Степень удовлетворенности возможностями участвовать в управлении производством		
- не удовлетворены	22,3	14,9
- удовлетворены	36,6	38,2
Уровень "общественного самочувствия" на производстве (***)		
- ниже среднего	34,1	22,6
- выше среднего	31,7	48,7

Примечания

(*) Низкая оценка - ответы на вопрос анкеты: «В какой мере Ваша общественная работа приносит реальную пользу?» - «практически не вижу никакой пользы» или «особой пользы не вижу»; умеренная - ответ «какую-то пользу приносит»; высокая оценка - «она приносит явную пользу». Приведенные проценты относятся только к тем, кто занимается общественной работой.

(**) Позитивная ситуативная установка на участие рабочих в управлении соответствует выбору опрашиваемым среди различных сторон работы суждения: «рабочие активно участвуют в управлении производством»; негативная - выбору суждения: «рабочие слабо участвуют в управлении производством».

(***) Об уровне «выше среднего» свидетельствуют ответы «определенно да» и «пожалуй, да» на вопрос анкеты «Чувствуете ли Вы себя хозяином, активно влияющим на положение дел в своем цехе?»; об уровне «ниже среднего» - ответы «пожалуй, да» и «определенно нет».

Четыре представленных показателя ситуативной установки достаточно заметно различаются у рабочих-машиностроителей и рабочих легкой промышленности. Для более активно участвующих в общественной жизни предприятия рабочих-машиностроителей не только, как мы уже видели в табл. 2, в меньшей степени характерны как ценностная ориентация на общественную работу, так и «максималистская» установка на участие в управлении, но и соответствующие ситуативные установки здесь выражены слабее. Рабочие-машиностроители значительно реже, чем не столь общественно активные рабочие легкой промышленности, позитивно оценивают эффективность общественной работы; среди них в полтора раза выше доля тех, кто не удовлетворен возможностью участвовать в управлении; и только треть чувствуют себя настоящими хозяевами, активно влияющими на положение дел в своем цехе (а среди рабочих легкой промышленности таких около половины).

Это с очевидностью показывает ТЕСНУЮ СВЯЗЬ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ РАЗВИТОСТЬЮ РАБОТНИКА, УРОВНЕМ ЕГО ЗАПРОСОВ, КОТОРЫЕ ОН ОБРАЩАЕТ К СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ, БОЛЕЕ АКТИВНЫМ УЧАСТИЕМ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И КРИТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЕМ К ВОЗМОЖНОСТЯМ РЕАЛИЗАЦИИ СВОЕГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ, К РЕЗУЛЬТАТАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАМКАХ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА, С ДРУГОЙ.

Эта лишь по видимости парадоксальная связь дает основания предположить, что СУЩЕСТВУЮЩИЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ СЕГОДНЯ УЖЕ СДЕРЖИВАЮТ РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЭТОЙ АКТИВНОСТИ. Они несут на себе отпечаток формализма и бюрократизма, на борьбу с которыми ориентирует Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года».

Сопоставление всех трех приведенных выше таблиц, а также данные других социологических исследований, описанных в литературе, позволяют утверждать, что сложился определенный «социальный норматив» общественной активности на производстве - как в плане реального поведения, так и в плане субъективного отношения. И хотя отмечается дифференцирующее воздействие таких ведущих «факторных синдромов», как тип производства и культурно-образовательный потенциал работника, разброс данных выражен меньше их тяготения к общей тенденции. За этим, несомненно, стоит ДОМИНИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, РАВНО ДЕЙСТВУЮЩИХ ОТНОСИТЕЛЬНО ВСЕХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП, выделяемых по любому основанию.

Наши данные свидетельствуют об известной ЦЕЛОСТНОСТИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ» РАБОТНИКА НА ПРОИЗВОДСТВЕ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ЦЕЛОСТНОСТИ ЕГО «ОБЩЕСТВЕННОГО САМОЧУВСТВИЯ», с другой, ибо наблюдается относительно тесная статистическая связь между отдельными характеристиками фактической включенности в общественную жизнь, а также между отдельными характеристиками удовлетворенности рабочего различными аспектами участия в ней. Примечательно, что МЕРА ЭТОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ВЫШЕ В БОЛЕЕ СОЦИАЛЬНО ПРОДВИНУТОЙ ГРУППЕ РАБОЧИХ-МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ. <...>

[Здесь опущены таблицы – матрицы с коэффициентами парных корреляций для ряда объективных показателей общественной активности на производстве и, соответственно, для ряда субъективных показателей общественной активности, по обоим подмассивам. Для обоих случаев эти коэффициенты достаточно высоки. – А. А. Июль 2012].

Для понимания СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ общественной активности на производстве существенно соотношение между фактическим

поведением работника и его субъективным отношением к соответствующей сфере деятельности, а также между двумя уровнями ценностно-мотивационной компоненты общественной активности. Приведенные данные показывают определенное расхождение между реальным социальным поведением работника и его «общественным самочувствием». [См. таблицы 1-3. – А. А.]. Это может быть обозначено как **«разрыв» между сознанием и поведением**. Наряду с этим, обнаруживается рассогласование между ценностными ориентациями, обобщенными социальными установками работника, с одной стороны, и его «общественным самочувствием» на производстве, его удовлетворенностью реализацией своей роли как субъекта управления, с другой стороны. [См. таблицы 2-3. – А. А.]. Обозначим это явление как своего рода **«разрыв» внутри сознания**.

Отмеченные факты разрыва между сознанием и поведением и разрыва в сознании могут быть проинтерпретированы в свете представления о **СООТНОШЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ**.

Когда контроль за деятельностью и коррекция ее идут по преимуществу извне, и специфические нормативно-ценностные образования в структуре личности решающим образом зависят от ситуации, а поведение не является реализацией нравственного требования к себе и другим, тогда имеем дело с внешней регуляцией.³⁶⁵ Эмпирически это как раз и выражается в **несбалансированности, рассогласовании структуры деятельности: между различными уровнями ее ценностно-мотивационной компоненты и между этой последней и фактическим поведением**. При этом внутриличностный механизм саморегуляции не «атрофируется», однако меняется его функция: он становится неадекватным общественному смыслу, истинному назначению деятельности. Если оба уровня ценностно-мотивационной компоненты деятельности тесно связаны между собой и в то же время согласуются с реальным поведением, значит можно говорить, что указанный механизм действует **адекватно и личностному, и общественному смыслу**.

В этом последнем случае та же общественная активность на производстве выступает как **САМОЦЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**. При доминировании же внешних источников регуляции, названная активность становится **«ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ», ЦЕЛИ И СМЫСЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕЖАТ ВНЕ ЕЕ САМОЙ**.³⁶⁶

Резервы общественной активности растут по мере ускорения социального развития рабочего класса, повышения его производственного потенциала. На современном этапе социалистического строительства в составе рабочего класса существенно возрастает удельный вес кадровых рабочих, усиливается тенденция к самовоспроизводству рабочего класса, когда он все больше пополняется за счет потомственных рабочих и горожан. Отмечается устойчивое снижение доли малоквалифицированных и повышение доли квалифицированных и высококвалифицированных рабочих. В годы десятой пятилетки большинство (2/3) нового пополнения рабочего класса получило специальную профессиональную подготовку. Расширение сфер деятельности, совершенствование отраслевой и профессиональной структуры рабочего класса связано с повышением

³⁶⁵ См.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 240-241.

³⁶⁶ В другом варианте публикации этой же статьи, под измененным названием: «Развитие общественной активности трудящихся: проблемы и противоречия», = опубликованном в сб. «XXVI съезд КПСС о рабочем классе как движущей миле общественного прогресса» (Иваново, 1982) в этом месте фигурировала также нижеследующая фраза, либо дописанная авторами, либо восстановленная из рукописи, но отсутствовавшая в цитируемом издании:

«...Очевидно, что это ведет к деформации самой общественной деятельности, появляется псевдоактивность, когда «показатели» и внешняя форма деятельности заменяют ее содержание и результаты. Так рождаются «вечные передовики», которых чаще можно видеть в президиумах различных торжественных заседаний, нежели на рабочих местах. Так в трудовых коллективах складывается подчас негативное отношение к так называемым «активистам», которые с одинаковым энтузиазмом заняты проведением различных кампаний, смысл которых противоречит и друг другу, а иногда и здравому смыслу».

культурно-технического уровня, развитием личностного элемента его производственного потенциала. Одним из главных факторов, динамизирующих процесс социального развития рабочего класса, является рост образования, особенно быстрый в 60-70-е годы. Каждое новое поколение рабочих образованнее предыдущего. В последующем десятилетии полное среднее образование станет в рабочей среде такой же само собой разумеющейся нормой, какой ныне является неполное среднее образование.³⁶⁷ Это означает, что расширяются рамки творческих возможностей работника во всех сферах производственной жизни, растет потребность в социальном творчестве, углубляются запросы относительно участия в управлении производством. <...>

12.3. «ЖИТЬ И РАБОТАТЬ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ». ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Ремарка: возвращение на круги своя, по спирали

В рамках программы исследования «Человек и его работа. 1976». Автору этих строк довелось разрабатывать проблематику общественной активности рабочих на производстве и ее связей с трудовой активностью.

Одним из аспектов общественной активности работника полагалось «участие в социалистическом соревновании». Так случилось - через 20 лет - вернуться к сюжетам «движения» за коммунистический труд, у истоков которого в конце 1950-х стоял в качестве журналиста (см. выше: раздел ...)

Ниже - композиция извлечений из научной статьи, написанной по материалам исследования «Человек и его работа. 1976» (1982). (Сентябрь 2001).

12.3.1. Социалистическое соревнование: «нормативы» массовости и «нормативы» формализма

= Из сборника «Социальное и культурное развитие рабочего класса в социалистическом обществе...» (1982)³⁶⁸

Социальные проблемы развития и эффективности социалистического соревнования.

...Соревнование соревнованию рознь. Нам не нужны шум и трескотня по поводу соревнования. Нам нужна живая заинтересованность каждого трудящегося, каждого коллектива в улучшении своей работы. Нам не нужны надуманные «почины». Нам нужны деловые, действительно идущие из гущи масс инициативы, способные зажечь, вдохновить миллионы людей...

Брежнев Л.И. Ленинским курсом, т. 7, с. 539-540.

³⁶⁷ См.: Гордон Л.А., Назимова А.К. Производственный потенциал советского рабочего класса: тенденции и проблемы развития // Вопросы философии, 1980, № 11.

³⁶⁸ В настоящем разделе все подстрочные примечания, за исключением специально оговоренных случаев, воспроизведены из оригинала. А. А. Июль 2012.

Цель настоящей работы - рассмотреть, на конкретном социологическом материале, некоторые актуальные проблемы развития социалистического соревнования среди рабочих промышленности. При этом автор строго ограничивает свою задачу:

а) преимущественным анализом данных одного, впрочем, достаточно массового и представительного обследования ленинградских промышленных предприятий (исследование по программе «Человек и его работа. 1976», проводившееся сектором социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР; научный руководитель - д.ф.н., проф. В.А. Ядов);

б) обсуждением проблем соревнования на примере одной, правда, самой массовой из существующих форм соревнования - движения за коммунистическое отношение к труду;

в) сосредоточением внимания на вопросе об эффективности соревнования, т. е. меры соответствия производственных и социальных результатов включенности рабочих в социальный институт соревнования - общественно осознанным целям функционирования этого института.

Особенностью движения за коммунистическое отношение к труду является комплексный характер данной формы соревнования. Здесь соревнование имеет своим предметом не какой-либо отдельный вид производственных достижений, и даже не совокупный результат трудовой деятельности, а одновременно все стороны жизни работника или / и трудового коллектива

<...> По данным ленинградского обследования, процент рабочих, стоящих вне рядов движения за коммунистическое отношение к труду, почти неизменен для группы машиностроительных предприятий и группы предприятий легкой промышленности (19-21 %). Процент ударников коммунистического труда на производствах разного типа и среди рабочих разных профессий также колеблется несущественно. Например, среди станочников (кстати, в подавляющем большинстве мужчин) этот последний показатель составляет 51 %, а среди рабочих, занятых на полуавтоматическом оборудовании (почти исключительно женщин), - 52 %.

<...> Из проведенных социологических наблюдений вытекает вывод о решительном преобладании общих, равно действующих для разных производственных коллективов факторов распространения движения за коммунистическое отношение к труду над специфическим факторами, связанным с особенностями конкретных производств. На промышленных предприятиях установился своего рода социальный «норматив», согласно которому 45-50 % всех рабочих «должны» быть ударниками коммунистического труда, а 15-20 % «могут» оставаться не включенными в этот вид соревнования.

Надо сказать, что этот «норматив» не является специфически ленинградским. Среди обследованных по аналогичной методике в 1977 г. рабочих Волжского автомобильного завода доля не участвующих в движении за коммунистическое отношение к труду также составляет около 20 %. Ударниками же коммунистического труда назвали себя 55 % обследованных рабочих.

[Методикой исследования предусматривалось выяснения «меры включенности» в данный вид соревнования: а) из собственных заявлений работников на этот счет; б) из «экспертной» информации, собранной у руководителей низового звена (мастеров о каждом из обследованных рабочих. - А. А.]

<...> Около половины ударников коммунистического труда на ленинградских машиностроительных предприятиях характеризуются высокой заинтересованностью в

делах коллектива (по мнению мастера). Это значит, что остальные 50 % получили, соответственно «среднюю» или даже «низкую» оценку заинтересованности. Около четверти ударников коммунистического труда отнесены их непосредственными руководителями к разряду «средних» рабочих (примерно столько же - на ВАЗе). Половина, по свидетельству мастеров, являются рабочими «на хорошем счету». И только четверть определяются как «передовики».

Таким образом, сложившаяся практика подведения итогов соревнования, в частности, присвоения звания ударника коммунистического труда, приходит в противоречие не только с общеидеологической установкой, но даже и с обыденными критериями оценки деятельности работника на производстве. <...> Падение общественного престижа звания ударника коммунистического труда не остается незамеченным и самими рабочими. Анкета для рабочих ВАЗа включала следующий вопрос: «Некоторым работникам Вашей бригады присвоено высокое звание «Ударник коммунистического труда». Как Вы считаете, соответствуют ли они требованиям, предъявляемым этим высоким званием?». Лишь 44 % опрошенных рабочих дали безусловно положительный ответ на этот вопрос. 34 % ответили: «Соответствуют, но не все». Свыше 20 % ответили отрицательно или затруднились с ответом.

<...> Группа ударников коммунистического труда опережает группу остальных участников соревнования по показателям трудовой и общественной активности, хотя и меньше, чем могло бы быть при более строгих критериях присвоения высоких званий. Как показало ленинградское обследование, разрыв между не включенными в движение за коммунистическое отношение к труду и соревнующимися за звание ударника коммунистического труда оказывается еще меньше, хотя, как правило, последняя группа и отличается в лучшую сторону.

<...> По данным ленинградского обследования, включенность в движение за коммунистическое отношение к труду довольно тесно связана с перевыполнением норм выработки, с участием в рационализации и изобретательстве, с участием в общественной работе. Соответствующие показатели трудовой и общественной активности в группе соревнующихся, по сравнению с не соревнующимися, выше в 1,5-2 раза. Однако сами по себе эти факты еще не являются свидетельством эффективности соревнования.

Скорее, напротив, можно предположить, что определенный выход за пределы массовых «стереотипов» поведения на производстве (к каковым относится и не перевыполнение норм выработки, и не участие в рационализации и изобретательстве, и не участие в общественной работе) способствует включению работника в соревнование <...>

Материалы обследования свыше 4 тыс. ленинградских рабочих предоставляют уникальную возможность соотнести экспертные свидетельства администрации (руководителей низового звена, мастеров) об участии (не участии) работника в движении за коммунистическое отношение к труду - с ответами самих рабочих на этот счет. Эти данные расходятся. Так, около 90 % всех обследованных рабочих считаются участвующими в соревновании за коммунистическое отношение к труду и лишь 80 % сами считают себя таковыми. Однако расхождения между свидетельствами мастеров и самих рабочих оказываются куда более значительными, если учесть все степени включенности в соревнование. Обратимся к фактам.

Согласимся, что безусловным - в рамках действующих на сегодня критериев - ударником или членом бригады коммунистического труда можно полагать лишь того, кто и признан таковым, и сам об этом осведомлен. Признаны (по данным экспертного опроса мастеров) 52 % обследованных рабочих, а сами назвали себя ударниками и членами бригады коммунистического труда - 55 %. Однако точное совпадение информации из разных источников отмечается лишь для 40 % всех обследованных..

Довольно широкой является «зона неопределенности», включающая в себя случаи, когда:

а) непосредственный руководитель относит рабочего к числу ударников или членов бригады коммунистического труда, однако сам рабочий, полагая себя участником соревнования, считает, что этого звания пока (или уже) не имеет (7 % всех обследованных);

б) сам рабочий называет себя ударником или членом бригады коммунистического труда, однако непосредственный руководитель, полагая его участником соревнования, считает, что звания у рабочего еще (или уже) нет (12 % всех обследованных).

Такие ситуации, очевидно, порождены несовершенством существующей практики подведения итогов соревнования, отсутствием или формализмом процедуры периодического подтверждения звания ударника.

Далее, 13 % обследованных относят себя к числу участников соревнования, пока не имеющих высокого звания, и аналогично аттестуются мастером.

6 % составляют своего рода «не учтенные» участники движения за коммунистическое отношение к труду (сами себя считают таковыми, а их непосредственный руководитель полагает иначе). Наличие такой группы может рассматриваться как свидетельство своего рода недооценки рабочей инициативы.

Особого внимания заслуживает категория рабочих, которую приходится определять как условные (или фиктивные) участники движения за коммунистическое отношение к труду. Это те люди, которые сочтены их непосредственным руководителем соревнующимися за звание ударника (члена бригады) коммунистического труда, однако сами считают себя не участвующими в этом движении. Таких среди обследованных ленинградских рабочих оказалось 14 %.

Последний показатель следует рассматривать как наиболее явное конкретно-социологическое свидетельство формализма в соревновании.

Наконец, около 8 % обследованных рабочих «бесспорно» стоят вне рядов движения за коммунистическое отношение к труду (поскольку не отнесены администрацией и сами не относят себя к числу его участников).

В свете всего сказанного, весь массив ленинградского обследования (N=4288) приобретает следующую типологическую структуру: безусловные ударники (члены бригад) коммунистического труда - 40 %; ударники (члены бригад) коммунистического труда, звание которых требует подтверждения, - 19 %; участники движения за коммунистическое отношение к труду, пока не удостоенные высокого звания, - 13 %; «не учтенные» участники движения за коммунистическое отношение к труду - 6 %; условные (фиктивные) участники движения за коммунистическое отношение к труду - 14 %; безусловно не участвующие в данном виде соревнования - 8 %.

Подводя итог, можно сказать, что частота того или иного расхождения между свидетельствами руководителей низового звена (мастеров) и самих рабочих о степени включенности всякого данного рабочего в движение за коммунистическое отношение к труду в общей сложности достигает 40 %. Подобно тому, как ранее нами был выявлен некоторый социальный норматив массовости движения за коммунистическое отношение к труду, так и теперь убеждаемся в существовании определенной зоны («норматива») формализма в этом виде соревнования. <...>

Сопоставление двух групп: «безусловно» соревнующиеся за звание ударника или бригады коммунистического труда, с одной стороны, и «условные» (фиктивные) участники движения за коммунистическое отношение к труду, с другой, показывает, что по показателям отношения к труду они различаются ничтожно. В общей тенденции показатели группы числящихся участниками соревнования даже выше, чем у группы реально включенных в него. Так, доля рабочих, получивших высокую экспертную оценку дисциплинированности, среди фиктивных участников движения за коммунистическое отношение к труду, существенно превышает соответствующий показатель другой группы

(63,5 против 55 %). Среди лиц, не считающих себя участниками данного вида соревнования, несколько чаще встречаются рабочие, которым, по мнению мастера, безусловно можно доверить ответственную (например, срочную) работу, отличающиеся более высокой заинтересованностью в делах коллектива, состоящих в цехе «на хорошем счету» или считающихся передовиками.

Эти парадоксальные факты обнажают действительную остроту проблемы эффективности соревнования. Если ранее обсуждавшиеся данные еще допускали неоднозначное толкование: либо участие в соревновании способствует росту трудовой и общественной активности, либо, напротив, повышенная степень этой активности способствует «подключению» в соревнование, то вышеприведенные результаты, могут быть истолкованы единственным способом.

ЛЮДИ, СОРЕВНУЮЩИЕСЯ ЗА ЗВАНИЕ УДАРНИКА ИЛИ БРИГАДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ОТНОСИТЕЛЬНО ВКЛЮЧЕННОСТИ КОТОРЫХ В СОРЕВНОВАНИИ НЕТ СОМНЕНИЙ НИ У НИХ САМИХ, НИ У АДМИНИСТРАЦИИ, В МАССЕ СВОЕЙ ОБНАРУЖИВАЮТ НЕ БОЛЬШУЮ ТРУДОВУЮ АКТИВНОСТЬ, ДОСТИГАЮТ НЕ БОЛЕЕ ВЫСОКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ, НЕ БОЛЕЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНЫ, ИНИЦИАТИВНЫ И Т. Д., ЧЕМ ТЕ, КТО ТОЛЬКО ЧИСЛИТСЯ СОРЕВНУЮЩИМСЯ, САМ ЖЕ СЕБЯ ТАКОВЫМ ВОВСЕ НЕ СЧИТАЕТ.
[Выделено мною сегодня. - А. А.]

Это значит, что всерьез говорить об эффективности данного вида соревнования (в плане повышения трудовой активности и производственной эффективности рабочих) для «рядовых» его участников не приходится. Сказанным, впрочем, не исключается возможность эффективности соревнования между теми, кто так или иначе имеет шансы оказаться в числе первых (например - соревнование между ударниками коммунистического труда, как таковыми). <...>

Немаловажен, в плане эффективности социалистического соревнования, субъективный аспект - мнение самих рабочих об организации соревнования. Среди обследованных рабочих ленинградских промышленных предприятий лишь около трети считают, что соревнование в их цехе является действенным. 15 % рабочих прямо указали, в качестве негативной стороны своей работы, что соревнование в их цехе ведется формально. Около половины обследованных затрудняется оценить ситуацию (не относят организацию соревнования к «значимым для себя» сторонам работы). <...>

Участники соревнования более определенны в своем мнении об организации соревнования (т. е. чаще дают определенный - позитивный либо негативный - ответ, чем не включенные в соревнование). Однако наиболее существенными являются следующие наблюдения: 1) Не участвующие в соревновании, соревнующиеся за звание ударника коммунистического труда, рабочие, уже имеющие это звание, и даже выделяющиеся среди них «передовики производства», - почти не различаются частотой негативных оценок эффективности рабочего влияния на подведение итогов социалистического соревнования (27-31 %). 2) «ударники коммунистического труда» и «передовики производства» чаще других указывают на формализм в организации соревнования, как значимую для них негативную сторону работы (29 против 20-23 %). Таким образом, само по себе участие в социалистическом соревновании способствует формированию критической оценки современных форм его организации. <...>

Как видно из данных ленинградского обследования, для рабочего сознания характерна (широко распространена) ценностная ориентация, или обобщенная социальная установка на активное участие в управлении производством. Соотношение точек зрения в рабочей среде примерно таково: порядка 40 % занимают по вопросу об участии в управлении производством если не пассивную, то умеренную позицию («участие рабочих в управлении необходимо, но окончательные решения должна принимать

администрация»); и около 60 % занимают если не максималистскую, то активную позицию («участие рабочих в управлении необходимо, причем в некоторых случаях за ними должно оставаться последнее слово»).³⁶⁹

К числу вопросов производственной жизни, в решении которых роль рабочих могла бы быть первостепенной, несомненно относится подведение итогов социалистического соревнования. Однако на деле оказывается иначе. Не более 30 % опрошенных считают, что влияние рабочих в данном вопросе является существенным. Немногим более трети рабочих (36 %) так или иначе выразили удовлетворенность имеющейся возможностью участвовать в управлении производством. (Явную неудовлетворенность выразили около 20 % опрошенных). С большей или меньшей степенью уверенности заявили, что чувствуют себя «хозяином, активно влияющим на положение дел» в своем цехе, чуть больше 40 % опрошенных рабочих. (Около 30 % высказали противоположное утверждение).

Итак, при относительно высокой субъективной готовности, массовом стремлении влиять на решение разного рода вопросов производственной жизни, наблюдается относительно низкая удовлетворенность рабочих фактической мерой своего участия в управлении производственными делами. Следует отметить, что степень удовлетворенности возможностью такого участия (если измерять ее процентом тех, кто так или иначе удовлетворен) является наименьшей (36 %) среди всех сторон работы, относительно которых задавался аналогичный вопрос. Она, например, значительно ниже, чем степень удовлетворенности размером заработка или возможностью повышения квалификации (то и другое - 53 %).

В какой связи находится этот взгляд рабочих на свою реальную роль в управлении производственными делами с их отношением к организации социалистического соревнования? Специальный анализ, проведенный параллельно по группам работников квалифицированного труда на ленинградских машиностроительных предприятиях и на предприятиях легкой промышленности, показал, что эта связь является весьма тесной.

Среди достаточно разнообразного и широкого (9 позиций в анкете) круга вопросов производственной жизни, в решении которых могут участвовать рабочие, наиболее значимыми для самоопределения работника в качестве «хозяина» у себя в цехе оказались субъективно усматриваемая мера рабочего влияния на решение следующих трех вопросов: 1) составление плана участка; 2) порядок распределения производственных заданий; 3) подведение итогов социалистического соревнования. Примечательно, что при всех особенностях типов производства, равно как и социального состава работающих, выборки рабочих-машиностроителей и работниц предприятий легкой промышленности дают в этом плане аналогичные результаты.

Итак, совершенствование организации и повышение эффективности социалистического соревнования, с одной стороны, и развитие демократических начал на производстве, с другой, тесно связаны и взаимообуславливают друг друга, не только в повседневной хозяйственной практике, но и в представлениях самих рабочих.

Подведем некоторые итоги.

Исследование положения дел с развитием и эффективностью социалистического соревнования, в частности, такой массовой и «универсальной» (комплексной) его формы, как движение за коммунистическое отношение к труду, обнаруживает принципиальную общность основных тенденций в различных производственных коллективах, среди различных категорий рабочих. Это относится как к «внешней» картине соревнования (например, «стандартные» количественные соотношения групп ударников коммунистического труда, соревнующихся за это звание, не участвующих в движении за

³⁶⁹ Подробнее об этом см. выше: раздел 12.2.

коммунистическое отношение к труду), так и особенно к «внутренним» связям и закономерностям развития соревнования.

К важнейшим внутренним противоречиям в развитии социалистического соревнования на современном этапе относится противоречие между количественным охватом трудящихся различными формами соревнования и качеством, эффективностью соревнования. Это противоречие реализуется как в сложившихся социальных «нормативах» массовости, так и в своего рода «нормативах» формализма в социалистическом соревновании. Широкое распространение элементов формализма в организации соревнования существенно снижает, а иногда - сводит к нулю его экономическую эффективность и приводит к явно отрицательным социально-воспитательным последствиям. В рабочей среде складывается стереотип безразличного или негативного отношения к социальному институту соревнования.

По-видимому, особенно остры эти проблемы в массовом движении за коммунистическое отношение к труду. Возникший 20 лет назад [см. выше, раздел ... - А. А.] как начинание энтузиастов, ставивших перед собой задачу практического воплощения всесторонне развитой и социально активной личности человека будущего, этот вид соревнования ныне оказался глубоко поражен «формализмом, казенщиной, показухой».

<...>

Неудовлетворенность современной практикой организации соревнования, критическое отношение к его формам наиболее отчетливо выражены в социально наиболее зрелых слоях рабочего класса. К социальным факторам этой неудовлетворенности относятся и уровень образования, и уровень содержательности труда, и включенность в общественную жизнь, и даже - степень включенности в само соревнование.

Анализ актуальных проблем развития и эффективности социалистического соревнования подводит к выводу, что решение их вовсе не лежит только на путях совершенствования форм и усиления воспитательной работы, в связи с соревнованием. Иначе говоря, эти проблемы не сводятся к организационным или воспитательным. Устранение отмеченных «пороков» современной практики организации соревнования, по-видимому, достижимо лишь на пути эффективного решения двух взаимосвязанных и существенно обуславливающих развитие социалистического соревнования комплексных проблем, а именно:

а) проблемы дальнейшего развития демократических начал на производстве, создание условий для более широкого и действенного участия рабочих в управлении производственными делами <...>;

б) проблемы дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, в частности, повышения заинтересованности работников и производственных коллективов в увеличении своего трудового вклада. <...>

Примечательно, что взаимосвязь проблем организации социалистического соревнования с проблемами совершенствования хозяйственного механизма (в частности, реализации социалистического принципа распределения по труду) и с проблемами участия рабочих в управлении производством находит отчетливое выражение в представлениях и самих рабочих. Это важный социологический результат, лишней раз свидетельствующий о своевременности именно такой постановки вопроса. <...>

(Алексеев А.Н. Социальные проблемы развития и эффективности социалистического соревнования. По данным конкретно-социологического исследования / Социальное и культурное развитие рабочего класса в социалистическом обществе. Методологические и методические проблемы. М., 1982)

А. Алексеев - А. Назимовой (апрель 1982)

Дорогая Алла!

<...> Добросовестность и исполнительность автора этой статьи столь же безмерны, как и дружеская расположенность к нему редакторов сборника.³⁷⁰

Материал этот Тебе знаком (по записке в обком партии или по отчету 1979 г.). Я его еще научно причесал, облагородил библиографическими ссылками, украсил эпиграфом из Брежнева (что само по себе может показаться дерзостью).

Материал респектабелен до жути, тем больше - взрывчатая сила. <...> Так что - смотрите... Будь другие редакторы - они оказались бы в затруднительном положении, ибо автор мог бы невинно спросить: «А что тут не так?». И ответить было бы нечего. Но вашей редколлегии я таких вопросов задавать не стану, а просто - доверяю ее (редколлегии) «чувству меры» и, разумеется, «гражданской зрелости».

На мелкую редактуру - даю свободу действий. Если текст выходит из габаритов сборника, телеграфирую - насколько выходит, и я по телефону предложу блочные сокращения. Хотя не хотелось бы. Ибо чем «нуднее», тем беспроегрышнее.

Помню, Ядов, прочитав это впервые, заметил: «Ну, тему соревнования можно считать исчерпанной...». Честно говоря, и я так думаю...

Твой Андр. Ал., 10.04.82

12.3.2. К 50-летию «Великого почина» (рецензия на текст «доклада, зачитанного членом Политбюро»)

[Ниже – текст, подготовленный автором «по заданию» инструктора Ленинградского обкома КПСС после Всесоюзной научно-практической конференции «Социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду - могучее средство развития творческой активности масс и воспитание нового человека», состоявшейся 12 апреля 1979 г.

Дружественно настроенный коллега определил это как «мелкое хулиганство» - А. А.]

= Отзыв на текст доклада, зачитанного членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем Ленинградского обкома КПСС тов. Романовым Г.В. на Всесоюзной научно-практической конференции (апрель 1979 г.)

По поручению Ленинградского обкома КПСС *[фактически - отвечая на пожелание, интерпретированное автором как «задание», одного из работников партийного аппарата. - А. А.]* нами внимательно изучен текст названного доклада, опубликованного в «Ленинградской правде», 13.04.1979, и изданного специальным тиражом для участников конференции.³⁷¹

Оговорим, что настоящий отзыв относится именно к ТЕКСТУ доклада, подготовленного соответствующим аппаратом, а не к общему смыслу речи первого секретаря обкома, который здесь не обсуждается.

Доклад имел своей целью дать общую политическую оценку полувековым итогам развития социалистического соревнования в нашей стране, проанализировать историческую логику этого развития, раскрыть экономические, социальные и воспитательные эффекты соревнования на современном этапе, поставить новые

³⁷⁰ Стоит напомнить, что Алла Константиновна Назимова (в ту пору жившая уже в Москве) была одним из адресатов писем-дневников-отчетов социолога-рабочего 1980-х гг. (См. ДСиСА – 1, главы 2 и 3).

³⁷¹ Романов Г.В.. Могучая созидательная сила социалистического соревнования. Л., 1979.

проблемные вопросы дальнейшего совершенствования организации социалистического соревнования.

Насколько нам известно, это первый целевой партийно-политический документ такого масштаба и авторитетности после Постановления ЦК КПСС 1971 г. «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования».

Можно принять, что заглавный доклад на Всесоюзной научно-практической конференции призван выполнить по крайней мере три важные функции: научно-информационную, агитационно-пропагандистскую и проблемно-постановочную. Все три названные функции так или иначе реализуются в данном тексте.

Текст доклада содержит указания на важнейшие исторические события в развитии социалистического соревнования за 50 лет (раздел «Ленинские идеи живут и развиваются»). Фактических неточностей в историческом обзоре нами не обнаружено. Второй раздел включает краткую характеристику Ленинграда и Ленинградской области как единого народно-хозяйственного комплекса. В связи с развитием соревнования представлены успехи ленинградской промышленности, транспорта, сельского хозяйства, строительства, сферы обслуживания в текущей пятилетке. В третьем разделе обсуждаются воспитательные эффекты социалистического соревнования, в частности, его роль в формировании молодой смены рабочего класса, на примере Ленинграда. Специальный раздел доклада посвящен интернациональным аспектам социалистического соревнования. В заключение, рассмотрены основные формы партийного руководства соревнованием, формулируются некоторые принципы комплексного подхода к этому участку работы.

Текст доклада содержит важную экономическую и политическую информацию, в нем демонстрируются достижения коммунистического строительства, важным методом которого является социалистическое соревнование. Доклад решает определенные пропагандистские задачи.

Приходится, однако, признать, что за общими положениями, равно как и за многочисленными перечислениями и упоминаниями известных исторических событий и существующих форм соревнования, в тексте доклада оказалась упущена научно-аналитическая сторона. Не возьмем на себя смелость утверждать, что в данном тексте действительно раскрыты качественно новые черты социалистического соревнования на современном этапе, к чему доклад неоднократно апеллирует.

Вот один из образцов аналитической аргументации: «...Если раньше успешное решение производственных вопросов нередко зависело от элементарной дисциплинированности и добросовестности работника, то теперь достижение успеха предполагает более многообразные качества: творчество, взаимное доверие, безукоризненную честность, взаимную чуткость...» (стр. 24 спец. тиража доклада). Непредусмотренная двусмысленность подобного сопоставления прошлого и настоящего достаточно очевидна.

Довольно поверхностно рассмотрены ПРОБЛЕМНЫЕ вопросы развития соревнования, повышения его эффективности. Ими непосредственно насыщены лишь две страницы из 35-37 стр. доклада. Причем в основном это делается в выражениях типа: «возможности соревнования еще не всегда используются у нас лучшим образом», «не везде оно [соревнование. – А. А.] нацелено на решение главных проблем». «не всегда обязательства составляются достаточно обоснованно...», «не все трудящиеся знают о них» (из текста остается неясным, идет ли речь о самих обязательствах или об итогах их выполнения), «нам еще не удалось до конца изжить и такую живучую вещь, как формализм в организации соревнования» (стр. 36). Сама по себе постановка вопроса о формализме в соревновании сводится к раскавыченной (без ссылки) цитате из речи Л.И. Брежнева на XVI съезде профсоюзов.

Такая неконкретность тем более огорчительна, что в распоряжении аппарата, готовившего текст доклада, находились разнообразные данные специальных исследований этих вопросов, представленные ленинградскими социологами.

Довольно расплывчатой является постановка вопроса о совершенствовании организации соревнования в связи с требуемой перестройкой в планировании и методах хозяйствования, в системе показателей и материальном стимулировании. Вопрос о развитии демократических начал в управлении производством как существенной предпосылке эффективности соревнования вообще не ставится.

Между тем, научный подход к партийному руководству соревнованием, как явствует теперь из многочисленных свидетельств практики, равно как и теоретических рассуждений, необходимо включает решение организационных проблем соревнования в комплексе с совершенствованием его экономических и политических основ. Иначе говоря - в связи с проблемами реализации социалистического принципа распределения по труду и с проблемами участия рабочих в управлении производством. (Кстати, эта сторона дела вовсе не рассматривается при характеристике «комплексного подхода» на стр. 32).

Если сопоставить текст доклада с констатирующей частью Постановления ЦК КПСС от 31 августа 1971 г. «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования», то можно заметить, что «уровень проблемности» в последней заметно выше, хотя жанр доклада на научно-практической конференции предоставляет в этом отношении, по-видимому, большие возможности.

В заключение, отметим, что общая редакция доклада несет на себе черты торопливости (небрежности?). Например, на стр. 31:

«Нам представляется, что и наша научно-практическая конференция, и будущие совместные поиски ученых, экономистов, специалистов и рабочих стран социалистического содружества помогут не только закрепить имеющийся опыт, но и далее развивать (спрашивается, ЧТО? А.А.) в интересах наших народов, во имя мира и социального прогресса на земле. (Аплодисменты)». Или: на стр. 33 говорится о партийных собраниях с единой повесткой дня во всех звеньях областной организации, выступающих эффективной формой воспитания «этих» (не сказано каких!) качеств. И т.п.

Итак, реализация трех названных выше функций в тексте доклада является далеко не равноценной, не пропорциональной. Этот дисбаланс снижает общую ценность важного научно-политического документа, что усугубляется отдельными редакционными неряшливостями.

Насколько я могу судить из собственных, личных наблюдений в качестве участника Всесоюзной научно-практической конференции, ее успех и значимость вопросов, поставленных в ходе ее отдельными участниками, не находится в прямой связи и зависимости от итогового варианта текста заглавного доклада.

Старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР, кандидат философских наук, член КПСС с 1961 г. А.Н.Алексеев.

26.04.1979

Ремарка: интрига в коридорах Смольного

Если мне не изменяет память, существовало два варианта текста доклада Г.В. Романова на упомянутой конференции, подготовленных разными «спичрайтерами» - сотрудниками аппарата Ленинградского обкома КПСС. В «соревновании» двух версий доклада победила, по-видимому, не лучшая.

Тогда, уже после состоявшейся научно-практической конференции (т. е. когда доклад был уже произнесен), автору этих строк было конфиденциально предложено выполнить роль своего рода рецензента, относительно предпочтенного членом Политбюро варианта, что и было сделано, со всей добросовестностью.

Впрочем, автор, кажется, «перестарался»... Дальше ящика стола инструктора обкома этот отзыв не пошел. (Июль 2001).

12.4. «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ» В РУСЛЕ «ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РАБОТЫ»

От автора – сегодня

В томе 1 (глава 1) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» в деталях освещена жизненная перемена социолога А. Алексеева, уволившегося в январе 1980 г. из Института социально-экономических проблем АН СССР и поступившего на Ленинградский завод полиграфических машин в качестве рабочего.

Экстравагантность этого шага была минимизирована согласованным с высокими академическими инстанциями оформлением (с апреля 1980 г.) бывшего старшего научного сотрудника ИСЭП АН СССР - на полставки в этом же институте, в порядке совместительства. Таким образом, работа автора на заводе могла рассматриваться как своего рода продолжение проекта «Человек и его работа. 1976» и форма реализации плановых задач сектора, возглавляемого В. А. Ядовым.

Указанное совместительство в академическом институте продолжалось два года: 1980 и 1981. По официально оформленной теме социологом-рабочим выполнялись некие научные отчеты, публиковались труды и даже состоялись доклады на Ученом совете Института (март 1981) и на Ученом совете отдела Института (октябрь 1981).³⁷²

Ниже – текст первой из авторских публикаций на тему этого поискового (как тогда обозначалось) исследования, которая называлась «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии»)». Работа эта была опубликована в сборнике Томского гос. университета «Проблемы социального познания и управления», вышедшем в 1982 г (подписан к печати в феврале 1982 г.), но написана была, понятно раньше.³⁷³

В данной работе представлены основные результаты первого года «эксперимента социолога-рабочего». (Июль 2012).

= Из сборника «Проблемы социального познания и управления» (1982)

Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии»)

Начиная с января 1980 г. <...> нами осуществляется научно-практическое изучение социальных механизмов функционирования производственной организации и социально-психологических механизмов трудовой и общественной активности работника в условиях социалистического промышленного предприятия, Особенностью данного исследования является его поисковый и ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ. Характер.

МЕТОДИЧЕСКАЯ СУТЬ предпринятого изыскания состоит в принятии исследователем новой социальной роли, обеспечивающей возможность «наблюдающего участия» в конкретной социально-производственной ситуации. Специфическим «наблюдательным пунктом» является рабочее место наладчика технологического оборудования на одном из ленинградских машиностроительных предприятий.

Переход на это рабочее место не был условным, т. е. включал в себя увольнение из научного учреждения, где исследователь занимал должность старшего научного сотрудника, оформление на завод в качестве рабочего и овладение ранее незнакомой производственной специальностью, таким образом, бы осуществлен предельный вариант

³⁷² См. ДСиСА -1, раздел 3.8.

³⁷³ Именно эта работа докладывалась на Ученом совете Института социально-экономических проблем АН СССР в марте 1981 г.

исследовательского «погружения» в определенную среду, за которым в известных классификациях социологических методик закрепилось название включенного или участвующего наблюдения.

Выбор конкретного «поля» исследования осуществлялся в инициативном порядке. Программа исследования разрабатывалась в секторе социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР (зав. сектором – проф. В.А. Ядов), где автор, поступив на завод продолжал сотрудничать.

КОНКРЕТНЫЕ ЗАДАЧИ, поставленные в ходе настоящего научно-практического эксперимента, формулируются и группируются следующим образом:

1) задачи, относящиеся к исследованию ныне действующей системе социальных норм производственной организации (на примере конкретной социально-производственной ситуации).

2) задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности³⁷⁴, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте.

3) задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции ныне действующей системы социальных норм и путей развития личности, на примере производственной организации и личности работника.³⁷⁵

По мере развертывания исследовательской ситуации, непосредственно «встроенной» в ситуацию социально-производственную, появилась возможность вычленения трех объектов изучения. Этими **ОБЪЕКТАМИ** выступают те инновационные процессы на конкретном промышленном предприятии, в которые автор непосредственно включен в своей нынешней социальной роли.

1) процесс внедрения новой для данного предприятия технологии штамповки листовых деталей на многопозиционным координатном прессе;

2) продвинутый на данном предприятии процесс внедрения бригадных форм организации и оплаты труда (БФОТ);

Иницилируемый самим исследователем процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации.

Не углубляясь сейчас в специальную область науки и практики, объединяемую понятием «инноватика»³⁷⁶, отметим, что процесс нововведения как таковой представляет собой наиболее удобное поле для исследования взаимодействия таких социальных субъектов, как личность, коллектив, организация. Поскольку именно в таком процессе осуществляется не только функционирование, но, но и трансформация и смена социальных норм, выступающих «посредниками» и регулятивами этого взаимодействия. Говоря в самом общем виде, взаимодействие личности и социальной среды выступает здесь основным **ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ**.

Итак, научный замысел эксперимента не сводится к прагматичному описанию явлений и процессов производственной жизни, в которую «погружен» исследователь. Не сводится он и к описанию «участия» исследователя в соответствующих технологических [правильно: «социальных». – А. А.] процессах. «Участие» здесь выступает главным способом познания).

Теоретической «**СВЕРХЗАДАЧЕЙ**» этого изыскания является попытка в рамках «кейс стадии» (исследования отдельного случая) соотнести друг с другом два ряда общесоциальных процессов:

³⁷⁴ Впоследствии автором было принято иное толкование термина «адаптационный»: приспособление ситуации к себе, а не себя к ситуации, в отличие от «адаптивного», означающего как раз «социально-приспособительный». – А. А. Июль 2012.

³⁷⁵ Особую, четвертую группы составляют научно-методические задачи, связанные с разработкой методологических принципов, профессиональных и этических норм включенного наблюдения и личностного социального экспериментирования.

³⁷⁶ См.: Материалы республиканской и Всесоюзной конференций «Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования», Таллин, 1978, 1981.

СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИЧНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ на личность, идущее от социальной общности; адаптация личности социальной средой, присвоение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереотипов поведения;

ТВОРЧЕСКИ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ на социальное окружение, идущее от личности; адаптация личностью социальной среды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм.³⁷⁷

Таков некоторый минимум предварительных методологических замечаний. Теперь осветим некоторые содержательные результаты исследования на том уровне их осмысления и систематизации, который возможен, когда «полевой» этап еще продолжается. Большую часть выдвигаемых здесь положений следует трактовать как ГИПОТЕЗЫ. Для поискового исследования сама по себе формулировка гипотез является содержательным результатом.

В предпринятом анализе системы социальных норм производственной организации исходим из представления о «двуслойности» этой системы.³⁷⁸ В частности, следует различать декларируемые социальные НОРМЫ-ТРЕБОВАНИЯ и реально действующие социальные НОРМЫ-СТЕРЕОТИПЫ поведения, здесь – производственного поведения. Степень взаимной согласованности тех и других нормативных подсистем может быть различной.

Проведенные научно-практические наблюдения и «испытания» дают основание утверждать, что указанные две нормативные подсистемы производственной организации являются существенно рассогласованными. Этому рассогласованию вполне соответствует известный, установленный ранее проведенными исследованиями разрыв, отсутствие достаточной согласованности между различными уровнями диспозиционной структуры, такими, как ценностные ориентации (*и... – А. А.*) социальные установки личности работника, а также между ценностными ориентациями личности и ее социальным поведением.

Как известно, реальное производственное поведение регулируется преимущественно «частными» диспозициями личности (ролевые и ситуативные социальные установки), а не обобщенными ценностными ориентациями, т.е. «высшим» уровнем диспозиционной структуры.³⁷⁹ Мы полагаем, что названные социальные установки – предрасположенность личности к определенному поведению в конкретных ситуациях суть не что иное, как интериоризированные, присвоенные личностью социальные нормы-стереотипы поведения.

То обстоятельство, что социальные нормы-стереотипы и, соответственно, социальные установки иногда расходятся с ценностными ориентациями личности и зачастую отказываются не одобряемыми, не является препятствием для их воспроизведения в повседневном поведении, При этом действует социально-психологический оправдания личностью следования этим, но все же не одобряемым социальным нормам, соображениями вынужденности или конформности.³⁸⁰

Рассогласование между разными уровнями диспозиционной структуры личности и, соответственно, между ценностными ориентациями и поведением, по нашему

³⁷⁷ В плане исследования путей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте особый интерес для нас представляло научно-практическое испытание и выяснение своего рода «пределов»: а) возможностей отдельной личности адаптироваться в новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности воздействовать на социальную среду, не разрушая своих связей с нею. По моему глубокому убеждению, те и другие возможности гораздо шире, чем это иногда принято думать.

³⁷⁸ О «расщеплении нормативного» и формировании в единой нормативной системе двух нормативных подсистем, в пределе полностью противоположных друг другу, в частности, пишет М.И. Бобнева в своей книге «Социальные нормы и регуляция поведения». М.: 1978, с. 52-54.

³⁷⁹ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения. Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979, с. 188-195.

³⁸⁰ Согласно известным формулам обыденного сознания: «Как все, так и я».

представлению, есть лишь первичный «ответ» личности, рассматриваемой в плане как индивидуального, так и исторического развития на соответствующее рассогласование двух социально-нормативных подсистем – декларируемых и реально действующих норм. Структура личности тяготеет к целостности. И следует опасаться вторичного эффекта, а именно – массового ценностного переосмысления ряда «негативных» пока еще одобряемых личностью действующих норма, подтягивания ценностных ориентаций личности до уровня фактического поведения.³⁸¹ Для ряда ключевых аспектов производственной сферы жизнедеятельности личности этот процесс уже начался и интенсивно развивается.

Пояним сказанное несколькими примерами.

К числу ключевых социально-нормативных комплексов³⁸² производственной организации принадлежит совокупность социальных норм, объединяемых в понятии **ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ** (имея в виду нормы-требования). Этот комплекс предстает существенно рассогласованным, т. к. наблюдается разрыв между декларируемыми и фактическими социальными нормами и, соответственно, ситуативными установками личности.

На действительно массовое одобрение в производственной среде сегодня может рассчитывать скорее инициатива «вынужденная». Направленная на прелюдотвращение неблагоприятных для личности последствий ее отсутствия. Личная производственная инициатива, не исполняющая специфически превентивной (защитной) функции, имеет повышенные шансы не получить массовой поддержки или даже оказаться скомпрометированной в неофициальном общественном мнении.

Другим примером обесценивающейся социальной нормы-требования может служить **ПОЛНЕЙШЕЕ РАСКРЫТИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РЕЗЕРВОВ**. Действующая норма-стереотип является скорее обратной. Ситуативная установка личности работника – тоже. В ценностном «ядре» личности эта норма также претерпела радикальное переосмысление в силу накопленного эффекта личностной, иногда и коллективной «невыгоды» от крутого роста производительности труда в условиях ныне действующей системы тарифных ставок, лежащих в основе распределения и сопутствующей им системы нормирования труда.

Наконец, жизненной иллюстрацией взаимодействия указанных социально-нормативных комплексов предстает наблюдавшаяся нами практика пересмотра технических норм, соответственно, снижения расценок за отдельные производственные операции по инициативе самих рабочих. Такая инициатива откровенно признается **ВЫНУЖДЕННОЙ** и предвосхищающей административный пересмотр технических норм, уже не сопровождающийся известными «льготами», как это имеет место в случае, когда инициатива исходила от рабочего.

Мера рассогласования социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов является, несомненно, различной для отдельных производственных коллективов, дифференцирована она и для различных социально-нормативных комплексов в рамках одной и той же производственной организации. Например, комплекс социальных норм, относящихся к **ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ**, может быть рассогласован меньше, чем соответствующий комплекс производственной инициативы, в другом же коллективе оба комплекса окажутся рассогласованы в «равной» мере. Разрыв между нормами-требованиями и нормами-стереотипами **ТОВАРИЩЕСКОЙ**

³⁸¹ «Есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения людей достигается как за счет «подтягивания» поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счет снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия)» (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.199, с. 192. .

³⁸² Социально-нормативные комплексы в нашей теоретической схеме являются «сквозными», т. е. включают в себя совпадающие по предмету, пусть расходящиеся по содержанию и направленности социальные нормы-требования и социальные нормы-стереотипы

ВЗАИМОПОМОЩИ в процессе труда предстает, как правило, меньшим, чем в ряде иных социально-нормативных комплексов.

Задачу социального массового обследования многих производственных организаций могло бы составить выявление соотношения общих и локальных факторов рассогласования тех или иных комплексов социальных норм. Понятно, что позиция «включенного наблюдателя» в конкретной социально-производственной ситуации таких возможностей не предоставляет.

Однако на основании анализ партийных документов, с учетом многочисленных материалов центральной прессы, данных других исследователей хорошо видны и могут быть указаны социально-нормативные комплексы, рассогласование в которых является относительно универсальным для различных производственных условий и групп работников.³⁸³ К их числу следует отнести совокупность социальных норм ОТНОШЕНИЯ РАБОТНИКА К КОНЕЧНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ ТРУДА. Широко пропагандируемым нормам-требованиям ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ. КОМПЕТЕНТНОСТИ и ОТВЕТСТВЕННОСТИ в этом комплексе соответствуют едва ли не противоположные нормы-стереотипы.

В течение двух лет «полевого» этапа нашего исследования именно этот социально-нормативный комплекс был предметом специализированного наблюдения и научно-практического испытания. При этом использовался метод «моделирующих ситуаций»³⁸⁴ на примере внедрения нового производственного [правильно: «технологического». – А. А.] процесса. Сегодня имеем основания утверждать, что, вопреки массовому «вынужденному» воспроизводству негативных норм-стереотипов, процесс ценностной девальвации заинтересованности, компетентности и ответственности пока еще находится лишь в начальной стадии. Иначе говоря, ценность заинтересованности продолжает оставаться высокой. Отсюда именно социально-нормативный комплекс отношения к конечным результатам труда при условии устранения или ослабления действия объективных причин, способствующих его рассогласованию, имеет возможность найти общественное одобрение, поддержку, эффективную реализацию в массовом производственном поведении.

Об этом наглядно свидетельствует также успех всесоюзно известных производственных починов и социально-экономических экспериментов. Например, бригадный подряд в строительстве по методу Злобина и Серикова, «калужский вариант» сквозной демократизации управления производством. Главный социальный смысл названных общественных инициатив состоит в последовательном проведении производственной стратегии на достижение конечного результата с соответствующим «высвобождением» потенциала личной заинтересованности, компетентности и ответственности.

Поиск перспективных путей преодоления разрыва между социальными нормами-требованиями и нормами-стереотипами производственной организации, по нашему убеждению, должен опираться на реалистическое исследование социально-экономических факторов этого рассогласования. Не углубляясь сейчас в собственно экономическую и социально-экономическую проблематику, специально трактованную нами в другой работе³⁸⁵, отметим лишь, что предпринимаемые в настоящее время в соответствии с

³⁸³ Лишний раз оговорим, что речь здесь идет о РАБОТНИКАХ социалистического предприятия и не ограничивается рабочими. Наше наблюдение является включенным не только в рабочую, а и в ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ среду и охватывает низшие и средние управленческие звенья.

³⁸⁴ Под моделирующей ситуацией понимается ситуация, отчасти организованная исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях «обнажения», «заострения» и в этом смысле моделирования некоторого социального явления. Здесь – социальных норм производственной организации.

³⁸⁵ См.: Алексеев А.Н., Климентов Г.А. Экономические аспекты участия трудящихся в управлении производством / Проблемы применения коллективных и коллегиальных форм управления на предприятиях (объединениях). Таллин, 1980, с. 122-127; Климентов Г.А. Преимущества бригады в условиях их

постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 г. меры по дальнейшему совершенствованию существующего хозяйственного механизма пока что адаптируются социально-нормативной структурой производственного поведения работников промышленного предприятия без сколько-нибудь значимой трансформации этой структуры. Как отмечал Л.И. Брежнев на ноябрьском (1981 г) Пленуме ЦК КПСС, могут сказать, что многие из поставленных вопросов в той или иной степени находят свое отражение в известном постановлении о совершенствовании хозяйственного механизма. Так-то оно так. Но ведь прошло более двух летЮ а постановление внедряется медленно, половинчато» (Правда, 17 ноября 1981 г.).

Можно предположить, что это существенным образом связано с сохранением ругинной тарифно-нормировочной системы, отражавшей потребности начального этапа социалистического строительства, а ныне выступающей объективным тормозом в реализации социалистического принципа распределения по труду. Примечательно, что полный хозрасчет, распределение заработка по коэффициентам трудового участия в бригадах, работающих на единый наряд с оплатой за конечный результат, и другие прогрессивные явления в системе распределительных отношении приходит с этой системой в значимое противоречие.

Пока еще не включен социально-психологический механизм, обеспечивающий действительное совпадение личных и общественных интересов в процессе общественного производства. Современным потребностям поднятия массовой заинтересованности в эффективном и качественном труде, такого развития социальной и трудовой активности работников, которое обеспечивало бы интенсификацию производства, на наш взгляд, отвечает последовательное внедрение единой для всех трудящихся пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта..

«Проблема в принципе может быть решена, если в составе цены каждого конкретного продукта будут учтены: а) норматив «труда на себя» (заработная плата и отчисления в общеколлективный фонд) и б) норматив «труда на общество» (всевозможные отчисления в бюджет). Эти два норматива должны находиться между собой в определенной, единой для всех производителей данного продукта планомерно установленной пропорции. Вместе с необходимыми нормативами в) амортизационных отчислений за использование основных фондов и г) затрат на полуфабрикаты, сырье и другие ресурсы, это должно составлять действующую цену продукта, обеспечивающую полный хозрасчет.

При этом условии у любого хозрасчетного коллектива, будь то бригада, цех, предприятие и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет окажутся в прямой зависимости от реального трудового вклада. Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы. В таком случае получается: что выгодно трудовому коллективу, выгодно и обществу, и наоборот».³⁸⁶

Наш личный производственный опыт еще раз приводит к выводу, что нормализация системы социальных норм производственной организации возможна только на базе радикальных социально-хозяйственных перестроек, которые бы обеспечивали действительную заинтересованность трудящихся участвовать в управлении и совершенствовании производства. Вместе с тем, трансформация, замещение ряда негативных социальных норм, укоренившихся в общественно-производственной практике, представляется делом недостижимым лишь за счет предписаний «сверху», равно как и инициативы «снизу», а может произойти в итоге органичного соединения того и другого. В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического принципа «адаптационного нормотворчества» или **СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ**. Этот принцип

реализации / Опыт ленинградских предприятий по повышению эффективности использования основных производственных фондов. Л., 1981.

³⁸⁶ См.: Алексеев А.Н., Климентов Г.А. Указ соч., с. 123-124.

учитывает высокую социально-экономическую и социально-психологическую инерционность функционирования общественного, в частности, производственного организма и рассчитан на «подготовку почвы» для необходимых и, в известном смысле, неизбежных социальных преобразований. Названный принцип состоит в направленном, но не форсированном расшатывании блока социально-производственных норм-стереотипов в конкретной социальной ситуации и в создании накапливающихся предпосылок его обновления и замещения. Это может осуществляться за счет ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые отвечают массовым ценностным ориентациям, пусть пока вопреки господствующим нормам-стереотипам.

В научно-методическом плане предпринято обоснование и производится опробование методики НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ, предполагающей, в отличие от сложившегося методического стереотипа, активную позицию так называемого «включенного наблюдателя» в процессе научно-практического освоения, овладения социальной средой. В реализации этого метода исследование социальной реальности осуществляется не только в ее «естественном виде», но и через анализ реакций среды и последствий целенаправленных, избирательно-активных действий исследователя..

В концептуально-мировоззренческом плане предпринятый опыт дает материал для обоснования выдвигаемого нами принципа ЕДИНСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И ИГРЫ, как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях. Полагаем также, что для исследования возможностей и путей такой реализации в конкретных социальных условиях уместно личностное социальное экспериментирование.

(Алексеев А.Н. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск. Изд-во Томского университета, 1982)

Ремарка: наблюдающее участие как способ исследования и способ жизни

Пожалуй, в последних трех абзацах этой статьи, написанной не позже марта 1981 г., произошло первое и достаточно внятное формулирование профессионального и морального кредо «социолога-испытателя», позиции, в которой воплощалась бы и научно-познавательная и общественно-гражданственная мотивация, идеология «наблюдающего участия», как способа исследования и способа жизни. (Июль 2012).

12.5. ТАК ЗАЧЕМ ЖЕ ОПЯТЬ УШЕЛ В РАБОЧИЕ?

= Из биографического интервью (2006) ³⁸⁷

Социолог становится слесарем-наладчиком

- В 1980-м, при всем внешнем благополучии твоей жизненной ситуации и профессиональной карьеры ты подался в рабочие. Этот шаг был на 100% необходимым, обязательным в твоей ситуации (почему?) или все же еще был запас сил, чтобы не уходить...Как ты оцениваешь сегодня твое телодвижение?

Был ли для меня тогдашний уход “обязательным”? Думаю, он был своевременным, не с точки зрения давления внешних обстоятельств, а из внутреннего расположения души

³⁸⁷ Это интервью уже цитировалось в главах 8, 9 и 10.

и состояния духа. Можно еще сказать, что это было актом поиска свободы (или — скромнее — обретения относительной независимости).

Мой тогдашний уход из социологов в рабочие (как и уход из журналистов в рабочие двадцатью годами ранее) если и был экспериментом, то скорее (больше...) жизненным, чем профессиональным. Но и тут уместно сказать: “Суди себя сам!”. Все же одно автоцитирование из “предисловия” к “Драматической социологии...” здесь себе позволю:

“...Там, где “социологу-наладчику” в его профессионально-жизненном эксперименте мнились по преимуществу жизнотворчество, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила, проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодетельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода выживания, “вынужденной инициативы”: предстающей уже не только тактикой социального поведения: но и жизненной стратегией.

...По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного “подвижничества” <...>, а всего лишь как ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка: в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми” (Алексеев А. Н. *Драматическая социология...* Том 1, с. 34-35).³⁸⁸

- В этом случае можно ли сказать, что, идя на завод, у тебя не было осознанной ориентации на проведение того или иного социального исследования?

Сейчас стоит, наверное, об этом заявить со всей резкостью, пусть с риском несколько подмочить легенду об “эксперименте социолога-рабочего” и т. д.

Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительство в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я “обрек” себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных “ипостасей” в одном лице щекотало самолюбие. Тут была моя личностная и профессиональная особенность, по сравнению с моими друзьями (рабочими из социологов).

Спрашивается, а как же исследование “глазами рабочего”, “наблюдающее участие” и прочие методические (методологические?) изобретения, вроде даже в учебниках теперь упоминаемые? А никак! Точнее, примерно так: наложились смысложизненные авторские поиски на некоторые актуальные тенденции современной социологии (феноменология, акционистские методы и т. д.). Вот и получился какой-никакой “научный вклад”. Все зависит от ситуации, контекста, а также от того, “как посмотреть”. Впрочем, в этом пункте, пожалуй, слишком сильное утверждение...

- Вместе с тобой в рабочие пошли к тому времени многие годы проработавшие в социологии Юрий Щеголев и покойный Сережа Розет... Для тебя это было драмой (отчасти отсюда возникла твоя драматическая социология), для них – трагедией (я так думаю). Ты был уже не теленком и мог бодаться... Они были послабее...

...Не одновременно, а раньше меня “пошли в рабочие” Юра Щеголев (годом раньше) и Сережа Розет (несколькими месяцами раньше меня). Еще из нашего круга — Анри Кетегат (живший тогда уже не в Питере, а в Вильнюсе), которого на несколько месяцев опередил я.

...То был довольно немногочисленный “исход” из социологов в рабочие на рубеже 70-80-х гг., именно экзистенциальный исход, подобный миграции в сторожа и операторы котельных части литературно-художественной интеллигенции, явление — очень

³⁸⁸ Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf.

характерное, в частности, для Питера. Ни о каких профессионально-социологических мотивах у моих друзей (“социологов-рабочих”) говорить, думаю, не приходится. Что же касается меня, то, при большей, чем у них, “встроенности” в научно-институциональную среду, так называемый исследовательский мотив был для меня скорее идеологическим “прикрытием”. А “под ним”, в личностном ядре — тот же кризис профессиональной и — шире — “беловоротничковой” идентификации, ну и поиск новизны, может быть, авантюризм, достаточно позднее (в 1980-м мне было как-никак 46) “самоиспытание”, пожалуй.

Дальше. Не только у Юры, Сережи и Анри, но даже и у меня не было установки на “вызов Системе”. Просто люди, достойные уважения и сами себя уважающие, живут как хотят, а систему это “раздражает”, и она начинает их “доставать” (слегка или всерьез). Тогда человек иногда (это я про себя...) начинает “огрызаться”... Ну, это в общем не требует дополнительных разъяснений.

Мне хотелось бы энергично возразить тебе насчет того, что Юра и Сережа были якобы “послабее”... и в этом их трагедия. Трагична, конечно, судьба Сережи, но в силу именно ранней кончины (1940—1994), а не в силу сделанного им на рубеже 70-80-х гг. жизненного выбора. Просто мы привыкли относить публичный конфликт с системой или профессиональные (в частности, в сфере науки) успехи, вообще — те или иные формы “внешней” самореализации, к настоящим, единственно значимым жизненным достижениям. Но для моих друзей главным было нечто другое. И хотелось бы думать, что и для меня тоже.

+++

Глава 13

ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999)

Содержание

- 13.1. **Общественное движение: субъект, деятельность, организация**
- 13.2. **Новая пресса как продукт и фактор общественных движений**
- 13.3. **«Союз коня и трепетной лани» (газета "Рейтинг")**
- 13.4. **«Россия на изломе» (Срез времени на 45 квадратных метрах)**
- 13.5. **Информация о Санкт-петербургском архиве-коллекции**
- 13.6. **Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии**
- 13.7. **Новая российская газетная пресса: типологическая структура и ее изменения (1988-1997 гг.)**

Ремарки:

- «Алексеевский архив» (раздел 13.5)

От автора - сегодня

После 8,5 лет работы на заводе в качестве рабочего (так называемый «эксперимент социолога-рабочего») ³⁸⁹ автор этих строк вернулся к штатной научной работе. Это произошло в июле 1988 г.

Уже началась "перестройка", но КПСС еще оставалась "руководящей силой". Вряд ли субъекту политического «дела» ³⁹⁰, хоть и реабилитированному к тому времени по всем статьям, удалось бы благополучное профессиональное трудоустройство, если бы не коллективные письма социологов Ленинграда и других городов в ленинградские партийные органы, с настоятельным предложением (требованием) о предоставлении социологу-рабочему возможности "сменить станок на письменный стол". ³⁹¹

Первым местом работы автора, после завода, стала Ленинградская высшая профсоюзная школа культуры (ВПШК), где, еще до репрессивных мер в отношении

³⁸⁹ См. ДСиСА – 1, 2, 3, .4.

³⁹⁰ См. ДСиСА -2, 3

³⁹¹ См. ДСиСА – 3, раздел 13.16.2

социолога-рабочего, довелось трудиться целый год по совместительству (1982). В частности, это была социологическая лаборатория ВПШК.³⁹²

В августе 1989 г., на базе социологического отдела Института социально-экономических проблем (откуда автор 10 лет тому назад уходил на завод), возник Ленинградский филиал Института социологии АН СССР (впоследствии – Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН). К тому времени директором Института социологии в Москве уже был проф. В.А.Ядов. Вновь образованный Ленинградский филиал этого института возглавил докт. филос. наук Б.М. Фирсов.

Автор этих строк оказался одним из первых добровольно или вынужденно расставившихся с ИСЭПом ранее, кто получил приглашение на работу в ЛФ ИС АН СССР (октябрь 1989). Туда он перешел из Высшей профсоюзной школы культуры.

Из трудовой книжки:

- Ленинградский завод полиграфических машин, наладчик технологического оборудования, слесарь механосборочных работ – 01.1980 – 07.1988.

- Ленинградская высшая профсоюзная школа культуры, старший научный сотрудник – 07.1988- 10.1989.

- Ленинградский филиал Института социологии АН СССР (впоследствии – Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН; впоследствии – Социологический институт РАН) - старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник – 10.1989 – 09.2008.

В ВПШК занимался проблемами клубов, а в Институте социологии поначалу работал в секторе социологии общественных движений (рук. - канд. филос. наук В.В. Костюшев). Тогда же (1989) организовал Санкт-Петербургский архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений (о котором еще будет случай рассказать).

В 1995 г перешел в исследовательскую группу изучения динамики массового сознания, которую возглавлял Л.Е. Кесельман.

В этот период, на базе упомянутого архива-коллекции занимался изысканиями в области социологии СМИ, т. е., в известном смысле, на очередном витке «научно-профессиональной спирали» вернулся к сюжетам, с которых 30 лет назад начинал свою социологическую карьеру

В настоящей главе представлены некоторые тексты, отражающие профессиональную деятельность автора за период 1989-1999 гг. (Сентябрь 2001 – июль 2012).

13.1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ: СУБЪЕКТ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОРГАНИЗАЦИЯ

= Из сборника "Социология общественных движений: концептуальные модели...» (1992)

Опыт модели концептуализированного описания общественных движений

1. Отечественная социология общественных движений, зародившаяся на наших глазах и сейчас тяготеющая к превращению в относительно самостоятельную отрасль

³⁹² Лаборатория проблем коммунистического воспитания . Ее прежде возглавлял кандидат философских наук (ныне - доктор социологических наук) А.Тихонов, а в конце 1980-х гг. - кандидат философских наук Э. Сидорова.

социологических исследований, пока не располагает сколько-нибудь установившейся, теоретически обоснованной моделью систематического описания совокупности социальных фактов, характеризующих отдельно взятое, конкретное общественное движение (определенный его тип или вид). Отсюда - довольно грубый эмпиризм появившихся в последние год-два «путеводителей» и справочников по общественным движениям и инициативным общественным объединениям в СССР.

2. Сложившееся в исследовательской группе Ленинградского (в настоящее время - Санкт-Петербургского) филиала Института социологии АН СССР представление об общественном движении как виде массового социального поведения (деятельности), который характеризуется стихийностью возникновения, самоорганизацией, ориентацией на представительство интересов социальных групп, общностей, общества в целом, ориентацией на изменение общественных отношений и социальных институтов, социокультурной среды в целом [3] является, по-видимому адекватным, однако требует определенного теоретического обоснования.

3. Большинство известных нам определений общественного движения использует в качестве родового понятия или признака именно **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** (поведение), к чему подталкивает сам термин «общественное движение». Действительно, деятельность - специфически социальная форма движения, в общефилософском смысле этого слова. Однако столь же правомерно и определение общественного движения как некоего социального (группового, коллективного) **СУБЪЕКТА**, являющегося носителем соответствующей деятельности, осуществляющего свое «движение» в некотором социальном пространстве. Общественное движение есть одновременно и деятельность социального субъекта, и сам этот действующий социальный субъект. Две «ипостаси» общественного движения последним утверждением, пожалуй, схвачены.

4. Но есть и третья «ипостась» (если бы она не было нам известна, ее следовало бы поискать, следуя логике триадного синтеза, разрабатываемой Р.Г. Баранцевым [2]). Укажем на понятие **ОРГАНИЗАЦИЯ**. Имеется в виду не узкий смысл этого слова (объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур [4]), а организация в смысле способа внутреннего упорядочения (структура), функционирования и развития некоторого социального образования [1]. В этом широком, философско-социологическом толковании «организация», равно как и «деятельность», и «субъект», может рассматриваться как родовое, относительно «общественного движения», понятие.

5. Итак, общественное движение - это деятельность, с одной стороны, субъект, с другой, и организация - с третьей. Забвение любого из этих трех моментов, конечно, не девальвирует полностью научное описание конкретного общественного движения, однако делает его поневоле односторонним. В самом деле, можно ли считать исчерпывающим анализ, сосредоточенный на формах массового поведения (скажем, митинги или забастовки) и игнорирующий социально-экономическое положение, социально-психологические характеристики и т. д. участников соответствующих акций? Или - описание общественного движения, отвлекающееся от способов его организации (скажем, горизонтальные или вертикальные, иерархические структуры), либо - наоборот - целиком сводящееся к обозрению организационных форм?

6. Триада «общественное движение - деятельность, общественное движение - субъект и общественное движение - организация», пожалуй, в свою очередь жаждет своего обобщения в некоем интегрирующем понятии. Таковым, на первый взгляд, может быть - **СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ**. Действительно, именно в «социальном институте», как в своего рода узле многомерной сети общественных отношений, усматриваются признаки деятельности, субъекта и организации. Однако вывод о том, что общественное движение есть лишь особая разновидность «социального института», был бы поспешным. Правильнее говорить о диалектике понятий: «общественное движение - социальный

институт», каждое из которых отражает определенную сторону социальной жизни. Первое - момент изменчивости, развития, движения (в широком смысле), второе - момент устойчивости, функционирования, воспроизводства.

7. Общественное движение - это, как правило, процесс самозарождения нового социального института. По мере институционализации (здесь критической точкой обычно является момент официального признания, легитимации) в общественном движении может произойти ослабления импульса или инерции развития. Став социальным институтом, функционирующим по преимуществу, движение умирает «естественной смертью» (хотя долго еще может прокламировать себя развивающимся). Одной из наиболее трудных внутренних проблем всякого общественного движения является его развитие на стадии зрелости, по достижении достаточно высокой степени институционализации.

8. Новое общественное движение может зародиться и внутри застывшей структуры традиционного социального института, как бы взрывая его изнутри (пример - Демократическая платформа в КПСС). Но чаще - это продукт спонтанного самозарождения в определенных социальных или социокультурных слоях (например, рабочие комитеты) или даже на более широкой социальной базе (например, движения избирателей или Народные фронты).

9. Таким образом, «общественное движение» и «социальный институт» суть диалектически взаимосвязанные, перетекающие друг в друга понятия. Достроить эту пару до триады можно, по-видимому, лишь понятием «социальная жизнь» (не в широком смысле, каковой, разумеется, всеобъемлющ, а в более узком смысле форм народного «устроительства жизни»). Впрочем, соотношение этих трех понятий требует особого теоретического анализа.

10. Коль скоро наше рассуждение о «тройственной» природе, а точнее - тройкой атрибуции общественного движения справедливо, то отсюда следует ряд методологических выводов: а) как общественные движения «вообще» (в англоязычной социологической традиции – social movement, т. е. «социальное движение»), так и всякое конкретное общественное движение (его тип или разновидность) требуют **КОНЦЕПТУАЛИЗОВАННОГО** рассмотрения в деятельностном, субъектном и организационном аспектах; б) из данной теоретической конструкции (социологической модели) вытекают и определенные методологические требования к описанию отдельно взятого вида общественного движения.

Именно в меру соблюдения этих требований описание становится концептуализованным.

11. В сентябре 1990 г. комиссия по вопросам общественных и общественно-политических организаций Ленсовета (XXI созыва) обратилась в сектор социологии общественных движений Ленинградского филиала Института социологии АН СССР с просьбой составить картотеку общественных организаций (объединений), зарегистрированных городскими органами советской власти в 1989-1990 гг. Естественно, возник вопрос о схеме описания названных организаций. (Следует подчеркнуть, что термин «ОРГАНИЗАЦИЯ» здесь употребляется уже в узком смысле «объединения людей»... и т. д.), которые не следует смешивать с выдвинутым ранее философско-социологическим понятием).

Нами была разработана следующая схема: 1. Полное название общественной организации; 2. Учредительное собрание или конференция - дата; 3. Рекомендация комиссии местного органа власти - дата; 4. Решение местного органа власти и регистрация - дата; 5. Заявленный характер общественной организации; 6. Заявленное количество членов организации; 7. Заявленное 1-е лицо организации; 8. Учредители общественной организации; 9. Цель создания общественной организации; 10. Органы управления; 11. Формы членства; 12. Редакционно-издательская деятельность; 13.

Юридический адрес и телефон. (Данная схема оказалась работоспособной. Разработана автором при участии А. Русакова, Ю. Кирилловой, И Костровой).

Понятно, что информация, извлекаемая из комплекта документов, обязательных для регистрации общественной организации (сюда входит заявка на регистрацию, выписка из протокола учредительного собрания, устав общественной организации) по необходимости ограничена. При определенной информативности такого стандартизированного (и, в известном смысле, систематизированного) описания, оно является по необходимости НЕ концептуализированным.

12. Попробуем, однако, соотнести позиции данной эмпирической схемы описания общественных движений на стадии легитимации (регистрации в качестве общественных организаций) с элементами предложенной выше концептуальной модели: **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**: пп. 2, 9, 12; **СУБЪЕКТ**: пп. 6, 7, 8; **ОРГАНИЗАЦИЯ**: пп. 5, 10, 11. Произведенная аналитическая операция позволяет увидеть, во-первых, верифицируемость и «реалистичность» предложенной концептуальной модели, во-вторых - заведомую, обусловленную скудостью использованной информационной базы, «бедность» эмпирической схемы.

13. Попробуем, далее, используя полученный результат, наметить пути дальнейшего движения от эмпирии к теории, с одной стороны, и от теории к эмпирии - с другой.

Эмпирическая схема учитывает декларированные (в частности, в Уставе общественной организации) цели и, отчасти, формы деятельности общественной организации, но, понятно, остаются в тени мотивы деятельности членов организации (участников движения), равно как и реально осуществляемые действия, акции (богатство форм которых вряд ли исчерпывается уставным перечнем). Общественное движение как массовая деятельность может и должно рассматриваться в аспекте его социальной и социально-психологической мотивации, в аспекте идеологическом (заявленные цели), в аспекте предметной направленности на изменение определенных сторон социальной жизни, в аспекте практических форм социального действия, влияния на общественные процессы, взаимоотношения с другими социальными институтами). Таково (далеко не исчерпанное здесь) реальное наполнение **ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО** момента в общественном движении.

14. Общественное движение как групповой социальный субъект предполагает аналитическое рассмотрение его социальной базы, социального состава и условий жизни непосредственных участников, а также сторонников (менее ангажированных, чем участники). Важная характеристика, в известном смысле, «визитная карточка» общественного движения - его лидеры. Механизмы взаимодействия, практического и информационного обмена с другими социальными субъектами, а также само по себе общественного движения как механизм субъективации социальной жизни [3] - все это, по-видимому, предмет анализа **СУБЪЕКТНОГО** момента в общественном движении.

15. Наконец, **ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ** момент в общественном движении является предметом социологического, организационно-управленческого и - в не меньшей мере - социально-психологического анализа. Не будем здесь дальше дифференцировать и конкретизировать этот предмет, указав лишь на общую логику эволюции общественного движения от отдельных спонтанных проявлений социальной активности, инициативного индивидуального поведения - к объединению, координации, взаимосвязи (генезис), от «суммы» однонаправленных социальных действий - к информационному и, далее, к практическому взаимодействию участников движения с выработкой общих целей; от слабо структурированных «неформальных» объединений - к более или менее жестким организационным принципам и структурам, вплоть до партий.

16. «Общественное движение» является, на наш взгляд, одним из ключевых понятий для исследования живого, развивающегося, не стагнирующего общества (не

случайно само это понятие практически отсутствовало в советской социологии 1960-1970-х гг.). Общество «развитого социализма», в сущности, не нуждалось ни в самостоятельности масс (будь то духовной или практической, а идеологическая полагалась даже преступной), ни в суверенных социальных субъектах (будь то групповой субъект или социально активная личность), ни в самоорганизации (последняя неизбежно входила в противоречие с административно-командной системой, управляющей обществом из единого центра с помощью совокупности «приводных ремней»). Квазидеятельность, квазисубъекты, квазиорганизация - вот реальная историческая антитеза современному общественному движению как деятельности, субъекту и организации.

17. Настоящие методологические заметки указывают лишь на один из возможных путей теоретической разработки проблематики общественных движений на отечественном материале. Среди аргументов в пользу изложенного исследовательского подхода стоит отметить его «разрешающую способность», или возможность практического применения для систематического описания того великого множества социальных фактов (явлений и процессов), которое ныне требует научного обобщения и осмысления в советской социологии общественных движений.

18. Первый, черновой эскиз изложенной модели концептуализированного описания общественных движений был предложен автором в октябре 1989 г. Однако представление его в нынешнем (тоже далеком от завершенности) виде стало возможным лишь в итоге творческих, научных контактов с коллегами - всеми авторами настоящего сборника.

Литература

1. Айдинян Р.М. Введение в теорию социальных организаций. Л., 1980.
2. Баранцев Р.Г. Системная триада - структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1988.
3. Костюшев В.В. Общественные движения в посткатастрофном обществе: процессы социальной субъективации // Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989-1990. М., СПбФ ИС АН СССР, 1992.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 931. (1989-1992)

(Алексеев А.Н. Опыт модели концептуализированного описания общественных движений / Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989-1990. М., СПбФ ИС РАН, 1992)

13.2. НОВАЯ ПРЕССА КАК ПРОДУКТ И ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

= Из сборника «Образ мыслей и образ жизни» (1996)³⁹³

Новая пресса: основные понятия и процессы

Радикальная трансформация «мира прессы» в России и сопредельных с ней странах, ранее входивших в состав СССР, происшедшая на рубеже 1980-х - 1990-х гг., позволяет говорить о возникновении качественно нового по сравнению с прежней «партийно-советской печатью» социального института. Для описания этой новой реальности нужна и новая система понятий.

Обновление прессы России и бывшего СССР происходило как за счет изменения учредительства, направления, «лица», часто - самих наименований «традиционных» периодических изданий (от центральных до районных), так и за счет возникновения

³⁹³ Статья была написана в 1992 г. Здесь публикуется в сокращении.

изданий совершенно новых, не имевших ни предшественников, ни аналогов в прессе прежних лет. Эти последние стали для нас специальным предметом исследования.

Обширный и разнообразный круг периодических и продолжающихся изданий, стартовавших после 1985 г., мы объединяем в рабочем понятии **НОВАЯ** или **НЕТРАДИЦИОННАЯ** пресса (в отличие от периодических изданий, имевших многолетнюю традицию функционирования в рамках советской информационно-пропагандистской системы).

Период «перестройки» конца 1980-х гг. ознаменовался взрывоподобным ростом нетрадиционной прессы, зарождавшейся в рамках как официальных, так и - особенно - неофициальных (так называемых неформальных) общественных структур. Во втором случае имел место феномен «независимой», «альтернативной», неподцензурной печати (эта часть новой прессы имела своим непосредственным предшественником правозащитный, литературный и прочий самиздат более раннего периода, когда даже чтение большинства таких изданий, не говоря уж о распространении, политически и уголовно преследовалось). Для обозначения этой категории новой прессы воспользуемся не требующим пояснений термином: **ПЕРИОДИЧЕСКИЙ САМИЗДАТ**.

В случае возникновения новых периодических изданий в рамках официальных или - по крайней мере - легальных общественных структур также зачастую наблюдались спонтанность и несанкционированность, но то была подцензурная пресса, и распространялась она (в отличие от самиздата) по официальным каналам. Эту категорию новой прессы будем называть **КВАЗИЛЕГИТИМНОЙ**. Последнее определение справедливо в двух отношениях. С одной стороны, квазилегитимная пресса была таковой, поскольку, как правило, ее зависимость от политической власти была слабее, чем у традиционных изданий. С другой стороны, вся советская печать (не только новая пресса) на протяжении десятилетий парадоксальным образом была «квазилегитимной», поскольку ее функционирование до принятия в 1990 г. Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» не имело правовой основы и регулировалось исключительно партией-монополистом у власти.

В 1990 г., когда была отменена предварительная цензура и вступил в действие первый советский закон о печати, это дало новый импульс развитию начавшихся еще до этого общественных процессов. Здесь ограничимся тем, что назовем четыре из них: 1) дальнейшая **эмансипация** прессы (ее выход из-под тотального идеологического и организационного контроля властных и политических структур, становления прессы в качестве самостоятельной социальной силы); 2) **диверсификации** прессы (имея в виду как политический, так и типологический, тематический, жанровый и т. д. плюрализм); 3) **коммерциализация** прессы (кстати, имевшая опережающий характер относительно многих других социальных сфер, еще до начала экономической реформы); 4) **легитимизация** прессы (регистрация средств массовой информации согласно Закону, и включение общецивилизационных механизмов ее правового регулирования).

На положение легитимных (зарегистрированных) изданий перешли многие «самиздатские» печатные органы (те, которые сумели к этому времени завоевать себе достаточно широкую или устойчивую аудиторию либо найти иной постоянный источник финансовой поддержки и т. п.). То же еще в большей мере относится к массе новой квазилегитимной периодики, что касается изданий, возникших в последние два-три года, то они, как правило, стартовали уже в качестве **ЛЕГИТИМНЫХ**, в полном смысле этого слова.³⁹⁴

³⁹⁴ Сведение **легитимности** к факту регистрации СМИ, согласно Закону о печати и т. п., вообще – узкую трактовку легитимности как существования органа массовой информации в правовом поле автор ныне полагает неправильными. Легитимность некоего социального института предполагает массовое признание законности, правомерности действий этого института (властного или иного). С этой точки зрения термины. **ЛЕГИТИМНАЯ** и **КВАЗИЛЕГИТИМНАЯ** пресса нельзя признать удачными. – А. А. Июль 2912.

Особой, характерной чертой новой прессы сегодня является то, что можно назвать **сменяемостью**. Срок жизни значительного количества новых, нетрадиционных периодических изданий не превышает года. В современных условиях рыночной конкуренции выживают немногие. На смену новым, прекратившим свое существование, приходят новейшие. И т. д.

Предложенная концептуальная схема представляется имеющей принципиальное значение для социологического анализа современной российской прессы. Существенно, что критериальное различение периодического самиздата, квазилегитимных и легитимных периодических изданий (в рамках новой прессы) вовсе не является умозрительным. Выделенные здесь категории или виды новой прессы легко идентифицируются, и классификация удобна к использованию также в научно-прикладных целях.

Социологическая модель взаимодействия общественного движения и его печатного органа

Становление новой прессы в России и бывшем СССР теснейшим образом связано с развитием общественных движений. Ниже предлагается попытка построения соответствующей социологической модели.

1. Общественное движение - это социальная общность, которая возникает на основе аналогичных мотивов и целей людей и в процессе деятельности частично превращается в общественную организацию с общими целями своих членов; общественное движение прекращает свое существование после реализации своих задач или исчерпания ресурсов (данное определение разработано А. Алексеевым и Р. Айдиняном).

2. Практически всякое общественное движение, особенно на этапе его кристаллизации» в общественные организации, продуцирует свой печатный орган (органы), выступающий по отношению к данному общественному движению в качестве способа идентификации, с одной стороны, и мобилизационного ресурса, с другой.

3. По мере развития общественного движения, его институционализации, сначала социально-содержательной, а затем и формально-правовой, происходит перераспределение приоритетов в функциях печатного органа (органов) общественного движения. Печатное издание выступает уже не только и не столько способом идентификации и самоорганизации общественного движения, сколько средством расширения сферы его влияния и завоевания общественного мнения.

4. Если на ранних стадиях институционализации общественного движения печатное издание, как правило, тесно встроено в это движение и в известном смысле совпадает с его идеологическим и даже организационным ядром, то по мере дальнейшего обретения общественным движением легитимного статуса и общественного влияния печатное издание обычно начинает стремиться к относительной самостоятельности в рамках структуры общественного движения, а иногда и к полной автономности.

5. Когда процесс автономизации печатного органа общественного движения заходит достаточно далеко, это фактически означает исчерпание общественным движением одного из своих важнейших мобилизационных ресурсов. Для общественного движения это одна из примет кризиса. Как правило, тогда происходит определенная «передислокация сил» и перераспределение ресурсов внутри движения, причем последнее может внести существенные коррективы в свои цели, либо даже прекратить свое существование.

6. Пресса общественных движений, как правило, поначалу заявляет себя как «независимая» от институтов власти и господствующих общественных структур, хотя и зависима от организационных структур движения. В случае же выхода из-под контроля этих последних она обретает новые формы зависимости (обычно экономические) от «внедвиженческих» общественных структур и социальных институтов.

7. Другим вероятным исходом описанного процесса является прекращение печатным органом своего существования, либо вместе с движением, либо вне его, в зависимости от конкретных условий эволюции того и другого. Исследование реальных обстоятельств развития общественных движений и независимой прессы» России и бывшего СССР второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. позволяет рассматривать настоящую модель, изложенную в терминах социологии общественных движений, как достаточно правдоподобную, хотя и требующую дальнейшей верификации.

Формирование эмпирического объекта исследования

Собранная в секторе социологии общественных движений СПбФ ИС РАН обширная коллекция новой прессы (нетрадиционных периодических изданий) России и других стран, расположенных на территории бывшего СССР [см. ниже: раздел ... - А. А.], будучи частью информационной базы сектора, является также самостоятельным эмпирическим объектом исследования. Взятая как целое, эта коллекция является собой представительную (по крайней мере, в рамках региональных квот) выборку всей новой прессы России и некоторых стран ближнего Зарубежья. С учетом «контрольной группы» (роль которой выполняет собрание образцов традиционной прессы) можно сказать, что весь «мир прессы» России и бывшего СССР второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. отражен в сформированном здесь эмпирическом объекте исследования.

К настоящему времени [1992 г. - А. А.] названная коллекция насчитывает в своем составе около 3,5 тыс. наименований новых (стартовавших после 1985 г.) периодических изданий, в том числе - свыше 1 тыс. наименований «периодического самиздата» Комплекты наиболее значимых печатных органов общественных движений являются практически полными. <...>

[По состоянию на 1.06.1999, Санкт-Петербургский архив-коллекция насчитывала свыше 10 тыс. новых периодических изданий; см. ниже: раздел - А. А.]

Конечно, вся это множество периодических изданий не может быть подвергнуто равно углубленному анализу. Поэтому выполнен ряд исследовательских процедур по формированию «малых» выборок, репрезентативных в том или ином отношении. <...>

[Наиболее значительной была предпринятая недавно, в рамках исследовательского проекта РГНФ «Типология печатных СМИ постсоветской России» (под руководством автора), 20-процентная случайная выборка новых газетных СМИ России из 6 тыс. представленных в Санкт-Петербургском архиве-коллекции периодических изданий этой категории. Выборка оказалась репрезентативной относительно генеральной совокупности газет Российской Федерации, периода возникновения с 1988 по 1998 г. См. раздел 13.7. - А. А. Сентябрь 2001].

К важным промежуточным результатам работы относится «субъектно-объектная» классификация новой прессы, которая предполагает группировку периодических изданий по критерию реальной либо условной отнесенности к соответствующему общественному движению (классу общественных движений). Заметим, что независимо от разного рода теоретических моделей и типологий, каждое из современных общественных движений принято обозначать по одному из 3-х критериальных признаков: а) общечеловеческая ценность или цель, на реализацию которой направлено общественное движение; б) социальная база движения, общественный субъект, «породивший» его для защиты своих групповых интересов; в) политико-идеологическая ориентация общественного движения.

Примеры (а): «зеленые» и экологи; религиозные движения; экокультурное движение; правозащитники; и т.п. Примеры (б): рабочее движение; новые профсоюзы; молодежные движения; женское движение; национальные движения; и т. п. Примеры (в): анархисты; коммунисты; социал-демократы; Движение Демократических Реформ; «Демократическая Россия»; и т. п.

Понятно, что возможны и обозначения, возникшие из объединения двух или даже трех критериев. Но для задач естественной классификации эти «исключения» не разрушительны. Классификация названа нами «субъектно-объектной», поскольку речь идет либо о «носителе деятельности» (общественном субъекте), либо о содержании деятельности, ее цели или предмете (объект).

Если периодический самиздат второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. может быть классифицирован по этому принципу, то задача усложняется для новой коммерческой, рекламно-информационной, «желтой», специализированной прессы, равно как и для множества новых муниципальных и «общеполитических» изданий. Чтобы охватить и эти случаи, оказывается достаточным внести пару десятков крупных рубрик (типа «Деловой мир», «Международные мосты», «Духовная культура», «Аномальные явления» и т.п.), а для общеполитических и муниципальных изданий ограничиться региональной рубрикой. Тогда вся новая пресса, которая не укладывается в «движенческую» классификацию, охватывается дополнительной тематической классификацией. Возможно также условное объединение (соотнесение) прессы «женского движения» со специальной «прессой для женщин», прессы «движения военнослужащих» с «военной прессой», и т.п.

Изложенные принципы классификации оказались удобными как для организации коллекции новой прессы (каталогизирование, информационный поиск), так и собственно для анализа прессы в связи с общественными движениями либо в качестве самостоятельного объекта исследования.

Социологическая интервенция: новый информационно-аналитический еженедельник. 1992

Группой сотрудников сектора социологии общественных движений СПбФ ИС РАН под руководством автора этих строк был осуществлен опыт своего рода социологической интервенции и «исследования отдельного случая» при создании нового информационно-аналитического еженедельника («Рейтинг»), спецификой которого, отличающей его от массы других периодических изданий СПб этого времени было совместное «делание газеты» социологическим и журналистским коллективами.

Будучи газетой частной, издаваемой на деньги одной из петербургских коммерческих фирм, однако без вмешательства издателя в направление газеты, «Рейтинг», выходящий с февраля по июнь 1992 г. (всего вышло 18 номеров) сумел (особенно к концу своего существования) задать некий эталон «антижелтой» прессы, замеченный также и за пределами СПб. В июле 1992 г. газета прекратила свое существование ввиду убыточности.

Социологи участвовали в газете в качестве ведущих авторов и научных консультантов. При этом не только опробовались некоторые организационные модели, но и проверялись исследовательские предположения относительно социальных механизмов становления, эволюции и гибели нового печатного органа в современных условиях. Осмысление результатов социологической интервенции будет предметом специальной разработки. Здесь ограничимся сообщением о факте ее проведения. Если не смешивать общественные результаты с научными, то данный исследовательский опыт был эффе́ктивным.

Методический плюрализм

Представляется перспективным соотнесение результатов разных, в известном смысле - диаметрально противоположных методов, каковыми являются, например, статистическая обработка и качественно-количественный анализ информационного массива коллекции новой (нетрадиционной) прессы, включающей несколько тысяч наименований периодических изданий, и - исследование отдельного случая с

социологической интервенцией («Рейтинг») в рамках анализа новой прессы России в связи с общественными движениями.

(Алексеев А.Н. Новая пресса как продукт и фактор общественных движений / Образ мыслей и образ жизни. М., СПбФ ИС РАН, 1996)

13.3. «СОЮЗ КОНЯ И ТРЕПЕТНОЙ ЛАНИ» (ГАЗЕТА "РЕЙТИНГ")

= Из газеты «Рейтинг» (апрель 1992)

<...> В конце марта 1992 г. в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН состоялось обсуждение первых номеров этого еженедельника. Уже из обращения «К читателю» в № 1 явствует, что наш институт имеет к новому изданию определенное отношение. Вот список сотрудников института, успевших напечататься в «Рейтинге»: В. Ядов, Б. Максимов, В. Гельман, Л. Кесельман, Б. Докторов, М. Мацкевич, П. Лебедев, И. Голосенко, О. Божков, А. Клецин (перечисляю не по алфавиту, и не по рейтингу, а в последовательности появления на страницах газеты). Начиная с № 7 на последней странице указывается фамилия научного консультанта номера. В этой роли по очереди выступают питерские социологи. В общем, не случайно именно в нашем институте - первое обсуждение.

Называть эту рабочую встречу социологов и журналистов «презентацией» можно только с оговорками. Критики там было больше, чем комплиментов. Это неплохо. А вот что критика преобладала над самокритикой - это, пожалуй, не очень хорошо. Да простят мне коллеги- социологи: они несколько «распушили хвост». Один из выступающих даже заметил, что достижения газеты - это заслуга главным образом социологов. А вот журналисты (*мол. - А. А.*) - подкачали. Более скромные журналисты возразили: одной социологией читатель сыт не будет. Нужно завоевывать более массовую, не столь искусственную аудиторию. Полагаю, что серьезные претензии могут быть предъявлены как тем, так и другим. Но лучше, если эти претензии будут обращены не только к партнерам, но и к себе.

Что радует в «Рейтинге»? Радует попытка молодого журналистского коллектива сделать газету, дающую пищу для читательских раздумий, а не просто набор горячих новостей и «жареных фактов». Радует круг авторов (не только социологов, но и политологов, экономистов, историков, философов), уже откликнувшихся на призыв газеты: *Multum, non multa* («Многое, а не много»). Радует стремление не конкурировать с другими изданиями в том, что составляет их (этих других изданий) специфику, а найти свою «социокультурную нишу» и **своего** читателя. Однако хватит радоваться. Поговорим лучше о том, от чего впору плакать.

Счет социологам. Создается впечатление, что некоторые из моих коллег- социологов полагают, что для газеты сгодится то, что либо можно, либо, напротив, нельзя опубликовать в профессиональном журнале. Большинство социологических статей заслуживает профессиональной критики, разворачивать которую здесь не буду, экономя газетную площадь. Что касается добротных социологических произведений, то они тоже не безупречны, но уже с точки зрения профессионально журналистской и особенности читательской психологии.

Только не уважающий себя (не говоря уж о читателе) социолог может позволить себе, например, излагать результаты массового опроса, не сообщив, где, когда и сколько человек опрошено, а также - насколько репрезентативна выборка. В социологических публикациях «Рейтинга», за редкими исключениями, анализа пока куда меньше, чем социологической «цифири», банальностей куда больше, чем научных откровений <...>.

Стоит признаться, что Якутию с Чукоткой в одной из статей перепутал именно социолог (а журналисты проглядели).

Счет журналистам. Моим коллегам-журналистам пока, к сожалению, не хватает необходимой для реализации их замыслов профессиональной сноровки и культуры. Перефразируя заголовок рецензии на первые номера «Рейтинга», опубликованной в № 6, можно сказать: «Планка поставлена высоко, но до нее еще нужно допрыгнуть». Одна неловкость за другой: то фамилию автора потеряют, то под одну рубрику загонят материал вовсе из другой, то главное наберут мелко, а второстепенное - крупно. Что ни номер - какая-нибудь шарада: как это понимать? Корректорских ошибок в первых номерах было изрядно. Теперь почти не осталось, но читатель скорее споткнется о непродуманную верстку, чем о банальную опечатку в тексте. Тревожит отсутствие системы в подборе материалов, в последовательности и способах их подачи. По выражению одного из читателей, «Рейтинг» пока еще больше похож на «дайджест», чем на издание, ведущее свою оригинальную линию.

Покаяние соучредителя <...>. Пора детищу становиться на ноги. И то, чего не делаешь сам, надо хотя бы помочь сделать другим. Тут вспомнишь и Марка Твена, и Сергея Довлатова, столь ярко живописавших свои злоключения в роли организатора печатного издания. «В одну телегу впрячь (*правильно, у А.С. Пушкина: «впрячь».* – А.А.) не можно коня и трепетную лань...» Социологический конь спотыкается, журналистская лань шарахается из стороны в сторону. Но телега все же движется и, возможно, не опрокинется.

Чем человек отличается от других приматов? По моему глубокому убеждению - тем, что способен смеяться не только над другими, но и над самим собой. Чего и желаю всем нынешним и будущим соучредителям газет <...>.

(Алексеев А. Союз коня и трепетной лани // Рейтинг, 1992, № 6; извлечение из статьи)

13.4. «РОССИЯ НА ИЗЛОМЕ» (СРЕЗ ВРЕМЕНИ НА 45 КВАДРАТНЫХ МЕТРАХ)

[Ниже – текст интервью автора настоящей книги, опубликованный в петербургской газете «На дне». Вела беседу Марина Дмитриева. Для данной публикации текст интервью сокращен и откорректирован автором. – А. А.]

= Из газеты «На дне» (май 1995)

В Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН пять лет назад возник архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений, недавно получивший название «Россия на изломе». Архивом пользуются социологи, политологи, историки, как российские, так и зарубежные. Он обеспечивает материалами различные исследовательские проекты. О своем детище рассказывает читателям петербургский социолог Андрей Алексеев.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ваш архив уникален. В нем собраны книги и периодические издания, плакаты и листовки, уставы и программы, другие документы политических партий и общественных движений...

А.АЛЕКСЕЕВ: Действительно, специализация нашего архива, точнее все же говорить - «архив-коллекция», это документы общественных движений и периодическая печать последнего десятилетия. Начали с того, что стали собирать так называемый «самиздат» периода перестройки. Но после отмены цензуры (1990 г.) возникла масса

новых, легитимных изданий. Кстати, некоторые из самиздатских - тоже легитимизировались. Характерный пример - «Экспресс-хроника». У нас есть первые ее номера 1988 года, на папиросной бумаге, их с трепетом берешь в руки. А теперь на эту газету можно подписаться на почте. Так вот, новая (любая) газета или журнал, появившиеся после 1986 года, - это наш «профиль». Этим наш архив отличается от многих других собраний или библиотек.

Вторая особенность: это все-таки не библиотека. Это - КОЛЛЕКЦИЯ, где «каждой твари по паре», этакий «ноев ковчег», репрезентирующий современный социальный универсум. Те 5 тысяч с лишним новых периодических изданий, которыми мы располагаем сегодня (в том числе - свыше одной тысячи самиздатских), представлены в архиве с разной степенью полноты. Периодические издания, которые нужны нам для текущей научной работы, имеются, как правило, в полных комплектах. Некоторые же наименования отображены всего десятком или даже меньшим количеством номеров, в качестве образцов.

Я и мои коллеги, организовавшие этот архив-коллекцию, занимались изучением общественных движений, притом что сами были в эти движения активно включены. Для начала объединили свои личные архивы. Первое время от Института социологии была небольшая бюджетная поддержка, для сбора научных материалов. А когда (в 1992 г.) финансирование прекратилось, все продолжалось уже просто на энтузиазме. Дары, личные пожертвования... До полусотни текущих периодических изданий мы выписываем, что-то покупаем в розницу, что-то извлекаем... буквально из макулатуры.

Институт в свое время выделил для этого архива помещение и стеллажи. Сам же архив-коллекция принадлежит как бы «всем и никому». Ну, если угодно, самим инициаторам и их добровольным помощникам, постоянным и эпизодическим вкладчикам. Короче говоря - наш архив существует и действует НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ.

- Что вы вкладываете в понятие «нетрадиционное издание»?

- Не сразу нашли определение. Скажем, у «самиздата» есть свои традиции, но относительно системы партийно-советской печати он, понятно, не традиционен. Неофициальная, вольная пресса существовала в нашей стране и в 60-70-е гг. Достаточно вспомнить «Хронику текущих событий». Был и так называемый «тамиздат» - издания, печатавшиеся за рубежом и потаенно распространявшиеся у нас. Сегодня это - «хлеб» скорее для общества «Мемориал» или для Музея политической истории. Как я уже говорил, нас интересуют прежде всего последние десять лет, «история современности». Именно тогда произошла ломка традиции.

Все, даже официальные издания после 1990 года (когда была отменена цензура), - НЕ ТРАДИЦИОННЫ, хотя бы уже в том смысле, что отсутствовала традиция массовой бесцензурной печати. В качестве формального критерия нами взято время возникновения периодического издания - от 1986 года и позже. Если печатный орган существовал и раньше, то он для нас как бы «не новый» (хотя такими изданиями мы тоже не пренебрегаем, и они широко представлены в образцах). Пожалуй, к настоящему времени определение «нетрадиционные» несколько устарело. Но семь лет назад, когда начинали, оно было точным.

- Вы сказали, что только новых периодических изданий в вашей коллекции порядка 5 тысяч. Вероятно, Вы лучше многих знаете, какие газеты, журналы выходят и где. Что наиболее интересно?

- Главный интерес для нас представляет прежде всего пресса политических партий, общественных движений и объединений, а также газеты и журналы с политической, культурной, социальной проблематикой. Многие социологические исследования сейчас ведутся с использованием качественно-количественных методов анализа текстов СМИ. Наш архив обеспечивает такую возможность. Вообще же, мы не пренебрегаем ничем, что несет в себе приметы времени.

- Есть ли у Вас личные пристрастия в «мире прессы»?

- Из современных петербургских газет я отдаю предпочтение, пожалуй, «Часу пик», «Невскому времени», «Смене».

- А из малоизвестных?

- К одному из таких периодических изданий я сам был причастен. Это - информационно-аналитический еженедельник «Рейтинг». Мы пытались создать газету, в которой активно участвовали бы социологи, политологи, культурологи. Я был одним из ее учредителей. Деньги давал издатель целой обоймы петербургских газет (все - скорее рекламно-информационного и развлекательного направления; «Рейтинг» среди них был «белой вороной»). Ну, вскоре издателю это надоело. Наша газета просуществовала первую половину 1992 года, успели издать лишь 18 номеров.

Была еще одна интеллектуальная газета, возникшая на базе Санкт-Петербургского университета, - «Слово и дело». Она была помощнее, чем «Рейтинг». Однако вышло тоже только номеров двадцать. Как правило, срок жизни таких не коммерческих периодических изданий не велик.

- В коллекции и книги, и другие печатные материалы...

- Мы располагаем большим количеством информационно-аналитических материалов, касающихся общественных движений, политической, социальной и культурной жизни России (и, отчасти, ближнего зарубежья). Таким собранием энциклопедий, словарей, справочников, как у нас, не может похвастаться даже институтская библиотека. Далее - профессиональная социологическая, экономическая, политологическая литература. Сюда перекочевали некоторые личные библиотеки ученых, в том числе моя собственная.

Но здесь не только издания для специалистов, а как бы «зеркало» всей общественной жизни последнего десятилетия. Широкий спектр исторических и философская трудов. Полнее представлены те авторы, которых не печатали в советское время. То же относится и к художественной литературе и публицистике. Естественный перекося в сторону специфики современной социокультурной ситуации. Поэтому на наших полках - и «фэнтези», и детективы. Сейчас очень популярна литература, посвященная эзотерическим проблемам - и ее немало... Иными словами, СРЕЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПЛАСТА современной России.

- Много ли специалистов пользуются архивом?

- Есть ближний и дальний круг пользователей. Ближний круг - сами организаторы, совет архива. Они же - главные вкладчики (дарители, жертвователи). Затем - сотрудники нашего института. Кроме того, ученые, работающие в других гуманитарных институтах и исследовательских центрах. Далее - активисты общественных движений. Стало правилом: человека, который что-то принес в наш архив, приглашают им пользоваться. А тому, кто начинает пользоваться, сразу хочется что-нибудь принести.

И последний круг пользователей - иностранные исследователи... Бывает, что приезжают к нам специально.

- А что приводит к вам активистов общественных движений?

- Многие из них не могут найти у себя даже собственных сочинений. Вообще, общественные организации довольно безалаберны: их архивы разрознены, хранятся зачастую по домам, материалы гибнут (особенно при переездах). Мы предлагаем передавать это нам.

В нашей коллекции, например, архив петербургской группы «Спасение», архивы клуба «Перестройка», Ленинградского Народного Фронта, некоторых политических партий, экологических движений, рабочего движения и т.д. Такого рода общественные и личные архивы мы берем на «вечное хранение». Если это достаточно целостное собрание

документов, то пишем: «архив такого-то...». Но если это просто «свалка», то, с согласия дарителя, рассредотачиваем материалы по своим предметным рубрикам.

- То есть ваш архив - место, в котором можно найти практически все?

- В нем можно найти все то, что в нем есть! Претендовать, чтобы было «все», - нельзя. Зато то, что есть, можно найти в течение двух-трех минут. Благодаря системе каталогов и разумно организованной «топографии» архива. А занимаются всем этим, включая сбор материалов, систематизацию и обслуживание пользователей, практически два человека: я сам и лаборант-исследователь В. Гольбрайх.

Мы не стремимся собрать «все», а стараемся спасти то, что человек, того гляди, выбросит... Если же знаем, что он сам будет это хранить, то и слава Богу. Но когда что-то гибнет, мы спасаем, если успеваем, конечно. Вот, с материалами из Белого дома, которые собирал для нас депутат Госдумы Н. Аржанников, в 1993 году опоздали...

- А бывает так, что к вам приходят за материалами для исследований или для справок, а у вас нужных материалов нет? Вы стараетесь как-то пополнять коллекцию?

- Занимаемся ли мы целевым поиском? И да, и нет. Ведь если начнешь специально собирать, скажем, документы «зеленых» движений или новых профсоюзов, то все остальное придется забросить. Иногда пользуемся помощью тех людей, которые обращаются к нам в архив. Адресуем их туда, где можно получить дополнительную информацию. И заодно - просим добыть что-нибудь и для нас. Или едет человек в командировку в какой-нибудь регион страны, привозит, что сумеет, для нашего архива. Но специально посылать кого-то для сбора материалов - ни средств, ни сил нет.

Все нужное само приплывает. Если чего-то в архиве-коллекции нет, значит - случая пока не было или «время еще не пришло». Рано или поздно приплывет. Я считаю: ЕСЛИ ЧТО-ТО ВЫРАСТАЕТ ЕСТЕСТВЕННО, ТО ЭТО ВЫРАСТАЕТ КРАСИВО.

(Россия на изломе (Срез времени на 45 квадратных метрах) // На дне, 1995, № 5(9), май)

...Организаторы Архива-коллекции считают, что затеянное ими научно-информационное предприятие уже сегодня формируется и дальше должно строиться по законам естественного, «организмического» развития (а не жесткого проектирования). Наш Архив-коллекцию можно уподобить растущему дереву, где нельзя предусмотреть, какая веточка проклюнется, почка распустится, но важно, чтобы корни обеспечивали нормальное питание из почвы, ствол не был искривлен и солнечный свет падал на крону...

(Из статьи «Об архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений СССР периода перестройки». 1993)

13.5. ИНФОРМАЦИЯ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ АРХИВЕ-КОЛЛЕКЦИИ

(Information on the St.Petersburg Archival Collection)

[Ниже - информационная справка о Санкт-Петербургском архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений (СПД АК), по состоянию на ноябрь 1998 г. – А. А.]

СПб АК - Санкт-Петербургский архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе / Russia in Transition»

Заложенный девять лет назад по инициативе группы исследователей общественных движений, наш Архив-коллекция стал ныне одним из самых крупных и представительных специализированных собраний информационных и аналитических материалов, относящихся к общественным движениям, политическим процессам и социальным изменениям в России от 1986 года до наших дней.

СПб АК включает в себя:

- коллекцию новой прессы России и других республик б. СССР (до 10 тыс. наименований разного рода периодических изданий, в том числе свыше 1,5 тыс. наименований «периодического самиздата»);

- коллекцию документов, относящихся к последнему десятилетию истории России и стран ближнего зарубежья, в частности - документов общественных объединений и массовых движений различной политической и социокультурной направленности;

- коллекцию книг по социологии, политологии, истории, научно-справочной литературы и публицистики о современных общественных процессах (на русском и иностранных языках).

Всего в СПб АК - около 500.000 ед. хранения (отдельные выпуски периодических изданий, документы, книги).

Все собранные в СПб АК информационные и аналитические материалы систематизированы; газеты, журналы, книги - отражены в алфавитном и предметном каталогах. Поиск любого из имеющихся экземпляров газетно-журнальной или книжной продукции или тематической группы документов занимает не более 3-5 минут.

СПб АК сегодня - это общественный научно-информационный центр, функционирующий в рамках Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Главным источником существования СПб АК являются личные средства его организаторов и регулярных пользователей.

Членами совета Архива являются: А. Алексеев, В. Воронков, В. Гельман, Л. Кесельман, В. Костюшев, А. Темкина, О. Цепилова.

Организатор и председатель совета Архива А. Алексеев
Октябрь 1998 г.

Адрес:

198005 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14, Институт социологии РАН, Алексееву А.Н.

Тел: (812) 112-65-33. Факс: (812) 316-29-29. e-mail:

Keselman@crpsp.spb.su (для Андрея Алексеева)

The St. Petersburg Archival Collection of Nontraditional Periodicals/Press & Documentation on Social Movements 'Россия на изломе / Russia in Transition'

Our archival collection originated nine years ago from an initiative of a group of the social movements researchers. Today it is one of the largest, most representative, and specialized collections of informational and analytical material relating to social movements, political processes, and social change in Russia from 1986 to the present day.

The archive contains:

- a collection of the new press in Russia and some neighbour states (about 10,000 titles of different types of periodicals and newspapers, including more than 1,500 samizdat titles);

- a collection of documents, relating to development in those countries during the past ten years, with a particular emphasis on documents from social organisations and mass movements of various political and sociocultural orientations;

- a collection of books on sociology, politics, and history, handbooks, and literature on contemporary social processes (both in Russian and other languages).

In total the archive contains about 500,000 items.

The informational and analytical material - newspapers, journals, books - is catalogued both alphabetically and by subject. The search for any paper/journal/book or for a file of documents can be completed in 3-5 minutes.

The Archive is a research-informational centre, operating within the Institute of Sociology (St. Petersburg branch) of the Russian Academy of Sciences. The main source of funding for the Archive is the private means of its organizers and users.

The members of the council of the Archive are: A. Alekseev, V. Voronkov, V. Gel'man, L. Kesel'man, V. Kostyushev, A. Temkina, O. Tsepilova.

The Head of The Council of the Archive A. Alekseev

October 1998

Address:

Russia, 198005, St. Petersburg, 7-th Krasnoarmeiskaya 25/14. Institut Sotsiologii, Alekseev A.N.

tel: (812) 112-65-33. Fax: (812) 316-29-29. e-mail:

Keselman@crpsp.spb.su (for Andrei Alekseev)

[Подробнее об Архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений, и в частности, о его дальнейшей судьбе см. коге: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог...», т. 2, раздел 7.9). – А. А.]

Ремарка: «Алексеевский архив»

В настоящее время Санкт-Петербургский архив коллекция «Россия на изломе» (СПб АК) вошел в состав фондов Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб). Там он обозначен как «Алексеевский архив». См.: <http://www.memorial-nic.org/alekseev.html>. На сайте НИЦ «Мемориал» (СПб) размещен электронный каталог газетной периодики (включая самиздат), хранящейся в этом архиве, который включает 9400 наименований: <http://www.memorial-nic.org/catalog.html>. Выложенная на сайте база данных выполнена в формате MS Excel.

К сожалению, будучи в полной сохранности, «Алексеевский архив» пока находится в законсервированном состоянии, каким был в период его перемещения из Социологического института РАН в НИЦ «Мемориал» в 2006-2007 гг. То есть в настоящее время чисто технически ограничен для доступа. (Июль 2012).

Если вы решили созерцать предметы с определенной точки зрения, в известном порядке, в известной системе, то даже если вы пошли наилучшей дорогой, вам никогда не достичь той широты знаний, на которую вы могли бы рассчитывать, если бы предоставили своему разуму идти самостоятельно, убедиться в фактах без посторонней помощи и самому образовать первую цепь соображений, выражающую порядок своих идей.

Бюффон («Естественная история, общая и частная, с описанием кабинета короля»)

...Ни иерархический, ни комбинативный принцип не могут рассматриваться как высшие принципы систематизации... Для конструкции высших, параметрических систем мы должны пользоваться какими-то более или менее априорными постулатами... Путь к определению параметров в значительной мере связан с «нащупыванием», многочисленными эмпирическими попытками построения систем... Важным этапом является комплексирование единичных признаков в более сложные... Из общего целостного принципа могут быть выведены все особенности элементов системы...

А. Любичев

13.6. ГАЗЕТНЫЙ МИР ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ

[Ниже - фрагменты одноименной статьи, опубликованной в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» (1998, № 3). Здесь публикуется в сокращении. – А. А.].

= Из «Вестника Московского университета» (1998)

Современная российская пресса представляет собой многосложный социальный организм, претерпевший, по сравнению с прессой советского времени, радикальные трансформации - не только социально-экономические и общественно-политические, но также и структурные, и функциональные, и типологические. Проблема построения типологии печатных средств массовой информации (печатных СМИ), и в частности - газетной периодики постсоветской России, является весьма актуальной, и в собственно-научном, и в научно-практическом отношениях.

Возможны различные подходы к решению этой проблемы (не исключая, а дополняющие друг друга). Один из них - теоретико-методологический по преимуществу, исходящий из некоторого системного представления о социальном институте периодической печати (работы А.Г. Бочарова, Е.А. Корнилова, Е.П. Прохорова, Л.Л. Реснянской, И.Д. Фомичевой, М.В. Шкондина и др.). Другой подход (назовем его «монографическим») - исследование отдельных типов (или видов) газетно-журнальной периодики, например: региональной прессы, деловой прессы, женской прессы, детской прессы, экологической прессы, аграрной прессы, религиозной прессы и т.д. (см. работы Л.В. Кашинской, В.С. Кулева, И.А. Руденко, В.И. Сапонова, Л.В. Седовой, В.Е. Стяжкина, Р.М. Ямпольской и др.). Оба эти подхода хорошо представлены, в частности, в работе «Типология периодической печати», подготовленном коллективом исследователей факультета журналистики Московского университета [1].

Особенностью настоящей работы является попытка эмпирического типологического исследования, имеющего своим объектом если не весь «мир прессы» современной России, то, по крайней мере, всю газетную периодику, и, в частности, множество газет, возникших за последние 6-7 лет и являющихся представителями новых (становящихся) и/или воспроизводящихся сегодня газетных типов. Своей перспективной задачей мы считаем построение эмпирически верифицированной (соответственно, поддающейся верификации) типологии современной российской прессы, с учетом всего многообразия и динамики развития этой прессы. Ниже излагается наш подход к решению указанной задачи.

Как репрезентировать такой эмпирический объект, как вся совокупность периодики современной России? Общероссийскую выборку печатных СМИ в принципе можно производить по каталогам крупнейших отечественных библиотек, по подписным каталогам «Роспечати», наконец, по совокупности регистрационных документов в Комитете по печати РФ и соответствующих региональных инспекциях. Однако все эти способы выборки, во-первых, очень трудоемки, а во-вторых - вовсе не обеспечивают полной репрезентации «мира» газетной прессы.

Так, например, государственной регистрации не подлежат периодические издания тиражом менее 1 тыс. экз. Значительная часть изданий распространяется только в розницу, стало быть - не отражены в подписных каталогах. Что касается книгохранилищ, то даже крупнейшие из них, по имеющимся ориентировочным оценкам, получают положенные им обязательные экземпляры, в частности, периодики, лишь в половине случаев. Дело еще осложняется тем, что «век жизни» множества печатных СМИ недолог. В общем, сама по себе генеральная совокупность российской прессы оказывается своего рода «нечетким множеством».

По данным государственной статистики, в 1994 г. в России издавалось около 7 тыс. периодических и продолжающихся изданий, а в 1995 г. этот показатель вырос до 7,5 тыс. [2, с. 190]. Однако эта статистика заведомо неполна. Достаточно сказать, что на 1994 г. государственной статистикой было учтено немногим более ста петербургских газет [3, с. 91]. Между тем, изданный еще в 1992 г. местный справочник включал в себя в три раза большее количество наименований петербургской газетной прессы [4]. (Здесь, разумеется, сказываются и разные критерии отбора единиц регистрации, применяемые разными информационно-справочными службами).

По данным Всероссийского института печати и массовой информации, на конец 1994 г. в России выходило около 10 тыс. периодических изданий [5, с. 53]. Эта цифра более правдоподобна, хотя с учетом не зарегистрированных изданий а также являющихся относительно самостоятельными приложениями к зарегистрированным - получилось бы, вероятно, больше. Следует еще иметь в виду, что в госстатистике обычно приходится иметь дело с так называемыми моментными наблюдениями (на определенный год). Нас же интересуют периодические издания, выходявшие на протяжении всей «новейшей» истории России (1990-е гг.). Таких, по нашей собственной (сугубо «экспертной» и приблизительной!) оценке, может оказаться свыше 20 тыс. наименований (газет и журналов вместе).

Итак, корректная, репрезентативная выборка из генеральной совокупности печатных СМИ современной России, издававшихся за последние годы, оказывается делом весьма проблематичным (уже в силу неопределенности самой этой генеральной совокупности). Однако первоочередным требованием к выборке для типологического исследования является вовсе не формальное воспроизведение всех структурных соотношений «мира прессы», а прежде всего - сам факт присутствия в выборке всех существующих видов (типов) периодических изданий. Конечно, было бы неплохо, чтобы все категории изданий были представлены в выборке в реалистических пропорциях. Но в данном случае это скорее желательно, чем обязательно.

Как нам представляется, задачам типологического исследования соответствует заложенный восемь лет назад и постоянно пополняющийся фонд новой прессы России в Санкт-Петербургском архиве-коллекции «РОССИЯ НА ИЗЛОМЕ». Этот архив-коллекция, организованный на общественных началах, функционирует в рамках СПб филиала Института социологии РАН [6, с. 639-648]. В этом фонде, по состоянию на конец 1997 г., представлено свыше 9 тыс. *[по состоянию на конец 1998 г. - свыше 10 тыс. - А. А.]* наименований периодических и продолжающихся изданий России и ближнего Зарубежья (в том числе - около 8 тыс. новых изданий, возникших за последнее десятилетие). Некоторые печатные СМИ наличествуют в нашем фонде в полных комплектах (за 8-10 лет). Остальные - в виде образцов (от трех-пяти до нескольких сотен

номеров или выпусков). Коллекция каталогизирована, оснащена элементарными (но достаточно эффективными) средствами информационного поиска и, несмотря на размеры, весьма удобна для пользования и обозрения.

Упомянутый фонд, по-видимому, можно рассматривать как «естественную» выборку, в частности, новых печатных СМИ современной России. Однако для наших целей такая масштабная выборка (несколько тысяч наименований) избыточна. Возможна и оправдана «выборка из выборки». На первом этапе исследования нами была осуществлена 10-процентная случайная выборка (шаг 10 – по алфавитному каталогу) российских периодических изданий – только газет, возникших в период 1991-1997 гг. Эта «выборка первого этапа» составила 410 единиц наблюдения. <...>

Заявленный нами выше эмпирический подход вовсе не предполагает «теоретического нигилизма». Автором этих строк в свое время разрабатывалась социологическая модель массовой коммуникации [6], из которой выводится следующая принципиальная схема типологического описания конкретного периодического издания: а) СМИ как социальный субъект; б) предмет информационного отражения (область внимания СМИ); в) способ отбора, организации и распространения информации; г) социальный адрес информации (характер и масштаб аудитории, ареал распространения); д) социальные функции СМИ.

К методическим средствам реализации вышеописанного исследовательского замысла относятся: а) признаковая анкета (в данном случае - адресуемая к документу, т. е. к комплекту или образцам отдельного печатного СМИ); б) экспертные процедуры (для установления отдельных признаков, для отбора наиболее информативных показателей или для формирования производных показателей).

Если концептуальная схема нашего наблюдения и анализа была задана из неких общих теоретических соображений и предположений (см. выше), то методическая реализация этой схемы (ее операционализация, разработка признаковой анкеты) потребовала проб, пилотажа, методического эксперимента. На первом этапе исследования была избрана «тактика» минимально формализованного целевого описания конкретного периодического издания. Эти качественные описания-аннотации полностью (текстами до нескольких тыс. знаков) вводились в электронную базу данных. С такой степенью подробности были описаны свыше 200 периодических изданий (из числа попавших в выборку). На базе обозрения и содержательного анализа совокупности упомянутых описаний-аннотаций разрабатывалась признаковая анкета. Эта последняя систематически адресовалась уже ко всем изданиям, вошедшим в «выборку первого этапа».

Наша признаковая анкета для периодического издания включает в себя следующие основные позиции (не в порядке значимости, а в последовательности их расположения в методическом документе): 1) периодичность; 2) ареал распространения; 3) уровень регистрации; 4) состав и типы учредителей; 5) социально-информационные функции; 6) область информационного внимания (предмет отражения, тематика); 7) насыщенность местной информацией; 8) социальный адрес (характер аудитории); 9) тиражность. Некоторые позиции нашей признаковой анкеты имеют вид шкалы (номинальной или порядковой). Некоторые - включают в себя фактически по несколько шкал (неальтернативный «вопрос»).

В итоге было получено комплексное формализованное описание каждого из периодических изданий, вошедших в «выборку первого этапа». Электронная база данных обеспечивает возможность как оперативного поиска любой из единиц наблюдения (или их группы), так и необходимых статистических процедур (включая построение двух- и трехмерных таблиц).

Дальнейший подход к типологическому анализу можно было пытаться осуществлять средствами математической статистики (скажем, применить технику

факторного анализа или распознавания образов). Нами был избран другой путь: экспертное определение типов (или видов) печатных СМИ, с учетом имеющегося «формально-содержательного» портрета всякого данного периодического издания. Дело в том, что характеристики издания, фиксировавшиеся нашей признаковой анкетой, далеко не равнозначны для определения типа. Выбор приоритетных для решения этой научной задачи признаков требует особого теоретико-методологического обоснования.

Вопрос о типобразующих признаках печатных СМИ имеет давнюю традицию своего решения в отечественной научной литературе. Здесь не будем слишком углубляться в историю. В предлагаемой Э.В. Гольцевой и ее коллегами из НИИ книги, модели издания (любого!) в качестве основных типобразующих элементов выдвигаются: функциональное назначение; читательский адрес; характер информации; конструкция (издания) [7, с. 18]. Эта модель используется авторами коллективной монографии «Типология изданий» в качестве методологического ориентира для описания всего «мира» изданий (печатной продукции).

Что касается типологических изысканий, относящихся собственно к периодике, то здесь уместно сослаться прежде всего на опыт работы группы исследователей из Московского университета. Так, М.В. Шкондин к основным типоформирующим факторам печатного СМИ относит: характер аудитории; целевое назначение издания; характер передаваемой информации; а к «другим» (дополнительным) типологическим признакам: периодичность; время выхода; объем издания; формат издания [1, с. 10]. Е.П. Прохоров выдвигает в качестве главного типобразующего фактора - «аудиторную направленность», от чего, как справедливо отмечает этот автор, в значительной мере зависят: проблемно-тематическая направленность; социальная позиция СМИ; линия поведения относительно других СМИ [1, с. 17]. А.Г. Бочаров предлагает рассматривать в качестве типобразующих (для журналов, но применимо и для всей периодической печати) следующие параметры: характер аудитории; предмет или отражаемая сфера действительности; целевое назначение журнала; родовая принадлежность журнала (определяемая «взаимодействием предмета и цели»); характер изложения [1, с. 31]. Выдвигая в качестве типобразующих признаков периодического издания целевое назначение, аудиторную направленность, предмет отражения и т. п., все названные авторы отводят второстепенную роль таким, казалось бы, имманентным нашему объекту признакам, как периодичность или тиражность. Не углубляясь здесь в эту проблему, заметим, что мы солидарны в данном вопросе с названными авторами.

С учетом всего сказанного и опираясь на собственную социологическую модель массовой коммуникации (см. выше), нами сделан методологический выбор в пользу субъекта-организатора (тип учредителя), области информационного внимания (предмет отражения, тематика), социального адреса (характер аудитории) и социально-информационных функций периодического издания, как типобразующих признаков печатного СМИ. Надо сказать, что именно эти признаки труднее всего поддаются формализации. Соответствующие «параметры» в упомянутой выше признаковой анкете не сводимы к одной шкале (как в случае тиражности или периодичности).

Так, в качестве соучредителей одного и того же печатного органа могут выступать: государственная власть и бизнесструктура, общественная организация и ведомство, журналистский коллектив и рекламное агентство, а также всевозможные комбинации, сочетания названных и не названных здесь социальных субъектов. Понятно, что идентификация «субъекта-организатора» и последующий типологический анализ при этом существенно усложняются.

Область информационного внимания (или предмет отражения) представляет не меньшие трудности для идентификации. Периодическое издание может быть универсальным по своему содержанию, политематическим или монотематическим.

Своего рода промежуточной между «многотемьем» и «однотемьем» является ситуация, когда орган печати предоставляет читателю информацию о достаточно широком круге явлений, но под определенным углом зрения (в определенном ракурсе), высвечивая в каждом отображаемом явлении специфический для данного СМИ (особо интересующий его аудиторию) аспект.

Пример. Одно периодическое издание посвящено исключительно проблематике здоровья, как таковой, узко специализировано на этой теме, а другое - предъясняет читателю панораму общественных явлений, но высвечивая, выделяя в каждом из них аспект защиты или охраны здоровья людей. В том и другом случае правомерно говорить о «здоровье людей», как об области информационного внимания. Но в первом случае издание монотематично, а во втором имеет место соответствующий ракурс в политематическом, по существу, издании. Но вот ту же тему, уже не в качестве единственной (или главной), а наравне с множеством других, находим в «не акцентуированном» политематическом или универсальном издании. Для такого органа печати областью информационного внимания, понятно, выступает уже «социальная жизнь в целом».

Предмет отражения обычно существенно обусловлен социальным адресом. Например, так называемая «женская пресса», будучи адресована преимущественно женской аудитории, как правило, рассматривает вопросы, отвечающие информационным интересам и потребностям данной категории читателей. В этом смысле можно говорить о «мире женщины», как области информационного внимания прессы для женщин. Мы ограничились здесь лишь несколькими примерами идентификации области информационного внимания. Список потенциальных предметов отражения в нашей признаковой анкете значителен (что станет видно из приводимого ниже типологического эскиза).

И наконец, идентификация социально-информационных функций периодического издания. Эта задача в эмпирических исследованиях «мира прессы», насколько нам известно, пока не ставилась. Здесь предпринят подход к ее решению, в особенности - с учетом особой важности этого параметра именно для типологического анализа. Случаи монофункционального СМИ, реализующего лишь какую-то одну из возможных социально-информационных функций, в нашей выборке оказались исключительно редкими (например, развлекательная функция в издании, не содержащем ничего кроме анекдотов). Вообще, по нашим наблюдениям, один и тот же печатный орган, как правило, совмещает в себе три-пять и даже больше социально-информационных функций.

Для более точной функциональной характеристики периодического издания в признаковой анкете было введено разграничение приоритетных (ведущих) и, так сказать, второстепенных (подчиненных) функций - для всякого отдельно взятого печатного СМИ. (При этом было задано рабочее правило экспертной оценки:

- количество приоритетных функций не должно превышать трех). Ниже будет приведен перечень возможных социально-информационных функций, фиксировавшихся в нашем систематическом наблюдении. Особо оговорим, что этот перечень функций является не «априорным» (почерпнутым из какой-либо из известных теорий массовой коммуникации или журналистики), а сформирован опытным путем, посредством «непредвзятого» рассмотрения и погружения в объект, через систематические качественные описания-аннотации конкретных СМИ, вошедших в выборку.

(Дело еще и в том, что в поисковом эмпирическом исследовании, каковым является наш типологический анализ, необходима не просто операционализация некоей теоретической схемы, а как бы встречное движение от теории к эмпирии и от «живой реальности» объекта к модельному, теоретическому представлению). <...>

Литература

1. Типология периодической печати. Проблемы и тенденции развития типологической структуры современной периодики. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
2. Социальная сфера России. Статистический сборник. - М.: Госкомстат России, 1996.
3. Печать Российской Федерации в 1994 году. Статистический сборник. - М.: Российская книжная палата, 1995.
4. Волков В.Е., Крыница Л.И., Туркевич И.Б. Новый Петербург. Справочник. - СПб: «Корвет», 1992.
5. Дзялошинская М. Штрихи к статистическому портрету российской прессы // Журналист, 1995, № 1.
6. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. - М.: Институт социологии РАН, 1997.
7. Алексеев А.Н. Массовая коммуникация как объект социологического исследования (вопросы развития теории) / Массовая коммуникация в социалистическом обществе. - Л.: Наука, 1979.
8. Типология изданий. - М.: Изд-во «Книжная палата», 1990.

Автор признателен сотрудникам кафедры социологии журналистики Московского государственного университета за заинтересованное и конструктивное обсуждение настоящей работы. (Январь 1998 г.)

(Алексеев А.Н. Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1998, № 3).

[Здесь опущена вторая часть статьи, посвященная описанию результатов анализа типологической структуры новой российской газетной прессы, на материалах малой выборки (N=410) из фондов Санкт-Петербургского архива-коллекции «Россия на изломе». В нижеследующем разделе 13.7 соответствующий анализ производится на материалах более масштабной выборки (N=1219), позволяющей не только выявить типологическую структуру новой газетной прессы, но и проследить динамику этой структуры за десятилетие 1988-1997 гг. - А. А.]

13.7. НОВАЯ РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ (1988-1997 гг.)

= Из журнала «Телескоп» (1999, № 1)³⁹⁵

В настоящей работе³⁹⁶ будут представлены и обсуждены результаты эмпирического исследования структуры и динамики «газетного мира» современной России. При этом главный упор будет сделан на типологической структуре новой российской газетной прессы и на тенденциях изменения этой структуры за период 1988-1997 гг.

³⁹⁵ Электронную версию этой статьи см. на сайте журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев»: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/>. Точечный адрес - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202497597234485file.pdf.

³⁹⁶ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 97-03-04350).

1. Эмпирический объект исследования и проблема выборки³⁹⁷

Ясно, что непосредственно охватить социологическим наблюдением такой эмпирический объект как вся совокупность газетной периодики современной России, и даже только новую газетную прессу (печатные СМИ, возникшие за последнее десятилетие) невозможно. Здесь встает проблема способа организации выборки. Причем выборки, согласно нашему замыслу, ОБЩЕРОССИЙСКОЙ.

Такую выборку в принципе можно производить по каталогам крупнейших отечественных библиотек, по подписным каталогам «Роспечати», наконец, по совокупности регистрационных документов в Комитете по печати РФ и в соответствующих региональных инспекциях. Однако эти способы выборки вовсе не обеспечивают полную репрезентацию существующего «мира» газетной прессы.

Так, государственной регистрации, а стало быть и статистическому учету, не подлежат печатные СМИ с тиражностью до 1 тыс. экз. Значительная часть изданий (распространяемые только в розницу) не отражена в подписных каталогах. Что касается книгохранилищ, то даже крупнейшие из них, по имеющимся приблизительным оценкам, получают положенные им «обязательные» экземпляры, в частности, периодических изданий - лишь в половине случаев [1, с. 53].

Здесь заметим, что ознакомление *de visu* с каждым вошедшим в выборку периодическим изданием (даже если бы такую выборку удалось сформировать по каталогам или как-либо иначе) было бы слишком трудоемким в книгохранилище, где такое издание, возможно, и имеется. Ведь выборка из генеральной совокупности газетной прессы (центральной, региональной, районной, низовой, разной тиражности, периодичности, уровня регистрации и т.д.) должна быть достаточно крупной и дифференцированной.

Дело еще осложняется тем, что «век» множества печатных СМИ короток. Тривиальной является ситуация, когда издание прекращает свое существование через несколько месяцев после выхода первого номера. Вообще, генеральная совокупность печатных СМИ России (в частности, газет) является своего рода «нечетким множеством».

По данным государственной статистики, в 1994 г. в России издавалось около 7 тыс. периодических и продолжающихся изданий, в том числе 4526 газет. В 1995 г. эти показатели выросли: около 7,5 тыс. изданий, в том числе 5101 газета [2, с. 190]. Однако приведенная статистика заведомо неполна. Достаточно сказать, что, по данным той же госстатистики, число петербургских газет, вышедших в 1994 г., составляет немногим более 100 [3, с. 91]. Между тем, изданный еще в 1992 г. местный справочник включал в три раза большее количество наименований питерских газет [4]. При том, что многие периодические издания прожили недолго, их итоговое количество от 1992 к 1994 г. скорее увеличилось, чем уменьшилось. (Тут, разумеется, сказываются и разные критерии отбора единиц наблюдения и регистрации, применяемые разными информационно-справочными службами).

По данным ВИПМИ (Всероссийского института печати и массовой информации), на конец 1994 г. в России выходило около 10 тыс. периодических изданий (включая как газеты, так и журналы). [1, с. 53]. Эта цифра более правдоподобна, чем данные госстатистики, хотя, с учетом не зарегистрированных изданий, а также таких, которые являются относительно самостоятельными периодическими приложениями к зарегистрированным, получилось бы, вероятно, больше.

Следует еще иметь в виду, что в госстатистике обычно имеем дело с так называемыми «моментными» наблюдениями (на конец года). Нас же интересует общее количество печатных СМИ, вышедших на протяжении всей «новой» истории России

³⁹⁷ В данном параграфе статьи имеют место некоторые почти дословные повторения из текста предыдущего раздела (13.6). Автор счел возможным их сохранить здесь – в интересах обеспечения целостности читательского восприятия статьи, являющей собой итоговый отчет по указанной теме. – А. А. Июль 2012.

(с конца 1980-х гг. по настоящее время). Таких, по нашей собственной, сугубо «экспертной» и приблизительной оценке, может оказаться до 25 тыс. наименований, в том числе - до 15 тыс. газет. Эта наша оценка вряд ли приуменьшена. По свидетельству председателя Северо-Западного регионального управления Госкомпечати РФ Ю. Третьякова, только по Санкт-Петербургу зарегистрировано свыше 1,9 тыс. печатных СМИ! В 1997 г. Северо-Западным управлением регистрировалось от 40 до 80 изданий ежемесячно [5, с. 5]. Итак, корректная, репрезентативная выборка из генеральной совокупности печатных СМИ современной России, выходящих за последнее десятилетие, оказывается как будто невозможной, уже в силу неопределенности самой этой генеральной совокупности.

Нами первоначально и не ставилась задача формирования такой выборки. Свою задачу мы видели в выявлении основных ТИПОВ современной российской газетной прессы, имея в виду, что по сравнению с прессой советского времени, представлявшей собой строго очерченную и государственно контролируемую структуру, «мир прессы» постсоветской России являет собой принципиально новый, и в социально-экономическом, и в общественно-политическом отношении, а также структурно, функционально и типологически радикально изменившийся социальный институт. Отсюда, в качестве первоочередного требования к выборке нами выдвигалось не репрезентация региональных, хронологических и т.п. соотношений «газетного мира», а прежде всего - достаточная представленность в «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев № 1, 1999 3 этой выборке всех сложившихся к настоящему времени газетных типов. (Конечно, было бы неплохо, чтобы все категории печатных СМИ были представлены в такой выборке в реалистических пропорциях. Но в данном случае это полагалось скорее желательным, чем обязательным).

Решению поставленной задачи, как нам представляется, вполне удовлетворяет собранный нами за 10 лет и постоянно пополняющийся фонд новой прессы России в Санкт-Петербургском архиве-коллекции «РОССИЯ НА ИЗЛОМЕ» (в дальнейшем будем говорить: СПбАК). Этот архив-коллекция, организованный на общественных началах, функционирует в рамках Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН [6, с. 639-648; 7, с. 52-58]. В СПбАК, по состоянию на 1 ноября 1998 г., представлено свыше 10 тыс. наименований периодических изданий (в том числе - около 8,5 тыс. российских и около 1,5 тыс. изданий ближнего Зарубежья). В подавляющем большинстве - это НОВЫЕ печатные СМИ, возникшие в период 1988-1997 гг. Среди них свыше 1,5 тыс. составляют издания, не проходившие государственной регистрации: альтернативная пресса конца 80-х - начала 90-х гг. (так называемый «самиздат»), а также современные газеты и журналы, выходящие тиражом менее 1 тыс. экз. Некоторые печатные СМИ представлены в нашем архиве-коллекции полными комплектами (от начала выхода издания). Остальные - в виде образцов (от двух-пяти до нескольких сотен номеров или выпусков). Коллекция каталогизирована, оснащена элементарными (но достаточно эффективными) средствами информационного поиска и, несмотря на внушительные размеры, весьма удобна для пользования и обозрения.³⁹⁸

Ряд обстоятельств, а именно - множественность и разнообразие источников комплектования фонда новой прессы в СПбАК, регулярность и высокая интенсивность его пополнения (в среднем за месяц поступает свыше 100 ранее отсутствовавших в фонде наименований), давал основания надеяться не только на отображение всего типологического многообразия современной российской газетной прессы, но также и на репрезентативность этой коллекции по основным структурным параметрам, относительно «газетного мира» современной России. Нельзя ли рассматривать наш самодеятельный фонд как «естественную» выборку новых российских печатных СМИ (в дальнейшем

³⁹⁸ См. выше: раздел 13.5, ремарка «Алексеевский архив»

будем иногда говорить: новой российской прессы), репрезентирующий эту «информационную вселенную» в целом?

Одних только газет, возникших в России в период 1988-1997 гг., в фонде Санкт-Петербургского архива-коллекции «Россия на изломе», по состоянию на 1 ноября 1998 г., свыше 6 тыс. наименований. Для целей нашего анализа была произведена случайная 20-процентная выборка из названного фонда (шаг 5, по алфавитному каталогу), так сказать - «выборка из выборки», составившая 1219 наименований НОВЫХ российских газет. (Оговорим, что переименованные печатные СМИ нами к «новым» не причислялись, за исключением случаев, когда, пусть даже при очевидной преемственности, вроде «Ленинградская правда - Санкт-Петербургские ведомости», газетное издание начинало вести счет своим номерам «от нуля», с момента переименования).

2. Параметры выборки. Структурные соотношения новой российской газетной прессы

На материале упомянутой выборки была сформирована электронная база данных, с использованием программы «Библиотека 4.0» (предназначенной для нужд библиографирования, однако адаптированной нами для целей социологического описания прессы). «Признаковая анкета» включала позиции, фиксировавшиеся как путем формализованного наблюдения, так и экспертным путем. Рассмотрим контрольные параметры нашей выборки.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. Признаться, мы не ожидали, что эта структура окажется столь близкой к региональной структуре генеральной совокупности новой российской прессы, насколько об этой совокупности все же можно судить по разным (в основном - косвенным) источникам.

В качестве одного из таких источников нами были взяты ежегодные выпуски Государственного библиографического указателя РФ [8]. К сожалению, выпуски «Летописи...» выходят с опозданием и с пропуском каждого последнего года пятилетнего учетного периода (так, данные о 1990 и 1995 гг. можно извлечь только из обобщающих томов за пятилетие; между тем, за пятилетний учетный период 1991-1995 гг. такой том Книжной палаты еще не вышел). Отсюда, пришлось воспользоваться выпусками названного библиографического указателя только за 1991-1994 гг., что делает сопоставление со сформированной нами выборкой (1988-1997 гг.) не вполне корректным. (Ниже результаты этого сопоставления все же будут предъявлены).

Другим - косвенным - источником может служить статистика периодической печати, отражающая выпуск газет за определенный год, в региональном разрезе. В частности, мы воспользовались данными специализированного статистического сборника за 1989 г. [9]. Понятно, что региональные соотношения количества новорожденных печатных СМИ не должны слишком отличаться от «базовых» региональных пропорций...

Наконец, в поисках способов верификации региональной структуры нашей выборки был взят еще один, «совсем косвенный», однако оказавшийся информативным источник. А именно - данные о численности российского электората, по регионам, по состоянию на июнь 1996 г. [10]. Дело в том, что численность электората в регионе (естественно, коррелирующая с численностью населения) некоторым образом характеризует «удельный вес» региона в совокупности социальных процессов страны, к каковым несомненно относится производство и распространения массовой информации. (Понятна вся условность сопоставления «информационной активности», выраженной в количестве новорожденных газет, с численностью электората, и все же...).

Одно существенное замечание. Следует иметь в виду, что особое, «привилегированное» место во всякой региональной структуре занимает столица (Москва), а также - «вторая столица» (Санкт-Петербург), распространяющие свое влияние, в частности, информационное, далеко за пределы центра, каковым они

выступают относительно «провинции», или периферии. Поэтому в наших расчетах данные по Москве и Санкт-Петербургу, «вынесены за скобки». См. таблицу 1.

Таблица 1

Региональная структура выборки российских газет, возникших в период 1988-1999 гг., в сопоставлении с другими региональными показателями

Регион	Удельный вес региона в...			
	выборке СПбАК - новые газеты (1988-1997)	Летописи Кн. палаты РФ - новые газеты (1991-1994)	статистике печати РФ (1989)	электо- рате РФ (1996)
РФ (всего)	1219	1099	4772	107,977 млн
Москва	24,5	28,4	4,7	6,3
Санкт-Петербург	13,8	5,6	2,4	3,4
Другие регионы	61,6	66,0	92,9	90,3
РФ, без Москвы и СПб (всего)	721	725	4434	97,395 млн
Север России	5,8	5,0	3,9	4,4
Северо-Запад (без СПб)	4,4	4,8	3,0	3,4
Центр России (без Москвы)	16,0	14,2	20,0	17,0
Волго-Вятский район	5,4	7,3	7,2	6,4
Центрально- Черноземный район	5,8	5,3	6,1	6,1
Поволжье	14,1	15,2	12,0	12,7
Северный Кавказ	13,7	12,7	9,1	12,6
Урал	12,5	12,6	16,0	15,0
Западная Сибирь	10,6	11,2	11,3	10,9
Восточная Сибирь	5,9	6,0	6,0	6,3
Дальний Восток	5,8	5,6	5,4	5,3

Примечание: Наше подразделение на регионы соответствует подразделению, принятому в госстатистике. Калининградская обл., обычно не включаемая госстатистикой ни в один из регионов, условно отнесена к Северо-Западу.

Как видим, региональная структура нашей выборки российских газет, возникших за последнее десятилетие, достаточно близка не только к региональной структуре новой газетной периодики 1991-1994 гг., представленной в Летописи периодических и продолжающихся изданий, но и (пожалуй, даже ближе!) к региональной структуре российского электората 1996 г. (если исключить из сопоставлений Москву и Санкт-Петербург, по указанным выше соображениям). Не противоречит наша выборка и данным о количестве газет в различных регионах в «базовом» 1989 году.

Результат, представленный выше, позволяет утверждать, что, по крайней мере в региональном разрезе, наша выборка вполне репрезентативна. Поскольку нет возможности сопоставить ее с другими параметрами генеральной совокупности новой российской газетной прессы (напомним, такая совокупность в ПОЛНОМ ее объеме статистически никем не описана), ограничимся этой верификационной процедурой. И примем не лишнее оснований допущение, что по сформированной нами выборке можно судить о генеральной совокупности новых российских газет также и в ряде других значимых для предпринятого анализа отношений.

Заслуживает быть особо отмеченным, что примерно четверть всех газет, возникших за последнее десятилетие, имели московскую «прописку», свыше 10 % - издавались в Ленинграде - Санкт-Петербурге. «Две столицы» занимают примерно треть в общей региональной структуре новой российской газетной прессы.

Рассмотрим ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ нашей выборки.

Таблица 2

Распределение новых российских газет по времени их учреждения

Год основания (учреждения) газеты	Абс. кол-во в выборке СПБАК	Процент от общ. кол-ва в выборке СПБАК	В т.ч.: до 1 тыс. экз.	Абс. кол-во в Летописи Кн. палаты
1988	15	1,2	8	...
1989	61	5,0	30	...
1990	197	16,2	46	...
1991	220	18,0	14	392
1992	172	14,1	22	277
1993	153	12,6	12	232
1994	145	11,9	8	198
1995	131	10,7	19	...
1996	77	6,3	13	...
1997	41	3,4	5	...
1998	7	0,6	2	...
Итого:	1219	100,0	179	1099

Понятно, что данные о последних двух (а может быть, и трех) годах в нашей выборке предстают заниженными, по сравнению с реальным положением дел, в силу естественного «временного лага» поступления новых периодических изданий в фонд СПБАК. Что касается остальных периодов в этом временном ряду, то картина вполне реалистична (и не противоречит урезанным данным Государственного библиографического указателя РФ).

Именно с 1990 г. (особенно - после вступления в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» 1 августа 1990 г. - закона, отменившего цензуру) начался «бум», уже не только «самиздатской» (1989-1990 гг.), но и легитимной (официально зарегистрированной) новой, в частности, газетной прессы, достигший пика в 1991 г., а затем пошедший на спад, по достаточно пологой кривой. (Рассматривая эти

данные, не следует забывать, что возникновение новых печатных СМИ шло параллельно с прекращением прежних, а иногда и таких, которые только что родились; так что в «сводном балансе» прибавление за 4 года (1991-1994), если опираться на материалы «Летописи периодических и продолжающихся изданий», будет не 1099 газет, а несколько меньше).

Особо отметим, что доля изданий, выходящих тиражом менее 1 тыс. экз. (периодический «самиздат» - альтернативная, преимущественно политическая, но и не только, пресса) в новой российской газетной периодике была особенно велика в 1989 г. (до половины всех новых газет, в нашей выборке). Резко снизилась эта доля в 1990 г. (до одной четверти). В дальнейшем, доля официально не зарегистрированных изданий (тиражностью до 1 тыс. экз.) упала еще ниже, и лишь начиная с 1995 г. начала постепенно возрастать.

Приведем общие распределения по ряду других параметров нашей выборки.

Общее распределение печатных СМИ по ТИРАЖНОСТИ таково: до 1 тыс. - 15,0 %, 1-2 тыс. - 8,7 %, 2-5 тыс. - 15,2 %, 5-10 тыс. - 16,0 %, 10-20 тыс. - 15,1 %, 20-50 тыс. - 15,9 %, 50-100 тыс. - 9,0 %, свыше 100 тыс. - 5,0 %.

Заслуживают внимания данные о ПЕРИОДИЧНОСТИ новых газет. В нашей выборке «ежедневные» газеты (выходящие от 6 до 4 раз в неделю) составляют 2,5 %, выходящие 2-3 раза в неделю - 3,2 %, еженедельники - 29,8 %, выходящие 1 раз в две недели - 11,4 %, ежемесячные - 27,9 %, выходящие реже чем раз в месяц или нерегулярно 25,3 %. Как видим, для новой российской газетной прессы характерен достаточно «растянутый» интервал периодичности: более половины новорожденных газет выходят раз месяц и реже. Отчасти это связано с бурным распространением специализированных, «узко-профильных», монотематических газетных изданий.

Интересно распределение новой российской периодики по АРЕАЛУ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. Доля общероссийских газет в нашей выборке составляет 14,7 %, областных (имеющих ареалом распространения - область, край, республику) - 57,8 %, «межрегиональных» (распространяемых в нескольких соседних областях) - 11,4 %, городских и районных (ареал распространения - город и район, центром которого данный город является, либо сельский район, имеющий своим административным центром не городское поселение) - 11,3 %, «муниципальных» газет (распространяемых в пределах административного района крупного города; кстати, явление для нашей прессы новое) - 2,8 %, газет трудовых коллективов (так называемые «многотиражки», или «низовая пресса») - 2,0 %. В этих данных отражается процесс приоритетного развития региональной прессы в минувшее десятилетие.

Следует иметь в виду, что районная и низовая пресса составляли прежде до 85 % всех газет, выходящих в России [11, 224-225]. Это - основной корпус «традиционной» российской прессы. Здесь, разумеется, тоже происходят трансформационные процессы (выражающиеся, среди прочего, в буме переименований; на каждых две новорожденных газеты приходится примерно одна переименованная, как явствует из материалов того же библиографического указателя Российской книжной палаты, к которому мы уже обращались). Однако новые районные газеты, равно как и «многотиражки» возникали в 90-х гг. редко. (Поэтому в нашей выборке новой российской газетной прессы они занимают столь скромное место).

Учреждение новых печатных СМИ - процесс, охвативший «глубинку» ничуть не меньше, чем столицы и крупнейшие города, однако он протекает преимущественно на уровне выше районного и «низового». Именно на общероссийском, региональном и, отчасти, городском уровнях происходит и становление новых типов российской прессы, о которых речь впереди.

Приведем данные о РЕГИСТРАЦИИ новой российской газетной прессы. Доля газет, зарегистрированных в Комитете по печати РФ, составляет в нашей выборке 17,9 %, зарегистрированных в региональных инспекциях «по защите свободы печати и массовой

информации» (иногда эти инспекции называются иначе) - 44,5 %, не имеющих самостоятельной регистрации, поскольку являются периодическим приложением или периодическим же специальным выпуском зарегистрированного «материнского» СМИ, - 9,4 %, автономных, однако не имеющих государственной регистрации (по крайней мере не сообщающих об этом в выходных данных), - 28,1 %. (Последних - больше, чем выходящих тиражом менее 1 тыс. экз., что, очевидно, свидетельствует как о том, что не все периодические издания объявляют о факте своей регистрации, так и, отчасти, о том, что некоторые печатные СМИ манкируют законом, требующим регистрации печатного СМИ при тираже более 1 тыс. экз.).

Наконец, рассмотрим распределение новых российских газет по формам УЧРЕДИТЕЛЬСТВА. Самой распространенной формой является «корпоративное» учредительство (фирма, концерн, АО, ТОО и т.п.) - до 40 % всех случаев (в том числе 15 % - информационные или рекламно-информационные агентства и «издательские дома»). В 15 % случаев учредителями выступают физические лица (одно лицо или группа лиц). В 15 % случаев учредителем является орган государственного управления (в том числе: властный, типа областной или городской администрации, - 10 %, и ведомственный, специализированный - 5 %). Сами редакционные коллективы выступают учредителями лишь в 12 % случаев, общественные объединения - в 19 %, политические партии - в 8 %, профсоюзы - в 4 %, религиозные объединения (епархии и т. п.) - в 2 % случаев. (Довольно распространены случаи совмещения разных форм учредительства).

3. Функциональная атрибуция печатных СМИ. Динамика функций новой российской газетной прессы

Особую проблему в нашем исследовании составила идентификация социально-информационных функций отдельного периодического издания. Это делалось экспертным путем. Как правило, один и тот же печатный орган совмещает в себе три-пять и даже больше социально-информационных функций. Случаи монофункционального СМИ (например, рекламная функция в издании, не содержащем ничего, кроме рекламы, или развлекательная функция в периодически выходящем собрании анекдотов) относительно редки.

Здесь не будем заниматься обоснованием именно такого репертуара функций, фиксирувавшихся в нашем систематическом наблюдении. Отметим лишь, что этот список возможных функций периодического издания сформирован опытным путем, посредством непредвзятого рассмотрения и погружения в объект, через систематические качественные описания-аннотации конкретных печатных СМИ.

Поскольку нас интересует не только общее соотношение функций новой российской газетной прессы, но и - особенно - динамика этих функций, представим полученные результаты сразу в диахроническом разрезе, как тренды. При этом десятилетие 1988-1997 гг. разбито нами на двух-трех летние периоды (с учетом как содержательных соображений, так и в интересах обеспечения статистической насыщенности клеток таблицы).

Таблица 3
Динамика социально-информационных функций новой российской газетной прессы

Функция	1988-90	1991-92	1993-94	1995-97	1988-97
печатного СМИ	(276)	(389)	(296)	(250)	(1211)
обзорная (1062)	91,7	87,9	85,1	86,0	87,7
информирования о событиях (676)	68,8	57,3	47,3	49,2	55,8

аналитическая (529)	59,8	45,5	34,5	34,0	43,7
справочная (526)	32,2	42,9	44,9	54,8	43,4
консультационная (422)	24,3	31,8	40,9	40,0	34,8
рекламная (365)	14,1	27,2	40,2	40,4	30,1
документирования (355)	42,4	29,0	23,3	22,4	29,3
развлекательная (338)	20,3	31,4	31,1	27,2	27,9
просветительная (326)	26,8	30,1	26,7	22,4	26,9
мобилизационная (312)	44,2	19,1	19,9	22,6	25,8
контактная (212)	12,7	17,5	21,6	18,0	17,5
религиозной коммуникации (43)	1,4	3,6	5,1	4,0	3,6

Несколько наблюдений о соотношении и динамике разных функций в деятельности современных российских печатных СМИ. Предъявленная картина противоречит традиционным представлениям о периодической печати как средстве оперативной общественной информации. Функция информирования о событиях («новости»), идентифицированная в 69 % газет, возникших в начале обозреваемого 10-летнего периода, в дальнейшем заметно убывает, стабилизировавшись на уровне 49 % к концу этого периода. Зато очевидным образом лидирует, на протяжении всех 10 лет, функция, которую мы назвали «обзорной» (когда освещение некоторого явления не имеет прямого «информационного повода», привязки к определенному общественному событию). Во многом это связано с отмечавшимся выше бурным распространением специализированной, монотематической прессы.

Так же круто снижается удельный вес аналитической функции - от 60 % в новой газетной прессе 1988-1990 гг. до 34 % в 1995-1997 гг.. Зато выходят на передний план «утилитарные» функции газеты - справочная и консультационная (последняя реализуется в виде практических советов и прагматических рекомендаций читателю, будь то юридические, будь то «советы садоводу и огороднику»), достигающие во второй половине 90-х гг. уровней, первая - 55 %, и вторая - 40 % (при «стартовых» уровнях, соответственно, 32 и 24 %). Можно сказать, что российские газеты, возникшие в последние годы, предлагают читателю справочный материал чаще, чем информируют его о событиях, и консультируют его по практическим вопросам чаще, чем предлагают анализ событий.

Пожалуй, самый бурный рост наблюдается у рекламной функции - от 14 % в 1988-1990 гг. до 40 % в 1995-1997 гг. Функция, названная нами «контактной» (реализующаяся ныне посредством частных объявлений, анонимных и адресных посланий через прессу; контакт между читателями), заметно поднялась с уровня 13 % в начале обозреваемого периода до 21 % в 1993-1994 гг. Развитие этих социально-информационных функций - одно из проявлений процесса коммерциализации российской прессы, который сам по себе есть часть «всеобщей» социально-экономической российской трансформации..

В 1991-1992 гг. крутой скачок вверх произошел у актуализировавшейся еще до этого развлекательной функции (с 20 до 31 %), после чего эта функция стабилизировалась на новом уровне в современной газетной прессе. Свыше четверти всех новорожденных российских газет претендуют так или иначе «развлекать» своего читателя.

Понятию «мобилизационная» в нашем репертуаре функций отвечает известная формула: «печать - коллективный агитатор, пропагандист и организатор». Эта функция была представлена в большинстве «самиздатских» изданий, занимавших, как уже

отмечалось, весомое место в новой прессе перестроечных лет. Затем удельный вес этой функции заметно снизился, а сама она стала присущей в основном газетам новорожденных политических партий. Во всяком случае, удельный вес этой социально-информационной функции сейчас несоизмеримо ниже, чем в советские времена.

Здесь еще раз подчеркнем полифункциональность почти каждого печатного СМИ. В нашем систематическом наблюдении фиксировались как «приоритетные» (ведущие), так и «подчиненные» (не главные, второстепенные) функции для каждого данного печатного органа. Так, например, функция информирования о событиях отмечена в 56 % возникших за десятилетие 1988-1997 гг. газет (см. таблицу). В качестве же приоритетной эта функция зафиксирована только в 37 % изданий. Аналогично - другие функции. (В вышеприведенном анализе трендов нами учитывался сам факт наличия соответствующей социально-информационной функции, безотносительно к степени ее выраженности).

Разумеется, различные функциональные характеристики печатных СМИ коррелируют друг с другом. Стоит отметить определенные «функциональные синдромы» (не видные на таблице). Так, в рекламно-информационных изданиях, часто совмещены рекламная и контактная функции, в партийных - мобилизационная функция и функция документирования, и т.д. К этому вопросу еще вернемся при рассмотрении основных типов новой газетной прессы.

4. Типологическая модель. Изменения в типологической структуре новой российской газетной прессы

В основание типологической модели нами положены следующие признаки печатного СМИ, которые полагаем типобразующими:

СОЦИАЛЬНЫЙ АДРЕС (характер потенциальной аудитории), ОБЛАСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ВНИМАНИЯ (предмет отражения, тематическая направленность) и НАБОР СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ (функциональное назначение). Именно такой теоретико-методологический выбор обоснован автором в работе [12]. (См. выше: раздел 13.6. – А. А.)

Предлагаемая модель - трехуровневая:

1) печатные СМИ, адресующиеся «ко всем», в пределах своего ареала распространения, с широчайшей областью информационного внимания («обо всем»), при этом существенно различающиеся своими функциональными наборами;

2) СМИ, адресующиеся «ко всем» и, вместе с тем, к определенному социальному слою (например: «деловые люди», интеллигенция, лица определенной национальности и т. п.), отчасти специфицирующие (сужающие) область своего информационного внимания, в соответствии с характером потенциальной аудитории и функциональным назначением;

3) наконец, СМИ, довольно узко специализированные по социальному адресу и/или области информационного внимания, а иногда и функционально.

К первому уровню относятся по крайней мере три из выявленных нами газетных типов: общественно-политическая пресса, информационно-рекламная пресса и тип, названный нами «прессой массовой культуры». Ко второму уровню можно отнести следующие типы: деловая пресса, новая партийная пресса, культурно-просветительная пресса, пресса национально-этнической консолидации, пресса социальной защиты, молодежная пресса, возможно - некоторые другие. К третьему уровню относится широкий круг моноадресных и/или монотематических печатных СМИ.

Настоящая модель отражает новую реальность «мира» печатных СМИ России, типологически принципиально отличающегося от «системы» периодической печати советского времени, хотя и сохраняющего по отношению к последней известную преемственность. В этой модели находит свое отражение, в частности, процесс интенсивной дифференциации российской газетной прессы, являющийся одной из примет нашего времени.

Основная типологическая мутация в российской прессе произошла на рубеже 1980-1990-х гг., причем существенную роль в ней сыграло развитие альтернативной (как политической, так и неполитической) прессы, т. е. периодического «самиздата», ныне постепенно утрачивающего свое инновационное значение. Как же дальше складывалась типологическая эволюция «газетного мира» России и каково состояние на сегодняшний день? Рассмотрим это.

Применяя указанную модель, мы имели возможность убедиться в том, что газетные типы развиваются вовсе не автономно друг от друга, они взаимодействуют и - своими социальными адресами, областями информационного внимания и социально-информационными функциями - не просто дополняют друг друга, а взаимонакладываются и переплетаются, вплоть до возникновения типов-симбиозов, или «кентавров». С учетом этой «коэволюции», мы предпочли избегать однозначной типологической атрибуции всякого данного печатного СМИ. Примем, что один и тот же орган печати может быть определен как носитель черт двух и более «идеальных» типов (хотя, разумеется, определялась и приоритетная для данного периодического издания типологическая характеристика, или принадлежность к определенному типу).

В таблице 4 представлена динамика некоторых из вышеперечисленных газетных типов. При этом презентированы газетные типы, как таковые (безотносительно к тому, является ли соответствующее типологическое определение для всякого данного печатного СМИ приоритетным или нет).

Таблица 4
Динамика типологической структуры новой российской газетной прессы
(основные типы)

Тип печатного СМИ	1988-90 (276)	1991-92 (389)	1993-94 (296)	1995-97 (250)	1988-97 (1211)
Информационно-рекламная пресса (194)	6,9	10,5	24,3	24,8	16,0
Партийная пресса (216)	29,3	13,1	14,2	16,8	17,8
Общественно-политическая пресса (241)	23,6	23,6	14,9	16,0	19,9
Пресса массовой культуры (169)	6,9	14,1	19,3	15,2	14,0
Деловая пресса (104)	5,4	9,3	9,5	10,0	8,6
Культурно-просветительная пресса (119)	8,3	10,5	12,2	7,6	9,8
Пресса национально-этнической консолидации (75)	5,4	7,7	7,8	2,8	6,2

Примечание: Газетные типы в таблице ранжированы по их «удельному весу» в новой российской прессе 1995-1997 гг.

Здесь представлены только газетные типы, относимые нами к первому или второму уровню типологической модели: печатные СМИ, адресованные «ко всем», либо

адресованные «ко всем» и, вместе с тем, к определенному слою населения. Они же являются и наиболее широко распространенными. Некоторые газетные типы второго уровня, а также все, относящиеся к третьему уровню (моноадресные и монотематические, по преимуществу) в таблице не отражены, ввиду недостаточной статистики.

Поскольку в нашем анализе фигурируют лишь новые печатные СМИ, а не весь корпус современной российской прессы (где большинство все же составляют возникшие много лет назад районные и низовые газеты), можно рассматривать эти данные, как своеобразное отображение РЕЖИМА ВОСПРОИЗВОДСТВА российской газетной прессы. Все представленные здесь газетные типы находятся в процессе становления и/или воспроизводства. Иначе говоря, это - современные и РАЗВИВАЮЩИЕСЯ типы, зародившиеся относительно недавно или явившиеся продуктами модернизации существовавших ранее.

5. Основные газетные типы современной России. Их становление и режимы их воспроизводства

Кратко охарактеризуем каждый из представленных в таблице 4 газетных типов, с точки зрения их генезиса, функциональных особенностей, места в типологической структуре и тенденций развития.

ИНФОРМАЦИОННО-РЕКЛАМНАЯ ПРЕССА. Этот газетный тип имеет прецеденты в прессе советского времени. Однако за последнее десятилетие рекламно-информационные издания столь сильно трансформировались и получили столь широкое распространение, что правомерно говорить, пожалуй, о принципиально новом (для отечественной прессы) информационно-коммуникативном феномене. (В качестве примера укажем на газеты бесплатных объявлений с купоном, вроде «Реклама-шанс» или «Из рук в руки»; ничего похожего в прессе советского времени не было). В этом типе газет отмечается синдром рекламной и контактной функций, часто сочетающихся со справочной, консультационной и развлекательной функциями (в качестве подчиненных). Настоящий тип коммерческой по преимуществу прессы особенно бурно произрастает сегодня на провинциальной почве. Он представлен как самостоятельными местными изданиями, так и региональными выпусками центральной информационно-рекламной прессы (издательские дома вроде «Все для Вас», имеющие свои «филиалы» почти во всех крупных городах). Газеты этого типа обычно имеют всеобщий, массовый, но иногда и четко очерченный социальный адрес. Информационно-рекламная пресса характеризуется высокими показателями тиражности, как правило, оставляющими далеко позади все остальные типы прессы. Режим воспроизводства этого газетного типа - расширенный: за 10 лет его доля среди новых российских газет возросла вчетверо. Во второй половине 90-х гг. каждая четвертая новорожденная газета является рекламно-информационным изданием. Данный тип прессы имеет тенденцию к дифференциации и специализации (в виде «прессы недвижимости», «прессы популярной техники» и т. п.).

ПАРТИЙНАЯ ПРЕССА (или «новая партийная пресса»). Это - газеты, характеризующиеся отчетливо выраженной (заявленной) политической ангажированностью, «партийностью». К данному типу мы относим периодические издания разных политических направлений и идейных ориентаций включая диаметрально противоположные. Новая партийная пресса имеет в качестве своих типологических предшественников партийно-советскую прессу, с одной стороны, и «самиздат» начального периода перестройки, с другой. Именно за счет последнего, условно отнесенного нами к партийной прессе (здесь правильнее было бы говорить о «протопартийных» изданиях) столь велика доля этого типа среди новых печатных СМИ периода перестройки (29 %). В дальнейшем происходит резкое снижение этого показателя, и затем - к концу обозреваемого 10-летнего периода - намечается постепенный рост, за счет возникновения новых политических партий и общественно-политических движений. Здесь можно говорить о режиме умеренно расширенного воспроизводства.

Новая партийная пресса, за редкими исключениями, отстает от массовой общеполитической прессы по показателям тиражности и периодичности. Среди газет этого типа немало выходящих нерегулярно. Особой разновидностью партийной прессы являются газеты, специально создаваемые под конкретную политическую кампанию и прекращающиеся по ее окончании (например, «Не дай Бог!» в период президентских выборов 1996 г.). Главная социально-информационная функция этого газетного типа - мобилизационная (агитационная, пропагандистская, организаторская). Часто здесь представлена также функция документирования (партийные постановления, заявления, стенограммы речей партийных лидеров). Можно ожидать дальнейшего количественного роста этого газетного типа.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕССА. Это - общероссийские, республиканские, областные, городские газеты, имеющие своим предшественником господствовавший в советской печати тип массовой общеполитической газеты. Для общественно-политической прессы характерен синдром функции информирования о событиях, обзорной и аналитической функций (все иные функции могут присутствовать, но выступают обычно в качестве подчиненных, второстепенных). К данному типу относятся все ежедневные газеты и почти все выходящие несколько раз в неделю, имеющие «всеобщий» социальный адрес. Но есть в составе этого типа и еженедельники и даже ежемесячники. Тиражность массовых общеполитических газет, как известно, ныне существенно упала по сравнению с прежними временами (что лишь отчасти компенсируется современной конкуренцией «однотипных» изданий в пределах всякого данного ареала распространения). Как видно из таблицы 4, этот газетный тип ныне характеризуется режимом суженного воспроизводства, поскольку (особенно с середины 90-х гг.) снижается его доля среди новых российских газет. Пока еще общественно-политическая пресса лидирует по своему удельному весу в новой российской газетной периодике, взятой за десятилетие в целом. Но уже в 1995-1997 гг. она по этому показателю уступила лидерство энергичной информационно-рекламной прессе.

ПРЕССА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ. (Этот газетный тип в равной мере можно было бы назвать «информационно-развлекательной прессой»). Практически совершенно новый, не имеющий прецедентов в прессе советского времени тип периодических изданий. Здесь отмечается синдром развлекательной и обзорной функций, часто в сочетании со справочной и консультационной функциями (в качестве подчиненных, а иногда и ведущих), при полном исключении аналитической функции и зачастую со слабо выраженной функцией информирования о событиях. Будучи самым молодым и возникшим как бы «на пустом месте», этот газетный тип характеризуется весьма бурным количественным ростом (режим расширенного воспроизводства). За 10 лет доля этого типа среди новых российских газет выросла более чем вдвое (с 7 % в 1988-1990 гг. до 15 % в 1995-1997 гг.). Высокие тиражи, уступающие разве что информационно-рекламной прессе... И содержание, и форма этой прессы - призваны соответствовать массовому вкусу, так называемым «человеческим интересам» (human interests). Предельным выражением характерологических черт данного типа печатных СМИ является так называемая «бульварная», или «желтая» пресса, а также - специализированные - эротическая пресса и «пресса анекдотов». Пресса массовой культуры в последнее время активно дифференцируется. Среди ее специализированных вариантов - «пресса чудес», «пресса ужасов», «пресса преступлений», «пресса скандалов», «пресса кроссвордов», «астрологическая пресса» и т.п.

ДЕЛОВАЯ ПРЕССА. Одна часть этих газетных изданий функционально тяготеет к общественно-политической прессе, другая - к информационно-рекламной. У первых ярко выражены функция информирования о событиях и аналитическая, у вторых - обзорная, рекламная, консультационная функции. Для всех разновидностей современной деловой прессы характерна справочная функция. Это принципиально новый тип печатных СМИ, адресующих свою информацию «среднему классу», деловым людям, а зачастую и более

широкому читательскому кругу, и отвечающий современным условиям и запросам экономической трансформации российского общества. В советской прессе этому типу можно усмотреть прецеденты в виде немногих (обычно центральных) газет экономического, по преимуществу, профиля (вроде «Экономики и жизни»). Особенно бурным был количественный рост этого газетного типа в начале 90-х гг. (см. таблицу 4). Затем произошла стабилизация (информационно-культурная ниша заполнилась), и сейчас можно говорить о режиме простого воспроизводства деловой прессы.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ПРЕССА. В отличие от прессы массовой культуры, прецеденты у данного газетного типа в российской прессе минувших десятилетий, пожалуй, имеются. Однако это тип по существу новый, обретший свои характерологические черты в последнее десятилетие. Обычно у печатных СМИ этого типа слабо выражена функция информирования о событиях, преобладают просветительная и обзорная функции. Как правило, это еженедельники и ежемесячники. Здесь много изданий с неопределенной периодичностью, а также недолговечных. Тиражность газет этого типа обычно относительно невелика. Учредителями такого рода изданий нередко выступают частные лица, а также общественные объединения, обычно при участии спонсоров. Преимущественный социальный адрес - интеллигенция. «Удельный вес» этого типа среди новых российских газет - примерно 1/6. Режим воспроизводства культурно-просветительной прессы близок к простому воспроизводству. Не очень отчетливый пик его распространенности в новой российской газетной прессе наблюдался в 1993-1994 гг.

ПРЕССА НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. В этом газетном типе ярко выражены мобилизационная функция, функция документирования, обычно также - просветительная функция. Часто это органы национально-культурных общественных объединений и движений. Данный газетный тип отсутствовал в прессе советского времени. Он несет в себе черты отчасти партийной, а отчасти - культурно-просветительной прессы. Режим воспроизводства, как и у предыдущего типа, близок к простому воспроизводству (различия в показателях разных периодов нельзя признать статистически значимыми). Во всяком случае, на долю этого типа приходится 6 % всех новорожденных российских газет.

Стоит отметить одну тенденцию последнего времени, которая не нашла прямого отражения в таблице 4. Это - своеобразное «склеивание» или «сращивание» типов, как результат их «коэволюции». В качестве наиболее ярких примеров можно указать на газету «Московский комсомолец» (соединение характерологических черт прессы массовой культуры и общественно-политической прессы), газету «Коммерсантъ-Daily» (деловая и общественно-политическая пресса), красноярскую «толстую» газету «КОМОК» (соединяющую атрибуты практически всех рассмотренных типов печатных СМИ).

Здесь не станем обзирать динамику всех остальных газетных типов, в частности, относящихся к третьему уровню, в терминах нашей модели. Ограничимся перечислением относительно новых видов газетной прессы, которые пока не были названы или упоминались вскользь: пресса социальной защиты, телевизионная пресса (аннотированные телепрограммы); муниципальная пресса; женская пресса; аграрная (или крестьянская) пресса; криминалистическая пресса; пресса здоровья; пресса для дома и семьи; пресса для садоводов и огородников; пресса популярной техники (видео, авто, компьютеры); педагогическая (учительская) пресса; правозащитная пресса; экологическая («зеленая») пресса; пресса любительских увлечений; пресса недвижимости; религиозная пресса; пресса сверхъестественного; интим-пресса (эротическая); пресса смеха (юмористическая).

Про большинство входящих в этот список категорий периодических изданий, по-видимому, неправомерно говорить, как о самостоятельных типах, тем более, что некоторые из них являются по существу монотематическими вариантами или «ответвлениями» рассмотренных ранее основных газетных типов. С другой стороны

объединять все эти виды прессы в один заведомо гетерогенный тип (скажем, «специализированная газетная пресса») тоже было бы уязвимым для критики решением. Здесь - поле для дальнейшей аналитической работы.

У моноадресных и / или монотематических газет иногда имеются прототипы в периодике прошлых лет, но, как правило, лишь в виде специализированных центральных изданий. Теперь же «узкопрофильные» СМИ укоренились на провинциальной почве: любой из названных здесь видов газетной продукции представлен практически в любом субъекте Федерации. Удельный вес специализированных печатных СМИ в новой российской газетной прессе резко возрос в начале обозреваемого 10-летнего периода и теперь, похоже, сложился режим простого воспроизводства.

Процесс адресной и тематической дифференциации российской газетной прессы ныне достиг своего апогея и сейчас намечается встречная, интеграционная тенденция, находящая выражение, в частности, в упоминавшемся «сращивании» газетных типов. (Кстати, «симбиозы» иногда парадоксальны: например, соединение черт партийной и информационно-развлекательной прессы, вроде краснодарской газеты «Пена» партии любителей пива, или, скажем, информационно-рекламной и партийной прессы). Отметим также, что многие из современных специализированных по социальному адресу и области информационного внимания печатных СМИ начинались как тематические приложения, спецвыпуски, вкладыши в общеполитические и иные периодические издания. Некоторые и сейчас остаются в этом статусе.

Каждый из названных видов моноадресных и/или монотематических газет представлен в новой российской прессе на уровне 1-4 %. Некоторые из них характеризуются режимом расширенного воспроизводства.

Наконец, укажем на некоторые «традиционные» типы (категории, виды) российской прессы, также фигурирующие в нашей выборке новых российских газет, на уровне 2-4 %. Это: профессионально-отраслевая пресса; пресса трудовых коллективов (низовая пресса); районная пресса; профсоюзная пресса; молодежная пресса; детская пресса; военная пресса; спортивная пресса. В отличие от большинства обозревавшихся ранее, эти категории газет были более или менее широко представлены в российской периодике советского времени. Наши наблюдения показывают, что воспроизводство этих газетных типов (возникновение новых печатных СМИ, относящихся к этим категориям), не прекращается, особенно на региональном уровне. Правда, информационно-культурная ниша здесь часто уже занята изданиями, возникшими ранее.

Некоторые из названных в этом последнем списке категорий газет претерпели радикальную метаморфозу по сравнению со своими советскими предшественниками. Что же касается РАЙОННОЙ и НИЗОВОЙ прессы - газет относительно малых тиражей, с ограниченным ареалом распространения, но очень многочисленных (около 4 тыс. по России), то эти два газетных типа СМИ за истекшее десятилетие претерпели наименьшие типологические изменения.

Мы осветили некоторые социальные процессы, происходящие в современной российской газетной прессе, в частности - трансформацию ее типологической структуры. При этом непосредственно рассматривалась НОВАЯ (новообразовавшаяся, новорожденная) пресса, т. е. «передний край» происходящих в «мире прессы» изменений.

Здесь трансформационные процессы, в частности, рассмотренные нами типологические изменения, - виднее, они как бы «заострены». В случае включения в нашу выборку также и «традиционных» периодических изданий (возникших еще при советской власти), мы, разумеется, обнаружили бы те же тенденции, но гораздо более ослабленные, «сглаженные» множеством сохраняющих прежние типологические характеристики печатных СМИ.

Наш анализ показывает, что качественные, скачкообразные изменения в российской прессе (в сущности, становление принципиально нового социального

института массовой коммуникации), протекают в русле общей трансформации российского социума и вместе с тем выступают одним из факторов этой трансформации.

Литература

1. Дзялошинская М. Штрихи к статистическому портрету российской прессы // Журналист, 1995, № 1.
2. Социальная сфера России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1996.
3. Печать Российской Федерации в 1994 году. Статистический сборник. М.: Российская книжная палата, 1995.
4. Волков В.Е., Крыница Л.И., Туркевич И.Б. Новый Петербург. Справочник. СПб: «Корвет», 1992.
5. Известия, Петербургский выпуск, 28 ноября 1997 г.
6. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал, 1997.
7. Алексеев А.Н. Архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий / Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб: СПбФ ИС РАН, 1997.
8. Летопись периодических и продолжающихся изданий. Новые, переименованные и прекращенные издания журналы и газеты. Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М.: Российская книжная палата, 1991; 1992; 1993; 1994.
- 9 Печать СССР в 1989 году. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1990.
10. Выборы президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М.: Центральная избирательная комиссия РФ, изд-во «Весь мир», 1996.
11. Печать СССР в 1989 году. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991.
12. Алексеев А.Н. Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 1998, № 3.
(Алексеев А.Н. Новая российская газетная пресса: типологическая структура и ее изменения (1988-1997 гг.) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 1999, № 1)

+++

Глава 14

РАЗНОЕ

Содержание

- 14.1. «Все мы родом из детства...»
- 14.2. Хюбнер представляет
- 14.3. «Из опыта исследования социальной ситуации урбанизированного села на Ровенщине (прогностический аспект)
- 14.4. «Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность»
- 14.5. Секретарь партийного бюро академического института
 - 14.5.1. ИСЭП: научно-организационный эксперимент
 - 14.5.2. Проект ЦК КПСС к партийному съезду и научная концепция нового института
 - 14.5.3. «Историческое» заседание партийного бюро
 - 14.5.4. «К этому письму обязывает партийный долг...»
- 14.6. «Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города»
- 14.7. Социальные проблемы в отражении массового сознания
- 14.8. «Работа в бригаде: плюсы, минусы, проблемы»
- 14.9. "Бригады без бригадиров" и "бригадиры без бригад"
- 14.10. Самоанализ "по Кэтеллу"
- 14.11. Неопубликованный фрагмент биографического интервью
- 14.12. 30 лет «в строю» (мое членство в КПСС)
- 14.13. Социолог-рабочий и КГБ
- 14.14. «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

Ремарки:

- Профессиональная биография – взгляд «снаружи» и «изнутри» (раздел 14.1); Самокритикой движутся вперед и Наука, и Личность (14.1); Образ жизни как способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности (14.3); В чем «провинился» Ядов? (раздел 14.4.3); По следам наших выступлений (14.4.3); Хотел подковать черта? (14.4.4); Структуризация общественных проблем (14.6); Период «акме» (14.8).

Несколько вступительных слов

Настоящая глава включает в себя материалы, которые не укладываются в темы предыдущих глав и не имеют достаточного количества тематически близких им, чтобы образовать из них отдельную главу. Здесь, под рубрикой «Разное», они расположены

следуя хронологии, за исключение первого и трех последних разделов, где представлены тексты, которые, уже в силу их датировки, не могли присутствовать в первоначальной рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» 1999-2001 гг. (Июль 2012).

14.1. «ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА...»

= Из биографического интервью (2006) ³⁹⁹

Истоки

- Все мы родом из детства, могу я попросить тебя вспомнить о семье, о тех ранних годах?

...Будучи в основном “домашним ребенком”, никогда не посещавшим детский сад, да и в школу пошедшим (в военные годы) чуть ли не с четвертого класса, я не могу указать на сколько-нибудь серьезные ранние социализационные влияния, кроме родительских. А родительская семья представляла собой своего рода “единство противоположностей”, причем не вполне устойчивое.

Мать (Варвара Петровна Пузанова), петербурженка, была родом “из дворян”, правнучка знаменитого металлурга, изобретателя русского булата П. П. Аносова. Отец (Николай Николаевич Алексеев) — “из крестьян” или “из мещан” (скорее последнее, т. к. его родители жили в г. Рыльске, Курской губернии).

Мать окончила относительно привилегированную Екатерининскую гимназию и имела разнообразные гуманитарные наклонности, впрочем, профессионально никак не реализовавшиеся, поскольку уже после революции училась в Технологическом институте. Она сделала определенный вклад в теорию машиностроения, автор нескольких книг (ее первая — “Допуски в тракторостроении” — была издана еще до моего рождения, а вторая — курс лекций — когда мне было 5 лет); но только в 50-х гг. защитила кандидатскую диссертацию на тему “Анализ размерных связей механизма как основа для простановки размеров в рабочих чертежах”.

Отец же про себя говаривал, что у него имеется “высшее образование без среднего”. Способный инженер-практик, он практически всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (сейчас — “Звезда”). Последние 10-15 лет, до выхода на пенсию в 60-х гг. работал там главным технологом. Было у матери с отцом и творческое содружество, одним из плодов которого оказалась совместная книга “Размеры и допуски в машиностроении”. Писала, конечно, мать, а отец позже шутил: “Надо мне хотя бы прочитать свою книгу...”.

Мать была достаточно аполитична (хоть мы с нею почти никогда не обсуждали эти темы, могу предположить, что то была форма “внутреннего диссидентства”, распространенного среди уцелевших от репрессий интеллигентов из ее поколения). Отец же рассказывал, что в 20-х гг. он какое-то время был чуть ли не секретарем партийного комитета, пока не спохватились, что он не член партии. Много позже ему, по служебному положению, и надо бы вступить, да он все отшучивался: — Я еще не созрел, не все понимаю!.. — Чего же Вы не понимаете, Н. Н.? — А вот не понимаю, как это получается: один член партии — г-но, другой — г-но, а в целом партия — руководящая сила!” (По другому варианту: “ум, честь и совесть”... Может, и прихвастнул, когда рассказывал, но так или иначе — от него отстали). Впрочем, и полное собрание сочинений Ленина (3-е

³⁹⁹ Это интервью уже цитировалось в главах 8-12.

издание в красной обложке), и многолетний комплект журнала “Большевик” (затем — “Коммунист”) в домашней библиотеке были.

Мать была типичным интравертом, отец — экстравертом. Мать считала себя как бы человеком “из прошлого века” (она родилась в декабре 1899 г.; характерно, что для души она читала почти исключительно старых французских авторов, причем в оригинале); отец же — на 4 года моложе матери — типичный “сын XX века”. Мать была жестка в моральных требованиях к себе и другим, всегда сдержана в выражениях; отец же, как мне кажется, бывал порой недостаточно самокритичен и “за словом в карман не лез”.

С общественной активностью у отца сочеталась конфликтность на работе. Мама часто помогала ему в разрешении этих конфликтов тем, что сочиняла за него безупречно корректные служебные записки. Выручал его также безупречный авторитет профессионала.

Оба инженеры-технологи, мать была по преимуществу теоретиком, отец — практиком. (Интересно, однако, что автомобиль “Победа”, приобретенный в начале 50-х, водила именно мать, а отец научился управлять уже только после ее смерти в 60-х гг.).

...Мы с матерью вернулись в Ленинград из эвакуации вскоре после снятия блокады в 1944 г. Отец — несколько позже, вместе с оборонным заводом, на котором работал во время войны. <...>

14.2. ХЮБНЕР ПРЕДСТАВЛЯЕТ

= Из рассылки А. Алексеева от 9.05.2010

Уважаемые Родственники, Друзья и Коллеги!

Тут как-то вышла на меня, с подачи В. Костюшева, русская редакция «Хюбнеровской» энциклопедии успешных людей (гм! См. www.wiw.net.ru; <http://www.whoiswho-verlag.ru/>).

Ну, я согласился ответить на их вопросы.⁴⁰⁰ Пришла милая девочка, показала нарядный том страниц этак на 2 тыс.). Если захочу, я могу купить очередное издание биографического энциклопедического словаря за 290 евро. А как же я не захочу, если там будет статья про меня любимого! Вот такая нехитрая коммерция с психологией.

⁴⁰⁰ «ШВЕЙЦАРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «WHO IS WHO»

109428, г. МОСКВА, Рязанский проспект, д.8-а, стр.14, тел.665-48-19

Мы звонили Вам сегодня, чтобы согласовать возможность встречи для проведения интервью и последующей публикации Вашей биографии в ближайшем выпуске энциклопедии личностей «Who is Who в России».

Для ознакомления с деятельностью нашей компании, нашими предложениями предоставляем нижеследующую информацию.

С 1976 года наше издательство выпускает энциклопедии личностей, в которых публикуются биографии интересных людей в сфере политики, экономики, науки, спорта, искусства и культуры.

Публикуя биографии успешных людей, мы отмечаем их заслуги и достижения, о которых будут знать и последующие поколения. В век глобализации тщательно собранные сведения, содержащиеся в энциклопедии личностей из коллекции «Hübners Who is Who», дают ее обладателю значительные преимущества при общении. Ежегодно или раз в полтора года энциклопедии личностей печатаются на языке соответствующей страны в десяти странах Центральной и Восточной Европы, таких как Россия, Австрия, Германия, Польша, Чехия, Словакия, Турция, Румыния и Греция. В наших изданиях, информация в которых постоянно обновляется, содержатся биографии выдающихся личностей определенной страны.

Энциклопедия выпускается раз в год тиражом более 20 000 экземпляров и находится в посольствах, ВУЗах, библиотеках. Каждая энциклопедия содержит биографии 15 000 людей, которые определяют нашу страну.

Биография публикуется абсолютно бесплатно! Специально подготовленная для этого сеть интервьюеров, состоящая примерно из 300 редакторов, составляет каждую биографию непосредственно во время интервью.

Изобретено в Швейцарии. Статья публикуется бесплатно, но можно и с портретом, что уже - «на коммерческих началах».

С девочкой мы попили чайку, я предупредил, что покупать этот том не стану, несмотря на все свое тщеславие. Историю взаимоотношений и что из этого пока вышло. см. ниже (под скрепкой).

Это Вам - мои дорогие друзья и родственники, в назидание и для сведения, с кем имеете дело. Весенние приветы!

Андр. Ал. 9.05.2010.

Алексеев Андрей Николаевич, к. филос. н.

П.: социолог; Р.: 22.07.1934, г. Ленинград; СП.: Вахарловская Зинаида Глебовна – инженер; Дет.: Ольга (1960) – логопед; Род.: Алексеев Николай Николаевич, Пузанова Варвара Петровна – инженеры; ЗП.: Аносов Павел Петрович (1796–1851) – выдающийся русск. металлург, Сабакин Лев Федорович (1746-1813) – механик-изобретатель; О.: 1956 – Ленинградский гос. университет (ЛГУ), филологический ф-т, славянское отделение и отделение журналистики; 1968 – ЛГУ, ф-т журналистики, аспирантура; 1970 - защита канд. дис., к. филос. н.; К.: 1956–61 – журналист: газеты «Волжский комсомолец», «Смена» (гг. Куйбышев, Ленинград); 1961–64 – рабочий на заводах: Ленинградский завод по обработке цветных металлов, Волховский алюминиевый завод (вальцовщик, электролизник); 1964–65 – журналист: газета "Ленинградская правда"; 1970–79 – социолог, учреждения Академии наук СССР: Ленинградские сектора Института философии АН СССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Ленинградские сектора Института социологических исследований АН СССР, Институт социально-экономических проблем АН СССР (гг. Ленинград, Новосибирск, Ленинград); 1980–88 – рабочий, слесарь-наладчик: Ленинградский завод полиграфических машин; 1988–2008 – социолог: Высшая профсоюзная школа культуры, Санкт-Петербургский ф-л Института социологии РАН, Социологический институт РАН; с 2008 – независимый исследователь; ОД: является специалистом в обл. социологии массовой коммуникации, труда и образа жизни, культуры и искусства (в частности, театра), общественных движений, жизненного пути, методологии и методики социологических исследований; в 1980-е гг., работая на заводе, провел уникальный натурный эксперимент с использованием разработанного им метода "наблюдающего участия" - исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»; в 1990-е гг. создал архив-коллекцию нетрадиционных (новых) периодических изданий и документов общественных движений ("Алексеевский архив"); Пб.: около 200 публикаций (статьи, монографии), в т. ч.: "Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие)" (1997), "Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)" (в 2 кн., 1997), "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" (в 4 т., 2003–05); Ч.: чл. Санкт-Петербургской ассоциации социологов, чл. Союза журналистов России, чл. Союза театральных деятелей РФ, почетный чл. Российского общества социологов; У.: электронные рассылки коллегам; Яз.: фр., англ., нем., болгарский (все – пассивно); E-mail: alexeev34@yandex.ru.

Ремарка: профессиональная биография – взгляд «снаружи» и «изнутри»

Некоторым контрапунктом этой презентации жизненных (в том числе – профессиональных) достижений может служить авторская ауторефлексия. См. ниже. (Июль 2012)

= Из биографического интервью (2006) ⁴⁰¹

«Гетто», выживание, «бессмысленная адаптация»...

⁴⁰¹ Это интервью уже цитировалось в главах 8-12, 14..

- На сегодняшний день можно сказать, что большая часть твоей и моей социологической карьеры состоялась в советские времена. Нет ли у тебя ощущения, что в то время ты работал в «социологическом гетто»?

“Гетто” ли, “резервация” ли, это предполагает, что вокруг — иной (не огороженный? открытый? свободный?) мир. В таком ограниченном пространстве могли себя чувствовать советские социологи относительно мировой профессиональной среды. Но при минимуме знаний о ней, у большинства рядовых, пожалуй, не было и ощущения изолированности. А “внутри”, думаю, социологам было не лучше и не хуже, чем всем другим гуманитариям, разве что сильнее зависимость от партийных органов. А в силу относительно позднего становления этой отрасли, уже не успели социологов коснуться ни “борьба с меньшевистствующим идеализмом”, ни “борьба с космополитизмом!”, ни “борьба с мухолобами-человеконенавистниками”, а в худшем случае - только обвинения в подверженности влияниям “буржуазной общественной науки”...

“Гражданские казни” или “вынужденные отставки”, которые коснулись некоторых ведущих социологов, все же не были запретом на профессию или отправкой в ГУЛАГ. А ко времени “перестройки” все так или иначе “отодвинутые в тень” лидеры нашей социологии (Левада, Грушин, Кон, Ядов, Здравомыслов, Гордон, Заславская и др.) оказались еще полны творческих сил. Я бы сказал, что если не советской социологии, как таковой, то ее первопроходцам и их непосредственным ученикам относительно повезло.

- Андрей, здесь после согласования с Димой (Д.Н. Шалиным. – А. А.) я намерен привести выдержку из его письма и задать тебе вопрос о выживании...

Было ли все это “выживанием”? В общем, да. Наблюдение Дмитрия Шалина “Выжить было их сверхзадачей...” справедливо, наверное, не только для его поколения. Но вряд ли эта сверхзадача осознавалась или признавалась тогда в качестве таковой. У многих была сильна креативная, творческая мотивация. Была высокая профессиональная идентификация. Некий подспудный страх лишиться возможности “удовлетворять свою любознательность за счет государства” побуждал умеривать эту любознательность. Были некие табуированные зоны и набор писаных и неписаных правил, которые если кто и преступал, то лишь “по неосторожности”.

Среди социологов было не так уж мало инакомыслящих, но практически не было людей, сознательно и открыто ставивших себя в оппозицию системе, которую они исследовали. А если бы были, то на том бы их (таких социологов) исследования, по крайней мере, профессиональными средствами, и закончились бы. Так что можно лишь порадоваться тому, что кое-что они успели, и зеркало советского общества - [пусть отчасти замутненное](#) - тогда все-таки возникло (и уцелело до наших дней...)

И в “гетто” жить можно... А кому становилось уж совсем невмоготу — эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку.

- Означает ли это, что мы действительно могли работать в полную силу своих способностей...?

Ты имеешь в виду то, насколько, по гамбургскому счету, существенными были как собственно научные достижения, так и общественные эффекты социологии в СССР? Было бы неправильно их принижать, но не следует и переоценивать. Признать собственную второстепенность, маргинальность в мировом научном процессе или же сервильную (будь-то в идеологическом, будь то в прикладном плане) общественную роль — не просто. На критическое отношение к пройденному пути отваживаются далеко не все авторы сегодняшних мемуаров.

Скажу о себе. Помнится, на рубеже 80-90-х гг. мне довелось просмотреть архив собственного журналистского творчества 50-х — 60-х гг. Я испытал чувство настоящего стыда! (Некоторые характерные образцы “воспевания” бригад коммунистического труда и

т. п. приводятся “Драматической социологии...”⁴⁰² Лишь на самом излете своей журналистской карьеры (середина 60-х) удалось продвинуться к журналистике, которую с грехом пополам можно назвать проблемной.

Из моего собственного социологического “наследия” конца 60-х — 70-х гг., по правде говоря, тоже похвалиться особенно нечем. Ну, попытки построения марксистской (и впрямь таковой!) теории массовой коммуникации, за которые чуть было не вылетел из аспирантуры факультета журналистики ЛГУ (вторая половина 60-х), кои (попытки), строго говоря, были метафизической спекуляцией, с некоторыми элементами “фиги в кармане”. Потом — кое-что из социологии потребления, из социологии культуры, из социологии труда, из социологии жизненного пути... Несколько социологических экспедиций (последняя была на БАМ, уже из ИСЭПа). Увлечение методолого-методическими сюжетами...

Если бы я начал составлять личное “социологическое избранное” из работ того времени, то кроме пары статей по проблемам контент-анализа, некоторых отчетов исследовательской группы “Социология и театр”, ну, может, еще пары популярных публикаций в соавторстве со Светланой Минаковой по социологии личности, да конспекта доклада “Образ жизни и жизненный процесс” 1981 г. (тогда уже на заводе работал)⁴⁰³ — и не нашел бы чего туда включить стоящего. Остальное — сегодня кажется безнадежно устаревшим.

Ремарка: самокритикой движутся вперед и Наука, и Личность

Да, конечно, устарела большая часть. Лишний раз в этом можно убедиться на примере состава этой и ряда предыдущих глав. Бог мой! На что сплошь и рядом уходило время, силы, способности!.. Но с исторической точки зрения наши даже самые наивные и / или конъюнктурные социологические опусы прошлого представляют интерес, и хотя бы эпизодическое возвращение к ним, при способности к самокритичной рефлексии («Суди себя сам!») полезно и необходимо.

Самокритикой движутся вперед - и Наука, и Личность. И если есть к тому охота и возможность, не следует этот шанс упускать. (Июль 2012).

Так что же это за глухое и душное время, давшее, “если приглядеться честно и строго...”, не столь уж дружные и очень разнокачественные всходы, в частности, на социологической ниве? (Оговорю, что бросать тень на выдающиеся пионерные социологические проекты и труды, например, Грушина, Шубкина, Ядова, Гордона, Заславской — я вовсе не собираюсь). Внешняя несвобода — да! Давление из ЦК, из Смольного, из райкома партии — да! (Мнение рядового инструктора райкома — для научного сообщества закон...). В частности, отсюда невероятные траты времени и сил на бессмысленную адаптацию процесса и результатов собственно-научной работы к институциональным требованиям (особенно — идеологическим, но и не только...). Наконец, собственная внутренняя скованность, постоянная автоцензура. Да и ограниченность кругозора у многих...

Пожалуй, добавить что-либо существенное к тому, что уже сказано об этом, например, в историко-социологических лекциях Бориса Фирсова и в мемуарах наших научных учителей я здесь не смогу.

- Не мог бы ты привести пример того, что ты называешь «бессмысленной адаптацией...»?

...Сектор Ядова в Институте социально-экономических проблем поначалу назывался “сектором социальных проблем личности и социалистического образа жизни”.

⁴⁰² См. ДСиСА – 4, приложение к главе 22. См. также выше: раздел ...

⁴⁰³ См. ДСиСА, раздел 6.1.

Не Ядовым, понятно, придумано, а так было записано в Приложении к постановлению Президиума АН СССР от 29 мая 1975 (о создании ИСЭПа), предписывавшем определенную структуру секторов и отделов. Ну, еще при первом директоре Гелии Николаевиче Черкасове формулировка названия имела не такое уж большое значение. Большинство научных коллективов сохраняло тематическую и кадровую преемственность с “доисэповской” ситуацией. Когда же наступило директорство Ивглафа Ивановича Сигова, пошла чехарда перетряски кадров, переструктурирований и переименований научных подразделений. Сектору Ядова предстояло переименоваться в “сектор образа жизни в крупном городе”, что грозило полным вытеснением из научного плана “исконно-ядовской” проблематики личности.

Недавно мне попала в глаза копия собственной “служебно-личностной” записки, адресованной Ядову (с подзаголовком: “срочно и конфиденциально”), от января 1979 г., где на семи страницах доказывались алогичность и волюнтаризм предлагаемых дирекцией названий Социологического отдела и входящих в него секторов. Среди прочего выдвигались аргументы для нижеследующего переименования, в частности, нашего подразделения: “сектор социальных проблем развития личности”

Интересна “совсем конфиденциальная” приписка к этому документу:

“В. А.! ...Конечно, Вам никто не посмеет запретить заниматься социальными проблемами развития личности, под любым названием сектора. Но Вы всегда вынуждены будет делать это вопреки официальным требованиям, а не в соответствии с ними. Вам всегда придется доказывать, что Ваша социально-психологическая “контрабанда”, является не слишком большим нарушением социально-экономического “закона”. *(Намек на название отдела: “отдел социально-экономических проблем труда и образа жизни. — А. А.).* Капитулировав сегодня, в положении далеко не безвыходном, сектор будет десять лет платить репарации. Если Вы считаете, что проиграли дирекции в первом раунде по конъюнктурным “очкам”, то это вовсе не мешает выигрышу во втором раунде путем логического “нокаута”. В худшем случае будет зафиксирован “протест” команды против неправильного судейства...”. (Из архива А. А.).

По счастью, Ядов внял этому предостережению и предпринял тогда перед начальством акцию “необходимой обороны”, в результате чего сектор получил вполне приличное (лучше первоначального!) и уместное название: “сектор социальных проблем личности и образа жизни”. Но каких временных и нервных затрат стоила вся эта суета! И когда только успевали читать научную литературу, проводить исследования, писать статьи и монографии...

Ныне такого идеологического диктата и контроля, как в то время, нет. Но сил на “институциональные игры” и “ритуальные танцы” сегодня уходит не меньше.

14.3. «ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ УРБАНИЗИРОВАННОГО СЕЛА НА РОВЕНЩИНЕ (ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)»

[Ниже – одноименная статья, посвященная к конкретно-социологическому исследованию, проводившегося в 1971-1972 сектором философских проблем воспитания Института философии АН СССР. Идея этого исследования принадлежала профессору Анатолию Георгиевичу Харчеву (ныне покойному), в ту пору возглавлявшему Ленинградские сектора Института философии.

Авторы статьи: А.Н. Алексеев (в период исследования – младший научный сотрудник ИФ АН СССР, ответственный исполнитель проекта), А.В. Мяловицкий – 2-й секретарь Ровенского ОК КПСС (куратор проекта), А.В. Седов (в ту пору – аспирант Ленинградских секторов Института философии, участник проекта). – А.А.]

= Из сборника «Планирование социального развития городов (1975)

Существуют разного рода исследования, позволяющие прогнозировать будущее определенной общественной групп. К ним относятся, в частности: а) панельные исследования, выявляющие динамику характеристик данной группы в некотором временном интервале для последующей экстраполяции тенденций; б) экспертные исследования, направленные на получения «образа» будущего из соответствующим способом организованного опроса компетентных лиц; в) исследования жизненных планов, ориентированные на приобретение прогностической информации из современных представлений и планов самих «строителей» будущего; г) анализ перспективных ситуаций, на котором остановимся специально.

Под АНАЛИЗОМ ПЕРСПЕКТИВНЫХ СИТУАЦИЙ понимается такое исследование, где объект изучения (здесь – общественная группа) рассматривается в специфических условиях, которые могут быть отождествлены с условиями будущего. Иначе говоря, возможно предположить, что эти специфические условия в будущем получат широкое распространение. Сегодня они оказываются для исследуемой группы пока что исключительными, «не типичными».

Важной проблемой теории и практики коммунистического строительства является вопрос о будущем сельской молодежи. Эта общественная группа ныне характеризуется довольно ярко выраженным противоречием между ценностными ориентациями и реальными условиями жизнедеятельности. Указанное противоречие выступает движущей силой миграции молодежи из села. Численность сельской молодежи по стране в целом сокращается. Однако простая экстраполяция тенденций для прогноза здесь вряд ли приемлема, ибо все интенсивнее в ряде районов страны происходит процесс индустриализации сельского хозяйства и урбанизации села. Таким образом, разрешение противоречия между ценностными ориентациями и условиями труда и быта сельской молодежи оказывается не только за счет миграции. В ряде сел, из которых прежде молодежь уезжала «центробежные» силы уравниваются «центростремительными» и даже обнаруживается перевес последних. Это характерный пример «перспективной ситуации».

Сектор философских проблем воспитания Института философии АН СССР совместно с Ровенским обкомом КП Украины предприняли специальное исследование такой ситуации на материале колхоза «Заря коммунизма» Ровенского района. Здесь на базе передового колхоза возникло мощное аграрно-промышленное объединение и сложились «не традиционные» условия сельской жизни, в частности, достаточно широкое разнообразие сфер трудовой занятости за счет развития подсобных промышленных предприятий (консервный завод, кирпичный завод и даже собственный колхозный стеклотарный завод), высокая концентрация населения в урбанизированном поселке («экспериментальное» село) и т. д. Молодежь⁴⁰⁴ в этом хозяйстве составляет значительную часть трудовых ресурсов (около 30 % всех работающих)⁴⁰⁵, причем не сокращающаяся, а возрастающую на протяжении последних лет.

При исследовании ситуации типа описанной оказывается необходимым различение лиц: а) проживающих на территории сельсовета, где расположено данное хозяйство, и работающих в хозяйстве; б) работающих в хозяйстве, однако проживающих за пределами данного сельсовета (их процент является своего рода индикатором «центростремительных» сил), в) проживающих на территории сельсовета, однако работающих вне данного хозяйства. Для исследуемого молодежного контингента это соотношение (по данным на 1971 г.) равно: 430 чел (а), 190 чел. (б); 320 чел (в). Следует отметить при этом, что до 40 % категории (в) работают на предприятиях общественного

⁴⁰⁴ Имеются в виду лица от 16 до 28 лет включительно.

⁴⁰⁵ Данные на 1972 г.

обслуживания, так или иначе связанных с колхозом, в основном – на территории того же сельсовета.

Как показало проведенное обследование, весьма необычна социально-профессиональная структура молодежи в данном хозяйстве: 32 % молодежи занято на подсобных промышленных предприятиях и 20 % составляют строители. Таким образом, свыше половины колхозной молодежи имеют по существу «городские» профессии. Если учесть при этом весьма высокий уровень материального благосостояния работников хозяйства и относительно высокий уровень благоустройства сел (особенно центральной усадьбы колхоза), то ясно, что социально-экономические условия способствуют приостановлению оттока молодежи из данной местности и даже положительному сальдо ее миграции.

В рамках исследовательского проекта «Молодежь в условиях аграрно-промышленного объединения» был применен ряд социологических методов, среди которых: систематический анализ документов; б) включенное наблюдение⁴⁰⁶; в) выборочное интервьюирование молодежи⁴⁰⁷; г) анкетный опрос всех работающих в хозяйстве.⁴⁰⁸ Для сопоставления перспективной ситуации урбанизированного села с «обычными» селами использовались: а) анкетный опрос всех работающих в трех рловых колхозах области⁴⁰⁹; б) методика специально разработанных исследовательской группой «справок», Э собранных по 100 колхозам и 100 сельсоветам области.⁴¹⁰ В итоге более чем двухлетних обследований сбор информации по программе исследования закончен, в настоящее время осуществляется ее обработка.

Предварительный анализ данных подтверждает основные гипотезы исследования. Одна из них относится к намечающейся ликвидации «ножниц» между требованиями сельской молодежи к условиям труда и быта и самим этими условиями, все более приближающимися к городским. Другая – характеризует меру радикальности изменений в различных сферах сознания и поведения молодежи под влиянием процессов индустриализации сельского хозяйства и урбанизации села. Заметнее всего эти изменения в тех сферах жизнедеятельности, которые наиболее институционализированы, подконтрольны административным и косвенным экономическим воздействиям (труд, учеба, общественная денная деятельность).

Экстраполируя тенденции, которые достаточно отчетливы в перспективной ситуации, на другие регионы (где формирование соответствующих условий только начинается), можно прогнозировать будущие состояния исследуемой общественной группы в широких территориальных рамках. Для данного конкретного случая правомерен следующий вывод: наиболее вероятный путь развития сельской молодежи – тот, который представлен в ситуации современного аграрно-промышленного объединения.

(Алексеев А.Н. Мяловицкий А.В., Седов А.В. Из опыта исследования социальной ситуации урбанизированного села на Ровенщине (прогностический аспект) / Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1975)

⁴⁰⁶ Подробно об этом см.: Алексеев А.Н. Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи) / Молодежь: образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973.

⁴⁰⁷ Опрошено 260 чел, проживающих в селе Заря (центральная усадьба хозяйства). Опрос проводился по программе интервью «Вам нет тридцати...» (Ленинград-Ровно, 1972).

⁴⁰⁸ Опрошено 1230 чел. (анкета «На Вашу думку...»). Опрос проводился при участии Ровенской партийной школы.

⁴⁰⁹ Опрошено 670 чел. (анкета «На Вашу лумку...»). Опрос организован Ровенским обкомом КП Украины.

⁴¹⁰ Распространение и сбор этих справок осуществлялись силами Ровенского обкома КП Украины.

14.4. «ОБРАЗ ЖИЗНИ, СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ГОРОДСКАЯ ОБЩНОСТЬ»

[Ниже – одноименная статья, являющаяся итогом двухлетней (1973-1974) работы научного коллектива под руководством автора этих строк, в составе межведомственной социологической лаборатории Института социологических исследований АН СССР и Ленинградского финансово-экономического института им. Н.А. Вознесенского (заведующий лабораторией – доктор исторических наук Овсей Ирмович Шкаратан).

Статья А.Н. Алексеева, О.Б. Божкова, В.Д. Глухова, В.Н. Павленко, Т.З. Протасенко, И.В. Рябиковой (ныне покойной) содержит теоретическое обоснование и основные положения программы осуществлявшегося тогда авторами исследования образа жизни населения крупного города (на примере Ленинграда).

Статья была опубликована в сборнике «Планирование социального развития городов», выпуск 2 (М., ИСИ АН СССР, 1975). Здесь воспроизводится в сокращении. – А.А.]

= Из сборника «Планирование социального развития городов» (1975)

Выдвижение проблематики «образа жизни» на передний край советской социологической науки имеет глубокие основания в логике ее современного развития и отвечает насущной общественной потребности.

Стремительное вхождение самого термина «образ жизни» из обиходного языка в язык науки и политики вызвало своеобразное переплетение его обиходного и научного смыслов. Последний естественно связывать с представлением о «способе» деятельности индивидов, т. е. с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли определенным видом их жизнедеятельности, их определенным ОБРАЗОМ ЖИЗНИ.⁴¹¹ Вместе с тем довольно распространены разнообразные публицистические формулы, включающие в «образ жизни» всю совокупность отличительных черт общественных систем (экономики, политики, идеологии, общественной психологии, морали и т. д.⁴¹²

В социологической литературе тоже поначалу появились предельно расширительные толкования типа: образ жизни – это «исторически сложившиеся на основе господствующих общественных отношений сравнительно устойчивые черты труда и быта, использования досуга, межличностного общения, характерные ценностные ориентации, традиции и нормы поведения людей».⁴¹³ К образу жизни относилось все – от черт общественного уклада до социально-психологических характеристик.

В дальнейшем наметилась тенденция к более ограничительной трактовке, к рассмотрению образа жизни как особого среза социальной действительности, в частности, одно из определений таково: образ жизни – «совокупность наиболее существенных форм жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества, взятых в единстве с условиями этой деятельности в основных сферах общественной жизни».⁴¹⁴ Как справедливо замечает тот же автор, в социологической литературе «образ жизни» выступает как «категория, интегрирующая наиболее существенные характеристики уровня, стандарта, качества, стиля, уклада жизни».⁴¹⁵

⁴¹¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 19.

⁴¹² См.: Образ жизни – советский. М., 1973, с. 8-11).

⁴¹³ Коган Л.Н., Заикин В.С. Ритм социальной жизни и свободное время трудящихся / Актуальные проблемы свободного времени. Свердловск, 1970, с. 22.

⁴¹⁴ Бестужев-Лада И.В. Некоторые методологические проблемы формализации понятия «образ жизни» как социологической категории (тезисы доклада). М., 1973, с. 4.

⁴¹⁵ См. там же: Обзор терминологических синонимов «образа жизни» в русском и иностранном языках.

Ныне большинство исследователей избегают соединения в понятии «образ жизни» условий деятельности, ее побудительных стимулов и самой деятельности и отдают предпочтение менее глобальному, хотя и достаточно широкому понятию. С.Г. Струмилин и Э.Е. Писаренко пишут: «Сложился и бытует термин «советский образ жизни», под которым понимается определенная система повседневного поведения людей, направляемая социальными нормами и духовными ценностями, характерными для развития социалистического общества.⁴¹⁶

Подход к образу жизни как к «системе повседневного поведения» принимается и реализуется в большом количестве теоретических и эмпирических работ советских авторов.⁴¹⁷ Эта точка зрения достаточно тесно связана с современными исследованиями бюджетов времени.⁴¹⁸ В дальнейшем изложении подход к образу жизни как к «системе повседневного поведения» будет служить для нас отправным пунктом.

<...> Одной из главных методологических трудностей в изучении образа жизни является правильное соотнесение теоретического и эмпирического уровней анализа. Об этом свидетельствуют, в частности, публикации журнала «Социологические исследования», содержащие специальные теоретические разработки в данной области.⁴¹⁹

В настоящей статье авторы попытались представить такую концептуальную схему, которая, будучи теоретически обоснованной, отвечающей высказанным выше общим положениям, уже содержала бы в себе «инструментальную предпосылку», т. е. определенные гарантии эмпирической интерпретации понятий.

Попытка такого рода построения была предпринята нашим коллективом в рамках исследовательского проекта, выполняемого сектором социального развития городов и регионов Института социологических исследований АН СССР. В предлагаемом ниже подходе нашли отражение специфические задачи изучения образа жизни территориальных (в частности, городских) общностей.⁴²⁰

Представляется необходимым и плодотворным как в теоретическом, так и в научно-прикладном отношении выделение собственно поведенческого аспекта – образа действий⁴²¹ - в изучении жизнедеятельности людей. Под поведением (социальным

⁴¹⁶ Струмилин С.Г., Писаренко Э.Е. Социалистический образ жизни: методология исследования // Вопросы философии, 1974, № 2, с. 27.

⁴¹⁷ См., например: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы, М., 1972; Тихомиров Н., Гордон Л., Клопов Э. Изучение образа жизни рабочих и некоторые вопросы социального планирования // Рабочий класс и современный мир, 1971, № 1; Истошин И., Чеснокова В. Социальный престиж и образ жизни как средство изучения некоторых аспектов социальной мобильности / II Международный коллоквиум по социальной психологии (тезисы). Тбилиси, 1970; Прохвятилов А.А. Социально-психологическая детерминация городского образа жизни / Проблемы социального развития городов и предприятий (тезисы докладов). Донецк, 1973; Алексеев А.Н., Дудченко В.С. Методологическое значение категории «образ жизни» ждя исследования социальных проблем молодежи / Молодежь: образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни / Социально-экономическое развития села и миграция населения. Новосибирск, 1972; и др.

⁴¹⁸ См., например: Артемов В.А., Болгов В.И., Вольская О.В., Колобов Л.С., Пусеп А.Г., Сидляренко А.И., Яницкий О.Н. Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967; Международное сравнительное исследование бюджета времени. Новосибирск, 1968; Болгов В.И. Бюджет времени при социализме. М., 1973.

⁴¹⁹ См.: Социологические исследования, 1974, № 2. Статьи: Здравомыслов А.Г. К проблеме типологии образа жизни в социалистическом обществе; Бестужев-Лада И.В. Прогнозирование образа жизни (некоторые методологические проблемы); Мансуров Н.С. Теоретические предпосылки построения моделей образа жизни.

⁴²⁰ Под «территориальной общностью понимается такая общность, члены которой «связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории» (Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 160). Пример территориальной общности – население города, агломерации, региона.

⁴²¹ Это словосочетание является адекватны переводом немецкого слов «Verhalten», употребляемого в «Немецкой идеологии» и других трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

поведением) здесь и далее будем понимать эмпирически наблюдаемую деятельность, конкретные действия людей, которые могут быть непосредственно восприняты другими людьми. Такие действия, акты эмпирически наблюдаемой деятельности могут, следовательно, быть зафиксированы, подсчитаны, измерены во времени, короче говоря, они так или иначе поддаются регистрации (что особенно существенно для исследователя).

В рамках указанного аспекта общественной жизни возможно и целесообразно выделить элементы характеризующиеся чертами:

А) относительной устойчивости во времени (повторяемости);

Б) относительной распространенности в пространстве (массовости).

Такие элементы будем называть стереотипными социальными действиями или **СТЕРЕОТИПАМИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**. Именно эти стереотипы в своей совокупности составляют образ жизни, они суть то, что многие люди делают изо дня в день или с иной периодичностью.⁴²²

Указанные стереотипные действия представляют собой как бы «морфологический состав» образа жизни, то, из чего он состоит.⁴²³ С другой стороны, эти стереотипы определенным способом «сцеплены», взаимоувязаны в жизненном процессе, образуют довольно устойчивую системную организацию. Поэтому возможно сказать, что образ жизни есть система стереотипов повседневного поведения людей.

Трактовка образа жизни как системы устойчиво повторяющихся действий, стереотипов социального поведения, очевидно, является конкретизацией более общего представления о «способе» деятельности, о типичных формах жизнедеятельности людей.

В качестве носителя образа жизни выступает социальный субъект, каковым может быть индивид либо группа, сообщество. Во втором случае правомерно говорить не только об устойчиво повторяющихся, но и о массово (в пределах данного сообщества) распространенных стереотипах социального поведения. Способы выделения группы-носителя образа жизни могут быть различны, в зависимости от уровня рассмотрения (например, «советский образ жизни», носителем которого является весь советский народ; «городской образ жизни», носителем которого выступает все городское население СССР; «образ жизни городских рабочих» и т. д.). Фундаментальное значение имеет выделение носителей образа жизни на уровне социально-классовой структуры общества (например, «образ жизни колхозного крестьянства», «образ жизни интеллигенции».⁴²⁴

Система стереотипов поведения складывается под воздействием как общих, так и специфических условий социальной жизни, в том числе «условий жизненной обстановки» конкретных индивидов, их «жизненных обстоятельств».⁴²⁵ В этой системе находит непосредственное выражение и реализуется система индивидуальных и групповых потребностей. Однако ни условия, ни потребности как таковые в рамках нашей схемы не входят в состав понятия «образ жизни».⁴²⁶ <...>

⁴²² Периодичность актов социального поведения часто задается биологически или социально обусловленными типами.

⁴²³ В современной социологической литературе в аналогичном смысле нередко употребляются термины «стандарт поведения» или «норма». На наш взгляд, оба термина скорее могут быть отнесены к тому, на что «равняются», чему «следуют» люди в своем повседневном поведении, чем к самой реальности общественного поведения.

⁴²⁴ Объединяя в понятие «носителя образа жизни» индивидуальные и групповые субъекты (включая такие общественные группы, как класс), мы пока абстрагируемся от специфики системной организации повседневного поведения этих разных типов социального субъекта.

⁴²⁵ На эвристическую ценность этих формулировок В.И. Ленина и Ф. Энгельса для эмпирических исследований образа жизни впервые обратили внимание Л.А. Гордон и Э.В. Клопов (см. «Человек после работы», с. 17).

⁴²⁶ Эта наша точка зрения отличается, в частности, от выраженных ранее на страницах «Социологических исследований» (см. статьи А.Г. Здравомыслова и И.В. Бестужева-Лады в № 2 журнала за 1974 г.).

[Здесь опущена часть статьи, посвященная уточнению понятия «стереотип поведения» и обозрению разнообразия типов поведенческих стереотипов в разных сферах жизнедеятельности. – А. А.]

Выявление <...> стереотипов поведения (выполненное средствами конкретного исследования) позволяет, как нам кажется, упростить задачу описания образа жизни всего сообщества и его дифференциации. Оказывается не обязательным полное описание всех жизнепроявлений индивидов или групп во всех сферах, целесообразно абстрагироваться от стереотипов, которые являются всеобщими и несут на себе печать влияния общих условий функционирования данного социального организма.⁴²⁷ Тогда группа-носитель того или иного типа образа жизни может быть охарактеризована как некая целостность с помощью лишь определенного набора дифференцирующих стереотипов поведения, взятых из различных сфер жизнедеятельности (так или иначе представленных в образе жизни данной группы).

Такой подход оказывается особенно эффективным для выявления различных типов повседневного поведения в рамках территориальной общности (город, агломерация, регион). Существует довольно развитая традиция сравнительного изучения городского и сельского образов жизни. Очевидно, такое изучение предполагает сопоставление повседневных занятий горожан и жителей села с выделением форм поведения, которые дифференцируют образы жизни тех и других. Нас в данном случае интересует социальная дифференциация в пределах городских территориальных общностей (таких, как крупный город, средний город и др.). <...>

На первом этапе предпринятого нами исследования образа жизни горожан сочтено целесообразным сосредоточиться на выявлении таких стереотипов социального поведения, которые наиболее существенно дифференцируют население города. При этом главное внимание уделено стереотипам бытового и культурного потребления как имеющим (предположительно) значительную «дифференцирующую силу».⁴²⁸ Далее, выявляются устойчиво повторяющиеся сочетания этих дифференцирующих стереотипов.⁴²⁹ Однако тот или иной синдром еще не есть исчерпывающая характеристика группы-носителя данного типа образа жизни, выявление этих сочетаний недостаточно для типологии образа жизни.

Оказывается существенным выяснение тех условий, в которых осуществляется повседневное поведение и которые так или иначе, прямо или косвенно формируют его стереотипы. При этом следует иметь в виду: а) относительно однозначную отнесенность определенных условий к соответствующим сферам жизнедеятельности (имеющим свою предметно-вещную и институциональную «оснащенность»); б) полифункциональность одних и тех же условий, каждое из которых дает возможность для осуществления относительно большого количества различных стереотипов поведения; в) связанное с предыдущим относительно меньшее разнообразие условий по сравнению с разнообразием осуществляемых в них социальных действий; г) дифференцирующую силу самих жизненных условий, формирующих различные типы образа жизни.⁴³⁰ <...>

⁴²⁷ Специальный анализ «всеобщих» стереотипов поведения целесообразен в случае сравнительного исследования социалистического и иных образов жизни, где существенные различия могут и должны обнаружиться уже на этом уровне.

⁴²⁸ Мера дифференциации статистически может быть выражена дисперсией или среднеквадратичным отклонением. Если дисперсия по какой-либо характеристике повседневного поведения высока, можно сказать, что в рамках данной формы (вида) поведения представлены дифференцирующие стереотипы.

⁴²⁹ Данная процедура может осуществляться как на основании заранее сформулированных гипотез, так и средствами автоматической классификации на ЭВМ.

⁴³⁰ В частности, представляется возможным судить о некоторых стереотипах повседневного поведения по наличию (отсутствию) тех конкретных жизненных условий, с которыми соответствующие действия людей тесно связаны. Например, стереотип пользования определенным жизненным удобством вряд ли может осуществляться при отсутствии данного удобства в собственном жилище индивида, равно

[Здесь опущено рассмотрение разных типов жизненных условий. – А. А.]

Рассмотрим в качестве примера дифференциацию населения крупнейшего города по жилищным условиям и некоторые временные характеристики повседневного внепроизводственного поведения.

По имеющимся статистическим данным, в Ленинграде средняя обеспеченность жилой площадью составляет 9,27 кв. м. на одного человека. В индивидуальных (отдельных) квартирах проживают 47,5 семей и в коммунальных – 53 %⁴³¹ Весьма близкие к этому результаты получены и в нашей относительно небольшой выборке семей.⁴³²

Факт высокой дифференциации по показателю изолированности жилища (отдельная либо коммунальная квартира) очевиден. Высока дисперсия и по показателю жилищной обеспеченности. По данным нашего обследования [«100 вопросов о Вашей жизни», 1973. – А. А.], около 20 % семей имеют обеспеченность в интервале 9-10,5 кв. м. на человека. Порядка 35 % семей обеспечены выше этой нормы и порядка 45 % - ниже. Аналогичное положение и в отношении изолированности индивида в жилище. Количеством комнат, равным количеству членов семьи, располагает около 20 % семей (включая одиночек). В среднем же для всех обследованных семей на 1 комнату приходится по 2 человека. Итак, жилищные условия сами по себе сильно дифференцируют городское население.

Обратимся теперь к одной из важных характеристик повседневного поведения. Вопрос формулировался так: «Сколько времени в среднем Вы тратите в будний день...» с подразделением бюджета времени на 4 категории занятий (см. таблицу 1).⁴³³

Таблица 1

Занятия	больше 2-х часов	1-2 часа	меньше 1 часа	не бывает
Хождение по магазинам (покупки) и др. хозяйственные дела вне дома	9,0	36,9	42,6	9,3
Отдых, развлечения, не-обязательные занятия вне дома	14,5	24,3	46,9	13,1
Домашний труд и др. хозяйственные дела дома (включая необходимый уход за детьми, но исключая игры и занятия с ними)	34,5	36,4	24,3	2,6
Отдых, развлечения, не-обязательные занятия дома (включая игры и занятия с детьми)	45,5	35,7	15,5	1,2

как и отсутствие соответствующей формы социального поведения маловероятно при наличии данного удобства.

⁴³¹ См. Строительство и архитектура Ленинграда, 1970, № 9, с. 23.

⁴³² В дальнейшем будут приведены данные по массиву 420 семей из числа обследованных.

⁴³³ Данные в процентах к количеству опрошенных. Не ответившие в таблице не значатся.

Нетрудно заметить, что население Ленинграда особенно сильно дифференцировано по продолжительности внедомашнего отдыха (где налицо наибольший «разброс» показателей. Меньше эта дифференциация по продолжительности внедомашних хозяйственных дел (согласно условному расчету, Нетрудно заметить, что население Ленинграда особенно сильно дифференцировано по продолжительности внедомашнего отдыха (где налицо наибольший «разброс» показателей. Меньше эта дифференциация по продолжительности внедомашних хозяйственных дел (согласно условному расчету, 79,5 % опрошенных тратят на повседневные покупки 0,5-1,5 часа в день). Время ежедневного домашнего досуга для 81,2 % опрошенных превышает 1 час, однако среди имеющих по крайней мере этот «минимум» домашнего досуга дифференциация значительна. Высокой является дифференциация городского населения по продолжительности ежедневного домашнего труда.

Нами была сопоставлена продолжительность домашнего труда и домашнего досуга. Она оказалась одинаковой у 28,7 % опрошенных. Труд преобладает над досугом у 28 опрошенных и, наоборот, досуг над трудом – у 41,1 %. Примечательно, что, что лишь у 8,6 % опрошенных труд существенно преобладает над отдыхом дома (различие во времени труда и досуга больше, чем на одну градацию шкалы времени в вопросе интервью). Соответствующее существенное преобладание домашнего досуга над домашним трудом констатировано у 16,7 % опрошенных работающих представителей ленинградских семей. Таким образом, и здесь наблюдается значительная дифференциация.

Зависит ли указанная характеристика образа жизни от рассмотренных ранее характеристик жилищных условий? Анализ показал, что соответствующие распределения для группы лиц, проживающих в коммунальной квартире, и для группы лиц, проживающих в отдельной квартире, не различаются, как и для тех, кто имеет жилищную обеспеченность выше 10,5 кв. м. на человека и ниже 9 кв. м. на человека. Отсутствие статистической связи в данном случае – значимый фактор. Естественно заключить, что улучшение жилищных условий само по себе не обеспечивает массовой перестройки структуры повседневного домашнего поведения в смысле сокращения затрат времени на домашний труд и расширения сферы домашнего досуга. Однако можно ожидать, что содержание и формы этого поведения (особенно досуга) могут варьировать в рамках заданной продолжительности и зависимости от жилищных условий.

Очевидно также, что соотношение [*времени*. – А. А.] домашнего труда и домашнего досуга существенно зависит от семейно-ролевых и социально-биографических характеристик. Они в данном примере не рассматриваются.

Однако установлением связи определенных типов жизненных условий и определенных комплексов устойчиво повторяющихся действий еще не завершается характеристика групп-носителей того или иного образа жизни. Важно соотносить условия и поведение с потребностями, которые порождаются этими условиями и реализуются в этом поведении.

Говоря о потребностях, мы имеем в виду прежде всего преломление в сознании субъекта (индивида или группы) его нужд в тех или иных благах для обеспечения биологического и социального воспроизводства. Объектами потребности могут быть как определенные условия жизнедеятельности, так и сама деятельность определенных типов (например, потребность в жилище, потребность в труде). Таким образом, в понятии «потребность» соединяются объективная необходимость в совокупности определенных условий и действий и осознание этой необходимости.

В одних и тех же условиях жизненной обстановки возникают разные потребности в зависимости от различий в обстоятельствах жизненного пути, в социальных условиях и т. д. <...> С другой стороны, одна и та же потребность может удовлетворяться различными видами и формами деятельности. Внешне сходные образы действий могут своей внутренней побудительной силой различные комплексы потребностей. <...>

Потребности реализуются в повседневном поведении, в его определенных стереотипах, даже если необходимость в соответствующих действиях далека от полного осознания определяет содержательную сторону действий, в совокупности составляющих образ жизни. В случае глубокого осознания потребности стереотипы социального поведения приобретают большую устойчивость и значимость для индивидов. Такое поведение может быть направлено не только на сохранение, но и на изменение жизненных условий, и его можно назвать активным (в отличие от непосредственно заданного обстоятельствами, подчиненным данным условиям пассивного поведения – в случае относительной неосознанности потребности).⁴³⁴

Итак, для выделения группы-носителя определенного типа образа жизни недостаточно выявить устойчивый синдром поведенческих характеристик у некоторого множества лиц. Чтобы выяснить, скрывается ли за этой комбинацией повторяющихся социальных действий определенная их система (система повседневного поведения людей) необходимо сообразоваться с характеристиками жизненных условий и потребностей индивидов, составляющих эту группу. Целостность группы-носителя данного типа образа жизни обеспечивается как общностью важнейших (первичных) стереотипов поведения, так и определенной близостью сформировавших их условий и реализуемых в этих условиях потребностей.

Люди, имеющие одинаковые наборы стереотипов поведения, в силу одного этого обстоятельства еще не являются представителями одного типа образа жизни, если они живут в принципиально разных условиях или реализуют при этом принципиально разные потребности. С другой стороны, носители сходных потребностей или, скажем, люди со сходными обстоятельствами жизненного пути сами по себе составляют известную общность, однако могут принадлежать к разным типам образа жизни.

Изучение потребностей городского населения в связи с жизненными условиями и повседневным поведением составляет следующий (второй) этап нашего исследования. Именно на этом этапе могут быть выделены системы [повседневного. – А. А.] поведения, типы образа жизни.

Подводя итог, скажем, что социальная дифференциация территориальной (в частности, городской) общности возможна по следующим основным группам характеристик: а) жизненные условия; б) стереотипы социального поведения; в) потребности. **ТОЛЬКО ЕДИНСТВО УСЛОВИЙ, ПОВЕДЕНИЯ И ПОТРЕБНОСТЕЙ У НЕКОТОРОЙ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ МОЖЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ОБ ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОДНОМУ ТИПУ ОБРАЗА ЖИЗНИ.**

Есть основания предполагать, что группы-носители определенного типа образа жизни имеют своим «ядром» социальные слои – элементы социальной структуры, рассматриваемой на уровне территориальной общности (города, агломерации, региона).⁴³⁵

⁴³⁴ С учетом сказанного о взаимосвязи потребностей и повседневного поведения можно выделить еще одно основание для подразделения стереотипных социальных действий, их группировки в «образы» активного и пассивного поведения.

⁴³⁵ Эта гипотеза выдвинута О.И. Шкаратаном. При этом имеется в виду, что социальная структура территориальной общности не является «слепком» социальной структуры общества в целом. На уровне конкретных регионов, городских и иных общностей эта структура выражается в социальных слоях, выделяемых по содержанию и характеру труда. О специфике регионального подхода в исследованиях социальной структуры см.: Шкаратан О.И. Проблемы изучения социальных структур регионов / Проблемы социальной структуры советского общества. М., 1972, и др. работы этого автора

На третьем этапе исследования подлежит рассмотрению механизм воспроизводства и развития выделенных типов образа жизни в рамках территориальной общности. При этом понадобится выяснение изменений потребностей в связи с изменением жизненных условий и сменой стереотипов социального поведения на протяжении жизни одного поколения и от поколения к поколению.

Последовательное движение от этапа к этапу предполагает использование социологической информации, полученной на предыдущих этапах, при осмыслении результатов каждого последующего.

По нашему мнению, понятие «образ жизни» является одним из ключевых для анализа функционирования и развития городских и региональных общностей как целостных социальных образований, формирующихся по принадлежности к определенной территории в пределах всеобщих (для данного общества) социально-экономических условий. Итогом исследования образа жизни конкретных территориальных общностей может стать также определенный вклад в теорию социалистического образа жизни, разработка которой является одной из актуальных задач советской социологической науки

(Алексеев А.Н., Божков О.Б., Глухов В.Д., Павленко В.Н., Протасенко Т.З., Рябикова И.В. Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность / Планирование социального развития городов», выпуск 2. М., ИСИ АН СССР, 1975)

Ремарка: образ жизни как способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности

Вышеприведенная статья презентует относительно раннее теоретическое представление автора об образе жизни. Позднейшие попытки разработки «динамической модели» образа жизни личности⁴³⁶ и другие теоретические результаты, представленные в докладе «Образ жизни и жизненный процесс» (июль 1981 г.)⁴³⁷, позволили перейти от трактовки образа жизни как «системы повседневного поведения» (пусть зависящей от социальных условий, с одной стороны, и состояния сознания субъекта, с другой), к более зрелой концепции, в которой образ жизни рассматривается как СПОСОБ ВЗАИМОСВЯЗИ УСЛОВИЙ, СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА.⁴³⁸ (Июль 2012).

14.5. СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОГО БЮРО АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Несколько вступительных слов

Итак, первые 6-8 лет профессиональных социологических занятий (конец 1960-х – первая половина 1970-х гг.) складывались в основном успешно. Автор с удовольствием занимался любимой наукой, защитил кандидатскую диссертацию, разнообразил сферы

⁴³⁶ См. выше: раздел 3.1

⁴³⁷ См. ДСиСА – 1, раздел 6.1.

⁴³⁸ «Сегодня нам кажутся схоластичными споры, относить условия жизни и сознание людей к «образу жизни» или нет. «Формами жизнедеятельности» — ни условия деятельности, ни сознание субъекта, понятно, не являются. Но образ жизни — это нечто совсем другое. Докладчик полагает, что образ жизни следует рассматривать как **способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности** субъекта. Отсюда ценностно-мотивационная сфера личности входит в предмет исследования образа жизни именно в ее взаимосвязи с условиями и деятельностью, а не автономно. То же можно сказать и о субъективном факторе общественного развития (для исследований «образа жизни» на уровне общества)» (Июль 1981). Цит по: ДСиСААА – 1, с. 448.

научных интересов, активно публиковался, набирался опыта в близком сотрудничестве с зачинателями советской социологии.

Ничто не предвещало особых жизненных перемен...

В мае 1975 г. случилось неожиданное: автор этих строк оказался избран секретарем партийного бюро вновь образованного в Ленинграде Института социально-экономических проблем АН СССР (сокращенно - ИСЭП). Уклониться от предложенной «чести» не удалось. Райком «рекомендует»...

Из дневника (1975):

«...Народная мудрость учит: не в свои сани не садись! Но уж коли посадили в сани, не говори, что они не твои».

Ниже - некоторые документы, относящиеся к недолгому (меньше года) периоду «научно-партийной» карьеры автора.

14.5.1. ИСЭП: научно-организационный эксперимент

Справка

Институт социально-экономических проблем АН СССР был учрежден в Ленинграде в соответствии с решением Ленинградского обкома КПСС от 31.10.1974 и постановлением Президиума АН СССР от 14.11.1974.

Фактической датой рождения ИСЭПа можно считать 1 апреля 1975 г., когда все сотрудники ленинградских подразделений пяти институтов Академии наук СССР (Центральный экономико-математический, Институт истории естествознания и техники, Институт философии, Институт социологических исследований, Институт экономики) были зачислены, распоряжением Президиума АН СССР от 31.03.75, в штат нового института, с условием последующего прохождения по конкурсу.⁴³⁹

По состоянию на начало июля 1975 г., общая численность сотрудников ИСЭП составила 430 чел. (в том числе 195 научных сотрудников, остальные - научно-технический и административный персонал). Объединенная партийная организации нового института насчитывала в своих рядах 87 чел.

*Директором нового института Президиум АН СССР утвердил доктора экономических наук, профессора Гелия Николаевича **Черкасова** (ныне покойного).*

Структура ИСЭП АН СССР, на момент его учреждения:

I. Отдел социально-экономических проблем научно-технического прогресса (3 сектора).

II. Отдел социальных проблем труда и образа жизни (4 сектора).⁴⁴⁰

III. Отдел региональных проблем социально-экономического развития (6 секторов).

IV. Отдел математических методов решения социально-экономических задач (3 сектора).

V. Вычислительный центр социально-экономических исследований (коллективного пользования) - 5 лабораторий.

Кроме того: сектор научной информации и координации.

⁴³⁹ Два месяца спустя, в соответствии с дополнительным распоряжением Президиума АН СССР от 4.07.1975 в новый институт было влито также ленинградское подразделение ВНИИ проблем организации и управления Государственного комитета по науке и технике при Совете министров СССР.

⁴⁴⁰ Сектор социальных проблем труда; сектор развития трудовых коллективов и социалистического соревнования; сектор социальных проблем личности и социалистического образа жизни (впоследствии переименован в сектор социальных проблем личности и образа жизни); сектор социальных проблем массовой коммуникации.

Среди основных направлений научной деятельности ИСЭП, утвержденных постановлением Президиума АН СССР от 29.05.1975, указывалось (имея в виду отдел социальных проблем труда и образа жизни, т. е. собственно социологический отдел):
- исследование влияния социального и научно-технического прогресса на содержание труда и формирование разносторонне развитой личности и социалистического образа жизни, развития трудовых коллективов, массовой коммуникации, социалистического соревнования, технического творчества.⁴⁴¹ (Июль 2001).

= Из совместной статьи директора и секретаря партбюро института, опубликованной в ноябрьском номере стенной газеты «ИСЭП 1975»

Наш ИСЭП: документированная история и логика развития

<...> 1975 год является годом 250-летия Академии наук СССР. В этом году семья академических учреждений пополнилась новым академическим учреждением в Ленинграде - месте рождения Российской академии наук. Наш ИСЭП ныне самый молодой из академических институтов страны.

Создание нового академического учреждения (а это - всегда событие в жизни науки) чаще всего происходит в итоге дифференциации научных областей и направлений и организационно является актом «отпочкования» некоторого подразделения имеющегося учреждения, приобретения им статуса самостоятельности с последующим ростом. Реже институт как бы не имеет «материнского лона», хотя всегда имеет ядро фактических учредителей - работавших ранее относительно автономно друг от друга специалистов новой растущей области, требующей организационного оформления.

Наконец, возможен третий случай, который пока (по крайней мере, в сфере общественных наук) как будто не имеет прямых прецедентов: новый институт возникает из слияния значительного количества сравнительно небольших филиалов и подразделений различных научных учреждений. Такое объединение стимулировано их территориальной близостью, однако затруднено относительной разобщенностью, как в научном, так и в административном отношении. Содержательным же основанием для создания института является назревшая общественная потребность в решении комплекса междисциплинарных научных задач, которые под силу только большому и целостному научному коллективу.

Этот третий случай как раз и является случаем ИСЭПа. Назовем его случаем **региональной научной интеграции.**

Сама новизна этого варианта позволяет рассматривать его как особого рода научно-организационный эксперимент, участниками которого являются все сотрудники нашего института. Понятно при этом, что формирование ИСЭП является процессом, где сама последовательность организационных шагов, с одной стороны, задана существующими нормами научной организации и управления, а с другой стороны, обусловлена спецификой ситуации и вырабатывается с учетом широкого круга конкретных административных, научных и социально-психологических обстоятельств. Здесь научно-организационная деятельность по необходимости оказывается творческой.

<...>

Вкратце

⁴⁴¹ Еще три «основных направления», заданных институту, относились преимущественно к его экономическим и математическим отделам. -*

Далее в статье обзревается основные этапы становления нового академического института. В качестве «узловых событий», определявших «логику развития», указывались:

- *принятие партийного и академического решений об учреждении ИСЭП АН СССР, назначение директора института (октябрь-ноябрь 1974);*
- *административный перевод сотрудников ряда ленинградских научных подразделений в штат ИСЭП распоряжением Президиума АН СССР (31.03.1975);*
- *«учредительное» собрание партийной организации ИСЭП, избрание партийного бюро ИСЭП (24.04.1975);*
- *утверждение основных направлений научной деятельности ИСЭП постановлением Президиума АН СССР (29.05.1975)*
- *утверждение нового штатного расписания ИСЭП совместным заседанием дирекции и партийного бюро (10.06.1975);*
- *объявление конкурса на замещение вакансий в структуре нового института (25.08.1975);*
- *создание Ученого совета ИСЭП решением бюро Отделения экономики АН СССР (16.09.1975);*
- *создание конкурсной комиссии решением Ученого совета ИСЭП (14.10.1975);*
обсуждение поданных на конкурс заявлений;
- *проведение единовременного конкурса на замещение всех научных должностей, на серии заседаний Ученого совета ИСЭП (27.10.1975);*
- *«учредительные» собрания комсомольской и профсоюзной организаций, формирование других общественных органов ИСЭП (Октябрь-ноябрь 1975).*

...1 января 1976 г. - намеченный, вполне реальный срок завершения организационной фазы формирования ИСЭП. Однако, это формирование есть процесс достаточно длительный и сложный, который было бы неправильно сводить к «заполнению» лишь собственно организационных структур. От того, как осуществлялась закладка фундамента, во многом зависит успех всего строительства.

Но в строительстве нет не значимых «циклов». Очевидно, что в последующих фазах происходящего на наших глазах и с нашим участием научно-организационного эксперимента понадобится поиск таких способов организации научной деятельности, которые неоткуда взять «готовыми», которые надо проектировать и реализовать впервые.

Достаточно назвать проблему действительной интеграции (а не механического соединения!) различных дисциплинарных подходов для комплексного решения проблем социального и экономического развития. Это проблема научная, но вместе с тем и научно-организационная. Эффективная деятельность в этом направлении предполагает выработку принципиально новых форм сотрудничества специалистов всех представленных в ИСЭП научных отраслей. <...>

Директор ИСЭП АН СССР Г.Н. Черкасов
Секретарь партбюро ИСЭП А.Н. Алексеев
Ноябрь 1975 г.

14.5.2. Проект ЦК КПСС к партийному съезду и научная концепция нового института

= Из выступления секретаря партбюро на партийном собрании ИСЭП АН СССР (январь 1976)

<...> Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии - это программа социально-экономического развития нашей страны на предстоящую пятилетку. Этот документ имеет

решающее значение, в частности, для определения реального научного профиля нашего института и для формирования его научной концепции.

В свете положений Проекта ЦК КПСС вырисовывается концептуальная схема, которая позволяет: а) теоретически и методологически обеспечить эффективное решение стоящих перед институтом задач; б) увязать в единый комплекс весь круг частных задач, решаемых отдельными подразделениями ИСЭП.

К основным понятиям этой концептуальной схемы следует отнести:

- а) научно-технический прогресс;
- б) социалистический образ жизни;
- в) региональное развитие;
- г) социально-экономическое планирование.

Каково же их, этих понятий, соотношение друг с другом?

Ускорение НТП [*научно-технический прогресс. - А. А.*] есть важнейшая материально-техническая и экономическая предпосылка и фактор развития социалистического образа жизни. Взаимодействие (взаимовлияние) НТП и социалистического образа жизни есть узловой момент социального прогресса в условиях НТР [*научно-техническая революция. - А. А.*] и развитого социализма.

Это взаимодействие имеет специфические региональные аспекты, составляющие узловой момент регионального развития. Последнее является предметом особой формы социально-экономического планирования - комплексного планирования на региональном уровне, которое выступает необходимой конкретизацией программы социально-экономического развития страны.

Таково самое общее, исходное (теоретическое) представление, которое, разумеется, подлежит дальнейшей корректировке, уточнению, но может рассматриваться как первый шаг к формулированию научной концепции нашего института.

В перспективе такой подход позволяет концептуально объединить усилия всех подразделений ИСЭП.

«Сверхзадачу» нашего института можно определить теперь, с учетом основных положений Проекта ЦК КПСС к XXV съезду, следующим образом:

- ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ВЗАИМОВЛИЯНИЯ) НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА УРОВНЕ РЕГИОНА И ВЫРАБОТКА КОМПЛЕКСА НАУЧНО-ОБОСНОВАННЫХ СРЕДСТВ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УКАЗАННЫЙ ПРОЦЕСС.

Необходимым компонентом решения этой «сверхзадачи» является разработка соответствующих математических (вычислительных) средств для нужд социально-экономических исследований и комплексного планирования на региональном уровне.

<...> До сих пор наша партийная организация участвовала в закладке основ нашего института. Ныне структура института стала действующей, ведется работа по составлению перспективного плана. Мы вступили в новый этап - этап **научного становления** института.

Важнейшей задачей партийной организации сегодня является самое активное участие в выработке научной политики, научной стратегии ИСЭП. Но это и значит - формировать научную концепцию института, опираясь на материалы XXV съезда. <...>

А. Алексеев, 14.01.1976

= Из решений партийных собраний ИСЭП АН СССР (январь 1976)

**Постановление собрания партийной организации ИСЭП АН СССР
от 14.01.1976**

Заслушав и обсудив доклад директора ИСЭП АН СССР Г.Н. Черкасова <...> открытое партийное собрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Одобрить проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 гг.». Считать важнейшей задачей и обязанностью всего коллектива, каждого научного сотрудника и работника Института активное участие в воплощении положений партийного документа в жизнь.

2. С целью наиболее полной реализации проекта ЦК КПСС поручить дирекции Института, руководителям отделов и секторов, принять все необходимые меры к формированию реального научного профиля и разработке научной концепции ИСЭП АН СССР на основе программ научно-исследовательских работ на 1976-1980 годы. При корректировке плана научной деятельности максимально учесть требования к комплексной разработке проблем социально-экономического развития, содержащиеся в Проекте ЦК КПСС.

3. Совершенствовать систему управления и руководства научными исследованиями, стиль, формы и методы работы подразделений Института. Создать действенную систему стимулирования научной деятельности, направленную на своевременное и высококачественное выполнение плана научно-исследовательских работ, на внедрение в жизнь полученных результатов. Повысить трудовую дисциплину в коллективе Института и ответственность подразделений и каждого сотрудника за выполнение планов.

4. Считать обязательным составление в рамках научных программ календарных планов реализации научно-исследовательских работ и внедрения результатов разработок.

5. Добиться того, чтобы индивидуальные планы научных сотрудников были строго увязаны с научными программами и планами научно-исследовательских работ. Практиковать систематическое обсуждение завершенных разделов научных исследований. Внедрить в практику обязательное (внутреннее) рецензирование законченных разработок и выдачу заключений по темам со стороны советов отделов и Ученого совета Института.

<...>

[Здесь опущены пп. 6-10, касающиеся «постановки научной информации», «организации социалистического соревнования и разработки личных творческих планов научных сотрудников», «распределения научных и научно-вспомогательных кадров и материальных ресурсов по важнейшим темам и подразделениям», «постановки пропагандистской и просветительской работы» и проч. - А. А.]

<...> Открытое партийное собрание ИСЭП АН СССР <...> заявляет о готовности коллектива Института отдать все силы достижению целей, намеченных Центральным комитетом КПСС.

Председатель собрания Алексеев А.Н.

Секретарь Минченков В.А.

14.5.3. «Историческое» заседание партийного бюро

Ремарка: в чем «провинился» Ядов?

Ниже - полузабытая страница истории отечественной социологии.

Во вновь образованном институте приказом директора от 1.07.1975 на Владимира Александровича Ядова было возложено заведование отделом социальных проблем труда и образа жизни. Ядов, как ему свойственно, заинтересованно и успешно этим занимался. И вдруг в дирекцию института от него поступило заявление с просьбой освободить от обязанностей зав. отделом.

В чем дело? Здесь сложилась интрига, в которой и сам Ядов, и директор Г.Н. Черкасов, не говоря уж о коллективе социологического отдела, оказались «страдательной» стороной. Суть интриги станет ясной из документа (протокола), который приведем ниже.

Что касается составителя этого документа (секретарь партбюро Алексеев), то, не будучи в силах воспрепятствовать смещению Ядова, он был озабочен тем, чтобы по крайней мере не осталось никаких сомнений или неясностей, в чем же именно «провинился» Ядов и кому понадобилась его отставка.

Достичь этой цели можно было лишь достаточно точной «режиссурой» заседания партбюро, на котором обсуждалось заявление Ядова. Насколько удачной была «режиссура» - судить читателю. (Сентябрь 2001).

= Из протокола партийного бюро ИСЭП АН СССР от 28.10.1975

Присутствовали: члены партбюро Алексеев А.Н., Смирнова Г.П., Иванов О.И., Черкасов Г.Н., Толоконцев Н.А., Фирсов Б.М., Когут А.Е.; тех. секретарь партбюро Минченков В.А. Приглашенных не было.

Слушали: О заявлении члена КПСС, зав. отделом В.А. Ядова в дирекцию.

ЧЕРКАСОВ: Информировывает о том, что сегодня в дирекцию поступила просьба Ядова освободить его от обязанностей зав. отделом социальных проблем труда и образа жизни (зачитывает личное заявление Ядова). Мотивировка - Ядов считает целесообразным сосредоточиться на руководстве сектором, где ему предстоит большая работа на завершающем этапе многолетнего исследования.

Однако вопрос сложнее, чем это может показаться из текста заявления. В известном членам партийного бюро письме сотрудника нашего института Г.С. Антипиной, направленном ею в «Правду» весной этого года, содержался ряд политических обвинений в адрес Ядова. Фактической базой для этих обвинений явились антипатриотические поступки двоих бывших сотрудников Ядова, работавших в его старом секторе, ныне покинувших нашу страну.⁴⁴² От этих фактов никуда не уйдешь, хотя в письме Антипиной, как мы знаем, немало и субъективных измышлений. Сам Ядов хорошо понимает свою ответственность за допущенные ранее недостатки в идейно-воспитательной работе с кадрами, и это обстоятельство несомненно обусловило его решение.

Мы надеялись, что до ухода Ядова с заведования отделом дело не дойдет. Указанные факты имели место в другом учреждении, еще до возникновения ИСЭП. Но обвинения Антипиной прозвучали здесь, в новом институте. После состоявшегося разбора ее письма Антипина не удовлетворилась результатом. Недавно она обратилась к секретарю городского комитета Ждановой. Татьяна Ивановна беседовала с ней два с половиной часа, потом вызывала нас с Алексеевым. Нам был сделан серьезный упрек, что недостаточно внимательны к Антипиной, допустили ее конфликт с коллективом, не можем нормализовать положение.

Заявление Ядова явилось результатом беседы, которую мы втроем (Черкасов, Дмитриев, Алексеев) провели с ним вчера по совету городского комитета партии. Освобождение Ядова от руководства отделом - это тот шаг, к которому побуждает и его самого и всех нас сложившаяся ситуация. Думаю, следует удовлетворить его просьбу.

⁴⁴² В 1973-1975 гг. трое из сотрудников ленинградского подразделения Института социологических исследований АН СССР, возглавлявшегося В.А. Ядовым (а именно: Э.В. Беляев, Д.Н. Шалин и П.Н. Буторин), заявили о своем желании выехать за пределы СССР.

Это обстоятельство в свое время повлекло за собой серию общественных разбирательств «недостатков в идейно-воспитательной работе с научной молодежью», допущенных руководителем подразделения. Письмо Г.С. Антипиной в «Правду» от 29.04.1975 побудило ленинградские партийные органы «вернуться к рассмотрению данного вопроса».

АЛЕКСЕЕВ: Задача нашего обсуждения - определить свою позицию по поводу заявления Ядова и вынести конкретную рекомендацию дирекции. Вопрос о постановке идейно-политического воспитания кадров в подразделениях, вошедших в состав ИСЭП, специально обсуждался на совместном заседании партийного бюро и дирекции 2 июля с.г.⁴⁴³ Наш анализ и выводы поддержаны районным и городским комитетами партии. В частности, было указано на значительные упущения в работе с научными кадрами. Сам Ядов обнаружил глубокое осознание допущенных ошибок. Его личная позиция была по-настоящему самокритичной. 10 июля приказом директора Ядов был назначен зав. отделом и по сей день успешно справлялся с этими обязанностями.

Вопрос об уходе Ядова с должности зав. отделом встал с такой остротой сравнительно недавно. Еще неделю назад, когда мы с Черкасовым были у Ждановой, на этот счет не было окончательно определившегося мнения в горкоме. Теперь оно, очевидно, сложилось. С этим мы не можем не считаться, раз не сумели отстоять иную точку зрения.

Следует отдавать себе отчет в том, что никаких новых ошибок Ядов не совершал. Все это - последствия прошлого, а не оценка его нынешней деятельности. Правильно ли в свое время поступила дирекция, поручив Ядову отдел? Думаю, да, особенно, если учесть сложность организационного, предконкурсного периода. Вчера Ядов единогласно избран Ученым советом на должность зав. сектором. Так что в мотивировке его заявления есть своя логика.

Но действительная причина, как правильно говорил Черкасов, все-таки другая. И в сложившейся обстановке не скрывать надо эту причину, а обнажить. Ибо ни к чему ни Ядову, ни Институту, чтобы ходили в Ленинграде и за его пределами кривотолки, что Ядова-де заставили подать в отставку, как не справившегося с отделом или еще почему-либо.

Какую позицию в этих условиях занять партийному бюро? Мы можем либо рекомендовать дирекции освободить Ядова по его личному заявлению (т. е. принять мотивировку Ядова). Либо сказать прямо: партийное руководство считает необходимым освободить Ядова за допущенные им недостатки в идейно-воспитательной работе, выразившиеся в фактах отказа от советского гражданства двоих его бывших сотрудников.

В последнем случае никаких неясностей, никаких поводов для сплетен вокруг этого дела. Провинился раньше, а наказан сейчас. А разрыв во времени между тем и другим - обусловлен объективно (необходимость подготовки конкурса, организация Института), да и субъективно тоже (лихорадочная деятельность Антипиной накануне конкурса). <...>

[Здесь опущен фрагмент, посвященный Г.С. Антипиной. Последняя, будучи ранее младшим научным сотрудником в подразделении, возглавлявшемся Ядовым, претендовала занять должность старшего научного сотрудника. Однако по конкурсу на вакансию старшего научного сотрудника не прошла. - А. А.]

С учетом всего сказанного, я предлагаю - рекомендовать дирекции освободить Ядова от заведования отделом без ссылки на его личное заявление, которое тут фактически не причем. [!! - А. А.]

ТОЛОКОНЦЕВ: Заведовать социологическим отделом - дело сложное. Есть у дирекции уверенность, что Ядову найдется достойная замена, если он будет освобожден?

⁴⁴³ В ту пору в ИСЭПе, ввиду «чрезвычайности» положения в период становления нового института, была принята такая форма: совместные заседания партийного бюро и дирекции. Всем серьезным административным решениям, как правило, предшествовало обсуждение на таком заседании и они предпринимались как бы «по рекомендации партбюро».

ЧЕРКАСОВ: Мы обсуждали этот вопрос. Есть рекомендация горкома - возложить руководство отделом на зам. директора по науке Дмитриева.

КОГУТ: Если принять заявление Ядова в его нынешней формулировке, это может выглядеть своего рода поощрением.

АЛЕКСЕЕВ: Вот с этим не могу согласиться. В любом случае это административная мера, наносящая моральный урон Ядову. Вопрос в том, где этот урон больше.

СМИРНОВА: Фактически предлагается снять коммуниста с работы. Тогда необходимо выносить партийное взыскание. А для этого сегодня, без дополнительного анализа, мы не имеем оснований.

ФИРСОВ: Но если мы станем реагировать на все безответственные действия Антипиной, то не сможем ни жить, ни работать нормально.

ИВАНОВ: Мне кажется, рекомендация партийного бюро в любом случае должна быть мотивирована. Ведь три месяца назад, когда мы обсуждали те же факты, вопрос о замене руководителя отдела даже не поднимался.

ФИРСОВ: Сформулирую свою точку зрения. Я согласен с Черкасовым, что Ядов хорошо понимает свою ответственность. Его заявление показывает, что он правильно оценил обстановку. Его добровольный уход с заведования отделом, который он сам комплектовал, - крайне нелегкое для него решение. В этих условиях не принять заявление Ядова, снимать его «сверху» - значило бы лишний раз травмировать ученого и коммуниста. Я - решительно за то, чтобы удовлетворить просьбу Ядова, приняв его формулировку.

ТОЛОКОНЦЕВ: Наказание Ядову уже состоялось. Оно - предостаточно для него. Снятие Ядова по инициативе дирекции объективно оказалось бы попыткой ворошить старое. А это особенно вредно сейчас, когда Институт формируется. Согласен с Фирсовым.

КОГУТ: Поддерживает Фирсова и Толоконцева.

СМИРНОВА: Всякое новое разбирательство сейчас не принесет пользы ни Институту, ни коллективу Ядова, ни самому Ядову. Я за то, чтобы удовлетворить его заявление. Кроме того, я предлагаю поручить секретарю партбюро информировать Ядова о ходе настоящего обсуждения.

АЛЕКСЕЕВ: Что касается моей личной позиции на этот счет, то она известна Ядову. Но я вижу, что члены бюро склоняются к другому решению вопроса. Замечу, что нового разбора дела я не предлагал. Это было бы по меньшей мере странной реакцией на обращение Ядова в дирекцию.

ИВАНОВ: Поддерживает точку зрения Фирсова и Толоконцева, а также предложение Смирновой.

ЧЕРКАСОВ: Мы можем отразить результаты нашего обсуждения в специальном решении, где указать на имеющиеся недостатки и записать в качестве рекомендации администрации «смену руководства отделом».

АЛЕКСЕЕВ: Полагаю, что этого делать не следует, т. к. мы ничего не сможем добавить нового к развернутому постановлению заседания партийного бюро и дирекции от 2 июля. Надо выполнять это постановление.

Коллективное мнение, как видно, сводится к тому, чтобы рекомендовать дирекции удовлетворить просьбу Ядова, приняв мотивировку его заявления. В таком случае я не настаиваю на своем предложении, тем более, что у нас в партбюро уже сложилась традиция единодушного решения сложных вопросов. Но я и сейчас не уверен, что такое

решение является наилучшим. В подобных ситуациях полезно действовать напрямик, уменьшая вероятность домыслов, пересудов, ложных толкований.

В заключение, хочу подчеркнуть, что мы сегодня обсуждали не Ядова (которого здесь нет), а лишь форму, в которую должна вылиться определенная административная мера, и прояснили наше отношение к его заявлению в дирекцию.⁴⁴⁴

ЧЕРКАСОВ: Я думаю, что наиболее правильной формулировкой приказа будет: освободить Ядова от обязанностей зав. отделом. Основания: его личное заявление и рекомендация партийного бюро.

АЛЕКСЕЕВ: Это вполне отвечает смыслу нашего обсуждения.

ПОСТАНОВИЛИ: Рекомендовать дирекции удовлетворить просьбу В.А.Ядова об освобождении его от обязанностей зав. отделом с целью сосредоточения на делах сектора. Поручить А.Н. Алексееву информировать Ядова о ходе и результатах настоящего обсуждения.

Верно: секретарь партбюро ИСЭП А.Н. Алексеев⁴⁴⁵

Ремарка: по следам наших выступлений.

Стоит отметить, что вышеприведенный протокол был завизирован (подписан) каждым из участников заседания. Этим документам полностью исключалась версия о каких-либо иных причинах ухода Ядова с поста руководителя отдела, кроме проясненных там.

*Порученное секретарю партбюро «информирование» Ядова о ходе и результатах настоящего обсуждения» состоялось в виде передачи В.А. копии этого протокола. Заодно, и для коллектива социологов этот документ не стал секретом. То есть все скрытые пружины и тайны «партийного руководства наукой» были **обнародованы**.*

Неделю спустя, 3.11.1975, вышел приказ директора ИСЭП Г.Н. Черкасова об освобождении Ядова В.А. от обязанностей зав. отделом (основание: личное заявление Ядова и рекомендация партийного бюро). Временное исполнение обязанностей заведующего отделом социальных проблем труда и образа жизни этим же приказом было возложено на заместителя директора ИСЭП АН СССР А.В. Дмитриева. (Июль 2001).

14.5.4. «К этому письму обязывает партийный долг...»

[Первое партийное бюро ИСЭП АН СССР работало с мая 1975 по март 1976 г. Как можно понять из всего сказанного выше, это был начальный и во многом определяющий период становления нового академического института.

Перевыборы партийного бюро, как видно из вышеприведенных дат, были проведены досрочно, по причине, которая станет ясной из нижеследующего документа. - А. А.]

⁴⁴⁴ Описанная ситуация чем-то напоминает выбор, перед которым встает человек, от которого начальство хочет избавиться: либо подать заявление «по собственному желанию», либо отказать от такого шага - мол, не буду вам в этом деле помогать. Большинство людей в таких случаях выбирает первый вариант.

⁴⁴⁵ Текст настоящего документа, а также авторский комментарий к этим событиям середины 1970-х гг. см в: Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами, июль 1990 г. // Телескоп: Журнал социологически и маркетинговых исследований. 2010, № 4. Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2010&id=686. См. также: <http://cdclv.unlv.edu/archives/interviews/alekseev.html>.

**А. Алексеев - председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС
А.Я. Пельше (июнь 1976)⁴⁴⁶**

Глубокоуважаемый Арвид Янович!

Мне стало известно, что 23.06.1975 решением парткома Тартуского государственного университета, в результате обвинений политического характера исключен из партии старший преподаватель кафедры психологии, научный руководитель лаборатории социологии этого университета, член КПСС с 1958 г. Юло Вооглайд. <...>

Я знаю Ю. Вооглайда с 1965 г. За 10 лет научного сотрудничества и личной дружбы я имел возможность неоднократно убедиться в его преданности делу коммунистического строительства, идейной выдержанности, партийной принципиальности в решении научных и жизненных вопросов, высокой ответственности в отношении к делу и глубокой личной порядочности.

Кратко охарактеризую Ю. Вооглайда как ученого. Он известен как зачинатель социальных исследований в Эстонской ССР, организатор одной из самых продуктивных социологических лабораторий в нашей стране, авторитетный специалист по проблемам массовой информации и пропаганды, социального развития производственных коллективов <...>, быта и досуга трудящихся, социалистического образа жизни. Работу Ю. Вооглайда характеризует отчетливая научно-практическая направленность. <...> Мне известно, что результаты работы Ю. Вооглайда по изучению партийной печати получили положительную оценку в отделе пропаганды ЦК КПСС.

Незаурядность Ю. Вооглайда как специалиста, организатора, педагога не подлежат сомнению. Не случайно, что многие советские социологи так или иначе учились у Ю. Вооглайда, применяют его методики, используют его опыт за пределами Эстонии. Я допускаю мысль, что такие качества Ю. Вооглайда, как увлеченность своим делом, активное вмешательство в жизнь, горячее стремление внедрить результаты исследований в практику <...>, в сочетании с его популярностью, могли дать повод для неправильной оценки его деятельности местными организациями и особо пристрастное отношение к нему.

<...> Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как председателю КПК, это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего, и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию на 3 года позже Ю. Вооглайда, но я готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.

Копию этого письма я одновременно направляю в ЦК КП Эстонии.

С уважением

А.Н. Алексеев, старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР, член КПСС с 1961 г.
27.06.1975

Ремарка: хотел подковать черта?

Во втором письме в КПК при ЦК КПСС, от 6.09.1975, автор усилил формулировку: «Ручаюсь своим партийным билетом...». В райкоме партии это было расценено как попытка использовать свое общественное (должностное?) положение для «оказания давления на ЦК нашей партии» и предложено провести досрочные перевыборы партийного бюро института.

В состав нового партбюро бывший секретарь, понятно, уже не баллотировался. Правда, без общественной нагрузки не остался. Некоторое время спустя решением

⁴⁴⁶ Документ публикуется в сокращении.

нового партбюро он был введен в состав партийной комиссии по осуществлению права контроля за деятельностью администрации (именно так это называлось).

И вообще вся эта история для «неудобного секретаря» тогда обоилась, как говорится, без последствий.

...Ну, а Юло Вооглайд был-таки из партии исключен бесповоротно (хоть и с несколько смягченной формулировкой). Вынужденный расстаться с Тартуским университетом, он переехал в г. Таллинн, где стал работать в Центре НОТ и управления Министерства легкой промышленности Эстонской ССР.

На новый, 1976 г. я получил от Ю. В. почтовую открытку с короткой поздравительной надписью:

«Дорогой Андрей. Усатый - это ты, пожалуй. Желаю тебе и в этом удачи. Твой Юло».

На обороте открытки был изображен эстонский крестьянин с большими усами... подковывающей черта. (Июль 2012).

14.6. «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА И ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА»

[Ниже - фрагмент из научного отчета по плановой теме НИР ИСЭП АН СССР "Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города" (декабрь 1979 г.). Исполнители отчета - д. ф. н., зав. сектором В.А. Ядов и к.ф.н., ст. научный сотрудник А.Н. Алексеев. - А. А.]

В современной литературе пока еще не получил широкого распространения способ описания и анализа, который можно назвать **проблемным подходом** к исследованию социального (социально-экономического) объекта. Между тем, такой подход представляется перспективным в научно-практическом отношении. Именно этот научный подход проводится в «Комплексной программе научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу», содержащей диагностический анализ проблемной ситуации и научный прогноз экономического и социального развития СССР до 2000 г. [Эта многотомная программа, была издана «для служебного пользования» в конце 1970-х гг. - А. А.]

Общий смысл проблемного подхода составляет органическое соединение действительной научности с практической значимостью, т. е. бескомпромиссное и гражданственное научное проникновение в объект, взгляд на реальные проблемы жизнедеятельности населения крупного города (говоря о нашей теме).

Под **социальной проблемой** естественно понимать не решенный социальный вопрос, осознанное противоречие между действительным и должным, между сущим и желаемым, между наличным и необходимым в социальной жизни. Это также есть противоречие между «известными» целями общественного развития и «не известными» средствами (ресурсами, возможностями, резервами) для их достижения. Решенная проблема - уже «не проблема». Таким образом, сама по себе формулировка темы (социальные проблемы образа жизни населения крупного города) предполагает высвечивание в социальном объекте тех именно сторон, которые выступают как «проблемонесущие» или «проблемообразующие».

При проблемном подходе встают задачи, которые отличаются от обычно возникающих при составлении комплексных планов социально-экономического развития, где полагается отразить в показателях и нормативах все стороны, все «участки» и «сектора» объекта, развитие которого планируется.

Проблемный подход к исследованию образа жизни населения крупного города предполагает комплексное рассмотрение «системы жизнедеятельности» населения, с ее подсистемами и связями между ними, при особо пристальном внимании к «разрывам» в этих связях и имеющимся рассогласованиям в системе. То обстоятельство, что речь идет о социальных проблемах **образа жизни**, сколь бы ни были эти проблемы глубоки и «всеобъемлющи», вместе с тем и ограничивает предмет исследования (по сравнению, скажем, с задачами комплексного анализа функционирования и развития города как социально-экономической гиперсистемы). Система производства, система расселения, система жизнеобеспечения, система управления подлежат рассмотрению с точки зрения оптимизации и разрешения проблем, относящихся к формам «непосредственного бытия» людей, т. е. проблем, так или иначе отражающихся в сознании городского населения и формирующих (искажающих) его демографическое, производственное, бытовое, культурное, общественно-политическое и т. д. поведение.

Понятно, что истоки тех или иных социальных проблем могут лежать и вне нашего предмета. В таких случаях понадобится обращение к социально-экономическим (или иным) механизмам функционирования и развития социалистического города или даже более широких систем. Однако этим не исключается необходимость специализированного анализа социальных проблем образа жизни, как таковых, попытка выявления их взаимосвязей, построения их иерархии и определения основных условий, стратегии и тактик комплексного решения (с учетом более общих перспектив социально-экономического развития).

Ниже предлагается опыт первичной группировки социальных проблем образа жизни населения крупного города (на примере Ленинграда), а также попытка первичного описания «комплексов» проблем. Последняя опирается на материалы известных нам ранее проведенных в Ленинграде исследований, на имеющийся анализ проблемной ситуации социально-экономического развития страны (см. упомянутую «Комплексную программу НТП и его социально-экономических последствий на перспективу»), а также на не систематизированный опыт, тоже подтверждающий правомерность именно таких определений и характеристик проблемной ситуации.

Оговорим, что на первом этапе исследования представляется целесообразным не дифференцированное описание «собственно городских» и выходящих за пределы компетенции городских управленческих органов проблем, поскольку их отражение в сознании и воплощение в поведении населения города является целостным.

Первичная группировка «комплексов» социальных проблем образа жизни населения крупного города (на примере Ленинграда)

Ниже мы обозначим комплексы социальных проблем в крупном городе, требующие исследования по целевым программам и постараемся конкретизировать их основное содержание.

1. Социально-демографический комплекс (проблемы, связанные с количественным и качественным воспроизводством населения).

- Суженное естественное воспроизводство населения города; увеличение численности и качественные изменения в составе населения за счет особенностей миграционных потоков.

2. Социально-производственный комплекс (проблемы, связанные с производственной сферой жизнедеятельности населения).

- Дефицит трудовых ресурсов; несоответствие технико-организационных и социально-экономических условий труда требованиям работников; недостаток индивидуальной и коллективной заинтересованности в повышении трудового вклада.

3. Социально-бытовой комплекс (проблемы, связанные с социально-бытовой сферой жизнедеятельности населения).

- Дефицит ряда важнейших видов социальных благ (особенно - жилища); несоответствие развития социальной инфраструктуры города потребностям населения;

низкое качество общественных услуг; существенная дифференциация обеспеченности различных категорий населения определенными социальными благами и ресурсами.

4. Социально-экологический комплекс (проблемы, связанные с охраной окружающей среды).

- Относительное ухудшение экологической среды обитания; суженная база природоохранных мероприятий.

5. Социально-оздоровительный комплекс (проблемы, связанные с охраной здоровья населения).

- Относительно неблагоприятные условия воспроизводства «совокупного здоровья» населения; несоответствие развития и качества работы системы здравоохранения изменяющимся условиям жизни.

6. Социально-воспитательный комплекс (проблемы, связанные с обучением и воспитанием подрастающего поколения).

- Несоответствие содержания и качества общеобразовательной подготовки потребностям становления гармонично развитой и социально-активной личности; высокая распространенность элементов формализма в учебной и воспитательной работе с молодежью.

7. Социально-культурный комплекс (проблемы, связанные с социально-культурной сферой жизнедеятельности населения).

- Существенная дифференциация включенности различных категорий населения в содержательные виды досуга и общения, способствующие развитию личности; высокая распространенность пьянства, различных форм антикультурного и асоциального поведения.

8. Социально-политический комплекс (проблемы, связанные с развитием общественной инициативы и социальной активности).

- Широкое распространение элементов формализма в социально-одобряемых формах общественной активности, а также разнообразных проявлений общественного индифферентизма и безответственности.

9. Социально-правовой комплекс (проблемы, связанные с реализацией моральных и правовых норм в массовом поведении).

- Высокая распространенность субъективно-волевых и протекционистских, общественно не контролируемых решений на разных уровнях социальной организации; массовость «мелких», заурядных нарушений морально-правовых норм, в индивидуальных и групповых интересах.

Логикой дальнейшего анализа предусматривается сначала дальнейшая детализация соответствующих комплексов проблем, предварительное описание и рассмотрение каждой проблемы в динамике за 10-15 лет. Затем предполагается качественный (на первом этапе) анализ генетических и функциональных связей: а) между проблемами в рамках каждого комплекса; б) между проблемами из различных комплексов; в) между комплексами проблем, взятыми в целом.

Важным этапом в реализации предлагаемого подхода является построение иерархии проблем, задающей систему взаимозависимостей между ними, с поиском причинно-следственных связей, а также «ключевых» проблем (на данный исторический момент социально-экономического развития).

Главными задачами предполагаемого исследования являются: а) изучение взаимовлияния условий жизни, состояния сознания и форм поведения в различных слоях населения; б) изучение взаимосвязи между изменениями уровня материального благосостояния людей и изменениями в качестве социально-культурных условий их жизни; в) изучение соотношения социальных интересов и реальной активности людей в двух сферах жизнедеятельности - производственной и внепроизводственной.

Критериями прогрессивности изменений в этом плане полагаются:

- формирование активной жизненной позиции людей, развитие трудовой и общественно-политической активности, а также активности в сферах производства и потребления духовных благ.

В итоге исследований, проведенных нашим научным коллективом в 1978-1979 гг., мы находим, что непосредственное планирование образа жизни, как такового, пока вряд ли возможно, и считаем целесообразным предпринять серию целевых предплановых исследований для последующей постановки задачи планирования образа жизни, как реалистичной.

А.Н. Алексеев, В.А. Ядов
(Декабрь 1979 г.)

14.7. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТРАЖЕНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Справка

*Ниже - композиция извлечений из научного отчета сотрудника НИИКСИ при ЛГУ Александра Павловича **Марьяненко** по материалам социологического опроса на тему о позитивных и негативных сторонах социальной действительности, проведенного в 1979 г. среди рабочих и служащих Петроградского района г. Ленинграда.*

Фрагменты данного отчета, выполнявшегося, судя по всему, по заказу партийных органов («для служебного пользования»), взяты из моих выписок начала 1980-х., предпринятых с согласия автора исследования.

Краткая характеристика выборки:

Опрошено 211 чел. В том числе: 140 ИТР и 71 рабочий; 54 мужчин и 157 женщин; «Ленполиграфмаш» - 33 чел.; другое предприятие - 75; другой завод - 36; другой завод - 67 чел.

= Из научного отчета коллеги (1980)

<...> Представления о социальной действительности имеют сложную, противоречивую природу.

Во-первых, в них ОТРАЖАЮТСЯ социальные АКТУАЛЬНЫЕ факты, непосредственно представленные в жизни людей. Во-вторых, это ОБОБЩЕНИЕ (верное или неверное, глубокое или поверхностное) и ОБЪЯСНЕНИЕ существующих фактов. В-третьих, это ОЦЕНКА социальной действительности и ее отдельных сфер, проблем и т. п. Наконец, в-четвертых, в представлениях о социальной действительности находят свое выражение ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ человека, его ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЦЕЛОМ.

Представление о социальной действительности складывается у субъекта на основании не только его собственного жизненного опыта, но и информации о жизненном опыте других и информации в каналах массовой информации, путем принятия циркулирующих в общении (официальном и неофициальном) идей, согласующихся с личным опытом, либо имеющих статус признания в круге общения, к которому человек принадлежит.

Так или иначе представление о социальной действительности является ОТРАЖЕНИЕМ ИДЕЙ, признанных, разделяемых в различных социальных группах. <...>

«ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ В СВОБОДНОЙ ФОРМЕ НА ВОПРОСЫ:

1. Какие основные достоинства и недостатки в условиях и особенностях нашей жизни (трудовой деятельности, культуры, нравственности, быта, политического сознания и т. д.) Вы могли бы отметить?

2. Какие положительные и какие отрицательные черты во взглядах и поведении людей являются, на Ваш взгляд, типичными в настоящее время?

Можете ли Вы высказать мнение об основных причинах формирования этих черт?

3. Какие сильные и какие слабые стороны в постановке идеологической и воспитательной работы (в том числе и в Вашем коллективе) Вы можете отметить?

После того, как ответите на вопросы, укажите Ваш пол, возраст и профессию.

Заранее благодарим за участие в опросе».

Замечание о методе исследования

Обычно представления о социальной действительности изучаются с помощью мнений и оценок, полученных при анкетном опросе. Однако при предложении испытуемым определенной тематики вопросов возникает опасность опроса не о том, что они считают важным, а о том, что считает нужным и важным сам исследователь. Поэтому были сконструированы вопросы, которые минимальным образом ограничивали бы испытуемых в тематике и формулировке ответов, не настроили бы их на обобщенное описание и оценку действительности. <...>

ВЫВОДЫ

Проведенный опрос позволил установить следующие факты:

1. Основная черта в представлении анкетированных о социальной действительности - положительная оценка общих, существенных сторон социальной действительности при выделении недостатков в частных, отдельных сферах. При описании социальной действительности в целом преобладают положительные оценки; при описании отдельных сторон - отрицательные.

2. Большинство опрошенных (65 %) оптимистически, конструктивно относятся к недостаткам нашей действительности; считают, что они устраняются или могут быть устранены.

3. Среди общих проблем социальной действительности, имеющих «сквозной» характер, проявляющихся во всех сферах социальной действительности, можно выделить следующие:

3.1. Пьянство, алкоголизм - рассматривается как одно из основных зол на производстве, как причина недостатков в воспитании, как отрицательная черта нашего быта.

3.2. Блат, взяточничество, злоупотребление служебным положением, хищения социалистической собственности, принцип «ты мне - я тебе». Эти недостатки связываются в основном с деятельностью предприятий торговли и сферы обслуживания, но расцениваются как нетерпимые и несовместимые с социалистическим образом жизни.

3.3. Бесхозяйственность - концентрированное и наиболее наглядное выражение многих недостатков во всех сферах экономической деятельности.

Опрашиваемые сформулировали и мнение об общей причине этих недостатков - **БЕЗНАКАЗАННОСТЬ** и **БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ**. Во мнениях испытуемых выражено требование - усилить уровень ответственности каждого:

- за порученное ему дело;

- за нарушения социалистического законодательства, норм нравственности и социалистического общежития.

Можно не сомневаться, что усиление требовательности к деятельности руководителей производства, ужесточение контроля за соблюдением норм и усиление мер, направленных на укрепление трудовой дисциплины, встретит понимание и поддержку трудящихся и будет воспринято как своевременное.

(Исследователь здесь описывает мнения и настроения опрашиваемых, а не дает рекомендации).

Среди частных проблем необходимо отметить следующие:

4. В производственной сфере, положительно оценивая усилия в улучшении условий труда, опрошенные имеют тенденцию описывать недостатки в области трудовой деятельности как недостатки управления. Повышение ответственности руководителя - основная линия мнений опрошенных.

5. Как на существенный недостаток, указывают на нерациональную организацию быта: несовершенство работы городского транспорта; очереди в магазинах; недостатки строительства и жилищно-бытового обслуживания.

6. Проблемы воспитания непосредственно связываются:

- с необходимостью поднять уровень деятельности школ; сделать их не только учреждениями обучения, но и учреждениями культурного воспитания и организации досуга детей;

- с необходимостью освободить в некоторой мере матерей от производственной деятельности для того, чтобы они могли заниматься воспитанием детей;

- с усилением работы по организации досуга по месту жительства.

Иначе говоря, во мнениях и предложениях трудящихся проявляется тенденция усилить организационно-экономическое обеспечение воспитательного процесса.

7. Равнодушие и мещанство, по мнению испытуемых, суть основные недостатки и отрицательные черты во взглядах и поведении людей. Отражая этот факт, опрашиваемые не дают рецептов борьбы с этими явлениями.

8. В идейно-воспитательной работе в качестве положительной стороны отмечается усиленная и целенаправленная работа средств массовой информации, литературы и искусства, удовлетворительная постановка лекционной и пропагандистской работы и слабая организация (формализм, догматизм, наконец, отсутствие воспитательной работы).

Типология жизненных позиций:

1. **ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ** позиция - по сути своей представляет отрицательное отношение к наиболее общим закономерностям социальной действительности, неверие в прогресс, в возможность действительных улучшений, в разрешение существующих закономерностей (5 %).

2. **КОНЬЮНКТУРНАЯ** позиция - состоит в том, что человек «предъявляет» не собственное отношение к действительности, а то, которое, как он считает, от него ожидают в данной ситуации. Точнее, он высказывает то мнение, которое уж по крайней мере не может ему навредить (15 %).

3. **Конструктивная** позиция - состоит в том, что действительность отражается субъектом избирательно: в ней выделены главные, существенные стороны как основные достоинства или недостатки; субъект не просто разделяет действительность на достоинства и недостатки, но и придерживается некоторой программы, предполагающей преодоление существующих недостатков.

Конструктивная позиция может выступать как **ОГРАНИЧЕННО-КОНСТРУКТИВНАЯ**, которая состоит в том, что субъект имеет развернутое представление о той действительности, с которой он (либо лица его круга общения) сталкивается непосредственно, но отказывается от конструктивной оценки социальной действительности в целом (40 %).

В противовес ограниченно-конструктивной позиции, **ГРАЖДАНСКАЯ КОНСТРУКТИВНАЯ** позиция состоит в определении действительных прогрессивных

общественных тенденций при адекватном отражении как общих, так и частных недостатков.

4. ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ позиция состоит в том, что, с одной стороны, испытуемый воспринимает достоинства, достижения нашей действительности как естественное и должное, а с другой - действительность им воспринимается исключительно в плане удовлетворения / неудовлетворения его потребностей (потребностей людей его круга и коллектива). Достоинства и недостатки воспринимаются им как достоинства и недостатки в обеспечении членов общества различными благами.

Все отмечаемые представителями последней из названных позиций недостатки не являются надуманными, это актуальные проблемы нашей действительности. Отличает потребительскую позицию не столько искажение социальной действительности, сколько подход к ней с узких, односторонних позиций.

Необходимо отметить, что иногда меткое и объективное отражение недостатков раскрывается у человека с пессимистической или потребительской позицией, в то время как у человека с гражданской позицией отражение недостатков может быть слишком обобщенным.

Таблица 1
Распределение по позициям в группах по полу и социальному положению
(в процентах к численности соответствующей группы, с округлением до 5)

Группы	Песс.	Конь- юнк.	Огр. констр.	Гражд. констр.	Потр.	Всего
Муж. ИТР	10	15	40	15	20	100
Жен. ИТР	5	15	25	25	30	100
Муж. раб.	5	25	50	20	-	100
Жен. раб.	-	15	35	50	-	100
ИТР	5	15	30	25	25	100
Раб.	-	15	50	35	-	100
Муж.	5	20	50	20	25	100
Жен.	-	15	30	30	25	100
Все отве- тившие	5	15	40	30	10	100

Таблица 2
Частота упоминаний различных сторон социальной действительности
(в процентах к общему количеству опрошенных - 211 чел.)

Высказывания в ответах на открытые вопросы высказываний	Частоты высказываний
--	-------------------------

Характеристики социальной действительности в целом

1. Конституционно-гарантированные права граждан СССР	
В том числе:	
1.1. Право на труд, возможность получить любую Профессию, полная занятость всего трудоспособного населения	41
1.2. Право на отдых	30
1.3. Право на образование, культурное развитие	46
1.4. Право на медицинское обслуживание	16
1.5. Право на жилье	30
2. Стремление к миру, мирная политика	10
3. Рост благосостояния, высокий уровень жизни	22
4. Уверенность в завтрашнем дне	13
5. Демократия, равные права	13

Характеристики производственной деятельности и управления экономикой

1. Характеристика условий труда	7
2. Характеристика управления экономикой и производством	5
2.1. Подбор руководящих кадров (недостатки)	5
2.2. Недобросовестность руководителей	5
2.3. Недостатки планирования	20
2.4. Отрицательные нормы, традиции в деятельности управленческого аппарата	
В том числе:	
- бесхозяйственность	19
- безответственность	22
- безнаказанность	12
2.5. Нарушения производственной дисциплины, прогулы, пьянство	20
2.6. Недостатки в системе стимулирования и Организации социалистического соревнования	11
2.7. Расточительство, хищения	9
3. Творческое отношение к работе	7
4. Косность, невосприимчивость к новому, раздутые управленческие штаты	10

Характеристики быта

1. неполадки в работе городского транспорта	15
2. Низкий уровень бытового обслуживания	15
3. Дефицит товаров, трудности со снабжением, трудности, связанные с приобретением (покупкой) товаров, недостатки в работе торговли	35
4. Блат, спекуляция, создание искусственного дефицита	25
5. Трудности в приобретении книг, билетов в театры и на концерты	15
6. Трудности с жильем, низкий уровень работы ЖЭК	20
7. Планомерное улучшение жилищных условий	15

Характеристики типического в поведении и сознании людей: мораль, нравственность

Положительные черты в поведении и сознании людей

1. Высокая культура, тяга к знаниям	15
2. Отзывчивость, доброжелательность	12
3. Трудолюбие	9
4. Любовь к своему народу, патриотизм, высокая политическая сознательность	15
5. Коллективизм	10

Отрицательные явления в области морали, Нравственного и политического воспитания

1. Пьянство, алкоголизм	35
2. Вещизм, меркантильность и мещанство	28
3. Грубость, хамство, невежливость, раздражительность	15
4. Замкнутость, равнодушие, безразличие, пассивность	26
5. Отсутствие высокой культуры	15
6. Блат, использование служебного положения в личных целях	15
7. Эгоизм, неуважение к обществу и людям	15
8. Лицемерие, угодничество	3

Характеристики идейно-воспитательной работы в производственных коллективах (всего высказали хотя бы какое-нибудь мнение о проблемах ИВР 44 % испытуемых)

1. Большое количество лекций, экскурсий	5
2. Идеологическая (пропагандистская, агитационная) работа поставлена хорошо, воспитательная - слабо (вообще не проводится)	5
3. Идеологическая работа поставлена хорошо только в отношении членов партии, комсомольцев, молодежи	3
4. Формализм в идейно-воспитательной работе	15
5. Идейно-воспитательная работа не ведется	10

А.П. Марьяненко, 1980 г.

Ремарка: структуризация общественных проблем

Дата моих выписок из этого отчета - 22.02.81.

Вслед за автором исследования, подчеркнем, что вопросы анкеты были ОТКРЫТЫМИ, т.е. «испытуемые» (как их называет А. М.) сами вычленили «достоинства» и «недостатки», «положительные» и «отрицательные» черты социальной действительности, как теперь говорят - «тематизировали» ее.

Находясь под естественным влиянием господствующих представлений, стереотипов, «клише», респонденты формулировали свои ответы в терминах этих представлений.

Исследователь же, в свою очередь, интерпретировал и группировал эти ответы - в соответствии со своей индивидуальной научной установкой, и, разумеется, с учетом определенных социальных ожиданий заказчика.

При всех этих субъективных «абберациях», и респонденты, и исследователь были добросовестны. В результате получилась довольно реалистичная картина представлений опрошенных о социальных проблемах, ОТРАЖЕНИЯ этих проблем в массовом сознании.

Интересно сравнить эти результаты:

а) со структуризацией «социальных проблем труда и образа жизни населения крупного города» в нашем с В. Ядовым институтском научном отчете 1979 г.⁴⁴⁷

б) с материалами андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?».⁴⁴⁸

Время проведения обоих опросов (массового – «для служебного пользования» и экспертного- «подпольного») - рубеж 1970-х - 80-х гг. (Декабрь 1999).

...Субъекты (авторы) и объекты (респонденты) социального исследования были подобны: публичная жизнь практически не имела альтернатив, что уподобляло как человеческие проявления, так и их отображение в социологических работах...

С. Рапопорт. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал, 1998, № 1 / 2, с. 256

14.8. «РАБОТА В БРИГАДЕ: ПЛЮСЫ, МИНУСЫ, ПРОБЛЕМЫ»

Несколько вступительных слов

Название этого раздела совпадает с названием методического документа (вопросника), в разработке которого автору этих строк довелось принимать участие в начале 1980-х гг.

В ту пору, когда автор проводил на «Ленполиграфмаше» свой научно-практический эксперимент, на этом же предприятии работала по хоздоговору группа социологов НИИ комплексных социальных исследований при Ленинградском университете в составе: Н.П. Грибалев (рук.), А.П. Марьяненко, Н.Ю. Щербаков, И.И. Проскурина.

Тема хоздоговора: «Совершенствование организационной и идейно-воспитательной работы в производственном коллективе».

Социолог-рабочий стал сотрудничать с этой группой, на общественных началах. Одним из предметов сотрудничества явилось создание пакета методических документов исследования эффективности бригадных методов организации труда (БФОТ).

(Как уже отмечалось, эта форма организации и стимулирования труда была высоко развита на «Ленполиграфмаше»; например, в моем цехе № 3 охват бригадной формой достигал 80 % всех рабочих).

Ниже – извлечения из научного отчета по названному хоздоговору. (Декабрь 1999).

= Из научного отчета хоздоговорной группы НИИКСИ при ЛГУ, работавшей на «Ленполиграфмаше» (1981)

Разработка методов проведения дальнейших исследований по проблемам бригадной организации труда

⁴⁴⁷ См. выше: раздел 14.5.

⁴⁴⁸ См. ДСиСА – 2, раздел 9.6.2; ДСМиСА – 4, раздел 2.5.2

<...> Цель опроса - дальнейшее более глубокое изучение условий и результатов развития на «Ленполграфмаше» бригадных форм организации и оплаты труда.

Исследование предусматривает выявление перспективных направлений распространения и совершенствования БФОТ.

Исследовательская методика «РАБОТА В БРИГАДЕ: ПЛЮСЫ, МИНУСЫ, ПРОБЛЕМЫ» состоит из 2-х частей: 1) «анкета для рабочих»; 2) «паспорт бригады».

Анкета для социологического опроса по указанной теме разработана с учетом опыта, накопленного исследовательской группой НИИКСИ, а также других научных коллективов, занимавшихся социологическим изучением БФОТ:

- а) на Кировском заводе (ЛФЭИ им. Н.А. Вознесенского) [А.А. Сарно и др. - А. А.];
- б) на Невском машиностроительном заводе им. В.И.Ленина (Ленинградская высшая профсоюзная школа культуры) [Г.Г. Карпов, А.В. Тихонов и др. - А. А.];
- в) на Волжском автомобильном заводе (Куйбышевский политехнический институт им. В.В.Куйбышева) [Б.Г. Тукумцев и др. - А. А.];
- г) на 14 ленинградских промышленных предприятиях (ИСЭП АН СССР) [В.А. Ядов и др. - А. А.];

Анкета рассчитана на проведение опроса среди рабочих сдельщиков и повременщиков:

- (а) входящих в состав бригады, работающих по общему бригадному наряду;
- (б) работающих на индивидуальной сдельной (или повременной) оплате труда (как тех, кто в составе бригад не работал, так и тех, кто в составе бригады работал, а затем вышел из нее).

Предусматривается кустовая пропорциональная выборка, т. е. опрос рабочих отдельных подразделений с учетом соотношения работающих в бригадах и вне их, состава бригад по численности и специальностям их членов и т. п. <...>

Основания выборки и ее описание будет представлено в отдельном документе.

По адресату вопросы АНКЕТЫ ДЛЯ РАБОЧИХ подразделяются на 4 категории:

- (1) адресованные членам бригад, работающих на единый наряд;
- (2) адресованные работающим на индивидуальной сдельной оплате труда (не работавшим ранее в бригадах);
- (3) адресованные работавшим ранее в бригадах, но вышедшим из них;
- (4) адресованные всем опрашиваемым (независимо от их нынешней или прошлой принадлежности к бригадам).

По содержанию вопросы анкеты могут быть подразделены следующим образом:

- 1. Блок вопросов, направленных на выяснение степени удовлетворенности рабочих различными сторонами производственной жизни и работой в целом.
- 2. Блок вопросов, направленных на выяснение массовой оценки наиболее значимых для рабочих аспектов организации производства.
- 3. Блок вопросов, направленных на выяснение мнения об уровне организации труда и его стимулирования.
- 4. Ряд фактологических вопросов, уточняющих конкретные технико-технологические, организационно-экономические и социально-психологические обстоятельства и условия внедрения БФОТ на предприятии (и в отдельных его подразделениях).

5. Вопросы, направленные на выяснение социальной установки рабочих на коллективные формы организации и оплаты труда, а также на выяснение обобщающей оценки БФОТ.

6. Блок вопросов, направленных на выяснение представлений рабочих о направлении и глубине экономических, организационных и социальных изменений, которые произошли на производстве с внедрением БФОТ.

7. Блок вопросов, направленных на выяснение особенностей трудовых и организационных отношений в бригадных коллективах.

8. Блок вопросов, направленных на выяснение представлений рабочих о значимости различных положительных эффектов БФОТ, а также об остроте и сложности возникающих в ходе их (этих форм) внедрения проблем.

9. Блок вопросов, предназначенных для выяснения представлений рабочих о степени распространенности в их среде позитивных социальных качеств, непосредственно проявляющихся в труде и в других видах деятельности.

10. Блок вопросов, направленных на выяснение мнений об эффективности деятельности административно-управленческого аппарата.

11. Вопросы «паспортички» (социально-демографические и профессионально-квалификационные характеристики).

ПАСПОРТ БРИГАДЫ предназначен для сбора данных, характеризующих состав бригады, условия и продуктивность ее деятельности. Паспорт заполняется мастером (начальником участка и экономистом цеха).

Приведенной выше группировкой вопросов анкеты для рабочих (всего 71 вопрос) очерчен круг задач настоящего исследования.

Обобщая, можно сгруппировать эти задачи следующим образом:

- уточнение средствами опроса имеющихся данных о результатах внедрения БФОТ на заводе;
- изучение отношения рабочих к бригадным формам организации труда;
- оценка перспектив внедрения БФОТ на заводе, получение информации о социальных и социально-психологических предпосылках и условиях распространения и совершенствования БФОТ;
- сбор социальной информации, предназначенной для разработки планов социального развития завода. <...>

(Отчет по хоздоговорной теме «Совершенствование организационной и идейно-воспитательной работы в производственном коллективе». НИИКСИ при ЛГУ. Завод «Ленполиграфмаш». 1981)

= Из анкеты для рабочих «Работа в бригаде: плюсы, минусы, проблемы» (1981)

<...> 55. Считаете ли Вы, что эти требования соблюдаются людьми, работающими рядом с Вами? (ответ дайте по каждой строке).

(Стандартная шкала ответов: определенно да; пожалуй, да, пожалуй, нет; определенно нет; затрудняюсь ответить).

- ответственный подход к выполнению производственного задания
- уважительное отношение друг к другу
- готовность помочь товарищу по работе
- бережное отношение к материалам, деталям, энергоресурсам

- деловая инициативность
- взаимная требовательность к работе
- нетерпимость к нарушителям трудовой дисциплины
- активность в общественной жизни. <...>

<...> 22. Если у Вас есть определенный «потолок» заработка, выше которого Вам не подняться: то с чем это связано? (можно указать несколько причин)

- не могу работать быстрее
- дают невыгодную работу
- не хочу работать с чрезмерным напряжением
- не хочу выделяться среди других
- пересматривают расценки
- мешают перебои в обеспечении работой, материалами, инструментом
- плохое оборудование или некачественный его ремонт
- другое (указать, что именно) _____
- такого «потолка» нет. <...>

<...> 23. Ниже перечислены некоторые требования к деятельности администрации. Считаете ли Вы, что эти требования соблюдаются у вас на производстве? (ответ дайте по каждой строке).

(Стандартная шкала ответов: см. вопр. 55)

- ответственный подход к решению производственных вопросов
- деловая требовательность
- справедливость в оценке работников и результатов их труда
- внимательное отношение к критике, деловым замечаниям и предложениям
- культура в общении, вежливость, тактичность
- подбор кадров по деловым критериям
- внимательное отношение к нуждам и запросам работников
- уважение к коллективу, умение считать с ним. <...>

<...> 35. От кого главным образом зависит решение следующих вопросов жизни вашей бригады? (ответ дайте по каждой строке).

(Стандартная шкала ответов: от совета бригады; от бригадира; от администрации).

- прием в бригаду и исключение из нее
- определение состава работ, закрепляемых за бригадой
- текущее планирование и распределение работы внутри бригады
- установление, пересмотр (коррекция) КТУ [*коэффициент трудового участия*. - А. А.] или условного разряда
- контроль за качеством работы
- назначение бригадира
- поощрение членов бригады и наложение взысканий
- распределение заработка между членами бригады. <...>

<...> 41. Какие изменения произошли в Вашей работе с тех пор, как Вы стали работать в составе бригады?

- Ваш заработок стал: значительно выше; несколько выше; без изменений; несколько ниже; значительно ниже; затрудняюсь ответить.

- Потери рабочего времени: значительно сократились; несколько сократились; без изменений; несколько возросли; значительно возросли; затрудняюсь ответить.
- Возможности планировать свою работу: значительно возросли; несколько возросли; без изменений; несколько уменьшились; значительно уменьшились; затрудняюсь ответить.
- Отношения с товарищами по-работе стали: значительно лучше; несколько лучше; без изменений; несколько хуже; значительно хуже; затрудняюсь ответить.
- Возможности отстоять свои личные интересы: значительно возросли; несколько возросли; без изменений; несколько уменьшились; значительно уменьшились; затрудняюсь ответить.
- Возможности применить свои знания и опыт: значительно возросли; несколько возросли; без изменений; несколько уменьшились; значительно уменьшились; затрудняюсь ответить.
- Возможности влиять на ход дел на участке, в цехе: значительно возросли; несколько возросли; без изменений; несколько уменьшились; значительно уменьшились; затрудняюсь ответить.
- Вы устаете на работе: значительно меньше; несколько меньше; без изменений; несколько больше; значительно больше; затрудняюсь ответить.
- Ваш заработок зависит от Вашего трудового вклада: значительно больше; несколько больше; без изменений; несколько меньше; значительно меньше; затрудняюсь ответить. <...>

<...> 48. Ниже перечислены возможные положительные эффекты внедрения бригадного метода. Считаете ли Вы, что эти эффекты действительно имеют место на участке производства, где Вы работаете? (ответ дайте по каждой строке).

(Стандартная шкала ответов: это несомненно так; пожалуй, это так; считаю, что этого нет; скорее наоборот).

- уменьшается число нарушений трудовой дисциплины
- заработок стабилизируется, меньше колеблется по месяцам
- исчезает деление работ на выгодные и невыгодные
- развивается взаимопомощь, обмен опытом
- молодые рабочие быстрее осваиваются на производстве, овладевают мастерством
- уменьшается число не выполняющих норм выработки
- лучше используется оборудование, оснастка, инструмент
- обеспечение работой становится более планомерным, сама работа - более ритмичной
- сокращаются потери рабочего времени
- реже случаи брака, повышается качество продукции
- в бригаде работать веселее, интереснее
- индивидуальная выработка рабочих в составе бригады возрастает
- отношения более спокойные, меньше конфликтов
- возрастают возможности рабочих влиять на ход дел на участке, в цехе. <...>

<...> 49. Ниже перечислены некоторые трудности, проблемы, осложняющие внедрения бригадного метода. Считаете ли Вы, что эти трудности характерны для того участка производства, где Вы работаете? (ответ дайте по каждой строке).

(Стандартная шкала ответов: это безусловно так; отчасти это так; считаю, что этого нет).

- бригады создаются формально, ради «галочки»
- рабочие не хотят идти в бригады, так как не видят реальных преимуществ, выгод
- при формировании бригад не соблюдается принцип добровольности

- объединенные в бригады люди не имеют общей трудовой задачи, работают каждый сам по себе
- неудачный подбор бригадиров, они плохо подготовлены к руководству бригадой
- распределение заработка в бригадах не обеспечивает справедливой оценки труда каждого
- работающие в бригадах не заинтересованы в увеличении индивидуального трудового вклада
- у работающих в бригадах снижается заинтересованность в повышении своей квалификации
- в коллективах некоторых бригад возникают рваческие настроения, недобросовестное отношение к работе
- отсутствует планомерность в обеспечении бригад работой.

<...> 14. Если у Вас бывают простои, задержки в работе, то из-за чего? (можно указать несколько причин)

- отсутствует необходимый инструмент, спецоснастка - отсутствуют необходимые материалы, заготовки - несвоевременно поступают детали, изделия от смежников - выходит из строя, несвоевременно ремонтируется оборудование - перебои в подаче электроэнергии, тепла, воздуха и т.п.
- недоработки в чертежах, техдокументации
- несвоевременно выдается задание на выполнение работы
- отсутствуют наряды, маршрутные карты
- другое (укажите, что именно) _____
- задержек, простоев, как правило, не бывает. <...>

<...> Считаете ли Вы, что Ваш труд оплачивается справедливо?

(Варианты ответов: да, справедливо; в основном справедливо; не совсем справедливо; несправедливо; затрудняюсь ответить). <...>

[По вышеописанной методике на «Ленполиграфмаше» в 1982 г. было проведено соответствующее обследование: опрошено около 1000 рабочих, работающих в составе либо вне бригад. Некоторые данные настоящего опроса представлены в работе «Человек в системе реальных производственных отношений». ⁴⁴⁹ – А. А.]

14.9. "БРИГАДЫ БЕЗ БРИГАДИРОВ" И "БРИГАДИРЫ БЕЗ БРИГАД"

[Ниже - отчет о работе, выполненной автором в порядке общественного поручения, по заданию Ленинградского ОК КПСС (март 1982).

*Персональный адресат этой записки - инструктор отдела пропаганды и агитации обкома КПСС Владимир Кузьмич **Марченков** - пожалуй, единственный из партийных работников, с кем мне довелось в ту пору плодотворно сотрудничать.*

Именно В. М. помог поступлению автора на завод в качестве рабочего в 1979 г. ⁴⁵⁰
– А. А.]

В Ленинградский обком КПСС
В.К. Марченкову

⁴⁴⁹ См. ДСиСА – 3, раздел 11.1.

⁴⁵⁰ См. ДСиСА – 1, раздел 1.4.

Отчет о работе, проведенной членом комиссии ОК КПСС А. Алексеевым на заводе им. Козицкого по изучению соотношения функций мастеров и бригадиров в условиях развития БФОТ

Работа проводилась в течение двух дней (9-10.03.82). Беседовал с работниками парткома, профкома, ОТиЗ [отдел труда и заработной платы. А.А.] завода, побывал в трех цехах, где беседовал с начальниками цехов, нормировщиками, мастерами, бригадирами, рабочими (в общей сложности до 10 обстоятельных и около 20 кратких индивидуальных и коллективных бесед). Изучал соответствующие документы.

Основные наблюдения и выводы - следующие.

1. На головном предприятии объединения им. Козицкого в настоящее время работают в составе подразделений, называемых бригадами, свыше 3800 чел. (порядка 70 % всех рабочих). Как правило, это достаточно крупные подразделения (по существу участки), возглавляемые мастерами. При общем количестве таких производственных единиц 186, средняя численность одной бригады превышает 20 чел. Немало бригад, объединяющих по 30-40 чел.

2. Такая производственная структура сложилась на заводе давно, еще ДО внедрения современных бригадных форм организации труда. Мастер был и ныне остается руководителем бригады в условиях данного предприятия.

3. Особенно в последнее время в ряде таких бригад, в дополнение к основному руководителю (мастеру), стали назначать бригадира. Это - наиболее квалифицированный и опытный рабочий, фактически являющийся «помощником мастера». Обычно мастер передает ему часть организационных и учетных функций, однако четкой специфики бригадирских обязанностей и прав не просматривается. Бригадир, как помощник мастера, имеется в трети всех бригад (62 из 186). В остальных мастер работает без такого помощника.

4. Оформленный как общественный орган в составе бригады, «совет бригады» имеется лишь в 19 бригадах из 186. Кроме того, в некоторых бригадах роль «условного» совета бригады выполняет «треугольник» (бригадир, профгруппорг, комсогруппорг) при мастере.

5. Ситуация, когда несколько бригад со своими бригадирами находятся в подчинении у одного мастера, является на заводе очень редкой (главным образом, во вспомогательных цехах). Массовой является иная ситуация: мастер, возглавляющий одну-единственную бригаду (20-30 чел.).

6. Оплата труда в бригаде производится на основании проводимого мастером (иногда при помощи бригадира) учета фактически отработанного каждым рабочим времени и расценок за выполненные рабочим операции. В механических цехах это оформляется индивидуальными нарядами, на главном сборочном конвейере (сборка и регулировка телевизоров) - другая форма учета труда, однако и здесь по существу имеет место индивидуальная сдельщина. Коллективная форма оплаты труда в большинстве бригад отсутствует.

7. Оплата труда по конечному результату с применением определенных коллективом бригады коэффициентов трудового участия каждого работника за всякий данный период времени имеет место в 14 бригадах (менее 10 % всех бригад), с охватом 209 рабочих (немногим более 5 % всех работающих в бригадах). При этом в основе распределения остается тарифная ставка, а по коэффициентам трудового участия в этих немногих бригадах (как правило, не относящихся к основному производству) распределяется только приработок (например, цех 4).

8. Вышеприведенные факты позволяют утверждать, что бригадные (коллективные) формы оплаты труда на заводе им. Козицкого имеют лишь ЭПИЗОДИЧЕСКОЕ развитие, хотя бы «охват» рабочих бригадами и превышал 2/3.

9. В одном из цехов, выпускающем мелкосерийную продукцию (цех 11), нами зафиксированы инициативные объединения рабочих по-двое, по-трое, для выполнения относительно трудоемких заказов, где практически невозможно работать одному, а при коллективной работе дифференциация операций теряет смысл (да и не всегда обеспечена соответствующей технологической документацией). В таком случае работают на единый наряд, а зарплату делят поровну, либо по взаимной договоренности, по согласованию с мастером, отмечающим в наряде установленную долю каждого.

Такие временные объединения в рамках большой бригады (участка), где большинство рабочих трудятся индивидуально, иногда сохраняются довольно долго, пока обеспечены соответствующими заказами. В сущности это - зародыш или прообраз действительно бригадной формы организации и оплаты труда.

10. На сборке телевизоров (цех 2) в рамках больших бригад (возглавляемых мастером) существует категория рабочих, которых в обиходе называют «бригадирами-сдатчиками». Такой рабочий выполняет наиболее ответственные операции и при необходимости исправляет дефекты, допущенные на том звене конвейерной цепочки, которое он замыкает, перед тем, как передать изделие на промежуточный контроль, откуда оно поступает уже в следующее звено цепи. Однако, если крупные бригады на заводе в большинстве случаев являются «бригадами без бригадиров», то эти бригадиры-сдатчики фактически оказываются «бригадирами без бригад», поскольку экономической взаимозависимости между ними и рабочими, продукцию которых они «сдают», - нет, и коллективная ответственность отсутствует.

Между тем, именно здесь видится наиболее перспективный резерв развития БФОТ в рамках основного производства, резерв - слабо осознаваемый как администрацией, так и рабочими.

11. В целом приходится признать, что БФОТ на заводе им. Козицкого пока что не оказала существенного влияния на организацию труда, структуру управления, повышение заинтересованности членов бригад в производительной и бездефектной работе. Вопрос о соотношении функций, в частности, между мастером и бригадиром в условиях развития БФОТ, на данном предприятии утрачивает жизненность, в силу изложенного выше.

12. Вместе с тем, чрезвычайно актуальным является вопрос о дальнейших путях для развития бригадного метода, являющегося важным средством повышения эффективности производства. К важнейшим из этих условий относится перестройка планово-экономической работы, последовательное введение хозрасчета во всех (включая самые низовые) производственных звеньях, с предоставлением трудовым коллективам права самостоятельно распределять всю «заработанную зарплату» в соответствии с контролируемым самими рабочими личным трудовым вкладом каждого своего члена.

Тогда формирование реальных БРИГАД, образованных как по технологическому, так и по организационному признаку, станет социально-экономической и производственной необходимостью, а не навязываемым сверху и иногда формально проводимым на местах организационным мероприятием.⁴⁵¹

13. Насколько мы можем судить, з-д им. Козицкого представляет известную специфику в частных вопросах внедрения БФОТ (вроде соотношения функций бригадира и мастера - специальный предмет нашего изучения). Но в принципиальных проблемах развития бригадного метода это предприятие, по-видимому, являет собой ТИПИЧЕСКУЮ картину.

14. Что касается проведенного нами параллельно с основной задачей ознакомления с организацией на з-де им. Козицкого Юбилейной вахты (в честь 60-летия образования СССР), то она поводов для особых критических замечаний не дает.

А.Н. Алексеев, член КПСС, кандидат философских наук, наладчик технологического оборудования Ленинградского завода полиграфических машин

⁴⁵¹ См. общую постановку этого вопроса в ДСиСА – 2, раздел П.7.2.

19.03.1982

14.10. САМОАНАЛИЗ "ПО КЭТЕЛЛУ"

А. Алексеев - С. Минаковой (февраль 1983)

Дорогая Светлана!

<...> Кэттелла [*психологический личностный вопросник*. - А. А.] постигал «через себя» (как и ММРУ). Мой профиль привел Ларису⁴⁵² в изумление. То ли я реликт, то ли - провозвестник нового типа личности... Во всяком случае, в ее 3-х тысячной коллекции обследованных такого экземпляра нет.

В своих психологических измерениях Л. пользуется «стенами» - стандартными единицами, выведенными ею на основании предшествующих статистических обработок. То есть баллы нормированы так, что каждый из 16 факторов (по Кэтеллу) имеет стандартную шкалу: от 1 до 10.

Так вот, с завязанными глазами (не зная, «ключей» теста) умудрился я выбить четыре «десятки»:

- по эмоционально-волевой устойчивости;
- по логичности;
- по автономии личности;
- по «спокойствию» (полярный фактор - «чувство вины»). <...>

Получается что-то и в самом деле похожее на твою фантастическую картину «демиурга», пишущего на волнах моря житейского...

А. А., февраль 1983

Ремарка: период «акме»

Автохарактеристика субъекта «драматической социологии» (пусть опирающаяся на результаты «объективного» тестирования) была, разумеется, заведомо хвастливой, но - отвечающей тогдашнему жизнеощущению социолога-испытателя.

По-видимому, то был «акмеатический» момент, когда кажется: «я все могу!», и в самом деле - многое человек может.

Стоит заметить, однако, что всякое психологическое тестирование (даже претендующее на выявление самых глубинных, характерологических личностных особенностей) не инвариантно, относительно периода жизни «испытываемого». В частности, повторное применение теста Кэтелла, несколько лет спустя, дало совсем иные результаты.

Стало быть, развитие личности (даже «ставшей» личности!) есть «универсальный» процесс, затрагивающий ВСЕ ее параметры. (Сентябрь 2000).

14.11. НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ФРАГМЕНТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

От автора - сегодня

Нижеследующий текст, как и три последующих, не является «неопубликованным разделом» рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»

⁴⁵² Лариса Георгиевна **Брылева**, ныне - доктор психологических наук. См. ней выше: раздел ...

1999-2001 гг., однако все четыре уместны в контексте материалов, отображающих профессиональную биографию.

Выше (в главах 8-12) уже неоднократно цитировалось биографическое интервью автора, взятое у него Борисом Докторовым в 2006 г. История этого интервью любопытна.

В свое время мы с Борисом не закончили нашу беседу, а затем оба про нее забыли, пока я, чуть ли не случайно, не обнаружил в своем электронном архиве текст под названием «Рыба ищет, где глубже, а человек – где не так мелко...», в общем готовый к опубликованию. Автор включил этот текст в книгу: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... М.: Норма, 2010 (том 2, Приложение 2 к главе 6). Нашел свое место он и в обеих недавно вышедших электронных книгах Б.З. Докорова: Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание (М.: ЦСПиМ, 2012)⁴⁵³ и Современная российская социология: Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. (М.: ЦСПиМ, 2012).⁴⁵⁴ Представлено это интервью и на сайте «Международная биографическая инициатива».⁴⁵⁵

Между тем, совсем недавно вдруг обнаружился еще один «затерявшийся» фрагмент этого же биографического интервью, заслуживающий читательского внимания. Он был включен в нашу с Б. Докторовым соавторскую работу «В поисках адресата» (2012) размещенную на сайте МБИ.⁴⁵⁶ Приведу его и здесь. См. ниже. (Июль 2012)

А. Алексеев – Б. Докторову (апрель 2006)

...Вот, просмотрел мозаику своих, уже отправленных тебе автобиографических фрагментов и нахожу, что 1970-е, т. е. период активной профессионализации, представлен чем-то вроде описи: под чьей “рукой” (руководством), с кем сотрудничал (соавторствовал...), в каких областях специализировался... Да еще недолгое партийное секретарство выперло на первый план...⁴⁵⁷ Пусть даже все “инвентаризации” в соответствующем отрывке хронологически выстроены, однако логика “научной эволюции” не просматривается: откуда куда и — почему так?

Если коротко, то я бы определил сегодня эту логику следующим образом: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ — К АПОЛОГИИ НАУЧНОЙ СТРОГОСТИ, А ОТ ЭТОЙ ПОСЛЕДНЕЙ — К “МЯГКИМ” МЕТОДАМ И АКЦИОНИСТСКИМ ПОДХОДАМ.

Начальный этап (конец 60-х гг.) с его попытками построения марксистской теории массовой коммуникации был охарактеризован выше. Последовавшие затем (70-е гг.) контент-аналитические разработки, опросы читательских и зрительских аудиторий, изучение структуры и динамики репертуара драматических театров страны или конкретного культурного центра (Ленинград), при посредстве экспертов-театроведов, опросы, направленные на изучение образа жизни, потребительской и культурной активности, будь то населения мегаполиса, будь то строителей Байкало-Амурской магистрали, наконец, участие в панельном исследовании “Человек и его работа. 1976”, — все это были “социологические опыты” в рамках “дискурсивной” (пользуясь термином В. Шубкина из его замечательной новомировской статьи “Пределы”, 1978 г.), количественной парадигмы.

⁴⁵³ См. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>

⁴⁵⁴ См. <http://www.socioprognoz.ru/history.html>

⁴⁵⁵ См. <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/alekseev.html>

⁴⁵⁶ См. http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

⁴⁵⁷ См. выше: раздел 14.5. См. также ниже: раздел 14.12.

К 1975 г. относится моя (совместно с Борисом Беликовым) работа “О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках”, где, кажется, впервые серьезно задумался над тем, что “строгость” (предполагающая использование так называемых “жестких” методов) — отнюдь не синоним “объективности” или “истинности”. Были выдвинуты два реалистичных КРИТЕРИЯ СТРОГОСТИ, а именно — критерий СООТВЕТСТВИЯ ЦЕЛИ и критерий ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ (чему в эмпирической социологии соответствуют требования обоснованности операциональных определений и надежности инструментов измерения).⁴⁵⁸ Это был первый шаг к преодолению сайентистских иллюзий...

Переход к “качественной” социологии произошел на рубеже 70-80-х гг. (я говорю, разумеется, не о мировой социологии, и не об отечественной, а о себе лично). Наиболее отчетливо это проявилось в попытке экспертно-прогностического исследования (“Ожидаете ли Вы перемен?”), и в так называемом “эксперименте социолога-рабочего”, или исследовании производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего. (То и другое подробно рассмотрены в книге “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, 2003-2005).

Впрочем, сразу оговорю, что в продолжающемся и по сей день “парадигмальном” споре между приверженцами количественных и качественных методов социологии я вовсе не беру сторону последних, “в ущерб” первым, а полагаю равноправными и взаимодополняющими три элемента системной (по Р. Баранцеву) триады: субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия (соотносимые с фундаментальным семантическим архетипом: *рацио* — *эмоцио* — *интуицио*).⁴⁵⁹

Другая линия персональной “научной эволюции” (в целом протекавшей, пожалуй, “скачкообразно”, включая “смены век”) — это возрастающий интерес к динамике, будь то общественного, будь то личностного развития. Так, мне казалось принципиально важным (во второй половине 70-х) выдвижение понятия ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС в качестве категориальной пары к понятию ОБРАЗ ЖИЗНИ (взятому на уровне индивида; на уровне общества такой категориальной парой к “образу жизни” я полагал “социальное развитие”...).

Постулировался (мною) принцип приоритета исторического, генетического подхода (в исследованиях образа жизни) перед структурно-функциональным. Сам же образ жизни, поначалу полагавшийся “системой” эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения, получил у автора этих строк существенно новую трактовку — как СПОСОБ ВЗАИМОСВЯЗИ УСЛОВИЙ, СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА.

К тому же времени (вторая половина 70-х) относится повышенный интерес (я о себе говорю...) к занятиям проблематикой ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ. Жизненный путь трактовался как смена способов жизни (поначалу речь шла о “жизненных ситуациях”), каждый из которых характеризуется своими жизненными обстоятельствами, стереотипами поведения и направленностью личности. Придумывались (в соавторстве с С. Минаковой), сценарии фокусированных и даже отчасти формализованных биографических интервью (“Ваша жизнь — вчера, сегодня, завтра”), а также тесты на определение поведенческой и ценностной направленностей личности (вопросники “Как Вам живется...” и “Ради чего мы живем?”).

⁴⁵⁸ Как убедился автор при работе над главой 9 настоящей книги, такая трактовка «строгости исследования» впервые была предложена им в 1973 г. в докладе на рабочем совещании социологов «Методологические и методические проблемы контент-анализа» в Ленинграде. См выше: раздел 9.3

⁴⁵⁹ См. Алексеев А.Н. От синкретизма — через дифференциацию — к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 6. Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2004&id=320 или http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=664. См. также: П-С – 2, раздел 6.4.

Понятие “жизненного пути” оказалось одним из ключевых и в исследовании проблем социальной адаптации строителей БАМа (проводившегося совместно с В. Дьяченко в 1977-78 гг.).

Помню, в 1981 г. (тогда уже работал на заводе...) я попытался обобщить все мало-мальски значимые результаты собственных исследований за 10 лет в докладе под названием “Образ жизни и жизненный процесс”. Приведу здесь три из пары десятков выводов этого доклада:

<...> 3. Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.

Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, “стартовое” образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.

Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.

Может показаться даже удивительным, что зависимость “культурного ценза” семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от “образовательного ценза” родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования “100 вопросов о Вашей жизни”, начало 70-х гг.).

Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).

Разнообразные “отложенные” эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

<...> 4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственными компонентами в структуре жизнедеятельности личности.

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом [*сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А.А.*] — насчет распространения и укрепления “инструментального” отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к “самоценной” деятельности.

Многokратно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, “рецидивы мещанской психологии” (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, “счастлив ли он”, а также о том, насколько ему удастся удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удастся развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкпе с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что “дух” не выдерживает конкуренции с “бытом” — в формировании “ощущения счастья”. Счастливым (в картине данных упомянутого исследования), предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, “наиболее

счастливыми” оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

<...> 7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена “ситуационно-ролевой” морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т.д. активности.

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как “ситуационно-ролевое”. Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен “ситуационно-ролевой” морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы “стираются”, отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей “правоте”: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не “двойная”, а именно ситуационная, в ней нет сознательного “лицемерия”. При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не “ситуационное”!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как “**инициатива вынужденная**”. Принцип вынужденной инициативы может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели “овладения ситуацией”, творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.

(Конечно, это уже не “чистая” социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и “учить” личность эффективно действовать в социальной среде). <...>“

(Цит. по: Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 450-453).

[Итак, ауторефлексия по поводу профессиональной биографии автора ныне этим фрагментом автобиографического интервью 2006 г. оказалась существенно дополнена и отчасти резюмирована. - А. А.]

14.12. 30 ЛЕТ «В СТРОЮ» (МОЕ ЧЛЕНСТВО В КПСС)

[Ниже - текст одноименной статьи, опубликованной в журнале: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 3.⁴⁶⁰

Здесь эта статья воспроизводится в сокращении. - А. А.]

= Из журнала «Телескоп» (2011)

В № 3 «Телескопа» за 2010 г. опубликовано интервью, взятое 20 лет назад русско-американским социологом и культурологом, профессором Университета Невады (Лас-

⁴⁶⁰ Электронная версия - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_party_11.html/

Вегас) Дмитрием Шалиным у питерских социологов, тогда – сотрудников Ленинградского филиала Института социологии АН СССР А. Алексеева, О. Божкова, Л. Кесельмана и Г. Саганенко.⁴⁶¹

Интервью проводилось в рамках исследования об интеллигенции и перестройке, предпринятого Д. Шалиным в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Интервьюер и интервьюируемые были достаточно хорошо знакомы друг с другом: за 15 лет до этого (итого теперь, стало быть, 35 лет назад), Д. Шалин, бывший аспирант и сотрудник сектора, возглавлявшегося В.А. Ядовым, эмигрировал в США. Приезд Д. Шалина в научную командировку в Россию дал повод для встречи давних коллег, для воспоминаний об обстоятельствах жизни социологического сообщества середины 1970-х гг., для дискуссии об особенностях тогдашнего профессионального, идеологического и нравственного самосознания.

Одной из центральных тем беседы была «научно-партийная жизнь», роль принадлежности к партии и комсомолу в профессиональных занятиях и повседневной жизни работников «идеологического фронта», к каковым тогда причисляли (хочешь – не хочешь) социологов. Интересна датировка интервью – конец июля 1990 г. За несколько дней до этого, окончательно «разочаровавшись» в КПСС после ее XXVIII съезда, подавляющее большинство членов партии из Ленинградского филиала Института социологии заявили о своем выходе из КПСС.

Так что тема беседы (социология и принадлежность к КПСС в минувшие годы) была в тот момент как нельзя более актуальной.

I

Еще при первой публикации этого интервью (на российско-американском сайте «Международная биографическая инициатива» в 2006 г.⁴⁶²) возникло искушение сопроводить его некоторыми документами, относящимися к обстоятельствам «исхода» ленинградских социологов из КПСС. Эти документы воспроизведены и в «Телескопе». Но не менее интересны были бы комментарии более широкого и концептуального плана, рефлексия по поводу партийности – не социологии, но социологов, а может – и не только социологов, а вообще – гуманитарной интеллигенции, а может – и не только гуманитарной.

Вот такой рефлексией (в значительной мере – ауторефлексией) здесь и займусь.

Начну с того, что уже обдуманно, осмыслено и даже напечатано (но не в «Телескопе»; так что читателям этого журнала может оказаться внове, а тематически – более чем уместно здесь). Это фрагмент биографического интервью, взятого у меня Б. Докторовым в 2006 г., однако увидевшего свет только в 2010 г. – будучи включено в состав недавно вышедшей книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...».⁴⁶³

Итак, большая автоцитата⁴⁶⁴:

«Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник

- Андрей, многие годы мы с тобой были членами одной партийной организации. А как все у тебя начиналось?

⁴⁶¹ «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами. Июль 1990 г. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4, с. 2-13.

⁴⁶² См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. Точечный адрес - <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>.

⁴⁶³ Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010. Электронная версия - <http://narod.ru/disk/3015946001/AA%20DRAM%20SOC%20Voi%201-4%20Optim%20All.pdf.html>.

⁴⁶⁴ Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 404-408.

Членом КПСС, как нетрудно подсчитать, я был почти 30 лет: с 1961 по 1990 г. Из них около 4-х лет пребывал в положении исключенного из партии, однако “восстановлен в рядах” был в 1988-м, “без перерыва в стаже”. Вступал — добровольно, выходил — тоже добровольно, без кавычек.

Сейчас “шестидесятилетние” и старше, не состоявшие в партии (в нашей профессии таких немного, но есть), порой сообщают об этом с гордостью. А состоявшие — порой забывают об этом упомянуть. Упоминание же может сопровождаться “извинениями”... С этим иногда сочетается заявление о собственной ранней внутренней оппозиционности (выходит - цинизм, карьеризм...). Или же заявление о собственной прошлой коммунистической правоверности (выходит - наивность, слепота...).

То и другое (цинизм ли, наивность ли...) не украшают. Третий вариант — “двоемыслие” - как бы примиряет эти противоположности. Но и тут, понятно, нет предмета для самоутверждения... В этом пространстве самоопределений я бы отнес себя к “двоемыслящим наивнякам”. Существуют и комплиментарные определения, типа “коммунист-романтик”...

Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно — в 27 лет. Работал тогда в газете “Смена”. XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем “наследие культа личности”...

Как раз в 1961 г. я попал в какую-то молодежную “элитную” (других тогда не было) зарубежную турпоездку в Англию. Вел там дневник — для себя. Вернувшись, прочитал его участникам поездки. Был дружно одобрен. А месяц спустя опубликовал фрагменты из дневника в комсомольской газете — без какой-либо редакции - под названием (мною же придуманным...): “Вкус собственной правоты”... Были в дневнике и такие строки (в газету, впрочем, не предлагавшиеся):

“Честное слово, советский человек, хоть наша собственная пропаганда порой и оглушает его (воодушевленные решениями “очередного пленума”) — действительно на голову выше человека буржуазного общества. Вот что надо сравнивать в первую очередь, а не метро или нищих на тротуаре. В конце концов нищего можно найти и там, и там”.⁴⁶⁵

Несколько месяцев спустя после получения партийного билета состоялось первое “хождение в рабочие”. (Этот “побег” был замышлен, понятно, раньше...). Мое интервью о собственной молодости, записанное в середине 90-х, удачно называлось: “Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник”. А вот запись из дневника от марта 1964 г. (еще работал на заводе, в газету пока не вернулся):

“...Если хочешь, чтобы люди хоть что-то восприняли *из твоей*, утерянной ими коммунистической убежденности, не страшись клеймить коммунистического идола, опошленного и истерзанного”.

Уже позднее, во времена аспирантуры и начала социологической карьеры состоялось первое знакомство с диссидентской литературой, начался процесс идеологического прозрения. Но и в конце 70-х, помню, произнесенное вслух перед друзьями заключение, что “монополия коммунистической партии является главным источником бед нашего общества”, было для меня выстраданным, личным открытием. (А для друзей — уже давно очевидное!). Вот такое “замедленное развитие”... Не зря — “дурной шестидесятник”!

(Так ведь и в конце 80-х, в начале перестройки, сколько еще сохранялось — и не только у меня! — иллюзий о “демократической платформе в КПСС” и о “социализме с человеческим лицом”!).

По идее, на рубеже 60-х — 70-х можно было бы, по совокупности “еретических” мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. “Ломать себе жизнь” вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состоя в партии, можно самореализоваться полнее, “принести больше пользы” и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм “двоемыслия”...

- Припомни какие-либо сюжеты из твоей деятельности нашего партийного лидера...

Был у меня тогда относительно недолгий период едва ли не экстремального испытания. При образовании в 1975 г. Института социально-экономических проблем из

⁴⁶⁵ См. выше: раздел 8.8.

ленинградских филиалов нескольких московских институтов (экономисты, математики, социологи, философы) понадобился для него (точнее — в нем) партийный секретарь, для которого, по совокупности анкетных данных, я, как видно, вполне подошел.

(Надо заметить, что в моем партийно-спецотдельском “досье”, похоже, остались не отраженными или не замеченными — ни скоростное смещение с номенклатурной должности в партийной газете 10 лет назад, ни научно-идеологические споры с деканом факультета журналистики А. Ф. Бережным — еще в 60-х гг., ни “поверхностный” и вроде оставшийся без последствий интерес ко мне сотрудников первого отдела — в те же годы).

В ленинградском подразделении Института социологических исследований я числился партгруппоргом — должность сугубо формальная: не заглянув в архив, я бы сейчас об этом даже и не вспомнил. Другое дело — секретарь партийного бюро Института, номенклатура то ли обкома, то ли горкома.

Так или иначе, возникла жизненная ситуация, которую пришлось для себя определить: “Посадили в сани — не говори, что не свои...”. Для меня главным оправданием пребывания на этом посту стала, пожалуй, не безуспешная борьба, как теперь сказали бы, за “прозрачность” организационного становления нового института.

<...>

(Здесь опущено краткое изложение эпизода своеобразной «партийной» защиты В. А. Ядова от идеологических обвинений в связи с эмиграцией его бывших сотрудников, в том числе Д. Шалина, что подробно и документально освещено в опубликованном в «Телескопе» интервью А. А.).⁴⁶⁶

Однако продолжалось мое партийное секретарство меньше года. Дело в том, что еще летом 1975 г. состоялось исключение из партии старшего преподавателя кафедры психологии, научного руководителя лаборатории социологии Тартуского университета (Эстония) Юло Вооглайда. Одна из первых формулировок исключения — “за антипартийную деятельность и неискренность перед партией” (впоследствии смягчено до: “за непартийное поведение и отсутствие политической бдительности”).

Из письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС товарищу А. Я. Пельше от 27 июня 1975 г.:

“...Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как Председателю КПК, — это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию на 3 года позже Ю. Вооглайда, но я *готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.*”

Копию этого письма я направляю в ЦК КП Эстонии...” (Из архива А. А.).

Когда Гелий Николаевич Черкасов (директор Института социально-экономических проблем) узнал об этом письме (а два месяца спустя было еще и второе: “...подтверждаю свою готовность поручиться за Ю. Вооглайда своим собственным партийным билетом”), то схватился за голову: “Что Вы наделали, А. Н.!”

Странно, что дело обошлось без партийного взыскания. Меня устно отчитали в райкоме КПСС — за попытку использовать свое общественное (должностное?) положение “для оказания давления на ЦК нашей партии” (так!!). Но уж больше в состав партийного бюро не выдвигали...

А от все же исключенного тогда из партии (хотя и со «смягченной формулировкой») Вооглайда на Новый, 1976 год пришла открытка: “Дорогой Андрей! Усатый — это ты, пожалуй. Желаю тебе и в этом удачи. Твой Юло”. На обороте открытки был изображен эстонский крестьянин, подковывающий... черта!

...Ну, вот и суди сам, когда же мне и таким, как я, стало ясно, что КПСС “далеко не ум и не совесть эпохи”... Понимал это — не только когда восстанавливался в партии, на гребне перестроечной волны, но и раньше — когда в “год Оруэлла” исключали “...за написание и распространение клеветнических материалов на *(так! — А. А.)* советскую действительность...”, и еще раньше — в пору партийного секретарства, и еще раньше — примерно с 1968 г. А вот до этого, увы, не понимал. Но если бы уже тогда понял, то и жизнь бы, наверное, сложилась совсем по-другому. Впрочем, в биографии, как и в истории — нет сослагательного наклонения.

⁴⁶⁶ См. также выше: 14.4.4.

- В те годы, когда ты восстанавливался в КПСС, ты понимал, что эта организация «далеко не ум и не совесть эпохи»... Что тебя тогда заставляло тратить силы, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?

Что касается, того, что заставляло “тратить себя” на восстановление в КПСС, то об этом столько написано в “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” (том 2), что здесь не хочется повторяться. Главная формула моего ответа на этот вопрос была найдена сравнительно недавно (уже когда писал ту книгу): *необходимая оборона* (в том смысле, в каком рассматривает это понятие А.Ф. Кони: “вынужденное защищение от несправедливого нападения...”).

Можно сказать, что защищал умаленную честь, достоинство, ущемленные права, которые в той ситуации идентифицировались как... членство в КПСС. А ради таких ценностей тратить себя не жалко...

Сразу вышел из партии, как восстановили... Ну, не совсем сразу: полтора года прошло. Это было в июле 1990 г. Когда открылся XXVIII съезд. Когда стало ясно, что этот социальный институт исторически полностью себя исчерпал. И не один я выходил, а “за компанию” с большинством коллег. По-моему, с тобой вместе... Вспоминаю собрание на втором этаже, в здании на Серпуховской улице.

...Это похоже на то, когда неправильно уволенный добивается восстановления на работе и ему это (вдруг!..) удается, то часто сразу же увольняется. Ему не работа эта была нужна, а сам факт восстановления...».

Вот так виделись эволюционировавшие на протяжении десятилетий взаимоотношения автора этих строк с КПСС в 2006 г., т. е. 15 лет спустя после выхода из партии и 45 лет после вступления в нее.

II

А теперь вернемся на 10 лет ранее, в 1997 год. Мне тогда довелось давать интервью корреспонденту журнала «Пчела». Называлось оно тогда, кстати, так же, как цитированный выше фрагмент из биографического интервью: **«Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник»**.⁴⁶⁷

<...>

[Здесь опущено обширное цитирование из указанного интервью. Текст данного интервью см. выше: раздел 8.1 – А. А.]

III

Вот теперь пора высказаться о том, как мне это видится *сегодня*, можно сказать, на склоне лет. И высказаться не только о себе, и вовсе не в исповедальном жанре, как в вышеприведенном отрывке.

Борису Докторову принадлежит опыт построения «лестницы поколений» новейшей российской (постхрущевской) социологии. С его концептуальной схемой и историко-научно-ведческой моделью я полностью согласен. Среди примерно 20 имен «отцов-основателей», первопроходцев, представителей первого поколения советских социологов, указанных им в одной из публикаций⁴⁶⁸, только двое не состояли в КПСС.

⁴⁶⁷ Алексеев А., Чагунава Т. Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник // Пчела: обозрение деятельности негосударственных организаций Санкт-Петербурга. 1997, № 11. Электронная версия - <http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm>. См. эту же работу на сайте «Псевдология»: http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm.

⁴⁶⁸ «В наше время все происходившее тогда естественно рассматривать как *второе рождение* советской / российской социологии, а молодых ученых, стоявших у истоков этого научного направления, считать *первым поколением* советских социологов. Не претендуя на то, чтобы привести полный перечень всех этих людей (хотя их было немного, возможно, не более полусотни человек), назову имена тех, кто сегодня большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру, Г. М. Андреева, И. В. Бестужев-Лада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, Л. Н. Коган, И. С. Кон, С. А. Кугель, Ю. А. Замошкин, А. Н. Здравомыслов, Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, М. Н. Руткевич, Р. В. Рывкина, А. Г. Харчев, О. И. Шкаратац, В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. Тем из пионеров

Как интерпретировать этот факт?

Для начала, внесем коррективы в наши прежние (вышеприведенные) типологии, которые уместно охарактеризовать как слишком однозначно и экспрессивно очерченные. Вот, например, типология 2006 г.: *цинизм; наивность; двоемыслие*.⁴⁶⁹ Как правило, любое из этих определений может быть отнесено к тому или иному конкретному лицу лишь с массой оговорок, а к кому-то вообще ни одно не приемлемо. А вот типология из интервью 1997 г.: *подвижники; циники; «слепые»*. Ну и еще – *выживающие*. И тоже – сомнительно, и уж всяко, например, к первопроходцам нашей науки непосредственно не применимо.

Тут – в чем проблема? Во-первых, не социологам объяснять, что идеальные типы никогда не бывают представлены «в чистом виде». Во-вторых, все используемые слова слишком нагружены оценочными и эмоциональными коннотациями, причем, по большей части негативными.

Значит, если даже не отказываться от самого классификационного основания или принципа, надо поискать не столь жесткие определения или внести смысловые уточнения в термины.

Впрочем, и сама по себе аналитико-рефлексивная типология, которую я ныне намерен предложить, отличается от ранее использовавшихся автором этих строк.

Но прежде, чем подразделять, попробую указать на то безусловно общее, что характеризует, в частности, первое поколение советских социологов, тех, кто торил путь, кто в 60-е гг. минувшего века дал нашей нынешней социологии имя и смысл, кто возглавлял первые, ныне – легендарные, социологические коллективы, а некоторые из которых и по сей день остаются лидерами нашей науки. (Увы, многих уж нет).

Здесь испытаем нашу модель на оселке как раз *поколения первопроходцев-шестидесятников*, поскольку именно в этом поколении черты общественного лица, таланта и интеллекта наиболее отчетливо проявлены. Напомним, подавляющее большинство этих ключевых фигур новейшей отечественной (советской) социологии были членами КПСС. Была ли партийность их «достоинством» или «недостатком»?

Ну, тут возможны, пошлые объяснения: мол, «время было такое» или «а как же иначе?». Но вряд ли такого рода аргументы удовлетворят думающего читателя, тем более – вникающего в историю советской общественной науки.

Да и нужны ли нашим учителям оправдания, хоть перед собой, хоть перед учениками, не говоря уж о потомках? Вон, Ядов полемически озаглавил свою заметку-комментарий все к тому же интервью в «Телескопе» № 4: «*Как я не выходил из КПСС*».

Сразу исключим версию сугубого «карьеризма», в смысле преимущественного поиска атрибутов власти, благосостояния, престижа. Исключим и версию сугубого «любопытства», в смысле абстрактного интереса к предмету исследования (как устроено общество и почему так, а не иначе). Не станем категорически отрицать у всех первопроходцев возможность такого рода мотиваций. Однако признаем, что главным было нечто другое. А именно – то, что можно назвать жизненной энергетикой, своего рода витальностью, «пассионарностью», если угодно.

Но пассионарным может быть и прохиндей. Здесь же это оплодотворилось тем, что сейчас бы назвали *гражданственностью*, тогда же – избегали этого слова, а предпочитали – «социально активную личность», или *активную жизненную позицию*.

Вполне в духе знаменитого Марксова тезиса о Фейербахе, эти философы (ну, не одни лишь философы...) стремились не только и даже не столько *объяснять* мир, сколько *изменить* его. Аура шестидесятничества подпитывала романтически-утопическое,

отечественной социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или немного больше» (Докторов Б. З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум, 2009, № 11).

⁴⁶⁹ Оговорим, что *двоемыслие*, в отличие от *цинизма*, предполагает неосознанное раздвоение сознания. Циник знает, что лжет, он думает одно, а говорит другое; двоемыслящий убежден (или способен себя убедить), что говорит то, что думает (да и впрямь он искренен, говоря и действуя по обстановке).

сознание, веру и надежду на «социализм с человеческим лицом», преодоление его (социализма) всяческих живучих «извращений» и «превращений» (не замечать их не могли!). Ну, и не только вера, разумеется, но и прагматическая уверенность, что надо познавать общество, «как оно есть», чтобы усовершенствовать его, открывая путь к его (советского общества) процветанию и гармонии.

Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – таким мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.

Как это сопрягается с членством в так называемом «передовом отряде» общества сначала «победившего», а затем и «развитого» социализма? Да вполне естественно, хотя бы в силу того, что КПСС, по численности составлявшая примерно одну десятую взрослого населения страны, с равной интенсивностью «втягивала» и впитывала в себя – нет, не представителей разных социальных групп (здесь действовали квоты, «нужные пропорции», регулирование состава), а все разнообразие носителей высоких и низких человеческих качеств, схожих в одном – относительная *социальная активность*, каковы бы ни были ее (этой активности) источники, мотивы и цели.

Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – такими мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.⁴⁷⁰ КПСС, этому «союзу единомышленников», *разномыслие* (по Фирсову)⁴⁷¹ и разное действие на самом деле были свойственны не меньше, а иногда и проявлялись в нем ярче, чем в обществе в целом (так сказать, в среднем).⁴⁷²

Понятно, что членство / не членство в КПСС не являлось ключевой, тем более - исчерпывающей характеристикой, неким атрибутом (сущностным качеством), а всего лишь одним из модусов, опосредующих связь между ментальным ядром личности и различными жизне-проявлениями и формами поведения. Вместе с тем, это было одним из индикаторов (не однозначным!) общественного статуса, жизненного успеха, престижа, но и не только, а также – в значительной мере – возможности *влиять на ход вещей*.

Здесь возникали конфликты несоответствия между обязанностью следовать «партийной линии» и - если не правом, то иллюзией участия в ее (этой линии) выработке. Беспартийные были от этих «роковых» противоречий счастливо избавлены, но и в возможностях самореализации и общественного влияния отчасти ограничены. Ну, тут каждый делал свой выбор - иногда осознанный, иногда интуитивный.

Кто-то вступал в партию в эгоистических интересах, а кто-то - из романтических побуждений (чтобы способствовать «улучшению» или «исправлению» общества⁴⁷³). Другие сторонились этой «привлекательной», но и «сомнительной» перспективы. Третьи «плыли по течению».

Ну, а теперь, попробую предложить укрупненное типологическое подразделение для мотивации и самоопределения членства в КПСС в эпоху «развитого социализма», опирающееся на все сказанное выше. Принадлежность к партии, которая представляла

⁴⁷⁰ Разумеется, из сказанного вовсе не следует, что между социальной активностью и членством в КПСС существовала сильная прямая связь. Доля социально активных среди членов партии в общем была весьма умеренной, равно как и наоборот.

⁴⁷¹ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория, практика. СПб.: Изд-во ЕУСПб «Европейский дом», 2008.

⁴⁷² В пользу подобной, «социально-активистской» трактовки партийной принадлежности свидетельствует, например, такое нетривиальное социологическое наблюдение. Помнится, в пору сокрушительного поражения, которое КПСС *в целом, как политический субъект*, получила на первых свободных выборах 1989-1990 гг., как выяснилось (мною проводился специальный анализ итогов выборов в Ленсовет 21-го созыва, опубликованный на страницах «Ленинградского рабочего»), *представительство членов партии среди избранных депутатов оказалось выше, чем среди участвовавших в выборах претендентов на депутатские места*.

⁴⁷³ Лишь немногие из этих последних вырастали – сами и/или в силу обстоятельств - в подвижников, сознательных оппозиционеров, борцов с тоталитаризмом.

собой иерархическую структуру – от реально господствующей высшей номенклатуры до послушных и безгласных низовых партийных ячеек – могла иметь как минимум три мотивационных основания. Эти основания, имея принципиально разную природу, иногда сочетались в одном человеке – редко когда органично и в равных пропорциях. Так или иначе, ими можно описать и объяснить как «монолитность», так и «разнородность» партийной массы.

Я бы обозначил эти психо-социальные типы партийцев того времени – от излета хрущевской «оттепели» до заката брежневского «застоя», т. е. в период, когда сам состоял в рядах КПСС (30 лет «в строю», однако!) – как: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). Здесь важна не только идентификация соответствующих черт, но и представление о каждом типе *в контексте* двух других, т. е. это, по-видимому, *системная триада*, в смысле Р. Баранцева.⁴⁷⁴ Важно, далее, уже не раз подчеркивавшаяся здесь необходимость понимания того, что это типы – идеальные и редко когда представлены «в чистом виде».

Обратим внимание, что ни *цинизм*, ни *двоемыслие* в этой типологии не фигурируют. Хотя понятно, что цинизм так или иначе тяготеет в карьерному типу. А двоемыслие – достаточно универсальная характеристическая черта «человека советского» вообще, а члена КПСС, в частности.

Далее, ни одно из этих типологических определений не имеет преимущественно позитивной или негативной эмоционально-ценностной окраски. Итоговый общественный вклад мог быть как позитивным, так и негативным – и у «конформиста», и у «карьериста» (сюда, кстати, правомерно отнести и людей, искавших полнейшей самореализации в главном «деле жизни», для чего членство в партии оказывалось вовсе не безразличным), и у «идеалиста-романтика». И основания будь то для самоуважения, будь то для самоуничтожения у представителей разных типов бывших партийцев едва ли не равновесомы. Заслуживают безусловного морального осуждения или сожаления лишь крайние формы того или иного (например: «шагающий по трупам» карьерист, способный на предательство конформист или фанатический приверженец пусть даже благой идеи).

Не возьму на себя смелость высказываться слишком уверенно насчет количественных соотношений названных типов в партийных рядах. Предположу лишь, что, по крайней мере в низовых и «средних» уровнях партийной иерархии, конформистский мотив членства в КПСС преобладал над карьеристским, а карьеристский – над идеалистическим. Кроме того, надо иметь в виду, что со временем у субъекта могла и меняться ведущая мотивация принадлежности к партии.

Такой мне видится сегодня биографическая (и, если угодно, историческая) ретроспектива многолетнего «пробытия в рядах» правящей партии значительной части моих сверстников и современников, в том числе – коллег-социологов. *Будем благожелательны, судя других, и строги – в суде над собой.*

А теперь – предоставлю читателям разных поколений – как тем, кто «успел» состоять в КПСС, так и тем, кто не успел походить даже в комсомольцах – рассудить себя и других, самокритично и беспристрастно: к какому типу он бы себя (или кого другого...) отнес, если (бы) жил в 60-80-х гг. минувшего века (от которых мы так ли уж далеко ушли?).

Предложенный здесь эскиз социальной модели может быть развернут в более широкую и богатую концептуальную схему, что уже выходит за рамки наших возможностей в настоящем тексте.

Апрель-май 2011 г.

⁴⁷⁴ См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

(Цит. по: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 3)

14.13. СОЦИОЛОГ-РАБОЧИЙ И КГБ

А. Алексеев – Б. Докторову (ноябрь 2010)

Дорогой Борис!

Как обещал, посылаю для твоей книжки⁴⁷⁵ свое эссе на тему «Социолог-рабочий и КГБ». От твоего наброска оно отличается строгим отбором фактов (только имеющее непосредственное отношение к теме) и акцентуированной документальностью. Буду рад, если пригодится.

Твой – Андр. Ал. 4.11.2010.

= Для книги Б. Докторова по истории советской социологии

...В воспоминаниях Воронкова, фрагмент которых приведен выше, есть слова: «Якобы в связи с моим делом провели обыск у Андрея Алексеева, с которым я до того был едва знаком». Действительно, так оно и было, но «дело» А. Н. Алексеева в середине 80-х гг. оказалось настолько резонансным, что заслуживает отдельного рассмотрения. Сам Алексеев подробно описал его в своей книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».⁴⁷⁶ Сейчас, по нашей просьбе он написал короткий «абстракт» на эту тему.

«Итак, Ты задал тему: «Социолог-рабочий и КГБ». Почему именно так названо? Потому что во времена упомянутого дела (первая половина 80-х) я работал слесарем механосборочных работ на Ленинградском заводе полиграфических машин. При этом в 1980-1982 гг. еще и совмещал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, в ядовском секторе, откуда и пошел на завод в 1980-м.

Жизненная и профессиональная ситуация не тривиальная, но отнюдь не скандальная. «Эксперимент социолога-рабочего» увлек так, что я уже четвертый год его продолжал. Правда, с 1982 г. совмещение в институте прекратилось, причем не по моей инициативе.⁴⁷⁷ Что вовсе не было воспринято мною как некий сигнал.

16 сентября 1983 г. по дороге домой после дневной смены я был остановлен на улице (точнее в книжном магазине у станции метро «Петроградская») и вежливо приглашен (не «Пройдемте», а «Проедем»...) к себе домой для присутствия при производстве обыска на своей квартире. Согласно протоколу, было изъято 39 позиций: несколько книг (в том числе под грифом «для служебного пользования»), машинописные конспекты и перепечатки, а главное – многостраничный архив личной и деловой переписки и рукописи неопубликованных работ.

Повод для обыска – предположение следователя, что на квартире у гр-на Алексеева «могут находиться предметы и документы, имеющие значение» для уголовного дела о «валютных операциях». Причина, понятно, другая, и, как вскоре удалось «вычислить», она состояла в поиске материалов андерграундного экспертного опроса на тему «Ожидаете ли Вы перемен?», одним из организаторов которого я в действительности был.

⁴⁷⁵ Имеется в виду: Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ. 2012. <http://www.socioprognoz.ru/history.html>.

⁴⁷⁶ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005).

⁴⁷⁷ На смену совмещению в ИСЭП АН СССР (1980-1981) пришло совмещение в Ленинградской высшей профсоюзной школе культуры, продлившееся всего год (1982).

Ну, текстов экспертных интервью дома, по счастью, не оказалось, равно как и запрещенной литературы (все же какое-то предчувствие у автора этих строк было), пришлось команде обыскивающих удовольствоваться письмами-дневниками-отчетами социолога-рабочего, адресовавшимися коллегам и друзьям, под шутливым названием «Письма Любимым женщинам» и проч.

Здесь важно отметить два обстоятельства, одно, так сказать, социологическое, другое – личное. Социологическое: большая часть акций политической полиции (КГБ) тогда проводилась «под прикрытием» органов МВД. Личное обстоятельство: диссидентом, противником режима социолог-рабочий вовсе себя не считал, да и не был им, пожалуй.

Оставаясь как бы «за кадром», сотрудники «Большого дома» в данном деле все же обнаружили себя тем, что стали опрашивать коллег и знакомых Алексеева на тему: 1) Случалось ли получать от А. какую-либо запрещенную литературу?; 2) Знакомились ли с «Письмами Любимым женщинам?»; 3) «Приходилось ли отвечать на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». 12 чел. конфиденциально сообщили мне об этих беседах, а двое даже сумели сохранить копии своих «объяснений», которые им пришлось писать по поводу общения с «заподозренным» субъектом.

Уже позднее я узнал, что пресловутые «Письма...» были отправлены на экспертизу в Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгороблисполкомах и получили там соответствующую квалификацию

Моя собственная встреча с сотрудниками КГБ состоялась несколько месяцев спустя - для объявления мне так называемого *официального предостережения* в качестве «меры профилактического воздействия», в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 15.12.1972 (разумеется, никогда не публиковавшимся). Формула такого предостережения:

«...Гр-ну (имярек) объявлено официальное предостережение о недопустимости указанных выше действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, и разъяснено, что подобные поступки с его стороны в дальнейшем, если он не сделает надлежащих выводов, могут привести к преступлению и повлечь за собой уголовную ответственность. Ему сообщено, что о содержании предостережения будет уведомлен прокурор г. Ленинграда. Гр-ну (имярек) разъяснено также, что в случае совершения им преступления, наносящего ущерб интересам государственной безопасности, настоящий протокол будет приобщен к уголовному делу...».

(Примечательно, что совсем недавно процедура такого рода официальных предостережений законодательно восстановлена в России для борьбы с «экстремизмом», а по существу - с политической оппозицией).

Ну, дальше – прямые следствия и более или менее отложенные эффекты вышеуказанного события, механизм которых был запущен справкой Управления КГБ по Ленинградской области «В отношении Алексеева А. Н.», направленной по месту работы (завод «Ленполиграфмаш»), где социолог-рабочий изобличался, в частности, в том, что «распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности».

Формулировки относительно «мягкие», на уголовную статью не тянущие, но вполне достаточные для исключения из партии, из Союза журналистов СССР, из Советской социологической ассоциации, с подобными или даже усиленными обвинениями. Например, постановление бюро Ленинградского обкома КПСС от 23.05.1984: исключить из рядов КПСС за: «... проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Несколько лет тянулась «тяжба» между исключенным из партии социологом-рабочим и партийными органами (последовательные многочисленные апелляции, вплоть до обращения к XXVII съезду – март 1986 г.). Из «Большого дома» за этой неравной борьбой (кстати, поддержанной и некоторыми коллегами автора этих строк - как социологами, так и рабочими) наблюдали, так сказать, дистанционно, не мешая своему «подопечному» отстаивать свои права «коммуниста и гражданина» и опровергать «несправедливые обвинения».

Когда поднялась «перестроечная волна» (1987-1988 гг.), ситуация «опального социолога», продолжавшего работать на заводе стала постепенно меняться. В сентябре 1987 г. в «Литературной газете» появился очерк Л. Графовой «Преодоление пределов», посвященный «эксперименту социолога-рабочего», и т. д. Интересно, что еще до этого предусмотрительные чекисты сочли за благо отменить вышеупомянутое официальное предостережение.

Я был информирован об этом двумя сотрудниками УКГБ ЛО, приехавшими на завод с текстом будто бы того же самого официального предостережения 1984 г (похоже, он был чужь подредактирован, т. е. документ фальсифицирован - проверить невозможно, поскольку подписаться под ним предостереженный тогда отказался).

А ниже на этом документе была и очевидно свежая запись — о том, что... «Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 действий, противоречащих интересам государственной безопасности, не допустил», и в связи с этим сотрудник Ленинградского УКГБ Ю. М. Вилочкин «полагал бы *(так! — А. А.)* действие официального предостережения органов КГБ СССР в отношении Алексеева А. Н. прекратить, о чем направить уведомление прокурору г. Ленинграда».

Интересно, как это было воспроизведено в позднейшем документе под названием «Дополнение к справке Ленинградского ОК КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.», от февраля 1988 г.:

«...Допущенные А. Н. Алексеевым нарушения не привели ни к каким отягчающим обстоятельствам, уголовной ответственности он не подлежал, но заслуживал строгой партийной оценки.

На сделанное в 1984 году предостережение тов. Алексеев реагировал правильно, никаких действий, противоречащих государственной безопасности, за прошедшее время не допустил, продолжал вести активную научную деятельность. За последние годы... *(следует перечисление всевозможных достижений в производственной сфере: победа в соцсоревновании, критика недостатков на производстве, рационализаторство и т. д. — А. А.)*.

Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности *(! — А. А.)*, бюро обкома партии принято решение: — просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении тов. Алексеева А. Н. в партии, без перерыва в стаже».

Для характеристики системы не менее показательны чем ее «наезды», также то, как именно она дает «задний ход».

После всех этих событий мне довелось посетить «Большой дом» лишь однажды, по собственной инициативе. В октябре 1988 г. я обратился в Ленинградское управление КГБ с настоянием вернуть мне изъятые при обыске в 1983 г. материалы. Прочитую «Драматическую социологию...» (т. 3, с. 550):

«Я выдал расписку в получении в Управлении КГБ следующих материалов, которые в свое время были у меня изъяты (здесь воспользуюсь терминами протокола об обыске 1983 г.):

- (1) Выдержки из произведений *[цитатник — А. А.]* Мао Цзэ-дуна (Пекин, 1967).
- (2) Книга Дж. Оруэлла «1984» (на английском языке), 1964.
- (3) Перепечатка писем *[и стихов... — А. А.]* М. Цветаевой (23 машинопис. листа).
- (4) Машинописный текст «Сандро (новые главы)», Ф. Искандер (9 листов).

(5) «Тетради по БАМу» (подготовительные материалы к научному докладу, 1978 г.). 8 тетрадей.

(6-7) 2 тома «Писем Любимым женщинам» (часть 1-я — папка № 2; часть 2-я — папка № 4, всего 742 стр.).

8) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» (исп. — А. Алексеев; 23 машинопис. листа)

Все эти материалы хранились в Ленинградском управлении КГБ в течение пяти лет и оказались в полной сохранности».

Стоит заметить, что побеспокоился я о своей собственности вовремя. Как автор этих строк потом узнал, его дело в 1991 г. было в УКГБ ЛО (как, видимо, и все остальные подобные «дела», кроме судебных) «аннулировано», т. е. уничтожено. Ясно, что вместе с собственными документами и «разработками» Управление уничтожило бы и прилагавшиеся к ним «вещдоки».

(Ноябрь 2010)

14.14. «ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ О ЧЕЛОВЕКЕ НЕ БЫВАЕТ, ПОТОМУ ЧТО ОН СУБЪЕКТ...»

(вместо заключения к тому 1)

[Ниже – одноименный текст доклада на 10-х Международных биографических чтениях памяти В.В. Иофе (Санкт-Петербург, апрель 2012). – А. А.]

1

Накопленный Б. Докторовым⁴⁷⁸ и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии - в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии «Биография и биокритика» развернувшейся на форуме «Биографика, социология и история», в рамках российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива».⁴⁷⁹

Особенно ярким критиком «субъективизма» биографического метода выступил старейший российско-американский социолог В. Шляпентох.⁴⁸⁰ Одним из поводов для критики послужило сомнительное, с точки зрения В.Ш., воспоминание о жизненном эпизоде полувековой давности, вошедшее в состав биографического интервью одного из коллег.

Здесь не стану углубляться в перипетии этой дискуссии, имевшей много методологических и этических поворотов и ответвлений.⁴⁸¹ А выскажу несколько общих

⁴⁷⁸ См.: Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>);

Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

⁴⁷⁹ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там в рубрике «Comments and Dialogues» Invisible College: IBI Forum [1](#), [2.1](#), [2.2](#), [2.3](#), [2.4](#), [2.5](#).

⁴⁸⁰ См.: Шляпентох В. Э. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html).

⁴⁸¹ См.: Шалин Д. Н. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексея и Дмитрия Шалина (http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html); Беляев Э. Замечания по поводу

соображений, существенных, как мне кажется, для понимания соотношения «субъективного» и «объективного» в биографии.

2

Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли – внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография).

Расширим этот взгляд, отнеся его к социальной реальности в целом.

А. Социальная реальность (хоть в статике, хоть в динамике взятая, хоть вообще, хоть в отдельных ее сферах) включает в себя как «бытие», так и «сознание» (соответственно – общественное, коллективное и даже индивидуальное), а также все многообразие связей между ними. Т. е. сознание не менее реально, чем бытие.

Б. Как объективная, так и субъективная стороны социальной реальности (исторического процесса) могут фиксироваться и «твердыми», и «мягкими» фактами, строго и нестрого организованными наблюдениями, официальными и личными документами, качественными и количественными методами. Не существует предпочтительных способов узнать, как все было «на самом деле».

В. «Не доверять» надо в равной мере как «субъективным» свидетельствам частных лиц (ретроспективные еще менее надежны, чем созданные «по горячим следам»), так и «объективным» (скрепленным всевозможными печатями) документам. Ибо авторы последних – тоже люди, к тому же особо зависимые от институциональных установлений и «господствующих мыслей эпохи». Так, например, наивно полагать, что сухое фактографическое описание исключает тенденциозность, равно как и неправда, что в экспрессивных мемуарных заметках отсутствует объективное содержание.

Г. Всякое исследование социальной реальности, каким бы арсеналом методов оно ни пользовалось, есть процесс относительно односторонний и принципиально не заверченный. Если исследователь сосредоточен преимущественно на фактах социального поведения, это вовсе не означает, что – хотя бы впоследствии и не им самим – это не будет дополнено фактами сознания (о которых, впрочем, приходится судить либо по вербальному поведению, либо по реконструкциям мотивов и т. п. из установленных «объективных» фактов). И наоборот.

Д. «Истинная» история (хоть общества, хоть индивида) неизбежно есть продукт множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, соблюдению профессиональных норм, логичности и внутренней непротиворечивости рассуждений. Что касается истории личности, т. е. биографии, то, как тонко заметил (в частном письме) И. С. Кон: «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект».⁴⁸²

интервью социологов и на статью Шалина (http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html); Шалин Д. Н. О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html); Шляпентох В. Э. Наши разногласия (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Докторов Б. З. Нет истины, где нет любви (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf); Фирсов Б. М. История социологии «в лицах»: Биография и/или биокритика (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf); Готлиб А. Мой ответ В. Шляпентоху, или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

См. также материалы указанной дискуссии в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №№ 3, 4, 5, 6; 2012, № 1.

⁴⁸² Письмо И. С. Кона датировано 16.12.2009.

Е. Спор на тему: среда определяет сознание или сознание творит мир (вариация основного вопроса философии), – мало перспективен, именно как спор, но не как диалог, предполагающий взаимообогащение его участников новыми знаниями и аргументами. Не ИЛИ, а И (то и другое...) приближает к пониманию реального устройства, в частности, «социальной вселенной».

Ж. Что касается биографических исследований, то двумя ключевыми и равноправными вопросами здесь, на наш взгляд, оказываются: «что обстоятельства делают (могут сделать) с человеком» и «что человек делает (может сделать) с обстоятельствами». Это есть некий двуединый процесс, который может исследоваться комплексно, а может – и по частям, в перспективе позднейшего синтеза.

3

Теоретико-методологические тексты Б. Докторовой, Д. Шалина, В. Шляпентоха, О. Маховской, Э. Беляева, Б. Фирсова, А. Готлиб и др. членов «незримого колледжа» имеют отношение вовсе не только к истории российской социологии, будь то с «человеческим» или «нечеловеческим» лицом, или к биографическому методу, в любых его формах. Это мое первое утверждение.

И второе: особенно последняя полемика Анны Готлиб и Владимира Шляпентоха⁴⁸³ демонстрирует, на мой взгляд, наше разнообразие в единстве и единство в разнообразии. Хочется оппортунистически согласиться с обоими полемистами, поскольку у каждого – свое «рациональное зерно».

С точки зрения сказанного, я удерживаюсь от того, чтобы солидаризоваться с В. Шляпентохом или А. Готлиб, полагая обоих если не правыми, то ВПРАВЕ акцентировать либо «объективную», либо «субъективную» сторону социальной реальности и, соответственно, социального знания (в том числе, в сфере биографики и истории науки). И оба делают это весьма убедительно. Возражать стоило бы только против абсолютизации той или иной точки зрения. Однако поводов для такого упрека эти авторы в указанных двух текстах вроде не дают.

Замечу еще, что В. Шляпентох, на мой взгляд, напрасно отдает марксизму монополию на тезис о зависимости сознания от среды, приписывая феноменологии и / или постмодернизму исключительно противоположные взгляды. И марксизм вовсе не так уж материалистичен и детерминистичен, и постмодернизм не так уж субъективен и идеалистичен.

4

Влияние внешних и внутренних обстоятельств, культурного, идеологического, а иногда и просто личностного контекста на создание всякого данного биографического текста (дискурса) обычно очень велико.

Отсюда возникает сомнение в достоверности всякой биографии, особенно если основным ее источником оказывается собственный рассказ биографанта – биографический нарратив. У критиков биографического метода складывается убеждение, что автобиографическое повествование «насквозь субъективно». При этом

Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. (Электронная версия - <http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20R%20L%20P%20R%20F%20S%20C%20V%20I%20L%20-%204%20Optim.rar.html>). См.: Том 2, с. 495.

⁴⁸³ Готлиб А. С. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 1 (Электронная версия - (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html)); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

предполагается, что только безусловно установленные и многосторонне подтвержденные факты должны составлять корпус биографии.

Разумеется, автор настоящего доклада вовсе не против поиска объективной истины и / или адекватной исторической реконструкции. Однако это дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин «методологическая триангуляция»).

Что касается средств контроля «на истинность» отдельно взятого биографического текста, то существенным здесь могут оказаться стилевые характеристики и внутренняя непротиворечивость самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как «Жизнь – сапожок непарный» (Тамара Петкевич), «Подстрочник» (Лилианна Лунгина), «Корни и сучья» (Анатолий Солипатров), «Диск» (Анри Кетегат), «Дальний архив» (Эрлена Лурье) вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

5

И последнее замечание. Создатель биографического нарратива есть главное действующее лицо и – пока здравствует – «хозяин» собственной биографии (имея в виду именно реконструкцию своего жизненного пути, а не сам жизненный путь, что есть отдельная тема).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий «рассказ о жизни» есть автопортрет героя (он же - рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое «из сегодня», сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Подводя итог, постулируем следующие положения применительно к биографическим исследованиям:

- а) субъективность есть имманентное свойство личности;
- б) субъективность не есть альтернатива достоверности автобиографического повествования;
- в) автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность.

Апрель 2012

(Цит. по: Алексеев А.Н. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 3)

+++

Приложение к тому 1

ПЛАН-ПРОСПЕКТ РУКОПИСИ «ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ» (1999-2001)

Несколько вступительных слов

Как указывалось в Предисловии (да не обязан читатель об этом помнить!) настоящий том (как и последующий) составлен почти исключительно из материалов, представленных в первоначальной рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.) При издании 4-томника 2003-2005 гг. пришлось от многого отказаться. Но вот теперь «пришла пора» вытащить тогда отсеянное «на свет божий».

Ныне эти материалы из стародавней рукописи вновь извлечены, по-новому скомпонованы, откомментированы и вынесены на суд читателя.

А чтобы понятнее стало, как это все задумывалось (утопически, однако!) 12 лет, назад, добавим сюда настоящее Приложение, включающее в себя:

а) предисловие к тогдашней рукописи (датированное декабрем 2000 г.);

б) укрупненное оглавление проектировавшихся 3-х томов (а точнее – 6 книжек, по 600 компьютерных страниц каждая), по состоянию на 2001 год;

в) детализированное оглавление тома I (состоявшего из 4-х книжек), по состоянию на 2001 год.

(Почему такая сложная многоступенчатая структура – сейчас обсуждать не будем).

Сравнив эти «оглавления» с (г) укрупненным оглавлением известного 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» 2003-2005 гг. (которое тоже прилагаем), читатель мог бы убедиться в масштабах и оценить правомерность тогдашних изъятий и сокращений

Однако нормальному читателю все эти трудоемкие сопоставления и пояснения ни к чему. Он просто имеет право открыть книгу (в бумажном ли, в электронном ли издании) и поискать в ней для себя интересное (пропуская скучное).

Так что это Приложение автор помещает здесь скорее «для себя». В порядке продолжающегося самонаблюдения и ауторефлексии.

А. Алексеев. 2.08.2012.

А

= Из предисловия к рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (версия 1999-2001 гг.)

0.1. ПЕРЕИЗДАНИЕ? НЕТ. ДРУГАЯ КНИГА

Настоящая книга поначалу замышлялась как переиздание вышедшей три года назад: Алексеев А.Н.. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997. Дело в том, что ничтожный тираж (250 экз.) тогда разошелся стремительно,

и книга оказалась практически недоступной читательской аудитории - не только массовой, но даже и профессиональной. Это обстоятельство дало повод озаботиться вторым изданием.

Однако, как это часто бывает, в процессе подготовки переиздания у автора возникла потребность в переделках. Он стал их осуществлять, и... в итоге получилась ДРУГАЯ книга, с другим названием, включившая в себя первую как свою составную (меньшую!) часть.

Все до единого тексты, представленные в «Драматической социологии», здесь - в «Драматической социологии, социологии жизненного пути и социологической ауторефлексии»⁴⁸⁴ - сохранены. Так что сказанное в предисловии к книге 1997 г. остается в силе. <...>

В чем же состоит главное отличие нынешней книги от предыдущей?

Если «Драматическая социология» 1997 г. имела своим подзаголовком: «эксперимент социолога-рабочего», - то здесь, в случае сохранения названия (что автор вначале предполагал), подзаголовком должно было бы стать: «эксперимент социолога-рабочего и вокруг него». Вот это «ВОКРУГ» - и составляет принципиальную новизну.

Если в предыдущей книге научный, политический, исторический контекст, вся совокупность обстоятельств, обусловивших названный эксперимент (а отчасти и вызванных к жизни им самим), оставались по преимуществу «за кадром» (в лучшем случае - эскизно очерчивались), то здесь этот контекст становится равноправным, а иногда и приоритетным предметом рассмотрения.

Читательскому вниманию предлагается не просто «исследование случая» (case study), а попытка представить этот случай на фоне или внутри процессов, совершавшихся «до», «во время» и «после». Имеются в виду - и общие социокультурные процессы, и процессы, происходившие в советской социологии, и общественно-политические аспекты и последствия эксперимента, и, наконец, «траектория жизни» самого социолога-испытателя.

Причем автор не отступил от изначально избранного способа построения социологического сочинения как тематически и хронологически организованной композиции личностных, деловых и научных документов. В «Драматической социологии» 1997 г. было около 100 разделов (документов), в ныне представляемой на суд читателя книге - только в первом томе - свыше 400.

По сравнению с «Драматической социологией», усугубилось переплетение тем и сюжетных линий. Как правило, эти линии обнажены в структуре книги. Но иногда разделить их было затруднительно, и простая хронологическая последовательность - в пределах отдельно взятой главы - оказывается оптимальным композиционным решением.

К особенностям настоящей книги, по сравнению с «Драматической социологией», относится также существенное расширение корпуса современных комментариев, «справок» и «ремарок», прямое выражение нынешнего авторского взгляда на описываемые события и обстоятельства (и на собственное поведение в них).

«ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ» является трилогией (3 тома; 24 главы).

Первый том называется: «ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ» (главы 1-7). Этот том состоит из двух частей.

1-я часть первого тома - «ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛОГА-НАЛАДЧИКА» - составлен преимущественно из материалов эксперимента социолога-рабочего, относящихся к первой половине 1980-х. Эта часть разбита на две книжки. Книжка 1 - «В ПОИСКАХ ЖАНРА» - включает главы 1-4. Книжка 2 - «КОНТРАПУНКТЫ» - главы 5-6.

2-я часть первого тома - «СЕДЬМАЯ ГЛАВА» - включает всего одну главу 7: «Панорама и ретроспектива: общество, социология, личность». Эта часть также разбита на две книжки. Книжка 3 - «КОНТЕКСТ» - включает разделы 1-14 главы 7. Книжка 4 - «НЕРЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА» - разделы 15-24 главы 7 и «Вместо заключения» (к первому тому).

Второй том называется: «ПОЛИГОН» (главы 8-16). Этот том сюжетно продолжает предыдущий и включает в себя, по преимуществу, материалы названного эксперимента, относящиеся ко второй половине 80-х.

Предпринятый автором опыт наблюдающего участия в производственной жизни, ее исследование изнутри, «глазами рабочего», на протяжении без малого десятилетия (1980-1988), является сквозным сюжетом книги. Однако непосредственно производственной теме посвящены - полностью или частично - лишь несколько глав (в томах 1 и 2).

На эту магистральную тему наслаиваются другие - научные, социальные, организационные, политические, правовые - сюжеты.

⁴⁸⁴ Один из вариантов названия. Впоследствии был сделан выбор в пользу более короткого: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». – А. А. Июль 2012.

Здесь укажем на тематическую линию, относящуюся к андерграундному экспертному опросу «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 1970-х - 80-х гг. В книгу включены также некоторые работы автора, посвященные методологии социологических исследований, работы в области социологии личности, социологии культуры, социологического изучения образа жизни и проч. (том 1). Обсуждается жизнь социологического сообщества того времени (тома 1 и 2).

Особая тематическая линия - эскалация идеологических и политических обвинений в адрес социолога-рабочего в середине 80-х и опыт самообороны от этих обвинений (тома 1 и 2). Сюда примыкает тема дружеской и товарищеской поддержки, а затем и гражданской защиты - со стороны социологов, рабочих, журналистов.

Предпринята попытка проследить процесс своего рода мифологизации эксперимента социолога-рабочего, что произошло в итоге серии выступлений СМИ в конце 80-х (том 2). Освещается начальный период массового демократического движения (Ленинград), в котором обсуждаемый эксперимент как бы растворился (том 2).

Отдельную главу (в томе 2) занимает собрание различных - не авторских - интерпретаций всех описанных событий (глава: «Версии: эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения», в томе 2).

Вообще, хоть на титуле и стоит одна фамилия, в книге много текстов, авторство которых принадлежит другим людям, в большинстве своем - друзьям и коллегам автора. <...>. Только в томе 1 таких со-авторов - свыше 50. 2-я часть этого тома («Седьмая глава») составлена преимущественно из не авторских текстов и является своего рода хрестоматией или антологией: «книга в книге».

Таков предметный, или тематический состав первых двух томов «Драматической социологии и социологии жизненного пути». Их содержание и хронологическая атрибуция текстов (исключая «Седьмую главу»), как правило, укладываются в рамки десятилетия: 1978-1988 гг.

Третий том называется: «СУДИ СЕБЯ САМ» (главы 17-24).

В отличие от сюжетных линий первых двух, этот том имеет более чем 40-летний временной охват: от середины 1950-х до конца 1990-х. Если принять сам по себе эксперимент социолога-рабочего за точку отсчета, то здесь обзревается пред- и постистория «драматической социологии» (предшествовавшие эксперименту и последовавшие за ним события).

Это - попытка анализа взаимосвязи индивидуального и социального сознания в динамике, на конкретном примере, в качестве которого взят биографический «случай» самого автора.

Кроме того, в третьем томе представлены различные корреспондирующие с содержанием предыдущих двух томов историко-биографические сюжеты - рассказы о людях, которых автор считает своими побратимами. При этом, как и в «Седьмой главе» и в «Версиях», здесь широко используются также и не авторские материалы.

Третий том завершается обсуждением проблем семейной памяти и генеалогии.

Круг научных идей, объединяемых понятием «социологическая ауторефлексия», представлен во всех трех томах книги.

Стоит заметить, что в структурном выстраивании книги, как, впрочем, и в отборе материала для нее, автор далеко не всегда следовал логике, которую способен однозначно эксплицировать. Лучше признаться в этом, чем пытаться рационально объяснить некоторые заведомо интуитивные решения.

Вполне вероятно, что, при отмеченном многотемье, не все сюжеты и темы окажутся равно интересны всем, кто к этой книге обратится. Настоящим предупреждением рассчитываем облегчить читателю необходимую ориентировку. Такая ориентировка обеспечивается и представленным здесь детализированным оглавлением тома 1, а также укрупненным оглавлением последующих двух томов.

(Автор постарался, насколько возможно прозрачно, представить в оглавлениях структуру и содержание книги).

Наконец, отметим, что выносимый ныне на читательский суд первый том нашей трилогии: «Выход из мертвой зоны», - может рассматриваться и как относительно самостоятельное произведение.

Что же касается этих вступительных замечаний и развернутого предисловия (см. ниже), то они относятся к книге «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия» в целом. <...>

Май-декабрь 2000

Б

= Укрупненное оглавление 3-х томов (6-книжия) рукописи «Драматическая

**А.Н. АЛЕКСЕЕВ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И ДРАМАТИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ**

Содержание

Том 1. ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

Часть 1. ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛОГА-НАЛАДЧИКА

Книжка 1. В ПОИСКАХ ЖАНРА

- Глава 1. НАКАНУНЕ («ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?»)
- Глава 2. ТЕАТР ЖИЗНИ НА ЗАВОДСКИХ ПОДМОСТКАХ
- Глава 3. ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА: ВИД ИЗНУТРИ
- Глава 4. ДОСУГИ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО

Книжка 2. КОНТРАПУНКТЫ

- Глава 5. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС, ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
- Глава 6. ГОД ОРУЭЛЛА («ДЕЛО» СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО)

Часть 2. СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Книжка 3. КОНТЕКСТ

Глава 7. ПАНОРАМА И РЕТРОСПЕКТИВА: ОБЩЕСТВО, СОЦИОЛОГИЯ, ЛИЧНОСТЬ

- 7.1. Ожидали ли перемен?
- 7.2. Памяти М.Я.Гфтера
- 7.3. «Хождение в рабочие»
- 7.4. Перечитывая дневник
- 7.5. Коммуникация себе, другому и другим
- 7.6. О путях социального познания
- 7.7. Наблюдение и участие. Исследование «случаев».
- 7.8. Социология - на коротком поводке
- 7.9. Человек в системе производственных отношений застойного времени
- 7.10. Человек в трансформирующейся системе производственных отношений
- 7.11. И снова - о судьбах социологии
- 7.12. Человек на БАМе
- 7.13. Бригадная форма организации труда
- 7.14. Социология и театр

Книжка 4. НЕРЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА

Глава 7 (окончание)

- 7.15. Учителя жизни. Триптих
- 7.16. Мои заслуженные собеседники
- 7.17. Время жизни
- 7.18. Жизненный процесс и истории жизни
- 7.19. Жизненная позиции
- 7.20. Творчество жизни
- 7.21. Жизненный мир

- 7.22. «Дела» давно минувших и недавних дней
7.23. Есть у кого учиться
7.24. Памяти друга: тексты Сергея Розета.

= ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Том 2. ПОЛИГОН

- Глава 8. ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО
Глава 9. ОТ ЗАРПЛАТЫ ДО ЗАРПЛАТЫ
Глава 10. ЛЮДИ ЛУЧШЕ УЧРЕЖДЕНИЙ
Глава 11. «ПЕРЕМЕН НЕ НАДО ЖДАТЬ. ИХ НАДО ДЕЛАТЬ!»
Глава 12. АРГУМЕНТ ПЕРЕСТРОЙКИ
Глава 13. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЕМОКРАТИИ
Глава 14. ДАЛЬШЕ... ДАЛЬШЕ...
Глава 15. ГРАЖДАНСКАЯ ЗАЩИТА
Глава 16. ВЕРСИИ: ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО С РАЗНЫХ ТОЧЕК
ЗРЕНИЯ

Том 3. СУДИ СЕБЯ САМ

- Глава 17. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК
Глава 18. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ
Глава 19. «СЛУЧАЙ» А.
Глава 20. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ-2
Глава 21. ПОБРАТИМЫ-ЭКСПЕРИМЕНТАТОРЫ
Глава 22. «ВОЛЬНОДУМЦЫ» И «ИНАКОДЕЙСТВУЮЩИЕ»
Глава 23. ЗАПОВЕДНИК: ПАМЯТИ А.К.БАЗНИКИНА
Глава 24. КОРНИ И ВЕТВИ (АНОСОВЫ-ПУЗАНОВЫ)

(В оглавлениях томов 2 и 3 возможны изменения)

В

= Детализированное оглавление тома 1 рукописи «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001)

ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

Содержание книжек 1-4

Часть 1. ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛОГА-НАЛАДЧИКА

Книжка 1. В ПОИСКАХ ЖАНРА

ЧЕТЫРЕ ЭПИГРАФА

0. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ: предисловия разных лет; соавторы и собеседники; действующие лица

0.1. ПЕРЕИЗДАНИЕ? НЕТ. ДРУГАЯ КНИГА

- 0.2. ПРЕДИСЛОВИЕ СОЦИОЛОГА. 1997 (@)⁴⁸⁵
- 0.3. ОТ АВТОРА СЕГОДНЯ. 2000
- 0.4. БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
- 0.5. ПРЕЖНИЕ ПУБЛИКАЦИИ. СОАВТОРЫ И СОБЕСЕДНИКИ
- 0.5. БЛАГОДАРИЮ!
- 0.6. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА («Выход из мертвой зоны»)
- 0.7. PERSONALIA (кроме «действующих лиц»)

ГЛАВА 1. НАКАНУНЕ («ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?») (1978-1980)
 (в пространстве которой автор задается вопросом о вероятности общественных перемен, а затем круто изменяет траекторию собственной жизни)

НАКАНУНЕ. ПАПКА 1

- 1.1. ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН? (НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ) (авт. - А. Алексеев, М. Гефтер, А. Соснин, В. Шейнис, Н. Шустрова) (@)
- 1.2. КАК ВЧЕРА ИЗУЧАЛИ СЕГОДНЯ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ) (авт. - колл.) (@+)
- 1.3. НЕ САНКЦИОНИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ОТЗЫВЫ «ВЕДУЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ»
 - 1.3.1. «Вопросы были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы...»
 - 1.3.2. «...резко отходит от процедуры и методологии научных социологических исследований...»
- 1.4. ОЖИДАЛИ ЛИ ПЕРЕМЕН? (АВТОРСКИЕ САМООЦЕНКИ)
 - 1.4.1. «Мой профессиональный поиск оказался неудачным...»
 - 1.4.2. «Самое время задавать себе и другим эти вопросы...»
- 1.5. ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ (ОБ ОДНОЙ НЕИЗВЕСТНОЙ РАБОТЕ М.Я.ГЕФТЕРА СО ТОВАРИЩИ) (@+)

Ремарки (1999-2000):
 - «...другое лицо...» (раздел 1.3); «...самое время задаваться этими вопросами...» (1.4);
Рукописи не горят... (1.5); Кто же отвечал на вопросы «о перспективах исторического развития»? (1.5).

НАКАНУНЕ. ПАПКА 2

- 1.6. «МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ К ЭТОЙ ЦЕЛИ МОЖЕТ БЫТЬ ОТНЮДЬ НЕ ПРЯМЫМ...». (авт. - А.Соснин)
- 1.7. ПРОГНОЗ-ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ (авт. - В. Сокирко)
- 1.8. ЯЩИК ДЛЯ ГРЯДУЩЕЙ ПАНДОРЫ (авт. - А. Кетегат)

Ремарки (1999-2000):
 - «К сожалению, прогноз осуществился...» (раздел 1.7); «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (уникальный правозащитный опыт) (1.7); Историческое воображение друга (1.8).

НАКАНУНЕ. ПАПКА 3

- 1.9. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПЕРЕМЕНА. СОЦИОЛОГ-РАБОЧИЙ (ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И «ФОНОВЫЕ» НАБЛЮДЕНИЯ) (@+)

Ремарки (1999-2000):

⁴⁸⁵ Здесь и далее значок @ означает присутствие данного раздела в книге: Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М. ИС РАН, 1997. Значок @+ - то же, но с дополнениями. – А. А. Июль 2012.

- Социологи, ставшие рабочими (раздел 1.9); «Душу свою живую спасал...» (1.9);
Пересекающиеся субкультуры (1.9); «Социолог милостью Божьей...» (1.9); «Накануне перемен...»
(1.9).

ГЛАВА 2. ТЕАТР ЖИЗНИ НА ЗАВОДСКИХ ПОДМОСТКАХ (1980-1982)

(по ходу которой автор налаживает координатно-револьверный пресс и одновременно пишет «Письма Любимым женщинам»)

«ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ». ПАПКА 1

2.1. ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАГАН И ЭПИСТОЛЯРНОЕ ХУЛИГАНСТВО (@)

2.2. «ФОРМУЛА РАЗГИЛЬДЯЙСТВА» И ВЫНУЖДЕННАЯ ИНИЦИАТИВА (КТО СОШЕЛ С УМА?) (@+)

2.3. «ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ СТРАШНЕЕ...» (МАСТЕР И ПОДМАСТЕРЬЕ) (@+)

2.4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДРАМЫ И «УЖАСНОЕ ДИТЯ» ЦЕХА N 3 (@+)

2.5. ЗАГАДКА «СЖИМАЮЩЕЙСЯ ВСЕЛЕННОЙ» (@+)

2.6. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

2.7. В КАЖДОЙ ЛУЖЕ - ЗАПАХ ОКЕАНА, В КАЖДОМ КАМНЕ - ШОРОХИ ПУСТЫНЬ... (@+)

2.8. ПРИТЧА О ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНЕЙКЕ (@+)

2.9. ПЛЯШУЩИЕ НА УГОЛЬЯХ (@+)

2.10. ОЖИВШИЙ ПАМЯТНИК (ЛЕТОПИСЬ ПКР) (@+)

Ремарки (1999-2000):

- *Нестандартный протокол (раздел 2.2); «Кто подстелил соломку...» (2.2); Упрощенная схема! (2.2); Без ложной скромности (2.2); Бахвальство (2.2); «Как тебе удобно...» (2.2); Письма с приложениями (2.2); Хорошее настроение! (2.2); Это был - манифест! (2.2); Социально-психологический механизм производственной рутины (2.3); Ничего удивительного! (2.3); Распространение пародии (2.4); Автошаржи и дружеские шаржи (2.4); Художественная команда «Политбоец» (2.7); «Ненависть» и «презрение»... (2.8); Задал работы адресату! (2.9); «Театр жизни на заводских подмостках...» (2.10); Какие задачи решал автор; а также некоторые замечания в порядке самокритики (2.10).*

«ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ». ПАПКА 2

2.11. НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.12. 49 ПИСЕМ КАК ОДНО (МИНУТЫ ЖИЗНИ)

2.13. МОЖЕТ ЛИ ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА УДАРИТЬ ПО ГОЛОВЕ? (ИНТЕРВЬЮ СОЦИОЛОГА-НАЛАДЧИКА)

2.14. КАК ПЕРЕПЛЫВАТЬ РЕКУ

2.15. АНКЕТА ДЛЯ МОИХ ЛЮБЕЗНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОК

2.16. НАУЧНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БУДНИ (ИСЭП-1981)

2.17. НАЛАДЧИК И БРИГАДА («ПАРТИЗАНЩИНА») (@+)

2.18. ИТАК, Я ЛОВЛЮ РЫБУ (ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ШАБЛОН И ВОКРУГ НЕГО)

2.19. НАУЧНЫЕ СТРАСТИ (ОБСУЖДАЕТСЯ ПРОГРАММА СОЦИОЛОГА-НАЛАДЧИКА) (авт. - А. Алексеев; А. Ежелев)

2.20....И ПОСЛЕДНЕЕ: ЗАПИСКИ С УМА НЕ СОШЕДШЕГО 2.21. «Я ВОТ УЖЕ ДВА ГОДА ЗДЕСЬ РАБОТАЮ...» (@)

2.22. СУД ЛЮБИМЫХ (ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ)

2.23. «ЧУЖИЕ ПИСЬМА КАК ЧУЖИЕ ОКНА...»

2.24. ПОЯСНЕНИЕ К ОГЛАВЛЕНИЮ: «ЗАКОДИРОВАННЫЙ АРХИВ» (@+)

2.25. ГДЕ-ТО, КОГДА-ТО, ДАВНЫМ-ДАВНО... (40 ВОЛХОВСКИХ ПРИВЕТОВ) (авт. - А. Алексеев, И. Баландина, Г. Забелкин)

Ремарки (1999-2000):

- От «Писем...» - к научному отчету (раздел 2.11); Прецедент А.А.Любищева (2.11); «Благими намерениями вымощен ад...» (2.12); Если рабочим не мешать...» (2.17); От «Писем...» - к научной программе (2.19); Академические «несвободы» (2.19); Сценарный прогноз (2.20); Премьера «социолога-наладчика» (2.21); От «Писем...» - к «хронике» (2.21); Конец «эпистолярного хулиганства» (2.22); Воспоминание о Волхове (60-е гг.) (2.25); Воспоминание о Волхове (продолжение следует) (2.25).

«ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ». ПАПКА 3 (ПОСЛЕ ЭПИЛОГА)

2.26. ИЗЪЯТОЕ ПРИ ОБЫСКЕ... ПУЩЕНО В ОБРАЩЕНИЕ

2.27. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЗЫВЫ (@)

2.27.1. «Статьи политически вредного содержания...»

2.27.2. «Злоупотребляя доверием коллектива...»

2.27.3. «С клеветнических позиций...»

2.27.4. «Дух ярлыков, наклеиваемых буржуазной пропагандой...»

2.27.5. Горлит: «данные материалы отличает цинизм...»

2.28. В ПОИСКАХ ПОНИМАНИЯ И ЯСНОСТИ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОЗАЩИТА)

2.28.1. «Письма Любимым женщинам»: что-то вроде автоаннотации

2.28.2. По поводу так называемых «статей политически вредного содержания»

2.29. «Я ВСПОМИНАЮ...» (@+)

2.29.1. Мой первый редактор (Нина Максимова)

2.29.2. Ты сам свой высший суд?

2.29.3. Перечитывая рукопись (современные авторские ремарки)

2.30. ДНЕВНИК, ПИСЬМО И СТАТЬЯ КАК СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

КОММУНИКАЦИИ

Ремарки (1999-2000):

- «...и от Хлестакова не отрекусь!» (раздел 2.26); «...оскорбительно для меня как для рабочего!» (2.27); Как это называлось (2.28); «...что когда писал ты и к чему...» (2.28); С «героем» советоваться не надо! (2.29); Что сделано, то сделано... Не объясняй! (2.29); Скрепление жизненных путей (2.29); «Вторая жизнь» писем социолога-рабочего (2.29); Памяти Тamarы Дридзе (2.29); Может ли письмо быть статьей? (2.30).

ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА: ВИД ИЗНУТРИ (1982-1984)

(посвященная будням эксперимента социолога-рабочего, которые состоят из «процессов» и «событий»)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА. ПАПКА 1

3.1. «МАТЕРИЯ» ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ДАННАЯ НАМ В ОЩУЩЕНИЯХ

3.2. ОДИН ДЕНЬ НАЛАДЧИКА ПКР (ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ДЕЛАЙ КАК Я) (@+)

3.3. ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА: ВОПРОСЫ К САМОМУ СЕБЕ

3.4. ВЫХОД ИЗ «МЕРТВОЙ ЗОНЫ». ПРОЦЕССЫ И СОБЫТИЯ (@+)

3.5. КАК СЕРЕГА БЫЛ «ШТРЕЙКБРЕХЕРОМ» (@)

3.6. «ВСЕ МЫ, СЕРЕГА, ЛОШАДИ. СТРЕНОЖЕННЫЕ. НО РЖЕМ ПО-РАЗНОМУ...»

(авт. - А. Кетегат)

3.7. ИСКЛЮЧИТЬ «МЕРТВУЮ ЗОНУ»... НА ПКР И ВОКРУГ НЕГО (авт. - В.Белашев)

3.8. КАК СЕРЕГА БЫЛ «ШТРЕЙКБРЕХЕРОМ» (ОКОНЧАНИЕ)

3.9. ТАК КТО ЖЕ НАРУШАЛ ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО?

Ремарки (1999-2000):

- Производственное бытописание (раздел 3.2); Сквозные сюжеты (3.4); Социолог-ремонтник (3.4); Лиха беда начало (3.5); Купюры в заводской газете (3.7); «...наблюдались случаи отказа от работы...» (3.9); Крыть нечем (3.9); Срок давности для трудового спора (3.9)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА. ПАПКА 2

- 3.10. МОЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КАРЬЕРА (1980-1984)
- 3.11. БРИГАДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ
- 3.12. ПРЕИМУЩЕСТВА БРИГАДНОГО МЕТОДА (авт. - Б. Максимов)
- 3.13 «БЕШЕНАЯ ХАЛТУРА, КРАСИВАЯ ДЕТАЛЬ...» (И ДРУГИЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ БРИГАДЫ 003 1984 ГОДА) (@+)
 - 3.13.1. Бригадный хозрасчет?
 - 3.13.2. Что - положено, что - не положено... (нелегальная технология)
 - 3.13.3. Бешеная халтура, красивая деталь...
- 3.14. ЖИЗНЕННЫЙ СЕКУНДОМЕР ВКЛЮЧЕН (10 ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА)

Ремарки (1999-2000):

- *И впрямь протокол! (раздел 3.10); Образец моделирующей ситуации (3.13); Не написанный роман (3.14).*

ГЛАВА 4. ДОСУГИ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (1979-1983)

(в которой обсуждаются самые разные вопросы, а автор уподобляет себя кошке, которая «гуляет сама по себе»)

ДОСУГИ. ПАПКА 1

- 4.1. МИСТИФИЦИРОВАННАЯ НАУКА (РАЗМЫШЛЕНИЕ О СУДЬБАХ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ) (@+)
- 4.2. АСПИРАНТ «АЛЕША»
- 4.3. КОМУ НА БАМЕ ЖИТЬ ХОРОШО (ПРОБЛЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ И ЖИЗНЬЮ НА «СТРОЙКЕ ВЕКА»)

Ремарки (1999-2000):

- *Кризис социологии (раздел 4.1); Социолог-«многостаночник» (4.3).*

ДОСУГИ. ПАПКА 2

- 4.4. «ЧЕЛОВЕК И ЕГО РАБОТА. 1976» (авт. - М. Левин, В. Ядов)
- 4.5. «ОФИЦИАЛЬНАЯ» ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ РАБОЧИХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ (авт. - А. Алексеев, А. Назимова)
- 4.6. ОТКУДА БЕРЕТСЯ И ЧТО ДАЕТ БРИГАДНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА (авт. - А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов)
- 4.7. «БРИГАДЫ БЕЗ БРИГАДИРОВ» И «БРИГАДИРЫ БЕЗ БРИГАД»

Ремарки (1999-2000):

- *Ограничение предмета рассмотрения (раздел 4.4); Активность официальная и не официальная (4.4); Массовый опрос и исследование «случая» (4.5).*

ДОСУГИ. ПАПКА 3

- 4.8. ЛИЦО ТЕАТРА - ЛИЦО ЗРИТЕЛЯ (авт. - А. Алексеев, В. Дмитриевский)
- 4.9. ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГО-ТЕАТРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (авт. - А. Алексеев, В. Дмитриевский)
- 4.10. ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР - В ДВИЖЕНИИ (@+)
 - 4.10.1. Новые явления в театральной жизни Ленинграда
 - 4.10.2. На пороге перемен? Перемен в театральном Ленинграде не произошло, но ожидание их остается...
 - 4.10.3. 40 театральных премьер 1982 г.

Ремарки (1999-2000):

- *«...управление культурой?» (раздел 4.8).*

ДОСУГИ. ПАПКА 4

- 4.11. СЛУЧАЙ В ВАРАДЕРО (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПРОМТ. 1983)
4.12. «НЕ ГОРЮЙ». «КОШКА, КОТОРАЯ ГУЛЯЕТ САМА ПО СЕБЕ...»

Ремарки (1999-2000):

- *Извинения перед читателем (раздел 4.11); Пороговые пятилетия (4.11); «...грязный пасквиль...» (4.11).*

= Книжка 2. **КОНТРАПУНКТЫ**

ГЛАВА 5. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС, ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ (1979-1983)
(о том, как автор искал теоретические и методолого-методические подходы к социологии жизненного пути, а нашел себе новых учителей жизни)

MODUS VIVENDI. ПАПКА 1

- 5.1. НА ПОДСТУПАХ К СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
(«СОЦИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ» И «РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЖИЗНИ»)
5.2. ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И ТИПИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ
5.3. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС (АВТОАННОТАЦИЯ «МАТЕРИАЛОВ К ДОКЛАДУ») (@)
5.4. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС (КОНСПЕКТ ДОКЛАДА. 1981) (@)
5.5. ИСКУССТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ (К ВОПРОСУ О СИСТЕМАХ ОПИСАНИЯ)

Ремарки (1999-2000):

- *«...психология опередила социологию...» (раздел 5.1); «Профили» жизненного пути (5.1); «...жизнь человека как объект социологического исследования...» (5.1); «...качественные методы как способ приближения к реальности...» (5.1); Все идет в дело! (5.4); Новое время - новый социологический язык (5.4); Соотношение «приспособления» и «преобразования» (5.4); Теории разного уровня (5.5).*

MODUS VIVENDI. ПАПКА 2

- 5.6. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАК СМЕНА СПОСОБОВ ЖИЗНИ (авт. - А.Алексеев, Р.Ленчовский) (@)
5.6.1. Круглый стол в Киеве (1981)
5.6.2. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь
5.7. ДИАЛОГ С РОМАНОМ (СОКРОВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ) (авт. - Р. Ленчовский, А.Алексеев)
5.7.1. К письмам я отношусь особо...»
5.7.2. Диалог с Другом
5.7.3. Дары Романа («Письма» А.Ухтомского; «Заметки о Милле» К. Маркса)
5.7.4. Диалог с Другом (продолжение)
5.7.5. Диалог с Другом. Вещи и люди
5.8. ЗАМЕТКИ О КЛАССИКЕ И НЕКЛАССИКЕ, О ПОЗНАНИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИИ МИРА (Р.ЛЕНЧОВСКИЙ)
5.9. ДИАЛОГ С РОМАНОМ. 20 ЛЕТ СПУСТЯ (авт. - А. Алексеев, Р. Ленчовский)

Ремарки (1999-2000):

- *Слесарь - студент философского факультета (раздел 5.7); Лучшие цитировать, чем пересказывать! (5.7); Что я знал об Ухтомском (5.7); «Самозамкнутое Я»... (5.7); Открываем Ухтомского... (5.7); Открываем Маркса (5.7); Три вида демократии (5.7); Открываем Гете (5.7); Перепечатаваю письма Друга и высылаю ему копии... (5.7); «...переставил к «своему» Альберту*

Швейцери...» (5.7); Собеседник и соавтор (5.7); Монолог и диалог (5.7); Открываем Швейцера! (5.7); Н.Моисеев и М.Цветаева, «поставленные рядом» (5.7); «...наши нравы...» (5.7); «Творению - предпочитаю творца!» (5.7); Расширение дружеского круга (5.7); Сомнения Друга (5.8); Слово - раньше дела, дело - раньше слова... (5.8); «Пилигримы» и «пере-идентификация нашего/не нашего» (5.9); «Великие китежане» (А.А.Ухтомский и В.Н.Муравьев) (5.9); Диалог - это работа... (5.9); «...причастные ко злу...» (5.9).

MODUS VIVENDI. ПАПКА 3

- 5.10. «СКАЖИ МНЕ, ЧЕМ ТЫ УВЛЕЧЕН?...» (ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ) (авт. - А. Алексеев, С. Минакова)
- 5.11. СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И ДИНАМИЗИРУЮЩИЕ СИЛЫ ЛИЧНОСТИ (С. МИНАКОВА И А. АЛЕКСЕЕВ) (@+)
- 5.11.1. Доминанта как мировосприятие и поведение (авт. - А.Ухтомский)
- 5.11.2. О поведенческой и ценностной направленностях личности (авт. - А. Алексеев, С. Минакова)
- 5.11.3. Как Вам живется... (тест на выявление поведенческой направленности личности) (авт. А. Алексеев, С. Минакова)
- 5.11.4. Общая направленность личности и жизненные самооценки
- 5.11.5. Ради чего мы живем (тест на выявление ценностной направленности личности) (авт. - А.Алексеев, С.Минакова) (@)
- 5.11.6. «Ради чего мы живем?»: опыт применения методики
- 5.12. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ
- 5.12.1. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) (авт. - А.Алексеев, С.Минакова) (@+)
- 5.12.2. Преодолевать пределы (призыв к самому себе) (авт. - Г.Гессе)
- 5.12.3. Из «Письма к дочери, когда она вырастет» (авт. - Р.Ленчовский)
- 5.12.4. Счастье, или как я был хорошим (8 марта 1943 г.) (авт. - А.Кетегат)
- 5.13. «ЧЕЛОВЕК - ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЕГО СОБСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ...» (МОЛЕНИЕ О ДАРЕ) (@+)
- 5.14. ЭСТАФЕТА ЖИЗНИ И СМЕРТИ
- 5.15. ЗАЧЕМ НУЖНА ДЕПРЕССИЯ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Д.ХЕЛЛА)

Ремарки (1999-2000):

- «...человек - творец времени...» (раздел 5.10); «Проблема с острым сюжетом...» (5.10); И еще раз - Ухтомский (5.11); Открываем Ухтомского (5.11); Идея витает в воздухе (5.11); Методика работает! (5.11); «В тяжести возрастает пальма!» (5.12); Совпадение независимо полученных результатов (5.12); Интегральное представление о счастье (5.12); Не выполненный замысел (5.13); Памяти Владимира Малушенко (5.14);

MODUS VIVENDI. ПАПКА 4

- 5.16. ЧЕЛОВЕК, СМОТЯЩИЙСЯ В ЧАСЫ (ПО СТОПАМ А.А.ЛЮБИЩЕВА) (@+)
- 5.17. «ВРЕМЯ ЖИЗНИ»: РЕЗУЛЬТАТЫ САМОНАБЛЮДЕНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ
- 5.17.1. Самофотография жизненного времени как обоснование жизненной перемены
- 5.17.2. Социолог-наладчик: структура жизнедеятельности
- 5.17.3. Хронометраж жизни: как это делается (одна неделя июля 1981 года)
- 5.18. САМОАНАЛИЗ «ПО КЭТЕЛЛУ»
- 5.19. ОВЛАДЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ (В.Н.МУРАВЬЕВ)
- 5.20. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ... 1983
- 5.21. МЫСЛЬ - СЛОВО - ДЕЛО (авт. - Виктор Дудченко)

Ремарки (1999-2000):

- Кем был Любичев (раздел 5.16); Учет, самоотчет и планирование (5.16); Овладение временем (5.16); «Душеприказчики» А.А. Любичева (5.16); «Эта счастливая жизнь» (5.16); Отчет «для внутреннего пользования» (5.17); «Отхожий промысел» социолога-рабочего (5.17); Период «акме» (5.18); «...способность воскрешения...» (5.19); Человек и время - учение Муравьева

и опыт Любищева (5.19); «Не зная, что есть время, нельзя разгадать, что есть жизнь...» (5.19); «...собрания сочинений...» (5.20); Решать читателю! (5.21).

ГЛАВА 6. ГОД ОРУЭЛЛА («ДЕЛО» СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО) (1983-1985)

(по ходу которой автора объявляют антисоветчиком, против чего он решительно возражает; причем поле эксперимента существенно расширяется и переструктурируется)

- = Десять эпиграфов
- = Вместо предисловия

«ДЕЛО». ПАПКА 1

6.1. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. 1984

6.2. ХРОНИКА ЭКСПЕРИМЕНТА. ВЗГЛЯД ИЗ 1988 ГОДА (авт. - А. Головков)

6.3. ОБЫСК И ВЫЕМКА - НА ОСНОВАНИИ «ИМЕЮЩИХСЯ ДАННЫХ»

6.4. «ИМЕЮЩИЕСЯ ДАННЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫМИ...»

6.5. «КУДА НИ КИНЬ, ВСЮДУ ДЫРА...»

6.6. МОЙ ПРАВОВОЙ ЛИКБЕЗ

6.6.1. Уголовно-процессуальный кодекс

6.6.2. Дискуссия о правовом положении свидетеля. Отличие «заподозренного» от «подозреваемого»

6.6.3. К вопросу о «процессуальном принуждении» (авт. - И. Ковалев)

6.6.4. Уголовный кодекс. Статьи 70 и 190-1

6.6.5. Право необходимой обороны (авт. - А. Кони; А. Цориева)

6.7. ИЗ «ОБЪЯСНЕНИЙ» ДЛЯ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

6.8. В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ «МЕРТВОЙ ЗОНЫ» (@+)

6.8.1. «С организацией надо себя вести имманентно ее законам...»

6.8.2. «Мой способ жизни... стал предметом преувеличенного интереса...» (письмо начальнику УКГБ ЛО)

6.9. СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ИЛИ С КЕМ СОЦИОЛОГ-РАБОЧИЙ ТОГДА ЗНАКОМ НЕ БЫЛ... (ИНТЕРМЕДИЯ)

6.9.1. «Прививка черенка свободы к тоталитарному режиму...» (авт. - Б.Иванов)

6.9.2. Семинар Сергея Маслова (авт. - Я. Гордин)

6.9.3. Андроповский зажим (авт. - Л. Лурье)

Ремарки (1999-2000):

- В начале был помысел, затем...; От «дела» остался только «акт списания»... (раздел 6.1); Кому писал? (6.1); Авторское обещание (6.2); Детали следственных действий (6.3); Импульсивные реакции (6.4); Прокурорский надзор (6.4); «Записная книжка в синем переплете»... (6.5); «...строптивый свидетель...» (6.5); На страже «интересов расследования»... (6.6); Не «подозреваемый», а «заподозренный!» (6.6); Для кого пишутся комментарии к кодексу (6.6); Законодательный исход правовой дискуссии (6.6); С опорой на авторитеты (6.6); Не полагаясь на «авось» (6.6); «...да, отвечал!» (Геннадий Климентов) (6.7); «Игра» моего друга (6.7); Спасибо и... простите! (6.7); Социолог-испытатель нервничает (6.8); «Не слабое» место в этом «деле»... (6.8); Прислушиваясь к рецензентам (6.8); Разделение труда между правоохранительными органами (6.8); Раскрытие одного псевдонима (6.8); У каждого своя компания... (6.9); К вопросу об «общественной кристаллизации» (6.9).

«ДЕЛО». ПАПКА 2

6.10. КОММУНИСТ, ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, КГБ

6.11. МАЛОЛЕТНИЙ ВЗЛОМЩИК

6.11.1. Налет на квартиру. Пропаж не обнаружено...

6.11.2. «Связь между обыском и налетом на квартиру вовсе не исключена...»

6.12. А ЖИЗНЬ ИДЕТ... (ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГОСКОМТРУД)

6.12.1. Официальные приглашения, заказы и напоминания

- 6.12.2. Из деловой и личной переписки (авт. - А. Каменев; Л. Треер; М. Левин; А. Алексеев)
- 6.12.3. Социолог-испытатель востребован (авт. - В. Ядов)
- 6.12.3. Предложения в Госкомтруд (авт. - А. Алексеев, при участии Г. Климентова и С. Розета)
- 6.13. ПРЕДОСТЕРЕЖЕННЫЙ (МЕРА «ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ»)
- 6.13.1. «Аспид»
- 6.13.2. «Информирую о беседе в УКГБ ЛО...»
- 6.13.3. 104 или 103 страницы в «единице хранения» N 17?
- 6.13.4. «Вполне доверяю партийной организации в выборе позиции, которую она сочтет нужным занять...»
- 6.13.5. «Боевая ничья»...
- 6.13.6. В поисках печатных источников...
- 6.13.7. В поисках «прецедентов». Сочинитель «Моих горячек» (авт. - М. и Я. Гордины)
- 6.14. ИГРАЕМ ПО ПРАВИЛАМ
- 6.14.1. Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием
- 6.14.2. Правила для государственных и общественных органов
- 6.14.3. Прокуратура Ленинграда надзирает за следствием (окончание)
- 6.15. И ЕЩЕ ОДИН «СВИДЕТЕЛЬ ПО ВАЛЮТНОМУ ДЕЛУ»
- 6.16. ТРАУРНЫЙ МИТИНГ (СМЕРТЬ АНДРОПОВА). «БЫТЬ НАЧЕКУ...» - ЛЕНИНСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

Ремарки (1999-2000):

- *Предистория отношений (раздел 6.10); «Выстроенная» ситуация (6.10); Правовое положение потерпевшего (6.11); Приглашение на «всесоюзную трибуну» (6.11); «Дело» и дело... (6.12); Запросы на «новые идеи» (6.12); Публикации социолога-рабочего (6.12); Зашифрованные субъекты и «объекты» (6.13); «Уж ломит бес...» (6.13); Вещественные доказательства (6.13); Формула предостережения (6.13); Три фактора «успеха» (6.13); У всех «свои горячки»... (6.13); «Читано в декабре 1983 года...» (6.13); «Ввоз» и «вывоз»... (6.14); От «Писем...» - к «записям для памяти» (6.14).*

«ДЕЛО». ПАПКА 3

- 6.17. «В ОТНОШЕНИИ АЛЕКСЕЕВА А.Н.» (СПРАВКА УКГБ ЛО) (@)
- 6.18. «РАЗРЕШАЮ ССЫЛАТЬСЯ НА ЭТИ ДОКУМЕНТЫ...»
- 6.19. РЕШЕНИЕ ПАРТИЙНОГО БЮРО: «ИСКЛЮЧИТЬ АНТИСОВЕТЧИКА...»
- 6.20. «РЕЧЬ ИДЕТ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ...»
- 6.21. «ВРЕДИТЕЛЬ», «САБОТАЖНИК», «ШПИОН»...
- 6.22. РЕПОРТАЖ С ЗАСЕДАНИЯ ПАРТКОМА
- 6.23. «ПРИМИТЕ ИНФОРМАЦИЮ - ИЗ ПЕРВЫХ РУК...»
- 6.24. ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ
- 6.24.1. Из писем Романа Ленчовского (авт. - Р. Ленчовский)
- 6.24.2. К вопросу о «дружеских действиях»
- 6.25. ПРОТОКОЛ МОЕГО ЮБИЛЕЯ. 1984

Ремарки (1999-2000):

- *Ожидания оправдались (раздел 6.17); Кому повезло - кому не повезло?.. (6.17); «...в чужом пиру похмелье» (6.17); Досье на самого себя (6.18); «Дочерние» досье (6.18); «Эзопов язык...» (6.18); Не всякий опрос - анкетирование (6.19); Болт, предъявленный в партийную комиссию (6.19); Членов партии не убавилось... (6.19); Неудобный член партийной комиссии (Геннадий Богомолов) (6.20); «Письма...» - не «статьи»! (6.20); Смешение слов и понятий (6.20); Доводы разума против доводов силы (6.21); Кому писал? (6.23); Новая партия в «игре» (6.24); «Наши праздник...» (комментарий Р. Ленчовского) (6.24); Заметки автора на полях заметок Со-автора (6.24); «...вас трое «явлений»...» (6.24); От души, ради друга, для общего дела... (6.24); О личных местоимениях (комментарий Р. Ленчовского) (6.24); «...исключая диссидентские действия...» (6.24); Мой бригадир А. Сыцевич - лучший наставник завода (6.25); Он, мы, они... (6.25).*

«ДЕЛО». ПАПКА 4

6.26. БЕСЕДЫ В СМОЛЬНОМ. ЧЕТВЕРТЫЙ ПОДЪЕЗД

6.26.1. Первые три беседы в Смольном

6.26.2. 7-я беседа в Смольном

6.26.3. Из «Объяснения-комментария...» для партийной комиссии горкома КПСС

6.27. «ДЕЛО БАРАНЦЕВА». ИНТЕРМЕДИЯ

6.27.1. Психологический этюд эпохи позднего большевизма (авт. - Я. Гордин)

6.27.2. Еще один урок А.А. Любичева (1955) (авт. - А. Любичев).

Ремарки (1999-2000):

- «Я вспоминаю...» (Борис Максимов) (раздел 6.26); Текст меняют, дату - нет (6.26); Логика эволюции «дела» (6.26); Как берут «на пушку»... (6.26); ДСП - открытой почтой (6.26); Сколько человек надо опросить, чтобы было - «исследование»? (6.26); Экспертные листы - в «тайнике»... (6.26); К вопросу о читательской установке (6.26); Один эксперт - на две комиссии (6.26); В Смольный - как на работу... (6.26); Играем «по правилам»... (6.26); «Неконтролируемые ассоциации»... (6.26); Протоколы бесед с должностными лицами (6.26); Уместные сопоставления (6.27).

«ДЕЛО». ПАПКА 5

6.28. ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ

6.28.1. «Заглазное» отлучение от ВТО

6.28.2. Потеря А. не является не восполнимой для группы

6.29. СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ ОЧИЩАЕТ СВОИ РЯДЫ

6.29.1. Беседа в Доме журналистов на Невском

6.29.2. «Эклектизм воззрений и двойственность поведения...» (авт. - В. Комаров)

6.29.3. «Я, конечно, не Зощенко, но и доцент Комаров - не профессор Плоткин...»

6.29.4. «Несовместимо ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста...»

Ремарки (1999-2000):

- Анатомия и физиология «дела» (раздел 6.29); Уклонение от идеологического спора (6.29); Конец цитаты (6.29).

«ДЕЛО». ПАПКА 6

6.30. СИТУАЦИЯ - СТАТИКА И ДИНАМИКА. АЛЕКСЕЕВ - СТИМУЛЫ И РЕАКЦИИ

(авт. - Р.Рывкина; А.Алексеев)

6.31. НЕСКОЛЬКО ЧАСТНЫХ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ «ИЗГОЯ»

6.31.1. Какая дисциплина главнее: партийная или государственная?

6.31.2. Голосую против - нормальное дело...

6.31.3. Неуместная фотография в заводской газете

6.31.4. Мой друг Володя

6.31.5. Люди и «рычаги» (в смысле известного рассказа А. Яшина)

6.31.6. «Полузакрытое» партийное собрание

6.32. «БОИ» МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ (ВОКРУГ ПАРТИЙНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

6.32.1. Скромная - не скромная просьба исключенного из партии

6.32.2. Смольный - партком завода - цеховая партийная организация

6.33. НАУКА, ПОЛИТИКА, ПРАВСТВЕННОСТЬ (ОПЫТЫ «ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ») (авт. - Р. Ленчовский)

6.33.1. «А может, ты мог бы дать мне заказ...»

6.33.2. О партийно-политической этике как научном направлении (методологические проблемы)

6.33.3. Нравственно-политическая жизнь: опыт определения понятия в контексте воспитательного процесса

6.33.4. О стихийности и сознательности

- 6.33.5. Неудавшаяся попытка «воспитания воспитателей»
6.34. НА ЧТО МЫ НАДЕЯЛИСЬ, ИЛИ О НРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ АНАЛИЗА ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ. ИНТЕРМЕДИЯ (авт. - Р. Ленчовский)

Ремарки (1999-2000):

- *Триадная типология (раздел 6.30); Эксперимент продолжается! (6.30); Заводские журналисты (6.31); «Нас жмут, а мы крепнем...» (6.31); Поиск «оптимума» (6.32); Партийные страсти (6.32); Партийные характеристики (6.32); Философское «прикрытие» и «обеспечение» (комментарий Р. Ленчовского) (6.33); «...превращенная форма...» (6.33); К вопросу об «искренности партийной позиции» (комментарий Р. Ленчовского) (6.33); Случайное - неслучайное (6.33); Продолжение следует... (6.34); Читатель, скажи!.. (6.34); «...коммунисты-романтики...» (6.34); О трактовке термина «коммунитарность» (6.34).*

«ДЕЛО». ПАПКА 7

- 6.35. ОПАСНЫЕ ИГРЫ (ВОКРУГ МАТЕРИАЛОВ ОПРОСА «ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?»)»

6.35.1. Опыт самостоятельного расследования

6.35.2. 45 экспертных интервью - взгляд со стороны. 1983 (авт. - NN)

6.36. ИСЭП-1984 (ПОЧТИ ПО ОРУЭЛЛУ)

6.36.1. Партийное внимание к науке

6.36.2. «Недостаток идеологической выправки у социологов...»

(неологизм проф. Парыгина)

6.36.3. Как отличить «вредные» произведения от «не вредных»? (авт. - Б. Беликов)

6.36.4. ИСЭП: охота на ведьм продолжается

6.36.5. Конкурсные страдания

6.37. УПРАВЛЕНИЕ КГБ ЗА РАБОТОЙ. 1984-1985

6.37.1. Из практики объявления официальных предостережений

6.37.2. «Привет от Незабудкина...»

6.37.3. Дружелюбная беседа в приемной КГБ

6.37.4. Новое в советском законодательстве

6.38. ДОПОЛНЕНИЕ К СЕМЕЙНОМУ ПРЕДАНИЮ. ИНТЕРМЕДИЯ

- 6.39. ПОТЕРПЕВШИЙ, МИЛИЦИЯ, ПРОКУРАТУРА (ДЕЛО О «ПОВРЕЖДЕННОЙ ДВЕРИ»)»

6.39.1. Милиция. «А был ли мальчик?»

6.39.2. Милиция. Допрос потерпевшей Н. Крюковой

6.39.3. Прокуратура. Закон - на страже неприкосновенности жилища

6.40. КОНЕЦ 1984-ГО. МОЗАИКА ЖИЗНИ

Ремарки (1999-2000):

- *Экспертный лист N 10 и другие (раздел 6.35); «Человек со стороны» (6.35); Конфликт двух социально-нормативных систем (6.35); Слушайте, слушайте! («новояз») (6.36); «Увольняйтесь по-хорошему...» (6.36); Идеологически вредная книга о семье (6.36); Отечественная социология - в воспоминаниях и документах (6.36); Хитроумная комбинация? (6.37); Новое письмо начальнику УКГБ ЛО (6.37); Нет не существенных деталей! (6.37); Можно ли судиться с правоохранительным органом? (6.37); Разночтения в официальных документах (6.37); Терпение, терпение... (6.39); «...записано верно...» (6.39); Милицейский блеф (6.39); «...проникал ли кто в квартиру...» (6.39); А был ли «следователь»? (6.39); Пропадающие грамоты (6.39); «Параллельное» дело: вопрос остается открытым (6.39); Два «равноценных» преступления (6.39); Разнообразие форм «проникновения в жилище» (6.39); Критика снизу и критика сверху (6.40); Возобновление «производственной летописи» (6.40).*

«ДЕЛО». ПАПКА 8

6.41. НАЧАЛО 1985-ГО. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМУЛЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ

6.42. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ИЗ ДРУЖЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ. 1985)

6.42.1. 34 письма в один день

- 6.42.2. 25 писем - отовсюду
- 6.43. НОВЫЕ РАЗГОВОРЫ В СМОЛЬНОМ
- 6.44. ВЫСОКИЙ ПАРТИЙНЫЙ СУД
 - 6.44.1. «Изобразить меня антисоветчиком, конечно, можно. А сделать таковым не удастся даже вам, товарищи члены бюро обкома!..»
 - 6.44.2. Репортаж с заседания бюро обкома КПСС
- 6.45. ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ, МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ТТ. МАРКОВ, СМАГЛИЕНКО И ГОРЯЧКИН
 - 6.45.1. «Я эту книгу, как бутылку в волны...» (М.Цветаева)
 - 6.45.2. Как я «помогал» партийной комиссии обкома КПСС
 - 6.45.3. Партийная комиссия обкома «обиделась»...
- 6.46. К ВОПРОСУ О «НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ» (авт. - Виктор Дудченко)

Ремарки (1999-2000):

- Кто узнает себя в письме? (раздел 6.42); Другие - не виноваты! (6.42); Мотивы - действия - последствия (6.43); Формулируют как умеют... (6.43); К вопросу об анонимности опрашиваемых (6.43); «...Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел...» (6.43); «Инакомыслящий» или «инакодействующий»? (6.43); Необходимая самооборона (6.44); Библиографические разыскания (6.44); «...антисоветское чтение...» (6.45); Еще об Оруэлле (6.45); Не без блефа... (6.45); За кулисами «министерства правды» (6.45); О преимуществах личного архива перед государственным (6.45); «...относиться как к бреду?.. (6.46);

«ДЕЛО». ПАПКА 9

- 6.47. «ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ РЯДОВ КПСС ЗА...» (ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛИРОВОК) (@+)
- 6.48. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ И ДРУЖЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА
 - 6.48.1. Бывает, что и цензоры ошибаются... (авт. - Б. Марков)
 - 6.48.2. Из переписки с друзьями
 - 6.48.3. «Человек на БАМе» в свете партийного «дела» (авт. - А. Алексеев; А. Аганбегян)
 - 6.48.4. Дружеские хлопоты. «Выполняя поручение...» (авт. - В. Дмитриевский)
- 6.49. СО-УМЫШЛЕННИКИ, СО-УЧАСТНИКИ, СО-АВТОРЫ...
- 6.50. ОТ КАМНЯ, БРОШЕННОГО В ВОДУ, РАСХОДЯТСЯ КРУГИ
 - 6.50.1. Летопись - «не только ПКР»... (авт. - Н. Поречная)
 - 6.50.2. Прожективная ситуация
- 6.51. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ - НА «ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ФРОНТЕ»
- 6.52. ПИСЬМА ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ. 1985
 - 6.52.1. Жизненные и общественные будни
 - 6.52.2. Что такое достоинство? (авт. - Р. Баранцев)
 - 6.52.3. И снова - письма Любимым женщинам
 - 6.52.4. «Рано или поздно я в партии восстановлен буду!»

Ремарки (1999-2000):

- «...читайте мои письма...» (раздел 6.47); «Тетради по БАМу» (6.48); «Приводные ремни» (6.48); Памяти Натальи Поречной (6.50); «...условие моей явки на разбирательство...» (6.52); Достоинство и гордыня (6.52); «ЭКО» - «Юность» (6.52); Главный публикатор социолога-рабочего (Людмила Гурьева) (6.52); Второй раз - не те же грабли... (6.52); Судебный иск гражданина к организации (6.52); «Линии» жизни (6.52); Предвидел, но не все... (6.52); Слушайте, слушайте! Не забывайте! (6.52).

«ДЕЛО». ПАПКА 10

- 6.53. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ОЧИЩАЕТ СВОИ РЯДЫ
 - 6.53.1. Попытка диалога
 - 6.53.2. Монологи на заседании бюро ЛО ССА
 - 6.53.3. «Полностью отсутствует позитивный опыт...» (авт. - И. Яковлев)

6.54. «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ»

6.54.1. «Человеческий фактор» перемен: за и против. «Экспериментальная» ситуация противодействия переменам

6.54.2. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

Ремарки (1999-2000):

- «...нарушил порядок и условия...» (раздел 6.53); «Пусть уж будет все, как было...» (Владимир Лисовский) (6.53); *Из опыта профессиональных экспертиз (6.53); Устаревшая статья (6.53); Эскиз для «Драматической социологии» (6.54); «Данное» или «наше» общество? (6.54).*

= ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

= АВТОРСКОЕ ОБЕЩАНИЕ: «СЕДЬМАЯ ГЛАВА», ИЛИ ЧЕГО ЖДАТЬ ЧИТАТЕЛЮ ОТ 2-Й ЧАСТИ ПЕРВОГО ТОМА

Часть 2. СЕДЬМАЯ ГЛАВА

= Книжка 3. КОНТЕКСТ

0. СЕДЬМАЯ ГЛАВА: НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ КО 2-Й ЧАСТИ «ВЫХОДА ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ»

ГЛАВА 7. ПАНОРАМА И РЕТРОСПЕКТИВА: ОБЩЕСТВО, СОЦИОЛОГИЯ, ЛИЧНОСТЬ (1890-2000)

(существенно дополняющая все предыдущие главы; так полагает автор, надеясь, что читатель против этого не возразит)

7.1. ОЖИДАЛИ ЛИ ПЕРЕМЕН? (Приложение к главе 1)

7.1.1. РАЗРЕШАЮЩАЯ СПОСОБНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ (авт. - Ч.Р.Миллс)

7.1.2. «ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?» ОТВЕТЫ ЭКСПЕРТОВ. 1979-1981 (авт. - А. Баранов; Г. Бурковский; А. Вейхер; П. Вихалемм, М. Лауристин; В. Глухов; В. Дмитриевский; Л. Дудченко; Г. Забелкин; В. Захаров; А. Кетегат; Г. Климентов; В. Рубашкин; Р. Рывкина; А. Седов; В. Сокирко, Э. Соколов; А. Соснин; А. Тихонов; В. Чеснокова; Ю. Щеголев; А. Ющенко; и др.)

7.1.3. «ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х гг. МОЖЕТ СКРЕСТИТЬСЯ ДЕЙСТВИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ...» (авт. - В. Шейнис)

7.1.4. ОЖИДАЛИ ЛИ ПЕРЕМЕН? МНЕНИЯ КОЛЛЕГ. 1990 (авт. - Б. Фирсов; П. Шелищ)

7.1.4.1. Моменты «перестроечной истины»

7.1.4.2. На пути к социологии общественных перемен

7.1.5. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НА РЕКЕ АНУЙ В 1979 ГОДУ. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПОПЫТКА ТОЛКОВАНИЯ (авт. - Виктор Дудченко)

7.1.6. «ОЖИДАЛИ ЧУДА... ЧУДА НЕ ПРОИЗОШЛО» (авт. - Р. Рывкина)

7.1.7. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАПРЯЖЕННЫХ СИСТЕМАХ (авт. - Л.Росс, Р. Нисбет)

7.1.8. «ПУСТЬ КАЖДЫЙ БУДЕТ САМ СЕБЕ МЕТОДОЛОГ И САМ СЕБЕ ТЕОРЕТИК...» (ЗАВЕТЫ Ч.Р.МИЛЛСА)

Ремарки (1999-2000):

- Как раскрываются псевдонимы (раздел 7.1.2); *Пропавший экспертный лист (7.1.2); ...разрешаю использовать! (7.1.4); «День открытых убийств»... (7.1.5); «...обязательно почитай!» (7.1.7); Квазистационарное равновесие (7.1.7)*

7.2. ПАМЯТИ М.Я. ГЕФТЕРА (Приложение к главе 1)

7.2.1. ГОВОРИТ САМ ГЕФТЕР (авт. - М. Гефтер)

7.2.1.1. Автобиография

- 7.2.1.2. История - позади? Историк - человек лишний?
- 7.2.2....ГОВОРЯТ О ГЕФТЕРЕ (авт. - В. Библер; Е. Высочина)
- 7.2.2.1. Жизнь-поступок
- 7.2.2.2. Аутсайдер - человек вопроса

7.3. «ХОЖДЕНИЕ В РАБОЧИЕ» (Приложение к главе 1)

- 7.3.1. КАК МЕНЯ УЧИЛИ. 1963
- 7.3.2. ПАМЯТИ ДРУГА (ГУРИЙ ЗАБЕЛКИН)
- 7.3.3. УЧЕНИК КАНТА (авт. - А. Гулыга)

7.4. ПЕРЕЧИТЫВАЯ ДНЕВНИК (Приложение к главе 1)

- 7.4.1. 20 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ (В.СОКИРКО)
- 7.4.1.1. Народный сталинизм и либералы-диссиденты (авт. - В. Сокирко)
- 7.4.1.2. Коммунист - буржуазный демократ (К. Буржуадемов) (авт. - В. Сокирко; М.

Гефтер)

- 7.4.1.3. Обретение заслуженного собеседника (авт. - А. Алексеев, В. Сокирко)
- 7.4.2. ЭЛЕКТРОНОТЕРАПИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ В МЕДИЦИНЕ? (П. ГОНЧАРОВ) (авт. - П.

Гончаров; Э. Кудрявцев)

- 7.4.2.1. «Первые опыты я проводил на себе...»
- 7.4.2.2. Авторское свидетельство
- 7.4.2.3. «Сама простота метода кажется подозрительной...»
- 7.4.3. К ВАМ ПРИШЕЛ СОТРУДНИК КГБ... (70-е гг.)

Ремарки (1999-2000):

- Приборы Гончарова (раздел 7.4.2); Не выдержал травли (7.4.2); Электронотерапия Гончарова и энионтехнология Зорина (7.4.2)

7.5. КОММУНИКАЦИЯ СЕБЕ, ДРУГОМУ И ДРУГИМ (Приложение к главе 2)

- 7.5.1. О СИТУАЦИОННЫХ АСПЕКТАХ КОММУНИКАЦИИ (авт. - Б. Шифрин)
- 7.5.2. ДНЕВНИК: ОБЩЕНИЕ С САМИМ СОБОЙ И САМОСОЗНАНИЕ ПИСЬМОМ (авт.

- К. Пигров)

- 7.5.3. ПИСЬМО-ВОПЛОЩЕНИЕ, ИЛИ «ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ КРУГИ» (авт. - А.

Кетегат)

- 7.5.4. «ИСПОВЕСТИ» И «ЖИЗНЕМЫСЛИ» (ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ)

Ремарки (1999-2000):

Совпадение тем (раздел 7.5.2); Архетипы коммуникации (7.5.2); Жизнемысли и мыследействия (7.5.4)

7.6. О ПУТЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (Приложение к главе 2)

- 7.6.1. ПАРАЦЕЛЬС - БЭКОН - ГЕТЕ (XVI-XIX века) (авт. - К. Свасьян)
- 7.6.1.1. «Кто ищет истины, тому надо в мою монархию...» (Парацельс)
- 7.6.1.2. «Нет ничего труднее, чем брать вещи такими, каковы они на самом деле...» (Гете)
- 7.6.2. ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО

ЭКСПЕРИМЕНТА (авт. - Р. Рывкина, А. Винокур)

- 7.6.3. ПРЕДЕЛЫ СОЦИОЛОГИИ (В.ШУБКИН)
- 7.6.4. ДВОРЕЦ НА ОСТРИЕ ИГЛЫ (авт. - А. Зверев)
- 7.6.5. ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ФИЗИКА ЛОГОСА (С. ЧЕСНОКОВ)
- 7.6.6. «КАЧЕСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ - ЭТО СВОЕГО РОДА МАТОЧНЫЙ РАСТВОР...» (С.

БЕЛАНОВСКИЙ)

- 7.6.7. НАУКА, ЖИЗНЬ, ЛИЦО (А. УХТОМСКИЙ)
- 7.6.8. ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ (М. ПОЛАНИ) (авт. В. Лекторский; М. Полани)
- 7.6.8.1. О теории познания М.Полани

- 7.6.8.2. Личностная самоотдача как преодоление дизъюнкции между субъективным и объективным
- 7.6.9. «ИЗ ТУПИКА НА КОРОННУЮ ДОРОГУ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ...» (П. СОРОКИН) (авт. - П. Сорокин; Н. Серов)
- 7.6.9.1. П. Сорокин о современном кризисе психосоциального знания
- 7.6.9.2. П. Сорокин о путях преодоления кризиса психосоциального знания
- 7.6.10. СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (авт. - М. Соколов)
- 7.6.11. «МЕТОД - НЕ ТОЛЬКО ПУТЬ, НО И ВЗГЛЯД...» (авт. - Н. Козлова)
- 7.6.12. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ...» (авт. - Виктор Дудченко)

Ремарки (1999-2000):

- «Социальный эксперимент - исследование и управление...» (раздел 7.6.2); Личностное, неявное знание (7.6.8); Открываем М. Полани... (7.6.8); Движение научной мысли (7.6.9); Коллажи жизни и их интерпретация (7.6.11); Отклик на отклик... (7.6.12)

7.7. НАБЛЮДЕНИЕ И УЧАСТИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ «СЛУЧАЕВ» (Приложение к главе 2)

- 7.7.1. «БЫЛИ МЫ РАННИМИ...». 1961 (В. ОЛЬШАНСКИЙ)
- 7.7.2. «СКРЫТАЯ КАМЕРА» СОЦИОЛОГА. 1971
- 7.7.3. О ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЕ (ДЖ. МИД, У.ТОМАС И ДР.) (авт. - В. Семенова)
- 7.7.4. О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (А.ШЮЦ, Г.ГАРФИНКЕЛЬ) (авт. - В. Семенова; Х. Абельс; М. Филипсон; П. Филмер)
- 7.7.4.1. Истоки и русло феноменологической школы
- 7.7.4.2. «Смысловое строение социального мира» (Альфред Шюц)
- 7.7.4.3. Социология повседневной жизни (Гарольд Гарфинкель)
- 7.7.5. О ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (ИРВИНГ ГОФМАН) (авт. - Х. Абельс)
- 7.7.6. О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (А. ТУРЕН)
- 7.7.7. «CASE STUDY» КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ (авт. - В. Герчиков)
- 7.7.8. МЕТОД НАБЛЮДЕНИЯ И КОСВЕННАЯ АНКЕТА (авт. - Ст. Михайлов)
- 7.7.9. ГЮНТЕР ВАЛЬРАФ - КОРОЛЬ АНОНИМНОЙ «РОЛЕВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ» (авт. - М. Зоркая)
- 7.7.10. ТРИАНГУЛЯЦИЯ. ДВОЙНАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ (авт. - Е. Ковалев, И.Штейнберг; Т. Шанин)

Ремарки (1999-2000):

- «Хождения в рабочие» (раздел 7.7.1); Исследование сельской молодежи в «не типичном» колхозе (7.7.2); К вопросу о профессиональной этике (7.7.2); Поведение вербальное и реальное (7.7.4); Конфликт «парадигм» (7.7.4); «Провокативные» ситуации (7.7.4); «Драматургическая социология» и «драматическая социология» (7.7.5); «Социология действия» и «драматическая социология» (7.7.6); Живко Ошавков и Анатолий Давыдов (7.7.8); Разведение или соединение социальных ролей? (7.7.9)

7.8. СОЦИОЛОГИЯ - НА КОРОТКОМ ПОВОДКЕ (Приложение к главе 2)

- 7.8.1. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА И ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА (авт. - А. Алексеев, В. Ядов)
- 7.8.2. «УДИВИТЕЛЬНО МОЛОДОЙ СТАРЕЙШИНА...». 1979
- 7.8.3. ИЗ ПРОГРАММЫ СЕКТОРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ОДИННАДЦАТУЮ ПЯТИЛЕТКУ
- 7.8.3.1. Социальные и социально-психологические особенности формирования образа жизни и индивидуально-типических стилей жизни в крупном городе
- 7.8.3.2. Подпрограмма: Социальные нормы, жизненный процесс и позиция личности (отв. исполнитель: к.ф.н. А.Н. Алексеев)

7.8.4. «НЕ ДАЙ БОГ, ЕСЛИ БЫ ЧИНГИЗ-ХАН ЗАИМЕЛ «УЧЕНЫЙ СОВЕТ»...»(авт. - Р. Ленчовский)

Ремарки (1999-2000):

- *Тогда и 20 лет спустя (раздел 7.8.2); Давление господствующих норм (7.8.3);*

Комментарий Ядова к программе «социолога-наладчика» (1981) (7.8.3); К вопросу о социологии как фундаментальной науке (голос «не из хора») (авт. - Виктор Дудченко) (7.8.4)

7.9. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЗАСТОЙНОГО ВРЕМЕНИ (Приложение к главам 2 и 3)

7.9.1. «МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФЕТИШИЗМ» КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ (авт. - С. Рапопорт)

7.9.2. «ХОТЬ РАБОЧИЙ И СДЕЛЬЩИК, НО ВЕСЬ ЗАВОД - ПОВРЕМЕНЩИК...» (авт. - А. Солипатров)

7.9.3. ТЕОРИЯ РАЗДАТКА. В РОССИИ СЕГОДНЯ - ОЧЕРЕДНОЙ ЦИКЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РАЗДАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ? (О. БЕССОНОВА)

Ремарка (1999-2000):

- *Теория - гипотеза! (раздел 7.9.3)*

7.10. ЧЕЛОВЕК В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (Приложение к главам 2 и 3)

7.10.1. ПУТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (80-е гг.) (авт. - Л. Гордон; Виктор Дудченко, О. Савельев)

7.10.2. ДВА ВЗГЛЯДА НА ШАХТЕРСКУЮ ЗАБАСТОВКУ 1991 ГОДА (авт. - Л. Гордон; Виктор Дудченко)

7.10.2.1. Шахтерская забастовка: политическая победа?

7.10.2.2. Кто выиграл и кто проиграл в шахтерской забастовке?

7.10.3. РАЗЫГРЫВАЕТСЯ ДЕЙСТВИЕ. ПОКА БЕЗ ФИНАЛА (авт. - Н. Поречная)

7.10.4. ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ: ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРИВАТИЗАЦИИ

7.10.5. ГЕГЕМОН НА ДНЕ? (ПИСЬМА С КИРОВСКОГО ЗАВОДА) (авт. - Б. Максимов; Н.Преображенский)

7.10.6. «ПРИВАТИЗАЦИЯ НЕ ПРИВЕЛА К КАКИМ-ЛИБО ЗНАЧИМЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ И МОТИВАЦИИ...»

7.10.6.1. Человек и его работа сегодня (на примере сибирских предприятий) (авт. - С. Барсукова, В. Герчиков)

7.10.6.2. Социальные потрясения и социальная инерция (авт. - Е. Кашей; И. Ильин)

7.10.7. ШАХТЕРСКИЙ ПИКЕТ НА ГОРБАТОМ МОСТУ (авт. - А. Сергеев; Л. Корнилов; Б. Максимов; Виктор Дудченко)

7.10.7.1. «Требуем добровольной отставки Президента РФ...»

7.10.7.2. Говорит Горбатый мост

7.10.7.3. Шахтерский протест: соединение стихийно-иррациональных целей с рационально-организованными формами действий?

7.10.7.4. Итоги и уроки шахтерского пикета на Горбатом мосту

Ремарки (1999-2000):

- *Заочный диалог (раздел 7.10.1); Советская сдельщина - без изменений (7.10.2);*

Исследование «случаев» (7.10.6)

7.11. И СНОВА - О СУДЬБАХ СОЦИОЛОГИИ (Приложение к главе 4)

7.11.1. «ПРИЧУДЫ И СЛАБОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ...» (авт. - П. Сорокин)

7.11.2. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

7.11.2.1. Советская социология: суди себя сам! (авт. - Б. Фирсов)

- 7.11.2.2. «Было несколько социологий...». Разнообразие «биографических ниш» (авт. - С. Рапопорт)
- 7.11.2.3. Как сегодня пишется история нашей социологии (авт. - В. Ядов)
- 7.11.2.4. «До чего-то мы все-таки докопались, что-то нашли и построили...» (авт. - В. Чеснокова)
- 7.11.3. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СОЦИОЛОГА (авт. - Л. Дудченко)
- 7.11.4. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТРАЖЕНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ (авт. - А. Марьяненко)
- 7.11.5. К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (авт. - Г. Саганенко)
 - 7.11.5.1. «Социологическое мышление - это...»
 - 7.11.5.2. Человек для социологии или социология для человека?
- 7.11.6. НА ПОРОГЕ ЭКОАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (Т. ДРИДЗЕ)

Ремарки (1999-2000):

- «Брутальный пример» и «моделирующая ситуация» (раздел 7.11.2); Феномен «советской социологии» (7.11.2); На плечах титанов (раздел 7.11.5); «...живут-то только люди...» (7.11.7); Что - когда сказано... (7.11.6)

7.12. ЧЕЛОВЕК НА БАМе (Приложение к главе 4)

7.12.0. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ СТРОИТЕЛЕЙ БАМа

Ремарка (1999-2000):

- Коллективные и индивидуализированные социографические портреты (раздел 7.12.0)

7.13. БРИГАДНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА (Приложение к главе 4)

7.13.0. РАБОТА В БРИГАДЕ: ПЛЮСЫ, МИНУСЫ, ПРОБЛЕМЫ (авт. - колл.)

7.14. СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР (Приложение к главе 4)

7.14.1. «ВАШЕ МНЕНИЕ О СПЕКТАКЛЕ» (авт. - колл.)

7.14.2. «ЖИЗНЬ СПЕКТАКЛЯ» (авт. - колл.)

= Книжка 4: **НЕРЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА**

7.15. УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ. ТРИПТИХ (Приложение к главе 5)

7.15.1. ПОДВИГ ЖИЗНИ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА (авт. - А. Алексеев; В. Петрицкий; А. Швейцер; А. Гусейнов)

7.15.1.1. Конспект биографии

7.15.1.2. Три принципа этики А. Швейцера: «благоговение перед жизнью», «человек - человеку» и «человек и природа»

7.15.1.3. А. Швейцер: «Из моей жизни и мыслей»

7.15.1.4. Феномен Швейцера: своеволие, индивидуализм, рационализм, подвижничество

7.15.2. МОНАХ В МИРУ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ, АКАДЕМИК И ПОТАЕННЫЙ ЕПИСКОП (?) АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УХТОМСКИЙ (авт. - А. Ухтомский; Г. Цурикова, И. Кузьмичев; А. Алексеев)

7.15.2.1. Уникальное явление в русской культуре

7.15.2.2. Драма и загадка жизни академика Ухтомского

7.15.2.3. «Будь что будет, а делай что надобно»

7.15.3. ИНТЕРМЕДИЯ: А.А.УХТОМСКИЙ. В.Н.МУРАВЬЕВ. СХОЖДЕНИЯ ИДЕЙ И ОРТОГОНАЛЬНОСТЬ СУДЕБ (авт. - Виктор Дудченко; А. Алексеев)

7.15.3.1. «Загадки жизни» Ухтомского - нет! (письмо «адвоката дьявола»)

7.15.3.2. Трагедия создателя «философии времени» (В.Н. Муравьев)

7.15.4. НАШ СОВРЕМЕННОК И ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЮБИЩЕВ (авт. - Д. Гранин; Ю. Шрейдер; А. Любищев; Р. Баранцев; А. Алексеев)

- 7.15.4.1. Основные даты жизни и деятельности
- 7.15.4.2. Эта странная жизнь... Этот удивительный человек...
- 7.15.4.3. А.А. Любищев: «Мысли о многом»
- 7.15.4.4. Собеседники и соавторы А.А. Любищева
- 7.15.4.5. А.А. Любищев: масштаб личности и духовное наследие
- 7.15.4.6. Дополнительные факты и соображения
- 7.15.4.7. Уроки мысли, жизни и общения

7.15.5. О ЦЕЛОСТНОСТИ ДИАЛОГА И О ПРЕОДОЛЕНИИ БИНАРИЗМА В СИТУАЦИЯХ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА (авт. - Р. Баранцев)

- 7.15.5.1. К целостности диалога
- 7.15.5.2. Преодоление бинаризма в ситуациях морального выбора

Ремарки (1999-2000):

- В.Н.Муравьев и В.И.Вернадский (раздел 7.15.3); В.И.Вернадский и А.А.Ухтомский (7.15.3); Любищев о своей системе жизни (7.15.4); Кто же здесь автор? (7.15.4); Читатели, собеседники, соавторы (7.15.4); Начало любийцевяны (70-90-е гг.) (7.15.4); Мысль изреченная всегда неполна... (7.15.4); «Любительство» Любищева (7.15.4); Стиль Любищева (7.15.4); О тринитарной методологии (7.15.5); Еще о тринитарной методологии (7.15.5).

7.16. МОИ ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (Приложение к главе 5)

7.16.1. КАК СДЕЛАТЬ ИНИЦИАТИВУ МАТЕРИАЛЬНОЙ СИЛОЙ (авт. - А. Солипатров)

7.16.2. ТРУД НА СЕБЯ - ТРУД НА ОБЩЕСТВО (авт. - А. Алексеев, Г. Климентов)

7.16.3. «ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ - ОБОЮДООСТРО...» (авт. - Ю. Щеголев)

Ремарки (1999-2000):

- Отклики на идею (раздел 7.16.1); Предложения о привлечении трудящихся к управлению производством (7.16.2); Что значит «Ура!» (7.16.3)

7.17.ВРЕМЯ ЖИЗНИ (Приложение к главе 5)

7.17.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ (авт. - Е. Головаха, А. Кроник)

7.17.2. ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ВРЕМЕНИ (авт. - К. Абульханова-Славская)

7.17.3. «КАК СТАТЬ ЛИЧНОСТЬЮ БОЛЕЕ БЛАГОУСТРОЕННОЙ, ХОТЯ БЫ В СМЫСЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОБСТВЕННОЙ ГОЛОВЫ ДЛЯ СЕБЯ...» (авт. - А. Любищев)

7.17.4. «НАДОБНО РАСКРЫТЬ И В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОДОБИЕ ЭКВАТОРА...» (Г.БАТЕНЬКОВ)

Ремарки (1999-2000)

- «Секреты» системы Любищева (раздел 7.17.3); Возможно ли воспроизведение опыта Любищева? (7.17.3)

7.18. ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И ИСТОРИИ ЖИЗНИ (Приложение к главе 5)

7.18.1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (авт. - И. Кон)

7.18.2. О БИОГРАФИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

7.18.2.1. Из истории биографического метода в психологии и социологии (авт. - А. Валиевский)

7.18.2.2. Истории жизни и перспектива пробуждения социологии (авт. - Д. Берго)

7.18.2.3. «Рутиня», «события» и «загадка жизни»: три слоя биографического повествования (авт. - В. Голофаст)

7.18.2.4. «Устные истории» (из методического опыта киевских исследователей) (авт. - Р. Ленчовский)

7.18.3. МЕТОД «ПОГРУЖЕНИЯ» (авт. - В. Павленко)

7.18.4. ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ. РЕСУРСЫ, НОРМЫ И ЭФФЕКТЫ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

7.18.5. В ПОЛЯХ ПРЕДКОВ (авт. - А. Кетегат)

7.18.6. «ВОСПОМИНАНИЯ - ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЙ, ИЗ КОТОРОГО НЕТ
ИЗГНАНИЯ... (ЧАСТИЦЫ БЫТИЯ)» (авт. - И. Баландина)

Ремарки (1999-2000):

- «Личность - драматург, создающий драму собственной жизни...» (раздел 7.18.2);
*Латентная сторона жизни (7.18.2); Биографический метод и диалог (7.18.2); Нужны базы
данных о биографических фондах (7.18.2); Генеалогическая и биографическая проза (7.18.5);
Делать то, чего никто за тебя не сделает (7.18.5)*

7.19. ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ (Приложение к главе 5)

7.19.1. О ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ, ЖИЗНЕННОЙ ЛИНИИ И ЖИЗНЕННОЙ
СТРАТЕГИИ (авт. - К. Абульханова-Славская)

7.19.2. МАКСИМЫ А. 1974-1975

7.19.3. ЧЕЛОВЕК, ОСВОБОЖДАЮЩИЙ СЕБЯ САМ (авт. - Л. Кесельман)

7.19.3.1. Апология человека («Рождественская сказка»)

7.19.3.2. Индивидуальный и социальный пессимизм/оптимизм в трансформирующемся
обществе

7.19.3.3. «У Господа нет иных рук, кроме наших собственных...»

7.19.4. ВСПОМИНАЯ СТАРЫЕ ПРОГНОЗЫ (авт. - В. Сокирко)

7.19.5. «НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ...» (авт. - А. Ющенко)

7.19.5.1. Басня о перестройке

7.19.5.2. Прологомены социогенетики

7.19.5.3. Познание действием и «троянский конь»

7.19.6. ПИСЬМА ИЗ ГУЗЕРИПЛЯ (ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ) (авт. - А. Базникин)

7.19.6.1. «Драку я затеял. Надеюсь выиграть...»

7.19.6.2. «Заговоренная» тема

7.19.6.3. «Да, это эмоции... Но можно и без них!»

7.19.7. «С УВАЖЕНИЕМ... КРИТИК-ХУЛИГАН И АНТИБЮРОКРАТ-ЗАДИРА»
(ПАНАС НЕМИРНИЙ) (авт. - В. Очаковский)

7.19.7.1. Письмо бывшего политзэка - «президенту-диссиденту»

7.19.7.2. 10 лет спустя... («Послание в царство теней»; «Исповедь шестидесятника» в конце
90-х»)

7.19.8. ПЕРЕВАЛ. ПАРТИЯ ТЕХ, КТО САМ СЕБЯ КОРМИТ (авт. - Виктор Дудченко)

7.19.8.1. Лагерный человек

7.19.8.2. «...Будем отстаивать мирный и демократический путь, основанный на
способности к компромиссу!»

7.19.9. ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ И РЕЗОНАНСЫ ИНТЕРЬЕРНОГО ТЕАТРА (авт. - Н.
Беляк, Т. Лиханова)

7.19.10. ЧТО НАС ЖДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? (авт. - В. Тягушев)

7.19.11. КАК ОТСТОЯТЬ СВОИ ПРАВА ПЕРЕД ЧИНОВНИКОМ (10 ЗАПОВЕДЕЙ) (авт.
- В. Глухов)

7.19.12. О МЕСТЕ РОССИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА (авт. -
Р. Баранцев)

7.19.13. ИНТЕРВЬЮ НАИВНОГО ЧЕЛОВЕКА (авт. - А. Солипатров)

7.19.14. ЛЕНИН И СТАЛИН (авт. - В. Ронкин)

7.19.15. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЖИЗНИ (авт. - Ю. Щеголев)

7.19.15.1. Труба (зарисовки внутренних противоречий)

7.19.15.2. О празднике 9 Мая

7.19.15.3. Мольба

7.19.15.4. Противоречие между порядком и стихией

7.19.16. «ГОСПОДИ, ХРАНИ ДРУЗЕЙ, КТО БЫ В НИХ НИ ЦЕЛИЛСЯ...» (авт. - А. Головков)

7.19.17. ОТЕЦ И ДОЧЬ

7.19.17.1. Идеи и ценности. Лица. Институты. История. Справочная литература (авт. - Р. Ленчовский)

7.19.17.2. Совладание в экстремальной ситуации (авт. - А. Ленчовская)

7.19.18. Я ИДУ ПО КОВРУ, ТЫ ИДЕШЬ, ПОКА ВРЕШЬ... (авт. - С. Чесноков)

7.19.19. ВЫГОДА ОТ ГУМАНИЗМА (авт. - С. Минакова)

Ремарки (1999-2000):

- *Возрастная атрибуция (раздел 7.19.2); Человек и «животное» (7.19.3); Главный жанр моего друга (7.19.3); Глобальная сеть (2000) (7.19.3); Что такое «двоичная система»? (7.19.5); «Социогенетические фокусы»... (7.19.5); Украинско-русский словарь для «Кучмилиады» (7.19.7); Александрийские партократы 10 лет спустя (7.19.7); Человек «лагеря социализма» (7.19.8); От прадеда - к правнуку (7.19.15); Экзистенции Щеголева (7.19.15); «Тест» на близость... (7.19.15); Пересечения кругов общения и дружбы (7.19.16); Дочь выросла (7.19.17); Дисбаланс государства, общества и личности (7.19.19)*

7.20. ТВОРЧЕСТВО ЖИЗНИ (Приложение к главе 5)

7.20.1. О ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ С ПОЗИЦИЙ ОНТОСИНТЕЗА (авт. - Ю. Резник)

7.20.2. О ПОНЯТИИ HABITUS'a П.БУРДЬЕ. СОВРЕМЕННАЯ «НЕЗНАКОМКА» (авт. - Вячеслав Дудченко)

7.20.2.1. Что такое habitus?

7.20.2.2. Философия красоты

7.20.2.3. Семейный бизнес

7.20.3. «...И ЭТОМУ НАЗВАНИЯ НЕТ!» (СНЫ И ЯВЬ) (авт. - И. Грушевая)

7.20.3.1. О необычных случаях и предвидениях в моей жизни

7.20.3.2. Разное. О жизни, о природе и о Нем.

7.20.3.3. Сон в Пасхальную ночь с 13.04. на 14.04.96

7.20.4. ВОЗРАСТ ДЖУЛЬЕТТЫ (авт. - Н. Сергеева)

7.20.5. Я СНАЧАЛА БЫЛА ЗЕРНЫШКОМ (авт. - А. Кетегет)

Ремарки (1999-2000):

- *Habitus и жизненный процесс (раздел 7.20.2); «Хотите - верьте, хотите - нет!» (7.20.3); «Вот и помянули Его...» (7.20.3)*

7.21. ЖИЗНЕННЫЙ МИР (Приложение к главе 5)

7.21.1. ДИАЛОГ С ОЛЕСЕЙ (авт. - О. Козина; А. Алексеев; Р. Баранцев)

7.21.1.1. «В научной истине интегрируются ценностный, эстетический и этический аспекты...»

7.21.1.2. Из переписки

7.21.1.3. Приложения к ноябрьскому письму

7.21.1.4. Из переписки (продолжение)

7.21.1.5. Реакции разума, души и духа

7.21.1.6. «Ангел-учитель» и «ангел-хранитель»

7.21.2. И ЗВУК, И СВЕТ. ВОСПОМИНАНИЯ О СЕБЕ. ТРИАДНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА (А. МАРАСОВ)

7.21.2.1. И звук, и свет

7.21.2.2. Воспоминания о себе

7.21.2.3. Триадная сущность человека

Ремарки (1999-2000):

- *Нравственные императивы науки (раздел 7.21.1); Письмо с приложениями (7.21.1); «Две тенденции в марксизме...» (7.21.1); Обмен посланиями (7.21.1); Ошибочное предположение (7.21.1); Встреча Нового года (7.21.1); Как «вы-творяются» стихи (7.21.1); «Звук» и «голос»*

(созвучия) (7.21.2); *Интеллектуальная биография* (7.21.2); *Воображаемая диссертация*... (7.21.2)

7.22. «ДЕЛА» ДАВНО МИНУВШИХ И НЕДАВНИХ ДНЕЙ (Приложение к главе 6)

7.22.1. СЛОВО ПЕРЕД КАЗНЬЮ (БОМБОМЕТАТЕЛЬ ИВАН КАЛЯЕВ) (авт. - И. Каляев; Б.Савинков)

7.22.2. ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ, ЖИЗНЬ И ЛИЧНОСТЬ СЕРГЕЯ ПОРШНЯКОВА

7.22.2.1. Стихи, писанные в «Крестах» (с автокомментариями 50 лет спустя) (авт. - С. Поршняков)

7.22.2.2. Краткое жизнеописание

7.22.2.3. Слово о краеведе (В.В.Бианки о С.Н. Поршнякове)

7.22.2.4. Духовное завещание (авт. - С. Поршняков)

7.22.2.5. Дон Кихот, Гамлет, Загадка (взгляд внука на деда) (авт. - Ю. Щеголев)

7.22.3. ЖИЗНЬ И СУДЬБА (ИНЖЕНЕР-КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ ВЛАДИМИР

КОСТЕНКО)

7.22.3.1. Кем был В.П.Костенко (авт. - И. Короткин, И. Соловьев; А. Новиков-Прибой)

7.22.3.2. В.П. Костенко. Воспоминания дочери (авт. - Н. Костенко)

7.22.4. «Я ТЕПЕРЬ НЕ УМРУ...» (ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР КРУТИЦКИЙ) (авт. - иеромонах Дамаскин)

7.22.5. «КРУТОЙ МАРШРУТ» И «ЖИЗНЬ - САПОЖОК НЕПАРНЫЙ» (ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ И ТАМАРА ПЕТКЕВИЧ)

7.22.5.1. «Не только летопись страданий, но и внутренняя эволюция...». (авт. - Е. Гинзбург; Г. Померанц)

7.22.5.2. «Очарованная душа, проходившая через ад...» (авт. - Т. Петкевич, Т. Золотницкая)

7.22.6. «Я ВАМ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ...» (ЗАКИР ГАБАЙДУЛИН)

7.22.7. СЛОВО И ДЕЛО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ (авт. - Г. Белая; Д. Еремин; Ю. Даниэль; К. Чуковский и др.)

7.22.8. 100 СЕМЕЙ СЕЛА ВИКУЛОВО 20 ЛЕТ НАЗАД (О САМОДЕЯТЕЛЬНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ГРАЖДАНСКОМ ПОДВИГЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ А.В.ДАВЫДОВА) (@)

7.22.9. ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ (ПЕТР АБОВИН-ЕГИДЕС) (авт. - Т. Абовина-Егидес; З. Апресян; П. Абовин-Егидес)

7.22.10. ДИАЛОГ ВО ИМЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ («ПОИСКИ» - С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ) (авт. - М. Гефтер)

7.22.11. «НАДО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НАДО...» (АНДРЕЙ КУБАНИН) (авт. - А. Селезнева)

7.22.12. ЗАКРЫТЫЕ ДЕЛА, ИЛИ «МИТЬКА, КРУТИ КИНО ОБРАТНО!» (авт. - А. Блюм)

Ремарки (1999-2000):

- Стихи как «человеческие документы»... (раздел 7.22.2); *Заветы Поршнякова* (7.22.2); *След остается и оказывается востребован* (7.22.2); *Отец и дочь* (В.П. и Н.В.Костенко) (7.22.3); *Агиография XX века* (7.22.4); *Письма-дневники Юлия Даниэля* (7.22.7); *Театр абсурда, или «чистый Оруэлл»...* (7.22.12); «...персонифицированные конфиденциальные сведения...» (7.22.12)

7.23. ЕСТЬ У КОГО УЧИТЬСЯ (приложение к главам 1-6)

7.23.1. «ОСТРОВ САХАЛИН» (АНТОН ЧЕХОВ)

7.23.2. ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СОЦИОЛОГ (авт. - В. Шубкин)

Ремарка (1999-2000):

- Чехов - социолог (раздел 7.23.1)

7.24. ПАМЯТИ ДРУГА

7.24.1. ТЕКСТЫ СЕРГЕЯ РОЗЕТА (сост. - Ю. Щеголев)

7.24.1.1. «В данной работе мне хотелось бы способствовать становлению субъект-субъектного познания...»

- 7.24.1.2. «Связи между терминами словаря могут быть построены по циклической схеме...»
7.24.1.3. Стихи С.М. Розета
7.24.2. АНКЕТА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ (СЛУШАТЕЛЕЙ) (авт. - Ю. Щеголев)

= ВЫХОД ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ВЗ.1. СТАРОЛАДОЖСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ (авт. - А. Алексеев, А. Аракелян, Н. Беляк, Г. Лебедев, О. Старовойтова, А. Чернов) (@)

ВЗ.2. ГОЛОДАЙ. ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ. РОЖДЕСТВЕНО (авт. - А. Чернов)

ВЗ.3. РОССИЙСКАЯ АНТИУТОПИЯ. «ЧТО ДЕЛАТЬ - МНЕ?..».

ВЗ.3.1. Российская антиутопия (авт. - В. Ронкин)

ВЗ.3.2. «Что делать - мне?..»

ВЗ.4. ЯВЛЕНИЕ ЦВИШЕНИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСАХ (авт. - Р. Баранцев)

ВЗ.5. К ВОПРОСУ О «ПАРАДИГМАХ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

ВЗ.6. ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЭПИГРАФАМ: «ДАЛЕКИЙ ЖЕЛАНИЙ КРАЙ»

= АВТОРСКОЕ ОБЕЩАНИЕ (Содержание томов 2 и 3)

Г

Укрупненное оглавление книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005 ⁴⁸⁶

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4

Содержание

Том 1

Предисловие

Часть 1. В поисках жанра

Глава 1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»)

Приложения к главе 1

Глава 2. Театр жизни на заводских подмостках (начало)

Глава 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)

Глава 4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога)

Глава 5. Человек и его работа: вид изнутри

Приложение к главе 5

Глава 6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь

Приложения к главе 6

Приложения к части 1 (главы 1–6)

Том 2

Глава без номера. Интермедии

Часть 2. Контрапункты

⁴⁸⁶ Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> .

Глава 7. «Дело» социолога-рабочего (начало)
Приложения к главе 7
Глава 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение)
Приложение к главе 8
Глава 9. Год Оруэлла (1984)
Глава 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!
Приложения к части 2 (главы 7-10)
Вместо заключения

Том 3

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Прологомены

Часть 3. Полигон

Глава 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»
Приложение к главе 11
Глава 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего
Приложения к главе 12
Глава 13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества)
Приложения к главе 13
Глава 14. Делаем перемены (начало)
Глава 15. Делаем перемены (продолжение)
Глава 16. Сотворение легенды
Приложения к главе 16
Глава 17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...
Приложения к главе 17
Глава 18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление)
Глава 19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...)
Приложения к главе 19
Глава 20. Народный фронт
Глава 21. Выборы-1989
Приложения к главе 21

Том 4

Часть 4. Версии

Глава 22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения
Приложения к главе 22
Глава 23. Эпистемологические дебаты
Приложения к главе 23
Глава 24. Человек в обществе и общество в человеке
Глава 25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?)
Приложения к главе 25
Вместо заключения

Послесловие

ИЗ АВТОПРЕЗЕНТАЦИИ ТОМА 1

А. Алексеев - <...>

...А теперь поделюсь с Вами одним своим (творческим?) замыслом.

В течение 20 дней августа, я занимался рассылкой этого нового тома («Из неопубликованных глав...») примерно в 180 адресов – друзьям, коллегам, родственникам, людям весьма различающихся кругов занятий и интересов. Причем это не было «веерной» рассылкой, одновременными анонимными копиями. Нет, я каждому написал личное письмо, своего рода расширенную дарственную надпись.

(В каждом таком письме была индивидуализированная попытка объяснить адресату, а заодно - уяснить самому себе замысел и смысл предпринятого опыта. Интерпретации множились по мере возрастания числа адресатов).

Кто-то никак пока не откликнулся на мою отправку, кто-то подтвердил получение и выразил определенную заинтересованность, кто-то подошел к этому делу вроде Вас – с чрезвычайным и оперативным читательским вниманием.

Дальше – вот что. Я собрал все эти свои письма, расположив их не в хронологической последовательности, а *по алфавиту фамилий адресатов*, тем самым задал случайный параметр, независимый от содержания и даты написания письма. (Письма, написанные подряд, имеют бОльшие шансы в чем-то повторять друг друга).

Таким образом, возник некий калейдоскоп, поворачивая который не знаешь, какую конфигурацию получишь. Но тем самым читатель этого собрания обращений и интерпретаций вовлекается в некую импровизацию и алеаторику (игра случая).

Как это получилось, Вы можете посмотреть в прилагаемом файле. Эта работа еще не завершена. Во-первых, примерно 20 человекам я еще не успел послать свой том, из числа тех, кому собирался. Во-вторых, некоторые мне отвечали, далеко не односложно, чем давали повод ответить на их письма. Я эти (свои) ответы тоже прилагал, иногда цитируя в них письма корреспондентов.

В Вашем случае - цитировать недостаточно, а хочется привести письмо целиком, убрав лишь сугубо личные моменты. Прилагаю мою «редакцию», вполне допуская, что она заслуживает авторской корректировки. Буду признателен, если Вы сделаете это, а все остальное – полистаете, как некий контекст. <...> 11.09.2012.

[Рассылка осуществлялась в течение второй половины августа – первой половины сентября 2012 г. Всего было отправлено около 200 писем. Ниже – некоторые из личных писем, которыми сопровождалась отправка адресату объемного файла «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1». – А. А.]

О. Ансберг

<...> Мне думается, Вам может быть небезынтересен этот том – приложение к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», на которую Вам случалось ссылаться в своей («Общественные движения Ленинграда в годы перестройки»). (Кстати, упомянутая «Драматическая социология...» теперь доступна [в интернете](#)).

Смысл настоящего тома – автопортрет личности и эпохи, образованный текстами, порожденными в разные их (как личности, так и эпохи) периоды развития. Автопортрет не лицеприятный (для автора и эпохи), впрочем – см. комментарии (ремарки), по ходу действия.

А кое-что там имеет и не только исторический, но и общечеловеческий интерес.

Полистайте на досуге. Обратите внимание на главу 7, занимающую в этой книге особое место. <...> 30.08.2012.

Ю. Барбою

<...> Посылаю Тебе кое-что "о времени и о себе". Или, как я предпочитаю говорить, "о времени в себе" и о "себе во времени". Ну, главу 4⁴⁸⁷ Тебе сам Бог велел посмотреть. Остальные - избирательно, по настроению и по вкусу, и не к спеху. Обрати внимание на главу 7.

Один из моих корреспондентов (кстати, драматург и сценарист) приветил меня: "...даже внимательное чтение оглавления резко расширяет "пространство памяти". У меня, во всяком случае. Дело даже не в самой памяти - в любом случае, помнишь только то, что помнишь - а в том, что выплывает вдруг полузабытый понятийный словарь, поросшие травой цели и задачи целых поколений, интеллектуальные моды и т. д. Т. е. твой "репрезентативный подход" - самый правильный и ценный. Буду потихоньку читать...".

А Виталий (*Дмитриевский*. – А. А.) уважил меня, вспомнив эйзенштейновский "монтаж аттракционов".

Чего доброго, приласкаешь и Ты. А я уж соскучился по "театральной" критике, которую коллекционирую с не меньшим усердием. <...> 17.08.2012.

Б. Беленкину, Е. Струковой

<...> Посылаю моим дорогим историкам и библиофилам некое произведение в оригинальном жанре - репрезентативная выборка трудов автора «Драматической социологии...» (кстати, ее нынешний сетевой адрес: <...>), произросших еще до «эксперимента социолога-рабочего», а именно – в 50-700-е гг. Полистайте на досуге,

Пожалуй, особенно не соскучитесь над журналистикой 50-х. Так и вижу Бориса, произносящего на очередных биографических чтениях в Питере⁴⁸⁸ свой доклад-фельетон о создателе и певце первых бригад коммунистического труда и т. п. (А почему бы нет?).

Вам объяснять дальше, что там к чему – нет нужды. Мемуаристы, как известно, любят себя пересказывать, но не цитировать. Вот, пытаюсь поломать эту традицию. <...> 26.08.2012.

Ю. Беспаловой

<...> Как и Вы, я имею обыкновение делать социологию из собственного повседневного опыта. Вот, посылаю Вам что-то вроде продолжения "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" (кстати, этот 4-томник теперь вывешен в удобном формате [на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга](#)). Здесь - профессиональная авторетроспектива, даже еще с "досоциологических" (для автора) времен. Не без "покаяния" однако. <...> 14.08.2012.

Л. Борусяк

⁴⁸⁷ Глава 4: «Социология и театр».

⁴⁸⁸ Имеются в виду ежегодные Международные биографические чтения памяти В.В. Иофе.

<...> Вспоминая Ваших «Взрослых людей» на Полит.ру (увы, прекративших там свое существование), мне захотелось послать Вам, просто «для души» (не так даже Вашей, как собственной), этот случай историко-биографической ретроспекции, в виде репрезентативной выборки авторских текстов 30-летней давности и глубже. Полистайте на досуге – в развлекательных и / или познавательных целях.

Этот том - приложение к "Драматической социологии и социологической ауторефлексии", вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне прописана и [в интернете](#)).

Обратите внимание на главу 7. Она выполняет роль контрапункта относительно всех остальных глав. <...> 26.08.2012.

М. Буравому

<...> Сомневаюсь, что этот труд достоин Вашего пристального внимания, но сообщить о предпринятом опыте мне показалось уместным. Опыт состоит в создании композиции журналистских и социологических работ автора за 50 с лишним лет, отобранных не по признаку качества и / или значимости, а по критерию характерности, соответствия разным периодам жизни автора и исторического времени.

Эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты характеризуют личность и отчасти эпоху. И это – в динамике. Вот такое ауторефлексивное исследование.

Этот том является приложением к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», той самой, где рассказывается об «эксперименте социолога-рабочего» на одном из ленинградских заводов (1980-е гг.) и проч. Эта книга, кстати, теперь доступна [в интернете](#). <...> 14.09.2012.

И. Васильевой, А. Ленчовской, А. Марасовой, М. Оршанской, А. Соловей, М. Ядовой, М. Якубсону,

<...> Мне показалось осмысленным адресовать этот файл тем детям своих друзей, чьи электронные адреса мне известны. (Своим-то уже послал). Дети, дай Бог, переживут родителей. Глядишь, и дольше сохранится в их компьютерах.

Не подумайте, что я придаю чрезмерное значение этому «посланию в будущее». Но ведь нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

Эти тексты были написаны, в большинстве своем, в 50-70-е гг. прошлого века. И даже тогда где-то напечатаны, с помощью линотипа или ротапронта. Потом, в начале 2000-х, разысканы автором и набраны в ныне не менее архаичном «лексиконе». Потом, в 2010-х гг., конвертированы в ворд и windows и заново упорядочены.

Рукописи не горят – сказано, понятно, в переносном смысле. Вот и файлы не стираются, тоже в переносном смысле. Хоть и горят библиотеки, и сайты, как недавно мне объяснил один опытный интернетчик, дольше 10 лет не живут.

Так или иначе, будем сопротивляться ползучей энтропии.

...Этот том – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», ныне прописанной и [в интернете](#). Он слишком тяжеловесен, чтобы читать его подряд. Но достаточно перелистывания, чтобы почувствовать аромат времени сознательной жизни ваших родителей - времени «вегетарианского», в отличие от кровожадного, выпавшего на долю дедов.

История не повторяется, хотя отзвуками и отблесками тех и других времен, полна наша современная жизнь, а какой она станет пару десятилетий спустя - вы сами увидите.

И вот тогда может возникнуть потребность сравнить не только с нынешней, но и позапрошлой жизнью. Такому сравнению автор хотел бы способствовать.

Обратите внимание на главу 7. Она продлевает «цепь времен» уже в первую половину минувшего века. <...> 27.08.2012.

Ю. Вооглайду

Посылаю Тебе книгу, включающую в себя историю становления социолога Алексеева на фоне развития советской социологии в условиях «развитого социализма». Сделано это в виде композиции аутентичных, неотретушированных текстов, некоторые из которых могут если не быть Тебе знакомы, то пробудить ассоциации и / или воспоминания.

Этот том является приложением к 4-томнику «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», вышедшему лет 8 назад, а ныне - легко доступному [в интернете](#).

Есть и еще одна книга – относительно недавняя (2010), в соавторстве с моим киевским другом Романом Ленчевским, – «Профессия – социолог...»; тоже доступна в интернете: [Том 1](#); [Том 2](#); [Том 3](#); [Том 4](#). <...> 20.09.2012.

Е. Головахе

<...> На мой взгляд, одним из законных жанров «лично-ориентированной социологии» может быть исследование социальных институтов и процессов через порожденные в рамках этих институтов и в русле этих процессов «человеческие документы», каковыми выступают также продукты профессионального творчества личности, будь то сам автор исследования или кто иной. Вот такой «эксперимент над самим собой» предпринят Вашим корреспондентом в настоящем произведении, являющем собой приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Буду рад, если, не пытаясь это все читать, полистаете на досуге. <...> 31.08.2012.

Л. Графовой

<...> Посылаю Вам некий труд в оригинальном жанре. Он составлен из авторских текстов от 50-х гг. до наших дней, однако отобранных не по критериям достоинства, а в интересах адекватного представительства личности и Времени. Чего тут почти нет – это «эксперимента социолога-рабочего», но ему посвящена отдельная книга – «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», изданная в 2003-2005 гг. (ее современная интернетная прописка - [<...>](#)). А этот том – приложение к той книге.

Возраст (78 лет, однако!) зовет к ретроспекции и самокритике. «Суди себя сам» - название одного из представленных здесь текстов, выражающее одну из главных идей этого тома. <...> 20.08.2012.

А. Даниэлю

Посылаю Вам нечто вроде «исповеди шестидесятника», составленное из собственных текстов за 50 лет. Своего рода автобиография в документах, или, если угодно, представительная (именно так!) выборка из личного архива, хрономатематически организованная и скупом откомментированная автором. Не приглашаю Вас все это читать, но для понимания методологии достаточно перелистывания.

Когда мы обсуждали «Архив архивов», как-то не затронули один из критериев отбора собраний для нашего Свода: только ли те, в которых так или иначе зафиксированы факты репрессий? И вообще, где грань, отделяющая жертв советского террора от «не жертв»? В. Долгий-Рапопорт в видеointервью из цикла бесед Любове Борусяк на Полит.ру «Взрослые люди» точно заметил: «Те, кто не был репрессирован, души у тех

репрессировались». Такую травму получили едва ли не все наши современники, старшие и младшие. И редко кому удалось полностью от нее реабилитироваться.

Так что и данный архив достаточно благополучного советского гражданина, с этой точки зрения, претендует быть частью исторической памяти о «репрессированном сознании».

Обратите также внимание на главу 7: ««Загадка жизни» академика Ухтомского» и проч. <...> 22.08.2012.

В. Заворотному

<...> Мне захотелось послать Вам этот том, который Вам как социальному писателю и историку и человеку общественно отзывчивому, может быть интересен.

...Вот жил человек, 50 с лишним лет (это только при советской власти), писал некие тексты (журналистские, потом социологические), потом собрал их вместе, вроде даже ужаснулся, а еще потом - «остранился» от них настолько, что даже решил заново опубликовать, современникам для развлечения, а потомкам – в назидание (или наоборот).

Один из героев моей «Драматической социологии...» (она есть [в интернете](#)), дед моего друга, до 1917 г. – борец с царским самодержавием, а после – краевед (именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи) назвал свои революционные стихи начала прошлого века – «человеческими документами». Вот так и я. <...> 30.08.2012.

В. Залесскому

<...> Посылаю Вам свою новую книжку. Это – приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», которую не знаю, держали ли Вы в руках (она вышла в 2003-2005 гг.; сетевая прописка названной книги - [<...>](#)).

В этом же томе – что интересно: в отличие от физико-математических и т. п. наук, тружеником которых Вы являетесь, гуманитариям советских времен зачастую есть сегодня, чего «стесняться» в своем волей-неволей идеологизированном, а еще и подцензурном прошлом творчестве. Потому мемуаристы предпочитают себя пересказывать, а не цитировать.

Попробуй, отдели в журналистике 50-х или социологии 70-х зерна от плевел. А вот и не надо отделять. Полезно - как есть – выставлять на читательский суд. И – суди себя сам! В этом основная идея данного тома. <...> 23.08.2012.

В. и М. Ильиным

<...> Посылаю Вам кое-что вроде продолжения. "Драматической социологии...". С акцентуированным ауторефлексивным уклоном. (Материал диктует). Можно рассматривать это и как профессиональный самоотчет. Но существенна здесь репрезентативность, не правда ли? Изобретение жанров продолжается. Интересно было создавать из "отходов" (книги 2003-2005 гг.) целостность. <...> 15.08.2012.

Т. Косиновой

<...> Без умысла и намека, просто по-дружески, посылаю Вам свое «новейшее» произведение в стиле «ретро». Это – приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», изданной в 2003-2005 гг. (интернетная прописка - [<...>](#)). Скажем так: хрономатематически упорядоченный личный архив, где попадаетея и «чтово», выудить которое помогает опись (оглавление).

История «дурного шестидесятника» достаточно драматична – уже не событийно, а скорее ментально («приключения духа»). Станете перелистывать – обращайтесь внимание на ремарки (современные комментарии). <...>

Обратите внимание на главу 7 (триптих об «учителях жизни»). <...> 22.08.2012.

Р. Ленчовскому

<...> Я начал персональную рассылку, не спеша. <...> По крайней мере, оглавление (и, м.б., предисловие) в «теле» письма прочтет каждый.

Вообще – не читать друг друга стало нормой профессионального этоса. Я и сам себя ловлю на том, что мне достаточно знать КЕМ, КОГДА и ГДЕ написано, чтобы примерно «вычислить» содержание

... Действительно, с вордовским файлом серьезному читателю работать удобнее (и для выделений, и для копирования). Посылаю... Мои PDF и вордовская версия идентичны.

... Опосредованная пересылка публичной pdf версии не возбраняется и сегодня, если вдруг вздумаешь кого-то «осчастливить». <...> 12.08.2012.

Ю. Нестерову и В. Узуновой

<...> Посылаю Вам свое новое произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). При возможности, полистайте на досуге.

Здесь достаточно репрезентативно представлены авторские тексты, порожденные в рамках высоко идеологизированных социальных институтов советского времени. Едва ли не у любого «гуманитария» есть такое «досье на самого себя», да не любят его показывать. Я пробую нарушить эту традицию. <...> 27.08.2012.

В. Паниотто

<...> Хочу думать, что Ты не соскучишься при беглом просмотре этого тома, прикасаясь, то к журналистике 50-х, то к материалам опроса строителей БАМ, то к «марксистской теории массовой коммуникации». Это произведение ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. Вот, например, главу 7 стоит читать. А изыскания в области общественной активности советских рабочих сегодня имеют разве что сугубо историко-научковедческий интерес.

Так или иначе, сверх-идея этого произведения такова: эпоха формирует личность, личность порождает тексты, тексты репрезентируют личность, а заодно и эпоху. Отбор текстов намеренно нелицеприятен для автора. Зато реалистичен. <...> 31.08.2012.

К. Пигрову

<...> Посылаю Вам свое «новейшее» произведение - приложение к известной Вам «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (ныне она доступна также и [в интернете](#)).

Репрезентативное собрание не отретушированных авторских текстов, пусть даже публиковавшихся, за определенный исторический период - тоже своего рода «дневник», во всяком случае – автопортрет на фоне эпохи и самой этой эпохи фрактал. <...> 29.08.2012

А. Чернову

<...> Мне захотелось послать Тебе продолжение и / или приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Когда-то эти тексты не вместились в изданные 4 тома. Теперь оказалось, что, соответствующим образом упорядоченные, они презентуют автора, а автор... репрезентирует эпоху.

Еще в 90-х гг. я взял на вооружение твое словечко: «дурной шестидесятник». Теперь, если не поленишься долистать до части 3-й, Ты встретишь его (разумеется, со ссылкой на первоисточник).

ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕЛИСТЫВАТЬ. Думаю все же, что реально, а стало быть - предпочтительно последнее. <...> 18.08.2012.

А. Шароградской

<...> Посылаю Вам свое новое сочинение - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг. (ныне она прописана также и [в интернете](#)). Буду рад, если полистаете на досуге, не углубляясь в социологические подробности. Интерес тут может быть исторический (например, образцы журналистики 50-х гг.), и не только, Для меня значима сама идея репрезентативной выборки авторских текстов за 50 лет, в общем позволяющая наглядно представить и динамику личности, и самодвижение эпохи. Нелицеприятное, однако, для автора произведение.

Обратите внимание на главу 7. Она о наших великих старших современниках. <...> 29.08.2012.

В. Ядову

<...> Получив по электронной почте послание с приложением около 650 компьютерных страниц, естественно подумать: «Неужели отправитель рассчитывает, что я буду это все читать?». Нет, не рассчитывает.

Но подарить Тебе свое новое произведение автор считает для себя приятной обязанностью. Из оглавления и предисловия сам увидишь - что к чему. <...> 12.08.2012.

Ф. Якубсону

<...> Посылаю Тебе свое новое произведение. Это - приложение к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», вышедшей в 2003-2005 гг., ныне прописанной также и [в интернете](#). <...>

Некоторая публичная ауторетроспекция, причем не ради самоутверждения, а ради самопонимания (ну и понимания другими, в том числе и себя) всегда полезна. Как писал поэт Леонид Мартынов, «пусть другие здраво и рассудят, что когда писал ты и к чему». <...> 27.08.2012.

[Полный комплект 180 писем, отправленных потенциальным читателям книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1», а также извлечения из последующей переписки с этими и другими корреспондентами, - см. в томе 2 названной книги. – А. А.]

Конец тома 1